

ТРУДЫ

ТРЕТЬЯГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО СЪѢЗДА ВЪ РОССІИ,

БЫВШАГО ВЪ КІЕВѢ ВЪ АВГУСТѢ 1874 ГОДА.

Съ рисунками въ текстѣ и съ-отдѣльнымъ атласомъ, заключающимъ въ себѣ 25 таблицъ.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

КІЕВЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ИМПЕРАТОРСКАГО УНИВЕРСИТЕТА СВ. ВЛАДИМИРА

1878.

ТРУДЫ

1888. г.

ТРЕТЬЯГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО СЪѢЗДА ВЪ РОССІИ.

БЫВШАГО ВЪ КІЕВѢ ВЪ АВГУСТѢ 1874 ГОДА.

Съ рисунками въ текстѣ и съ отдѣльнымъ атласомъ, заключающимъ въ себѣ 25 таблицъ.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

КІЕВЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ ИМПЕРАТОРСКАГО УНИВЕРСИТЕТА СР. ВЛАДИМИРА.

1878.

Печатано по распоряженію Редакціоннаго Комитета по изданію трудовъ третьяго Археологическаго Съезда.
Предсѣдатель Редакціоннаго Комитета *В. Модестовъ*.

81
1950 2.

БИБЛИОТЕКА
ЛН И-та Краеведческой
и Музейной работы

B-289

О Г Л А В Л Е Н І Е

ВТОРОГО ТОМА.

	Стран.
Объясненіе Страбоновыхъ свидѣтельствъ о мѣстностяхъ Воспора Киммерійскаго. Реф. И. Е. Забѣлина	1—33.
Какіе могутъ быть сдѣланы выводы изъ названій населенныхъ мѣстностей? Реф. Л. А. Износкова	35—40.
Замѣтка о поученіяхъ Епископа Серапіона. Реф. Н. Я. Аристова	41—48.
Что значитъ Россовлахія въ греческихъ документахъ? Реф. В. И. Григоровича . .	49—50.
Гдѣ нужно искать ту рѣку, на берегахъ которой 1-го Мая 1185 г. былъ разбитъ Игорь Святославичъ Новгородсѣверскій и которая названа Каялой? Реф. П. Е. Ваденюка	51—58.
О происхожденіи названія Лядскихъ воротъ въ Кіевѣ. Реф. П. О. Юрченко	59—61.
Опытъ объясненія одного темнаго мѣста въ сказаніяхъ Геродота о древней Скиіи. Реф. П. О. Бурачкова	63—64.
Преданія и суевѣрныя сказанія о кладахъ, какъ данныя къ вопросу объ археологической топографіи Гадячскаго уѣзда (Полтавской губерніи). Реф. П. С. Иващенко .	65—68.
Болоховская земля и ея значеніе въ русской исторіи. Реф. Н. П. Дашкевича . . .	69—139.
Свѣдѣніе о Влахернской или Лахернской иконѣ. Реф. Н. Мурзакевича	131—135.
Нѣсколько словъ о лицевыхъ псалтиряхъ. Реф. графа М. Я. Толстаго	137—146.
Рукопись псалтиря XIV столѣтія. Реф. д-ра Скимборовича	147—150.
О новонайденныхъ серебряныхъ монетахъ съ именемъ Владиміра. Реф. Вл. Б. Антоновича	151—157.
Откуда привозился красный шиферъ, встрѣчаемый какъ въ древнихъ храмахъ, такъ и въ другихъ памятникахъ Кіева? Реф. Г. О. Оссовскаго	159—164.
О топографическомъ словарѣ всѣхъ славянскихъ земель. Реф. Мартина Коляра . .	165—171.
Янъ Ласицкій и его сочиненіе: <i>De diis Samogitarum</i> . Реф. А. Θ. Мѣркинскаго . . .	173—304.
О Константинѣ Ивановичѣ князѣ Острожскомъ. Реф. Л. М. Романовскаго	205—209.

Не было ли въ Москвѣ опытовъ книгопечатанія прежде перепечатнаго Апостола 1564 года? Реф. А. Е. Викторова	214—220.
О пересопнической рукописи. Реф. П. И. Житецкого	221—230.
Что вносить св. Кирианъ, митрополитъ Кіевскій и всея Россіи, а потомъ Московскій и всея Россіи, изъ своего народнаго нарѣчія и изъ переводовъ его времени въ наши богослужебныя книги? Реф. Архим. Амфилохія	231—251.
О нѣкоторыхъ отрывкахъ славянскаго письма, хранящихся въ Турской библіотекѣ. Реф. Луи Леже	253—255.
О составѣ библіотеки Петра Могилы. Реф. С. Т. Голубева	257—268.
О глаголической рукописи, хранящейся въ Кіевской духовной академіи. Реф. И. И. Срезневскаго	269—276.
О памятникахъ, прославившихъ Куликовскую битву. Реф. И. Н. Хруцова	277—283.
Великорусскія былины и малорусскія думы. Реф. О. О. Миллера	285—306.
Подложное письмо Половца Ивана Смеры къ Кіевскому князю Владиміру святому. Реф. И. И. Малышевскаго	307—316.
Отличительныя черты южно-русской народной орнаментики. Реф. О. К. Волкова	317—326.
О древней глаголической надписи на островѣ Велія (Veglia)—Къркъ, адриатическаго моря. Реф. В. В. Ягича	327—330.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Кіево-Кирилловская троицкая церковь. Сообщено священникомъ В. Гр. Антоновымъ	1—12.
Въ какихъ мѣстахъ Кіевской и смежныхъ съ нею губерній находимы были каменные орудія? Сообщ. Я. Е. Волошинскимъ	13—21.
Раскопки кургановъ и археологическіе находки въ Васильковскомъ уѣздѣ. Сообщ. Э. К. Витковскимъ	23—30.
Древняя Переяславская епархія. Сообщ. священникомъ А. Свирѣлинымъ	31—37.
Опытъ изслѣдованія номенклатуры селъ, селець, деревень и пустошей Переславскаго уѣзда (Владим. губерніи). Сообщ. священникомъ А. Свирѣлинымъ	39—42.
Текстъ Евангелія Луки изъ пересопнической рукописи. Сообщ. П. И. Житецкимъ	43—111.
Храмовой инвентарь, найденный въ Неми. Сообщ. И. В. Помяловскимъ	113—137.
Замѣтка о селѣ Выбутахъ (Лыбутахъ), родинѣ св. Великой княгини Ольги Россійской. Сообщ. барономъ Николаемъ Богусевскимъ	139—144.
По вопросу о регаліяхъ, приписываемыхъ Владиміру Мономаху. Сообщ. В. Д. Прозоровскимъ	145—159.
Какое значеніе имѣетъ гармонія Пѣтулова для пѣнія нашей православной церкви? Сообщ. протоіереемъ В. Д. Розумовскимъ	161—164.
О древней вислой свинцовой печати, съ надписью „отъ Ратибора“, найденной въ	

III

	Страниц.
1872 г. около г. Еникале, что въ Керченскомъ Градоначальствѣ. Сообщ. Е. Люценко	165—169.
Шептанья. Приложенія къ реферату: „Слѣды языческихъ вѣрованій въ южно-русскихъ шептаньяхъ“. Сообщ. П. С. Иванченко	171—183.
Списокъ съ подлинника древняго глаголическаго миссала Кіевской духовной академіи кирилловскими буквами. Сообщ. И. И. Срезневскимъ	185—197.
Замѣчанія о курганахъ Кіевской губерніи. Сообщ. Д. Е. Люценко	199—204.
Нѣсколько словъ о новѣйшихъ археологическихъ находкахъ въ Харьковской и Екатеринославской губерніяхъ. Сообщ. Н. Д. Борислякомъ	205—211.
Обзоръ славяно русскихъ памятниковъ письма, находящихся въ бібліотекахъ и архивахъ Львовскихъ. Сообщ. Е. І. Калужняцкимъ	214—321.
О золотыхъ воротахъ въ Кіевѣ. Сообщ. В. А. Толстымъ	323—325.
Указатель личныхъ именъ	327—341.
Указатель географическихъ названій	342—361.

ОБЪЯСНЕНИЕ СТРАБОНОВЫХЪ СВИДѢТЕЛЬСТВЪ о мѣстностяхъ Воспора Киммерійскаго ¹⁾.

Рефератъ И. Е. Забѣлина.

Страбоново описаніе морскаго пути по восточному берегу Азовскаго моря и вокруг Таманскаго полуострова, кн. XI, гл. V, §§ 4—14, при всей ясности и простотѣ его показаній, представляетъ однако немало затрудненій, особенно когда приходится повѣрять его съ нашими картами или съ тѣми свидѣтельствами и толкованіями, какія сдѣланы путешественниками, изучавшими самую мѣстность.

Наука по этому поводу накопила уже довольно соображеній, предположеній, догадокъ и даже непреложныхъ рѣшеній, болѣе или менѣе основательныхъ. Она посвятила этому вопросу даже особое специальное изслѣдованіе, каково сочиненіе г. Герца: „Археологическая топографія Таманскаго полуострова, М. 1870“. Но при всемъ томъ Страбоново сказаніе не только не сдѣлалось отъ того яснымъ, но еще больше спуталось и совсѣмъ превратилось въ ученыя потемки. Здѣсь, какъ и въ математическихъ вычисленіяхъ, одна неточность или ошибка неизбежно пораждала другую, третью и цѣлый рядъ невѣрныхъ толкованій, возникавшихъ естественнымъ путемъ только по поводу однажды утвержденной невѣрной посылки.

Первый камень, положенный въ основаніе невѣрныхъ объясненій Страбонова описанія, находится въ сочиненіи французскаго путешественника Дюбуа ²⁾, заключенія котораго безъ малѣйшей повѣрки приняты нашими учеными за непогрѣшимую истину.

Главная мысль Дюбуа заключается въ томъ, что Таманскій полуостровъ подвергся уже въ историческое время очень значительнымъ измѣненіямъ, такъ что Страбоновы по-

¹⁾ Прилагается карта, № 1.

²⁾ Dubois de Montpéreux, Voyage autour du Caucase, Paris, 1843, часть V, стрр. 1—103.

казанія уже не совпадаютъ съ теперешними очертаніями этой земли; что полуостровъ измѣнилъ свой видъ отъ многихъ причинъ, а именно отъ дѣйствія грязныхъ вулкановъ и отъ засоренія древнихъ устьевъ рѣки Кубани наносными песками и иломъ отъ ея потока. При Страбонѣ полуостровъ представлялъ будто бы цѣлую полинезію, нѣсколько острововъ, которые, отъ дѣйствія указанныхъ причинъ, срослись потомъ въ одно цѣлое. Дюбуа вообще вѣрилъ, что безъ помощи геологіи ни археологія, ни наука древней географіи здѣсь объяснить ничего не могутъ. Въ этомъ онъ ссылается на знаменитаго Риттера, который, раздѣляя тоже мнѣніе, просилъ путешественника заняться специально этой таинственной Киммерійской страной. Руководясь такими соображеніями, Дюбуа направилъ одно устье Кубани въ Таманскій заливъ, куда она будто бы впадала во времена Страбона, и доказывалъ это по преимуществу геологическими изысканіями, произведенными при общемъ обзорѣ мѣстности. Существующее и донинѣ Страбоновское устье, вмѣстѣ съ заливомъ (Кубанскимъ), въ который оно впадаетъ, онъ перенесъ въ заливъ Таманскій и далъ Таманскому заливу Страбоновское имя: Корокондамскій. Этотъ, въ полномъ смыслѣ книжный, ученый потокъ Кубани былъ принятъ въ наукѣ за неопровержимую истину, которая уже не требовала ни разбора, ни сомнѣній, не требовала даже и доказательствъ. Изыскатели старались только подтвердить эту истину и выяснить всѣ другія указанія Страбона сообразно съ этимъ несомнѣннымъ его свидѣтельствомъ, такъ какъ соображеніе Дюбуа стало приниматься уже за свидѣтельство самого Страбона. Г. Герцъ, какъ и другіе ученые, уже прямо выражается: „Таманскій заливъ, какъ намъ извѣстно по Страбону, назывался Корокондамскимъ лиманомъ... Самъ Страбонъ говоритъ, что Таманскій заливъ изливается въ 10 стадіяхъ отъ мѣстечка Корокондамы (Тамани) въ море... Страбонъ въ § 9 говоритъ, что Таманскій лиманъ получилъ свое имя отъ мѣстечка Корокондамы, близъ него лежавшаго.... Что Корокондамскій лиманъ или Таманскій заливъ, по словамъ Страбона, изливался въ Черное море, это не требуетъ дальнѣйшихъ объясненій“...¹⁾.

Казалось бы гдѣ и найти подробное критическое и обстоятельное объясненіе невнятныхъ словъ Страбона, какъ не въ сочиненіи, посвященномъ прямо археологической топографіи Таманскаго полуострова, именно въ трудѣ г. Герца. Этого должно было ожидать, имѣя въ виду особое заявленіе автора, что въ своемъ трудѣ онъ даетъ будущимъ изслѣдователямъ края по отношенію археологическихъ раскопокъ, *руководство*, а для утвержденія этого руководства на познаніяхъ древности—археологическую топографію.

¹⁾ Археологическая Топографія г. Герца, стр. 27, 28. См. также: Изслѣдованіе о Кубанской дельтѣ г. Данилевскаго, въ Записк. Географич. Общества по общей географіи, т. 2-й, СПб. 1869, стр. 60—65, 106, гдѣ авторъ, принимая соображенія Дюбуа за несомнѣнную истину, критически ихъ разсматриваетъ и приходитъ къ заключенію, что предполагаемое устье Кубани было залито изверженіями грязныхъ вулкановъ, при чемъ и самую почву нѣсколько приподняло.

Личное знакомство со страной и содѣйствіе многихъ лицъ, приславшихъ письменныя сообщенія, нерѣдко съ самаго мѣста изслѣдованій, служили ручательствомъ не только за полноту изслѣдованія, но и за всестороннюю его обстоятельность.

Къ сожалѣнію, уважаемый авторъ не совсѣмъ прямо понялъ свою задачу. Вмѣсто того, чтобы въ самомъ же началѣ своего труда собрать всѣ свидѣтельства древнихъ объ этой странѣ, допросить каждаго свидѣтеля, такъ сказать, на очной ставкѣ, что и какъ онъ говоритъ и говоритъ-ли истину, самъ-ли былъ очевидецъ или говоритъ съ чужихъ словъ, вѣрно-ли передаетъ чужія слова или по незнанію путаетъ, прибавляетъ свои соображенія и догадки; вмѣсто того, чтобы представить читателю вполнѣ самые тексты древнихъ свидѣтельствъ и по нимъ перевѣрить всѣ заключенія и показанія позднѣйшихъ или новѣйшихъ толкователей и выведенныя истины сообразить съ натурою мѣстности, — вмѣсто этихъ простыхъ, но всегда вѣрнѣйшихъ приемовъ археологическаго изслѣдованія, г. Герцъ пошелъ по иному пути и обратился прежде всего къ геологіи, и собственно къ дальнѣйшему развитію и утвержденію фантазій французскаго путешественника, сочиненіе котораго послужило для новаго изслѣдователя и образцомъ и основаніемъ.

По необходимости мы должны войти въ нѣкоторыя пререканія съ изслѣдованіемъ г. Герца, такъ какъ оно прямо касается нашего вопроса, разрѣшаетъ и объясняетъ этотъ вопросъ на основаніи мнѣній, скрѣпленныхъ уважаемыми авторитетами, и вообще представляетъ какъ бы послѣднее слово науки, вѣнецъ всѣхъ изысканій по этому предмету.

Геологія, при помощи сочиненія г. Данилевскаго: „Изслѣдованія о Кубанской дельтѣ“ и при сообщеніяхъ г. академика Абиha, раскрыла г. Герцу, что: 1) Таманскій полуостровъ есть собственно дельта Кубани, даже одна только часть, западная половина этой дельты (стр. 6, 7, 9, 10, 37). 2) Какъ дельта, Таманскій полуостровъ состоялъ прежде изъ многихъ острововъ, представлялъ архипелагъ, Кубанскую полинезію, и именно такую форму онъ имѣлъ во времена классической древности (стр. 31, 32, 35, 119). 3) Теперешній свой видъ полуостровъ получилъ отъ наносныхъ песковъ и ила съ Кубани, отъ постоянного засоренія различныхъ устьевъ этой рѣки, и отъ дѣйствія грязныхъ вулкановъ, которые своими изверженіями способствовали тоже засоренію этихъ устьевъ, что все происходило со временъ классической древности и вслѣдствіе чего „въ настоящее время Кубань совершенно измѣнила свои теченія“ (стр. 21).

Надо согласиться, что дельтою можетъ называться такое расположеніе суши въ устьяхъ большихъ рѣкъ, которое своею фигурою на самомъ дѣлѣ напоминаетъ фигуру греческой буквы Δ , давшей это топографическое названіе. При этомъ геологи очень справедливо замѣчаютъ, что дельты рѣкъ суть земли, завоеванныя у моря рѣчными наносами, что не одна Кубанская, но и всякая дельта вообще есть морской заливъ, постепенно наполняемый наносами (Изслѣдованіе о Кубанской дельтѣ, 71). Въ устьяхъ Кубани ничего подобнаго мы не находимъ. Здѣсь, напротивъ, отъ устьевъ выдвигается далеко въ море

большой полуостровъ самостоятельнаго геологическаго происхожденія, на которомъ въ общемъ характерѣ его геологической постройки не видится ни малѣйшихъ признаковъ, чтобы онъ былъ, такъ сказать, порожденъ рѣкою Кубанью, какъ напрасно утверждаетъ г. Данилевскій (стр. 71, 122), говоря, что „Кубанскій заливъ имѣлъ ту особенность, что былъ, такъ сказать, общимъ Азовскому и Черному морямъ, съ группою острововъ у мѣста соединенія обоихъ морей, впоследствии сросшихся, какъ отъ наносовъ Кубани, такъ и отъ дѣйствія грязныхъ вулкановъ въ одно цѣлое, составляющее нынѣшній Таманскій полуостровъ“. Напротивъ того, этотъ полуостровъ есть продолженіе тѣхъ же Кавказскихъ отгорій, горныхъ отроговъ, идущихъ дальше за проливъ на Крымскій полуостровъ. Рѣка Кубань въ своемъ теченіи только встрѣтилась съ нимъ и обогнула его толщу на право въ Азовское и на лѣво въ Черное море. Его суша, по увѣренію г. Данилевскаго (стр. 123), одинаковаго происхожденія со всѣмъ восточнымъ берегомъ Азовскаго моря отъ устья Дона до Кубани и самъ же г. Данилевскій свидѣтельствуетъ, что „конечно, въ цѣломъ этотъ полуостровъ не можетъ считаться обязаннымъ своимъ происхожденіемъ наносамъ Кубани, и потому причисляется къ Кубанской дельтѣ пока только по однимъ формальнымъ причинамъ, потому что лежитъ въ пространствѣ, ограниченномъ моремъ и разливами Кубани“ (стр. 13) ¹⁾.

Что Таманскій полуостровъ представлялъ нѣкогда группу острововъ, это вѣрно, ибо онъ весь состоитъ изъ разбросанныхъ невысокихъ горныхъ кражей, направляющихся по большей части отъ запада къ востоку и раздѣленныхъ обширными низинами, что все встрѣчается и въ восточномъ или Керченскомъ отдѣлѣ Крымскаго полуострова. Но когда море было такъ высоко, что полуостровъ представлялъ группу острововъ, архипелагъ,

¹⁾ „Когда я въ первый разъ посѣтилъ эту мѣстность въ маѣ 1864 г., пишетъ г. Данилевскій, стр. 123, я еще не успѣлъ прочесть V тома путешествія Дюбуа, тома, гдѣ этотъ превосходный путешественникъ описываетъ Таманскій полуостровъ; но при первомъ обзорѣ пришелъ къ заключенію, что это былъ архипелагъ острововъ, лежавшій предъ южною частью Кубанскаго залива, сплотившихся между собою посредствомъ наносовъ рукавовъ Кубани, изливавшихся между этими островами. По прочтеніи описанія Дюбуа и вторичномъ посѣщеніи полуострова, я нашелъ, что даже относительно границъ и числа этихъ острововъ, я могу только подтвердить то, что сказалъ объ нихъ Дюбуа. Я считалъ, правда, что для этого сплоченія достаточно было однихъ наносовъ Кубани, и что для этого нѣтъ надобности прибѣгать къ дѣйствію грязныхъ вулкановъ... Охотно беру эту мысль назадъ... Принятіе участія въ засореніи древняго Фанагорійскаго рукава Кубани грязныхъ вулкановъ даетъ намъ ключъ къ объясненію нѣкоторыхъ обстоятельствъ, безъ этого трудно объяснимыхъ. Мнѣ кажется только, что острова (главные), изъ которыхъ состоялъ Таманскій полуостровъ... въ общемъ своемъ составѣ обязаны своимъ происхожденіемъ не дѣйствію грязныхъ вулкановъ, какъ говоритъ Дюбуа, V, 22, а что они одинаковаго происхожденія со всѣмъ восточнымъ берегомъ Азовскаго моря, отъ устьевъ Дона до Кубанской дельты...“ Такъ еще не установились и колеблются даже и геологическія заключенія о Таманскомъ полуостровѣ.

тогда и нижнее теченіе Кубани по крайней мѣрѣ верстъ на 60 было покрыто также моремъ, и стало-быть устье рѣки находилось очень далеко отъ этого архипелага, представляющаго теперь ея дельту. Объ этой отдаленной эпохѣ намъ нечего и говорить. Безъ сомнѣнія, къ этой же допотопной или же около потопной эпохѣ относится и начальное образованіе грязныхъ сопокъ, по мѣстному названію „блевакъ“.

Недоразумѣнія науки заключаются въ настойчивомъ утвержденіи ученыхъ изыскателей, что природа Таманскаго полуострова измѣнилась уже въ историческое время, „въ вѣка, очень неотдаленные отъ нашего времени“. Г. Герцъ, на томъ основаніи, что „новѣйшая наука указала на постепенное возрастаніе въ историческія времена наносныхъ земель въ дельтахъ такихъ рѣкъ, каковы напр. Нилъ“, что вообще, чѣмъ больше засоряются устья большихъ рѣкъ, „тѣмъ болѣе города, въ нихъ лежащіе, основанные для торговыхъ сношеній, теряютъ свое первоначальное значеніе и наконецъ исчезаютъ изъ исторіи“, заключаетъ утвердительно, что „еслибъ азіатская столица Босфорскаго царства, Фанагорія, въ древности не погибла насильственно, то нынѣ она не имѣла бы никакого значенія вслѣдствіе физическихъ измѣненій, происшедшихъ въ мѣстности этой страны въ вѣка, послѣдовавшіе за ея паденіемъ и вѣроятно очень неотдаленные отъ нашего времени“ (стр. 7). Нельзя объяснить, почему-жъ бы все это было такъ. Городище Фанагоріи и доселѣ лежитъ на самомъ берегу Таманскаго залива, его топографическія условія нисколько не измѣнились, ибо подлѣ него даже и фантастическая Кубань никогда не протекала: фантастическое ея устье впадало въ заливъ по берегу верстахъ въ пяти, если не въ шести отъ городища и протекало отъ него по сушѣ верстахъ въ двухъ, если не въ трехъ; стало-быть городище питалось собственно морскимъ заливомъ, а не рѣкою. Г. Герцъ говоритъ (стр. 25), что „дѣйствіе грязныхъ вулкановъ, столь губительное для главнаго города азіатскаго Босфора, засорило и рѣчную его гавань“. Но слѣдуетъ еще доказать, что городъ Фанагорія былъ такъ обширенъ, что распространялся до предполагаемаго фантастическаго теченія Кубани. Судя по очевиднымъ признакамъ, онъ едва ли распространялся болѣе полуторы версты въ квадратѣ.

Какъ бы ни было, но г. Герцъ старательно доказываетъ, что Таманскій полуостровъ состоялъ уже въ историческое время изъ многихъ острововъ. „Академикъ Абихъ, говоритъ онъ, признаетъ вполнѣ форму многоостровія, которую именно во времена классической древности имѣли земли дельты Кубани. Это мнѣніе, подтверждаемое новѣйшими геологическими изслѣдованіями, окончательно устанавливается извѣстіями, сообщаемыми объ этой странѣ писателями классической древности. Всѣ они ясно говорятъ, что страна состояла изъ острововъ...“ (стр. 32). Но именно писатели классической древности говорятъ только объ одномъ островѣ, разумѣя, какъ и Страбонъ разумѣлъ, весь полуостровъ Таманскій, а другіе прямо говорятъ только о полуостровѣ. Самое большое число остро-

вовъ, только *два*, упоминаютъ писатели Византійской эпохи. Всѣ эти свидѣтельства приводитъ самъ авторъ на стр. 32—35.

Стефанъ Византійскій, быть можетъ слѣдуя Амміану Марцеллину, свидѣтельствуешь, что возлѣ Тавриды лежатъ два острова: Фанагорія и Эрмонасса. Такъ какъ эти имена принадлежали собственно городамъ, то еще не извѣстно, можно-ли въ точности принять это указаніе. Но г. Герцъ заставляетъ даже и самого Страбона доказывать эту весьма сомнительную истину. Страбонъ, указывая при устьѣ Кубани на Кавказскій берегъ, говоритъ, что тамъ въ Синдикѣ, въ странѣ Синдской, находятся города Эрмонасса и Апатуръ. Г. Герцъ толкуетъ (стр. 33): „Хотя Страбонъ не обозначаетъ географической формы Синдикии, но ясно, что онъ при этомъ имени подразумѣвалъ слово *островъ*, лежащій по правую руку для въѣзжающаго въ Корокондамскій лиманъ“. А такъ какъ „городъ Эрмонасса, по Страбону, лежалъ въ Синдикѣ, а Стефанъ Визант. говоритъ, что Эрмонасса былъ островъ, то ясно, заключаетъ г. Герцъ, что Синдика была островъ.¹⁾

Однако при всѣхъ стараніяхъ, вмѣсто многихъ острововъ, нашлось только два, „которые размѣрами были вѣроятно значительнѣе другихъ, присовокупляетъ г. Герцъ, почему о послѣднихъ (объ этихъ другихъ) древніе писатели вовсе не говорятъ“ (стр. 34).

„При такомъ обиліи свидѣтельствъ греческихъ писателей, болѣе основательно знавшихъ географію своихъ странъ, продолжаетъ авторъ, свидѣтельства римскихъ писателей могутъ имѣть только второстепенное значеніе“, именно по той причинѣ, прибавимъ мы, что они не только ничего не говорятъ о многоостровіи, но даже не называютъ и островомъ всей Таманской земли, хотя бы въ Страбоновскомъ смыслѣ. Плиній Старшій прямо говоритъ, что это полуостровъ. За это г. Герцъ отзывается о Плиніѣ, что онъ „почерпнулъ свое сочиненіе изъ сотней (sic) бѣгло имъ прочитанныхъ писателей“, что „характеръ компиляціи, который носитъ на себѣ трудъ Плинія, не позволяетъ ожидать большой точности въ Естественной Исторіи этого писателя“ (стр. 34). „На ряду со столь многочисленными свидѣтельствами греческихъ писателей, насъ не должны смущать слова Плинія“, отмѣчаетъ г. Герцъ, и наперекоръ яснымъ показаніямъ древнихъ, что полуостровъ былъ собственно полуостровъ, продолжаетъ настаивать, что острововъ въ немъ было много. „Затрудненіе заключается въ томъ, говоритъ онъ увѣренно, что при неопредѣленныхъ (будто бы?) показаніяхъ греческихъ писателей, мы не знаемъ точнаго числа острововъ, изъ которыхъ состояла Кубанская полинезія. Дюбуа, основываясь на своихъ изслѣдованіяхъ нынѣшней почвы Таманскаго полуострова, принимаетъ *пять* острововъ, которымъ

¹⁾ Для оцѣнки этого силлогизма, замѣчаетъ г. Куторга въ своемъ обзорѣ сочиненія г. Герца, составимъ ему равносильный. Одинъ географъ говоритъ, что Академія Наукъ находится на островѣ. Другой географъ говоритъ, что Академія Наукъ находится въ Петербургѣ. Итакъ, ясно, что *Петербургъ есть островъ*.

даетъ слѣдующія названія: 1) Киммерійскій, 2) Фанагорія, гдѣ станція Сѣнная, 3) Синдскій, гдѣ Тамань, 4) Тирамбе, гдѣ Темрюцкій отселокъ, и 5) Темрюцкій, гдѣ городъ Темрюкъ. Между этими островами, замѣчаетъ г. Герцъ, могли находиться другіе меньшихъ размѣровъ, какъ напр. островъ, на которомъ существовала турецкая крѣпость Адаесъ и которая, прибавимъ, была собственно каменная батарея въ 120 футовъ въ квадратъ, стоявшая на болотной низинѣ прежняго русла Кубани, вблизи г. Темрюка (стр. 119). Если сосчитать подобные острова, то Кубанская полинезія въ дѣйствительности будетъ очень огромна, ибо въ этомъ случаѣ каждое взгорье будетъ островомъ.

Пять острововъ Дюбуа есть фантазія, основанная на самомъ поверхностномъ обзорѣ мѣстности. Его Киммерійскій островъ самъ собою распадается на два острова, ибо по срединѣ между сѣвернымъ и южнымъ краемъ тамошнихъ горъ существуетъ глубокая низина, по уровню суши ровная со многими другими низинами полуострова. Посредствомъ такой же низины между станицами Титаревскою и Стеблеевскою Синдскій островъ тоже отдѣлится отъ себя еще островъ—Стеблеевскій. Вообще, чтобы опредѣлить число острововъ, необходимо прежде всего опредѣлить ту высоту морскаго уровня, при которой они должны были существовать. Чѣмъ выше былъ этотъ уровень, тѣмъ больше было острововъ, ибо полуостровъ состоитъ, какъ мы говорили, изъ горныхъ краевъ. Понижая или повышая морской уровень, мы получимъ столько острововъ, сколько захотимъ. Между тѣмъ извѣстно, что назначенная даже отъ правительства ученая коммиссія академиковъ, послѣ прилежныхъ изысканій, рѣшила, что „уровень Азовскаго моря въ теченіи 2000 лѣтъ не измѣнился“¹⁾. Слѣдовательно и суша Таманскаго полуострова точно также въ эти 2000 лѣтъ, въ общихъ своихъ чертахъ, не измѣнила своего уровня въ отношеніи къ морю.

Но геологическій взглядъ на археологическую топографію полуострова заставляетъ утверждать и доказывать, что его суша уже въ историческое время потерпѣла измѣненія отъ дѣйствія грязныхъ вулкановъ. Академикъ Абихъ (у г. Герца, стр. 32) свидѣтельствуетъ, что эти вулканы были „многообразно дѣятельны со временъ классической древности“. Г. Герцъ, то указываетъ на эту дѣятельность, говоря, что ею засыпана рѣчная гавань Фанагоріи, то замѣчаетъ (стр. 7), что „пластическія формы полуострова менѣе всего подверглись измѣненіямъ отъ грязныхъ вулкановъ, хотя новѣйшіе геологи (г. Абихъ) приписываютъ имъ огромное вліяніе“.

Геологи (Дюбуа, Абихъ) однако говорятъ, что напр. сопка Шумукай, у сѣвернаго угла Таманскаго залива, дѣйствовала лишь въ глубокой древности. Г. Герцъ прибавляетъ къ этому, что „когда Греки поселились въ странѣ, то они покрыли вершину и бока этого вулкана, тогда уже давно угасшаго, своими курганами. Итакъ, заключаетъ онъ, со временъ историческихъ форма этого вулкана нисколько не измѣнилась“ (стр. 38). Надо за-

¹⁾ Обмелѣніе Азовскаго моря, Морской сборникъ, 1861, № 5.

мѣтитъ, что ни на вершинѣ, ни на бокахъ Шумукая нѣтъ вовсе кургановъ, въ чемъ мы удостовѣрились лично и въ чемъ каждый можетъ удостовѣриться на мѣстѣ. Тѣмъ болѣе невмѣстимо выраженіе: *покрым*. Нѣсколько кургановъ находится только на небольшомъ песчаномъ отрогѣ горы Шумукая, идущемъ на западъ къ заливу и не представляющемъ никакихъ признаковъ, чтобы онъ образовался отъ грязей вулкана. Напротивъ того, другія такой же величины и болѣе значительныя сопки, напр. весь большой кряжъ, идущій по срединѣ полуострова, отъ запада на востокъ, почти отъ самой Тамани, если и не покрыты, то изрѣдка увѣнчаны довольно значительными курганами, можно сказать, самыми крупными на всемъ полуостровѣ. Стало быть въ историческое время они уже не дѣйствовали. Сопка Шумукай, не имѣющая вовсе кургановъ, можетъ указывать на свою относительную молодость въ сравненіи съ своими братьями, другими сопками. А если и она окончила свое дѣйствіе въ доисторическое время, то мы имѣемъ основаніе заключать, что въ историческое время дѣйствіе всѣхъ этихъ сопокъ такъ было незначительно, что на него не могли обратить никакого вниманія даже и любознательные Греки, не оставившіе объ этомъ никакихъ свидѣтельствъ. Ихъ молчаніе г. академикъ Абихъ объясняетъ тѣмъ, что вулканы на самомъ дѣлѣ были спокойны цѣлыя столѣтія, такъ какъ напр. и Везувій былъ спокоенъ цѣлыя 500 лѣтъ, отъ 1139 по 1651 г. Но въ такомъ случаѣ, какъ же съ этимъ примирить прежнее заключеніе г. академика, что здѣшніе вулканы со временъ классической древности столь многоразлично были дѣятельны (стр. 32)? Г. Герцъ примиряетъ это противорѣчіе такимъ образомъ: „Хотя эти псевдо-вулканическія явленія не могутъ имѣть значительнаго вліянія на формы земной поверхности (ссылка на Huot), тѣмъ не менѣе и они, вмѣстѣ съ другими явленіями, вызвали тѣ характеристическія физико-географическія различія, которые существуютъ между настоящимъ и прошлымъ всего Босфора Киммерійскаго (ссылка на письменное сообщеніе г. Абиха, стр. 39)“.

Въ чемъ же однако могло заключаться дѣйствіе Таманскихъ блевакъ, которыя могли засорить рукава и устья Кубани, совершенно измѣнить ея теченія и изъ многихъ острововъ образовать одинъ островъ или полуостровъ? Судя по тому, что происходитъ теперь, на нашихъ глазахъ, можно заключать, что дѣйствія этихъ сопокъ никогда не прекращались. Только не должно разумѣть этого обо всемъ количествѣ Таманскихъ блевакъ и не должно разумѣть ихъ огнедышущими горами. Однѣ изъ нихъ умолкли въ незапамятные вѣка, обгладили свою поверхность при помощи вѣтровъ и годовыхъ перемѣнъ; образовали на своихъ вершинахъ и по бокамъ сплошной растительный тукъ или дернъ. На нихъ-то Греки и другія здѣсь жившія народности спокойно и безопасно сооружали свои курганы, даже съ каменными постройками. Другія, какъ Шумукай, окончили свое дѣло позднѣе и оставляютъ до сихъ поръ слѣды своихъ давнишнихъ дѣйствій, очень замѣтные по изрытому, неустроенному виду ихъ боковъ, а отчасти и вершинъ, покрытыхъ, подобно солончакамъ, особою растительностію. Третьи продолжаютъ свое дѣло и

теперь, каковъ напр. Иловой Ключъ, господствующій надъ селеніемъ Ахтанизовкою и служащій восточнымъ отрогомъ Шумукая, какова блевака противъ городища Фанагоріи, вблизи станціи Сѣнной и т. п. Онѣ медленно и непримѣтно выпираютъ, выворачиваютъ изъ себя мало по малу иловую грязь, перемѣшанную съ мелкимъ камнемъ, какъ будто какіе пищеварительные остатки, отчего народъ очень мѣтко и очень вѣрно прозываетъ ихъ блеваками. Случались на нихъ и дѣйствительныя изверженія грязи, камней и даже огня, но очень рѣдко и притомъ безъ особенныхъ послѣдствій для окрестной мѣстности. Поэтому произведенныя гдѣ-либо измѣненія материка отъ такихъ изверженій ничтожны и вовсе не замѣтны, такъ какъ они ограничивались малыми мѣстностями, возлѣ самой горы. Вообще дѣйствіе блевакъ или грязныхъ вулкановъ на измѣненіе земныхъ формъ Таманскаго полуострова, въ общемъ характерѣ и въ частности относительно засоренія рѣчныхъ потоковъ, въ историческое время было или могло быть столь ничтожно, что о немъ не стоитъ и поминать, какъ не поминали объ этомъ и ученые Греки. Что было до потопа или вскорѣ послѣ потопа, о томъ археологіи разсуждать неумѣстно. Къ тому времени и относится многообразная дѣятельность блевакъ, придавшая полуострову тотъ видъ и тѣ формы, съ какими онъ вышелъ предъ лице исторіи.

Намъ кажется, что именно такой допотопный, геологическій взглядъ на природу Таманскаго полуострова и на его археологію послужилъ главнѣйшею причиною, почему Дюбуа, а за нимъ и другіе, не могли правильно разслышать очень ясныя и точныя указанія Страбона. Въ разсужденіяхъ Дюбуа геологія перепуталась съ археологіей. Руководясь чисто геологическими соображеніями, онъ однако дѣлаетъ изъ нихъ выводы не геологическіе, а прямо археологическіе, отчего въ дальнѣйшихъ заключеніяхъ и выводахъ, построенныхъ по его плану, сама собою явилась геолого-археологическая путаница, вѣрнѣйшимъ и полнѣйшимъ изобразителемъ которой представляется „Археологическая топографія“ г. Герца.

Но кромѣ песковъ и ила Кубани, кромѣ вулканическихъ иловыхъ изверженій, измѣнившихъ будто-бы физическую природу полуострова, г. Герцъ присоединяетъ еще къ условіямъ такого измѣненія: 1) „*нарастаніе* поверхности земли въ мѣстахъ, которыя были обитаемы и 2) *возвышеніе* уровня воды, выводимое изъ многихъ фактовъ“ (сравн. стр. 40, 43, 52). О нарастаніи земли авторъ отмѣчаетъ, что „это явленіе не требуетъ объясненія, ибо на жилыхъ мѣстахъ въ теченіи вѣковъ насыпи нарастаютъ“. Но въ какомъ смыслѣ такое нарастаніе можетъ измѣнить природу страны, если оно ограничивается только жилыми мѣстами, собственно городищами? Да и на самихъ городищахъ Таманскаго полуострова произведенныя раскопки доказали, что составъ ихъ насыпей не нарасталъ постепенно, а подвергался время отъ времени революціямъ, перемѣламъ съ мѣста на мѣсто съ различными цѣлями. Въ Фанагорійскомъ городищѣ жилымъ мусоромъ

была засыпана значительная часть береговаго пространства, дабы образовать на заливѣ сушу, необходимую для города по тѣснотѣ нижней береговой его площади. Какъ въ Фанагорійскомъ, такъ и въ Таманскомъ городищѣ жилой мусоръ лежитъ надъ материкомъ очень толстымъ слоемъ, въ иныхъ мѣстахъ сажени на двѣ, на три и даже на четыре. Но раскопки этого мусора показали, что онъ не нарасталъ добровольно, а былъ насыпаемъ, смотря по надобности. Въ Тамани изъ него насыпана надъ берегомъ высокая площадь для турецкой крѣпости. Въ Фанагоріи видно тоже, что мусоръ насыпался отчасти съ стратегическими цѣлями, а больше всего переваливался съ мѣста на мѣсто при поискахъ строительнаго матеріала, который выбранъ даже съ фундаментами съ самаго материка, въ чемъ мы съ 1864 г. не одинъ разъ убѣждались личными раскопками. Можно только одно сказать, что ни одного городища въ Таманскихъ мѣстахъ не осталось въ той цѣлости, въ какой оставила его древность, хотя бы опустошеннымъ и разореннымъ. Видимо, что каждый новый вѣкъ открывалъ въ этихъ городищахъ и новые поиски, по преимуществу за строительнымъ матеріаломъ. Извѣстно, что Суворовская крѣпость Фанагорія была выстроена изъ камней и мраморовъ Фанагоріи; мраморъ пережигали на известь. Нѣтъ сомнѣнія, что и прежнія турецкія крѣпости строились тоже изъ археологическаго строительнаго матеріала, какъ и всѣ батареи и редуты, какіе существовали здѣсь послѣ Грековъ, при Хазарахъ, Татарахъ, Туркахъ и при Русскихъ. Не говоримъ о казацкихъ поселеніяхъ, которыя отсюда же добывали камень для своихъ фундаментовъ. Какъ бы ни было, но нарастаніе земли отъ жилого мусора никакъ не можетъ идти въ счетъ при разсужденіяхъ объ измѣненіяхъ природы полуострова.

Возвышеніе уровня воды г. Герцъ доказываетъ тѣмъ, что Сѣверная и Южная косы Босфорскаго пролива когда-то были по своему горизонту выше, что у Сѣверной косы подъ водою видѣли колонны какого-то зданія, что Южная коса была прежде сплошною полосой, выше уровня воды, а теперь состоитъ изъ острововъ, что, по свидѣтельству старожиловъ, черезъ проливъ у Сѣверной косы Татары переходили на тотъ берегъ на верблюдахъ. Все это могло быть, но все это зависѣло не отъ возвышенія уровня воды, а отъ наслоненія песчаныхъ косъ, которыя, какъ извѣстно, повсюду на всѣхъ водахъ измѣняютъ даже свое положеніе. Затѣмъ уровень воды въ Босфорскомъ проливѣ измѣняется больше всего отъ морскаго теченія. Если бьвають вѣтры отъ Чернаго моря, противъ Азовскаго теченія, онъ значительно поднимается; если вѣтеръ идетъ съ Азовскаго моря по теченію пролива, уровень воды такъ же значительно понижается. Это явленія случайныя и, можно сказать, ежедневныя.

Однако г. Герцъ увѣренъ, что морской уровень вообще по всему морю поделенъ отъ временъ исторической древности (стр. 43). Доказательствомъ, по его мнѣнію, служатъ находящіеся на берегахъ курганы, которые нынѣ вполнину обрушились въ море. Онъ справедливо утверждаетъ, что курганы нѣкогда были расположены въ значительномъ

разстояніи отъ воды. „Явно, заключаетъ онъ, что при постоянно неизмѣнномъ уровнѣ воды, подобныя мѣста не могли бы имѣть мѣста“. Вопреки соображеніямъ г. Герца, существовало всеобщее убѣжденіе, что Азовское море сильно обмелѣло и постоянно убываетъ, слѣдовательно морской уровень понижается. Это убѣжденіе утверждалось на такихъ серьезныхъ практическихъ доказательствахъ, что правительство снаряжало даже особую экспедицію для изученія вопроса на мѣстѣ и особую ученую академическую комиссію для рѣшенія, было-ли море когда-либо глубже. Коммиссія, призвавъ свидѣтельства древнихъ, пришла къ заключенію, какъ мы упоминали, что „уровень Азовскаго моря въ теченіи 2000 лѣтъ не измѣнился“¹⁾.

Разрушеніе кургановъ на берегу моря или собственно разрушеніе береговъ происходило и нынѣ происходитъ не отъ возвышенія воды, а отъ постоянного прибоа волнъ къ извѣстнымъ мѣстностямъ. Это явленіе въ дѣйствительности заслуживаетъ особаго вниманія со стороны археолога, ибо если что и измѣнило археологическій обликъ полуострова, такъ именно эти разрушенія его береговъ.

Особенно сильному дѣйствию морскаго прибоа подвергся западный и южный берегъ той половины полуострова, на которой находится городокъ Тамань. Здѣсь отъ мыса Тузлы до мыса Панагін и далѣе отъ мыса Кишлы и до Бугоза весь берегъ осыпался въ море, быть можетъ на версту, если не на двѣ въ ширину. Оттого по всему пространству существовавшаго нѣкогда и теперь разрушеннаго берега разсыпаны подводные камни и Панагіей²⁾ называется большой камень, лежащій въ морѣ далеко отъ берега и выдающійся скалою на поверхности воды. Всѣ эти камни суть простыя скалистыя основанія прежде бывшей матерой земли, представлявшей въ древности возвышенный и широкій берегъ, на которомъ вѣроятно существовали и курганы и городища. Во время поѣздки на этотъ берегъ въ 1872 г. мы видѣли, какъ даже теперешняя сельская, пробитая недавними колеями, береговая дорога прекращалась на одномъ береговомъ обрывѣ, показывая, что ея продолженіе по берегу еще недавно снесено уже въ море. Точно такимъ же образомъ море отвоевываетъ сажень за саженью близлежація пахатныя земли и бантаны. Повсюду на берегу были видны трещины материка, какъ предварительныя отмѣтки, какая часть берега должна вскорѣ обрушиться въ воду.

¹⁾ Обмелѣніе Азовскаго моря, Морской сборникъ 1861 г., № 5. Членами ученой комиссіи были академики: Беръ, Э. Ленцъ, Г. Гельмерсенъ, Л. Стефани, К. Веселовскій и А. Куникъ.

²⁾ Мы слышали отъ Керченскаго жителя, бывшаго у насъ надсмотрщикомъ археологическихъ раскопокъ, Игната Павлова Опашняна, что въ молодости онъ однажды плылъ изъ Анапы съ старикомъ грекомъ, которому было лѣтъ девяносто и который, поровнявшись съ камнемъ Панагіей, благоговѣнно снялъ шапку и сталъ молиться. На вопросъ Опашняна зачѣмъ онъ молится камню, старикъ отвѣтилъ, что въ этомъ мѣстѣ на берегу стояла нѣкогда греческая церковь „Мать Панагія“. Она обрушилась въ море. Отъ Тамани эта мѣстность въ десяти верстахъ.

Итакъ, гряды подводныхъ камней, лежащихъ подлѣ всего этого побережья, суть признаки, по которымъ можно судить, какъ далеко въ море простирался нѣкогда береговой материкъ.

Точно также обваливается мало по малу въ море и берегъ у городка Тамани. По рассказамъ старожиловъ, лѣтъ 50 назадъ, этотъ берегъ простирался дальше въ море сажень на 50 и больше¹⁾. Тоже самое происходитъ въ восточномъ углу Таманскаго залива съ берегами Фанагорійскаго городища и дальше отъ него къ востоку съ цѣлою группою кургановъ, которые мало по малу совсѣмъ осынаются въ воду. Тоже происходитъ съ сѣверными берегами Таманскаго залива около Горѣлой горы. Тоже происходитъ и съ Азовскаго моря по Киммерійскому или сѣверному берегу полуострова.

Вообще, если въ физической природѣ Таманскаго полуострова произошли перемѣны со временъ историческаго древности, важныя и въ археологическомъ отношеніи, то главнымъ образомъ эти перемѣны были совершены завоеваніями моря почти по всѣмъ берегамъ полуострова. Г. Герцъ вовсе не замѣтилъ этого обстоятельства. Ссылаясь на Лоцію Чернаго моря г. Павловскаго (Николаевъ, 1867), онъ упоминаетъ не только о каменныхъ, но даже и о коралловыхъ рифахъ, находящихся при западномъ и южномъ побережьи Тамани, и придаетъ этому обстоятельству совсѣмъ иное толкованіе. Такъ какъ по этому побережью существуютъ еще признаки греческихъ поселеній, то авторъ удивляется, какимъ образомъ могли находиться здѣсь поселенія, когда плаваніе къ берегу было такъ затруднено и такъ опасно, и заключаетъ: „Поэтому помѣщать здѣсь Корокондаму, какъ это дѣлаетъ Клапротъ, преждевременно“ (стр. 58). Но именно при Грекахъ здѣсь, на мѣстѣ каменныхъ рифовъ, вѣроятно всего, существовала суша, а на ней если не Корокондама, то существовали другія какія либо поселенія, какъ по указаніямъ Страбона непременно приходится. Говоритъ же г. Дюбуа, что Корокондама=Тамань необходимо искать въ морѣ.

Мысль о большихъ будто бы измѣненіяхъ природныхъ формъ Таманскаго полуострова, происшедшихъ на памяти исторіи, такъ неуклонно проводимая г. Герцомъ и другими учеными, коренится главнымъ образомъ, какъ мы уже говорили, на мнѣніяхъ Дюбуа и на его утвержденіяхъ, что Кубань нѣкогда текла въ Таманскій заливъ вблизи городища Фанагоріи.

¹⁾ Г. Герцъ (стр. 52), толкуя это обстоятельство, замѣчаетъ, что оно служитъ „въ пользу высказаннаго имъ“ мнѣнія о возвышеніи морскаго уровня въ Таманскомъ заливѣ. „Волны, ударяя прямо объ утесъ, говоритъ онъ, разрушили постепенно древнюю почву и увезли ее съ собою, вмѣстѣ съ частью турецкой крѣпости. Поэтому Дюбуа остроумно замѣчаетъ, что древній городъ, лежавшій на этомъ мѣстѣ (будь это Корокондама или другой), нынѣ слѣдуетъ искать въ морѣ“.

Страбонъ говоритъ, что въ концѣ, именно въ концѣ, Воспорскаго пролива на азіатскомъ берегу находится селеніе Корокондама. Выше Корокондамы лежитъ обширное озеро (заливъ, лиманъ=все равно), которое такъ и зовутъ Корокондамскимъ. Озеро вливается въ море въ 10 стадіяхъ (около двухъ верстъ) отъ селенія. Въ озеро впадаетъ одинъ изъ рукавовъ Кубани (которая, какъ Страбонъ показалъ прежде, течетъ и на сѣверъ, въ Меотиду) и вмѣстѣ съ озеромъ, съ Меотидой (Азовскимъ моремъ) и съ рѣкою образуетъ островъ. Входящему въ Корокондамское озеро представляются города: Фанагорія и Кипы—налѣво, Эрмонасса и Апатуръ—направо, за Кубанью, въ Синдикѣ.

Если испытатель истины найдетъ Корокондаму въ нынѣшнемъ Бугозѣ (означающемъ потурецки устье), то безъ малѣйшаго затрудненія пойметъ, даже по картѣ, о чемъ собственно говоритъ Страбонъ. Однако Дюбуа толкуетъ совсѣмъ иное. „Объясненію этого мѣста Страбона, подавшаго поводъ къ безконечнымъ преніямъ между археологами, говоритъ г. Герцъ, много содѣйствовалъ Дюбуа. Опытному взгляду геолога наблюденіе надъ мѣстностью доказало, что Страбонъ говоритъ здѣсь о нынѣ исчезнувшемъ рукавѣ Кубани“. По изысканіямъ Дюбуа, Кубань черезъ теперешній рукавъ Переволочку вливалась при Страбонѣ въ Ахтанизовскій лиманъ, „протекала его на всемъ протяженіи и потомъ въ сѣверозападномъ (должно читать: югозападномъ) направленіи, по нынѣ высохшему руслу, миновавъ грязную сопку Блеваки (противъ городища Фанагоріи), Шиморданскою бухтою впадала въ Корокондамскій лиманъ, нынѣ Таманскій заливъ“ (стр. 22).

„До настоящаго времени, продолжаетъ г. Герцъ, сохранились еще слѣды этого рукава Кубани какъ въ небольшихъ водныхъ пространствахъ или озерахъ (нѣтъ ни одного), находящихся на вышеозначенномъ пространствѣ, такъ и въ профиляхъ мѣстности и ея геологическомъ характерѣ. Отъ сѣверозападной (должно читать: югозападной или вѣрнѣе: западной) оконечности Ахтанизовскаго лимана до Таманской бухты нынѣшняя поверхность земли представляетъ продолговатое углубленіе, низменность, которая характеризуется даже особою растительностію, свойственною однимъ русламъ рѣкъ (ссылка на Дюбуа). Почти половину всего этого пространства и именно южную (должно читать: восточную или сѣверовосточную) занимаетъ большое озеро, являющееся естественнымъ продолженіемъ Ахтанизовскаго лимана и соединяющееся съ нимъ узенькою рѣкою. Протяженіе этой низменности отъ Шиморданской бухты до лимана равняется шести верстамъ. . . . Дюбуа даже принимаетъ, что этотъ рукавъ былъ главнымъ рукавомъ Страбонова Антикитеса. . . . Вѣроятно основываясь на разсказахъ мѣстныхъ старожиловъ, онъ говоритъ, что не болѣе ста лѣтъ тому назадъ суда проѣзжали по этому пути“ (стр. 22—23).

„Мнѣніе Дюбуа, продолжаетъ г. Герцъ, было провѣрено на мѣстѣ г. Жилемъ, директоромъ Императорскаго Эрмитажа¹⁾. Осмотрѣвъ мѣстность отъ озера, лежащаго на

¹⁾ Г. Жиль составилъ даже, по указаніямъ Дюбуа, карту этихъ мѣстъ во времена Страбона, помѣщенную въ великолѣпномъ Эрмитажномъ изданіи: „Древности Босфора Киммерійскаго“.

сѣверозападъ (читай: на югозападъ или на западъ) отъ Ахтанизовскаго лимана, онъ удостовѣрился, что до самой Шморданской бухты здѣсь есть углубленіе. Съ высоты стени онъ увидѣлъ въ направленіи отъ озера къ бухтѣ плоскій поясъ съ темнымъ отѣнкомъ, отдѣлявшимся отъ зелени стени, и на немъ огромное множество кустовъ осоки... Этотъ плоскій поясъ очевидно былъ образованъ русломъ прежняго рукава Кубани⁴.

„Къ этимъ доказательствамъ по письменному сообщенію г. Тизенгаузена, прибавляется еще слѣдующее: „На всей вышеупомянутой полосѣ не встрѣчается *ни одного* кургана, тогда какъ по обѣ ея стороны, т. е. на обоихъ берегахъ древняго русла рѣки Антикитеса, курганы появляются во множествѣ. Ясно, что протекавшая здѣсь рѣка не позволяла насыпать на этомъ мѣстѣ курганы“.

„Мнѣніе Дюбуа, продолжаетъ г. Герцъ, раздѣляетъ и извѣстный нашъ геологъ, академикъ Абихъ. „По этой низменности, говоритъ онъ, во времена Страбона протекалъ рукавъ Антикитеса, котораго существованіе нынѣшній Киммерійскій полуостровъ превращало въ островъ. Дюбуа совершенно правъ, говоря объ эруптивныхъ дѣйствіяхъ, которыми онъ приписываетъ самое значительное вліяніе на измѣненіе прежде существовавшихъ гидрографическихъ отношеній во всей области, о которой идетъ рѣчь“ (стр. 24). Г. Данилевскій свидѣтельствуетъ: „Не далѣе, какъ во времена Страбона, главный рукавъ Кубани вливался въ Таманскій заливъ у города Фанагоріи, близъ теперешней Сѣнной станціи (вливался?). Онъ не только превосходилъ тотъ рукавъ, который вливался въ Черное море, но и теперешнюю Протоку, какъ можно заключить изъ придаваемого ей тогда названія—Малый Комбитесь“ (Исслѣд. стр. 106). Такъ точно повторяютъ одно и тоже и другіе изыскатели Таманской древности.

Поддерживаемая столькими авторитетами, которые на мѣстѣ изучали все это дѣло, мысль Дюбуа, по свидѣтельству г. Герца, готовилась и къ практическому осуществленію. Въ 1867 г. возникло намѣреніе сдѣлать Кубань удобною для пароходныхъ сообщеній. Чертили проекты, какъ и съ какимъ моремъ легче и выгоднѣе ее соединить. Изъ трехъ проектовъ „преимущество было отдано пути въ Таманскій заливъ, т. е. водному сообщенію, которое во времена Страбона представлялъ протекавшій здѣсь рукавъ Антикитеса“ (стр. 24). Проектъ однако не осуществился. Но къ тому же времени вѣроятно относится изслѣдованіе инженернаго офицера г. Бурмейстера. Онъ долженъ былъ удостовѣриться: вышеозначенная низменность дѣйствительно-ли представляетъ старинное русло рѣки? „Его развѣдки, впрочемъ не глубокія (не глубже 6 футовъ), замѣчаетъ г. Герцъ, не доказали справедливости высказаннаго такими учеными, какъ Дюбуа и Абихъ, предположенія: онъ не обнаружили въ Шморданской низменности ила, т. е. рѣчнаго русла. Но дно рѣки, отмѣчаетъ г. Герцъ, *покрытое въпковыми наносами вулканической тразы*, можетъ находиться глубже шести футовъ“. Затѣмъ г. Герцъ характеризуетъ развѣдки г. Бурмейстера слѣдующими словами: „Не говоря о запасѣ геологическихъ свѣдѣній и

обширности розысканій, необходимыхъ для рѣшенія этого вопроса, изслѣдователь, едва-ли знавшій о существованіи Страбоновой географіи въ то время, когда производилъ свои развѣдки на Таманскомъ полуостровѣ, отнесся къ этому вопросу, кажется, слишкомъ поверхностно⁴ (25).

Къ сожалѣнію, намъ не извѣстны подробности этихъ любопытныхъ и очень важныхъ развѣдокъ. Вѣрно г. Бурмейстеръ имѣлъ значительныя геологическія и очень научныя основанія высказаться противъ принятой истины. Къ тому же, для развѣдки ила вовсе не надобно обладать какимъ-либо особымъ запасомъ геологическихъ свѣдѣній и совѣтъ не надо знать Страбову географію, которая, какъ увидимъ, вполнѣ тоже противорѣчитъ ученымъ фантазіямъ.

„Отчего же произошло это засореніе древняго рукава Кубани? все-таки спрашиваетъ г. Герцъ. Дюбуа, а за нимъ Жиль объясняютъ, что близлежащіе вулканы — блеваки „засыпали грунтъ земли и русло древняго рукава Антикитеса“. Къ этому г. Герцъ присоединяетъ еще „нанесеніе песковъ самою рѣкою, окончательно засорившихъ ложе рѣки“. Между тѣмъ, г. Данилевскій въ томъ же своемъ изслѣдованіи о Кубанской дельтѣ (стр. 63, 64), свидѣтельствуетъ, что „загражденіе устья не произошло обыкновеннымъ путемъ засоренія,—его залило изверженіями грязныхъ вулкановъ, или самую почву нѣсколько приподняло“. Но въ томъ весь вопросъ, когда это случилось?

„Въ высшей степени замѣчательно, прибавляетъ г. Герцъ, что дѣйствіе грязныхъ вулкановъ, столь губительное для главнаго города азіатскаго Босфора, потому что оно засорило и рѣчную гавань его, принадлежитъ временамъ очень позднимъ: оно началось вѣроятно гораздо позже времени Страбона, можетъ быть тогда, когда древній городъ уже не существовалъ¹⁾. Это обстоятельство слѣдуетъ имѣть въ виду, замѣчаетъ авторъ, потому что оно принадлежитъ также къ вопросу о времени происхожденія грязныхъ вулкановъ Таманскаго полуострова...“ (стр. 25). Мы видѣли впереди, что губительное дѣйствіе блевакъ тѣже ученые относили къ глубокой или до-исторической древности.

Такими и подобными доказательствами мнѣнія Дюбуа утверждены въ наукѣ за настоящую истину. Говоря о Таманскомъ заливѣ, никто уже не сомнѣвается именовать его по Страбону Корокондамскимъ. О Тамани тоже не сомнѣваются, что она есть Страбонова Корокондама. Келеръ указываетъ, что въ имени Таманъ сохраняется послѣдній слогъ Корокон—*дамы, дамъ*. „По мнѣнію г. Бруна, русскіе превратили имя древней Корокондамы въ Тмутороканъ, принявшей у византійцевъ форму Таматарха, что и подало

¹⁾ По свидѣтельству Прокопія Кесарійскаго, Фанагорія и Кипы были взяты и срыты варварами въ его время, т. е. въ половинѣ VI вѣка. Съ 703 г. имя Фанагоріи не упоминается уже больше, какъ замѣчаетъ Риттеръ, у Кешлева: Древности сѣвернаго берега Понта, стр. 42.

поводъ арабскимъ географамъ назвать этотъ городъ Матерха, тогда какъ итальянскіе моряки наименовали его Матригою“ (стр. 28).

„Что Корокондамитскій лиманъ или Таманскій заливъ, по словамъ Страбона, изливался въ Черное море, это не требуетъ дальнѣйшихъ объясненій“, заключаетъ г. Герцъ.

Надо только изумляться, какъ предвзятая какая-либо истина покоряетъ себѣ ученые умы и совершенно запутываетъ самое простое и ясное дѣло.

Таманскій заливъ вливается, какъ всѣмъ видимо по картѣ, а еще виднѣе на самомъ мѣстѣ, не въ Черное море, а въ Воспорскій или Керченскій проливъ. Таманъ=Корокондама стоитъ не въ двухъ, какъ говоритъ Страбонъ, а по прямой линіи въ восьми верстахъ отъ угла его впаденія въ проливъ, не говоря о Южной косѣ, которой, очень вѣроятно, при Страбонѣ еще не существовало. Если даже объемъ Таманскаго залива уменьшить въ половину и принимать его бассейнъ только до двухъ небольшихъ косъ, выдающихся на его срединѣ отъ сѣвера и отъ юга, то и до этого предѣла отъ Тамани считается не двѣ, а цѣлыхъ четыре версты. Слѣдовательно въ мѣстоположеніи Корокондамы=Тамани является значительное разногласіе съ Страбономъ. Затѣмъ Страбонъ весьма точно и опредѣлительно говоритъ, что Корокондама находится въ концѣ Воспорскаго пролива: „Здѣсь конецъ такъ называемаго Воспорскаго пролива“, замѣчаетъ онъ, дойдя до Корокондамы. Могъ ли это говорить Страбонъ, имѣя въ виду Таманъ, которая находится по срединѣ пролива и въ добавокъ еще въ сторонѣ отъ прямого пути, который описываетъ географъ. „Прямо отъ Корокондамы, продолжаетъ Страбонъ (§ 14), идетъ плаваніе на востокъ“ и тотчасъ указываетъ Синдскую гавань, вблизи Анапы, а потомъ Баты (Новороссійскъ), слѣдовательно держать путь уже въ Черномъ морѣ у Кавказскаго берега. Какимъ образомъ отъ Тамани, плывя на востокъ, попадемъ къ Новороссійску.

И все это вопіющее несогласіе съ Страбономъ, всѣ эти обширныя геологическія изысканія и доказательства, что Таманскій полуостровъ совсѣмъ измѣнилъ свою фигуру, всѣ эти глубокомысленныя и остроумныя соображенія и догадки, какъ могли случиться земныя перемѣны на полуостровѣ, вращаются около одного мѣста, весьма поверхностно осмотрѣннаго, по которому непременно должна протекать Страбоновская Кубань.

Это мѣсто, такъ называемая на подробной столитовой картѣ и на картѣ Шуберта, *Сѣнная балка*. Оно въ сущности представляетъ характерную черту въ распредѣленіи суши на Таманскомъ полуостровѣ. Какъ мы говорили, полуостровъ основанъ изъ горныхъ, небольшихъ хребтовъ или кряжей, идущихъ по большей части въ направленіи отъ запада къ востоку. Между этими, болѣе или менѣе продольными высотами лежатъ таковыя же продольныя низины, доли и долины. Одну изъ такихъ продольныхъ низинъ занимаетъ Сѣнная балка, идущая отъ середины Таманскаго залива къ Ахтанизовскому лиману. По тому случаю, что съ обоихъ концовъ въ эту низину заливаютъ воды Таманскаго залива и Ахтанизовскаго лимана, въ ней помѣщаются фантастическое русло Кубани

и увѣряють, что низина отличается даже свойствомъ растительности, тощей, солончаковой, негодной для скота, съ почвою, весьма отличною отъ остальной степи. Дѣйствительно, не въ самой балкѣ, а на взгорьѣ у городища Фанаторіи и, главное, вокругъ горы блеваки находятся мѣста, изрытыя весенними потоками, даже обширныя сухія водоемныя съ солончаковою растительностью, обозначающія вообще почву близлежащей блеваки; но въ самой балкѣ, о которой идетъ рѣчь и которая простирается въ длину верстъ на 6 и въ ширину версты на двѣ и на три, ничего этого не видно. Напротивъ, вся ея мѣстность есть мѣстность широкой долины и ея растительность отличается всѣми качествами превосходной степной растительности, доставляющей обильные урожаи сѣна, отчего балка и получила названіе *стпной*. Въ ней по большей части теперь процвѣтаетъ хлѣбопашество.

Стоитъ только сравнить съ этой низиною дѣйствительно существовавшее при Страбонѣ русло Кубани у Пересыпной станціи или мѣстность теперешняго ея русла, текущаго въ Кубанскій лиманъ, чтобы понять, что въ Сѣнной балкѣ никогда такого русла не существовало. Здѣсь нѣтъ и признаковъ рѣчнаго потока, нѣтъ и малѣйшихъ примѣтъ, что существовали здѣсь какіе-либо, хотя бы очень низменные, берега, чего, не смотря на столѣтія и тысячелѣтія и на всѣ губительныя изверженія блевакъ, не могло не остаться въ какомъ-либо углу балки.

Балка, напротивъ, сходитъ съ высотъ въ свою глубину незамѣтными, очень мягкими пологостями, разстилающимися на цѣлыя версты. Высыхающая постепенно цѣлая столѣтія рѣка, наносящая пески и илъ, должна оставить почву въ неустроенномъ видѣ. Изверженія блевакъ должны оставить тоже, въ нѣкоторомъ смыслѣ, развалины почвы. И ничего этого въ Сѣнной балкѣ не видится. Очень замѣтно только, что допотопное море выровняло эту мѣстность какъ прекрасную степную долину. Увѣряють, что въ ея полосѣ не встрѣчается ни одного кургана. Мы никакъ не можемъ хорошо опредѣлить, что должно разумѣть подъ именемъ *полосы*, когда ширина глубины въ этой низинѣ простирается не на одну версту, и когда собственно никакой полосы здѣсь не примѣтно. Долина стелется широко во всѣ стороны къ горнымъ хребтамъ. Почти въ самой срединѣ всего пространства балки стоитъ весьма значительный курганъ, Орлова Могила, о которомъ г. Герцъ говоритъ, что неизвѣстно гдѣ онъ находится (стр. 65) и предполагаетъ его курганомъ длиннаго хребта, тянущагося отъ Карабетовой горы.

Къ юговостоку отъ этого кургана, вблизи Ахтанизовскаго лимана, также на самой низинѣ раскинуты еще три кургана, а у самой Шемарданской бухты, т. е. въ самомъ устьѣ Кубани, мы насчитали *двенадцать* кургановъ, стоящихъ, конечно, не на самомъ низменномъ мѣстѣ, заливаемомъ обыкновенно дождями, но и не на берегахъ полосы, которыхъ нигдѣ нельзя примѣтить. Сѣнная балка своимъ развѣтвленіемъ уходитъ какъ къ этой бухтѣ, такъ и къ Круглой горѣ (Васюринской), уходитъ дальше къ хребту Карабетовой горы и показываетъ вообще, что она образовалась не отъ потока Кубани, а въ

т. п.

одно время съ этими хребтами горъ и составляетъ собственно луговую ихъ часть. Такими междугорьями—долинами во всѣхъ направленіяхъ покрыто все пространство полуострова. Точно такая, во всемъ подобная Сѣнной балкѣ, низина находится на Киммерійской сторонѣ полуострова, между сѣвернымъ и южнымъ краемъ тамошнихъ высотъ. Потомъ точно такая же низина идетъ отъ сѣверовосточнаго угла Таманскаго залива къ засохшему руслу Кубани у станціи Пересыпной, вдоль горнаго края Шумукая. Эта мѣстность представляетъ какъ бы перешеекъ для Киммерійскаго полуострова. Страбонъ свидѣтельствуетъ (§ 5), что этотъ перешеекъ еще при Киммеріанахъ былъ огражденъ ровомъ и валомъ, слѣдовательно онъ зналъ о существующемъ здѣсь Киммерійскомъ вальѣ, на который указываетъ и Геродотъ. По справкѣ на мѣстѣ, этотъ валъ состоитъ изъ пяти полотень (на картѣ Шуберта показано четыре), раздѣленныхъ четырьмя проѣздами. Валъ насыпанъ широко, мѣстами неправильно. Первое полотно отъ бухты Таманскаго залива значительно ниже слѣдующихъ полотень, восходящихъ въ гору. Къ уровню воды оно сходится на нѣтъ; средняя его высота аршина въ $1\frac{1}{2}$. Точно также и послѣднее, пятое полотно насыпано очень широко, но не высоко и сходится къ концу въ степи тоже на нѣтъ. Самая большая высота среднихъ полотень, аршинъ въ пять, находится по срединѣ всего вала. Сѣверная внѣшняя сторона полотень пологая; южная, подлѣ которой идетъ теперь едва замѣтный ровъ или, вѣрнѣе, каналъ, ложе потока, насыпано круто. Съ сѣверной стороны мѣстами выдаются отроги или отвалы, въ которыхъ воображеніе можетъ находить основаніе башень. Но видимо, что эти отвалы насыпаны случайно и какъ попало. Такое устройство вала, особенно ненадобная ширина полотень, перваго и послѣдняго, обнаруживаетъ, что валъ былъ насыпанъ не съ цѣлью защиты отъ врага, а прямо съ цѣлью соединить Азовское море съ Таманскимъ заливомъ, и что работы, по неизвѣстному случаю, а вѣрнѣе всего по открывшейся невозможности устроить здѣсь соединительный каналъ, были прекращены именно на пятомъ полотнѣ.

Такимъ образомъ еще во времена до-Геродотовской древности была попытка воспользоваться одною изъ Таманскихъ низинъ для проведенія канала и соединенія здѣшнихъ водъ. А это показываетъ, что физическое устройство полуострова остается неизмѣннымъ съ незапамятной древности.

Между селеніями Стеблеевкою и Титаревкою или между лиманами Ахтанизовскимъ и Бугазскимъ протягивается тоже между взгорьями низина, превосходящая своими качествами даже и Сѣнную балку. Академикъ Абихъ (у Герца стр. 32) указываетъ, что и здѣсь нѣкогда было соединеніе водъ изъ обоихъ лимановъ. Однако и здѣсь нѣтъ никакихъ и малѣйшихъ примѣтъ, обозначающихъ русло потока, и вся мѣстность представляетъ только глубокую и широкую долину. Всѣ такія долины, конечно, вмѣстѣ съ горами существуютъ отъ временъ потопа, когда теперешній полуостровъ, въ качествѣ своихъ горныхъ краевъ, въ дѣйствительности представлялъ многоостровіе. Но тогда о рукавахъ

и устьяхъ Кубани не можетъ быть и рѣчи. Она впадала въ море очень далеко отъ Таманской полинезии. Всѣ геологи, начиная съ Дюбуа, совершенно справедливо говорятъ, что полуостровъ совсѣмъ измѣнилъ свое первобытное лице. Они только напрасно хотятъ доказать, что это произошло на исторической памяти. Дюбуа утверждаетъ даже, что въ этой странѣ не то было при Гомерѣ и Геродотѣ, что было при Страбонѣ, и не то было при Страбонѣ, что существуетъ теперь (V, 23). Однако болѣе осторожные изслѣдователи напротивъ того заключаютъ, что на исторической памяти никакихъ особыхъ измѣненій въ этой странѣ не произошло, что уровень Азовскаго моря съ глубокой древности остается тотъ же, каковъ и теперь. Если это вѣрно, то стало-быть и всѣ долины полуострова съ глубокой же древности и донинѣ остаются сухи, и протоковъ Кубани въ нихъ не существовало. О вулканахъ тѣже геологи утвердительно говорятъ, что „вообще вулканическая дѣятельность здѣсь очень незначительна, хотя вся эта страна нѣкогда по видимому поднялась изъ глубины моря. Но это должно было произойти, прибавляютъ они, въ до-историческое время, потому что все описаніе, какое оставилъ объ этой странѣ Страбонъ и которое очень точно, еще совершенно подходитъ къ нынѣшнимъ ея очертаніямъ, а равно къ ширинѣ пролива въ разныхъ его отдѣлахъ“.

Но такова сила какого-либо авторитетнаго ученаго положенія или тезиса. Тѣже уважаемые ученые свидѣтельствуютъ вотъ что: „Внутри острова Тамана произошли нѣкоторыя измѣненія, которыя можно съ точности указать, благодаря именно точности Страбонова описанія. Одинъ значительный рукавъ Кубани въ то время изливался въ Нижній Темрюкскій (Ахтанизовскій) лиманъ, а изъ него въ Таманскую бухту. *Здѣсь даже проходилъ торховый путь, описываемый Страбономъ.* Нынѣ лиманъ получаетъ изъ Кубани очень мало воды и соединеніе его съ Таманскимъ заливомъ совершенно прекратилось“¹⁾.

Но если уровень моря въ теченіи двухъ тысячелѣтій остается тотъ же, то хотя бы Кубань и не давала больше воды въ сказанный протокъ, зато Таманскій заливъ по прежнему долженъ бы наполнять этотъ протокъ отъ своей стороны, чего въ натурѣ даже и при самомъ сильномъ возвышеніи уровня отъ вѣтровъ никогда въ этомъ мѣстѣ не случается. Сверхъ того въ настоящее время Кубань снова наполняетъ Ахтанизовскій лиманъ своею водою и течетъ теперь очень быстрымъ потокомъ мимо города Темрюка, поворачивая въ Верхній Темрюцкій лиманъ. Теперь по этому пути ходятъ пароходы. И все таки, Кубань, наполняя Ахтанизовскій лиманъ, не течетъ къ Таманскому заливу по фантастическому руслу, по той несомнѣнной причинѣ, что здѣсь, по высотѣ мѣста, она и прежде не протекала.

Должно вообще замѣтить, что наклоненіе Кубанскихъ водъ больше всего идетъ къ

¹⁾ Обмелѣніе Азовскаго моря. СПб. 1861, стр. 39.

сѣверу. Это и понятно, ибо позади, съ юга, лежатъ горы Кавказа, а съ запада препятствуетъ этому наклоненію гористый же Таманскій полуостровъ. Поэтому прямое, т. е. западное теченіе Кубани въ Кубанскій лиманъ и при Страбонѣ и теперь не считается главнымъ, по крайней мѣрѣ на практикѣ. Общество Пароходства и Торговли, отыскивая пути для пароходныхъ сообщеній, должно было по необходимости признать Темрюкскій протокъ главнымъ русломъ, которое слѣдовало только немного разчистить и устроить по мѣстамъ его берега.

Въ древнемъ главномъ своемъ руслѣ у Пересыпи, а также въ прежнее время и у Темрюка, Кубань стала упадать съ того времени, когда въ ея верху отдѣлилась отъ нея къ сѣверу же „Протока“. Этотъ упадокъ, конечно, совершался медленно и непримѣтно въ теченіи вѣковъ. Тогда главное устье обмелѣло и было *пересыпано* или моремъ, или, вѣрнѣе всего, Турками и Татарами съ цѣлью обезопасить себя отъ Донскихъ козаковъ. Самое прозваніе *Пересыпи* указываетъ, что это совершилось на памяти послѣднихъ столѣтій.

Любопытно, что о происхожденіи Кубанской Протоки звалъ уже Страбонъ. Онъ говоритъ, что Воспорскій царь Фарнакъ провелъ Кубань посредствомъ какого-то стараго канала въ землю Дандаріевъ и такимъ образомъ затопилъ ихъ область (§ 11). Протока, начинаясь у Копыла и, идя дальше къ сѣверу подъ именемъ Быстряка и впадая въ море у Ачусева подъ именемъ Черной Протоки, дѣйствительно теперь затопляетъ пространство верстъ на 60, такъ что еслибъ заградить ея выходъ изъ Кубани, то Кубань бытъ можетъ потекла бы полною рѣкою не только къ Темрюку, въ Азовское, но и въ Черное море, а изъ болотъ, гнѣздилищъ лнхорадки, образовались бы земли, удобныя для хлѣбопашества.

Разсказъ Страбона о береговомъ пути отъ Дона по Азовскому морю и вокругъ Таманскаго полуострова есть какъ бы разсказъ самовидца, плывущаго вдоль побережій и указывающаго, гдѣ что находится и въ какомъ разстояніи лежитъ одно мѣсто отъ другаго. Онъ описываетъ только путь корабля, которому съ моря видны береговыя версты или береговыя урочища, весьма надобныя для моряка, чтобы знать, гдѣ онъ плыветъ. Его точка зрѣнія по преимуществу съ моря, а не по землѣ, что необходимо имѣть въ виду при объясненіи его показаній. Онъ останавливаетъ свое вниманіе на самыхъ характерныхъ топографическихъ примѣтахъ, такъ сказать на живыхъ урочищахъ, которыя показываются съ моря, и которыя на картахъ совсѣмъ исчезаютъ. Поэтому повѣрить его лучший способъ самому проплыть по тому же пути и осмотрѣть берега съ его же вниманіемъ. Самыя цифры его измѣреній, всегда круглыя, вполне обозначаютъ, что эти измѣренія указывались больше всего глазомѣромъ опытнаго моряка, чѣмъ какимъ-либо

другимъ способомъ. Очень естественно, что эти цифры невозможно положить съ математическою точностію на наши карты, которыя въ добавокъ всегда разногласятъ между собою и тѣмъ доказываютъ, что онѣ не совсѣмъ вѣрны. Притомъ измѣрять берегъ по глазомѣру съ моря и измѣрять его по сухому пути, хотя бы по картѣ — два способа, очень различные. Если оба способа будутъ соответственны въ общихъ чертахъ, въ общихъ основаніяхъ, то и этого весьма будетъ достаточно, чтобы принять Страбоновы мѣры безошибочными. Восточный берегъ Азовскаго моря отъ устья Дона до устья Кубани онъ дѣлитъ въ своемъ измѣреніи на три доли и упоминаетъ только объ этихъ двухъ рѣкахъ, о другихъ же не говоритъ ни слова.

Онъ пишетъ ¹⁾: „Идя береговымъ путемъ впередъ отъ Танаида встрѣчаешь (натыкаешься, именно натыкаешься) сначала, въ 800 стадіяхъ отъ него, на такъ называемый Большой Ромбитъ, гдѣ самый обильный уловъ рыбы для соленья. Дальше опять черезъ 800 стадій — Малый Ромбитъ и мысъ, гдѣ тоже есть рыбная ловля, хотя и поменьше“.

Неизвѣстно по какому случаю географы и ученые съ давнихъ временъ эти Ромбиты почитаютъ и именуютъ рѣками. По Страбону, который ничего не говоритъ что такое Ромбиты, видно однако, что это полуострова, имѣвшіе и до сихъ поръ сохраняющіе, особенно Большой Ромбитъ, форму или фигуру ромбоида или кособокаго четырехугольника, схожаго и съ формою рыбы камбалы. О Маломъ Ромбитѣ Страбонъ прямо и очень понятно говоритъ, что это не рѣка, а земля. „Малый же Ромбитъ, пишетъ географъ, населяютъ и обрабатываютъ сами Меоты“. Не рѣку же они воздѣлывали и обрабатывали! Потомъ слово: встрѣчаешь (натыкаешься), отнесенное къ Большому Ромбиту, также очень ясно свидѣтельствуетъ, что здѣсь говорится не о рѣкѣ, которую въ морскомъ плаваніи встрѣчать невозможно, а именно о поперечномъ берегѣ, который плаватель отъ Дона береговымъ путемъ непременно встрѣтитъ, какъ это видимо даже и по картѣ; на мѣстѣ же плаватель, держась прямого направленія, еще издалека увидитъ, что идетъ прямо въ берегъ полуострова Ромбита. Этотъ берегъ оканчивается Долгой косою, которая очень далеко уходитъ въ море и продолжается подъ водою мѣлями еще дальше, такъ что въ плаваніи эту косу съ ея мѣлями необходимо огибать и дѣлать такимъ образомъ противъ прямого пути крюкъ верстъ на 30, если не больше. Такъ плаваютъ теперь, но, судя по измѣренію Страбона, видимо, что такъ плавали и въ его время. Эта коса вмѣстѣ съ такою же косою, Бѣлосарайскою, на противоположномъ берегу моря, составляетъ въ нѣкоторомъ смыслѣ заборъ, какъ говорили Запорожцы, отдѣлявшую вершину моря, Донской его заливъ, отъ остальнаго морскаго пространства. Еще Геродотъ (IV, 100) имѣлъ очень

¹⁾ Пользуемся случаемъ, чтобы выразить искреннѣйшую благодарность профессору московскаго университета О. Я. Коршу, обязательно сообщившему намъ свой переводъ этой главы Страбоновой Географіи, по которому мы и приводимъ ея тексты.

ясное понятіе объ этомъ заливѣ, называя его „дальнѣйшимъ углубленіемъ“ моря, въ которое впадаетъ Танаидъ. Страбонъ упоминаетъ объ островахъ, находившихся при Большомъ Ромбитѣ. По всему вѣроятію, эти острова существовали на Долгой косѣ, что можно усмотрѣть на картѣ.

Теперь Страбоновы измѣренія. Отъ устьевъ Дона до Долгой косы, составляющей вершину Большаго Ромбита, по картамъ можно полагать около 130 верстъ. Если въ верстѣ считать шесть стадіевъ, то 800 стадіевъ составитъ $133\frac{1}{3}$ версты, что къ истинѣ подходитъ очень близко. Страбонъ однако опредѣленной точки не ставитъ и неизвѣстно, гдѣ онъ останавливается у Большаго Ромбита.

„Опять черезъ 800 стадіевъ, говоритъ онъ, находится Малый Ромбитъ и мысъ“. Это пространство достигается въ такомъ случаѣ, когда плаватель сдѣлаетъ по морю кругъ въ 30 или 40 верстъ, обогнувши мѣли Долгой косы, и остановится у вершины полуострова, между Бейсугскимъ и Ахторскимъ лиманами, который и есть Малый Ромбитъ. Вблизи этого мѣста есть и мысъ, Ясенскій, на южномъ углу Большаго Ромбита.

„Отъ Малаго Ромбита, продолжаетъ Страбонъ, шестьсотъ стадіевъ до Тирамба и рѣки Антикита“. Отъ указанной нами точки у Малаго Ромбита и до впаденія Кубани въ море у теперешней Пересыпи по картѣ находимъ 100 верстъ, что въ полной мѣрѣ равняется 600 стадіямъ.

Страбонъ опять не говоритъ, что такое Тирамбъ; онъ никакъ не обозначаетъ этого мѣста, ни городомъ, ни заливомъ, ни рѣкою. Позднѣйшіе географы и ученые стали почитать это имя городомъ. По всему вѣроятію словомъ Тирамбъ Страбонъ обозначаетъ Верхній Темрюцкій иначе Курчанскій лиманъ или заливъ ¹⁾, въ который теперь впадаетъ Кубань посредствомъ Темрюцкаго гирла, и за которымъ къ западу, какъ идетъ Страбонъ, сейчасъ слѣдуетъ главное устье Кубани у *Пересыпи* (станція), изъ Ахтанизовскаго или Нижняго Темрюцкаго лимана. Хотя теперь это устье совсѣмъ занесено, *пересыпано* пескомъ, и особенно со стороны моря, однако вся его мѣстность до очевидности показываетъ, что здѣсь существовало обширное устье рѣки. Остаются еще высокіе берега и потоки, имѣющіе тоже свои берега, не говоря о свойствахъ растительности. Вообще по всей мѣстности существуютъ всѣ признаки и, такъ сказать, развалины оставленнаго рѣчнаго устья. Отъ этого мѣста, дальше на западъ, въ 120 стадіяхъ, существовало селеніе Киммерійское, которое служило стоянкою для пловцовъ по Азовскому морю: отсюда они

¹⁾ Можно догадываться, что слово Тирамбъ образовалось изъ того же слова Ромбитъ, приставкою въ его началѣ окончнаго слога въ обратномъ произношеніи: ти-ромб-итъ, для обозначенія впадающаго ромбита въ противоположность ромбиту выходящему, въковы углаванные полуострова. Верхній Темрюцкій заливъ и теперь своимъ очертаніемъ походитъ отчасти на фигуру ромбоида.

отправлялись въ дальнѣйшій путь. Теперь здѣшніе берега неприступны; но мы уже говорили, какъ море отвоєвываєтъ и до сей поры всѣ побережья, стоящія на сильномъ прибоѣ волнѣ. При Страбонѣ здѣсь была пристань. По счету стадіевъ эта пристань должна находиться въ 20 верстахъ отъ Пересыпнаго устья Кубани, что падаетъ къ мысу Каменному и точнѣе въ мѣстность между мысомъ Каменнымъ и мысомъ Пеклы. Мѣстечко Киммерійское, по словамъ Страбона, стояло на мѣстѣ прежняго города. „Киммерійцы, говоритъ онъ, пользовались прежде великимъ могуществомъ на Воспорѣ; отъ нихъ и названіе Киммерійскаго Воспора. Ихъ выгнали изъ этихъ мѣстъ Скиѣи, а Скиѣовъ Элліны, которые основали Пантикапей (Керчь) и прочіе Воспорскіе города“.

„Отсюда, продолжаетъ Страбонъ, двадцать стадіевъ до Ахиллесовой деревни, гдѣ Ахиллесово святилище. Здѣсь самое узкое мѣсто устья Меотиды, стадіевъ въ двадцать или больше. На противоположномъ берегу лежитъ деревня Мирмекій, по близости (отъ нея) находятся Гераклея и Парѣеній“.

Имя Ахиллесовой деревни и святилища прямо указываетъ, что при Страбонѣ въ этомъ мѣстѣ существовала уже Сѣверная коса и что деревня находилась гдѣ-либо подлѣ этой косы. Греки обыкновенно длинныя косы въ водѣ посвящали, какъ бы ристалище, памяти Ахиллеса. Близъ устья Дибра известная Кинбурнская коса тоже прозывалась Ахиллесовымъ ристалищемъ. Такъ точно какъ и Парѣеніемъ они называли неприступную отвѣсную скалу, выражая понятіе о дѣвственности. Парѣеній—значить дѣвичій.

Если Ахиллесова деревня находилась на углу материка, откуда начинается песчаная Сѣверная коса, то счетъ стадіевъ до этого мѣста отъ Киммерійской деревни не оказывается точнымъ. 20 стадіевъ приблизительно равняются 4 верстамъ, а въ точности $3\frac{1}{2}$; между тѣмъ отъ Киммерійска до Ахиллесовой деревни по картѣ должно считать верстъ десять, разниа на маломъ разстояніи довольно значительная. Сколько-нибудь объяснить это показаніе можно не иначе, какъ допустивъ, что Страбонъ считаетъ 20 стадіевъ до Ахиллесовой деревни не въ точности отъ самаго Киммерійска, а отъ угла суши, находившагося между обѣими деревнями, съ котораго начинается входъ въ Воспорскій проливъ. Въ такомъ случаѣ мѣра сблизается въ точности. По морскому глазомеру такой счетъ даже былъ очень естественъ.

Посредствомъ именъ: Ахиллесова деревня и Парѣеній, Страбонъ даетъ весьма вѣрную характеристику обѣихъ береговъ начальной части Воспорскаго пролива, прибавляя за тѣмъ, что здѣсь самое узкое его мѣсто. Ясно, что онъ разумѣетъ не какой-либо точный пунктъ на материкѣ и на морѣ, а говоритъ вообще о верхнемъ бассейнѣ пролива, между Сѣвѣрною косою на востокъ и берегами теперешняго Еникаля и Маяка на западѣ.

„Отсюда (т. е. отъ этого узкаго мѣста), продолжаетъ географъ, до Сатерова памятника девяносто стадіевъ. Это курганъ, объясняетъ онъ, насыпанный на какомъ-то

мысу въ память одного изъ славнѣйшихъ владѣтелей Воспора. По близости деревни Патразвъ...»

Палласъ, а за нимъ Дюбуа полагали, что Сатировъ курганъ стоялъ на Горѣлой горѣ, на грязномъ вулканѣ Куку-Обо, у подошвы котораго Дюбуа нашелъ и городище Патразвъ. Какъ обыкновенно бываетъ, по уважительности авторитетовъ, это мнѣніе безъ всякой повѣрки пошло за истину и всѣ стали его повторять. При самомъ поверхностномъ соображеніи указанія Страбона съ мѣстностью, очень легко было усомниться въ этой истинѣ, ибо Страбонъ говоритъ о курганѣ, стоявшемъ на мысу, а не на горѣ, которая къ тому же находится верстахъ въ четырехъ отъ моря. Г. Лазаревскій, а за нимъ г. Ти-зенгаузенъ (у г. Герца стр. 108—109) отвергли фантазію Дюбуа и нашли мысъ для Сатирова кургана въ той же мѣстности, нѣсколько сѣвернѣе Горѣлой горы на скалистомъ обрывѣ, гдѣ и на самомъ дѣлѣ находилась старинная постройка, носившая названіе Каменной батареи. Но въ сущности, по морскому взгляду, мыса тутъ не существовало, а главное, это мѣсто слишкомъ расходится съ измѣреніемъ Страбона. Отъ узкаго мѣста пролива или хотя бы отъ Ахиллесовой деревни досюда едва можно насчитать восемь верстъ, а Страбонъ говоритъ о пятнадцати верстахъ. Притомъ это мѣсто находится за косою въ Таманскомъ заливѣ, слѣдовательно не на прямомъ пути, о которомъ собственно и говоритъ географъ. Если сказать, что при Страбонѣ Сѣверной косы не было, тогда значить не было и его „узкаго мѣста“ въ проливѣ, отъ котораго онъ идетъ въ своемъ измѣреніи.

Вообще требуется объяснить, долженъ-ли былъ Страбонъ въ своемъ плаваніи указывать на это или на другое подобное стороннее мѣсто. Онъ только-что вступилъ въ проливъ, только-что описалъ самое узкое его мѣсто, противъ котораго собственно и стоитъ Каменная батарея. Тогда онъ такъ бы и указалъ, что противъ узины пролива, на востокъ, въ сторонѣ, стоитъ курганъ Сатира. Но въ такомъ случаѣ это не было бы описаніе пути, а была бы побочная замѣтка для любопытства. Между тѣмъ у Страбона памятникъ Сатира есть какъ-бы верстовой столбъ, отъ котораго онъ идетъ дальше, къ другому верстовому столбу. Онъ въ слѣдъ за тѣмъ говоритъ, что „по близости (памятника) находится „деревня Патразвъ, „отъ которой до деревни Корокондамы 130 стадіевъ“, около 22-хъ „верстъ, и прибавляетъ: „здѣсь конецъ такъ называемаго Киммерійскаго Воспора“. Слѣдовательно онъ плыветъ прямо по проливу до его конца, не сворачивая по сторонамъ. При словѣ Киммерійскій онъ дѣлаетъ такое поясненіе: „Называется такъ узкій проливъ при устьѣ Меотиды, простирающійся отъ *тѣснаго прохода* противъ деревни Ахиллесовой и Мирмекія до самой Корокондамы и лежащей противъ нея деревеньки на Пантикапейской землѣ по прозванію акра (что значить мысъ), которая отдѣляется отъ противоположнаго берега проливомъ въ семдесятъ стадій..... По всему проливу есть хорошія гавани“. Выраженіе: „до самой Корокондамы“ показываетъ даже, что она находилась

гдѣ - то вдали за предѣлами обозрѣваемаго пространства и служила оконченою точкою пути по проливу.

Чтобы провѣрить слова Страбона, лучше всего, конечно, наблюдать этотъ путь съ моря, съ того мѣста, съ котораго его наблюдали Греки-мореходы, пересказавшіе свои наблюденія Страбону. Намъ удалось нѣсколько разъ вѣзжать въ проливъ отъ Азовскаго моря, но, по обстоятельствамъ времени и погоды, только два раза были благоприятны для подобныхъ наблюденій. Вступая въ проливъ, глазъ плователя видитъ по горизонту моря материкъ Таманскаго полуострова въ слѣдующемъ порядкѣ: прежде всего показывается берегъ той мѣстности, гдѣ находился Киммерійскъ и уголь Ахиллесова селенія, спускающійся на нѣтъ къ Сѣверной косѣ. Дальше, на второмъ планѣ, видѣется Горѣлая гора, сходящая своими пологостями въ видѣ конуса тоже на нѣтъ. Вдали за нею видны: хребетъ съ курганомъ Буеровой могилою, хребетъ съ курганами Близнацами, высокая Круглая гора, называемая Васюринскою, съ курганомъ же; хребетъ Карабетовой горы. Еще дальше видѣются три кургана, одинъ большой и два поменьше на высотахъ самой Тамани; потомъ утесъ Лысой горы за Таманью, за которымъ слѣдуетъ невысокій хребетъ съ курганами неправильной формы или собственно со скалами, протягивающійся прямо къ Южной косѣ и оканчивающійся у этой косы отвѣсно обрывомъ въ море. Все это видимо глазомъ въ одной перспективѣ на всемъ протяженіи пролива по горизонту воды. И при этомъ самый величавый и наиболѣе бросающійся въ глаза видъ представляетъ Круглая (Васюринская) гора съ высокимъ курганомъ. Сѣверная ея сторона кажется отсюда почти отвѣсною, въ родѣ мыса, и на верху отвѣса высится еще значительный курганъ. Скорѣе всего этотъ курганъ и можно принять за памятникъ Сатира. Но къ сожалѣнію гора стоитъ далеко внутри матерой степи и никакъ не могла служить верстою для Страбона.

Нѣтъ сомнѣнія, что такою верстою былъ для него Таманскій мысъ надъ Южною косою. Это послѣдній видимый предметъ на горизонтѣ воды, по крайней мѣрѣ, когда смотрѣть отъ „тѣснаго мѣста“ въ проливъ при входѣ изъ Азовскаго моря. Отсюда по Таманской сторонѣ—это конечный пунктъ берега. Дальше видно одно море.

За этимъ мысомъ Таманскій берегъ поворачиваетъ въ лѣво, нѣсколько къ востоку. Отъ берега на версту, а мѣстами на двѣ версты, подъ водою и въ иныхъ мѣстахъ высунувшись изъ воды, теперь лежатъ каменные гряды, препятствующія проходу кораблей и дающія очень вѣроятное основаніе заключать, что по всему этому пространству при Страбонѣ лежалъ еще береговой материкъ, выдававшійся въ море значительнымъ мысомъ, на которомъ и стоялъ въ то время курганъ Сатира. Прибоемъ волнъ съ Чернаго моря весь этотъ берегъ и самый мысъ съ Курганомъ мало по малу обрушились въ море и оставили на память о себѣ только подводные камни. И теперь на самомъ мысу стоитъ небольшой курганъ, готовый тоже черезъ нѣсколько лѣтъ обвалиться въ море. Нѣтъ

также сомнѣнія, что Южная коса, которой, какъ заключаютъ, при Страбонѣ не существовало, образовалась отъ размыва песковъ того же берега. Все это подтверждается и показаніемъ Страбона о ширинѣ пролива въ его концѣ. Онъ говоритъ, что деревенька Акра-Мысь, соотвѣтствующая теперешнему мысу Таклы, отстоитъ отъ противоположнаго берега на семьдесятъ стадіевъ, что равняется $11\frac{2}{3}$ верстамъ. Теперь это разстояніе, въ самомъ узкомъ мѣстѣ, отъ мыса Таклы до мыса Панагіи, равняется почти четырнадцати верстамъ.

Отъ самаго узкаго мѣста (въ вершинѣ пролива, противъ Еникале) до Сатирова мыса на Таманскомъ берегу, слѣдовательно по прямому протяженію пролива, Страбонъ считаетъ *девяносто* стадіевъ, что равняется пятнадцати верстамъ и въ точности опредѣляетъ истинную мѣру этого разстоянія. Мы видѣли, что по Азовскому морю Страбонъ довелъ свой счетъ до Ахиллесовой деревни, потомъ говорилъ о самомъ узкомъ мѣстѣ въ проливѣ и затѣмъ продолжалъ: „отсюда до Сатирова кургана“. Онъ, слѣдовательно, считаетъ теперь уже не отъ Ахиллесовой деревни, а отъ описаннаго имъ узкаго мѣста въ проливѣ, отъ котораго селеніе Ахиллесово осталось выше верстъ на десять. Этой мѣры Страбонъ не поминаетъ, потому что плыветъ не съ межевою цѣпью, а съ глазомѣромъ опытнаго, бывалаго моряка, указывающаго не столько точную мѣру, сколько главнѣйшія и важнѣйшія примѣты пути.

„По близости (отъ Сатирова кургана), говоритъ Страбонъ, находится селеніе Патраэвъ“. Теперь, конечно, трудно указать это селеніе на размытомъ, обвалившемся берегу. Его мѣстность вѣроятно занята моремъ, хотя по указаніямъ археологовъ, требующимъ, впрочемъ, основательныхъ изысканій, на оставшихся берегахъ есть признаки поселеній, быть можетъ уже позднѣйшаго времени.

„Отъ деревни Патраэвъ до деревни Корокондамы сто тридцать стадіевъ“ продолжаетъ географъ. Это равняется почти двадцати двумъ верстамъ и согласуется съ протяженіемъ берега отъ Сатирова мыса вплоть до Бугаза. По картѣ это разстояніе заключаетъ 25 верстъ. Но такъ какъ Страбонъ считаетъ не отъ самаго мыса, а отъ Патраэвъ, находившагося по близости, то болѣе точнаго обозначенія мѣры ожидать не возможно. Такимъ образомъ теперешній Бугазъ стоитъ на мѣстѣ древней Корокондамы. „Здѣсь, говоритъ Страбонъ, конецъ Киммерійскаго Воспора“.

„Выше Корокондамы лежитъ обширное озеро, которое по ней зовутъ Корокондамскимъ. Оно соединяется съ моремъ въ десяти стадіяхъ отъ деревни“. Все это точно также вполне согласно съ положеніемъ Бугаза и съ разстояніемъ, около двухъ верстъ, отъ Бугаза до небольшого пролива, посредствомъ котораго Кубанскій лиманъ соединяется съ моремъ.

„Прямо отъ Корокондамы, продолжаетъ Страбонъ (§ 14), идетъ плаваніе на востокъ. Въ 180 стадіяхъ лежитъ Сивдская гавань и городъ, дальше въ четырехъ стахъ стадіяхъ

такъ называемые Баты (Броды) деревни и гавань“. 180 стадіевъ до Синдской гавани равняется тридцати верстамъ. Это измѣреніе падаетъ по картѣ Шуберта на Джеметейское укрѣпленіе, стоящее по срединѣ между Джеметейскимъ или Благовѣщенскимъ полуостровомъ и Анапою, въ семи верстахъ отъ Витязевой станицы, находящейся внутри Кубанскаго залива, подлѣ которой, по рассказамъ, есть городище, а вверху на горѣ господствуетъ огромный курганъ, называемый Султанскимъ. Дальше на 400 стадіевъ или $66\frac{2}{3}$ верстъ находилась гавань и селеніе Баты, что приходится къ теперешнему Новороссійску и его заливу. Страбонъ сравниваетъ это мѣсто съ Синопомъ, говори, что „этому мѣсту на всемъ побережьи (Чернаго моря) всего болѣе соотвѣтствуетъ на юго-юго-западъ Синопа“, съ выдающимся въ море такимъ же полуостровомъ. Онъ, слѣдовательно, находитъ и тамъ и здѣсь одинаковыя характерныя черты и тѣмъ опредѣляетъ топографическія свойства мѣстности.

Такимъ образомъ Баты, какъ несомнѣнная мѣстность Новороссійска, можетъ для насъ представлять исходную точку для обратнаго плаванія. Отправляясь отсюда назадъ къ Корокондамъ, мы попадемъ, по измѣренію разстояній, опять къ Бугазу, а не къ Тамани. Съ своей стороны такую же исходною точкою для обратнаго плаванія можетъ служить Корокондама—Бугазъ, отправляясь отъ которой вверхъ, мы можемъ повѣрить всѣ Страбоновы измѣренія до самаго Дона.

Отъ Батъ Страбонъ идетъ дальше по Черному морю и огибаетъ его до его устья или Фракійскаго Воспора. Глядя по сторонамъ, онъ описываетъ, какіе тамъ живутъ народы, какіе у нихъ порядки и обычаи. Но главнымъ образомъ онъ описываетъ обычный давно проторенный мореходный путь Грековъ отъ далекаго Дона-Танаида. Онъ никуда не поворачиваетъ съ этого пути, идетъ прямо, какъ по столбовой дорогѣ. Поэтому ученые попытки отклонить его въ сторону тотчасъ производятъ замѣшательство въ его показаніяхъ и становятся причиною несправедливыхъ обвиненій этого строгаго географа въ неточности и въ ошибкахъ. По всему видно, что онъ описывалъ этотъ путь не по справкамъ и выпискамъ изъ множества книгъ, а по живымъ рассказамъ опытныхъ мореходовъ.

Къ чему же приводятъ насъ измѣренія Страбона, положенныя на теперешнія наши карты? Очевидно къ тому, что Таманская страна со временъ Страбона нисколько не измѣнила своего географическаго и топографическаго характера, за исключеніемъ устройства и очертанія береговъ и Сатирова мыса, который съ тѣхъ поръ давно отнесенъ въ море. Къ тому еще, что рѣка Кубань впадала главнымъ устьемъ въ Азовское море у Пересыпи и рукавомъ въ Кубанскій лиманъ, какъ течетъ въ этомъ мѣстѣ и теперь. Еслибъ она впадала въ Таманскій заливъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ указываютъ ей ученые, утверждая, что это былъ главный потокъ, что здѣсь проходилъ даже торговый путь, то Страбонъ непременно упомянулъ бы объ этомъ третьемъ и столь значительномъ ея впаденіи; а онъ говоритъ только о двухъ.

Отъ перваго устья Кубани въ Азовское море, вокругъ всего полуострова, до другаго ея потока черезъ Кубанскій лиманъ въ Черное море у Бугаза, Страбонъ своею мѣрою насчитываетъ 310 стадіевъ, 60 верстъ; по картѣ же выходитъ около 85 верстъ—разница въ 25 верстъ, которая произошла вслѣдствіе неопредѣленныхъ показаній: *по близости, отсюда*, какъ Страбонъ выражается, говоря, напр., объ узкомъ мѣстѣ пролива. Цифра 60 верстъ хотя и не совсѣмъ, но приходится къ предполагаемому устью Кубани у Шемарданской бухты Таманскаго залива, если обогнуть Киммерійскій полуостровъ съ его косою и потомъ пересѣчь Таманскій заливъ. Это обстоятельство могло бы служить большимъ подтвержденіемъ принятой истинѣ. Но къ сожалѣнію съ нею несогласны дѣйствительныя мѣры Страбона и его указаніе, что Корокондама стоитъ въ самомъ концѣ Киммерійскаго Воспора. Корокондама=Тамань, какъ мы говорили, не находится даже и въ проливѣ, а отъ его конца отстоитъ, по водяному пути, слишкомъ на двадцать верстъ, т. е. на половину протяженія всего пролива.

Фантазія Дюбуа, безъ повѣрки подтверждаемая и утверждаемая ученостію многихъ его послѣдователей, безъ повѣрки же была принята и г. Куторгою ¹⁾, который по своему знакомству съ классическою древностію одинъ только могъ вѣрно оцѣнить сочиненіе г. Герца, показавши, что это трудъ эпиноматорскій, совсѣмъ чуждый здравой критики и изученія древнихъ писателей и точно также совсѣмъ чуждый изученія самой мѣстности. По вѣрѣ въ авторитетное мнѣніе, и г. Куторга принялъ за непреложную истину, что Корокондамскій заливъ Страбона есть теперешній Таманскій заливъ и что въ него впадало устье Кубани. По этому только случаю, и именно при помощи строгой и правильной критики, сама собою возникла новая несообразность, которая, казалось, служила новымъ раскрытіемъ истины.

Руководясь изысканіями о томъ, какъ древніе Греки понимали въ опредѣленіи мѣстъ правую и лѣвую сторону, авторъ тотчасъ весьма основательно показалъ великую неточность въ прежнемъ толкованіи словъ Страбона при обозначеніи Таманскихъ мѣстъ. Страбонъ говоритъ: влившему (человѣку) на корабль въ Корокондамскій заливъ показываются: на лѣвой сторонѣ Фанагорія и Кипы, а на правой, за Кубанью, Эрмонасса и Апатуръ. Ясно, что вливая въ Таманскій заливъ должно искать двухъ первыхъ городовъ на лѣво, на сѣверномъ его берегу, а двухъ остальныхъ на право, на южномъ берегу, потому что путь по Таманскому заливу идетъ прямо отъ запада къ востоку. Ясно, стало-быть, что городище у станціи Сѣиной не должно принадлежать городу Фанагоріи, ибо оно находится, хотя и на лѣво, когда вливаешь въ устье самой Кубани, но зато на право, когда вливаешь въ заливъ. Страбонъ же говоритъ именно о плаваніи въ за-

¹⁾ О Таманскомъ полуостровѣ. М. Куторги. М. 1871 г. Русскій Вѣстникъ. 1870 года. Декабрь.

ливъ, а не въ устьѣ рѣки. Въ доказательство этой истины для бѣльшей наглядности г. Куторга приложилъ и карту этихъ мѣстъ. Сомнѣваться нѣтъ возможности. Доказывая, что при обозначеніи правой и лѣвой стороны Страбонъ очень точно разумѣлъ прямой путь отъ запада къ востоку, „какъ простирается Корокондамскій или Таманскій“ заливъ, авторъ прибавляетъ: „Это несомнѣнно вѣрно, и такое указаніе удовлетворяло, по греческимъ обычаямъ, всѣмъ требованіямъ; но Страбонъ имъ не довольствовался. Довода свое описаніе до безукоризненной ясности, онъ самъ прибавляетъ нѣсколько далѣе, что прямое плаваніе отъ Корокондамы шло на востокъ (кн. XI, гл. 11, § 14). Съ бѣльшею опредѣленностью не могъ бы выразиться и новѣйшій географъ“.

Но вотъ что невѣрно. Страбонъ послѣднее замѣчаніе, что прямое плаваніе отъ Корокондамы шло на востокъ, ставитъ тогда, когда отправляется въ путь отъ конца Воспорскаго пролива далѣе по Черному морю, подлѣ Кавказскаго берега, указывая за тѣмъ, по числу стадіевъ, Синдскую гавань и потомъ Баты. Къ плаванію въ Корокондамскій заливъ эта замѣтка вовсе не относится. Еслибъ мы поплыли по Таманскому заливу далѣе на востокъ, то пришли бы въ тупикъ или же въ фантастическое русло Кубани, гдѣ все-таки не встрѣтили бы Кавказскихъ береговъ Чернаго моря, о которыхъ въ этомъ плаваніи, отъ Корокондамы на востокъ, Страбонъ свидѣтельствуетъ съ несомнѣнною очевидностію.

Ошибочныя толкованія показаній Страбона происходятъ главнымъ образомъ отъ того, что ими пользуются не во всей ихъ совокупности, а отрывочно и притомъ нисколько не соображаютъ ихъ съ характеромъ и положеніемъ мѣстъ, хотя бы по картѣ.

Отплывая отъ Корокондамы, Страбонъ поканчиваетъ описаніе пути вокругъ Таманскаго полуострова. Онъ отмѣчаетъ, что полуостровъ посредствомъ Корокондамскаго озера или лимана и рукавовъ Кубани, впадающихъ, одинъ въ это озеро, другой въ Меотиду, образуетъ островъ, омываемый со всѣхъ сторонъ водою. Это замѣчаніе вполнѣ будетъ ясно, если мы вмѣстѣ съ Страбономъ остановимся у Бугаза въ Кубанскомъ заливѣ или озерѣ и будемъ смотрѣть къ теперешнему устью Кубани. Онъ говоритъ, что на упомянутомъ Таманскомъ островѣ, на лѣво отъ зрителя, существуютъ города Фанагорія и Кины, мѣста которыхъ поэтому можно отыскивать повсюду на всемъ полуостровѣ, вблизи и вдали, потому что о разстояніи ихъ отъ зрителя Страбонъ не говоритъ ни слова. Но если мы остановимся передъ фантастическимъ устьемъ Кубани, по срединѣ Таманскаго залива, у Корокондамы=Тамани, то у насъ въ лѣво будетъ хотя и островъ, но островъ, составляющій только половину всей Таманской земли, а вправо останется вторая ея половина, еще островъ, о которомъ у Страбона нѣтъ никакой замѣтки. Положимъ, что при немъ Кубань не текла въ Кубанскій лиманъ и этотъ лиманъ тоже не существовалъ или былъ отгороженъ отъ моря сушею. Тогда все-таки должно очень объяснить и доказать, вѣрно-ли или невѣрно говорить Страбонъ, что у Корокондамы=Тамани Воспорскій про-

ливъ оканчивается, ибо въ природѣ здѣсь видимъ только его середину, а не конецъ. Не говоримъ уже о дальнѣйшихъ показаніяхъ Страбона по Черному морю.

Сверхъ того, вливая въ Таманскій заливъ, какъ въ Страбонѣ Корокондамскій, мы встрѣчаемъ еще болѣе несообразность.

Очевидно, что предѣломъ Таманскаго залива должна служить Сѣверная коса и мысъ Таманскаго берега у Южной косы. Страбонъ, вливая сюда, находилъ на лѣво Фанагорію и Кипы, на право Эрмонассу и Апатуръ. Мы же, вливая въ этотъ заливъ, находимъ на право, проплывъ около 50 стадіевъ, какъ разъ Тамань=Корокондаму, т. е. то самое мѣсто, отъ котораго, по указанію Страбона, должны отправиться. Страбонъ, плывя по проливу и говоря о Таманской землѣ, обозначаетъ мѣста лѣваго берега, гдѣ у него помѣщается и Корокондама, а у насъ она является вдругъ на правомъ берегу.

Такимъ образомъ, вопреки г. Герцу, фантазія Дюбуа о здѣшнемъ устьѣ Кубани не только ничего не объясняетъ, но и совсѣмъ извращаетъ географію Страбона.

При всемъ томъ доказательства Дюбуа, что городъ Фанагорія находился на мѣстѣ теперешняго большого городища у станціи Сѣнной, очень справедливы, ибо и самый поверхностный взглядъ на эту мѣстность заставитъ непременно сдѣлать такое заключеніе. Множество кургановъ, здѣсь находящихся, указываетъ и на богатство и на большое населеніе этого мѣста, по количеству кургановъ единственнаго на всемъ полуостровѣ. По Страбону, Фанагорія была столицею азіатскихъ Воспорцевъ и главнымъ рынкомъ для товаровъ, доставляемыхъ съ Меотиды и отъ лежащихъ выше варварскихъ земель.

Названіе другаго города *Кипы*, значитъ *сады*. Если по множеству и по богатству кургановъ и по оставшемуся значительному городищу можно съ большою достовѣрностію опредѣлить мѣстоположеніе древней Фанагоріи, то по имени *сады* съ такою же достовѣрностію можно полагать, что на мѣстѣ Кипъ стоитъ теперешняя Тамань, славившаяся своими садами при владычествѣ Турокъ. Остатки этихъ садовъ замѣтны еще были передъ Крымскою войною. Теперь все пусто и песокъ заноситъ даже самую церковь. Пав. Сумароковъ, видѣвшій Тамань раньше 1805 г., упоминаетъ, что за ея поселеніемъ „три четвероугольные окопа по верстѣ въ каждомъ бокѣ заключали въ себѣ плодовые сады, которые чрезъ долгое время посклались, а въ послѣднія зимы, за недостаткомъ дровъ, совсѣмъ истреблены“¹⁾. Внутри поселенія существовалъ также обширный прудъ-озерко, который, какъ разсказываютъ, былъ выложенъ мраморными плитами²⁾, что напоминаетъ уже Грековъ. Нѣтъ сомнѣнія, что Таманское садоводство переходило по наслѣдству отъ народа къ народу, пока не досталось нашимъ Запорожцамъ.

Намъ остается сказать еще нѣсколько словъ о Страбоновой Синдикѣ.

¹⁾ Досуги Крымскаго судьи, С.Пб. 1805. Ч. II, стр. 128.

²⁾ Сѣверный Архивъ 1828 г. Ч. XXXV, стр. 280.

Страна Синдовъ или Синтовъ, извѣстная еще Геродоту, по свидѣтельству Страбона, находилась на право отъ входа въ Корокондамское озеро за Кубанью, слѣдовательно на лѣвомъ берегу Кубани, у Кавказскаго предгорья. Геродотъ этимъ именемъ, по видимому, обозначаетъ все побережье Таманскаго полуострова, говоря, что Скины зимою въ повозкахъ, по льду, ѣздили черезъ Воспоръ къ Синдамъ (IV, 28), что между Синдикою и Оермодонтомъ (Терме, на южномъ берегу Чернаго моря, неподалеку отъ Самсуна) Черное море представляетъ самую большую широту (IV, 86). Вообще Геродотъ на азіатскомъ берегу знаетъ только Синдику и не знаетъ Фанагоріи. Это показываетъ, что страна Синдовъ въ то время играла въ тѣхъ мѣстахъ первенствующую, господствующую роль. Замѣчательно, что Геродотовское имя Синдовъ или Синтовъ сохраняется до сихъ поръ въ имени главнаго горнаго хребта, господствующаго надъ этою страной. Хребетъ направляется отъ Кубани, отъ сѣвера къ югу, позади Анапы, отъ горы Абрау вблизи Гастагаевской станицы и оканчивается горою Шобалезъ вблизи станицы Раевской. Онъ называется *Сенехтъ*.

Съ сѣвернаго склона къ Кубани течетъ отъ него въ Кубань рѣка Абрау, въ нижней части называемая Чукубъ. Параллельно съ нею съ западной стороны отсюда же течетъ р. Шоконъ¹⁾ и впадаетъ въ озеро или лиманъ Разноколь, который наливается изъ Кубани посредствомъ многихъ ериковъ.

Отъ этого самаго мѣста черезъ протокъ Кубани, Переволоку²⁾, Кубань впадаетъ въ Ахтанизовскій лиманъ, по которому вливалась при Страбонѣ въ Азовское море у Пересыпи, а теперь течетъ въ море же мимо Темрюка, заворачивая въ Верхній Темрючскій лиманъ. Другое теченіе Кубани отсюда же направляется въ Кубанскій лиманъ. Такимъ образомъ озеро Разноколь лежитъ въ срединѣ распадающагося Кубани на два потока, въ Азовское и въ Черное Море. Мѣсто, по своему положенію, очень важное во всѣхъ отношеніяхъ. Отсюда можно было господствовать на обоихъ моряхъ. Очень естественно, что быть можетъ съ незапамятныхъ временъ здѣсь обитали вѣстители этихъ странъ.

На Кавказскомъ берегу озера Разнокола при устьѣ р. Шокона, говорятъ, есть городище, а выше на небольшомъ горномъ кряжѣ существуетъ весьма замѣчательная группа огромныхъ кургановъ, числомъ семь, которые такъ и называются *Семь Братовъ*. Шесть изъ нихъ стоятъ въ одну линію по направленію отъ запада къ востоку. Седьмой братъ,

¹⁾ Карты: Подробная и Шуберта, а за ними и всѣ другія, показываютъ теченіе здѣшнихъ рѣкъ невѣрно. При составленіи прилагаемой здѣсь карты мы пользовались картою Кавказскаго края 1847 года.

²⁾ Переволока названа отъ того, что въ прежнее время по этому высохшему руслу Кубани рыбалки (рыболовы) переволакивали свои лодки - дубы изъ Ахтанизовскаго лимана въ Кубань и въ озеро Разноколь, въ которомъ ловилось множество рыбы. Особенно славилась здѣшняя коропа.

самый огромный, около 150 сажень въ окружности и сажень 30 по откосу, стоитъ одиноко, къ югу отъ линіи другихъ Братевъ, противъ перваго съ запада, на особой горѣ, отдѣленной съ сѣверной и южной стороны балками¹⁾. Противъ этого мѣста на западъ же не далѣе версты, внизу на лугахъ р. Шоконъ есть еще два кургана, тоже не малой величины. Отсюда же на югъ видѣются двѣ отдѣльно стоящія горы, одна къ востоку, Гошауге, другая на западъ, Чажунды, на высотѣ которыхъ также видны группы весьма значительныхъ кургановъ. По сторонамъ Семи Братовъ раскидывается прекраснѣйшая мѣстность съ широкими и величественными удолями. Вдали съ сѣверозапада видны Темрюкъ верстахъ въ 20 и Титаревка верстахъ въ 25.

Ясно, что въ древности здѣсь было славное мѣсто и славный городъ. Этотъ городъ, скрытый внутри страны, свободно владѣлъ путями съ права и съ лѣва, въ Азовское и въ Черное море. Но какъ прозывался этотъ городъ? Страбонъ, смотря на эту мѣстность, прежде всего упоминаетъ Эрмонассу, потомъ Апатуръ, говоря о послѣднемъ, какъ о святилищѣ Афродиты. Эти два города находились, вѣроятно, гдѣ-либо по близости отъ входящаго въ Кубанскій лиманъ, такъ какъ Страбонъ ихъ указываетъ прежде, чѣмъ другіе Синдскіе города. Если поздніе географы упоминаютъ, что Эрмонасса находилась на островѣ, то можно предположить, что она существовала на теперешнемъ полуостровѣ, называемомъ по станицѣ Благовѣщенскій Степокъ, а по горѣ Джеметей, который лежитъ прямо противъ устья Кубани и не составляетъ однако ея дельты, т. е. ея наносовъ, а принадлежитъ къ самобытнымъ землямъ, образовавшимся одинаково съ Таманскимъ полуостровомъ изъ материковыхъ горныхъ кражей.

На высотахъ этого полуострова есть нѣсколько кургановъ, показывающихъ, что здѣсь было поселеніе. Говорятъ, что есть и остатки городища. Одинъ путешественникъ, проѣзжавшій мѣстность въ 1824 году, быть можетъ справедливо заключалъ, что здѣсь могла существовать Эрмонасса²⁾. Но, судя по объясненіямъ г. Куторги, что вообще разумѣлось въ древности подъ именемъ святилища³⁾, еще съ большею вѣроятностію можно заключать, что здѣсь существовалъ Апатуръ.

Эрмонассу же можно отыскивать гдѣ-либо въблизи Витязевой станицы, гдѣ и Страбонъ глухо указываетъ мѣсто города и гавани, однако со стороны моря. Не стояла ли

¹⁾ Г. Герцъ (стран. 128) упоминаетъ, что эти курганы *совершенно обложены каменною броней*. На мѣстѣ оказалось, что они обросли только очень густою травой и ни одного камня нигдѣ не найдено. Многочисленные *письменные сообщенія*, на которыхъ авторъ главнымъ образомъ основалъ описательную часть своего труда, по большей части или сказочны, или неточны, или невѣрны. По этой причинѣ пользоваться сочиненіемъ г. Герца безъ осторожной и разсудительной критики невозможно. Все оно требуетъ полнѣйшей перѣвѣрки.

²⁾ У г. Герца стр. 60.

³⁾ О Таманскомъ полуостровѣ, стр. 9—15.

Эрмонасса на устьѣ рѣки Напсухо, между Витязевой и Суворовской станицами, въ самомъ углу Кизилташскаго лимана?

О другихъ Синдскихъ городахъ Страбонъ говоритъ слѣдующее: „Въ Синдикѣ же, недалеко отъ моря, находится и Горгинія, царскій дворецъ Синдовъ, и Аворака. Недалеко, вблизи отъ моря, значить не на самомъ берегу. Поэтому съ большою вѣроятностью можно назначать для Горгиніи упомянутую мѣстность при раздвоеніи Кубани на рукава, на берегу озера Разнокола, у подножья хребта Сенехта, гдѣ находится величавая группа кургановъ Семи Братовъ.

Въ этой же мѣстности могла стоять и Аворака. Припомнимъ здѣшнюю гору Абрау и рѣку Абрау, имена которыхъ очень сходны съ Аворакой.

По берегу моря, не доходя Анапы, Страбонъ указываетъ Синдскую гавань и городъ, не именуя какой. Разумѣетъ-ли онъ какой либо изъ двухъ городовъ, названныхъ имъ при входѣ въ Кубанскій лиманъ, Эрмонассу, Апатуръ, или же говоритъ о новомъ городѣ—рѣшить трудно.

Отъ Синдики вверхъ по Кубани жили Аспурги, занимавшіе страну на 500 стадіевъ, 83 версты, между Фанагоріей и Горгиніей, какъ выражается Страбонъ, обозначая только столичныя мѣста этихъ сосѣднихъ странъ. Имя Аспурговъ, вѣроятно, сохраняется въ имени Шапсуховъ, здѣсь же обитающихъ или недавно обитавшихъ, въ Большомъ Шапсухѣ, какъ называется ихъ область. Изъ ихъ стороны течетъ въ Кубань рѣка Атакумъ, напоминающая Страбоновское имя Кубани Антикитъ, Аттикитъ, текутъ въ Кубань же рѣки: Псыфль, Пшебшъ, Псакубъ, Пчаншъ, Пшиншъ, напоминающія Птоломеевъ Псатисъ, что вообще показываетъ Аспургійское происхожденіе сказанныхъ именъ и для Кубани. Самая Кубань у Черкесовъ называется Пшизъ, что значить *князь рѣк*.

За страной Синдской и Горгиніей, говоритъ Страбонъ, „идетъ побережье, занятое Ахеями, Зихами и Геніохами“, въ которыхъ нельзя не узнать береговой области *Натхо-Куаджъ*, такъ какъ и въ Зихахъ—*Абад-Зеловъ*.

Какіе могутъ быть сдѣланы выводы изъ названій населенныхъ мѣстностей?

Рефератъ Л. А. Износкова.

Имѣя въ виду предложенный для рѣшенія на Археологическомъ Съѣздѣ вопросъ: нельзя-ли сдѣлать нѣкоторыхъ, интересныхъ въ научномъ отношеніи, обобщеній изъ современной номенклатуры рѣкъ, городовъ и селъ въ разныхъ полосахъ Россіи, въ настоящемъ сообщеніи я преимущественно буду говорить о названіяхъ мѣстностей Казанской губерніи и покажу, какіе, по моему мнѣнію, могли бы быть сдѣланы выводы и обобщенія изъ этихъ названій.

Большая часть населенныхъ мѣстностей Казанской губерніи имѣетъ по два, или по нѣскольку названій и во многихъ случаяхъ можно опредѣлить, какія изъ этихъ названій позднѣйшія. Такъ напр. многія села имѣютъ церковныя названія и народныя, напр. с. *Рождественское*, *Высокая гора* № 14¹⁾; первое названіе, по церкви, позднѣе втораго. Многія мѣстности, заселенныя русскими, имѣютъ кромѣ русскихъ названій, инородческія, напр. дер. *Собакино*, *Янурино* № 15 (съ татарскаго: *яни*—новый, *чура*—потомки, новые потомки) и, разумѣется, второе названіе древнее перваго. Въ народѣ употребляется болѣе первое названіе, русское, слѣдовательно Русскіе поселились въ этой мѣстности давно; но съ другой стороны слова, изъ которыхъ составлено татарское названіе, показываютъ, что эта мѣстность не можетъ быть отнесена къ числу древнѣйшихъ населенныхъ мѣстностей. Въ губерніи встрѣчается также много мѣстностей, заселенныхъ Русскими, инородческія названія которыхъ употребительнѣе русскихъ, напр. с. *Кошаково*, *Трошукое* № 77. Первое названіе села извѣстно всѣмъ, между тѣмъ какъ второе употребляется только въ спискахъ. Такое сохраненіе мѣстностью прежняго инородческаго названія можетъ быть, по моему мнѣнію, отъ двухъ причинъ: 1) въ народѣ могли долгое время сохраняться преданія объ

¹⁾ Номера означены по Списку населенныхъ мѣстъ Казанской губерніи. Изданіе Центрального Статистическаго Комитета Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.

основатель селенія, или объ обстоятельствахъ, при которыхъ оно возникло, какъ напр. с. Коцаково, основателемъ котораго былъ Коцакъ, оказывавшій большое сопротивленіе Русскимъ при взятіи Казани и 2) самое заселеніе мѣстности Русскими могло быть въ недавнее время, такъ что новое названіе этой мѣстности, данное русскимъ населеніемъ, не усвоилось, напр. с. *Каймары*, *Кириловское* № 356, у жителей котораго сохранилось преданіе, что первые обитатели села были Черемисы (слово каймары черемисское, кай—*поди*, мары, мара—*Черемиса*), ушедшіе отъ Русскихъ на сѣверъ, и намъ дѣйствительно удалось провѣрить, что Черемисы, жившіе когда-то въ Каймарахъ, ушли въ Вятскую губернію и вновь заселенную тамъ мѣстность называли тоже Каймары. Вообще, рассматривая инородческія названія заселенныхъ мѣстностей, во многихъ случаяхъ можно указать на передвиженія инородцевъ, вытѣсняемыхъ Русскими или другими инородцами и приблизительно можно составить понятіе о районѣ той мѣстности, который занимало первоначально какое либо инородческое племя, напр. въ сѣверо-западной части Ланшевскаго уѣзда есть нѣсколько деревень, заселенныхъ старо-крещеными Татарами. По очертанію лица, по одеждѣ и обычаямъ, они не походятъ на Татаръ магометанъ, живущихъ въ сосѣднихъ деревняхъ. Названія нѣкоторыхъ изъ деревень показываютъ также, что первыми обитателями ихъ были скорѣе Черемисы, а не Татары, напр. д. *Янисолы* (слова: *солы*, *сола*, прибавляются только къ названіямъ черемисскихъ селеній). Старожилы многихъ деревень помнятъ, что предки ихъ говорили другимъ языкомъ, не татарскимъ, и по нѣсколькимъ сохранившимся словамъ можно предполагать, что они финскаго происхожденія. Въ сосѣднихъ съ этими деревнями русскихъ и татарскихъ селеній сохранились также нѣкоторые признаки, по которымъ можно предполагать, что большая часть сѣверо-западной части Ланшевскаго уѣзда была заселена Черемисами, которые впоследствии отатарились. Такъ напр. въ русскомъ селѣ *Венеть* (*Троицкое*) № 999, мѣсто около церкви называется старымъ черемисскимъ кладбищемъ. Недалеко отъ татарской деревни *Читовъ* № 1060 есть старинное кладбище; раскопки, произведенныя на немъ въ 1870 году А. Н. Стояновымъ показали, что едвали оно можетъ быть признано татарскимъ. Читинскіе жители также не признаютъ это кладбище своимъ и предполагаютъ, что предки ихъ, основавшіе деревню Читу, около 300 лѣтъ назадъ тому, жили недалеко отъ Арскаго поля, примыкающаго къ Казани. На прежнемъ жительствѣ Татаръ, говорятъ, до сихъ поръ остались признаки могилъ, на поклоненіе которымъ и теперь пріѣзжаютъ Читинскіе Татары. Такимъ образомъ изъ названія деревень и различныхъ урочищъ и изъ сохранившихся въ народѣ преданій можно опредѣлить, какъ мы уже сказали, мѣстность, занимаемую инородческимъ племенемъ.

При изслѣдованіяхъ названій различныхъ мѣстностей, необходимо обращать вниманіе на народныя преданія о томъ, по какому поводу какая-либо мѣстность названа. Иногда, руководствуясь этими преданіями, можно узнать, что мѣстность, имѣющая, кромѣ другихъ,

названіе инородческое, инородцами никогда не была заселена и получила это названіе отъ окружающихъ ее жителей инородческихъ селеній, напр. русское село *Толмоась*, *Александровка*, *Троицкое* № 195 (*толмоась* татарск. — безтолковщина), получило названіе Толмоась отъ жителей сосѣднихъ татарскихъ деревень, потому что это село образовалось изъ крѣпостныхъ крестьянъ, переселенныхъ изъ разныхъ губерній. Мѣстность, заселенная Русскими, получала иногда инородческое названіе, потому что эти Русскіе выселились изъ другой мѣстности, имѣвшей такое названіе, и новому поселенію дали прежнее имя. Такъ образовались деревни: *Русскіе Сарамы* № 892, *Русскій Алайбашъ* (въ спискѣ нѣтъ), или же русское населеніе приняло почему-либо названіе одной изъ сосѣднихъ инородческихъ мѣстностей, напр. деревни *Русскіе Кирби* № 949, *Русскіе Азилей* № № 1552, 1553 и проч. Вообще выселившіеся на „новыя“ мѣста даютъ часто этимъ новымъ поселеніямъ прежнія названія, а потому по названіямъ селеній можно иногда опредѣлить, откуда переселились жители. Въ уѣздахъ Мамадынскомъ и Чистопольскомъ есть много селеній, жители которыхъ выселились изъ другихъ уѣздовъ, напр. дер. *Ключищи* № 1240 — жители выселились изъ дер. *Ключицъ* № 1037 Ланшевскаго уѣзда; с. *Чуримино* (а не Чурилово, какъ означено въ спискѣ) № 1241, — жители вышли изъ с. *Чурилина* № 20, Казанскаго уѣзда. Если новое населеніе названо другимъ именемъ, то иногда по названіямъ улицъ, рѣкъ или другихъ какихъ-либо урочищъ можно узнать, откуда выселились жители, напр. въ деревнѣ *Динитли* № 1465 одно изъ урочищъ носитъ названіе *Елабуя*. По названіямъ улицъ можно иногда предполагать, что мѣстность, заселенная въ настоящее время Русскими, была занята прежде инородческимъ населеніемъ, напр. въ Казанской подгорной *Ягодной Слободѣ* одна изъ улицъ носитъ названіе „*Кокуй*“ и съ такимъ же точно названіемъ въ Тетюшскомъ уѣздѣ есть деревня № 1988. Въ с. *Вороницовъ Заводъ* № 1048 одна изъ улицъ носитъ татарское названіе *Ташлыкъ*. Въ Казанской губерніи есть много мѣстностей, названія которыхъ начинаются съ слова *таш* (татар. камень) напр. *Ташкучу* № № 252, 376, 1234, *Ташевка* (село, русское) № 1506, *Ташовникъ* (пристань на Камѣ, недалеко отъ г. Ланшева, въ спискѣ не означенъ), *Ташкермень* № 888 и проч. Всѣ эти названія указываютъ на каменистую почву заселенной мѣстности. Названіе *Ташкермень* напоминаетъ также укрѣпленный городокъ, устроенный Татарами вскорѣ послѣ покоренія Казани на рѣкѣ Мѣшѣ, изъ котораго они производили набѣги на горную сторону Волги. *Кермень*, *карманъ*, по толкованію г. Золотницкаго, — *крѣпость, укрѣпленное мѣсто* ¹⁾, слѣдовательно деревня Ташкермень въ переводѣ на русскій языкъ будетъ *каменная крѣпость*. Вѣроятно и другія мѣстности, носящія названія: *Кирмени*, *Кирменбашъ*, *Керменскій*, *Карманъ-касы*, *Карманъ-неръ*, *Кармановъ починокъ*, № № 1405, 1398, 1401, 3580, 3746, 469, 1892 были

¹⁾ Орывки изъ чувашско-русскаго словаря. Состав. Н. Золотницкій. Казанскія Губернскія Вѣдомости, 1872 года, № 18.

когда-то крѣпостцами. Такимъ образомъ, по названіямъ деревень и по мѣстоположенію ихъ можно до нѣкоторой степени прослѣдить, по какимъ направленіямъ устраивались укрѣпленныя мѣста, валы, засѣки, плотины. Въ губерніи есть также много деревень, въ названія которыхъ входятъ чувашскія слова *буа* или *пувэ* — *плотина* и *сирь* — *земля*, напр. *Буа Пѣлевая*, *Буа-Херди*, *Буринска*, *Сюрбіяль*, *Сюрбѣева*, № № 2082, 2090, 2810, 3793, 2738, 3794, 2609, 2734 и по названіямъ этихъ деревень легко прослѣдить направление бывшихъ укрѣпленныхъ линій¹⁾.

Многія изъ деревень съ инородческимъ названіемъ расположены при истокахъ рѣкъ нынѣ существующихъ, или при такихъ, которыя были прежде. Названія всѣхъ подобныхъ деревень оканчиваются татарскимъ словомъ *башъ*, чувашскимъ *нось*, черемисскимъ *оуй* — *юлова*, *начало*, *истокъ*. Знакомая съ мѣстоположеніемъ такихъ деревень, можно прослѣдить направление рѣчекъ, какъ нынѣ существующихъ, такъ и существовавшихъ прежде. Въ Ланшевскомъ уѣздѣ есть нѣсколько деревень, расположенныхъ возлѣ урочища, называемаго „*Старая Кама*“ и есть преданіе, что оно было когда то русломъ рѣки Камы.

При изслѣдованіи названій мѣстностей необходимо принимать во вниманіе, въ какой средѣ находится разсматриваемая мѣстность. Случается иногда встрѣчать сходныя названія, но имѣющія разныя значенія, напр. деревни *Конь* № 1064 (тат.) и *Коняшкинъ* № 446 (чер.), *Семисола* (чер.) 2370, *Семитбашъ* (тат.) № 250, *Чудовка* № 1863, *Чудиновка* № 3235 и пр.

Многія изъ названій мѣстностей въ Казанской губерніи такія же, какъ и въ сосѣднихъ губерніяхъ и это большею частію объясняется тѣмъ, что изъ Казанской губерніи выселялись въ сосѣднія съ ними, или обратно. Вообще, если сравнить списки населенныхъ мѣстъ различныхъ губерній, то можно встрѣтить въ нихъ много селеній, рѣкъ и пр. съ одинаковыми названіями и, можетъ быть, опираясь на народныя преданія, можно указать на передвиженія народностей. Часто, конечно, одинаковыя названія не указываютъ на передвиженія, въ особенности если названіе селенію дано по мѣстоположенію его, напр. *Полянки*, *Горки*, *Красногорка* и проч.

Объясняя названія своихъ деревень, жители часто указываютъ на основателей ихъ и называютъ этихъ основателей по именамъ деревень, но случается, что подобныя объясненія бывають невѣрны и потому при изслѣдованіяхъ названій весьма полезно собирать собственныя имена некрещенныхъ инородцевъ. Собирая эти имена въ разныхъ мѣстностяхъ Казанской губерніи и сравнивъ ихъ съ названіями населенныхъ мѣстностей, я дѣйствительно нашелъ много одинаковыхъ названій, напр. *Бурнашево* № № 1736, 1737, 2004, 1923, 1483, 1629, *Кудашево* № № 1009, 3695, 327, 1021, 2513, *Токпердинъ* № 2441 и проч., названы по именамъ основателей *Бурнаша*, *Кудаша*, *Токперда*. При составленіи

¹⁾ Казанскія Губернскія Вѣдомости, 1871 года, № 100.

сборниковъ инородческихъ именъ, полезно также узнавать русскія значенія этихъ именъ, потому что, сопоставляя эти значенія съ народными преданіями, можно съ большою вѣрностію разъяснить названія населенныхъ мѣстностей, наприм. деревня *Янмурзина* № № 3907, 3765, 3774, 3762 можетъ быть названа потому, что основателемъ ея былъ Янмурза, или же эту деревню могли основать новые, свободные люди, мурзы (*янна* — новый, *мурза* — свободный).

Такимъ образомъ, изслѣдуя названія селеній, улицъ, рѣкъ, урочищъ какой нибудь губерніи и сравнивая эти названія между собою, можно, мнѣ кажется, *опираясь на народные преданія*, опредѣлить:

- 1) Поводъ, по которому какая-либо мѣстность получила названіе и, при сравненіи нѣсколькихъ названій одной и той же мѣстности, которое изъ нихъ болѣе древнее;
- 2) время заселенія мѣстности;
- 3) откуда и по какому поводу выселились жители въ занимаемую ими мѣстность и въ какомъ положеніи находилась эта мѣстность до переселенія;
- 4) какое вліяніе имѣли сосѣдніе жители на переселенцевъ;
- 5) въ какомъ направленіи расположены были укрѣпленныя мѣстности, засѣки, валы и плотины,
- 6) направленія русла рѣкъ.

Если прослѣдить названія населенныхъ мѣстъ разныхъ губерній, то изъ сравненія ихъ, вѣроятно, можно было бы вывести много весьма важныхъ и интересныхъ обобщеній въ научномъ отношеніи.

Просматривая отрывки изъ чувашско-русскаго словаря, составленнаго г. Золотницкимъ, можно видѣть, къ какимъ интереснымъ научнымъ обобщеніямъ пришелъ авторъ, изслѣдуя названія селеній въ Казанской и Симбирской губерніяхъ. Въ особенности въ этомъ отношеніи интересны его отрывки: 1) „Приставки *лык* и *сар*. Происхожденіе названій города Чебоксаръ и нѣкоторыхъ селеній“¹⁾, гдѣ онъ указываетъ довольно много селеній, получившихъ названія по качеству мѣстности и по обилію произведеніями царства растительнаго; 2) „О происхожденіи названій городовъ Буинска и Цивильска и нѣкоторыхъ селеній“²⁾; 3) „Названіе Нижняго Новгорода по-чувашски, по-черемиски и по-татарски и объясненіе названій нѣкоторыхъ мѣстъ“³⁾; 4) „Происхожденіе названія Черемись“⁴⁾, въ которыхъ онъ по названіямъ городовъ, рѣкъ и селеній указываетъ на укрѣпленныя мѣстности.

¹⁾ Казанскія Губернскія Вѣдомости, 1871 года, № 83.

²⁾ Тоже, 1871 года, № 100.

³⁾ Тоже, 1872 года, № 18.

⁴⁾ Тоже, 1872 года, № 45.

Еслибы такъ же подробно и съ такими же научными приѣмами, какимъ слѣдовалъ г. Золотницкій, были произведены разслѣдованія названій во многихъ губерніяхъ и притомъ вмѣстѣ съ этимъ собраны были *народныя преданія* объ основателяхъ селеній, о томъ, по какому поводу даны названія мѣстностямъ, о выселеніяхъ жителей и о тѣхъ особенностяхъ, которыми они отличаются отъ жителей другихъ мѣстностей, то весьма возможно предположить, что, путемъ такихъ подробныхъ изслѣдованій на мѣстахъ, можно объяснить многія названія, происхожденіе которыхъ въ настоящее время неизвѣстно, и съ бѣльшею достовѣрностію указать границы, въ которыхъ обитали различныя племена въ различныя историческія эпохи.

ЗАМѢТКА О ПОУЧЕНІЯХЪ ЕПИСКОПА СЕРАПІОНА.

Рефератъ Н. Я. Аристова.

Въ числѣ вопросовъ, предложенныхъ къ обсужденію на III-мъ Археологическомъ Сѣздѣ въ Кіевѣ, встрѣчается между прочимъ слѣдующій: „Что такое *Драчь-Градъ*, который, по свидѣтельству проповѣди Серапіона, 4000 лѣтъ стоялъ и потомъ, во время проповѣдника (XIII в.), въ море погружень?“

Драчь-Градъ упоминается не въ одной проповѣди Серапіона,—объ немъ не разъ говорится въ русскихъ хронографахъ и житіяхъ святыхъ сербской или болгарской редакцій. Напримѣръ повѣствуется, что во время войны императора Константина Погоната (668—685 г.) съ Болгарами, послѣдніе отняли землю у Грековъ за Дунаемъ; „прежъ нарицашеся земля сія Мисія... Мнози бо бесчислени суще исполниша и сію страну Дунава и обону до *Драча* и далѣ, ибо Власи и Сръбле и прочіи вси едино суть“ (*Обзоръ Хроногр. А. Попова, I, 155*). Въ концѣ X-го и въ началѣ XI-го столѣтія „Болгаре до Охрида и до *Драча*, и далѣ царствоваша“ (*ibid. 178*); а при Владиславѣ Ароновомъ сынѣ (1018 г.), императоръ Василій „остуши *Драчь-Градъ* — і убиень бысть, точію 2 лѣта и мѣсяць 5 бывъ“ (*ibid. 181*).

Чтобы рѣшить первую половину вопроса, что за городъ такой *Драчь*, не надо много ломать голову: стоить взглянуть въ нѣмецкую подробную карту, хоть, напримѣръ, карту Балканскаго полуострова *Кипперта*, и тамъ означенъ на восточномъ берегу Адріатическаго моря со стороны Албаніи, южнѣе Скутари, *Dugazzo*, съ поясненіемъ въ скобкахъ—*Dratsch*. Въ древнее время онъ носилъ слѣдующія названія: у Грековъ *Δυράχιον*, а по іоническому именованію, какъ означено у Страбона—*Ἐπίδαυρος*; у Римлянъ — *Durrachium*, у Итальянцевъ — *Dugazzo*, у южныхъ Славянъ, отъ которыхъ названіе перешло и къ Русскимъ — *Драчь-Градъ*. Изъ историческихъ свидѣтельствъ

видно, что городъ *Дуррахій* не разъ подвергался землетрясеніямъ; хронографъ пишетъ: „Случижеса в лѣта царства (*Устина* 518—527 г.), пастися отъ Божия гнѣва *Драчу*, отъ него же бѣ Анастасии царь (512 г.), иже много създа ту и коньское позорище. Иустинъ же много сла на поновление града сего, и иже градъ нарицашеса прежде Епидавръ (читай: *Епидаміа*),—и Ринѣфъ (*Коринѣ*) же тогда падеся“ (*Обзоръ Хроногр.* А. Попова, I, 62).

Несомнѣнно, что Серапіонъ говорить именно объ этомъ городѣ Дураццо или *Драчъ*, потому что другого Драча не существовало; но о какомъ его паденіи рассказываетъ и дѣйствительно-ли случилось потопленіе его въ морѣ во дни проповѣдника? Эта вторая половина вопроса труднѣе для рѣшенія, чѣмъ первая, и требуетъ обзора другихъ историческихъ обстоятельствъ, упоминаемыхъ въ поученіяхъ епископомъ. Всѣ свидѣтельства о современныхъ Серапіону происшествіяхъ, которыя встрѣчаются въ его проповѣдяхъ, носятъ на себѣ характеръ несомнѣнной истины и подтверждаются другими источниками. Это располагаетъ думать, что и о паденіи Драча извѣстіе его должно быть вѣрно.

Проповѣдникъ пишетъ: „Слышасте отъ Бога казнь посылаему на землю отъ первыхъ родъ до потопа на гиганты огнемъ, при потоѣ—водою, при Содомѣ—жюпеломъ, при Фараонѣ—десятью казней, при Хананитяхъ—шершеніи, каменемъ огненнымъ съ небеси, при Судяхъ—ратми, при Давидѣ—моромъ, при Титѣ—плѣненіемъ, потомъ же трясеніемъ земли и паденіемъ града (*Ерусалима*). При нашемъ же языцѣ чего не видѣхомъ? Рати, глади, морове и труси, конечное же—предани быхомъ иноплеменникомъ, не токмо на смерть и на плѣненіе, но и на горькую работу“ (*изъ слова 4-го*). „Слышасте, братье, самого Господа, глаголюща въ Евангеліи: И въ послѣдняя лѣта будетъ знаменья въ солнци и въ лунѣ и въ звѣздахъ, и труси по мѣстамъ и глади. Тогда реченное Господемъ нашимъ, ныня збытся при послѣднихъ людехъ“ (*изъ 1-го слова*). Не смотря на заимствованіе Серапіономъ изъ Евангелія текста, въ которомъ означены признаки кончины міра, и указанія на библейскія событія въ подтвержденіе своихъ словъ,—его изображенія послѣднихъ дней нельзя считать общими мѣстами или фразами, какъ водится часто у проповѣдниковъ. Каждая черта въ его поученіяхъ находитъ оправданіе въ событіяхъ того времени; не напрасно проповѣдникъ часто высказываетъ, что онъ былъ непосредственнымъ наблюдателемъ приводимыхъ имъ случаевъ жизни и свидѣтелемъ указываемыхъ явленій природы. Страшныя событія, какъ признаки кончины міра, совершались на его глазахъ: „При нашемъ языцѣ чесо не видѣхомъ? Рати, глады“ и проч. „Колко видѣхомъ солнца погибша и луну померьтъню!... Земли трясеніе своими очима видѣхомъ!“... Значитъ, дѣйствительность представляла Серапіону живыя черты и свѣжія краски для изображенія конца жизни міра; оттого его поученія отличаются необыкновенной задушевностью и увлекательнымъ краснорѣчіемъ.

1) *Рати*. Въ Евангеліи сказано, что въ послѣдніе дни будутъ рати, „возстанеть

языкъ на языкъ и царство на царство"... Серапіонъ указываетъ на тогдашнее тяжелое положеніе Россіи, страдавшей подъ игомъ Татаръ, судьба которой, какъ нельзя вѣрнѣе оправдывала это священное изреченіе о горькихъ послѣднихъ дняхъ вселенной. Богъ „наведе на ны, говоритъ онъ, языкъ немилостивъ, языкъ нещадящъ красы уны, немощи старецъ, младости дѣтий... Разрушены божественны церкви; осквернены быша ссуди священни, потоптана быша святая; святители мечу во ядъ быша; кровь отецъ и братья нашаа землю напои, аки вода многа; князии нашихъ, воеводъ крѣпость исчезе; села наша лядиною поростоша" (изъ 3-го слова). „Мы не покаяхомся, дондеже землю нашу пусты створиша, и грады наши плѣниша, матери нашаа и сестры нашаа въ поруганье быша" (изъ 1-го слова). „Убойтеса створшаго ны Бога; вострепещите суда Его страшнаго. Кому грядеми? Кому приближаемся, отходяще свѣта сего?... Чему не видѣмъ, что приде на ны, въ семь житіи еще сущимъ? Чего не приведохомъ на ся? Какія казни отъ Бога не въспріяхомъ? Не плѣнена ли бысть земля наша? Не взяти ли быша грады наши? Не вскорѣ ли падоша отци и братии нашаа трупиемъ на земли? Не ведены ли быша жены и чада нашаа въ плѣнъ? Не порабощени ли быхомъ, оставше, горкою си работою отъ иноплеменикъ? Се уже къ 40 лѣтъ приближаетъ томленіе и мука, и дане тяжкыя на ны не перестануть!... И въ сласть хлѣба своего извѣсти не можемъ. И въздыханіе и печаль сущать кости нашаа!"... (изъ 2-го слова). Всѣ эти подробности въ похожихъ выраженіяхъ описываются и въ лѣтописяхъ; считаю лишнимъ приводить ихъ въ подтвержденіе словъ Серапіона; только упомяну о необычайной точности указанія проповѣдника на счетъ времени Татарскаго плѣна, что „уже къ 40 лѣтъ приближаетъ томленіе и мука"... Слово сказано въ 1274 или 1275 г. во Владимірѣ; слѣдовательно со времени нашествія Татаръ (1237 г.), дѣйствительно прошло около 40 лѣтъ.

2) *Неурожай и голодъ*. Какъ волхвы въ XI вѣкѣ избивали старую чадъ во время неурожая и голода; такъ и во время Серапіона повторилось тоже явленіе, и вотъ онъ вооружается противъ этого суевѣрнаго взгляда и варварской выходки. „Вы еще поганьскаго обычая держитесь: волхвованію вѣруете, и пожигаете огнемъ невинныя челоувѣкы, и наводите на весь міръ и градъ убійство... Отъ которыхъ книгъ или отъ кихъ писаний се слышасте, яко волхвованіемъ глади бывають на земли, и паки волхвованіемъ жита умножаются? То аже сему вѣруете, то чему пожигаете ѧ? Молитесь и чтите ѧ, дары приносите имъ, ать (если) строятъ миръ, дождь пуцають, тепло приводятъ, земли плодоти велятъ. Се нынѣ по 3 лѣтъ житу рода нѣсть, не токмо въ Русь, но въ Латвіѣ, — се вѣлхове ли створиша?... И въ нашаа лѣта чего не видѣхомъ зла: многи бѣды и скорби, рати, голодъ, отъ поганыхъ насиле... Въ Лясѣхъ гладъ былъ 4 лѣта" (изъ 4-го слова). Проповѣднику извѣстны физическія бѣдствія не только на Руси, но и за границей.

3) *Наводненіе*. „Драчь-Градъ 4,000 лѣтъ стоялъ, отъ моря потопленъ бысть, и нынѣ въ мори; въ Лясѣхъ отъ умноженія дожда 600 люди потопло, а иніи въ Перемышлѣ

градѣ 200 потопоша“ (*Повѣдка Шевырева, II, 36*). Это извѣстіе о наводненіи въ Польшѣ и Перемышляхъ тоже надо считать совершенно вѣрнымъ: изъ Польскихъ хроникъ занесено слѣдующее свѣдѣніе въ Густынскую лѣтопись подъ 1271 г. „Бысть дождь великъ и поводь, яко и села и людей вода забираше“ (*Густынск. 244. Кромера кн. IX, 215. Март. Бѣльскаго 168*).

4) *Моръ на скотъ и на людей*. Серапіонъ пишетъ: Не перестаютъ у насъ „глади, морове животъ нашихъ... Кто же ны сего доведетъ? Наше беззаконье и наша грѣси, наше неслуханье, наше непокаянье“ (*изъ 2-го слова*). Это извѣстіе о падежѣ скота, вѣроятно, относится къ юго-западной Россіи и къ Польшѣ, о чемъ Серапіонъ хорошо могъ знать, находясь еще въ Кіевѣ. Дѣйствительно, въ Польскихъ хроникахъ подъ 1265 г. записано: „Явися звѣзда страшная, свѣтящи презъ мѣсяцей три, луча ку полудню испущающи; и потомъ бысть великій моръ во скотѣхъ“ (*Густынск. 343. Кромера IX; Март. Бѣльскаго 184*).

5) *Знаменія въ солнцѣ, лунѣ и въ звѣздахъ*. Эти небесныя явленія Серапіонъ не разъ видѣлъ въ теченіе своей жизни: „Колко видѣхомъ солнца погибша и луну померькѣнну и звѣздное премѣненіе!“ (*изъ слова 1-го*). Изъ лѣтописей видно, что въ 1259 году было знаменіе въ лунѣ (*1 Софійск. 189*); а зимой 1265 г. „явися звѣзда на западѣ, и отъ неа луча долга, яко хвостъ“. Шла эта звѣзда „образомъ страшнымъ, испущающе отъ себе лучѣ великы; си же звѣзда нарѣчается власатая. Отъ видѣнія же сея звѣзды страхъ обья вся челоуѣки и ужастъ; хитреци же смотрѣвши тако рекоша: оже мятежъ великъ будетъ въ земли, но Богъ спасе своею волею—и не бысть ничтоже“ (*Тверск. 403. Густынск. 344. Ипат. 202*). Въ 1269 г. свѣтъ явился крестообразно (*Густынск. 244*); въ 1271 г. опять было знаменіе въ солнцѣ: на 5-й недѣлѣ святаго поста до обѣда, „погибе все, и паки наполнися“ (*Никон. III, 54; 1 Новг. 62; 1 Соф. 197; Воскр. 172; Густынск. 344*). Въ 1275 г. мая 3-го „бысть знаменіе в солнцѣ яко круги, а посреди круговъ кресты, дуги же быша сини, зелены, желты, багряны, червлени, а дуги тѣ хребты баху к себѣ“ (*Никон. III, 59; Тверск. 405; Воскр. 172*). Такое множество явленій небесныхъ при жизни Серапіона, въ связи съ другими бѣдствіями, поневолѣ наводили начитаннаго проповѣдника на мысль о кончинѣ міра, и онъ прилагалъ слова Евангелія: „въ послѣднія лѣта будутъ знаменія въ солнцѣ, и въ лунѣ и въ звѣздахъ“, къ своему времени.

6) *Труси по мѣстамъ*. „Бойтеса, братце, читаемъ въ поученіи, грозы и страха суда Божія, ввезану бо день той найдетъ страшный... И земля убо отъ лица Господня трясется намъ на страхъ, и мнози грады пусты быша божіимъ гнѣвомъ“ (*Правосл. Собес. 1858 г. II*). „Земля, отъ зачала утвержена и неподвижима, повелѣнемъ Божиимъ подвижется, грѣхы нашими колеблется, беззаконья нашего носити не можетъ. Се уже наказаетъ ны Богъ знаменья, земли трясеньемъ; не глаголетъ усты, но дѣломъ наказаетъ.

Всѣмъ казнивъ ны, Богъ не отвѣдетъ злаго обычая: нынѣ землею трясеть и колѣблетъ; беззаконья, грѣхи многія отъ земля оттрясти хочеть, яко листвіе отъ древа. Аще ли кто речеть:—преже сего потрясенія бѣна же. — Аще быша потрясенія, реку: тако есть. Но что потомъ бысть намъ? Не гладь-ли, не морови-ли, не рати-ли многы?“ (изъ 1-го слова). Это изображеніе землетрясенія, на которомъ долго останавливается Серапіонъ, можетъ объясняться тѣмъ, что онъ лично испыталъ его неотразимое впечатлѣніе: „Нынѣ земли трясеніе своими очима видѣхомъ!“ Въ Густынской лѣтописи замѣчено подъ 1258 г. „трясашеся земля“ (стр. 342); но проповѣдникъ говоритъ, очевидно, о другомъ, болѣе позднемъ, землетрясеніи, которое случилось, какъ увидимъ ниже, въ 1271 г.

Если такъ много указаній Серапіона на разныя событія жизни и явленія природы подтверждаются фактами; то нельзя допустить, чтобы одно только извѣстіе о паденіи *Драча-Града* было имъ передано невѣрно: это противорѣчило бы общему характеру и строю его проповѣдей. Дѣйствительно, и замѣчаніе о гибели Драча принадлежитъ къ числу несомнѣнныхъ историческихъ данныхъ, хотя частности оказываются несовсѣмъ точными. Мѣсто это читается такъ: „О, маловѣрніи, слышасте казни отъ Бога: въ первыхъ родѣхъ потопа на гиганты, огнемъ пожжени... при Титѣ плѣнъ на Ерусалимъ, потомъ трясеніемъ земли и паденіемъ града... Потопъ бысть при Нои не про удушеннаго, ни про утопленнаго, но за людскія неправды, — и нынѣ казни безчисленныя. *Драчь-Градъ 4,000 лѣтъ стоялъ, отъ моря потопленъ бысть, и нынѣ въ мори*; въ Лясъхъ отъ умноженія дождя 600 люди потопло“... (Попѣдка Шевырева II, 36).

Это свѣдѣніе въ основѣ совершенно вѣрно, но въ частностяхъ или испорчено переписчикомъ, или неточно сообщено Серапіономъ по слуху. Городъ *Диррахій* или *Епидамъ* основанъ на полуостровѣ Адриатическаго моря въ привлекательной, хотя нездоровой мѣстности, около 627 г. до Рожд. Хр., по свидѣтельству Евсевія; а Серапіонъ скончался 1275 г. Слѣдовательно, со времени zaloженія, городъ Грачь не стоялъ и 2,000 лѣтъ (только 1902 г.); а у проповѣдника означено 4,000 лѣтъ. Затѣмъ далѣе встрѣчается у него другая неточность, болѣе мелкая: по его словамъ, *Драчь-Градъ* „отъ моря потопленъ бысть“... Но этотъ городъ во времена Серапіона, именно въ 1271 г., затопленъ былъ моремъ отчасти; а главнымъ образомъ разрушенъ землетрясеніемъ и самое затопленіе произошло отъ этой же причины. Такая неточность опять наводитъ на мысль, что проповѣдникъ пользовался не прямыми извѣстіями, а сообщенными ему устными разсказами. Живя въ Кіевѣ, по сосѣдству съ Польшей и Перемышльскимъ краемъ, онъ зналъ, конечно, по слуху о тамошнихъ наводненіяхъ и другихъ бѣдствіяхъ; такимъ же путемъ почерпалъ свѣдѣнія и о паденіи *Драча-Града*. По крайней мѣрѣ, за недостаткомъ данныхъ, можно утверждать, что Серапіонъ извѣстіе о несчастной судьбѣ Драча вообще заимствовалъ не изъ книгъ (иначе было бы опредѣленіе), и въ частности—не изъ византійскаго историка *Пахимера*, его современника, который обстоятельно говоритъ въ своей

хроникѣ о разрушеніи этого города, приурочивая его къ 1271 году. Вотъ вкратцѣ его замѣтки. Въ 1271 г. „постигло Диррахій страшное и плачевное бѣдствіе. Съ наступленіемъ мѣсяца *Кронія* тамъ стали постоянно слышать подземный необыкновенный шумъ, который по просту можно было назвать воемъ, предвѣщавшимъ близкое несчастье. Въ одинъ день удары начали отзываться чаще и сильнѣе прежняго, и напавшій на жителей страхъ заставлялъ ихъ выбираться изъ города, чтобы въ случаѣ большаго зла, можно было спастись. Въ слѣдующую за этими дневными тревогами ночь, произошло самое страшное, какое бывало когда-либо землетрясеніе. Это было уже не просто косвенное, какъ говорятъ, содраганіе земли, а настоящее ея колебаніе и волненіе, вырывавшее городъ изъ самыхъ основаній и разбрасывавшее его по поверхности... Трескъ и шумъ произошли мгновенно и съ такою силою, что вскипѣло самое море, и находившіеся за городомъ думали, что это уже не начало болѣзни, а конецъ міра. Диррахій былъ городъ приморскій, разрушеніе открылось неожиданно, люди были въ такомъ ужасѣ, трескъ зданій падавшихъ одно на другое такъ великъ, что загородные жители, которыхъ было очень много, чувствуя это дрожаніе и слыша этотъ трескъ, почитали такое явленіе ничѣмъ инымъ, какъ преставленіемъ свѣта. Землетрясеніе продолжалось столько времени, что ничто не устояло, но все упало и засыпало людей, кромѣ одной крѣпости, которая удержалась и не поддавалась этой катастрофѣ. По наступленіи дня, окрестные жители сбѣжались сюда съ лопатами, заступами и другими орудіями, и начали раскапывать развалины... Въ теченіи нѣсколькихъ дней, все сравнивъ съ землею лопатами, будто заскоротивъ граблями, и собравъ богатую золотую жатву, окрестные жители и Албанцы оставили этотъ городъ, превратившійся теперь въ совершенную пустыню“ (*Пахімера* 326—8. *Визант. историки*. С.Пб. 1862 г. т. I).

Серапіонъ не могъ получить свѣдѣнія изъ сочиненія Пахімера, который писалъ о событіяхъ съ 1255 до 1308 г., потому что былъ слишкомъ короткій срокъ отъ разрушенія Диррахія до произнесенія слова. Скорѣе можно думать, что посланные изъ Россіи въ славянскія земли или въ Византію принесли извѣстіе о страшномъ землетрясеніи и потопленіи этого города: самое названіе *Драгъ-Градъ* указываетъ на заимствованіе свѣдѣнія непременно отъ южныхъ Славянъ. Притомъ въ это время Серапіонъ былъ еще архимандритомъ въ Кіевѣ, откуда еще не перенесена была митрополія и отсюда направлялись посольства въ православныя страны; слѣдовательно Серапіону легко было узнавать о заграничныхъ происшествіяхъ. Что же касается до непосредственныхъ сношеній русскихъ съ Византійскою имперіей, то они въ эту пору происходили нерѣдко.

Въ годъ разрушенія Диррахія, императоръ Михаилъ Палеологъ и патріархъ Іоаннъ Векъ стремились къ подчиненію папѣ Восточной церкви изъ видовъ политическихъ. Императоръ рассчитывалъ, что папа примиритъ его съ братомъ св. Людовика, военнымъ Карломъ Анжуйскимъ, который господствовалъ на Средиземномъ морѣ и

угрожалъ Греческой имперіи. Когда возникъ этотъ вопросъ объ уніи церквей, митрополитъ Кириллъ, вѣроятно, по желанію патріарха Цареградскаго, три раза посылалъ въ Константинополь Сарскаго епископа Теогноста, который посвященъ былъ въ этотъ санъ въ 1269 г. (*Никон. III, 50*). Надо полагать, что Теогностъ въ первый разъ вернулся изъ посольства въ концѣ 1271 года, такъ какъ подъ этимъ годомъ встрѣчаемъ извѣстіе объ измѣнѣ православной вѣрѣ Византійскаго императора, которое должно быть записано со словъ кого-либо изъ посланныхъ съ Теогностомъ: „тогда бысть во Грецехъ царь Мануилъ (*т. е. Михаилъ*) Палеологъ, первый же и Латынинъ бысть. Сей изгна Латыню изъ Царяграда, и царствова над Греки лѣтъ 24“ (*Никон. III, 55. Густыиск. 342*). Въ послѣдній разъ возвратился Теогностъ изъ посольства въ Царьградъ въ 1279 г., какъ отмѣчено въ лѣтописи: „Прииде Теогнасть епискупъ Сараискии въ третииа зъ Грѣческия земли изъ Царяграда; посылалъ убо его пресвещенныи Кирилъ митрополитъ Киевски и всеа Русіи и царь ординскии Менгутемиръ къ патріарху и ко царю Михаилу Палеологу Грѣческому, от пресвещеннаго Кирила митрополита грамоты и от царя Менгутемира грамоты и поминки обою“ (*Никон. III, 68. Менгутемиръ—ханъ съ 1268 г. Ноий—съ 1277 г. Густ. 344*). Отсюда понятно, какимъ путемъ доходили до нашихъ предковъ современныя свѣдѣнія о европейскихъ происшествіяхъ. Хотя очень немудрено, что Серапіонъ могъ сопровождать Теогноста изъ Кіева въ Царьградъ и тамъ слышать о дивномъ событіи тогдашнемъ — гибели цѣлаго города Дураццо; но такое предположеніе ничѣмъ не подтверждается, а отъ возможности до дѣйствительности разстояніе огромное.

Черезъ три года послѣ разрушенія Диррахія, въ 1274 г. „прииде изъ Кіева митрополитъ Кирилъ, и приведе съ собою архимандрита Печерьскаго Серапіона, и постави его епископомъ Володимерю и Суздалю и Новгороду Нижнему“ (*П. С. Л. VII, 172*). Во Владимирѣ, конечно, и говорилъ онъ свою проповѣдь противъ суевѣрій, приводя въ доказательство свѣдѣнія, принесенныя изъ Кіева, о бѣдствіяхъ разныхъ народовъ. Въ добавокъ, въ годъ землетрясенія случилось солнечное затмѣніе, что также содѣйствовало мрачному настроенію воображенія и служило къ уерѣпленію мысли о послѣднихъ дняхъ міра. Къ тому же вело самое перенесеніе митрополіи изъ центра святыни—Кіева и византійская унія. Мысль о кончинѣ міра, подкрѣпляемая множествомъ горестныхъ обстоятельствъ, перешла у Серапіона въ непоколебимое убѣжденіе, проникаетъ всѣ его поученія и придаетъ имъ характеръ необыкновенной энергіи. Замѣчательно, что самъ митрополитъ Кириллъ, который привезъ Серапіона изъ Кіева, тоже писалъ подробно ему о кончинѣ міра: „Се уже видимо, любими, кончина міра приближися и урокъ житію нашему приспѣ, и лѣта сокращаются, и уже мало время житія нашего вѣка сего видѣти. Якоже Господь во евангеліи сие (рече): Востанетъ бо языкъ на языкъ, и царство на царство, и страна на страну, и царь на царя, и князь на князя... И вся сіи збѣишася“. (*Чт. Общ. Ист. 1847 г. № 8. Смѣсь*). Это мѣсто, сходное съ поученіями Серапіона,

наводитъ на мысль, что между митрополитомъ и епископомъ неразъ или разсужденія, что настали послѣдніе дни міра, хотя дѣло окончилось только послѣдними днями проповѣдника. Въ 1275 г. „представися епископъ Володимерскій Серапіонъ; бѣ же учительъ зѣло въ божественномъ писаніи“ (*И. С. Лѣт. VII, 172*).

Не въ одномъ божественномъ писаніи силенъ былъ краснорѣчивый проповѣдникъ: главная неотразимая сила его поученія состояла въ томъ, что онъ каждый случай жизни возводилъ къ общей идеѣ. Хотя свѣдѣнія о бѣдствіяхъ разныхъ народовъ онъ почерпалъ изъ библейской исторіи и о признакахъ кончины міра судилъ по сказанію евангельскому; но въ тоже время зорко слѣдилъ за всѣми явленіями современной жизни и знаменіями природы, и умѣлъ воспользоваться своими наблюденіями кстати и съ большимъ искусствомъ. Его занимали судьбы не одной Руси и поступки насомыхъ, но и событія, возмущавшія теченіе жизни другихъ народовъ, и всѣмъ этимъ запасомъ знаній онъ ловко распоряжался для убѣжденія своихъ слушателей. Оттого проповѣди Серапіона проникнуты самымъ жизненнымъ и практическимъ началомъ. На основаніи всѣхъ этихъ данныхъ, слѣдуетъ заключить, что и въ картинѣ нравственнаго состоянія общества, современнаго проповѣднику, нарисованной такими живыми красками, недостатки жизни не измѣнены или преувеличены, а заимствованы цѣликомъ изъ дѣйствительности. Не сомнѣваюсь, что и эту сторону проповѣдей Серапіона исторія оправдаетъ блистательнымъ образомъ.

ЧТО ЗНАЧИТЪ РОССОВЛАХІЯ ВЪ ГРЕЧЕСКИХЪ ДОКУМЕНТАХЪ?

Рефератъ В. И. Григоровича.

Въ настоящемъ году правительство сдѣлало важное преобразование изданіемъ указа именовать Бессарабію не областью, а Бессарабскою губерніею. Не мое дѣло входитъ въ то, почему Бессарабская Область доселѣ существовала, но прошу позволенія замѣтить какъ о словѣ Бессарабія, такъ и о томъ, какое названіе было бы, согласно съ исторіею, свойственнѣе Бессарабской области.

Слово Бессарабія примѣнилось случайно. Это натяжка. Въ старое время Бессарабіею назывались южныя земли вдоль по Дунаю отъ Рущука до Сулина на сѣверѣ и югѣ этой рѣки. Только со времени завоеванія Русскими Молдавіи, возникло названіе Бессарабіи и для земель по Днѣстру. Какое же названіе носили прежде эти земли по Днѣстру? Вспомнимъ сперва, что земли эти въ древности были заселены Тиверцами и Угличами, названными у Нестора *Толковины*. Слово *толковинъ* означало помощникъ, союзникъ (Русскихъ). Замѣчательно, что для этихъ-то земель употребляемо было въ XIV столѣтіи названіе Россовлахін. Объ этомъ свидѣлствуютъ протоколы Константинопольскихъ патріарховъ, изданные нынѣ подъ заглавіемъ: *Acta Patriarchatus Constantinopolitani*. Они же упоминаютъ и объ епископіи въ Аспрокастрѣ, т. е. въ Бѣлгородѣ, что нынѣ Аккерманъ. Итакъ, не смотря на то, что съ конца IX ст. страна эта была занята Печенѣгами, съ XI Половцами, а съ XIII Ногайскою ордою, видна какая-то связь между Толковинами, т. е. Тиверцами и Угличами, и Россовлахіею. Связь эту доказываетъ свидѣтельство русскихъ лѣтописей, что страна эта въ XII и XIII стол. находилась въ духовной и мірской зависимости отъ Галича.

Изъ этихъ показаній вывожу, что признаніе имени Россіи въ Бессарабіи можно отнести къ отдаленному времени. Достоверно это въ XIV столѣтіи. Въ XIV стол. именно грамоты патріаршіи ясно отдѣляютъ митрополию Мавровлахін съ городомъ Ясы отъ

т. п.

Россовлахіи. Тогда-то вѣроятно усиленная колонизація Румыновъ и Русскихъ положила основаніе Молдавскому государству, въ которомъ Мавровлахія тянулась вдоль по Пруту, Россовлахія—вдоль по Днѣстру. Стало - быть такъ называемая Бессарабія справедливѣе должна была носить имя Россовлахіи. Прибавлю къ этому еще и то, что когда уже возникла Молдовлахійская митрополія въ Сочавѣ (послѣ въ Яссахъ), то и тогда, какъ видно изъ позднѣйшихъ документовъ, былъ назначаемъ отдѣльный митрополитъ *Προϊλάβη*, власть котораго простиралась отъ Дуная вверхъ по Днѣстру, по правую и лѣвую сторону этой рѣки. Во время господства Буджакскихъ Татаръ этотъ митрополитъ *Προϊλάβη* ставилъ священниковъ въ Аккерманъ, Дубоссары и даже въ Хотинъ.

Не было ли такое признаніе власти митрополита *Προϊλάβη* слѣдствіемъ исконнаго признанія отдѣльности Россовлахіи отъ Мавровлахіи, т. е. Молдавіи?

Болѣе тщательные розыски по документамъ подтвердятъ мысль, что такъ называемая Бессарабская Область возвращена Русской землѣ по исконному ея призванію быть Россовлахіею, что и не лишало бы напомнить нашимъ сосѣдямъ.

Гдѣ нужно искать ту рѣку, на берегахъ которой 5-го мая 1185 г. былъ разбитъ
Игорь Святославичъ Новгородѣверскій, и которая названа Каялой? ¹⁾

Рефератъ П. Е. Ваденюка.

5 мая 1185 года, — а этотъ день приходился въ воскресенье, — удѣльный князь
Новгорода Сѣверскаго, Игорь Святославичъ, былъ разбитъ Половцами на берегахъ какой-
то степной рѣки, которая въ двухъ письменныхъ памятникахъ, дошедшихъ къ намъ изъ
этой отдаленной эпохи, названа „Каялой“.

Это печальное событіе, имѣвшее своимъ послѣдствіемъ уничтоженіе шести русскихъ
отрядовъ и плѣнъ четырехъ князей, нашло себѣ поэтическое выраженіе въ произведеніи,
извѣстномъ подъ именемъ „Слово о плѣку Игоревѣ“. Само событіе, равно какъ и весь
походъ Сѣверскаго князя, взятые отдѣльно, не представляютъ ничего особеннаго и важ-
наго: они совершенно ступшеваются въ массѣ фактовъ нашей исторіи; но по отношенію
къ „Слову о плѣку Игоревѣ“, точное изслѣдованіе ихъ является, такъ сказать, дѣломъ
первой необходимости.

Ни размѣры времени, ни другія условія, съ которыми связано подобное изслѣдованіе,
не позволяютъ мнѣ теперь выполнить эту задачу до конца; поэтому ограничиваюсь на
этотъ разъ только частицей ея, предлагая свои замѣчанія и выводы относительно вопроса:
„гдѣ была помянутая битва и гдѣ нужно искать рѣку Каялу?“ — вопроса, который, кстати
замѣтить, до сихъ поръ еще точно не изслѣдованъ. Если, при дальнѣйшемъ изложеніи
настоящей замѣтки, я и буду обращаться къ исторіи всего похода, то позволю себѣ дѣ-
лать это настолько, насколько это необходимо для рѣшенія моей задачи.

Источниками Игорева похода служатъ:

во 1-хъ, само „Слово о плѣку Игоревѣ“, именно тѣ мѣста его, которые непосред-
ственно воспроизводятъ различные моменты похода; и

¹⁾ Прилагается карта № 2 съ таблицею рода Ольговичей.

во 2-хъ, лѣтописные рассказы о походѣ, которые сводятся къ двумъ основнымъ типамъ: а) рассказу Ипатьевской лѣтописи (какъ напр. Густынской), и б) рассказу лѣтописи Лаврентьевской (какъ напр. Воскресенской, Переяславля Суздальскаго и пр.).

Что касается перваго нашего источника, то взятый самъ по себѣ онъ мало удовлетворяетъ историка Игоревъ похода, такъ какъ всѣ событія рисуетъ въ общихъ чертахъ и почти не представляетъ никакихъ частныхъ подробностей. Онъ главнымъ образомъ можетъ служить для повѣрки извѣстій, сообщаемыхъ лѣтописными рассказами.

Что же касается этихъ послѣднихъ, то, какъ я уже упомянулъ, они являются въ двухъ типахъ, совершенно отличныхъ другъ отъ друга какъ по языку, такъ и по содержанию, чѣмъ и обуславливается ихъ относительная цѣнность для историка Игоревъ похода.

Въ рассказѣ *Ипатьевской* лѣтописи послѣдній найдетъ подробныя указанія на то, какъ совершался этотъ походъ, въ какое время и при какихъ обстоятельствахъ, какіе князья принимали въ немъ участіе; найдетъ упомянутыми такіе города и рѣки, которые извѣстны и нынѣ (какъ города: Новгородъ - Сѣверскій, Рильскъ, Путивль, Трубчевскъ, Курскъ, и рѣки: Осколь и Донецъ), и такіе, названія которыхъ не заключаются болѣе въ современной намъ географической номенклатурѣ (какъ напр. рѣки: Сальница и Сюурій). Въ числѣ послѣднихъ онъ встрѣтитъ и занимающую насъ рѣку, которая приводится здѣсь всего одинъ разъ и которая, какъ и въ „Словѣ о плѣку Игоревѣ“, названа „Каялой“.

Замѣчательно, что послѣднее названіе обставлено здѣсь извѣстной игрой словъ: такъ, заключая рассказъ о битвѣ 5 мая, лѣтописецъ говоритъ: „и тако во день святого воскресенія наведе на ны Господь гнѣвъ свой, въ радости мѣсто наведе на насъ плачь и во веселье мѣсто—жело (им. желя т. е. печаль), на рѣцѣ Каялы“...

Далѣе, въ рассказѣ *Ипатьевской* лѣтописи заключаются такія указанія, которыя слишкомъ мелочны для обыкновеннаго лѣтописца, какъ напр. расположеніе полковъ Игоря предъ первой битвой—3-го мая, или же имена Половецкихъ вождей, поразившихъ Игоря. Всѣ фазы движеній послѣдняго съ 1-го по 5-ое мая, равно какъ и обозначенія времени, отмѣчены въ *Ипатьевской* лѣтописи точно и опредѣленно. Уже по всему этому можно заключить о томъ, что этотъ рассказъ современенъ самому событію; послѣднее обстоятельство еще болѣе обнаруживается изъ сравненія этого лѣтописнаго рассказа съ поэтическимъ рассказомъ „Слова“, которое признано наукой современнымъ воспомину въ немъ походу. Кромѣ того, изъ подобнаго же сравненія обнаруживается еще и извѣстное непосредственное соотношеніе этихъ двухъ рассказовъ. Обобщенія, какія можно бы извлечь при этомъ сравненіи, могли бы составить предметъ особаго разсужденія; я ограничусь здѣсь только указаніемъ на то, что не только содержаніе, складъ и расположеніе частей рассказа *Ипатьевской* лѣтописи, но и отдѣльныя выраженія совершенно тождественны съ подобными „Слова о плѣку Игоревѣ“. (Такъ напр. Слово: „Братіе и

дружино!“ — Ипатьевск. лѣт.: „Братя и дружино!“; Слово: „ищучи... *чти*, а князю славы“ — Ипат. лѣт.: „возложилъ (Богъ)... на насъ *честь* и *слава*“; Слово: „обступити“ — Ипат. лѣт.: „выступити“...; Слово: „загородите ворота“ — Ипат. лѣт.: „отвориша ворота“... и проч.). А это все придаетъ первому особенную цѣнность и всѣ извѣстія его возводитъ на степень положительныхъ историческихъ свидѣтельствъ, свидѣтельствъ точныхъ и неоспоримыхъ.

Не тѣмъ характеромъ языка и содержанія отличаются лѣтописные рассказы втораго типа, напр. рассказъ лѣтописи *Лаврентьевской*. Съ перваго взгляда можно замѣтить, что онъ составлялся въ то время, когда походъ Игоря не представлялъ уже для слагателя интереса дня, что послѣдній не усвоилъ себѣ всѣхъ обстоятельствъ этого похода; однимъ словомъ, рассказъ *Лаврентьевской* лѣтописи представляетъ позднѣйшую и испорченную редакцію болѣе полныхъ первоначальныхъ редакцій. Въ немъ мы находимъ и крупныя ошибки: такъ, напр., лѣтописецъ заставляеть Игоря идти на Переяславль, очевидно смѣшивая обстоятельство, случившееся за 3 недѣли предъ тѣмъ (около 1-го марта 1185 г.). Игорь дѣйствительно направлялся на Переяславль („ѣха полемъ перекъ возлѣ Сулу“ Ипат.), когда желалъ пройти на помощь Святославу Всеволодичу, но весенняя распутица помѣшала его предпріятію; или же вотъ еще примѣръ: лѣтописецъ заставляеть русскихъ князей веселиться на отнятыхъ вѣжахъ 3 дня и затѣмъ сражаться 3 дня, тогда какъ событія, закончившія Игоревъ походъ, обусловливаются всего тремя днями (2—5 мая).

Относительно языка этого рассказа позволю себѣ ограничиться слѣдующимъ замѣчаніемъ: тогда какъ языкъ рассказа о походѣ Игоря Ипатьевской лѣтописи исполненъ жизни и драматизма, — языкъ *Лаврентьевской* вялъ и безцвѣтенъ. Однако и въ *Лаврентьевской* лѣтописи мы находимъ указанія, не заключающіяся въ Ипатьевской, но важныя въ историческомъ отношеніи. Ими я воспользуюсь при дальнѣйшемъ изложеніи моей замѣтки.

Изъ сравнительнаго обзорѣнія приведенныхъ источниковъ извлекаются слѣдующія положенія касательно исторіи Игорева похода:

1) Предпріятіе Игоря было неизвѣстно Святославу Всеволодичу — великому князю Кіевскому, старшему тогда въ родѣ Ольговичей; Игорь скрылъ отъ него свои приготовленія къ походу, „утаился“, по выраженію Ипатьевской лѣтописи.

2) Выступилъ Игорь изъ Новгородѣверска во вторникъ на святой, 23 апрѣля 1185 года; прошелъ на Рильскъ, гдѣ княжилъ племянникъ его Святославъ Ольговичъ, и соединившись съ дружиной послѣдняго, прибылъ въ Путивль, гдѣ княземъ былъ въ то время 12-лѣтній сынъ Игоря Владиміръ; здѣсь Игорь стоялъ нѣкоторое время, ожидая помощи Ярослава Всеволодича, князя Черниговскаго.

3) Отсюда онъ прошелъ на востокъ, по Посемью, какъ это видно изъ слѣдующаго выраженія „Слова“: Всеволодъ, отвѣчая Игорю на приглашеніе къ походу, говоритъ: „а мои ти готови, осѣдлани, у Курьска — на *переду*“... Это слово есть нарѣчіе мѣста

дѣйствія—„впереди“, а не времени дѣйствія—„прежде“, какъ объясняли нѣкоторые. По отношенію къ Путивлю Курскъ будетъ впереди только въ томъ случаѣ, если отправляющійся изъ Путивля пройдетъ прямо на востокъ. Это направленіе и принялъ Игорь. Ему удобнѣе было идти по Посемью, гдѣ были разсѣяны сѣверскія поселенія и гдѣ такимъ образомъ онъ былъ у себя дома. Если къ тому же примемъ во вниманіе свидѣтельство Ипатьевской лѣтописи, что по пути Игорь собиралъ дружину, то указанное направленіе можетъ быть принято за самое вѣрное.

4) Пройдя мимо Курска, онъ повернулъ прямо на югъ, какъ это видно изъ того обстоятельства, что уже 1-го мая Ипатьевская лѣтопись застаётъ его на берегахъ Сѣвернаго Донца, гдѣ онъ и видѣлъ солнечное затмѣніе. Съ какого и на какой берегъ переправлялся Игорь чрезъ Донецъ? Изъ дальнѣйшаго разсказа лѣтописи видно, что послѣ переправы онъ въ тотъ же день подошелъ къ рѣкѣ Осколу, гдѣ два дня (1 и 2 мая 1185 г.) прождалъ Всеволода, который шелъ изъ Курска другой дорогой. При первомъ взглядѣ на карту мы должны будемъ отказаться отъ предположенія, что эта переправа состоялась гдѣ нибудь въ верхнемъ или среднемъ теченіи Донца, потому что невозможно въ одинъ день пройти пространство, заключенное между верхнимъ теченіемъ этой рѣки и Осколомъ. Значитъ она была совершена гдѣ нибудь тамъ, гдѣ это пространство самое незначительное, именно въблизи устьевъ послѣдней рѣки.

То обстоятельство, что лѣтопись умалчиваетъ о переходѣ Игоря черезъ Осколъ, тогда какъ не забываетъ упомянуть о переправѣ чрезъ такія незначительныя рѣчки, какъ Сальница и Сюрлій, позволяетъ предполагать, что Сѣверскій князь никогда и не переходилъ этой рѣки. Показаніе же Ипатьевской лѣтописи: „и тако подоша къ Осколу“ можно объяснить тѣмъ, что Игорь ждалъ Всеволода на правомъ берегу Сѣв. Донца—у того мѣста, гдѣ съ противоположной стороны вливаются воды Оскола, и что слѣдовательно онъ перешелъ Донецъ съ лѣваго берега на правый.

Принявъ послѣднее, легко указать и направленіе пути Игоря съ береговъ Сейма: онъ шелъ по возвышенности, образуемой Донецкимъ краемъ между Донцомъ и Осколомъ, гдѣ изстари пролегала торная дорога (Изюмскій шляхъ), и куда въ XII вѣкѣ заходили поселенія Сѣверинъ.

5) Извѣстно, что соединившись съ Всеволодомъ 2-го мая на правомъ берегу Донца, дружины Игоря того же дня, а слѣдовательно въ *одинъ* переходъ, достигли рѣки Сальницы, пройдя которую, на разсвѣтъ слѣдующаго дня подошли къ другой рѣкѣ—Сюрлію, гдѣ и встрѣтили первый половецкій отрядъ. Такимъ образомъ мѣсто первой битвы 3-го мая находилось въ разстояніи *суточного* перехода отъ мѣста переправы черезъ Донецъ.

6) Въ этой битвѣ, происшедшей 3 мая—въ пятницу—за рѣкой Сюрліемъ, Русскіе остались побѣдителями; преслѣдуя Половцевъ до поздней ночи, они зашли далеко въ глубь степей и ночевали въ чистомъ полѣ. Такимъ образомъ пройденное Русскими въ пятницу

пространство измѣряется всего *однимъ* днемъ пути. На разсвѣтъ въ субботу предъ ними явились несмѣтныя силы Половцевъ; они выступали подобно темному бору, какъ говорить лѣтописецъ, и шли „отъ Дона и отъ моря“, т. е. съ юга и юговостока, по выраженію пѣвца „Слова“. Русскіе начали отступленіе. Естественнo, они не могли отступать въ ту сторону, откуда наступали Половцы; движеніе Русскихъ поэтому было обратное: они шли по тому же направленію, по которому пришли, и этотъ субботній день отступленія долженъ былъ опять привести ихъ на берега Сюурлія же. Выраженіе лѣтописи: „хотяху бо буючеся дойти р. Донца“—вполнѣ подтверждаетъ наше мнѣніе, что отступленіе Игоря совершалось къ сѣверу. Оно окончилось утромъ въ воскресенье полнымъ пораженіемъ и плѣномъ Игоря близъ рѣки, называемой и лѣтописью и „Словомъ“ — рѣкой „Каялой“, и у береговъ которой находилось какое-то „езеро“—по свидѣтельству Ипат. лѣтописи.

Принявъ въ соображеніе изложенное въ послѣднемъ пунктѣ, мы должны искать послѣднюю рѣку вблизи Сюурлія.

Вотъ тѣ положенія, которыя легко добываются изъ критики нашихъ источниковъ. Мы узнали такимъ образомъ, что несчастіе, постигшее Игоря, случилось на правой сторонѣ Донца, въ разстояніи однихъ сутокъ пути отъ переправы его чрезъ эту рѣку, точнѣе же—гдѣ-то вблизи р. Сюурлія; мы пришли также къ заключенію, что и Каялу слѣдуетъ искать тамъ же. Намъ остается только указать эти рѣки на картѣ подъ ихъ современными названіями.

Прежде чѣмъ приступить къ рѣшенію этой части моей задачи, считаю уместнымъ указать на тѣ мнѣнія, какія существуютъ въ нашей исторической литературѣ относительно мѣста битвы 5-го мая; ихъ два: первое, Карамзина, полагаетъ рѣку Сальницу—Саломъ, а рѣку Каялу—Кагальникомъ—лѣвыми притоками Дона; другое, Буткова, ведетъ сначала Игоря по тому пути, который указанъ мною, но Каялу считаетъ р. Кальміусомъ, впадающимъ въ Азовское море. Ни то, ни другое невѣрно: съ первымъ нельзя согласиться по простому соображенію, что въ 10 дней (23 апрѣля по 3 мая) Игорь не могъ зайти такъ далеко; второе не можетъ быть принято въ виду выведеннаго нами положенія, что Игорь не могъ отступать къ югу, къ берегамъ Азовскаго моря, откуда наступали Половцы. Этихъ изслѣдователей ввело въ заблужденіе выраженіе „Слова“—„на рѣцѣ Каялѣ—у Дону великаго“; но извѣстно, что въ XII вѣкѣ Дономъ назывался и современный С. Донецъ, какъ это указано авторомъ „Географіи начальной лѣтописи“ Н. П. Барсовымъ.

Въ книгѣ Большаго Чертежа встрѣчается названіе Сальница, которое приурочивается къ иныѣшнему Сухому Торцу, составляющему лѣвый притокъ р. Тора; послѣдній

впадаетъ въ рѣку Донецъ при посадѣ Рай-городокъ, въ разстояніи 50-ти верстъ отъ мѣста сліянія рѣкъ Оскола и Донца, и составляется изъ двухъ рѣкъ—Казеннаго Торца и Кривого Торца (Карт. Екатерин. Губ., изд. Воен. Топ. Отд. Главн. Штаба, № 61-й). Устья Сух. Торца, названныя въ Большомъ Чертежѣ Сальницей, заключаются въ г. Славянскѣ и окружены солеными грязями и озерами, славящимися цѣлебными свойствами. Въ XVII вѣкѣ здѣсь были 4 значительныя соляныя озера, изъ которыхъ каждое носило отдѣльное названіе (Сухое, Торское, Мойное и Каяслеби; Геогр. Лекс. Гос. Рос., Оед. Полунина, М. 1773 г., стр. 396). Разстояніе отъ устьевъ Оскола, откуда началось движеніе Игоря 2-го мая до береговъ Сальницы—Сухаго Торца—максимумъ 25 верстъ, которое какъ разъ составляетъ дневной переходъ коннаго отряда.

Если такимъ образомъ Сальница лѣтописи—Сухой Торець, на что указывалъ еще Татищевъ въ вопросѣ о походѣ Мономаха 1111 г. и съ чѣмъ согласенъ авторъ „Географіи начальной лѣтописи“, то Сюурлій естественно долженъ быть принятъ за Торъ. Последнее можно бы вывести прямо изъ критики лѣтописныхъ извѣстій: въ томъ же Ипатьевскомъ спискѣ говорится, что Игорь во время бѣгства долженъ былъ перебраться за р. Торъ, гдѣ для него былъ приготовленъ конь. Кочевье Половцевъ, у которыхъ томился Игорь въ плѣну, было такимъ образомъ расположено у береговъ Тора. Здѣсь естественно представляется вопросъ: остались-ли кочевать тѣ Половцы, которые побѣдили Игоря 5 мая, на мѣстѣ своей побѣды?

Обыкновенно придонскіе Половцы свои зимовища располагали у устьевъ Дона, по сѣвернымъ и юговосточнымъ берегамъ Азовскаго моря. Весной они постепенно подвигались къ сѣверу, а когда наступающіе съ мая мѣсяца жары уничтожаютъ въ этихъ мѣстахъ растительность, ихъ кочевья подходили къ самымъ предѣламъ Сѣверской области, къ верховьямъ Псла, Сулы и Ворсклы. То обстоятельство, что разбитые 3 мая въ пятницу Половцы могли собрать такъ скоро сильную дружину (Къзакъ, Кончакъ, Етебичъ, Токсобичъ, Колобичъ и Терьтробичъ), которая притомъ могла подоспѣть въ одну ночь (съ пятницы на субботу—съ 3-го на 4-е мая), и объясняется тѣмъ, что ихъ орды были уже на пути къ мѣсту своихъ лѣтовищъ.

Какъ извѣстно, послѣ побѣды надъ Игоремъ 5-го мая одинъ отрядъ Половцевъ подъ начальствомъ Къзака пошелъ на Сѣверъ, въ Посемье, другой, подъ начальствомъ Кончака, на западъ—къ Переяславу. Они должны были оставить свои кибитки—вѣки кочевать въ удобной мѣстности, а таковою могли служить берега Сюурлія—Тора, какъ это видно изъ того, что уже 3-го мая Игорь встрѣтилъ здѣсь Половецкое кочевье. Здѣсь же должны были оставаться и русскіе плѣнники. Такимъ образомъ, не подлежитъ сомнѣнію, что Игорь сносилъ свой плѣнъ у Сюурлія-Тора, притомъ—*близъ мѣста постигшаго его несчастья*. Далѣе, припомню, что лѣтописцы умалчиваютъ о переправѣ Игоря чрезъ какую-нибудь рѣку при кратковременномъ движеніи его къ югу отъ береговъ Сюурлія—въ

субботу, 4-го мая; напротивъ, положительно свидѣлствуютъ (Ипат. и Лавр.), что во время отступленія Русскіе томились безводьемъ, что и само отступленіе имѣло цѣлью достигнуть воды. Это отступленіе, какъ показано было выше, совершалось обратнымъ путемъ—къ сѣверу, къ берегамъ Сюурлія. Если же при движеніи 4-го мая къ югу съ береговъ этой рѣки Игорь не встрѣтилъ никакой другой, то и при обратномъ движеніи онъ могъ очутиться только опять на берегахъ Сюурлія-Тора.

Эти соображенія позволяютъ мнѣ предположить, что здѣсь-то пали Игоревы стиги утромъ 5-го мая, и что Сюурлія-Торъ и „Каяла“—названія одной и той же рѣки.

Корня перваго названія я положительно не знаю; быть можетъ онъ и русскій, именно тотъ, который заключается въ словахъ *тор-ный* и *про-тор-ить*, и который выражаетъ понятіе движенія. Корень втораго заключается въ татарскомъ языкѣ (П. Бутковъ, Вѣстникъ Европы 1821 г., ч. СХХІ, № 21, въ примѣчаніяхъ), гдѣ *су*—значить *вода*; впрочемъ и арійскій корень *sur* или *sgu* означаетъ (свѣтить, блестя, литься)—*течь*. Такимъ образомъ выходило бы, что „Сюурлія“ есть половецкій переводъ „Тора“.

Что касается третьяго названія этой рѣки—„Каяла“, то оно одного корня съ *кая-ти*—осуждать, судить, и никогда не существовало какъ названіе географическое: оно всецѣло принадлежитъ поэтической изобрѣтательности пѣвца „Слова“.

Многочисленныя явленія природы предостерегали Игоря, сами воины его предупреждали объ опасности, но онъ не внималъ ни голосу неба, ни совѣтамъ разсудка; онъ, кромѣ того, утѣлся своего старшаго родича, которому долженъ былъ повиноваться, и съ упрямствомъ продолжалъ углубляться въ степи. По современному міросозерцанію, такъ полно и ясно выраженному въ „Словѣ“, начатое при такихъ обстоятельствахъ дѣло не могло кончиться удачей. А когда на берегахъ Тора Игорь дѣйствительно потерпѣлъ страшное пораженіе, то, по тому же міросозерцанію, оно было карой небесной, судомъ Божиимъ, или, какъ объяснялъ свое несчастье и самъ Игорь (Ипат. лѣт.), „отместьемъ отъ Господа“...

Въ этомъ смыслѣ и рѣка, гдѣ совершился этотъ судъ, въ поэтическомъ языкѣ пѣвца „Слова“ получила названіе Каялы—рѣки суда и осужденія...

„Каяла“ такимъ образомъ названіе не географическое, оно изобрѣтено художникомъ-пѣвцомъ „Слова“, и мы напрасно стали бы искать его по созвучію въ географическихъ современныхъ намъ названіяхъ рѣкъ. Мое объясненіе этого названія имѣетъ основаніе и въ томъ обстоятельствѣ, что въ другомъ мѣстѣ „Слова“ (первое изданіе Тихонравова, 1866 г., стр. 5) рѣка Сожи, у которой были убиты въ 1078 г. Изяславъ Ярославичъ и Борисъ Вячеславичъ, „за *оби́ду* Ольгову“, названа такимъ же именемъ: „съ той же (т. е. съ такой же, съ подобной) Каялы“... говоритъ о Сожи пѣвецъ „Слова“.

Изъ „Слова“ же это названіе занесено и въ Ипатьевскую лѣтопись, гдѣ оно встрѣчается всего одинъ разъ, и авторъ разсказа которой какъ будто бы старается объяснить

его значеніе: послѣ словъ „наведе на ня Господь гнѣвъ свой... на рѣцѣ Каялы“ — слѣдуетъ обширная вставка, гдѣ Игорь предается самоосужденію и которая начинается изъяснительно: „рече бо дѣи Игорь“...

Въ заключеніе своей замѣтки приведу нѣсколько словъ изъ маленькой, но прекрасной статьи академика Я. Грота: „О топографическихъ названіяхъ вообще“. Авторъ этой статьи говоритъ: „Топографическое имя почти никогда не бываетъ случайнымъ и лишеннымъ значенія. Въ немъ по большей части выражается или какой нибудь *признакъ* самаго урочища, или *характеристическая черта* мѣстности, или намекъ на *происхожденіе* предмета, или, наконецъ, какое нибудь *обстоятельство*, *болѣе или менѣе любопытное* для ума и воображенія“.

Эти положенія одинаково приложимы и къ Сальницѣ (Сухому Торцу), почва бассейна которой пропитана солью, и къ Тору (Сюурлію), едва пробирающемуся по низкой, болотистой равнинѣ.

Что же касается доказываемаго мною, что пѣвецъ „Слова“ изобрѣлъ названіе „Каяла“, то примѣры подобной изобрѣтательности мы находимъ у Давида Заточника, который Переяславль называетъ Гореславлемъ, и у пѣвца „Слова“, гдѣ Олегъ Святославичъ названъ Гориславичемъ (отъ горя, которое переносилъ онъ лишившись удѣла, или которое причиняли другимъ его междоусобія).

Такимъ образомъ, на основаніи всего вышеизложеннаго можно полагать, что кровавая драма 5-го мая разыгралась на относительно маломъ пространствѣ, именно въ треугольникѣ, образуемомъ сліяніемъ Тора и Донца; что не Кагальникъ или Кальміусъ, а Сюурлій-Торъ сдѣлался для Руси рѣкой Каялой, и что здѣсь, у устьевъ Сухого Торца, при одномъ изъ соляныхъ озеръ, палъ послѣднимъ буй-туръ Всеволодъ!

О ПРОИСХОЖДЕНІИ НАЗВАНІЯ ЛЯДСКИХЪ ВОРОТЪ ВЪ КІЕВѢ.

Рефератъ П. О. Юрченко.

Кажется, что первый г. Закревскій въ своемъ сочиненіи: „Лѣтопись города Кіева“ (Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древности Россійскихъ 1858 г., книга 2, стр. 156) замѣтилъ: „Лядскія или Польскія врата“. Позже встрѣчаемъ у нѣкоторыхъ историковъ это сопоставленіе, что Лядскія ворота суть польскія. С. М. Соловьевъ (Исторія Россіи, т. 3-й, изд. 3-е, 1872 г., стр. 36) говоритъ, что „они (ворота) носили названія по тѣмъ частямъ города, къ которымъ прилегали, по ихъ народонаселенію, напр. въ Кіевѣ были ворота Жидовскія, Лядскія“.... Здѣсь причину наименованія воротъ Лядскими онъ именно видитъ въ населеніи, а не въ мѣстности, потому что далѣе (стр. 39), говоритъ, что „Лядскія ворота въ Кіевѣ указываютъ на Польскій кварталъ или улицу“. При этомъ ниже почтенный историкъ видимо желаетъ связать названіе воротъ польскими съ пребываніемъ Поляковъ въ Кіевѣ для торговли. Между прочимъ онъ замѣчаетъ: „иноземное народонаселеніе жило въ *торовыхъ* городахъ, преимущественно въ Кіевѣ“.... Нигдѣ онъ не исключаетъ Поляковъ изъ среды торговцевъ.

Покойный И. Д. Бѣляевъ въ своихъ „Разсказахъ изъ Русской Исторіи“ (т. 1-й, стр. 56) утверждаетъ: „здѣсь (въ Кіевѣ) появились *слободы* или *улицы* изъ иноплеменниковъ, *торовавшихъ* чрезъ Кіевъ, таковы Хозарская или Жидовская, Лятская улица“. До этихъ указаній, взятыхъ для примѣра, раньше я не прослѣдилъ этого сопоставленія Лядскихъ воротъ съ Поляками, жившими около нихъ въ слободѣ или улицѣ для торговли. Но, сколько я помню, предшественники упомянутыхъ писателей не говорятъ о торговлѣ Поляковъ въ Кіевѣ.

Карамзинъ въ своей „Исторіи Россійскаго Государства“ (т. 3-й, изд. 1816 г., стр. 201 и т. 4-й, стр. 12, прим. 8, изд. 1817), перечисляя всѣ народы, жившіе въ Кіевѣ, нигдѣ не переходитъ отъ названія воротъ „Лядскими“ къ пребыванію возлѣ нихъ Поляковъ. Что касается современниковъ, то довольно сказать, что покойный Устряловъ, М. П. Погодинъ, Н. И. Костомаровъ, К. Н. Бестужевъ-Рюминъ не находятъ Поляковъ въ Кіевѣ.

Я всматривался въ извѣстія лѣтописей и иностранныхъ писателей и не нашелъ нигдѣ упоминаній о томъ, что Поляки торговали въ Кіевѣ.

Но, помимо прямыхъ указаній, наука о древностяхъ вправе воспользоваться наведеніемъ. Это же послѣднее противъ упомянутыхъ историковъ. Въ другой разъ я позволю себѣ поговорить подробнѣе о связяхъ бассейна Вислы съ южной Русью. Въ настоящую минуту замѣчу только, что Поляки рано тянули къ западу, къ морю Балтійскому, что они никогда не были торговымъ народомъ, чуждались этого рода занятій, предоставивъ торговлю Ганзейцамъ или Евреямъ. Посредники ихъ въ этомъ дѣлѣ сносились съ Византіей еще задолго до прихода Татаръ бассейномъ Днѣстра и другихъ прилегающихъ къ нему рѣкъ, предпочитая послѣдній путь далекому обходу по Припети и Днѣпру.

Остается филологическій приемъ, которымъ, вѣроятно, и воспользовались упомянутые историки. Въ этомъ случаѣ главную роль играетъ названіе воротъ „Лядскими“. Послѣднее прилагательное тождественно со словомъ лянскій, т. е. польскій. Въ такомъ смыслѣ это слово очень часто употребляется въ лѣтописи, напр. подъ 1030, 1031, 1145, 1146 и другими годами (Нестора лѣтоп., II. С. Р. Л. II, 21 и др.). Но вотъ вопросъ: названы ли эти ворота такъ потому, что возлѣ нихъ жили Поляки, или же по другой причинѣ, по которой и сами Поляки носили имя Ляховъ? Если ворота получили названіе отъ Поляковъ, жившихъ, какъ утверждаютъ С. М. Соловьевъ и И. Бѣляевъ, для торговли, то является маленькое недоразумѣніе, именно: почему они избрали такое неудобное для поселенія мѣсто? Руководствуясь „Лѣтописью“ г. Закревскаго и планомъ, взятымъ изъ нея же въ атласъ г. Замысловскаго, и провѣряя показанія ихъ по лѣтописи Нестора и его продолжателей, мы находимъ, что дѣйствительно ворота Лядскія лежали на южной сторонѣ Кіева, именно „горы“ и къ западу отъ „града“. Къ этимъ воротамъ, съ южной стороны прилегали дебри, которыя простирались на югъ и юго-востокъ; къ западу и юго-западу прилегали сады и огороды; за дебрями, къ югу же, лежали пески, за послѣдними расположено было „перевѣсище“. Изъ этихъ воротъ на югъ шла дорога въ „Печерскъ“. Съ внутренней стороны къ занимающимъ насъ воротамъ примыкала площадь, отъ которой шли три улицы. Одна вела въ „градъ“; другая черезъ Златые ворота переходила на дорогу въ Василевъ; а третья, прямая, чрезъ „гору“ и ворота „Жидовскія“ шла на Бѣлградъ въ Галицію. Мнѣ кажется, что здѣсь трудно было жить Полякамъ, т. е. латинамъ. Я думаю, что если допустить въ Кіевѣ Поляковъ-торговцевъ, то имъ безопаснѣе и удобнѣе было поселиться ближе къ рѣкѣ и дорогѣ, ведущей въ ихъ страну, изъ которой шли товары и подальше отъ святынь великокняжеской столицы, напр. на Подолѣ. Тамъ, гдѣ поселяютъ ихъ историки, можно было жить только плѣннымъ и заключеннымъ, а не свободнымъ иностранцамъ.

Обращу теперь, послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній, ваше вниманіе на значеніе слова „лядскій“, встрѣчающееся у лѣтописца подъ 1151 и 1240 годами. Я не

обинуясь готовъ примѣнить объясненіе профессора Лавровскаго, составленное на основаніи указаній г. Микуцкаго (Мнѣніе о происхожденіи и коренномъ значеніи названія „ляхъ“, Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1870 г., кн. 3). Въ этомъ объясненіи онъ говоритъ, что въ словѣ ляхъ *лх* есть окончаніе, какъ уже замѣтилъ Шафарикъ (Сл. Др. 1847 года, т. 2-й, книга 2-я, стр. 194), существительнаго для обозначенія лица, а корень этого слова есть **ЛА**. Этотъ корень онъ прослѣдилъ въ языкѣ польскомъ, полабскомъ, румынскомъ, латышскомъ, скандинавскомъ, санскритскомъ. Для насъ важно преимущественно то, что представители этого корня сказываются въ современномъ польскомъ языкѣ и въ особенности русскомъ просторѣчій (лядыкъ, ляцкій, лендо, люндо, линдинъ, лид, лидиманъ, linda, likh=лѣха). По словарю Даля, существительное, отъ котораго произведено прилагательное лядскій, до сихъ поръ живетъ въ русскомъ простонародномъ языкѣ (ляда, лядá, лядина, ляшина). Упомянутый нами корень **ЛА** послужилъ къ образованію также слова, которое обратилось въ собственное для обозначенія народа привислянскаго у Русскихъ, Поляковъ, Сербовъ, Мадыаръ, Литовцевъ (ляхъ, лехъ, лѣхъ, ляшскій, лендзель, линкась, ленкась, лянкась). Слова отъ этого корня у разныхъ народовъ служили для обозначенія расчищеннаго поля, а потомъ стали употребляться для обозначенія людей, занимавшихъ эти починки, затѣмъ стали означать владѣтелей земли, дворянъ (ср. нѣмец. Edelmann). Но такъ какъ это слово до сихъ поръ живетъ у простаго народа, то можно допустить, что вѣковъ 9 тому назадъ оно было общимъ. Г. Микуцкій въ Словарѣ Даля указываетъ на слова ляда, лядá, лядина (запад. сѣвер.), лядо (ворон. курск.), ляшина (владимір.), которыя обозначаютъ росчисть, починокъ, пасѣку, кулигу, пустошь, заросль, покинутую и заросшую лѣсомъ землю и пр. Таково же значеніе этого слова и въ другихъ, указанныхъ мною языкахъ. Конечно, мѣстность, обнаженную отъ лѣса, подъ Кіевомъ, естественно было назвать русскимъ словомъ ляда, а ворота, прилегающія къ ней лядскими. И въ самомъ дѣлѣ, прислушайтесь, что говоритъ лѣтописецъ при описаніи осады Кіева Батыемъ, подъ 1240 годомъ: „Постави же Баты пороки городу подлѣ вратъ *Лядскихъ*, *ту бо бѣаху прииши дебри*“. Последнія слова я прямо отношу какъ объясненіе къ слову „лядскіи“. Конечно, возлѣ дебрей неудобно вести осаду, а потому, какъ я полагаю, не постановку пороковъ хотѣлъ объяснить лѣтописецъ. Выбралъ же ихъ Батый какъ первый, сколько нибудь сносный пунктъ, переправившись чрезъ р. Днѣпръ ниже Кіева и двигаясь къ сѣверу по направленію къ городу.

Опытъ объясненія одного темнаго мѣста въ сказаніяхъ Геродота о древней Скиѣи.

Рефератъ П. О. Вурачкова.

Въ одно изъ предъидущихъ засѣданій Археологическаго Съѣзда почтенный нашъ сочленъ И. Е. Забѣлинъ указалъ на ошибку ученыхъ при объясненіи разсказовъ Страбона о мѣстоположеніи Сатинова памятника на Босфорѣ и о теченіи рѣки Кубани.

Проведши нѣсколько лѣтъ на Таманскомъ полуостровѣ и повѣряя сказанія Страбона на мѣстѣ, г. Забѣлинъ пришелъ къ заключенію, единогласно принятому на Съѣздѣ, что мнѣніе ученыхъ объ измѣненіи теченія р. Кубани не имѣетъ основанія.

Слѣдуя примѣру г. Забѣлина, я смѣю указать еще на одинъ памятникъ, завѣщанный намъ древностію, а именно на храмъ Димитры въ окрестностяхъ Ольвіи.

Неизвѣстно почему ученые наши усвоили мнѣніе, что храмъ этотъ находился на лѣвой сторонѣ теперешняго Буга, тамъ гдѣ мѣстечко Станиславъ. Ложное убѣжденіе это основывалось на томъ, что Станиславъ представляетъ мысъ, имѣющій будто бы видъ корабельнаго носа и находится при слияніи Буга (Гипаниса) съ Днѣпромъ, согласно повѣствованію Геродота, сказавшаго, что храмъ Димитры былъ построенъ на мысу супротивъ Ольвіи. Но позвольте замѣтить, что Станиславъ находится не супротивъ Ольвіи или торжища Борисѣенитовъ, а въ 30 верстахъ отъ него по діагонали, и будучи едва замѣтенъ, не представляетъ для плывущаго къ Ольвіи, или наблюдающему изъ нея, вида корабельнаго носа. Второе: какая надобность могла заставить Ольвіополитовъ строить храмъ свой за 30 верстъ отъ мѣста своего жительства въ странѣ варварской и содержать тамъ жрецовъ? Третье: какимъ образомъ объяснить себѣ противурѣчіе Геродота, сказавшаго ясно и опредѣлительно, что торжище Борисѣенитовъ находилось при Борисѣенѣ, текущемъ съ сѣвера, а не при Бугѣ?

Не желая утомлять вниманіе ваше подробнѣйшими соображеніями, я ограничиваюсь здѣсь указаніемъ, что впереди вверхъ по теченію Буга за Ольвіею въ двухъ верстахъ разстоянія находится другой мысъ, называемый Воложскою косою. Онъ какъ для плы-

вущаго къ Ольвіи, такъ и для наблюдающаго изъ нея представляетъ дѣйствительно подобіе корабельнаго носа и находится насупротивъ Ольвіи. Гдѣ же, какъ не здѣсь, т. е. при слияніи Геродотова Борисѣна, при которомъ, по его мнѣнію, находилась Ольвія, и Гипаниса изливающагося съ нимъ въ одну заводь, приличіе было находиться храму Димитры, покровительницы города?

Совершенно справедливо, что въ настоящее время Воложская коса не представляетъ мѣста, удобнаго для существованія храма; но не могло ли и здѣсь повториться того же самаго, что произошло на Босфорѣ съ памятникомъ Сатира, т. е. что онъ покрывся водою? Насупротивъ Воложской косы образовалась коса другая, именуемая Русскою, слѣдовательно и сама природа указываетъ, что здѣсь могла произойти физическая перемѣна.

При началѣ Воложской косы найдено было священникомъ села Парутино пять патеръ, изъ нихъ три хранятся въ Одесскомъ музеумѣ и двѣ въ моемъ собраніи вмѣстѣ съ обломкомъ отъ капища, на которомъ изображено лице Димитры. Что же касается до Станиславскаго мыса, то здѣсь не только не было найдено чего либо подобнаго, но и самыя монеты находятся весьма рѣдко. При этомъ Станиславъ есть мѣсто, доступное только для рыбацкихъ лодокъ. Извѣстіе о нахожденіи здѣсь росписныхъ греческихъ вазъ, сообщаемое нашимъ почтеннымъ предсѣдателемъ въ своемъ классическомъ описаніи древностей Припонтіискихъ, едва-ли справедливо.

Оправданіе предположенія моего о мѣстѣ нахожденія храма Димитры на Воложской косѣ я желаю видѣть у самого Геродота, показавшаго, что отъ Ольвіи вверхъ по теченію Гипаниса находились святые пути, происхожденіе которыхъ мы не можемъ объяснить иначе, какъ мѣстомъ нахожденія ихъ за святымъ мѣстомъ или по дорогѣ, ведущей къ нему, т. е. къ храму Димитры.

Если мнѣніе мое о мѣстѣ нахожденія храма Димитры и Гиополаева мыса на правой сторонѣ Буга найдетъ поддержку въ средѣ ученыхъ, тогда смѣю думать, что ключъ къ разгадкѣ многихъ изъ темныхъ мѣстъ въ сказаніяхъ Геродота о Скиоѣи будетъ найденъ. По крайней мѣрѣ мы убѣдимся, что Геродотъ, распредѣляя ближайшихъ сосѣдей Ольвіи по положенію относительно солнца, употреблялъ не тотъ компасъ, на который мы смотримъ теперь, повѣряя его сказанія. Геродотъ ясно сказалъ, упоминая о Калипидахъ, Алазонахъ и проч.: „вотъ народы, обитающіе на западъ отъ Борисѣна, т. е. по долинѣ Гипаниса“, слѣдовательно онъ считалъ востокомъ не Станиславскій, т. е. Херсонскій берегъ, но Таврический къ сторонѣ моря, такъ какъ онъ говоритъ, что Борисѣнъ течетъ съ сѣвера.

Преданія и суевѣрные сказанія о кладахъ, какъ данныя къ вопросу объ археологической топографіи Гадячскаго уѣзда (Полтавской губерніи).

Рефератъ П. С. Иващенко.

При археологическихъ изслѣдованіяхъ почвы, безспорно самыми надежными указаніями служатъ письменныя и предметныя свидѣтельства о событіяхъ и явленіяхъ прошлаго, дающія ручательство, что предпринятые изслѣдованія не останутся безплодными. Но кромѣ документальныхъ, такъ сказать, свидѣтельствъ, археологическому дѣлу могло бы служить посильную службу и устное народное слово. Не всѣ жизненныя явленія прошлаго времени засвидѣтельствованы исторіею и искусствомъ; многія изъ нихъ сдѣлались только предметомъ народнаго вниманія и устныхъ разсказовъ о нихъ, сохранившихся до нашихъ дней то въ видѣ преданій, то суевѣрныхъ сказаній. Преданія и сказанія о кладахъ особенно занимаютъ народную мысль и фантазію. Самыя сказанія возникаютъ, какъ сейчасъ увидимъ, на почвѣ свѣжо-сохранившихся преданій, близящихся къ фактамъ историческимъ. Мнѣ пришлось записать 15 сказаній названнаго рода о кладахъ на небольшомъ пространствѣ Гадячскаго уѣзда, которыя и предлагаю вниманію гг. членовъ Археологическаго Съѣзда вмѣстѣ съ тою мыслию, что такими и подобными имъ данными можно бы, по моему мнѣнію, пользоваться при археологическихъ изслѣдованіяхъ и описаніяхъ мѣстностей.

Я замѣтилъ, что суевѣрные сказанія возникаютъ на почвѣ свѣжо-сохранившихся преданій; въ подтвержденіе этой мысли привожу сообщеніе о кладѣ, помѣщаемомъ около с. *Русановки*, въ лѣсу *Груньки*, принадлежащемъ землевладѣльцу П. И. Шкларевичу. Пренная владѣлица лѣса, уже умершая помѣщица Сытенская, разсказывала нѣмцыцкому владѣльцу, со словъ старыхъ людей, что въ томъ лѣсу хоронили свое имущество окрестные жители во времена татарскихъ набѣговъ. Для помѣщенія имущества устроенъ былъ подъ горою *люга* (подвалъ), двери отъ коего были выкопаны при Сытенской. Раскопокъ

она не дѣлала, боясь *наложить голову* (умереть). Нынешній владѣлецъ убѣжденъ, что въ указанномъ мѣстѣ дѣйствительно есть *люкъ* и въ немъ кладъ, но самъ не рѣшается произвести раскопки. Говорятъ, что при ударахъ въ землю въ томъ мѣстѣ, гдѣ указываютъ *люкъ*, слышенъ гулъ, свидѣтельствующій о подземной пустотѣ. Преданіе объ этомъ кладѣ общезвѣстно въ окрестностяхъ указаннаго селенія.

Но рядомъ съ нимъ ходятъ между поселянами уже цѣлыя суевѣрныя сказанія о тамошнемъ кладѣ. Между ними есть такіе люди, которые, по заключенію мѣстнаго священника, готовы подъ присягой показать, что видѣли на мѣстѣ клада и *сати*, и *дыда*, и *бѣлую лошадь* и т. п. чудесныя знаменія кладовъ.

Изъ приведеннаго сообщенія о кладѣ видно, какъ легко народное воображеніе надѣляетъ чудесными атрибутами то, что въ основѣ своей не противорѣчитъ исторіи мѣстной и о чемъ еще такъ живо сохраняется народное, даже болѣе, фамиліино-землевладѣльческое преданіе.

Другія преданія и сказанія о кладахъ, числомъ 14, относятся народною памятію то ко временамъ борьбы съ Татарами и со Шведами, то просто къ разбойной дѣятельности извѣстныхъ или неизвѣстныхъ лицъ въ данной мѣстности, то къ исторически извѣстнымъ лицамъ; есть, наконецъ, такія преданія, основа которыхъ затемнена совершенно въ народномъ сознаніи.

Вотъ простой перечень ихъ.

1) На границѣ Гадячскаго уѣзда Полтавской губерніи съ Лебединскимъ уѣздомъ Харьковской, около с. *Каменнаго* (по южно-русски Камьяне) есть пещеры съ большимъ входомъ. По преданію, въ нихъ прятались мѣстные жители съ имуществомъ своимъ во времена татарскихъ набѣговъ.

2) Около с. *Борокъ* (Бірки), въ урочищѣ *Матвиѣвщина*, въ черномъ лѣсу, въ *люкахъ* (подвалахъ) спрятано имущество въ ожиданіи Шведовъ. Такъ рассказывалъ объ этомъ старый запорожецъ лѣтъ 50 тому назадъ.

3) Около с. *Русановки*, у *Робленихъ могилахъ*, въ лѣсу, принадлежащемъ землевладѣльцу Рохубовскому, преданіе помѣщаетъ кладъ извѣстнаго своею разбойною дѣятельностію Горкуни, находившагося здѣсь въ началѣ 18 вѣка.

4) Около с. *Бесва* есть лѣсокъ *Бесвень*, въ которомъ, по преданію, жили разбойники и оставили послѣ себя кладъ.

5) Въ с. *Подставкахъ*, на мѣстѣ бывшей усадьбы А. А. Ставицкаго, уже умершаго, по словамъ преданія, сообщеннаго мнѣ образованнымъ землевладѣльцемъ Е. К. Бодиско, зарытъ кладъ Полуботкомъ.

6) Около с. *Ручекъ*, въ хуторѣ *Яковницъ*, указываютъ кладъ-деньги, зарытыя подлѣ одного изъ погребовъ бывшею владѣлицею этой мѣстности. Фамиліное преданіе говоритъ

объ этомъ какъ фактъ несомнѣнномъ; а въ народѣ ходитъ сказаніе, что тамъ не разъ уже являлась горящая свѣча, какъ знаменіе клада.

7) Около *Борокъ*, въ *Слободкѣ*, на мѣстѣ *старого* дома помѣщика Черныша, указываютъ кладъ. Въ 1842 году, приблизительно, производилъ на этомъ мѣстѣ раскопки профессоръ Грановскій вмѣстѣ съ Е. К. Бодиско. Нашли четырехугольное основаніе зданія, обломки столоваго сервиза и кафли и только.

8) Въ с. *Липовой Долинѣ*, по почтовой дорогѣ къ г. Ромны, съ лѣвой стороны, въ глиняномъ утесѣ открылось въ 1873 году отверстіе, ведущее въ глубь пещеръ, гдѣ примѣтны были какіе-то предметы. Отверстіе закрыто по распоряженію мѣстной администраціи.

9) Подлѣ *Миссоковской* почтовой станціи, по почтовому тракту изъ г. Гадяча въ Збѣнковъ и Полтаву, говорятъ, есть кладъ.

10) Около с. *Разбишевки*, въ лѣсу, именуемомъ *Городище*, гдѣ, по преданію, былъ городъ, который неизвѣстно когда и вслѣдствіе какихъ причинъ прекратилъ свое существованіе, указываютъ кладъ. Лѣтъ 30 тому назадъ въ этомъ мѣстѣ отыскали рогъ какого-то необыкновеннаго животнаго. Рогъ имѣлъ въ длину 3 или 4 аршина, а вѣсилъ 3 пуда. Говорятъ, что рогъ этотъ доставленъ по начальству.

11) Около *Кіммічки*, въ *Молодецкомъ* лѣсу, преданіе помѣщаетъ кладъ — *гроши* (деньги). Разсказываютъ, что дѣвушкамъ, половшимъ ниву у ярка, явилась шкатулка съ деньгами; но когда, по перенесеніи дѣвучками этой шкатулки въ садъ одной изъ нихъ, онѣ отправились сказать объ этомъ своимъ матерямъ, кладъ скрылся.

12) Возлѣ с. *Берестовки*, въ лѣсу *Довжску*, говорятъ, есть *мохъ*, происхожденіе котораго неизвѣстно. Лѣтъ 20 тому назадъ указывали на два дуба, стоявшіе будто бы у дверей этого *моху*. Одинъ изъ управляющихъ графа Строганова искалъ тамъ клада, но ничего не нашелъ.

13) Подлѣ с. *Свачои*, по пути въ Берестовку, въ $\frac{1}{2}$ верстѣ отъ *Чирвиного* хутора есть *Хуренни молилы* и въ нихъ кладъ. Въ ночь Великаго Воскресенія горитъ тамъ свѣча.

14) Около Русановки, въ урочищѣ *Шировищина*, за *Фоцаной*, у *Вырвахвоста* въ *Григоровомъ* лѣсу, есть чудесные клады; они являются въ видѣ горящихъ свѣчей, старыхъ-престарыхъ дѣдовъ и бѣлыхъ коней; но даются только *счастливымъ*, взять и всѣ вообще чудесные клады, по исполненіи времени произнесеннаго надъ ними заклятія. Тогда стоитъ свѣчу потушить, старику утереть носъ, коня взять подъ уздцы — и все это превратится въ *гроши*; это значить, что кладъ дастся самъ собой.

Вотъ тѣ немногія преданія и сказанія, которыя привели меня къ высказанной мною въ началѣ сообщенія мысли.

БОЛОХОВСКАЯ ЗЕМЛЯ И ЕЯ ЗНАЧЕНИЕ ВЪ РУССКОЙ ИСТОРИИ.

Рефератъ Н. П. Дашкевича.

Изъ подготовительныхъ работъ къ созданію полной и обстоятельной картины прошлаго Русской земли, немалая часть должна придтись на долю исторической географіи, которая, на ряду съ множествомъ мелкихъ вопросовъ относительно отдѣльныхъ мѣстностей второстепенной важности, ставитъ и болѣе крупныя задачи.

Возьмемъ, напримѣръ, южнорусскую землю въ до-монгольскій періодъ. Опредѣлени ли *точно*, а не *оцѣнительно* ея рубежъ со стороны Венгріи¹⁾ и отчасти со стороны Польши? Знаемъ-ли мы, какъ слѣдуетъ, разновременныя границы славяно-русскихъ племенъ и затѣмъ галицкихъ владѣній въ земляхъ, прилегавшихъ къ Черному морю и Дунаю?

Мало того: многое темно и въ мѣстностяхъ ближайшихъ къ тогдашнимъ центрамъ Русской земли.

Мелькнувшая какъ-то неясно въ южнорусской лѣтописи XII и XIII-го стол. Болоховская земля, по отзывамъ авторитетныхъ историковъ²⁾, все еще остается загадочною, какъ по мѣстоположенію ея, такъ и по происхожденію ея князей.

Единственный источникъ, сказавшій намъ о ней, т. е. названная нами лѣтопись³⁾,

¹⁾ Указанія г. Барсова на счетъ этого, чтобы быть принятыми въ наукѣ, нуждаются въ болѣе обстоятельныхъ основахъ.

²⁾ К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, „Русская исторія“, томъ I; Н. И. Костомаровъ, „Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей“, 1 отд., вып. I (С.Пб. 1873), стр. 184. Тоже и у Зубрицкаго: „Исторія древняго Галицко-русскаго княжества“, I (Львовъ 1852 г.), стр. 62.

³⁾ Въ другихъ современныхъ лѣтописяхъ, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ, и въ

къ счастью, не оставилъ насъ въ полной безпомощности и не только опредѣлить, хотя не совсѣмъ прямо и явственно для перваго взгляда, мѣстоположеніе ея вообще ⁴⁾, но на-

описаніяхъ пугешествій того времени, о ней нѣтъ ни слова. Не упоминаютъ о ней и польскіе анналы XIII стол. (мы просмотрѣли ихъ по изданію Бѣлѣвскаго—въ «Monum. Pol. historica», t. II, Lwów, 1872—и Коммерсберга—въ «Silesiacarum rerum scriptores», t. II, Lipsiae, 1730), хотя Болоховскіе князья, по извѣстію нашей лѣтописи, пришли однажды въ непріязненное столкновение и съ Мазовією (Ипатскій списокъ по изданію 1871 года, стр. 527). Оно случилось не позже 1243 г., потому что лѣтопись сообщаетъ о немъ при описаніи событій, имѣвшихъ мѣсто предъ возвращеніемъ Татаръ изъ похода на Западъ, а также и не непосредственно предъ этими событіями: начиная повѣствованіе о Болоховскихъ князьяхъ, лѣтопись выражается: „Онѣмъ(ъ) же одинако не помнящимъ добродѣанъ...“ Вѣроятно, это было послѣ 1234 г., когда Болоховскіе князья, принявшіе сторону Черниговскихъ, были захвачены въ плѣнъ Данииловыми войсками: лѣтописецъ уже при описаніи этого послѣдняго событія упомянулъ бы о неблагодарности Болоховскихъ князей, на которую намекаетъ подъ 1241 г., еслибы они дали передъ тѣмъ обѣщаніе повиноваться Даниилу, но онъ этого не дѣлаетъ. Старанія Михаила Черниговскаго объ освобожденіи Болоховскихъ князей не только не увѣчались успѣхомъ, но повлекли за собою рядъ потерь для него. И если Болоховскіе князья не тогда, а въ другое какое-то время дали обѣщаніе признавать Даниилову власть, то, очевидно, имъ удалось въ первомъ случаѣ уйти отъ него безъ подобныхъ условій. — Г. Соловьевъ предполагаетъ („Ист. Россіи“, III, стр. 211—212 по изд. 1862 г.), что все это случилось, „когда Даниилъ жилъ въ Вышгородѣ у Болеслава Мазовецкаго; князья Болоховскіе прибѣжали также въ Польшу отъ Татаръ: но Болеславъ не хотѣлъ принимать ихъ, а хотѣлъ ограбить...“ Этого нельзя сказать, вникнувъ глубже въ лѣтопись. Болоховскіе князья не могли бѣжать отъ Татаръ во время опустошенія южной Руси; они должны были войти въ упоминаемое лѣтописью соглашеніе съ Татарами еще до прохода послѣднихъ мимо Болоховской земли, которая осталась цѣла. Не думаемъ также, чтобы Даниилъ и Василько, жившіе съ малою только дружиною у гостеприимно обошедшагося съ ними Болеслава (Ип., 523), могли рѣшиться на брань съ нимъ изъ-за своихъ враговъ. — Разсказъ нашей лѣтописи о вторженіи Болоховцевъ во владѣнія Болеслава Мазовецкаго довольно неясенъ. Не видно, во 1-хъ, причины этого нападенія: вторгнулись-ли Болоховскіе князья въ Мазовію, чтобы отомстить грабежемъ Даниилову союзнику, или же, какъ думалъ Карамзинъ (IV, прим. 20), они хотѣли овладѣть частью этой области? Допустить первое едва ли позволятъ слова Болеслава, который, желая посуровѣе съ ними расправиться, не поставлялъ Даниилу на видъ, что Болоховскіе князья были общіе ихъ враги, а ссылался только на неподвѣдомственность ихъ Даниилу (значить, послѣднему нечего заступаться за нихъ). Напротивъ, одно выраженіе Болеслава („почто суть вошли во землю мою, яко не *здахъ имъ?*“) благоприятствуетъ догадкѣ Карамзина. Не бѣжали ли Болоховцы, слышавъ о Татарахъ, когда тѣ были на той еще сторонѣ Днѣпра, и не думали ли они поселиться въ Мазовіи на какомъ-нибудь свободномъ мѣстѣ? Во 2-хъ, непонятно, какъ Болоховскіе князья могли проникнуть въ Мазовію, когда она отдѣлялась отъ нихъ владѣніями Даниила и Василька, очевидно, бывшихъ тогда дома и, слѣдовательно, могшихъ помѣшати ихъ проходу.

⁴⁾ Мы разумѣемъ въ особенности весьма важное для насъ лѣтописное извѣстіе подъ 1257 г.

звать даже главнѣйшіе ея города: „Деревичь, Губинь и Кобудь, Кудинь, Городѣцъ, Божскій, Дядковъ“⁵⁾.

При помощи этого-то, главнымъ образомъ, указанія и стараются ученые со времени Карамзина опредѣлить мѣстность Болоховской земли, полагая ее тамъ, гдѣ находятъ поселенія, по названіямъ своимъ напоминающія перечисленные въ лѣтописи города Болохова. Послѣ незабвеннаго нашего исторіографа, предполагавшаго сначала, что Болоховскіе князья жили въ югу отъ Бреста, а потомъ отказавшагося отъ рѣшительнаго приговора по этому вопросу⁶⁾, вслѣдъ за извѣстнымъ Ходаковскимъ⁷⁾, ученые обратились въ Подолію и начали располагать Болоховскую землю по теченію рѣки Бога⁸⁾. Ходаковский былъ направленъ туда, кажется, Кудинкою, найденною имъ у самой рѣки Бога⁹⁾. Г. Соловьевъ думалъ найти подкрѣпленіе этой теоріи въ корнѣ названія одного изъ Болоховскихъ городовъ, именно Божскаго, которое, по его мнѣнію, происходитъ отъ рѣки Богъ¹⁰⁾, а г. Барсовъ, въ первомъ изъ своихъ трудовъ по исторической географіи Россіи, указалъ въ тѣхъ же мѣстностяхъ также лежащее у Бога с. Губинь и привелъ

⁵⁾ Ил., 526.

⁶⁾ Вмѣстѣ съ Ходаковскимъ Карамзинъ находилъ не мало основаній относить Болохово въ Подолію, но, съ другой стороны, его смущало, что „Болеславъ Мазовскій заловался на то, что они самовольно захватили часть его владѣній... Слѣдственно Мазовія граничила съ ихъ княжествомъ?“ Ист. госуд. Росс., IV, прим. 20.

⁷⁾ Ходаковский высказалъ слѣдующее мнѣніе о Болоховѣ: „Болоховъ находился въ Подольской губерніи. Тамъ на дорогѣ изъ Кіева въ Галичъ были и города Кудинъ Божскій (нынѣ Кудинка), Деревичи, Губинъ, Дядковъ, Бѣлобережье, Чернятинъ, область князей Болоховскихъ, въ окрестностяхъ и на берегахъ Буга, впадающаго въ Днѣпровскій лиманъ“. Исторія госуд. Росс., *ibid.*

⁸⁾ Зубрицкій, Исторія др. Гал.-р. княж., III (Львовъ 1855), 137: „Жилища князей Болоховскихъ были на югѣ, на Волынской и Галичской границахъ отъ степи, на плодородной Подоліи, на Понизью, не подалеку отъ Каменца, отъ Бакоты,—между Бугомъ и Днѣстромъ“. — Петрушевичъ („Галицкій историч. сборн., изд. обществомъ Галицко-русской Матицы“, вып. II, Львовъ 1856, стр. 110): „Болоховскіе князья, бывъ иногда подручниками Романовичей, имѣли свой удѣлъ въ окрестностяхъ и на берегахъ Буга, впадающаго въ Днѣпровскій лиманъ“. — Г. Шараневичъ („Исторія галицко-володимирской Руси“, Львовъ 1863, стр. 83) полагаетъ, что подъ Болоховскою землею должно разумѣть „надбужанскія области на Подолію“. — Н. И. Костомаровъ также говоритъ, что Болоховскіе князья владѣли берегами Буга („Р. Ист.“, вып. I, стр. 134).

⁹⁾ Ходаковский слилъ два Болох. города въ одинъ: „Кудинъ Божскій“. См. выше.

¹⁰⁾ „Исторія Россіи“, III. Сл. II, прим. 242, и Погодина „Изслѣд., л. з.“, IV (М. 1850), стр. 172.

¹¹⁾ Это замѣчаніе, находящееся только въ Ермолаевскомъ спискѣ, въ которомъ есть еще

замѣчаніе одного изъ самыхъ позднихъ списковъ южнорусской лѣтописи—Ермолаевского—о томъ, что „Болоховъ, Мунаревъ въ Подольской земли“ ¹¹⁾.

Но поселенія съ названіями, напоминающими Болоховскіе города, какъ увидимъ ниже, встрѣчаются не въ одной только Подоліи. Изданіе въ послѣднее время подробныхъ картъ Военно-топографическимъ отдѣломъ Главнаго Штаба ¹²⁾ даетъ возможность значительно расширить кругъ этихъ поселеній и открываетъ существованіе нѣкоторыхъ изъ нихъ даже въ количествѣ двухъ—трехъ. Въ Подоліи находимъ и Болохово, даже не одно ¹³⁾. Нѣсколько пунктовъ, находящихся въ ея и носящихъ наименованія, близкія къ наименованіямъ Болоховскихъ городовъ, было указано г. Барсовомъ уже въ его „Матеріалахъ для историко-географическаго словаря Россіи“, вышедшихъ въ 1865 г. ¹⁴⁾, но это не отклонило тогда г. Барсова отъ исканія Болоховской земли исключительно въ Подоліи. А между тѣмъ весьма естественно рождается вопросъ о причинѣ предпочтенія именно Подоліи. У сторонниковъ разбираемой нами теоріи это не объяснено, не приведено удовлетворительныхъ историческихъ подкрѣпленій, а видны лишь голословныя утвержденія. Иногда эта гипотеза явно даже не сходится съ лѣтописными указаніями, которыя мы постараемся сейчасъ изложить.

Нѣсколько подобныхъ толкованій, очевидно, было приписано въ то время, когда былъ скопированъ Ермолаевскій списокъ. По всей вѣроятности, оно основано на одномъ предположеніи. Впрочемъ, названіе Подоліи относилось тогда не къ одной Подольской губерніи, но охватывало гораздо большую часть южнорусской территоріи.

¹²⁾ Онѣ изданы въ двухъ видахъ.

¹³⁾ Въ Луцкомъ уѣздѣ встрѣчаемъ Болоховичи, а вблизи этихъ послѣднихъ немало мѣстностей, подходящихъ, по своимъ названіямъ, къ Болоховскимъ городамъ, и однакоже туда невозможно относить Болоховскую землю. Въ XVII столѣтіи (см. ниже) было, повидимому, Болохово вблизи м. Лысянки (Кіевской губерніи). Намъ сообщали, что тамъ и теперь есть урочище этого имени, но, къ сожалѣнію, мы не могли удостовѣриться въ справедливости этого сообщенія. Во всякомъ случаѣ, нахожденію Болоховской земли вблизи теперешней Лысянки (къ чему склоняется нѣсколько г. Барсовъ) противорѣчитъ рассказъ южнорусской лѣтописи подъ 1150 г., по которому „смежность мѣстъ по Галицкой дорогѣ къ Кіеву можно, кажется, опредѣлить такъ: Болоховъ, Мунаревъ, Перепетово поле, Ольшаница, Стугна, Тумаць, Васильковъ, Звѣнигородъ...“ Погодина „И., л., з.“, IV, 176—177. Тому противорѣчатъ и всѣ вообще лѣтописныя сказанія о Болоховѣ, а они имѣютъ первенствующее значеніе въ рѣшеніи нашего вопроса. — Поэтому мы не придаемъ никакого значенія и тому, что Черятинъ есть, между прочимъ, въ Таращанскомъ уѣздѣ Кіевской губерніи. — О Болоховѣ въ Галиціи см. ниже.

¹⁴⁾ Деревичи, Бузовка. Къ Деревичамъ былъ приуроченъ лѣтописный Деревичъ и въ „Учебномъ атласѣ по русской исторіи“, составленномъ и изданномъ подъ редакціей г. За-мысловскаго.

Лѣтописнымъ извѣстіямъ рѣшительно противорѣчить и мнѣніе г. Шнейдера, помѣстившаго на изданной имъ въ 1874 году картѣ ¹⁵⁾ Болоховскую землю къ западу отъ Галича, невдалекѣ отъ Карпатъ, на томъ основаніи, что тамъ находятся мѣстности Болоховъ, Bolechów, Belejów.

Занимающій насъ вопросъ получилъ нѣсколько иную постановку только въ послѣднее время, благодаря оставленію въ сторонѣ традиціи относительно Подолія: мы разумѣемъ новѣйшій трудъ г. Барсова ¹⁶⁾. Отъ установившихся предположеній отступилъ и г. Квашнинъ-Самаринъ въ замѣтѣхъ о Болоховскихъ князьяхъ, включенной имъ въ статью „По поводу Любецкаго синодика“ ¹⁷⁾. Но и у этихъ ученыхъ не совсѣмъ правильно указана мѣстность Болоховской земли: у одного изъ нихъ предѣлы ея отодвинуты слишкомъ далеко на востокъ, у другаго — болѣе чѣмъ слѣдуетъ — на сѣверъ, и, во всякомъ случаѣ, и ихъ соображенія неполнѣ твердо обставлены ¹⁸⁾.

Точно также нуждаются въ болѣе твердой постановкѣ сужденія и относительно князей, стоявшихъ во главѣ Болоховской земли.

А между тѣмъ эта послѣдняя занимала немалое для того времени пространство и, кажется, отличалась довольно плотнымъ населеніемъ ¹⁹⁾, которое, какъ увидимъ, состояло несомнѣнно изъ славянорусовъ. — Притомъ Болохово играло не послѣднюю роль въ исторіи южной Руси XIII стол. Галицко - Волынская лѣтопись, рассказывая покороче исторію борьбы Болоховцевъ съ Данииломъ, старается затушевать это, но не успѣваетъ. Отъ внимательнаго изслѣдователя не ускользнетъ, что Болохово стояло во главѣ какого-то особеннаго движенія, которое никакъ не могъ преодолѣть Даниилъ Галицкій, и увлекало за собою значительную часть южной Руси. При скудости матеріаловъ для исторіи древнерусскаго общественнаго духа, мы думаемъ, не слѣдуетъ упускать изъ виду это движеніе.

¹⁵⁾ Archeologische Karte. — Вышедшіе листы ея были присланы издателемъ на археологическую выставку, устроенную на время сѣзда. — Что Болохово было не въ Галичинѣ, видно и изъ того, что тамъ вовсе не сохранилось мѣстностей съ названіями Болоховскихъ городовъ, а между тѣмъ Галиція подвергалась опустошеніямъ менѣе остальныхъ частей югозап. Руси.

¹⁶⁾ „Очерки русской исторической географіи. Географія начальной лѣтописи“. Варшава 1873. Примѣчанія, стр. LXIV.

¹⁷⁾ При этомъ г. Квашнинъ-Самаринъ имѣлъ въ виду и наше замѣчаніе въ изслѣдованіи о княженіи Даниила Галицкаго. См. 4-ю кн. „Чт. въ Моск. Общ. Ист. и Др. Р.“ за 1873 г., отд. V, стр. 217.

¹⁸⁾ Нужно сказать однако, что и тотъ и другой ученый коснулись этого предмета лишь мимоходомъ.

¹⁹⁾ Она боролась съ Данииломъ упорно и довольно долго, и князь этотъ однажды „возвѣмъ въ ней плѣнь много“. Ип., 526. Чрезъ какихъ-нибудь 15 лѣтъ послѣ того она опять оживаетъ.

Болоховская земля привлекла мое вниманіе среди занятій древнѣйшей исторіей южнорусскаго края, и я имѣлъ уже случай печатно высказаться по этому вопросу ²⁰⁾. Въ настоящемъ сообщеніи я осмѣлился представить вниманію гг. ученыхъ результаты, къ которымъ я пришелъ при дальнѣйшихъ работахъ по этому вопросу.

Не имѣя притязанія на окончательное его рѣшеніе, я желалъ бы только обратить вниманіе гг. ученыхъ на нѣсколько собранныхъ мною фактовъ, которые, на сколько мнѣ извѣстно, были доселѣ игнорируемы. Представленные мною по поводу этихъ фактовъ соображенія я предлагаю лишь какъ опытъ усиленнаго заключенія на основаніи ихъ свода.

І.

Опредѣляя мѣстность, въ которой жили нѣкогда Болоховцы, ученые, по большей части, избираютъ исходнымъ пунктомъ лѣтописныя названія ихъ городовъ съ одной стороны и имѣющіяся на лицо подходящія указанія изъ современной географической номенклатуры съ другой.

Мы постарались ознакомиться самолично и—по возможности—подробнѣе съ топографіей югозападнаго края и изъ мѣстностей, въ которыхъ встрѣчаются поселенія, наминающія, по своимъ названіямъ, Болоховскіе города, мы сочли себя въ правѣ признать древнею Болоховскою землею только ту, къ которой можетъ подойти и *все остальное* сообщаемое лѣтописью объ этой землѣ, какъ прямо, такъ и косвенно.

Прежде всего мы озаботились свести и строжайше вникнуть во всѣ лѣтописныя извѣстія.

Изъ собранія и сопоставленія ихъ оказывается, что Болохово находилось между землями Кіевскою и Галицкою, на пути изъ послѣдней въ Кіевъ ²¹⁾, — передъ Муваре-

²⁰⁾ Въ сочиненіи: „Княженіе Данила Галицкаго, по русскимъ и иностран. извѣстіямъ“ (Кіевъ, 1873).

²¹⁾ На этомъ пути, вѣроятно, было и Большево, въ которомъ остановился однажды Изяславъ посланникъ, выѣхавши изъ Галича. — Одинъ только разъ въ лѣтописи Болохово является находящимся какъ бы на дорогѣ изъ Кіева во Владиміръ: „Поиде Мстиславъ отъ Кіева... и постигоша и (Половцы) у Болохова“ (Ип. сп. подъ 1172 г.). При остальныхъ указаніяхъ лѣтописи, это не имѣетъ для насъ рѣшающаго значенія. Прежде всего—можетъ быть, вмѣсто Болохова нужно читать Бороховъ (тепер. Боруховъ, или же, что вѣроятнѣе, — Борушковицы Новоградволынскаго уѣзда), какъ стоитъ въ спискахъ Хлѣби. и Погод. Если же вѣрнѣе чтеніе „Болохова“ и если Мстиславъ не могъ бѣжать на Болохово, насъ занимающее, то нужно допустить вмѣстѣ съ г. Погодинымъ (см. его „Ислѣд., замѣч. и лекціи“ II, 177) существованіе другаго Болохова (г. Погодинъ напрасно только различаетъ Болохово 1150 г. отъ

вымъ, стоявшимъ на той же дорогѣ²²⁾ недалеко отъ Ярополча — теперешнихъ Яроповичъ Сквирскаго уѣзда²³⁾, и передъ Володаревомъ, какъ полагаютъ — теперешнюю Володаркою Сквирскаго уѣзда, очевидно, на югозападъ отъ нихъ²⁴⁾, во всякомъ случаѣ, — на югъ, недалеко. Какъ бывший по той же дорогѣ къ Галичу, упоминается въ частности и одинъ изъ Болоховскихъ городовъ — Божскій²⁵⁾. Изъ лѣтописей далѣе видно, что Бо-

Болохова, гдѣ жили занимающіе насъ Болоховцы: то и другое Болохово, судя по лѣтописнымъ указаніямъ, совпадаютъ), бывшаго гдѣ-то сѣвернѣе. Можетъ быть, онъ находился на мѣстѣ теперешнихъ Болоховичъ, хотя эти послѣдніе могли получить начало уже при Данилѣ (см. ниже).

²²⁾ Ип. сп. подъ 1150 и 1159 гг.

²³⁾ Вблизи Яроповичъ есть Яроповцы. — Отъ Мунарева было недалеко къ дикимъ Половцамъ. Ип. подъ 1160 г., стр. 346. Очень жаль, что лѣтопись не сообщила, на какіе пункты шелъ Владимірко до прибытія къ Болохову; тогда мы имѣли бы возможность точнѣе еще опредѣлить положеніе послѣдняго. О лѣтописномъ Мунаревѣ какъ бы напоминаетъ тепер. Мошуровъ Уманскаго уѣзда. У Целларія (*Regni Poloniae regionumque omnium ad id pertinentium novissima descriptio. Amstelodami 1659. P. 385*) находимъ *Monkarowa*, но тутъ разумѣлся не Мунаревъ.

²⁴⁾ Слѣдовательно, она не могла простирается къ теперешней Звенигородкѣ, какъ думаетъ Барсовъ и, кажется, Петрушевичъ.

²⁵⁾ Ип. подъ 1251 г., стр. 305; въ сп. Хлѣбн. и Пог. Бужскій. — Мы думаемъ, что онъ тождественъ съ Божскимъ, упомянутымъ въ лѣтописи XIII стол. въ числѣ городовъ Болоховской земли. Божскій 1151 г., очевидно, = Божскому (ин. Бужскій, Бужескъ, Бужско, Бужко), встрѣчающемуся незадолго передъ этимъ въ той же лѣтописи (подъ 1146 г. — стр. 234, 1147 — 243 стр., 1148 — стр. 257 и 258). Послѣдній же былъ отдаваемъ князьямъ во временное владѣніе три раза вмѣстѣ съ Межибожьемъ (Ип., 234, 243 и 257), а два раза — вмѣстѣ съ Котельницею (*ibid.* 243 и 257), причемъ изъ лѣтописнаго текста можно замѣтить, что онъ находился недалеко отъ Межибожья и, во всякомъ случаѣ, былъ ближе къ этому городу, чѣмъ къ остальнымъ тремъ, также составлявшимъ территорію надѣла, но, къ сожалѣнію, не названнымъ въ лѣтописи. Въ лѣтописи говорится такъ: „Изяславъ же, водивъ Всеволодича Святослава хресту, и да ему *Бужскій и Межибожье* 5 городовъ... Тогда же Всеволодичъ Святославъ держаше у Изяслава *Божьски и Межибожье*, Котельницу, а всихъ пять городовъ...“ (Ип., 243). Божскій въ оба раза соединенъ посредствомъ связующаго союза и съ Межибожьемъ, а Котельница и др. города ставятся рядомъ безъ этого союза; притомъ въ первый разъ, кромѣ этихъ двухъ городовъ, другіе вовсе не названы. Точно также, въ смыслѣ взаимной близости по мѣсту нахожденія, въ перечнѣ Болоховскихъ городовъ, Губинъ соединенъ съ Кобудомъ (Ип., 526: „Деревичъ, *Губинъ и Кобудъ*, Кудинъ, Городѣцъ, Божьскій, Дядьковъ.“). Божьскій и Межибожье ставятся рядомъ и въ третьемъ случаѣ. Изъ предложенія Изяслава Ростиславу Юрьевичу: „иди въ Божьскій... постережи землѣ Руской оттолѣ“ (Ип., 258) видно также, что этотъ Божьскій съ окружавшею его территоріею находился въ украинной полосѣ отъ Половцевъ. Итакъ, Божскій 1146—1151 гг. по Ип. сп. находился, по всѣмъ соображеніямъ, въ той самой мѣстности, гдѣ въ XIII стол. была земля Болоховцевъ, а такъ какъ, кромѣ Божскаго

лоховская земля лежала къ югу отъ Хомора²⁶⁾, вблизи этой рѣки²⁷⁾ и города Каменца,

послѣднихъ, въ этомъ столѣтіи другаго не упоминается, то и нужно оба эти города считать однимъ. — Отъ Божскаго, о которомъ мы ведемъ рѣчь и который, какъ мы видѣли, иногда называли также Бужскимъ (Бузскомъ и Бузкомъ; см. выше) должно отличать Бужьискъ, или Бужескъ (въ XII Бузкъ и Бускъ), или Бужьскъ, который ни въ одномъ спискѣ лѣтописи не имѣетъ вариантовъ съ буквою *о* въ первомъ слогѣ и который, по лѣтописнымъ указаніямъ, находился гораздо западнѣе. Какъ первое названіе произошло, вѣроятно, отъ корня Богъ (рѣка), такъ второе отъ корня Бугъ. Употребленіе названія Богъ въ тѣ времена для рѣки этого имени несомнѣнно (см. Лавр., 344; въ поученіи Мономаха: „и на Богъ идохомъ“; *ibid.*, 241), но, кажется, нѣкоторые тоже самое слово выговаривали: Бугъ; отсюда варианты и въ названіи Божскій. Переходъ *о* въ *у* мы замѣчаемъ и въ другихъ названіяхъ: такъ, къ слову Поросье въ Хлѣбник. и Погод. сп. мы находимъ вариантъ Порусье (см. Ип. 329 и 612), встрѣчаемъ Добно и Дубно (Ип., 272). Тоже колебаніе звуковъ и въ томъ же самомъ корнѣ встрѣчается и въ настоящее время. Одна гора въ Кременецкомъ уѣздѣ слыветъ то подъ именемъ Бужьей, то подъ именемъ Божьей. Вариантъ Бужья, еслибы онъ не велъ своего начала изъ глубокой старины, странно было бы встрѣтить при религіозномъ почитаніи, которымъ освящена эта гора (см. *Wołyń pod względem statystycznym, historycznym i archeologicznym, przez Tad. Jerz. Steckiego. Serja 2-ga, Lwów, 1871, str. 88—89*). Равнымъ образомъ Меджибожь называютъ иногда Межибужьемъ. — Въ Бужскѣ, который долженъ былъ лежать на пограничьи Галицкой и Владимирской земель, заперся Давыдъ передъ Володаремъ. Этотъ же городъ лѣтопись разумѣетъ и подъ гг. 1168 и 1173. Но неизвѣстно, тотъ ли самый Бужскъ, или какой иной, былъ захваченъ Владиміромъ. Во всякомъ случаѣ, захватъ со стороны послѣдняго относился не къ Божскому. Божскій въ XII стол. принадлежалъ къ Кіевской землѣ (Котелница, съ которою его отдавали въ надѣлъ, была въ Кіевской области). На принадлежность къ ней Божскаго есть и прямое указаніе: когда Изяславъ лишилъ Ростислава Юрьевича данныхъ прежде городовъ, въ томъ числѣ и Божскаго, Юрій сказалъ: „такъ ли мнѣ части нѣту *въ Руской землѣ*, и моимъ дѣтемъ?“ (Ип., 262). Бужскій, отнятый Владиміромъ у Изяслава, какъ и другіе города, отхваченные у послѣдняго (Шумскъ, Тихомль, Выгошевъ и Гноинница. Ип., 313) принадлежалъ къ территоріи Владиміро-волинской. Всѣ эти пункты были взяты Владиміромъ въ 1150 году. Лѣтопись сообщаетъ подъ этимъ годомъ, что, на возвратномъ пути изъ Кіева въ Галичъ, Владиміро, прогнавъ изъ Дорогобужа Мстислава Изяславича, „отъя города всѣ“ (обратимъ вниманіе, что въ лѣтописи нѣтъ ни слова о какихъ-нибудь захватахъ со стороны Владиміра до прихода его къ Дорогобужу, т. е. до перехода Горыни; Изяславъ претендовалъ вслѣдъ затѣмъ на владѣніе по Горыни); „идя и приде к Лючску . . . и не може что створити, и иде в Галичъ“ (Ип., 281). Кромѣ этого захвата, на который Изяславъ тотчасъ же сталъ заявлять жалобы, о другихъ не упоминается, и мы имѣемъ полное право думать, что города, о которыхъ велись переговоры въ 1152 г., — въ томъ числѣ и Бужскъ, были тѣ самыя, о которыхъ лѣтопись сообщаетъ подъ 1150 г. Послѣ взятія же послѣднихъ Владиміромъ, Изяславъ, не владѣвшій тогда Кіевомъ, говорилъ: „стрый ми волости не дасть, не хочеть мене в Руской земли, а *Володимеръ Галичской*, по его велению, *волость мою взялъ*, а оный къ Володимеру моему хочеть прити на мя“ (Ип., 281—282). Подъ 1168 годомъ лѣтопись сообщаетъ, что въ

стоявшего, кажется, у устья ея въ Случь²⁶⁾ и бывшего пограничнымъ городомъ Да-

Бужскѣ сидѣлъ Ярополкъ Изяславичъ (Ип., 361). Если этотъ городъ — тотъ самый, который былъ захваченъ Владиміромъ — а сомнѣваться въ этомъ нѣтъ оснований, такъ какъ лѣтопись не дѣлаетъ ни малѣйшихъ разграниченій — то, значитъ, онъ отошелъ отъ Галича. Впрочемъ, вѣроятно, онъ скоро былъ возвращенъ, потому что Владиміръ Ярославичъ, прося Червна у Святослава Мстиславича въ 1173 году, говорилъ: „аже ти сяду въ Галичи, то Бужскъ *твой* возворочю и 3 города придамъ къ тому“ (Ип., 384). Изъ слова *твой* можно, кажется, заключать, что Бужскъ былъ вновь отнятъ Галичанами уже у Святослава. Тотъ же Бужскъ, бывший къ западу отъ Божскаго, разумѣется въ Ип. сп. и подъ 1233 г.: Данилъ съ Владиміромъ Рюриковичемъ пошли на Венгровъ, отступавшихъ отъ Перемишля къ Галичу; „Василко же и Олександръ приде ко брату и спяшася в Бужьска“ (Ип., 513). — Въ Галицко-волинской лѣтописи встрѣчается еще два раза Бозкъ. Можетъ быть, во второмъ случаѣ (см. Ип., 511) вмѣсто Бозка нужно поставить Белзь — вариантъ, находящійся въ Хлѣбн. и Погод. спискахъ, весьма заслуживающій уваженія и, во всякомъ случаѣ, имѣющій такое же право на принятіе, какъ и чтеніе, удержанное въ текстѣ, но все-таки Бозкъ другого мѣста останется несомнѣннымъ. Какъ близко это названіе ни подходитъ къ названію Божскаго, вмѣсто котораго въ нѣкоторыхъ спискахъ иногда встрѣчается Бузко, однако невозможно допустить, чтобы оба эти названія обозначали одинъ и тотъ же городъ. Во 1-хъ, трудно предположить, чтобы одинъ и тотъ же дѣписатель или редакторъ, какого должно принять для Галицко-волинской лѣтописи (см. наше изслѣд. о княженіи Данила Галицкаго, стр. 3) различно называлъ одинъ и тотъ же пунктъ, въ добавокъ хорошо ему извѣстный, въ разсказѣ о событіяхъ, случившихся на очень непродолжительномъ разстояніи другъ отъ друга (Бозкъ упоминается въ описаніи событій 1209 и 1231 гг. по Ип. сп., а Божскій подъ 1241 г.). Во 2-хъ, Бозкъ 1209 г. никакъ не можетъ быть приуроченъ къ Божскому по своему мѣстоположенію; этотъ Бозкъ былъ на дорогѣ Мстислава Пересопницкаго, когда онъ шелъ къ Галичу; дѣлать лишніе обходы, избравъ путь на Божскій, не было повода. Точно также и Данилу не приходилось поворачивать къ р. Богу въ 1231 г. по Ип. списку, когда театръ военныхъ дѣйствій былъ у Буга. Въ лѣтописи читаемъ, что одинъ изъ Даниловыхъ воеводъ, *Мирославъ*, убоявшись Венгровъ, „створи миръ съ королемъ безъ совѣта князя Данила и брата его Василка; рядомъ же *дасть Белзь и Червенъ Олександру*. Королеви же посадившу сына своего Андрѣя в Галичи с(ъ)вѣтомъ невѣрныхъ Галичанъ. *Мирославу же запрегнуща, „яко родомъ Червна не предавъ есмь имъ“*, порокъ же ему имуще великъ отъ обою брату. — *королю стоящу во Володимѣря*, князь же Данилъ прия великъ плѣнъ, около Бозку воюя (Ип., 510—511). — Въ лѣтописи упоминаются еще Бужковичи (Ип., 388), существующіе и теперь (во Владимірскомъ уѣздѣ).

²⁶⁾ „Придоша Галичане на Каменецъ и вси Болоховьсции князи съ ними, и повоеваша по Хомору, и поидоша ко Каменцю“.

²⁷⁾ У самого Хомора тянулся лугъ, не принадлежавшій, кажется, къ Болохову: „Олександръ убоявъся злаго своего створенія, поиде ко тѣсту своему Киевъ; Данилъ же убѣдавъ, изыде на нѣ изъ Галича, угони и во Полопомъ, и яна и въ лузѣ Хоморьскомъ“ (Ип., 514). Побережье Хомора было, кажется, на пограничьи Болоховской земли. Самые южные Волинскіе города съ этой стороны, упомянутые въ лѣтописи, лежали на Хоморѣ. Это — Микулинъ [тотъ,

ниловыхъ владѣній въ концѣ двадцатыхъ годовъ XIII стол.²⁹⁾. Потомъ мы видимъ Каменецъ во власти Михаила³⁰⁾. Къ сѣверу отъ Болохова долженъ былъ быть, далѣе, Колодежный, а также Потетеревье, начиная съ поворота Тетерева къ востоку. Къ востоку отъ Болоховскихъ княжествъ находились Городокъ и Сѣмоць³¹⁾, расположенные параллельно теченію этой рѣки по направленію къ сѣверу³²⁾, а за ними Котельница. При-

который встрѣчается и въ Ип. сп. (стр. 365) подъ 1169 г.; есть Микулинъ на Горыни, къ сѣверу отъ Гонци, но тотъ не можетъ быть принятъ въ расчетъ] и Полонное. Г. Соловьевъ (II, прим. 78) упоминаетъ о м. Микулицахъ Винницкаго уѣзда, но это едва ли основательно. Въ Кіевскомъ уѣздѣ есть с. Микуличи, являющееся уже въ актахъ XV-го стол.

²⁹⁾ Судя по лѣтописному тексту, Каменецъ не могъ находиться къ востоку отъ Колодежна, на мѣстѣ теперешняго Каменя; онъ долженъ былъ быть на западномъ берегу Случи, — тамъ, гдѣ теперь Каменка, противъ мѣст. Мирополя (къ тому же выводу пришелъ и г. Барсовъ), или же на мѣстѣ теперешней Каменки, находящейся невадалекъ отъ Увѣтохи (последнее менѣе вѣроятно); третья Каменка, которая сѣвернѣе, не подходитъ сюда. — Р. Каменку и деревню Каменку встрѣчаемъ и въ Житом. у. — Упомянутый въ лѣтописи Каменецъ является еще у Гваньини, который помѣстилъ его въ Волинской землѣ: *Kamieniec munitio, in colle sita (Sarmatiae Europaeae descriptio. Alex. Guagnini. Spiraе MDLXXXI. Fol. 59)*; о Каменцѣ Подольскомъ Гваньини говоритъ въ другомъ мѣстѣ.

³⁰⁾ Ип., сп. подъ 1228 г.: „...обсѣдоша Каменецъ“.

³¹⁾ Ип., 521. Полн. собр. р. лѣт., т. VII, 144. Ник. III, 5.

³²⁾ Данилъ, послѣ воеванія Болохова, „веснѣ же бывши, посла сына своего Шварка на Городокъ и Сѣмоць и всѣ города сѣдящія за Татари, Городескъ и по Тетерево до Жедечева“. Ип. 555. Положеніе упомянутого здѣсь городка пока неопредѣлимо. Въмѣстѣ съ г. Барсовымъ, древній Городокъ, съ наибольшою вѣроятностію, можно приурочить къ теперешнему Райгородку Бердичевского уѣзда, затѣмъ его можно полагать или на мѣстѣ Городка, стоящаго у впаденія р. Самца въ Гончицу, или на мѣстѣ Самгородка. Упомянемъ еще о Вирнигородкѣ и Халамъ-городкѣ (все въ Бердичевск. у.) и о двухъ Городищахъ (одно въ Житомирскомъ у., другое въ Сквирскомъ). — Положеніе Сѣмоця также не можетъ быть обозначено съ полною увѣренностію. Сюмаловка Новоградвол. уѣзда лежитъ слишкомъ далеко на сѣверѣ, а Семяки Винницкаго у. слишкомъ удалены на югъ. О Симаковцахъ, находящихся въ Галиціи, не можетъ быть и рѣчи. Сіомаки Летичевского уѣзда — въ центрѣ древней Болох. земли. Семаки Заславскаго уѣзда не подходятъ къ Сѣмоцѣ лѣтописи 1257 г., хотя могли бы быть приняты во вниманіе для Сѣмоця 1172 г. Остаются Семки Литинскаго у. и въ особенности Семаки Житомирск. и Семаки Хмѣльницкаго. — Поселенія съ подобными названіями были и въ восточной Россіи. См. „Матеріалы“ г. Барсова, стр. 183—184. — Неизвѣстно, гдѣ находился и Жедечевъ. Жидовцы Сквирскаго у., Жидовцы-Булаи Бердичевского у., Жидовская Гребля Тарашанскаго и Жидовчкѣ того же уѣзда сюда не идутъ. Ближе всего подходитъ дер. Жидовцы Бердичевского уѣзда при ручьѣ, впадающемъ въ Гнилотетъ, какъ ближайшая къ Тетереву.

³³⁾ Значить, теченіе Тетерева до поворота его къ востоку могло принадлежать Болоховской землѣ.

луки, бывшіе нѣсколько южнѣ этихъ пунктовъ, въ XII стол. принадлежали къ Кіеву³³⁾; куда они относились въ XIII стол., неизвѣстно, такъ какъ мы не находимъ ихъ въ числѣ городовъ, упомянутыхъ въ лѣтописяхъ этого стол. Въ XII стол. не принадлежала къ Болохову, повидимому, и Копела, находившаяся къ западу отъ земли Черныхъ Клобуковъ, но въ XIII вѣкѣ предѣлы Болохова могли расширяться съ этой стороны, и точно обозначить ихъ нѣтъ никакой возможности. Къ югу Болоховская земля не могла простираться далеко по Богу, потому что ясно отличается лѣтописью отъ ниже лежаваго Побожья, не принадлежавшаго къ ней и составлявшаго совершенно отдѣльную территорию. Вдоль этой рѣки Болохово могло тянуться только отъ загиба ея на югъ до Межибожья, которое въ XIII стол. было сначала Галицко-Волынскимъ городомъ³⁴⁾, а потомъ хотя и не принадлежало Романовичамъ, но не было однако и въ предѣлахъ Болоховской земли, отъ которой находилось къ западу³⁵⁾. Со стороны послѣдней границы Болоховской земли должны были тянуться вдоль Волыни³⁶⁾ и Галичины съ ея Понизьемъ³⁷⁾:

³³⁾ „Приде Володимеръ и взя Прилукъ“. Лѣтоп. по сп. Лавр., 1146 года, стр. 296. Повидимому, былъ и другой Прилукъ. См. Соловьева П, прим. 89.

³⁴⁾ Данилъ и Василько „пустиста Ярослава и даста ему Перемиль и потомъ Межибожье“. Ип., 502. Подъ 1234 г. лѣтопись въ числѣ галицкихъ бояръ назвала „Бориса Межибожскаго“. (Ип., 515).

³⁵⁾ Данилъ „сгадавъ с братомъ и со сыномъ, посла Деонисия Павловича, взя Межибожье, потомъ же воевахуть людье Данилови же и Василькови Болоховъ, а Львови Побожье и люди Татарскыя“ (Ип., 555). Болохово воевалъ отрядъ князей, которыхъ владѣнія занимали сѣверную половину Галицко-волынской территоріи, а Побожье—отрядъ Львовскаго князя. Очевидно, Болохово было ближе къ Даниловымъ и Васильковымъ владѣніямъ, чѣмъ къ Львовымъ, и находилось къ сѣверу отъ Побожья. Это мѣсто лѣтописи представляетъ самое вѣское доказательство въ пользу несостоятельности того мнѣнія, которое располагаетъ Болоховскую землю по теченію Бога: вдоль этой рѣки Болоховская земля тянулась на весьма незначительномъ разстояніи; она не могла спускаться далѣе загиба р. Бога на югъ, потому что тогда не была бы на дорогѣ изъ Галича въ Кіевъ. Подъ Побожьемъ лѣтописи, кажется, должно разумѣть земли по Богу именно отъ этого загиба. Въ XII стол., когда упоминается Болохово, это Побожье, повидимому, не было еще колонизовано Русскимъ племенемъ (сл. ниже). Русскіе занимали, кажется, только верховья Бога, гдѣ былъ Межибожье. Другое дѣло—побережье Днѣстра.

³⁶⁾ Такъ выходитъ по смыслу лѣтописнаго извѣстія, приведеннаго въ предыдущемъ примѣчаніи. Тогдашнія владѣнія Данила и Василька могутъ быть опредѣлены довольно точно. Подъ 1261 г. передано извѣстіе, что, по приказанію Татаръ, „Левъ розмета Даниловъ Истожекъ, оттолѣ же пославъ, Львовъ розмѣта, а Василько пославъ Кремнибъ розмета и Лучесетъ“.

³⁷⁾ Ип. сп. подъ 1189 г. упоминаетъ о восточной „украинѣ Галичкѣ“, на которой Ростиславъ Берладникъ „взя два города Галичкыи“ (Ип., 447), но, къ сожалѣнію, не выразился опредѣленнѣе, гдѣ именно была эта Украина.

отсюда-то союзъ Болоховцевъ съ Венграми и Ростиславомъ, пытавшимся отнять Галичъ у Данила³⁸⁾. Болоховская земля никогда не отождествлялась и всегда отличалась отъ спускавшагося внизъ по Днѣстру до моря Понизья, начинавшагося у Бакоты³⁹⁾, которая была главнымъ его городомъ и, со времени Татарскаго владычества, находилась на пограничьи Даниловыхъ владѣній отъ Татарскихъ⁴⁰⁾. Кромѣ Межибожья, выдававшимся пограничнымъ пунктомъ Галицко-волынской земли со стороны Болохова былъ Стожекъ⁴¹⁾. — Наконецъ, въ половинѣ XIII стол. съ Болоховскою землею были какъ-будто смежны земли Чарнятинцевъ и Бѣлобережцевъ⁴²⁾, но, къ сожалѣнію, неизвѣстно,

³⁸⁾ Ип., 511, 516 и 526.

³⁹⁾ Ип., 525. — Въ 1223 году Галицкія суда спустились по Днѣстру въ Черное море, а оттуда поднялись по Днѣпру.

⁴⁰⁾ Понизье получило свое названіе отъ положенія по отношенію къ Галицко-русскому нагорью, съ которымъ оно тѣсно связано въ географическомъ отношеніи. Это усматривается не изъ одного источника. Извѣстный Гилльберъ де-Ланпуа говоритъ: «*Et de Lombourg, passant parmy la Russie la haute, m'en alay en Lopotolie...*» [Зап. Од. общ. ист. и др., т. III (Одесса 1853), 437]. Понизье было тѣсно связано съ Галичемъ, къ которому принадлежало, какъ можно заключать на основаніи показанія Эдризиса (Lelewel, *Polska wieków średnich*, II, Poznań 1847, 390—391), и въ половинѣ XII стол. Въ сѣверо-восточной Россіи былъ свой „Низъ“ (ин. „Низовская земля“). Въ южной Руси названіе Низа было перенесено потомъ на побережье южнаго теченія Днѣпра. На границѣ Галиччины съ „полемъ“ былъ Онуть (Ип., 491; теперешнее сел. Онуть у р. Днѣстра; тамъ же есть и ручей Онуть. „Матеріалы для географіи и статистики Россіи“, собр. офиц. Ген. Штаба. Бессарабская область. Сост. А. Запукъ. С.Пб. 1862, стр. 20). Затѣмъ на южной границѣ Галицкой земли находились Кучелминъ (два раза упоминается) и Ушица. Галицкая земля простиралась „отъ Боброки доже и до рѣкы Ушицѣ и Прута“ (Ип., 506). По Густ. лѣтописи, главнымъ городомъ Понизья былъ какъ бы Каменецъ Подольскій: „и посади Мстиславъ Белю зятя своего въ Галичу, а самъ сяде въ Каменци Подолскомъ“ (П. с. р. л. II, 336). Въ Галицко-волынск. лѣтописи этому мѣсту соответствуетъ слѣдующее: „Мстиславъ дастъ Галичъ королевичю Андрѣви, а самъ взя Понизье; оттуда иде къ Торьцкому“. Ип., 501. — Болоховская земля могла соприкасаться съ Понизьемъ. Но послѣднее едвали доходило въ XII стол. до р. Бога, если тогдашнія лѣтописи записали, что Половцы два раза удалялись за эту рѣку (см. ст. Бѣляева въ III т. Зап. Од. общ. ист. и др., стр. 31).

⁴¹⁾ Въ лѣтописи нѣтъ упоминанія о какомъ-нибудь Гал.-волынскомъ городѣ въ тѣхъ мѣстностяхъ, который былъ бы восточнѣе Стожка. Недалеко отъ м. Теофиополя есть Даниловка, но это едвали лѣтописный Даниловъ. — Кременецъ и Бакота тоже какъ будто были самыми видными пунктами владѣній Романовичей на восточной окраинѣ.

⁴²⁾ „Шварко же приде поймавъ города вся, и по немъ придоша Бѣлобережцѣ и Чарнятинци и вси Болоховци къ Данилу“. Ип., 555. Впрочемъ, придавая выраженію „и вси Болоховци“ смыслъ: „словомъ, всѣ Болоховцы“, „и остальные Болоховцы“, можно думать, что Бѣлобережье и Чарнятинъ были отдѣльные, выдававшіеся округа Болохова. Ходаковский, кажется, такъ и думалъ.

на которой онѣ находились изъ трехъ окраинъ Болохова: на западной ли, на южной, или же на восточной⁴³⁾. Что касается меня, то я склоненъ думать, что Бѣлобережье и Чарнятинъ были къ западу отъ Болохова и находились у верховьевъ Случи.

⁴³⁾ Къ сѣверной онѣ едва ли могли прилежать: тамъ нѣтъ ни одного поселенія, которое могло бы напоминать эти мѣстности, да и гдѣ ихъ тамъ расположить, если принимать въ соображеніе лѣтописи? — Судя по тому, что лѣтописи не говорятъ о подчиненіи Бѣлобережья и Чарнятина въ первый походъ Даниіловой рати на земли, подчинившіяся Татарамъ, должно думать, что Бѣлобережье и Чарнятинъ были къ востоку отъ Болохова (опять просимъ читателя обратиться къ не разъ уже цитированному нами мѣсту Ип. сп. подъ 1257 г., имѣющему огромную важность въ нашемъ вопросѣ). Къ юго-востоку и востоку отъ полагаемой нами для Болохова территоріи, дѣйствительно, есть нѣсколько Чарнятиновъ (Чарнятинъ и Чарнятинская слобода къ югу отъ Ровна, Б. Чарнятинъ и просто Чарнятинъ недалеко отъ Самгородка въ Бердичевскомъ у., Чарнятинцы въ Хмѣльницкомъ; Чарнятинъ въ Таращанскомъ у. не можетъ быть принятъ во вниманіе), а на Богѣ мы нашли Березно. Но, если нѣтъ препятствій относить территорію древняго Чарнятина за Богѣ, то этого нельзя сказать о Бѣлобережьи. Въ Галицко-волынской лѣтописи упоминается мѣстность такого названія еще въ слѣд. строкахъ: „По тѣхъ(ъ) же лѣтѣхъ движе рать Андрѣй королевичъ на Данила (Даниль былъ тогда въ Кіевѣ), и иде къ Бѣлобережью. Володиславу же ѣхавшу во сторожѣ отъ Данила ис Кіева, и стрѣте рать во Бѣлобережьи, и бившимся имъ о рѣку Случь, и гониша до рѣки Деревное изъ лѣса Чертова“ (Ип., 510). Къ сожалѣнію, намъ неизвѣстно, какая рѣка разумѣлась тутъ подъ названіемъ Деревной: Деревичка ли, впадающая въ Случь съ лѣвой стороны, или же иная (въ Ровенскомъ у. есть сел. Деревенѣ). Во всякомъ случаѣ, все заставляетъ думать, что Даниіловъ воевода повернулъ обратно къ Кіеву, а не ко Владимиру Вол. (отступалъ не королевичъ, а онъ; см. „Княженіе Даниіла Галицкаго“ 61, прим. 1). Зубрицкій (III, 115) утверждаетъ противное, но, если соглашаться съ нимъ, то можно предложить вопросъ, какимъ образомъ, потерпѣвши пораженіе, Владиславъ направился въ сторону откуда шли его враги? Онъ былъ посланъ Даниіломъ для развѣдокъ о непріятелѣ („Володиславу же ѣхавшу во сторожѣ отъ Данила ис Кіева“... Ип., *ibid.*), а не ко Владимиру, гдѣ былъ оставленъ Василько („Данилови же снемшуся съ братомъ“), и, слѣдовательно, не имѣлъ надобности пробиваться непременно туда. Далѣе: Чертовъ лѣсъ, бывшій на дорогѣ изъ Кіева во Владимиръ (Ип., 280) и начинавшійся у праваго берега Случи, — кажется, противъ Возвыгя [точно опредѣлить его положеніе мы не можемъ; замѣтимъ только, что гранитныя возвышенія по берегамъ Случи у мѣстныхъ жителей называются Чертовыми греблями (Вол. Губ. Вѣд. 1868, № 116); недалеко отъ Тетерева, къ западу отъ него, въ Житом. у. есть урочище Черты], — не переходилъ Уши, къ которой онъ подходилъ у Уньска (тепер. Ушично или же Ушомиръ), а оттуда еще далеко до Бѣлаго Берега Радомысльскаго уѣзда, стоящаго у Ирши, близъ впаденія ея въ Тетерева. — Толкуя, что Даниіловъ воевода направился къ западу, необходимо предположить, что Бѣлобережье находилось недалеко отъ Чертова лѣса. Допуская же, что походъ Владислава имѣлъ противоположное направленіе, т. е. — что Владиславъ уходилъ на Чертовъ лѣсъ, можно двояко опредѣлить положеніе Бѣлобережья, упомянутого въ приведенномъ мѣстѣ лѣтописи: оно находилось или у самой Случи, на берегу ея, противоположномъ тому, который былъ со стороны

Вотъ все, что можно извлечь изъ лѣтописей для опредѣленія мѣстности, въ которой была расположена Болоховская земля.

Кіева, и Венгры вступили въ битву съ Владиславомъ лишь только онъ показался, или же оно находилось гдѣ-нибудь за Случью, если идти изъ Кіева, не на особенно далекомъ отъ нея разстояніи, и Владиславъ успѣлъ уйти до рѣки, прежде чѣмъ они его догнали. При послѣднемъ предположеніи, неизвѣстно, обращаться ли къ среднему теченію Случи, у котораго проходилъ Чертовъ лѣсъ, или же къ ея верховьямъ, отъ которыхъ Даниловъ воевода также могъ уходить на этотъ лѣсъ, разсчитывая укрыться въ немъ (преслѣдованіе въ этомъ лѣсу было какъ будто неудобно; см. Ип., 281: „послаша по Изяславѣ... и гоняша по нихъ до Чертова лѣса“). Невдалекѣ отъ этихъ верховьевъ мы встрѣчаемъ: Берегали и Берегелинцы (въ Староконстантинопольскомъ уѣздѣ), Бережинцы и Бережестъ (въ Острожскомъ) и — на верховьяхъ Горыни—Бережанку (въ Кременецкомъ у.). Бѣляевъ располагалъ Бѣлобережье именно у верховьевъ Случи. Лѣтопись, кажется, благоприятствуетъ такому толкованію: обѣ стороны бились „о рѣку Случь“: лѣтописецъ какъ бы хотѣлъ сказать, что онѣ держались долго у ея береговъ, что естественно было при отступленіи Владислава на сѣверъ, отъ верхняго теченія Случи. Вспомнимъ при этомъ, что королевичъ шелъ на самого Данила („движе рать Андрѣй королевичъ на Данила... рекшу же Данилу князю Володимеру: „брате! вѣдающе обѣю наю идуть наю“...), бывшаго тогда въ Кіевѣ. По справедливому объясненію Зубрицкаго (III, 116), „цѣль Андреева похода была, очевидно, въ пользу Михаила Черниговскаго, чтобы отвлечь Данила отъ вспомошествованія Владиміра Кіевского“. Для чего же, послѣ этого, королевичу, шедшему изъ Галича, понадобилось идти болѣе длинною дорогою (этотъ путь къ Кіеву направлялся на Тихомль, Шумскъ, Пересопницю, Дорогобужъ, Корческъ, Ушескъ, Мичьскъ, Воздвиженъе, Бѣлгородъ; см., напр., Ип., 276) и двигаться сначала на сѣверъ, а потомъ подъ прямымъ угломъ поворачивать на востокъ, когда онъ могъ идти чрезъ землю своихъ союзниковъ Болоховцевъ (былъ путь и чрезъ эту землю)? Подобное движеніе можно было бы объяснить лишь тѣмъ, что онъ на дорогѣ уже соединился съ принявшимъ его сторону Александромъ Белзскимъ, но изъ-за этого ему не стоило избирать такой путь. Да и Владиславъ, посланный для развѣдокъ, долженъ былъ держаться ближе къ мѣстностямъ, изъ которыхъ могла грозить опасность, т. е. къ галицкой границѣ. Не мѣшаетъ замѣтить здѣсь, что „отъ истоковъ Случи до м. Острополя, на протяженіи 115 черствъ и 100 сажень, она протекаетъ по пространству осадочныхъ породъ міоценовыхъ и древне-мѣловыхъ напластованій („Вол. Губ. Вѣд.“ 1868, № 94). „Южнѣе м. Ляховець обильно расположенъ и обнаруживается бѣлый мѣлъ по всѣмъ бережиямъ р. Полквѣ мѣстностямъ“ (Ibid., № 109). Точно также и въ другихъ мѣстахъ, ближайшихъ къ верховьямъ Случи и по самой Случи. См. Геологическо-геогностич. очеркъ Вол. губ. Г. Оссовскаго въ „Трудахъ Волынскаго Губ. Стат. ком.“, вып. I (Житомиръ, 1867), стр. 273—274. — Изъ сказаннаго ясно, какъ мало вѣроятно предположеніе г. Погодина, стоящаго за теперешнее Бѣлобережье Дубенскаго уѣзда: послѣднее удалено на значительное разстояніе отъ Случи и отдѣляется отъ нея двумя рѣками, въ томъ числѣ, одною довольно значительною — именно Горынью. Точно также не подходятъ къ лѣтописному Бѣлобережью: Берегъ Дубенскаго уѣзда, Бережцы Кременецкаго и Владимирскаго (ихъ четверо) и — по причинѣ елишкомъ сѣвернаго положенія—Бережинцы на р. Горыни.—Г. Барсовъ („Материалы“, стр. 20)

Если обратиться теперь къ поселеніямъ, носящимъ одно имя съ Болоховскими городами, то изъ ряда ихъ тѣ только, по нашему мнѣнію, могутъ быть признаны стоящими на территоріи древней Болоховской земли, которыя находятся въ границахъ, указанныхъ лѣтописью если не вполне ясно, то все-таки довольно приблизительно.

Посмотримъ же, есть ли такія.

принимаетъ мнѣніе Зубрицкаго, по словамъ котораго (III, 115, прим. 94) „Бѣлобережьемъ называлась окрестность около рѣки Случи“ вообще. „Множество подобноименныхъ мѣстностей по Случу, говоритъ г. Барсовъ, какъ то: *Березники* (Бережки?), *Березно*, *Берездичи* и т. д. подтверждаютъ догадку Зубрицкаго. Но эта догадка произвольна. Указываемыя г. Барсовымъ мѣстности по Случу лежатъ лишь въ сѣверной части ея теченія, куда, какъ мы сказали, едва ли могли идти Венгры, а заключать на основаніи названій этихъ мѣстностей, что окрестности Случи назывались Бѣлобережьемъ на протяженіи всего ея теченія, нѣтъ основаній. Во 2-хъ, въ корнѣ приводимыхъ г. Барсовымъ названій совсѣмъ другая основа, чѣмъ въ словѣ Бѣлобережье, хотя и слово берегъ превращается въ берези: Бѣлобережье какъ разбираемаго нами мѣста, такъ и начальной лѣтописи не называется Бѣлоберезьемъ, какъ угодно писать его г. Барсову, ни въ одномъ лѣтописномъ спискѣ. Великую Березну мы встрѣчаемъ также на Хоморѣ, на Корчикѣ—Берездовѣ, въ Кременецкомъ уѣздѣ есть Вржезна и Березина. — Вотъ что мы нашли возможнымъ сказать о Бѣлобережѣ, упомянутомъ въ Галицко-вол. лѣтописи подъ 1231 г. — Раждается вопросъ: то ли самое упомянуто и подъ 1257 годомъ? Поставленіе въ этомъ мѣстѣ лѣтописи жителей Бѣлобережья рядомъ съ жителями Чернытина (слѣдовъ котораго нѣтъ сѣвернѣе Хомора) и Болоховцами позволить отвѣчать на это утвердительно только въ случаѣ отнесенія Бѣлобережья 1231 г. къ верховьямъ Случи. Тамъ же мы встрѣчаемъ сгруппированными на небольшомъ пространствѣ: Чернытинъ великій, Чернытиновъ (Заславскаго уѣзда), Чернелевку (Старо-Константинопольскаго у.) и Чернелевскую слободу (того же уѣзда); изъ нихъ о Чернытинѣ Заславскаго уѣзда намъ извѣстно, что онъ существовалъ уже въ XVI стол. („Вол. Губ. Вѣд.“ 1868, № 6). Но легко могло случиться, что названіе Бѣлобережья и тогда, какъ и теперь, прилагалось къ нѣсколькимъ мѣстностямъ. Кромѣ упомянутаго Бѣлаго Берега Радомысльскаго уѣзда и Бѣлобережья Дубенскаго, намъ извѣстно Бѣлобережье въ предмѣстіи Владимира Волынскаго, встрѣчающееся уже въ актѣ XVI стол. („Архивъ юго-западной Россіи“, ч. I, т. I, стр. 372). Изъ лѣтописей видно, что Бѣлобережьемъ встарину называли берегъ подлѣ Килійскаго устья Дуная (Лѣт. п. Лавр. си., 50 и 72. Соловьевъ, I, прим. 230); кромѣ того, въ нашихъ лѣтописяхъ упоминается еще Дѣпировская Убережь (Ип., 456). Въ XV стол. Бѣлобережье упоминается гдѣ-то на востокѣ литовскихъ владѣній. Въ одной подложной грамотѣ Льва Даниловича указываются Бѣлые Берега въ Галиціи („Гал. ист. сборн.“ II, 171. У Эриха Лиссоты (*Tagebuch des Erich Lassota von Steblau, Halle 1866, S. 207*) встрѣчаемъ Бѣлобережье на правомъ берегу Дѣпира, въ двухъ миляхъ отъ Чигирина. — Въ 1621 г. дер. *Бѣлые Берега* была надана Степанскому мон. („Кіевлянинъ“ 1850: „О городѣ Степанѣ“, Цит. въ „Вол. Еп. Вѣд.“ 1867, стр. 81). — Въ Польшѣ былъ свой Бялобжегъ — въ теперешней Радомской губ., и отсюда былъ родомъ извѣстный католическій епископъ Каменца Подольскаго — Мартинъ Бялобжевскій.

Таковыми оказываются: Деревичи и Губинъ Волынской губерніи⁴⁴⁾ и Кудивка Подольской⁴⁵⁾. Съ меньшею долею вѣроятности можно поставить вмѣсто этихъ пунктовъ Губино Бердичевского у.⁴⁶⁾, Кодню Житомирскаго⁴⁷⁾ и Буду Губичу Проскуровскаго⁴⁸⁾. Затѣмъ: Бутовцы Новоградволынскаго уѣзда⁴⁹⁾ напоминаютъ лѣтописный Кобудъ, которое-нибудь изъ Городищъ Житомирскаго уѣзда стоитъ, можетъ быть, на мѣстѣ лѣтописнаго Городца, а Дьяковцы Литинскаго уѣзда⁵⁰⁾, — на мѣстѣ лѣтописнаго Дядькова.

По мнѣнію г. Барсова, на мѣстѣ нынѣшняго Забужья, расположеннаго у рѣки Бога ниже Межибожья, могъ находиться древній Божскій. По смыслу лѣтописныхъ упоминаній объ этомъ городѣ, онъ, дѣйствительно, находился недалеко отъ Межибожья⁵¹⁾ и можетъ быть отыскиваемъ у самой рѣки Бога; лѣтописи не позволяютъ только полагать его южнѣе загиба этой рѣки, потому что тогда Божскій былъ бы слишкомъ не по дорогѣ къ Кіеву и значительно удаленъ бы отъ Межибожья; притомъ, въ половинѣ XII стол., когда о немъ говорятъ нѣсколько разъ лѣтописи, побережье Бога, начиная съ поворота его на югъ, не было еще колонизовано славяно-русскимъ племенемъ, которое встрѣчается тамъ гораздо позже⁵²⁾. Мы позволимъ себѣ однако замѣтить, что теперешнее

⁴⁴⁾ Деревичи — въ Новоградволынскомъ у.; тамъ же есть Слобода Деревичи; Губинъ — въ Старокиевскомъ уѣздѣ; неподалеку отъ него — Губча. О мѣстномъ преданіи Деревичъ (что тамъ прежде былъ городъ, разоренный Татарами) см. въ Географич. Слов. Семенова.

⁴⁵⁾ Въ Летичевскомъ уѣздѣ.

⁴⁶⁾ Остатки огибавшихъ это селеніе валовъ, высотой до 372 саж., и рововъ, длиною до 500 саж., замѣтны и нынѣ. Фундуклей, стр. 43. Похилевичъ, „Сказанія о населенныхъ мѣстностяхъ Кіевской губерніи“, Кіевъ 1864, 272.

⁴⁷⁾ Она упоминается въ актахъ уже около 1415 г. (А. З. Россіи, I, № 26, стр. 37).

⁴⁸⁾ Она лежитъ къ востоку отъ Проскурова, недалеко отъ Буга, вблизи Нироговца.

⁴⁹⁾ Въ актахъ намъ извѣстно упоминаніе Бутовцовъ въ началѣ XVII стол.

⁵⁰⁾ Впрочемъ, на этомъ послѣднемъ сближеніи мы не настаиваемъ. — Дядьковцы упоминаются въ источникахъ довольно рано.

⁵¹⁾ См. выше.

⁵²⁾ Поэтому мы и оставляемъ въ сторонѣ Богополь, находящійся у Бога недалеко отъ Ольвіополя, и Бугское, находящееся у той же рѣки противъ Вознесенска (Херсонской губ.). — Уже при Мономахѣ за Росью на Богу были Половцы (лѣт. по сп. Лавр., 241). Подъ 1171 г. въ Лавр. сп. (стр. 344) сообщается, что Половцы, ограбивъ западную часть Кіевской земли, ушли за Богъ: значитъ, проходъ черезъ послѣдній былъ свободенъ. Они опустошили тогда земли „за Киевомъ“, т. е. находившіяся прямо на западъ отъ него (сл. лѣт. по Нп. сп. подъ 1172 г.: „Половцы... здумаша: поидемъ за Кіевъ, возьмемъ села и поидемъ с полонимъ в Половцѣ; и ѣхаша за Кіевъ воевать. И приѣхаша к Полоному, к святыи Богородицѣ граду к десятиному, и к Сѣмичю; и взяша села безъ учета с людьми...“ Стр. 379—380); следовательно, уходя послѣ грабежа, они должны были переправиться черезъ Богъ довольно ши-

название Забужья едва ли могло произойти отъ слова Божскій. Оно принадлежит къ тому разряду мѣстныхъ именъ, къ которому относятся: *Забуча* у р. Бучи въ Киевской губ., *Застугна* — у Василькова, *Заслуцкое* у рѣки Случи (невдалекѣ отъ Старокопстантинова; тамъ же *Закузьминское*); въ Полтавской губ. мы знаемъ *Загруновку*, *Запсѣлье* (два села), *Засулье* (тоже два). Назовемъ далѣе: лѣтоп. *Зарѣчскъ* — тепер. *Зарѣцкъ* въ Ровенскомъ уѣздѣ, *Заброды* въ Житомирскомъ, *Заставье* у Клевана, *Залужье*, *Залѣшаны* и *Залисцы*, *Загорцы*, *Зарудье* (въ нѣсколькихъ мѣстахъ), *Загробелу* въ Галиціи и множество т. п. Самое Забужье встрѣчается еще въ уѣздахъ Ровенскомъ и Брацлавскомъ; въ Кременецкомъ есть рѣка *Забужина*, въ Ровенскомъ сел. *Збуже*, а у с. Городска Радомысльскаго уѣзда мы нашли ручей *Збужокъ*. — Какъ на мѣсто, на которомъ могъ быть древній Божскій, мы, съ своей стороны, укажемъ на находящееся *вблизи Буга* селеніе *Божиковцы* Летичевского уѣзда, названіе котораго, путемъ постепенныхъ преобразованій въ разговорной рѣчи (примѣровъ этихъ преобразованій есть немало) могло очень легко произойти отъ слова Божскій. По своему положенію, эти Божиковцы вполнѣ подходятъ къ древнему Божскому. Они, какъ и Забужье, расположены невдалекѣ отъ Межибожья и приблизительно также стоятъ на прямой линіи, которую можно провести отъ Галича къ Киеву. Замѣтимъ еще, что, при перечисленіи пяти городовъ, которые въ половинѣ

соко. Г. Погодинъ принимаетъ поправку этого мѣста на основаніи Татищева, предложенную Арицыбашевымъ, который вмѣсто Буга ставитъ р. Уголь („Изслѣд.“ V, 146), но это неосновательно. — Подъ 1185 г., при описаніи похода Русскихъ князей на Половцевъ, въ Воскресенской лѣтописи говорится: „и перешедше рѣку искаша ихъ 5 дній“. Эта рѣка въ рукописи Воскресенской и Алатырской названа *Босъ*, въ Карамз. *Босе*, а въ Арх. *Богъ*; въ Лавр. *Уголь*. У Татищева встрѣчаемъ подъ 1159 г. слѣдующее извѣстіе: „Владимиръ Андреевичъ согласясь съ Ярославомъ Изяславичемъ и Ярославомъ Галицкимъ, пошли на пришедшихъ Половцевъ въ ихъ области по Днѣстру и къ Острогу, встрѣтя ихъ между Мунарева и Ярополчемъ, многихъ Половцевъ избили и Руской полонъ возвратили“ („Исторія Россійская“, кн. III, стр. 121). Тутъ пограничными оказываются области по Днѣстру и около Острога. — Что касается Побережья Днѣстра, то оно было во власти Русскихъ на всемъ своемъ протяженіи и упоминается, повидимому, даже у арабскихъ писателей. У Ibn - Sa'id Maghriby, между прочимъ, читаемъ: «A l'est (de l'île des hommes) se trouve la grand île (presqu'île) des Slaves, qui a environ 700 milles de longueur sur à-peu-près de 300 de largeur, et qui renferma des montagnes et des fleuves. Le chef lieu de cette presqu'île est la ville de Boulghâr, qui a donné son nom aux Boulghârs. Le point le plus reculé où aboutit l'Océan, le long de cette côte, est la ville (la capitale) des Russes, qui sont une nation indomptable. Il y a dans cette partie (de la terre) un grand nombre de pays barbares sur le bord du fleuve de Dnecht (Dniester?) qui est un des fleuves (les plus considérables) du monde et qui se jette dans la mer du côté du nord». «Mém. de l'Acad. Imp. des sciences de St.-Pet. VI-me série. T. II, 4 et 5 livraison (S.-Pet. 1834), p. 334. Сл. Ibn. Fozzlan's und anderer Araber Berichte über die Russen älterer Zeit. Von C. M. Frähn. Pet. 1823, s. 32.

XII стол. Изяславъ три раза отдавалъ князьямъ во временное владѣніе на югозападной окраинѣ Кіевской земли, Божскій постоянно ставится впереди; за нимъ слѣдуетъ Межибожье, а за послѣднимъ Котельница. Очевидно, перечисленіе всегда производилось въ одномъ порядкѣ: отъ юго-запада къ сѣверо-востоку. Соответственно этому, и Божиковцы лежатъ на югозападѣ отъ Межибожья. Поручая Ростиславу Юрьевичу наблюдать, чтобы Половцы не грабили Русской земли, Изяславъ отправилъ его не въ Межибожье, которое также принадлежало этому князю, а въ Божскій: изъ этого видно, что послѣдній былъ ближе къ степямъ. Тоже можно сказать и о Божиковцахъ по отношенію къ Межибожью. — Кромѣ Божиковецъ, мы могли бы указать еще на Бозулинцы и на Богу-дзянку⁵³⁾.

Заканчивая перечень поселеній, которыя, если не съ полною, то все-таки съ значительною вѣроятностію, могутъ быть признаны стоящими на мѣстѣ одноименныхъ съ ними или подобноименныхъ городовъ Болохова, мы скажемъ, что отголосокъ этого Болохова, можетъ быть, слышится въ названіи Борушковецъ, села Новоградволинскаго у. (въ лѣтописи къ Болохову находимъ вариантъ Бороховъ).

Итакъ, тамъ, гдѣ, заключая на основаніи лѣтописныхъ извѣстій, должно помѣстить Болоховскую землю, и въ настоящее время есть три поселенія, названія которыхъ *совершенно* согласуются съ именами трехъ изъ семи упомянутыхъ лѣтописью Болоховскихъ городовъ; тамъ же есть села, напоминающія, по своимъ названіямъ, остальные города. Во всякомъ случаѣ, достаточно и того, что нашлось три поселенія: съ того времени, когда лѣтопись занесла на свои страницы имена Болоховскихъ городовъ, прошло 600 съ лишнимъ лѣтъ, и мало ли переворотовъ видѣли тѣ края, не разъ линявшіеся жители, вмѣстѣ съ которыми исчезали безслѣдно и ихъ селища? Тѣже изъ послѣднихъ, которыя уцѣлѣвали, являлись мало по малу, съ преобращенными именами, иногда совершенно не похожими на прежнія⁵⁴⁾.

Всѣ отмѣченныя нами мѣстности лежатъ въ одной сплошной территоріи, на ко-

⁵³⁾ Въ своихъ „Матеріалахъ“ (стр. 16) г. Барсовъ указалъ на с. Бузовку въ Таращанскомъ уѣздѣ Кіевской губерніи, на правомъ берегу Тикича Горнаго, — „съ едва замѣтными остатками древнихъ валовъ. Въ окрестностяхъ сохранилось преданіе, что Бузовка была когда-то многочисленнымъ и богатымъ городомъ и называлась „Бузь“. Но Божскій, о которомъ ведется рѣчь, и который былъ наданъ Давиду Игоревичу вмѣстѣ съ Дубномъ и Черторыйскомъ, едвали отстоялъ такъ далеко на востокъ отъ этихъ пунктовъ; находясь на мѣстѣ Бузовки, онъ былъ бы въ чрезполосности съ владѣніями остальныхъ князей. Другія извѣстія о Божскомъ также не позволяютъ относить его такъ далеко на юго-востокъ. — Къ древнему Божскому не подходитъ и Бужанка, село у впаденія ручья этого имени въ Тикичъ.

⁵⁴⁾ Примѣровъ, за множествомъ ихъ, мы не приводимъ. Польскіе наниматели переносили иногда поселенія по своему вкусу.

торой, судя по лѣтописямъ, въ половинѣ XIII столѣтія не могло быть владѣній, принадлежавшихъ кому-нибудь иному, кромѣ Болоховцевъ, и которая находится на границахъ, указанныхъ лѣтописью для Болохова.

Порядокъ, въ которомъ расположены эти поселенія, соответствовалъ тому, который можно вывести изъ лѣтописи для Болоховскихъ городовъ. Отправившись однажды наказывать Болоховскую землю за отпаденіе ея, Даніилъ началъ опустошеніе ея, очевидно, съ сѣверныхъ ея частей и постепенно шелъ къ югу⁵⁵); при осадѣ одного изъ самыхъ полуденныхъ ея пунктовъ — Дядькова — къ нему явился на помощь его печатникъ, отставившій передъ тѣмъ Бакоту отъ напавшаго было на нее Ростислава Михайловича. Такимъ образомъ, Деревичъ, названный первымъ въ ряду Болоховскихъ городовъ, разоренныхъ Даніиломъ, долженъ былъ быть самымъ сѣвернымъ изъ нихъ. Точно также въ ряду выбранныхъ нами мѣстностей самымъ сѣвернымъ оказывается нашъ Деревичъ. Въ лѣтописи за Деревичемъ слѣдуютъ: Губинъ и Кобудъ, Кудинъ⁵⁶), Божскій, Дядьковъ; у насъ также постепенно спускаются къ югу: Губинъ и Бутовцы, Кудинка, Дьяковцы, Божиловцы.

Еслибы мы удалили Болоховцевъ изъ означенной нами территоріи, то мы не нашли бы кѣмъ замѣстить ее, и пришлось бы предположить, что между областями Галича, Волыни, Кіева и Русскими поселеніями по Богу оставалось пустое пространство.

Все это утверждаетъ насъ въ мысли, что Болоховская земля лежала именно въ предѣлахъ, очерченныхъ нами на основаніи лѣтописныхъ указаній, т. е. была расположена по верховьямъ Бога и по притокамъ обѣихъ его сторонъ до поворота его на югъ, по верхнему теченію Случи до впаденія въ нее Хомора и по верховьямъ Тетерева и его притокамъ не далѣе Гниломета. Такимъ образомъ, по нашему мнѣнію, Болохово находилось въ пунктѣ соприкосновенія древнихъ земель Галицкой, Волынской и Кіевской и занимало южную часть теперешняго Новоградволынского уѣзда, восточную часть уѣз. Старокиевскаго и Проскуровскаго, весь уѣздъ Летичевскій и, можетъ быть, также югозападную часть Житомирскаго и западную Бердичевскаго. Въ теперешней Кіевской губерніи оно могло простираться и далѣе на востокъ, но мы не можемъ положительно утверждать это.

⁵⁵) Непосредственно передъ тѣмъ онъ былъ на сѣверѣ своихъ владѣній (см. Ип., 524—525), гдѣ онъ постоянно пребывалъ со времени Татарскаго нашествія; для прекращенія же безпорядковъ на юго-востокѣ, которые производили тамъ бояре, Даніилъ послалъ печатника Кирилла съ отрядомъ пѣхоты и конницы. Слухъ о новой попыткѣ Ростислава заставилъ его самого отправиться на югъ. Что онъ шелъ съ сѣвера, видно также изъ слѣдующихъ словъ лѣтописи: „Василько же князь осталъ бѣ стеречи землѣ отъ Литвы, послалъ брата свое со братомъ“. Ип., 526.

⁵⁶) Городецъ мы опускаемъ.

Остальные мѣстности югозападнаго края, названія которыхъ сходны съ названіями Болоховскихъ городовъ, но не перечисленные нами, не могутъ быть отнесены въ границы древней Болоховской земли и своими именами обязаны, по большей части, вѣроятно тому, что были заселены первоначально Болоховцами. Во вторую половину своего княженія Данилъ ревностно заботился объ увеличеніи населенности въ своихъ владѣніяхъ, которыя лишились огромнаго количества жителей при татарскомъ разгромѣ, и, между прочимъ, осаживалъ въ своей землѣ военноплѣнныхъ. Ту же, вѣроятно, участь имѣли и захваченные имъ во время опустошенія Болохова⁵⁷⁾. Отсюда-то, можетъ быть, ведутъ начало Болоховичи въ Луцкомъ уѣздѣ и Болоховъ, Болеховъ и т. п.⁵⁸⁾ въ Галичинѣ. По сообщенію В. Б. Антоновича, о Болоховцахъ упоминается даже въ одной галицкой пѣснѣ, но, къ сожалѣнію, мы незнакомы съ этой пѣснею и потому не можемъ сказать, какихъ она разумѣтъ Болоховцевъ, и отголосокъ какой эпохи составляетъ это упоминаніе: времени ли удѣльно-вѣчеваго уклада, или періода, когда Болоховцы являлись удачными торговцами; равнымъ образомъ, по указанной причинѣ, мы не беремся рѣшить, чему приписать появленіе Болоховцевъ въ этой пѣснѣ, поселенію ли ихъ въ Галичинѣ, или же какимъ-нибудь столкновеніемъ и сношеніямъ съ Червоноруссами.

Особенно много мѣстностей съ именами, похожими на имена Болоховскихъ городовъ, встрѣчается въ Ровенскомъ уѣздѣ и вообще въ средней Волыни⁵⁹⁾. Затѣмъ онѣ

⁵⁷⁾ Лѣтопись говоритъ: „Данилъ же возмъа плѣнь многъ вратися“... „плѣнивъ землю Болоховскую и пожегъ“. Ип., 526. „Богъ возмездъе имъ дастъ, яко не оста ничтоже во градѣ ихъ, еже бысть не пленено“. Ibid., 527.

⁵⁸⁾ На нихъ указалъ уже Петрушевичъ. „Гал. ист. сб.“, вып. II, стр. 110, примѣч. 25. Въ описаніи путешествія въ Турцію польскаго посольства въ 1557 году, принадлежащемъ Отвиновскому, читаемъ: „Po obiedzie wołoskim ruszyliśmy się od Chocimia, nocleg w polu pod Bolochowcami, pokarm w Czebrówce za Prutem“ (Biblioteka Polska. Serya na rok 1860. Zeszyt 9. Podróże i poselstwa polskie do Turcyj. Przygotowane do druku z rękopismu przez J. Kraszewskiego. Wyd. Kaz. Józ. Turowskiego. W Krakowie. 1860. Str. 9). Подъ этими Болоховцами, бывшими между Хотиномъ и Прутомъ, можетъ быть, должно разумѣть теперешній Галицкій Болоховъ, а можетъ быть, иное какое-нибудь однородное съ нимъ поселеніе. Что касается „поля“, упомянутого подъ Болоховцами, то это слово употреблено здѣсь въ теперешнемъ смыслѣ, а не въ смыслѣ степи (сл. тамъ-же: „Przez Busko pokarmowałem w polu, i nocleg w polu przed Nowosławicami“). Послы постоянно кормили лошадей и ночевали въ полѣ.

⁵⁹⁾ Мы нашли: въ Ровенскомъ уѣздѣ — Деревянное, Губковъ (о немъ см. у Стецкаго: *Wolyn pod względem statystycznym, historycznym i archeologicznym*, t. I, Lwów 1864, str. 279 — 280), Городокъ, два Городища, Збуже, Дядьковичи (этого имени два селенія); въ Дубенскомъ — Божкевичи и Коблинъ; во Владимирскомъ — Губинъ, Божевъ и Божанку; въ Заславскомъ — Губельцы и урочище Городецъ (недалеко отъ сел. Миньковецъ, въ 3-хъ верстахъ отъ Вачмановки. „Еп. Вѣд.“ 1867, стр. 108); въ Новоградволинскомъ — Кудиновичи; въ Луцкомъ —

есть въ губерніяхъ Кіевской и Подольской⁶⁰). Это, можетъ быть, зависѣло отчасти отъ многократности колонизаціи южной Руси.

II.

Обращаемся къ анализу чисто-историческихъ данныхъ относительно Болоховской земли.

Тутъ мы постарались также собрать и сопоставить всѣ лѣтописныя извѣстія, не оставляя безъ вниманія ни единой черты.

Опредѣленіе происхожденія и времени появленія Болоховскихъ князей еще затруднительнѣе уясненія мѣста ихъ жительства; о послѣднемъ въ лѣтописи находимъ довольно ясныя намеки; о первомъ же приходится догадываться, съ трудомъ улавливая лѣтописныя данныя, косвенно наводящія на рѣшеніе вопроса. Несловоохотливый на этотъ разъ лѣтописецъ, который не особенно, впрочемъ, и благоволилъ къ Болоховцамъ, не догадывался, что, чрезъ какихъ-нибудь 600 лѣтъ, читая его рассказъ о вѣроломствѣ Болоховскихъ князей, будутъ задаваться вопросомъ о самомъ происхожденіи ихъ, о которомъ онъ не сказалъ ни слова.

Слѣды существованія Болоховской земли съ этимъ отдѣльнымъ названіемъ замѣчаются въ лѣтописи впервые въ половинѣ XII стол. Подъ 1150 г. въ Ипатскомъ спискѣ читаемъ: „и приде Изяславу вѣсть оже Володимиръ перешель *Болохово*, идетъ мимо Мунаревъ къ Володареву“⁶¹).

Въ то время, какъ и послѣ, населеніе этой земли, по всѣмъ соображеніямъ, принадлежало къ чисто Русскому племени, а не къ Половцамъ, или вообще къ какимъ-нибудь инородцамъ, какъ нѣкоторые утверждаютъ⁶²).

Губинъ (въ актахъ упоминается уже въ XVI стол.) и Городецъ; въ Овручскомъ — Городецъ. Всѣ эти мѣстности лежатъ къ сѣверу отъ границы Даніиловыхъ владѣній съ территоріею Болохова. Последнее не могло быть за Горынью, на которой были Даніиловы города Тихомль, Гнойница, Изяславль, и за Хоморомъ, о которомъ выше.

⁶⁰) Въ Радомыльскомъ уѣздѣ, недалеко отъ Чернобыля, есть Губинъ; въ Уманскомъ — Городецкое; въ Звенигородскомъ — Бужанка. Въ Подольской губерніи, въ Уницкомъ уѣздѣ, гдѣ должно было быть Понизье, встрѣчаемъ Деревяны, Губарь, а въ Винницкомъ — Кудійовцы.

⁶¹) Ип., 278.

⁶²) По мнѣнію Зубрицкаго (III, 138), Болоховцы образовались изъ смѣси крещенныхъ Половцевъ и русскихъ бѣглецовъ или плѣнниковъ, причемъ преобладающимъ остался половецкій элементъ. — Съ Зубрицкимъ соглашается и г. Барсовъ („Очерки“, прим. 110, стр. XXXIV). — Г. Шараневичъ („Ист.“, 104) признаетъ Болоховцевъ чистыми Половцами. Но съ Половцами ли рядомъ ставятся они въ лѣтописи?

т. II.

Лѣтопись не даетъ ни малѣйшаго повода къ такому рода предположеніямъ: она всегда трактуетъ Болохово какъ Русскую землю, ни единымъ словомъ не намекая на иноплеменность его обитателей.

Эта иноплеменность немыслима и при соображеніи всѣхъ фактовъ, извѣстныхъ о Болоховѣ и его жителяхъ.

Во половинѣ XII столѣтія, какъ увидимъ ниже, Болоховскій край былъ еще несомнѣнно Русскимъ. Поселенія инородцевъ, если они имѣли въ немъ мѣсто, могли явиться только позже.

Но въ XII столѣтіи Болохово, какъ мы очертили его границы, было окружено Русскими землями почти съ трехъ сторонъ и вдавалось въ нихъ угломъ: съ запада къ нему прилегали галицкія владѣнія, съ сѣверо-запада и сѣвера — волынскія, съ сѣверо-востока кievскія; а вдоль Бога, по мнѣнію Лелевеля, тянулся торговый путь, шедшій отъ Луцка и Пересопницы къ устьямъ Днѣпра. Въ XIII вѣкѣ русскіе появились съ юго-востока — въ Побожьи⁶³⁾. Въ то же время, Болохово, какъ мы сказали, лежало на бывшемъ въ значительномъ употребленіи пути изъ Кіева въ Галичъ и, слѣдовательно, занимало важную стратегическую позицію. Неужели же послѣ этого Русскіе дозволили бы инородцамъ поселиться въ такомъ мѣстѣ и врѣзаться въ Русскія земли острымъ и длиннымъ клиномъ? Да и сами Половцы едва ли выбрали бы такое сосѣдство.

Говорятъ, что это были Половцы крещенные, слѣдовательно, до извѣстной степени оцивилизовавшіеся; а отсюда де ихъ земледѣліе⁶⁴⁾, которое, видно, было у нихъ однимъ изъ главныхъ занятій и находилось въ цвѣтущемъ состояніи, если Татары обязали Болоховцевъ поставлять въ качествѣ дани въ орду пшеницу и столь любимое кочевниками⁶⁵⁾ просо; отсюда же отсутствіе со стороны Болоховцевъ набѣговъ⁶⁶⁾ и вообще незамѣтность въ нихъ свойствъ ихъ „дикихъ“ собратьевъ.

⁶³⁾ См. ниже.

⁶⁴⁾ Замѣтимъ, что о земледѣліи у Черныхъ Клобуковъ, а тѣмъ болѣе у Половцевъ, мы не нашли извѣстій.

⁶⁵⁾ По свидѣтельству Абу-Долефа (половины X-го вѣка), Печенѣги употребляли въ пищу одно просо. По сказанію Ибнъ-Даста, наиболѣе воздѣлывалось оно и у Славянъ. То же говоритъ и императоръ Маврикій (Ибнъ - Дастъ по изданію Хвольсона, С.Пб. 1869, стр. 48, 30 и 133). Это было одно изъ наиболѣе распространенныхъ культурныхъ растений (сл. г. Гаркави „Сказанія мусульманскихъ писателей о Славянахъ и Русскихъ“, С.Пб. 1870, стр. 86). По словамъ Бровевскаго, Татарское простонародье употребляло въ пищу „толченное пшеко, разведенное водою и молокомъ и называемое обыкновенно касса“ (Зап. Од. Общ. исторіи и древн., т. VI, стр. 356; сл. *ibid.*, V, 823—824). Бопланъ также говоритъ, что Татары изъ кушанья любили очень кашу.

⁶⁶⁾ О вторженіи Болоховцевъ въ Мазовію см. выше. Это единственный случай, занесенный

Но въ указанномъ нами мѣстѣ не поселили бы даже такихъ Половцевъ. Вспомнимъ, что въ княжествахъ Кіевскомъ, Переяславскомъ и Черниговскомъ такимъ инородцамъ отводились окраины. А еслибы почему-нибудь и поселили, то обязали бы известнаго рода службою, между тѣмъ какъ Болоховцы являются совершенно независимыми и выступаютъ въ походы—очевидно, добровольно—⁶⁷⁾ развѣ съ Венграми, да съ такими Черниговскими князьями, которые никакъ не могли надѣлать ихъ тою землею ⁶⁸⁾. Притомъ—вовсе не какъ служилые инородцы—они вообще рѣдко показываются на войнѣ и въ теченіе какихъ-нибудь 25 лѣтъ, они, по Галицко-волынской лѣтописи, всего три раза участвовали въ военныхъ предпріятіяхъ. Еслибы Половцевъ надѣлили землями самъ Даниилъ, то лѣтопись упомянула бы о томъ, говоря о неблагодарности Болоховцевъ, но она этого не дѣлаетъ однако.

Изъ названій 7 упомянутыхъ въ лѣтописи Болоховскихъ городовъ только два позволяютъ сколько-нибудь сомнѣваться въ ихъ славянскомъ происхожденіи: мы разумѣемъ Кудинъ и Кобудъ; но и они еще могутъ оказаться славянскими послѣ филологическаго разбора, который мы предоставляемъ специалистамъ. Мы позволимъ себѣ только сказать, что Кобудъ, можетъ быть, нужно поставить въ связь съ древне-славянскимъ словомъ *кобъ* ⁶⁹⁾ или же *кудъ* ⁷⁰⁾, а Кудинъ въ связь съ древне-славянскимъ *будъ* ⁷¹⁾. Въ XII столѣтіи въ Переяславской области было село Кудыново, а къ Кобуду въ настоящее время приближаются: Кобче Луцкаго уѣзда ⁷²⁾, Коблинъ Дубенскаго, Кабатня Липовецкаго и

въ лѣтопись, когда Болоховцевъ можно заподозрить въ набѣгъ просто съ цѣлью грабежа, но и этотъ фактъ, какъ мы видѣли, еще не разъясненъ.

⁶⁷⁾ Болеславъ Мазовецкій прямо указываетъ на ихъ независимость: „суть особини князи“. Ип., 527.

⁶⁸⁾ Болоховцы явились на сцену, когда Михаилъ и Ростиславъ еще не господствовали въ югозападной Руси. Могутъ сказать, что они помогали Черниговскимъ князьямъ въ благодарность за то, что были посажены ихъ отцами или родичами. Но въ Половцахъ трудно предположить такое долговременное чувство благодарности.

⁶⁹⁾ Теперь есть слово *коба* (см. Словарь Даля, стр. 738). Печать Ратибора найдена недалеко отъ урочища Коба.

⁷⁰⁾ Слово *буда* встрѣчается и въ Ипатскомъ спискѣ (стр. 401). — *Будовать, буда* (поселеніе въ родѣ слободы) употребляется и теперь.

⁷¹⁾ Отъ этого-то корня получило начало и прозваніе Куденевичъ для Демьяна богатыря, о которомъ упоминаетъ Ник. лѣтопись подъ 1148 г. (П. с. р. л. IX, 178). Съ Кудининымъ могутъ быть сближены: Кудинцы Хорольскаго уѣзда, Кудинча — озеро Остерскаго уѣзда и рѣка Кудаша Ярославской губерніи.

⁷²⁾ Упомянуто въ актѣ 1585 года: „Архивъ юго-западной Россіи“, часть I, томъ I, стр. 199.

Кобудъ и Кобызче Черниговской губерніи ⁷³⁾. Само Болохово, можетъ быть, слышится въ названіи Белехова поля, бывшаго въ волости Владимира что на Клязьмѣ ⁷⁴⁾.

По образу жизни, Болоховцы нисколько не разнились отъ массы Русскаго населенія. Бывъ хлѣбопашцами, они имѣли и города съ деревянными постройками, укрѣпленные греблями, т. е. рвами и насыпями ⁷⁵⁾. Дядьковъ градъ былъ взятъ Даніиломъ не сразу, а только когда къ нему явился на помощь его печатникъ съ 3000 пѣхотинцевъ и съ тремя стами конницы. Такимъ образомъ, земля Болоховцевъ имѣла благоустроенный видъ. Замѣтимъ, что, при описаніи опустошеній, произведенныхъ въ ней Даніиломъ, лѣтопись ни слова не говоритъ о захватѣ имъ стадъ, долженствовавшихъ составлять одно изъ

⁷³⁾ По преданію, сохранившемуся у мѣстныхъ жителей, Ставица Радомысльскаго уѣзда въ древности назывались Ковбыжъ.

⁷⁴⁾ У Татищева это поле названо Болоховымъ (кн. III, стр. 211). — Болохово могло произойти изъ корня *волосъ, волкъ*. Въ одномъ изъ позднѣйшихъ памятниковъ встрѣчается Волоховецъ („Памятники Кіевской комиссіи“, II, отд. 1, 308: „Мельница подъ Иванъ-городомъ на р. Острѣ, у Волоховца“). Въ XV столѣтіи одинъ изъ князей назывался Болхъ, и отъ него выводять князей Болховскихъ. — Къ Болохову подходятъ еще: Балохы Луцкаго уѣзда, Болотъхова Мглинскаго, Булохово Остерскаго, Велихово (оз.) Ковельскаго и Велиховъ Луцкаго.

⁷⁵⁾ Даніиль „грады ихъ онези предасть и гребля ихъ раскопа“. Г. Погодинъ думаетъ, что („Изслѣд.“ VII, М. 1856, 201—202), „греблею назывался и ровъ и насыпная (нагребенная) дорога черезъ ровъ. Такъ же думалъ и Карамзинъ. По мнѣнію Арцыбашева (Повѣствованіе о Россіи, т. I, М. 1838, № 1201), „слово гребля здѣсь [въ словахъ Ип. сп. подъ 1172 г. (они приведены у Карамзина: т. III, прим. 3): „и городъ его пожгоша, греблю раскопаша“] значитъ крѣпость: не было надобности раскапывать ни рва, ни плотины; но оплотъ, то есть крѣпость или валъ“. На основаніи одного мѣста Ип. сп. подъ 1229 г. (стр. 504: „Станиславъ же Микучичъ рече: Кде то мы стояли, ту нѣсть воды, ни гребле высоки“) мы думаемъ, что греблею назывался, кромѣ плотины, не только простой ровъ, но ровъ съ насыпью надъ нимъ (см. Ип. 547, гдѣ „гребля“ въ такомъ смыслѣ). Раскапывали эту насыпь, а не плотину, служившую для сообщенія; землю изъ вала, вѣроятно, засыпали рвы. По наблюденію Д. Я. Самоковскаго, городища были обведены рвами и валами. Впрочемъ, можетъ быть, подъ греблями Болоховцевъ въ лѣтописи разумѣлся валъ на границѣ Болохова: лѣтопись говоритъ, что „не оста ничтоже во градѣ ихъ, еже бысть не пленено“ (Ип., 527); передъ этимъ же шла рѣчь о многихъ Болоховскихъ городахъ. Г. Барсовъ („Очерки“ etc., примѣч., стр. LXIV) склоненъ видѣть остатки южнаго порубежнаго укрѣпленія Болоховской земли въ Змиевомъ валѣ, „который, начинаясь у Екатеринополя (Кальниболота) верстахъ въ 15 къ югу отъ Звенигородки, тянется въ юго-западномъ направленіи вдоль Гнилаго Тикича мимо сел. Латышовой (Звенигородскаго уѣзда), Свердликова, Нерубайки, Подвысокаго, Наливайки (Уманскаго уѣзда) къ Бугу и оканчивается у рѣки Кодымы въ Балтскомъ уѣздѣ“. Но этотъ валъ, кажется переходитъ и за Днѣпръ. — Нѣкоторые валы тѣхъ мѣстностей были насыпаны во время польскаго владычества. Между Богомъ и Божкомъ есть валъ, насыпанный Турками [Statystyczne, topograficzne i historyczne opisanie gub. Podolskiey. T. I (Wilno, 1820), str. 84].

главнѣйшихъ богатствъ Болоховцевъ, — еслибы они происходили отъ недавно осѣвшихъ кочевниковъ, и не упоминаетъ также о вежахъ, а, конечно, не преминула бы сказать о томъ и другомъ въ случаѣ захвата ⁷⁶⁾.

Наконецъ, Болоховцы, которымъ лѣтопись ни разу не даетъ эпитета, какимъ надѣляла инородцевъ (она ни разу не называетъ Болоховцевъ „погаными“), не замѣчаются ни въ какихъ связяхъ съ этими послѣдними, а готовность отдаться Татарамъ обнаружили не только они, но, какъ увидимъ, и жители краевъ, въ славянствѣ населенія которыхъ никто не можетъ сомнѣваться.

Потому — то, что они, Русскіе, отстали отъ своихъ собратій для того, чтобы съ полною готовностію служить поганымъ, былъ такъ разсерженъ на нихъ и Даниилъ, который „на нѣ болшую вражду (держа), яко отъ Татаръ болшую надежду имѣаху“ ⁷⁷⁾.

Въ мѣстности, гдѣ послѣ выступаетъ Болоховская земля, уже въ 1100 году мы встрѣчаемъ Русскій городъ Божскій ⁷⁸⁾. Значить, уже тогда она была занята славяно-русскимъ племенемъ, осѣвшимся тутъ съ той поры, когда его поселенія доходили до Чернаго моря ⁷⁹⁾.

⁷⁶⁾ См., напр., Ип. 468, 498, 533; мы указываемъ только нѣсколько примѣровъ, но ихъ можно бы привести множество. — О Черныхъ Клобукахъ лѣтопись говоритъ не такъ, какъ о Болоховцахъ. У Клобуковъ, наряду съ городами, въ которыхъ они затворяли во время войны женъ и дѣтей, являются вежи (Ип., 296). — Мы беремъ только кочевниковъ, пришедшихъ въ болѣе близкія отношенія къ Русскому міру, а о нецивилизованныхъ Половцахъ нечего и говорить: ихъ быть достаточно извѣстенъ.

⁷⁷⁾ Ип., 526—527.

⁷⁸⁾ Лѣт. по Лавр. сп., стр. 264: „... посланнии же придоша къ Давыдови и рекоша ему: „се ти молвятъ братья: ... се ти даемъ: шедъ сяди въ Бужьскѣмъ, въ Острогѣ, а Дубенъ и Черторыекъ то ти дасть Святополкъ, а се ти дасть Володимеръ 200 гривенъ, а Давыдъ и Олегъ 200 гривенъ“. Вм. „Бужьскѣмъ“, который въ другой разъ въ томъ спискѣ подъ тѣмъ же годомъ названъ Божскимъ, въ сп. Радзивилловскомъ, Троицкомъ, Ип. стоитъ: „Божьскомъ“; въ Хлѣбн. и Погод.: „Бузскомъ“. Г. Барсовъ соединяетъ слова „въ Бужьскѣмъ въ Острогѣ“ и, вмѣсто двухъ, принимаетъ одинъ городъ — Бужскій Острогъ. Г. Соловьевъ противъ этого (Ип. прим. 133). Объ Острогѣ въ XII стол. упоминаетъ и Татищевъ (см. выше). Когда лѣтопись рассказываетъ, что Давыдъ согласился на предложеніе князей, то объ Острогѣ не упоминаетъ, а говоритъ: „А Давыдъ сѣде Божьскѣмъ, и посемъ вдасть Святополкъ Давыдови Дорогобужъ, в немже и умре“ (Лѣт. по Лавр. сп., I. с.). Поэтому едвали вѣрно мнѣніе г. Барсова. — О томъ, что въ этомъ мѣстѣ лѣтописи разумѣлся Божскій Болоховской земли, свидѣлствуетъ не только его названіе (Бужскъ, какъ мы видѣли, никогда не назывался Божскимъ), но и то, что онъ былъ отданъ Давыду сонмомъ всѣхъ князей, значить, былъ причисленъ въ великому княжеству Кіевскому. Даръ Святополка изъ его собственно земель указанъ отдѣльно.

⁷⁹⁾ Этотъ край былъ заселенъ, вѣроятно, Тиверцами, о которыхъ въ XII-мъ столѣтіи упоминалъ, быть можетъ, Tiwer, встрѣчающійся у Эдризи (Lelewel, Polska wieków średnich, II,

Первоначальная исторія этого края также неизвѣстна, какъ и первая судьба многихъ другихъ.

Темны его судьбы и въ то время, когда онъ выдѣляется въ лѣтописи съ специально принадлежащимъ ему названіемъ.

Извѣстно, что то былъ вѣкъ дробленія и появленія въ качествѣ особенныхъ волостей даже весьма небольшихъ территорій. Является вопросъ: имѣло ли и Болохово своихъ отдѣльныхъ князей, изъ Владимірова ли рода, или изъ рода, господствовавшего надъ этою землею еще въ до-историческія времена и продолжавшаго, какъ нѣкоторые думаютъ⁸⁰), властвовать до Данила, или же, наоборотъ, оно постоянно подчинялось непосредственному управленію князей какой-нибудь другой волости?

Къ сожалѣнію, не имѣя достаточныхъ данныхъ, мы не въ состояніи отвѣтить на это со всею положительностію. — Впрочемъ, намъ кажется, въ лѣтописи занесены факты, которые могутъ навести на отвѣтъ хоть сколько-нибудь.

Городъ Божскій, являющійся въ лѣтописи XIII столѣтія принадлежащимъ къ Болоховской землѣ и долженствовавшій быть на южной ея окраинѣ, въ XII вѣкѣ, вмѣстѣ съ Межибожьемъ, бывшимъ на западной границѣ Болохова⁸¹), входилъ въ составъ Кіевской земли. Не думаемъ, чтобы оба они составляли отрѣзанный ломоть. Необходимо предположить, что, съ своими округами, они прилегали къ другимъ Кіевскимъ владѣніямъ и связывались съ ними, по крайней мѣрѣ, узкою полоскою земли, которая, въ такомъ случаѣ, непременно должна была или пересѣчь на двое Болоховскую область, какъ мы очертили ея границы, или же совсѣмъ отхватить южную ея половину. Дѣйствительно,

Roznai 1847, 399; если такъ, то этотъ Tiver могъ стоять на мѣстѣ теперешняго Тиврова). По лѣтописнымъ извѣстіямъ, Улучи и Тиверцы сидѣли по Днѣстру и Богу. Въ Ип. списокъ и сходныхъ съ нимъ читаемъ: „а Улучичи, Тиверцы сѣдяху по Бугу и по Днѣпру, и присѣдяху къ Дунаеву; и бѣ множ(с)тво ихъ, сѣдяху бо по Бугу и по днѣпру“. — Нарушевичъ полагалъ, что Tibiani Кадлубка и Богуфала означали Tyweganow (t. IV, изд. 1783, str. 38). Также готовъ былъ думать и Карамзинъ (I, прим. 70). Но въ Słownikъ къ хроникѣ Викентія говорится: „tibianeі — rodzaj zaciężnego wojska“ (Monum. Pol. histor., II, 452). — По мнѣнію г. Барсова („Очерки“, стр. 84), въ Побужьи Улучи сходились съ южными разселеніями Древлянъ. Позже верхнее Побужье, по мнѣнію г. Барсова (ibid., 118), было занято кочевниками. Весьма интересно было бы знать лѣтописныя свидѣтельства, на которыхъ утверждается это послѣднее мнѣніе г. Барсова. На стр. 120 г. Барсовъ выразился осторожнѣе.

⁸⁰) Такое мнѣніе высказано кн. Долгоруковымъ въ его „Россійской родословной книгѣ“ (ч. III, С.Пб. 1856, стр. 10): „Князья Болоховскіе были въ древней Россіи единственными удѣльными князьями, непринадлежавшими къ племени св. Владиміра. Отъ кого ведутъ они начало? отъ древнихъ ли владѣтелей Древлянскихъ, или отъ хановъ Половецкихъ, неизвѣстно...“

⁸¹) См. выше.

во всѣ три раза, когда, по упоминанію лѣтописей, эти города давались Кіевскими князьями въ отдѣльное владѣніе, они соединялись съ Котельницею и, слѣдовательно, составляли съ нею одну сплошную территорію. — Послѣ этого несомнѣнно, что, если не вся, то, по крайней мѣрѣ, половина Болоховской земли считалась Кіевскою и не имѣла отдѣльной княжеской линіи, такъ какъ Кіевскіе князья уступали ее кому хотѣли. — Замѣчательно, что этотъ край началъ составлять особенный участокъ какъ разъ въ то время, когда въ лѣтописяхъ появляется специальное названіе Болоховской земли; въ Кіевской землѣ, очевидно, онъ составлялъ какую-то отдѣльную группу городовъ. Къ сожалѣнію, два изъ нихъ ни разу не названы въ лѣтописяхъ, а между тѣмъ, быть можетъ, мы узнали бы въ нихъ Болоховскіе города, названные въ лѣтописи XIII-го столѣтія. Впрочемъ, первые слѣды обособленія этого края мы замѣчаемъ уже въ годъ Витичевского сѣзда, когда Божскій былъ отведенъ для жительства Давиду Игоревичу.

Въ XII столѣтіи мы не замѣчаемъ, чтобы Болохово заявляло какія-нибудь стремленія, подобныя тѣмъ, какія обнаруживало въ XIII, хотя, если они были, къ тому представлялось не мало удобныхъ случаевъ: напр., во время борьбы Юрія съ Изяславомъ Мстиславичемъ. Вообще въ XII вѣкѣ Болоховская земля не выказала себя рѣшительно ничѣмъ особеннымъ. Могутъ сказать, что ея князья молчали потому, что автономія ея не подвергалась никакой опасности. Но при Владиміркѣ Володаревичѣ Галичѣ довольно явственно обнаруживалъ притязательныя стремленія относительно пограничныхъ земель, и мы не думаемъ, чтобы плодородное и имѣвшее немалую важность въ стратегическомъ отношеніи Болохово⁸²⁾ подлежало въ этомъ случаѣ исключенію. Въ концѣ XII-го и въ началѣ XIII стол. „самодержецъ всея Руси, одолѣвшій всимъ поганьскимъ языкомъ“ Романъ Мстиславичъ также не потерялъ бы подъ бокомъ у себя самовольныхъ сосѣдей. Да и вообще въ XII вѣкѣ, вѣкѣ наибольшаго разцвѣта удѣльно-вѣчевой Руси⁸³⁾, родъ Владиміра св., достигшій въ то время господства надъ всѣмъ русскимъ славянствомъ и ревниво охранявшій свои на то прѣва⁸⁴⁾, не допустилъ бы неограниченнаго владычества инаго дома даже надъ небольшою частицею Русской земли⁸⁵⁾. — На основаніи всего этого мы думаемъ, что, если какая-нибудь часть позднѣйшей Болоховской земли, выдѣляясь

⁸²⁾ Оно лежало на прямой дорогѣ изъ Галича въ Кіевъ. Владимірко нѣсколько разъ шель тѣмъ путемъ.

⁸³⁾ Тогда совсѣмъ исчезаютъ и племенные названія. Дреговичи упоминаются въ лѣтописяхъ еще подъ 1149 годомъ.

⁸⁴⁾ *Племенные князья* Вятичей, Ходота и его сынъ, должны были смириться уже въ XI стол. Лѣт. по Лавр. сп., 239.

⁸⁵⁾ Вся Русская земля представлялась отчиною господствовавшаго дома, и всякій князь могъ сказать подобно Изяславу: „мнѣ отчины въ Угрехъ нѣтуть, ни в Ляхохъ, токмо в Руской земли“ (Ип., 281).

изъ Кіевской волости, и имѣла отдѣльную княжескую линію, то послѣдняя держалась лишь подъ условіемъ признанія верховнаго владычества князей изъ дома Владиміра св.

Но, повторяемъ, все побуждаетъ предполагать, что такой отдѣльной линіи тамъ не было.

Съ явными признаками отдѣльнаго и независимаго существованія Болоховская земля выступаетъ во второй четверти XIII столѣтія⁸⁶⁾, и тутъ-то она и пріобрѣтаетъ для насъ особенный интересъ.

Прежде всего обращаютъ на себя вниманіе ея князья.

Мы видѣли, какъ несправедливо относить жителей Болохова къ инородцамъ. Доказывая несостоятельность этого, мы тѣмъ самымъ опровергали и мнѣніе о половецкомъ происхожденіи Болоховскихъ князей, высказанное Зубрицкимъ и Шараневичемъ⁸⁷⁾.

На томъ основаніи, что, требуя выдачи этихъ князей отъ Даніила, князя Черниговской вѣтви, Михаилъ и Изяславъ, называли ихъ своею братьею⁸⁸⁾, Карамзинъ⁸⁹⁾ и Арцыбашевъ считали Болоховскихъ князей Ольговичами. Къ тому же склоняются и тоже повторяютъ и многіе новѣйшіе ученые⁹⁰⁾.

Но названіе Болоховскихъ князей братьею со стороны Михаила и Изяслава еще ничего не значитъ: нужно доказать, что оно должно быть принимаемо именно въ смыслѣ ихъ родства. Въ до-монгольскій періодъ князья титуловали другъ друга вообще братіею⁹¹⁾; нерѣдко они такъже именовали иноземныхъ царственныхъ союзниковъ⁹²⁾ и даже членовъ дружины⁹³⁾. Такъже точно называлъ иногда князей народъ⁹⁴⁾, а они—лицъ народа⁹⁵⁾.

⁸⁶⁾ Болоховскіе князья въ лѣтописи упоминаются впервые подъ 1231 г.

⁸⁷⁾ См. выше примѣч. 62.

⁸⁸⁾ Ип., 516: „... нача посылати Михаилъ и Изяславъ, грозяча: „дай нашу братью, или прідемы на ти войною“.

⁸⁹⁾ „Ист. госуд. Росс.“, III, прим. 346.

⁹⁰⁾ Соловьевъ, „Ист.“, III, прим. 261. Забѣлинъ, „Опыты изученія р. древн. и ист.“, ч. I, М. 1872, 541. Квашининъ-Самаринъ, „По поводу Любецкаго Синодика“, стр. 216.

⁹¹⁾ Мстиславъ Владиміровичъ говорилъ Олегу: „не бѣгай никаможе, но пошлися къ *братѣмъ* своей с молбою, не лишать ти Русьскыя земли“. Лѣт. по сп. Лавр., 232. См. затѣмъ стр. 252, 262. Братьею князья называли не только родъ, совокупность всѣхъ князей—родичей, но и другъ друга, безъ всякаго отношенія къ тому, были ли они какіе-нибудь братья, или нѣтъ; нерѣдко братьями называли другъ друга князья различныхъ линій.

⁹²⁾ Изяславъ говорилъ венгерскому королю и князьямъ чешскому и польскимъ: „а язъ вы реку: *братѣмъ*, съ Рожества Христова полѣзите на кони“ (Ип., 269). Приглашая Мстислава Удалаго въ Галичъ, Лешко говорилъ: „*братъ ми еси*, пойди и сяди въ Галичъ“ (Ип., 489).

⁹³⁾ Святославъ говорилъ: „уже намъ сдѣ пасти; потягнемъ мужьски *браты* и дружино“.

⁹⁴⁾ Лѣт. по сп. Лавр., 254.

⁹⁵⁾ Ibid., 259.

Далѣе: Болоховскіе князья не всегда непременно помогали Черниговскимъ князьямъ въ борьбѣ ихъ съ Даниломъ⁹⁶⁾.

Г. Соловьевъ замѣчаетъ: „Если это были дѣйствительно Ольговичи, то ихъ должно считать внуками Игоревыми, братьями родными или двоюродными Изяслава Владиміровича, которымъ удалось удержаться въ части Галицкихъ волостей послѣ несчастнаго 1208 года“. Дѣйствительно, изъ Ольговичей только эти и могли быть въ Болоховѣ. Но мы спросимъ, какъ они утвердились тамъ.

Болохово никогда не принадлежало къ Галицкимъ владѣніямъ, а еслибы оно и было покорено галичанами, то галицкіе бояре, отстаивая постоянно дѣлостъ своей земли⁹⁷⁾ и восторжествовавши надъ Игоревичами въ самомъ Галичѣ, не позволили бы удержаться ихъ ненавистному для бояръ роду и въ какой-нибудь изъ галицкихъ провинцій, совершенно обособивъ ее. Могутъ сказать вмѣстѣ съ г. Квашнинымъ-Самаринымъ, что Игоревичи „получили удѣлы отъ Всеволода Чермнаго, бывшаго великимъ княземъ во время избіенія ихъ. Понятно, что онъ помѣсилъ своихъ родственниковъ въ западной части Русской земли, по сосѣдству съ Галичемъ, на который они имѣли притязаніе“. Дѣйствительно, какъ видно изъ лѣтописей, Всеволодъ горячо принималъ къ сердцу бѣду своихъ родичей⁹⁸⁾, изъ которыхъ одинъ пособлялъ ему прежде въ борьбѣ за Кіевъ; но самъ Всеволодъ былъ изгнанъ изъ Кіева, а слѣдовавшіе за нимъ Кіевскіе князья не замедлили бы вытурить, какъ водилось постоянно, засѣвшихъ въ части Кіевской земли болѣе или менѣ чуждыхъ имъ князей. А еслибы этого не случилось, то осѣвшіеся внуки Игоря заявляли бы какъ-нибудь свою дѣятельность въ распряхъ за Кіевскій столъ, — распряхъ, которыя возбуждались постоянно Черниговскими князьями. Они не стояли бы особнякомъ отъ всякихъ дѣлъ въ теченіе какихъ-нибудь 20 лѣтъ. — Съ другой стороны, мы видимъ, что Болоховскіе князья были въ неразрывномъ союзѣ съ погубившими Игоревичей галицкими боярами и вовсе не добивались галицкаго стола. Г. Квашнинъ-Самаринъ при-

⁹⁶⁾ Напр., въ 1228 г. по Ин. си. Болоховскіе князья не были съ Михаиломъ, въ 1255 г. они не сопутствовали Изяславу.

⁹⁷⁾ Это постоянная черта галицкой исторіи. Въ 1152 году бояре не допустили Ярослава Владиміровича возвратитъ Изяславу города, отнятые у него Владиміромъ.

⁹⁸⁾ По словамъ Новгородской лѣтописи (подъ 1214 годомъ), Всеволодъ „изгони... внуки Ростиславѣ изъ Руси, такъ река: брата моя есте 2 князя повѣсили вы въ Галици, яко злодѣи, и положили есте укоръ на всѣхъ; и нѣту вамъ части въ Русьской земли“. Тогда-то Всеволоду и была полная возможность надѣлать Кіевскими землями своихъ родичей, которые не владѣли еще Болоховымъ во время княженія въ Галиччинѣ: когда Владиміръ Игоревичъ былъ изгнанъ изъ Галича, онъ бѣжалъ въ Путивль. Но Всеволодъ самъ былъ изгнанъ изъ Кіева въ годъ изгнанія Ростиславичей и вскорѣ послѣ того скончался въ Черниговѣ. А послѣ него княжилъ Мстиславъ Романовичъ (1214—23) и Владиміръ Рюриковичъ (съ 1223 г.).

числается къ Болеховскимъ князьямъ упомянутого въ лѣтописи подъ 1255 г. Изяслава, пытавшагося отнять Галичъ у Данила, но это неосновательно. По мнѣнію г. Квашинина-Самарина⁹⁹⁾, этотъ Изяславъ — сынъ Владиміра Игоревича, спасшійся бѣгствомъ отъ казни, постигшей Игоревичей въ Галичѣ¹⁰⁰⁾; онъ потому и сдѣлалъ попытку отнять Галичъ, что былъ изъ этого рода. Не приводя тутъ возраженій, какія представляются противъ отождествленія Изяслава 1255 г. съ Изяславомъ Владиміровичемъ¹⁰¹⁾, мы скажемъ только, что Изяславъ 1255 г. ни разу не является въ связи съ Болеховцами¹⁰²⁾, и относить его къ нимъ—скорѣе дѣло фантазіи, чѣмъ строгаго историческаго повѣствованія. Тоже самое можно сказать и объ отношеніи къ Болеховскимъ князьямъ Θεодора, котораго Изяславъ послалъ „ко Селемъ“¹⁰³⁾. Вообще изъ извѣстныхъ намъ внуковъ Игоря, упомянутыхъ въ Любецкомъ синодикѣ и лѣтописяхъ нельзя никого помѣстить въ Болеховѣ, какъ нельзя никого выбрать туда и изъ остальныхъ членовъ дома Владиміра св.¹⁰⁴⁾.

Лѣтопись нигдѣ не намекаетъ на связь Болеховскихъ князей съ какою-нибудь вѣтвію этого дома.

Напротивъ, все заставляетъ думать объ особенностяхъ этого рода. Въ лѣтописи Болеховскіе князья обозначаются не такъ, какъ князья Владимірова дома, а совершенно отлично: они называются не по именамъ и отчествамъ (этотъ признакъ важнѣе, чѣмъ можно думать о немъ съ перваго раза),¹⁰⁵⁾ а прямо и исключительно упоминаются съ

⁹⁹⁾ Также думали Арцыбашевъ (кн. III, прим. 157) и Строевъ (см. Роспись V). Того же мнѣнія держится и Н. И. Костомаровъ („Р. ист.“, I, 148).

¹⁰⁰⁾ Ип., 486.

¹⁰¹⁾ Г. Погодинъ („Изсл. л. з.“, VI, стр. 285) спрашиваетъ: „Неужели это все Изяславъ Володимеричъ?“ — Думаютъ, что онъ боролся съ Даниломъ и въ тридцатыхъ годахъ XIII-го стол. (Погодинъ, I, с. VI, 281. Арцыбашевъ—кн. II, пр. 2212—колеблются), хотя Изяславъ, державшій сторону Михаила, въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ называется Мстиславичемъ. Соловьева Исторія Россіи, III, прим. 264.—Въ пятидесятыхъ годахъ XIII стол. Изяславъ долженъ былъ быть въ преклонномъ уже возрастѣ.

¹⁰²⁾ Въ 1235 г. по Ип. св. объ освобожденіи Болеховцевъ хлопоталъ не только Изяславъ, но и Михаилъ Черниговскій, а вѣдь послѣдняго никто не причислитъ къ князьямъ Болеховскимъ.

¹⁰³⁾ Θεодоръ также не названъ княземъ Болеховскимъ. Отрицаніе принадлежности его къ князьямъ Болеховскимъ не мѣшаетъ однако считать его, вмѣстѣ съ г. Квашинымъ-Самаринымъ, родственникомъ Изяслава. Θεодоръ былъ посланъ Изяславомъ „ко Селемъ“, можетъ быть, въ той надеждѣ, что хоть родичъ его спасется отъ Данила.

¹⁰⁴⁾ Н. И. Костомаровъ также говоритъ, что нѣтъ возможности отыскать происхожденіе этихъ князей въ развѣтвленіи Рюрикова дома. „Р. ист. въ жизнеописаніяхъ важнѣйшихъ ея дѣятелей“, вып. I, стр. 134.

¹⁰⁵⁾ См. „Изслѣд.“ г. Погодина, VII, 446—447. — Подъ 1249 г. лѣтопись извѣщаетъ по

именемъ своей земли. Что это была особенная группа князей, видно и изъ политики ихъ: въ отношеніи къ Татарамъ они держали себя такъ, какъ ни одинъ изъ князей Владимірова рода.

Въ теченіе четверти столѣтія Болоховскіе князья вели самую упорную борьбу съ Данииломъ Галицкимъ, которая, очевидно, отличалась тѣмъ же самымъ характеромъ, какой носило противодѣйствіе этому князю и со стороны другихъ князей южной Руси, напр. со стороны Владиміра Рюриковича и кн. Пинскихъ. Эта борьба имѣла цѣлью защиту автономіи. Даниилъ добивался отъ Болоховскихъ князей признанія верховной его власти, на этомъ условіи былъ готовъ оставить ихъ въ покоѣ и даже хлопоталъ за нихъ предъ Болеславомъ Мазовецкимъ, который, въ оправданіе своего желанія „разыграбѣть“ Болоховскихъ князей, поставлялъ Даниилу на видъ, что эти князья не подвластны Романовичамъ: въ случаѣ несогласія Болеслава освободить Болоховскихъ князей, Даниилъ, такъ какъ эти послѣдніе „обѣщали работѣ быти“ и „молились“ ему, намѣренъ былъ объявить польскому князю войну: „Даниилъ же и Василко за нѣ хоти съ нимъ бранѣ створити“¹⁰⁶). Давни Романовичамъ обѣщаніе повиноваться только въ надеждѣ освобожденія себя¹⁰⁷), Болоховскіе князья, уже задолго до того предъусматривавшіе притязанія Даниила и принявшіе сторону враговъ его еще въ то время, когда онъ и не думалъ заявлять своихъ централизаторскихъ стремленій¹⁰⁸), не перестали враждовать противъ него и теперь.

Несомнѣнно, что во всемъ этомъ они опирались на сочувствіе и поддержку со стороны населенія своей земли, въ массѣ котораго они совсѣмъ иногда скрывались¹⁰⁹).

Итакъ, въ одной изъ южнорусскихъ земель, въ Болоховѣ, принадлежавшемъ къ областямъ, которыя признавали господство Владимірова дома¹¹⁰), въ XIII стол., ранѣе

именамъ и отчествамъ князей Черниговской линіи, помогавшихъ Ростиславу [см. Зубрицкаго „Ист. др. Гал.-р. княж.“, ч. I (Львовъ 1852), стр. 28]. Отчего же бы эта лѣтопись отступала отъ такого обычая, говоря о князьяхъ Болохова, если и они были изъ Черниговской линіи? Тогда должна была быть свѣжа еще память о родственности Болоховскихъ князей съ Черниговскимъ домомъ.

¹⁰⁶) Ип., 527.

¹⁰⁷) Авторитетѣ Даниила и Василька, бывшихъ въ дружбѣ съ Мазовецкими князьями, никто не могъ заступиться за Болоховскихъ князей.

¹⁰⁸) См. выше. Болоховскіе князья воевали впервые противъ Даниила около 1231 года: обѣщаніе же повиноваться ему, по нашимъ соображеніямъ, было дано съ ихъ стороны послѣ 1234 г. Въ то время, когда они давали это обѣщаніе, они, по словамъ Мазовецкаго князя, были не вонъ Даниловы, но „особнии князи“.

¹⁰⁹) Ип. подъ 1257 г. (стр. 555): „...придоша Бѣлобережцѣ и Червятинци и вси Болоховци къ Данилу“.

¹¹⁰) См. выше.

чѣмъ въ другой какой-либо изъ этихъ областей¹¹¹⁾, усаживаются князья совсѣмъ иного рода, успѣвающіе получить признаніе даже со стороны иностранцевъ¹¹²⁾. Въ томъ же Болоховѣ обнаруживается замѣтное стремленіе отрѣшиться отъ владычества членовъ господствовавшей тогда линіи.

Въ началѣ XIII-го столѣтія готовность къ тому проявлялась нѣсколько разъ и въ Галичѣ¹¹³⁾, но, къ счастью, стеченіе обстоятельствъ помѣшало галицкой землѣ достигнуть обособленія.

Эти стремленія, бывшія наслѣдіемъ эпохи до-государственной розни племенъ и общинъ, о которой говорятъ не только наши лѣтописи, но и иноземныя извѣстія¹¹⁴⁾, проглядываютъ и въ остальныхъ русскихъ земляхъ въ періодъ удѣльно-вѣчеваго уклада, въ который не дошли еще до мысли о построеніи изъ себя одного государственнаго организма; но только въ другихъ земляхъ подобныя желанія не простирались далѣе стараній имѣть своихъ *отдѣльныхъ князей изъ Владимірова рода*¹¹⁵⁾.

Князьямъ Болохова, которые, если и роднились съ Рюриковичами, то развѣ путемъ брачныхъ союзовъ¹¹⁶⁾, некому было доставить власти, кромѣ самого населенія, въ которомъ они находили поддержку: отсюда-то тѣсная связь Болоховскихъ князей съ этимъ населеніемъ. — Мы сказали, что они не могли быть ни потомками Владиміра св., ни крещеными инородцами. Н. И. Костомаровъ считалъ ихъ прежде обособившимися отъ князей боярами¹¹⁷⁾. Но будь это волынскіе, галицкіе или кіевскіе бояре, Данилъ отно-

¹¹¹⁾ Ранѣе чѣмъ въ Полоцкѣ.

¹¹²⁾ Мы разумѣемъ вышеприведенныя слова Мазовецкаго князя.

¹¹³⁾ Не мѣшаетъ, впрочемъ, имѣть въ виду, что княженіе въ Галичѣ *боярина* Владислава было непродолжительно; правленіе же иноземныхъ *королевичей* — другое дѣло. Притомъ все это устраивалось лишь одною боярскою кучкой. Вообще, видно, и тогда еще Русь готова была брать князей изъ-за границы съ такою же легкостью, съ какою, по сказанію лѣтописи, она приняла встарину Варяговъ.

¹¹⁴⁾ См., напр., Масуди. Гаркави, „Сказ. мусульм. писателей“, стр. 130.

¹¹⁵⁾ Новгородцы говорили Святославу спустя немалое время послѣ начала централизаціи среди Славяно-русскихъ племенъ: „аще не поидете къ намъ, то налѣземъ князи собѣ“. — Когда въ какой-нибудь области не ставало князя, то она задавалась вопросомъ, который, по словамъ Лавр. сп., въ 1175 г. поставили себѣ Ростовцы, Суздальцы и Переяславцы: „но кого *хочемъ* послати въ своихъ князехъ“?

¹¹⁶⁾ Можетъ быть, Болоховскіе князья породнились этимъ способомъ съ Черниговскою вѣтвію, съ которою, повидимому, были въ союзѣ.

¹¹⁷⁾ „Моногр.“, I, 218. Одинъ разъ въ лѣтописи Болоховскіе князья ставятся какъ будто наряду съ Глѣбомъ Зеремеевичемъ, который, повидимому, былъ бояринъ, но, съ другой стороны, чѣмъ-то выдѣлялся изъ массы другихъ [онъ постоянно является между Галицкими бо-

сился бы къ нимъ совершенно иначе, и они не были бы названы въ лѣтописи „особными князьями“. Остается предположить, что это были или лица туземныхъ княжескихъ родовъ, уцѣлѣвшихъ отъ до-государственной старины, какъ думаетъ въ послѣднее время Н. И. Костомаровъ, съ мнѣніемъ котораго мы не соглашаемся только въ томъ, будто они оставались не подвластными Рюриковичамъ не только въ XIII стол., но и до того времени, или же это были „лучини мужи“ мѣстнаго населенія, провозгласившаго ихъ князьями для того, чтобы имѣть кого выставить въ противовѣсъ дому Владиміра св. Въ то время старинные роды славяно-русскихъ князей не вполне еще исчезли и, по общему историческому закону медленнаго и постепеннаго вымиранія всякой старины, не успѣли еще совсѣмъ затеряться въ массѣ, хотя давно уже господствовалъ иной домъ¹¹⁸⁾. Въ Новгородѣ, по прямымъ свидѣтельствамъ, они продолжали существовать и въ XIV столѣтіи. На югѣ мы не встрѣчаемъ упоминаній о нихъ послѣ XI-го столѣтія: тутъ, въ особенности въ Киевѣ, гдѣ князья господствовавшаго рода были съ давнихъ поръ, они стояли съ своими дружинами въ болѣе близкихъ отношеніяхъ къ мѣстному населенію, и, можетъ быть, авторитетъ ихъ подбѣдствовалъ разрушительнѣе на это сословіе. Но о внутренней жизни Болоховской земли мы почти не имѣемъ никакихъ извѣстій и потому не можемъ съ рѣшительностію утверждать, что къ XIII-му столѣтію въ ней не было уже и слѣда старинныхъ княжескихъ родовъ. Напротивъ, украинное положеніе Болоховской земли склоняетъ думать, что эти роды не вполне еще потеряли въ ней свое значеніе къ тому времени.

Но всей вѣроятности, занимающіе насъ князья Болохова достигли власти въ этой землѣ въ смутное и печальное время южной Руси, наступившее послѣ кончины Романа¹¹⁹⁾

рами, но въ началѣ XIII-го стол. былъ въ какой-то связи съ кнземъ Мстиславомъ Пересопницкимъ; упомянемъ при этомъ, что въ Новгородскомъ уѣздѣ есть дер. Зеремля]: „бѣ бо съ королевичемъ Александръ и Глѣбъ Зеремеевичъ и ннии князи Болоховѣстии“. Впрочемъ, это мѣсто можно толковать и иначе.

¹¹⁸⁾ См. ст. В. Мстиславскаго „Огвищанинъ и князь мужъ“ въ „Чт. въ И. Общ. ист. и др. Росс.“ 1860 г., № 4, стр. 5—6, 16—19. Въ виду фактовъ и свидѣтельствъ, приведенныхъ въ этой статьѣ, теряетъ значеніе мнѣніе г. Соловьева, что „родовой бытъ Славянскихъ племенъ сохранился при своихъ первоначальныхъ формахъ, не переходя въ бытъ клановъ, гдѣ старшинство было уже наследственно въ одной линіи, переходило отъ отца къ сыну, тогда какъ у нашихъ Славянъ князь долженствовалъ быть старшимъ въ цѣломъ родѣ смотря по своему физическому старшинству“. Ист. Россіи, I (изд. 4, М. 1866), 239.

¹¹⁹⁾ Можетъ быть, Болоховцы руководились въ этомъ случаѣ примѣромъ Галичанъ: недаромъ Болоховскіе князья дружили такъ съ боярствомъ Галича. Они не выступали на сцену, пока усиленіе Данила не возбудило серьезныхъ опасеній въ южнорусскихъ князьяхъ и не создало противъ него коалиціи. — Въ XIII-мъ стол. отъ Киева отошло и бывшее вѣдѣніи Болохова Межибожье, которое мы видимъ въ распоряженіи Данила и Василька (Ив., 502). —

и продолжавшееся и послѣ Калкского побоища, когда кіевскіе князья далеко уже не пользовались тѣмъ авторитетомъ и тою силою, какую имѣли прежде. Безпрестанная смѣна ихъ должна была разрушительно дѣйствовать на ихъ авторитетъ. Отдѣленіе отъ Кіева его областей, впрочемъ, все-таки подѣ власть Рюриковичей, замѣчается и прежде; въ XIII же столѣтіи князья появляются и въ слишкомъ мелочныхъ пунктахъ. Въ томъ же вѣкѣ не упоминается, какъ принадлежащій къ Кіеву, и край, который мы отвели для Болохова.—Трудно думать, чтобы Болоховскіе князья появились къ началу 30-хъ годовъ XIII-го столѣтія, когда у Данила завязалась борьба съ Черниговскими князьями.

Причина, по которой Болоховскіе князья были возвышены въ княжеское достоинство и такъ усердно поддерживаемы мѣстнымъ населеніемъ въ борьбѣ съ князьями Владимірова дома, объяснится, быть можетъ, при взглядѣ на положеніе, въ какомъ находились Болоховскіе князья въ своей землѣ. По всему видно, это были представители рода общинъ, группировавшихся около городовъ, между которыми не было даже главнаго. Лѣтопись не упоминаетъ о городѣ Болоховѣ, отъ котораго, какъ отъ важнѣйшаго, мы могли бы про-извести названіе этой земли. Видно, что такъ называлась цѣлая мѣстность безъ отношенія къ центральному пункту этого имени. Лѣтопись однажды прямо даже говорить: „приде Изяславу вѣсть, оже Володимиръ перешель *Болохово*, идетъ мимо Мунаревъ къ Володареву“¹²⁰⁾. Подъ 1257 годомъ мы опять встрѣчаемъ намекъ, что Болоховымъ называлась цѣлая мѣстность. На основаніи лѣтописныхъ выраженій въ родѣ того, что „*вси князи Болоховьскіи* изомани быша“¹²¹⁾, можно думать, что этихъ князей было немало и, вѣрнѣе, цѣлая группа. Изъ того же, что они совсѣмъ не упоминаются иногда, а на сцену выступаютъ просто „Болоховци“, можно заключать, что эти князья не выдѣлялись изъ массы, были очень близки къ ней и сливались съ нею. Можетъ быть, они походили на тѣхъ общинныхъ князей, о которыхъ Древляне говорили: „а наши князи добри суть, иже распасли суть Деревьску землю“¹²²⁾.

Осмѣливаемся сдѣлать выводъ, что отпаденіе Болохова вытекало именно изъ его стремленій возстановить у себя старинный порядокъ, существовавшій у Славянъ, дѣлившихся на общины съ выборными князьями во главѣ.

Наряду съ Болоховымъ господствовавшему дому, вѣроятно, не успѣло подчиниться предъ Татарскимъ нашествіемъ и Побожье, выступающее въ лѣтописи во второй половинѣ XIII стол. Колонизація Побожья началась, вѣроятно, послѣ 1224 г., когда Половцы значительно ослабли. Передъ тѣмъ имъ нанесено было значительное пораженіе Романомъ. Въ составъ Болохова XIII стол. вошла, можетъ быть, и часть этихъ вновь колонизованныхъ пространствъ.

¹²⁰⁾ См. выше.

¹²¹⁾ Ил., 516.

¹²²⁾ Лѣт. по Лавр. си., 54.

Ничего подобного не было бы, еслибы въ Болоховѣ властвовали Рюриковичи. И вотъ Болоховская земля попыталась освободиться отъ нихъ, пользуясь неурядицами между ними и ихъ разъединеніемъ. Тогда минули уже времена дружныхъ походовъ и вообще обширныхъ предпріятій Русскихъ князей, когда на первомъ планѣ поставлялись интересы *цѣлой* Русской земли. Въ 1223 году, подъ вліяніемъ Мстислава Удалаго опасность со стороны Монголовъ, которые были страшнѣе всѣхъ виданныхъ дотолѣ Русью враговъ, еще разъ соединила Русскихъ князей, но послѣ Калкскаго побоища ихъ не сплачивало уже и это.

Чтобы заручиться сильною поддержкою противъ враговъ, жители Болохова¹²³⁾ рѣшаются связаться съ Татарами. Въ то время, какъ населеніе другихъ Русскихъ земель бѣжитъ предъ этой страшною ордою, Болоховцы являютъ къ ней съ смиренными главами и вымаливаютъ пощаду на условіяхъ ежегоднаго взноса пшеницы и проса въ количествахъ, въ какомъ потребуютъ Татары. За то эти послѣдніе, при исправной уплатѣ дани, не вмѣшивались во внутреннюю жизнь подвластнаго имъ населенія.

Такія несомнѣнныя попытки Болоховской земли составляютъ, по нашему мнѣнію, замѣчательную ея особенность, которая выдѣляетъ эту землю изъ ряда другихъ Русскихъ областей.

Въ концѣ пятидесятихъ годовъ XIII-го столѣтія, вмѣстѣ съ Болоховцами, оказываются не признающими Даніиловы власти и жители земель, окружавшихъ Болохово: на западѣ—Межибожцы, на сѣверѣ—Возвагяне, на востокѣ—жители Городка, Сѣмоци и другихъ мѣстностей, бывшихъ между Болоховымъ и Тетеревомъ, жители Поттерева; на югѣ—обитатели Побожья, а также въ точности неизвѣстно гдѣ жившіе Бѣлобережцы и Чарнятинцы.

Перечисленными нами мѣстности подчинялись непосредственно Татарамъ, и Даніилъ, выступивъ на нихъ, по словамъ лѣтописи, „воздвиге рать противу Татаромъ“¹²⁴⁾. Одни изъ этихъ городовъ въ лѣтописи называются „сѣдящія за Татары“, жители другихъ — прямо „люди Татарьскыя“. Мы рѣшаемся отличать эти выраженія одно отъ другаго и думаемъ, что, въ то время какъ жители первыхъ городовъ не входили въ ближайшее соприкосновеніе съ Татарями, вторые—т. е. обитатели Побожья—или получали отъ нихъ управителей, или же прямо жили совмѣстно¹²⁵⁾. По извѣстію литовскихъ лѣтописей,

¹²³⁾ Не князья прежде всего, а сами жители рѣшились на это. Лѣтопись прямо говоритъ, что они „отъ Татаръ болюую надежду имѣаху“ (Ип., 527).

¹²⁴⁾ Ип., 555.

¹²⁵⁾ Татары заняли южныя окраины русской земли, повидимому, на первыхъ уже порахъ. По словамъ Рубруквиса, „ab orificio Tanais versus Occidentem usque ad Danubium totum est subditum (разумѣется: Tartaris)... Inter se diviserunt Scythiam, quae durat à Danubio usque ad ortum

когда Ольгердъ двинулся на Татаръ, отичей и дѣдичей Подольской земли, значить, потомковъ тѣхъ самыхъ, которые овладѣли Подолією при Данилѣ, то засталъ, что они взимали дань съ Подоліянъ чрезъ баскаковъ, обращавшихся за нею къ поставленнымъ надъ жителями начальникамъ ¹²⁶). Пришедши въ Подолію, Литовцы застали, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, по словамъ Стрыйковского, «Tatarowie tak jako dziś w Przekopie, w ten czas mieszkali, zhołdowawszy i zniewoliwszy Russaków» ¹²⁷). Часть этихъ Татаръ, спасаясь отъ Литовцевъ, убѣжала къ Черному морю и въ Перекопъ, а потомъ поселилась за Дунаемъ — въ Добруджѣ, и Стрыйковскій видѣлъ ихъ во время путешествія по Турціи. По его словамъ, «większa część ich słowieńskim językiem mówią i gospodarstwem się bawią» ¹²⁷). Видно, поселившіеся въ Подолію Татары начали подпадать Русскому вліянію. Можетъ быть даже ханы ихъ принимали крещеніе: одинъ изъ нихъ, по извѣстію литовскихъ лѣтописей, носилъ имя Дмитрея ¹²⁸). По замѣчанію Гваньини, Татары не знали употребленія хлѣба, за исключеніемъ тѣхъ, которые жили на границѣ Подоліи ¹²⁹). Эти послѣдніе могли заниматься тамъ земледѣліемъ съ древнѣйшихъ временъ ¹³⁰). Татары, владѣвшіе Подолією передъ приходомъ Ольгерда, были «отичи и дѣдичи Подольской земли», и очень могло статься, что при нихъ въ этой землѣ господствовалъ тотъ самый порядокъ, какой былъ заведенъ еще во времена Данила. — О поселеніяхъ Татаръ у Бога говорятъ и монгольскіе источники ¹³¹) и свидѣлствуютъ названія нѣкоторыхъ населенныхъ мѣстностей ¹³²). Еще въ XIV столѣтіи мы встрѣчаемъ

solis (Halluyt's Collection of the early voages, travels, and discoveries of the english nation». Vol. I (London 1809), pp. 80—81.

¹²⁶) *Latopisiec Litwy i kronika Ruska. Staraniem i pracą Ignacego Daniłowicza, w Wilnie, 1827.* 49—50. — Татары думали привести въ такую зависимость отъ себя и юго-восточныя окраины Данилова государства: Бакоту и Кременецъ (Ип., 550).

¹²⁷) *Strykowski, II, str. 7* (по изд. 1846 г.).

¹²⁸) *Latopisiec Litwy i kronika Ruska, 49.* Другой ханъ назывался Котлубей. Пана Котлубая мы встрѣчаемъ въ актахъ XVII-го столѣтія. Личность Котлубега не подлежитъ сомнѣнію. Узбекъ ввѣрилъ ему управленіе Крымомъ и близъ лежащими приморскими областями.

¹²⁹) *L. c., fol. 110* на обор.

¹³⁰) Броневскій упоминаетъ о «безчисленныхъ стадахъ овецъ, рогатаго скота и лошадей турецкихъ и татарскихъ, которыя всегда тамъ паслись около границъ Россіи, Волыни, Кіева, Подоліи и Молдавіи» [«Зап. Од. Общ. ист. и др.», т. VI (Одесса 1867), стр. 335].

¹³¹) См. *Hammer-Purgstall's Geschichte der goldenen Horde in Kiptschak. Pesth 1840. Стр. 772* (цитата заимствована у г. Шараневича). — По сказанію Виллани, Людовикъ Венгерскій совершилъ въ половинѣ XIV столѣтія походъ in Tartariam ultra Bogum fluvium.

¹³²) По словамъ Сарницкаго, Татары «Podoliam vectigalem sibi magna ex parte reddiderunt. Unde Bacota, Balakley, Czapczakey, Kuczmien, Kaczibey et alia prodigiosa nomina munitarum arcium Podolicarum Scythicam phrasim et feritatem resonantia, quae pulsus Tartaris ad hunc diem permanent». См. Лейпцигское изд. Длугоша, т. II, col. 1134.

у сѣвернаго берега Чернаго моря Русскихъ, очевидно, оставшихся тамъ отъ прежнихъ временъ ¹³³⁾. Можно думать, что они успѣли поладить съ Татарами, уплачивая имъ дань ¹³⁴⁾. — При Литовскомъ владычествѣ, Подоля довольно быстро сдѣлалась цвѣтущею страной, а это было бы невозможно, еслибы она была занята Русскими, составлявшими коренной элементъ мѣстнаго населенія, только послѣ изгнанія отсюда Татаръ.

Неизвѣстно, всѣ ли жители перечисленныхъ нами выше мѣстностей добровольно поддались Татарамъ, но несомнѣнно, что это можно сказать о многихъ изъ нихъ. Жители Возвыгля отпали отъ Данила послѣ того, какъ были принуждены подчиниться ему въ виду войскъ: „Возвыгляне же солъгаша Шварномъ, поемше тивуна не вдаша ему тивунити“ ¹³⁵⁾.

По сообщенію Галицко-волынской лѣтописи, покоривши всѣ эти мѣстности, Данилъ думалъ двинуться къ Кіеву, но остановился потому, что Литовцы не сдержали своего слова и не явились въ пору на помощь. Какъ управлялись въ то время земли, тянувшіяся на востокъ отъ перечисленныхъ нами до Днѣпра, платили ли и онѣ дань непосредственно Татарамъ, или имѣли Русскихъ князей, которые упоминаются позже въ Кіевѣ ¹³⁶⁾, мы

¹³³⁾ В. И. Григоровича „Записка антиквара о поѣздкѣ его на Калку и Калміусъ, въ Корсунскую землю и на южныя побережья Днѣпра и Днѣстра“, Одесса 1874. стр. 28—29. — „Гал. ист. сб., изд. Общ. Галицко-русской Матицы“, вып. III (Львовъ 1860), прим. 32, стр. LV. Память о совмѣстномъ житіи Русскихъ съ Татарами сохранилась, можетъ быть, даже въ одной пѣснѣ. См. В. Б. Антоновича и М. П. Драгоманова „Историческія пѣсни малорусскаго народа“, т. I (Кіевъ 1874), стр. 106. Подъ Волошиной, о которой говорится въ пѣснѣ, могла разумѣться и Молдавія, не только Крымъ. У Пахимера встрѣчаемъ извѣстіе, что съ Татарами Ногай „перемѣшались мало по малу Цихи, Готѣм, Русскіе...“

¹³⁴⁾ Эту дань вносили, повидимому, даже Русскіе болѣе западныхъ мѣстностей, признававшіе власть Галицко-волынскихъ князей. Когда Казиміръ обнаружилъ желаніе захватить земли, оставшіяся послѣ этихъ князей, то воспротивившіеся тому Русскіе вельможи отправили пословъ къ Татарамъ, которые *declarant Casimirum Poloniae Regem, in recenti tempore terras Russiae, ex quibus Tartaris tributa pendebantur, occupasse, iurisque sui fecisse, et omnes datias et tributa, quae Tartaris cedere solebant, usurpasse*. *Dlug. lib. IX, ad a. 1344.* — Другіе источники говорятъ, что Татарскій ханъ утверждалъ „*regnum esse suum, tanquam sibi et suis progenitoribus censuale*“.

¹³⁵⁾ Ип.

¹³⁶⁾ Во второй половинѣ XIII-го столѣтія въ Кіевѣ долженъ былъ княжить упомянутый въ Сѣверскомъ синодикѣ Иванъ Владиміровичъ Путивльскій (ст. г. Квашнина-Самарина, I с., стр. 222). — Кажется, что не только Кіевъ, но и территорія Кіевского княжества была отдана Татарами князьямъ Черниговской линіи: въ Сѣверскомъ и Елецкомъ синодикахъ одинъ изъ этихъ князей названъ „Вруцкимъ“. См. г. Милорадовича „Любечъ“ (М. 1871), стр. 37. — По извѣстію Русскихъ лѣтописей (Новгор., Воскрес. и Никон.) въ 1331 году въ Кіевѣ былъ

не можемъ сказать по неизбѣно даннымъ. Путешествовавшій за 10 лѣтъ до похода Даниловыхъ войскъ Пано-Карпини сообщаетъ только, что Каневъ зависѣлъ непосредственно

княземъ Оеодоръ. По мнѣнію г. Квашнина-Самарина, „весьма вѣроятно, что Станиславъ (такъ названъ въ Литовскихъ лѣтописяхъ князь Кіева, при которомъ этотъ городъ былъ взятъ Литовцами) и Оеодоръ одно и тоже лицо“ (I. с., стр. 224). Это сдѣлается весьма вѣроятнымъ, если вспомнимъ, что Кіевъ, по извѣстію такъ-называемой Кіево-печерской рукописи, былъ завоеванъ Гедиминомъ въ 1333 году. По сказанію Густынской лѣтописи, Владиміръ Ольгердовичъ былъ посаженъ въ Кіевѣ Ольгердомъ въ 1362 году на мѣсто Оеодора (П. с. р. л. II, 350), — вѣроятно, того самаго, который упомянутъ подъ 1331 г. Приходится допустить, что при Ольгердѣ Кіевъ былъ вновь завоеванъ Литовцами, потерявшими было его. Съ этимъ согласуется то, что о Кіевской землѣ ничего не говорится при перечисленіи въ Литовскихъ лѣтописяхъ удѣловъ, розданныхъ Гедиминомъ, хотя эти лѣтописи упоминаютъ о Волини (земляхъ Луцкой и Владимирской. Лѣт. Бых., стр. 17. Лѣт., изд. Данилов., 27). Г. Стадницкій старается объяснить это молчаніе Литовскихъ лѣтописей тѣмъ, что Кіевъ былъ отданъ Гедиминомъ упоминаемому тѣмъ же лѣтописями Ольгимунту Гольменскому, или же отпалъ отъ него подъ конецъ его правленія (Synowie Gedymina, T. II, 1853, str. 22—23). Можетъ быть, это нужно объяснить такъ, что Татары, бывшіе въ войскахъ Станислава (о чемъ говорится въ Кіево-печерской рукописи), не сразу уступили Кіевъ, на первыхъ порахъ изгнали оттуда Литовцевъ и тѣмъ вынудили къ борьбѣ Ольгерда, продолжавшаго Гедиминово дѣло. Трудно допустить, чтобы Татары отдали безъ бою и безъ всякаго вмѣшательства съ своей стороны такой важный пунктъ, какъ Кіевъ. Они воевали Литву уже передъ тѣмъ (въ 1325 г.), а въ 1336 году повторили свой набѣгъ. По сказанію Густынской лѣтописи (П. с. р. л. II, 348) въ Кіевѣ считался нѣкоторое время княземъ Иванъ Калита. Впрочемъ, мы не беремся распутывать вымыслы Литовскихъ извѣстій о покореніи Кіева Литовцами. Мы напомнимъ здѣсь читателямъ только замѣчаніе г. Шараневича („Исторія“, 280, прим. 77), что война Витовта съ Владиміромъ Ольгердовичемъ „подобна въ датахъ до войны въ р. 1319...“ Къ сближеніямъ г. Шараневича прибавимъ, что какъ, по сказанію Литовскихъ лѣтописей, Гедиминъ отдалъ Кіевъ *Ольгимунту*, такъ Витовтъ послѣ смерти Скиргайла отдалъ его Ивану *Ольгимунтовичу*. — По словамъ лѣтописи Быховца (стр. 16), Станиславъ, о которомъ мы уже говорили, былъ въ связи съ Романомъ Брянскимъ. Одинъ князь этого имени былъ въ Брянскѣ въ XIII стол., а другой въ XIV-мъ: съ 1356 г. Брянскъ принадлежалъ Литвѣ, но подъ 1375 г. мы опять встрѣчаемъ тамъ Романа. Во всякомъ случаѣ, на основаніи союза Станислава (Святослава? Въ XIV столѣтіи въ Черниговской вѣтви намъ извѣстенъ Святославъ Ивановичъ, скончавшійся въ 1386 г.) Кіевского съ княземъ Брянскимъ можно думать, что онъ былъ изъ Черниговскихъ князей. Къ тому же заключенію пришелъ и г. Квашнинъ-Самаринъ по поводу того, „что братъ послѣдняго Кіевского князя назывался Олегомъ“. „Извѣстно, что Мономаховичи гнушались этимъ вражьиимъ именемъ, такъ что во всемъ ихъ племени буквально не было ни одного Олега“ (I. с. 224). О судьбѣ Станислава, послѣ потери имъ Кіева, Литовскій лѣтописецъ сообщаетъ слѣдующее: „И въ тотъ часъ будучи князю Станиславу Кіевскому у Браньску выгнаному одъ великого князя Гидимина, и присла къ нему князь Иванъ Резански, будучи у старости своей, просящи его збави до него приехалъ, и дочку у него повялъ именемъ Ольгу, бо сына немель, только одну ту“

отъ Татаръ, равно какъ и другое какое-то не названное имъ селеніе; они были управляемы какими-то *praefecti*; въ Кіевѣ же сидѣлъ въ то время Дмитро (у Плато-Карпини — Монгротъ), намѣстникъ Ярослава Суздальскаго. Имѣя князей, Кіевъ подпалъ однако сильнѣйшему гнету Татаръ, отъ насилія которыхъ, по сохранившемуся извѣстію, въ 1300 году жители совсѣмъ разбѣжались¹³⁷). Въ XIV столѣтіи въ Кіевѣ упоминаются Татарскіе баскаки.

Какъ бы то ни было, примѣръ Болоховцевъ и ихъ сепаративныя стремленія не остались безъ вліянія на окружавшее ихъ населеніе, которое, по всей вѣроятности, не замедлило пойти по ихъ слѣдамъ въ подчиненіи Татарамъ, и стремленіе къ устройству изъ себя общинъ замѣчается не только въ Болоховѣ, но и въ другихъ смежныхъ съ нимъ мѣстностяхъ ю. Руси, въ которыхъ не видно даже и князей. Эти мѣстности присоединились къ Болохову если не сразу, то вскорѣ послѣ выступленія его противъ Даниіла, потому что владѣнія послѣдняго съ Татарскаго нашествія, насколько можно видѣть изъ лѣтописей, уже не простирались далеко на востокъ. Болоховцы стояли впереди движенія и были самыми опасными противниками Даниіла.

Татары скоро узнали о замыслахъ этого князя, принудили скрыть укрѣпленія, воздвигнутыя имъ въ своей землѣ, и съ этого времени внимательно слѣдили за направлениемъ и поступками Галицко-волинскихъ князей. Съ другой стороны, въ Галицко-волинской лѣтописи нигдѣ нѣтъ указаній, по которымъ можно было бы заключать, что владѣнія Романовыхъ потомковъ послѣ Даниіла простирались слишкомъ далеко за рѣку Горынь¹³⁸), бывшую границею собственной Волыни и встарину¹³⁹).

дочку, и по смерти его абы былъ великимъ княземъ Рязанскимъ. И князь Станиславъ до него ѣхалъ, и дочку в него поналъ, по смерти его былъ великимъ княземъ Рязанскимъ“ (Лѣт. Бых., стр. 16). Въ это время въ Рязани извѣстенъ Иванъ Коротопольный, но у него былъ сынъ Олегъ, начавшій править въ Рязани вскорѣ послѣ смерти отца.

¹³⁷) Лѣт. по сп. Лавр., 461.

¹³⁸) Владиміру Васильковичу, а потомъ Мстиславу Даниловичу служилъ какой-то князь Поросскій, но кажется, что это была личная служба, а не съ землею: Юрій какъ бы состоялъ при Мстиславѣ на посылкахъ (Ип., 612). У барона Майерберга, писавшаго во второй половинѣ XVII-го столѣтія и, между прочимъ, интересовавшагося и прошлымъ Россіи и собиравшаго свидѣнія о немъ, говорится, что, послѣ Татарскаго нашествія, „когда поулеглась эта жестокая буря, Русскіе опять заселили Кіевъ, съ согласія Татарскихъ преемниковъ Батия и съ обязательствомъ дани (Русскій переводъ, помѣщенный въ „Чтеніяхъ въ Имп. общ. ист. и др. Росс.“, стр. 124). Мстиславъ встрѣтилъ однажды шедшихъ въ Польшу Татаръ у Борзни (очевидно, что онъ долженъ былъ выдти къ нимъ съ дарами на границу своихъ владѣній); Телебуга „оттолкъ поиде мимо Кремянѣць ко Перемилю“ (Ип., 588). Въ Галицко-волинской же лѣтописи мы встрѣчаемъ еще указаніе, что Мстиславу Даниловичу въ концѣ XIII-го столѣтія принадлежали Луцкъ и Дубно (Ип. 596; см. ниже—въ III-й гл.—указаніе XIV стол.).—Выраженіе той

въ такомъ видѣ у позднѣйшаго компилятора—Стрыйковскаго, и дѣй Литовскія лѣтописи, въ ряду другихъ послужившія ему матеріаломъ, не говорятъ о козакахъ, но какъ извѣстіе о войнѣ Ольгерда съ Ѳеодоромъ Корьятовичемъ принадлежитъ не Стрыйковскому, а лѣтописцамъ, трудами которыхъ онъ пользовался¹⁴²⁾, такъ тѣмъ же лѣтописцамъ могло принадлежать и упоминаніе о козакахъ. Стрыйковскій нерѣдко удерживалъ выраженія источниковъ, которыми пользовался, даже не зная, какъ понимать эти выраженія¹⁴³⁾; онъ передавалъ даже очевидныя для него бредни лѣтописей; свои поправки онъ часто предлагалъ въ скобкахъ и вообще излагалъ свой матеріалъ добросовѣстно¹⁴⁴⁾. Вопросъ, слѣдовательно, можетъ быть только относительно достоинствъ источника, изъ котораго Стрыйковскій почерпнулъ извѣстіе о козакахъ. Г. Стадницкій, признающій тенденціознымъ и неправдоподобнымъ сказаніе объ отнятіи Подолія у Корьятовичей уже при Ольгердѣ, обращаетъ¹⁴⁵⁾ вниманіе на то, что хроника, относящая изгнаніе Ѳеодора Корьятовича изъ Подолія ко временамъ Ольгерда, списываетъ лѣтопись, изданную Даниловичемъ, которая, напротивъ, относитъ это событіе къ Витовту; слѣдовательно, заключаетъ почтенный историкъ, болѣе вѣроятности на сторонѣ послѣдняго показанія. Но вѣдь такъ-называемая хроника Быховца не все заимствовала изъ лѣтописи, изданной Даниловичемъ, и отчего въ этомъ случаѣ самъ компиляторъ (авторъ хроники Быховца) сталъ бы выдумывать небывалыя вещи? Г. Стадницкій пытается объяснить это¹⁴⁶⁾, но не совсемъ удачно. Во всякомъ случаѣ, извѣстіе о козакахъ, взятое Стрыйковскимъ не изъ лѣтописи Быховца, а изъ памятника, который намъ неизвѣстенъ¹⁴⁷⁾ и о которомъ пока мы должны воздержаться отъ окончательнаго сужденія, весьма замѣчательно и важно. Оно представляетъ собою первое упоминаніе о Русскихъ козакахъ, какое только намъ извѣстно, и мы, сообразивъ это извѣстіе съ другими данными, осмѣливаемся думать, что Русское козачество развилось впервые именно въ Подоліи.

¹⁴²⁾ См. Лѣтоп., изд. Нарбуттомъ, стр. 20. *Synowie Gedymina, przez Kaz. Stadnickiego*. T. I. Wydanie drugie, Lwów 1849. Встрѣтивъ разнорѣчивыя показанія о времени отнятія Подолія у Ѳеодора Корьятовича, Стрыйковскій примирилъ ихъ, допустивъ двухъ Корьятовичей и два завоеванія Подолія. Также думаетъ и г. Стадницкій (стр. 74). Такимъ же образомъ Стрыйковскій примирялъ и другія не сходявшіяся въ хронологіи свидѣтельства.

¹⁴³⁾ Онъ самъ сознается въ этомъ. См. I. II, str. 311.

¹⁴⁴⁾ Ibid., 257.

¹⁴⁵⁾ T. I, str. 67—70.

¹⁴⁶⁾ Ibid., str. 77.

¹⁴⁷⁾ Стрыйковскій несомнѣнно пользовался недошедшими до насъ лѣтописями. См. I. I. *Wiadomość o właściwych litewskich latopiscach, przez Ignacego Daniłowicza*, str. 48—49; гл. Стадницкаго I, 9. Даниловичъ напрасно различаетъ чисто Литовскія лѣтописи отъ Русскихъ; отдѣльных, специально Литовскихъ лѣтописей не могло и быть.

Оно могло явиться тамъ въ то время, когда о немъ впервые упомянуто у Стрыйковского, т. е. при Корьятовичахъ, при которыхъ и даже послѣ которыхъ Татары продолжали грозить Подолію ¹⁴⁸).

Но гораздо вѣроятнѣе предположеніе, что зачатки козачества въ Подоліи, т. е. въ областяхъ, составлявшихъ извѣстное время южную половину Болоховской земли, или сошедшихъ съ нею, появились уже въ періодъ Татарскаго тамъ господства.

Не станемъ ссылаться на то, что, для своего развитія, козачество предполагаетъ, до извѣстной степени, свободу населенія той мѣстности, въ которой возникаетъ, свободу въ дѣйствіяхъ, въ распоряженіи собою, въ самозащитѣ и въ промыслахъ. Съ водвореніемъ же Литовскаго владычества въ Подоліи, дѣло охраненія этого края перешло къ правительственной власти и, слѣдовательно, уже не вызывало народную самодѣятельность въ такой мѣрѣ, какъ прежде, хотя народъ и въ то время нисколько не менѣе могъ заниматься разными степными промыслами.

Не станемъ указывать и на то, что южнорусское населеніе въ этотъ періодъ болѣе, чѣмъ въ другое какое-либо время, жило, хотя, конечно, по неволѣ, въ мирныхъ и иногда даже пріязненныхъ отношеніяхъ къ Татарамъ ¹⁴⁹), и что, слѣдовательно, въ то именно время удобнѣе всего было возникнуть и южнорусскому козачеству: извѣстно, что, по лучшимъ изслѣдованіямъ объ этомъ явленіи, южнорусское козачество находилось въ прямой связи съ Татарскимъ ¹⁵⁰).

¹⁴⁸) Объ этомъ есть немало свидѣтельствъ. Изъ грамоты Александра Корьятовича 1375 г. Смотрицкому доминиканскому монастырю видно, что Татарамъ послалась изъ Подоліи и дань. О томъ же свидѣлствуютъ грамоты послѣдующаго времени.

¹⁴⁹) Мы видѣли, что въ нѣкоторыхъ южнорусскихъ областяхъ Русское населеніе жило даже совмѣстно съ Татарамъ. Въ религіозномъ отношеніи Монголы вовсе не стѣсняли Русскихъ, и Корьятовичи на мѣстѣ Бакоты нашли «*czegney w hore*» (Лѣт. Бых., 19). Тамъ, дѣйствительно, есть пещера, какъ и въ другихъ мѣстахъ [«*Podole, Wołyń, Ukraina*», т. II (Wilno 1841), str. 81].

¹⁵⁰) Слово *козакъ*, по мнѣнію Н. И. Костомарова, взято изъ татарскаго. Впрочемъ, въ виду фактовъ, приведенныхъ въ ст. г. Бруна, помѣщенной въ V-мъ т. „Зап. Од. общ. ист. и древн.“, этотъ вопросъ не можетъ еще считаться вполне рѣшеннымъ: можетъ быть, сами Татары заимствовали слово *козакъ*. Въ Генуэзскомъ колоніальномъ уставѣ 1449 г. козаки названы «*casachi*» — фактъ довольно интересный. Смѣшеніе козаковъ съ кайсаками встрѣчаемъ и у Гваньини: «*Ultra Viatcam Regionem, et Cazanense Regnum Tartarorum tres-Horde, qui Thumenski, Schibanski, et Cozacki appellantur, in campestribus habitant (Sarmatiae Europaeae descriptio. Spiraе MDLXXXI, fol. 107)*». Слово *козакъ*, какъ извѣстно, найдено и въ половецко-итальянскомъ словарѣ. — Слово *кошъ* — татарское; оно встрѣчается постоянно у Стрыйковского въ разсказахъ о Татарахъ (II, 253, 318, 327, 332, 333, 336, 370; сл. у Сарницкаго подъ 1501 г.). — Г. Кулишъ указываетъ еще на обычай носить чубы, какъ на татарскій.

Нѣкоторые ¹⁵¹⁾ указываютъ еще на время перваго изъ Гиреевъ, о которомъ современникъ его Длугошъ говоритъ, что этотъ ханъ «sub omni tempore sui Imperii, pacem optimam cum Regno Poloniae, et terris Prussiae, custodiuit et tenuit: humanus, civilisque, et bene agendi cupidus. Qui et suis potentiis Christianos contra Turcum, dummodo Casimirus, Poloniae Rex id sibi imperasset, enixius se iuvaturum obtulerat, et Thartaros a praedis et rapinis abstrahens, agros colere, mechanicas artes agere et elaborato aut mercato coëgerat vivere. In Polonos, qui apud illum agebant militiam, quo enixius in certaminibus pro eo susceptis, operam suam pro victoria nauassent, et in omnes Christianos undecunque ad se venientes, et in suo commorantes imperio, adeo humanus, civilis et liberalis, ut nequaquam barbaro homini et in ritibus Mahumeticis educato, quamuis nihil attinet mores natione perpendi, convenire videbatur, maiori Christianorum, quam suo damno extinctus est» ¹⁵²⁾. Но, несмотря на все это, при первомъ Гиреевѣ южнорусское населеніе едва ли было уже въ столь близкихъ отношеніяхъ къ Татарамъ, какъ прежде.

Не могли повліять на развитіе южнорусскаго козачества Татары и во время перѣдкаго участія въ войнахъ Литовско-польскихъ государей ¹⁵³⁾.

Мы обратимъ вниманіе лишь на строй и условія жизни Подоліи предъ покореніемъ ея Литвою.

Эти условія вполне могли содѣйствовать появленію козачества.

Жители Подоліи, предоставленные сами себѣ, очевидно, разбиты на общины ¹⁵⁴⁾, которыя, такъ какъ, по прямымъ лѣтописнымъ свидѣтельствамъ, въ странѣ не было городовъ ¹⁵⁵⁾, могли состоять только изъ деревень. Они занимались земледѣліемъ, скотоводствомъ, пчеловодствомъ и охотою. Что таковы должны были быть ихъ занятія, это можно видѣть изъ позднѣйшихъ извѣстій о Подоліи, по которымъ она „превосходила всѣ сосѣднія съ нею страны плодородіемъ и красотою своей природы“. Шейноха такъ группируетъ извѣстія историковъ о Подоліи: „Въ древности рассказывали чудесныя вещи

¹⁵¹⁾ Г. Кулишъ.

¹⁵²⁾ Длугошъ, t. II, col. 396—397. — У де-Ланноа находимъ извѣстіе о пріязни двухъ Татарскихъ князей съ Витовтомъ.

¹⁵³⁾ Такъ, напр., Татары помогали Витовту (Быхов., стр. 35, и Ник. V, 92) и Свентригайлу (Быхов., стр. 76). Вообще мы встрѣчаемъ Татаръ въ качествѣ пособниковъ Литовцамъ почти при каждомъ великомъ князѣ, начиная съ Гедимина.

¹⁵⁴⁾ Обращаемъ вниманіе читателей на то, что, по лѣтописямъ, у Подоліянъ былъ не одинъ атаманъ, а нѣсколько.

¹⁵⁵⁾ Daniłowicz, 50: «I tohdy w podolskiej zemli ne był ni odin horod, ni derewom gablenoho, ani kamenem budowanoho». Изъ послѣдующаго видно, что въ Подоліи не было городовъ въ смыслѣ укрѣпленій, хотя на многихъ мѣстахъ, гдѣ при Корьятовичахъ являются города, уже были поселенія.

о великолѣпнѣи Подольской растительности, о цѣлыхъ тучахъ водящихся тамъ пчелъ, о плодородіи тамошней почвы... Въ необозримыхъ травяныхъ степяхъ Подоліи не примѣтишь бывало роговъ подольскаго вола... Воткнутый въ землю шестъ, забытый на полѣ плугъ закрывались въ продолженіе 3—4 дней высокимъ поростомъ роскошной травы. Ступишь ли гдѣ-нибудь ногой, вездѣ брызгали изъ подъ нея струи отличнаго меда... въ 50, 100 кратъ выходило зерно изъ земли. Посѣвъ въ 50 корцевъ пшеницы давалъ нѣкогда 1500 копъ сбору. Безъ всякаго удобренія собирали иногда двѣ жатвы изъ одного посѣва...¹⁵⁶ По словамъ мѣстныхъ жителей, такъ было еще въ XVIII столѣтіи.

Трудно допустить, чтобы Татары, обязавшіе жителей ежегоднымъ взносомъ извѣстной дани, этимъ и ограничивались. Весьма вѣроятно, что и тогда, какъ и послѣ, среди этого дикаго народа находились шайки, которыя, не удовлетворяясь договореннымъ, были не прочь отправиться за добычей помимо условленныхъ сборовъ. Населеніе должно было быть постоянно готово къ отпору этимъ грабителямъ и тутъ - то оно впервые и должно было приобрести тотъ воинственный закалъ, который легъ въ основу южнорусскаго козачества¹⁵⁶). Южнорусскіе козаки, такимъ образомъ, по нашему мнѣнію, на первой ступени своего генезиса, если и отличались воинственностію, то она далеко не была у нихъ на первомъ планѣ. Они не составляли еще тогда *военныхъ дружинъ*, которыя собирались впоследствии, не переходили еще въ наступленіе, а ограничивались защитой тамъ, гдѣ нападалъ на нихъ непріятель, было ли то среди домашняго хозяйства, или среди занятій и промысловъ, ради которыхъ нужно было выходить за предѣлы своей земли. Поводовъ къ послѣднему обстоятельству было тогда немало. Рыбный промыселъ, о которомъ встрѣчаются ясныя свидѣтельства въ до-монгольскій періодъ, долженъ былъ продолжаться. Равнымъ образомъ, изъ домохозяйства должно было выдвигать скотоводство, добываніе мѣховъ и положительная необходимость въ нѣкоторыхъ продуктахъ. — Въ XV-мъ столѣтіи Подолія находилась въ оживленныхъ торговыхъ сношеніяхъ съ Румыніей и могла завязать ихъ еще въ XIV-мъ. Точно также она могла сбывать свои произведенія въ портахъ, принадлежавшихъ Генуэзцамъ, которые, какъ извѣстно, торговали кожами, мѣхами и хлѣбомъ¹⁵⁷). Странствователей по степямъ ждали постоянныя опасности.

¹⁵⁶) Замѣчательно, что Каффинскіе козаки, о которыхъ говоритъ уставъ для Генуэзскихъ колоній въ Черномъ морѣ, изданный въ Генуѣ въ 1449 г., также, повидимому, вели борьбу съ Татарами. Въ этомъ уставѣ читаемъ: „Если случится, что будетъ взята какая-нибудь добыча на сушѣ казаками оргузіями, или каффскими людьми, состоящая въ вещахъ, скотинѣ и волахъ Татаръ“ и т. д. („Зап. Од. общ.“, т. V. Уставъ для Генуэзскихъ колоній въ Черномъ морѣ, изданный въ Генуѣ 1449 г. въ послѣдній день февраля, стр. 758). „Названіе козакъ употреблялось у Генуэзцевъ въ значеніи наѣздника, удалца, отправляющагося за добычей верхомъ“ (ibid., стр. 830, прим. 108).

¹⁵⁷) Объ итальянскихъ колоніяхъ на сѣверномъ берегу Чернаго моря см., между прочимъ,

Въ до-монгольскій періодъ на сторожѣ противъ кочевниковъ стояли князья съ дружинниками, теперь же должны были думать о себѣ сами промышленники. Вообще вся тогдашняя обстановка жизни въ Подоліи должна была содѣйствовать развитію рыцарскаго духа въ населеніи.

Выставляя отпоръ Татарамъ въ случаѣ явки ихъ за добычей сверхъ уговора, жители Подоліи нисколько тѣмъ не нарушали мира и положенныхъ условій съ цѣлою ордою. Другое дѣло, еслибы они вступали въ открытую борьбу съ послѣднею. Но этого не могло быть, потому что Татары дѣйствовали предусмотрительно и, видно, научившись на примѣрѣ Галича, Волыни и Польши, что значать крѣпости, не позволяли возста-новлять разрушенные города въ Подоліи.

Съ теченіемъ времени, когда, вслѣдствіе поражений, какія Татары понесли отъ руки Литовцевъ, Русскіе почувствовали себя свободнѣе, они начали отваживаться на наступленіе и могли выдвигать изъ своей среды козаковъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ это слово употреблялось у Татаръ.

Какъ бы то ни было, не слѣдуетъ оставить безъ вниманія, что въ первыхъ актахъ, упоминающихъ объ южнорусскомъ козачествѣ, оно нигдѣ не является съ характеромъ чисто военнаго сословія¹⁵⁸), да и въ послѣдующее время южнорусскіе козаки не были какими-нибудь солдатами или людьми, жившими грабежемъ. Они занимались не войною только, но вмѣстѣ—и промыслами. Хозяйствомъ не брезгали даже Запорожцы, осуществлявшіе въ себѣ идеаль южнорусскаго козачества. Въ этомъ, намъ кажется, кроется самое ясное указаніе на то, что южнорусскіе козаки выдвигались и жили въ массѣ домовитыхъ хозяевъ, съ которою не разрывали связей ни на минуту и отъ которой отдѣлялись развѣ своими подвигами, приносившими массѣ же пользу. Въ памятникахъ, относящихся къ началу XVI-го столѣтія, встрѣчается перѣдко характеристичное выраженіе *ходитъ въ козаки*, употребляющееся и донынѣ въ Великороссіи.

Кромѣ условій жизни Подоліи, по нашему мнѣнію, не слѣдуетъ упускать изъ виду и того, что, по словамъ Литовскихъ лѣтописей, во главѣ отдѣльныхъ общинъ, во время Татарскаго владычества въ Подоліи стояли *отаманы*¹⁵⁹), которыхъ избирали изъ мѣст-

ст. г. Бруна въ „Трудахъ перваго археологическаго съѣзда въ Москвѣ 1869“ (т. II, статья: „О поселеніяхъ итальянскихъ въ Газаріи“).

¹⁵⁸) Въ сѣверо-восточной же Руси уже въ XV-мъ столѣтіи козаками назывался извѣстный отдѣлъ состоявшихъ на службѣ Татарскихъ войскъ. Впрочемъ, тамъ были козаки и другого рода (о нихъ см. у Н. И. Костомарова: Богданъ Хмельницкій, изд. 1870, т. I, стр. XLX).

¹⁵⁹) См. Syn. Gedym., т. I, прим. 56, стр. XIII. Это слово какъ будто употреблялось въ такомъ смыслѣ и въ послѣдующее время. Въ описаніи Кіева и его замка, составленномъ королевскими люстраторами въ 1545 году, при перечисленіи „селъ замковыхъ“, между прочимъ,

ныхъ жителей¹⁶⁰) Татары, вѣрнѣе — сами жители. Отъ этихъ отамановъ брали дань приѣзжавшіе къ нимъ баскаки.

Остановимся на словѣ *отаманъ*.

Это слово отождествляютъ съ словомъ *гетманъ*, а послѣднее производятъ отъ Hauptmann¹⁶¹). Соглашаясь, что *гетманъ* могло произойти отъ слова Hauptmann¹⁶²), для слова *отаманъ* мы рѣшаемся принять другое производство, находящее первообразъ его въ Татарскомъ словѣ *одаманъ*. Случайно оба эти слова, гетманъ и отаманъ, приближаясь другъ къ другу фонетически, сошлись и въ своемъ значеніи, и потомъ ихъ начали употреблять даже одно вмѣсто другаго. Оттуда-то ихъ отождествленіе. Но иногда они довольно явственно различаются въ актахъ¹⁶³). Тогдашнее правительство никогда не употребляло слова отаманъ, и какъ въ правительственныхъ актахъ, такъ и въ историческихъ сочиненіяхъ официально облеченные начальственной властію надъ козаками или вообще войсками назывались только гетманами. Литовскіе лѣтописцы обыкновенно не употребляли слова отаманъ, и приведенное нами мѣсто о Подоліи составляетъ аномалію.

Далѣе, слово гетманъ не было извѣстно въ древней Руси. Оно могло явиться въ русскомъ языкѣ чрезъ посредство Поляковъ или Литовцевъ, у которыхъ оно было въ особенномъ ходу, но жители Подоліи, при Татарахъ, еще не были знакомы ни съ тѣми, ни съ другими.

Остается допустить, что слово отаманъ перешло отъ Татаръ къ Подолянамъ уже до конца XIV-го столѣтія. Отъ Татаръ же оно перешло къ козакамъ и въ другихъ частяхъ Руси, гдѣ Литовское вліяніе едва ли могло имѣть мѣсто¹⁶⁴).

говорится: „Село *Петровцы* на Днепрѣ, отъ замьку уверьхъ 2 мили. *Атаманъ* Микита Вареникъ даетъ на замокъ меду полътретя ведерьца . . .“ и т. д. Потомъ перечисляются другіе, вносившіе что-нибудь на замокъ и монастыри. „Сборникъ матеріаловъ для исторической топографіи Кіева и его окрестностей“, отд. III, 30. — Сл. „Опись актовъ книги Кіевского Центрального Архива, означенной по списку онаго подъ № 9“ (Кіевъ 1872), стр. 9, № 7 и 27, № 3. Видно, что въ селахъ были атаманы, выдѣленные чѣмъ-то изъ ряда своихъ собратій. — Въ Молдаво-влахійской грамотѣ 1495 г. упоминается „село Ризина где билъ Алекса ватаманъ“ („Зап. Од. общ. ист. и др.“, т. V, стр. 839).

¹⁶⁰) Явившись въ Подолію, Корьятовичи, по словамъ лѣт. Быховца (стр. 19), „woszli wo prujazn so Atamanu“; это было бы невозможно, если бы атаманы были изъ Татаръ.

¹⁶¹) Даль, Толковый словарь, стр. 24.

¹⁶²) Нѣкоторые производятъ это слово иначе (отъ Amtmann). Оно могло быть образовано въ противовѣсъ слову *отаманъ*.

¹⁶³) Напр.: „Я, Крыштофъ Косинскій, на тотъ часъ *гетманъ*, а мы сотники *атаманъ*, все рыцарство войска запорозского . . .“ (Архивъ юго-западной Россіи, ч. III, т. 1, стр. 54). Но въ томъ же самомъ актѣ козаки обязались „пана Косинскаго за атамана не меть“.

¹⁶⁴) Слово ватаманъ встрѣчается уже въ сѣверныхъ актахъ XIV-го столѣтія (указаніемъ

Во всякомъ случаѣ, если примемъ, что Литовскія лѣтописи называли представителей Подольскихъ общинъ въ періодъ татарскаго владычества такъ, какъ послѣдніе именовались въ дѣйствительности, то это послужитъ намъ огромною подмогой въ защитѣ свидѣтельства Стрыйковскаго о возникновеніи козачества въ то уже время: тогда будетъ весьма вѣроятно, что уже въ ту эпоху пастушескіе обычаи Татаръ начали проникать къ жившимъ по сосѣдству Подольцамъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ — и военный характеръ татарскихъ пастуховъ. Но наше предположеніе не постраждетъ и въ томъ случаѣ, если допустимъ, что самимъ лѣтописцамъ угодно было назвать отаманами начальниковъ отдѣльных мѣстностей: тогда все-таки останется несомнѣннымъ, что Подольское населеніе при Татарахъ образовало изъ себя рядъ общинъ съ старшинами, предводительствовавшими при случаѣ. Вѣдь недаромъ же Литовскіе лѣтописцы употребили слово отаманъ.

Явившись въ Подолію, Корьятовичи, по словамъ Стрыйковскаго, тотчасъ же оказались: «*Tam tedy onym obłowem nad nadzieję ucieszeni krotofil kozackich z Litewskim i Ruskim gycerstwem używali*»¹⁶⁵).

Могутъ спросить: если южнорусское козачество возникло такъ рано, то отчего оно такъ долго не заявляло замѣтно своего существованія, и почему, послѣ трехъ упоминаній о козакахъ у Стрыйковскаго¹⁶⁶), мы не встрѣчаемъ ихъ потомъ даже у этого писателя, а въ извѣстныхъ доселѣ актахъ они являются впервые только 89 лѣтъ спустя послѣ третьяго упоминанія о нихъ у Стрыйковскаго?¹⁶⁷).

этого мы обязаны Н. Н. Костомарову). Въ XVI столѣтіи козацкіе начальники назывались въ Московскомъ государствѣ атаманами, тогда какъ стрѣлцкіе — головами.

¹⁶⁵) Т. II, стр. 8.

¹⁶⁶) О первомъ мы уже говорили. Второе встрѣчается при описаніи похода на Татаръ Витовтова полководца Ольгерда въ 1397 г. Этотъ походъ не подлежитъ сомнѣнію (см. статью г. Бруна во II-мъ т. „Трудовъ перваго археологическаго съѣзда“, стр. 394—395). Послѣднее изъ упоминаній о козакахъ до начала XVI-го стол. относится къ 1410 году: Витовтъ Татаръ «*tańcem królowi okazował, Litwe też zbrojno świetno rozszykował swoje, kozaków rozdzieliwszy z usarzmu na troję*». — Къ тремъ упоминаніямъ Стрыйковскаго можно прибавить еще четвертое, если «*Polane*» (о нихъ говорятъ и Русскія, и Литовскія лѣтописи), бывшіе въ Витовтовомъ войскѣ въ 1399 году, обозначаютъ козаковъ—степняковъ: «*Lachowe*» названы отдѣльно въ этомъ случаѣ, хотя иногда подъ словомъ «*Polane*» должно разумѣть ихъ (см. Лѣтоп., изд. Даниловичемъ, стр. 54).

¹⁶⁷) Въ извѣстномъ актѣ 1499 года. Впрочемъ, можетъ быть, къ Днѣпровскимъ козакамъ относится извѣстіе, найденное нами въ перепискѣ Ивана III съ Менгли-Гиреемъ. Въ 1493 г. московскій посолъ Иванъ Субота, бывшій въ Валахіи, „проѣзжая съ Волохскимъ посломъ близъ Очакова, претерпѣлъ нападеніе отъ Черкасъ, которые побили и плѣнили многихъ бывшихъ съ нимъ людей, что и побудило Стефанова посла возвратиться къ своему государю; Иванъ же Субота плѣній дошелъ до Менгли-гирея“. Вслѣдъ за тѣмъ послу Малечкину приказано было

Вслѣдъ за изгнаніемъ изъ Подоліи послѣдняго изъ Корьятовичей, эта страна сдѣлалась яблокомъ раздора между Литвою и Польшею, при чемъ въ концѣ концовъ досталась Польшѣ. Въ Подоліи быстро привилось панство, развитіе котораго составляло отличительную черту польскаго государства, а это панство вполне исключало самостоятельность низшихъ классовъ и старалось сосредоточить въ своихъ рукахъ все, касавшееся заведыванія дѣлами страны¹⁶⁸). Между прочимъ, къ панству должна была перейти и забота объ охранѣ края¹⁶⁹). Низшее мѣстное населеніе, конечно, не было устраняемо панами отъ самостоятельной защиты края, но естественно, не играло при этомъ видной роли, и зачинавшееся козачество не могло получить широкаго развитія. Напротивъ, въ польской Подоліи возростало угнетеніе простолюдинъ, вызвавшее въ 1492 году первую среди южнорусскаго народа реакцію польскому панству¹⁷⁰). Замѣтимъ еще, что въ теченіе большей части Витовтова княженія Литовская земля, въ составъ которой входила и Подолія, была свободна отъ частыхъ и значительныхъ Татарскихъ набѣговъ¹⁷¹), благодаря дружественнымъ отношеніямъ Витовта къ ближайшимъ монгольскимъ ханамъ¹⁷²). Мирныя отношенія польско и литовско-русскихъ земель къ Татарамъ продолжались, по приведеннымъ выше словамъ Длугоша, до смерти перваго Гирея, и, слѣдовательно, въ то время не было особенныхъ побужденій къ развитію козачества и во враждебныхъ отношеніяхъ къ Татарамъ. Поэтому оно могло существовать только въ зародышѣ и въ оставшейся за Литвою послѣ Витовтовой смерти Брацлавщинѣ.

Жители Приднѣпровья едва ли могли выдвинуть козаковъ изъ своей среды одновременно съ Подольцами. Татарское владѣтельство было свергнуто въ XIV столѣтіи и въ

стараться „о полученіи отнятаго Крымцами у Черкасъ грабежа принадлежащаго Россійскому послу Ивану Суботѣ и бывшимъ при немъ“. Записки Од. общ. ист. и др., т. V, статья Ал. Малиновскаго: „Историческое и дипломатическое собраніе дѣлъ, происходившихъ между Россійскими Великими князьями и бывшими въ Крымѣ Татарскими царями съ 1462 по 1533 годъ“, стр. 218—219.

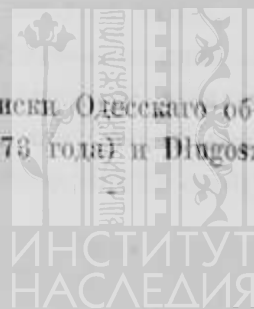
¹⁶⁸) Въ иномъ положеніи было крестьянство въ Литовскихъ земляхъ, въ особенности въ тѣхъ, которыя находились на югѣ Литовскаго государства. У сельскихъ общинъ существовали даже вѣча. Хотя памятники, упоминающіе о нихъ (1-я редація Литовскаго Статута, акты. См. брошюру Иванишева: „О древнихъ сельскихъ общинахъ въ юго-западной Россіи“, Кіевъ 1863), относятся къ XVI столѣтію, но нельзя думать, что эти вѣча тогда именно получили начало; это явленіе, безъ сомнѣнія, было остаткомъ старины.

¹⁶⁹) См. у Длугоша мѣста, относящіеся къ Татарскимъ набѣгамъ.

¹⁷⁰) Мы разумѣемъ возстаніе Мухи.

¹⁷¹) Малые, конечно, были.

¹⁷²) О такихъ отношеніяхъ говоритъ Гилльберъ де-Ланноа (см. „Записки Одесскаго общества исторіи и древностей“ и Кіевскія „Университетскія Извѣстія“ 1873 года) и Dlugosz (XI, 409).

Приднѣпровья, и уже съ того времени, имѣя крѣпкую опору въ литовско-русскихъ силахъ, мѣстное населеніе, свободное отъ панства въ томъ видѣ, въ какомъ послѣднее процвѣтало въ Польшѣ ¹⁷³⁾, уже съ того — повторяемъ — времени могло выступать противъ Татаръ. Но не нужно забывать, что на первыхъ порахъ Литовскаго владычества оно было слабо вслѣдствіе своей малочисленности, хотя уже заявляло къ концу XIV-го столѣтія притязанія на самостоятельность отъ Литвы ¹⁷⁴⁾. Въ 1300 г. митрополитъ Максимъ, „не терпя Татарскаго насилія, остави митрополію и сбѣжа изъ Кіева; и весь Кіевъ разбѣжался, а митрополитъ иде въ Суждальскую землю“.

Карамзинъ, а вслѣдъ за нимъ и г. Погодинъ ¹⁷⁵⁾ поставляютъ козаковъ, встарину называвшихся иногда Черкасами, въ связь съ Черными Клобуками, которые также названы Черкасами въ одномъ мѣстѣ Воскресенской лѣтописи. Къ этимъ ученымъ какъ бы примыкаетъ отчасти и г. Соловьевъ ¹⁷⁶⁾. Но сближеніе козаковъ съ Черными Клобуками не имѣетъ прочихъ данныхъ за себя.

Мало по малу, размноженіе и скопленіе ¹⁷⁷⁾ населенія, отличавшагося отважною предприимчивостью и не стѣсненнымъ панскимъ гнетомъ, дало возможность развиваться козачеству и въ Приднѣпровьи. Но здѣсь оно проявило себя нѣсколько иначе, шире и сильнѣе, нежели въ польской Подоліи, и послѣдняя обновила свое козачество, только нашедши опору въ козаччинѣ Приднѣпровья и Брацлавщины. Въ этомъ-то, можетъ быть, нужно искать объясненія того факта, что колыбелью южнорусскаго козачества называется обыкновенно Приднѣпровье ¹⁷⁸⁾. По отдаленности времени, позднѣйшіе писатели не знали о древнемъ подольскомъ козачествѣ.

¹⁷³⁾ Паны были и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Кіевской области. О поземельномъ владѣніи и сословіяхъ на крайнемъ югѣ Кіевской земли въ періодъ отъ конца XV по начало XVII стол., отъ каковаго періода уцѣлѣли источники, см. въ „Исслѣд. о городахъ въ юго-западной Россіи“ В. Б. Антоновича (предисловіе къ 1-му тому V-й части „Архива юго-западной Россіи“, Кіевъ 1870), стр. 7—9; см. также предисловіе В. Б. Антоновича къ т. II-му VI-й части „Архива“, стр. 11 и 14—15, и цитированную брошюру Иванішева, стр. 6—7.

¹⁷⁴⁾ Извѣстно, что князь Владиміръ Ольгердовичъ не хотѣлъ подчиниться Витовту, когда тотъ восторжествовалъ въ Литвѣ. Кажется, что Владиміръ опирался на симпатіи мѣстнаго населенія, которое, даже послѣ высылки Владиміра изъ Кіева, уступало Литовцамъ только съ бою (въ Черкасахъ и Звенигородѣ). См. лѣт., изд. Даниловичемъ.

¹⁷⁵⁾ „Исслѣд., т. 1, кн. 3“, V, 205—208.

¹⁷⁶⁾ „Исторія Россіи“, III, изд. 1862, 41. Т. I, изд. 4-е, стр. 27.

¹⁷⁷⁾ О бѣглецахъ въ Приднѣпровье находимъ извѣстіе у Михалона Литвина. Зиморовичъ также говоритъ о выселенцахъ изъ Галичины, *qui angarias agrarias subterfugiebant*.

¹⁷⁸⁾ Съ этимъ какъ бы согласуется занесенное въ Литовскую Метраку преданіе объ основаніи при Гедиминѣ города Черкасъ, бывшаго однимъ изъ главныхъ городовъ и имѣвшимъ

Когда козачество образовало цѣлыя роты, когда оно начало обнаруживать свою не вполне мирную дѣятельность въ обширныхъ размѣрахъ, когда названіе козаковъ стало прилагаться къ значительному количеству люда, тогда о козакахъ заговорили и официальные акты. Не мѣшаетъ при этомъ вспомнить, что до насъ дошло весьма мало актовъ XV-го столѣтія, относящихся къ Украинѣ, а не будь этого, кто знаетъ, не встрѣтили ли бы мы козаковъ задолго до 1499 г.?—Съ начала XVI-го столѣтія козачествомъ начали пользоваться для защиты южнорусскаго края отъ Татаръ королевскіе старосты, и съ той поры козачество начало фигурировать и въ мало обращающихъ вниманія на народную жизнь историческихъ сочиненіяхъ.

До того времени въ Подоліи это было чисто народное явленіе, которое, по своей мелкости¹⁷⁹⁾, незначительности, безвредности¹⁸⁰⁾ и существованію только на окраинѣ, не привлекало вниманія лицъ, стоявшихъ надъ массою, въ томъ числѣ—и писателей.

Но что козачество съ давняго времени было въ Подоліи, гдѣ оно упоминается исторіей почти одновременно съ приднѣпровскимъ, это не можетъ подлежать сомнѣнію¹⁸¹⁾.

аванпостомъ Днѣпровскаго козачества. Это преданіе вошло и въ грамоту Черкасамъ Сигизмунда-Августа. Болтинъ также приписывалъ основаніе Черкасѣ—Черкасамъ, которые назывались козаками, но только относилъ это еще къ концу XIII-го столѣтія (за Болтина и Татищева готовъ стоять въ этомъ случаѣ г. Брунъ). У Герберштейна жители Черкасѣ названы Черкасами, но онъ говоритъ: „Черкасы (Circassi), живущіе по Борисоену, *суть Русскіе* и отличаются отъ тѣхъ Черкасовъ, которые, какъ я сказалъ выше, живутъ въ горахъ у Понта“ (перев. Анонимова, С.-Петербургъ 1866, стр. 157). Это свидѣтельство довольно важно. Оно показываетъ, что если на мѣстѣ города Черкасѣ и были первоначально поселенцы изъ народа Черкасовъ (за Днѣпромъ несомнѣнно былъ этотъ народецъ, слѣды котораго встрѣчаются долго. См. „Слѣды древняго рѣчнаго пути изъ Днѣпра въ Азовское море“ г. Бруна въ V-мъ т. „Записокъ Од. общ. ист. и древн.“, стр. 125—130), то — въ самомъ незначительномъ количествѣ, такъ что чрезъ 1½ вѣка потомки ихъ совершенно затерялись въ массѣ Русскихъ. По словамъ Гваньини (Sarm. Eur. descriptio), жители Черкасѣ въ его время назывались Черкасами. Весьма вѣроятно, что и у Гваньини, какъ и у Герберштейна, Татаръ и у всѣхъ вообще называвшихъ приднѣпровцевъ Черкасами, это слово получило свое названіе отъ города Черкасѣ и замѣнило слово „Черкасцы“. — Самое преданіе объ основаніи Черкасѣ, едва ли веднее свое начало отъ времени основанія города, не составилось ли позже—по его названію?

¹⁷⁹⁾ Оттого-то Длугошъ и говоритъ нерѣдко о Татарахъ, что они грабили «*nullo obstante*» (т. II, col. 1089).

¹⁸⁰⁾ Тогда еще не установились правильныя дипломатическія сношенія и договоры съ Татарами, а съ Турціей Польша пришла въ непрерывныя соотношенія только со второй половины XV-го столѣтія. Поэтому ни Татары, ни Турки не заявляли еще безпрестанно повторявшихся впоследствии жалобъ на козацкіе грабежи.

¹⁸¹⁾ Можетъ быть, козаковъ, а не кого-нибудь иного должно разумѣть подъ мѣстными жителями, собиравшимися иногда противъ Татаръ. При описаніи одного изъ набѣговъ Татаръ,

Подолія послѣ Волини была самая населенная изъ южнорусскихъ земель, захваченныхъ Литовцами, и ранѣе другихъ начала устраиваться.

Еще при Герберштейнѣ не Придѣпровье, а „Волинь изъ всѣхъ княжествъ Литвы“ была „населена самымъ воинственнымъ народомъ“¹⁸²⁾. По всѣмъ соображеніямъ, на юго-востокѣ Волини также издавна было *козачество*: тутъ встрѣчаемъ козаковъ въ 1512 году¹⁸³⁾, въ 1516¹⁸⁴⁾ и д.

Замѣтимъ, что и съ 1499 года, когда, на основаніи перваго упоминанія объ южно-русскомъ козачествѣ въ актахъ, начинаютъ его генеалогію¹⁸⁵⁾ и когда обстоятельства болѣе прежнихъ благопріятствовали развитію козачества, это развитіе совершалось довольно медленно, и козачество приобрѣло силу только 90 лѣтъ спустя. До того времени оно должно было формироваться еще медленнѣе, и не думаемъ, чтобы оно образовалось въ послѣдніе 20 лѣтъ предъ 1499 годомъ, что нужно предположить, принявъ теорію Н. И. Костомарова¹⁸⁶⁾.

По мнѣнію извѣстнѣйшихъ изслѣдователей этого явленія, оно было вызвано и имѣло своею задачею съ самаго же начала борьбу съ Татарами¹⁸⁷⁾.

Если такъ, то позволимъ себѣ спросить, почему же козачество образовалось такъ

у Длугоша говорится, что послѣдніе захватили въ Ровѣ одного знатнаго человека. Далѣе читаемъ: „*Terrigenam Mroczkonem cum aliis terrigenis interficiunt...*“ (t. II, col. 91). Длугошъ не даромъ называетъ по имени и говоритъ объ убійствѣ этого простаго человека, тогда какъ вообще его интересовала знать. Подъ 1457 годомъ у Длугоша говорится о Подольскомъ правителѣ, что онъ напалъ на Татаръ, грабившихъ его землю, „*continuo, rusticanis hominibus, ex villagiis proximis, operam suam ad id sponte et devote offerentibus*“ (col. 213).

¹⁸²⁾ Переводъ Аношимова, стр. 165.

¹⁸³⁾ Strykowski, II, 370.

¹⁸⁴⁾ Ibid., 389.

¹⁸⁵⁾ Польскіе историки того времени относятъ возникновеніе козачества къ началу XVI столѣтія. По мнѣнію Гваньини, казаки начались со времени похода Предислава Лянцкоронскаго на Бѣлгородскихъ Татаръ.

¹⁸⁶⁾ По мнѣнію Н. И. Костомарова, козачество возникло вскорѣ послѣ перваго шага къ заведенію польскихъ порядковъ въ русско-литовскихъ земляхъ, т. е. вскорѣ послѣ 1476 года, когда „Казимиръ Ягеллоновичъ уничтожилъ удѣльное Кіевское княжество и замѣнилъ его воеводствомъ“ („Богданъ Хмельницкій“. Т. I. Изд. 3. С.Пб. 1870. Стр. XVII). Самая послѣдняя формулировка мнѣнія почтеннаго ученаго о возникновеніи козачества, сколько намъ извѣстно, находится въ предисловіи его къ изданію для народа „Тараса Бульби“ (С.Пб. 1874 года. Изд. Фанъ-деръ-Флинта).

¹⁸⁷⁾ Такъ объясняли возникновеніе козачества Старовольскій, Целларій, Зиморовичъ, Коховскій, Рудавскій, Писецкій. Къ такому же объясненію прибѣгаютъ и новѣйшіе историки, начиная съ Энгеля (*Fortsetzung der allgemeinen Welthistorie*, 48 Theil, Halle 1796, s. 42).

поздно въ южной Руси, когда въ другихъ Русскихъ земляхъ оно было уже передъ тѣмъ, и когда южная Русь подвергалась татарскимъ нашествіямъ нисколько не рѣже сѣверо-восточной? ¹⁸⁸). Почему южнорусское козачество возникло такъ поздно, когда полная возможность организациі его имѣла мѣсто уже со второй половины XIV-го столѣтія, — когда Литовское правительство признавало и вызывало самозащиту и когда вѣчная опасность должна была издавна развить въ украинскомъ населеніи козацкую отвагу и воинственность? Недаромъ подъ 1463 г. Стрыйковскій говоритъ о Брацлавскомъ воеводствѣ, что эта «*prawie wszystka wołość ćwiczona w rycerskich postępkach dla najazdów Tatarskich*» ¹⁸⁹). У Сарницкаго читаемъ: «*ita Podolii noctes ac dies bello continuo vitam totam transigunt. O vires omni genere praemiorum dignos*» ¹⁹⁰).

И намъ кажется, что, если южнорусское козачество и не связывается ничѣмъ съ воинственнымъ населеніемъ южной части Кіевской области до-монгольского періода ¹⁹¹), то все-таки оно представляетъ собою весьма древнее явленіе на южнорусской территоріи, сходящее не ближе, какъ къ концу XIV-го столѣтія, и еслибы въ пользу такого мнѣнія не было никакихъ прямыхъ свидѣтельствъ ¹⁹²), то, тѣмъ не менѣе, оно имѣло бы право на существованіе.

Колыбелью южнорусскаго козачества, вслѣдствіе указанныхъ причинъ, мы рѣшаемся считать тѣ территоріи, гдѣ въ половинѣ XIII столѣтія лѣтопись помѣщаетъ Болоховцевъ и ихъ союзниковъ и единомышленниковъ, и это, по нашему мнѣнію, третья черта, сообщаящая Болоховцамъ интересъ въ глазахъ историка.

¹⁸⁸) По словамъ одной изъ грамотъ Владиміра Ольгердовича (если только она не подложна; она помѣщена въ „Описаніи Васильковского повѣта“ Руликовскаго: Варшава 1853, стр. 33), Кіевскія земли „воевала орда Заволгска“ еще предъ 1390 г. Затѣмъ Татары опустошали южную Русь послѣ битвы при Ворсклѣ. Намъ извѣстны еще набѣги ихъ до начала XVI-го столѣтія: 1448 г. (Dług. ad a. 1448, col. 45), 1450 (ibid., 63—64), 1452 (91 и 96 col.), 1453 (col. 105—106), 1453 (col. 108—109), 1457 (col. 213), 1469 (col. 449—450), 1474 (col. 515—516), 1478 (col. 572), 1489 (Strykowski, II, 288), 1493 (см. у Сарницкаго), 1494 (Strykowski, II, 297), 1498 (ibid., 304 и 305).

¹⁸⁹) II, 266.

¹⁹⁰) *Descriptio Poloniae* въ Лейпцигскомъ изданіи Длугона (t. II), col. 1923.

¹⁹¹) Равнымъ образомъ, трудно связать южнорусскихъ козаковъ и съ Бродниками (происхождение и значеніе которыхъ до сихъ поръ еще удовлетворительно не выяснены), что пытался сдѣлать Арцыбашевъ (т. I, стр. 102, прим. 666). См. «*Die Kosaken in ihrer geschichtlichen Entwicklung von A. v. B.*», Berlin 1860, S. 23. Что касается Бродниковъ, то, кажется, они могутъ быть поставлены на одну доску съ Берладниками и отчасти Ушкунниками.

¹⁹²) Къ числу этихъ прямыхъ свидѣтельствъ мы относимъ то, которое находится въ привилеѣ Кіеву 1499 г. По 2-й ст. этого привилея, если у мѣщанина остановится купецъ или козакъ, то хозяинъ двора долженъ, по *давнему обычаю*, извѣстить объ этомъ намѣстника или воеводу.

Если такъ было на самомъ дѣлѣ и если, дѣйствительно, въ землѣ Болоховцевъ и ихъ союзниковъ было положено начало козачеству ¹⁹³⁾, ставшему съ конца XVI столѣтія во главѣ народной самозащиты противъ польскаго племени, то они сослужили, сами того не подозрѣвая, великую службу южной Руси. Но въ ихъ время и въ ближайшее политика ихъ должна была быть крайне гибельна для этой Руси.

Тутъ мы приходимъ къ общей оцѣнкѣ значенія Болоховскихъ князей въ исторіи южнорусскаго края.

Мы не будемъ упоминать о поддержкѣ, какую Болоховскіе князья оказывали врагамъ Даніила въ первую половину его дѣятельности; мы вникнемъ лишь въ результаты отношеній этихъ князей къ Даніилу послѣ татарскаго нашествія.

Извѣстно, что въ половинѣ XIII-го столѣтія южнорусская земля подчинилась Татарамъ наравнѣ съ другими Русскими землями. Но въ то время какъ послѣднія тотчасъ же, по крайней мѣрѣ наружно, помирились съ совершившимся фактомъ, человекъ, заправлявшій югозападомъ Руси, изыскивалъ всѣ средства къ тому, чтобы сорвать путы, охватившія родную землю, не могъ надолго замаскироваться и сталъ весьма скоро въ натянутыя отношенія къ Татарамъ. Съ той поры уже нельзя было рассчитывать на вполне мирныя отношенія къ нимъ, въ какихъ стояла Московская Русь.

Одновременно начала грозить опасность и со стороны занявшей собираніемъ западно-русскихъ земель Литвы.

Съ половины XIV-го столѣтія къ этимъ врагамъ южной Руси прибавился новый — начавшая достигать объединенія Польша, да не прочь была пристать и Венгрія, принужденная въ XIII-мъ столѣтіи отказаться отъ своихъ завоевательныхъ стремленій.

Для успѣшной борьбы съ враждебными сосѣдями, изъ которыхъ два притомъ (Татары и — съ XIV столѣтія — Литва) обладали громадными матеріальными силами, югозападная Русь должна была выставить и съ своей стороны такія же силы: только съ ними она могла защитить свою самостоятельность въ борьбѣ съ непріателемъ, который рассчитывалъ, по словамъ Плато - Карпини, именно на подавленіе противниковъ своею массою.

Послѣ татарскаго нашествія южная Русь сильно обезлюдѣла ¹⁹⁴⁾, хотя не въ такой степени, какъ нѣкоторые представляютъ это ¹⁹⁵⁾. Ей необходимо было болѣе, чѣмъ когда-

¹⁹³⁾ Не слѣдуетъ, впрочемъ, забывать разницы между козачествомъ Подолія, о которомъ мы говоримъ, и южнорусскимъ козачествомъ XVI-го столѣтія.

¹⁹⁴⁾ Есть извѣстіе о выселеніяхъ изъ нея (Степ. книга). По словамъ Рюрикваса, южная Россія «*tota vastata est a Tartaris, et adhuc quotidie vastatur*» (Hakluyt's Collection, I, 89).

¹⁹⁵⁾ Напр., г. Кулишъ, по мнѣнію котораго, послѣ татарскаго господства уцѣлѣла только «остатки» мѣстнаго населенія, и присоединенная къ Литвѣ югозападная Русь представляла

либо, по возможности, сгруппироваться въ однѣхъ рукахъ, по крайней мѣрѣ въ рукахъ одной семьи, и дружно стоять противъ враговъ. Въ этомъ была вся надежда на спасеніе. Отъ запада, который не прочь былъ заслоняться грудью Русскихъ, Русь получала помощь только на словахъ.

Даніилъ, съ дѣтства терпѣвшій отъ посягательствъ Поляковъ и Венгровъ на его родовое наслѣдіе, хорошо понималъ это и уже около времени татарскаго нашествія началъ довольно явственно работать для приведенія въ зависимость отъ себя всей юго-западной Руси. Онъ зналъ, что крутыя мѣры не привели бы ни къ чему, и, не изгоняя и не истребляя существовавшихъ князей, требовалъ отъ нихъ только, чтобы они признали верховное его господство.

Предъ самымъ татарскимъ нашествіемъ Даніилу удалось въ значительной степени достигнуть осуществленія своихъ завѣтныхъ стремленій. Онъ овладѣлъ „Рускою землею, Киевомъ и Володимиромъ и Галичемъ, со братомъ си, инѣми странами“¹⁹⁶); ему обѣщали „работѣ быти“ даже крамольные Болоховцы¹⁹⁷).

Послѣ татарскаго нашествія продолжали извнѣ мѣшать Даніилу въ обладаніи всею югозападною Русью только Черниговскіе князья, да и тѣ не могли уже рассчитывать на успѣхъ въ такой мѣрѣ, какъ прежде.

Но тутъ явились Болоховцы. Не возвышаясь надъ узкимъ сепаратизмомъ, они ждали только случая нарушить свое неискреннее обѣщаніе. Съ появленіемъ Татаръ въ южной Руси, Болоховскіе князья поспѣшили изъяснить имъ покорность, надѣясь не только сохранить этимъ свои земли отъ опустошенія, но и удержать въ будущемъ полную независимость отъ Даніила. За Болоховымъ послѣдовало немало другихъ южнорусскихъ областей, оставшихся безъ князей. Татары не прочь были оказывать покровительство этимъ областямъ, такъ какъ нашли выгоднымъ для себя и старались расширить количество непосредственныхъ своихъ данниковъ, платившихъ дань натурою, т. е. хлѣбомъ. Кромѣ того, они ослабляли этимъ Даніила, котораго хорошо знали съ самаго начала по на-

собраніе безлюдныхъ или малолюдныхъ пустынь.—Многіе изъ жителей Галицкой и Волынской областей нашли себѣ убѣжище въ горахъ. См. „Княженіе Даніила Галицкаго, по русскимъ и иностраннымъ извѣстіямъ“, стр. 87—88. Болохово, какъ мы видѣли, было совсѣмъ даже пощажено Татарами: „оставили бо ихъ татарове...“ Подолія не была лишена населенія и по разсказу Литовскихъ лѣтописей. Въ папской буллѣ 1333 года явственно отличается многочисленный народъ, обитавшій въ странахъ, которыя прежде назывались Готією. По этому документу, Греки и Татары приписали тому народу, большею частію пребывавшему въ схизмѣ, великія неправды и оскорбленія. Г. Шараневичъ („Ист. Гал.-вол. Руси“, 142), кажется, довольно справедливо относитъ это къ Русскимъ Крыма и степей, прилегавшихъ къ Подолію.

¹⁹⁶) Ип., 536.

¹⁹⁷) Мы полагаемъ, что это случилось до татарскаго нашествія.

слышѣ о немъ. И когда, по минованіи татарской грозы, южнорусскіе князья вступали вновь въ обладаніе своими землями, и Даниилъ пожелалъ княжить въ югозападной Руси въ прежнихъ границахъ, то онъ сразу долженъ былъ придти въ столкновение съ Татарами, между тѣмъ какъ въ другихъ земляхъ Руси Татары оставляли отношенія отдѣльных областей къ князьямъ въ томъ видѣ, въ какомъ это было до завоеванія, и не отдѣляли ни клочка земли въ свое непосредственное управленіе. Разумѣется, Даниилъ не посмѣлъ хлопотать въ ордѣ о признаніи его верховнымъ княземъ всей югозападной Руси; сохранилось даже извѣстіе, что южное великое княженіе было отдано Батыемъ одному изъ сѣверныхъ князей: Татары, очевидно, не довѣряли Даниилу, или хотѣли наказать его за то, что онъ не успѣшилъ явиться къ нимъ съ изъявленіемъ покорности. Потому они потребовали отъ него даже Галича, желая показать, что они не потерпятъ, чтобы западный уголъ Русской земли былъ свободенъ отъ порабощенія.

Нѣсколько лѣтъ Даниилъ безмолвно глядѣлъ на это отчужденіе земель, снисканныхъ имъ потомъ и кровью, и ограничился только тѣмъ, что наказалъ разъ Болоховцевъ за помощь, оказанную противнику его Ростиславу.

Двинувшись, наконецъ, на отпавшія земли, Даниилъ тотчасъ же навлекъ на себя татарское нашествіе, заставившее его вторично смириться. Вообще Татары слѣдили весьма тщательно за Данииломъ и успѣвали во время поражать его ударами, кажется, при содѣйствіи Болоховцевъ.

Такимъ образомъ, если югозападный край не слотился при Даниилѣ, то въ этомъ въ особенности были виноваты Болоховцы съ ихъ сепаративными стремленіями, успѣвшие ловко связать свое дѣло съ вопросомъ о верховномъ владычествѣ Татаръ въ югозападной Руси и поставившіе этимъ Даниилу неодолимую преграду.

А между тѣмъ какъ много помогло бы этому князю распоряженіе силами и этихъ отпавшихъ земель! Онъ уничтожилъ бы въ зародышѣ Литовское государство, которое, безъ того, оказалось равносильнымъ Даниилу, и могъ бы прочно утвердить тамъ свое вліяніе, которое его потомки удержали бы даже при своей разрозненности. Въ тоже время онъ былъ бы еще страшнѣе Татарамъ.

Но не станемъ вдаваться въ гаданія о томъ свѣтломъ будущемъ, какое могло бы достаться югозападной Руси послѣ Даниила, когда налицо ближайшіе печальные результаты, какіе повлекло за собою отмѣченное нами явленіе, имѣвшее мѣсто въ половинѣ XIII-го столѣтія въ срединныхъ земляхъ южной Руси.

На основаніи сказаннаго позволяемъ себѣ сдѣлать нѣсколько общихъ выводовъ.

При сосредоточеніи Русской земли, начавшемся на югѣ ея въ XIII столѣтіи, а на сѣверѣ въ XIV-мъ ¹⁹⁸⁾, и здѣсь, и тамъ противниками его явились не только борившіеся

¹⁹⁸⁾ Попытки слюченія той и другой половины Руси замѣчаются и ранѣе, но онѣ не были довольно сознательны и не влекли за собою никакихъ прочныхъ результатовъ.

за свои владѣтельныя права князя отдѣльныхъ волостей, но, по мѣстамъ, и массы: на сѣверѣ — въ вѣчевыхъ общинахъ Новгорода, Пскова, Вятки, на югѣ — въ срединныхъ земляхъ юго-западной Руси, вошедшихъ въ стачку съ боярствомъ Галича.

Въ сѣверо-восточной Руси попытка централизаціи, какъ извѣстно, успѣла преодолѣть сопротивленіе и создала крѣпкое государство. На югѣ она также успѣла бы привести къ концу свое дѣло ¹⁹⁹⁾, еслибы не то обстоятельство, что внутренніе враги нашли тутъ сильнѣйшую поддержку во внѣшнихъ. Содѣйствуя безсознательно сплоченію сѣверо-востока ²⁰⁰⁾, сумѣвшаго не выдать себя до послѣдней минуты, на югѣ, напротивъ, Татары съ самаго начала противодействовали этому. Литва также на первыхъ порахъ не вмѣшивалась въ дѣла восточной Руси ²⁰¹⁾, будучи отвлечена ближайшими интересами на западѣ, и также вначалѣ обращала особенное вниманіе на югъ Русской земли. Другихъ опасныхъ сосѣдей у сѣвера пока не было. Югъ же былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ подозрительными, враждебно и жадно смотрѣвшими на него сосѣдами и долженъ былъ создавать свое единеніе, устраивать свои внутреннія дѣла и заботиться о своемъ укрѣпленіи среди постоянныхъ помѣхъ и невзгодъ извнѣ.

III.

Послѣ 1257 года Галицко-волинская лѣтопись уже не упоминаетъ о Болоховѣ, можетъ быть — потому, что эта земля не оказывала болѣе виднаго вліянія на судьбы югозападнаго угла Русской земли. Да и Даніилъ около того времени началъ замѣтно дряхлѣть, а его преемники уже не преслѣдовали его широкихъ плановъ, касавшихся всей югозападной Руси.

¹⁹⁹⁾ Даніилъ успѣлъ было подчинить всѣ сопротивлявшіяся земли (см. Ип. списокъ подъ 1257 г.).—Въ лицѣ Льва мы встрѣчаемъ и на югѣ типъ князя, старавшагося *всеми способами* захватить побольше земель. Извѣстно, что московскіе князья выиграли въ особенности благодаря настойчивому преслѣдованію стремлений, не входившему въ разборъ относительно средствъ, и личный характеръ этихъ князей имѣлъ огромное значеніе въ дѣлѣ возвышенія Москвы. Левъ также убивалъ (Войшелка), подходилъ съ хитростями (два раза къ Владиміру Васильковичу), прибѣгалъ къ захватамъ (отнялъ было у Мстислава Брестъ) и не прочь былъ покуситься даже на Польшу.

²⁰⁰⁾ Уже Батый „почти Ярослава, давъ ему старѣйшинство во всемъ рускомъ языкѣ“ (Ник. III, 18); при Татарахъ сразу должны были привыкать признавать безспорно старѣйшинство великаго князя. Симеону „всѣ князи Рускіи подъ рудъ его даны“.

²⁰¹⁾ А когда она пришла въ столкновеніе съ Москвою, то Татары поддерживали сначала послѣднюю. Извѣстно, что Ольгердовы послы были задержаны въ ордѣ и выданы Московскому князю, „яко Олгердъ улусъ его пустошитъ, а князя великаго обижаетъ“.

Болохово не фигурируетъ рельефно и въ источникахъ для истории послѣдующаго времени.

Историческій интересъ Болоховской земли ограничивается, такимъ образомъ, для насъ временемъ Даниїла.

Но я нахожу не лишнимъ, въ заключеніе, сказать нѣсколько словъ и о дальнѣйшей ея судьбѣ, хотя то будутъ, по большей части, лишь предположенія. Несомнѣнно одно: именно, что Болохово, какъ географическій терминъ, не исчезло совсѣмъ въ XIII или XIV стол., и слѣды существованія его замѣчаются довольно долго въ южной Руси.

Мы уже говорили, что въ концѣ концовъ Болохово должно было отойти отъ системы Галицко-волинскихъ княжествъ и, по всей вѣроятности, возвратилось подъ татарскую эгиду.

Изъ Литовскихъ лѣтописей видно ²⁰²⁾, что къ Кіевской области, предъ покореніемъ ея Литвою, принадлежали Вышгородъ, Овручъ, Житомиръ ²⁰³⁾, Черкасы, Каневъ, Путивль, Сноповродъ и, можетъ быть, позже упоминаемый Звенигородъ ²⁰⁴⁾. О другихъ же пунктахъ эти лѣтописи не говорятъ.

Въ составъ Волыни, завоеванной Литвою, также едвали вошла Болоховская земля, потому что, при перечисленіи оставшихся въ концѣ концовъ за Любартомъ городовъ Луцкой земли, принадлежавшихъ ему съ самаго начала его владѣнія въ этой землѣ, названы лишь Стожекъ, Даниловъ, Закамень, Шумскъ, Острогъ, Полонное и Меджибожъ ²⁰⁵⁾. Извѣстно также, что теперешнее мѣстечко Любаръ, расположенное у Случи, было основано этимъ княземъ на границѣ его владѣній. Позже Θεодору Даниловичу Острожскому были уступлены Ягелломъ лишь Острогъ, Корець, Заславль, Хлапотинъ ²⁰⁶⁾.

Точно также нѣтъ упоминаній о Болоховѣ и въ источникахъ, говорящихъ о Подоліи ²⁰⁷⁾,

²⁰²⁾ Лѣт. Быховца, стр. 15 и 34. Лѣт., изд. Даниловичемъ, стр. 46.

²⁰³⁾ Не въ то ли время поднялся этотъ городъ? До татарскаго нашествія о немъ нѣтъ упоминаній. Мутижиръ, о которомъ говорится въ Ип. сп. подъ 1162 г. (стр. 354), вѣроятно — Мотыжинъ, чѣмъ Житомиръ (сл. Соловьева II, примѣч. 293. „Изсл., лекціи, в.“ Погодина, IV, 190).

²⁰⁴⁾ Лѣт., изд. Даниловичемъ, стр. 46.

²⁰⁵⁾ «Luceoriensis terra cum omnibus territoriis primaevis et villis quemadmodum fuit a principio». Эти слова очень важны для опредѣленія границъ Галицко-владимирской Руси послѣ татарскаго нашествія. Очевидно, что она не захватывала Болоховской земли.

²⁰⁶⁾ «Castrum Ostrog cum districtu Ostroviensi, nec non districtus Korec, Zaslaw, Chlapotyn».

²⁰⁷⁾ Едвали относится къ Болоховской землѣ то, что говорится о территории Бакоты въ договорѣ Поляковъ и Свидригайла, заключенномъ въ 1431 году. Впрочемъ, Бакота была, по видимому, не на особенно далекомъ разстояніи отъ Болохова. Замѣчательно, что она дважды отпадала отъ Даниїла, именно сидѣвшій въ ней какой-то Милѣй, котораго лѣтопись называетъ

и князья Болохова исчезаютъ совершенно изъ исторіи ²⁰⁸), если не предполагать ихъ въ ряду тѣхъ многочисленныхъ южнорусскихъ князей XIV-го и послѣдующихъ столѣтій, о которыхъ есть немало огульныхъ свидѣтельствъ ²⁰⁹). Нѣкоторые думали, что Болоховскіе князья перешли за Днѣпръ и положили тамъ начало роду князей Болховскихъ ²¹⁰), но, какъ доказано г. Забѣлинымъ ²¹¹), это не выдерживаетъ критики. Въ восточной Россіи были и Чернятинскіе князья, напоминающіе своимъ названіемъ дѣйствовавшихъ за одно съ Болоховцами Чернятинцевъ, но, по своему происхожденію, они принадлежали къ роду Тверскихъ князей ²¹²). Нѣтъ извѣстій и о Болоховскихъ городахъ, если не думать, что прописанный въ одной грамотѣ Свидригайла ²¹³) *Wasillus dux dictus Boszki* получилъ свое прозваніе отъ Божскаго. Въ перечнѣ Русскихъ городовъ, включенномъ въ Воскресенскую лѣтопись и составленномъ, по всей вѣроятности, въ XV-мъ столѣтіи, Болоховскіе города не поименованы ²¹⁴). — Можетъ быть, они были разрушены Татарами, какъ и

баскакомъ (Ип., 549—550). Татары, очевидно, покушались оставить эту землю за собою и, пожалуй, могли отдать ее Болоховцамъ. Что касается Милѣя, то о немъ думаютъ различно. Карамзинъ и Петрушевичъ, вслѣдъ за лѣтописью, считаютъ его ханскимъ баскакомъ, Арцыбашевъ — градоначальникомъ, а Зубрицкій — однимъ изъ князей Болоховскихъ или подобныхъ имъ. Намъ кажется самымъ вѣрнымъ мнѣніе Арцыбашева: Милѣй могъ отпасть отъ Данила и быть названнымъ въ лѣтописи баскакомъ, получивши власть вновь уже отъ Татаръ. — Въ упомянутомъ договорѣ 1431 г. говорится о какихъ-то *давнихъ правахъ* и льготахъ Бакоты, которыя были оставлены за нею до конца перемирія.

²⁰⁸) Мы не рѣшаемся настаивать на связи съ древнимъ Болоховымъ кн. «*Wołożynskich*», «*imenem Suchty*», встрѣчающихся въ Литовскихъ лѣтописяхъ при описаніи событій, совершившихся въ половинѣ XV-го столѣтія (Лѣт. Быховца, стр. 55). Точно также мы не приводимъ въ связь съ Болоховымъ и слѣд.: «А се боярскыи люди, дань дають Святой Софіи Премудрости Вожіи: . . . у Ключкевичяхъ зъ *Волшиньскои* земли з ведра меду и поданія . . .» (Акты, относ. къ ист. зап. Россіи, т. I, № 26, стр. 37).

²⁰⁹) По словамъ Длугоша, въ половинѣ XIV-го столѣтія въ югозападной Руси *Duces plures extabant* (Lib. IX, ad a. 1349). — Въ 1399 г. съ Витовтомъ было «князей русскихъ пятьдесятъ» (лѣтописи русскія и литовскія); по свидѣтельству Супрасльской лѣтописи, ихъ было убито тогда 204. — Въ одной битвѣ Сигизмунда съ Свидригайломъ «*tukami poymano kniazey sorok*» (Быхов., 47).

²¹⁰) «Россійская родословная книга» Долгорукова (III, 10) — вслѣдъ за «Исторіей» Карамзина (IX, прим. 381).

²¹¹) «Опыты изученія русскихъ древностей и исторіи», ч. I, 542—544.

²¹²) П. с. р. л., VII, 245.

²¹³) *Przezd.* I, 195.

²¹⁴) Упоминаемые тамъ Божскій и Бѣлобережье, судя по тому, въ ряду какихъ мѣстностей поставлены, находились гдѣ-то въ сѣверо-восточныхъ областяхъ Россіи. Въ Воскресенской лѣтописи читается слѣдующее: «А се имена градомъ веѣмъ Русскимъ, дальнимъ и

Подольскіе города, въ отмщеніе за подчиненіе Болоховцевъ Данилу, или для того, чтобы лишить Болоховцевъ укрѣпленій.

У Эриха Лассоты изъ ряда другихъ мѣстностей выдѣляется какъ-то странно окрестность Прилукъ ²¹⁵⁾, гдѣ, по нашимъ соображеніямъ, могло быть Болохово, но оно при этомъ не названо.

Послѣ XIII-го столѣтія, въ извѣстныхъ намъ историческихъ памятникахъ, Болохово прямо подъ этимъ именемъ встрѣчается всего разъ—именно въ грамотѣ Сигизмунда III, разрѣшающей основаніе Лысянки (въ Звенигородскомъ уѣздѣ Кіевской губерніи) и относящейся къ 1622 году ²¹⁶⁾. Вычисляя права и обязанности мѣщанъ учреждаемаго города, король, между прочимъ, говоритъ: „во всѣхъ тамошнихъ лѣсахъ мы дозволяемъ имъ ловить всякаго звѣря, а въ рѣкахъ—какую кто можетъ—рыбу, какими угодно сѣтями, теперь и по окончаніи льготъ; но всякій Болоховецъ, который придетъ изъ полей съ рыбою, десятую изъ рыбъ долженъ отдавать въ замокъ нашему старостѣ, а другіе Болоховцы, если что будутъ имѣть, какъ водится въ остальныхъ мѣстечкахъ, должны давать обычный подарокъ на замковый урядъ“ ²¹⁷⁾.

ближнимъ. — А се грады Литовскіе: — Торопѣцъ, древянъ, Городно, Машинъ, Бѣлаа, Морева, Воротынескъ, Шернескъ, Деревягорескъ, Копертуевъ, Восътиобачеръ, *Божескъ*, Мѣзескъ, Мещескъ, Мосалескъ, Онузе Сутѣскъ, Ясенецъ, Стрѣе. — Восвято, Жижень, Іерусалимъ, Ржищевъ, *Бѣлоберезье*, Самара, Броница . . .“

²¹⁵⁾ «Diese Stadt hatt ein sehr schönes fruchtbares und weites feldt und Treidtboden, darinnen sieht man hin und wieder viel kleine selzame heuser, mit schiesslöchern, einzlich stehen, darinnen die Pavern, wen sie etwan plözlich, und unversehens von den Tattern überfallen werden, lauffen und sich daraus defendirn wie den ein jeder Pawer, wen Er zu acker fehrt, sein handtrohr am Halss und seine Säbel oder Tessaken an der Seiten führt, weil sie die Tattern gahr oft heimsuchen und fast ni sicher für Ihnen sein. — Tagebuch des Erich Lassota von Steblau. Halle 1866. S. 201. Въ русскомъ переводѣ г. Бруна (С.Пб. 1873) стр. 15.

²¹⁶⁾ Она помѣщена въ „Архивѣ юго-западной Россіи“: ч. V, т. I (К. 1869), № XXXV.— О Болоховцахъ, упомянутыхъ въ путевыхъ запискахъ Отвиновскаго, см. выше. Названіе этой мѣстности слышится какъ бы въ фамиліяхъ Болхивца, о которомъ у Похилевича („Сказанія о насел. мѣстн. Кіевской губ.“, стр. 381), и Болиховскихъ. — Можетъ быть, Болохово должно разумѣть подъ «voloscho», которое встрѣчаемъ невдалекѣ отъ Кіева на картѣ, составленной въ XV-мъ столѣтіи Фра Мауро для короля Португальскаго Альфонса V. Что подъ этимъ названіемъ должно разумѣть не Валахію, видно изъ того, что южнѣе находимъ «Ulachia granda» („Матеріалы для историко-географическаго атласа Россіи. Изд. Археографической Коммиссіи“. С.Пб. 1871“. Л. 2).

²¹⁷⁾ «Jednakże każdy Bołochowiec, z pol przyszedlszy z rybą, rybą dziesięta do zamku starościu naszemu ma dawać, a insi Bołochowcy, jakąkolwiek mając zdobyć, jako w inszych miasteczkach naszych zachowuje się, urzędowi zamkowemu pokłon zwyczajny mają dawać». Стр. 137. — Льготы,

Изъ приведенныхъ строкъ можно заключать, что еще въ XVII стол. въ Украинѣ существовали остатки Болоховцевъ ²¹⁸⁾ подъ этимъ именемъ, совсѣмъ исчезнувшимъ изъ современной географической номенклатуры, и что потомки уподоблялись своимъ предкамъ: вѣдь промыселъ, которымъ они занимались и для котораго ходили *въ поля*, т. е. въ степи, ²¹⁹⁾ требовалъ въ то время значительной отваги, и имъ не брезгали, между прочимъ, и козакъ,

данныя Лысянкѣ, нерѣдко уступались мѣстечкамъ, которыя основывались вновь или же становились, но оговорки, подобной той, какая сейчасъ приведена, мы не встрѣтили въ извѣстныхъ намъ документахъ. Съ грамотой, данной Лысянкѣ, схожа пожалованная Сальницѣ въ 1607 г. (см. Balińskiego i Lipińskiego Starożytna Polska, t. II, Warsz. 1845, стр. 1014—1015).

²¹⁸⁾ Кажется, что подъ Болоховцами разбираемой грамоты должно разумѣть не проѣзжихъ или прѣзжихъ торговцовъ, съ которыхъ также взималась дань, а жителей окрестности Лысянки. Не даромъ въ документѣ 1622 г. говорится о платежѣ пошлины только Болоховцами. Приведенная нами выдержка о нихъ стоитъ въ текстѣ, какъ ограниченіе правъ, предоставленныхъ *мѣстнымъ жителямъ*. Торговцовъ Болоховцевъ мы не встрѣчаемъ въ привилегіяхъ другимъ мѣстечкамъ, и нельзя думать, чтобы извозомъ рыбы занимались исключительно Болоховцы. Важно выраженіе «z pol» въ связи съ «insi Bołochowcy»: очевидно, Болоховцы не жили постоянно и исключительно въ поляхъ. Вблизи Лысянки могли жить потомки старинныхъ насельниковъ Болоховской земли, которой границы могли проходить тамъ.

²¹⁹⁾ Степи называются такъ еще въ древне-русскихъ лѣтописяхъ. По словамъ одного писателя, польская „сторожевая линія выдвинулась въ степи до Брацлава, который съ одной стороны посылалъ свои разѣзды къ Подольскому Каменцу, а съ другой къ Бѣлой Церкви. Бѣлоцерковскіе разѣзды встрѣчались къ западу съ Брацлавскими, а къ востоку съ Кіевскими. По эту черту, до конца XVI вѣка, простиралась Украина, то-есть пограничная область Польско-Литовскаго государства“ („Вѣстникъ Европы“ 1874, мартъ, стр. 22). — Рыба добывалась въ значительномъ количествѣ въ Днѣпрѣ. Извѣстный Архидіаконъ Павелъ, спутникъ Антиохійскаго патріарха Макарія, проѣзжавшаго чрезъ южную Русь въ половинѣ XVII-го столѣтія, между прочимъ, говоритъ (по англійскому переводу): «Bread they furnished us in loads: and fish in quintals, from the plentiful cheapness of it among them; and its immense variety of Shape and colour astonished us: for, as we before mentioned, the great River Niepros is near them, and many ships sail out of it. As to the quality of the vessels which navigate this river, they are generally large. In measuring some of them, we found the length of their single timbers to be about one hundred and fifty spans; and there are many hollowed out of one huge piece of wood, of which the length is ten cubits. On this river the pass to the Black Sea» (The travels of Macarius, part the third, London MDCCCXXXII, pp. 239—240). — Были и другіе пути подвоза. По словамъ Броневскаго, два раза ѣздившаго по слову Речи Посполитой въ Крымъ въ 1578 году, на Бугѣ былъ скалистый островъ, служившій „вѣрною защитою Братиславцамъ, которые ежегодно по нѣскольку мѣсяцевъ занимались тамъ рыбною ловлею. На этомъ островѣ и на другихъ лежащихъ на Бугѣ, въ апрѣлѣ, маѣ и юніѣ постоянно находится около двухъ сотъ стрѣлковъ“ [„Записки Одесскаго общества исторіи и древностей“, т. VI, Одесса 1867. Описаніе Крыма (Tartariae Descriptio) Мартіана Броневскаго, стр. 334].

Можетъ быть, въ то время были козаками и Болоховцы, жившіе на южной окраинѣ Рѣчи Посполитой²²⁰). Вспомнимъ, что, по словамъ Грондзкаго, козаками назывались не только жители низовьевъ Днѣпра, но также обитатели мѣстностей по теченію рѣкъ Днѣстра и Буга.

Съ меньшею вѣроятностію можно относить приведенныя слова королевской грамоты къ Болоховцамъ Галичины, или же думать, что Болоховцами въ то время назывались не столько жители какой-нибудь мѣстности, сколько люди, занимавшіеся тѣмъ или другимъ промысломъ, т. е., что слово Болоховецъ сдѣлалось именемъ нарицательнымъ²²¹).

²²⁰) По словамъ Сарницкаго, Баръ былъ «*arx munitissima, in ipso aditu Scythiae excitata*».

²²¹) Намъ сообщали, что въ смыслѣ нарицательнаго слово Болоховецъ употреблено еще въ одномъ изъ напечатанныхъ актовъ, но мы сами не встрѣчали его нигдѣ, кромѣ акта 1622 года. — Подъ Болоховцами этого акта не должно, конечно, разумѣть промышленниковъ, отпраивавшихся въ Болохово, которое, по отведенному нами ему мѣсту, не могло служить пунктомъ рыбной ловли (тутъ не можетъ быть аналогіи съ Коломыйцами, каковыми именемъ назывались привозившіе соль изъ Коломыи), равнымъ образомъ въ упомянутомъ актѣ едвали имѣлись въ виду и жители Галицкаго Болохова; въ грамотѣ прямо говорится о Болоховцахъ, что они привозили свои продукты «*z pol*».

О способъ исполненія эпическихъ произведенийъ

древнегреческими пѣвцами сравнительно съ малорусскими бандуристами.

Рефератъ **Θ. Г. Мищенко.**

Не можетъ въ настоящее время подлежать сомнѣнiю, что у Ионянъ Малой Азiи поэзiя, пѣнiе и музыка, согласно съ естественнымъ ходомъ развитiя тоническихъ искусствъ вообще, существовали долгое время нераздѣльно. Всякое поэтическое, или точнѣе стихотворное произведенiе было вмѣстѣ съ тѣмъ пѣсней, которая исполнялась подъ аккомпаниментъ струннаго инструмента.

Какъ во многихъ другихъ вопросахъ, касающихся до-историческихъ временъ Грецiи, такъ и въ настоящемъ, источникомъ свѣдѣнiй служить для насъ Гомеръ. Только совмѣстною практикою трехъ дисциплинъ, послѣ развивавшихся отдѣльно, объясняется во 1-хъ то, что въ *Илиадѣ* и *Одиссее* поэтъ-разскащикъ, самостоятельный ли онъ творецъ, или простой исполнитель чужихъ произведенiй, — называется обыкновенно *пѣвцомъ*, божественнымъ *пѣвцомъ*: *ἀοιδός*, *θεῖος ἀοιδός*, *ἐρίηρος ἀοιδός* (Од. VIII, 471, 479—81; IV, 17; XVII, 518 и друг. Ил. XIV, 720; XVIII 604). Отсюда, во 2-хъ, произошла та тѣсная, постоянная связь, какую читатель Гомера замѣчаетъ между терминами, обозначающими пѣнiе и музыку: *ἀοιδὴ καὶ κίθαρις* (Илиада XIII, 731), *ἀοιδὴ καὶ κίθαριστός* (Ил. II, 599—600), или наконецъ *φορμίζων ἀείδειν* (Од. VIII, 263. Ил. XVIII, 603 и друг.). Фемiй и Демодокъ, по словамъ поэта, начинаютъ прекрасную пѣсню, играя на *формингѣ*¹⁾: *ὁ* (Демодокъ) *φορμίζων ἀνεβάλλετο καλὸν ἀείδειν* (Од. VIII, 263), или: *ἦτοι ὁ* (Фемiй) *φορμίζων* (Од. I, 155; XVII, 262).

¹⁾ *φόρμιγξ* отъ корня *φρεμ* черезъ метазезъ. Другая форма *βρεμ*: *βρέμεσθαι*, *βρομός*, *βροντῆ*.

Нельзя согласиться съ Отфр. Мюллеромъ (Geschichte d. Griech. Litteratur. I, стр. 54), будто звуки форминга служили только прелюдией къ разсказу, будто разсказчикъ бралъ на формингъ, или китаръ¹⁾ нѣсколько вступительныхъ аккордовъ и затѣмъ реци-тировалъ свою повѣсть просто, безъ всякаго аккомпанимента. Мюллеръ опирался въ своихъ заключеніяхъ на примѣры сербскихъ народныхъ пѣвцовъ, которые до нашихъ дней пользуются простѣйшимъ струннымъ инструментомъ, *чурлоу*, именно въ томъ смыслѣ, какъ пользовались китарою, по мнѣнію нѣмецкаго ученаго, греческіе аэды. Кромѣ того, въ подтвержденіе своего мнѣнія, Мюллеръ указываетъ на такія выраженія, какъ *φορμίζων ἀνεβάρητο καλὸν αἰεῖδεν*, которыя обыкновенно переводятся: „игроу (или играя) на формингъ онъ началъ прекрасную пѣсню“. Но, во-первыхъ, есть въ гомеровыхъ поэмахъ нѣсколько мѣстъ, гдѣ поэтъ вмѣсто приведеннаго выраженія употребляетъ другое, очевидно не допускающее толкованія Мюллера и его послѣдователей, именно: *ἐμέλπето φορμίζων, πῶς ἢ играя на формингъ* (Ил. XVIII, 604. Од. IV, 17; XIII, 27). Во-вторыхъ, ни подлинное значеніе слова *ἀναβάλλομαι*, ни способъ употребленія его Гомеромъ ничуть не обязываютъ насъ представлять себѣ дѣло такъ, какъ оно казалось Мюллеру и другимъ нѣмецкимъ филологамъ. *Ἀναβάλλω*—бросаю вверхъ, *ἀναβάλλομαι* откидываюсь вверхъ, или откидываю назадъ голову, что обыкновенно дѣлаютъ пѣвцы при пѣніи для сообщенія гортани наиболѣе удобнаго положенія. Итакъ, *ἀνεβάρητο* можетъ быть точнѣе всего передано на нашъ языкъ словомъ *приготовлялся*. Слѣдовательно, аэдъ „приготовлялся пѣть играя на формингъ“. Такое пониманіе даннаго выраженія вовсе не исключаетъ аккомпанимента при дальнѣйшемъ исполненіи пѣсни и совершенно соотвѣтствуетъ тому способу исполненія народныхъ эпическихъ произведеній, очевидцемъ каковаго мы были на одномъ изъ засѣданій мѣстнаго отдѣла „Императорскаго Географическаго Общества“, въ томъ засѣданіи, когда однимъ изъ современныхъ бандуристовъ, извѣстнымъ Остапомъ Вересаевъ пропѣто было нѣсколько историческихъ думъ, пѣсенъ юмористическаго характера и другихъ. Приступая къ исполненію думы, бандуристъ беретъ предварительно на своемъ инструментѣ основную музыкальную фразу, исполняемую быстро, а затѣмъ весь речитативъ до конца пѣсни сопровождаетъ аккомпаниментомъ бандуры.

Единственно только такимъ, сопровождаемымъ музыкою исполненіемъ пѣсенъ, упоминаемыхъ Гомеромъ, оправдывается то тѣсное сочетаніе терминовъ музыки и пѣнія, то одинаковое ихъ положеніе, на которое мы указали выше, и которое не могло бы имѣть мѣста, еслибы игра на инструментѣ ограничивалась нѣсколькими предварительными

Пинд. ода Нем. XI, 7 *βρέμεσθαι* о звукахъ лиры. Срви. латин. *frangere*, русск. бить, чинить. См. Curtius: Grundz. d. Griechisch, Ethymol. 482—483.

¹⁾ Что *φόρμιγξ* не отличался ничѣмъ существеннымъ отъ *κίθαρς*, это видно изъ такихъ сочетаній какъ *κίθαριν φορμίζειν*, Од. I, 155, или еще болѣе: *κίθαριν φορμίζει*, Ил. XVIII, 570.

аккордами. Для оправданія защищаемаго здѣсь положенія нельзя не обратить вниманія еще на слѣдующее обстоятельство: какъ въ IV, такъ и въ VIII кн. *Одиссеи* звуки инструмента должны неизбѣжно сопровождать представленія фигляровъ и танецъ Феакійцевъ отъ начала до конца, а между тѣмъ и здѣсь мы находимъ у Гомера обычную вступительную форму рѣчи: *φορίζων ἀνερᾶλλον καλὸν αἰδέειν*¹⁾.

Итакъ, Фемія, Демодокъ, типическихъ пѣвцовъ на праздникѣ и пирѣхъ Агамемноновъ, Ахилловъ и прочихъ гомеровскихъ героевъ вѣрнѣе будетъ сравнивать съ малорусскими бандуристами, нежели съ сербскими гурлистами.

Но другіе ученые, признавая существованіе музыкальнаго аккомпанимента для короткихъ народныхъ пѣсенъ, какія свойственны первоначальному состоянію эпической поэзіи, отрицаютъ необходимость и умѣстность его для позднѣйшаго періода, когда эпическое творчество достигаетъ той высоты, на какой мы находимъ его въ поэмахъ Гомера; слѣдовательно Гомеръ и современные ему поэты, по мнѣнію этихъ ученыхъ, не обращались уже къ инструменту, исполняя свои произведенія простымъ речитативомъ, безъ музыки. Мнѣніе это основывается на свидѣтельствахъ древнихъ писателей, откуда и заключаютъ, что музыкальный аккомпаниментъ присоединенъ былъ къ декламации гомеровскихъ поэмъ сравнительно поздно и просуществовалъ недолго, причемъ называютъ Терпандра, лирическаго поэта VII вѣка до Р. Х., виновникомъ непривившагося нововведенія. Дѣйствительно о Терпандрѣ Плутархъ сообщаетъ: *Τέρπανδρον κιθαρῳδικὸν ποιητὴν ὄντα νόμων κατὰ νόμον ἑκαστον τοῖς ἑπεσι τοῖς ἑαυτοῦ καὶ τοῖς Ὀμήρου μέλη περιτιθέντα ᾄδειν ἐν τοῖς ἀγῶσιν* (Мουσ. III). Къ свидѣтельству Плутарха близко по смыслу стоитъ слѣдующее извѣстіе Тимохаха о Стезандрѣ, сохраненное Аэнеемъ (XIV, 638): *Τιμόμαχος δ' ἐν τοῖς Κυπριοῖς Στήσανδρον λέγει τὸν Σάμιον ἐπὶ πλείον αὐξῆσαι τὴν τέχνην καὶ πρῶτον ἐν Δελφοῖς κιθαρῳδῆσαι τὰς κατ' Ὀμήρου μάχας, ἀρξάμενον ἀπὸ τῆς Ὀδυσσεύας*.

Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что оба новатора, Терпандръ и Стезандръ, — современники, и что какъ реформа послѣдняго касалась, по словамъ Тимохаха, дельфійскихъ или пифійскихъ состязаній, такъ равно и нововведеніе Терпандра относилось, по всей вѣроятности, къ тому же народному празднику; вѣроятнѣе это тѣмъ, что, какъ извѣстно, Терпандръ трижды одерживалъ побѣду именно на дельфійскихъ празднествахъ. Такимъ образомъ, нѣтъ основанія понимать свидѣтельства Плутарха и Тимохаха въ томъ

¹⁾ Въ VIII кн. *Одиссеи* глашатай подаетъ Демодокѣ звучный формингъ, вокругъ пѣвца-музыканта располагаются юноши, искусные танцоры (*δαχίμονες ὀρχήζοντες*), ударяя ногами о божественную землю. Одиссей изумлялся быстротѣ движеній ногъ ихъ, а пѣвецъ, играя на формингѣ, приготовлялся пѣть о любви Арее и Афродиты. — Въ IV кн. божественный пѣвецъ играетъ на формингѣ, а два фигляра, лишь только началась музыка (*μολπὴς ἐξάρχοντος*), закружились въ серединѣ зрителей (*κατὰ μέσους*).

смыслъ, будто эпическія произведенія до временъ Терпандра и Стезандра исполнялись въ Элладѣ простымъ речитативомъ, будто бы только благодаря вліянію этихъ двухъ даровитыхъ личностей вошелъ на нѣкоторое время въ обычай музыкальный аккомпаниментъ; изъ приведенныхъ нами свидѣтельствъ можно скорѣе всего заключать о томъ, что Стезандръ былъ первый, который пользовался аккомпаниментомъ кнѣары при изложеніи поэмъ Гомера на *ионійскихъ играхъ*, что съ другой стороны Терпандръ положилъ эти поэмы на музыку поновъ, болѣе строгую, болѣе соответствовавшую требованіямъ его преимущественно спартанскихъ слушателей. Наконецъ, необходимо обратить вниманіе и на происхожденіе обоихъ артистовъ: оба они не доріане; Терпандръ родомъ изъ эолійскаго Лесба, а Стезандръ изъ іонійскаго Сама (Самоса); слѣдовательно реформа ихъ должна была имѣть значеніе распространенія господствовавшего среди ихъ соплеменниковъ способа исполненія съ музыкальнымъ аккомпаниментомъ и на мѣстности дорическія, т. е. на тѣ части Элады, населеніе которыхъ, менѣе одаренное въ эстетическомъ отношеніи, могло дѣйствительно обходиться безъ музыки, и народные поэты котораго могли быть простыми *сказителями* небольшихъ произведеній мѣстнаго эпическаго творчества, на подобіе извѣстнаго Щеголенка и другихъ великорусскихъ *сказителей* былинъ.

Однако мы знаемъ, что нововведеніе талантливыхъ пришельцевъ не принялось. Причина неудачи заключалась въ томъ, что ко времени ихъ эпосъ уступалъ мѣсто другимъ видамъ поэзіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и простая эпическая музыка должна была отступить передъ болѣе сложною и совершенною.

Впрочемъ при рѣшеніи настоящаго вопроса нельзя пройти молчаніемъ другихъ свидѣтельствъ древности, повидимому болѣе важныхъ и болѣе склоняющихъ вѣсы въ пользу господствующаго мнѣнія. Мы говоримъ о Платонѣ и Аристотелѣ. Нѣкоторыя выраженія этихъ философовъ показываютъ, что простая рецитация (*ψιλή λέξις*) считалась ими характеристическимъ признакомъ эпической поэзіи вообще. На стр. 278 Платонова *Федра* мы читаемъ: καὶ σύ τε ἐλθὼν φράζε Ασίδα, ὅτι νῶ καταβάντε εἰς τὸ Νυμφῶν νᾶμά τε καὶ Μουσέων ἤκούσαμεν λόγων, οἱ ἐπέστελλον λέγειν Ασίδα τε καὶ εἴ τις ἄλλος συντίθει λόγους, καὶ Ὀμήρῳ καὶ εἴ τις ἄλλος αὐ ποίησιν ψιλήν ἢ ἐν ᾧδῇ συντέθεικε κτλ., гдѣ Гомеру приписывается наравнѣ съ другими *ποίησις* *ψιλή* въ противоположность *ᾠδή*, *πῆς*. Точно въ томъ же смыслѣ выражается и Аристотель въ двухъ мѣстахъ своего трактата „О поэзіи“: ἡδὲ ἐποποιία μόνον τοῖς λόγοις ψιλοῖς ἢ τοῖς μέτροις χρωμένη (I); или: περὶ τοὺς λόγους δὲ καὶ τὴν ψιλομετρίαν (II).

Выше мы показали, что надлежащее пониманіе относящихся сюда мѣстъ *Иліады* и *Одиссеи* приводитъ къ несомнѣнному заключенію, что поэты предшествовавшаго Гомеру времени не обходились безъ музыкальнаго инструмента, что слѣдовательно аристотелево или Платоново опредѣленіе эпической поэзіи, какъ *ψιλή λέξις* или *ψιλομετρία* не можетъ

быть никакимъ образомъ принято для до-гомеровскаго періода, такъ какъ оно явно противорѣчитъ картинамъ увеселеній, рисуемымъ Гомеромъ.

Остается рѣшить, удобоприложимо-ли опредѣленіе философовъ къ самому Гомеру, и не принадлежитъ-ли оно къ числу многихъ ошибочныхъ представленій Эллиновъ о родной старинѣ.

Первоначальное назначеніе музыкальнаго аккомпанимента состоитъ въ томъ, чтобы помогать пѣнію, облегчать вокальное исполненіе; а потому болѣе значительные размѣры гомеровскихъ поэмъ сравнительно съ прежними народными пѣснями не могли быть достаточнымъ поводомъ къ устраненію аккомпанимента. Во-вторыхъ, эллинскій эпосъ достигъ у Гомера своего апогея, онъ одинъ безраздѣльно господствовалъ надъ умами и чувствами современниковъ поэта,—а потому онъ долженъ былъ выступать во всеоружіи своихъ средствъ, какъ выступили въ послѣдствіи лирика и драма. Извѣстно, что произведенія двухъ послѣднихъ видовъ поэзіи, неразрывно связанныя съ музыкою въ эпоху возникновенія и высшаго ихъ процвѣтанія, такъ что аттическая драма стояла ближе къ нашей оперѣ, чѣмъ къ простому драматическому представленію,—извѣстно, что эти самыя произведенія, равно какъ и позднѣйшія, назначались въ послѣдствіи для декламации, а еще позже, въ александрийскій и римскій періоды, для чтенія. Тоже самое должно было случиться и случилось на самомъ дѣлѣ съ поэзіею эпическою: когда Эллины начали спокойнѣе относиться къ прошлому, когда народныя эпопеи интересовали ихъ главнымъ образомъ своимъ содержаніемъ, а не художественнымъ исполненіемъ, когда, кромѣ того, выступили на сцену и разработаны были новыя разнообразныя музыкальныя мелодіи,—хоровая лирика Пиндара, хоры и мелодіи въ аттическихъ драмахъ,—тогда аэды-музыканты стѣснены были рапсодами. Понятна причина неудачи Терпандра, съ котораго и начинается быстрое развитіе тоническихъ искусствъ въ Элладѣ; попытка гениальнаго артиста была какъ бы послѣднимъ напраснымъ усиленіемъ поддержать въ слушателяхъ угасавшій интересъ къ болѣе простой мелодіи, оказавшейся безсильной сохранить прежнее положеніе.

Позднѣйшіе рапсоды, исполнявшіе эпическія произведенія и въ томъ числѣ поэмы Гомера простымъ речитативомъ, съ лавровою вѣтвью въ рукахъ, были настоящими виновниками распространеннаго въ древности, усвоеннаго между прочимъ и обоими великими философами, представленія о Гомерѣ, Гезіодѣ и вообще о древнѣйшихъ поэтахъ, какъ о такихъ пѣвцахъ, которые относительно исполненія ничѣмъ не отличались отъ позднѣйшихъ рапсодовъ, современниковъ Софокла, Платона, Перикла. Рапсоды возводили свою родословную къ признаннымъ творцамъ народнаго эпоса, считали себя преемниками ихъ въ дѣлѣ воспѣванія „славныхъ подвиговъ“ предковъ, унаслѣдовавшими отъ родоначальниковъ самую манеру исполненія. Такимъ образомъ въ этомъ случаѣ произошла довольно обыкновенная ошибка — распространеніе на мало извѣстную древ-

ность обычая современнаго, начало котораго терялось въ болѣе или менѣе отдаленномъ, неизвѣстномъ прошломъ. Къ тому же въ пользу господствовавшаго представленія о гомеровскомъ способѣ исполненія эпическихъ твореній свидѣтельствовало, по видимому, одно мѣсто въ „Θεογονίᾳ“ Гезіода, гдѣ музы, позывая автора въ званіе поэта, надѣляютъ его только лавровою вѣтвью: Ὡς ἔφασαν κοῦραι μέγ' αὖτις Διὸς ἀρτίεπειαι καὶ μοι σκῆπτρον ἔδον, δάφνης ἐρίδηλως ἕζον δρήψασθαι Σητόν (ст. 30). Ссылаясь на это мѣсто, Павзаніа находилъ историческую невѣрность въ статуѣ Гезіода, изображавшей поэта съ киварою въ рукахъ (IX, 30, 3). Съ своей стороны мы, принимая въ соображеніе все вышесказанное, скорѣе обязаны признать въ этой чертѣ статуи вѣрность традиціи со стороны художника, а не уклоненіе отъ истины. Что же касается стиховъ *Θεογονίᾳ*, то они свидѣлствуютъ только о томъ, что символомъ званія поэта, знакомъ близости его къ божеству служила вѣтка лавра, не исключавшая, разумѣется, употребленія поэтомъ аккомпанирующаго инструмента.

Итакъ возможно - правильное толкованіе свидѣтельствъ Плутарха и Тимохаха, обнаруженіе подлиннаго источника не совсѣмъ точныхъ выраженій Платона и Аристотеля, высокое состояніе эпической поэзіи у Гомера, наконецъ взглядъ самого поэта на себя, какъ на *τῷατα*, — все это достаточно убѣждаетъ, что глава эллинскихъ поэтовъ, тотъ Гомеръ, который въ „Божественной комедіи“ идетъ впереди прочихъ товарищей своихъ по профессіи, какъ законный вождь ихъ, что онъ излагалъ подвиги и приключенія ахейскихъ героевъ, на ширшествахъ современныхъ владыкъ, не простою мѣрною рѣчью, какъ мы читаемъ его поэмы въ настоящее время, но въ цѣломъ рядѣ пѣсень, облегчая трудъ исполненія игрою на формингѣ. Музыкальный инструментъ имѣлъ для Гомера такое же значеніе, какое для малорусскаго пѣвца имѣетъ бандура, по самой конструкціи приближающаяся къ древне-эллинской киварѣ: подыгрывая мелодію на струнахъ, Гомеръ помогалъ себѣ въ пѣніи; текстъ всегда преобладалъ надъ музыкою; при переходѣ отъ одной части къ другой, голосъ пѣвца останавливался для отдыха; въ такіе промежутки, дававшіе поэту возможность собраться съ мыслями, струны кивары звучали громче, музыка получала больше простора. Но могло случиться также, что для болѣе ясной и выразительности словъ пѣсни, для отдыха пальцевъ, пѣвецъ прекращалъ по временамъ музыкальный аккомпаниментъ, что мы наблюдаемъ и у малорусскихъ бандуристовъ; вскорѣ послѣ перерыва аэдъ снова обращался къ аккомпанименту, сопровождавшему такимъ способомъ пѣніе отъ начала до конца. То обстоятельство, что гомеровскія поэмы по объему и художественнымъ достоинствамъ — не малорусскія думы, что между тѣмъ какъ *Иліада* содержитъ въ себѣ 15,693 стиха, а *Одиссея* 12,110, длиннѣйшая изъ историческихъ малорусскихъ думъ, помѣщенныхъ въ I томѣ Записокъ Югозападнаго Отдѣла Императорскаго географическаго Общества имѣетъ всего 182 стиха, — это обстоятельство служить скорѣе къ подкрѣпленію нашей мысли, нежели къ опроверженію ея.

Впрочемъ согласно съ нашимъ мнѣніемъ высказывались иѣкоторые ученые еще въ древности. Такъ Хамелеонтъ и Гераклидъ изъ Понта, ученики Платона и Аристотеля, много занимавшіеся родною литературою и музыкою, утверждаютъ (Аѳен. XIV, 620), что пѣлись не только произведенія Гомера, но также Гезіода, Архилоха, Мимнерма и Фокилида. Кромѣ того, въ раннихъ произведеніяхъ эллинской поэзіи находятся черты, свидѣтельствующія въ пользу того же факта. Въ сохранившемся до нашего времени фрагментѣ стихотворенія „Марситъ“ (Μαρσίτης), которое Аристотель приписываетъ самому Гомеру (Περὶ ποιητικ. IV, 8), и которое во всякомъ случаѣ древнѣе ямбовъ Архилоха, пѣвецъ является съ *лирою* въ рукахъ, что указываетъ на существованіе аккомпанимента болѣе 100 или 200 лѣтъ спустя послѣ Гомера:

Ἦλθε τις εἰς Κολοφῶνα γέρον καὶ θεῖος ἀοιδὸς
Μουσάων θεράπων καὶ ἐκηβόλου Ἀπόλλωνος,
φίλης ἔχων ἐν χερσὶν εὐφρογγιον λύρην.

Въ одномъ изъ такъ - называемыхъ гомеровскихъ гимновъ къ Аполлону (XXI, 3) поэтъ обращается къ божеству съ слѣдующими словами:

σὲ δ' ἀοιδὸς ἔχων φόρμιγγα λίγειαυ
ἠδυσπῆς πρῶτόν τε καὶ ὕστατον αἰὲν αἰδεῖ.

Если аккомпаниментъ лиры, замѣнившей кифару, или формингъ, имѣлъ мѣсто при исполненіи эпическихъ стихотвореній еще въ VII вѣкѣ до Р. Х., когда возникла, какъ особый видъ, лирическая поэзія, то употребленіе музыкальнаго инструмента Гомеромъ и пѣвцами его школы должно стоять внѣ всякаго сомнѣнія.

До сихъ поръ, какъ замѣтили гг. слушатели, мы имѣли въ виду главнымъ образомъ родину гомеровскаго эпоса, Малую Азію съ прилегающими къ ней островами. Что касается различныхъ странъ материка Эллады, способовъ исполненія мѣстныхъ эпическихъ произведеній въ той или другой части европейскаго полуострова, то относительно ихъ необходимо ограничиться общими соображеніями. Нельзя не признать существованія начатковъ эпическаго творчества во всѣхъ углахъ Эллады, у всѣхъ представителей эллинскаго племени. Способы исполненія самобытныхъ народныхъ произведеній могли быть различны: тогда какъ въ однихъ мѣстностяхъ, преимущественно дорическихъ, выступали простые *сказители*, въ другихъ исполнителями были пѣвцы, аэды. Согласно съ этимъ, могли различно исполняться и гомеровскія поэмы, рано проникавшія на материкъ съ противоположнаго малоазійскаго побережья, пока наконецъ преобладаніе Іоніи въ эстетическомъ отношеніи надъ прочими народностями не заставило даже Доріанъ подчиниться хотя на нѣкоторое время манерѣ исполненія древнихъ іонійскихъ пѣвцовъ.

Какъ долго этотъ послѣдній способъ исполненія съ музыкальнымъ аккомпанимен-

томъ существовалъ въ каждой отдѣльной мѣстности, какъ поздно онъ замѣненъ былъ декламацией,—это зависѣло въ большой степени отъ того, на сколько удалена была каждая страна отъ центровъ эллинской культуры. Нововведенія проникали прежде всего въ центры просвѣщенія, въ большіе города, на публичные праздники и игры, тогда какъ въ мѣстахъ, лежавшихъ на периферіи эллинскаго міра, продолжали существовать еще долгое время прежде установившіеся способы исполненія: здѣсь населеніе долго еще довольствовалось поэзіею и музыкою отцовъ и дѣдовъ своихъ, удовлетворяясь и тою манерою исполненія, которая должна была давно потерять интересъ и прелесть для главныхъ пунктовъ исторической жизни.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О ЛИЦЕВЫХЪ ПСАЛТИРЯХЪ.

Рефератъ графа М. В. Толстого.

Псалтирь Давидова занимала, какъ извѣстно, важное мѣсто въ древне-христіанскомъ мірѣ, по непрестанному употребленію псалмовъ и въ общественномъ богослуженіи, и въ частной, домашней молитвѣ. У нашихъ благочестивыхъ предковъ псалтирь была настольною книгою всякаго грамотнаго человѣка. По ней русскіе люди учились читать и писать; въ ней находили назиданіе, благодареніе Богу въ радостяхъ жизни, утѣшеніе въ скорбяхъ и печаляхъ. Позднѣе, когда суевѣріе стало смущать умы, люди суевѣрные, по той-же священной книгѣ, искали проникать въ тайны будущаго, примѣняя тексты ея къ своимъ гаданіямъ.

Такое всеобъемлющее значеніе псалтири требовало значительнаго числа списковъ ея во времена, предшествовавшія книгопечатанію. Эти списки любимой священной книги богатые люди усердно украшали великолѣпными заставками, вычурными и затѣйливыми заглавными буквами. Наконецъ, стали украшать псалтирь миниатюрами въ текстѣ или на поляхъ, съ цѣлью объясненія псалмовъ посредствомъ изображеній. Такихъ псалтирей мы вовсе не находимъ въ числѣ греческихъ рукописей; у насъ на Руси онѣ появляются не позднѣе XIII вѣка и извѣстны подъ названіемъ „лицевыхъ псалтирей“. Впрочемъ, до нашего времени сохранилось весьма немного старинныхъ лицевыхъ псалтирей: пересмотрѣвъ нѣсколько сотъ рукописей въ главныхъ нашихъ книгохранилищахъ, я нашелъ не болѣе пяти лицевыхъ псалтирей. Изъ нихъ только двѣ харатейныя и обѣ принадлежатъ А. И. Хлудову.

Первая изъ нихъ—греческій палимпсестъ, т. е. рукопись, писанная поверхъ другой выскобленной рукописи на томъ же пергаменѣ. Первоначальная рукопись, сохранившаяся на концѣ, относится, по мнѣнію отца архимандрита Амфилохія, къ X, а написанная по

выскобленному пергамену къ XII в. Должно думать, что и при первомъ написаніи эта рукопись была также псалтирю, потому что отъ нея сохранилось нѣсколько превосходныхъ миниатюръ, соответствующихъ содержанію псалмовъ. Эти древнѣйшіе рисунки рѣзко отличаются красотою отъ миниатюръ XII в., нарисованныхъ по выскобленному пергамену.

Въ греческой псалтири библіотеки А. Н. Хлудова миниатюръ весьма много и всѣ онѣ на поляхъ рукописи. Лучшія, какъ мы уже сказали, принадлежатъ первоначальной рукописи: таковъ напримѣръ рисунокъ перехода Израильтянъ чрезъ Черное море съ Маріамью напередѣ. Замѣчательны: иконоборцы, поражающіе икону Христову (л. 67 об.), Спаситель, окруженный псами (19 об.), еретики съ высунутыми языками (70 об.), аспидъ глухій (56), старецъ (91 об.), на рѣкахъ вавилонскихъ; олицетворенія—моря (88 и 116), вѣтровъ (133), рѣкъ (41 и 75 об.), солнце въ двухъ (48 об.).

Другая церковно-славянская псалтирь библіотеки Хлудова прежде принадлежала Лобкову. Хотя годъ написанія не означенъ, но, судя по почерку и поразительному сходству заглавныхъ буквъ съ таковыми же въ псалтири Синодальной библіотеки 1296 года, можно съ достовѣрностію отнести эту рукопись къ концу XIII или началу XIV вѣка, какъ и сдѣлалъ это нашъ почтенный археологъ о. архимандритъ Амфилохій въ своемъ описаніи Хлудовской псалтири, помѣщенномъ въ III томѣ трудовъ Московскаго Археологическаго Общества.

Къ XV вѣку относится лицевая псалтирь Императорской Публичной Библіотеки, писанная на бумагѣ. Время написанія опредѣляется припискою на листахъ 371 об. и 372-мъ: Въ мѣсто сѣчѣ (1485) мѣсяца Априла на вскрѣніе христову написана бы сѣ псалтирь въ граде сугласе при благоуверномъ великомъ кнѣзѣ иванѣ васильевиче и при благоуверномъ кнѣзѣ андрѣе васильевиче и при архіепископѣ асаѣѣ многогрѣшною рѣкою раба бж҃а Феодора Климентіева сѣна Шаранова. Бумага очень плотная, большого формата; шрифтъ—крупный, красивый уставъ.

За тѣмъ слѣдуютъ двѣ лицевыя псалтири, писанныя въ послѣднихъ годахъ XVI вѣка, по заказу конюшаго боярина Дмитрія Ивановича Годунова и пожертвованныя имъ въ Кириловъ Бѣлозерскій монастырь и въ Троицкую Сергіеву Лавру. Теперь первая изъ нихъ находится въ Библіотекѣ Петербургской Духовной Академіи, куда поступила вмѣстѣ съ прочими Кириловскими рукописями, а послѣдняя перешла изъ Лаврской библіотеки въ собственность Московской Духовной Академіи. Наконецъ, къ лицевымъ псалтирямъ можно причислить: 1) Псалтирь XIV вѣка харатейную, прежде принадлежавшую Кириллову Новозерскому монастырю, („мѣсяца Кирила Бѣлого,“ какъ сказано въ послѣсловіи, а нынѣ находящуюся въ румянцовскомъ музеѣ, и 2) наложную псалтирь Троицкой Сергіевой Лавры. Эта послѣдняя (не рукопись, а старопечатная книга), изданная въ 1634 году по благословенію патріарха Іоасафа и данная въ домъ Живоначальной Троицы.

бывшимъ келаремъ старцемъ Симономъ Азарынымъ въ 7167 (1659) году, украшена на поляхъ множествомъ миниатюръ.

Исчисливъ, такимъ образомъ, бывшія у насъ передъ глазами иллюстрированныя псалтири, скажемъ нѣсколько словъ объ особенностяхъ рисунковъ въ каждой изъ нихъ.

Другая Русская Хлудовская псалтирь отличается необыкновенною красотою своихъ миниатюръ. Онѣ носятъ на себѣ чисто византійскій характеръ, хотя рисованы не грекомъ, а русскимъ художникомъ съ греческихъ образцовъ, что ясно видно изъ ошибокъ въ греческихъ подписяхъ надъ рисунками, (напримѣръ *προφήτης* вмѣсто *προφήτης*, *καὶ φῶς* вмѣсто *καὶ σταύρωσις*, *χρῆμα* вмѣсто *χαίρετα*, *παῖδες* вмѣсто *παῖδες*, *λογητός* вмѣсто *λογικός*, и проч.). Миниатюры помѣщены частію въ началѣ, или въ срединѣ текста псалмовъ, и служатъ для объясненія ихъ содержанія, частію-же при концѣ каѳизмъ, въ болѣе обширномъ размѣрѣ, занимая иногда по цѣлой страницѣ. Эти послѣднія заключаютъ въ себѣ исключительно исторію царя Давида. Особенно замѣчательны два большіе рисунка въ началѣ псалтири: на одномъ изъ нихъ изображено явленіе Спасителя, по воскресеніи его, двумъ Маріямъ. Лице Спасителя прекрасно и выразительно; волосы на головѣ темно-каштановые; борода небольшая. Въ вѣнцѣ вокругъ главы Его (какъ и на прочихъ рисункахъ тойже псалтири, нѣтъ буквъ О, Ω, Ν, но только три оконечности креста позади головы, какъ изображается вездѣ на греческихъ миниатюрахъ. Другой большой рисунокъ, на оборотѣ 1-го листа, представляетъ царя Давида, стоящаго на подножіи, въ вѣнцѣ съ подвѣсками и царской одеждѣ. Въ рукахъ его псалтирь, — трехструнный музыкальный инструментъ, и смычекъ. Надъ нимъ Св. Духъ въ видѣ голубя, сходящій съ облака, и подпись: „*ἀπὸ τοῦ οὐρανοῦ ἐκτείνῃς τὴν χεῖρα σου*“. По правую сторону Давида стоитъ сынъ его Соломонъ, также въ царскомъ одѣянніи; онъ держитъ въ рукахъ осмиструнный инструментъ въ родѣ арфы. Вокругъ и внизу нѣсколько хоровъ музыкантовъ съ трубами, флейтами, бубнами, гуслими и другими инструментами; надъ хоромъ съ лѣвой стороны надпись: „*ὁ οὐρανὸς ὡς ὕδωρ*“. Этотъ замѣчательный во многихъ отношеніяхъ рисунокъ превосходно скопированъ, по заказу А. И. Хлудова, въ хромофотографіи г. Гаврилова и приложенъ въ вышеупомянутой статьѣ о. архимандрита Амфилохія. Въ этой рукописи миниатюры такъ много, и всѣ онѣ (кромѣ стершихся отъ времени) такъ хороши, что весьма трудно сдѣлать изъ нихъ выборъ. Впрочемъ, укажемъ на нѣкоторыя, имѣющія особое значеніе, или послужившія образцомъ для позднѣйшихъ лицевыхъ псалтирей.

Такъ, послѣ окончанія 2-й каѳизмы (озаглавленной: въ конецъ о тайныхъ сына) изображено распятіе Господне. По правую сторону Спасителя, висящаго на крестѣ и уже умершаго, стоятъ Божія Матерь и Іоаннъ Богословъ; по лѣвую евангелистъ Логгіей съ воинами, указывая правою рукою на Распятаго. Подпись вверху: „*ἐκτείνῃς τὴν χεῖρα σου*“. Подлѣ слуга съ фонаремъ, надъ нимъ надпись: „*ἐκτείνῃς τὴν χεῖρα σου*“.

земли свѣтъ изжгоша.“ Подъ крестомъ орошается кровію Спасителя голова Адамова. Ниже ея, возстають изъ гробовъ почившіе праведники, простирая руки ко кресту: съ одной стороны Давидъ и Соломонъ, а съ другой „Каринъ и Лицонъ“, два сына Симеона Богопріимца.

Предъ 18 псалмомъ, (небеса повѣдаютъ славу Божию) въ крещальнѣ, подъ сѣнью, увѣнчанной четвероконечнымъ крестомъ, одинъ изъ апостоловъ, похожій на ап. Павла, держитъ руку на головѣ крещаемого, вошедшаго въ купель. Надпись сверху: „Апѣи оубо соути ѿеса, іако обнѣсаше хѣи и просвѣтише крещеньемъ цѣвниа языцка“.

При началѣ 28 псалма (принесите Господеву сынове Божіи) Іисусъ Христосъ, сидящій на тронѣ, благословляетъ двухъ апостоловъ, сходныхъ по виду съ Петромъ и Павломъ, на проповѣдь евангельскую. Надпись надъ миниатюрою: „прѣтѣио сказаетъ апѣи о ѿѣи оубо рѣи принесятъ цѣквиа языцка“.

Весьма красива миниатюра предъ 86 псалмомъ (основаніе его на горахъ святыхъ): Спаситель стоитъ на горѣ со свиткомъ въ лѣвой рукѣ, а правою благословляетъ именно подходящаго къ Нему снизу горы съ простертыми руками человека, надъ которымъ надпись: „іасаѣи“. По лѣвую сторону Спасителя—алтарь съ сѣнью, на верху которой водруженъ четвероконечный крестъ съ двумя якорными рогами. Надпись надъ рисункомъ: „хѣи на горѣи ексонѣи ѿтѣи ѿснованіе спѣиа цѣкваи“.

При псалмѣ 99 (надписаніе его — „во исповѣданіе“; начало: воскликните Богови вся земля) представлено нѣсколько молящихся въ воздѣтыми къ небу руками. Надпись: „вси рѣи чѣвци пойте къ“.

Въ миниатюрѣ предъ 129 псалмомъ (изъ глубины воззвахъ) праотецъ Адамъ выходитъ изъ мрачнаго вертепа, воздѣвая руки вверхъ. Надпись: „Гѣи първозданнаго изъ глубинныи“.

Предъ 136 псалмомъ (на рѣкахъ Вавилонскихъ, тамо сѣдохомъ и плакахомъ) изображены отроки въ горестномъ положеніи, на берегу рѣки; на деревѣ повѣшены два круглыхъ музыкальных инструмента. Надпись съ боку: „Еѣи ѿтроци изъ плѣти“.

Рисунокъ при 148 псалмѣ (хвалите Господа съ небесъ) замѣчательенъ по затѣливости: Іисусъ Христосъ, сидящій на престолѣ, благословляетъ правою рукою, а въ лѣвой держитъ евангеліе. Надъ нимъ солнце и луна, выше луны „ѿгнѣ“, выше огня „ѿды прѣвышнѣиа ѿеса“. По сторонамъ—ангелы, престолы, силы; ниже ихъ по лѣвую сторону „дрѣва, змисѣи“ и звѣри; надъ ними „ахѣи вѣурени“. На правой сторонѣ: „цѣтрѣи, горы, вси людѣи“, —и все это олицетворено.

Такимъ же обиліемъ олицетвореній отличается изображеніе Крещенія Господня, предъ 113 псалмомъ. Здѣсь Іоаннъ, держа въ лѣвой рукѣ посохъ съ четвероконечнымъ крестомъ, возлагаетъ правую на главу обнаженнаго Спасителя, стоящаго въ рѣкѣ. По лѣвую сторону ангелъ держитъ одежду; сзади его горы разсѣлись или раздвоились (по выраженію

псалма: выгнались), а внизу бѣжитъ море, олицетворенное въ видѣ уплывающаго чудовища, на которомъ сидитъ человѣкъ. Другое чудовище видно въ рѣкѣ подъ ногами Спасителя, сокрушившаго (по выраженію молитвы Богоявленскаго водоосвященія) главы змѣвъ, гнѣздящихся въ водѣ. Между Іисусомъ и Крестителемъ водруженъ четвероконечный крестъ со словами: ІС. ХС. Надписи надъ рисункомъ нѣтъ, но онъ соотвѣтствуетъ стихамъ псалма: „море видѣ и побѣже, Іорданъ возвратися вспять, горы выгнанахъ яко овни“ и проч.

Еще изящнѣе олицетвореніе утра при концѣ 4-й пѣсни, послѣ окончанія самой псалтири: старецъ пророкъ Ісаія воздѣваетъ руки къ небу; на право—вечерняя заря, олицетворенная въ человѣческой фигурѣ, поддерживаетъ край неба, представленнаго въ видѣ свитка. Другой край тогоже свитка поддерживается другою фигурою—зарей утреннею, съ солнцемъ въ правой, и горящимъ свѣтильникомъ въ лѣвой рукѣ. Эта послѣдняя фигура вся красная, и край неба начинаетъ краснѣть отъ свѣтильника. Сверху надписи: „Зора вечернаа. зора сутрынаа“.

Эта великолѣпная псалтирь писана въ предѣлахъ Новгородскихъ, что видно изъ частаго употребленія буквы „ц“ (напримѣръ „оцисти“ вмѣсто очисти). Здѣсь буква ч вездѣ замѣняется буквою „ц“, а если гдѣ написанъ ч, то непременно по выскобленной буквѣ „ц“.

Ближайшая къ Хлудовской, по времени написанія, харатейная псалтирь XIV в., Румянцевскаго Музея, о которой мы упомянули выше, не можетъ въ собственномъ смыслѣ назваться „лицевою“, потому что не заключаетъ въ себѣ множества миниатюръ, приспособленныхъ къ объясненію псалмовъ. Въ ней только четыре рисунка во весь листъ; они искусно написаны красками и по очертаніямъ значительно изящнѣе другихъ, современныхъ имъ миниатюръ (напримѣръ Синодальной Палеи тогоже времени), потому что они ближе къ византійскимъ образцамъ. Вотъ содержаніе этихъ рисунковъ: 1) передъ 3 кафизмою, Пс. 17, Давидъ стремительно обращается ко Христу, изображенному въ медальонѣ, выражая своимъ движеніемъ слова псалма: „Визмюмо тѣ ГИ“. 2) Передъ 9 каѳ., Пс. 66. народъ, предъ благословляющимъ изъ облака Спасителемъ, поетъ: „Бже сущедри ны“. 3) Передъ 13 каѳ. Пс. 91. Давидъ простираетъ руки къ Спасителю при текстѣ: „Бго ѿ исповѣдѣтисѣ Гви“. 4) Передъ 19 каѳ. Пс. 134. молящіеся старцы при текстѣ: „Хвалите имя Гне“.

Теперь перейдемъ къ Углицкой или Шараповской псалтири Императорской Публичной Библіотеки. Здѣсь многочисленные и разнообразные рисунки помѣщены болѣею частію на поляхъ рукописи и весьма рѣдко въ самыхъ столбцахъ текста. Они вырисованы отчетливо и хорошо сохранили яркость красокъ, но далеко не имѣютъ того изящества въ очертаніяхъ, какое видимъ въ миниатюрахъ Хлудовской псалтири.

Нѣсколько изъ нихъ отличаются своего рода затѣйливостію въ изобрѣтеніи. Такъ

напримѣръ при текстѣ псалма 38: „сокроуицуетъ и не вѣсть кому собираеть е“ представленъ старикъ, передъ которымъ слуга держитъ раскрытый мѣшокъ, наполненный золотомъ; ниже одинъ мальчикъ ведетъ коня, нагруженного такими же мѣшками, а другой тащить на спинѣ огромный тюкъ.

Рисунокъ къ тексту Псал. 91: „праздникъ аки финишъ процветсти“ изображаетъ нагаго старца, съ бородою до земли, окруженного фантастическими деревьями. Надъ головою его крестъ и надпись: „ΑΙΣΩΡΕ“.

При текстѣ Псал. 36: „видѣхъ нечестива превъзносящася“, нечестивецъ представленъ какимъ-то чародѣемъ свирѣпаго вида, съ змѣею въ одной рукѣ и продолговатымъ сосудомъ въ другой.

При словахъ: „приложиси скотомъ несмысленнымъ“ (Псал. 48) видимъ отрока, пасущаго свиней подлѣ тѣнью дерева; можетъ быть, художникъ хотѣлъ изобразить блуднаго сына изъ евангельской притчи.

Плачь Иудеевъ на рѣкахъ Вавилонскихъ, при псалмѣ 136, оказывается плохою копіею съ вышеописанной миниатюры Хлудовской рукописи, съ тою только разницею, что на деревьяхъ развѣшены вмѣсто струнныхъ инструментовъ круглой формы волынки и бубны.

Насажденіе винограда въ псалмѣ 106 олицетворено изображеніемъ старца, выжимающаго сокъ изъ виноградной листи; надъ нимъ надпись: „Нсс“.

При пѣснѣ Исаіи „оутренюеть духъ мой“ утро является въ видѣ младенца въ красной рубашкѣ, стоящаго съ поднятыми къ небу руками, между входомъ въ храмъ и пророкомъ, идущимъ на молитву.

Вообще Углицкая псалтирь отличается олицетвореніями стихій природы, согласно общепринятымъ типамъ, заимствованнымъ изъ византійскаго искусства.

Конечно, Углицкій миниатюристъ, рисуя солнце, луну, море, не имѣлъ въ виду Аполлона, Діану, Нептуна и прочей нечисти и пакости языческой, но изображалъ условные знаки, допущенные какъ символы въ область древне-христіанскихъ представлений.

Такъ солнце и луна изображаются, при псал. 135, въ видѣ человѣческихъ фигуръ, скачущихъ на животныхъ, которыя запряжены въ колесницы: это не олицетвореніе свѣтила, а какія-то божества, держащія свѣтила въ рукахъ. Море представляется въ видѣ бородатаго человѣка, сидящаго на морскомъ чудовищѣ (при словахъ псалма 103: „се море великое и пространное“). Для олицетворенія рѣки принята другая форма: синій юноша изъ синяго-же сосуда льетъ синій потокъ; (при псал. 41) иногда потокъ изливается двумя фигурами изъ двухъ сосудовъ (при псалмахъ 64, 77 и 79). А въ миниатюрѣ Брещенія Господня (согласно съ текстомъ псалма 113: „море видѣ и побѣже, Иорданъ възра- тися въспять“) и море и рѣка представлены въ видѣ символическихъ фигуръ: одна — бѣгущее море съ распростертыми руками; другая — отворотившійся Иорданъ, съ сосудомъ,

изъ котораго льется потокъ. Такое-же совокупное изображеніе моря въ видѣ мужеской фигуры верхомъ на чудовищѣ и вѣтра въ видѣ отрока находится при словахъ 106 псалма: „повелѣ бури и ста въ тишину“. Такою неизмѣнностію принятаго типа символъ существенно отличается отъ аллегорій, которая даетъ широкое поле вымыслу художника.

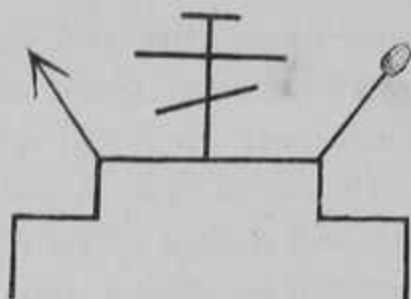
Впрочемъ извѣстно, что древне-христіанское искусство пользовалось и аллегорією, только не произвольно выдуманною художникомъ, а заимствованною изъ общеизвѣстной притчи. Углицкая псалтирь предлагаетъ намъ замѣчательнѣйшій образецъ такой аллегоріи, при псалмѣ 143, для объясненія текста: „члвкъ състѣ оуподобисѣ“.

Здѣсь видимъ большое дерево съ надписью „дерево ѣ житіе члвч“. На деревѣ чело-вѣкъ въ задумчивости; надъ нимъ подписано: „Онъ ѣ пѣисъ прѣлести міра ѣе прелмающихъ“. Между тѣмъ двѣ мыши—бѣлая, съ надписью „д-нь“ и черная—„ночь“ подрываютъ корень этого дерева, а у самого корня изъ зѣлющей пропасти смотритъ страшное чудовище съ разверстою пастью: оно готово пожрать несчастнаго, когда упадетъ дерево, непрестанно подгрызаемое. Недучная участь ожидаетъ и чело-вѣка, бѣгущаго подъ деревомъ: за нимъ гонится единорогъ, предъ нимъ пропасть съ чудовищемъ.

Эта притча была извѣстна нашимъ предкамъ изъ „исторіи о Варлаамѣ и Іоасафѣ“, откуда въ весьма-давнее время перешла въ прологи. Рассказывая притчу Іоасафу, Варлаамъ прибавляетъ еще одну черту, которой недостаетъ на рисункѣ: онъ говоритъ, что чело-вѣкъ, утвердившись на вѣтвяхъ дерева, увидѣлъ четыре головы аспидовы, а отъ вѣтвей капало немного меду. Эту притчу Варлаамъ объясняетъ ученику своему такъ: единорогъ—смерть, гонящаяся за чело-вѣкомъ; пропасть—міръ, исполненный золъ и сѣтей; дерево, за вѣтви котораго мы держимся, земная жизнь каждаго чело-вѣка; мыши—день и ночь; аспиды—четыре стихіи, изъ которыхъ составленъ чело-вѣкъ; чудовище или огнедышущій змій—утроба адская, а „медвяныя“ капли—сладость міра, изъ-за которой чело-вѣкъ нерадитъ о своемъ спасеніи. (Проф. Буслаева историческіе очерки русской народной словесности и искусства. Т. II. стр. 208).

Рисунки обѣихъ псалтирей, писанныхъ по заказу боярина Годунова, (Кирилловской и Троицкой) очевидно одного происхожденія и одной общей редакціи съ Углицкими, но замѣтно отличаются отъ послѣднихъ большимъ изяществомъ формы, что даетъ намъ понятіе о томъ, какъ наша старина, при неизмѣнности типа, старалась постепенно усовершенствовать и облагородить внѣшнія формы иконописнаго преданія. Если, напримѣръ, мы взглянемъ въ Троицкой псалтири на изображенія солнца и луны (при псалмѣ 135: „сѣнце во область днѣ“) или на изображенія рѣки въ видѣ двухъ античныхъ юношей, разливающихъ воду изъ кувшиновъ (при псал. 77: „рѣка Божія исполнися водъ“), и сравнимъ ихъ съ такими-же миниатюрами Углицкой псалтири, то ясно увидимъ, насколько Годуновскіе рисунки, по содержанію сходные съ Углицкими, отличны отъ нихъ по художественному

исполненію. Впрочемъ, нѣкоторые изъ Годуновскихъ рисунковъ отличаются самобытными очертаніями. Старецъ, согбенный надъ клюкою, выражаетъ собою слова псалма 89: „аще въ силахъ, 80 лѣтъ“. При псалмѣ 72: „языкъ ихъ преиде до земли“ видимъ двухъ чело-вѣкъ съ красными языками, вытянутыми до земли. Миниатюра воздвиженія креста (псал. 98: „Вознесите Гѣ Гѣ нашего“) представляетъ святителя, держащаго надъ головою семиконеч-ный крестъ съ коніемъ и губою.

Сверхъ того, въ миниатюрахъ этой рукописи помѣщено множество видовъ храмовъ одноглавыхъ, трехглавыхъ и пятиглавыхъ, палатъ, домовъ, башенъ и сѣней, увѣнчанныхъ крестами разныхъ формъ, иногда четвероконечными, а чаще осмиконечными.

Троицкая—Годуновская псалтирь имѣетъ также свои особенности въ рисункахъ. Здѣсь наиболѣе замѣчательны двѣ миниатюры съ западными костюмами: на одной изъ нихъ: (псал. 9 „убити неповиннаго“) чело-вѣкъ звѣрскаго вида, стриженный, съ обритою бородою, но съ длинными усами, замахивается дубиною на юношу. На другой два чело-вѣка, въ европейской средневѣковой одеждѣ, и въ шляпахъ съ перьями, искушаютъ старца, который защищается отъ нихъ молитвою: „отъ чуждыхъ пощади раба твоего“. Видно, что эти миниатюры принадлежатъ кисти художника, уже знакомаго съ западными образ-цами. Обѣ Годуновскія псалтири писаны въ Новгородскихъ предѣлахъ, какъ видно изъ особенностей мѣстнаго нарѣчія, сходныхъ съ Хлудовскою псалтирью; а извѣстно, что вліяніе западнаго искусства было сильно распространено въ Новгородскихъ и Псковскихъ мастерскихъ XVI вѣка.

Наконецъ, намъ остается сказать нѣсколько словъ о миниатюрахъ, украшающихъ поля старопечатной псалтири Симона Азарьина. Эти миниатюры частію рисованы черниломъ отъ руки, частію же оттиснуты по вырѣзкамъ или по наколотому контуру, что доказывается точнѣйшимъ сходствомъ при многократныхъ повтореніяхъ одного и тогоже рисунка (напримѣръ Рождества Христова, повтореннаго болѣе 20 разъ) или начатымъ рисункомъ (на л. 27), который испорченъ при оттискѣ, и потому остав-ленъ недоконченнымъ. Художникъ началъ было дѣлать краткія объясненія къ миниатю-рамъ, надписавъ сверху: „выписано изъ книги псалтири толковой Василия Великаго“; но на 5 псалмѣ эти объясненія прекратились.

О содержаніи миниатюръ псалтири С. Азарьина нужно замѣтить, что въ нихъ пре-

обладаютъ новозавѣтными событія, какъ-то: Рождество Христово, Воскресеніе съ Сомнѣніемъ Христа въ адъ, Распятіе Господне, Вознесеніе, Богоявленіе и проч., также таинства Крещенія и Евхаристіи. Каждое изъ этихъ изображеній повторяется многократно и большею частію безъ всякаго отношенія къ тексту псалмовъ.

Миніатюры вообще сдѣланы весьма искусно, съ сохраненіемъ строгаго византійскаго стиля. Нѣкоторыя изъ нихъ особенно замѣчательны по изобрѣтенію: такъ, при словахъ псалма 9 „хвалима естъ грѣшныи въ похотѣхъ дѣи своихъ“ представлены пирующие грѣшники, которыхъ бѣсы вытаскиваютъ изъ храмины крючьями; внизу два человѣка бесѣдуютъ, при наущивствѣ бѣсенятъ. При псал. 40. „Блаженъ разумѣвая на нища и убога“ Христосъ стоитъ сзади нищаго, получающаго милостыню. Въ числѣ разныхъ народовъ, при псал. 48: „оуслышите сія вси языцы“, въ числѣ ихъ красуются люди съ песьими головами (Кинокефалы). Въ миніатюрѣ Іудеевъ, отводимыхъ въ плѣнъ (псал. 77 „предастъ въ плѣнъ крѣпость ихъ“) враги похожи на татаръ. Исторія Іуды предателя представлена очень подробно на разныхъ рисункахъ: онъ получаетъ деньги, предаетъ Спасителя лобзаніемъ, бросаетъ сребреники, виситъ на деревѣ и низвергается въ адъ (при псалмахъ 85, 7, 48, 88 и 108). Животныя и явленія природы изображены подробно въ довольно крупныхъ миніатюрахъ при псалмахъ 8, 148, 134 и при пѣсни трехъ отроковъ. Въ миніатюрѣ Богоявленія (пс. 73: „стерлъ еси главы змѣемъ въ водѣ“) изображены подъ ногами крещаемаго Спасителя діаволъ и два змѣя, поражаемые ангелами. Другихъ замѣчательныхъ миніатюръ, для краткости, не описываю.

Изъ разсмотрѣнія рисунковъ, украшающихъ вышеописанныя псалтири, мы можемъ, кажется, вывести слѣдующія заключенія:

I. Византійское искусство и письменность, на сколько мы знаемъ по дошедшимъ до насъ рукописямъ, рѣдко украшали псалтирь миніатюрами, соответствующими смыслу псалмовъ.

II. Лицевыя псалтири Русскихъ мастеровъ и грамотѣевъ появляются не позднѣе XIII вѣка, и притомъ впервые въ Новгородской области, постепенно совершенствуясь подъ вліяніемъ западнаго искусства.

III. Миніатюры въ древнѣйшихъ спискахъ лицевыхъ псалтирей сопровождались объясненіями, какъ видимъ въ псалтири Хлудовской. Позднѣе—объясненій уже не видно.

IV. Въ древнѣйшихъ лицевыхъ псалтиряхъ большая часть миніатюръ посвящается лицу царя Давида. Такъ, въ Хлудовской псалтири всѣ большіе рисунки передъ началомъ каѳизмъ взяты изъ жизни Давида, и почти на половинѣ малыхъ миніатюръ изображенъ тотъ-же Давидъ въ разныхъ положеніяхъ. Въ псалтири харатейной Новоезерской царь—псалмопѣвецъ представленъ на всѣхъ четырехъ рисункахъ: на двухъ изъ нихъ онъ занимаетъ собою весь рисунокъ, и на двухъ является въ медальонѣ, вверху другихъ лицъ.

V. Въ лицевыхъ псалтиряхъ XV и XVI вѣка замѣтно увеличивается число изображеній иносказательныхъ и олицетвореній, а равно изображеній изъ новозавѣтной св. исторіи.

VI. Съ тѣмъ вмѣстѣ, въ позднѣйшихъ лицевыхъ псалтиряхъ усматривается менѣе соотвѣтствія между миниатюрами и содержаніемъ псалмовъ. Такъ напримѣръ въ Годуновской Троицкой псалтири фантастическія птицы (по надписи „павы“) не имѣютъ ничего общаго съ псал. 117, къ которому приложены. Въ миниатюрахъ псалтири Симона Азарыина можно указать весьма много такихъ, которые не имѣютъ ничего общаго съ текстомъ.

РУКОПИСЬ ПСАЛТИРИ XIV СТОЛѢТІЯ.

Рефератъ д-ра Скимборовича.

Habent sua fata libelli.

— Ovid. —

Графъ Толстой собралъ драгоцѣнныя свѣдѣнія о извѣстныхъ ему рукописяхъ псалтири. Пусть и я скажу нѣсколько словъ о рукописи, прекрасно писанной въ Кіевѣ, которая нынѣ находится въ Варшавѣ, въ библіотекѣ гр. Замойскихъ.

Еще въ 1861 г. занимающій почетное мѣсто въ ученомъ мірѣ Іосифъ-Игнатій Крашевскій напечаталъ въ Варшавскомъ журналѣ „*Польская Газета*“ (№ 151) очень любопытную статью, въ которой, между прочимъ, писалъ:

„На дняхъ, мы имѣли случай осмотрѣть одинъ изъ самыхъ древнихъ памятниковъ, если не самый древнѣйшій памятникъ славянской литературы, доселѣ *вовсе неизвѣстный* не только у насъ, но и за границу. Это—рукопись, которой мы должны отдать преимущество предъ другими и дать ей первое мѣсто между самыми замѣчательными памятниками славянской литературы. Рукопись эта заслуживаетъ вниманія, какъ по отношенію къ языку, такъ и по чрезвычайной важности для исторіи европейскаго и византійскаго искусствъ. Довольно сказать, что рукопись эта, начатая въ 1020 г. и оконченная въ 1095 г., есть псалтирь Давида, переведенная по приказанію перваго Кіевского епископа, всѣмъ извѣстнаго Михаила Гречина. Переводъ этотъ оконченъ былъ уже послѣ его смерти, что видно изъ слѣдующей надписи: „Лѣта 1095 списана бысть книга сія Давыда царя повелѣніемъ смиреннаго владыки Михаила, рукою грѣшнаго раба Спиридѣона протодіакона, а писана въ градѣ въ Кіевѣ“.

Въ № 166 той-же *Польской Газеты* редакторъ ея Крашевскій пишетъ: „Печатавъ извѣстіе о славянской псалтири, мы основывались на запискахъ извѣстнаго славнофила

и профессора бывшего Виленскаго университета Бобровскаго, который призналъ эту псалтирь памятникомъ XII вѣка⁴⁾, и проч.

Много я посвятилъ трудовъ, чтобы достать для фототипіи эту рѣдкую рукопись. Но каково было мое удивленіе, когда я увидѣлъ этотъ прославленный памятникъ письменности XI или XII столѣтія! Уже при первомъ на него взглядѣ весьма легко можно было отнести почеркъ книги не къ XI, а гораздо позже, къ началу XV или къ концу XIV вѣка.

Рукопись состоитъ изъ 229 страницъ, почти въ листъ небольшого формата (in fol. min.). Внутри книги позже вклеены двѣ страницы на простой бумагѣ; рукопись-же на пергаментѣ. Слѣдуетъ предполагать, что эта рукопись, доставшаяся въ 1518 г. въ руки Авраама Юсифовича Глебицкаго, подскарбія (казнохранителя) короля Сигизмунда I, для него-же была вновь отдана въ бархатный переплетъ и очень красиво обновлена, что и свидѣлствуетъ надпись, находящаяся внизу первой страницы:

„Сей рабъ Божій, нареченный въ священномъ крѣщеніи Іоаннъ, а нарѣкломъ Авраамъ Езофовичъ, подскарбій земскій Великаго княжества Литовскаго, короля его милости Жигимонта Казимировича, сію книгу глаголемую псалтиря съ дѣяніемъ, писанную золотомъ, киноваремъ и черниломъ, на паркоментѣ у дестъ (in-fol.), далъ есмь ее въ церковь св. великаго Христова Чудотворца Николы перенесенія (9-го мая) святыхъ честныхъ мощей его въ Богомъ спасаемымъ градѣ Вильнѣ, для спасенія душнаго и вѣчное память“ и проч.

Около текста, съ искусно раскрашенными и позолоченными буквами, на довольно широкихъ поляхъ рукописи, находится множество прекраснѣйшихъ и очень интересныхъ изображеній, иногда только аналогически связанныхъ съ самымъ текстомъ псалтири, какъ-то: изображенія Давида, Иисуса Христа, православныхъ святителей и разные символы, писанные сухими красками въ византійскомъ вкусѣ. Все это показываетъ, что живописецъ весьма тщательно и изящнѣе, нежели я видѣлъ въ другихъ подобныхъ рукописяхъ, (находящихся на нынѣшней археологической выставкѣ въ Кіевѣ) отдѣлывалъ всѣ упомянутыя украшенія. Въ греческомъ стилѣ здѣсь изображены: распятіе и нѣкоторые святыя. На одной изъ украшенныхъ такимъ образомъ страницъ находится трехъ-купольный Софійскій храмъ (въ Кіевѣ), поддерживаемый ангеломъ, помѣщеннымъ въ серединѣ. Въ другомъ мѣстѣ, на 2-хъ маленькихъ картинкахъ представлены на колоннѣ истуканы рыцарей, которыхъ остроконечные щиты обращены къ землѣ, и проч.

Мнѣ кажется, что иллюстрація писана позже, ибо всѣ украшенія соединены съ текстомъ только красною линейкою и очень легкими чертами около словъ псалтири. На первой страницѣ рукописи изображенъ не царь Давидъ, пишущій псалмы (какъ утверждалъ одинъ изъ профессоровъ Варшавскаго университета)¹⁾, а совѣтъ нечестивыхъ.

¹⁾ Профессоръ Славянскихъ языковъ въ 6. Главной школѣ Ив. Паплонскій въ статьѣ, печатанной въ *Варшавской газетѣ*.

Эта рукопись известна была П. И. Кеппену, который ее рассматривалъ въ Николаевской церкви въ Вильнѣ, гдѣ она въ то время хранилась, и который переписалъ изъ нея нѣсколько листовъ ¹⁾. Известна была и митрополиту Евгению, видѣвшему эту рукопись въ Кіевѣ. Въ письмахъ своихъ къ гр. Румянцову отъ 16 іюля и 10 сент. 1822 г. ²⁾ онъ говоритъ о ней слѣдующее:

„Иванъ Николаевичъ Лобойко привезъ мнѣ изъ Вильно для показу прекрасно сбереженный пергаментъ псалтири съ рисунками на краяхъ. Она писана въ Кіевѣ въ 1397 г. буквами большими совершенно сходными съ Остромировымъ евангеліемъ.... Совѣтовалъ я ему послать къ Востокову нѣсколько листовъ fac-simile для соображенія палеографическихъ замѣчаній“.

И въ другомъ мѣстѣ тотъ-же митрополитъ пишетъ: „на вопросъ в. сіятельства, кому принадлежитъ псалтирь, показываемая мнѣ профессоромъ Лобойкою, отвѣтствую, что она принадлежитъ Виленскому униатскому монастырю и продана быть не можетъ“.

Послѣ была она въ рукахъ другого профессора того же университета, Бобровскаго. Послѣ смерти его купилъ ее Владиславъ Трембицкій и оцѣнилъ въ 7,000 руб. Вмѣстѣ съ библіотекою покойнаго уже Трембицкаго купили псалтирь графы Замоискіе изъ Варшавы.

Хотя-бы мы въ упомянутой рукописи и не нашли никакого года, но по сербскому правописанію, введенному въ церковныя книги Кіевскимъ митрополитомъ Кипріаномъ (умершимъ 1409 г.), легко можемъ заключить, что рукопись псалтири относится къ концу XIV вѣка.

При дальнѣйшемъ изслѣдованіи Кіевско-Виленско-Варшавской рукописи, я нашелъ въ эпилогѣ къ псалмамъ не 1095 годъ, а 1397-й, на послѣдней-же страницѣ книги надписъ: „Въ лѣто 6905 списана въ книгѣ сі Давыда цѣла повелѣньемъ смиреннаго вѣры Михаила, роукою грѣшнаго раба Спиридона протодіакона, а писана въ градѣ въ Кіевѣ“.

Внизу этой надписи Крашевскій нашелъ будто-бы (какъ пишетъ) латинскій переводъ:

„Scriptum est hoc psalterium A^o ab incarnatione Dominica 1095 jussu Michaelis episcopi, Spiridione archidiacono, in urbe Kiovia“.

Но удивительнѣе всего, что униатскій священникъ и ординарный профессоръ университета Бобровскій, вмѣстѣ съ ученымъ библіографомъ Трембицкимъ, сдѣлали столь важныя ошибки. Послѣдній изъ нихъ пишетъ:

„К. Бобровскій, у котораго я купилъ эту рукопись, сказалъ, что столь древней и прекрасной рукописи онъ не видѣлъ не только у насъ, но и за границею. Въ Ватикан-“

¹⁾ См. Срезневскаго: Древніе памятники русскаго письма и языка—стр. 130 и 268.

²⁾ Переписка митрополита Евгения съ гр. Румянцевымъ. Вып. 2. Воронежъ 1870, стр. 58, 60.

ской библиотекѣ, между многими рукописями, которыя онъ (Бобровскій) описывалъ, самыя древнія не могутъ быть даже сравниваемы со столь прекрасною, какъ эта, рукописью 1096 г.“!?

Я велѣлъ сдѣлать 4 фотографическихъ снимка и отдать г. директору Публичной С.-петербургской библиотеки, тайному совѣтнику Делянову.

О НОВОНАЙДЕННЫХ СЕРЕБРЯНЫХ МОНЕТАХ СЪ ИМЕНЕМЪ ВЛАДИМИРА.

Рефератъ Вл. В. Антоновича.

Весною 1873 года въ селѣ Гвоздовѣ (въ 25 верстахъ SW отъ Кіева) одинъ изъ крестьянъ, распахивая первый разъ поле, находившееся до того съ незапамятныхъ временъ подъ лѣсомъ, нашелъ кладъ, небезынтересный для русской нумизматики. Кладъ этотъ состоялъ изъ слѣдующихъ предметовъ: 1) семи серебряныхъ гривенъ и 3 отрубковъ такихъ-же гривенъ: по вѣсу и формѣ экземпляры эти относятся къ типу Новгородскихъ гривенъ (каждая вѣситъ отъ 45 до 47 золотниковъ); 2) шести экземпляровъ мелкой серебряной ордынской монеты. По опредѣленію извѣстнаго спеціалиста по восточной нумизматикѣ, уважаемаго сочлена нашего съѣзда д-ра Блау (изъ Одессы), монеты эти распредѣляются слѣдующимъ образомъ: 4 экземпляра носятъ имя хана Гайать-Эддина, они чеканены въ Золотой Ордѣ 1330 года (христ. эры); 1 экземпляръ, съ именемъ Мухамедъ-хана, чеканенъ также въ Золотой Ордѣ 1359 года, и 1 экземпляръ, съ именемъ Мюридъ-хана, чеканенъ въ Гюлистанѣ 1364 года; 3) наконецъ, двѣ русскихъ монеты сохранили надписи славянскими буквами: колодимиръ. На эти послѣднія мы и желаемъ обратить вниманіе въ настоящемъ рефератѣ.

Указанныя монеты неизвѣстны понынѣ въ русской нумизматикѣ¹⁾; мы представляемъ здѣсь точный снимокъ съ нихъ въ натуральную величину²⁾:

¹⁾ Описание третьей подобной монеты помѣщено въ сочиненіи графа Э. Гуттенъ-Чапскаго, вышедшемъ годъ спустя послѣ 3-го археологич. съѣзда, въ одномъ изъ засѣданій котораго читанъ былъ настоящий рефератъ.

²⁾ Гвоздовскій кладъ приобрѣтенъ муницъ-кабинетомъ Университета Св. Владиміра, гдѣ и хранятся описываемыя монеты (№№ по каталогу: 7931 и 7932).

Желая опредѣлить мѣсто разсматриваемыхъ монетъ въ русской нумизматикѣ, я сличалъ типъ ихъ чекана со всѣми, извѣстными мнѣ, типами русскихъ монетъ и пришелъ къ заключенію, что онѣ должны быть отнесены къ ряду монетъ литовско-русскихъ XIV или начала XV столѣтія, т. е. къ числу тѣхъ монетъ, которыя чеканились въ великомъ княжествѣ Литовскомъ до введенія польскихъ монетныхъ типовъ (т. е. до 1417 г.). Мнѣніе это подтвердили многіе нумизматы-спеціалисты, внимательно разсматривавшіе наши монеты, въ томъ числѣ уважаемые сочлены нашего съѣзда: Ю. Б. Иверсенъ, Н. Н. Мурзакевичъ, Ф. К. Брунъ, Я. Я. Волошинскій и др. Обращаясь къ изученію литовскихъ монетъ указаннаго времени, мы встрѣчаемъ значительную трудность для точной ихъ группировки. Трудность эта состоитъ въ томъ, что монеты эти весьма рѣдки. Пересмотрѣвъ всѣ имѣвшіеся у меня источники, за исключеніемъ экземпляровъ сомнительныхъ и описаній, повторяющихся въ нѣсколькихъ изданіяхъ, я могъ изучить только 25 типовъ литовскихъ монетъ указаннаго времени¹⁾.

Сличая рисунки, помѣщенные какъ на лицевыхъ, такъ и на оборотныхъ сторонахъ этихъ 25 монетъ, я нашелъ на нихъ изображенія слѣдующихъ предметовъ:

Такъ называемыя колонны (kolumny, stiebas) или ворота	23 раза.
Литовскій всадникъ (pogoń)	8 разъ.
Различныя видоизмѣненія тамги	9 разъ.
Топоръ съ водруженнымъ въ него крестомъ (или trifolium)	3 раза.

Поверхность монеты оказалась неясною, совершенно истертою или представляла обратную сторону брактеата 7 разъ.

Оставивъ въ сторонѣ изображенія всадника и топора, какъ не имѣющія связи съ разсматриваемыми въ настоящемъ случаѣ монетами, мы сличимъ съ ними два другія изображенія.

Такъ-называемыя колонны представляютъ типъ самый постоянный и повторяющійся почти на всѣхъ литовскихъ монетахъ XIV столѣтія; не входя въ разсмотрѣніе значенія этого изображенія²⁾, мы сличимъ только его начертаніе съ изображеніемъ, помѣщеннымъ

¹⁾ При этомъ я пользовался слѣдующими источниками: 1) Czacki—O Litewskich i Polskich prawach. т. I, статья: O monecie Polskiej i Litewskiej. 2) Swidziński—O monecie chanów Kiepczaku, ze znamionami i nazwiskiem W. K. Litewskiego—въ сочиненіи Бартошевича „Pogląd na stosunki Polski z Turcją i Tatarami“. 3) Киркоръ—монетное дѣло въ Литвѣ—въ „Древностяхъ“, изд. Моск. Археол. общ. т. II. 4) Кене—Древнія Литовскія монеты—зап. Импер. арх. общ. т. V и VIII. 5) Гр. Е. Тышкевичъ—O kilku nowoodkrytych monetach na Litwie. Athenaeum 1845 г. 6) Наконецъ, я пользовался двумя экземплярами самыхъ монетъ, принадлежащими монетному кабинету универс. Св. Владиміра и г. Карлу Бейеру (въ Варшавѣ).

²⁾ О значеніи такъ-называемыхъ колоннъ высказаны были самыя разнорѣчивыя мнѣнія: повторяя сужденія старыхъ польскихъ геральдиковъ и литовскихъ анналистовъ, польскіе писа-

на лицевой сторонѣ разсматриваемыхъ монетъ: изображеніе колоннъ на извѣстныхъ поминѣ литовскихъ монетахъ встрѣчается не всегда въ одномъ видѣ, оно, съ теченіемъ времени, подвергалось различнымъ видоизмененіямъ, приставкамъ и сокращеніямъ; я представляю здѣсь рисунки различныхъ типовъ этого знака:

Рисунокъ, изображенный на ф. 1 встрѣчается чаще всего; по мнѣнію ученыхъ, занимавшихся литовскою нумизматикою (Кене, Киркоръ, Тышкевичъ и т. д.), монеты, отмѣченные такимъ знакомъ, относятся къ княженіямъ Гедимина и Кейстута. Къ одному времени съ ними, или, быть можетъ къ концу XIII столѣтія относится рисунокъ на брактѣ, описанномъ Чацкимъ (ф. 2); оба типа болѣе всего напоминаютъ рисунокъ воротъ. Позднѣйшія видоизмененія колоннъ, приведенныя на монетахъ, описанныхъ Свидзинскимъ подъ номерами 4, 7, 8 и 10 (ф. 4, 5 и 6), встрѣчаются совмѣстно съ именами князей Витовта и Казимира (вѣроятно Казимира-Скиргайла, а не Казимира-Ягайловича), и относятся, слѣдовательно, ко времени 1392—1417 г. Такимъ образомъ, то изображеніе, которое находимъ на разсматриваемыхъ нами монетахъ (ф. 3), по начертанію своему занимаетъ середину и составляетъ какъ-бы переходную форму между начертаніями первой половины XIV ст. и начертаніями конца этого столѣтія и начала XV в.

На оборотной сторонѣ нашихъ монетъ, внутри кружка, составленнаго изъ точекъ, находится изображеніе тамги, совершенно тождественное съ изображеніемъ тамги, на монетѣ, описанной Свидзинскимъ подъ № 4 и похожее на тамги, находящіяся на двухъ монетахъ, изображенныхъ имъ-же подъ заглавіемъ его статьи, при чемъ на одномъ экземпляръ Свидзинскаго тамга точно также окружена надписью имени Витовта, какъ на разсматриваемыхъ экземплярахъ она окружена надписью имени Владиміра.

Мы имѣемъ историческія основанія полагать, что ханы Золотой Орды считали себя въ правѣ въ XIV ст. выставлять свои клейма на нѣкоторыхъ литовско-русскихъ монетахъ. По свѣдѣніямъ западно-русскихъ хроникъ и русскихъ лѣтописныхъ сводовъ, желаніе избавиться отъ ханскаго клейма на монетахъ и замѣнить его своимъ клеймомъ составляло

тели: Нарбутъ, Бандзе, Тышкевичъ, Киркоръ, Свидзинскій и др. признаютъ въ нихъ фамиліный гербъ Гедимина. Даровскій (*Znaki pieczętne Ruskie*—Парижъ 1862) видитъ въ нихъ видоизмененіе славянской буквы ш. Кене высказываетъ самое правдоподобное, по моему мнѣнію, предположеніе, что колонны есть не что иное, какъ видоизмененіе герба Генуэзской Кафы, представлявшаго городскія ворота. Наконецъ, многія видоизмененія колоннъ и, въ томъ числѣ, и изображеніе, находящееся на разсматриваемыхъ монетахъ, Свидзинскій, Ю. В. Пвересень и др. признаютъ изображеніемъ церковнаго знамени.

главную побудительную причину похода Витовта противъ Орды въ 1399 г. Споръ за тамгу не могъ быть улаженъ переговорами съ Темиръ-Кутлукомъ и Эдигеемъ и заставить В. К. Литовскаго дать несчастную для него битву на берегахъ Ворсклы. Тамга ханская исчезла изъ Литовскихъ монетъ только послѣ нѣсколькихъ удачныхъ походовъ Витовта противъ Золотой Орды (1401—1407). Впрочемъ, и раньше указанного времени, ханская тамга появляется не на всѣхъ литовскихъ монетахъ (мы встрѣтили ее только на 9 экземплярахъ изъ 25); очевидно ханы могли претендовать на этотъ знакъ ленной зависимости не по отношенію ко всему В. княжеству Литовскому, а только по отношенію къ извѣстной его области, находившейся прежде въ зависимости отъ Орды—областью-же такою была территорія Киевскаго княженія. Вообще переходъ этого княженія подъ власть Литовскихъ князей совершенно не разъясненъ понятиемъ историческою критикою. Разсказъ поздняго литовско-русскаго хрониста XVI в. (лѣт. Быховца), заимствованный у него и дополненный Стрыйковскимъ, затѣмъ перешедшій къ компиляторамъ, пользовавшимся трудомъ Стрыйковского, разсказъ этотъ—повторяется неизмѣнно въ историческихъ сочиненіяхъ, хотя онъ не выдерживаетъ вовсе исторической критики¹⁾. Во всякомъ случаѣ переходъ Киева изъ зависимости хановъ подъ власть В. К. Литовскихъ совершился гораздо позже, чѣмъ обыкновенно полагаютъ и, вѣроятно, вначалѣ былъ неполный, ограниченный извѣстными условіями, прекратившимися лишь тогда, когда Витовду удалось окончательно одолѣть ордынскую силу въ началѣ XV столѣтія; одно изъ условій, сопряженныхъ съ уступкою Литовцамъ Киева въ XIV столѣтіи и состояло вѣроятно въ обязательствѣ сохранять на Киевской монетѣ ханскую тамгу, за которую Витовдъ и поднялъ споръ съ Эдигеемъ на берегахъ Ворсклы, въ 1399 году. Такимъ образомъ, сочетаніе тамги съ видоизмененными колоннами (воротами, знаменемъ), по моему мнѣнію служить указаніемъ, что данныя монеты чеканены были въ Киевѣ въ то время, когда Киевское княженіе, находясь уже подъ властью В. К. Литовскихъ, сохраняло еще нѣкоторые слѣды зависимости отъ хановъ Золотой Орды, т. е. между 1362 и 1407 годами.

¹⁾ На основаніи указанного разсказа установилось мнѣніе, будто Волынь и Киевское княженіе были покорены Гедиминовъ въ 1320—1321 г.; извѣстіе это опровергается цѣлымъ рядомъ другихъ, болѣе достовѣрныхъ указаній. По грамотамъ потомковъ Данила Романовича, сохранившимся въ Кенигсбергскомъ архивѣ, мы можемъ прослѣдить цѣлый рядъ независимыхъ русскихъ Волынскихъ князей до 1335 года, подписывавшихся: *Dux natus et dominus totius Russiae minoris* или *Dux totius Russiae, Galiziae et Lodomeriae*, выдававшихъ грамоты: *In civitate nostra capitali Wlodimiria*. По свидѣніямъ Воскресенской и Никоновской лѣтописей, въ 1332 г. (дѣло митрополита Феогноста съ Новгородцами) и Волынь и Киевъ лежали внѣ предѣловъ княжества Гедиминова, въ Киевѣ-же княжилъ сподручникъ Ордынскихъ баскаковъ—князь Федоръ. Наконецъ, Густинская лѣтопись сообщаетъ, что этотъ князь Федоръ былъ смѣщенъ Ольгердомъ только въ 1362 г. Вѣроятно, тогда только и установилось въ Киевѣ господство великихъ князей Литовскихъ.

Если форма начертанія колоннъ и присутствіе тамги на разсматриваемыхъ монетахъ указываютъ на вторую половину XIV ст. или начало XV, то, написанное на нихъ, имя Владиміра, не только не противурѣчитъ этимъ положеніямъ, но еще болѣе подтверждаетъ ихъ и точнѣе позволяетъ опредѣлять время, къ которому могутъ быть отнесены данныя монеты. По извѣстію Густинской лѣтописи, въ 1362 году „Ольгердъ, Кіевъ подѣ Теодоромъ княземъ взявъ, и посади въ немъ Володымера, сына своего“. Хотя о княженіи этого Ольгердовича до насъ дошло не много свѣдѣній, мы однако знаемъ, что онъ управлялъ Кіевомъ въ теченіи 30 лѣтъ. Въ Никоновской лѣтописи, подѣ 1385 годомъ, мы находимъ о немъ слѣдующее извѣстіе: „егда прииде Діонисій митрополитъ изъ Царяграда отъ патріарха, и пойма его князь Володымеръ Ольгердовичъ, Кіевскій, ввукъ Гедыминовъ, и сѣдѣ въ поиманье, дондеже и престависъ, и положенъ бысть въ Кіевской печерѣ“. Наконецъ, лѣтопись Быховца сообщаетъ подѣ 1392 годомъ, что „князю Володымеру Ольгердовичу, будучи въ Кіевѣ и не восхотѣвши покоры вчинити, чоломъ вдарити В. К. Витовду; князь-же Великій Витовдъ... вывелъ его съ Кіева и далъ ему Коньмы, а на Кіевѣ посади Скиргайла Ольгердовича“. Такимъ образомъ, по дошедшимъ до насъ свѣдѣніямъ, княженіе Владиміра Ольгердовича въ Кіевѣ обнимало время съ 1362 по 1392 г., къ которому мы и можемъ отнести монеты литовско-русскія съ именемъ этого князя.

Нѣкоторое отступленіе отъ извѣстныхъ типовъ литовско-русскихъ монетъ XIV столѣтія представляетъ то обстоятельство, что имя князя надписано славянскимъ шрифтомъ. На 12 литовскихъ монетахъ съ надписями, относящихся къ указанному выше времени, употребленъ постоянно латинскій шрифтъ; на нихъ читаются имена: Alexander (Витовдъ), Casimirus и Kjust; одна только монета, описанная Рейхелемъ, представляетъ исключеніе: Кене прочиталъ на ней, написанное славянскою вязью, слово *печатъ*; но, судя по рисунку, приведенному Киркоромъ, надпись не достаточно ясна, и притомъ монета представляетъ типъ, литовское происхожденіе котораго подлежитъ сомнѣнію. Такимъ образомъ, основываясь на извѣстныхъ нынѣ монетахъ литовскихъ, можно-бы полагать, что славянскій шрифтъ не употреблялся для чеканенныхъ на нихъ надписей. Не смотря однако на это обстоятельство, я полагаю, что употребленіе славянскаго шрифта на литовскихъ монетахъ, чеканенныхъ Кіевскими князьями Ольгердовичами, вполне умѣстно и естественно, если припомнимъ историческое значеніе въ жизни В. Княжества Литовскаго какъ самаго Владиміра Ольгердовича, такъ и его рода. О самомъ князѣ Владимірѣ мы знаемъ весьма немного фактовъ, но среди этихъ малочисленныхъ данныхъ, мы находимъ ясныя слѣды борьбы его съ Витовдомъ и тяготѣнія къ русскому міру. Лишь только Витовдъ сталъ во главѣ В. Княжества Литовскаго, онъ съ напряженною энергіею сбиваетъ и удаляетъ изъ удѣловъ тѣхъ князей—Гедыминовичей, около которыхъ группировалась русская партія. Витовдъ стремится къ созданію прочнаго единодержавнаго литовскаго государства и опирается для этой цѣли на литовско-жмудскій народный элементъ, встрѣ-

тивъ противудѣйствіе въ обрусѣлыхъ родичахъ, стоявшихъ за децентрализацію и за сохраненіе удѣльнаго порядка въ русскихъ областяхъ, онъ изгоняетъ одного за другимъ всѣхъ, болѣе выдающихся, представителей этого порядка. Первые удары Витовда и направляются на Владиміра Ольгердовича, который „не хотѣлъ покоры вчинити и челомъ ударити“. Въ первый годъ своего княженія Витовдъ смѣщаетъ его изъ Кіева и переводитъ въ ничтожный и отдаленный Копыльскій удѣлъ. Въ лѣтописи Быховца есть намекъ на то, что Владиміръ Ольгердовичъ уступилъ Кіевъ не безъ борьбы: когда въ 1455 году внуки Владиміра обратились къ Казимиру Ягайловичу съ требованіемъ предоставить имъ Кіевъ въ качествѣ отчины, то В. князь, отказавъ имъ въ удовлетвореніи и притомъ напомнивъ просителямъ, что „дѣдъ вашъ бѣгалъ въ Москву и тѣмъ пробѣгалъ отчину свою, Кіевъ“. Располагая большимъ количествомъ извѣстій, относящихся къ потомкамъ Владиміра Ольгердовича, мы постоянно можемъ указать ихъ во главѣ русской партіи въ борьбѣ съ партіею литовско-польскою. Таковы обѣ линіи его рода: князья Бѣльскіе и Олельковичи. Бѣльскіе, вслѣдствіе борьбы съ Казимиромъ Ягайловичемъ, принуждены выселиться въ В. К. Московское; одинъ изъ Олельковичей—Михаилъ, бывший кормленникъ Новгородскій, былъ казненъ въ Кіевѣ по приказанію Казимира, вслѣдствіе обвиненія въ заговорѣ противъ жизни В. князя; другой Олельковичъ—Симеонъ, извѣстный обновитель Кіево-печерской обители, выдвигается русскою партіею какъ кандидатъ на престолъ В. княжества Литовскаго въ то время, когда чины В. княжества, недовольные давленіемъ Поляковъ на Казимира Ягайловича, угрожаютъ ему удаленіемъ отъ престола и совершеннымъ отдѣленіемъ Литвы отъ Польши. Наконецъ, въ 1471 году польско-литовское правительство находитъ необходимымъ удалить Олельковичей изъ Кіева и обратить это княженіе, составлявшее опору Русской партіи, въ воеводство, которое и отдается въ управленіе воеводы „Ляха“ Мартына Гаштолда. Такимъ образомъ, вспомнивъ историческую роль Владиміра Ольгердовича и его потомства, ихъ преданность русскимъ интересамъ и значеніе Кіева, на который постоянно опиралась русская партія, мы не можемъ не признать совершенно естественнымъ употребленіе русскаго прирѣта на монетахъ, носящихъ имя главы, по преимуществу русскаго и православнаго, княжескаго рода Гедиминовичей.

Итакъ, приводя все сказанное о разсматриваемыхъ монетахъ къ общему итогу, мы находимъ, основанія полагать, что монеты были чеканены въ Кіевѣ въ княженіе Владиміра Ольгердовича, между 1364 и 1392 годами. Основанія эти состоятъ въ слѣдующихъ данныхъ:

На Кіевъ, какъ на мѣсто чеканки, указываютъ слѣдующія обстоятельства: 1) мѣсто находенія клада; 2) сочетаніе ханской тамги съ колоннами (воротами, знаменемъ?); 3) Славянскій прирѣтъ надписи; 4) имя Кіевского князя Владиміра.

Время чеканки (1364—1392 г.) определяется слѣдующими данными: 1) формою

колоннѣ, посредствующею между колоннами монетъ Гедымина и Кейстута съ одной стороны и монетъ Витовда и Казимира съ другой; 2) присутвіемъ ханской тамги; 3) именемъ князя, правившаго съ 1362 по 1392 и 4) совмѣстнымъ нахожденіемъ въ одномъ кладѣ съ ордынскими монетами 1330—1364 годовъ.

Откуда привозился красный шиферъ, встрѣчаемый какъ въ древнихъ храмахъ, такъ и въ другихъ памятникахъ Кіева.

Рефератъ Г. О. Оссовскаго.

Желая разрѣшить вопросъ, предложенный археологическимъ съѣздомъ, — „откуда привозился красный шиферъ, встрѣчаемый какъ въ древнихъ храмахъ, такъ и въ другихъ памятникахъ Кіева“, я считаю долгомъ, прежде всего, заявить вамъ, милостивые государи, о томъ, что мнѣ неизвѣстенъ ни одинъ письменный источникъ, могущій служить основаніемъ для сколько-нибудь опредѣленнаго разрѣшенія этого вопроса. Да и едва-ли таковой источникъ можетъ быть когда-либо быть открытымъ. Поэтому, для достиженія цѣли, я намѣренъ, для своихъ изслѣдованій, искать иной научной почвы, на которой бы можно было найти удовлетворительныя данныя, ведущія къ требуемымъ выводамъ. Почвою этою, въ настоящемъ случаѣ, можетъ, по моему мнѣнію, служить мѣстная геогнозія.

Если намъ съ достовѣрностью будетъ извѣстно мѣстонахожденіе искомыхъ геогностическихъ породъ и если опредѣлены будутъ съ точностью границы ихъ простиранія, то съ большою вѣроятностью можно заключать, что искомый матеріалъ взятъ съ той, а не съ другой мѣстности. На такомъ предположеніи имѣютъ быть основаны мои заключенія относительно мѣста добыванія разсматриваемаго строительнаго матеріала.

Обращаясь къ краснымъ шиферамъ памятниковъ Кіева, я долженъ, прежде всего, обратить ваше вниманіе на то, что шифера эти, находимые въ памятникахъ Кіева, встрѣчаются въ нихъ совмѣстно съ другою, весьма подобною имъ каменною породою, краснаго-же цвѣта, но не слоистаго, какъ они, сложенія. Эта вторая порода называется *кварцитомъ*. Въ порядкѣ геологическаго образованія, обѣ поименованныя породы, какъ шифера, такъ и кварциты, представляютъ собою одинъ общій членъ напластованій *девон-*

ской формации, въ которомъ шифера занимають нижній, а кварциты верхній этажъ напластованія. Замѣчу, между прочимъ, что нѣкоторые геологи относятъ періодъ образованія этихъ породъ къ болѣе древнимъ временамъ, чѣмъ періодъ образованія девонской формации. И самъ непрочь-бы согласиться съ этимъ мнѣніемъ; но пока вопросъ этотъ вполне еще не доказанъ и пока самое это предположеніе стоитъ на весьма шаткой еще почвѣ, то мы станемъ называть ихъ еще породами девонскими. Болѣе подробное изложеніе характеристичныхъ свойствъ этой формации повело-бы насъ въ область чисто геологическихъ изслѣдованій, не ведущихъ къ предположенной цѣли, не имѣющихъ связи съ археологическимъ интересомъ; поэтому, ограничиваясь этимъ краткимъ опредѣленіемъ формации, членомъ которой является разсматриваемый нами матеріалъ, обращаю вниманіе ваше, гг. сочлены, на то обстоятельство, что какъ въ памятникахъ Кіева, такъ и на мѣстѣ геологическаго порожденія, красный шиферъ является неразлучнымъ спутникомъ кварцита. Затѣмъ, перехожу къ обзору мѣсторожденій этихъ породъ.

Главными мѣстами развитія девонскихъ напластованій считаются, какъ извѣстно, графство Девонширское, въ Англіи, гдѣ породы эти впервые были открыты геологами и, по мѣсту открытія, формация получила названіе девонской; затѣмъ, берега Онежскаго озера у устья р. Шокши, гдѣ горная порода, ихъ образующая, названа шокшинскимъ камнемъ, и наконецъ, въ восточной Галиціи, устья р. Златой-Липы и прилегающія къ ней окрестности, пласты которыхъ описаны геологомъ Пунемъ.

Доказывать невозможность привозки красныхъ шиферовъ изъ упомянутыхъ мѣстъ въ Кіевъ было-бы лишне. Каждый пойметъ, что уже одно весьма далекое разстояніе каждаго изъ зацитированныхъ мѣстъ отъ Кіева дѣлаетъ почти невозможнымъ доставку этого матеріала изъ упомянутыхъ мѣстъ. Если еще принять во вниманіе состояніе путей сообщенія въ то время, когда строились Кіевскіе памятники, какъ-то — Золотыя ворота, церковь Припы, Софійская церковь и прочія современныя имъ постройки древности, и тогдашнія международныя отношенія, и размѣры тогдашней мѣновой торговли мѣстными продуктами, и множество другихъ затрудняющихъ условій, исчисленіе которыхъ лишне; то всякое предположеніе о возможности привозки шиферовъ изъ этихъ мѣстъ въ Кіевъ становится немыслимымъ. Конечно, въ настоящія времена можно-бы указать на нѣкоторые примѣры весьма далекаго переселенія этого матеріала. Между прочимъ, можемъ указать на то, что красные шифера Галиціи, изъ трембовельскихъ каменоломенъ, въ видѣ отшлифованныхъ плитъ, составляютъ полъ Рим.-кат. — кафедр. костела въ Житомирѣ, въ городѣ, недалеко уже отстоящемъ отъ Кіева, что изъ громаднаго цѣльнаго блока Олонекскихъ кварцитовъ сооруженъ саркофагъ гробницы Наполеона I въ парижскомъ домѣ инвалидовъ, что, наконецъ, въ храмѣ Хр. Спасителя въ Москвѣ олонекскіе кварциты употреблены, совмѣстно съ Кіево-Волынскими гиперитами, для внутренней орнаментики этого храма. Но приведенные нами примѣры, сами по себѣ немногочисленные, исключительны и при

томъ объясняются разными особыми условіями современнаго нашего быта. Трёмбовельскія каменоломни неизвѣстны были и не существовали вовсе во времена постройки Золотыхъ воротъ, и улучшенные нынѣ пути сообщенія облегчаютъ подвозъ этого громадскаго матеріала въ обдѣланныхъ только формахъ, болѣе удобныхъ для провоза, но не въ глыбахъ и не въ грубыхъ, необтесанныхъ плитахъ, какія встрѣчаемъ во всѣхъ Киевскихъ памятникахъ древности. Саркофагъ гробницы императора Французовъ существованіемъ своимъ обязанъ волѣ покойнаго императора Николая I, подарившаго на эту цѣль блокъ этого олонцакаго камня¹⁾. При постройкѣ же Московскаго храма проведена мысль употребленія строительнаго матеріала высшихъ достоинствъ и особенной красоты изъ разныхъ мѣстностей имперіи:—изъ природныхъ богатствъ обширнаго отечества воздвигнута эта святыня. Подобное явленіе можетъ приводиться въ исполненіе только въ современной жизни.

И такъ, при невѣроятной возможности привоза красныхъ шиферовъ изъ приведенныхъ нами мѣстностей, слѣдуетъ розыскивать другія, болѣе близкія Киеву мѣсторожденія этой породы, мѣсторожденія, откуда возможность ея добыванія и доставки въ Киевъ представилась бы болѣе удобною и вѣроятною. Эта мысль преслѣдовала меня и сдѣлалась главнымъ путеводителемъ при послѣдовавшихъ моихъ изысканіяхъ.

При осмотрѣ церкви св. Василія въ Озручѣ, я встрѣтилъ, какъ въ фундаментахъ, такъ и въ стѣнахъ этого древняго зданія, тѣже шифера и тѣже кварциты, которые видимъ въ Киевскихъ памятникахъ, но съ тою разницею, что тамъ они находятся въ большемъ и преобладающемъ количествѣ. Кромѣ того, многія другія древнія постройки Озруча изобилуютъ тѣмъ же матеріаломъ; затѣмъ, древнія и новыя кладбища богаты множествомъ гробницъ и надгробныхъ плитъ изъ того же матеріала. Обстоятельство это навело меня на мысль, что Озручъ долженъ находиться гораздо ближе къ мѣсторожденію описываемой породы, чѣмъ Киевъ. Дѣйствительно, послѣ непродолжительныхъ поисковъ я отыскалъ это мѣсторожденіе. Въ оврагахъ с. Здранекъ я открылъ обильное обнаженіе цѣлой формации, представляющей богатую картину ея напластованій, покоящихся въ по-

¹⁾ Не лишнимъ считаю при этомъ случаѣ упомянуть о томъ ошибочномъ мнѣніи, которое вкралось въ убѣжденіе парижанъ относительно рода камня, изъ котораго сдѣланъ саркофагъ. Парижане называютъ его *granit rouge antique de Finlande*. Ошибочное это мнѣніе вкоренилось не только въ убѣжденіе парижской публики, но вкралось и въ нѣкоторыя печатныя сочиненія, не скажу спеціальныя, но въ весьма популярныя, какъ напримѣръ гиды (*guides*) и т. п., которыя однако имѣютъ сильное вліяніе на распространеніе свѣдѣній въ массахъ неспеціальныхъ читателей. Въ видахъ исправленія этой ошибки, отмѣчаемъ здѣсь, что матеріалъ поминутаго саркофага не есть, какъ полагаютъ, красный античный гранитъ (*granit rouge antique*), но *красный кварцитъ*, и не изъ Финляндіи (гдѣ кварцитовъ вовсе нѣтъ), но изъ Олонцакаго губерніи.

рядѣ естественнаго ихъ образованія. Тутъ я нашелъ какъ шифера, такъ и сопровождающіе ихъ кварциты въ обнаженныхъ массахъ составляющими обрывистыя стѣны и дна многочисленныхъ глубокихъ овраговъ, изрѣзывающихъ окрестности с. Збранекъ и сосѣднихъ съ нимъ селеній. Открытіе это описано мною подробно въ статьѣ „*Норинская каменоломня*“ и вошло въ составъ изданнаго Волынск. губ. Стат. Комитетомъ моего сочиненія, озаглавленнаго „Геологическо-геогностическій очеркъ Волынской губерніи“. Послѣдовавшія затѣмъ мои геологическія изслѣдованія показали, что открытая мною формація занимаетъ своими напластованіями весьма длинное пространство срединной полосы Овручскаго уѣзда, простирающееся отъ западныхъ его границъ, прямо на востокъ, вплоть до окрестностей г. Овруча, и восточнѣе этого города появляется еще на поверхности земли въ с. Каменкѣ, на 15 верстъ восточнѣе Овруча лежащемъ. Результаты этихъ геологическихъ открытій, представляющихъ особенную важность для мѣстной геологіи, представлены мною были 3-му съѣзду русскихъ естествоиспытателей, а въ настоящее время желательно мнѣ обратить ваше, мм. гг., вниманіе на значеніе этого открытія въ примѣненіи къ вопросамъ мѣстной археологіи,—къ разрѣшенію даннаго вопроса. Недалекое положеніе Овруча отъ Кіева, отношенія этихъ городовъ въ древнія времена, извѣстныя изъ исторіи и перешедшія къ намъ въ существующихъ понынѣ легендахъ и преданіяхъ, сохранившихъ въ народной памяти до нашихъ дней имена Ольги, Игоря, Владиміра и проч., указываютъ на то, что во времена построекъ Кіевскихъ памятниковъ мѣстности эти находились между съ собою въ общеніи, достаточномъ для разпознаванія и заимствованія необходимыхъ и недостающихъ матеріаловъ, въ числѣ коихъ является не существующій въ Кіевѣ и въ его ближайшихъ окрестностяхъ каменный строительный матеріалъ. При такомъ съ одной стороны его недостаткѣ въ Кіевѣ и при обилии въ указанныхъ мѣстностяхъ, примыкающихъ на весьма недалекое отъ Кіева разстояніе, онъ могъ быть оттуда получаемъ. Тождественность же литологическихъ свойствъ породы, обнаруживающаяся сравненіемъ глыбъ кіевскихъ памятниковъ съ глыбами, взятыми на мѣстѣ рожденія, не позволяетъ сомнѣваться въ томъ, что красные шифера эти и кварциты отечествомъ своимъ имѣютъ указанныя мѣстности Овручскаго уѣзда.

Убѣдившись въ этомъ, остается намъ изслѣдовать и выяснить еще одну сторону вопроса, именно: были-ли эти шифера привозимы въ Кіевъ непосредственно изъ мѣста ихъ рожденія, или же могли быть доставляемы изъ другихъ, такъ сказать передаточныхъ пунктовъ, которые могли находиться еще ближе къ Кіеву? Не совершались-ли какіе-либо новѣйшіе геологическіе процессы, не существовали-ли естественныя явленія, могущія повліять на сближеніе этого матеріала къ городу, а тѣмъ самымъ облегчавшія его подвозъ?

Отвѣтъ на это найдемъ въ орографіи края.

Бросивъ самый общій взглядъ на орографическія условія мѣстности, мы прежде всего останавливаемъ свое вниманіе на томъ явленіи, что р. Припеть,—этотъ главный коллекторъ

водъ сѣверо-волинскаго и южно-литовскаго полѣсья, получившій начало свое въ СЗ. углу Волинской губерніи, течетъ оттуда прямо на востокъ и, дойдя до точки, противулежащей западнымъ границамъ Овручскаго уѣзда, продолжаетъ свое теченіе въ томъ же направленіи, параллельно указанной нами полосѣ мѣсторожденія шиферовъ. Съ окончаніемъ этой полосы, т. е. за чертою восточнаго простиранія нашей породы, рѣка эта, у г. Мозыря, дѣлаетъ поворотъ къ ЮВ. и въ этомъ новомъ направленіи, слѣдуя почти по прямой линіи на Кіевъ, достигаетъ Днѣпра. Изъ многочисленныхъ притоковъ этой рѣки для насъ особенно интересны два правые, южные ея притоки: р. Уборть и р. Ужъ, съ лѣвымъ притокомъ своимъ рѣчкою Жеревою. Особенно интересными я называю эти рѣки потому, что первая изъ нихъ прорѣзываетъ теченіемъ своимъ полосу мѣсторожденія нашей породы въ западной половинѣ ея территоріи, а послѣдняя съ своимъ притокомъ—восточныя ея окраины. Къ рѣкамъ этимъ сходятся многочисленные глубокіе и съ сильнымъ паденіемъ овраги и яры, пересекающіе всю мѣстность въ различныхъ направленіяхъ. Помянутые яры и овраги, какъ я уже замѣтилъ выше, имѣютъ стѣны и дна свои изъ каменныхъ массъ кварцитовъ и шиферовъ, коихъ поверхности изрѣзаны трещинами, образующими въ массахъ породы большія или меньшія отдѣльности,—большія или меньшія глыбы. Во время весеннихъ и осеннихъ половодій, а также во время сильныхъ ливней яры и овраги эти наполняются водами, стремящимися быстро по каменному ихъ ложу въ видѣ временныхъ горныхъ потоковъ. Можно наблюдать, какъ воды такіа въ этомъ быстромъ теченіи отрываютъ ослабѣвшія глыбы камня и, внося ихъ въ русло свое, исподоволь придвигаютъ къ русламъ тѣхъ рѣкъ—Уборти, Жерева или Ужа,—къ которымъ онѣ сходятся. Такой же процессъ продолжается дальше по ложамъ самыхъ уже рѣкъ. Волны сихъ послѣднихъ, получаемый изъ овраговъ матеріалъ умноживъ глыбами, оторванными собственнымъ теченіемъ, передвигаютъ его дальше, къ руслу и берегамъ Припечи. Съ волнами послѣдней рѣки каменные глыбы спускаются къ Днѣпру, въ ближайшія къ Кіеву окрестности.

Замѣтивъ этотъ геологическій процессъ, если перенесемъ мысленно въ тѣ геологическія времена, когда горизонтъ Днѣпровскаго бассейна былъ выше нынѣшняго, когда, какъ многіе полагаютъ, водяной путь могъ соединять Балтійское море съ Чернымъ, то поймемъ, что нештуническіе дѣятеля могли тогда съ большею силою и гораздо успѣшнѣе вліять на переселеніе кварцитовыхъ глыбъ и шиферныхъ плитъ изъ мѣста ихъ рожденія въ сосѣднія Кіеву мѣста. Такимъ и тѣмъ подобнымъ дѣйствіямъ приписать слѣдуетъ то явленіе, что на поверхности всего сѣвернаго угла Радомысльскаго уѣзда и на побережьяхъ р. Днѣпра встрѣчаемъ и нынѣ разномѣстно раскинутыя наносныя глыбы какъ кварцитовъ, такъ и шиферовъ, совмѣстно съ глыбами разнородныхъ гранитовъ такого же наноснаго происхожденія. Сколько мнѣ извѣстно, въ послѣднія времена собираютъ еще эти камни въ сказанной мѣстности для ремонтірованія кіево-московскаго шоссе. Между

Кіевомъ и Броварами, въ кучахъ приготовленнаго на эту цѣль каменнаго матеріала, я отличалъ весьма много кварцитовъ; по берегамъ Днѣпра я наблюдалъ на всемъ побережьи рѣки, вплоть до Трахтемирова, много такихъ же наносныхъ глыбъ.

Изъ всего сказаннаго мною, въ разрѣшеніе предложеннаго съѣздомъ вопроса, дѣлаю слѣдующіе выводы:

1. Какъ красные шифера, такъ и кварциты, находимые въ древнихъ памятникахъ Кіева, по мѣсторожденію своему происходятъ изъ Овручскаго уѣзда, гдѣ составляютъ собою одинъ и тотъ же членъ напластованій древнихъ геологическихъ осадковъ.

2. Привозимы они могли быть какъ изъ мѣста самыхъ логовищъ, такъ и изъ мѣстностей, нѣсколько сѣвернѣе Кіева лежащихъ, у побережья Днѣпра, между этимъ городомъ и устьемъ р. Припяти, а также и изъ сѣвернаго угла Радомысльскаго уѣзда, гдѣ они и въ настоящее время находятся въ видѣ наносныхъ валуновъ, осѣвшихъ на песчаныхъ равнинахъ подъ вліяніемъ нештучическихъ дѣятелей, переселившихъ туда глыбы этихъ породъ изъ ихъ отечества, — Овручскаго уѣзда¹⁾.

И такъ видимъ, что естественный процессъ способствовалъ тому, чтобы облегчить Кіевлянамъ обладаніе разсматриваемымъ строительнымъ матеріаломъ. Процессъ этотъ совершался въ нашей мѣстности тихо, медленно, въ теченіи весьма длиннаго новѣйшаго геологическаго періода, безъ особыхъ переворотовъ или катастрофъ. Если перенесемъ нашъ взоръ на другія мѣстности Европы, то невольно приходитъ воспоминаніе о подобной, но болѣе грандіозной геологической картинѣ ледниковой эпохи, въ которую Европа стала засѣяна эрратами. Какъ тамъ на сплотившейся холодной постели ледниковыхъ массъ неслись громадные, оторванные отъ лона горныхъ хребтовъ сѣвера обломки Скандинавскихъ скалъ на югъ и осаживались на равнинахъ Германіи и въ ущеліяхъ Альповъ, какъ неизгладимые памятники переворота: такъ тутъ болѣе тихимъ, но постояннымъ движеніемъ туземцы Овручанъ и Древлянъ, переселяемые волнами новѣйшихъ геологическихъ водъ, приближались въ Ю.В. направленіи къ Кіеву воплотиться въ историческихъ памятникахъ этой древней столицы, вмѣстѣ съ ея мѣстнымъ матеріаломъ, въ одно цѣлое, какъ бы предвѣстники имѣвшаго послѣдовать въ будущемъ сплоченія исторической судьбы самыхъ народовъ, заселившихъ ихъ отечества.

¹⁾ Къ такимъ же переселенцамъ изъ Овручскаго и частью изъ Житомирскаго уѣздовъ слѣдуетъ отнести и всѣ прочія каменные глыбы, состоящія преимущественно изъ различныхъ гранитовъ, которые вмѣстѣ съ шиферами и кварцитами составляютъ каменный строительный матеріалъ всѣхъ древнихъ Кіевскихъ построекъ.

О ТОПОГРАФИЧЕСКОМЪ СЛОВАРѢ ВСѢХЪ СЛАВЯНСКИХЪ ЗЕМЕЛЬ.

Рефератъ **Мартина Коляра.**

Позвольте, мм. гг., обратить ваше вниманіе на важность и необходимость топографическаго словаря, который бы содержалъ въ себѣ не только имена мѣстностей, но также и имена горъ, ручьевъ, рѣкъ и озеръ во всѣхъ славянскихъ земляхъ и притомъ и въ тѣхъ областяхъ, гдѣ нѣкогда нашъ языкъ господствовалъ, но уже давно умолкъ. Исполнить этотъ трудъ будетъ тѣмъ удобнѣе, чѣмъ больше мы найдемъ пособій въ топографическихъ, хорографическихъ и въ историческихъ изслѣдованіяхъ о частныхъ мѣстностяхъ и земляхъ славянскихъ. Сборники актовъ, регесты и лѣтописи по всѣмъ землямъ, гдѣ нынѣ живутъ и нѣкогда жили Славяне, должны будутъ служить пособіями для этого монументальнаго труда. Необычайному трудолюбію и гениальности Шафарика мы обязаны первымъ образцомъ исторіи всѣхъ славянскихъ народовъ: намъ настоятъ священная обязанность дополнить топографическую часть его произведенія.

Начнемъ съ вопроса, какъ надлежитъ повести изданіе нашего словаря.

Отдѣльныя статьи должны слѣдовать одна за другою въ алфавитномъ порядкѣ: въ началѣ каждой должны быть изложены всѣ свѣдѣнія географическія, а затѣмъ историческія, и преимущественно первое указаніе лѣтописей, замѣчательнѣйшія событія, основаніе церквей и монастырей, извѣстныя соименныя фамиліи, происходяція изъ той или другой мѣстности, и памятники старины, — какъ то: курганы, могилы, древніе валы, городища и т. п.; наконецъ должно быть указано происхожденіе всякаго новаго названія мѣстности. При этомъ должна быть соблюдаема особенная осторожность съ устраненіемъ всякихъ необоснованныхъ положеній.

Теперь посмотримъ, какое значеніе для славянскаго міра могло бы имѣть такое литературное предпріятіе и укажемъ, какія науки могли бы отъ него выиграть.

1) Что касается географіи, то Русскіе, которые вообще признаются лучшими географами въ Европѣ, наиболѣе сумѣютъ оцѣнить выгоды, какія могли бы произойти отъ нашего словаря для географіи. Довольно трехъ примѣровъ, чтобы показать, какъ знаніе именъ мѣстностей, находящихся у истоковъ ручьевъ и рѣкъ, можетъ способствовать къ разъясненію ихъ нынѣшнихъ названій. Рѣка Лучна, имѣющая истокъ выше города Лютомышля и впадающая въ Лабу, называлась нѣкогда по древнимъ документамъ Трестеницею по имени селенія выше Лютомышля того же имени; рѣка Хрудимка, которая рядомъ съ Лучною течетъ въ Лабу, называлась Каменицею по селенію того же имени. У самого города Табора есть большой прудъ, называемый Іорданомъ, въ который впадаетъ ручей Боротинскій и потомъ изъ пруда вытекаетъ въ рѣку Лужницу; настоящее имя этого ручья есть Тисменица — по такъ называемому Тисовому двору у города Тисебницы.

2) Славянская филологія также получила бы немало пользы отъ нашего труда. Имена городовъ и селеній часто сохраняютъ намъ формы языка, восходящія до древнѣйшей эпохи славянскаго языка. Носовая буква сохранилась у насъ въ Чехахъ въ именахъ селеній: Сендражици, недалеко отъ Кралева Градца, Вендолы (Удолы) около Свитавы; далѣе есть селеніе Рамбузы въ Таборскомъ округѣ; кромѣ него Робузы въ Тичинскомъ, Крека Углава въ Пильзенскомъ окр. по нѣмцки называются Ангель (Angel), каковое древнее измѣненіе тоже удержало носовую. Согласная *л*, которая въ русскомъ языкѣ встрѣчается въ концѣ словъ: Переяславль, Екатеринославль, въ польскомъ на концѣ слова Трембовля, сохранилась и у насъ въ имени селенія Drhovel въ Пильзенскомъ окр. и въ имени города Litovel въ Моравіи. Достойны вниманія также измѣненія согласныхъ и цѣлыхъ слоговъ въ нашихъ названіяхъ мѣстностей. Селеніе Zlúčina у города Беруна нѣкогда называлось Kdycina, селеніе Zběšice, недалеко отъ Табора, — Kděšice, Poděvusy около Клятова — Podeúsy, Úholice около Праги — Hohlolice, Cimice около Граконика — Stiniravesce. Во всѣхъ этихъ случаяхъ славянскаго филолога долженъ сопровождать историкъ, иначе онъ легко заблудился бы въ нашихъ селищахъ. Наконецъ приведу два примѣра, чтобы показать, какая требуется осторожность при объясненіи именъ славянскихъ мѣстностей. Около города Клятова есть селеніе, называемое Ves Pravovíce, котораго дѣйствительное имя есть Bespravovíce или Bespremovíce отъ собственнаго имени Беспрема, отца Собегерда, предка графовъ Черниновъ изъ Худеницъ, упомянутого около 1212 г. Въ округѣ Бенешовскомъ недалеко отъ Праги есть мѣстечко Václavice, и никто не подумалъ бы, что это названіе есть искаженное изъ имени Vladislavice, главнаго города древней жупы.

3) Для историка и археолога названія мѣстностей, хорошо объясненныхъ, суть какъ бы окаменѣлые первоначальные документы о почвѣ, поселеніи, первоначальной культурѣ, образѣ жизни, религіи, правахъ и обычаяхъ и разселеніи нашихъ предковъ.

Названія мѣстностей: Хлумъ, Каменець, Ждаръ ¹⁾, Хвойно, Бжезина, Дубрава, Водняны, Блата, Слатина, указываютъ, какова была первоначальная почва и мѣстность тамъ, гдѣ теперь стоятъ города и селенія тѣхъ же наименованій, указываютъ свойство и особенности почвы обозначенной этими названіями, уже измѣнившейся. Также есть много и такихъ именъ, изъ которыхъ узнаемъ первые поселенія славянскихъ поселенцевъ, каковы Сѣчь, Просѣчь, Мыты ²⁾, Порубы, Полерады, Сушаны и т. п.

Въ отношеніи къ исторіи культуры Славянъ весьма важно то, что по именамъ мѣстностей мы можемъ знать образъ жизни и ремесла нашихъ предковъ. Въ селеніи по имени Щитари дѣлали щиты, въ Дегтяряхъ — деготь, въ Бечваряхъ — бочки ³⁾; въ Коваряхъ жили кузнецы, въ Ратаяхъ — землепашцы, въ Жерносѣкахъ выѣкали жернова. Нѣкоторыя имена мѣстностей произведены отъ именъ животныхъ, которыхъ держали Славяне; сюда относятся: Волари, Кравари, Свинари, Овчари, Кобыльники, Конепасы, Кокоско, Вчельницы ⁴⁾. Многія другія названія напоминаютъ деревья и растенія, воздѣлываемыя Славянами. Вспомнимъ только о безчисленныхъ производныхъ отъ священной Славянамъ липы; къ нимъ присоединяются: Яблонець, Грушованы, Вишнева, Винари, Хмѣльна. Многія другія названія происходятъ отъ растеній: Житне, Грахолуски ⁵⁾, Маготрусы, Рены и под.

Указавъ по именамъ мѣстностей образъ жизни и занятія нашихъ предковъ, обратимъ вниманіе на то, сколько свѣдѣній можетъ дать намъ топографическій словарь всѣхъ славянскихъ земель о религіи, нравахъ и обычаяхъ нашихъ праотцевъ. Въ названіяхъ Бѣлбожице, Лелево, Велесовъ, Муранъ, Туровець, Бесно, предъ нами воскресаютъ имена нашихъ древнихъ языческихъ боговъ: Бѣлбогъ, Лель, Велесъ, Морена, Туръ и Бѣсъ; имя селенія Святоборъ напоминаетъ намъ о древнемъ богослуженіи въ рощахъ и лѣсахъ; рѣчка Смутна недалеко отъ Табора такъ называется отъ могилъ, расположенныхъ по обоимъ берегамъ ея; названія Желеницы и Могиальницы — того же происхожденія.

Физическія свойства нашихъ предковъ указываются въ названіяхъ: Гологлавы, Космоносы ⁶⁾, Всестары, Всехромы, Сивоглавы; частныя обстоятельство и случаи дали поводъ къ насмѣшливымъ прозвищамъ, какія встрѣчаемъ въ названіяхъ: Глупоглавы, Короглоды, Котонези, Каливоды, Всетати и подобныхъ. Отъ нравовъ и обычаевъ происходятъ названія мѣстностей: Всегорды, Всехланы, Любосвары, Семилы, Стискалы, Страдали, Домажилицы.

¹⁾ Ždar — гранитъ.

²⁾ Mýt — заѣвка, застава.

³⁾ Bečvar — бочарь, bečka — бочка.

⁴⁾ Wčela — пчела, wčelnik — пчеловодъ.

⁵⁾ Hrach — горохъ.

⁶⁾ Kosmo — криво, косо.

Особенность Чехіи и Моравіи, которой кромѣ Венгріи нигдѣ не встрѣчаемъ, — это названія мѣстностей, производныя отъ корня *strehu—strici* (стерегу—стеречь): Стражъ, Страговъ, Стражице, Стражовицы, Стражицы, Стражна Кона и т. п. Такія названія встрѣчаемъ не только на границахъ Чешской земли, но и на границахъ отдѣльных жупъ внутри страны, такъ что почти каждое большое поселеніе, каждый жупный городъ нѣкогда имѣлъ свою стражу, свой сторожевой пунктъ. Названія эти—остатки того времени, когда нужда требовала зоркой бдительности отъ жителей страны, которые каждую минуту должны были опасаться непріятельскихъ набѣговъ.

До сихъ поръ я не говорилъ о томъ, какъ важны для культурной исторіи Славянъ мѣстныя названія, произведенныя отъ собственныхъ именъ: я позволилъ себѣ сказать объ этомъ въ концѣ своего сообщенія, потому что отсюда мы получаемъ наиболѣе свѣта относительно исторіи отдѣльныхъ славянскихъ племенъ. Прежде всего мы должны установить существенное различіе между названіями, принадлежащими ко времени христіанства, какъ Павловичи, Петровичи, Яновичи, Мартиничи, и между названіями, начало которыхъ восходитъ ко времени болѣе раннему, каковы: Хрудимъ, Куримъ, Болеславъ, Литомеричи, Гораздовичи, Страконичи: различіе это много поможетъ намъ къ опредѣленію древности мѣстностей, когда нѣтъ никакихъ документовъ и никакой исторіи. Этимологія здѣсь дополняетъ исторію и учитъ насъ тому, что въ названіяхъ мѣстностей: Премысляне, Незамысличи, Мнетичи, Воиничи, Гостивичи, мы сохранили имена своихъ древнихъ вождей: Премысла, Незамысла, Мнаты, Воина и Гостивита; въ именахъ Казинъ, Тетинъ, Любушинъ и Кроковъ или Краковъ, народъ нашъ еще почитаетъ Крока своего судю и отца трехъ мудрыхъ дочерей: Казы, Теты и Любуши.

Было бы слишкомъ обширно говорить о происхожденіи всѣхъ названій мѣстностей, напоминающихъ намъ нашихъ государей, королей и князей: каждый изъ насъ—Русскій, Полякъ, Сербъ, Чехъ найдетъ очень большое количество такихъ названій въ предѣлахъ своего отечества. Въ заключеніе своего сообщенія я обращаюсь къ предмету, который мнѣ представляется наиболѣе важнымъ и котораго до сихъ поръ мало касались — къ топографическимъ параллелямъ и къ тому значенію, какое имѣютъ въ славянскомъ мірѣ одноименныя селенія, произведенныя отъ собственныхъ именъ.

Въ этомъ отношеніи я тщательно изслѣдовалъ Чешскую землю и достигъ замѣчательныхъ результатовъ. Тождественныя названія поселеній могутъ ясно показать, какимъ путемъ шла славянская колонизація Чешской земли. Положеніе этой страны, со всѣхъ сторонъ окруженной горами и потому отдѣленной отъ другихъ странъ, весьма много помогло мнѣ въ моихъ изысканіяхъ. Возьмите топографическую карту Чехіи и обратите вниманіе на видныя одноименныя мѣстности и ихъ положеніе: вы найдете, что тѣ же названія селеній, какія находятся въ нижнемъ и среднемъ теченіи нашихъ рѣкъ, повторяются, преимущественно въ западной и южной Чехіи, и въ верхнемъ теченіи у истока

и верховьевъ тѣхъ же рѣкъ. Какаѣ причины этого? Владѣтельные роды Чешской земли, размножившись въ поселеніяхъ, основанныхъ на нижнемъ и среднемъ теченіи рѣкъ, уходили съ своею дружиною вверхъ противъ теченія и заселяли окраины по близости пограничнаго лѣса. На рѣкѣ Мжѣ въ нижнемъ переднемъ теченіи находятся селенія: Кижица, Словица, Свинна, Святой Крестъ, Буковецъ, Оплоты, и такія же одноименныя поселенія повторяются на верхнемъ теченіи Мжи, въ особенности на рѣкѣ Радбузѣ, которая находится между передними притоками Мжи. Владѣтельный родъ Витковичей, изъ которыхъ особенно прославилась фамилія гг. изъ Розенберга (rapů z Rozenberga) переселилъ южныхъ Чеховъ и далъ новымъ поселеніямъ названія, встрѣчающіяся около Табора и Будеёвичъ, каковы: Буровско, Вздѣтовъ, Гузна, Звиковъ, Годоничи. Такую колонизацію, о которой говоримъ, можемъ также слѣдить въ древней Греціи и найдемъ много одноименныхъ мѣстностей въ Малой Азіи, Фракіи и Европейской Греціи.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда нѣтъ историческихъ доказательствъ, что одноименныя поселенія основаны переселенцами, вышедшими изъ мѣстностей того же имени, я останавливаюсь на названіяхъ мѣстностей производныхъ отъ именъ собственныхъ, оставляя въ сторонѣ топическія (произведенныя отъ свойства почвы) имена мѣстностей, потому что одинаковыя свойства почвы могутъ также служить причиною одноименныхъ поселеній. И въ отношеніи къ мѣстностямъ, названія которыхъ происходятъ отъ именъ собственныхъ, я ограничиваюсь тѣми именами лицъ, которые имѣютъ чисто-славянское происхожденіе.

На сѣверѣ и на сѣверо-востокѣ Чехіи найдете цѣлыя группы мѣстностей, имена которыхъ нигдѣ въ Чехіи не повторяются, какъ только на югѣ этой страны. Это покажутъ намъ нѣсколько очень ясныхъ примѣровъ. Между городами Чешскимъ Дубомъ и Турновомъ (въ сѣверо-западной части Чехіи) есть селенія Гастиборичи, Собеславичи, Боржовичи и Подаровичи, которыя всѣ четыре находятся у Табора въ южной Чехіи и въ такомъ видѣ: Собеславъ, Властиборъ, Боржовичи и Подаровъ; селенія Радваповичи и Гроховичи около Турнова найдете также около города Mladé Vožice, отстоящаго въ трехъ часахъ отъ Табора; тоже самое обстоятельство имѣетъ мѣсто и относительно селеній Rašovice и Radhostovice около того же Mladé Vožice и около города Костельца выше Орлицъ въ сѣверо-восточной Чехіи. Подобнымъ образомъ селенія Годзовичи и Богданецъ найдете и около Турнова и около Кутныхъ Горъ.

Приведенные до сихъ поръ примѣры группъ одноименныхъ мѣстностей относятся къ восточной части Чехіи; теперь приведемъ нѣсколько подобныхъ же примѣровъ изъ Чехіи западной. Въ Хабаровицкомъ округѣ на сѣверѣ земли Чешской находите селенія Стрежовъ и Божтѣшичи, которыя также находятся недалеко отъ Баварской границы въ округѣ Клятовскомъ; селенія Лестковичи и Турна около города Лѣска (Lísku) въ южной Чехіи напоминаютъ намъ городъ Турновъ и селеніе Лестковъ (Lestkow) въ сѣверовосточной

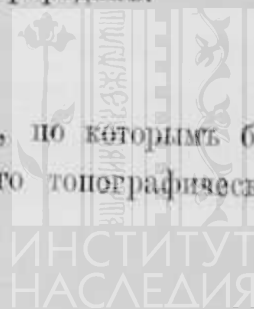
Чехіи; названіе города по имени Нетоличи къ югу отъ Лѣска съ близкимъ къ нему селеніемъ по имени Звиретичи я могу вамъ указать также въ сѣверовосточной части Чехіи между городами Баковымъ и Сobotкою. Есть также одноименныя группы мѣстностей въ восточной и западной Чехіи.

Изъ всѣхъ этихъ примѣровъ группъ одноименныхъ мѣстностей, я полагаю, довольно ясно видно, что значительная и даже наибольшая часть Славянъ, переселявшихся въ землю Чешскую, подвигалась въ свое новое отечество отъ сѣвера и сѣверовостока.

Вы, мм. гг., сопровождали меня въ моихъ разностороннихъ путешествіяхъ по Чехіи; теперь я, въ свою очередь, долженъ отправиться къ вамъ, въ восточныя славянскія земли и показать, что Славяне всюду держались того же правила при заселеніи новыхъ мѣстностей. Уже Шафарикъ въ своихъ „Древностяхъ“, тамъ, гдѣ говоритъ о частныхъ жупахъ Славянъ, указываетъ мѣстности, которыя своимъ названіемъ напоминаютъ древнія племена, какъ напр. Дудлебы въ Галиціи, въ Чехіи и у южныхъ Славянъ, Хорватцы въ Чехіи и т. п. У мѣня не много топографическихъ параллелей внѣ границъ моего отечества, но тѣмъ не менѣе могу назвать нѣкоторыя случайно собранныя. Около Беруна, города въ Чехіи, находятся три селенія: Чеховичи, Присѣдничи и Бдичина: эти названія, сгруппированныя не въ далекомъ разстояніи одно отъ другого, повторяются въ Галиціи въ Саночскомъ округѣ; около города Писка есть селенія Судомиръ и Радомысль,—имена, повторяющіяся въ названіяхъ города Сandomira на Вислѣ въ Русской Польнѣ и города Радомысля на рѣкѣ Санѣ недалеко отъ ея впаденія въ Вислу. Около древняго главнаго города Польши Крушвицы на Гонельскомъ озерѣ находятся мѣстечки Рогово и Витково: и на югѣ Сербіи также найдете одноименныя селенія Крушевацъ (Крушевица), Роговчица и Витково не въ дальнемъ разстояніи одно отъ другого, что тѣмъ болѣе замѣчательно, что недалеко отъ Черногоріи также была жупа, по имени Крушевица.

Чтобы показать важность топографическихъ параллелей въ исторіи Славянъ, я приведу историческій фактъ, относящійся еще къ 1038 году. Болеславъ, князь Чешскій, въ этомъ году овладѣлъ городомъ и крѣпостью Гдечемъ въ Великой Польнѣ (мѣстность эту теперь называютъ Гичь) и переселилъ его жителей въ Чехію, гдѣ и назначилъ имъ Чермный лѣсъ около Беруна. Эти поселенцы заняли лѣсъ и построили тамъ мѣстечко Лоховичи и селеніе Гедчаны, въ названіи которыхъ и до сихъ поръ звучитъ имя ихъ древняго родного города. Подобное воспоминаніе о древней славянской родинѣ живетъ у насъ въ близкомъ сосѣдствѣ древнихъ жупъ Волынской и Дублебской, въ каковомъ сосѣдствѣ, по Нестору, жили Волыняне и Дублебы и въ славянской прародинѣ.

Я вкратцѣ представилъ вамъ, мм. гг., причины и основанія, по которымъ было бы желательно, чтобы предпринято было составленіе всеславянскаго топографическаго

словаря, и думаю, что въ принципѣ никто не захочетъ спорить противъ этого дѣла. Знаю, что съ нимъ соединены большія трудности, знаю, что потребується цѣлый сонмъ и соборъ ученыхъ для его выполненія, знаю также, что въ нѣкоторыхъ славянскихъ земляхъ нѣтъ еще такихъ пособій, за которыя можно было бы взяться, какъ за готовый матеріалъ для нашего труда: но все это не удержало меня отъ намѣренія предложить вамъ краткое слово о необходимости и важности этого труда. Если пока нельзя приступить къ изданію всеобщаго славянскаго топографическаго словаря, то пусть каждый изъ насъ, Русскій, Полякъ, Сербъ, Чехъ, трудится по части систематической топографіи своей страны или области, имѣя въ виду ту цѣль, чтобы изъ частныхъ подготовительныхъ работъ и сочиненій могъ создаться — какъ изъ чистыхъ притоковъ свѣтлый и прозрачный потокъ — достойный памятникъ народа могущественнаго, даже могущественнѣйшаго въ Европѣ — народа Славянскаго.

ЯНЪ ЛАСИЦКІЙ И ЕГО СОЧИНЕНІЕ: DE DIIS SAMOGITARUM.

Рефератъ А. Ө. Мѣржинскаго.

Тщательно и критически разсмотрѣвъ сочиненія, излагающія Литовскую мифологию, мы пришли къ полному убѣжденію, что эта наука находится въ весьма жалкомъ состояніи. Намъ необходимо оставить эти сочиненія въ сторонѣ и обратиться прямо къ источникамъ и въ нихъ искать настоящихъ свѣдѣній, не изуродованныхъ ложной ученостію. Но источники литовской мифологіи въ настоящее время стали чрезвычайно шатки¹⁾, особенно же разсужденіе Ласицкаго, извѣстное въ литературѣ подъ заглавіемъ: *De diis Samogitarum*. Ученые и не ученые мифологи ссылаются на него, а знаменитый Якобъ Гриммъ не колебался напечатать отрывокъ изъ него съ рекомендательными словами: „die, für die kenntniss der litauischen mythologie höchst schätzbaren, nachrichten des Johann Lasicz etc.“. Получивъ послѣ многочисленныхъ розысковъ изъ Петербургской библіотеки вѣрную копію этого сочиненія, изданія Грассера (1615 года), я сравнилъ текстъ ея съ отрывкомъ перепечатаннымъ въ обоихъ Эльзевирскихъ изданіяхъ и съ текстомъ полученнаго мною послѣ Мангардова изданія²⁾. Подробно разсмотрѣвъ этотъ источникъ, я сдѣлалъ критическія замѣчанія о его достоинствѣ и помѣстилъ ихъ въ *Анналахъ Краковскаго ученаго общества*³⁾. Этотъ трудъ былъ первымъ опытомъ на поприщѣ критики источниковъ литовской мифологіи. Если я относительно нѣкоторыхъ объясненій и перемѣнилъ въ настоящее время свое мнѣніе, о чемъ отчасти упомяну впослѣдствіи, во всякомъ случаѣ, лицу себя надеждою, что общій результатъ выдержитъ и самую строгую критику.

При изученіи сочиненія Ласицкаго легко замѣтить, что оно состоитъ изъ четырехъ главныхъ частей, принадлежащихъ различнымъ авторамъ.

Первая или вступительная часть, заключающая въ себѣ описаніе Жмуди и нравовъ ея жителей, есть по большей части выписка изъ сочиненій Мѣховиты (Длугоша), Гва-

гнина и Михайлона, на которыхъ онъ и ссылается. Къ заимствованнымъ у нихъ свѣдѣніямъ онъ присоединяетъ и свои собственные примѣчанія. На этой части мы не будемъ останавливаться, такъ какъ она для настоящаго реферата имѣетъ только второстепенное значеніе⁴⁾.

Вторая часть составляетъ настоящее содержаніе диссертациі; о ней, какъ главной, обширнѣе поговоримъ въ концѣ; теперь же займемся остальными, менѣе важными частями.

Въ третьей части мы читаемъ его нападки на честь, отдаваемую святымъ, которыхъ авторъ называетъ *dii falsorum Christianorum*. По мнѣнію Гримма часть эту авторъ составилъ уже послѣ окончанія своего труда, потому что незамѣтна связь между ней и предшествующею частью; Мангардъ замѣчаетъ также, что эта часть не имѣетъ никакой связи съ предыдущею⁵⁾. На сколько это мнѣніе основательно, мы узнаемъ ниже.

Четвертая часть вся перепечатана изъ разсужденія Яна Малецкаго, опѣмеченнаго польскаго протестанта, пастора въ Элкъ⁶⁾. Личность эта является въ литературѣ подъ различными именами. Онъ самъ чаще всего подписывается *Maeletius* въ польскихъ, латинскихъ и нѣмецкихъ сочиненіяхъ⁷⁾. Поводомъ къ составленію этого разсужденія, по его замѣчательнымъ сообщеніямъ о язычникахъ, еще живущихъ въ Европѣ, нѣсколько разъ перепечатаннаго, послужила элегія, которую сочинилъ для кардинала Бемби первый ректоръ Крелевецкаго университета *Сабинусъ*, или вѣрнѣе „*Schüler*“⁸⁾. Въ ней упоминается, что онъ попалъ въ языческую страну, въ которой еще отдается честь змѣямъ, и божествамъ приносятъ въ жертву козла⁹⁾. Малецкій, получивъ эту элегію отъ сына Геронима, пожелалъ познакомить ближе Сабина съ язычествомъ Пруссакъ и потому составилъ въ видѣ письма къ этому ректору разсужденіе подъ заглавіемъ: *Libellus de sacrificiis et idolatria veterum Borussorum, Livonum aliarumque vicinarum gentium per Ioa. Maeletium*. Часть эту слѣдуетъ разобрать особо, какъ потому, что авторъ ея Малецкій, а не Ласицкій, такъ равно по причинѣ источниковъ, изъ которыхъ онъ заимствовалъ. Мы удовольствуемся только замѣчаніемъ, что рѣзко бросаются въ глаза два главные источника: одинъ, изъ котораго авторъ намъ сообщаетъ имена прусскихъ божествъ, и другой, въ которомъ находились смѣшанные свѣдѣнія о литовскихъ и бѣлорусскихъ обычаяхъ. Но мы удивляемся легкомыслію Малецкаго, который хорошо зналъ по польски и не замѣтилъ, что смѣшиваетъ литовское съ бѣлорусскимъ¹⁰⁾. Но не смотря на то, критическая обработка письма Яна Малецкаго, равно какъ и письма сына его Геронима, броситъ нѣкоторый свѣтъ на литовско-прусскую мифологію.

Обратимся теперь ко второй части, какъ самой важной; въ ней авторъ исчисляетъ множество божествъ, говоря при томъ, что свѣдѣнія о нихъ получилъ отъ *Якова Ласковскаго*, чиновника „*minoris dignitatis*“, чѣмъ сенаторъ Килка¹¹⁾. Для оцѣнки достовѣр-

ности свѣдѣній необходимо намъ обратить вниманіе на объ эти личности, т. е. на Ласицкаго и Ласковскаго и познакомиться съ ними ближе.

Янъ Ласицкій родился 1534 г. въ предѣлахъ Великой Польши¹²⁾. На 24 году своей жизни (1558) былъ во Франціи¹³⁾, спустя 6 лѣтъ (1564) посѣтилъ Женеву и присутствовалъ при кончинѣ Кальвина¹⁴⁾, за тѣмъ отправился въ Гейдельбергъ „studiorum gratia“, какъ самъ говоритъ (въ 1567). Возвращаясь въ Польшу, изъ Страсбурга (1571 г.) онъ направляется въ Прагу и Болеславице, чтобы тамъ посѣтить „Чешскихъ братьевъ (fratres Bohemorum), во главѣ коихъ стоялъ „Johannes Calephus, vir gravis et severus, ut sunt omnes“¹⁵⁾. Въ концѣ 1577 года Ласицкій издалъ два сочиненія: „Clades Dantiscana“ и „Historia de ingressu Polonorum in Valachiam“: оба онъ написалъ въ Барчинѣ, деревнѣ, лежащей въ Великой Польшѣ недалеко Быдгощи и принадлежавшей тогда зажиточному и знатному семейству *Кротовскихъ*.

Въ 1580 году онъ необходимо долженъ былъ быть въ Литвѣ, потому что онъ тогда кончалъ свое разсужденіе: de diis Samogitarum, какъ мы объ этомъ читаемъ въ предисловіи Грассера. Въ 1582 Ласицкій былъ въ Краковѣ¹⁷⁾; въ слѣдующемъ же году онъ опять живетъ въ Вильнѣ, гдѣ писалъ сочиненіе: Pro Volano et puriore religione etc. scriptum apologeticum¹⁸⁾.

Съ тѣхъ поръ, какъ кажется, онъ жилъ постоянно въ Литвѣ и именно въ Вильнѣ. Последнее извѣстіе о немъ имѣется въ 1599 году, въ которомъ онъ окончилъ свою исторію Братьевъ Чешскихъ въ Заславѣ на Литвѣ¹⁹⁾, въ домѣ своего воспитанника Миколая Хлѣбовича²⁰⁾. Не извѣстно, когда и гдѣ умеръ.

Эти положительныя свѣдѣнія я заимствовалъ изъ самихъ словъ Ласицкаго, находящихся въ разныхъ его сочиненіяхъ и изъ упоминаній въ примѣчаніяхъ сочиненія Лукашевича. Вѣроятно много свѣдѣній кроется въ разныхъ книгахъ, особенно же въ письмахъ Турновскаго, лучшаго друга Ласицкаго; мнѣ пришлось пользоваться только скудными отрывками изъ писемъ Турновскаго, доказывающими дружескія между ними сношенія. Ласицкій былъ завзятый врагъ католицизма и православія: онъ пользовался всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы только нападать на католицизмъ; но и православія онъ не оставлялъ въ покоѣ, особенно же воевалъ съ нимъ въ сочиненіи: „Theologia Moscovitica“²¹⁾. Я не могъ доискаться, гдѣ онъ получилъ первоначальное образованіе; знаю только, что въ зрѣломъ возрастѣ по большей части проводилъ время за границей, входя въ близкія сношенія съ различными сектами, а именно съ Кальвинистами и Братями Чешскими. Въ Польшѣ держался знатныхъ домовъ польскихъ протестантовъ и жилъ въ самыхъ тѣсныхъ сношеніяхъ съ Андреемъ Воляномъ, съ Андреемъ Хржонстовскимъ, Станиславомъ Сударовскимъ, Теофиломъ Турновскимъ и съ многими другими. Вездѣ разхваливалъ онъ свое ученіе, велъ различную корреспонденцію съ иновѣдцами, и, написавъ лестное мнѣніе о Братяхъ Чешскихъ, послалъ его извѣстному кальвинисту Беза, который его хотѣлъ даже

напечатать. Мы читаемъ также, что Стефанъ Баторій высылалъ его за границу съ дипломатической миссіей, но куда и за какими дѣлами—не извѣстно. Прежде я сомнѣвался въ этомъ²²⁾, но теперь убѣдило меня свидѣтельство самого Ласицкаго.

Мы уже упомянули, что авторъ прожилъ извѣстное время за границей, гдѣ велась усиленная борьба между католиками и приверженцами новаго ученія; далѣе извѣстно, что онъ жилъ въ домѣ Яна Кротовскаго, который, будучи протестантомъ, поручилъ ему воспитаніе своихъ сыновей²³⁾. Но, не смотря на усердіе учителя, одному изъ нихъ—старшему, Яну, не понравилось протестантское ученіе и онъ обратился въ католицизмъ, такъ что Папроцкій называетъ его „catholicissimus“. По этому обстоятельству и Ласицкому не было удобно долго сидѣть въ домѣ Кротовскаго, и думаю, что сами Кротовскіе выхлопотали для него мѣсто у Хлѣбовича, также усерднаго протестанта, жившаго въ Вильнѣ. Янъ Хлѣбовичъ, „Castellanus Minscensis, mag. duc. Lituaniae thesaurarius, Upitensis capitaneus“, былъ женатъ на дочери воеводы, и нуждался тогда въ учителѣ для двухъ сыновей. Такимъ-то образомъ я объясняю себѣ переселеніе Ласицкаго изъ Великой Польши на Литву. Къ этому времени относится и его сочиненіе „de Diis Samogitarum“, и теперь главный вопросъ въ томъ: могъ ли Ласицкій на столько успѣть въ литовскомъ языкѣ и столько изучить жмудскія божества, чтобы его считать авторитетомъ по этому предмету?

Мы знаемъ, что Ласицкій былъ уроженцемъ той области, которая теперь составляетъ Великое княжество Познанское, гдѣ не говорятъ по литовски; потому зрѣлый возрастъ провелъ за границей, гдѣ также никто не занимался этимъ языкомъ; наконецъ проживалъ до конца 1577 года въ Барцинѣ, деревнѣ въ Познанскомъ княжествѣ—вотъ почему пріѣзда своего въ Вильну никакъ онъ не могъ знать литовскаго языка. Трудъ свой о жмудскихъ божествахъ написалъ 1580 года, къ чему, конечно, побудило его близкое сношеніе съ литовскимъ народомъ. Очень естественно, что тотчасъ послѣ пріѣзда не взялся же онъ за составленіе упомянутаго сочиненія. Слѣдовательно, его перѣздъ въ Вильну совпадаетъ съ 1578 или 1579 годами. Въ этотъ двухгодичный промежутокъ времени онъ не могъ выучиться по литовски во-первыхъ потому, что для этого онъ не имѣлъ никакой надобности и нужды, во вторыхъ занятіе его съ дѣтьми Хлѣбовича не мало поглощало времени. Къ этому прибавимъ, что онъ принималъ весьма дѣятельное участіе въ религіозныхъ преніяхъ, производившихся тогда въ Вильнѣ и вообще въ религіозныхъ вопросахъ, которые всегда и вездѣ стояли у него на первомъ планѣ.

Итакъ, разсматривая Ласицкаго съ этой точки зрѣнія, у насъ поневолѣ рождается недовѣріе какъ къ формамъ литовскаго языка, сообщеннымъ имъ, такъ и къ ихъ значенію и вообще ко всему его труду, на томъ основаніи, что автору не возможно было въ это короткое время сдѣлать настоящее изслѣдованіе. Даже самъ Ласицкій сознается, что свѣдѣнія о божествахъ сообщилъ ему Яковъ Ласковскій „inter eos.. fuit Jacobus Lascovius,

Polonus nobilis, tractus Calissiensis, ex quo haec percepi. Мы очень мало знаемъ объ этой личности. Ласицкій говоритъ, что онъ уроженецъ Калинскаго воеводства, что король Сигизмундъ-Августъ поручилъ ему надѣлать Жмудиновъ, жившихъ до того времени разбросанно, недвижимымъ имуществомъ. И дѣйствительно Ласковскій въ это время раздѣлилъ 40,000 влукъ (600,000 десятинъ) королевской земли, назначивъ каждому „по 3 влукъ, за которыя должны вносить въ казну по 5 злотыхъ“. Кромѣ этого Ласицкій говоритъ, что Ласковскій много задавалъ себѣ труда, чтобы отвести народъ отъ язычества. У Папроцкаго подъ гербомъ: Броть или Ленцицъ значится домъ Ласковскихъ въ Калинскомъ воеводствѣ; тамъ же упоминается, что Якобъ Ласковскій былъ ревизоромъ Жмудской земли. Вѣроятно онъ тотъ самый, о которомъ говоритъ Ласицкій. Лукашевичъ причисляетъ Ласковскихъ изъ Великопольши къ приверженцамъ протестантизма²⁴), въ чемъ убѣждаетъ насъ и замѣчаніе Ласицкаго: „что Ласковскій старался набожно воспитать Жмудиновъ. Еслибы Ласковскій былъ католикъ, Ласицкій не сказалъ бы этого.

Вотъ и все, что знаемъ до сихъ поръ о Ласковскомъ²⁵). Порученіе, данное ему, было не легко и требовало много времени. Не такъ легко и скоро размежевать 40,000 влукъ и раздѣлить ихъ между 14,000 человекъ, которыхъ надо было еще собрать и уговорить къ осѣдлой жизни. Онъ находился въ самомъ центрѣ Литвы, между народомъ, знающимъ конечно только свой языкъ. И такъ онъ долженъ былъ выучиться, хотя поверхностно, мѣстному языку, чтобы имѣть вліяніе на народъ, который онъ старался отвлекать отъ язычества. Это обстоятельство и могло побудить его къ ознакомленію съ литовскими божествами. Взявъ все это во вниманіе, мы въ правѣ заключать, что сообщенія Ласковскаго могутъ быть достоверны. По службѣ ему необходимо было пріѣзжать и въ Вильну съ разными отчетами и рапортами, которые вѣроятно еще хранятся въ архивахъ. Тутъ то онъ и познакомился съ Хлѣбовичемъ, какъ съ казначеемъ Великаго княжества Литовскаго—а слѣдовательно и съ Ласицкимъ, жившимъ въ его домѣ. Этотъ боецъ на аренѣ религіозныхъ споровъ конечно не разъ толковалъ съ Ласковскимъ о своемъ любимомъ предметѣ и нападалъ на почитаніе святыхъ, такъ какъ оба были протестанты—и это вообще было, такъ сказать, въ модѣ. При этомъ случаѣ касались языческихъ божествъ, съ которыми въ это время иновѣрцы любили сравнивать святыхъ. Ласковскій, естественно, не могъ не касаться божествъ литовскаго народа, среди котораго онъ проживалъ. Что проще этого? Но все таки разговоръ былъ случайный, потому, что трудно предполагать, чтобы Ласковскій нарочно пришелъ съ приготовленными заранее записками къ Ласицкому, съ которымъ, по всей вѣроятности, до того времени не былъ знакомъ. Ласицкій же списывалъ себѣ главное содержаніе бесѣдъ, потому что запомнить 5 или 6 литовскихъ фразъ и около 80 литовскихъ словъ съ ихъ значеніемъ—это, по моему мнѣнію, не легко.

Такимъ-то образомъ, думаю, мы приготовили почву для оцѣнки сочиненія Ласицкаго и такъ мы объясняемъ себѣ генезу второй части этого сочиненія.

Слѣдовательно, если Ласицкій, не зная по литовски, дѣлалъ записки со словъ Лясковскаго, то онъ могъ ошибиться относительно вѣрности литовскихъ формъ, и это было бы простительно, но, во всякомъ случаѣ, значеніе ихъ должно быть вѣрное. Если же мы найдемъ, что отмѣченное значеніе не отпѣкаетъ—не только одному, но множеству литовскихъ словъ: то намъ необходимо искать другой какой-нибудь посторонней причины. Вся трудность состоитъ въ рѣшеніи вопроса: измѣнила-ли память Лясковскому, въ чемъ я сомнѣваюсь,—или самъ Ласицкій, или же, наконецъ, оба вмѣстѣ преднамѣренно исковеркали значеніе словъ—и съ какой цѣлью? Безъ сомнѣнія было бы весьма интересно узнать это для характеристики этихъ личностей и рода ихъ дѣйствій, но первое, для оцѣнки нашего источника, дѣло второстепенное, второе, т. е. съ какой цѣлью они преднамѣренно литовскимъ словамъ давали другое значеніе, выяснится ниже, а главное то, что источникъ не чистъ.

Перебирая божества, упоминаемая Ласицкимъ, мы находимъ въ самомъ дѣлѣ нѣсколько названій, дѣйствительно относящихся къ литовскимъ божествамъ, изъ которыхъ большинство въ высочайшей степени исковеркано и изувѣчено, такъ что нерѣдко бываетъ трудно догадаться объ ихъ настоящей формѣ. Къ этимъ божествамъ принадлежатъ: *Perkunas* (молитву къ нему во время бури я считаю подлинною)²⁶). *Perkuna teta* или можетъ быть *Percunatele*²⁷). *Auszra*—богиня утренней зари²⁸); *Medziojma*—богиня охоты²⁹); *Vajsgantas* или *Vaisgants*³⁸)—божество плодовъ; *Gabie*—божество огня⁴¹), къ которому причисляю *Pelengabie*⁴⁵), *Matergabie*⁴³); подлежить нѣкоторому сомнѣнію относительно значенія: *Azpelenis*⁴⁶). *Tratitojas Kibirksztu*—божество: Тушитель искоръ⁴²); *Laukopats*³⁵)—полевое божество; *Ruggiu Zemepats*³⁶)—божество или демонъ ржи; и *Zemina*³¹) (*Zeminele*), *Zemieninkas* божество. *Numadiewas*³⁷), а можетъ быть *Numdiewas*—домашній Богъ (домовой?). *Kierpiczus*⁴⁸) и *Sziliniczus*⁴⁸),—первый божество мха, другой лѣса. Но *Zemepatis* или *Zemepats*⁵⁰) (*Zempats*) означаетъ вообще божество низшаго разряда, плодовъ и т. п. (обитающее на землѣ?); *Dėvaitis*⁵¹) вообще божество; *Auksztejas Visagalis*³²)—всемогущій, присутствующій на небесахъ, эпитетъ самаго высшаго Бога; и *Tawals*³¹) также почетное только названіе. Къ демонамъ принадлежатъ: *Aitvaras*⁵²) и *Kaukai*⁵³); къ священнымъ змѣямъ: *givata*⁵⁴) или *givate*.

Вотъ и всѣ почти божества, или эпитеты божествъ, или обожаемые предметы. Еще къ литовскому вѣрованію принадлежатъ: *Ragana*⁵⁵); это не *silvestris dea*, какъ сообщаетъ Ласицкій, а только волшебница. Точно также: *Smik, Smik, per veleni*⁵⁶), не божество, а формула колдуна. Но большую часть божествъ, приведенныхъ Ласицкимъ, я причисляю къ выдумкамъ, и даже къ преднамѣреннымъ, литературнымъ поддѣлкамъ. И такъ: *breksztu* не есть *dea tenebrarum*, а глаголъ: *свѣтаетъ*; *Bezleje* не *dea vespertina*, а значить также свѣтаетъ. *Luibegeldae* (sic.) не *divae*⁵⁷), а изуродованная начальная слова загадки, не имѣющей никакой связи ни съ божествами ни съ вѣрованіемъ. *Liginczus*, по всей вѣроятности, не *deus—qui concordiae inter homines et auctor est et conservator*, а человекъ,

примирающий людей между собою, какъ и *Derintojis*, мировой судья, (нынѣ называется *Prederus*), а не божество (см. прим. 65 s. v. *Liginczus*). *Duotojas*, податель, человѣкъ; и божество можно назвать подателемъ, только *duotojas* не собственное имя. *Bentis* не богъ, qui efficit ut duo vel plures simul iter aliquo instituant; это имя слѣдуетъ читать: *Bendras*, товарищъ, спутникъ. *Budintaja* или *Budintoja*, не богиня, quae hominem dormientem excipit, а баба, будящая спящихъ батраковъ. Акелевичъ⁵⁸) объясняетъ этотъ обычай, говоря, что на Литвѣ баба обыкновенно будить спящихъ, отчего и она называется *Budintoja*. Съ зажженной лучиною въ рукахъ она будить ихъ словами: Kad jus dėvai pajimtu, virai, kėlkites! Чтобъ васъ Боги поймали, люди, поднимайтесь. *Dugnai* не dea, (quae) praeest farinae subactae, а просто дно (срав. дѣгно) *Ublanicze* (sic) не deus (sic) cui curae est omnis supplex, а въ *Ubladnicze* сохраняется supplex, слѣдовательно, это родъ сарая для сохраненія вещей различнаго рода. Также какъ и *Ratajnicze* (Лас. *Ratajnicza*) не equorum habetur deus, а *Ratanicze*—сарай, отъ *ratas* колесо. Объ *Apidome* пишетъ Ласицкій, что это deus mutati domicilii. Nato cujusvis generis vel coeco vel debili pullo, actutum sedes mutantur. Кажется что слѣдуетъ читать *Apideme*, которое, какъ происходящее отъ *api* i *dėti* или *dicti*, можетъ означать заборъ, ограда. Много застѣнковъ на Литвѣ называются *Apidome*; можетъ быть, что Ласицкій объ этомъ и говорить. *Varpulis*, сообщаетъ Ласицкій, is esse putatur, qui sonitum ante et post tonitru in aëre facit. Это вѣрно, только что *Varpuolis* не божество, а колокольчикъ. Чтоже намъ сказать о другихъ будтобы божествахъ, какъ напр. *Szluotrazis*, о которыхъ, по словамъ Ласицкаго, литовцы христіанамъ не охотно говорятъ, что дѣлають. Между тѣмъ *szluotrazis* означаетъ старую метлу, окомелокъ. Но такого Бога кажется не знаетъ ни одинъ міѳологъ, даже и не слыхалъ о немъ.

Austheja, говоритъ Ласицкій, arum (dea). *Auszteja* nomen agentis женскаго рода отъ *auszti* жужжать, кажется простонародное названіе въ мѣсто *bitte*, *bittine*—пчела.

Ezernis а лучше *Ezerinis*—прилагательное отъ *ezeris*, *ezeras* озеро—подразумевая *dėvaitis*, можетъ означать божество. *Kurwaiczin Erajczin* (sic) agnellorum est deus; между тѣмъ *Kurwaiczin* по всей вѣроятности прилагательное (отъ *Kurwaite* или *Karwaite*—коровка) *Karwaitinnis*, *Karwaiczinnis*; отчего у Ласицкаго (сокращенное?) *karwaiczis*, которое онъ неумѣстно сообщаетъ даже въ формѣ латинскаго винительнаго падежа; *Eraiczin* точно также отъ *ėras*—ягненокъ, dim. *ėraitis*, прилагательное *ėraitinnis*, *ėrajczinnis*⁵⁹). *Priparscis* est, qui augere nefrendes existimatur. Но *parszas* или *parszis* значить: поросянокъ; *pri*—при; слѣдовательно *Priparszis* будетъ человѣкъ, пастухъ поросятъ. *Krūkis* же, о которомъ Ласицкій: suum est deus, qui religiose colitur ab Budrajcis, hoc est fabris ferrariis—не божество, но просто свинья; производится отъ *krukuoti*—хрюкать и, по моему мнѣнію, это простонародное названіе этого животнаго будтобы: „хрюкунъ“. Прибавленіе же, что она почитается *Budrajsis*’ами, не имѣетъ смысла, по тому что *Budrajtis* имѣетъ

связь съ словомъ *budrus*, бодрствующій (сравни *Budrys* собственное имя), а не съ кузнецами, которые по литовски называются *Kaluvis*, или *Kalis*. Все выше упомянутое бросаетъ странный свѣтъ на „работу“ Ласицкаго. Еще на одно обстоятельство обращаю вниманіе: у Прэторіуса я читалъ, что пруссаки въ извѣстные праздники приносили божествамъ „*Kiaulu krukei*“ т. е. свиные рыла? Рыло или хрюкало по литовски *Kruke*, производящее отъ того же корня *Kruk*, отъ котораго образуется глаголѣ *Krukiu*, хрюкаю. Имѣлъ-ли это Ласковский въ виду, рассказывая Ласицкому о крукисѣ? трудно рѣшить. Во всякомъ случаѣ—это слово не обозначаетъ божества. Ласицкій приводитъ также между многими другими божествами и божество *Alabathis*, quem linum rexugi in auxilium vocant. Послѣ продолжительнаго обдумыванія, что именно Ласицкій этимъ хотѣлъ сказать, я пришелъ къ слѣдующему результату: взявъ въ соображеніе то, что женщины сходятся по вечерамъ, чтобы пряхъ и что при этомъ занятіи развлекаютъ себя загадками и пѣніемъ, думаю, что *Alabathis*, будетъ начало какой-то пѣсни. Случайнымъ образомъ я припомнилъ себѣ, что читалъ одну пѣсню у Нессельмана, которая начинается словами:

Ej Bati, Bati

Batuži mano

Perlejsk man tą mergitę. ⁶⁰

Вслѣдствіе этого, я раздѣлилъ *Alabathis* на *Ala—Batis*; первую часть я принимаю за родъ восклицанія, которое, смотря по мѣстности, принимаетъ различные виды. У самаго Нессельмана находится другое восклицаніе въ пѣснѣ, а именно: *Aj—da Batis* ⁶¹). Въ другомъ словѣ я нахожу литовское *Batis*, русское батюшко, батюшка, хотя Нессельманъ принимаетъ его въ смыслѣ собственнаго имени. Но изъ самой пѣсни можно убѣдиться въ томъ, что *batis* означаетъ „отца“, по тому, что переведа ее по русски, будетъ:

Ой Бати, Бати

Мой Батуже

Отдай мнѣ эту дѣвицу,

а вѣдь у отца просить руки дочери; это самое естественное. И читая отвѣтъ этого *batis'a*

Wejkiaus perleiszcza

Tris ubus lauko,

Ne kaip sawo mergite.

т. е. Охотнѣе я далбы

Три вѣлки земли,

Чѣмъ свою дѣвицу.

мы не можемъ сомнѣваться въ томъ, что это отвѣтъ отца, именно и потому, что *mergite* означаетъ и *дочку*; Нессельманъ прямо переводитъ: *tochter*.

Оставляя рядъ другихъ словъ, обозначающихъ будтобы божества ⁶⁵), изъ которыхъ извѣстную часть мнѣ не удалось разгадать, я долженъ обратить вниманіе еще на одно

божество, приведенное Ласицкимъ слѣдующими словами: *Pizio juvenus, sponsam adductura sponso, sacra facit*. По видимому, *Pizio*, литовское слово съ латинскимъ окончаніемъ дательнаго падежа. По литовски *Pize* означаетъ: *cunus, vulva* ⁶²⁾. Нельзя допустить, чтобы Лясковскому, жившему такъ долго въ Литвѣ, среди народа, который безцеремонно употребляетъ слова въ собственномъ ихъ смыслѣ, не было извѣстно настоящее значеніе этого слова. Ежели онъ зналъ, то почему позволилъ себѣ такую неумѣстную шутку? Можетъ быть, онъ хотѣлъ посмѣяться надъ Ласицкимъ? Съ другой стороны поражаетъ насъ странное легковѣріе Ласицкаго, который въ религіозныхъ вопросахъ придерживался столь крайней критики, Лясковскому же, челоѣку совершенно чужому, вѣрилъ на слово. Вѣдь въ самой Вильнѣ онъ могъ повѣрить значеніе словъ. И такъ, передъ нами съ одной стороны видимая ложь и обманъ—съ другой тенденціозностью ослѣпленное легкомысліе и недобросовѣстность въ передаваніи свѣдѣній. Весьма страннымъ покажется еще одно, Ласицкимъ сообщенное, извѣстіе, которое, по моему мнѣнію, онъ или Ляковский нарочно запуталъ: *Sunt etiam quaedam veteres nobilium familiae, quae peculiare colunt deos, ut... Schemietana et Kiesgaliana Ventis Rekieziovium, aliae alios*. Въ началѣ, когда я еще вѣрилъ Ласицкому (а кто до сихъ поръ не вѣрилъ ему?), я обрадовался нашедши по имени родовыхъ боговъ, но когда я началъ повѣрять его и собирать историческія и генеалогическія свѣдѣнія объ этихъ родахъ и семействахъ, я пришелъ къ странному и въ этомъ отношеніи результату. Проживалъ себѣ на Жмудзи богатый дворянинъ *Rekutis*, по польски *Rekuć*; у него была единственная дочь—по польски *Rekuciówna*—мужскаго потомка не было. Отецъ ее выдалъ за мужъ за князя *Kiesgajło* съ тѣмъ, чтобы князь присоединилъ къ своей фамиліи имя: *Rekutis*. Съ тѣхъ поръ эта линія Кесгайловъ называлась *Kiesgajło-Rekutis*. Нашъ Станиславъ Кесгайло-Рекуть, жмудскій староста, былъ сыномъ Яна, жмудскаго старосты, умершаго 1484 года. Этимъ и объясняется домашнее божество семейства Кесгайловъ! Отъ имени *Rekuciówna* произошло Ляковского и Ласицкаго: *Rekiezovius* ⁶³⁾. Относительно слова: *Ventis* сообщилъ мнѣ г. Прэкеръ, что это названіе деревни или мѣстечка, но я напелъ только рѣку *Venta*. Что же касается Шеміотовъ ⁶⁴⁾, то они были родственниками Кесгайловъ и получили отъ нихъ наслѣдство, почему и *Rekuciówna*—наслѣдница большихъ имуществъ, могла быть въ самомъ дѣлѣ покровительницею этихъ родовъ, но не божествомъ.

Узнавъ довольно о содержаніи этой главной части, считавшейся до сихъ поръ самою важною, обратимся опять къ третьей, изъ которой, при внимательномъ разсмотрѣніи, мы можемъ заключать о тенденціи, которою руководился авторъ при составленіи своего памфлета. Мы уже выше упомянули о томъ, что въ ней говорятъ авторъ о святыхъ, признаваемыхъ въ христіанской церкви, по моему мнѣнію съ тою цѣлью, чтобъ ихъ сравнить съ языческими божествами и показать превосходство новой вѣры, отвергающей почитаніе святыхъ. Но такъ какъ ему больше были извѣстны имена святыхъ, чѣмъ литовскихъ или жмудскихъ божествъ, то этотъ недостатокъ пополнить

Ласяцкій тѣмъ, что всякое литовское слово, которое слышалъ отъ Ляковского, причислялъ къ сонму божествъ. Если сличить между собою нѣсколько мѣстъ, то эта тенденціозность окажется со всею достовѣрностью.

Чтобы это было болѣе нагляднымъ поставимъ соотвѣтственные мѣста возлѣ себя:

II часть

Tratitojas kibirksztiu deaster est, qui scintillas tugurii restinguit.

Audros Deo maris ceterarumque aquarum cura incumbit.

Pelengabie diva est, cui foci lucentis administratio creditur.

Perkunas deus tonitrus illis est, quem coelo tonante agricola... hisce verbis alloquitur: Cohibe te etc.

Теперь же онъ зналъ, что Vendelinus считается покровителемъ овецъ, Eulogius лошадей, Pelagius рогатаго скота, Antonius нерогатаго скота: имъ должны соотвѣтствовать литовскія божества; слѣдовательно, для овецъ придумалъ Eraitinnis т. е. принадлежащій къ овцамъ (или Eraitis ягненокъ?), для коровъ божество Karwaitinnis, для лошадей Ratajnicze т. е. ремизу, для божества нерогатаго скота: Krukis т. е. „хрюкуна“ или Priparszis т. е. свинопаса и т. п.

Не желаю продолжать этого каталога: Ласяцкій оканчиваетъ перечень литовскихъ божествъ словами: *Praeterea sunt certis agris singulares dei, videlicet Diewaitis etc.* а въ третьей части повторяетъ это почти тѣми же словами, говоря о христіанскихъ свя-
тыхъ: *praeterea sunt patroni terrarum constituti non divina sed humana voluntate: Stanislaus Polonorum, Albertus Prussorum etc.*

Намѣреніе не только сравнить но и прировнять свя-
тыхъ къ языческимъ божествамъ видно также въ словахъ, съ которыхъ начинается 3 часть. Изчисливъ мнимыхъ литовскихъ боговъ, Ласяцкій продолжаетъ: *Isti sunt pluresque alii vulgi Samogitarum dii..... et Christiani, qui unico omnipotenti numine minime contenti, et tam Samagitas quam veteres idololatrias imitati, alios sibi adjutores finxerunt* (какъ Ласяцкій для жмудзиновъ). Къ тому же заключенію приводитъ насъ и самое заглавіе: *de diis Samogitarum et falsorum Christianorum*.

Вотъ по чему смѣю утверждать, что есть связь между этими двумя частями и связь тѣсная, которой не нашли извѣстные ученые, какъ Якобъ Гримъ и Мангардтъ.

III часть

Florianus miles incendia restinguit.

Nicolaus, quasi alter Neptunus (опять очевидное сравненіе съ римскимъ божествомъ) maris curam agit.

Ignis Agathae seu Vestae (опять срав. съ греческимъ божествомъ) datus, est curandus.

Canitur et B. Virgini exortis procellis istud carmen: Ave maris stella etc.

Мы убѣждены въ томъ, что Ласицкій не столько хотѣлъ представить жмудскихъ боговъ, о которыхъ болѣе точныя свѣдѣнія могъ собрать въ самой Вильнѣ, сколько издѣваться надъ христіанскою церковью, поклоняющеюся святымъ угодникамъ, употребляя для своей цѣли хитрый подлогъ. Этимъ онъ желалъ заставить своихъ читателей отказаться отъ своего догмата и перейти на сторону его ученія. На сколько онъ успѣлъ въ этомъ въ свое время, мнѣ не извѣстно, но послѣдствія свидѣтельствуютъ о противномъ. Народъ онъ не привлекъ къ себѣ, однако съ достовѣрностью могу сказать, что ему удалось въ продолженіи трехъ столѣтій держать ученыхъ въ заблужденіи.

П Р И М Ъ Ч А Н І Я :

1) Разобравъ и сравнивъ между собою источники, которые я могъ достать, я пришелъ къ тому заключенію, что они по большей части достовѣрны до половины XVI вѣка, источники же съ другой половины того же вѣка, написанные послѣ Групау'а, монаха изъ Толкемицъ, которые находились подъ вліяніемъ этого автора, весьма сомнительны; они даже отчасти распространяютъ ложныя свѣдѣнія.

2) Joh. Lasicii Poloni de diis Samogitarum libellus, herausgegeben von W. Mannhardt mit nachträgen von Bielenstein. Riga 1868.

3) Jan Łasicki, źródło do mytologii litewskiej, ocenił Antoni Mierzyński. Kraków 1870. (Написанное мною на желаніе г. Мангарда).

4) Подробно укажу на составныя части въ критическомъ изданіи сочиненія Ласицкаго.

5) Mannhardt l. l. p. 28. По моему эта часть никакимъ образомъ не можетъ быть выпискою (Excerpt), она принадлежитъ Ласицкому.

6) Элкъ или Лыкъ, городъ въ Пруссіи.

7) Собирая свѣдѣнія о жизни и сочиненіяхъ Малецкаго, я нашелъ, что въ ссылкахъ на его сочиненія (а именно на сочиненіе, о которомъ сей часъ упомяну) онъ является подъ 9 различными названіями, какъ: Malecius, Maletius, Maeletius, Meletius, Miletius, Malecki, Maleczki, Maelecki и наконецъ Menecius. Это свидѣтельствуетъ о добросовѣстности ссылающихся.

8) Эта элегія находится въ поэтическихъ произведеніяхъ Сабина: Poemata et Epistolae. Liber Elegiarum quintus, Elegia V-ta Ad Cardinalem Bembum.

9) Сюда принадлежатъ слѣдующіе стихи:

Namque ferox hominum genus est et agreste sub arcto
Notitiam nondum quod pietatis habet,
Caeruleos instar sed adorat numinis angues
Mactatoque litat sacra nefanda capro.

10) Конечно Малецкій самъ говорить, что „fit hisce verbis lingua Ruthenica fanebris lamentatio: Ha lele i procz ti mene umarl? i za ti nie miel szto jesti, abo piti? i procz ti umarl? ha, le le, i za ti nie miel krasnoje mlodzice? i procz ti umarl? Слѣдующія же

слова: *strictisque gladiis verberant auras, vociferantes: Gejgejte begaite pekelle, Eja fugite daemones in Orcum*—въ литовскихъ формахъ изуродованы; попытки возстановить ихъ настоящимъ образомъ, неудачны; взявъ въ соображеніе латышскій переводъ, слѣдуетъ читать: „*begikit(e), dēvaitei, pikolle*“.

¹¹⁾ *Summus toti regioni, dum vivit, praeest Lituanicus senator; hodie est vir eximius Johan. Kisska Palatino Vitepscensi natus. Inter eos, qui minoris dignitatis sunt, fuit Jacobus Laskovius, Polonus nobilis, tractus Calissiensis, ex quo haec percepi.*

¹²⁾ Это слѣдуетъ изъ письма, находящагося въ родѣ предисловія, при его сочиненіи: *Исторія Братевъ Чешскихъ: Zaslavi Lituatorum, 12 die januarii Anno Christi 1599 aetatis meae 65.*

¹³⁾ Слѣдуетъ изъ предисловія къ „*Clades Dantiscana*“ „*Hanc autem lucubratiumculam eodem animo, quo me miles annis abhinc 19 in Gallia complexus es, quaeso te, accipe. Barcini anno MDLXXVII 20 maji.*

¹⁴⁾ Въ предисловіи сочиненія Воляна: *Andreae Volani libri quinque. Contra Scargae jesuitae Vlnensis septem Missaeque sacrificiique ejus calumnias etc. Vilnae etc. per Daniele Lancicium Anno Dom. 1584. 4-to „Habes in familia illustrique aula tua Joannem Lasicium“.... (qui) „quamvis Calvinii morti anno 1564 interfuerit“ etc.*

¹⁵⁾ Въ его исторіи Братевъ Чешскихъ р. 277. „*Anno 1567 proficiscens mense Aprili studiorum gratia Heidelbergam et deinde 1571. Argentorato domum revertens, deflexi nonnihil ex itinere ad fratres (чешскихъ) Pragam atque Boleslaviam, quorum eo tempore antistes per Bohemiam fuit, Johannes Calephus, vir gravis et severus, ut sunt omnes*“.

¹⁶⁾ *Clades Dantiscana An. Dom. MDLXXVII Aprilis a Joanne Lasicio Polono descripta.... а въ предисловіи Barcini Anno MDLXXVII XX Maii.*

Въ предисловіи къ сочиненію: *Johannis Lasicii Historia de ingressu Polonorum in Valachiam. Barcini MDLXXVII.*

¹⁷⁾ Предисловіе сочиненія „*De Russorum, Moscovitarum et Tartarorum religione, sacrificiis, nuptiarum, funerum, ritu* подписано Ласицкимъ въ Краковѣ А. Д. MDLXXXII.

¹⁸⁾ Предисловіе подписано: „*Vilnae LDLXXXIII exeunte*“.

¹⁹⁾ Ср. прим. 12.

²⁰⁾ *Lukaszewicz, dzieje Wyznania Kościoła helweckiego w Litwie. Poznań 1843. Томъ второй р. 285.* Лукашевичъ, ученый рѣдкой начитанности есть первый, который сообщилъ положительныя данныя для біографіи Ласицкаго. Собравъ рѣдкія книги и болѣе рѣдкія рукописи, относящіяся къ польской исторіи и литературѣ, онъ составилъ себѣ цѣнную бібліотеку. Множество книгъ, на которыя онъ ссылается,—уникалы, по чему и намъ пришлось въ нѣкоторыхъ случаяхъ пользоваться только его ссылками. До конца жизни онъ продолжалъ свою литературную дѣятельность, а капитальныя сочиненія его: *Dzieje*

Szkół w Polsce. Dzieje wyznania kościoła Helweckiego w Litwie, O kościele Braci Czeskich w Wielkopolsce, Obraz miasta Poznania, свидетельствуют о его основательном знании.

²¹⁾ О его дѣятельности въ этомъ отношеніи свидѣлствуетъ большая часть его сочиненій и потому-то я не могу согласиться съ мнѣніемъ Лукашевича: „Oddając się z resztą całej naukom i pracom użyteczniejszym (?) jako to w służbie publicznej w rozmaitych poselstwach, unikał Łasicki jak mógł polemiki (?) i wszelkich zjazdów. Въ доказательство этому продолжаетъ: „O unii swoich współwierców z cerkwią wschodnią w Wilnie 1599 r. nie wiele dobrego tuszył i dla tego nie miał w niej najmniejszego udziału. Но Ласицкому тогда было 66 лѣтъ отъ роду и онъ хворалъ, какъ это видно, изъ отрывка письма Теофила Турновскаго (Ср. Лук. I. I. p. 285 въ примѣч.); кромѣ того Ласицкій тогда жилъ въ Заславѣ. Всѣ эти обстоятельства не способствовали къ борбѣ и къ прѣніямъ, требующимъ энергіи и здоровья.

²²⁾ Jan Łasicki p. 12.

²³⁾ Янъ изъ Кротошина (городъ въ княжествѣ Познанскомъ) Кротовскій, Воевода Иновроцлавскій (городъ тамже); отъ первой жены неизвѣстной фамиліи родилась ему дочь Катаржина, которая вышла за мужъ, за Яна Хлѣбовича. Воспитаніемъ ихъ дѣтей: Миколая и Яна (Папроцскій) или Войцѣха (Лукашевичъ) занимался также Ласицкій. Отъ жены втораго брака—Латальской, родился Кротовскому только одинъ сынъ Янъ, каштелянъ Иновроцлавскій, умершій 1583 года (Папроцскій); отъ третьей жены, Острогской, родились: Яковъ и Андржей; о послѣднемъ изъ нихъ съ прискорбіемъ пишетъ Турновскій въ письмѣ съ 1599 года, что и этотъ женился на паписткѣ (papieżnica) Уханской.

²⁴⁾ O kościele braci Czeskich p. 414.

²⁵⁾ Въ Варшавскомъ архивѣ [въ Актахъ Коронныхъ 1576 года] я только нашелъ Станислава Лясковскаго, который вѣроятно былъ сыномъ нашего Якова; но непременно хранятся еще свѣдѣнія о немъ въ Виленскомъ архивѣ.

²⁶⁾ Łasicki: Percunos Deus tonitrus illis est, quem coelo tonante agricola capite detecto et succidiam humeris per fundum portans, hisce verbis alloquitur: Percune devaite niemuski und mana, diewu melsu tawi palti miessu. Cohibe te, inquit, Percune, neve in meum agrum calamitatem immittas; ego vero tibi hanc succidiam dabo. Verum postquam nymbus praeterit, carnes ipse absumit. Слѣдуетъ читать: Perkune dėvaiti! ne muszki unt mana dirvos, meldziu, tawi-palti nėsziu.

Эту молитву, появившуюся въ первый разъ у Ласицкаго, читаемъ у многихъ авторовъ, писавшихъ о литовскихъ дѣлахъ,—которые также пытались, болѣе или менѣе удачно, поправить литовскій текстъ: Lelewel Tygodnik Wileński съ 1816 года 15 октября p. 352. Narbutt I томъ стр. 327; Nesselmann въ предисловіи къ Litauische Volkslieder

стр. V; Akielawicz въ V томѣ сочиненій Лелевеля изданія Жупанскаго. О нихъ мой трудъ: Jan Łasicki. Kraków. 1870 pag. 22 i 88 sqq.

27) Читается у Ласицкаго: *Perkuna tete mater est fulminis atque tonitru: quae* (въ Эльзев. изд. ошибочно *qui*) *solem fessum ac pulverulentum balneo excipit: deinde lotum et nitidum postera die emittit. Teta* gen. tetos означаетъ: тѣтку но не мать, какъ у Ласицкаго. Кто она такая? мнѣ неизвѣстно, а отыскать можно только въ однихъ народныхъ пѣсняхъ. *Perkunatete* dim. женск. рода; но мнѣ неизвѣстно, какъ бы это связать съ преданіемъ о слонцѣ. Мнѣ самъ древнѣйшій и разсказывается въ различномъ видѣ у арійскихъ племенъ. Ср. Strabo I c. 33, гдѣ упоминается о древногреческомъ мнѣ по Эсхилу.

28) „*Ausca, dea est radiorum solis vel occumbentis, vel supra horizontem ascendentis*“. *Ausca*—ошибка, вмѣстѣ о *Ausra*, а это (по недостатку звуковъ латинскихъ для выраженія литовскихъ) вмѣсто *auszra* (или *ausztra*) означающее собственно утреннюю зарю. Корень *ush*—блестѣть, горѣть, греческое ἠώς, ἔως, αὔωσ=αὔς—ες; lat. *auro*=aus—osa. *Auszrinne* утренняя, *Wakarinne* же вечерняя звѣзда ср. Nesselmann Lit. Volkslieder 1. 2. 3. (три пѣсни упоминающія объ *Auszrinne*).

29) *Modeina et Ragaina silvestres sunt dii*. Еще до сихъ поръ сохранилось названіе богини охоты *Medzojma*; производится отъ *medis* дерево, слѣдовательно у Ласицкаго должно быть *Med*—а не *Mod*; это о вѣроятно вышло изъ втораго слога; можетъ быть, что Ласковскій не хорошо запомнилъ настоящее произношеніе, отчего произошла ошибка Ласицкаго. Отъ того же корня образуется прилагательное *medinnis*—лѣсной (лѣшій? какъ домовый?). Въ Платіевской лѣтописи (Полное собраніе русскихъ лѣтописей. Томъ II р. 188) читаемъ: „Миндокъ же посла къ папѣ и прія крещеніе. Крещеніе же его лживо бысть. Жряше богомъ своимъ въ тайнѣ, первому Нѣнадѣви и Телавели и Диверикзу, заячему богу и Мѣндѣвину“. Последнее божество—это непременно Ласицкимъ упоминаемое: *Modeina*, наше, *Medzojma*, которое въ его время могло звучать *Medjojma*.

30) *Numadėvas* лучшая форма, чѣмъ *конадѣви* и другіе варианты—но все таки она ошибочна. Взявъ въ соображеніе то, что пишетъ Ласицкій: *Numejas vocant domesticos (deos)* и что это слово сложное изъ: *numas, nomas, namas* (діалектическія разницы) домъ и *diewas* богъ: утверждаемъ, что нужно читать *Numadėvas* (а можетъ быть и *Numdėvas*) домашній Богъ (домовой?).

31) *Telavėlis*; по моему мнѣнію ошибочное произношеніе вмѣсто *теявелись*, литовское *тевасъ, tėwas, батюшка, отецъ*, или *tawas, tėwas*; произносится въ первомъ слогѣ такъ, какъ будто бы тутъ стоитъ *ea, ea*; уменьшительное *tawalis, tėwalis, tėwelis* произносится *теявались, теявелись*. Въ жмудскомъ діалектѣ очень часто передъ окончаніемъ *s* исчезаетъ гласная, а, i, отсюда пишетъ и Ласицкій: *Tawals* (вмѣсто *tawalis*) *Deus, auctor facultatum*. Къ названію божества прибавляется очень часто: *tėwas, отецъ*—какъ латыши мать и пр. Ай, Саулит-мáмáльинь Ой, солнышко-мáтушка (Спрогнетъ р. 309, 4);

межа—мате=мать лѣсовъ (Спрог. 26, 1) и друг. Изъ этого слѣдуетъ, что Ласицкаго „*Tawals*“ не обозначаетъ особаго божества, а только почетное названіе божества и человека. *Диверикзу* въ упомянутой выше лѣтописи звучитъ по литовски: *Dėvu riks* т. е. царь боговъ; *dėvu* род. пад. множ. числа отъ *dėwas* богъ а *riks* или *rikis*, царь. Теперь необходимо изслѣдовать, есть ли *Dėvurikis*, *Dėvuriks*, *Dėvriks* только почетное названіе Перкунаса, или означаетъ оно особое божество, такъ что и у литовцовъ видно было стремленіе къ объединенію сонма боговъ? У Ласицкаго мы не находимъ ничего о *Dėvuriks*, но есть другое божество весьма сходное, онъ пишеть: *Auksthejas*.

³²⁾ *Vissagistis* Deus omnipotens atque summus. *Auksztejas* этимологически (отъ *auksztas* высокій) означаетъ: обитающій въ небесной выси. *Visagistis* можетъ быть ошибочно вмѣсто „*Vissagalis*“ (говорять и *Visgalis*, *Visgalisis*); значеніе котораго соотвѣтствуетъ латинскому „*omnipotens*“. Такимъ образомъ и тутъ упоминается о божествѣ, всемогущемъ, обитающемъ на небесной выси, которое только и можетъ быть упоминаемымъ лѣтописью божествомъ „*Dėvuriks*“. Слѣдовательно и тутъ рождается упомянутый выше вопросъ: есть ли *Auksztejas Vissagalis* только эпитетъ Перкуна, или особое божество?

³³⁾ И такъ казалось бы, читая въ связи слова Ласицкаго: *praeter eum, qui illis est Deus Auxthejas Vissagistis, Deus omnipotens atque summus, permultos Zemepacios* т. е. *terrestres venerantur*, гдѣ всемогущему божеству противопоставляются божества низшія. *Zemepacios*, латинскій Acc. Plur.—по этому вышелъ бы *nom sing. zemepacius*, форма изуродована, вмѣсто *zemepatis* или *zempats*, означающее божество земли; *zeme*—земля; а *patis*, *pats*, панъ, и вообще владѣющій чѣмъ-нибудь. Но *zempats* не употребляется никогда, въ значеніи землевладѣльца.

³⁴⁾ И такъ напр. *Žemina* (*Žeminele*), о которой Ласицкій сообщаетъ только то, что она *dea terrestris*; она часто называется *Žempati*, и

³⁵⁾ *Laukpats*, означаетъ божество луговъ, полей; у Ласицкаго онъ называется *Laukopatimos*: „*Laukopatimo ituri aratum vel satum supplicant*“.

³⁶⁾ Точно также и у него значится божество „*Rauguzemapatis*“. *Simili modo Rauguzemapati offerunt posteaque ebibunt primum vel cerevisiae vel aquae mulsae e dolio haustum, quem Nulaidimos... cognominant*. Явствуетъ, что и это божество называется *Žempats*; но относительно „*Raugu*“ рождается вопросъ, не измѣнила-ли память Ласковскому, потому, что трудно допустить существованіе божества *кислоа тѣста* [*raugus* кислое тѣсто; *raugu* gen plur; непонятно также за чѣмъ *pluralis*]. По этому поводу предлагаю читать *ruggiū* [gen. plur отъ *ruggis* рожь—ржаное зерно] такъ что *ruggiū zempats* означало бы полевое божество, божество ржи, ржиныхъ зеренъ и въ самомъ дѣлѣ это божество или мифическое существо извѣстно въ различныхъ преданіяхъ и обрядахъ. (Ср. Mannhardt, Roggenwolf, Roggenhund). Кромѣ того мы читаемъ о такомъ божествѣ въ латышскихъ пѣсняхъ:

Идетъ по овсяному полю Лайма,
У нея плащъ изъ овсяныхъ колосевъ
По полю ржи идетъ Богъ,

У него шапка изъ ржанныхъ остій. Бривз. р. 29, 60.

По всей вѣроятности Ласковскій помѣшалъ слова *gaugus* и *ruggis*.

37) Остается слово *Nulaidimos*, въ значеніи возліянія; и дѣйствительно *nuleidimas* означаетъ: разливаніе (ср. Nessel. s. v. p. 361. *Nuleidimas*, das herablassen u. s. w. отъ *nuleidziu herablassen*, *teich ablassen*; *abzapfen*. О зайчемъ богѣ, какъ не упомянутомъ Ласицкимъ, удобнѣе будетъ сказать въ другой разъ.

38) Слова Ласицкаго слѣдующія: *Tertio post Ilgas die, deum Waizganthos colunt virgines, ut illius beneficio, tam lini, quam cannabis habeant copiam. Ubi altissima illarum, impleto placentulis, quas Sikies vocant, sinu, et stans pede uno in sedili, manuque sinistra sursum elata, librum prolixum vel tiliae vel ulmo detractum (ex quo etiam calceos contexunt), dextra vero craterem cerevisiae, haec loquens tenet: Waizganthos devaite, auging mani linus teip ilgies ik mani, nie duok munus nogus eithi. Waizganthos, inquit, produc nobis tam altum linum, quam ego nunc alta sum; neve nos nudos incedere permittas. Post haec craterem exhaurit (nam et foeninae bibaces sunt) impletumque rursum, deo in terram effundit et placentas e sinu ejicit, a deastris, si qui sint Waizgantho, comedendas. Si haec peragens, firma perstet, bonum lini proventum anno sequenti futurum, in animum inducit. Si lapsa pede altero nitatur, dubitat de futura copia, fidemque effectus, sequitur.*

39) Илги (по литов. *Ilges*, gen. *Ilgiu* plurale tantum) праздновались въ началѣ ноября. „Fieri id sacrum Lascovius ait postridie festi omnium sanctorum, qui dies est secundus novembris. Спустя три дня приносили жертву божеству *Vaisgamtas*, или *Vaisgamts*. Между прочимъ приносили печеніе, *Sikkės*.

40) *Sikke* (gen. *sikkės* fem.) называется пирогъ изъ ржаной или пшеничной муки, но какова его форма неизвѣстно. Литовскую молитву пытались поправлять—ср. *Lelewel. T. V* p. 479, и вообще мое изслѣдованіе: *Jan Łasicki* p. 26 sqq. Слѣдуетъ читать: *Vaisgamte devaiti, augink mani linnus tejp ilgas, ik mani, nie duok munus nogus eiti*. Относительно формы: *Vaisgamtas* можно еще сомнѣваться. *Mannhardt* предлагаетъ *Vaisgautos*, *Praetorius* *Waisgautis*, у Ласицкаго читаемъ *Waizganthos*; я привелъ различныя мнѣнія въ моей упомянутой статьѣ p. 28 sq. я рѣшился наконецъ принять форму: *Vaisgamtes* въ значеніи родителя плодовъ (собст. овощей; *Vaisus*—овощь). Все затрудненіе состоитъ въ томъ, образуется ли отъ корня посредствомъ суффикса *ta-s* существительное съ дѣйствительнымъ, такъ что предполагаемое *gam-ta-s* означаетъ рожающаго; если нѣтъ, тогда слѣдовало бы образовать *vais-gam-tjas*—*Vaisgamtis*, какъ отъ генти корень *gam* подиращаю, *ramtis* подираю (ср. *Schleicher Lit. Gram.* p. 116). *Vaisgamtis* совпадаетъ съ

Vaisgautis Преториуса; я же принял форму Vaisgamtas потому, что она подходит къ формѣ Ласицкаго „Vaisganthos“.

⁴¹⁾ Cum autem nimia aestatis brevitаs, fruges demessas siccari non sinat, fit hoc sub tectis ad ignem. Tum vero precandum est illis hisce verbis *Gabie deus: Gabie devaite pokiелki garunulejski kirbixtu*. Flammam eleva, at ne demittas scintillas. Изуродованныя слова такъ поправляю: Gabie dēvaite pakielki garu (по литов. gara) ne lejski kibirksztіu т. е. Богъ Габе усили жаръ, не сыпь искрами (of Jan Las. p. 31, 32). Относительно обычая читаемъ у Преториуса (котораго къ сожаленію слишкомъ поздно получилъ) стр. 106: „Man sieht noch bei den Nadrauern (въѣтви прусскаго народа) dass sie vielerhand Gebäude auffrichten... sie haben auch *jaugien* (по лит. jauja, гумно, въ которомъ сушить хлѣбъ), worin sie das auszudreschende Korn vermittelt einer gewissen *kammer*, darin ein von Feldsteinen gemachter Ofen eingeheizt wird, dörren und ausdreschen. Die *Jauge* ist ein Gebäude, wie hiesiger Orten (въ Прыци) die Ziegelscheunen gebaut sind, nur das von einem ende ein festes Estrich geschlagen wird, darauf sie das ausgedorrte Getreide ausdreschen können, woselbst eine ziemlich breite Thür gelassen wird, theils dass darin das Getreide aus der Scheune kann eingebracht werden, theils dass dadurch der Wind eingehen kann, wenn sie das ausgedroschene Getreide auswürfeln wollen. Am andern ende aber ist aufgerichtet insgemein ins Vierkannt, oft auch länglicht (?) ein dichtes Schürtzwerk in gutem moos gelegt mit einer Thür, doch ohne Fenster, nur dass unten bei der Erde ein Fensterlein gelassen wird, dass der Fraden (паръ) von dem zu dorrenden Getreide gelassen (мало-по-малу) ausgehen kann. An den beiden Seicten *der langen Wand* wird etwa 1½ Ellen hoch und dicht an der Wand, inwendig von der Erde zu rechnen, ein Balken fest gemacht. Auf solchen Balken werden lange Stangen gelegt, so breit das Schürtzwerk ist. Darauf man das Getreide stehend fleihет, welches mehr schier als drei viertel einimbt des inwendigen Raumes. In demselben Schürtzwerk *daneben* ist an der einen Seite ein Ofen von Feldsteinen oder ein kleiner Backofen von Ziegel gemacht, darin Feuer gemacht kann werden von trockenem harten Holz, so wenig Flammen giebt (?) dadurch das ganze Schürtzwerk recht wie eine Badstube warm wird. Jedoch muss Acht gegeben werden, dass von dem eingebrachten Getreide nicht etwas Stroh zu nahe an den Ofen komme.... Und sind auch bei ihnen gemein die *Žardai* (*Žardas* stangen, phalgerüste, жердь) auf welche sie das noch nicht genug auf dem felde getrocknete Getreide, insonderheit die noch grünen Erbsen, aufhängen. p. 109: *Krosnis* * d. i steinofen... in ihren... Jaugen, d. i Dreschlhäusern. Sie werden insgemein also gemacht: Sie suchen hervor grosse lange und breite Feldsteine, die setzen sie gegen einander so dass die Obertheil zusammen kommen, die Untertheil von einander abstehen. Solcher Steine setzen sie nach der *Reyge* (т. е. reihe) hin, biss als sie den Ofen lang haben wollen. Die wissen sie so fest und dicht zu setzen, dass man eine grosse Quantität kleiner Steine

darauflegen kann, die sich leicht durchhitzen, aber keine Flamme auslassen können. Я сообщил этот длинный рассказ потому, чтобъ онъ отчасти служилъ поясненіемъ нашего мѣста. Теперь понятно зачѣмъ жмудини обращались къ божеству огня, чтобы онъ усилилъ жаръ но не сыпалъ искрами.

⁴²⁾ Не смотря на приведенное нами устройство печей, очень часто вспыхивали пожары, почему обращались къ демону *Tratintojas Kibirksztiu*: тушителю искоръ, чтобы онъ потушилъ ихъ; Ласицкій сообщаетъ намъ о немъ слѣдующее: *Tratitas (sic) Kirbixtu (sic) deaster est, qui scintillas tugurii restinguit*. Обратимся теперь къ нашему божеству: *Gabie*. Относительно формы можетъ быть сомнѣніе. Намъ неясно происхожденіе этого слова; *gabenti* означаетъ приносить, сносить, сносить въ кучу, въ кучку, такъ что *Gabie* былъ бы именно огонь снесенный въ кучку, значеніе весьма подходящее, которое находило бы свое подтвержденіе въ молитвѣ, сообщенной мнѣ г. Микуцкимъ. По словамъ его произносить ее еще до сихъ поръ, вечеромъ, когда хозяйка собираетъ на очагъ огонь въ кучку для сохраненія его до слѣдующаго дня: *Szventa Gabēta givenk su mumis lin ksmaj*, т. е. святая Габета весело проживай съ нами. Кромѣ того находимъ замѣчаніе Акелевича у Лелевеля (Томъ V стр. 462 прим. 30) что *Gabija* или *szventa Gabija* это торжественное названіе огня.

Съ этимъ соглашается, то, что пишетъ Прѣториусъ р. 34 (р. 75 рукописи): *jetziger zeit halten unsere Nadrauer insgemein das Feuer vor heilig, nennen es Szwenta Ponyke, die heilige Herrin (Fraw), а потомъ: jetziger Zeit (т. е. въ XVII вѣкѣ) unsere nadravische Weiber, wenn sie des Abends das feuer verscharren, gebrauchen noch diese Worte: Szwenta Ponyke (Ugnele) asz tawe graszei palaidossu, kadda ne papykstum bai d. i. du heilige Fraw (Feuer) ich will dich recht schön bedecken (begraben), damit du ja nicht über mich mögest zürnen. Hierbei ist zu wissen, dass in Nadrauen die Leute ein sonderliches Loch auffm Herde halten, worin sie das Feuer einscharren, und wenn ein solch eingescharrtes Feuer ausgegangen und man den folgenden Tag kein Feuer in dem Loch findet, halten sie es vor ein böses Zeichen*. Такимъ образомъ взаимно пополняются и объясняются приведенныя мною мѣста, заслуживающія вполне подробнаго разбора, что я и сдѣлаю въ другомъ мѣстѣ. Теперь мы обратимъ вниманіе только на то, что огонь домашняго очага считался священнымъ и что онъ назывался въ Пруссіи *Ponyke*. Прѣториусъ объясняетъ это слово посредствомъ „Fraw“ отъ *Pona* польское *Panna*. Между тѣмъ мы читаемъ у Несселманна: *Thesaurus Linguae Prussicae* p. 119 *panno feuer i panu—steclan Feuerstahl*, такъ, что предполагаемая мною форма *Panika*, (вос. *Ponike* вмѣсто *Panika*?) можетъ означать огонекъ. Съ этимъ *panusteclan* интересно сравнить литовское *Titnagas* „feuerstein“, которое очевидно сложное изъ *Tit* и *nagas*; послѣдняя часть, кажется сама по себѣ означаетъ: „ремень, отчего производится „ножь“, польское *póź*, такъ какъ первый ножъ непременно былъ сдѣланъ изъ кремня. Изъ этого слѣдовало-бы, что въ части *Tit*—нахо-

дится опять корень обозначающий: огонь, мѣние котораго я никому не желаю навязывать.

У Ласицкаго читаемъ еще одно слово, сложенное съ корнемъ „gab“ а именно:

⁴³⁾ *Matergabiae deae offertur a femina ea placenta, quae prima e mactra sumta, digitoque notata, in furno coquitur. Hanc post non alius quam paterfamilias vel ejus conjux comedit... illum autem primum e massa exemptum panem: Taswirzis cognominant.*

⁴⁴⁾ Кажется, что *Taswirzis* сложенное слово: первая часть *Tasz* (*taszla*) тѣсто, другая *virszus* верхъ, такъ что значеніе его „верхняя часть тѣста“, соглашается съ объясненіемъ Ласицкаго. Главное дѣло, что слово *Matergabia* неясно. Взявъ въ соображеніе, что *Gabie*—священный огонь, думаю, что *Mater* можетъ быть почетное названіе богинь, какъ *tēvas* боговъ, слѣдовательно *Matergabia* вообще мать-огонь, какъ читается у Спрогиса 309. 4. Ай Саўлитъ-мамалінь: Ой Солнышко-матушка т. е. солнышко; р. 26 межа мате, мать лѣса. Брявземнякъс: народныя пѣсн стр. 45 № 152, 153, межа мате, лѣсная мать, 154 Юрас мате, морская мать; кярят мат', мать войны. Такимъ образомъ и *Matergabie* можетъ значить мать-огонь, и ей именно приносили первый пирогъ. Однакоже нельзя скрывать одного затрудненія: обыкновенно такое почетное названіе занимаетъ мѣсто второе, а не первое, какъ въ нашемъ словѣ. Это затрудненіе, по моему мнѣнію, устраняется тѣмъ, что *matergabie* составляетъ одно сложное слово. Прежде я иначе понималъ, думая, что *matergabie* означаетъ первый пирогъ принадлежащій матери. (Jan Łas. р. 70). Затѣмъ Ласицкій говоритъ:

⁴⁵⁾ *Polengabie diva est, cui foci lucentis administratio creditur.* Вмѣсто *Polengabie* читаю: *Pelengabie*; *pelenas* значить *очагъ*, *feuerherd*, слѣдовательно цѣлое слово „огонь очага“, который въ самомъ дѣлѣ считался священнымъ. Относительно же:

⁴⁶⁾ *Aspelene*, о которой Ласицкій кратко замѣчаетъ: *angularis (dea creditur)*, полагаемъ, что значить запечекъ. Ширвидъ s. v. *Zapiesek* говорить: *locus retro fornacem, azipreczis. Azipelenis* означаетъ по всей вѣроятности тоже самое, такъ какъ *pelenas*, *pelenis* значить „очагъ“ *feuerherd* (Nesselm. р. 282 s. v.); форма же *Aspelene* для меня не ясна. Вопросъ теперь, считалось-ли это мѣсто „за очагомъ“ священнымъ, или нѣтъ. Народныя пѣсни, точное описаніе домашней жизни литовскаго народа: могли бы намъ доставить точный отвѣтъ. У Прэториуса р. 79 (Pierson р. 37) мы читаемъ, что въ одномъ углу комнаты, обыкновенно въ углу въ близи очага, лежалъ священный змѣй, и что это мѣсто называлось *Miggi* (sic) „die Lagerstätte der Hauschlange, neben dem Ofen oder in sonst einem Winkel des Hauses hat Miggi geheissen. Такимъ образомъ уголь (cf *angularis*) при печкѣ могъ называться *Aipelenis*; *Miggi* же, мѣсто занимаемое змѣемъ, гдѣ спалъ. У Несселм. р. 391 s. v. значитъ: *Miggi* мѣсто дляспанія для животныхъ, *Lagerstätte besonders d. Viehes*. И только въ сказанномъ смыслѣ слѣдуетъ понимать загадочное сообщеніе Ласицкаго: „*angularis*“.

47) Ласицкій пишетъ: *Ceterum, quid agant..... Klamals (sic) non libenter id Christianis aperiunt*. Опечатка *Klamals* сдѣлала ученымъ много хлопотъ (*Jan Łas. p. 62*); между тѣмъ мы должны читать: *Klevals*, (ласкательное отъ *klavas, klevas*, клѣнь), полная форма коего: *klavalis, klevelis, klevallis*. Что касается формы: то аналогически ей отвѣчаетъ форма *tevals, tavalis*, отъ *tevas, tevas, tavas*, отецъ, (е произносится какъ ея, отсюда различная орфографія). Извѣстно, что литовцы почитали лѣса, рощи и деревья, о чемъ и Ласицкій сообщаетъ. При томъ заслуживаетъ полного вниманія его же замѣчаніе, что божество лѣсовъ и деревьевъ, именно вредныя домашнимъ дѣламъ, живутъ за корою, или точнѣе между корою и сердцевиною, и что страшныя мнѳическія существа (*spectra*) являются въ лѣсахъ. Къ божествамъ лѣса принадлежатъ:

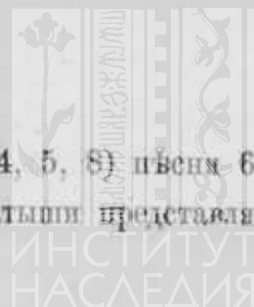
48) *Kėrpiczus* и *Szilinczus*, о которыхъ Ласицкій: *Kierpiczus, hujusque adjutor Silinczus (dei) musci in silvis nascentis: cujus in aedificiis magnus apud illos est usus. Huic etiam muscum lecturi sacrificant. Kėrpiczus* можетъ быть божество мха отъ *kėrpe* мохъ; *Szilinczus* же отъ *szitas* лѣсъ, божество лѣса. Полагаемъ, что они дѣйствительно божества, потому что они въ духѣ литовскихъ вѣрованій. Кромѣ того я считаю мнѳическими существами, а не людьми, такъ-называемыхъ *межа вирай* (*Sing. meža vīrs*), о которыхъ болѣе подробныя свѣдѣнія читаемъ въ латышскихъ пѣсняхъ, напримѣръ.

1. Межа вирсъ (т. е. лѣсный мужъ) ѣдетъ въ лѣсъ,
На немъ лѣсная одежда,
Лыковая рубаха, лубочныя портки,
Берѣстовая шапка.
2. Межа вирасъ ѣдетъ въ лѣсъ,
Онъ въ лѣсной одеждѣ,
Терновыя портки, игольчатый кафтанъ,
Шапка, шитая изъ берѣсты.
3. Будучи межа вирсъ
Я пою лѣсную пѣсню
Изъ древесныхъ иголъ у меня кафтанъ
Изъ древесныхъ почекъ шапка.
4. Радуйся, мать лѣсовъ (межа мате)
Мужи сильные ѣдутъ въ лѣсъ,
Острые топоры, кованныя тѣлеги
Подкованныя лошади.

Эти межи вирай опасны для лѣсничихъ, по чему

5. Берегитесь лѣсничіе
Мужи сильные ѣдутъ въ лѣсъ и т. д.

(Спрогись: памятники латышскаго народнаго творчества р. 26, № 3, 4, 5, 8) пѣсня 6-я весьма важна какъ по тому, что въ ней читаемъ, въ какомъ видѣ латыши представляли

себѣ страдающую душу послѣ смерти, такъ и потому, что она подтверждаетъ слова Ласницкаго, по которымъ являются въ лѣсахъ: „spectra“.

На опушкѣ лѣса
Подымается темно-зеленый дымъ,
Тамъ юрится душа молодца
За насмѣшки надъ дѣвками.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что кромѣ клѣна, *klevas*, о которомъ поютъ многія пѣсни, почитали также и дубы, липы, ясени, яблони. Последнее дерево играетъ большую роль въ мифическихъ пѣсняхъ и разсказахъ, напримѣръ:

Спи, спи, Солинышко
Въ яблоневомъ саду,
У тебя полны глаза
Яблоневыхъ цвѣтовъ. Спрог. р. 314, 14.

Этотъ яблоневый садъ, яблоневые цвѣты, непременно означаютъ *Вечернюю зарю*, являющуюся при *закатѣ* Солнца, значеніе, которое, яснѣе всего, видно въ пѣсни сообщенной Бривземніаксомъ р. 31, № 73.

Солнце вѣхало
Въ садъ съ яблонями,
У него девять колесъ
И сто коней.
Спи теперь Солинышко
Въ саду съ яблонями,
Тамъ цвѣтами
Осыпаютъ тебя.

Слѣдовательно солнце вѣзжаетъ въ садъ съ яблонями, вечеромъ, потому что оно послѣ вѣзда спитъ, т. е. наступаетъ ночь.

Это вѣрованіе имѣетъ свое начало въ анперценціи розоваго цвѣта яблони и розовой зари; потомъ встрѣчаемся съ представленіемъ, будтобы на самомъ краѣ запада вообще стояла роща или какое-то дерево:

Развѣсистая липа росла
На краю Солнечнаго пути
Тамъ Солинышко *каждый вечеръ*
Заходя вѣшаетъ свой поясъ. Брив. р. 32, № 82.

Въ другой пѣснѣ мы читаемъ, что солнце носить розовую одежду а вечерняя заря проиходитъ отъ того, что солнце провѣтриваетъ свою „шелковую одежду“.

Почему каждый вечеръ
Края облаковъ *краснѣютъ?*
Потому что Солнце *каждый вечеръ*
Провѣтриваетъ свою шелковую одежду. Брив. р. 32, № 83.

Въ какой же тѣсной связи стоятъ представленія о закатѣ солнца, вслѣдствіе котораго является черная ночь, съ представленіями о смерти и съ обрядами, мы видимъ изъ слѣдующей пѣсни:

Когда я умру, матушка
Куда ты дѣнешь мой вѣночекъ?
Повѣсь его, матушка, на липочкѣ.

(точно такъ, какъ заходящее солнце вѣшаетъ поясъ, вѣночекъ и т. п. на липѣ)

Пусть его бѣлится солнышко!
Станутъ осматываться цвѣты у липочки.
Съ вѣночка посыплются блески. Спрог. р. 38, № 26.

Въ этихъ блескахъ, цвѣтахъ, проживаетъ душа умершихъ—но не желаю здѣсь продолжать дальнѣйшихъ замѣчаній, которыхъ громадное количество доставляетъ изученіе латышскихъ пѣсней, находящихся въ приведенныхъ мною отличнѣйшихъ сборникахъ латышскаго народнаго творчества. Благодаря имъ, мы въ состояніи отчасти возстановить въ настоящемъ видѣ литовскія вѣрованія, изуродованныя авторами литовской мифологій.

⁴⁹⁾ Кажется, что и *орѣшина* принадлежитъ къ деревьямъ, почитаемымъ литовцами. О ней поютъ латышскія пѣсни; и Ласицкій упоминаетъ, что *Lazdona avellanarum* (dea); относительно формы *Lazdona* я высказалъ свое мнѣніе подъ словомъ *Ežegullis*, въ томъ мѣстѣ, гдѣ говорится о формѣ *Vėlonis*. *Lazda*, *Lazdinas*, орѣшина, польское *Leszczyna*. Объ извѣстныхъ видахъ другихъ почитаемыхъ деревьевъ можно читать подъ словомъ: *Kirnis* i *Birzulis*.

⁵⁰⁾ О значеніи см. прим. 33; слѣдуетъ-ли писать *Žemepatis*, или *Žempatis*? Замѣчаемъ, что Литовцы (въ тѣсномъ смыслѣ) въ сложныхъ словахъ прямо присоединяютъ первую часть къ другой, а не посредствомъ „соединительной гласной“ напр. *Žemgullis*; судя по формѣ *Matergabie*, кажется, что и жмудзини держатся того же правила.

⁵¹⁾ *Dėvaitis*, отъ *dėvas*, *dėvs*, Богъ, въ ласкательномъ а не уменьшительномъ значеніи, потому что *Perkunas*, *Perkuns*, также *dėvaitis*, и нельзя сказать, чтобы онъ принадлежалъ къ низшему разряду божествъ.

⁵²⁾ *Aitwaros est incubus, qui post sepes habitat. Id enim verbum ipsum significat.* Еще до сихъ поръ можно слышать объ *Aitvaras*, *Aitvars*, *Eicvars*, (въ Маріампольской окрестности), змѣѣ, который приноситъ счастье, деньги, и т. п., отчего Литовцы говорятъ: *Aitvaras jam vissas geribas sunėszu* т. е. Айтварасъ приноситъ ему все богатства, и *Aitvaras jo plaukus sužindo* или *suvele*, Айтварасъ спуталъ его волосы. (*Jan Łas.* р. 46). Въ прусскихъ преданіяхъ много говорится объ этомъ существѣ. „Den Aitwars oder Alp beschreibt der Baur allhie in Nadravien, dass er soll wie ein Mensch gestalt sein, mit unglaublich grossen Händen und Füßen“. „Sie (т. е. Надравцы) sind in dem Wahn, bei

dem das Wetter einschlägt, es mag zünden oder nicht, so ist jemand von den preussischen Göttern im Hause und sollte es auch nur ein Aitwars, den etliche vor den Alff (sic) halten, sein; wird derselbe getroffen, so zündet er das Haus an, wird er nicht getroffen, so wird der Donner und Blitz dem Hause nichts schaden. Der Aitwars aber wird geschlagen von Perkunus (sic) i. e. Donner, dass er sich mit dem Menschen gar gemein gemacht, und weil er um des Menschen willen gestraft wird, so rächt er sich mit dem Feuer an dem Menschen, dessen Haus er anzündet. Den Aitwars halten sie vor einen solchen Gott, der Fleisch und Beine hat; deswegen sie insgemein auf der Brandstette einige Knochen suchen, die sie auch einhelliger relation nach, gewiss finden, ungeachtet weder ein Mensch, noch Thier zu der Zeit in dem Hause gewesen. Прәторіусъ продолжаетъ: der Aitwars (wohnt) über der Erden; der Aitwars ein *drach oder grosse schlange* (выше сказано, что имѣлъ видъ челоуѣка), dessen Kopf feurig; der Aitwars bringt ihnen auch Schaden (другимъ же на оборотъ счастье), denn die Nadraven denjenigen, so einen Alff (т. е. Айтвараса) halten, nicht günstig sein; denn derselbe Aitwars *anderen Leuten* in die Klethe (подъ амбара), Speicher und Scheune eindringen und da Getreidigt ausrauben soll, wie sie denn auch wissen, den Aitwars bald von dem ort zu verjagen, nemlich, soweit ihrer relation zu trauen, auf solche Art: Sobald si einen Alff *fliegen* sehen, ziehen sie ihr Messer aus und stecken dasselbe in den Ort, wo sie mit ihren Füßen auf der Erden gestanden, sprechende: Hie zeige ich dir meinen Ort, zeige mir auch deinen Ort. Darauf soll der Aitwars denselben Menschen insgemein mit Läusen beschütten, er aber (т. е. Айтварсъ) muss verschwinden, doch ehe er von da wegzieht, soll er insgemein das Haus, worin er sich aufgehalten, anzünden und also seine Stätte zeigen oder wüste machen“. „Dem Aitwars muss von dem Gekochten oder Gebratenen und zwar das Erste, wovon sonst keiner was geschmecket hat, gegeben werden“. Тоже самое разсказывается въ окрестностяхъ Маріамполя съ прибавленіемъ, что хозяйки ставятъ Айтварсу пищу, обыкновенно просяную крупу, подъ чердакомъ, но пища не должна быть горячая; случилось, что прислуга поставила горячую крупу, и Айтварсъ разгневанный зажегъ домъ.

⁵³⁾ *Kaukie* (sic) sunt lemures, quos Russi *Uboze* appellant: barbatuli, altitudine unius palmi extensi: iis, qui illos esse credunt, conspicui, aliis minime. His cibi omnis edulii apponuntur, quod nisi fiat, ea sunt opinione, ut ideo suas fortunas (id quod accidit) amittant. Такъ Ласицкій. Объ этихъ существахъ много разсказывается, по чему считаю лишнимъ разпространяться; скажу только, что они называются различно, напримѣръ: *Pirsztukai*, *Niksztukai* отъ *Pirsztis*, *Niksztis*, палецъ. У Стрыйковскаго читается *Parstukai* (Jan Łas. p. 19, sqq). При разборѣ письма Малецкаго (Maeletius) будетъ удобнѣе о нихъ говорить, а именно критически ихъ сравнить съ приведенными Прәторіусомъ *Barzdukai*, *Markopetai*, съ польскими *Krośniąta*, *dremni*, *drumni* (*drobni*), *sporysze*, и т. п. Прәторіусъ называетъ ихъ еще *Kaukuczei*; главнымъ образомъ они живутъ подъ землею.

⁵⁴⁾ Настоящая литовская форма: *Givata, Givate*; можетъ быть, что жмудзины называютъ эти животныя *Givajte, Givojte*: „Nutriunt etiam quasi deos penates nigri coloris obesos et quadrupedes quosdam serpentes *Givoilos* vocatos. Hos timore perculsi, dum ex antris aedium ad pastum appositum prorepunt seque pasti in ea recipiunt, aspiciunt et colunt. Si quid infortunii accadat cultori, serpentem male fuisse tractatum censent. Почитаніе змѣй Литовцами самый извѣстный фактъ, и разсказывается всѣми авторами о Литовскихъ вѣрованіяхъ. Странно, что до сихъ поръ нигдѣ мнѣ не случилось читать, какое ихъ настоящее названіе. Утверждаютъ, что змѣи пьютъ молоко; я сомнѣваюсь въ этомъ и думаю, что этотъ фактъ вездѣ извѣстный, но ни кѣмъ не доказанъ. Къ этимъ разро- страненнымъ разсказамъ о змѣяхъ причисляю и тотъ, будто бы они высасываютъ молоко у коровъ; между тѣмъ у змѣй нѣтъ такихъ органовъ, посредствомъ которыхъ онѣ могли бы сосать. По описанію Ласицкаго и Гвагина *givata, givojte*, не будетъ змѣй, а ящерица.

Жмудину и вообще Литовцу необходимо было имѣть въ своемъ домѣ змѣя; если его не было, хозяинъ обращался къ малдининку (*maldininkas*, родъ жреца, какихъ въ Литвѣ было множество). Явившійся съ змѣями ставилъ на покрытомъ столѣ чашу (*Kauszele*) и кружку съ пивомъ, потомъ молился; между тѣмъ змѣй долженъ былъ изойти на столъ, послѣ чего Вайделуотасъ описывалъ кругъ около змѣя, который съ тѣхъ поръ спокойно держался на своемъ мѣстѣ, пока не были окончены всѣ требуемыя въ этомъ случаѣ многочисленныя молитвы. Потомъ Вайделуотасъ, наливъ пива въ чашу (*Kauszele*), поливалъ змѣя, который только теперь, двинувшись съ мѣста, по указанію жреца прикасался поставленной на столѣ пицци, послѣ чего сползалъ по полотенцу на землю. Между тѣмъ Вайделе, замѣтивъ гдѣ змѣй отыскалъ удобное для себя мѣсто, и помолвившись, освящалъ это мѣсто. Пиромъ и угощеніемъ жреца кончался обрядъ. Такъ разсказываетъ Бреткюсъ у Прѣторіуса.

Въ другомъ мѣстѣ пишетъ Прѣторіусъ, что встрѣчать змѣевъ считается счастьемъ: *insonderheit trachten viele in Litauen nach einer Schlangen mit Hörnern, die sie vermittelst eines Schleiers, den sie auf dem Ort, wo solche Schlangen zu finden sein, hinspreiten, zu fangen wissen. Denen schreiben sie grosse Kraft zu vielem Glück zu.* Этотъ обычай существовалъ не только въ Литвѣ; о немъ пишетъ Шварцъ: *Ursprung der Mythologie.*

⁵⁵⁾ Теперь *Ragana*, волшебница, *czarownica*; о ней въ Литвѣ много разсказовъ и пѣсень. Ласицкій называетъ ее божествомъ лѣса; это только отчасти вѣрно. Интересно было бы узнать, существуетъ-ли дѣйствительно въ литовскомъ языкѣ слово *ragas, ragas*, въ значеніи алтаря? Въ такомъ случаѣ *ragana* можетъ означать принадлежащую къ алтарю т. е. жрицу, которая послѣ принятія христіанства обыкновенно переходить въ число волшебницъ.

⁵⁶⁾ Ласицкій: *Smik, Smik Perlevenu; hunc deum Lituani vere araturi, venerantur.*

Prima agri lira, vomere facta, hujus ipsius est, quam huic, qui illam duxit, toto anno transgredi haud licet: alioquin divum sibi infestum haberet. Это божество мифологомъ дало поводъ къ утѣшительнымъ выводамъ. Литовскія слова слѣдуетъ читать (ср. Jan Las. p. 33) Smik, Smik, per velenu. Smik, оноματοпоэтическое слово; здѣсь о скоромъ движеніи змѣя; velenu жмудской Acc. Sing; литовскій veleną отъ veleną, дернина, трава; слѣдовательно цѣлая фраза: смикъ, смикъ черезъ траву. Для поясненія этой формулы уместно будетъ привести рассказъ Прэторіуса: Батракъ, происходившій изъ деревни, лежащей близъ лѣсу въ окрестности Георгенбурга, служилъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ (въ другой половинѣ XVII вѣка) недалеко Инстербурга (Instrutis въ Пруссіи). Онъ рассказывалъ, что въ нѣкоторыхъ деревняхъ скрываются Вайделе, которыхъ онъ называлъ „Monininkas“ (знахарь). Они въ определенное время, обыкновенно весною или осенью, какимъ-то знакомъ созываютъ народъ и извѣстными молитвами собираютъ змѣевъ, которыхъ извѣстными знаками заговариваютъ. Потомъ такой monininkas поставяетъ на столъ пшѣ и пищу; для змѣевъ же особо покрывается столъ и ставятъ молоко. Змѣи по накрытой полотенцомъ доскѣ входятъ на столъ и по указанію Monininkas прикасаются къ приготовленной пицѣ. Затѣмъ начинается пиръ, послѣ котораго каждый изъ присутствующихъ общалъ колдуну лицо, къ которому онъ былъ неразположенъ, кто ему нанесъ обиду и какимъ образомъ желаетъ отомстить обидѣнному. Если онъ желалъ, чтобы повредить полямъ, тогда Вайделе, взявъ въ руку змѣя, молился и пускалъ его черезъ двери или окно, произнося слова: Szmikszt per Eže (nie Esze какъ въ подлинникѣ) т. е. смикнуть, иди черезъ межу, и въ такомъ случаѣ хлѣбъ и другіе плоды будутъ истреблены градомъ или насѣкомыми. Если же скажетъ Вайделе: Szmikszt per arruodą (т. е. иди черезъ амбаръ), то попортитъ весь сложенный хлѣбъ; если же скажетъ: Szmikszt per twartus (т. е. иди черезъ заборъ), то погибнетъ скотъ. Этотъ Вайделе былъ такъ-называемый Zaltonis (т. е. змѣиный колдунъ, отъ žaltis змѣя).

Конечно поневолѣ рождаются еще другіе вопросы, требующіе разъясненія, чтобы согласить рассказъ Прэторіуса съ словами Ласицкаго или доказать, что Ласицкій смѣшиваетъ два обряда. Но для нашей задачи главное то, что поясняется фраза Ласицкаго и что она т. е. фраза „Smik, Smik per velenu“ не божество, а формула колдуна.

⁶⁷⁾ Ласицкій сообщаетъ: Luibgeldas divas venerantes, ita compellant: Luibegeldae per mare porire sekles gillie skaute: Vos deae transmisistis ad nos omnia semina siliginea in putamine glandis. Я пытался поправить литовскій текстъ слѣдующимъ образомъ: (Jan Las. p. 44): Lajbos geldos permetet purinnes seklas gilles kaute. Это загадка, какихъ много у Литовцевъ; разгадать можно ее, смотря по двусмыслию или переносному значенію словъ: *gelda* почевка или корабль; *gille* желудь и *Gile*, собственное имя рукава рѣки Немна, *kautas* скорлупа и всякая поверхность; въ такомъ случаѣ смыслъ загадочныхъ словъ будетъ; или: тонкія почевки, вы перевезли пшеничныя зерна въ скорлупѣ желудя, или

Быстрые (тонкіе) корабли, вы перевезли пшеничныя зерна по рукавъ Немна. Однакожь относительно чтенія *Lajbos geldos* у меня рождается сомнѣніе, состоящее въ томъ, что Ласицкій обмѣновенно передаетъ литовскій звукъ *ai* въ формѣ *oi*; такимъ образомъ мы ожидали бы *loibe* а не *luibe*. Слова Прэторіуса еще усиливаютъ мое сомнѣніе: что *luobgelda* (по неопредѣленности литовской орфографіи пишется *luba* и *loba*) означаетъ „корабль“; съ другой стороны *luobgelda* этимологически значить: ночевка изъ луба. Слѣдующимъ этимъ соображеніямъ, я предпочиталъ бы писать *Luobgeldos* вмѣсто *laibos geldos*. Во всякомъ случаѣ это не будутъ божества „*divae*“ а начальныя слова загадки.

⁵⁸⁾ У Делевеля I. I.

⁵⁹⁾ Трудно предполагать, что *Kurvaiczin*, *Egaiczin*, опечатки вмѣсто *Kurvaiczin*, *Egaiczin*; это былъ бы Gen. Plur.

⁶⁰⁾ *Litauische Volkslieder* p. 153. Издатель соединилъ приведенную пѣсню съ другою; но она не имѣетъ ни малѣйшей связи съ предыдущею и сама по себѣ составляетъ особую пѣсню, какъ читатель сейчасъ замѣтитъ.

⁶¹⁾ *Wörterbuch der lit. Sprache* s. v. *Battis*.

⁶²⁾ Въ сочиненіи Крашевскаго: *Litwa* Томъ I авторъ сообщаетъ слово *Puize*, безъ опредѣленія его значенія, съ примѣчаніемъ, что это ласкательное слово; въ латышской пѣснѣ я нашелъ *pujsi*, молодцы; однакожь Ласицкимъ приведенное слово не имѣетъ другаго значенія, кромѣ сказаннаго.

⁶³⁾ Историческія и генеалогическія свѣдѣнія читатель найдетъ въ скромной, но полезной книжкѣ: *Kroże ich przeszłość i stan obecny*, skreślił J. B. Wilno 1872. На стр. 13 авторъ сообщаетъ короткія свѣдѣнія о дворянинѣ *Рекутисъ* и его дочери, на стр. 65 генеалогія.

⁶⁴⁾ Тотже авторъ упоминаетъ о Шеміотахъ, родственникахъ Кесгайлы.

⁶⁵⁾ Неупомянутыя мною въ текстѣ литовскія слова, значеніе коихъ отчасти мнѣ не извѣстно, въ алфавитномъ порядкѣ слѣдующія.

Algis „angelus est summorum deorum“. Ангелъ по лит. *angelas*, по жмуд. *anjelas* (Ширвидъ). *Alga* заплата, *algininkas* наемникъ. Прэторіусъ упоминаетъ о „*Fewerengel*“, имя котораго Литовцы не хотятъ сказать.

Atlajbos. Caeterum quid agant Salas, Szlotrazis, Birzulis, Siriczus, Dwargonth, Klamals (sic), *Atlajbos*. alique ejus generis non libenter id Christianis aperiunt. Opitulatores illos hominum esse ideoque invocandos persuasum habent. Одного изъ этихъ „*opitulatores*“ мы уже знаемъ, а именно *Szlotrazis*, старая метла, опомелокъ. Въ словѣ *Klamals* мы нашли опечатку, вмѣсто *Klawals* и объ обоихъ уже я высказалъ свое мнѣніе въ текстѣ, слово же *Atlajbos*, для меня непонятное; по г. Прэкеру оно означаетъ озеро, котораго я напрасно искалъ въ означенной имъ окрестности (около Хвалони).

Audros deo maris caeterarumque aquarum cura incumbit. *Audra* вѣтеръ, океанъ;

волны, морскія волны. Несселм. р. 14 Orkan, Windsbraut, plötzlicher heftiger Windstoss. Flut, Ueberschwemmung. Въ первомъ значеніи употребляютъ его рыбаки; другое значеніе находится въ словаряхъ Mielke, Ruhig, Brodowski, болѣе опредѣленнаго мы не знаемъ ни о формѣ слова, ни о его значеніи. Въ пѣсняхъ божество моря и морскихъ волнъ называется *Bangputis* раздуватель волнъ или просто *Bangu dēvaitis*. Ср. Nesselm. р. 10 X.

Babilos arum (deus est). Прэторіусъ IV, 73 (Pierson 32) въ одномъ мѣстѣ, гдѣ слѣдуетъ Ласицкому, пишетъ *Biczbirbins der Bienengott* безъ всякаго объясненія кажется, что этимъ онъ хотѣлъ поправить Ласицкаго; въ другомъ мѣстѣ VI, ii: „manche rufen nach den birbullis oder bicziu birbullis den bienengott an, dass er ihnen Glück bei der Beute gebe. По словамъ г. Прэкера *Babilos* означаетъ подбирателя меда „*podbieracza miodu*“ и легко можетъ быть, что это прямо значить батракъ: русское *бобыль* лит. *bobis bobilas*. Пчела по лит. *bittis*, женск. рода, отъ чего Gen. Plur. *bittiu bicziu*. Мать пчелъ: *Bittinas* муж. рода. Пѣсни о пчелахъ см. Спрогисъ р. 82 и слѣд.

Birzulis Ср. *Atlajbos*; *beržas* и *birzas* береза, отъ чего уменьшительное и ласкательное: *Berzulis*, *Birzulis*. По словамъ г. Прэкера: озеро въ Литвѣ. *Birzule* также названіе нѣкоторыхъ мѣстностей, непременно отъ того, что тамъ березы росли. Слѣдуетъ замѣтить, что въ литовскихъ пѣсняхъ очень часто упоминается о березахъ и что она могла считаться священнымъ деревомъ, не только въ случаѣ, если она была *gumbuota* ср. *Klawals* въ текстѣ. *Berzelis* также мѣсяць май.

Dwargonth ср. *Atlajbos*. Акелевичъ (Лелевель T. V. 462) читаетъ *dwargintis*. *Dwaras* означаетъ: дворъ; *ganitojis* попечитель, покровитель (никогда: „сторожъ“ или дворникъ) почему *dwarganitojis* покровитель двора. У Прэторіуса читается *Dwargautis*, которое по этимологіи означаетъ: получителя двора.

Ezagulis. Ласицкій пишетъ: „*Skierstuwes festum est farciminum, ad quod deum Ezagulis ita vocant: Vielona velos attejk musmup und stala. Veni, inquit, cum mortuis farcimina nobiscum manducaturus*“. Я привелъ, какъ обыкновенно, цѣликомъ сюда относящееся мѣсто; въ латинскомъ текстѣ, слово: „*inquit*“, непонятно; спрашивается кто „*inquit*?“ Словамъ: *veni nobiscum manducaturus*, соответствуютъ „*ateik musump unt stala*“. Остальное совершенно непонятно. *Ezegullis* я однажды напрасно старался отгадать (*Jan Łasicki* etc. р. 37 sqq). Это слово состоитъ изъ двухъ частей: первая *Ezia*, *Eže*, межа; другая *gullis* (отъ *gulti* лежать), ложе, или лежащій; отсюда *Ezegullis*, или *Ežgullis* лежащій на межѣ. Точно такъ *žemgullis* лежащій на землѣ (Nesselm. р. 543 s. v. auf der erde am boden liegend). Слѣдовательно *Ežgullis* означаетъ просто лентя, значеніе, въ которомъ оно употребляется еще до сихъ поръ (какъ мнѣ одинъ литовець говорилъ). Въ такомъ случаѣ онъ не имѣетъ никакой связи съ тѣнями умершихъ. Изъ латинскаго текста остаются слова: „*cum mortuis*“ и „*farcimina*“. Последнее по литовски: *deszra* (почему я полагалъ, что вмѣсто *Ezegullis* можно читать *deszragullis* „*zastawa kiskek*“

würstlager столъ заставленный кишками). Въ литовскихъ словахъ *Vielona*, *velos*, напрасно ищется значенія кишекъ. *Cum mortuis*, по лит. *su velems*; это въ крайнемъ случаѣ можно найти въ испорченномъ: *velos*. О *Vielona* Ласицкій еще разъ говорить: *Vielona Deus animarum; cui tum oblatio offertur, cum mortui pascuntur. Dari autem illi solent frixae placentulae, quatuor locis sibi oppositis, paullulum discissae; eae Sikies Vielonia pemixlos nominantur*. Такъ какъ слово *Vielona* читается два раза, а третій разъ въ формѣ *Vielonia* и всѣ три раза относится къ божеству умершихъ, то думаю, что въ этомъ и есть доля правды. Только форма *Vielona* для меня необъяснима; *vėles* (читается *vieles*) тѣни усопшихъ; простительно ли образовать отъ *veles*, *velonis*? по жмудски *velonas*? какъ отъ *pirmas*=*primus*, *Pirmonis* der erstling der frucht? отъ *žaltis* змѣй *žaltonis* колдунъ змѣевъ; *žveris* звѣрь, *žveronis* колдунъ „weideler, die die geheiligten Thiere in Wäldern, besonders Elenne, Eulen u. s. w. geehret und in Acht genommen. *Vejas* вѣтеръ, *Vejonis*, знахоръ, знающій заговаривать, отгонять вѣтеръ; точно такъ образовались слова: *Sietonis*, *Saitonis* *Puttonis*, *Oronis*, *Žwakonis*, *Vaszkonis* *Vidduronis*, *Pustonis*, *Sapnonis*, *Kaukuczonis* и т. под. слова, означающія извѣстный родъ гадателей, общее названіе коихъ: *Vaidele*, *Vajdeluotas*, т. е. знахоръ. Въ такомъ случаѣ, т. е. если можно образовать отъ *veles*, *Velonis* (по жмудски *Velonas*?), я возстановилъ бы слова Ласицкаго слѣдующимъ образомъ: *Vieloni* (по жмудски *Vielona*?) *su velems ateik musump unt stala* т. е. Велонисъ съ тѣнями умершихъ приходи къ намъ обѣдать. Объ общеизвѣстномъ обычаѣ, приглашенія умершихъ, здѣсь нѣтъ мѣста распространяться; слово Велонисъ, какъ кажется, означаетъ божество владѣющее усопшими. Ему, по словамъ Ласицкаго, приносили пироги, *sikkies*, *sikkies*. Въмѣсто *pemixlos* слѣдуетъ читать: *penukszlai* Nom. Plur. отъ *penukszlas* пища, Ширвидъ: *pokarm*, Nesselm. p. 284 s. v. speise, nahrung, viehfutter... *Dusziôs penukszlas* ein schmeichelwort, Seelenfrass. *Vielonia* (sic) долженъ быть родительный падежъ. *Ežgullis* слѣдуетъ оставить въ сторонѣ; ср. въ текстѣ *krukis i Budrajtis*. По словамъ г. Прэкера *penukszlas* теперь озназаетъ жирнаго поросенка (*Kabanek, roczniak nakarmiony*) значеніе, которое непременно произошло отъ главнаго: лакомый кусокъ.

Gardunithis, *custos* (agnellorum) recens editorum. *Gardas* означаетъ заборъ, ein offener stall für die Schaaf, Hürde. Акелевичъ *gardantis* (по жмудски *garduntis*? какъ вмѣсто *ant*, жмудское *unt*?) пастухъ овецъ, овчаръ. Правда-ли, что „*gardunitis*“ значить теперь животное хранимое въ оградѣ, которое нѣжили (*pieszczone, trzymane w zagrodzie zwierze*)?

Gondu. *Puellae quoque quendam Gondu adorant et invocant*. Я напрасно пытался отгадать и объяснить это слово (*Jan Łasicki* p. 60; но мое мнѣніе кажется ошибочное). Прэторіусъ знаетъ божество *Gothai* (sic) die göttin der vermehrung wird noch geehret (т. е. во второй половинѣ XVII вѣка). „*Dem Viehgott Baubis ist verwandt Gotha* (sic) eine Göttin der Vermehrung, welcher auch die Erstlinge des Viehes geschlachtet werden.

Gota, Gotas (Guota, Guotas) по Нессельману: die Heerde, Viehherde. Gonda, судя по латинской конструкции был бы Acc. Sing. отъ Gondas или Gonda. Я не знаю ничего положительнаго объ этомъ будто бы божествѣ.

Guboi. Слова Ласицкаго: Praeterea sunt certis agris, quemadmodum nobilioribus familiis, singulares dei, videlicet *Devoitis* (читать: *dévaitis*) agri Pojurskii, *Vetustis* Retowskii, *Guboi* ac *Twerticos* Sarakowskii, *Kirnis* Plotelscii.

Guba, говорить, означаетъ: конну изъ 15 сноповъ, *mendele*.

Kirnis. О немъ Ласицкій говоритъ, что онъ богъ покровитель Плотельской земли; въ другомъ же мѣстѣ: *Kirnis* caerasos arcis alicujus secundum lacum sitae curat. In quos placandi ejus caussa gallos mactatos injiciunt, caereosque accensos in eis figunt.

Kirnis не находится въ словарѣ Нессельманна; по словесному объясненію значить: косточка изъ вишни, и въ такомъ случаѣ о божествѣ *kirnis* нечего и думать. Другое дѣло если оно значить Вишневое дерево, потому что извѣстно, что литовцами были почитаемы рощи и отдѣльныя деревья, напр.: дубъ, липа, береза, яблонь и т. п., кромѣ того, всякое дерево, имѣющее особый видъ, который по словамъ Прэторіуса состоитъ въ слѣдующемъ: Alle Art Bäume, deren stamm sich von einander gezweiget und wieder zusammengewachsen, sind den Preussen heilig gewesen und sind es manchen noch. So war ein zusammengewachsener Birnbaum in einem Garten zu Nibudzen (т. е. тамъ гдѣ Прэторіусъ проживалъ), den die Leute rombotha (sic) Krauszis nannten, und ein maldinink oder Weidelotte aus Zamaiten, der ihn gesehen betrachtete ihn mit Ehrfurcht. На стр. 16: Abbildung einer, wegen ihres eigenthümlichen Wuchses, als heilig verehrten Tanne bei Nibudzen, welche noch anno 1664 gestanden. Bis weit aus Litauen sind die Leute zu diesem Baum gewallfahrt. Sie haben diese Tanne auch Rumbuota genant, und gesagt, wenn sie zu ihr gingen: eikim Rombhowa.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что каждое дерево, имѣющее видъ подобный описанному, было почитаемо не только въ Пруссіи, но также и въ Литвѣ и въ Жмудзи, почему и вишню подобнаго вида могли почитать какъ въ Плотеле, такъ и въ другихъ мѣстностяхъ; интересный разсказъ Ласицкаго пополняется сообщеніемъ Прэторіуса, какимъ именно образомъ Литовцы оказывали свое почитаніе священнымъ деревьямъ.

Kremata porcorum ac suum est deus; cui similiter focos excitant et cerevisiam super eas fundunt.

Слово *Kremata* совершенно неясно; *Kremtas* sc. *maitelis*, боровъ; *Kremtas*, fem. *Kremtanti*; neutr. *Kremta*, это part. act. отъ *Kremtu*, *Krimtau*, *Krimsu*, *Krimsti* обгрызать, *Krimstus*, *Kramstus* и *Kramtus*—прожорливый, обжора. Простой народъ очень часто называетъ отдѣльныя животныя по ихъ качеству или цвѣту, по чему можно предполагать, что и здѣсь *Kremtas* будетъ простонароднымъ названіемъ вмѣсто обыкновеннаго —боровъ.

Не принять-ли опечатку Kremata=Krewata, какъ Klamals=Klawals? а Krewata=Kreiwaitis ласкательное отъ kriwas, kreiwās, кривой, и считать это эпитетомъ того же животного? Трудно рѣшить; замѣтимъ только, что насъ поражаетъ третій уже будто-бы покровитель нерогатаго скота. Ср. Priparszis i krukis.

Оставляя въ сторонѣ предположенія о формѣ и значеніи загадочнаго Kremata, я считаю умѣстнымъ указать на то, что Ласицкій говоритъ объ обрядѣ, совершаемомъ надъ нерогатымъ скотомъ. Интересомъ Ласицкаго было выдумать божества, не обряды; кромѣ того въ другихъ источникахъ мы читаемъ также о подобныхъ возліянiяхъ пива и зажиганiяхъ огня. Наконецъ Прэторіусъ сообщаетъ намъ обрядъ, совершаемый надъ телятами, который назывался: Iszwentinninas Karwiu, т. е. Освященіе коровъ. Хозяйка намазывала сыромъ ротъ и голову новорожденнаго теленка между рогами, говоря: рости здорово! пусть Богъ (ponas Dėvas) пошлетъ тебѣ здоровье! Если это былъ бычекъ, продолжала: пусть дастъ мнѣ полную калиту (если его продасть); если же была телушка то говорила: пусть дастъ хорошую породу.

Такъ какъ Ласицкій въ сообщенномъ мѣстѣ говоритъ о поросятахъ и свиньяхъ, можетъ быть онъ имѣлъ въ виду подобный обрядъ.

Kriksztas (Ласиц. Kriksthos) cruces in tumulis sepulorum custodit. Kriksztas, крестъ.

Liginczus; о немъ сказано въ текстѣ; вопросъ о немъ окончательно не рѣшенъ, по тому что у латышей онъ встрѣчается съ богиней радости и торжества (?) „Лига“. Бривз. стр. 10. Отвлеченной характеръ этого божества—не въ духѣ литовскихъ вѣрованiй.

Miechutele (et Srutis) colorum dii sunt: quos in silvis, colores ad lanam tinguendam quae-rentes, venerantur. Звука *ch* нѣтъ въ литовской рѣчи; кажется что слѣдуетъ читать *Meletele* или *Melitele*, божество находящееся въ источникахъ въ формѣ *Meletette*, и пр. *Quid Laimella tibi praestabit, quid Meletette?* (Mannhardt p. 41). Прэторіусъ „der farbengott“; очевидно, что Прэторіусъ слѣдуетъ Ласицкому. *Melis* значить растеніе: *Isatis tinctoria*, отчего уменьшительное *Melitele*. Отъ корня *mal* производятся слова, означающія голубой цвѣтъ ср. Nesselmann p. 392 s. v. *Mele* и дальше.

Orthus lacus est piscosus, quem colunt.

Pessejas inter pullos omnis generis recens natos, post focum latet. Мнѣ неизвѣстно, что означаетъ *Pessejas*. Мангардтъ предполагаетъ, что слѣдуетъ писать *Peszejas* отъ *peszus*, печка; мнѣ кажется, что *peszus* славянскаго происхожденія. Настоящее литовское слово есть *Krosnis*. Древніе литовцы не знали печей изъ кафель, по чему *kačalis* изразцовая печка не производится отъ древнѣйшаго корня *kač* (сравни *coquo*, *culina* *cuclina*), только отъ нѣмецкаго *Kachel*, изразецъ. Въ другомъ мѣстѣ тотъ же ученый предполагаетъ читать *peszejas* отъ *pesza*, чадъ, *czad*. Возможно также образовать отъ корня *pa tueti*, существительное *piestejas* покровитель (сравни латышское *Isz-piestitojis* Спаситель). Какъ

бы то ни было, всѣ эти производства не объясняютъ божества; только подробное изученіе быта древнихъ литовцевъ можетъ доставить желаемое разъясненіе.

Prigirstitis hic est, qui murmurantes exaudire putatur; jubent igitur ut quis summisso murmure hoc vel illud loquatur, ne clamantem Prigirstitis audiat. Кромѣ литовскаго *prigirsti*, означающаго: „могу слышать“, я ничего не могу сказать ни о формѣ ни о значеніи сказаннаго слова.

Salaus божество, о которомъ Литовцы не охотно рассказываютъ христіанамъ ср. *Atlajbos*. *Sala*, островъ; *salaus* житель острова?

Sidzius. „Sunt etiam quasdam veteres nobilium familiae, quae peculiare colunt deos, ut Mikutiana *Simonaitem*, Micheloviciana *Sidzium*, Schemietiana et Kiesgaliana *Ventis Rekicziorum*, aliae alios. Мы уже выше узнали, въ чемъ состоятъ родовое божество Кесгайловъ и Шеміотовъ; генеалогію Михеловичовъ (Михайловичовъ?) я до сихъ поръ не знаю; но мнѣ кажется, что въ словѣ *Simonaitis*, найдемъ какого то сына Семена—Семеновича; судя по аналогіи; *Sidzius* будетъ какое то собственное имя лица или мѣстности.

Siriczus ср. *Atlajbos*, г. Прэкеръ мнѣ говорилъ, что *Sirunczis* названіе потока, гдѣ онъ плыветъ не знаю.

Srutis божество краски ср. *Miechutele*; *sriutta* или *sriauta*—лужа.

Tiklis ср. *Atlajbos*. Тыклисъ, озеро, недалеко отъ Хвалони 20°,0 длины и 55°,40 ширины.

Twertikos, ср. *Guboi*, *twerti*, ограждать; *tworą twerti* плетнемъ загородить; отъ чего и *twertikas*, кажется, означаетъ плетень, заборъ.

Vetustis божество Ретовской земли ср. *Guboi*. *Vėtuze*, мѣстечко отъ *vėta* мѣсто; вѣроятно *Vėtuze* будетъ названіе какого то мѣстечка въ Ретовской области.

Valgina „aliorum [т. е. кромѣ *Priparszis* б. поросать (?) и *Ratajnicze* лошадей (?)] pecorum (habetur deus). *Valgiti* ѣсть, кушать; *Valgimas* пища; почему *Valgima* (не *Valgina*) будетъ жмудской Gen. Sing. этого существительнаго вмѣсто литовскаго *Valgimo*.

Ласицкій упоминаетъ еще объ одномъ божествѣ, „*Žemienik*“ (*Zemieninkas*?); свѣдѣнія о немъ заимствованы у Гвагина, а не у Ласковскаго, почему и удобнѣе будетъ болѣе подробно о немъ поговорить при разборѣ сочиненій Гвагина и Стрыковскаго.

Этимъ и окончимъ наши критическія замѣчанія, касающіяся той части сочиненія Ласицкаго, въ которой онъ передаетъ намъ свѣдѣнія, сообщенныя ему Ласковскимъ. Я вполне убѣжденъ, что въ моихъ замѣчаніяхъ еще много пробѣловъ, можетъ быть, и ошибокъ въ объясненіи нѣкоторыхъ словъ: однакоже надѣюсь что теперь никто не сочтетъ сочиненія Ласицкаго серіознымъ источникомъ для изученія литовской мифологіи.

Списокъ находящихся въ рефератѣ литовскихъ словъ.

Ajtwaras	Eraiczin	Matergabia	Sidzius
Alabathis	Ezagulis	Meletele	Sikkies
Algis	Ezernim	Межа Вирецъ	Sziliniczus
Apidome i Apideme	Gabie	Miechutele	Simonaitis
Aspelene	Gabėta	Miggis	Siriczus
Atłajbos	Gardunithis	Modeina	Skierstuves
Audros	Givojtos	Nulaidimos	Smik, Smik per Velenu
Ausca	Gondu	Numejas	Srutis
Austheja	Guboi	Orthus	Szluotrazis
Auxthejas	Ilgi	Panika	Titnagas
Babilos	Karvaitis	Pemixlos	Tratintojas Kibirksztu
Bangputis	Kaukai	Perkunos	Tasvirzis
Barstuccae	Kėrpiczus	Perkuna tete	Tawals
Bentis	Kirnis	Pessejas	Tiklis
Bezlea	Klamals	Pizius	Twertikos
Biezbirbins, Birbullis	Kremata	Polengabie	Ublanicze
Birzulis	Kriksthos	Prigirstitis	Vetustis
Breksta	Krošnis	Priparscis	Vielona
Budintoja	Krukis i Kruke	Puiže, Pujsi	Vissagistis
Budraitis	Kurvaiczin	Ragana	Vaisganthos
Datanos	Łazdona	Ratajnicze	Valgina
Derfintos	Laukpatimo	Raugužemepats	Varpuolis
Dėvaitis	Liginczus	Rekicziovus	Ziemiennik
Dugnai	Luibegeldae	Salaus	Zemepats.
Dwargonth			

О КОНСТАНТИНѢ ИВАНОВИЧѢ КНЯЗѢ ОСТРОЖСКОМЪ.

Рефератъ Л. М. Романовскаго.

Прославившійся знаменитыми подвигами Константинъ Ивановичъ кн. Острожскій, происходилъ отъ Владиміра Всеволодовича Мономаха, изъ старшей линіи его рода, низшей отъ Данила Романовича, короля Руси. Родоначальникомъ рода Острожскихъ былъ князь *Данилъ Василевичъ*, сподвижникъ Любгарда Гедыминовича, основавшій, во время княженія послѣдняго на Волыни, на рубежѣ Луцкаго княжества, на берегахъ Горыни, укрѣпленный сторожевой городокъ *Острогъ* и по его имени названный княземъ Острожскимъ ¹⁾.

Его сыну, князю *Федку* Даниловичу, король Ягелло Ольгердовичъ пожаловалъ утвердительною грамотою, данною въ Луцкѣ 1386 года, въ воскресенье (*die Dominica intra Octavam omnium Sanctorum*) въ первыхъ числахъ ноября, при составленіи которой были свидѣтелями: Сandomирскій воевода Иванъ (Тарновскій); канцелярии: Люблинскій—Петръ Кмита, Сandomирскій—Крыстынь съ Козѣгловы; подкоморій, Спытко (Мельштынскій) и др., замокъ Острогъ съ округомъ (*cum districtu* Заславъ, Корчикъ, Хлапотинъ etc.) въ вѣчную и потомственную собственность съ обязательствомъ повиновенія и службы, которыя онъ исполнялъ прежде королевскому дядѣ, умершему Волынскому князю Любгарду Гедыминовичу „*Eo modo et conditione, quibus dictus Dux Fedor illustri principi, olim Domino Lubhardo, Duci Vladimiriensi, patruo nostro charissimo, ab antiquo servivisse*“.....

¹⁾ Нѣкоторые писатели отождествляютъ кн. Данила съ Данькомъ, Данькомъ или Деткомъ, но это было отдѣльное лицо, современное князю Данилу, какъ видно изъ лѣтописи Янка изъ Чарькова архидіакона Гнезненскаго въ изданіи Коммерсбергера.... „*Baro Detko castrum Præmissense habens, cum quodam Daniele de Ostrog et allis nobilibus*“.....

Замѣчу кстати, что на основаніи приведенной грамоты, возстановляется ошибка нѣкоторыхъ лѣтописцевъ, причисляющихъ потомковъ Любгарда къ Ольгердовичамъ. Мы видѣли даже на стѣнахъ Кіево-печерской лавры надписи, въ которыхъ Любгардовичи наименованы потомками Ольгерда; между тѣмъ какъ изъ вышеприведенной подлинной грамоты Ягеллы Ольгердовича видимъ, что онъ признавалъ князя Любгарда не братомъ своимъ, а дядею, т. е. не Ольгердовичемъ, а Гедиминовичемъ.

Обращаясь за тѣмъ къ генеалогіи князей Острожскихъ, мы можемъ указать слѣдующія данныя:

Упомянутый князь Федько Острожскій оставилъ двухъ сыновей, изъ которыхъ одинъ: князь *Андрушко* Федоровичъ пребывалъ постоянно при королевскомъ дворѣ; изъ грамоты 1426 года (*die Dominica intra Octavas Corporis Christi*), данной въ Краковѣ, видно, что король назначилъ ему по сто гривенъ польскихъ изъ доходовъ соляныхъ Дрогобыцкихъ.

Второй сынъ Федька, князь *Василь* Федоровичъ, извѣстный на политическомъ и военномъ поприщахъ подъ названіемъ *Краснаго*, укрѣпилъ каменными стѣнами свой Острогъ, соорудилъ на *Красной горѣ* (доселѣ носящей его имя) существующія понынѣ башни, и, на противоположномъ холмѣ, среди цитадели, воздвигнулъ, основанный еще его дѣдомъ, великолѣпный храмъ Богоявленскій, котораго онъ считался ктитормъ, и въ которомъ покоились его останки въ гробницѣ, обозначенной плитою изъ чернаго мрамора, пока внукъ Константинъ не перенесъ его праха въ Кіево-печерскую лавру. Но надгробная плита долго еще впослѣдствіи хранилась въ Дерманскомъ монастырѣ, пока наконецъ и ея не стало.... и церковь Острожская опустѣла.... осталась лишь на развалинахъ неизглаженная наддверная надпись—ляпидарное свидѣтельство основанія сего храма въ 1321 году. Князь Василь, женатый на княгинѣ Агафіи, племянницѣ Вел. князя Витольда Кейстутовича, оставилъ трое дѣтей:

—*Екатерину*, бывшую за мужемъ за Иваномъ Пацемъ.

—*Юрія*, который при дѣлѣжѣ получилъ въ долю Заславъ и сталъ писаться княземъ изъ *Острога Заславскимъ*; отъ него произошло особое колѣно князей Заславскихъ (*Buses ab Ostrog in Zaslav*), которое должно отличать отъ другаго современнаго ему рода князей Заславскихъ, происходившихъ отъ Вел. князя Явнута Гедиминовича и владѣвшихъ инымъ Заславомъ, лежавшимъ въ Минской землѣ.

Третій сынъ Василя былъ *Иванъ*, получившій при раздѣлѣ „отчизный“ Острогъ и сохранившій для себя и потомковъ титулъ князей Острожскихъ; онъ былъ женатъ на княжнѣ Глинской.

Отъ супружества этого родился въ 1461 году князь *Константинъ Ивановичъ Острожскій*.

Я не имѣю намѣренія распространяться о его жизни и подвигахъ, достаточно из-

вѣстныхъ изъ исторіи, въ которой онъ является вѣрнымъ сыномъ родной земли, знатнымъ сановникомъ, уклонявшимся отъ распрей съ соотечественниками, не участвовавшимъ въ междоусобныхъ раздорахъ, храбрымъ вождемъ, побѣдителемъ въ шестидесяти, изчисленныхъ лѣтописцами, сраженіяхъ, изъ которыхъ ни одно не вело къ посягательству на чужія владѣнія и всѣ стремились единственно къ защитѣ родины и государства. Грозный булатъ его въ теченіи 30 лѣтъ защищалъ русско-литовскія земли по всѣмъ направленіямъ: отъ Днѣпра до Буга, отъ Днѣстра до Нѣмана; за тѣ отличныя заслуги пожалованъ онъ былъ многими помѣстіями въ Литвѣ, Бѣлой Руси и Волыни; онъ былъ старостою Луцкимъ, Брацлавскимъ, Винницкимъ, маршаломъ цѣлой Волынской земли, канцелярномъ Виленскимъ—воеводою Троцкимъ, главнокомандующимъ гетманомъ великаго княжества Литовскаго—все это безспорно приводитъ насъ къ убѣжденію, что, ежели у другихъ народовъ, вождь, побѣдившій враговъ въ двухъ-трехъ сраженіяхъ, прославляется въ исторіи, то нашъ Острожскій, столько разъ спасавшій край отъ хищныхъ набѣговъ татарскихъ, заслужилъ по истинѣ отъ всѣхъ поколѣній сего края благоговѣйное воспоминаніе у его гробницы; но, подобно тому, какъ древнее изображеніе нашего богатыря, расписанное на сѣверной стѣнѣ Кіево-печерской лавры и его гробница въ томъ же придѣлѣ, закрыты кинотафією и остаются въ тѣни неудободоступными—такъ и въ исторіи, не только съ достовѣрностью не отмѣчено время, въ которомъ сей народный дѣятель скончался, но и въ біографію его вкрались ошибочныя преданія, не разслѣдованныя въ теченіи трехъ съ половиною столѣтій. На нихъ мы и обратимъ вниманіе:

—Аѳанасій Калнофойскій, помѣщая въ своей Тератургимѣ 1638 г. надгробныя лаврскія эпитафіи, показаль, что князь Константинъ Ивановичъ жилъ 70 лѣтъ, и похороненъ въ 1533 году; жена же его, Татьяна, умерла 12 іюля 1531 индыкта 11-го; изъ чего слѣдуетъ заключить, что она скончалась прежде супруга; но эпитафія противорѣчитъ этому мнѣнію:

„.....Какъ повелѣно, дабы шла за мужемъ жена и никогда не оставляла своего товарища, такъ и княгиня Татьяна идетъ за гетманомъ и на смертномъ одрѣ признаетъ его своимъ господиномъ, приказавъ положить себя около тебя, вождь воиновъ“.

Изъ этихъ словъ видно, будто бы она умерла послѣ смерти мужа—но день смерти князя и княгини и ся имя показаны ошибочно въ Тератургимѣ Калнофойскаго; литовскій историкъ Нарбутъ въ 9-мъ томѣ опредѣленно означилъ день смерти князя гетмана: 18 августа 1531 г., но, повидимому, и онъ ошибается.

Въ памятникахъ, изданныхъ Кіевскою археографическою комиссією, въ отдѣлѣ о монастыряхъ и братствахъ югозападной Руси, перепечатана рукопись 1499 года, пожертвованная княземъ Константиномъ Ивановичемъ Острожскимъ Дерманскому монастырю, при чемъ помѣщена родословная Острожскихъ, въ которой смерть князя Константина записана тоже ошибочно въ 1533 году.

Въ воспоминаніяхъ М. А. Максимовича о князѣ Острожскомъ и въ превосходныхъ жизнеописаніяхъ Н. И. Костомарова время смерти князя Константина не означено; видно только, что онъ въ 1499 году не находился на Волыни, а пребывалъ въ королевскомъ совѣтѣ „пановъ радъ литовскихъ“ въ Вильнѣ и предводительствовалъ Литовцами, отправившимися противъ вступающихъ въ Бѣлую Русь войскъ царя Ивана Василіевича; въ стычкѣ 14 іюля 1500 года у Дорогобужа Смоленскаго, на берегахъ Ведроши, воеводою Даниломъ Щеня онъ взятъ былъ въ плѣнъ, изъ котораго возвратился въ Вильно подъ конецъ 1507 года, уже послѣ смерти короля Александра.

Относительно кончины князя Константина, я нашелъ въ Дубенскомъ архивѣ несомнѣнные актовыя указанія слѣдующаго содержанія.

„Я, Константинъ Ивановичъ князь Острожскій, вѣдомо чиню и пр. Штожъ зъ воли Божоѣ понялъ есьми былъ за себе жону, дочку князя Семена Юрьевича Гольшанскаго, кнегиню Ганну ¹⁾), и взялъ есьми по они посагу немало: золота, серебра, клѣй-ноты и именіе ее материстое: Гольшаны, Ровно, Колодное... и пр. и имѣлъ есьми съ нею одного сына князя Илію; ино по моемъ животѣ ни на кого, одно на сына моего, князя Илію, тѣи вси замки и мѣста, дворы, волости и села пріяті мають.... а такъ, кгда вже жоны моеи, кнегини Ганны, зъ Божего допущенія *въ живыхъ не стало* и, ежелибы я другу жону за себе понялъ и имѣлъ зъ нею сыны або дочки, тогда предся сынъ мой, князь Илія, самъ на себе то має держаты.... въ чомъ далъ есьми сыну моему, князю Илію, сей листъ, за моею печатію; а при томъ были: господинъ его милость отецъ нашъ, владыка Луцкій, Кирилъ; а князь Андрій Александровичъ Сангушковичъ, староста Володимирскій; а панъ Яковъ Михайловичъ Монтовтовичъ, староста Кремьнецкій; а князь Александръ Федоровичъ Буремскій; а князь Петръ Михайловичъ; а панъ Богданъ Гостскій. Писанъ оу Острожѣ, подъ лѣто Божого нароженія 1522, мѣсяца августа въ 21 день, индикта 10⁴).

Черезъ девять лѣтъ слѣдовала грамота короля Сигизмунда I, выданная въ Краковѣ 1531 года, августа 1 дня, индикта 4.

„Былъ намъ челомъ посродитъ Троцкій, князь Илія Константиновичъ Острожскій, и покладалъ передъ нами записный листъ отца своего, воеводы Троцкого, гетмана нашего найвышного, небожчика князя Константина Острогского..... и его милость князь Илія, по животѣ отца своего, зъ мачохою своею, другою малжонкою *небожчика* князя Константина, княгинею *Александрою* Семеновною, справу очевистую передъ нами мель²⁾.....

¹⁾ Княгиня Ганна, дочь кн. Семена Юрьевича Гольшанскаго и Анастасіи Семеновны кн. Несвицкой.

²⁾ Кн. Александра, дочь Семена Михайловича кн. Слуцкого и Анастасіи Ивановны, вѣуки

И потому изъ выше приведенныхъ актовъ явствуютъ достовѣрные доказательства въ томъ:

1) Что князь Константинъ Ивановичъ Острожскій скончался до 1 августа 1531 года, а не въ 1533 году.

2) Что женатъ онъ былъ не на Татьянѣ, а на Ганиѣ Семеновнѣ княжнѣ Гольшанской.

3) Что княгиня Ганна Гольшанская умерла не въ 1531 а въ 1522 году (раньше августа мѣсяца).

4) Что вторая жена князя Константина была Александра Семеновна (княжна Слуцкая).

Эти мои поправки историческихъ ошибокъ, вкрапившихся въ біографію князя Константина Острожскаго, честь имѣю въ семъ собраніи ученыхъ „явно и вѣдомо учинити всѣмъ, кому потреба буде того видати“.

Лингвена Ольгердовича, мать кн. Василя-Константина двуименнаго Константиновича Острожскаго, воеводы Кіевского—умерла въ 1562 (какъ видно изъ письма короля Сигизмунда къ князю Василю, хранящагося въ Дубенскомъ архивѣ).

Т. II.

Не было ли въ Москвѣ опытовъ книгопечатанія прежде первопечатнаго Апостола 1564 года?

Рефератъ А. Е. Викторова.

Въ извѣстномъ „Сказаніи о соображеніи книгъ печатнаго дѣла“, по поводу разсказа объ устроении въ Москвѣ Иваномъ Ѳедоровымъ и Петромъ Мстиславцемъ типографіи и о напечатаніи ими первой книги—Апостола 1564 г., передается слѣдующее извѣстіе: „повѣствуетъ же ся отъ нѣкихъ, яко прежде ихъ нѣцыи, или будетъ и они сами, малыми нѣкими и неискусными начертаніи печатываху книги, послѣди же совершеннѣ, той Іоаннъ да Петръ искусь пріяста отъ тѣхъ прежереченныхъ Фрягъ; сего ради повелѣно бысть имъ отъ царя таковое дѣло составлять“, и т. д. Итакъ, въ 1-й половинѣ XVII в., когда было составлено упомянутое сказаніе, на Руси существовало темное преданіе, что въ Москвѣ, хоть неискусно, но печатали книги и прежде первопечатнаго Апостола, что, по разсказамъ однихъ, эти книги были печатаны самими же издателями Апостола, а по разсказамъ другихъ, другими лицами.

Это преданіе, по нашему мнѣнію, заслуживаетъ полнаго довѣрія, тѣмъ болѣе, что оно находится въ полной гармоніи съ общеизвѣстными фактами первоначальнаго учрежденія и развитія въ Москвѣ печатнаго дѣла. По показанію послѣсловія къ Апостолу Ивана Ѳедорова, типографія основана въ Москвѣ, въ 1553 г., между тѣмъ, первая книга начата въ ней печатаніемъ 19-го апрѣля 1563 года; слѣдовательно, принявши буквально это послѣднее извѣстіе, нужно допустить, что вновь учрежденная типографія, въ теченіе 10-ти лѣтъ послѣ своего основанія, оставалась безъ всякаго дѣйствія; а это, помимо простой несообразности, несовмѣстимо ни съ разившейся въ то время въ Россіи потребностью въ книгопечатаніи, ни съ извѣстною энергіей царя Іоанна IV, который незадолго

предъ тѣмъ такъ настойчиво (въ 1548 и въ 1550 г.) заботился о вызовѣ изъ-за границы типографовъ. Съ другой стороны, кромѣ свѣдѣнія о приѣздѣ въ Москву въ 1552 г. типографа Ганса Миссенгейма, мы имѣемъ извѣстіе о бытности около того же времени въ Москвѣ печатныхъ дѣлъ мастера Нефедьева, который въ 1556 г. царемъ Іоанномъ IV былъ посланъ въ Новгородъ, между прочимъ, для того, чтобы привести оттуда, всего вѣроятнѣй для печатнаго же дѣла Васюка Никифорова, умѣйнаго „рѣзать рѣзь всякую“ (Доп. къ А. И. I, 96). Итакъ, кромѣ Ивана Ѳеодорова, Петра Мстиславца и ихъ неизвѣстныхъ сотрудниковъ (клеветовъ), въ рассматриваемую эпоху были въ Москвѣ и другіе типографы, способности которыхъ, безъ сомнѣнія, были примѣняемы къ дѣлу. Не можетъ также не казаться страннымъ, что тогда какъ типографіи Южнославянскія и Угровлахійскія, а также и другія русскія типографіи въ первые годы послѣ своего основанія заботились о напечатаніи Богослужебныхъ книгъ, представлявшихъ для православныхъ церквей предметъ первой необходимости, каковы: Евангеліе, Часословъ, Октоихъ, Служебникъ и др., типографія Московская открыла свою дѣятельность съ изданія Апостола, имѣющаго въ церковно-богослужебной практикѣ значеніе гораздо меньшее. Вотъ почему большая часть нашихъ библиографовъ полагали, что Иваномъ Ѳеодоровымъ, кромѣ Апостола, было напечатано также и Евангеліе, хоть это мнѣніе и осталось безъ окончательнаго разъясненія. Наконецъ, по общему признанію, первое произведеніе Московской типографіи, какимъ считается Апостолъ 1564 г., въ типографскомъ отношеніи не только вполне удовлетворительно, но даже можетъ быть названо изящнымъ, — можетъ равняться съ лучшими, предшествовавшими ему славянскими изданіями типографій Южнославянскихъ даже Венеціанскихъ, владѣвшихъ типографскими способами несравненно болѣе. Итакъ, соображая отдаленность Москвы отъ тогдашнихъ европейскихъ центровъ типографскаго искусства, нельзя не придти къ мысли, что изъ типографіи Московской столь удовлетворительнаго опыта съ самаго начала явиться не могло, что въ развитіи дѣятельности этой типографіи должна была имѣть мѣсто извѣстная постепенность, и опытамъ совершеннымъ должны были предшествовать опыты менѣе совершенные, менѣе удовлетворительные.

Но были ли дѣйствительно эти опыты и сохранились ли отъ нихъ какіе-либо слѣды? Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ имѣю честь предложить вниманію Археологическаго съѣзда результаты своихъ наблюденій надъ нѣкоторыми изъ принадлежащихъ къ рассматриваемой эпохѣ славянскихъ старопечатныхъ книгъ, которыя были выпущены въ свѣтъ безъ выходныхъ, т. е. безъ означенія мѣста и времени изданія.

Изъ такого рода памятниковъ въ рассматриваемомъ вопросѣ особенно имѣютъ важность слѣдующіе:

1. Евангеліе безъ изображеній Евангелистовъ, описанное въ Росписи славянскихъ старопечатныхъ книгъ Ширяева подъ № 1-мъ, напечатанное въ малый листъ на 322 листахъ,

не имѣющихъ (за исключеніемъ л. 9—16 и тетр. 6—9) помѣты ни по листамъ, ни по тетрадамъ.

2. Евангеліе безъ изображеній Евангелистовъ, извѣстное по каталогу старопечатныхъ книгъ Царскаго подъ № 12, напечатанное на 397 листахъ, также въ малый листъ и безъ всякой помѣты.

3. Постная Тріодь, принадлежащая Новоіерусалимскому Воскресенскому монастырю, въ л. на 396 и 19 листахъ съ помѣтою, какъ по листамъ, такъ и по тетрадамъ,—изданіе по шрифту и по набору страница въ страницу сходное съ извѣстною, также не имѣющею выхода Тріодью Царскаго № 13.

Всѣ эти изданія въ нашей библіографіи причисляются къ памятникамъ книгопечатанія начала XVI в., и именно къ произведеніямъ типографій южныхъ, т. е., очевидно, Южнославянскихъ или Угровлахійскихъ. Но, при ближайшемъ разсмотрѣніи ихъ, какъ то, такъ и другое, оказывается невѣрнымъ. Первому, кромѣ другихъ признаковъ, противорѣчатъ находящіеся на бумагѣ, на которой напечатаны эти изданія, водяные знаки, которые восходятъ лишь къ 50-мъ гг. XVI столѣтія, но никакъ не ранѣе. Второе не можетъ быть допущено на основаніи отличающихъ эти изданія типографскихъ и филологическихъ признаковъ, которые, какъ на мѣсто происхожденія этихъ изданій, указываютъ не на славянскія земли, а именно на Россію и въ частности на Москву.

Сущность этихъ признаковъ состоитъ въ слѣдующемъ:

Во 1-хъ шрифтъ. Шрифтъ, которымъ напечатано изданіе № 1, какъ справедливо замѣчено еще въ каталогѣ Ширяева, изъ извѣстныхъ шрифтовъ не подходитъ близко ни къ одному; но все же къ шрифтамъ первыхъ Московскихъ изданій и въ особенности къ современнымъ имъ, употреблявшимся въ средней Россіи почеркамъ, онъ ближе, чѣмъ къ шрифтамъ Южнославянскимъ, Скорининскимъ и т. д. Зато шрифты изданій № 2 и 3 совершенно такого же характера, а большая часть литеръ того же самаго рисунка, какъ и шрифтъ Московскій, такъ называемый, первопечатный. Разница между первымъ и послѣднимъ лишь въ томъ, что шрифтъ изданія № 2 крупнѣе его, а шрифтъ изданія № 3 сжатѣй и тоньше. Замѣтимъ при этомъ, что шрифтъ изданія № 1 имѣетъ много общаго съ № 2-мъ, а этотъ послѣдній имѣетъ еще болѣе близкую чѣмъ съ первопечатнымъ Апостоломъ аналогію съ шрифтомъ Московскаго также безъ выхода Евангелія (вѣроятно, конца XVI в.), по Сопик. № 12,898, а по Унд. № 206.

2. Орнаментъ. Заставки и большія, такъ называемыя, фряжскія литеры (въ началѣ Евангелія во всѣхъ разсматриваемыхъ изданіяхъ того же характера, какъ и въ первыхъ Московскихъ изданіяхъ: въ Апостолѣ 1564 г., въ Псалтири 1568, въ московскихъ Тріодяхъ, въ Заблудовскомъ Евангеліи и т. д., съ тою лишь разницею, что вѣтви, листья, цвѣты и проч., изъ которыхъ эти орнаменты составлены, въ разсматриваемыхъ изданіяхъ мелче, а въ Московскихъ крупнѣе. Одинаковаго съ послѣдними изданіями характера, а болѣею

частью и рисунка также вязныя заглавія, а равно продолговатыя киноварныя заглавныя литеры и проч., съ тѣмъ лишь отличіемъ, что эти послѣднія въ первыхъ Московскихъ изданіяхъ внизу имѣютъ большею частью украшенія въ видѣ хвостиковъ, чего въ разсматриваемыхъ изданіяхъ нѣтъ. Въ изданіяхъ Южнославянскихъ, Угровлахійскихъ и проч., ничего аналогическаго этимъ орнаментамъ указать нельзя. Относительно изданій № 1 и 2 слѣдуетъ обратить вниманіе, что въ томъ и другомъ большая часть орнаментовъ по рисунку совершенно одинаковы и отличаются только размѣромъ, другіе же, вѣроятно, оттиснуты были однѣми и тѣми же клише. Къ числу орнаментовъ послѣдняго разряда принадлежатъ: вязныя заглавія Евангелій и литера з въ началѣ евангелиста Марка, заставки въ началѣ Евангелія Луки и передъ Соборникомъ, изображеніе въ видѣ парамана въ концѣ 45 зачала евангелиста Іоанна и др.

3. Рецензія текста. Текстъ въ обоихъ Евангеліяхъ, за самыми рѣдкими и неважными исключеніями (наприм. мать, матере; отшедшимъ, отшедшемъ и т. п.), одинъ и тотъ же; этотъ текстъ сходенъ буквально: а) съ другими извѣстными въ нашей библіографіи старопечатными Евангеліями безъ выходовъ, каковы Царскаго № 14 и Унд. № 206; б) съ Московскимъ изданіемъ 1606 г. и в) за исключеніемъ отличій въ правописаніи, съ Виленскими изданіями 1575 и 1600 г. Изъ рукописныхъ Евангелій, какъ оказалось по сличенію, упомянутый текстъ всего ближе подходитъ къ русскимъ спискамъ Четвероевангелія, принадлежащимъ XV—XVI в. и, сравнительно съ древними, пергаменными списками, Евангеліями апракосами, представляетъ тѣ же отличія, какія находятся между этими послѣдними и первыми въ отношеніи другъ къ другу (см. Горскаго Оп. Синод. библи. I, 284 и дал.). Текстъ Постной Тріоди, за исключеніемъ отличій въ составѣ и въ порядкѣ статей, почти буквально сходенъ съ Московскою Тріодью 1589 г., а также съ древнѣйшими Московскими изданіями этой книги послѣдующаго времени. Во всѣхъ трехъ разсматриваемыхъ изданіяхъ, за неважными отличіями, одинаково съ первыми Московскими изданіями, а равно и съ современными русскими рукописями, и правописаніе, т. е. безъ юсовъ и вездѣ почти съ замѣной древнѣйшихъ южнославянскихъ полугласныхъ гласными, твердыхъ гласныхъ—мягкими и т. под. Одинакова съ первыми Московскими изданіями также и система разстановки строчныхъ и надстрочныхъ знаковъ. Въ послѣднемъ отношеніи, между разсматриваемыми изданіями въ отношеніи другъ къ другу, а равно между ними и первыми Московскими изданіями, есть и отличія, но также не важныя, которыя имѣютъ аналогію въ русскихъ же современныхъ имъ рукописяхъ.

Но находясь, въ указанномъ отношеніи, въ столь близкомъ родствѣ съ первыми произведеніями типографіи Московской, разсматриваемыя изданія, какъ по тексту, такъ тѣмъ болѣе по правописанію, представляютъ важныя отличія отъ соотвѣтственныхъ имъ изданій Южнославянскихъ и Угровлахійскихъ. Въ доказательство послѣдняго считаемъ не лишнимъ изъ тѣхъ и другихъ сдѣлать нѣсколько выписокъ, предварительно замѣтивъ,

что всѣ почти извѣстныя въ библиографіи Южнославянскія изданія Евангелія подходят, либо къ Брашевскому конца XV в., либо къ Угровлахійскому 1512 г. Еванг. Матѹ. II, 3. изд. Моск. и Вилен., начиная съ разсматриваемыхъ нами изданій безъ выхода: ѿ всѣхъ іерѹсалима съ ними и собравъхъ всѣхъ перѣписѣнники. Изд. угровлах. и брашевское: ѿ всѣхъ іерѹсалима съ ними. ѿ свѣра взясе архіерѣмъ.—II, 21 и 22. Моск. и Вил. ирѣшен... архіеми. Браш. ирѣшен... архіеми. Угр. ирѣшен... архіеми.—III, 7. Моск. и Вил. рождѣніа. Браш. ирѣшен... архіеми. Угр. рождѣніа.—IV, 12. Моск. и Вил. ѿ разслаблены жилами. Браш. ѿ разслаблены. Угр. и разслаблены.—V, 16. Моск. и Вил. лицемѣри. Браш. и Угр. ипокрите.—IX, 7. Моск. и Вил. ѿ изстави ѿземахъ свои, ѿ иде ѿдомъ свои. Угр. и Браш. и изстави иде из домъ свои.—X, 29. Моск. цѣнитѣсѣ единомѹ ассарію. Вил. цѣнитѣсѣ. Браш. единому ассарію цѣнитѣсѣ. Угр. ассаріи цѣнитѣсѣ.—XIII, 15. Моск., Вил. и Угр. отлѣстѣ. Браш. одѣстѣ.—XIII, 58. Моск. и Вил. силы многи. Браш. силъ много. Угр. силъ многѣ.—XVIII, 27. Моск. и Вил. прости єго. Браш. ѿпусти єго. Угр. поустѣ єго.—XX, 8. Моск. и Вил. Вечерѹ же бывшу. Браш. и Угр. поздѣ же бывшу.—XXIV, 2. Моск., Вил. и Угр. не видѣти. Браш. Видѣте ли.—XXVI. Моск. и Вил. стѣклѣницѹ. Браш. и Угр. зѣмѣстѣ.—XXVII, 33. Моск., Вил. и Браш. краіево мѣсто. Угр. лѣбноє мѣсто.—XXVII, 51. Моск. и Вил. и се завѣса. Браш. и Угр. и се ѿпѣна. Въ дополненіе къ приведеннымъ выпискамъ прибавимъ, что въ разсматриваемыхъ изданіяхъ Евангелія, а равно и во всѣхъ остальныхъ, какъ Московскихъ, такъ и Виленскихъ, въ Соборникѣ подъ 15 іюля читается: вознесеніе великаго самодержца роукаго Владимѣра, а подъ 24 числомъ того же мѣсяца: память мучениковъ Бориса и Глѣба, чего ни въ одномъ изъ Южнославянскихъ изданій Евангелія не находится. Предлагаемъ также нѣсколько сравнительныхъ выписокъ изъ изданій Тріоди. Заглавіе нашей Тріоди и Московской Тріоди 1589 г.: трыпѣснецъ є Бѣгомъ починаемъ ѿ мытари и фарисѣи. Загл. Крак. Тріоди 1491 г.: трыпѣснецъ надеждо имѣицѣмоу начинає иѣмъ ѿже ѿ мытарѣ ѿ фарисѣи. Канонъ покаянный Андрея Критскаго, Ирмосъ 1. Моск. изд.: Помощникъ и покровитель бысть миѣ въ спсѣніе се ми єсть Бѣгъ мой ѿ прослави єго. Бѣгъ ѿца моего ѿ възнесоу и. славно бо прослави сѣ. Крак. Тріодъ 1491 г.: Помощникъ и покровитѣ бы миѣ въ спсѣніе сѣ бѣ мой прослави єго. Бѣ ѿца моє и възнесѣ и. славно бо. Венец. изд. 1561 г.: Помощниѣ ѿ покровитѣль бы миѣ въ спсѣніе сѣ ми-є Бѣгъ мой прослави єго. Бѣ ѿца мойѣ ѿ възнесѣ и.—Ирм. 4. Моск. оуслышамъ єсть прѣкѣ. Крак. слышамъ прѣкѣ. Венец. слышамъ.—Ирм. 8. Ёгоже воинства нѣнаа славити. Крак. Ёгоже нѣнаа славити. Венец. єго же вои нѣны слави.—Ирм. 9. Моск. мѣре безъ моужны, истѣнно рождѣніе... новотворитѣ єстества. тѣмъже та вси роди. Крак. мѣра безъ мѣжа и безъ таа прижитѣ... ѿбнавѣть єства. тѣмъже та вси роди. Венец. мѣръ безъ моужа ѿ безъ таа прижитѣ ѿбнавѣть єство. тѣмъже вси роди.

Итакъ, повидимому, не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, что разсматриваемыя изданія суть произведенія печати не какой другой, а именно Московской. Перейдемъ теперь къ признакамъ, которые, показывая низкій уровень типографскаго искусства въ типографіи, изъ которой вышли эти изданія, приводятъ къ заключенію, что они могли явиться только въ первый періодъ Московскаго книгопечатанія, то есть прежде Апостола 1564 г., а не позднѣе. Важнѣйшіе изъ этихъ признаковъ слѣдующіе:

1. Неимѣніе при изданіяхъ выходовъ и отсутствіе при обоихъ Евангеліяхъ изображеній Евангелистовъ. Примѣры того и другаго, безъ сомнѣнія, могутъ быть указаны и въ изданіяхъ послѣдующаго періода Московской типографіи; но тогда эти примѣры были, какъ исключенія; въ это же время они, очевидно, составляли общее правило.

2. Отсутствіе помѣты, какъ по листамъ, такъ и особенно по тетрадамъ. Неимѣніе помѣты по листамъ не составляетъ рѣдкости въ Московскихъ старопечатныхъ изданіяхъ даже XVII в. Но неимѣніе столь необходимой помѣты въ типографической техникѣ по тетрадамъ составляетъ такую особенность, какой нельзя указать ни въ одномъ славянскомъ старопечатномъ изданіи, и которая въ данномъ случаѣ не можетъ не считаться признакомъ состоянія типографіи на первой степени развитія.

3. Грубость шрифта и неправильность сверстки въ изданіи № 1, а особенно въ томъ же изданіи неравенство строкъ въ длину съ правой стороны, изъ коихъ многія длиннѣе или короче одна другой часто на три, даже на четыре буквы,—особенность, которая также не встрѣчается ни въ одномъ изъ старопечатныхъ изданій, которая показываетъ, что печатаніе книги было произведено людьми непривычными и изданіе ея составляетъ одинъ изъ первыхъ опытовъ.

4. Изданіе № 2, какъ по шрифту, такъ и по набору и сверсткѣ, гораздо удовлетворительнѣй. Но младенческое состояніе типографской техники, неравенство строкъ въ длину и другіе недостатки и здѣсь бросаются въ глаза такъ же замѣтно, какъ и въ предыдущемъ изданіи, и если это послѣднее должно быть отнесено къ первымъ опытамъ типографскаго искусства, то первое, какъ представляющее шагъ впередъ, должно быть признано вторымъ опытомъ.

5. Шрифтъ изданія № 3, т. е. Постной Тріоди очень красивъ,—ничуть не хуже шрифта Московскаго первопечатнаго Апостола. Наборъ и сверстка также удовлетворительны. Но зато, кромѣ единственной заставки и вязнаго заглавія въ началѣ книги и продолговатыхъ киноварныхъ литеръ въ началѣ паремій и синаксарей, никакихъ орнаментовъ въ книгѣ не находится. Главное же—между отдѣльными службами нѣтъ даже отдѣленій, а заглавія этихъ службъ набраны точно такъ же строчнымъ шрифтомъ, какъ и заглавія отдѣльныхъ пѣсней, и это даже большею частію на той же строкѣ, на которой окончена служба предыдущая. Итакъ, и это изданіе, не смотря на относительныя свои достоинства, послѣ такого удовлетворительнаго опыта, какой представляетъ въ разсматри-

ваемомъ отношеніи Апостолъ 1564 г., въ одной и той же типографіи, какъ и предыдущія два, явиться не могло, и должно быть также отнесено къ первому ея періоду.

Прибавимъ къ сказанному, что водяные знаки на бумагахъ, на которой напечатаны разсматриваемыя изданія, начинаясь, какъ выше замѣчено было, 50 годами XVI столѣтія, не восходятъ далѣе 1564 г. Замѣчательно, что бѣольшая часть этихъ знаковъ, особенно въ изданіяхъ № 1 и 3, тѣже самые, какіе видны на бумагахъ Московскаго первопечатнаго Апостола. Это даетъ поводъ догадываться, что издатели послѣдняго пользовались тѣмъ запасомъ бумаги, какой въ Московской типографіи былъ сдѣланъ прежде.

Но изложенныя соображенія на эпоху появленія разсматриваемыхъ изданій, безъ сомнѣній, могутъ указывать только приблизительно. Къ счастью, на нѣкоторыхъ экземплярахъ этихъ изданій находятся признаки, которые избранное нами положеніе могутъ доказать съ математическою точностію. На одномъ изъ экземпляровъ Евангелія № 1, принадлежащемъ Московскому собирателю П. В. Щапову, и на экземплярѣ Постной Тріоди, принадлежащемъ Новоіерусалимскому монастырю, по листамъ читаются современные памятникамъ Вкладныя подписи, которыя доказываютъ документально, что 1-е изъ этихъ изданій въ 1563, а 2-е въ 1562 г. уже существовали, но, безъ сомнѣнія, они могли быть напечатаны значительно ранѣе. По важности этихъ подписей въ разсматриваемомъ вопросѣ считаемъ нужнымъ привести ихъ буквально. Подпись на Евангеліи № 1: „Лѣта 7071 (1563), сию книгу по(во)печатное евангеліе положили на Лашпожиѣ (на Мезени) стратотерищу Христову Георгію въ домъ Кирило Михайловъ сынъ Ооутина зъ братьею, а подписалъ Кирило самъ своею рукою апреля въ 23 д.“ Подпись на Постной Тріоди Новоіерусалимскаго монастыря: „7070 (1562) г. далъ книгу сію въ домъ чудному Божоявленію старецъ Севастьянъ митрополичъ (Моск. митр. Макарія) ключникъ по своей душѣ и по своихъ родителехъ на поминокъ“.

Къ разсматриваемому разряду изданій, т. е. напечатанныхъ, вѣроятно, въ Москвѣ прежде 1564 г., по нашему мнѣнію, должны также принадлежать: 1) Постная Тріодъ безъ выхода библіотеки Царскаго № 13, которая, какъ было упомянуто выше, составляетъ буквальную перепечатку изданія Постной Тріоди, нами разсмотрѣннаго; 2) Тріодъ Цвѣтная, которая въ неполномъ экземплярѣ находится въ библіотекѣ П. В. Щапова, и которая по своимъ типографскимъ особенностямъ и по своему тексту находится въ такомъ же родствѣ съ первыми Московскими изданіями и въ частности съ изданіемъ Цвѣтной Тріоди 1592 г., какъ и изданія, нами разсмотрѣнныя; 3) также вышеупомянутое, сходное съ разсмотрѣнными нами, Евангеліе безъ выхода и безъ изображеній Евангелистовъ, со счетомъ листовъ только до Евангелиста Луки, по каталогу Царскаго значащееся подъ № 14 и имѣющее на экземплярѣ этой библіотеки Вкладную надпись 1569 г. Очень можетъ быть, что послѣднее изданіе есть то самое, принадлежащее Ивану Ѳедорову Евангеліе, за которымъ въ нашей библіографіи было столько поисковъ.

Съ признаніемъ факта существованія въ Москвѣ книгопечатанія прежде 1564 г. легко примиряются и устраняются тѣ противорѣчія, которыхъ нельзя не признать въ исторіи нашего книгопечатанія въ современномъ ея состояніи. Въ такомъ случаѣ, прежде всего, эпоха мнимаго бездѣйствія Московской типографіи съ 1553 по 1563 годъ исчезаетъ, и старанія царя Іоанна IV о распространеніи книжнаго дѣла въ Россіи путемъ печати являются достигающими цѣли. Съ другой стороны, выборъ для напечатанія въ 1563—1564 г. Апостола, а не Евангелія, не Тріоди и не другой какой либо столь же необходимой для Богослуженія книги становится понятнымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ становится понятнымъ и тотъ прогрессъ въ развитіи типографскаго искусства въ Московской типографіи, какой мы видимъ въ изданіи Апостола 1564 г. Наконецъ, въ такомъ случаѣ мы получаемъ и фактическое подтвержденіе прежде приведеннаго нами преданія, которое, какъ записанное только спустя 60—70 лѣтъ, оставлено быть безъ вниманія не можетъ.

Мысли о существованіи въ Москвѣ книгопечатанія въ рассматриваемую эпоху, по нашему мнѣнію, нисколько не противорѣчитъ и Послѣсловіе къ Апостолу 1564 г., на которое, обыкновенно, ссылаются въ доказательство положенія совершенно противоположнаго. Въ этомъ Послѣсловіи, въ слѣдъ за извѣстіемъ о снабженіи печатниковъ всѣмъ нужнымъ „на составленіе печатному дѣлу“, сказано: „и первѣе начата (Ив. Ѳед. и Петрѣ Мстисл.) печатати сія святія книги Дѣянія Апостольска въ лѣто 7071 (1563) апрѣля 19... совершени же быша въ лѣто 7072 (1564) марта въ 1 день“. По сличеніи приведеннаго свидѣтельства съ соотвѣтственными ему выраженіями Послѣсловій къ другимъ нашимъ старопечатнымъ изданіямъ XVI в., нельзя не согласиться, что въ то время, на языкѣ печатниковъ, словами: „составленіе печатнаго дѣла“, или „печатныхъ книгъ дѣла“ (Послѣсл. къ Часосл. 1565 г. и къ Псалт. 1568 и 1577 г.), иначе „штанбы“, или „друкарни“ (см. тѣже Послѣсловія и Послѣсл. къ Заблуд. Учит. Еванг. 1569 и Львов. Ап. 1574 г.) обозначалось не учрежденіе типографіи вообще, а устройство, точнѣе примѣненіе, приспособленіе типографскаго механизма къ напечатанію одной опредѣленной книги. На этомъ основаніи и слово въ Послѣсловіи къ Ап. 1564 г. *первое* нужно понимать не въ смыслѣ 1-й печатной книги вообще, а въ смыслѣ 1-й книги, напечатанной въ Москвѣ Иваномъ Ѳедоровымъ и Петромъ Мстиславцемъ,—подъ ихъ главнымъ надзоромъ, приготовленнымъ ими шрифтомъ, наборомъ и проч. Въ этомъ именно смыслѣ въ Послѣсловіи къ Львовскому Апостолу 1574 г., напечатанному, какъ извѣстно, точъ въ точъ сходно съ Апостоломъ Московскимъ 1564 г., Иванъ Ѳедоровъ говоритъ: „повелѣніемъ царя и в. кн. Ивана Васильевича и благословеніемъ преосвященнаго Макарія, митрополита всея Руси, *друкарня* сія съставися въ царствующемъ градѣ Москвѣ въ лѣто 7071“ (1563), т. е., когда начаты были печатаніемъ Моск. Ап. 1564 г. Итакъ, если въ приведенномъ выраженіи слово: *друкарня*, однозначашее съ словами—*печатное дѣло*, понимать въ смыслѣ устройства типографіи вообще; то выйдетъ, что типографія въ Москвѣ устроена и основана не въ 1553,

а въ 1563 г. Въ томъ же смыслѣ слова: *составленіе штабды, или дѣла печатныхъ книгъ* употребляютъ преемники Ивана Ѳедорова—Никифоръ Тарасіевъ и Невѣжа Тимофѣевъ. Въ Послѣсловіи къ изданной ими въ 1568 г. Псалтири они пишутъ: „составися штабда сія (выше было объясненіе: „сирѣчь дѣло печатныхъ книгъ“) въ лѣто 7076 марта въ 8 д., и первіе начаша печатати сію книгу пророческую часть“... и т. д. Если въ этомъ показаніи къ словамъ: *первое* и *штабда*, или печатное дѣло, примѣнить то же толкованіе, какое даютъ этимъ словамъ въ Послѣсловіи къ Апостолу Ив. Ѳедорова; то Никифору Тарасіеву и Невѣжѣ Тимофѣеву придется дать титуло первопечатниковъ, а напечатанной ими Псалтири названіе 1-й напечатанной въ Москвѣ книги вообще, и это тѣмъ болѣе, что въ Послѣсловіи къ этой Псалтири, какъ и въ Послѣсловіи къ Апостолу, какъ и въ другихъ Послѣсловіяхъ, о предшествующемъ періодѣ книгопечатанія въ Москвѣ не дѣлается даже намека, а говорится только о повелѣніи царя печатать книги и устроить штабду (сл. также Послѣсловіе къ Цв. Тр. 1592 г.). Ясно, что у нашихъ первопечатниковъ вспоминать о заслугахъ своихъ предшественниковъ было не въ обычаѣ.

Признаніемъ факта, что въ Москвѣ „иѣщды печатываху книги хоть и неискусными иѣкими начертаніи“ и прежде первопечатниковъ Ивана Ѳедорова и Петра Мстиславца, что первое основаніе положено не ими, а неизвѣстными намъ другими печатниками, что для изготовленнаго Иваномъ Ѳедоровымъ шрифта, употребленнаго при напечатаніи Апостола, существовалъ образецъ шрифта печатный же и т. д., признаніемъ этого факта, по нашему мнѣнію, нисколько не умаляется та заслуга, которую эти дѣятели оказали русскому книгопечатанію. Въ Вильнѣ, какъ извѣстно, славянское книгопечатаніе было учреждено еще около 1525 г., но это искусство прервалось тамъ на первыхъ же двухъ напечатанныхъ книгахъ и для исторіи русскаго книгопечатанія осталось безъ всякаго вліянія. На этомъ основаніи, не смотря на существованіе книгопечатанія въ Россіи еще въ 1525 году, основателями этого искусства, первопечатниками у насъ издавна принято считать Ивана Ѳедорова и Петра Мстиславца. Въ Москвѣ было иѣчто гораздо болѣе, чѣмъ въ Вильнѣ: оказывается, что у Московскихъ первопечатниковъ были предшественники, которыхъ опытами они, безъ всякаго сомнѣнія, пользовались. Но во 1-хъ, Иванъ Ѳедоровъ и Петръ Мстиславецъ дѣло русскаго книгопечатанія двинули несравненно далѣе; по признанію специалистовъ, дѣло церковно-славянскаго книгопечатанія они довели до такой степени совершенства, что ближайшая къ нимъ эпоха въ исторіи церковно-славянскаго книгопечатанія имѣетъ значеніе золотого вѣка. Во 2-хъ, не смотря на преслѣдованія ихъ гоненія и неудачи, они распространили это искусство по всему пространству Россіи, положили основу славянскаго книгопечатанія вдругъ въ нѣсколькихъ центрахъ,—въ Москвѣ, въ Вильнѣ, во Львовѣ, въ Острогѣ,—и это такъ прочно, что слово *книгопечатаніе* во всѣхъ этихъ мѣстахъ утвердилось потомъ надолго, а въ иныхъ не прерывается и доселѣ. Прибавимъ къ этому, что принятый Московскими первопечатниками типъ цер-

ковно-печатнаго шрифта въ нѣсколько измѣненномъ видѣ перешелъ потомъ и въ славянскія земли. Вообще Иванъ Ѳеодоровъ и Петръ Мстиславецъ воздвигли себѣ такой памятникъ, какіе достаются въ удѣлъ историческимъ дѣятелямъ очень немногимъ. Но высоко цѣня заслуги для исторіи русскаго просвѣщенія Московскихъ первопечатниковъ, мы обязаны помянуть добромъ и тѣхъ пока неизвѣстныхъ тружениковъ, которые этимъ гигантамъ нашего типографскаго дѣла, этимъ типографамъ энтузіастамъ, какъ назвалъ ихъ Карамзинъ, прокладывали дорогу, и безъ всякаго сомнѣнія, эти неизвѣстные труженики, напечатавшіе разсмотрѣнныя нами книги, вполне заслуживаютъ того, чтобы имъ была посвящена первая страница въ исторіи русскаго книгопечатанія.

О ПЕРЕСОПНИЦКОЙ РУКОПИСИ.

Рефератъ П. И. Житецкаго.

Пересопницкая рукопись есть старинный переводъ Евангелія на малорусское нарѣчіе, — переводъ изъ „языка блѣгарскаго на мову роускую“, какъ выразился переписчикъ ея.

Интересно знать, кто и по какимъ побужденіямъ занимался этимъ переводомъ, а также — на какихъ читателей онъ былъ рассчитанъ?

Переписчикъ Пересопницкаго Евангелія въ послѣсловіяхъ къ отдѣльнымъ Евангелистамъ называетъ себя различно. Въ двухъ мѣстахъ, по окончаніи Евангелія Матѳея и Іоанна, называетъ себя „*Михиломъ Васильвичемъ, протопопомъ Саноцкимъ*“; по окончаніи Евангелія Марка, „*многогрѣшнымъ рабомъ Михиломъ*“, послѣ Луки — просто „*писаремъ Михиломъ Васильвичемъ изъ Санока*“, а въ заключительномъ послѣсловіи рабомъ Божиимъ „*Михиломъ Васильвичемъ, сыномъ протопопы Саноцкаго*“. Весьма вѣроятно, какъ догадывается о. Думитрашко, недавно составившій описаніе Пересопницкой рукописи, что въ припискахъ послѣ Евангелія Матѳея и Іоанна пропущено слово: *сына* и затѣмъ въ окончательномъ послѣсловіи оно добавлено ¹⁾. Но кто былъ этотъ переписчикъ, самъ ли протопопъ Саноцкій или сынъ его, это не имѣетъ еще большой важности. Гораздо важнѣе лицо переводчика. Бодянский, который еще въ 1838 г. напечаталъ первое извѣстіе о Пересопницкомъ Евангеліи, переводчикомъ его считалъ протопопа Саноцкаго ²⁾. Между тѣмъ, самъ переписчикъ въ окончательномъ послѣсловіи говоритъ, что „*тыи книги чтыры Бѣлистоу сѣу оустроѣны крѣпкимъ смірѣйнымъ и бѣломѣнымъ ѣромонахѣмъ Григорыѣмъ Архимайдентомъ Пересѣпницкимъ*“. Что значить устроены? О. Думитрашко объясняетъ это выраженіе въ пользу Григорія, какъ переводчика Евангелія. Не отнимая этой заслуги у Григорія,

¹⁾ Запѣч. рукоп. Полт. сем. 1874 г. стр. 16.

²⁾ Жур. Минис. Народ. Прос. 1838 г., кн. 5, стр. 392—400.

мы думаемъ, что не простымъ переписчикомъ былъ и Михаилъ изъ Санока. Выраженіе: „написалъ книги“ въ старину имѣло болѣе широкое значеніе, чѣмъ нынѣ. Уже то обстоятельство, что переписчикъ снабдилъ свой трудъ значительными по объему послѣсловіями, показываетъ, что это было лицо, которое принимало авторское участіе въ трудѣ. „Тое всѣ, говорить онъ, Рáдою Пилнóстю ѿ прѣлежаніемъ Вѣшнѣ Речейногò, Мòнаха Грѣгоріа, Архимайдри́та Пѣресопницкогò, Пòстановленъ є. Прòто Їже єсми єще нѣдооумѣлъ пренесталость Рòзоума Мòгò. Бѣлò мòн рòзоумъ Втылъ дѣи Шоутень іако Воды врекоу Приходѣщій Їзгорь. Ї іако Пазнѣи Бѣлины ѿ вѣтровъ колѣблемы. дла́ Трòски сего́ мѣмо Пдоучога свѣта. Прòтожъ Вѣшнѣречейный смѣреннѣи архимайдри́тъ Грѣгоріє Їмѣлъ Пилнóсть ѿ лóбовъ кпѣсанію сєи книги. кòторáа дла́ пилнóсти ѿ лóбве єгò свѣршилася... іа тыжъ многòгрѣшнѣи... тòго тыжъ наоучѣнъ... Пòхотелъ єсми Написати сію кнѣгоу стоую євѣлѣю“. Очевидно, если считать на основаніи выраженія: „написалъ книги“ переписчикомъ Михаила Саноцкаго, то такимъ же переписчикомъ нужно считать и Григоріа, ибо и о немъ сказано въ послѣсловіи, что онъ „ѿмѣлъ Пилнóсть ѿ лóбовъ кпѣсанію сєи книги“. Гораздо вѣроятнѣе, что Григорію принадлежала роль руководителя въ исполненіи работы, а исполнителемъ ея былъ самъ переписчикъ. Былъ его разумъ мутенъ, какъ „воды, текущія изъ горъ“, но „пилнóсть ѿ лóбовъ Грѣгоріа кпѣсанію сєи книги“ возбуждала умственные силы самаго Михаила,—и вотъ они вдвоемъ совершили свой трудъ. Трудились они долго—цѣлыхъ пять лѣтъ съ нѣсколькими днями: „пòчалò єсть Пѣсати сѣ євѣлѣ рòкоу афѣнъ мѣа августъ є“, а кончено „влѣто тисѣноє ф̄ за Айгоуста кò-го дѣа“. По обычаю вѣка, утѣшали они себя въ своемъ нелегкомъ трудѣ мыслию о вознагражденіи свѣше, „зане́ Грѣгоріа“, какъ говоритъ о своемъ руководителѣ Михаилъ, „Немòбилъ злòта ѿ срѣбрà Глєдѣицхъ“. День и ночь молился онъ о томъ, чтобы Господь сподобилъ его „видѣти дѣла сего́ кòнєцъ. Ї пòчитати вѣсѣмъ начєрѣ-тайнаа Пѣсмена“. Но сквозь это благочестивое настроеніе, удаленное отъ земныхъ помысловъ, проглядываетъ реальная мысль о пользѣ общественной, для которой предпринять былъ весь трудъ: „А ѿже єсть прѣкладана Тàмò стàа євѣлѣ изъ пàзыка Блѣгарьскагò на мовоу Роускоую, то дла́ лєпшѣ Вѣрòзоумлєнѣ мòдоу хрѣіаньскòгò пòсполитòгò“. Ту же цѣль имѣлъ, какъ извѣстно, и докторъ Скорина, который предназначалъ всѣ свои изданія „мòдєлѣмъ пòсполитымъ русскогò азѣка кз пожитку“. Можетъ быть, пересопницкіе переводчики увлекались примѣромъ Скорины, а еще вѣроятнѣе, что, какъ они, такъ и Скорина, находились подъ возбуждающимъ вліяніемъ вѣка, который, какъ извѣстно, богатъ былъ великими переворотами въ области религіозной мысли. Это былъ вѣкъ Лютеровой реформы, вѣкъ соцініанской пропаганды въ самой Польшѣ, въ которой, подъ сѣнью шляхетской свободы, находили пріютъ религіозные вольнодумцы всей Европы,—вѣкъ люблинской и затѣмъ брестской уніи. Нужно было дать въ руки люду пòсполитому такую книгу, на которую чаще всего приходилось ссылаться въ религіозной борьбѣ мѣстной, и которая въ

то же время была бы понятна всякому. Мы не навязываемъ этой тенденціи пересопническимъ переводчикамъ, напротивъ того, мы взяли ее цѣликомъ изъ самой рукописи, которая расположена по зачаламъ и приспособлена къ церковному употребленію, но предъ каждою группою зачалъ есть приписки „дрѣбнаго писанія. Въ Счѣтахъ положенного“, какъ выражается переписчикъ, т. е. въ краткихъ словахъ изложено содержаніе той главы, въ составъ которой входятъ зачала: „тыжь дла людіи за́коноу римского, сирѣчь латинань. ѿже внихъ неъ изываютьсѣ зачала. ѿднѣ капитулы. а по нашѣмоу ꙗзыкоу главы. Боуде ли Снь тебе ѿ шѣо про́сити абы ѿснѣ ѿмоу не́медло сирѣчь ворзо на́шедыши оу́казаль“. Вотъ эта жизненная сторона нашего памятника даетъ ему высокую цѣну не только въ глазахъ филолога, но и историка. Очевидно, пересопницкіе переводчики были люди, понимавшіе практическія задачи своего времени. Для нихъ важны были интересы посполитаго люда, и потому они обратились къ простой *мовѣ* этого люда для того, чтобы онъ самъ могъ защищать свое дѣло не только оружіемъ, но и словомъ. Этотъ взглядъ на „мовоу ро́ускоу“ былъ большою рѣдкостью въ тотъ вѣкъ, когда народная рѣчь была достояніемъ необразованной массы, на которую общественное мнѣніе Рѣчи посполитой смотрѣло очень неблагоприятно. Съ другой стороны, перерывъ литературныхъ преданій на югѣ Россіи, длившійся въ теченіе трехъ вѣковъ (XIII—XV), отвлекалъ южнорусскихъ писателей XVI—XVII в. отъ сосредоточеннаго и медленнаго труда надъ обработкой литературнаго языка. Они торопились высказаться по поводу живыхъ, текущихъ вопросовъ дня, которые требовали быстрого и неотложнаго рѣшенія. Они искали готоваго орудія для борьбы съ врагами, которые опирались на схоластическую образованность латино-польской школы. Нужно было въ короткое время создать южнорусскую школу, которая могла бы приготовить достойныхъ дѣятелей для литературной полемики. Эта школа, какъ извѣстно, была создана, и, конечно, органомъ ея не могло быть устно-народное слово, заброшенное въ теченіи вѣковъ. Самъ народъ, охваченный страстною борьбою за существованіе, не могъ найти въ своей обстановкѣ благопріятныхъ условій для того, чтобы дать своему слову подобающее значеніе въ литературѣ того времени, и потому въ основу ея положена была славянская рѣчь, которая имѣла на своей сторонѣ многія преимущества: это была установившаяся уже рѣчь, не чуждая книжнымъ людямъ южной Руси. Она служила образцомъ, отъ котораго южнорусскіе писатели неохотно отступали, такъ что даже пересопницкіе переводчики, при всемъ желаніи высказаться въ народномъ духѣ „дла лѣйшого вірозоумленѣ людоу посполитого“, не считали возможнымъ отрѣшиться въ своемъ трудѣ отъ славянскаго языка, не могли также уберечься и отъ польскаго вліянія, какъ въ выборѣ словъ, такъ отчасти и въ конструкціи рѣчи. Посредствующимъ вліяніемъ польскихъ образцовъ рѣчи можно объяснить также чешскія слова и выраженія, встрѣчающіяся въ Пересопницкой рукописи, такъ какъ до XV в. польская литература

состояла подь непосредственнымъ вліяніемъ чешской¹⁾. Но вмѣстѣ съ тѣмъ пересопниціе переводчики сообщили своему труду яркія черты народнаго южнорусскаго нарѣчія XVI в., а въ сочетаніи южнорусскихъ элементовъ съ славянскими обнаружили чрезвычайно много такта. Если удалить изъ перевода неумѣлое словопроизводство вмѣстѣ съ неестественнымъ правописаніемъ, чуждымъ, какъ древнеславянской, такъ и малорусской фонетикѣ (напримѣръ, зїяніе, мягкій знакъ послѣ гортанныхъ и проч.), если удалить, съ другой стороны, полонизмы, состоящіе, главнымъ образомъ, въ лексическихъ заимствованіяхъ, то получится рѣчь достаточно простая, вразумительная и въ то же время народная. На славянской основѣ съ иноязычною польскою и отчасти чешскою примѣсью положены густыми слоями и въ огромномъ количествѣ черты народной фразеологіи съ ея типическими особенностями, какъ въ отношеніи къ звукамъ и формамъ, такъ равно и въ отношеніи къ словоупотребленію, словорасположенію и постройкѣ предложений. Во многихъ мѣстахъ переводъ оказывается неточнымъ и невѣрнымъ, но замѣчательно, что самые недостатки его объясняются, главнымъ образомъ, желаніемъ переводчиковъ выразиться проще и удобопонятнѣе.

Ближе къ славянскому подлиннику переведено Евангеліе Матѳея и Марка, ближе къ народной рѣчи—Евангеліе Іоанна и особенно Луки. Вообще же въ переводѣ всѣхъ Евангелистовъ гораздо въ большей степени господствуетъ малорусская фразеологія, чѣмъ малорусская фонетика. Эта послѣдняя замаскирована славянскимъ правописаніемъ, которое представляетъ странную смѣсь древнихъ особенностей съ новыми. Вся рукопись написана крупнымъ уставомъ, округленно-раздѣльными буквами, что отличаетъ ее отъ рукописей позднѣйшихъ, въ которыхъ, обыкновенно, буквы пишутся болѣе сжато, слитно. Есть буквы, имѣющія начертаніе очень древнее: такова, напримѣръ, буква ч, имѣющая видъ чаши; буква ѿ, кружокъ которой, какъ въ древнихъ рукописяхъ, занимаетъ всю ширину строки; буква оу въ сложномъ видѣ, такъ что позднѣйшее ѿ встрѣчается только при переносѣ слова изъ строки въ строку. Вмѣстѣ съ тѣмъ встрѣчаются начертанія позднѣйшія, напримѣръ, буква ѿ, которая въ древнѣйшихъ рукописяхъ употребляется рѣдко, въ Остромировомъ Евангеліи—только въ заглавныхъ надписаніяхъ Евангелій; буква х, въ которой обѣ черты проведены за строку, и притомъ точка соединенія линій—не по срединѣ, какъ въ древнѣйшихъ рукописяхъ, а выше; буква з—въ позднѣйшей продлинноватой формѣ; во всѣхъ іотированныхъ гласныхъ черта проведена не по срединѣ, какъ въ древнѣйшихъ рукописяхъ, а снизу вверхъ; древнѣйшаго начертанія ѡ вовсе нѣтъ, а всюду господствуетъ ѡ; также, вмѣсто іотированнаго ѡ, всюду встрѣчается долготычное ѡ, которое, какъ извѣстно, окончательно установилось только въ XIV в. Но особенно интересны начертанія юсовъ. Писецъ различалъ большой юсъ отъ малаго: по крайней мѣрѣ, въ пер-

¹⁾ Jos. Jireček. Bibli Staropolská. Časop. Mus. 1872. Svaz. 3. Str. 297—312.

Снимки съ Пересопницкой рукописи.

Начертанія буквъ.

Я.А.К.В.Г.Д.Е,Є.Ж.З, З, Ѵ.И.Ї.Й.К.Л.
Ц,Ѡ.Н.О,Ѡ,О,о,о,оо,Ѡ.Ѡ.П.Р.Р.
С,с.Т.Ѳ, Ѳ, ѳ.Ф.Х.Ц.Ц.У.Ш.Щ.
Ъ.Ы.Ѳ.Ѳ.Ю.Ѳ,Ѳ,Ѳ,Ѳ,Ѳ,Ѳ,Ѳ.

Образцы текста.

ѲаѲей .

КѲКѲНИ УТѲИИ СРѲЕУК,
ѲО, ѲНИ КѲА, ВИДѲТИ КѲ
ДѲ .

КѲКѲНИ КѲГНАНИИ
ДѲПРАКДѲ, ТАКОКѲЕСТИ
ЦѲТѲО НѲНѲЕ .

(Мат. 3 ач. 10.)

ДЛА

УГО ЗІМІТАРЫ ІГРѢШІНИ
КН ОУЧІТЕЛѢВѢШЫІАСТЬ, І
ПІЄТЬ. ОУСЛЫШАВШИТОІС,
РЕКЛИ. НЕПОТРЕКОУЮ ЗДОРО
ВЫІВРАУА, НЖКОЛѢЦІІН.
ШОШИНАОУЧІТЕСЛУТОЕ
МЛТНХОЦІОУ АНЕЖОКТВѢК.

(Мат. Зач. 30.)

Евангеліа выписоуе, іакъ негодитѣ жєнь со ролюпниши пѣи
ѡскопцехъ. тѣмъ іакъ хс надѣ тѣроуки покаадоуе тѣмъ,
кто коли даахѣ богатѣство ѡпоустити стокрогѣ боль
ше возметъ. И животъ вѣчный насладитъ. глава 41.

с' R.
тѣмъ, что,
✠

ГДА ДОКОНАЛЫІСТОІРѢУІ.
ВЫШОЛЪ ЗГѢЛНЛЕІ. І
ПРІШОЛЪ ВЪ ОУКРАІННЫ,
НОУДЕЙСКЫМ. ПОСОНУІСТО
РНѢІОДНА. І ЗАНИМЪ І
ШІН НАРОДНМОСН. НОУ
ЗДОРОВНЛЫІТОУ ♦ прѣ, пѣ вѣ.

Заві

ИЖЕ НАПЛЪНЕНЬКЪ ДУХА
СТОГО. ВЕРНУЛСЯ СЪН
СЪРДАНН НВЪДЕНЬ КЫЛЪ
НАПОУСТЫНЮ ^{АХѠ} КѠ. КТО

(Лук. 3 ач. 12.)

ИРѢ
КЛЪКНЕНЮ ВЪСТЕРЖАНТѢ
НХОВАНТЕСЯ СЪВѢКЛОГО ЛА
КОМЪСТВА.

(Лук. 3 ач. 65.)

ИВЪЗНОШОВАЛСЯ НАНКО. ЯС
НН СЯ БНОУ ПОКЛОНИЛИ. НВ
НОУЛН СЯ ДО ІЕРУСАЛЪ. ЗРАДО
СТІЮ ВЕЛНКОЮ. И КЫЛИ ВСЕГДА
ВЪРКВИ. ХВАЛЮИ И КТО СЛО
ВЮЮИ КТА

(Лук. 3 ач. 14.)

И
Н
Н
Н

ИНСТИТУТ
АКАДЕМІЯ

Запомоуѣжію, естъ доконана книга. сѣго и славнаго аплаікулиста
хвалоуки. въ которой книзе. замыкаетсѣ глава кѣ. азачалъ рѣи
астихова. дѣѣ тисати. и ѿсмѣ сѣтъ бѣоу коутипанюу. а по спо
литымъ людемъ коудобромуу вырзоумленію, презьписара миѣхила
василіиѣиуа. зьсанока. Поѣжнмъ нароѣснѣи апа, а ф ѿ а го

И СОУДАРЬ КѢТОРЫЙ БЫЛЪ НАГОЛОВКЕГО .

РОУЧНИЧОКЪ, КОТОРЫЙ

БЫЛО ГОЛОВОУ ЕГО СПАГНЕНО /

(Іоан. Зач. 63.)

Ю запоногоу бжїею имѣшь вѣѣзхплѣна бѣписанныи Книгы Ѣты
се рѣанстоки, бѣложеныи Нзыизыка блѣгарского Намовѣ роу
скоуіо итлѣуѣнилыи. Которыѣ сѣѣ доконаны влѣто тисѣноѣ
ф ѿа. Напамѣ ѿѣкновеніа, сѣго и славнаго Прѣка и прѣдтеуѣ
и кѣтителѣ гнѣ иіаинѣ. Мѣа ѿвѣгуста, кѣ го днѣ : ♦ : ♦ :

(Изъ заключительнаго послѣловіа).

ной половинѣ рукописи, въ Евангеліяхъ Матвѣя и Марка, встрѣчается большой юсь, правда, въ позднѣйшей уже формѣ, болѣе сжатой; затѣмъ, въ Евангеліяхъ Луки и Іоанна, онъ совсѣмъ пропадаетъ, замѣняясь буквою оу,—зато малый юсь является въ самыхъ разнообразныхъ начертаніяхъ, графически сходныхъ между собою и безразлично употребляемыхъ для выраженія звука я. Только въ началѣ рукописи большой юсь стоитъ иногда вмѣсто ѧ, что указываетъ на болгарскій подлинникъ, которымъ пользовались переводчики. Къ числу болгаризмовъ можно отнести также о съ точкой въ срединѣ—буква, которая, по мнѣнію Востокова, изобрѣтена была болгарскими писцами. Слово око часто пишется съ этимъ о, иногда даже въ удвоенномъ видѣ¹⁾. Постановка удареній тоже болгарская: очень часто въ одномъ словѣ встрѣчаются два ударенія, которыми избилуетъ Пересопницкая рукопись даже въ большей степени, чѣмъ тѣ рукописи болгарскаго происхожденія, которыя указаны Востоковымъ въ Описаніи Румянцевскаго Музея подъ №№ 131, 132, 133, 134, 136, 137, 138, 139 и 140. Чаше всего ударенія встрѣчаются надъ корнемъ слова, иногда надъ предлогами, когда они стоятъ отдѣльно отъ слова, а также и въ предложныхъ словахъ. Надъ гласными окончаніями надежей—именительнаго, родительнаго, дательнаго, винительнаго и творительнаго стоитъ обратное удареніе: вѣскоѹ, нѣдѣю, вѣдою. Слогоотдѣлительнаго знака ´ мы не замѣтили въ Пересопницкой рукописи,—зато обратная кавычка ` постоянно встрѣчается надъ іотированными гласными звуками: эта кавычка употребляется вмѣсто слогоотдѣлительнаго знака. Не менѣе рѣзко обнаруживается въ правописаніи Пересопницкаго Евангелія сербское вліяніе: оно замѣтно прежде всего въ надстрочныхъ знакахъ надъ ѿ, иногда надъ ѡ и надъ другими гласными,—знакахъ, которые, вѣроятно, изобрѣтены сербскими переписчиками, а главный слѣдъ сербскаго вліянія заключается въ томъ, что ѧ въ концѣ словъ всюду замѣненъ ѣ, что, какъ извѣстно, характеризуетъ рукописи сербской редакціи. Затѣмъ, изрѣдка въ Пересопницкой рукописи дано мѣсто буквѣ ѧ въ срединѣ словъ послѣ плавныхъ, по древнеславянски: навръѣшисѧ, трѣпѣти, хотя, впрочемъ, встрѣчаются постоянныя отступленія отъ этого правила: терѣпти, всерѣмъ и проч. Тою же непослѣдовательною отличается употребленіе ѧ въ предлогахъ и въ предложныхъ словахъ: такъ, одно и то же слово пишется различно: рѣзврѣтаѣтъ и рѣзворѣчамъ. Вообще же говоря, во всей рукописи преобладаетъ надъ употребленіемъ ѧ и ѣ система паериковъ: писецъ ставитъ ихъ не только тамъ, гдѣ слѣдуетъ, гдѣ, по требованію древнеславянской этимологіи, глухіе гласные должны стоять въ срединѣ и въ концѣ словъ, но часто и не къ мѣсту — тамъ, гдѣ, по требованію живаго говора, гласный звукъ является для того, чтобы устранять излишнее накопленіе согласныхъ, или же гдѣ, по мнѣнію писца, его предположить можно. Слова: знати, зѣмли показываютъ, что пи-

⁴⁾ Начертанія буквъ см. въ снимкахъ съ Пересопницкой рукописи.

сцемъ руководило ложное представленіе о глухихъ тамъ, гдѣ ихъ быть не могло, а слова: жѣтѣ, мнѣга показываютъ, что онъ съ надлежащею точностію не зналъ, гдѣ глухіе стояли въ древнеславянскомъ нарѣчіи. Встрѣчаются иногда оригинальныя формы, въ которыя вторглась фонетика народной рѣчи: вотъ, напримѣръ, выраженіе: „а ѡбсѣрюуѣшиѣ ѣкъ жѣнѣ рѣкъ“, гдѣ вмѣсто кѣ стоитъ ѣкъ, какъ въ современномъ выговорѣ, съ тѣмъ самымъ замѣнительнымъ гласнымъ звукомъ, который слышится, напримѣръ, въ словахъ: *іржа*, *імла* (древнесл. рѣжда, мѣла). Въ словѣ: *кѣсѣви* писецъ отступилъ отъ обычая своего ставить на концѣ словъ ѣ, въ угоду той же народной фонетикѣ; такъ какъ *ѣ* предлога *кѣ* встрѣтилъ поддержку въ начальномъ гласномъ слѣдующаго слова, то онъ оказался на мѣстѣ. Изъ начертанія: *кѣсѣви* легко убѣдиться, что писецъ зналъ различіе между *ѣ* и *ѣ* и даже соединялъ съ ними представленіе, какъ о такихъ знакахъ, которые, при извѣстныхъ условіяхъ, заключаютъ въ себѣ гласный элементъ. Такъ, одинъ разъ намъ встрѣтилось слово: *взѣро* (оуѣрочило стадо *взѣро*): очевидно, здѣсь *ѣ* исполняетъ роль звука *о* (*въ озеро*). Точь-въ-точь такая же форма встрѣчается въ памятникахъ новгородскаго нарѣчія XIV в. кѣ *зѣру*:¹⁾ слѣдовательно, въ XVI и XIV вв., на югѣ и на сѣверѣ Россіи, считалось возможнымъ не только произносить, но и писать глухіе гласные въ замѣнъ чистыхъ. Изъ всѣхъ этихъ данныхъ относительно глухихъ по Пересопницкому Евангелію можно сдѣлать заключеніе, что въ XVI в. на русскомъ югѣ они писались, но, или совсѣмъ не произносились (такія формы, какъ *ѣкъ*, *ѣго*, никогда не были возможны ни въ одномъ русскомъ нарѣчіи),—или произносились, какъ звуки чистые, а никакъ не какъ глухіе.—Теперь отмѣтимъ всѣ случаи употребленія буквы *ѣ* въ Пересопницкомъ Евангеліи. 1) Чаше всего она ставится правильно, пославянски: „наѣшамъ доброѣ сѣмѣ на сѣлѣ своѣмъ“. 2) *ѣ* стоитъ вмѣсто юсовъ большого и малаго: „кто чѣинитъ воѣ (воѣмъ) отца“... „не ѣмали много зѣмѣ“, — „не ѣмали глѣбокости зѣмѣ“... „не потребоуютъ лѣкарѣ“... „до гостѣи-ницѣ“... „дѣкую“ вмѣсто „дакую“. Форма: „воѣ“ вмѣсто „воѣмъ“ доказываетъ, что въ рукахъ переводчиковъ былъ подлинникъ болгарскаго происхожденія, можетъ быть, съ примѣсью сербской редакціи (судя по преобладанію *ѣ* надъ *ѣ*). Не зная о смѣшеніи юсовъ въ болгарскомъ письмѣ, они ставили *ѣ* тамъ, гдѣ въ подлинникѣ стоялъ малый юсъ, но этотъ юсъ тамъ стоялъ уже вмѣсто большого, отсюда и вышла странная форма: „воѣ“ вмѣсто „воѣмъ“. 3) Иногда *ѣ*, наоборотъ, замѣняется буквою *ѣ*, въ текстѣ не такъ часто, въ припискахъ переписчика очень часто: при Августѣ, имѣмъ и пр. Въ этой замѣнѣ *ѣ* буквою *ѣ* мы видимъ вліяніе бѣлорусско-польской рѣчи. Для XVI в. не будетъ смѣлостію признать въ малорусскомъ народномъ говорѣ господствующимъ *ѣ* вмѣсто *ѣ*: переводчики, очевидно, увлечены были литературными образцами своего вѣка. 4) *ѣ* замѣняется, сообразно съ

¹⁾ Бусл. Истор. христ. 55.

малорусскимъ нарѣчіемъ, буквою и: посла, смотриль, ликарѣ, ничого не йль и проч. 5) Наконецъ, очень рѣдко ѣ замѣняется буквою ы, вслѣдствіе смѣшенія ы съ и: на моры; есть даже случай употребленія ѣ вмѣсто ы: „мѣти хощу а не жрѣтъ“, а въ другомъ мѣстѣ: „мѣти хощу а не жрѣтъ“. Такимъ образомъ, въ Пересопницкомъ Евангеліи не опущенъ ни одинъ изъ древнерусскихъ приемовъ въ употребленіи буквы ѣ и въ то же время ни одинъ изъ нихъ не принятъ въ видѣ постоянного правила для руководства. Писецъ отдаетъ предпочтеніе древнеславянской постановкѣ буквы ѣ, но постоянно отвлекается въ сторону подъ впечатлѣніемъ разнообразныхъ вліяній. Дальѣйшая исторія буквы ѣ въ южнорусской письменности связана съ грамматикой Смотрицкаго, который рѣшился положить конецъ разнообразному употребленію буквы ѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ вывести правописаніе изъ хаоса. Въ грамматикѣ своей онъ говоритъ слѣдующее: „а и ѡ, е и є, и и і, ы и ѣ, о и ѡ: давшаго употребленія, склоненій и спряженій навѣкъ, несклоняемая части помногу научать“. „Блюсти подобаетъ и надежей въ склоненіихъ, и временъ въ спряженіихъ, оконченія: и о вмѣсто ѡ, ни въ противъ: ни ѡ вмѣсто а, ни въ противъ: ни є вмѣсто ѣ, ни въ противъ, развѣ то и оно примати могущихъ надежей: ни ѣ вмѣсто и или ы вмѣсто и, ни обоя та въ противъ полагати 1)“. Ученый XVII в. жалуется на смѣшеніе буквъ, которыя должны стоять, по его понятіямъ, на своемъ мѣстѣ. Какія же это понятія и откуда навѣяны они? Смотрицкій оберегаетъ славянское преданіе въ употребленіи буквъ отъ вторженія, съ одной стороны, народныхъ южнорусскихъ элементовъ, съ другой стороны, элементовъ бѣлорусско-польскихъ. Но не столько страшатъ его эти послѣдніе, сколько первые: самъ онъ, въ конструкціи собственной своей рѣчи, въ лексикѣ и даже въ фонетикѣ ея, далеко не свободенъ отъ вліянія польско-латинскихъ образцовъ, потому то нѣтъ и слѣдовъ народности въ совѣтахъ Смотрицкаго относительно употребленія буквы ѣ: онъ допускаетъ даже, въ угоду бѣлорусско-польской фонетикѣ, смѣшеніе ѣ въ извѣстныхъ случаяхъ съ є, но смѣшеніе ѣ съ и и ы безусловно запрещаетъ. Отвергнувъ народное, фонетическое начало, онъ не положилъ въ основу правописанія и разумной этимологіи: употребленію буквъ, по его мнѣнію, научить „склоненій и спряженій навѣкъ“, а съ навѣкомъ, и только съ однимъ навѣкомъ, какъ извѣстно, уйти далеко нельзя. Совѣты Смотрицкаго, очевидно, не могли извлечь южнорусское правописаніе изъ сферы случайностей. Въ XVII в. въ южнорусской письменности видимъ прежнее смѣшеніе ѣ съ є и і: то ставили эти послѣднія буквы вмѣсто ѣ, то ставили ѣ вмѣсто є и і. Къ тому же мало-по-малу начало оказывать свое дѣйствіе на употребленіе буквы ѣ и великорусское вліяніе. Оно проникло на помощь бѣлорусскому вліянію, которое само по себѣ, съ развитіемъ народныхъ элементовъ въ южнорусской письменности, можетъ

1) Смотриц. Грам. изд. 1721 г. стр. 7.

быть, безсилно было бы устранить малорусскую замѣну *ѣ* звукомъ *і*. Живой обмѣнъ литературныхъ идей, завязавшійся въ XVII в. между учеными малорусскаго, бѣлорусскаго и великорусскаго происхожденія, содѣйствовалъ развитію въ южнорусской письменности *є* вмѣсто *ѣ*. При всемъ томъ мы замѣчаемъ въ XVII в. между малорусскими писателями нѣкоторое единообразіе въ употребленіи буквы *ѣ*. Мы видимъ, что они избѣгаютъ *є* вмѣсто *ѣ*, не даютъ даже предпочтенія своему народному *і* вмѣсто *ѣ*, хотя и позволяютъ себѣ обмолвки въ томъ и другомъ смыслѣ,—зато, въ громадной массѣ случаевъ, ставятъ *ѣ* вмѣсто *и*,—ставятъ *ѣ* не только тамъ, гдѣ того требовало славянское правописаніе, но и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ присутствіе буквы *ѣ* не могло быть оправдано ни здравымъ словопроизводствомъ, ни народной фонетикой. Такъ, въ Львовской лѣтописи: *нѣхто*, *Хмельницького*, *уиѣя*,—иногда одна и та же форма съ *ѣ* и *и*: *поиѣалъ* и *поиѣалъ*, *нѣмѣи* и *нѣмѣи*, *поиѣи* и *пѣи*,—иногда даже *і* изъ основнаго *є* выражено посредствомъ *ѣ*: *сѣлъ* (великор. *сѣлъ*, малорос. *сіа*), *иѣсть* вмѣсто *иість*, *повѣзъ* вмѣсто *повіз* ¹⁾. Въ словарѣ Беринды: *иѣ* вмѣсто *ни*, *иѣхто*, *иѣчого*, *иѣнацо*, *мѣнута*, *фѣгура* и проч. ²⁾. Въ Лѣтописи Самовидца: *на Волинѣ*, *анѣжъ*, *въ кривѣ* (*въ крови*), *зѣма*, *на запорожжѣ* и *на запорожжѣ* ³⁾. Это широкое употребленіе *ѣ*, гдѣ нужно и гдѣ не нужно, по нашему мнѣнію, объясняется постепенно сложившимся убѣжденіемъ, что *ѣ* должно стоять тамъ, гдѣ слышно мягкое іотированное *і*. Корни этого убѣжденія находятся въ древнѣйшихъ памятникахъ русской письменности, и вотъ южнорусскіе писатели XVII в., подъ защитой древнерусскаго преданія, стараются въ употребленіи буквы *ѣ* соединить этимологическую правильность съ народной фонетикой, разумѣя подъ *ѣ* звукъ *і*. Но эта болѣе традиціонная, чѣмъ сознательная этимологія увлекла ихъ на путь ложной аналогіи, которая, маскируя малорусское *і*, все таки не могла служить руководствомъ, когда нужно писать *ѣ*, а когда *і*.—Изъ XVI вѣка мы перешли, опираясь на Пересопницкое Евангеліе въ XVII в., отъ того же памятника можно двигаться вверхъ въ XV, XIV и даже XIII в. Для этого мы укажемъ на правописаніе въ Пересопницкой рукописи звуковъ *о* и *є*. Во 1-хъ) большею частію они пишутся на своемъ мѣстѣ; во 2-хъ) иногда замѣняются буквами *ѣ* и *ѣ*; въ 3-хъ) довольно нерѣдко вмѣсто *о* и *є* встрѣчаются *у* и *ю*: *опѣомъ* вмѣсто *опѣомъ*,—*оуздоровѣомъ*, *иѣомъ* вмѣсто *иѣомъ*,—*иѣоуѣмѣи*, *стѣи*, *юѣ*, *тѣи*, *пѣ сѣи*, *пѣ тѣи стѣи*, *ѣкрасѣомъ*, *зѣдѣи*, *фѣрисѣи*, *женѣи* и пр.; въ 4-хъ) еще рѣже встрѣчается позднѣйшая малорусская замѣна звука *о* звукомъ *і*: *крѣи* вмѣсто *кравѣи*, *вѣи* вмѣсто *отѣи*. Для

¹⁾ Историч. сбор. Погод. 265, 67, 65, 40, 59, 46, 34—37, 44—49, 49—49, 57—36, 50, 50—50, 59, 60, 48.

²⁾ Беринда 94, 94, 95, 93, 76, 192.

³⁾ Лѣт. Самовидца 8, 9, 10, 11, 12, 13.

насъ важны собственно звуки *у*, *ю* и *і* вмѣсто *о*, *е*. Извѣстно, что *і* моложе *у* и *ю*, и что эти послѣдніе звуки—ничто иное, какъ стяженія доегласныхъ *уо*, *юо*, которые и донинѣ сохранились въ сѣверномъ малорусскомъ говорѣ: *куонь*, *куэнь*, *куинь*, *куінь*, *кінь*,—*завуол*, *завуіл*, *завіо*. Въ такой преемственной градаціи идутъ эти звуки. Намъ нѣтъ надобности рассказывать здѣсь, въ силу какихъ причинъ совершилось странствованіе основныхъ *о* и *е* чрезъ доегласныя и потомъ стяженные формы, пока, наконецъ, *о* и *е* не превратились въ типическое малорусское *і*. Считаемъ необходимымъ только указать на то, что въ Пересопницкомъ Евангеліи явился уже позднѣйшій потомокъ основныхъ *о* и *е*, т. е. звукъ *і*, рядомъ съ *у* и *ю*—звуками, которые можно считать примѣтой средней стадіи въ развитіи малорусскаго вокализма. Поднимаясь отъ Пересопницкаго Евангелія къ XV в., мы встрѣчаемъ ту же среднюю стадію въ южнорусскихъ грамотахъ: *чтїонъ*¹⁾, *щадкумъ*²⁾, *по поумъ*³⁾, *отсюль*⁴⁾,—то же самое и въ XIV в.: *добровульно*, *шульжицусь*, *стрыювъ роіъ*⁵⁾ и пр. Отсюда мы идемъ дальше: если въ XIV в. существовали уже стяженные звуки, то самые доегласные, изъ которыхъ они образовались, должны были существовать раньше, слѣдовательно, современные намъ сѣверно-малорусскіе *уо*, *юо*, полагать надобно, существовали уже въ устахъ народа, по крайней мѣрѣ, въ XIII в. Мы не встрѣчаемъ ихъ въ письменности того времени, но это ничего не доказываетъ. Не такъ легко было выбиться древнерусскому писателю, и въ особенности переписчику, изъ подъ вліянія древнеславянскихъ образцовъ рѣчи и письма, образцовъ, которые освящены были самымъ высокимъ въ древнерусской жизни интересомъ вѣры и церкви. Доегласные *уо*, *юо* казались грамотнымъ людямъ древней Руси провинциализмами, недостойными книжной рѣчи, и ихъ можно было избѣгать въ среднихъ слогахъ тѣмъ легче, что основные *о* и *е* сами собою возстановлялись въ слогахъ прямыхъ, какъ и теперь возстановляются въ малорусскомъ нарѣчій (*кінь-коня*).. И грамотная южная Русь усердно возстановляла эти звуки въ ущербъ народной фонетикѣ, а неграмотная Русь сохранила не только *і* въ среднихъ слогахъ, но и тѣ первозвуки, изъ которыхъ образовалось южнорусское народное *і*.

Не вдаваясь въ подробности, спѣшимъ закончить свой обзоръ правописанія Пересопницкой рукописи сообщеніемъ главнаго вывода, къ которому мы пришли на основаніи непосредственнаго знакомства съ нею. Она выражаетъ, по нашему мнѣнію, съ достаточною ясностію звуковыя особенности малорусскаго нарѣчія въ средней стадіи его

¹⁾ А. Ю. и З. Р. т. I. 3.

²⁾ Головац. Пам. № 10.

³⁾ Ibid. № 33.

⁴⁾ А. Ю. и З. Р. № 232.

⁵⁾ Головац. Пам. 6, 7, 10.

историческаго развитія, и потому представляет средній пунктъ, отъ котораго идутъ историческія линіи вверхъ и внизъ, т. е. къ вѣкамъ XV, XIV и далѣе, съ другой стороны, къ вѣку XVII и XVIII. Изученіе Пересопницкой рукописи не только съ фонетической стороны, но и со стороны лексической, а также синтаксической, могло бы привести къ результатамъ чрезвычайно важнымъ. Предъ нами бы открылась такая страница въ умственной жизни этого края, которая могла бы освѣтить глухіе вѣка XV и XIV, а вмѣстѣ съ тѣмъ могла бы восполнить недостающія страницы, вырванныя позднѣйшими переворотами, совершившимися на южнорусской землѣ.

Что внесъ св. Кипріанъ, митрополитъ Кіевскій и всея Россіи, а потомъ Московскій и всея Россіи, изъ своего роднаго нарѣчія и изъ переводовъ его времени въ наши Богослужебныя книги?

Рефератъ Архимандрита Амфилохія.

Инокъ Нилъ Курлятевъ, ученикъ Максима Грека, въ своемъ предисловіи къ переводу съ греческаго языка на славянскій Максимомъ Грекомъ Псалтири, въ 1552 году обвинялъ митрополита Кипріана въ томъ, что онъ не зналъ хорошо нашего славянскаго языка, вносилъ, при переводѣ на нашъ языкъ, то сербскія, то болгарскія слова, и измѣнялъ не по нашему правописанію. Вотъ подлинныя слова Нила Курлятева о незнаніи митрополитомъ Кипріаномъ нашего языка: „А кипріѣниз митрополитъ..... ѿ нашего ꙗзыка доволно не знаѣ. ѿрѣ и с нами єдинъ нашъ ꙗзыкъ срѣѣ славенскій. да мѣ говорѣ по своѣмъ ꙗзыкѣ чисто и шѣмко. а онѣ (т. е. переводчики, въ числѣ которыхъ былъ и митрополитъ Кипріанъ) говорѣтъ молодежаво, ѿ в писаніи рѣчи нашіи с ними не сходѣтсѣ. и онѣ мнѣлсѣ что поправѣ ꙗсалмов по нашемъ. а болши неразѣмѣ в нѣ написѣ в рѣчѣ ѿ в словѣ все по сербски написѣ. и нынѣ мнѣгыѣ оу насѣ и всѣ время на кнѣгы пишѣ. а пишѣтъ ѿ неразѣмѣ все по Сербски. ѿ говорѣти по письмѣ по нашемъ ꙗзыкѣ право не оумѣютъ. и мнѣгыѣ неразѣмныѣ смѣцѣютсѣ. гдѣ надобѣ по нашемъ а, а по сербски, ѣ, ѿли ѣ по нашемъ ю, а сербски ѣ. по нашемъ о, а сербски ѣ¹⁾), оу нѣ ы. а сербски и, а рѣчи по нашемъ не замѣли, а сербски, ѿли

¹⁾ Нилъ Курлятевъ не умѣлъ отличать сербское нарѣчіе отъ болгарскаго. Буква ѣ въ болгарскомъ нарѣчіи вмѣсто нашего о употребляется, напримѣръ: нѣ, а по нашему но, по сербски же—нѣ.

вѣде бѣлгарски не замѣди. по нѣшемъ кѣсно мѣленноузыченъ, или гѣгнѣ. а сербски мѣдно изычѣ. и прочіа рѣчи намъ не разѣмны. воумъ, вѣснъ, рѣснотивѣ, цѣри, ашѣтъ. и мнѣго таковыхъ мѣ не разѣмѣмъ ѣно сербски, а ѣно бѣлгарски. и сѣмъ доселѣ не достанѣ нѣ лѣто на повѣствованіе ¹⁾“.

Во времена митрополита Кипріана наше книжное просвѣщеніе очень страдало. Троицкая лѣтопись, описывая Тохтамышево нашествіе, бывшее при митрополитѣ Кипріанѣ, такъ рассказываетъ о пропажѣ книгъ безъ вѣсти: „книгъ же толико множество снесено со всего города и изъ загорожья и изъ селъ, и въ Зборныхъ церквахъ до тропа наметано, схраненья ради спроважено, то все безъ вѣсти створиша“. (Ист. Госуд. Рос. Том. V, прим. 96). Ревностный пастырь церкви, митрополитъ Кипріанъ, желая восполнить этотъ недостатокъ, въ бытность свою въ Царѣградѣ, гдѣ въ то время въ обители Студійской и св. Іоанна Предтечи ученые иноки-славяне занимались переводами съ греческихъ книгъ на славянскій языкъ разныхъ чиноположеній церковныхъ, Богослужебныхъ каноновъ, молитвъ, и перепискою переведеннаго вновь изъ сочиненій патріарховъ Константинопольскихъ Исидора и Филофея на славянскій языкъ, и исправленнаго по греческимъ книгамъ, постарался запастись оными и привезти въ новое свое отечество—Россію. Будучи въ Царѣградѣ недалеко отъ родины, онъ и ее посѣтилъ. Какъ высоко и глубоко почитали этого просвѣщеннаго и высокой нравственности святителя его родичи, мы видимъ это изъ торжественной его встрѣчи, которую трогательно описалъ Григорій Цамблакъ. „Жители города (Тернова), подобно волнамъ быстрой рѣки, хлынули на встрѣчу святителю, шедшему къ нимъ отъ единоплеменнаго сѣвера. Никто не остался дома, даже сторожи домовъ; купцы не затворили своихъ лавокъ и товары свои покидали на торжищѣ. Рабы оставили господъ, художники свои дѣла; и жители Тернова, и иноземцы, всѣ вышли за городъ. И дѣва неисходная, по древнимъ славянскимъ обычаямъ, забывши стыдъ, пошла съ народомъ. Старый и недужный влачили за всѣми. Великая сладость была народу видѣть святое лице Кипріана; не только ученѣмъ или словомъ, однимъ видомъ своимъ онъ вселялъ въ души все доброе. Одни шли близко, касались ногъ его, цѣловали руки; другіе, взирая на него издали, довольствовались однимъ его благословеніемъ. Жены особенно приходили съ умиленіемъ къ святителю, клали дѣтей своихъ и недужныхъ подъ его ноги: благодать вѣры изливалась по его слѣдамъ, какъ въ оны времена сила спасительная; благословеніе его освящало вѣрный народъ и подавало отраду въ страданіяхъ ²⁾“.

Такому-то высокой нравственности лицу, такъ высоко у насъ въ Россіи въ духов-

¹⁾ См. предисловіе къ Псалтири перевода Максима Грека, составленное Ниломъ Курлятевымъ, стр. 3 об. и 4 об. № 62. Библиотека Сергіевой Лавры.

²⁾ См. Ист. Рос. Слов. Шевырева. Часть 3. 1858 г. стр. 170.

ной Іерархіи поставленному, естественно было позаботиться и о единоплеменной ему Россіи и словомъ, и дѣломъ.

Какія же Богослужебныя и другія книги приписываются у насъ собственно письму митрополита Кипріяна: 1) Требникъ съ Служебникомъ въ 3-хъ экземплярахъ; 2) Лѣствица св. Іоанна 1387 года; 3) Слѣдованная Псалтирь и 4) сочиненія св. Діонисія Ареопагита съ толкованіемъ св. Максима исповѣдника, переводъ сербскаго инока Исаи 1371 года.

I. Запись въ Требникѣ съ Служебникомъ XIV в. помѣщена въ снимкахъ трудовъ Ординарнаго академика Измаила Ивановича Срезневскаго. Другую запись можно видѣть въ томъ же Требникѣ въ моемъ спискѣ, здѣсь приложенномъ: Записаниє сѣмоу ѿ греческихъ книгъ. смиренымъ митрополитомъ киѣвскимъ ѿ всеа руси кипріяномъ. Ниже сего приписка писца: крѣз оцю ксенефонту дадѣ, инокъ иларій метаниѣ. за худость и несоусѣха прости¹⁾. Запись въ Кипріяновскомъ Требникѣ XV в. на л. 353-мъ, сходная съ записью, мною скопированною и помѣщенною въ снимкахъ академика Срезневскаго, кромѣ приписки писца 1481 г. Садки Молчанова, слѣдующая:

Синъ славѣвникъ прѣписа ѿ греческихъ книгъ на рускій азъкъ рускою своею кипріяномъ смиреннымъ митрополитомъ киѣвскимъ ѿ всеа руси. Стѣго же славѣвника замышленіемъ ѿ повелѣніемъ, и срѣнѣи желаніемъ. госпѣромъ своего михаила іаковлѣча. прѣписа азъ многорѣшнымъ сѣмо молчановъ грѣю своѣмъ мѣйлѣ іаковлѣи. Слѣзи же прѣписѣте и подучѣваетесь сими книгѣми. или вѣтвенію и безкровнѣю жертвѣ гвѣи приносяще сѣпеници и сими книгѣми мѣтвы молящесѣ, поминанте наше смѣреніе. іако да и въ томъжѣ поминанію спѣвлени бѣдете: Аще ли кто възхоцѣ сѣа книгѣ переписывати. сматрѣи не приложити, или ѿложити единое нѣкое слово. или тычкою ѣдиниѣ: или крѣчки иже сѣѣ по строками в рѣдѣ. иже прѣмѣнитисѣ (sic) слѣгнѣю нѣкоторѣю. или приложити ѿ обычнѣи. ѿ же первѣе привыкѣ или пакѣ ѿложити. ни въ діаконствѣ иже въ възмашеніи. ни въ мѣтвѣ. но съ великѣи ѣниманіемъ прочитати и оучитисѣ. или прѣписывати. іако да невѣрженіа въ грѣхъ впадѣйте. за неже еже ѿ невѣрженіа ѣпасти въ грѣхъ горышѣи иѣ, неже еже ѿ невѣрніа бываемаго.

Такъ называемый Служебникъ митрополита Кипріяна вмѣстѣ съ нѣкоторыми чиноположеніями изъ Требника XIV в. № 601. Синод. Библіотеки я весь пересмотрѣлъ и ничего не отыскалъ изъ его родного языка, портящаго нашъ Славянскій Богослужебный языкъ. Въ этой рукописи нѣтъ даже *юсовъ*, а буквы *ѣ* и *ѣ* есть.

¹⁾ Требникъ сей съ Служебникомъ хотя приписывали письму самого митрополита Кипріяна, но достоуважаемый о. Ректоръ Моск. Дух. Академіи, имѣя въ библіотекѣ академической рукописи письма митрополита, усумнились приписать ему сей Требникъ. Послѣдняя приписка, хотя и мелкаго почерка, но по характеру буквъ, одна съ крупнымъ, заставляетъ думать, что сей Требникъ писалъ инокъ Іларій.

При сличеніи литургіи Златоустаго, помѣщенной въ Служебникѣ митрополита Кипріана съ таковою же литургіею въ Служебникѣ преп. Сергія оказалась самая незначительная разни́ца, и то не въ языкѣ, а въ опущеніи нѣкоторыхъ молитвъ и прошеній изъ ектеній.

1. Первой молитвы въ Служебникѣ преп. Сергія, озаглавленной такъ: *мѡ хотѣю иерешви бжѣвнѡу свершѣи страшноую таниу. Гѣ бжѣ нѣ єдинѣ блѣ и чѣкомѡбѣцѣ...* нѣтъ у митрополита Кипріана; нѣтъ ея и въ Служебникѣ его же времени XIV в. № 598 Моск. Синод. Библиотеки.

2. При облаченіи священника въ священническія одежды въ Служебникѣ преп. Сергія положена: *мѣва вѣдѣко гѣ їѣ хѣ всѣдѣржитѣлю....*, которой нѣтъ у митрополита Кипріана; нѣтъ ея въ Служебникѣ XIV в. № 598 Синод. Библ. и Служебникѣ XV в. св. Евѡимія Новгородскаго.

3. Молитвы предѣ Апостоломъ: *гѣ бжѣ нѣ приклони сѣца...* нѣтъ; нѣтъ ея и въ Служебникѣ св. Евѡимія Новгородскаго.

4. Молитвы предѣ Евангеліемъ: *вѡсинаи вѣ срдѣ...* нѣтъ.

5. Въ сугубой ектеніи прошеній: *помилѡуи насѣ їс...* нѣтъ.

— о блѣгѡвѣрѡи и блѣгѡчѣвѣи кнѣгинѣ... нѣтъ.

— о творѣцихѣ мѣтию... нѣтъ.

6. Ектеніи и молитвы за умершихъ и въ Служебникѣ преп. Сергія и митрополита Кипріана нѣтъ, а она есть въ Служебникѣ XV в. св. Евѡимія Новгородскаго.

7. Гѣ иже прѣстаго дѣа... нѣтъ.

II. Въ Требникѣ митрополита Кипріана, равно и въ вышеупомянутомъ его Служебникѣ, есть нѣкоторыя дополненія.

1. Въ службѣ на пятидесятницу внесена имъ послѣ третьей молитвы еще молитва Константинопольскаго Патріарха Филоѡея, которой у насъ не было прежде, и теперь она не положена. Митрополитъ же кіевскій Петръ Могила, внесе ея въ свой Требникъ, такъ оговорился: *вѣстѡ буди, їако вѣ Єлѣинскихѣ звѡдѣхѣ по мѣтѣ сѣи, авѣе, чѣтѣсѣа конечѣнаѣ мѣтва вечерѣнаѣ, сѣсѣтъ: Бжѣ великѣи и вышѣи... И тако сѣвершаютѣсѣ мѣтѣвы всѣа. Мѣже вѣ Рѡссѣйской церкви прилагѣмѣ и сѣю послѣдѣющѣю, кѣ сѣмѣ дѣхѣ мѣтѣвѣ, їако семѣ прѣдѣникѣ приличѣю, и во всѣхѣ словѣнскихѣ дрѣвинѣхѣ звѡдѣхѣ ѡбѣрѣтающѣюсѣа, и по ней онѣю конечѣнѣю прилагѣмѣ. Молитѣва патріарха Филоѡея въ Требникѣ Петра Могилы напечатана почти безѣ измѣненія въ языкѣ. Выписываю эти отличія противъ молитвы напечатанной въ Требникѣ митрополита Петра Могилы слѣдующія съ соблюденіемъ правописанія XV вѣка, напр. сѣпрѣсоущѣи и животѡрѣвыи, їже ѡ ѡѣа їсѣхѡдѣи. иже сѣюполож... прѣдѣтѣнѣ... їже наст. дѣхѣ пр... дѣхѣ... їже ѡѣскаго сѣстава. їсѣхѡдѣиѣе. сѣюупѣстѣиѣе хотѣиѣе и прѣдѣдѣстѣе, покла-*

иатисіа образъ.. мое грѣшнаго... молѣніе мысли шчи.. вѣдати. высотѣ крѣпость. некоюпльшюса неспокоѣблсмъ. Словъ: ересей безмѣстною державнѣйшоу у Петра Могила нѣтъ.

2. Въ Чинѣ таинства Елеосвященія до Требника митрополита Кипріана было только нѣсколько молитвъ. Такія три молитвы помѣщены въ Служебникѣ XIII в. Варлаама Хутынского. Въ Греческомъ Требникѣ XIV в. Кантакузина помѣщены всѣ молитвы, читаемыя во время Елеосвященія надъ больнымъ, какія и теперь читаются, но тамъ нѣтъ канона съ Акrostихомъ пѣснописца Арсенія. Этотъ канонъ въ Требникѣ Кипріана весь помѣщенъ и перепечатанъ въ Требникѣ Петра Могила. Только здѣсь прибавлены Евангелія, читаемыя надъ больными женами, и не тѣ помѣщены тропари 1-й пѣсни четвертый, 6-й пѣсни четвертый же и 9-й пѣсни второй, какія въ Требникѣ Петра Могила:

Єдина сміренію бездна. чѣмъ ѡбѣгавши єже къ боу мѣтѣми си рѣно недѣлѣ же и скорѣен, твоего раба избави. тако непрѣстанно та възсѣваемъ.

Греческій текстъ изъ Требника Фотія XV в. ἡ μόνη τὸ τῆς εἰρήνης πέλαγος ἀγνὴ πλουτήσασα ταῖς πρὸς θεὸν πρεσβείαις σου ἀεὶ νοσημάτων καὶ θλίψεων τὸν σὸν οἰκέτην λύτρωσαι. ὅπως ἀπαύστως ἀνυμνοῦμεν σε.

6-й пѣсни четвертый тропарь:

Ивилася еси ѡ бѣтѣ твоємъ храмоу пѣдѣиѣтаа. мѣи зижѣтелева маслина, єіюже ѡспланиъ тависа миръ мѣти. ѡинодѣ же спсѣи, моленіємъ ѡсѣзаніа ти стражоуѣцаго.

Погречески изъ того же Требника Фотіева стр. 191 об.

Πέθυνας ἐν θεῷ τῷ σῶ οἴκῳ καὶ ἐκλύτρωσιν κατάκαρπος. μητὴρ τοῦ χριστοῦ ἐλαία δι' ἧς πλήρης ὦφθη κόσμος ἐλέους. ὁθεν σῶζε πρεσβειῶν ἐπαφῇ σου τὸν κάμνοντα.

9-й пѣсни второй тропарь.

виѣтъ хѣ сѣ нѣсе танныи ти прѣстаніємъ. такоже въ ѡвчѣи клѣѣи и рѣи семъ вѣгоуотро-
бїємъ сѣ мажюцємъсѣ масломъ. възстани хѣ вѣдѣмъ свон.

Погречески второй тропарь не тотъ:

Ἰδομεν πανάγαθε σῶτερ. ἀγαλλιῶμενοι τὸ θεῖον ἔλαιον ροπῇ σου ἐνθέω. ὑπὲρ μετόχους. ὅπερ προσήλειφας. καὶ τυπικῶς με τέ δωκας. λουτροῦ τοῦ θεοῦ τοῖς μετέχουσιν.

3. Въ Чинѣ освященія церкви до митрополита Кипріана въ Требникахъ не было ни подробнаго чина, ни молитвъ, какія помѣщены въ Требникѣ митрополита Кипріана. Кто-то изъ нашихъ русскихъ ученыхъ въ началѣ этого чина написалъ карандашемъ на полѣ на л. 69-мъ: „спросить, не этотъ ли нынѣ чинъ“? Покойный митрополитъ Московскій Филаретъ чрезъ нѣсколько строкъ отъ замѣтки страницы двѣ слишкомъ отчеркнулъ,

написавъ карандашемъ: *иное*. Выписываю всѣ замѣтки покойнаго митрополита надъ тѣми мыслями Чина освященія церкви Кипріановскаго Требника, гдѣ митрополитъ Филаретъ дѣлалъ карандашныя помѣтки, съ соблюденіемъ древняго правописанія мыслей Кипріановскаго Требника.

Начало изъ Чина освященія церкви, гдѣ помѣчено митрополитомъ Филаретомъ: *иное*. Приходитъ же потѣ, стѣл, пріемлѣ мчѣнскы стѣ мошени части трѣ...

Конецъ изъ Чина освященія церкви, гдѣ помѣчено тѣмъ же митрополитомъ:

„Кандило еже и свѣтило глѣсѣ и свѣтильникъ и оловца свѣтѣльнаа. и свѣтимца. и цѣклинни двѣ. єдина оубо радостамы исполнь. или вина дрѣвѣаже мира.

На 72 об. подлѣ сихъ словъ: „визмиваетсѣ на стѣлпы вѣскомастѣ. донелѣ же исполнѣтсѣ хѣратинныа оустны. оставленюу же томоу оустынѣти мало. гѣрѣче вѣ исть. стѣлъ молитѣ“. Написано на полѣ карандашемъ: *по чину осв. Антиминса*; а надъ началомъ молитвы: *ѣи бѣ и спѣсѣтелю...* на полѣ отмѣчена цифра—(1).

Вторая цифра (2) отмѣчена надъ сими словами Чина: „пріемлѣ трапезоу ѣкѣлѣ сѣ соуцѣли“...

Третья цифра (3) надъ сими словами Чина: „и архидіаконѣ глѣюцю. паки и паки прѣклѣнѣе кѣлѣни, гоу пом. стѣлъ же стѣлѣ на ковѣрѣ и кѣлѣни прѣклѣнѣиѣ вѣ възглавѣю молитѣ сѣце. бѣ бѣзначальныи...

Четвертая цифра (4) надъ сими словами Чина: „взхѣди стѣлъ и стѣлѣ прѣ стѣоу трапезоу мыло же вѣлоє пріемѣ, кѣтѣ тѣ творѣи ѣ. на неи. на сѣлѣ єдинѣ, и двѣ по сторонамѣ“.

Пятая цифра (5) надъ сими словами Чина: „и тако ѿ оукропнаго сѣсѣда вливаетсѣ теплѣа вода“...

Шестая цифра (6) надъ сими словами Чина: „молитсѣ. ѣи бѣ нашѣ, оствѣзши си воды... по мѣтѣлѣ же.... взмив.. теплѣа вода“...

Седмая цифра (7) надъ сими словами Чина: л. 79 об. „и глѣтѣ стѣлѣ. слѣва бѣлѣ на шѣмѣ вѣ вѣкѣ. сѣсѣеникѣ же тѣ иѣгдѣ блѣ антимиѣ прѣложѣиѣ“..

Осьмая цифра (8) надъ сими словами Чина: „творитѣ тѣмѣ (мѣромѣ) кѣтѣ трѣ. єдинѣ на сѣлѣ. и двѣ по ѿбѣю странѣ“.

Девятая цифра (9) надъ сими словами Чина: „сѣсѣеникѣ же паки възложѣиѣ антимиѣ на трапезѣ... сѣ оубо чѣо дѣвѣо“....

Десятая цифра (10) надъ сими словами Чина: „стѣлѣ глѣтѣ. слѣва ти стѣлѣ трѣсѣ вѣже нашѣ вѣ вѣкѣ“.

Пятнадцатая цифра (15) надъ сими словами Чина: „и дѣтсѣ стѣлѣ кандило. и томѣ

кадицію сѣю трапезѣ, ѿ олтарь, ѿ храмъ вѣ. глѣть ѡло сѣди ми гѣи тако незлобою моею ходи". На полѣ еще, кромѣ цифры 15, приписано: *„Въ освящ. Антимис. поставлен. св. мощей“*.

Шестнадцатая цифра (16) надъ сими словами Чина: „и донелиже кади сѣль, сѣ ѡло тако глѣмъ ѣ не единою“...

Семнадцатая цифра (17) надъ сими словами Чина: „сѣль прѣ стою ставъ трапезою. и колѣни преклонивъ молиса сице: гѣи нѣси и земли“... Еще на полѣ приписано: *„Діакону рекшу. Г. П.“*.

Осмынадцатая цифра (18) надъ сими словами Чина: „и по аминѣ діакѣ мироу изыдемъ и скончаветса все послѣдованіе. по сѣ же приносиѣ сѣю кадило ново и крѣще оловены (вверху карандашемъ погречески написано: καὶ μόλυβος) и свѣтильца и масла“.

Одиннадцатая цифра (11) надъ сими словами Чина: „и пакы сѣльскаа всѣ ѡдѣваются ѡдѣваніа“.

Двѣнадцатая цифра (12) надъ сими словами Чина: „и ѡходи въкоупѣ съ сѣенники. и съ прочими причтоу и мѣми, въ другыи храмъ, въ нѣ же мѣстескыя прѣложены выша мощи“.

Тринадцатая цифра (13) надъ словами Чина: „на заутріа же сѣль пакы тамо приходи съ причтѣ и мѣми. и діакону творяцію начало мѣвою свѣщѣніе трѣмоу. самъже молиса сѣа: Гѣи вѣ нашъ, вѣрныи.“

Четырнадцатая цифра (14) надъ сими словами Чина: „взиегѣ же приближати сѣаемоу храмъ. пою се глѣ. Ѣ. Слава тебѣ хѣ вѣ апѣлоу похвала“... На полѣ еще приписано карандашемъ: *„Возмите вр. входъ. Обхожд. окр. тр. св. муч. См. тебѣ хр. поставл. св. м. см. выше“*.

Девятнадцатая цифра (19) надъ сими словами Чина: „сѣставы съ воскомастихоу, или ѿѡ, еже кѣ лѣйкоу. или и свинѣ. глѣть к себѣ. сѣль мѣ сѣю гѣи вѣ нашъ ѿже и сѣю славою“... На полѣ предъ началомъ молитвы приписано карандашемъ: Г. П.

Двадцатая цифра (20) надъ сими словами Чина: „мѣ ѿнаа въ положені сѣль мѣщен. Бже ѡцѣ нашъ сѣе сѣль“... Вверху митрополитомъ Филаретомъ приписано: *„съ миромъ изыдемъ“*.

Вотъ какія помѣтки карандашемъ сдѣлалъ покойный митрополитъ Филаретъ надъ Чиномъ освященія новой церкви, помѣщеннымъ въ Требникѣ митрополита Кипріана и переписаннымъ съ него въ 1481 году Сидкою Молчановымъ. А митрополитъ Кипріанъ надъ неправильнымъ однимъ Чиномъ дѣйствія во время освященія церкви такъ замѣтилъ: л. 98. „и дѣлоу томъ свершенъ, слава и нѣи и сѣль глѣть: слава бѣ нашемъ въ вѣкы:—по сѣхъ измываѣ роуки. оубрѣсомъ же новымъ тѣхъ отрывъ. приемлѣ покрывало, сѣрѣчь ѡдѣваніе“.

трапезное. еже роусь не вѣмъ како обыкоша индѣтѣю то звати ѡпако же: емоу же стѣю на трапѣзѣ простираѣмъ, гдѣ пѣмъ чѣ. Гѣ выѣрѣмъ въ лѣпотѣ сѣ обѣдѣ“...

4. Въ Чинѣ освященія въ 1-й день августа митрополитомъ Кипріаномъ замѣчено: аще ли же кромѣ перваго дне Августа възхоусть кто осціеніе сѣ сзтворити нѣкыа ради потребы не поминаетъ стѣ мѣеникѣ Маккавей. ниже мѣре ѿ. на оучителя нѣ стѣго егоже ѣ храмъ. и его же ѣ дѣнь.

Въ выпискахъ изъ Кипріанова Требника, переписаннаго въ 1481 году Сидкою Молчановымъ видно только въ отношеніи правописанія противъ великороссійскаго переносъ удареній на первый слогъ, особенно въ словахъ съ предлогами, гдѣ удареніе переносится на предлогъ, напр. на ковѣ, въ вѣкы и др. Такія ударенія у насъ остались въ старопечатныхъ Служебникахъ. Въ Служебникѣ 1602 года Іововскомъ на 29-й тетради 5-го листа: во имѣ, 6-го листа: во времѣ, на 31-й тетради 4-го листа: на тѣ, на 54-й тетради 1-го л. обор. поимѣ, начнѣ. Въ Служебникѣ 1616 года на 16-й тетради: во вѣкы, 18-й тетради 3-го листа: во времѣ, на 4-мъ листѣ: со страхомъ, на 7-мъ листѣ той же 18-й татради: во имѣ, въ 19-й тетради на 1-мъ листѣ: на тѣ, въ 20-й тетради на 2-мъ листѣ обор. горѣ.

III. Есть памятникъ трудовъ митрополита Кипріана юсоваго письма. Достоуважаемый знаменитый нашъ церковный историкъ, о. ректоръ Московской духовной академіи, протоіерей Александръ Васильевичъ Горскій, относитъ этотъ памятникъ собственно къ письму самаго Кипріана, съ каковымъ мнѣніемъ нельзя не согласиться. Это — *Смодованная* Псалтирь Кипріана, хранящаяся въ академической библіотекѣ. Краткое описаніе сей Псалтири бывшаго студента Московской духовной академіи г. Бѣляева о. ректоръ академіи сообщилъ мнѣ съ обязательностію. Изъ подлинныхъ выписокъ изъ сей Псалтири г. Бѣляева видно, какъ неправильно было юсовое письмо въ правописаніи митрополита Кипріана. Объ этомъ можно судить и по слѣдующимъ немногимъ выпискамъ изъ нея.

Л. 154. начало Ѹтрни.

Л. 162. начало.

Л. 187. об. ради чѣнѣишѣмъ матеръ.

Л. 192. имѣмъ тропарѣмъ же кондакѣмъ нарочитымъ стѣмъ.

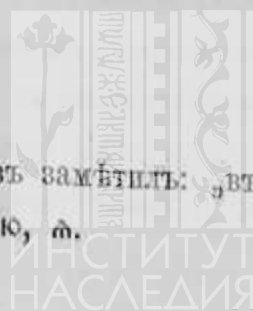
Л. 284. въ стѣмъ и великѣмъ нѣмъ пасхы.

Л. 302. всемогѣишѣмъ и животворѣишѣмъ стѣмъ трѣце.

Л. 315. блѣгѣиеніе прѣславнымъ вѣчѣмъ наша вѣмъ.

Л. 323. взпнѣти.

Въ заключеніе краткаго своего описанія Псалтири г. Бѣляевъ замѣтилъ: въ сей рукописи постоянно встрѣчаются юсы въ значеніи буквъ: а, о, у, ю, ѣ.

Выписки болѣе обширныя, мною сдѣланныя изъ самой рукописи слѣдующія:

Л. 56. Пс. 34 (66)¹⁾.

Гѣ ѿредри нзи. и блви нзи. просвѣ-
ти лице твое на нзи, и помози нзи.
познати на земли пѣ твои. въ всѣ
ѡзвѣщѣхъ спсѣніе твое. да исповѣ-
даѣсѣ тебѣ людіе бѣ. да исповѣ-
даѣсѣ тебѣ людіе вси. да възве-
селаѣсѣ и възрѣаутсѣ ѡзвѣсти.
іако сѣдиши людеѣ правотоу.²⁾ и
ѡзвѣсти на земли наставиши.
да исповѣдаѣсѣ тебѣ людіе бѣ. да
исповѣдаѣсѣ тебѣ людіе вси. зе-
мль³⁾ дастъ плодъ свои. блви нзи
бѣ. бѣ наши. блви нзи бѣ. и да
ѡбоутсѣ егѡ. вси конци земли:

Л. 56 об. слѣ. в концѣхъ ѡло пѣсни дѣхъ.

33. (67) да възкрѣнетъ бѣ и разыдаѣсѣ вра-
ги⁴⁾ егѡ. и да вѣжа ѡ лица егѡ нена-
видѣи⁵⁾ егѡ. іако исчѣзѣ дѣхъ,
да исчѣзѣнѣ. іако таетъ воскъ
ѡ лица ѡгню.⁶⁾ тако да погѣбѣнѣ
грѣшници ѡ лица бжїа. а праве-
дници да възвеселаѣсѣ. възрѣау-
тсѣ прѣ бгѡмъ. насладутсѣ

въ веселїи. възпои́те бѡу. пои́-
те и́мени егѡ. пѣ сѣтворите
възше́дшомъ на запады. гѣ и́ма
егѡ. и раду́йтесѣ прѣ́ нимъ. сѣ-
мѣтѣсѣ ѡ лица егѡ. ѡца сѣ-
рихъ. и сѣдиши вдови́цъ. бѣ въ
мѣстѣ сѣтѣмъ своѣмъ. бѣ въсе-
лѣтъ. е́диномыслии въ домъ.
възвѣда ѡкованнѣмъ мѣжствомъ.
такѡже прогнѣваѣщѣмъ⁷⁾ живѣщѣ-
мъ. въ грѣбѣхъ. бѣ е́гда исхожа́-
ше прѣ́ лю́ди свои́и е́гда мимо-
хо́ждаше въ пѣстѣни. земль

Л. 57. потрясѣсѣ. и́вѣ и́бѣ канѣмъ.

ѡ лица бѣга сѣнѣна. ѡ лица бѣ и́лѣ-
ва. дѣхъ воленъ ѡмѣчѣши бѣ до-
стоѣнѣ твоѣмъ. и изнемо́же.
тѣже сѣврѣши ѡ. живѣтнаа
твѡа живѣтъ на неѣ. ѡготова-
лъ еси блгѡстѣ твоѣмъ. нице́мъ⁸⁾
бѣ. гѣ да гдѣ блгѡвѣствѣщѣи
сѣла́ многѣ. црѣ́ сѣла́ възво-
вѣннаго. лѣпѡтоу. домъ разѣ-
лѣти ко́ристь. аще поспѣте

¹⁾ Сей псаломъ и слѣдующій написаны строка въ строку, какъ въ подлинникѣ, съ соблюденіемъ правописанія. Въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ приведены разночтенія изъ Псалтири XV в. Волоколамской бібліотеки.

²⁾ правотою.

³⁾ земль.

⁴⁾ враги.

⁵⁾ ненавидѣи.

⁶⁾ ѡгню.

⁷⁾ ...ваѣщѣмъ.

⁸⁾ нице́мъ.

Л. 162. чѣ́то тѣ́ нарѣ́мъ... ѿ ѡ́бродова́ннѣа.

Л. 169. Единоро́днѣи сѣ́з и сло́во вѣ́иѣ бесѣ́мръ-
тенъ сѣ́и. ѿ изволивѣи спѣ́сѣиѣа нашего ра́ди
взпла-
титсѣа. ѿ стѣ́а вѣ́а. и прѣснодѣ́и мѣ́а,
непрѣ-

ложно възлѣ́чѣсѣа. распенжесѣа хѣ́бе сѣ́мръѣа
сѣ́мръ настѣ́пи. еди́нъ сѣ́и стѣ́а трѣ́а.
сѣ́прославѣ́ѣ ѿцѣ́ ѿ стѣ́а дѣ́а, спѣ́и нѣ́а.

Л. 171 об. ѣ́го цѣ́тѣ́а нѣ́а ко́нцѣа... и
вѣ́а дѣ́а стѣ́аго исти́ннаго живо́творѣ́-
щаго. ѿ ѿцѣ́а ѿсхо́дѣ́щаго.

Л. 173 об. и 174. и сѣ́и сѣ́се

наше́а люди ѿча́нѣ́а.

Л. 177 об. Бѣ́ѣ дѣ́о ра́уѣ́сѣа ѿбродова́ннѣа... ро-
дила еси сѣ́са дѣ́ѣама́ нашѣ́ама:

Л. 306. сѣ́мръѣа сѣ́мръ попра́вѣа.

Л. 322 об. Кѣ́а вѣ́и прилѣ́жно ни́иѣа прѣте́цѣ́ама
грѣ́шнѣ́и

сѣ́а смѣ́ренѣ́ѣа припа́даѣ́ще. поклѣ́нѣ́ѣа
взпѣ́ѣще, из глаубѣ́нѣ́и дѣ́ѣсѣ́нѣ́а. вѣ́ѣще
помози, мѣ́рдова́вши на́ ны. потѣ́ѣсѣ́а
ѣ́ако изгѣ́ѣѣѣѣ ѿ мнѣ́ѣѣѣѣа грѣ́ховѣ́а.

Л. 323. не ѿврати́ ра́вѣ́а своѣ́а то́щѣа. те́бе во
ѣ́ди́нѣа помо́щѣ́нѣ́а ѿма́мѣа¹⁾.

Въ отношеніи почерка письма этой Псалтири замѣчу, что, хотя Митрополитъ Кипріанъ не оставилъ въ ней собственноручной записи о времени написанія ея, но она — письма его. На листѣ 2-мъ об. и 3-мъ внизу есть слѣдующая записъ XV вѣка: „живоѣ́ннѣа трѣ́а; псалты́р митрополи́ча Кипрі́анова письма; без ѿгѣ́мѣ́сѣ́аго вѣ́сѣ́нѣ́а не-
давати ѣ́ѣа ни́комѣ́а ѿи́иѣа монасты́рей постри́женѣ́ѣа“. Не смотря на увѣ́реніе этой записи XV в., почеркъ Псалтири, хотя и полууставный, чѣ́мъ и отличается отъ почерка письма Лѣ́ствицы Іоанновѣ́а, писанной имъ 1387 г. въ Константинополѣ́ уставомъ и тща́тельно, но письмо, какъ можно судить по сличенію ея съ почеркомъ Лѣ́ствицы, Митрополита Кипрі́ана. Въ Псалтири вездѣ́, какъ и въ Лѣ́ствицѣ́а, надѣ́а двумя рядомъ стоящими бук-
вами ни вверху писаны двѣ́а коммѣ́а: „а. в. в. ж. з. зѣ́а. ѣ́а. и другія по очер-
танію точно такіа же, какъ и въ Лѣ́ствицѣ́а Іоанна.

IV. Единственный памятникъ, гдѣ́а есть записъ Митрополита Кипрі́ана, это Лѣ́ствица Іоанна. Эта записъ на л. 279 об. слѣ́дующая:

Вѣ́ѣа ѣ́ѣѣѣа (1387) а́прѣ́ла
сѣ́вѣ́ѣѣѣѣѣѣа сѣ́а кни́гы в стѣ́-
дѣ́сѣ́ако ѡ́бѣ́ѣѣѣѣа. кипрі́анѣ́а

смѣ́рѣ́ѣѣѣѣѣѣа митрополи́тѣ́а
кѣ́ѣѣѣѣѣѣѣѣѣа ѿ все́а русѣ́ама:

чтобы показать почти буквальное сходство даже въ правописаніи Псалтири Кипрі́ановскоѣ́а съ Волоколамскоѣ́а. На оборотѣ́а переплетной доски въ Волоколамскоѣ́а псалтири замѣ́чательна слѣ́-
дующая приписка: „псалты́р де́нѣ́а лѣ́пѣ́а писмо пи́ѣ́ѣѣѣѣѣа, перево́дѣа до́брѣ́а“.

¹⁾ Расположеніе слѣ́дованной Псалтири Кипрі́анова письма почти такое же, какое и въ те́перешней. Сначала Псалты́рь, потомъ Часосло́вѣа съ свѣ́тѣ́ама и канонами. До этой Псалтири нѣ́ѣѣа слѣ́дованныхъ Псалты́рей съ такимъ располо́женіемъ.

даныи (страдании) прѣзвивающе (томащесѧ).
 въ иѣночь-
 ское (чирньчское) житіе іако въ искѣситель-
 ство (—шеніе). и тризнице (триз—) ѿ
 члѣкъ ѿхо-
 дяще (приходяще). прѣвое пощеніе (прѣжа-
 наго въздржанна) и хъ прѣ-
 льстное (—наго) и притворейное (творимаго)
 к томѸ (оуже)
 не дрѣжѧ: видѣхъ мнѡгѡи
 и разлічнѡи садѡи доврѡдѣтѣлен (—вольства)
 ѿ сѧщѡи въ мирѣ (мирьскѡи хъ) насаждаемѡи
 (всаженѡи). и
 іако (акѡи) ѿ поточнѡи тѡи ѿ тѣце-
 славѡи (славолюбнѡи) напасаемѡи: ¹⁾ и ѿ пох-
 валѡи (прельщеннѡи, † копаемѡи и ѿ хвалѡи)
 нагноаваемѡи (—гноаемѡи). и прѣсаженѡи
 (—саженѡи)
 Ѹбо на землѡи (—мо) пѣстѡи и неирѣхѡ-
 нѡи (неходноу) мирскѡи (—мѡ). и безводнѡи
 тѣце-
 славнѡи (ѿ славолюбнѡи) и гнѣснѡи водѡи,
 ѡвѡе (взскорѣ)
 исхѡшѡи. не бѡ могѧ (рѣчатѣ) воднѡи са-
 дове на жестокѡи хъ и безводнѡи
 мѣстѣ (искѣсѣхъ) плодонѡсити (рѣжати).
 іже мира възиснавидѣ (—дѣтѣ), сѧ (—)
 печали
 Ѹбѣжа. аще ли кто въ нѣчьсомѸ (нѣ на
 что)
 ѿ видимѡи хъ (—домѡи хъ) прѣстѣтѣ імѡ, не

Л. 21. оу печали избавилѡсѧ ѿ (гонѣзною).
 како бѡ
 и не ѡпечалѡсѧ (да неопечетѡсѧ) ѡ лишени
 любимаѣ:
 въ (во) всѣхъ оубѡ мнѡга намѡи (нѡи) потрѣба
 трѣзвѣнѡи. наипачеже (пачеже). сѣ възнима-
 ти разѡмно (оумѡи) прѣже прѡчѡи хъ: (прѣдѡ
 всѣмѡи)
 мнѡгы видѣхъ въ мирѣ ѿ печалѡи (печальми)
 и по-
 печенѡи и скрѡвѡи (и скрѡвѡми) и бѣднѡи
 (—нѡи) тѣле-
 снѡи (тѣснѡи) (sic), своего тѣлесе вѣсованѡи
 (—шенѡи) и-
 звѣгшѡи (—жавшѡи). въ беспечали же всѣмѡи
 (ѣже вѣе)
 въ иѡическое (чирньчское) житіе пришѣше та-
 ковѡи, Ѹмилѣнѡи (ѡканѡи) ѿ тѣлеснаго дви-
 жѣнѡи (шѣствнѡи) ѡскрѡинишѡи (оуск—):
 възнѡи-
 мѡи себѣ. еда како въ тѣснѡи (оужкѡи мѡи)
 и скрѡ-
 вѡи (печалимѡи) пѣть (—тѣмѡи) глѡще
 ходити (грѣсти) ширѡ-
 вѡи и (—) прострѡннѡи дрѣжѡи за-
 вѡдишѡи: тѣснѡи (оужкѡи) пѣ да іа-
 вѡи тѡи, скрѡвь (печаль) чрѣвнаѡи. стоѡнѡи-
 е всенощное (ѡбнои—). мѣра воднаѡи. хлѣ-
 ба скѡдѡсть (—дѣство). безчѣстѡи пѡи
 (—тѣе) ѡ-
 чищѣнѡи. хлѣбанѡи. ѡдѣманѡи (надеманѡи)

¹⁾ Въ подлинникѣ послѣ слова: напасаемѡи написанъ знакъ пропуска, а ввиду странности пропущеннаго слова написаны: и ѿ пѣлѣнѣства ѡкопаваемѡи.

пораганіа (нар....) ѿсѣченіе (ѿрѣзаніе)
 волѣмъ (—ль) сво-
 имъ (твонхъ). прираженіи (обранинѣ)
 трзпѣніе. прѣ-
 ѡбидѣніи (—ниѣ) нерзптаніе (вскоумніе)
 досажде-
 ніи (хоуленіи) нѣжда. неправдѣ (вспр....)
 ѣмѣ трзпѣ-
 ти крѣпцѣ (—пѣ). ѡклеветѣмъ (оглаемоу)
 не ста-

Л. 21 об. жати си (не гнѣватисѣ). ѡтѣцѣтъ-
 ваемъ не ѡ-
 зысковати. (—) ѡничижаваемъ (—жаемоу) не
 гнѣватисѣ. ѡсѣжѣемъ смѣрѣ-
 тисѣ (—рѣт...) вѣжѣни ѡже въ пѣ (поутѣмъ)
 прѣрѣ-
 чѣнныихъ пѣтѣи хѡдѣщен, (воиньствни гра-
 доущѣ), ꙗ-
 ко тѣхъ ѣ цѣтво нѣное:
 никтоже въ нѣныи невѣстники
 вѣнѣцъ нѡсѣ видѣ, ꙗже не прѣво-
 є (—ваго) ѡ второе (—раго) ѡ третіе (—аго)
 ѡвръженіе (—ѣ) сѣ-
 творѣ (—ривъ). глѣ же (рекоу же), ѣже
 вѣхъ вѣще-
 ни (—иши) и члѣкъ (члѣскъ) и родителѣи
 (ѡживъ). и ѡсѣчені-
 є (—ѣ) своеѣ вола (—ла). и третіе († ꙗ)
 ѡвръже-
 ніе (—ниѣ) тицеславіа (мѡвославнаго) по-
 слѣдоущаго (взслѣд...)
 послѣшанію: извѣдѣте ѡ (изъ)
 срдѣи ѡхъ. ѡ ѡмѣчнѣсѣ ѡ нечисто-
 тѣ (—стѣмъ) мира (—рѣ) не прикасѣтесѣ
 (не касант...) глѣ глѣ.

кто въ тѣхъ чюдеса сѣтвори (твори)
 когѣ. кто мрътвѣцѣ възвѣже (взстави).
 кто вѣсы изгнѣ (ѡг...), никтоже. сѣа (то) въ
 вѣ (все) ѡнѡкъ сѣ (—) натриженіа
 (натрижнѣ...), ꙗже (ихъ же)
 миръ влѣстити (разлоучити) не може. ꙗже
 въ би мѡглазъ, оближъ (—шъ) би († оужѣ)
 пощѣніе, (вздѣржаніе)
 сѣрѣчь (рекѣше) ѡшѣльствіе (ѡшѣствіе):
 ꙗгѣ вѣ-
 си по ѡвръженіи, ѡже къ родителѣ (и къ
 оужикамъ)

нашимъ ѡ братѣи памѣтѣи срдѣе

Л. 22. ꙗше сѣгрѣхъ, тогѣ мѣи мѣтѡмъ
 на тѣ (тѣи) възѡрѣжимсѣ. и вѣчнаго
 ѡгнѣ памѣтѣи себе (сами сѣ) раждѣемъ. да
 того възпоминаниемъ (памѣтѣи), възвѣрѣме-
 ныи (—меньиъ † и) срдѣ ѡгнѣ погасимъ:
 ѡже везиристрастиѣ (вѣстрѣнѣ) ѡ каковѣ
 (—комъ) ли-
 во (мѡво) вѣци (дѣлѣ) прѣбывати (—ваѣ)
 мнѣсѣ. ѡ лишѣ-
 ни же томъ (—го) срдѣ свое (си) ѡпечалѣѣ
 (—масть), тѣ-
 ковыи († до конѣцѣ самъ) себе (сѣ) прѣльсти:
 ѡлици (ко † же) ѡнѣи (оуныхъ) ѡ тѣлесныхъ
 желанихъ (—ниихъ)
 и питани (—ни) неистовѣ (вѣзоумѣ) при-
 лежѣ. ѡ къ
 ѡночьскомъ (ѡнокѣхъ) житіюу пристѣпнѣти
 хотѣ вѣщѣ (вѣмъ) трѣзвѣніе (ѡутрезве-
 ніемъ) и нѣмѣніе
 себе да ѡбѡучѣ (сами сѣ да неѣсѣтъ) ѡ
 ѡуѣщѣмъ (прѣспѣмъ) вѣ-
 кого питаніа ѡ лѣбѣвѣства оуда-

зовѣщій прїими соглаю є сѣгрѣшихѹ. да не прѣзриши цѣдре ѡкаинѣ нѣѣ вѣствоующій. вѣтвенными мѣре твоєѣ мольбѣми.

Л. 97. Канѹ молебѣ г҃ѹ нѣемѹ іє х҃ѹ. во оусѹбнѣ вранѣ і иноплемєнѣ. Творєніє стѣиша патріарха фило-ѡ-ѡ. Потрѣженіє кипріана митрополита кїевскаго и всеѣ росїи.

Первый тропарь канона: Тебѣ істочникѹ влгїи богатиѹ свѣтѹ незаходимомѹ мѣюєѣ слѡве. дїу моєу просвѣтїи слѡвоу твоєѣ влѣти. і оу възвѣсивѣ подѣѣѣ слѡво подобно и мѣєніє ісправїи.

Л. 161. нї. ѡдаки ѣкосы архистратїгоу мїхѣилоу. подобны. акаѡистоу творєніє вселєйскаго патріарха кирѣ ісидора..

Начало кондака: Архангѣлоу мїхѣилоу пѣснотворєніє. иже ѡ скорбнѣ прїѡ избавляємыи воспѣваю ти слѣкымѣ пѣнїємѣ..

Начало икоса: Ангѣлѣ прѣстатель шгнєнѣ чиншвѣ ты єси мїхѣиле началнїче...

Л. 175. ѡї. икосы стѣмѣ ішаниѹ прѣчи. крѣлю г҃їю. подобны акаѡистоу. творєніє стѣишаго патріарха. константина града новаго рима. кир ісидора.

Начало кондака: Вѣзвращенномѹ и тепломѹ застѣплєнію. избавленїи товою вси ѡ скорби...

Начало икоса: Ангѣлѣ прѣстатель правѣнѣ чиншвѣ ты єси ішанїе прѣрче....

Л. 189 об. ѣ. ікосы стѣи верховнѣ прївопрѣлѣнымѣ апѣломѣ петрѹ и павлѹ. възвѣѣ же и двѣнадцѣтї апѣлѹ. нлѣѣѣ краєстїхѣовноу по азѡукѣ. творєніє ісидора патріарха црѣ града.

Начало: петроу. Ази єсмѣ пастырѣ добрыи рече г҃ѣ іє х҃ѣ. дїѡу моєу полагаю за ѡца... нлѣѣ. ѡцрѣ. Ілѣєнѣ єси симѡне сїѣ ішнїнѣ. слыша рѣкѣша ти х҃ѣ достѡнно..

3. Вѣрїѣ.... павлѹ.

4. г҃ѣ.... ѡцрѣ.

5. дивлѣсѣ... петрѹ.

6. Єстьствомѣ... ѡцрѣ.

7. живѡущимѣ... павлѹ.

8. стѣлюю рѣвноєтїю... ѡцрѣ.

9. землєнымѣ... петрѹ.

10. и запрѣєнѣ вїѣ... ѡцрѣ.

11. именовѣсѣ... павлѹ.

12. кто ны... ѡцрѣ.

13. лїды достїгѣ... петрѹ.

14. мїѣнїѣ... ѡцрѣ.

15. нѣм... павлѹ.

16. оумножїсѣ... ѡцрѣ.

17. Промышленїє... петроу.

18. Рѣвноєтїю... ѡцрѣ.

19. свѣдѣтельствѣ... павлѹ.

20. трѣтѣѣго... ѡцрѣ.

21. иже прѡдѣ... петрѹ.

22. фѣворєскоую... ѡцрѣ.

23. хѣрѣвїмомѣ... павлѹ.

24. ѡ вѣ... ѡцрѣ. ¹⁾

ѡ двѡїцѣ... ѡцрѣ.

¹⁾ Замѣчательно, что акаѡїєстѣ Апѡстѡламѣ составленѣ Патріархомѣ константинопѡльєскимѣ Ісидоромѣ по славянєскому алфавїту. Грѣчєскїхѣ канѡновѣ, молїтѣвѣ, акаѡїєстѣ Патріарха Ісидора вѣ рукописї Моск. Сїнод. Бїблїѡтеки и Имперѣторєской Публїчнѣй Бїблїѡтеки ѡт С.П.Б. мѣѣ не случѣлось вїдѣтѣ.

Монахъ Нилъ Курлятевъ упрекалъ еще Митрополита Кипріяна въ незнаніи греческаго языка: „а кипріанъ митрополитъ по гречески гораздо не разумѣлъ“...

Но этотъ вопросъ: хорошо ли зналъ погречески Митрополитъ Кипріанъ, надо рѣшить на 4-мъ Археологическомъ съѣздѣ, имѣющемъ быть въ Казани.

Вопросы истории и культуры
Вопросы истории и культуры
Вопросы истории и культуры
Вопросы истории и культуры

О нѣкоторыхъ отрывкахъ славянскаго письма, хранящихся въ туреской библіотекѣ.

Рефератъ Лун Леже.

Изъ всѣхъ славянскихъ рукописей, находящихся во Франціи, извѣстны до сихъ поръ только рукописи Парижской національной библіотеки, описанныя русскимъ ученымъ Мартыновымъ, а также славянское Евангеліе Реймскаго собора, подъ именемъ *Texte du Sacre*, изданное на счетъ покойнаго Императора Николая Павловича. Недавно въ Турѣ, городѣ, лежащемъ на рѣкѣ Лоарѣ, открыты случайно нѣсколько отрывковъ, которые, надѣюсь, могутъ представить интересъ для археологическаго съѣзда. Фотографическій снимокъ одного изъ этихъ отрывковъ я имѣлъ честь прислать на выставку съѣзда, въ каталогъ которой онъ находится подъ № 24. Библіотека города Тура очень богата рукописями греческими, римскими, французскими, восточными, которыхъ насчитывается до 2000; но до сихъ поръ не предполагалось въ числѣ турскихъ манускриптовъ существованія какихъ-либо памятниковъ славянскаго письма. Честь открытія этихъ любопытныхъ памятниковъ принадлежитъ турскому библіотекарю г. Лоранжу.

Между латинскими рукописями XIV и XV в. есть девять, подписанныхъ именемъ *Georgius de Navoma*, именемъ довольно извѣстнымъ въ исторіи города Тура. Это имя находится въ историческомъ словарѣ Морери. Извѣстно, что онъ былъ докторомъ богословія въ Парижскомъ университетѣ; кромѣ того, онъ былъ каноникомъ и старшимъ исповѣдникомъ турскаго собора (*canonicus et penitentiarius ecclesie (sic) Turonensis*). Всѣ его сочиненія писаны на латинскомъ языкѣ и относятся къ католическому богословію. Онъ подписывался также *Georgius de Rayn* или *Georgius de Ravilno*. Въ разныхъ рукописяхъ (именно въ каталогѣ, составленномъ въ Турѣ въ началѣ прошлаго вѣка) говорится,

что онъ былъ пресвитеромъ *Slavoniae* (Славонія), епархіи аквилейской. Умеръ онъ 13-го мая 1416 года.

Всѣ эти свидѣтельства не позволяютъ намъ сомнѣваться, что писатель нашъ былъ по происхожденію славянинъ, но изъ какой мѣстности, точно опредѣлить до сихъ поръ невозможно. Какъ, почему и когда онъ переселился во Францію, также не извѣстно. Можно только догадываться, что онъ былъ изъ тѣхъ южнославянскихъ земель, въ которыхъ славянскій языкъ съ глаголической азбукой удержался въ богослуженіи. Хотя во Франціи онъ для ученой публики писалъ всегда по-латыни, но онъ не совсѣмъ забылъ и свой родной языкъ. На одной рукописи подъ № 95 каталога бібліотеки турецкой находятся шесть глаголическихъ строкъ, отрывокъ 50 псалма и глаголическая азбука. На другой рукописи находятся славянскія названія дней недѣли и мѣсяцевъ. На этой самой рукописи есть нѣсколько латинскихъ замѣтокъ или глоссъ, интересныхъ для исторіи глаголическаго богослуженія, напримѣръ: „*Episcopus de Kerbava Krbavski primus episcopus Chroacie (sic) qui scit utrumque idioma tam latinum quam cravaticum et celebrat missam in altero istorum idiomatum quocumque sibi placet*“, а затѣмъ приложенъ списокъ всѣхъ епископовъ, имѣющихъ право читать богослуженіе по-славянски: „*episcopus Krski, episcopus Spletensis, episcopus Osarski, episcopus Senski*“. Вмѣстѣ съ этимъ отрывкомъ есть и вторая азбука глаголическая.

На третьемъ отрывкѣ находится опять глаголическая азбука съ латинской замѣткой: „*Istud alphabetum est Chravaticum*“ и далѣе молитвы: „Отче нашъ“, „Богородице, дѣво, радуйся“, „Вѣрую“, съ транскрипціей этихъ молитвъ латинскими буквами. Съ этого послѣдняго отрывка г. Лоранжъ, бібліотекарь города Тура, сдѣлалъ фотографическій снимокъ, который доставленъ мною на выставку съѣзда, и на который обращаю теперь вниманіе гг. членовъ съѣзда.

Эти глаголическіе отрывки находятся не на отдѣльныхъ листахъ, а въ самомъ текстѣ латинскихъ богословскихъ рукописей: можно предполагать, что *Юрій Славянинъ* писалъ не съ опредѣленной какой нибудь научной цѣлью, а всего скорѣе въ видѣ развлеченія среди своихъ трудовъ; можетъ быть, авторъ жилъ долгое время во Франціи, вдали отъ родины, и потому захотѣлъ попробовать, не забылъ ли онъ еще свое родное письмо. Весьма вѣроятно также, что кто нибудь изъ товарищей, Французовъ, зная его славянское происхожденіе, попросилъ его показать образчикъ славянскаго языка и письма. Этимъ объясняется, почему онъ прибавилъ подстрочную транскрипцію латинскими буквами.

Впрочемъ *Юрій Славянинъ* не былъ въ то время единственнымъ славяниномъ въ Турѣ; съ нимъ жилъ его племянникъ *Ulricus*, о которомъ читается на рукописи 469: *Materie (sic) utiles ad praedicandum: Itum (?) librum scripsit Parissius Ulricus nepos magistri Georgii anno 1398*. Съ нимъ тоже встрѣчается третье лице *Павелъ Дьякъ изъ Кербавы*, о которомъ мы имѣемъ два свѣдѣнія. 1) Въ вышеупомянутомъ латинскомъ списокѣ гла-

ГОЛИТСКИХЪ ЕПИСКОПОВЪ ЧИТАЕМЪ: *episcopus Krbavski primus episcopus Chravacie (sic) qui scit utrumque idioma tam latinum quam chravaticum...* потомъ *Pavel diac z Krbava*. 2) На рукописи № 95 стоитъ строка, написанная кириллицей: то писа паваль дѣкъ ис крѣавѣ како се Ѹчалъ¹⁾. Изъ этого видно, что *Павелъ изъ Крбавы* учился кириллицѣ, но гдѣ и какъ, не извѣстно. Кто же былъ самъ *Павелъ*, духовное или свѣтское лице, для насъ это—вопросъ нерѣшенный. Есть ли еще, кромѣ того, какія нибудь славянскія замѣтки его руки, не знаю, такъ какъ я еще не былъ въ Турѣ, что бы лично удостовѣриться въ томъ. Свѣдѣнія, сообщенныя мною сейчасъ, я получилъ отъ библіотекаря, который съ полнымъ сочувствіемъ и истинно научнымъ рвеніемъ сообщилъ мнѣ обо всемъ, что ему было доступно, за что славянскіе ученые будутъ ему, надѣюсь, душевно благодарны. По возвращеніи во Францію, я намѣренъ посѣтить Туръ и сдѣлать снимки со всѣхъ славянскихъ подлинниковъ турской библіотеки. Очень было бы интересно издать ихъ съ полною монографіей о жизни и трудахъ *Юрія Славянина*. Теперь же достаточно обратить вниманіе славянскихъ ученыхъ на эти драгоцѣнныя и до сихъ поръ неизвѣстныя памятники славянскаго письма. Они представляютъ особенный интересъ, во первыхъ, какъ рѣдкій, если не единственный примѣръ глаголицы съ латинской транскрипціей,—во вторыхъ, какъ одинъ изъ самыхъ отдаленныхъ образчиковъ славянскаго письма на западѣ.

¹⁾ Крбава—городокъ въ Далмаціи.

О СОСТАВѢ БИБЛІОТЕКИ ПЕТРА МОГИЛЫ.

Рефератъ С. Т. Голубева.

Знать составъ библіотеки какого-либо лица,—разумѣется, если только она образовалась не случайно,—значить въ извѣстной мѣрѣ быть знакому со степенью образованности этого лица, широтою его міровозрѣнія, характеромъ дѣятельности. Понятенъ, по-этому, интересъ, возбуждаемый составомъ библіотеки такого приснопамятнаго для южно-русской исторіи лица, какимъ былъ кievскій митрополитъ Петръ Могила. Знакомство со всѣми научными средствами, какими располагалъ нашъ знаменитый архипастырь, не мало могло бы пролить свѣта, какъ на самую его личность, такъ и на нѣкоторыя стороны его многообъемлющей дѣятельности.—Къ сожалѣнію, опредѣлить составъ библіотеки П. Могилы въ полномъ ея видѣ, при существующихъ данныхъ, нѣтъ возможности. Пожары, испытанные Кіевомъ, истребили почти всѣ научныя сокровища, находившіяся въ здѣшнихъ книгохранилищахъ; не пощадили они и книгъ, принадлежавшихъ нѣкогда П. Могилѣ. Такъ, напр., библіотека кievской духовной академіи, заключавшая въ себѣ еще въ концѣ *семидесятыхъ годовъ* прошлаго столѣтія *2131 книгу*, пожертвованныхъ въ нее Могилою ¹⁾, въ настоящее время имѣетъ только *три книги*, несомненно принадлежавшія

¹⁾ Въ „Актахъ, относящихся къ исторіи кievской дух. академіи (рук. акад. подъ № 35), составъ академической библіотеки опредѣляется слѣдующимъ образомъ: „Въ библіотекѣ, имѣющейся при кievской академіи, числится книгъ всѣхъ 3304; гліобусовъ 4; прописей россійскихъ, нѣмецкихъ и французскихъ 50. Которыми книгами оную библіотеку снабдили преосвященные митрополиты; а именно: *отъ Петра Могилы наданныхъ книгъ въ старой библіотекѣ 2131 числится*; отъ Рафаила Заборужскаго 137; отъ Тимофея Щербацкаго 144; отъ Арсенія Могилянскаго 166; отъ нынѣшняго преосвященнаго (Гавріила Кременецкаго) еще 35 только дано; отъ преосвященнаго епископа крутицкаго Иларіона 595; отъ Кирилла, епископа сѣвскаго, 72; отъ Самуила нынѣшняго епископа крутицкаго 24. Итого всего 3304“.

сему архинастырю. Тоже должно сказать и о лаврской библіотекѣ¹⁾.—Поэтому въ настоящемъ сообщеніи мы предложимъ далеко не подробныя свѣдѣнія о могилянской библіотекѣ. Именно, мы представимъ только, *во первыхъ*, очень не длинный перечень книгъ и рукописей съ несомнѣнными признаками ихъ принадлежности П. Могилѣ, хранящихся въ извѣстныхъ намъ (преимущественно кievскихъ) библіотекахъ; *во вторыхъ* приведемъ два небольшихъ каталога книгъ, купленныхъ П. Могилою—а) въ 1632 году въ Варшавѣ, во время избирательнаго сейма, бывшаго по смерти польскаго короля Сигизмунда III, и б) въ 1633 году въ Краковѣ, во время коронаціи Владислава IV, (каталоги эти извлечены нами изъ собственноручныхъ записокъ Петра Могилы, хранящихся при Кіево-Софійскомъ соборѣ); наконецъ, *въ третьихъ*, перечислимъ книги, цитуемыя въ произведеніяхъ Петра Могилы и людей, работавшихъ по его инициативѣ и подъ непосредственнымъ его наблюденіемъ.

Въ извѣстныхъ намъ библіотекахъ находятся слѣдующія книги и рукописи, принадлежавшія Петру Могилѣ.

А) Въ библіотекѣ при кievской духовной академіи:

1) Βίβλιον ὁνομαζόμενον Θησαυρός, ὅπερ συνεγράψατο ὁ ἐν μοναχοῖς Δαμασκινὸς ὁ υποδιάκονος καὶ στουδίτης ὁ Θεσσαλονικεύς... ed. in Venetia per Christofano di Zanetti, an 1562.

На лицевой сторонѣ заглавнаго листа этой книги находится собственноручная подпись П. Могилы: *Петръ Могила, Архієпископъ Митрополитъ Кіевскій, рукою власною. 1639 года мая 30.* На поляхъ книги находится довольно много замѣчаній, изъ коихъ нѣкоторыя принадлежать П. Могилѣ. Замѣчанія, большею частію, заключаютъ въ краткихъ словахъ содержаніе текста, служатъ какъ бы оглавленіемъ къ нему. Такъ, напр., на поляхъ противъ текста, гдѣ говорится о смерти одного святаго и бывшихъ послѣ нея чудесахъ, находятся послѣдовательно слѣдующія подписи: „о смерти святаго“, „Σάματα μετὰ θάνατον“ и т. п.

2) Φαλτήριον τῷ Δαυίδ, τυποῦν ἐν Ἐφεσῇ, παρὰ Πέτρῳ τῷ Δουζινέλλῳ. 1607.

На лицевой сторонѣ заглавнаго листа—собственноручная подпись П. Могилы: Πέτρος

¹⁾ Особенно много пострадала лаврская библіотека отъ пожара, бывшаго въ 1718 году. „Въ томъ году, говорится въ челобитной Кіево-печерскаго архимандрита Іоанникия Сенитовича къ царю Петру Алексѣевичу, печерская обитель зъ Божіа допущенія огнемъ кругомъ стала разорена и, какъ церковь св. соборная Успенія пресвятыя Богородицы, такъ и прочіе церкви со всѣми утварями и иконными украшеніями, съ ризницею и всею казною денежною, колокола, больница, печатный домъ со всѣми книгами и инструментами типографскими, *библіотека и крѣпости изничтожила обители бывшіе—огнемъ уничтожены*“. (См. Актовую книгу Кіевопечер-лавры подл. № 205).

Μουλα ἀρχιεπίσκοπος. 1639 Μαι 30. На поляхъ текста находится нѣсколько замѣчаній, изъ коихъ нѣкоторыя принадлежать П. Могилѣ.

3) *Греческій ирмолій*, безъ начальныхъ и конечныхъ листовъ, такой же печати, какъ и предшествующая книга. На поляхъ перваго изъ уцѣлѣвшихъ листовъ находится надпись: *Ex Bibliotheca Mohileana*. По признакамъ надпись эта должна быть отнесена къ 17 или началу 18 столѣтій.

Кромѣ того въ 40-хъ годахъ текущаго столѣтія находилась въ академической библіотекѣ, съ собственноручною подписью Петра Могилы, *Богословская система Θомы Аквината*. (См. исторію кiev. академіи М. Булгакова, 184 стр.). Въ настоящее время книги этой въ библіотекѣ мы не нашли.

Б) Въ библіотекѣ кievо-печерской Лавры:

1) *Elucidatio in omnes psalmos iuxta veritatem vulgatae et ecclesiae usitatae aeditionis latinae, quae et ipsa integra illibataque ex adverso opponetur: Psalmis singulis singula argumenta ante se monstrantibus, totam psalmi virtutem atque materiam quasi per modum epitomae summatim complectentia: post elucidationem vero adiunctis prolixioribus Annotationibus, quae commentariorum locum habent... et caet.* Ed. Parisiis, anno 1540.

На лицевой сторонѣ заглавнаго листа книги находится слѣдующая собственноручная подпись Могилы: *Piotr Mogiła Archiepiscop Metropolit Kiiowski. Roku 1645. Kupiłem u oycza Anatolii Muzyłowskiego.*

2) Βιβλίον τοῦ ἱαννουαρίου μηδός. Περιέχον τὴν πρόπουσαν αὐτῷ ἅπασαν ἀκολουθίαν. Τυποθῆν 'Ενετήσι 1629 παρὰ Ἀντωνίῳ Πικέλλῳ. На лицевой сторонѣ заглавнаго листа собственноручная подпись Могилы: *Петръ Могила Архiepископъ Митрополитъ Кievскій въ лѣтѣ 1641.*—На кожаномъ переплетѣ книги оттиснутъ гербъ Могилы¹⁾.

¹⁾ Фамильный гербъ П. Могилы состоялъ изъ двухъ обнаженныхъ сабель, положенныхъ на крестъ, съ опущенными внизъ лезвіями и крестами на концахъ. Но на переплетѣ означенной книги—какъ и въ другихъ дошедшихъ до насъ памятникахъ—гербъ Могилы соединенъ еще съ другими 5 гербами и такимъ образомъ образуетъ 6 частей, изъ коихъ три находятся вверху и три внизу. Въ первой (верхней) части помѣщенъ гербъ Молдавіи—черная голова буйвола, между рогами которой находится звѣзда, а по бокамъ: направо солнце, налѣво—луна; въ поздыхъ головы перстень, въ срединѣ котораго двѣ сабли, изображенныя также какъ и въ фамильномъ гербѣ. Во 2-й части помѣщенъ уже описанный нами родовой клейнодъ. Въ 3-й—гербъ называемый *Емитою*: три золотыя коня, сложенные въ видѣ звѣзды, причѣмъ боковыя остриемъ вверху, а средній—внизъ. Въ 4-й части (1-й внизу)—воронъ (иногда помѣщался орелъ) обращенный корпусомъ влѣво, а головою вправо; въ клювъ у него крестъ, надъ которымъ находится открытая корона. Стоитъ онъ на отсѣченной и лежащей на землѣ вѣткѣ. Это гербъ Валахіи. Рядомъ съ нимъ гербъ *Остоя*: двѣ неполныхъ, обращенныхъ рогами къ краямъ

3) Ἀνθολόγιον τοῦ ὅλου ἐνιαυτοῦ πλουσιότατον, περιέχον καὶ ἐτέρας τινὰς ἀναγκαίας ἀκόλουθίας, οὐκ ὑπαρχούσας ἐν τοῖς προτυπωθεῖσιν ἀνθολογίοις. Τυποθὲν Ἐνετίῃσι, 1587.

На лицевой сторонѣ заглавнаго листа собственноручная подпись Петра Могилы: *Петръ Могила Архієпископъ Митрополитъ Кіевскій, рукою власною. 1639. Мая 30.*

Кромѣ того въ библиотекѣ кіево-печерской лавры находится нѣсколько книгъ, съ собственноручными подписями лицъ, стоявшихъ въ ближайшихъ отношеніяхъ къ Могилѣ и, какъ можно думать, пріобрѣтшихъ означенныя книги изъ могилянскій библиотеки (переплеты на сихъ книгахъ однородны съ переплетами книгъ, несомнѣнно принадлежавшихъ П. Могилѣ). Вотъ нѣкоторыя изъ такихъ книгъ:

1) Divi Ioannis Chrysostomi Archiepiscopi Constantinopolitani opera (7 томовъ) ed. M.DC.XIV ap. Antverpiae. Съ собственноручною подписью на заглавныхъ листахъ Иннокентія Гизеля, одного изъ сподвижниковъ П. Могилы, вмѣстѣ съ другими лицами посылаемаго имъ для завершенія образованія въ заграничныя университеты и бывшаго потомъ, еще при жизни Могилы, ректоромъ кіево-могилянскій коллегіи.

2) Commentarii in IV Evangelia R. P. Lapidis. ed. M.DC.XLI ap. Lugduni—тоже съ собственноручною подписью П. Гизеля.

3) Opera Ioannis Chrysostomi, ed. Bazileae M.D.XLVII.—Съ собственноручною подписью на заглавномъ листѣ Іосифа Тризны, непосредственнаго преемника П. Могилы по управленію печерскою обителью.

Рукописей съ собственноручною подписью П. Могилы въ лаврской библиотекѣ нѣтъ; есть только одна подъ заглавіемъ: *Слова на праздники Владычня, Богородичны, Апостоловъ и всѣхъ святыхъ, починающіяся съ Септемврія мѣсяца на цѣлое годичие*,—поступившая въ лаврскую библиотеку при П. Могилѣ, о чемъ свидѣлствуетъ слѣдующая, сохранившаяся внизу начальныхъ листовъ подпись: „Сію книгу Богодохновенную, рекомую всегодичный съборникъ господственныхъ и всѣхъ нарочитыхъ праздниковъ, да-

щита лупы, между которыми мечъ, рукояткою вверхъ. Последняя часть—гербъ *Новина*: ручка бѣлаго котла, по срединѣ котораго мечъ, рукояткою вверхъ.—Гербы Молдавіи и Валахіи приняты были Могилами въ ихъ родовой клейнодъ на томъ основаніи, что они (Могила) были нѣкогда господами этихъ странъ. (Herbarz Niesieckiego изд. 1846 г., т. VI, стр. 288). Гербъ Елиты былъ фамиліальнымъ гербомъ короннаго гетмана и канцлера Замойскаго; онъ принятъ Могилами въ свой клейнодъ въ знакъ особенныхъ, дружескихъ отношеній къ гетману, успѣвшему при помощи войска во время смутъ, бывшихъ въ Валахіи, возвести Іеремію Могилу на господарство (Orbis pol. Okolskiego II. 224. Niesiec. VI, 448). Остальные гербы приняты Могилами по случаю вступленія ихъ въ родственныя связи съ разными домами, имѣвшими тѣ гербы (Niesiec. VI. 449. VII. 171). Гербовой щитъ П. Могилы, оттиснутый на переплетѣ указанной книги, украшенъ *католическимъ капелюшемъ*; но на гербахъ, отгравированныхъ въ началѣ нѣкоторыхъ старопечатныхъ книгъ, чаще встрѣчается, въ видѣ украшенія, архієпископская митра.

рова святой церкви святыя Великія Лавры Печерскія Кіевскія успенія Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы, предстательствующему господину отцу Петру Могила милостию Божією архимандриту тоя святыя обители въ дни великаго короля Жягмунта чрезъ честнаго отца Памвона Беринду, при смерти своей дѣвчаго монастыря инокиня Езфимія, въ память себѣ и родителямъ своимъ вѣчне. 1630 септеврѣя дня пятнадцатаго“.

В) Въ библіотекѣ при кієво-софійскомъ соборѣ:

1) *Лѣкарство на оспалый умыслъ чловѣчій*, изд. 1607 г., въ Острогѣ. — На лицевой сторонѣ заглавнаго листа находится собственноручная подпись П. Могила. 1639 г. мая 30. *Петръ Мошма, Архієпископъ Митрополитъ Кіевскій, рукою власною.*

2) *De verae et falsae ecclesiae discrimine, ad serenissimum Stephanum 1 Poloniae Regem Stanislavi Socolovii libri tres, ex sacris scripturis vetutissimorum patrum sententiis collecti ac concinnati.* Cracoviae, 1583 an. — На лицевой сторонѣ заглавнаго листа находится собственноручная подпись Петра Могила: *Petrus Mohyla Archiepiscopus. 1639. Maii 30.*

3) Рукопись въ листъ, значущаяся по библиотечному каталогу подъ № 1. Большая часть сей рукописи состоятъ изъ собственноручныхъ записокъ П. Могила, заключающихъ въ себѣ: а) чудеса, совершившіяся въ кієво-печерской обители въ концѣ XVI и началѣ XVII столѣтій (большая часть сихъ чудесъ обнародована впоследствии въ *Терхоторуриѣ* Кальнофойскаго, написавшаго означенное сочиненіе по порученію Могила), б) нѣсколько, чудесъ совершившихся въ молдо-влахійскихъ земляхъ, в) нѣсколько благочестивыхъ разсужденій, имѣющихъ цѣлю доказать, что „иноческое житіе есть христіанскаго житія совершенство“, г) рядъ церковныхъ нѣсней, написанныхъ П. Могилою по случаю чудеснаго избавленія печерской обители отъ нападенія на нее польскихъ войскъ въ 1630 году, д) перечень пожертвованій, сдѣланныхъ разными благотворителями на возобновленіе возвращеннаго православными кієво-софійскаго собора, е) два каталога книгъ, купленныхъ П. Могилою въ 1632 году въ Варшавѣ, и въ 1633 году въ Краковѣ, и ж) нѣсколько мелкихъ замѣчаній историческаго и правоучительнаго характера. — Остальная часть рукописи писана другою рукою и содержитъ: а) *Votum, ktore iego mośe Pan Laurenty Drzewinski, Czasznik Ziemie Wołynskiey, przed iego K. M., Pany Senatory y Ich M. Pany posły oboiego narodu A. D. 1620* (извѣстная рѣчь Л. Древинскаго, сказанная имъ въ присутствіи короля на сеймѣ 1620 г.); б) *Mowa X. lego M. Pana Bogusława Radziwiła przed Krõlem lego M. y przed wszystkim Senatem w sprawie swey, ktorą miał s panem Woewodą Wilenskim w roku 1630, 25 Februarii.* в) *Status causy iako Iego Mośe Oycie: Metropolit teraznieyszy (униатскій митр. Р. Корсакъ). Iego M. Pana koniuszego o monastyr Supraski do Novogrodka pozwał, y appellował na Trybunał. Iako zaś za Remissą Trybunalską u Dworum decret Assesorski stanął, y iako apellatiae*

na gorę urosła; г) Spisek archimandrystw tych y monastyrow, ktore wyiawszy Ociec Metropolita spodania K. I. M. zniost; д) Листъ вел. гетмана княжества Литовскаго Льва Сапѣги Виленскому райцѣ по дѣлу о спорахъ Виленскаго православнаго братства съ униатскимъ (отъ 18 марта 1631 г.); е) Выдержка изъ сеймовой конституціи (1631 г.) объ успокоеніи греческой религіи; ж) Эпитафія Георгію князю Слуцкому, скончавшемуся 6 мая 1586 г.; и з) нѣсколько мелкихъ не значительныхъ замѣтокъ.

4) *Рукопись*, писанная въ листъ уставомъ XVI или начала XVII столѣтія и содержащая Богословіе святаго Іоанна Дамаскина въ переводѣ на славянскій языкъ.—Въ началѣ книги (на 2 листѣ сверху) находится собственноручная подпись П. Могилы. 1639. Май 30. *Петръ Могила Архієпископъ Митрополитъ Кіевскій, рукою власною.*

Г) *Въ библіотекѣ при главномъ архивѣ Министерства Иностран-
ныхъ Дѣлъ:*

Апокрисисъ albo *отповѣдь*. На книжкѣ о сборѣ берестейскомъ именемъ людей старожитной реліи греческой, черезъ Христофора Филалета врихтъ дана.—На лицевой сторонѣ заглавнаго листа находится собственноручная подпись Могилы: *Петръ Могила, Архієпископъ Митрополитъ Кіевскій рукою власною.*—Въ концѣ книги находится листокъ съ рукописными замѣтками слѣдующаго содержанія:

„Сего ради, о православный читателю, моему труду незазирателю: все прилежно оную святую книгу, отвѣтъ Риму, читай, и многажды: и себе во вѣрѣ святой остерегай, и иныхъ пользуй, яже суть, моею рукою, приписанныхъ на поляхъ зраковъ, иже есть знаменія зри: зри: зри: и по симъ извѣстіямъ не имаша ты никогда Бога отступити и всѣхъ святыхъ нарушити: есть-ли всѣхъ сихъ будешь опасно смотрѣти“.

„Сія всесвятая книга, глаголемая гречески *Апокрисисъ*, полонійски *Отповѣдь*, славенски *Отвѣтъ*, старобытнаго благочестія греческаго, издадеся Христофоромъ истиннолюбцемъ, учителемъ христіанскимъ: отъ лица святыя восточныя церкви: о стародавней и правой вѣрѣ противъ костела католикаго, сирѣчь римскаго, о единовластіи панежа и о разньствіи его съ церковію восточною греческою и вселенскою: (о гордости папы) о блудахъ его, т. е. о премѣненіи чиновъ, св. церковныхъ тайнъ и всего св. писанія, седми святыхъ соборовъ и каноновъ апостольскихъ. Понеже латини, еже есть западный костель, все письмо святое на свою злую волю превратили и во все отъ христіанства отступили.. Зри на задѣ“.

Замѣтки эти, можно думать, сдѣланы спустя долгое время по изданіи въ свѣтъ Апокрисиса; во всякомъ случаѣ они не могутъ принадлежать П. Могилѣ и его ближайшимъ сподвижникамъ, потому что взгляды сихъ лицъ на Апокрисисъ и въ особенности на самаго Христофора Филалета были другіе, чѣмъ какіе высказаны авторомъ приведенныхъ нами замѣтокъ. (См. *Antidotum Мужиловскаго*, изд. 1629 г. стр. 26, 32, *Анта-*

polodja Дуплиця, изд. 1631 г. стр. 444 и слѣд., Λειτουργίαι, сн есть служебникъ, изд. 1629 г. въ Кіевѣ; предисловіе къ священному читателю листы 3—4).

Д) Въ библіотекѣ мѣлецкаго монастыря Волынской епархіи:

Ἐυχολόγιον..., изд. 1609 г., въ 4 д. л.—На заглавномъ листѣ находится собственноручная подпись Могилы: *Petrus Mohila Archiepiscopus Metropolitae Kiowiensis* (см. рукоп. каталогъ мѣлечкой библ. № 279).

Е) Въ Спасской на Берестовѣ церкви:

Евангеліе на престольное, въ листъ, изд. 1636 г., во Львовѣ.—На лицевой сторонѣ заглавнаго листа находится собственноручная подпись П. Могилы. „Въ славу Христа Бога, въ память же себѣ и родителей своихъ Петръ Могила, Архіепископъ Митрополитъ Кіевскій, въ мѣсто 1641.

Каталоги книгъ, купленныхъ Петромъ Могилою въ Варшавѣ и Краковѣ.

А) *Elenchus librorum emptorum (ad Bibliothecam Illustrissimi....) Varsaviae, Anno 1632.*

	Fl. Grosz.
Stemmata principum Christianorum	18
Clementis Alexandrini opera	17
Gamaehai opera	35
Oecumenii opera	34
S. Hilarii (Pictavorum episcopi) opera	11
Gregorii Thaumaturgi opera	18
S. Bernardi opera.	21
Nicephori (Callisti) Historia Ecclesiastica * ¹⁾	35
S. Justini Martyris opera	16
Justinianus in epistolas ecclesiasticas cononicas *	(цѣна не выст.)
Romaei Effigies Calvinii	15
De praedestinatione	19
Cordieri Cathena Graecorum patrum in Joannem	13
Synesum(sii) Cyrenes opera.	11
Hovarini electa sacra	11
Juliani imperatoris opera	8—15
Higroni Regulae societatis Jesu et tractatus ascetici *	(ц. не выст.)

¹⁾ Книги, отмѣченныя знакомъ * въ каталогахъ зачеркнуты.

	Fl. Grosz.
Argoli Ephemerides	13
Antonius (Mundi Lapis Lydius... Antonii a Burgundia, Archidiaconi Brugensis?)	18 —
Plautus (Comoediae)	5—2
Prudentius	29 —
Juuenalis *	(ц. не выст.)
Senecae Tragediae.	29 —
Constantinopolis	10—6
Lypsi Politica	1—25
De prudentia	2—25
Sarbieri Lyrica	1—10
Biblia sacra priscorum patrum	22 —
Lucii Dextri Chronicon	12 —
Alexander ab Alexandro.	10—3
Petavii Orationes *	(ц. не выст.)
Lypsi Epistolae Posthumae *	1—10
Epistolae obscurorum virorum	1—10
Conciones Cathechicae	9 —
H. Philippi Quaestiones Chronologicae*.	(ц. не выст.)
Lypsi Manuductio (ad stoicam philosophiam)*	(ц. не выст.)
Historia Sarracénica	9 —
Bibliotheca s. s. patrum	3—20
Ignatii Balsamonis instructio *.	(ц. не выст.)
Hortulus Rosarum*	1—5
De republica*	(ц. не выст.)
Trigonometria	5—15
Mascardi Sylvae *.	(ц. не выст.)
Castellani de Festis Graecorum	1—10
Causini de Eloquentia *.	10 —
Tertuliani opera compacta	10 —
Causini Tragediae*	2—15
Bibliotheca concionatorum*.	13 —
Mastrilli conciones	8 —
Hamerii conciones	
Corderii Commentarii Genesis (in c. 1 Genesis de mundi creatione, libri sex).	16
Bessei Novus conceptus	
Centum compendiosi sermones	
Coreni Quadragesimalis*.	

Chrisologi sermones	Fl. Grosz.
Conciones adventuales*	3 —
Conciones de Christo, duae partes	3—10
Tuba novissima	5 —
Bodenii Conciones de septem sacram(entis)	2 —
Thesavrus sapientiae divinae	2 —
	(ц. не вист.)

B) Index librorum emptorum Cracoviae in coronatione ejusdem Serenissimi Regis Vladislai IV, Anno 1633.

Monotessaron Evangelicum, in folio, duo exemplaria	Fl. Grosz.
Avicennae opera	5 —
Jacobi Pontani progimnasmata.	9 —
Jacobi Pontani Poeticae institutiones	5—15
Roberti Turner orationum duo volumina	5 —
Roberti Turner epistolarum volumen unum	1—15
Didaci Massii Methaphysica	5—15
Thesauri linguae latinae Cnapii, tom. 2	2 —
Ejudem tomus tertius*	5 —
Causini Eloquentia.	8 —
Logica Massii	5 —
Pontauus in Ovidiis metamorphosis	6—15
De tristibus et de ponto	12 —
Horatius cum commentariis Lambini	9 —
Martialis cum scholiis	10 —
Raderus in Martialem	1 —
Commentarii in orationum Ciceronis 3 volumina.	11 —
Manutius in epistolas ad Atticum	5 —
Ejudem in epistolas Familiares	3 —
Ejudem in Officia Ciceronis	5 —
Perpiniani orationes	4 —
Ambrosii opera	5—9
Hieronimi opera	26 —
Methaphysica Massii*	45 —
Manutii antiquitatum Romanarum	2 —
Thesavrus Cnapii, tomus 3 ¹⁾	2 —

¹⁾ Кроме того въ указанныхъ каталогахъ находится около 8 книгъ, заглавія которыхъ нами не разобраны.

Книги, цитуемыя въ произведеніяхъ Петра Могилы и людей, работавшихъ подъ его непосредственнымъ наблюденіемъ и руководствомъ¹⁾.

Священное писаніе Ветхаго и Новаго Завета; Правила Апостольскія; Постановленія вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ. *Произведенія*: Діонисія Ареопагита, св. Игнатія, Климента папы Римскаго, Іустина мученика, Тертуліана, Цельса, Оригена, Кипріяна, Діонисія Александрійскаго, Василія Великаго, Іоанна Златоустаго, Григорія Богослова, Григорія Нисскаго, Кирилла Іерусалимскаго, Аванасія Великаго, Евстафія Архієпископа Антіохійскаго, Амвросія Медиоланскаго, Блаженнаго Іеронима, Августина, св. Софронія, патріарха Іерусалимскаго, св. Гонорія, св. Максима исповѣдника, св. Іоанна Дамаскина, Теофилакта, Нила епископа, Вальсамона; *Историческія сочиненія*: Іосифа Флавія, Евсевія Памфила, епископа Кесарійскаго, Сократа Схоластика Константинопольскаго, Созомена, Георгія Кедрина, Іоанна Зонары, Никифора Каллиста, Крузія (Turco-graecia); Eutropius (Breviarium historiae Romanae), Лѣтопись Нестора; Гелмодъ; Титмаръ, М. Галль; Янъ Длугошъ; Матвѣй Мѣховитъ; Мартинъ Кромеръ; Мартинъ Бѣльскій; Матвѣй Стрыйковскій; Descriptio Sarmatiae Europaeae Гваньини; Annales Ecclesiae Баронія; Antonius de Guevara in Horologium Principum; Анзельмъ; Тома Аквинатъ; Белларминъ, V. Beda; Franciscus Costerus, Olafus Magnus (католическій писат. XVI стол.), Munsterus; Phavorinus; Valerius Maximus; Николай Селарій; Меланхтонъ; Кальвинъ; Ботеръ; Скарга; Петръ Аркудій; Саковичъ; сочиненія Аристотеля и Платона; Діонисій Галикарнаскій; *Большая часть латинскихъ классиковъ*—Цицеронъ, Горацій, Овидій, Плиній, Сенека и другіе. *Богослужебныя книги* на греческомъ, латинскомъ и славянскомъ языкахъ, и нѣсколько мелкихъ произведеній, изданныхъ на латинскомъ языкѣ, преимущественно религіозно-правственнаго содержанія.

Вотъ тѣ свѣдѣнія, которыя могутъ служить нѣкоторыми данными для опредѣленія состава библіотеки Петра Могилы.... Какіе же на основаніи ихъ можно сдѣлать выводы?

Первое, что бросается въ глаза при знакомствѣ съ могилянскою библіотекою, это обиліе въ ней твореній св. отцевъ, учителей церкви и сочиненій историческихъ. И это очень естественно. Петръ Могила, какъ извѣстно, стоялъ во главѣ литературнаго движенія, возбужденнаго въ юго-западной Руси пропагандою католиковъ и отчасти протестан-

¹⁾ Къ разряду послѣднихъ книгъ мы причисляемъ—Paterikon С. Коссова, изданный въ 1635 году подъ наблюденіемъ и даже при участіи П. Могилы (ему приписываютъ предисловіе къ этому сочиненію), и Тѣрѣхотурѣу А. Кальнофойскаго, составившаго ее по порученію Могилы и главнымъ образомъ на основаніи его записокъ.

товъ. Одною изъ главныхъ заботъ нашего знаменитаго архипастыря—была забота объ утвержденіи вѣроученія православной церкви на твердыхъ основаніяхъ и объ огражденіи ея отъ наплыва инословныхъ особенностей. А для этого нужно было близкое знакомство, какъ съ твореніями свято-отеческими, такъ и исторією. Враги православной церкви, нападая на ея вѣроученіе и обряды, подкрѣпляли свои мнѣнія толкованіями извѣстныхъ мѣстъ св. писанія, твореніями отцевъ и учителей церкви и примѣрами, взятыми изъ исторіи. Чтобы успѣшно бороться съ своими противниками, южно-русскимъ ученымъ необходимо было владѣть тѣмъ же оружіемъ, какимъ владѣли и западные ученые. Такъ южно-русссы и поступали. Если обратимъ вниманіе на полемическія сочиненія, вышедшія въ то время въ юго-западной Россіи, то почти на каждой страницѣ ихъ встрѣтимъ извлеченія изъ отцевъ и учителей церкви и ссылки на сочиненія историческія.— Знакомство съ отцами и исторією было необходимо въ то время для южно-русссовъ не только для веденія литературной борьбы съ своими религіозными противниками, но и для устныхъ бесѣдъ съ ними (диспутовъ); и въ этомъ случаѣ отцы и сочиненія историческія служили какъ бы краеугольнымъ камнемъ, на которомъ обосновывались доказательства спорящихъ сторонъ. Для примѣра укажемъ здѣсь на диспутъ, происходившій въ 1646 году въ кіево-могилянскою коллегію между ея ректоромъ Иннокентіемъ Гизелемъ и іезуитомъ Николаемъ Циховіемъ по вопросу *объ исхожденіи святаго Духа*. Въ первый день диспута, продолжавшагося три дня,—говорится въ *Colloquium Kioviense*, гдѣ подробно описанъ этотъ диспутъ,—О. Николай (Циховій) пришелъ въ могилянскую коллегію съ произведеніями *св. Діонисія*, *св. Аванасія*, *Іоанна Златоуста* (Венеціанскаго изданія), *Іоанна Дамаскина* и вторымъ томомъ соборныхъ дѣяній и, основываясь на нихъ, доказывалъ исхожденіе *св. Духа и отъ Сына*. Иннокентій Гизель, возражая Циховію, въ свою очередь указывалъ на нѣкоторые мѣста изъ находившихся на лицо произведеній *Кирилла Александрійскаго*, *Епифанія*, *Григорія Нисскаго*, *Василія Великаго* и другихъ. Во время диспута спорящія стороны не разъ обращались и къ исторіи, изъ сочиненій по которой (бывшихъ на лицо) упоминаются *Annales Ecclesiae* Баронія.

Присматриваясь къ полемикѣ, веденной православными южно-русссами противъ католиковъ и протестантовъ, нельзя не замѣтить слѣдующаго явленія. Какъ католическое, такъ и протестантское вѣроученія, взятые въ полномъ ихъ видѣ, разумѣется, значительно разнятся отъ ученія церкви православной; но въ извѣстныхъ пунктахъ онѣ сходятся съ послѣднимъ и притомъ такъ, что въ нѣкоторыхъ пунктахъ православное вѣроученіе согласно съ однимъ только католическимъ, а въ нѣкоторыхъ—съ однимъ только протестантскимъ. Вслѣдствіе этого православные южно-руссскіе писатели въ богатой западно-европейской литературѣ имѣли по нѣкоторымъ занимавшимъ ихъ религіознымъ вопросамъ готовые и притомъ согласные съ духомъ православія изслѣдованія, и могли пользоваться ими при своей

борьбѣ съ религіозными противниками. Этимъ обстоятельствомъ объясняется, между прочимъ, нахожденіе въ могилянской библіотеки съ одной стороны сочиненій католическихъ писателей, какъ то: *Томы Аквината, Беллармина, Скарги, Аркудія* и т. под., а съ другой протестантскихъ—*Меланхтона, Кальвина, Лютера* и друг.

Далѣе... Петръ Могила, какъ извѣстно, преобразовалъ Кіево-братскую школу, причемъ значительно расширилъ кругъ преподаваемыхъ въ ней предметовъ и сообщилъ своему преподаванію другое, по его мнѣнію, болѣе цѣлесообразное направленіе. Безъ сомнѣнія, въ связи съ заботами объ этомъ преобразованіи нужно смотрѣть на приобрѣтеніе Могилою въ Краковѣ (въ 1633 г.) книгъ, состоящихъ главныхъ образомъ изъ учебныхъ пособій и очевидно предназначавшихся для преобразуемой коллегіи. Такимъ образомъ приведенные нами перечни купленныхъ Могилою книгъ важны въ томъ отношеніи, что могутъ служить хорошимъ пособіемъ для опредѣленія степени научнаго образованія, господствовавшаго въ могилянской коллегіи, и вообще для уясненія научно-педагогической дѣятельности П. Могилы—вопросовъ, далеко еще нерѣшенныхъ нашею ученою литературою.

О ГЛАГОЛИЧЕСКОЙ РУКОПИСИ, ХРАНЯЩЕЙСЯ ВЪ КІЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ.

Рефератъ И. И. Срезневскаго.

На выставкѣ, открытой на археологическомъ съѣздѣ, есть много замѣчательныхъ вещей, бывшихъ доселѣ неизвѣстными, въ томъ числѣ и эта маленькая тетрадь, о которой я собственно не имѣлъ понятія, пока не вошелъ въ залу выставки рукописей. Это глаголическая рукопись изъ семи листочковъ. Она была доставлена изъ Іерусалима архимандритомъ Антониномъ, извѣстнымъ разными важными разысканіями и открытіями. Такъ какъ глаголическія рукописи древняго письма до сихъ поръ остаются рѣдкостями, которыми долженъ дорожить филологъ, то я не могъ упустить безъ особеннаго вниманія и этого маленькаго клочка древняго письма, рассмотрѣлъ его, и, такъ какъ этотъ клочекъ остается совершенно неизвѣстнымъ ученымъ и къ тому представляетъ собою любопытную, можно сказать, неожиданную новость, то и рѣшилъ предложить ученому собранію археологическаго съѣзда тѣ данныя, которыя нашелъ въ немъ. Имѣя впрочемъ передъ собою, рядомъ съ учеными товарищами, которыхъ занимаютъ глаголическія рукописи, людей образованныхъ, которые не имѣли случая сблизиться съ вопросомъ о глаголицѣ и съ положеніемъ, въ которомъ теперь находятся розысканія объ этомъ древнемъ славянскомъ письмѣ, я считаю своимъ долгомъ представить вниманію собранія краткій очеркъ того, что до сихъ поръ сдѣлано по глаголической письменности. Не лишнимъ считаю сказать нѣсколько словъ и о глаголической азбукѣ. Съ помощью стиховъ, которые легче многихъ другихъ воспоминаются здѣсь, въ Кіевѣ, можно обозначить почти всѣ буквы этой азбуки. Вотъ напримѣръ стихи:

Слава, Кіевъ многовѣчный,
Русской славы колыбель!
Слава, Дѣвиръ нашъ быстротечный,
Руси чистая купель!

какъ и въ кириллицѣ: таковы ѿ, ѡ, ш, щ (гдѣ нижняя черта замѣнена въ глаголицѣ обычнымъ въ ней кружечкомъ: **у**)...

Глаголическая азбука не раскрылась впрочемъ вниманію ученыхъ съ перваго разу въ томъ самомъ видѣ, какъ она здѣсь обозначена. Въ прошедшемъ вѣкѣ и въ началѣ нынѣшняго были въ виду только рукописи не очень древнія, XIV вѣка, и болѣе позднія печатныя книги, гдѣ буквы представляются нѣсколько въ другомъ видѣ, не округлыя, а прямолинейныя, и не всѣ, какія можно было ожидать отъ азбуки, равносильной по содержанію кириллицѣ, а только тѣ, которыя были необходимы для сербско-хорватскаго нарѣчія. О древности глаголицы по всѣмъ памятникамъ этого отдѣла нельзя было дѣлать никакихъ выводовъ: это было возможно только на основаніи нѣсколькихъ историческихъ показаній, и то годныхъ болѣе для возбужденія воображенія ученыхъ, чѣмъ для раскрытія сущности дѣла. Не много бы, вѣроятно, помогли этому и послѣдовавшія позже открытія, если бы онѣ не были предупреждены открытіемъ другого рода, болѣе общеважнымъ, открытіемъ древнихъ памятниковъ кирилловскаго письма и отличительныхъ чертъ древняго церковно-славянскаго языка, сознательно совершеннымъ двумя русскими дѣателями, Востоковымъ и Калайдовичемъ. Это сложное открытіе дало мѣрку для оцѣнки значенія всѣхъ другихъ открытій въ письменности славянской, какъ ясно оказалось въ послѣдствіи. Тогда уже, когда оно было понято и оцѣнено, одному изъ умнѣйшихъ и ученѣйшихъ западно-славянскихъ дѣателей случилось открыть рукопись глаголическую, давшую возможность взглянуть на глаголицу иначе, чѣмъ глядѣли на нее прежде. Въ библіотекѣ графа Клоца найдена была Копитаромъ часть большаго сборника поученій, писаннаго глаголицей такого же состава, въ какомъ славянская кирилловская азбука признана и объяснена была въ древнихъ памятникахъ, открытыхъ Востоковымъ и Калайдовичемъ, и такимъ языкомъ славянскимъ, который Востоковымъ доказательно признанъ былъ древнимъ.

Копитаръ, ознакомившійся уже при помощи объясненій и указаній Востокова съ характерными особенностями языка и письма нѣкоторыхъ древнѣйшихъ памятниковъ кирилловской письменности, увидя въ новооткрытомъ глаголическомъ памятникѣ тѣ же древнія черты, не могъ не придти въ изумленіе отъ этой находки, и затѣмъ не могъ не допустить вывода, что глаголица была употребляема и въ древнѣйшій періодъ славянской письменности. Легко было ему даже перейти эту границу и признать, что новонайденный глаголическій памятникъ древнѣе многихъ, пожалуй, и всѣхъ кирилловскихъ, что глаголица, пожалуй, и древнѣе кириллицы. Открытіе Копитара, переданное имъ свѣту въ превосходномъ ученomъ изданіи памятника, обратило вновь на глаголицу вниманіе ученыхъ, передъ тѣмъ было совершенно замершее, и породило новыя своды и объясненія показаній, новыя соображенія, особенно съ тѣхъ поръ, какъ новыя открытія расширили кругъ наблюденій. Очень естественно было изслѣдователямъ увлечься къ разрѣшенію

вопросовъ, казавшихся самыми важными, вопросовъ о первоначальномъ введеніи глаголицы, о первоначальномъ распространеніи глаголической письменности, объ отношеніяхъ глаголицы къ кириллицѣ и т. п. Въ сравненіи съ такими задачами, очевидно, казалась мелочною, не стоившею вниманія забота объ опредѣленіи значенія Клоцовской рукописи, просто какъ древней славянской, по ея содержанію сравнительно съ другими древними. Забота эта могла привести, и то не разомъ, только къ такому частному выводу: у древнихъ славянъ было, если не въ полнотѣ, то по частямъ, два перевода Минеи Четии, и одинъ изъ нихъ былъ въ рукахъ тѣхъ, которые употребляли глаголицу. Общіе вопросы не перестаютъ увлекать изслѣдователей и теперь; но болѣе уважительное вниманіе къ частнымъ вопросамъ распространяется все сильнѣе. Послѣдовательный рядъ разрѣшеній этихъ частныхъ вопросовъ стоитъ вниманія. На нѣкоторыхъ изъ болѣе важныхъ явленій этого круга я и остановлюсь въ своемъ обзорѣ.

Послѣ Кошитаря самая важная услуга въ дѣлѣ разысканій о глаголицѣ сдѣлана нашимъ ученымъ, здѣсь присутствующимъ и много разъ выражавшимъ свои мнѣнія въ собраніяхъ съѣзда. Я говорю о В. И. Григоровичѣ, который, во время путешествія по Европейской Турціи, нашелъ и приобрѣлъ очень важныя по древности рукописи, между прочимъ, и нѣсколько глаголическихъ, важныхъ если не болѣе, то по крайней мѣрѣ столько же, какъ и Клоцовская. Ознакомленіемъ съ этими рукописями всѣхъ, кто желалъ ихъ узнать, онъ сдѣлалъ возможными провѣрку и подтвержденіе выводовъ, сдѣланныхъ о глаголицѣ по Клоцовской рукописи, а неоднократнымъ изложеніемъ своихъ соображеній и домысловъ возбуждалъ умы изслѣдователей къ переслѣдованію данныхъ, имѣвшихся въ защиту древности глаголицы. Правда, до сихъ поръ на В. И. лежитъ грѣхъ: въ теченіи многихъ лѣтъ своей дѣятельности могъ онъ издать хотя нѣкоторые изъ своихъ драгоценностей и однако издалъ до сихъ поръ только нѣсколько отрывковъ. Вѣроятно, важныя препятствія ему помѣшали исполнить этотъ долгъ и вмѣстѣ свое душевное желаніе, не покидавшее его никогда. Свой грѣхъ онъ искупилъ, впрочемъ, конечно не тѣмъ, что подчинялся давленію препятствій, а благороднымъ отношеніемъ къ нуждамъ науки, которое не часто встрѣчается въ средѣ литературныхъ дѣятелей. В. И. всегда всѣмъ съ радостью позволялъ пользоваться своими рукописями, даже привозилъ ихъ въ Петербургъ и въ Москву съ этою цѣлію. Это я могу засвидѣтельствовать не только какъ очевидецъ, но и какъ благодарный его должникъ. Не разъ сообщалъ онъ мнѣ право пользоваться рукописями въ продолженіи почти всего того времени, какое оставался въ Петербургѣ; не разъ присылалъ мнѣ и выписки изъ своихъ рукописей. Съ тѣмъ вмѣстѣ онъ не только издаваемыми статьями, но и частными письмами дѣйствовалъ на умы тѣхъ, которыхъ занимала древняя славянская письменность, высказывая всегда искренно не только свои соображенія, но и тѣ данныя, которыя наводили его на нихъ, и которыя нерѣдко бывали изъ круга его личныхъ замѣтокъ, плодами его ученой изыска-

тельности. Какъ бы то ни было, нельзя не пожалѣть, что изъ собранія глаголическихъ рукописей, ему принадлежащихъ, нѣтъ пока ни одной, изданной въ полномъ видѣ, и нѣтъ удовлетворительнаго описанія всѣхъ ихъ сравнительно съ кирилловскими. Сожалѣть объ этомъ должно тѣмъ болѣе потому, что послѣ него никому не удалось сдѣлать въ области глаголицы такихъ большихъ открытій, если не по содержанію, то по крайней мѣрѣ по объему. Все открытое было, за исключеніемъ немногаго, изъ круга книгъ евангельскихъ, и должно было привести къ одному выводу: глаголиты въ своихъ спискахъ пользовались тѣмъ же переводомъ евангельскихъ книгъ, какой находимъ и въ древнихъ кирилловскихъ спискахъ, и употребляли для богослуженія тотъ же подборъ чтеній и тотъ же калѣндарь, какъ всѣ православные славяне.

Спустя значительное послѣ того время въ Пражскомъ капитулѣ найдено было два лоскутка глаголическаго письма. Они были изданы впервые Шафарикомъ. Это были два клочка, можетъ быть, даже не изъ одной, а изъ двухъ разныхъ рукописей богослужебнаго содержанія. Какъ ни ничтожны были по величинѣ эти два листка, но они, по сличенію ихъ съ кирилловскими древними рукописями того же содержанія, послужили къ большому освѣщенію тьмы судебъ древней глаголицы. Изъ нихъ оказалось, что и богослужебныя пѣснопѣнія, по крайней мѣрѣ нѣкоторыя, у глаголитовъ были тѣ же, что у православныхъ славянъ и того же перевода, какъ въ нашихъ древнихъ рукописяхъ.

Новое открытіе, столько же случайное, какъ и всѣ предшедшія, еще яснѣе показало, что славяне, пользовавшіеся глаголицею, были такіе же православные, какъ и тѣ, которые пользовались грекославянскою кириллицею. Преосвященный Порфирій, въ то время, когда еще былъ архимандритомъ, много путешествовалъ по разнымъ южнымъ христіанскимъ землямъ, по Египту, Палестинѣ, Синаю, Аѳону, всюду отыскивалъ и приобрѣталъ греческія и славянскія рукописи, и цѣлыя, и въ отрывкахъ, останавливаясь преимущественно на болѣе древнихъ и болѣе загадочныхъ. Занимаясь разработкою ихъ, особенно греческихъ, самъ онъ предоставлялъ и другимъ разслѣдовать свои находки. На мою долю выпало такъ же нѣсколько очень любопытныхъ. Въ числѣ другихъ памятниковъ древняго письма онъ сообщилъ мнѣ однажды и двойной лоскутокъ глаголической рукописи, обратя мое вниманіе въ немъ на записку, состоящую изъ послѣдовательнаго ряда цифръ, написанныхъ буквами. Мнѣ показалось, что эти цифры, по почерку и способу написанія, должны быть новѣе главнаго текста, и я, не оставя совершенно въ сторонѣ и записку, занялся главнымъ текстомъ. Я переписалъ весь отрывокъ на кирилловское письмо, и чѣмъ далѣе переписывалъ, тѣмъ болѣе поражался. Передо мною была часть списка полной литургіи. Изъ отвѣта на заявленіе мое о. Порфирію объ этомъ, и на вопросъ, нѣтъ ли еще чего изъ той же рукописи, я узналъ, что долженъ быть еще такой же лоскутокъ у одного изъ спутниковъ о. Порфирія въ его путешествіи по Синаю. Доставленъ былъ мнѣ и этотъ клочекъ. Такимъ образомъ оказались начало и середина

литургии, той самой, которую до сих пор мы слышимъ въ храмѣ Божиѣмъ: новое доказательство того, что глаголиты были люди православные. Я этому, признаюсь, прежде не вѣрилъ, думая, что глаголиты были какіе то раскольники, еретики. Пришлось все болѣе въ этомъ разувѣряться, и при открытіи православной литургии въ глаголическомъ спискѣ окончательно разувѣряться, т. е. не отвергая совершенно возможности употребленія глаголицы какими бы то ни было сектаторами, признать, что она была въ употребленіи и у православныхъ славянъ. Всѣ дальнѣйшія находки могли подтвердить только этотъ выводъ, находки изъ круга тѣхъ древнихъ памятниковъ, къ которымъ принадлежитъ и Клоцовская рукопись, давшая прежде другихъ понятіе о глаголицѣ древней.

Своимъ чередомъ шли открытія въ области глаголической письменности въ томъ ея сербско-хорватскомъ отѣнкѣ, который извѣстенъ былъ и до открытія Клоцовской рукописи, въ отѣнкѣ безъюсомъ. Онѣ удостовѣрили все болѣе, что эта западная глаголическая письменность была принадлежностью славянъ римско-католическихъ, удерживавшихъ для богослуженія церковно-славянскій языкъ. Онѣ удостовѣрили такъ же, что по крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ памятниковъ письменности этого отѣла были общою принадлежностью всѣхъ славянъ, какъ римско-католическихъ, такъ и православныхъ, и распространялись въ западныхъ глаголическихъ спискахъ по древнимъ изводамъ. Основываясь на нѣкоторыхъ не совершенно ясныхъ соображеніяхъ и домыслахъ, ученые, занявшіеся западной глаголицей, стали распредѣлять ея памятники по вѣкамъ, причислили нѣкоторые къ остаткамъ то XIII, то XII, то даже XI вѣка. Въ какой степени вѣрны эти соображенія и домыслы, покажетъ время. Пока вѣрно только то, что глаголица въ западномъ, безъюсомъ отѣнкѣ была употребляема преимущественно римско-католиками. Говорю: преимущественно, а не исключительно, потому что имѣю въ виду нѣсколько указаній, что и эта западная глаголица не была отвергаема православными славянами.

Была ли употребляема глаголица восточная, юсовая, римско-католиками? Отвѣтъ на этотъ вопросъ по даннымъ, которые до сих поръ были въ виду, могъ быть только отрицательный.

Въ такомъ положеніи было для меня это дѣло, пока я не увидалъ рукописи, на которую обращаю теперь вниманіе многоуважаемаго собранія, рукописи Антониновской, принадлежащей нынѣ Кіевской духовной Академіи. Она написана глаголицей юсовою, восточною. Эта рукопись, какъ можно судить по нѣкоторымъ признакамъ языка и письма, не принадлежа къ числу самыхъ древнихъ, изъ всѣхъ доселѣ найденныхъ по особенному отѣнку правописанія только одна подходит къ выше отмѣченному пражскому отрывкамъ, представляя въ себѣ нѣкоторыя черты чешско-моравскаго нарѣчія, какъ оно слышится до сихъ поръ. Такъ, древнее славянское *жд*, происшедшее изъ *д*, замѣняется посредствомъ *з*, такъ что „рожденіе“ значитъ „рождѣніе“, „дази“ — „даждѣ“, „подази“ — „подаждѣ“. вмѣстѣ съ тѣмъ древнее *ит*, происшедшее изъ *т*, замѣнено посредствомъ *и*: „просаице“ вмѣсто „просаице“, „пица“ вмѣсто „пира“, „помощица“ вмѣсто „помощица“. Есть и предлогъ „вы“ въ словѣ „выновѣди“; замѣчатель-

ficas, concede propitius: ut ejus natalitia colimus, virtutem quoque passionis imitemur. Per Dominum. Это то же, что въ глаголической рукописи: Ъзъ иже низъ лѣта оградѣнъ блаженнаго Климента мученика твоего и папска чѣстѣмъ веселѣши. подазь милостивѣи да его же чѣстѣ чѣстѣмъ снадѣмъ (т. е. силѣ) сѣбѣ мучениѣ его наслѣдоуемъ.

Такъ же близокъ къ латинскому подлиннику славянскій переводъ и двухъ другихъ молитвословій этой миссы; въ латинскомъ изданіи недостаетъ только префаціи. Такъ же къ подлиннику близокъ переводъ и всѣхъ другихъ молитвословій, какія мнѣ удалось найти въ печатномъ изданіи миссала. Не могъ я найти въ этомъ изданіи подлинника. Вѣсего, что есть въ переводѣ въ глаголической рукописи—но очень простой причинѣ: въ печатныхъ изданіяхъ повторяется миссалъ въ томъ видѣ, какъ употребляется нынѣ, въ видѣ, не одинъ разъ измѣненномъ, съ опущеніемъ многихъ частей, входившихъ въ древніе списки миссала. Надо обратиться къ этимъ древнимъ спискамъ, можетъ быть даже къ очень древнимъ, чтобы найти подлинникъ славянскаго перевода. Древность подлинника, конечно, не опредѣляетъ древности списка перевода; но не можетъ быть безъ значенія для опредѣленія древности самаго перевода.

Во всякомъ случаѣ новооткрытая глаголическая рукопись все-таки даетъ въ славянскомъ переводѣ часть римско-католическаго миссала очень древняго, и притомъ въ спискѣ такого глаголическаго письма, которое до сихъ поръ казалось непримѣнимымъ къ богослужебнымъ книгамъ римской церкви.

Такъ, благодаря просвѣщенному вниманію къ остаткамъ древности арх. Антонина и доброму участию преосвященнаго Филарета въ успѣхѣ нашего сѣзда, доставившаго между прочимъ и эту глаголическую рукопись на выставку сѣзда, мы получили для науки новый важный фактъ: глаголица восточная, юсовая, такъ же какъ и глаголица западная, безъюсая, была употребляема не только въ православной, но и въ римско-католической церкви ¹⁾.

¹⁾ *Позднѣйшая приписка.* Прошло не мало времени послѣ того, какъ я имѣлъ честь заявить на кievскомъ археологическомъ сѣздѣ объ открытіи части римскаго миссала въ славянскомъ переводѣ на древній церковно-славянскій языкъ, написанномъ юсовою глаголицей. Въ продолженіи этого времени я старательно отыскивалъ древній латинскій подлинникъ миссы, помѣщенныхъ въ глаголической рукописи, какъ въ печатныхъ изданіяхъ древнихъ миссаловъ, такъ и въ рукописяхъ, и кое-что успѣлъ найти—болѣе всего въ рукописяхъ Парижской національной библіотеки IX—X вѣка; но только кое-что. Послѣ всѣхъ поисковъ я пришелъ къ домыслу, что надобно искать подлинника, соответствующаго славянскому переводу, въ самыхъ древнихъ миссалахъ, или же по крайней мѣрѣ въ какихъ-нибудь особенныхъ, не общераспространенныхъ. Не оставивъ самъ дальнѣйшихъ разысканій, я обратился къ помощи католическихъ ученыхъ. Что уже собрано мною, то издано въ „Свѣдѣніяхъ о малозвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ“, что выйдетъ позже, то издамъ въ свое время.

О ПАМЯТНИКАХЪ, ПРОСЛАВИВШИХЪ КУЛИКОВСКУЮ БИТВУ.

Рефератъ И. П. Хрущова.

Литературные памятники, прославившіе Куликовскую битву состоятъ изъ видоизмѣненныхъ въ нѣкоторыхъ частностяхъ трехъ самостоятельныхъ произведеній: 1) сказанія, вошедшаго въ лѣтописные своды; 2) поэтическаго сказанья, приписываемаго Іерею Софоніи и 3) открытой и изданной Ундольскимъ „Задонщины“. Въ исторіяхъ литературы обыкновенно не упоминается о лѣтописномъ сказаніи, а разбираются послѣднія два. Карамзинъ основалъ свой рассказъ на лѣтописномъ сказаніи; онъ съ недоумѣніемъ отнесся ко Софоніевому, какъ къ сказкѣ, и возмущался его анахронизмами. Шевыревъ подъ впечатлѣніемъ Карамзина тоже не дружелюбно отнесся къ этому сказанію, хотя и отыскивалъ въ немъ поэзію.

Костомаровъ, какъ историкъ, повѣдалъ о Димитріи Донскомъ на основаніи поэтическаго такъ называемаго Софоніева сказанія, довѣрая ему болѣе, чѣмъ лѣтописному. Послѣ того какъ стала извѣстна „Задонщина“, академикъ Срезневскій, издавая новый текстъ Задонщины, отмѣтилъ въ такъ называемомъ Софоніевомъ сказаніи всѣ мѣста, отличающіяся своимъ гусельнымъ складомъ и задумался надъ вопросомъ: не было ли особыхъ, не записанныхъ пѣсень, которыми славили Димитрія и Куликовскую битву?

Вотъ вкратцѣ исторія судьбы этихъ сказаній въ наукѣ.

Вниманію и суду членовъ Съѣзда я позволю себѣ подвергнуть мой взглядъ на эти памятники, имѣвшіе большое значеніе въ нашей литературѣ, за что говоритъ безчисленное множество списковъ обѣихъ сказаній. Ихъ переписывали, слегка измѣняя, въ теченіи трехъ столѣтій. Сказанія о Куликовской битвѣ были чѣмъ то въ родѣ народной излюбленной героической поэмы для нашихъ книжниковъ и, не смотря на варианты, онѣ сохранили цѣльность и неприкосновенность своей первоначальной письменной обра-

ботки. Всѣ извѣстныя намъ во множествѣ списковъ повѣствованія о Задонскомъ бою, всѣ безъ исключенія, представляютъ каждое только редакцію или такъ называемаго Софоніевскаго повѣданія, или рѣже лѣтописнаго, или еще рѣже Задонщины. По мнѣнію моему эти три особыхъ произведенія независимы одно отъ другаго и принадлежать каждое особой литературной школѣ, или обработкѣ.

Первая школа—это сѣверно-русское лѣтописаніе. Школа эта произвела нѣсколько лѣтописныхъ повѣстей, какъ напр. объ Александрѣ Невскомъ, о нашествіи Тохтамыша. Школа эта отличается слишкомъ большою искусственностью, строгою книжностью, официальностью, общими мѣстами. Событіе Задонской битвы получило въ этой школѣ свою обработку.

Официальный расказчикъ, какъ видно, описалъ въ Москвѣ, спустя нѣсколько времени по возвращеніи туда Дмитрія Ивановича, великое событіе. Отсутствие подробностей въ описаніи похода и битвы ясно говорятъ за то, что онъ не только не былъ очевидцемъ, но мало и вслушался въ рассказы свидѣтелей и участниковъ похода. Авторъ воодушевляется текстами священнаго писанія; и въ бранныхъ приговорахъ Олегу Рязанскому и Мамаю (враже, измѣнниче Ольже) видѣнъ тотъ же официальный тонъ, съ которымъ черезъ столѣтіе будутъ писать „о благочестивомъ дѣлателѣ Иванѣ III и объ окаянной Марѣ“. Сказаніе это, блѣдное, какъ и всѣ подобныя сказанія, писано однако при жизни великаго князя—героя дѣла и чуждо анахронизмовъ. При отсутствіи живыхъ подробностей есть однако точность въ опредѣленіи дней и часовъ битвы.

Димитрій представленъ главнымъ лицомъ, героемъ, одухотвореннымъ и сознающимъ свой подвигъ. Въ его уста влагаются молитвы, которыми обрисовывается его отвага и упованіе на Бога. Димитрій все дѣлаетъ самъ и Богъ ему и черезъ него помогаетъ Русскимъ. О преп. Сергіи сказано вскользь—въ одномъ мѣстѣ, что отъ него пришла грамота.

Не смотря на сухость и извѣстную искусственность, въ этомъ памятникѣ есть черты, указывающія намъ на то, что прежде всего въ Москвѣ прозвучала пѣсня славы о Куликовской битвѣ и что въ этой пѣснѣ пролитая кровь сравнивалась съ дождемъ, какъ въ словѣ о полку Игоревѣ, и говорилось, что Мамай бѣжалъ *неготовыми дорогами*. Не смотря на приверженность къ своей школѣ, авторъ сказанія не могъ оставаться совершенно чуждымъ тѣхъ поэтическимъ выраженіямъ, которыми не перомъ, а голосомъ славился подвигъ Русскихъ, не допустившихъ Мамаю повторить Батыево нашествіе. Въ первоначальныхъ словесныхъ похвалахъ входилъ разсказъ объ отбытіи великаго князя изъ Москвы и плачъ великой княгини и боярынь занималъ въ нихъ видное мѣсто. Не желая пропустить этого плача, авторъ лѣтописнаго сказанія переложилъ его на свой ладъ: „и бысть въ градѣ Москвѣ плачь горекъ и гласъ рыданія... Рахиль плачущися чадъ своихъ съ великимъ рыданіемъ и

въздыханіемъ, не хотѣше утѣшиться, занеже пошли съ великимъ княземъ за всю землю Русьскую на острая копія.... Увы намъ, убогая наша чадца“ и т. д.

Второе сочиненіе о Куликовской битвѣ есть наиболѣе пространное и наиболѣе распространенное. Преосв. Филаретъ, на основаніи Карамзина, приписалъ его Рязанцу Софоніи или Софронію. Соловьевъ принялъ это положеніе и оно стало общепринятымъ.

Открытіе автора въ лицѣ Софоніи прежде всего основалось на томъ, что только въ одномъ изъ многочисленныхъ списковъ и самомъ позднѣйшемъ сказаніе это встрѣчается съ слѣдующимъ написаніемъ: „исторія; или повѣсть о нашествіи безбожнаго царя Мамаа съ безчисленными Агаряны Рязанца іерея Софоніа“. Карамзинъ поправилъ: Софроніа; Строевъ остался при Софоніи, передѣлавъ его въ Софронію. Снегиревъ въ 1838 въ Русскомъ Историческомъ Сборникѣ Общ. Ист. и Древн. издалъ этотъ памятникъ, сличивъ многіе списки. И такъ какъ нигдѣ онъ не нашелъ имени Софроніа или Софоніи, то счелъ этого Рязанца за переписчика или даже владѣтеля рукописи. Снегиревъ отрицалъ эту авторскую личность еще и потому, что Рязанецъ иначе бы отзывался о своей землѣ и о князѣ Олегѣ и что іерей не могъ бы сохранить подробности въ описаніи битвы и дослѣховъ ратныхъ.

Открытіе Ундольскимъ третьяго рода описанія Куликовской битвы, гдѣ поминается Рязанецъ Софоніа какъ лицо, прославлявшее это событіе, окончательно утвердило авторскія права Рязанца Софоніа, какъ сочинителя пространнаго поэтическаго сказанія, дошедшаго до насъ въ многочисленныхъ спискахъ, изъ которыхъ одинъ, XVI в. (прекрасный списокъ) принадлежащій преосв. Порфирію нынѣ находится на выставкѣ. Бѣляевъ въ предисловіи къ изданной Ундольскимъ Задонщинѣ (Временникъ М. Общ. и Древн. кн. 14) утверждаетъ, что Софоніа былъ современникомъ событія,—и въ этомъ онъ совершенно правъ. Онъ и преосв. Филаретъ всѣ анахронизмы, встрѣчающіеся въ поэтическомъ сказаніи, считаютъ за искаженія переписчиковъ. Но съ этимъ нельзя согласиться.

По изданіи XV т. П. С. Р. Л., гдѣ вновь встрѣчается имя Софоніа Рязанца, еще къ тому же Брянскаго боярина, писавшаго на похвалу великому князю Дмитрію Ивановичу, споръ о томъ, кто былъ авторомъ поэтическаго сказанія прекратился; сомнѣнія исчезли.

Но авторомъ поэтическаго сказанія не былъ приснопоминаемый Рязанецъ и оно несомнѣнно писано въ XV столѣтіи, слѣдовательно не современно событію. Задонщина древнѣе его, а Софоній былъ однимъ изъ первыхъ прославителей Задонской побѣды. Его произведеніе не дошло до насъ всецѣло, а только въ отголоскахъ, въ занесенныхъ по памяти въ сказанія, въ мѣняющихся, колеблющихся поэтическихъ эпизодахъ.

Второй памятникъ, послѣ лѣтописнаго сказанія: „поэтическое сказаніе“ проникнуто духомъ поэзіи религіозной, монашеской и представляетъ собою округленное цѣлое. XV-й вѣкъ былъ золотымъ вѣкомъ монашества. Въ лѣсистыхъ пустыняхъ появились мона-

стыри. Сила духа, смирявшаяся под ударами судьбы, въ первую половину татарскаго ига, стала силою дѣятельною, созидающею, устроющею спасеніе братіи. Изъ народа выдѣлились дружины, соменутыя около мужественныхъ игуменовъ и пошли онѣ на встрѣчу подвигу, опасностямъ, трудностямъ всякаго рода. Но только цѣль ихъ была отличная отъ цѣли богатырей—защитниковъ отечества. Польза душевная, спасеніе души—вотъ побужденіе, для котораго твердымъ, непреклоннымъ подвижникамъ прежде всего нужно было смиреніе. Этимъ то духомъ смиренія и проникнуто наше сказаніе. Главнымъ героемъ его является Сергій. Его благословеніемъ и молитвами совершается великое дѣло. Оноэтизированная личность Радонежскаго игумена, отца новаго сѣвернаго русскаго монашества, только въ XV в. могла явиться въ такомъ блескѣ и съ такимъ значеніемъ.

Повѣсть эта—религіозная поэма, съ живымъ, отчасти народнымъ характеромъ. Это въ своемъ родѣ Лузіада московскаго творчества, гдѣ элементъ профанный, народный мѣняется съ монашескимъ воззрѣніемъ. Анахронизмы, о которыхъ говорятъ ученые—будто бы они вставлены переписчиками, составляютъ существенную часть въ организмѣ сказанія и тѣмъ свидѣлствуютъ, что сказаніе несовременно событію. Но анахронизмы эти естественны, ихъ легко можно объяснить. Для полноты автору необходимо было очертить отношенія смиреннаго великаго князя къ его отцу—митрополиту всея Руси. Память о Кипріанѣ въ XV в. была свѣжа, его помнили, какъ учительнаго пастыря и помнили, что онъ былъ современникомъ Димитрія Ивановича. Этого было довольно, чтобы личность его поставить въ Москвѣ во время проводовъ Димитрія, хотя Кипріанъ не былъ митрополитомъ во время Задонскаго похода. Тоже случилось и съ Литовскимъ великимъ княземъ. Ягайла не могли такъ помнить, какъ Ольгерда, который велъ долгую и упорную войну съ Москвою. Авторъ повѣсти не справился въ лѣтописи въ годъ смерти Ольгерда. Онъ помнилъ Ольгерда, какъ врага Дмитріева. Третій анахронизмъ—это молитва великаго князя передъ образомъ Богородицы, перенесеннымъ изъ Владиміра уже при сынѣ его. Во время написанія сказанія образъ Владимірской Богородицы былъ неотъемлемой и первостепенной святыней Москвы и авторъ, води князя изъ церкви въ церковь, воодушевлялся поочередно святынями Кремля подъ собственными впечатлѣніями. Онъ не помнилъ торжественнаго перенесенія иконы изъ Владиміра въ Москву. Еще доказательство тому, что памятникъ писанъ не прежде XV вѣка.

Согласно идеалу князя благочестиваго и смиреннаго, покорнаго судьбамъ, Димитрій не дерзаетъ идти противъ Татаръ. Не тѣ тексты, не тѣ молитвы произноситъ онъ, что въ лѣтописномъ сказаніи. Молитвы его проникнуты смиреніемъ и въ нихъ не видно духа отваги и рѣшимости. Усиленно, настойчиво сказаніе наше говоритъ о томъ, какъ упорно Димитрій отклонялъ отъ себя борьбу съ Мамаемъ и старался склонить гнѣвъ хана на милость. Вотъ наконецъ собрался великій князь съ духомъ—и пошелъ на совѣщаніе съ митрополитомъ. Въ этой бесѣдѣ авторъ испытываетъ словами митрополита чистоту намѣреній великаго князя

въ войнѣ съ Мамаемъ и правоту его по отношенію къ великимъ князьямъ *Литовскому и Рязанскому*. Война съ Мамаемъ получаетъ характеръ религіозный. Ханъ хочетъ искоренить вѣру православную и разорить церкви. Для священной борьбы должна быть и помощь свыше. Орудіемъ Божьей помощи является Сергій, обитель котораго посѣщаетъ великій князь. На такомъ возрѣніи на монастырь народная поэзія сошлась съ нашимъ сказаніемъ. Въ былинахъ позднѣйшаго времени объяснено куда дѣвалось богатырство: оно ушло въ келіи монастырскія. Въ одной былинѣ воспроизведенъ пиръ Владиміра: вѣчно юный князь смущенъ вѣстью о нашествіи враговъ. Сила черная узнала—провѣдала, что богатыри ушли въ честные монастыри и обступила стольный Кіевъ градъ. Князь вызываетъ охотника на силу невѣрную, но большой богатырь хоронится за средняго, средній за младшаго, а отъ младшаго отвѣта нѣтъ. Въ концѣ концовъ, послѣ третьяго призыва, появился богатырь, но его сила никому неизвѣстна, онъ

И разумомъ глупешенекъ

И ростомъ малешенекъ.

Откуда же этотъ новичекъ почерпнетъ силы богатырской? изъ своего чудеснаго бѣла горяча камня недохнетъ на него богатырь стараго времени: камень отжилъ свое; онъ нѣмъ и ничего не говорить новому времени.

Поворачиваетъ онъ коня къ монастырю пречестному

Да ко тѣмъ ли ко кельямъ монастырскимъ;

Да въ ту пору мать сыра земли сколыбалася,

Старчище черничище въ землѣ засовалося.

Богатырь—инокъ благословляетъ своего юнаго преемника и посылаетъ его отыскивать въ чистомъ полѣ коня богатырскаго. Бурушка косматый прибѣгаетъ на богатырскій свистъ. По указанію того же старца выкапывается изъ земли глубоко зарытая въ нее богатырская сбруя и палица булатная, и новый богатырь во всеоружіи летитъ на встрѣчу невѣрной силы. И вотъ въ сказаніи являются богатыри схимники. Сказаніе (и житіе Сергія) подробно говоритъ о томъ какъ Сергій напутствовалъ Пересвѣта и Ослябу. Первому предоставляется подвигъ единоборства съ Телябугою, а при Ослябѣ былъ юный сынъ его Іаковъ Ослябятинъ, о которомъ знаетъ лѣтописное сказаніе и о которомъ упоминали первоначальныя пѣсни славы, какъ это видно изъ Задонщины. Проводы великаго князя, его молитвы въ различныхъ храмахъ, видѣнія передъ битвою, новыя молитвы и наконецъ возвращеніе въ Москву и благодарственное путешествіе къ Сергію, гдѣ преп. старецъ уже заранѣе извѣстилъ братію о счастливомъ исходѣ битвы—все это составляетъ органическое цѣлое со стороны основной идеи автора. У Троицы завязка и развязка всего и тамъ прощаются съ Димитріемъ его пособники, Ольгердовичи, безкорыстно приходящіе защищать вѣру Христову. Такимъ образомъ все въ этой повѣсти подчинено религіозной идеѣ. Повѣсть округлена и закончена.—Но могъ ли авторъ несовременный собы-

тіямъ, при составленіи такого обширнаго сказанія, обойтись безъ источниковъ? Конечно они у него нашлись: то были вѣроятно записки о походѣ, доставившія ему числа дней, собственные имена, подробности пути и сраженія, такъ что по его произведенію возможно начертить планъ Куликовской битвы. Но болѣе всего послужили автору дошедшія до него преданія и гусельныя слова, былины и Софоніевы складки о Задонщинѣ. Многое онъ старался передѣлывать, но въ передѣлкѣ видна первоначальная основа. По нѣкоторымъ признакамъ можно возстановить эпическій источникъ. Такъ напримѣръ, была былина о томъ, какъ Дмитрій узнаетъ о нахожденіи Мамаея. Пѣсня эта начиналась пиромъ у тысяцкаго Микулы. Среди пиру возговорилъ великій князь и сталъ вызывать охотниковъ идти къ татарамъ добывать языка. Вызвались крѣпкіе юноши, крѣпкіе оружники: Родіонъ Ржевскій, Андрей Волосатый (усатый) и Василій Тупикъ, и ихъ то посылаетъ князь великій на Быструю Сосну. Стража замедлила въ полѣ, послали трехъ другихъ, имена которыхъ въ различныхъ спискахъ сказанія не точны и колеблются по созвучью. Они встрѣтились съ Тупикомъ и онъ несъ недобрія вѣсти и такое слово Мамаея: „пойдемъ на Русь обогатимся русскимъ златомъ и пусть никто изъ васъ не пашетъ хлѣба, будьте готовы на русскіе хлѣба“. Послышалъ это князь великій и проговорилъ своимъ князьямъ и воеводамъ: братья князи русскіе! мы гнѣздо великаго князя Ивана Даниловича, постраждемъ за вѣру до смерти. И отвѣчалъ ему князь Владиміръ Андреевичъ и всѣ князи русскіе и воеводы: готовы умереть съ тобою, готовы головы положить за твою великую обиду.

Въ плачѣ княгини, не смотря на книжный характеръ его, видна эпическая основа. „Господи Боже, сподоби мя видѣти своего государя... азъ же имѣю двѣ отрасли малыя Василія да Юрія; еда поразить ихъ солнце сіяючи или вѣтръ ихъ подвѣваетъ противу запада—обою не могутъ терпѣти“. Тутъ видна распространенная передѣлка обычнаго въ былинахъ выраженія: ихъ солнышко не обекетъ и буйные вѣтры не обвѣютъ. Не буду приводить извѣстныхъ мѣстъ, совершенно схожихъ съ гусельными словесы Задонщины. Скажу только, что мѣста эти имѣютъ множество вариантовъ, что несомнѣнно говоритъ за то, что онѣ вносились перепищиками въ памятникъ по памяти, а не съ грамоты. Оставляя въ неприкосновенномъ видѣ все религіозное, всю основу сказанія, перепищики переименовывали гусельныя выраженія, измѣняли собственные имена начальниковъ отрядовъ, согладатаевъ и вносили не рѣдко имена своихъ земляковъ, на самомъ дѣлѣ не принимавшихъ никакого участія въ знаменитомъ походѣ. Такъ въ нѣкоторыхъ, весьма рѣдкихъ спискахъ тѣмъ же вольнымъ складомъ описано участіе Новгородцевъ въ Донскомъ бою. Книжная, городская, офиціальная литературная школа была дальше отъ народа, чѣмъ монастырская, возникшая въ сердцѣ народа.

Эпизодъ гаданья не на столько чуждъ религіозности XV вѣка, какъ это кажется на первый разъ. Испытаніе явленій природы граничило близко съ христіанскою религіозностью. И если иные говорили, что „не наше есть разумѣти тайны Божіи“, то другіе

въ своихъ каноникахъ и молитвословахъ отмѣчали счастливые и несчастные дни, по лунѣ, или зодѣямъ.

Много можно найти мѣстъ въ „сказаніи“, которыя составляютъ одно цѣлое, уцѣлѣвшее въ обломкахъ и въ Задонщинѣ. Это то цѣлое въ своей первоначальной словесной обработкѣ принадлежитъ творчеству Рязанца Софонія. Задонщина вспоминаетъ этого Бояна время Куликовской битвы и старается воспроизвести его складныя похвалы. Тверская лѣтопись сохранила начало и конецъ Софоніева произведенія, которое она приписываютъ Софонію Рязанцу, Брянскому боярину. „А се“ писаніе Софонія Рязанца Брянскаго боярина на похвалу великому князю Димитрію Ивановичу: Вѣдомо ли вамъ русскимъ государямъ царь Мамай пришелъ изъ Заволжья... Переписчикъ не захотѣлъ переписывать памятникъ, но привелъ его начало, привелъ и заключительныя слова: „чести себѣ добыли и славнаго имени“.

Изъ всѣхъ ошибокъ и искаженій, попадающихся въ многочисленныхъ спискахъ поэтическаго сказанія, самою крупною ошибкою оказывается приписаніе этого произведенія Рязанцу Софонію. Ошибка эта повела къ другимъ ложнымъ заключеніямъ и между прочими къ тому, что авторъ Задонщины (произведенія древнѣйшаго) подражалъ автору сказанія (памятника позднѣйшаго).

Задонщина представляетъ если не прямой источникъ, то образецъ источниковъ сказанія и несомнѣнно древнѣе этого послѣдняго, полного анахронизмовъ.

Задонщина принадлежитъ къ третьей литературной школѣ, самой бѣдной у насъ по количеству произведеній: къ письменной обработкѣ пѣсней славы или гусельныхъ словесъ. Произведеніе же Рязанскаго поэта не дошло до насъ въ цѣлости, если только оно было сполна записано современниками.

ВЕЛИКОРУССКІЯ БЫЛИНЫ И МАЛУРУССКІЯ ДУМЫ.

Рефератъ О. Ѳ. Миллера.

Мм. гг. Рѣшаясь затронуть передъ вами такой трудный предметъ, какъ отношеніе великорусскихъ былинъ къ малорусскимъ думамъ, я вполне сознаю мою далеко не полную къ тому подготовленность. Если я долго занимался былинами, какъ остатками древнѣйшаго героическаго эпоса русскаго, — то думы, эти произведенія позднѣйшаго эпическаго творчества Украины, вышедшаго уже на историческую почву, до послѣдняго времени почти вполне оставались внѣ круга моихъ специальныхъ занятій. Не смотря на это, я не отказался отъ смѣлой мысли читать о былинахъ именно *по отношенію къ думамъ*, не отказался потому, что рассчитываю на вѣскія замѣчанія и разъясненія мѣстныхъ ученыхъ, давнишнихъ знатоковъ малорусской народной поэзіи. Я болѣе знакомъ съ былинами, они съ думами, и общими силами намъ, можетъ быть, удастся выяснитъ кое что въ предметѣ столь сложномъ и новомъ. При этомъ я заранѣе прошу извиненія въ томъ, что, приводя мѣста изъ думъ, я, своимъ неумѣлымъ произношеніемъ, буду, навѣрное, весьма непріятенъ малорусскому уху.

Приступая къ предмету, замѣчу прежде всего, что былины, по моему мнѣнію, не совсѣмъ вѣрно называются *великорусскими*. Онѣ въ настоящее время сохраняются исключительно на великорусскомъ сѣверѣ и востокѣ, куда давно перешли и гдѣ значительно переработались; но первоначальная основа ихъ — *южно-русская*. Самое слово „былина“, какъ извѣстно, впервые встрѣчается въ *южно-русскомъ* „Словѣ о полку Игоревѣ“ — въ смыслѣ *были, дѣйствительности*, противопоставляемой „*боянову замышленію*“. Если въ настоящее время словомъ *былина* обозначается наоборотъ одинъ изъ видовъ именно этого „*замышленія*“ (вымысла поэтическаго), то все же народъ вѣритъ, что въ основѣ тутъ *быль*, дѣйствительность прежнихъ, давно прошедшихъ временъ и когда-то жившаго поколѣнія. Мѣсто дѣйствія былинъ, какъ всѣмъ хорошо извѣстно, — *Кіевъ, берега Днѣпра* (не

говору о *стѣнахъ* съ ихъ *ковыль-травой*, такъ какъ онѣ имѣются и въ восточной полосѣ Россіи). Личностью, вокругъ которой сходятся богатыри, постоянно является въ былинахъ *Владимірѣ-солнышко-стольно-кіевскій*—тотъ во всякомъ случаѣ *старый Владимірѣ*, котораго пѣвцу Игореву такъ хотѣлось „пригвоздить къ горамъ кіевскимъ“ и который, дѣйствительно, оказывается къ нимъ пригвожденнымъ въ былинахъ, т. е. безсмѣнно и какъ бы безсмертно княжащимъ въ Кіевѣ. (Не могу не вспомнить при этомъ о тѣхъ поискахъ на азійскомъ востокѣ, въ которые пустился г. Стасовъ, чтобы объяснить попадающіяся въ былинахъ *юры*, тогда какъ мы постоянно читаемъ въ лѣтописяхъ: „въ Кіевѣ на *юрахъ*“). Если Владимірѣ былинъ не есть непременно *Владимірѣ святой* (главное дѣло котораго, крещеніе Руси, даже совершенно забыто былинами), если въ немъ по временамъ лишь распознаются кое-какія черты другаго Владиміра—*Мономаха*, если вообще онъ не похожъ ни на какое опредѣленное лицо историческое въ отдѣльности, то самая эта неясность, а равно и незначительность или даже ничтожество (въ нравственномъ смыслѣ) стольнаго князя эпического въ свою очередь не лишено соотвѣтствія со смысломъ древняго періода нашей исторіи. Рядомъ съ Владиміромъ въ эпосѣ выступаетъ впередъ другая сила, та, которая, выведенная изъ терпѣнія, говоритъ собравшимся вокругъ нея „голямъ“: „я завтра буду въ Кіевѣ княземъ *служить*, а вы у меня будете предводителями“, самому же князю, предлагая свой ultimatumъ для примиренья, велитъ сказать: „если не сдѣластъ *князь* по моему, то *процарствуетъ* только до утрѣ“. Если слово „процарствуетъ“ наслонилось уже въ Московскій періодъ, то слово „князь“, вмѣстѣ со смысломъ такихъ отношеній, принадлежитъ еще періоду кіевскому—*вѣчевому*.

Изъ сказаннаго ясно, что я вполне признаю (какъ оно видно изъ самаго заглавія моей книги о былинахъ) въ нашемъ богатырскомъ эпосѣ разныя наслоенія. Мнѣ только представляется, что чѣмъ ближе къ нашему времени, тѣмъ эти наслоенія незначительнѣе: такова уже своего рода косность эпоса, вслѣдствіе которой въ немъ такъ неподатливо живуча старина отдаленная. Ранѣе *московской поры* на эпосѣ могла отразиться *пора суздальская*, вліяніе которой все же легче было поэтически согласить съ духомъ *пори древне-кіевской*. Русь суздальская, если опираться на прозвище *Муромецъ*, дала нашему богатырскому эпосу его главнаго и лучшаго представителя—Илью крестьянскаго сына. Когда-то, если оно такъ, существовавшія мѣстныя (муромскія) былины (въ настоящее время тамъ уцѣлѣли только нѣкоторыя прозаическія преданія), вслѣдствіи могли быть поглощены древне-кіевскимъ эпическимъ кругомъ. Но въ нѣкоторыхъ полукнижныхъ редакціяхъ встрѣчается форма *Муровецъ*; въ связи съ островомъ *Муровицемъ*, упоминаемымъ въ протоколѣ межевой комиссіи для рѣшенія спора о границахъ между Межигорскимъ монастыремъ и кіевскими мѣщанами 1713 г.¹⁾, это даетъ нѣкоторый поводъ подозревать,

¹⁾ Сборникъ матеріаловъ для исторической топографіи Кіева, III, стр. 135 и 137. Авторъ обратилъ на это вниманіе уже послѣ сѣзда.

не выводился ли первоначальный Илья-богатырь из мѣстности южно-русской, и не были ли *Муровецъ* принять за *Муромца* только позже, по перенесеніи былинь на сѣверо-востокъ (такъ что въ такомъ случаѣ мѣстныя муромскія преданія объ Ильѣ были бы только слѣдствіемъ позднѣйшаго приуроченія этой эпической личности къ мѣстности Суздальской). Какъ бы то ни было, на Ильѣ (будь онъ *Муромецъ*, будь *Муровецъ*) вліяніе поры суздальской отразилось въ томъ смыслѣ, что онъ служитъ уже *единой* землѣ сѣверо-русской (на раздробленность нѣтъ никакихъ почти указаній въ эпосѣ), а стремленіе къ единству ясно уже обозначилось въ періодъ суздальскій. Но эпосъ какъ бы умѣлъ достигнуть единства земли идеальнымъ путемъ, не утративъ *отъческой закваски*: духъ той поэтической поры, которая преобладаетъ въ немъ, можетъ быть названъ не *удѣльно-отъчевымъ* (какимъ быть дѣйствительный характеръ періода кіевскаго) а, такъ сказать, *цѣлостно-отъчевымъ* (существовавшимъ только въ эпосѣ). Слугѣ единой русской земли, Ильѣ, и принадлежать тѣ выписанныя выше слова, изъ которыхъ видно, что и на власть княжескую смотритъ онъ, какъ на *службу землѣ*, а на землю, какъ на источникъ этой власти. Потому-то и Владиміръ не только бьетъ челомъ Ильѣ, умоляя его пойти противъ татаръ, но и говоритъ при этомъ, зная, чѣмъ только и можно неотразимо подѣйствовать на главу богатырей: „не ради меня, князя Владиміра, а ради *матушки свято-Русь земли*“ и т. д. Если *цѣлостность* и *единство* этой земли (какъ бы испоконъ вѣка существовавшія) должны были появиться въ эпосѣ подъ вліяніемъ поры суздальской и закрѣпиться подъ дальнѣйшимъ вліяніемъ поры московской, то первенствующее значеніе *самой земли* можетъ намъ представляться только сохранявшимся въ эпосѣ отъ поры древне-кіевской (хотя въ немъ и не сохранилось прямыхъ указаній на вѣчевыя собранія, *духомъ* которыхъ отзывается только *характеръ Ильи Муромца*). Невѣрно было бы видѣть тутъ вліяніе, испытанное нашимъ эпическимъ творчествомъ уже на сѣверѣ со стороны явленій новгородской „свободы“. Уже вѣдь доказано, что свобода эта переродилась въ „вольницу“, при которой безгранично развилась личность у людей изъ того богатаго класса, который выдвинулся въ Новгородѣ подъ вліяніемъ его торговаго быта. Эпическимъ представителемъ этой разнузданной новгородской вольницы является Васька Буслаевъ, побивающій со своею дружиной, лично ему служащей, мужиковъ новгородскихъ, и Садко купецъ, осмѣливающійся одинъ состязаться въ богатствѣ съ государемъ великимъ Новгородомъ. Подобные образы прямо противоположны Муромцу, который и мировою съ Владиміромъ пользуется для того, чтобы посадить *юлей* за его княжескій столъ, а самому занять между ними только *мѣстечко среднее*. Невѣрно было бы также объяснять весь эпическій характеръ Ильи позднѣйшимъ желаніемъ дать отпоръ всевозможному гнету, желаніемъ, проявившимся у пѣвцовъ той поволжской вольницы, которая произвела въ дѣйствительности Стеньку Разина и др. Отпечатокъ этой поры сказывается, по всей вѣроятности, въ крайнемъ разсвирѣбѣннѣ богатыря и приписываемомъ ему нѣкоторыми бы-

линами безшабашномъ разгулѣ. Но основа его характера—спокойное сознаніе своего права на ряду съ сознаніемъ своихъ обязанностей—носить отпечатокъ чловѣка свободнаго, а не раба, сорвавшагося съ цѣпи. Между тѣмъ былины, выражающія эту основную сторону его права, въ наилучшемъ видѣ сохранились не тамъ, гдѣ происходила главнѣйшая историческая расправа за крѣпостной гнетъ (въ широкомъ смыслѣ этого слова), т. е. не на Волгѣ, а тамъ, куда онъ не проникалъ и гдѣ постоянно жилось вольготнѣе, т. е. на олонецкомъ и архангельскомъ сѣверѣ. Крѣпостное право должно было отчасти подавить, отчасти же извратить въ народѣ привычки свободныя, а равно и ихъ проявленіе въ эпосѣ; уцѣлѣть въ своемъ настоящемъ видѣ имѣли онѣ возможность только на тѣхъ, незахваченныхъ закрѣпощеніемъ, окраинахъ, куда были онѣ отодвинуты вмѣстѣ съ остатками стараго эпоса, тамъ-то по преимуществу и сохранившаго свой земски-свободный характеръ.

Кѣмъ бы ни былъ первоначально по своему происхожденію богатырь Илья—Муровецъ или Муромецъ,—и какъ бы ярко ни отпечатлѣлась на немъ Русь суздальская, ея отпечатокъ дружно въ немъ сочетался съ другимъ—древнѣйшимъ отпечаткомъ кіевской *опичевой* Руси. Наконецъ преданія Руси кіевской включили богатыря Илью и въ число *печерскихъ угодниковъ*. Тутъ, конечно, произошло смѣшеніе любимаго народомъ богатыря съ какимъ нибудь инокомъ родомъ изъ Муромъ (или же опять, можетъ быть, съ южно-русского острова Муровца). Но такое смѣшеніе могло произойти только потому, что народъ, любя богатыря, пожелалъ довести его наконецъ и до *святости*. Изъ этого, конечно, еще вовсе не слѣдуетъ, чтобы Илья когда либо существовалъ въ дѣйствительности. Всѣ старанія г. Квашнина Самарина отыскать его историческій первообразъ остались, мнѣ кажется, неуспѣшными, и едва ли почтенному ученому удастся и здѣсь на съѣздѣ привести въ этомъ отношеніи какія либо болѣе доказательныя данныя ¹⁾. Но дѣло совсѣмъ не въ томъ. Илья Муромецъ могъ быть просто поэтическимъ образомъ, въ которомъ народъ узнавалъ лучшія черты своего собственнаго нрава и въ дѣйствительное существованіе котораго онъ наконецъ увѣровалъ, а потомъ захотѣлъ увидѣть его и въ ликѣ святыхъ. Несомнѣнно только то, что къ лику ихъ народъ бы никакъ не причислилъ лица, сложившагося изъ клочковъ различныхъ чужихъ сказаній, и потому по отношенію къ Ильѣ Муромцу теорія г. Стасова всего убѣдительнѣе опровергнута уже заранѣе, до выхода ея на свѣтъ Божій, самимъ г. Стасовымъ—въ той его давнишней статьѣ о старой гравюрѣ, изображающей угодника Илью Муромца, гдѣ онъ доказываетъ тождество его для народа съ богатыремъ былины. „И понинѣ его мощи нетлѣнныя“, говорится въ концѣ одной изъ былинь о трехъ поѣздочкахъ Муромца—послѣ разказа о томъ, какъ онъ началъ, на найденныя на третьей дорожкѣ деньги, строить церковь печерскую и

¹⁾ Г. Квашинъ Самаринъ дѣйствительно не сдѣлалъ этого.

окаменѣлъ въ ней. Такъ оно передается сказителями Олонецкой губерніи, и въ томъ же родѣ, надо думать, сообщали объ этомъ въ Кіевѣ въ концѣ XVI в. Эриху Лиссотѣ. Упомянувъ о гробницѣ Ярославъ въ Софійскомъ соборѣ, онъ говоритъ, что „въ другомъ придѣлѣ, со виѣшней стороны церкви, была гробница Ильи Муровлина (Mogowlin); онъ былъ знатный герой или, какъ говорятъ, богатырь; рассказываютъ о немъ много басенъ; гробница эта нынѣ разрушена, но такая же гробница его товарища еще цѣла въ той же часовнѣ“. (Чьей же считалась она? не Добрыниною ли? Дальнѣйшихъ указаній на это мы, сколько мнѣ извѣстно, нигдѣ не встрѣчаемъ). Въ другомъ мѣстѣ, при описаніи пещеръ кіевскихъ, Лиссота указываетъ на мощи знаменитаго богатыря. „Есть также, говорятъ онъ, одинъ великанъ или богатырь, называемый *Чоботко*; говорятъ, что на него напало однажды много непріятелей въ то время, когда онъ надѣвалъ сапогъ, и такъ какъ въ торопяхъ онъ не могъ схватить никакого другаго оружія, то началъ защищаться другимъ сапогомъ, котораго еще не надѣлъ, и имъ одолѣлъ всѣхъ, отчего и получилъ такое прозвище ¹⁾“. Такого похождения мы уже не встрѣчаемъ ни въ одной изъ былинъ объ Ильѣ Муромцѣ, но что подъ Чоботкомъ разумѣлся не кто иной, какъ онъ, это видно изъ прямого свидѣтельства Калнофойскаго (въ XVII в.). Такимъ образомъ, по преданію, Илья сперва почивалъ въ Софійскомъ соборѣ, а потомъ его мощи оказались въ пещерахъ кіевскихъ. Извѣстно, что Калнофойскій, желая опровергнуть молву о богатырскомъ ростѣ угодника, измѣрять его останки и пришелъ къ заключенію, что онъ не выше многихъ обыкновенныхъ людей. Но всѣ эти старанія книжника не привели ни къ чему: еще въ началѣ XVIII ст. одному благочестивому посѣтителю кіевской святыни, по прежнему, сообщали, что почивающій въ пещерѣ Антонія святой Илья Муромецъ былъ славный воинъ, и что рука у него произрела конемъ ²⁾. Но если такъ, если память о святости богатыря Ильи была еще жива въ Кіевѣ не только въ концѣ XVI, но и въ XVII и XVIII в. и, кажется, не вполне заглохла даже теперь, то отсюда невольно могло родиться предположеніе, что въ южной Руси не могъ вполне простыть слѣдъ и эпическихъ сказаній объ его богатырской жизни, а, можетъ быть, и о прочихъ богатыряхъ. Вотъ это и заставило меня отпривить въ предварительный комитетъ съѣзда вопросъ: „не сохранились ли въ южной Руси какіе нибудь остатки былеваго эпоса Владимірова, если не въ пѣсенной, то хотя бы въ сказочной формѣ, если не устахъ народа, то въ какихъ либо рукописныхъ сборникахъ“?

По пріѣздѣ моемъ сюда, къ открытію съѣзда, я узналъ, что вскорѣ должна выйти изъ печати первая часть новаго сборника Малорусскихъ пѣсенъ В. В. Антоновича и М. П. Драгоманова. Я сейчасъ же обратился къ нимъ, чтобы узнать, не будетъ ли въ

¹⁾ Матеріалы для ист. топографіи Кіева, 17, 19.

²⁾ Въ моей книгѣ о былинахъ стр. 799 и 800.

этомъ сборникѣ кое-чего, отвѣчающаго утвердительно на мой вопросъ? Достопочтенные издатели предупредили меня, что въ сборникѣ ихъ я найду по этой части немного, но все же найду, и съ величайшею обязательностью тутъ же доставили мнѣ отпечатанные листы сборника, продолжая затѣмъ доставлять и дальнѣйшіе, по мѣрѣ того, какъ они выходили изъ типографіи. Я такимъ образомъ имѣлъ болѣе двухъ недѣль для ознакомленія съ этимъ замѣчательнымъ трудомъ, который окончательно выпущенъ въ свѣтъ только вчера. При всемъ многостороннемъ богатствѣ его содержанія, я отнесся къ нему прежде всего собственно съ той стороны, которая связана съ моимъ вопросомъ. Кое-что въ этомъ отношеніи оказалось указаннымъ самими издателями въ ихъ примѣчаніяхъ къ пѣснямъ, кое-что подыскать я въ сборникѣ самъ, дѣлая даже *натяжки*, чтобы, по крайней мѣрѣ, вполне исчерпать для своей цѣли матеріалъ, доставляемый имъ, въ связи съ тѣмъ, что было извѣстно изъ прежнихъ сборниковъ. Многого, конечно, я и не могъ ожидать для себя отъ новаго сборника, такъ какъ изъ самаго заглавія его видно, что въ немъ заключаются собственно *историческія* пѣсни Малорусскаго народа. Но слово: *историческій*, какъ замѣтно изъ предисловія, понимается издателями весьма широко, къ тому же извѣстно, что *историческій* періодъ народной поэзіи всегда возникаетъ изъ предшествовавшаго *героическаго*, слѣды котораго могутъ до нѣкоторой степени сохраняться въ историческихъ пѣсняхъ. Мое дѣло и заключалось, при изученіи новаго сборника въ связи съ прежними, въ указаніи и малѣйшихъ слѣдовъ героическаго (богатырскаго) эпоса въ малорусскихъ историческихъ пѣсняхъ, называемыхъ думами. Такихъ слѣдовъ, какъ мнѣ представляется, оказывается болѣе въ думахъ, описывающихъ борьбу козаковъ съ татарами, т. е. въ думахъ древнѣйшей (по своей основѣ) формациі, еще мало успѣвшей отстать отъ приемовъ богатырскаго творчества. Сюда прежде всего относится дума *о Байдѣ*, подъ которымъ разумѣется выставленный еще положительно, какъ богатырь, герой XVI ст., князь Димитрій Вишневецкій. Онъ, во первыхъ, *гуляетъ* совершенно по богатырски:

Ой піе Байда та не день, не два,
Не одну нѣчку та й не годиночку...

Къ тому же онъ отличается *мѣткою стрѣльбой*, весьма употребительной въ богатырскомъ эпосѣ. Даже повѣшенный за ребро на крюкъ, не смотря на боль,

Стрѣлив Байда із лука—
Цонав царя помежи уха.

(Можно бы при этомъ вспомнить изъ собственно малорусскихъ героевъ „лицаря Михайлика“, который „пустив з лука стрѣлу, то стрѣла і впала у миску татарину“,—если бы не было значительныхъ основаній заподозрить подлинность сказанія о Михайликѣ). Соотвѣтственно своей силѣ и своей умѣлости, Байда одаренъ и выносливостью чисто богатырскою: онъ виситъ на крюкѣ нѣсколько дней, „и не йість и не піе“.

Сами издатели обратили вниманіе на эти свойства Байды. „Встрѣча турецкаго царя

съ Байдою въ кабаѣ, говорятъ они, предложеніе ему въ замужество (т. е. царемъ) своей дочери (при чемъ, замѣчу, Байда отвѣчаетъ ему съ обычною богатырскою откровенностью: „твоя вѣра проклятая, твоя царезночка поганая“), чудесная стрѣльба Байды изъ лука — все это подробности сказочнаго характера (я бы сказалъ: *богатырскаю*, героическаго — встрѣчающагося и въ сказкѣ потому, что многія сказки образовались изъ разложившихся въ прозу былинъ). Подобный характеръ въ южно-русскаго преданіяхъ имѣютъ только старыя сказки о Кириллѣ Кожемякѣ (въ великорусскомъ изводѣ — Никита Кожемяка), о Михайликѣ (я уже указалъ на подозрительность этого сказанія), о богатырѣ Чоботкѣ (мы видѣли выше, что это малорусское прозвище Ильи Муромца, происшедшее отъ похождения, позабытаго у Великоруссовъ), прозаическія преданія о Паліѣ и т. п. (Замѣчу, что все здѣсь изчисленное первоначально, конечно, существовало въ видѣ *пѣсенъ*, по строю своему, вѣроятно, подходившихъ къ *былинамъ*). Нѣкоторые варианты пѣсни о Байдѣ состоятъ почти исключительно изъ такихъ сказочныхъ (т. е. богатырскихъ) подробностей. Сказочный (т. е. опять богатырскій) характеръ этихъ вариантовъ дѣлаетъ ихъ аналогичными съ великорусскими былинами, которымъ знакомъ и образъ богатыря, выходящаго изъ кабака и производящаго стрѣльбою „убійства въ татарскомъ лагерѣ“. (Издатели разумѣютъ *Василія Ипатьевича* или *Ваську пѣницу*). Полнаго вниманія заслуживаетъ и толкованіе издателями эпическаго прозвища Дм. Вишневецкаго. „Имя *Байда*, говорятъ они, есть нарицательное прозвище — *гуляка, мятый* (глаголь — *байдувати, байдикувати*“). Но если такъ, то прозвище это, по смыслу, напоминаетъ въ былинахъ *Потыка* (т. е. потыкающагося, шатающагося бродягу), самый характеръ котораго (по разгулу и мѣткой стрѣльбѣ), а также и его приглаголеніе къ стѣнѣ (въ нѣкоторыхъ былинахъ) представляютъ нѣчто общее съ малорусскимъ Байдою. (Можно бы также сблизить *Потыка* по его имени *Михаилъ* и съ умѣлымъ стрѣльцемъ *Михайликомъ*, если бы не вышеупомянутая заподозрѣнность сказанія о послѣднемъ). Извѣстная измѣна *Потыку* его жены, отдающей нехорошему царю, можетъ до нѣкоторой степени быть сблизжена съ отношеніями къ гетману Богдану его жены въ одной изъ пѣсенъ сборника гг. Антоновича и Драгоманова (стр. 164).

Ой, миленька, миленька, відсунься від башенька,

Бо я башенька вбйу, а миленьку з собою візьму, —

говорить ей гетманъ, а она отвѣчаетъ:

Коли биеш, бий обоз, бо башенько сердце моє.

Въ нѣкоторыхъ вариантахъ думы про *бурю на черномъ морѣ* виновникомъ поднявшейся бури является *Алексѣй Поповичъ Пирятинскій*. Онъ, какъ и *Алеша Поповичъ* былинъ, оказывается въ *грамотѣ поученіемъ челоуѣкомъ*, но, не смотря на это, большимъ *грьхо-водникомъ*, вслѣдствіе чего и обращаются къ нему съ такими словами:

Славный лицарю і писарю!
 Ти ж свате письмо
 По тричі на день читаєш
 І нас—простих козаків—
 На все добро навчаєш;
 Про що ж ти од нас
 Гріхів більше маєш? (Ант. и Драг. 178).

Конечно, эпическое положеніе *Алешы* былинь и *Алексы* думы не сходно, и вслѣдствіе этого, вѣроятно, почтенные издатели сборника и не сближают думы съ былинами объ Алешѣ¹⁾. Зато эпическое положеніе Алексѣя Пирятинскаго напоминаетъ въ былинахъ *Садку купца*, также опускаемаго въ море,—правда, съ другою цѣлью: ради умиловленія моря, какъ мифическаго существа²⁾, но въ думѣ, быть можетъ, только скрывается тотъ же мотивъ подъ охристіанствованнымъ видомъ принесенія въ умиловительную жертву грѣшника. Но Алексѣй думы одною чертою напоминаетъ еще и другое лице, опять (какъ и Садко) принадлежащее не кievскому, а новгородскому эпосу—*Ваську Буслаева*. Пирятинскій Поповичъ самъ говоритъ про себя:

То там жони старій стояли...
 То я шапки не зная
 І „помагай біг“ не дав (Ант. и Драг. 184).

Такое же неуваженіе—уже къ прямому совѣту старыхъ женщинъ—выказываетъ и удалецъ новгородскій, но надо замѣтить, что эта черта, какъ и мифическая основа былины о Садкѣ, первоначально могла принадлежать и новгородскому и кievскому эпосу (бытовые особенности новгородскія выработались уже въ дальнѣйшемъ развитіи былинь о Садкѣ и Буслаевѣ).

Изъ думъ перваго періода можно отмѣтить еще думы про *Самійла Кішку* и про *козакъ Голоту*, хотя онѣ и не представляютъ сходства съ тѣмъ или другимъ определеннымъ лицомъ былинь. Дума о Кішкѣ основана на довольно обычномъ въ богатырскомъ (какъ и въ сказочномъ) эпосѣ *вѣщемъ снѣ* и прославляетъ перѣдкую въ богатыряхъ *хитрость-мудрость* въ соединеніи со смѣлостью. Въ думѣ же о козакѣ Голотѣ бой его съ татаринѣмъ представляется еще настоящимъ богатырскимъ поединкомъ. Прозваніе *Голота*, соответствующее внѣшности козакъ, сходно съ обозначеніемъ бѣдныхъ людей въ былинахъ именемъ *юлей*. Описывается одежда Голоты, какъ извѣстно, такимъ образомъ:

¹⁾ Въ нѣкоторыхъ лѣтописныхъ сводахъ, заключающихъ въ себѣ отзвуки древняго эпоса, богатырь Поповичъ называется не *Алексѣемъ*, а *Александрѣмъ*. Но это уже объяснено Л. Н. Майковымъ. „Имена Александръ и Алеша смѣшиваются и сливаются въ одно имя черезъ посредство Олексы, т. е. Алексѣя; случай такого смѣшенія находимъ въ Софійскомъ Временникѣ, гдѣ именно Олекса=Алексѣй принятъ за Александра“ (Л. Майкова О былинахъ Владимірова цикла стр. 25).

²⁾ Чествованіе моря какъ будто еще слышится въ прозваніи его въ нѣкоторыхъ вариантахъ думы *святимъ*. Кроме того, замѣчательно, что козаки тутъ исповѣдуются Черному морю.

.....На козакові шати дорогійі—

Три семирязі лихійі:

Одна не добра, друга не гожа,

А третя й на хлів не згожа (Ант. и Драг. 168).

Тутъ слышна иронія, наминающая ту, съ какою (только въ обратномъ смыслѣ) описываетъ свое имѣніе и свою одежку Илья Муромецъ:

А со старымъ вѣдь денегъ не годилося—

Всего червонца сорокъ тысячъ...

или:

Одна на мнѣ на старомъ *сермяжѣнька* старая,

Въ три строчки она протрочена:

Первая строка во сто рублей и т. д. (Кир. I, 17).

Въ первомъ отдѣлѣ сборника помѣщенъ издателями любопытный *отрывокъ* пѣсни о *Журилу*, записанный впервые для нихъ (и всего въ одномъ вариантѣ) въ Галичинѣ. Это, по всей вѣроятности, обломокъ той части нашего богатырскаго эпоса, которая первоначально и должна была сложиться именно тамъ, такъ какъ главнымъ ея героемъ является галичанинъ—богарскій сынъ *Дюкъ Степановичъ* (производство его нѣкоторыми вариантами изъ *богаты* *Индія* можетъ быть объяснено позднѣйшимъ вліяніемъ *восточныхъ сказаній*, которыхъ участіе въ многосложномъ составѣ нашего эпоса я вовсе не отрицаю, но которыми не могу объяснять его *основу*). Противникъ Дюка въ былинахъ—*Чурило*, и онъ то, по всей вѣроятности, и является въ упомянутомъ отрывкѣ подъ слегка только измѣненнымъ именемъ *Журилы*, (въ другомъ вариантѣ, оставшемся не записаннымъ—прямо *Чурило*; при этомъ издатели указываютъ на старый южнорусскій родъ Чуриловъ или Джуриловъ) (стр. 55). Лице это къ тому же сохраняетъ въ отрывкѣ и извѣстныя донжуановскія черты Пленковича:

Ішов Журило з міста,

За ним дівочок треста.

Сами издатели сближаютъ съ этимъ слѣдующіе стихи былины про Чурилу Пленковича:

Гдѣ дѣвушки глядять, заборы трещать,

Гдѣ молодушки глядять, лишь оконенки звенять.... ¹⁾

¹⁾ Въ пѣснѣ о Нечаѣ, замѣчаютъ они, встрѣчается слово *джурило*, какъ синонимъ *джура*—молодой товарищъ козака, пажъ (стр. 56). Въ письмѣ, полученномъ мною уже послѣ сѣзда отъ М. П. Драгоманова, указывается малорусское *преданіе о богатыряхъ, которые сидятъ на границахъ и обороняютъ землю отъ змievъ*, а также весенняя игра во вдовца, въ которой *Дунай сватається* (изъ матеріаловъ, оставшихся послѣ покойнаго М. А. Максимовича). Я указалъ уже на это въ моей статьѣ въ апрѣльской книжкѣ „Древней и Новой Россіи“ 1875 г.—„Малорусскія народныя думы и кобзарь Остапъ Вересай“. Затѣмъ и М. П. Драгомановъ сообщилъ въ подробности и преданіе, и описаніе игры, въ № 9 того же сборника, за тотъ же годъ.

Вотъ, кажется, и все изъ новаго сборника, что подаетъ хотя какой нибудь поводъ къ сближенію съ былинами. Но въ составъ его первой части не могли войти весьма многія думы изъ прежнихъ сборниковъ, между тѣмъ, нѣкоторыя изъ нихъ въ свою очередь могутъ быть отчасти сближаемы съ тою или другою былинной, не смотря на то, что онѣ относятся уже ко второму періоду, когда воспѣвалась борьба козаковъ съ поляками, и когда приемы богатырской поэзіи все болѣе и болѣе забывались, по все таки не были, можно думать, совершенно забыты. Между этими думами замѣчательна (Зап. о Южной Руси, I, 207 и слѣд.) большая о *Ганджѣ Андыберѣ*, который по внѣшности и приемамъ является какъ бы дальнѣйшимъ развитіемъ козака Голоты. Не узнанный въ своихъ „трехъ сіромязяхъ“ и своей „опанчинѣ рогозовій“ гордыми ляхами—*Дуками-сребляниками* (мимоходомъ замѣтите, что эти богатые *дуки* напоминаютъ своимъ названіемъ богача *Дюка* Степановича), обходящимся съ нимъ крайне непочтительно, онъ совершаетъ надъ ними расправу, напоминающую образъ дѣйствій Ильи Муромца на пиру у незнавнаго его князя Владиміра. Дума, быть можетъ, представляетъ переработку стараго эпического мотива въ примѣненіи къ иной обстановкѣ и новымъ историческимъ обстоятельствамъ. Еще болѣе позднюю переработку старыхъ эпическихъ отношеній обиженнаго богатыря къ обидчику князю представляетъ, можетъ быть, малорусское сказаніе о *Петрѣ Великомъ и Паліѣ*. Первый является тутъ въ положеніи обидчика князя Владиміра, второй—въ положеніи обиженнаго и вдругъ понадобившагося князю Ильи Муромца.

„Чи нема́ в нашому царствѣ такого чоловіка, щобъ знавъ, якъ одолѣть Мазепу?—Есть у насъ такой чоловік—Семен Палій.—„Нема́ Палія, страчений.—Ні, царю, живъ, тілько на Сибірі“.

Добываютъ оттуда Палія, но онъ, опять подобно старому богатырю Владимірову, предлагаетъ свои условія для мировой, и къ тому же, опять подобно ему, условія выгодныя вовсе не для него лично: „Не плюндруй, каже, гетманщини“.—Ну, каже, добре, для тебе дарую“. (Зап. о Ю. Руск. I, 123). Сами издатели, какъ мы видѣли, относятъ это сказаніе къ числу тѣхъ, въ которыхъ усматривается ими характеръ, какъ они выражаются, *сказочный*, отличающій эти сказанія отъ историческихъ думъ и сближающій ихъ съ богатырскими былинами. Чисто богатырскою силою надѣлено наконецъ въ одномъ изъ позднѣйшихъ сказаній лице, выставленное современникомъ Екатерины II—*козакъ Васюринскій*“. (Зап. о Южной Руси, I, 141—166) „Знаєте, той був такой сильний, що якъ причащається, то чотырі чоловіка держать пона, щобъ не впавъ од духу“. Въ такой совершенно особенной формѣ этихъ проявленій необычайной силы слышна уже какая то изысканность и сдѣланность. Въ данномъ случаѣ едва ли слышится отзвукъ стараго творчества, а скорѣе тутъ надо видѣть позднѣйшее заимствованіе изъ чудесной области на этотъ разъ уже дѣйствительно *сказокъ* (хотя губительная сила дыханія встрѣчается и въ былинѣ о Святоторѣ). Такое преувеличеніе козацкой силы понадобилось для отпора

москалямъ, которые пришли „Січ жакувати“. Но искусственная придуманность этой силы, сообщающейся самому дыханію, видна изъ того, что она лишена неотразимаго дѣйствія настоящей богатырской силы. Напрасно Васюриньскій проситъ атамана, „щобъ тѣлько позволено ёму стати на банті: „ми, каже, станемо з кулаками, то ні спис, ні куля не візьме“. Но выходитъ не такъ: „Опісля, як побачили, що Москва вже все позабірала, то сіло йіх *сорок тисяч* на човни, та й поїхали до турка“.

Число уплывающаго съ Васюриньскимъ войска—*сорокъ тысячъ*—число довольно часто встрѣчающееся въ думахъ, но оно же, какъ извѣстно, весьма обычно и въ былинахъ. Встрѣчая то же число и во многихъ восточныхъ сказаніяхъ, г. Стасовъ считалъ и это однимъ изъ доводовъ въ пользу восточнаго происхожденія былинъ. На самомъ же дѣлѣ, кажется, число это надо считать одною изъ принадлежностей богатырскаго эпоса вообще; его можно отыскать и на Западѣ. Въ думахъ встрѣчается еще и другое число—именно *тридцать*—обозначающее *срокъ заточенія* и употребительное въ этомъ же самомъ смыслѣ у разныхъ народовъ въ героическомъ эпосѣ (или же въ близкомъ къ нему смыслѣ *сиднія сиднемъ*). Въ думѣ о *Маруся Боуславскъ*, вошедшей въ сборникъ гг. Антоновича и Драгоманова стр. 230 освобождаемые ею плѣнники запорожскіе сидятъ въ неволѣ также *цѣлыхъ тридцать лѣтъ*. То же число попадаетъ и въ думѣ о *Самійлѣ Кішкѣ*; тутъ говорится про Ляха Бутурлака, что онъ

...був *тридцять* лѣт у неволі,
Двадцять чотирі як став на волі...

Самъ же герой думы въ концѣ ея говоритъ про себя и про своихъ сотоварищей:

Були пиддесят чотирі годи у неволі...

Но издатели замѣчаютъ объ этомъ: число 54 составлено изъ двухъ эпическихъ чиселъ—30 и 24 (стр. 228). Еще замѣчательнѣе встрѣчающійся, хотя и рѣдко, въ думахъ, *трехдневный срокъ боя*, срокъ, дѣлающій подобный бой уже чисто богатырскимъ. Столько именно длится онъ (въ нѣкоторыхъ вариантахъ) между Ильей Муромцемъ и его сыномъ. Въ думахъ подобный срокъ боя уцѣлѣлъ въ примѣненіи даже къ герою относительно поздней поры—*Морозенку*.

За мойіми воротами татарин з козаком бйється,
Ой бйється він три дни, бйється *три дні й три години*.. (Метл. 410).

Такая же точно надбавка еще и *часовъ* встрѣчается иногда и въ былинахъ. Совершенно подобно героямъ былинъ, расправляются единолично со множествомъ вражьей силы и нѣкоторые герои думъ; при этомъ опять надо замѣтить, что разительнѣйшіе случаи этого рода оказываются уцѣлѣвшими именно въ думахъ втораго (т. е. польскаго) періода, хотя попадаютъ также и въ думахъ періода перваго (т. е. татарскаго). Такъ, даже двѣнадцатилѣтокъ *Иванъ Коновченко* (по возрасту и зарывчивости онъ соот-

вѣтствуетъ *Ермаку* въ былинахъ; двѣнадцати же лѣтъ совершаетъ нѣкоторые подвиги и Добрыня)

Двадцать татар передъ мѣчъ принявъ,
Шість на арканъ звязавъ (Максим., 54).

А по другому варіанту еще и болѣе:

Турокъ пѣнадцатъ підъ мѣчъ узявъ,
Девятєро живцемъ ізвязавъ (Метл. 420).

Но еще разманистѣе работаетъ оружіемъ *Перебийн'іс*:

Ой не вспівъ же та козакъ *Перебийн'іс* та на коня спасти,
Якъ узявъ ляхівъ, вражихъ спл'івъ, у *снопи* класти;
Ой якъ оглянетъся козакъ *Перебийн'іс* та на лівєє плече—
Ажъ ізъ підъ Дашева та до Волохова *кривавая рѣчка* тече;
Ой оглянетъся та козакъ *Перебийн'іс* та на правую руку—
Ажъ не *вискочить* ёо *буланенький* ізъ підъ *лябського* *труну*;
Ой оглянетъся козакъ *Перебийн'іс* та на *джуру* малого—
Ажъ *кладе джуро*, *кладе малий*, *ще* *лучче* за *нѣю* (Метл. 401, 406).

„Ой, бережися, *Перебийн'іс*, відъ *гори Шамати*!“

—Не боюся відъ *гори Шамати*:

„Есть у мене *козаченьки*, *одинъ* *буде* *сотню* *тати*“ (402).

Не плоше въ богатырскомъ смыслѣ и *Нечай*:

Не вспівъ козакъ, не вспівъ *Нечай* на коника сісти,
Якъ взявъ *ляшківъ*, якъ взявъ *панківъ*, якъ *капусту* сікти.
Обернувся козакъ *Нечай* одъ *брами* до *брами*,
Виклавъ *ляшківъ*, *виклавъ* *панківъ* у *чотирі* *лави*.
Оглянувся козакъ *Нечай* на правую руку,—
Не *вискочить* *кінъ* *козацький* ізъ *ляцького* *труну* (Метл. 407).

Наконецъ, въ нѣкоторыхъ варіантахъ думы о *Саввѣ Чаломѣ* уже прямо неимоверной цифрою убитыхъ обозначается его боевая удачливость:

Ой не вспівъ же та *пан Сава*
На коника сісти;—
Було *ляхівъ* *сорок* *тысячъ*,—
Зосталося *двісті*.

(„*Зап. Старина*“). Замѣчу, что если многія думы этого стараго сборника теперь заподозрѣны, то дума о *Саввѣ* не принадлежитъ къ числу ихъ, такъ какъ она попадаетъ и въ другихъ сборникахъ). (См. статью Н. И. Костомарова въ В. Европы 1874 г.).

Конечно, подобнаго рода черты и приемы въ думахъ составляютъ только исключенія, которыя я и позволяю себѣ считать за слѣды героическаго періода творчества въ произведеніяхъ періода историческаго. Думы, по господствующимъ въ нихъ чертамъ, при-

надлежать, конечно, этому послѣднему. Дѣйствующія въ нихъ лица вообще уже весьма близки къ обыкновеннымъ людямъ, и враги, съ которыми они ведутъ борьбу, такіе же люди, не состоящіе вовсе въ союзѣ съ какою нибудь чудовищной силой въ родѣ Змѣя Горыныча, Тугарина Змѣевича или Идолица поганого. Но и въ былинахъ, на ряду съ такими чудовищными врагами, являются, какъ извѣстно, и прямые историческіе враги Руси—по преимуществу Татары. Думы перваго періода характеризуютъ ту же нескончаемую борьбу съ ними, только уже позднѣйшіе фазисы этой борьбы; думы втораго періода—борьбу съ Поляками; но тѣ и другія характеризуютъ борьбу съ непріятелемъ красками уже близкими къ дѣйствительной жизни, къ былинамъ въ прямомъ смыслѣ, т. е. въ смыслѣ *былей*, какъ это понимается въ „Словѣ о полку Игоревѣ“, съ которымъ, поэтому, думы и находятся въ извѣстной связи. Но если литературно-поэтической памятникъ XII вѣка, при всемъ умышленномъ стремленіи своего неизвѣстнаго автора къ дѣйствительности, не обошелся однако же и безъ „боянова замышленія“, то тѣмъ труднѣе было совершенно обойтись безъ него въ думахъ—произведеніяхъ все же не лично сознательнаго, а коллективно-инстинктивнаго творчества. *Историческая стихія* сказала въ думахъ съ несравненно большею чистотой, чѣмъ она начинала сказываться въ героическомъ эпосѣ, тѣмъ не менѣе думы—все же не вполне историческая поэзія. Въ нихъ прежде всего недостаетъ многихъ историческихъ лицъ, многихъ, исторически важныхъ, моментовъ борьбы съ врагами¹⁾. Правда, многое могло въ свое время быть и потомъ исчезнуть, но въ такомъ случаѣ замѣчательно уже и то, что исторически болѣе важное исчезло, т. е. позабылось, ранѣе многого другаго. Замѣчательно, что, при отсутствіи въ думахъ (по крайней мѣрѣ теперь) многихъ историческихъ лицъ, въ нихъ такъ живо держатся многія другія, мало или и вовсе не извѣстныя въ исторіи. Думы наконецъ нерѣдко рисуютъ событія просто изъ частной жизни, отражающія въ себѣ только общія черты быта времени козачества. Онѣ, стало быть, могутъ быть названы историческою поэзіею козачества собственно въ самомъ широкомъ смыслѣ: въ нихъ—все положенія, испытанныя народомъ въ эту пору, вся ея „злота“ и все ея горе, отчасти лишь растворенное радостями, столь же неотъемлемыми у человѣка, какъ и солнечный свѣтъ у природы хотя бы и въ самую печальную пору года. И все это выставлено въ думахъ на столько близко къ дѣйствительности, что невольно вызываетъ непосредственное участіе чувства и у самихъ пѣвцовъ, и у слушателей. Отсюда тотъ *лиризмъ* думъ, который такъ рѣзко отличаетъ ихъ строй отъ *эпического спокойствія*, господствующаго въ былинахъ именно оттого, что герои этихъ послѣднихъ слишкомъ далеки отъ обыкновенныхъ людей (хотя нѣкоторые проявленія лиризма попадаются и въ былинахъ, какъ и въ героическомъ эпосѣ вообще).

¹⁾ Нѣкоторыя думы, касающіяся важныхъ историческихъ лицъ и событій, въ послѣднее время, какъ извѣстно, заподозрены.

народная поэзія въ сущности не знаетъ той полной несмѣшанности поэтическихъ родовъ, которая собственно и существовала только въ старыхъ эстетикахъ).

Таковы существеннѣйшія особенности думъ, этого болѣе поздняго вида южно-русскаго эпического творчества, сравнительно съ тѣмъ его древнѣйшимъ героическимъ видомъ, который еще ясно проглядываетъ и теперь въ былинахъ сквозь всѣ наслоенія великорусской формации, какъ я старался это обстоятельнѣе доказать въ моемъ большомъ трудѣ о богатырствѣ кievскомъ. Сравнивать думы съ древнѣйшей южно-русской основой былинъ значитъ сравнивать, т. е. сопоставлять два различныхъ періода одного и того же творчества. Присвоивать собственно Великоруссамъ весь богатырскій нашъ эпосъ съ его корнемъ значило бы отнимать у братьевъ Малоруссовъ право на то, что составляетъ добро *обще-русское*. Хотя бы не только мнѣ, но и послѣ меня другимъ не удалось отыскать въ самой Малороссіи существенныхъ слѣдовъ древнѣйшаго нашего эпоса,—это пришлось бы продолжать объяснять только тѣмъ (въ первый разъ, какъ извѣстно, такое объясненіе было предложено Н. И. Костомаровымъ), что позднѣйшее творчество, увлечшись современными подвигами козачества, невольно оторвалось отъ миѳическихъ, по основѣ, хотя и сведенныхъ потомъ на родную землю, но все же сверхчеловѣческихъ подвиговъ богатырства.

Но почтенные составители новаго сборника въ первомъ отдѣлѣ его помѣстили пѣсни, отчасти впервые у нихъ появляющіяся и почитаемыя ими (по основѣ, конечно) произведеніями поры, задолго предшествовавшей не только козачеству, но и самому татарскому игу. Относительно этого отдѣла издатели замѣчаютъ въ предисловіи: „Доказывая, какъ мы думаемъ, ясно, что на югѣ Руси, въ той самой странѣ, гдѣ сосредоточивалась исторія Руси домонгольской, остались яркіе слѣды этой исторіи въ народной поэзіи, хотя и не въ формѣ былинъ великорусскихъ, но въ формѣ, безспорно, глубоко древней и національной, пѣсни, приводимыя въ нашей первой части, и другія въ такомъ родѣ, которыя могутъ быть открыты или указаны другими изслѣдователями, должны быть принимаемы во вниманіе прежде всего при обсужденіи вопроса о древнѣйшемъ русскомъ героическомъ и историческомъ эпосѣ и о древности и національности самихъ великорусскихъ былинъ“. Хотя существенныя черты этихъ пѣсенъ и были уже приведены и освѣщены именно въ этомъ смыслѣ Н. И. Костомаровымъ (въ послѣдней книжкѣ прекратившагося журнала: „Бесѣда“), систематическое помѣщеніе ихъ цѣликомъ въ сборникъ является уже дѣломъ самихъ достоуважаемыхъ В. Б. Антоновича и М. П. Драгоманова, и потому-то, мнѣ кажется, они и увлеклись этими пѣснями болѣе, чѣмъ бы слѣдовало. Я позволяю себѣ объяснять это именно своего рода собирательскимъ самолюбіемъ, психологически столько же понятнымъ и извинительнымъ, какъ и любовь къ сыну или даже къ крестнику. Я оставляю рѣшительно въ сторонѣ вопросъ о древности этихъ пѣсенъ самой по себѣ, такъ какъ считаю ихъ не проливающими ни малѣйшаго свѣта на воп-

рось о древности и національности нашихъ былинъ—*великорусскихъ* по своей теперешней формѣ, *южно-русскихъ* по своей основѣ, *общерусскихъ* по широтѣ своего значенія. Въѣсть съ тѣмъ я считаю эти „пѣсни вѣка дружиннаго и княжескаго“ совершенно несоизмѣримыми и съ самыми думами. Пѣсни эти—древни онѣ или нѣтъ—по духу нѣчто совершенно особое, какъ того и слѣдуетъ ожидать уже на основаніи слѣдующихъ словъ самихъ издателей въ предисловіи: „Хотя подъ болѣе или менѣе аристократическою дружиною на Руси пользовались болѣе или менѣе сильнымъ значеніемъ и народныя общины, но дружина, какъ наиболѣе активная часть населенія, очевидно, превосходила другія части въ творчествѣ пѣсенъ политическаго характера,—почему мы и должны были дать первой части пѣсенъ нашего сборника заглавіе: „Пѣни вѣка дружиннаго и княжескаго“. Я не стану разбирать, дѣйствительно ли *княжеская* дружина (тутъ разумѣется, очевидно, она), по своей *активности* (вѣрнѣе бы было сказать—*подвижности*; я, по крайней мѣрѣ, не вижу, почему бы вѣча въ древнемъ періодѣ отличались меньшей активностью),—дѣйствительно ли она вслѣдствіе подобнаго свойства *превосходила* другія части населенія и въ творчествѣ политическихъ пѣсенъ;—дѣло не въ этомъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что княжеско-дружинный эпосъ существовать; многое изъ него, какъ уже давно замѣчено, вошло въ нашу лѣтопись. Допустимъ, что отзвуками того же дружиннаго эпоса, до сихъ поръ уцѣлѣвшими у народа, (къ которому она, если оно такъ, должны были перейти отъ пѣвцовъ-дружинниковъ), допустимъ, что такими отзвуками слѣдуетъ считать пѣсни, помѣщенные въ первомъ отдѣлѣ нашего сборника;—онѣ будутъ тогда очень цѣнны въ смыслѣ археологическомъ, но всетаки несоизмѣримы ни съ нашимъ древнимъ богатырскимъ эпосомъ, ни съ позднѣйшимъ козацкимъ, потому что тотъ и другой отличаются *земскимъ*, а не *княжески-дружиннымъ* характеромъ. Пѣсни, такъ высоко ставимыя гг. Антоновичемъ и Драгомановымъ, рисуютъ исключительно отношенія къ князьямъ (а можетъ быть иногда и просто къ *панамъ*) ихъ служилой дружины, рассчитывающей исключительно на добычу. Мысли о какой либо службѣ *земль* тутъ и въ поминѣ нѣтъ, той мысли, которая, составляя основу эпоса древне-кѣвскаго, сказывается и въ козацкомъ, подобно тому какъ она ясно сказала и въ „Словѣ о полку Игоревѣ“, не смотря на то, что въ авторѣ его основательно предполагаютъ члена княжеской дружины. Дѣло въ томъ, что этотъ послѣдній литературно-поэтический памятникъ сложился уже въ такую пору, когда и самыя княжескія дружины прониклись до извѣстной степени мыслию и о *земскомъ служеніи*, какъ это можно видѣть по лѣтописямъ. Пѣсни, выдѣленные въ нашемъ сборникѣ въ первый отдѣлъ, или *еще* не знаютъ объ этомъ земскомъ служеніи (какъ не знаетъ о немъ и дружинный эпосъ, вошедшій въ древнѣйшую часть лѣтописи), или же эти пѣсни или нѣкоторыя изъ нихъ *уже* не знаютъ о такомъ служеніи, изображая то *наемничество*, въ какое выражалось порой и мѣстами козачество. Какъ бы то ни было, пѣсни эти не имѣютъ ничего общаго ни съ остальными пѣснями сборника, выставляющими

козачество, какъ воинственное братство съ выборнымъ предводителемъ, ведущее брань за родную свою Украину и за христіанскую вѣру, ни съ древне-кіевскимъ героическимъ эпосомъ, рисующимъ намъ на сторожевой заставѣ *дружину земскую*, во главѣ которой стоитъ крестьянинъ, единственно ради земли сдающійся и на челобитье княжеское. Этотъ земскій характеръ нашего богатырскаго эпоса съ главенствомъ въ немъ крестьянскаго сына, при остающемся совершенно въ тѣни, даже не предпринимающемъ походовъ, а только пирующемъ князѣ,—заставляетъ приписывать созданіе древнихъ эпическихъ пѣсенъ не той части населенія, которая „превосходила другія въ творчествѣ пѣсенъ политическаго характера“, не этой, якобы передовой дружинѣ, а *простому народу*. Этимъ-то, между прочимъ, какъ старался я показать въ моей книгѣ, нашъ героическій эпосъ и отличается отъ западно-европейскаго, который, хотя и былъ первоначально устнымъ, но не былъ чисто-народнымъ, т. е. создавшимся въ самомъ народѣ и сказывавшимся для него. Этотъ взглядъ мой не правится, между прочимъ, Ѳ. И. Буслаеву, но пока онъ, какъ и другіе мои бытовые выводы, отрицается лишь голословно, безъ внимательнаго разбора тѣхъ данныхъ, на которыхъ они у меня опираются, я буду въ правѣ считать мой взглядъ не опровергнутымъ. Но и думы, по моему, надо считать *народными*—въ той же мѣрѣ, въ какой народно было само козачество. Въ козацкомъ эпосѣ, какъ и на первомъ планѣ въ эпосѣ древне-героическомъ, мы не видимъ той служилой дружины княжеской, раздача которой добычи составляетъ единственное—весьма, стало быть, не богатое содержаніе пѣсенъ дружинно-княжескаго отдѣла нашего сборника. Въ былинахъ существуютъ только нѣкоторые намеки на то, что у Владиміра есть какая-то своя особенная дружина:—та сторожевая богатырская, членовъ которой онъ вездѣ „ищетъ-спрашиваетъ“, служить въ сущности не ему, а землѣ. Если онъ жалуется иногда городами и селами, то это, я полагаю, уже наслоенье московской поры съ ея *помѣстной раздачей*. Владиміръ нимало не походитъ на князя-дружинника уже потому, что вовсе не совершаетъ походовъ; за нимъ сохранилась только одна, и притомъ самая несочувственная черта этого стараго типа—то сребролюбіе, до котораго порою не допускаетъ его Илья Муромецъ. Былинный племянникъ Владиміра, Добрыня Никитичъ, имѣетъ свою дружину служилую, но объ ней почти только и сказывается, что она ему „нагрѣваетъ воду“ передъ купаньемъ. Къ тому же это не мѣшаетъ Добрынѣ самому состоять членомъ земской дружины подъ главенствомъ Ильи Муромца и считаться младшимъ названнымъ братомъ этого богатыря-крестьянина. Во главѣ уже совершенно *рабочей* дружины стоитъ Соловей Будиміровичъ,—но онъ вѣдь богатырь не *нашъ*, а *затѣжій*. Въ число *нашихъ* богатырей поступаетъ, правда, подарившій Владиміра Чурило Пленковичъ, но онъ до конца остается не милъ народу кіевскому и его главному стоятелю оберегателю Ильѣ Муромцу, потому, что имѣлъ свою дружинишкѣ, наѣзжалъ съ нею прежде на Кіевъ и въ немъ насилывалъ: оттого-то и рады Кіевляне торжеству надъ этимъ, до конца не своимъ для нихъ, насильникомъ ще-

големъ заѣзжаго Дюка, котораго, не смотря на его боярство, эпосъ не надѣлилъ особой дружиной. Настоящими предводителями своей служилой дружины являются оба героя Новгородскихъ былинъ—Садко купецъ, какъ дружинникъ-торговецъ и мореплаватель, напоминающій заѣзжаго Соловья Будиміровича, а въ особенности Васька Буслаевъ, становящійся во главѣ своей безнабашной дружины губительнымъ супротивникомъ цѣлаго Новгорода и этимъ составляющій прямую противоположность первенствующей личности эпоса кievскаго, Илья Муромца. Душа богатырства кievскаго, его, такъ сказать, средоточіе нравственное (Владиміръ со своей гридницей—столовой составляетъ только средоточіе виѣшнее), Илья является главою настоящей *земской дружины*—съ характеромъ не начальника-наимателя, а излюбленнаго предводителя, дѣйствующаго, обыкновенно, по общему совѣту и считающаго избытокъ силъ не столько дающимъ права, сколько налагающимъ обязанности. Но Илья богатырь не даромъ величается *атаманомъ*, иногда же и просто *козакомъ*; не даромъ встрѣчаются въ былинахъ и другія принадлежности козацкой терминологіи. Онѣ заимствованы, надо думать, не у украинскаго козачества, а у волжскаго и донскаго,—въ ту пору, когда былины были занесены на Волгу и тамъ продолжали перерабатываться. Но козачество представляло и бытовыя черты, принадлежавшія ему *повсемѣстно* вмѣстѣ съ нѣкоторыми общими терминами, а козацкому наслоенію вообще было къ чему пристать въ издавнемъ богатырскомъ эпосѣ: поставленная въ немъ напередъ сторожевая дружина богатырская, постоянно выжидавшая супротивниковъ изъ татарщины, являлась какъ бы идеальнымъ первообразомъ¹⁾ того козацкаго военнаго братства, которое достигло такого развитія въ XVI и XVII вв., въ виду неусправившейся необходимости постоянно сдерживать силу вражью. Но старый козакъ Илья Муромецъ, какъ лице идеальное, не можетъ не представлять многихъ нравственныхъ преимуществъ, сравнительно съ героями козацкихъ думъ, стоящихъ такъ близко къ дѣйствительности. Илья, не смотря на свое атаманство, самъ постоянно служащій землѣ, не знаетъ никакого слуги (тогда какъ у нѣкоторыхъ богатырей есть свои *паробки*;—обратите мимоходомъ вниманіе на это слово, употребительное въ Малороссіи). Въ думахъ подобный отрокъ-слуга (подъ именемъ *чуры* или *джуры*) отчасти похожій на пажа у западныхъ рыцарей, становится уже неперемѣнною принадлежностью каждаго „лыцаря“—козака. Вѣрность своему господину составляетъ главную добродѣтель такого служилаго отрока:

Чу́ро мій, чу́ро, вірний слуго!
Коли ти будеш вірно пробувати,
Будуть тебе козаки поважати! (Максим. 7).

¹⁾ Впрочемъ, въ основѣ ея надо видѣть историческую сторожевую заставу, заложенную еще при Владимірѣ.

Идеальный предводитель земской богатырской дружины, не смотря на постоянное полеванье, постоянно отказывается от *зарабачаю*, въ какомъ бы соблазнительномъ видѣ ни представлялось оно. Въ дѣйствительности постоянно воинственный образъ жизни неизбежно развиваетъ жажду добычи; поэтому она не могла не развиться и у козаковъ, а думы, при своей близости къ дѣйствительности, и выставляютъ ихъ порою добычелюбными. Если попадающееся въ думѣхъ слово *плиндровати* не имѣетъ у малоруссовъ настоящего смысла нѣмецкаго *plündern* (=грабить), а значить только *разрушать*, то указанія на прелесть добычи все же встрѣчаются въ думѣхъ¹⁾. Такъ, напримѣръ, въ думѣ о *трехъ Азовскихъ братьяхъ*, когда средній, жалѣя о покинутомъ на дорогѣ младшемъ, проситъ старшаго изорвать свой дорогой жупанъ и раскидать куски его для указанья пути покинутому, старшій съ жалобнымъ удивленіемъ спрашиваетъ:

Чи подобенство, мій брате,

Щоб я свое добро турецьке на шляху покидав....

(т. е. этотъ жупанъ, очевидно, составляетъ часть добычи, взятой у Турокъ и дорогій для взявшаго). Идеальный предводитель земской богатырской дружины не стремится даже и къ личной славѣ; она нужна ему единственно, какъ острастка для враговъ земли. На самомъ же дѣлѣ постоянно боевая жизнь должна была привести къ тому, что слава стала цѣниться и *сама по себѣ*; и вотъ жизненная правда думъ и приписываетъ козакамъ стремление—«слави-лицарства козацькому війску доставати». Какъ ни груба по самымъ свойствамъ богатырской природы поэзія героическая,—проникающая въ нее бытовая идеализація способна вырабатывать въ ней черты, трогающія своей человѣчностью. Такъ, тяжеловѣсные, неотразимо прорубающіе себѣ сквозь рать вражескую улицы и переулочки, богатыри наши однако же избѣгаютъ «напрасной крови». Дѣло въ томъ, что если, по свидѣтельству «Слова о полку Игоревѣ», бывало у насъ и такъ, что рѣдко раздавались въ полѣ крики ратаевъ, а постоянно каркали вороны, собирающіеся на добычу, то такъ оно было *не по своей охотѣ*, а потому, что слишкомъ часто нападали, не справляясь, конечно, съ порою года, дикій Половчанинъ и истреблялъ, по свидѣтельству Мономаха въ лѣтописи, и крестьянъ, и ихъ пашню. Народъ, которому только поэтому приходилось не разставаться съ оружіемъ, хотя собственный обычай его, по замѣчанію Нестора о Полянахъ, былъ «кротокъ и тихъ»,—приписалъ и богатырямъ, завѣщаннымъ ему старинною мнѣйскою, по преимуществу оборонительную войну, войну—какъ *средство*, а не какъ *цѣль*. Но на самомъ дѣлѣ, конечно, продолжительная, хотя бы и вынужденная, воинственность, должна была мало по малу развить *привычку къ войнѣ*, при которой уже не такъ трудно было изъ оборонительнаго положенія переходить въ наступательное. Такъ

¹⁾ Стремленіе къ ней проявляется кое-гдѣ и въ былинахъ, но я въ моей книгѣ усматриваю тутъ *наслоенье козацкое*.

Оно вышло съ козачествомъ—и вотъ выражающія историческую правду его временъ поэтическія думы, обыкновенно, и представляютъ намъ козаковъ уже совершенно втянувшимися въ войну, повидимому, ради самой войны, или, по крайней мѣрѣ, ради ея добычи и славы. При этомъ теряетъ отчасти силу мысль о землѣ съ ея вдовами и сиротами (указаніемъ на которыхъ думаетъ особенно тронуть богатыря Владиміръ князь); козачество иногда представляется защищающимъ какъ бы только само себя, свое братство воинственное съ его стародавнею независимостью. Правда, рядомъ со „славнымъ запорожскимъ войскомъ“ часто упоминается въ думахъ и „славная Украина“,—но уже собственно она, а не вся земля свято-русская, обороняемая богатырями въ былинахъ. Исторія, дѣйствительно, ослабила связь козачества съ *цѣлою* русской землей, такъ что сдѣлалось наконецъ возможнымъ и самое ратованье козаковъ подъ знаменемъ Польши противъ Московскаго государства. Неразрывною оставалась собственно связь по вѣрѣ и по общей ненависти къ „нехристамъ“, ясно сказывающаяся и въ думахъ вдохновеннымъ призывомъ: „за віру християнскую одностойне стати“.

Общимъ типическимъ чертамъ козаковъ въ думахъ я противопоставлялъ въ богатырскомъ эпосѣ идеальныя черты по преимуществу одного лица—первенствующаго между богатырями (въ думахъ подобной первенствующей личности нѣтъ, и онѣ нимало не связываются въ одно цѣлое). Но, кромѣ „стоятеля и оберегателя“ вдовъ и сиротъ, отвергающаго заработное и не желающаго даже славы, опасющагося „напрасной“ крови, не знающаго слуги, теряющагося среди голей, проучивающаго обидчика князя, но незлобиво съ нимъ примиряющагося *ради земли*, Ильи-атамана, кромѣ этого лица, которое, несмотря на мало податливую грубость первоначальной подкладки миѳически-богатырской (сохранившейся, напримѣръ, въ походе съ Соловьемъ) оказывается въ такой высокой степени очеловѣченнымъ, въ былинахъ есть и другое лицо, также оказывающееся, несмотря, напримѣръ, на свои совсѣмъ уже нелюбезныя отношенія къ Бабѣ-Горыничкѣ ¹⁾, идеальнымъ представителемъ быта „кроткихъ и тихихъ“ Полянъ. Это младшій названный братъ Ильи, отличающійся по преимуществу „вѣжествомъ“, Добрыня Никитичъ, безстрашно сразившійся со Змѣемъ Горыничемъ и потоптавшій его змѣенышей, а между тѣмъ тяготящійся своимъ богатырствомъ, обращающійся къ своей государынѣ матушкѣ со слѣдующей заунывной жалобой:

Ты на что меня, Добрынюшку, несчастнаго спородила?
 Спордила бы, государыня матушка,
 Ты бы бѣленькимъ горячимъ меня камешкомъ,
 Завернула въ тонкій во льняной во рукавичекъ,
 Спустила бы меня во сине море:
 Я бы вѣкъ Добрыня въ морѣ лежалъ,

¹⁾ Подсказываемая ему, впрочемъ, самимъ Ильей Муромцемъ.

Я не ѣздилъ бы Добрыня по чисту полю,
 Я не убивалъ Добрыня неповинныхъ душъ,
 Не пролилъ бы крови я напрасныя,
 Не слезилъ Добрыня отцевъ-матерей,
 Не вдовилъ Добрыня молодыхъ женъ,
 Не пускалъ сиротать малыхъ дѣтушекъ.

Ничего подобнаго, повидимому, мы уже не встрѣчаемъ въ думахъ, представляющихъ намъ даже въ лицѣ *малолѣтка* Ивана Коновченка прямую противоположность этой сторонѣ Добрыни. Дѣйствительно, не смотря на всѣ старанія матери удержать его отъ ранняго поступленія въ „охотное запорожское войско“ (черта материнской любви, встрѣчающаяся въ эпосѣ разныхъ народовъ), Иванъ Коновченко, боясь, что стануть смѣяться надъ нимъ, какъ надъ „гречкосіемъ“, умѣетъ дорваться до желанной цѣли—боевой жизни—и становится, дѣйствительно, „охотною“ жертвой своей зарывчивости (напоминая, впрочемъ, какъ уже замѣчено было выше, богатырскаго малолѣтка былинъ—Ермака, пожалованнаго нашимъ эпосомъ въ племянники Ильѣ Муромцу). Но если обратить вниманіе на то, что несчастье нерѣдко является въ пѣсняхъ народныхъ слѣдствіемъ неповиновенія волѣ родительской, то и гибель Ивана Коновченка представится намъ наказаньемъ ему за неповиновеніе матери. Въ думѣ „О бурѣ на черномъ морѣ“ мысль о пагубности такого неповиновенія выражается уже совершенно ясно; въ нѣкоторыхъ вариантахъ ея, братья, терпящіе крушеніе, говорятъ: „намъ отецъ—мати позволили одному въ войско виступати, а другому дома хлѣба пахати“. А они оба пошли въ войско и терпятъ за то бѣду. И въ другихъ думахъ нерѣдко сказывается мысль, что поступленіе въ запорожское войско безъ родительскаго благословенія не ведетъ къ добру. Но думы выказываютъ не только стремленіе родителей, по возможности, удержать при себѣ дѣтей, но и порываніе самихъ оставившихъ семью козаковъ обратно подъ родную сѣнь. Какъ ни сильно сказывается въ думахъ боевое товарищество, оно часто является вознаграждающимъ за разлуку съ семьей и ея мирною домашнею обстановкой. Члены съѣзда имѣли случай слышать нѣсколько прекрасныхъ думъ отъ кобзаря Вересая: не трудно было замѣтить въ нихъ преимущественное развитіе начала семейнаго. Положимъ, можно видѣть тутъ *выборъ*, сдѣланный личнымъ вкусомъ пѣвца. Но и самая возможность *такого* выбора въ пѣсняхъ, первоначально сложившихся въ воинственную пору козачества, прямо говорить о томъ, что его поэзія не стала вполнѣ воинственною. Между тѣмъ начало семейное сказывается очень сильно не только у Вересая, но и въ думахъ вообще. А та мягкость ихъ тона, та глубокая заунывность пѣнія, которая, какъ говорятъ знатоки, постоянно слышна въ выполненіи думъ? Меня, по крайней мѣрѣ, она поразила и заставила во многихъ отношеніяхъ совершенно иначе смотрѣть и на ихъ содержаніе, найти въ немъ гораздо болѣе челоувѣчности, чѣмъ оно представлялось мнѣ при

простомъ чтеніи. Такъ и слышалось мнѣ въ этихъ глубоко-унылыхъ и задушевно-томящихся звукахъ что-то музыкально-выражающее ту же самую жалобу, которая непосредственно сказывается въ вышеприведенныхъ словахъ богатыря Добрыни. Видно, все-таки не совсѣмъ то было *охотнымъ* это пребыванье въ „охотномъ“ запорожскомъ войскѣ, если подобнымъ тономъ отзываются пѣсни, превозносящія боевую судьбу Украины! И такъ, не только нашъ старыи богатырскій эпосъ (при всей неизбежной грубости основы, приѣмовъ и красокъ, свойственной всякому богатырскому эпосу, такъ рѣшительно подавнившейся смягчительной идеализаціи), но и позднѣйшій украинскій эпосъ, не смотря на суровыя стороны той боевой дѣйствительности, которую онъ отражаетъ такъ вѣрно и при такой малой долѣ идеализаціи,—свидѣтельствуетъ о томъ, что воинственность, не смотря ни на что, все-таки не вошла въ плоть и кровь русскаго народа, не изгладилась въ немъ до конца того „тихаго и кроткаго обычая“, при которомъ, какъ это ни противорѣчитъ мнѣнію, сложившемуся о насъ на западѣ, воинственная политика *сама по себѣ* никогда не будетъ у насъ популярна.

Но у нѣмецкихъ писателей мы встрѣчаемъ, съ другой стороны, и признаніе—т. е. за славянами вообще—того, что они называютъ *женственностью*; въ сущности—это тотъ же, подмѣченный Несторомъ у Полянъ, „обычай кротокъ и тихъ“. Только мы, русскіе, будто являемся въ этомъ отношеніи вырожденцами въ славянскій семьѣ, съумѣвъ, отставая себя, далеко отнестись свои, сперва лишь сторожевыя, оборонительныя границы, и такимъ образомъ явиться наконецъ могучей помѣхой и издавнимъ захватамъ гордаго германизма въ славянскомъ мѣрѣ. Презрительно похваливая остальныхъ Славянъ за ихъ „женственность“, намъ съ ненавистью ставятъ въ вину именно то, что не замѣчаютъ въ насъ, по отношенію къ другимъ государствамъ, этого качества. За то, на ряду съ остальными славянами, мы признаемся уступчивыми, податливыми у себя дома, тихими даже до раболѣпія. Отсюда отважно-скоропѣлое заключеніе ученаго, претендующаго на видное мѣсто въ новой наукѣ (психологіи народовъ): *das Selbstbewusstsein aller Slaven ist servil*¹⁾.

Но мы только что сопоставили два видныхъ отдѣла нашей народной поэзіи—былины, при ихъ южно-русской основѣ получившія дальнѣйшее развитіе у Великоруссовъ, и думы, принадлежащія собственно Малороссіи, но имѣющія на столько же значеніе общерусское, на сколько отмѣчалось такимъ значеніемъ само козачество. Тутъ и тамъ, при всѣхъ различіяхъ мѣстныхъ вліяній и самыхъ періодовъ творчества, мы встрѣтили тотъ же, сохранившійся, не смотря ни на что, мягкій и человѣчный характеръ, но при этомъ и сохранившійся, также не смотря ни на что, могучій духъ независимости, прямо противоположный тому, что можно назвать: *servil*.

¹⁾ Слова Lazarus'a.

Южная Русь, хотя бы и вполне позабывъ тѣ старо-русскіе героическіе образы, которые первоначально сложились и очеловѣчились на ея почвѣ, взамѣнъ ихъ создала историческій эпосъ времени козачества, болѣе близкій къ дѣйствительности и къ дѣйствительности крайне суровой и тяжелой поры, но удержавшій ту же печать челоуѣчности и свободы, какая уже пала на свое время и на старые героическіе образы. Русь восточная и Русь сѣверная, воспринявъ героическій эпосъ отъ Руси южной, сумѣла его пронести черезъ рядъ вѣковъ, наложивъ на него, конечно, не мало своихъ наслоеній, въ значительной степени осуровивъ, подъ множествомъ тяжелыхъ вліяній, его первенствующаго богатыря, но все же сохранивъ въ немъ существенныя черты челоуѣчности и любви къ свободѣ. Какъ необходимость постоянно вести войну не довела козачество до того, чтобы и самая поэзія его стала совершенно воинственной, такъ и всякаго рода домашній гнетъ, испытанный народомъ Московскаго государства, не довелъ его до того, чтобы изъ его поэтической памяти исчезли идеалы свободной силы. Въ передѣланныхъ великоруссами старыхъ богатырскихъ былинахъ южноруссъ и теперь можетъ узнавать ихъ, сочувственную по своей челоуѣчности, старокіевскую вѣчевую основу, подобно тому какъ въ думахъ, хотя и всецѣло созданныхъ Малоруссами, всякій непредубѣжденный, не узко судящій великоруссъ можетъ въ свою очередь находить не мало себѣ роднаго и близкаго, а равнымъ образомъ и сочувственнаго просто въ челоуѣческомъ смыслѣ. Словомъ, былины и думы—это двѣ вѣтви, выросшія не одновременно и не въ одинаковый срокъ на одномъ и томъ-же деревѣ, томъ великомъ деревѣ, подъ широкую сѣнь котораго, по свидѣтельству нашихъ лѣтописей, одинаково склонялись главою князья и народъ. Имя этому дереву—земля святорусская, наша общая государыня матушка ¹⁾!

¹⁾ *Своеобразныя черты думъ съ большею обстоятельностью указаны въ статьѣ автора: „Малорусскія народныя думы и кобзарь О. Вересай“ („Древняя и Новая Россія“ за Май 1875 г.).*

Подложное письмо Половца Ивана Смеры къ великому князю Владиміру святому.¹⁾

Рефератъ И. И. Малышевскаго.

По увѣренію издателей письма, Владиміръ, когда былъ еще язычникомъ, а именно въ 980 г., отправилъ своего врача и ритора Половца Ивана Смеру въ Константинополь и Грецію для изслѣдованія вѣры и состоянія тамошнихъ христіанъ. Послѣ долгаго и труднаго странствованія Половецъ достигъ Александріи, здѣсь принялъ христіанство и отсюда въ 990 году прислалъ письмо Владиміру, къ которому самъ уже не возвратился. Письмо содержитъ: 1) *Описаніе Грековъ, ихъ вѣры и богослуженія*. Оно проникнуто сильною неприязнью къ Грекамъ, особенно къ ихъ царямъ и патріархамъ, и рѣзкими осужденіями ихъ вѣры, особенно богослуженія, которое называется идолослуженіемъ, полнымъ всякихъ безобразій. Въ частности Греки осуждаются за угнетеніе и преслѣдованіе ими какихъ-то бѣдныхъ христіанъ. 2) *Описаніе этихъ таинственныхъ христіанъ*, которыхъ нашелъ Половецъ, остался у нихъ и крестился. Это христіане *богословы*, слышущіе у всѣхъ подъ названіемъ *новаго святаго Израиля*. Они люди тихіе и честные. Есть у нихъ молитвенныя собранія, въ которыхъ нѣтъ идоловъ, а только столы и скамьи. Священныя книги ихъ—Евангеліе и писанія Апостоловъ. Ученіе ихъ—ученіе о Богѣ всемогущемъ, единомъ сынѣ его Іисусѣ Назарянинѣ и св. Духѣ. Есть у нихъ и крещеніе. Они отвергаютъ безбрачіе (монашество) и различіе въ пищѣ (посты), отвергаютъ подати, рабство, но защищаютъ право христіанъ владѣть оружіемъ и упражняться въ свободныхъ искусствахъ. Стѣсняемые во всемъ этимъ Греками, особенно царемъ и патріархомъ, вообще преслѣдуемые ими, они убѣгаютъ, собираются въ укрытыхъ мѣстахъ, горахъ, лѣсахъ и

¹⁾ Содержаніе настоящаго реферата послужило предметомъ болѣе обширнаго изслѣдованія напечатаннаго авторомъ въ „Трудахъ Кіевской Академіи“ 1876 г. Іюнь и Іюль.

пропастяхъ, и здѣсь пророчествуютъ. 3) *Описаніе пророчествъ* упомянутыхъ христіанъ, съ ними и самого Половца. Это пророчества: а) о гибели Грековъ и ихъ идоловъ, также тѣхъ, которые примутъ вѣру и нравы Грековъ. Къ нимъ, по несчастію, будетъ принадлежать и Владиміръ съ своимъ народомъ; б) о возстаніи въ послѣднемъ поколѣніи славянскаго народа людей, которые освободятся отъ власти и заблужденій Грековъ, осудятъ ихъ, называя ихъ *псами*, изобрѣтателями басенъ, лжецами и т. д. Но эти первые судіи и сами не избѣгутъ большихъ бѣдъ по причинѣ своей гордости и внутреннихъ раздоровъ; в) о явленіи въ томъ же послѣднемъ поколѣніи славянскаго народа немногихъ, болѣе избранныхъ, которые съ ревностію обратятся къ изслѣдованію *всѣхъ писаній закона и соединятся* для похвалы и исповѣданія единого Бога Израилева; г) наконецъ — пророчество о соединеніи съ этими христіанами Іудеевъ, которые познаютъ своего Христа, и наступленіи въ слѣдъ за тѣмъ времени славы и могущества для тѣхъ христіанъ. Письмо заключается обращеніемъ къ Владиміру: „итакъ, царь, не должно тебѣ принимать вѣры Грековъ; если же примешь ее, то я никогда не возвращусь къ тебѣ, но здѣсь усну смертію и буду ждать суда Сына Божія. Писаль я это желѣзными буквами на 12 мѣдныхъ доскахъ, въ Египетской Александріи 5587 г., Фараона 1179 г., царства славнаго Александра въ годъ 5-й, индикта 1, луны 7, идъ 14. Это тебѣ вѣрно объявляю твой врачъ и риторъ Иванецъ Смера Половлянецъ (по другимъ, Іоаннъ Смера Половецъ)“.

Что письмо есть подлогъ, это не требуетъ доказательствъ, какъ замѣтилъ еще Карамзинъ. Но небезынтересно знать, кто и съ какою цѣлію сочинилъ его?

Первый издалъ въ печати это письмо нѣмецъ *Христофоръ Сандъ*, въ Амстердамѣ въ 1678 г.¹⁾ Въ пояснительныхъ замѣткахъ къ письму онъ ссылается на лица, у которыхъ прочиталъ объ открытіи письма, его переводахъ и спискахъ, нашелъ и самые списки. Всѣ эти лица принадлежать къ разряду сектантовъ, извѣстныхъ съ половины XVI в. въ Польшѣ, Литвѣ и Западной Руси подъ названіемъ *антиринитаріевъ, уни-таріевъ, арианъ, социніанъ*. Къ нимъ принадлежалъ и самъ Сандъ. Отсюда естественно предположить, что письмо сочинено какимъ-либо изъ этихъ сектантовъ въ интересахъ секты или сектанской пропаганды. Необходимо поэтому обозрѣть въ главныхъ чертахъ самую исторію секты въ Польшѣ, Литвѣ и Руси, обозначая въ частности ту роль, какую занимали въ ней цитуемые свидѣтели письма, и затѣмъ перейти къ выводамъ о происхожденіи письма и дальнѣйшей судьбѣ его до появленія въ печати въ изданіи Санда.

I. Антиринитаріи или унитаріи, такъ названные по главному пункту своего ученія, состоявшему въ отрицаніи таинства пресв. Троицы, почти одновременно являются въ

¹⁾ Сандъ издалъ это письмо въ прибавленіи къ своему сочиненію: *Nucleus (ядро) historiae Ecclesiasticae*. Отсюда оно перепечатано А. Венгерскимъ въ его: *Slavonicae Reformatae libri quatuor*, Amstelodami 1679 г.

Польшѣ, Литвѣ и Руси, а именно съ половины XVI в. Въ Польшу антиринитаріанство занесено съ запада, особенно изъ Италіи Леліемъ и Фавстомъ Социнами, отъ коихъ оно и получило свое новое названіе. Начиная съ Кракова, оно распространилось едва не по всей Польшѣ, особенно же по областямъ Малой Польши. Въ числѣ первыхъ видныхъ представителей его въ Польшѣ были: итальянецъ Лисманини, францисканскій монахъ, духовникъ королевы Боны и придворный проповѣдникъ въ Краковѣ, потомъ ученикъ Лелія Социна, а изъ поляковъ—*Станиславъ Будзинскій*, секретарь и другъ Лисманини, занимавшій потомъ такую же роль при главномъ патронѣ польскихъ антиринитаріевъ, знатномъ панѣ Филиповскомъ. Будзинскій былъ въ теченіи полувѣка (1547—1593) участникомъ или свидѣтелемъ важнѣйшихъ событій въ исторіи секты, онъ же былъ первымъ историкомъ ся. Въ Литву антиринитаріанство проникло изъ Польши, частію непосредственно изъ запада. Ранѣе обнаружилось оно въ Вильнѣ и Новогродскомъ воеводствѣ. Главнымъ учителемъ литовскихъ антиринитаріевъ былъ извѣстный *Симонъ Будный*, а главнымъ патрономъ—литовско-русскій магнатъ Янъ Кишка. Въ Западной Руси антиринитаріанство является сперва въ Бѣлоруссіи, въ частности въ Витебскѣ, въ группѣ московскихъ бѣглецовъ „*Оеодосіанъ*“, т. е. послѣдователей Оеодосія Косого. Прогнанные отсюда, Оеодосіане бѣжали „во внутреннюю Литву“, гдѣ вошли въ связь съ мѣстными антиринитаріями и ихъ главой Буднымъ. Отсюда они проникли на Волинь, гдѣ также сильно распространено было антиринитаріанство подъ вліяніемъ сосѣднихъ областей Малой Польши. Здѣсь однимъ изъ покровителей секты былъ русскій панъ Кадіанъ Чапличъ, у котораго около 1575 г. жилъ товарищъ Оеодосія Косого Игнатій. Вообще, вторая половина XVI в. была временемъ начального образованія и начальной пропаганды секты. Изъ общихъ явленій въ ея исторіи за это время обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія: а) антиринитаріи, возставая противъ католичества и православія, стремились объединить свое дѣло съ общимъ религіозно-реформаціоннымъ движеніемъ того времени, особенно съ кальвинизмомъ. Но кальвинисты отреклись отъ нихъ, обозвавъ ихъ возстановителями ученія Арія или *аріанами*, какъ называли ихъ также православные и католики. Ихъ называли также *новокрещенцами* и *мурками*, потому что они усвоили *анабаптистское крещеніе*, совершаемое чрезъ *самопогруженіе или ныряніе въ воду*. Православные и католики называли ихъ еще *образборцами* за ихъ рѣзкія нападки на иконопочитаніе, которое они называли идолослуженіемъ. При такомъ взглядѣ на антиринитаріевъ, естественно, приходилось имъ подпадать гоненіямъ отъ представителей другихъ исповѣданій. б) Отвергаемые и гонимые послѣдними, антиринитаріи стремились организовать въ самостоятельную секту, объединявъ въ ней всѣхъ антиринитаріевъ Польши, Литвы и Руси. Съ этою цѣлію они созывали свои *соборы*, изъ коихъ особенно замѣчательнъ былъ *соборъ Скрынскій 1567 г.* въ области Сандомірской. Затѣмъ они устраивали свои общины, при нихъ школы и типографіи, выпускали не мало сочиненій и изданій въ интересахъ

сектанской пропаганды. На русском языкѣ такихъ сочиненій и изданій было немного, гораздо болѣе ихъ было на польскомъ и латинскомъ языкахъ. Въ свсю очередь православные, католики и кальвинисты издали много полемическихъ сочиненій противъ антитринитаріевъ.

в) Не смотря на стремленіе сектантовъ къ объединенію, у нихъ существовали *parties*. Изъ нихъ болѣе замѣчательны: партія *среднихъ*, ставшая потомъ господствующею подъ именемъ *социніанъ*, потому что основалась, главнымъ образомъ, на ученіи Социновъ; центромъ ея сталъ Раковъ въ области Сандомірской; партія *крайнихъ* или *полужидовствующихъ*, называемая также *евіонистко-литовскою*. Она преобладала въ Литвѣ, гдѣ главою ея былъ Будный; въ Польшѣ она имѣла немного послѣдователей, но тамъ къ ней нѣкоторое время принадлежалъ Будзинскій. Къ этой партіи примыкали и собственно русскіе антитринитаріи изъ Θεодосіанъ, ученіе которыхъ находилось въ связи еще съ старою ересью *жидовствующихъ*, существовавшею не только въ Московской Руси, но и Литвѣ. Впрочемъ, въ крайности мѣстной нѣкоторые изъ русскихъ антитринитаріевъ, повидимому, превзошли всѣхъ своихъ собратій, дойдя до полного матеріализма, безразличія въ вѣрѣ, безбожія. Къ концу XVI в. партія полужидовствующихъ, пресѣдуемая соборными судами и отлученіями со стороны самыхъ антитринитаріевъ господствующей партіи, начинаетъ исчезать, сливаясь съ послѣднею. Послѣдователи другихъ партій частію слились съ господствующею, частію возвратились въ другія христіанскія исповѣданія.

г) Отмѣтимъ еще одну черту въ исторіи польско-литовско-русскихъ антитринитаріевъ. Хотя антитринитаріанство было сильно между русскими Литвы и Руси, но не развилось въ *національную русскую секту*. Оно осталось съ преобладающимъ характеромъ *польской секты*. Упадку собственно русскаго антитринитаріанства могли способствовать: ревность православныхъ полемистовъ, самая крайность ученія русскихъ антитринитаріевъ, привязанность народа къ своимъ святынямъ, на которыя особенно нападали сектанты, наконецъ, и едва ли не болѣе всего—общая борьба за свою вѣру съ латинствомъ и униєю, начавшаяся съ конца XVI в. и укрьпившая религиозное сознаніе православныхъ.

Съ характеромъ польской секты антитринитаріанство перешло въ слѣдующій XVII вѣкъ. Первые десятилѣтія этого вѣка были временемъ цвѣтущаго состоянія секты, за которымъ слѣдовалъ быстрый упадокъ ея. Особенно возвысился Раковъ: здѣсь была наиболѣе многочисленная, промышленная и богатая община антитринитаріевъ, была типографія, была школа или академія, прослывшая „Сарматскими Аѳинами“ и заключавшая до 1000 учениковъ. Возникло не мало новыхъ общинъ. Въ Литвѣ антитринитаріанство было теперь слабѣе. Но оно довольно сильно было на Волыни, имѣя центромъ м. Киселинъ (во Владимірскомъ уѣздѣ), имѣніе главныхъ патроновъ секты въ этой мѣстности *Чапличей*, родичей Кадіана Чаплича. Здѣсь существовала съ 1614 г. и антитринитаріанская школа. Изъ пасторовъ и учителей Кисселянскихъ отмѣтимъ *Риновичаго-Трембейкаго*, извѣстнаго здѣсь до 1644 г. Въ сороковыхъ годахъ антитринитаріанство проникло и въ

Кіевскую Украину; патрономъ секты былъ здѣсь Кіевскій подкоморій Юрій Немиричъ, а проповѣдникомъ *Андрей Вишоватый*. Оба они воспитались въ Раковѣ и довершали свое образованіе въ путешествіи по разнымъ странамъ Европы. Вишоватый былъ однимъ изъ ученѣйшихъ и энергическихъ пропагандистовъ секты, прославившійся во всей Польшѣ. извѣстный на Волыни и Украинѣ. Сюда призвалъ его въ 1643 г. Немиричъ и на берегу Днѣпра встрѣтилъ его слѣдующими словами: „соименный тебѣ апостоль Андрей, какъ гласитъ преданіе, проповѣдывалъ Скиѣамъ и другимъ народамъ этой страны: иди и ты по стопамъ его“. Дѣятельностію Чапличей, Немирича, Вишоватаго и др., было, если вѣрить антитринитаріанскимъ писателямъ, основано или поддержано нѣсколько антитринитаріанскихъ общинъ на Волыни и Украинѣ. Если было такъ, то эти общины могли состоять изъ пришлыхъ поляковъ, изъ польской или ополяченной дворни названныхъ пановъ, которые, хотя и были русскаго происхожденія, но своимъ образованіемъ и сектанствомъ принадлежали средѣ польскихъ антитринитаріевъ. На рѣшительное преобладаніе польскаго элемента въ антитринитаріяхъ или соцініанахъ этого времени указываетъ и Петръ Могила въ своемъ отвѣтѣ Кассіану Саковичу на его упрекъ православнымъ въ усвоеніи сектанскихъ ученій: „въ Вильнѣ, около Кракова, Познани и въ другихъ городахъ есть много лютеранъ, кальвинистовъ и аріанъ; но не изъ православныхъ, а изъ принадлежавшихъ къ римской церкви“. Въ сороковыхъ годахъ XVII в. распространяема была, въ видахъ пропаганды секты, по Волыни и Украинѣ знаменитая антитринитаріанская *конфессія Шлихтинга* на языкахъ польскомъ и латинскомъ: это показываетъ съ одной стороны широкія затѣи пропаганды, съ другой—расчетъ ея, главнымъ образомъ, на латинопольскій элементъ въ краѣ. Впрочемъ, время пропагаторской дѣятельности на Волыни и Украинѣ Чапличей, Немирича и Вишоватаго было уже временемъ послѣднихъ успѣховъ секты. Въ судьбѣ ея начинается поворотъ къ упадку. Главныхъ враговъ они имѣли теперь въ іезуитахъ. Они преслѣдовали ее неутомимо не только словомъ и письмомъ, но и внѣшнею силою послушной имъ правительственной власти. Въ 1638 г. уничтожена была сектанская община въ Раковѣ, съ ея школою и типографіею; въ 1644 г. подобная же участь постигла киселинскую общину. Въ 1649 г. конфессія Шлихтинга сожжена въ Варшавѣ публично рукою палача. Издавался рядъ стѣснительныхъ постановленій противъ секты, ея учителей и патроновъ. Поднялась гроза и съ другой стороны. Возставшіе подъ предводительствомъ Хмѣльницкаго казаки, въ своемъ движеніи по Украинѣ, Волыни и далѣе, истребляли или изгоняли все, что носило печать пришлаго, латинопольскаго вліянія и преобладанія. Не щадили они и антитринитаріевъ, возмущавшихъ православный народъ нападками на его святыни, слывшихъ у него подъ названіемъ „образоборцевъ“. Съ горестію упоминаютъ антитринитаріи о своихъ мученикахъ, пострадавшихъ отъ козаковъ, особенно въ Константиновѣ (на Волыни). Козацкое движеніе, въ связи съ начавшеюся въ слѣдъ за тѣмъ московскою войною противъ Польши, въ

звало внимательство въ дѣла Польши протестантской Швеціи, а занятіе Кракова и другихъ городовъ Польши шведскими вождями внушило вожакамъ антиринитаріанской секты, каковъ особенно Вишоватый, мысль искать сближенія съ первыми для поддержки секты. Дорого поплатилась она за эту поддержку. Лишь только Польша оправилась отъ обрушившихся на нее бѣдъ, какъ ультра-католическая партія въ ней, руководимая іерархією и іезуитами, провела на Варшавскомъ сеймѣ 1659 г. опредѣленіе объ изгнаніи антиринитаріевъ изъ предѣловъ Польши и соединенныхъ съ нею странъ въ трехлѣтній срокъ подъ угрозою конфискаціи имуществъ и смерти тѣмъ, которые останутся здѣсь по истеченіи этого срока. Въ 1661 г. срокъ этотъ внезапно былъ сокращенъ на годъ. Застигнутые въ расплохъ, антиринитаріи, одни обращаются въ католичество или протестанство, другіе бѣгутъ за границу въ разныя страны Европы, особенно въ Трансильванію, Сѣверную Германію и Голландію. Здѣсь, въ Амстердамѣ, основалась цѣлая колонія эмигрантовъ-антиринитаріевъ, устроился кружокъ ученыхъ представителей секты, къ которому принадлежали Андрей Вишоватый съ сыномъ Венедиктомъ, Христофоръ Сандъ съ сыномъ Христофоромъ, эмигрировавшіе сюда изъ Прусскаго Кенигсберга, и другіе. Эти сектантскіе вожаки и ученые сосредоточили свою дѣятельность на собраніи и изданіи памятниковъ секты и ея ученія, вообще на учено-литературныхъ трудахъ въ защиту секты. Наиболѣе важные труды въ этомъ отношеніи принадлежатъ обоимъ Вишоватымъ, обоимъ Сандамъ (особенно сыну) и Станиславу Любенецкому, бывшему сектантскому учителю въ Польшѣ, гдѣ насчитывалось уже нѣсколько именъ изъ фамиліи Любенецкихъ, прославившихся подвигами для секты, особенно въ Раковѣ. Въ эту-то пору, въ сочиненіяхъ этихъ сектантовъ въ первые явилось въ печати извѣстіе о посольствѣ и письмѣ Половца и самое письмо его. Источниками, откуда взяли они все это, послужили для нихъ рукописи антиринитаріанскихъ писателей прежняго времени, какъ-то: записки Будзинскаго и Риновичаго-Трембецкаго, на которыхъ они и ссылаются при этомъ.

Но здѣсь мы остановимся и перейдемъ къ выводамъ о происхожденіи письма и его судьбѣ въ связи съ обзорною исторією секты.

II. Авторомъ письма слѣдуетъ признать того, кому антиринитаріанскіе писатели приписываютъ открытіе и первые переводы его—русскій и польскій. Это, по ихъ словамъ, былъ русскій діаконъ Андрей Колодыньскій изъ Витебска, списавшій письмо съ подлинника, найденнаго въ русской церкви Спасителя, въ области Перемышльской, неподалеку отъ древняго Самбора, и переведшій его на русскій и польскій языки въ 1567 г., когда Андрей этотъ сообщалъ письмо въ польскомъ переводѣ Ст. Будзинскому. Этотъ Андрей—лице тождественное съ тѣмъ Космою—Андреемъ, антиринитаріанскимъ проповѣдникомъ въ Витебскѣ 1563—4 г., о которомъ говоритъ извѣстный полемистъ, старецъ Артемій въ своемъ посланіи къ Симону Будному: „и се товарищъ вашъ Козма, его же нарекоше Андрея, въ Витебску ясно объявилъ богомерзское нынѣшній ереси проповѣданіе, не треба

глаголя Троицу именовати. И прочая его хулы видять все войско, бывшее тогда (подъ Витебскомъ въ 1563—4 г.), и самъ великій гетманъ (Николай Радзивиллъ) и княжата, и панове великіи. И листъ показалъ тотъ Козма, яко отъ вашей сонмища писанъ з Вильна ¹⁾». Андрей этотъ былъ родомъ Бѣлоруссъ изъ Витебска, антитринитарій изъ партіи Θεодосіанъ, основавшихъ здѣсь свою общину, потомъ удалившихся во внутреннюю Литву, проникавшихъ и на Волынь, а въ лицѣ Андрея—даже въ Галицію, въ область Перемышльскую. Въ Литвѣ онъ былъ товарищемъ Буднаго, сообщникомъ виленскихъ антитринитаріевъ, а въ обществѣ Польскихъ антитринитаріевъ сошелся съ Будзинскимъ, давнимъ знакомцемъ Буднаго. Онъ былъ однимъ изъ ревностныхъ и отважныхъ пропагандистовъ секты, а по направленію въ ней принадлежалъ къ партіи *полужидовствующихъ* антитринитаріевъ, къ которой принадлежали Будный и Будзинскій, и къ которой привязывали его прежнія связи съ Θεодосіанами. Какъ русскій антитринитарій, онъ сочинилъ письмо для русскихъ, съ цѣлію сектанской пропаганды среди нихъ. Языкомъ подлинника письма былъ тотъ западно-русскій языкъ, на который оно впервые будто бы было переведено Андреемъ съ древне-русскаго или болгарскаго подлинника. Время и мѣсто открытія письма, указываемые антитринитаріями, были временемъ и мѣстомъ сочиненія его или, по крайней мѣрѣ, выпуска его въ рукописи. Оно пущено въ ходъ тогда, когда Андрей, послѣ неудачныхъ опытовъ сектанской проповѣди въ Бѣлоруссіи и Литвѣ, уже находился въ средѣ польскихъ антитринитаріевъ областей Перемышльской и Сандомірской, изъ коихъ въ первой могъ имѣть сообщниковъ и изъ русскихъ. Въ частности годъ 1567 г. указываетъ на Скрынскій соборъ этого года, гдѣ были Будный и Будзинскій, былъ, по всей вѣроятности, и Андрей, здѣсь именно могшій сообщить письмо Будзинскому въ польскомъ переводѣ. Можно полагать, что эти лица были участниками подлога; Будный участвовалъ въ обработкѣ его, а Будзинскій сознательно принялъ подлогъ подъ свою защиту въ качествѣ ученаго историка секты и собирателя ея памятниковъ.

III. Такимъ происхожденіемъ письма выясняется его содержаніе. Подкладкой для письма взято лѣтописное сказаніе объ испытаніи вѣры Владиміромъ чрезъ пословъ. Какъ русскій книжникъ своего времени, Андрей зналъ это сказаніе, да и на практикѣ, находясь еще въ средѣ Θεодосіанъ, встрѣчался съ убѣжденіемъ русскихъ, что они держатъ вѣру, принятую ихъ предками отъ Грековъ при Владимірѣ, и что во имя этой вѣры отвергають ученіе новыхъ сектантовъ. Книжникъ—сектантъ направляетъ свою выдумку именно противъ этого убѣжденія, открывая между послами Владиміра такого, который не совѣтовалъ и Владиміру принимать вѣру Грековъ, какъ весьма уже не чистую и искаженную. Но затѣмъ, въ самомъ описаніи Грековъ, ихъ царей и патріарховъ, ихъ вѣры, богослуженія, нравовъ и обычаевъ, авторъ имѣлъ въ виду уже современную ему Рус-

¹⁾ Каталогъ славяно-русскихъ рукописей В. М. Ундольскаго. Москва. 1870 г. № 494.

скую церковь и ее представителей, изображая ихъ съ своей сектанской точки зрѣнія. Частныя черты этого изображенія напоминаютъ отзывы о ней Θεодосіанъ, которымъ вторитъ авторъ, какъ бывшій сообщникъ ихъ, указываютъ еще и на нѣкоторые церковно-обрядные обычаи православныхъ въ югозападной Руси. Далѣе, описаніе истинныхъ христіанъ, открытыхъ Половцемъ на дальнемъ Востоѣ и рекомендуемыхъ имъ Владиміру и его народу въ замѣнъ Грековъ, есть описаніе антиринитаріевъ, какъ отдаленныхъ наслѣдниковъ ихъ ученія. Приписываемое этимъ христіанамъ ученіе о Богѣ единомъ всемогущемъ, едиnorodномъ сынѣ Его Іисусѣ Христѣ и св. Духѣ, не исключаетъ тождества ихъ съ антиринитаріями: ибо послѣдніе, согласно постановленію Скрынскаго собора 1567 г., не считали нужнымъ исключать изъ своего богословскаго языка этихъ библейскихъ наименованій, придавая только имъ свой смыслъ, сообразный съ ученіемъ секты. Они не допускали только выраженія—*св. Троица*, котораго, дѣйствительно, нѣтъ въ письмѣ. Въ изображеніи бѣдственной участи Половцевыхъ христіанъ, гонимыхъ Греками, ихъ гражданскою и церковною властію, находится прямой намекъ на участь современныхъ автору антиринитаріевъ, которую пришлось испытывать и ему самому, и въ частности—въ Витебскѣ, гдѣ сообщникамъ его грозили огнемъ и мечемъ, такъ что они должны были искать спасенія въ бѣгствѣ. Закрывающіяся въ письмѣ пророчества очень ясно намекаютъ на явленія въ современномъ автору его антиринитаріанствѣ. Предсказываемое вмѣстѣ съ гибелью Грековъ паденіе ихъ идоловъ, преданіе послѣднихъ общему позору, исполнялось, по его взгляду, въ образѣ дѣйствій сектантовъ, учившихъ выбрасывать, рубить, разбивать иконы. Подъ послѣднимъ поколѣніемъ славянскаго народа, которое имѣетъ освободиться отъ Грековъ и ихъ заблужденій, видны именно антиринитаріи времени автора письма. Первые, имѣвшіе выступить изъ этого поколѣнія судіи Грековъ, которые назовутъ ихъ *исами* и *творцами басенъ*, это именно Θεодосіане, называвшіе всѣхъ православныхъ *людьми вышними и исами*, а учителей церкви—*сочинителями басенъ*. Упрекъ автора этимъ *первымъ* судіямъ за гордость и раздоръ, имѣвшіе погубить ихъ дѣло, относится къ той группѣ бѣлорусскихъ Θεодосіанъ, бывшихъ сообщниковъ его, которые потомъ отвергли антиринитаріанское ученіе Θεодосія и примкнули къ кальвинизму, или же возвратились въ православіе. Вторые судіи или лучшіе и избраннѣйшіе христіане того же славянскаго поколѣнія—это уже тѣ литовско-польскіе антиринитаріи, среди которыхъ находился авторъ въ моментъ выпуска письма. Подъ *соединеніемъ всѣхъ этихъ христіанъ* разумѣется соединеніе на антиринитаріанскихъ соборахъ, каковы особенно Скрынскій. *Изслѣдованіе всѣхъ писаній закона* этими христіанами есть принятое, по мысли собора, дѣло новаго перевода и изданія Библіи въ духѣ секты, взятое на себя, главнымъ образомъ, товарищемъ автора письма Буднымъ. Наконецъ, въ пророчествѣ о соединеніи съ этими избранными христіанами и многихъ *іудеевъ* и о наступленіи затѣмъ времени славы и могущества ихъ, т. е. чувственного, земнаго мессіан-

скаго царства—высказались *полужидовствующія* мнѣнія автора письма и его сообщниковъ. Есть въ письмѣ мѣста, намекающія и на другія мнѣнія *партіи полужидовствующихъ* антитринитаріевъ,—тѣ особенно, которыя горячо защищаль Будный, сообщникъ Андрея. Таково, напримѣръ, мнѣніе о позволительности для христіанъ военной и гражданской службы (*de usu magistratus et armorum in ecclesia*), которое сильно защищаль Будный съ своею партіею противъ антитринитаріевъ другихъ партій.

IV. Сочиненное *русскимъ* антитринитаріемъ, на *русскомъ* языкѣ и для *русскихъ*, письмо Половца сохранилось, однако же, не въ русскомъ подлинникѣ своемъ, а въ *польскомъ* переводѣ и у *польскихъ* антитринитаріевъ. Это объясняется указаннымъ выше явленіемъ въ исторіи секты, т. е. тѣмъ, что еще съ конца XVI вѣка антитринитаріанская секта приняла преобладающій характеръ *польской* секты, еще болѣе утвердившейся за ней въ XVII вѣкѣ. Польскимъ антитринитаріямъ должно было достаться въ наслѣдіе то, что накоплялось жизнію литовскихъ и русскихъ антитринитаріевъ. Понятно, однако, что въ рукахъ польскихъ антитринитаріевъ и ихъ историковъ письмо должно было пріобрѣтать еще свое особое значеніе, которымъ опредѣлялась цѣнность для нихъ этого документа. Будзинскій, первый сохранившій письмо въ польскомъ переводѣ, говоритъ о немъ, между прочимъ, такъ: „пріобрѣвъ это письмо отъ русскаго діакона Андрея, я оставляю *потомству*, какъ *памятникъ, достойный прочтенія*. Пусть видятъ, какъ посоль (Владиміра) описываетъ здѣсь *римскую или латинскую церковь и нѣкоторые грековъ*, и какова была у нихъ (грековъ) религія въ ту пору, когда они уже отдѣлились отъ римлянъ. Пусть видятъ также, какое сообщеніе онъ дѣлаетъ своему князю о новомъ Израилѣ, то есть, объ истинныхъ церквяхъ Христовыхъ: тамъ въ то время, въ 990 г., было какъ бы хранилище этихъ церквей, образъ которыхъ посоль такъ восхваляетъ, что и самъ тамъ остался“.—Какъ ученый историкъ секты, Будзинскій хотѣлъ прослѣдить исторію секты съ первыхъ вѣковъ христіанства. Въ первыхъ вѣкахъ онъ находилъ представителей ея въ разныхъ еретикахъ до Арія и Никейскаго собора; но затѣмъ для него начинался пробѣлъ, идущій чрезъ рядъ вѣковъ до появленія антитринитаріевъ въ XVI в. Онъ радъ былъ заполнить этотъ пробѣлъ письмомъ Половца, какъ документомъ, говорящимъ о существованіи въ X в. на дальнемъ Востокѣ христіанъ, преемниковъ древнихъ и предшественниковъ новыхъ антитринитаріевъ. Далѣе, какъ польскій антитринитарій, вышедшій изъ римской церкви, Будзинскій нападки письма на греческую церковь обращаетъ, главнымъ образомъ, противъ римской церкви. Авторитетомъ Будзинскаго, перваго польскаго историка секты и собирателя ея памятниковъ, опредѣлилось отношеніе къ нему и послѣдующихъ польско-антитринитаріанскихъ писателей. Таковъ Риновецкій-Трембецкій, второй послѣ Будзинскаго свидѣтель письма, сохранившій второй списокъ его въ своемъ сборникѣ по исторіи секты. Но то обстоятельство, что Риновецкій былъ до 1644 г. пасторомъ и учителемъ антитринитаріанской общины въ м. *Кисселитъ на Волини*, общины, восхо-

дащей по своему началу до времени Кадіана Чаплича, ученика Θεодосіанина Игнатія, современника и сообщника Андрея, может наводить на мысль, что и списокъ Риновецкаго восходилъ до этого же времени, что онъ хранился у русско-польскихъ антиринитаріевъ этой мѣстности и имѣлъ для нихъ практическое значеніе въ смыслѣ подспорья сектанской пропаганды, что такое же значеніе онъ могъ имѣть и въ рукахъ Риновецкаго. Списокъ Риновецкаго дошелъ къ Санду, какъ самъ онъ говоритъ, чрезъ Венедикта Вишоватаго, сына Андрея Вишоватаго. Сынъ нашелъ этотъ списокъ, конечно, въ библіотекѣ, доставшейся ему отъ отца. Такимъ образомъ, Андрей Вишоватый былъ дальнѣйшимъ хранителемъ письма Половца и, можетъ быть, также употреблялъ его въ дѣло, когда исполнялъ свою сектанскую миссію на Волыни и Украинѣ. Что касается до Станислава Любенецкаго, то онъ почерпнулъ свѣдѣніе о посольствѣ и письмѣ Половца, по всей вѣроятности, у Будзинскаго. Ибо въ своей „исторіи реформаціи въ Польшѣ и сосѣднихъ странахъ“ или точнѣе—въ исторіи соцініанской секты, онъ, главнымъ образомъ, пользуется записками Будзинскаго. О посольствѣ и письмѣ Половца Любенецкій говоритъ по поводу посольства Лисманини, въ сопутствіи его секретаря Будзинскаго, въ разныя страны западной Европы, съ порученіемъ отъ короля Сигизмунда-Августа—изслѣдовать ученіе, уставы и обычаи тамошнихъ новыхъ религіозныхъ обществъ и закупить книги для королевской библіотеки. Это посольство онъ уподобляетъ посольству Половца Смеры; христіанъ, видѣнныхъ Половцемъ, называетъ *во всемъ подобными намъ*, т. е. антиринитаріямъ; насилие Грековъ Половцевымъ христіанамъ приравниваетъ къ насилиямъ *римской церкви* соцініанамъ, пророчество Половца также относитъ „къ нашей церкви“, т. е. къ антиринитаріямъ своего времени. Такимъ образомъ, и для этого новаго историка секты, также какъ для Будзинскаго, письмо имѣетъ прежде всего общее значеніе историческаго памятника, открывающаго предшественниковъ антиринитаріанской секты въ Х в. Для него, какъ и для Будзинскаго, оно было орудіемъ нападокъ не столько на отдаленную греческую, сколько на современную римскую церковь. Въ частности, дѣлаемое Любенецкимъ уподобленіе посольства Лисманини съ Будзинскимъ посольству Половца можетъ объяснять, почему это выдуманное посольство понравилось въ свое время Будзинскому, подкрѣпившему своимъ авторитетомъ выдумку Андрея. Наконецъ, что касается Санда, то, какъ антиринитарій изъ нѣмцевъ, полагавшійся въ исторіи польскаго антиринитаріанства на польскіе авторитеты, онъ, вѣроятно, принялъ съ нѣкоторымъ довѣріемъ выдумку Андрея, подкрѣпленную рядомъ авторитетныхъ свѣдѣтельствъ. Венедиктъ Вишоватый, которому Сандъ обязанъ былъ и списками письма и наборомъ свѣдѣтельствъ въ пользу его достовѣрности, можетъ считаться главнымъ виновникомъ того, что письмо это, сберегаемое дотолѣ въ рукописяхъ, явилось въ печати, чрезъ что намъ и дана возможность ознакомиться съ этимъ интереснымъ памятникомъ антиринитаріанской пропаганды въ Польшѣ, Литвѣ и Руси въ XVI и XVII вв.

ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЯ ЧЕРТЫ ЮЖНО-РУССКОЙ НАРОДНОЙ ОРНАМЕНТИКИ.

Рефератъ **О. К. Волкова.**

Южно-русская орнаментика представляет собою еще вполне неизслѣдованную, даже вовсе незатронутую область этнографіи. Тогда какъ для орнаментики сѣверно-русской существуетъ уже нѣсколько изслѣдованій и роскошныхъ изданій, (изъ которыхъ можно указать, какъ на болѣе намъ извѣстное, на „Русскій народный орнаментъ“, изданный, подъ редакціей В. В. Стасова, обществомъ поощренія русскихъ художниковъ), — въ малорусской этнографіи, которой пришлось развиваться подъ вліяніемъ различныхъ совершенно стороннихъ обстоятельствъ, въ этомъ отношеніи чувствуется полный недостатокъ. По малорусской орнаментикѣ не только нѣтъ изслѣдованій, но даже не подготовленъ для этого матеріалъ въ видѣ изданій или коллекцій. Послѣдній недостатокъ восполняется отчасти въ послѣднее время Югозападнымъ отдѣломъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, въ музеѣ котораго собрана очень небольшая сравнительно коллекція узоровъ мѣстныхъ вышивокъ. Пользуясь этой несольшой коллекціей, а равно и матеріаломъ, доставленнымъ мнѣ разными лицами, и имѣя въ виду вопросъ объ южно-русской орнаментикѣ, поставленный программой для 3-го Археологическаго сѣзда, я намѣренъ изложить тѣ немногіе факты и соображенія, которыя могли быть сдѣланы при помощи указаннаго матеріала.

Наклонность малорусскаго народа къ орнаменту, въ противоположность великорусскому, очень мало выразилась въ народной архитектурѣ. Рѣзныя украшенія малорусскихъ построекъ ограничиваются рѣзбой на *сволокѣ*, *хутрині* (косякахъ оконъ), иногда они являются въ видѣ узоровъ или фигурокъ на *бовдурѣ* (верхушка деревянной трубы) и еще рѣже на воротахъ. Нѣсколько болѣе распространены узоры на домашней утвари и различныхъ деревянныхъ издѣліяхъ: такъ, постоянно встрѣчаются покрытия рѣзбой *ярма*, *саники*

и другія части *возовъ* (особенно чумацкихъ), рѣзныя украшенія на *божник'ѣ* или *божницѣ* (полочка, на которой ставятъ иконы) и *миснику* (полки для посуды). Кромѣ того, часто попадаются узоры на *рожкахъ* (для нюхательнаго табаку), пороховницахъ изъ рога и т. п. мелкихъ вещахъ. Довольно часто попадаются также узоры на гончарныхъ издѣліяхъ, которые по своей примитивной орнаментикѣ очень напоминаютъ узоры на подобныхъ же издѣліяхъ даже каменнаго періода. Тѣ изъ гг. членовъ съѣзда, которые присутствовали при раскопкахъ около с. Гатнаго и обратили вниманіе на орнаменты вырытыхъ въ бурганахъ сосудовъ, вѣроятно не будутъ спорить противъ этого, мимоходомъ, впрочемъ, высказаннаго сравненія. Затѣмъ, довольно богатый, очень оригинальный и интересный матеріаль для южнорусской орнаментики представляютъ собой узоры на *крашанкахъ* или *писанкахъ* (раскрашенныя пасхальныя яйца). Съ одной стороны, сколько мнѣ извѣстно, обычай раскрашивать узорами пасхальныя яйца, кажется вовсе не существуетъ въ великорусскихъ губерніяхъ¹⁾, и поэтому орнаментныя формы писанокъ должны-бы представлять характерный въ этнографическомъ отношеніи матеріаль, а съ другой стороны, на сколько я могъ судить по единственной извѣстной мнѣ коллекціи М. М. Левченка, узоры писанокъ имѣютъ много общаго съ орнаментикой южныхъ народовъ, а также любопытны и для изученія вліянія византійской орнаментики, перешедшей къ намъ вмѣстѣ съ христіанствомъ. На это послѣднее значеніе орнаментики писанокъ указываютъ, напримѣръ, часто попадающіяся на писанкахъ символическія изображенія несомнѣнно византійскаго происхожденія, напримѣръ *рыба*.

Наконецъ, переходя къ одеждѣ, мы обращаемся къ чрезвычайно обильному и въ высшей степени интересному источнику народной орнаментики. *Плахты*, родъ женской одежды, которая была прежде очень распространена въ Малороссіи, теперь же значительно уже вытѣсняется общеевропейскою юбкою, представляютъ собою безконечное разнообразіе комбинацій и модификацій одного орнаментнаго типа—розетки. Слѣдуетъ обратить вниманіе на то еще обстоятельство, что въ плахтахъ, несмотря на крайнее разнообразіе модификацій узора, надъ рисункомъ рѣшительно преобладаетъ разнообразіе цвѣтовыхъ сочетаній. Это выразилось между прочимъ и въ народныхъ названіяхъ рисунка плахтъ, выражающихъ то цвѣтъ узора (*синятка* и т. д.), то форму узора—(*картота*, *підочкова*, *хрещата*, *закладана* и т. п.). Кромѣ плахтъ, большой матеріаль для изученія народной орнаментики представляютъ собой тканыя юбки и передники на сѣверѣ юго-западнаго края, узоры на *кожухахъ*, (мужскихъ и женскихъ шубахъ), а особенно узоры, нашиваемые цвѣтнымъ шнуркомъ на воротникѣ, отворотахъ и рукавахъ свить, кобениковъ и др. верхней суконной одежды, преимущественно въ Подольской губерніи. Но самымъ главнымъ матеріаломъ для южнорусской орнаментики и по богатству формъ, и по рас-

¹⁾ Существуетъ этотъ обычай и въ Великороссіи. Примѣч. редак.

пространенію, несомнѣнно слѣдуетъ признать *вышивки на полотнѣ*. Такихъ вышивокъ существуетъ двѣ главныя формы: *мережки* и шитье *заполочью* (цвѣтною бумагою). *Мережки* представляютъ собою узоръ по большей части всегда сквозной, часто напоминающій поэтому кружево и сопровождаемый вышивками гладью, бѣлыми или сѣрыми нитками. Къ сожалѣнію, мы имѣемъ для изученія мережекъ слишкомъ небольшой матеріалъ. Что же касается вышивокъ *заполочью*, то этотъ наиболѣе распространенный изъ видовъ орнамента мы имѣемъ въ коллекціи Юго-Зап. Отд. И. Р. Географ. Общ. и имъ главнымъ образомъ воспользуемся при всемъ дальнѣйшемъ изложеніи.

Не болѣе сотни лѣтъ еще назадъ, когда, въ силу существовавшихъ общественныхъ условій, національный костюмъ держался еще и въ болѣе зажиточныхъ слояхъ малорусскаго общества, вышивка на полотнѣ дѣлалась обыкновенно цвѣтнымъ шелкомъ съ примѣсью серебра и золота. Теперь эти матеріалы можно встрѣтить изрѣдка на плахтахъ богатыхъ козачекъ лѣвой стороны Днѣпра, а въ обыкновенномъ народномъ костюмѣ вышивки дѣлаются очень рѣдко шелкомъ, обыкновенно же *заполочью*, т. е. цвѣтными хлопчатобумажными нитками. Въ Галиціи вышивки на рубашкахъ часто дѣлаются цвѣтною шерстью. Изъ разныхъ родовъ одежды по преимуществу украшаются вышивками женскія рубашки. Обыкновенно *комірѣ* (воротникъ) женской рубашки бываетъ покрытъ сплошнымъ шитьемъ, затѣмъ вышивается широкая полоса узора на плечевой части рукава (всегда ниже плеча) *полмкѣ* и надъ нею узкая полоса такого-же или подходящаго по рисунку узора—*підполмкѣ*, наконецъ узенькой полоской вышивается край рукава у кисти. Иногда (на правой сторонѣ Днѣпра) разрѣзъ рубахи на груди также окруженъ полосой узора. На лѣвой же сторонѣ Днѣпра и на побережѣ вышивается каймой узора и *подолъ* рубахи, который обыкновенно бываетъ видѣнъ изъ подъ-плахты. Въ мужеской рубашкѣ вышивается обыкновенно воротъ (*комірѣ*), края рукавовъ, грудь и очень рѣдко (только въ нѣкоторыхъ частяхъ Галиціи) *подолъ*. Въ дѣтскихъ рубашкахъ, кромѣ обыкновеннаго шитья, на правой сторонѣ Днѣпра вышиваются еще ромбическія фигуры на груди и на спинѣ (*книшѣ*).

Затѣмъ мы должны сказать еще нѣсколько словъ о самыхъ способахъ вышиванья. Главнѣйшихъ способовъ существуетъ три: *підбірѣ*, *настилуванне* и *хрещики*. *Підбірѣ* заключается въ томъ, что, сообразно желаемому узору, выдергиваются бѣлыя нитки изъ полотна и замѣняются цвѣтными; *настилуванне*—это есть просто шитье гладью цвѣтными нитками, и наконецъ шитье *хрещиками*—форма, наиболѣе распространенная, состоитъ, подобно шитью на канвѣ, въ томъ, что въ четыре клѣтки, образуемыя перекрещиваніемъ нитей полотна, продѣваются накрестъ двѣ цвѣтныя нити.

Наконецъ, что касается разсмотрѣнія *формъ* южнорусской орнаментики относительно узора, то въ этомъ случаѣ, не рискуя, при недостаткѣ матеріала, дѣлать какую нибудь оригинальную классификацію, мы намѣрены принять систему распредѣленія узоровъ, уже

практиковавшуюся, а именно раздѣленіе ихъ на формы: *геометрическія, растительныя и животныя*. Принимая для своей работы такое же распредѣленіе, мы не можемъ однако принять методъ г. Стасова, сообразно которому онъ строго руководствуется въ разпре- дѣленіи узоровъ только ихъ рисункомъ, совершенно не обращая вниманія на народныя ихъ названія. Намъ кажется, что совершенно обходить такимъ образомъ народныя на- званія узоровъ при классификаціи ихъ—нельзя, такъ какъ эти названія, которыя иногда повидимому и не соотвѣтствуютъ рисунку,—тѣмъ не менѣе имѣютъ хоть отдаленную связь съ нимъ и, если не показываютъ, то хоть намекаютъ на его происхожденіе или пони- маніе народомъ. Въ видѣ примѣра, укажемъ на очень распространенную форму—розетку. Эта форма съ перваго взгляда совершенно геометрическая (два накрестъ лежащіе квад- рата), но народное ея названіе *рѣжа*, т. е. роза,—сразу удостовѣряетъ, что это есть грубое подражаніе формѣ цвѣтка, что это форма восточнаго происхожденія, какъ это для нея констатировано въ западно-европейской орнаментикѣ и въ архитектурѣ.

Геометрическія формы имѣютъ въ малорусской орнаментикѣ далеко не такое преоб- ладающее значеніе, какое имѣютъ они въ великорусской, и этимъ, вѣроятно, можно объ- яснить то обстоятельство, что формы эти въ Малороссіи очень небогаты разнообразіемъ основныхъ типовъ, отличаясь за то обиліемъ комбинаціи. Мы рассмотримъ имѣющіеся у насъ образцы, восходя отъ простыхъ къ болѣе сложнымъ. Самою простою и безъ сом- нѣнія самою примитивною изъ геометрическихъ формъ—является *прямая линія* или по- лоска, вышитая иногда бѣлою, но чаще цвѣтною ниткою. Затѣмъ слѣдуетъ *ломаная ли- нія*, (см. №№ 1, 2 и т. д.), совершенно простая, безъ всякихъ прибавленій, точно такая- же, какая встрѣчается такъ часто на сосудахъ каменнаго періода. Эта форма (зигзагъ), сохраняя свою геометрическую простоту, является потомъ осложненною комбинаціей цвѣ- товъ: или каждое колѣно такой линіи дѣлается попеременно разнаго (краснаго или си- няго) цвѣта, или цвѣтъ чередуется для цѣлаго ряда колѣнъ. Такая комбинація ослож- няется еще соединеніемъ двухъ перекрещивающихся симметрически ломаныхъ линій раз- ныхъ цвѣтовъ. Это уже дѣлаетъ переходъ къ болѣе сложной геометрической формѣ— *ромбу*, которая является въ малорусской орнаментикѣ въ очень богатомъ разнообразіи комбинаціи. Такъ, кромѣ простаго ряда ромбовъ, часто встрѣчаются ряды ромбовъ, встав- ленныхъ одни въ другіе (№ 58), ряды ромбовъ входящихъ другъ въ друга ребромъ (№ 59), ряды большихъ ромбовъ, въ пересѣченія которыхъ вставлены меньшіе ромбы (№ 19), и т. п. Часто ромбы, пересѣкаясь, образуютъ прямые или косые кресты, болѣе или менѣе ослож- ненные или тоже ромбическими, или другими геометрическими фигурами (№№ 39, 40, 33, 51, 57). Иногда встрѣчаются также ряды ромбовъ, внутри которыхъ вписаны кресты (№№ 17, 29); иногда же каждый изъ ромбовъ заключенъ въ четырехугольникъ. Въ узо- рахъ, преимущественно сѣвера черниговской губ., постоянно встрѣчаются расположен- ные въ нѣсколько рядовъ, часто въ шахматномъ порядкѣ, ромбы, изъ которыхъ каждый

крестообразно дѣлится на 4 треугольника, образуя такимъ образомъ косую розетку (№ 36 и др.).

Съ другой стороны, основной зигзагъ осложняется углами, стороны которыхъ параллельны линіямъ зигзага, такъ что образуется система входящихъ другъ въ друга угловъ (№ 9). Нѣсколько болѣе сложный узоръ получается отъ крестообразнаго пересѣченія параллельныхъ линій, такъ что середина этого пересѣченія образуетъ небольшой ромбъ (№ 55). Отъ пересѣченія прямыхъ линій получаются *квадраты*,—форма, чрезвычайно также распространенная въ малорусской орнаментикѣ. Чаще всего небольшие квадраты располагаются въ шахматномъ порядкѣ, образуя т. н. *землюваная* (№ 10, 18); иногда они образуютъ ромбическія фигуры (№№ 20, 21, 22, 23, 24), а также очень часто *кресты* (26, 27, 28). Кресты,—чрезвычайно разнообразная и распространенная форма,—образуются или простымъ пересѣченіемъ двухъ прямыхъ линій (№ 17, 38), или болѣе сложнымъ (№ 29, 30, 31, 32), и бываютъ иногда чрезвычайно изящной композиціи, въ особенности гдѣ они усложняются кривыми линіями, дѣлая переходъ къ формамъ растительнымъ (№ 34). Составленные изъ прямыхъ линій, кресты часто перекрещиваются еще разными болѣе или менѣе сложными линіями (№ 38). Кресты прямые и косые часто состоятъ также изъ ромбовъ (№№ 39, 40, 41—43), изъ ромбовъ съ квадратами и другихъ геометрическихъ фигуръ (№ 46 и др.).

Такимъ образомъ, очень кратко мы описали основныя фигуры узоровъ типа геометрическаго, желая только намѣтить ихъ и думая, что болѣе подробное разсмотрѣніе ихъ будетъ гораздо удобнѣе для каждаго желающаго при помощи рисунковъ.

Затѣмъ переходимъ къ узорамъ типа *растительнаго*. Прежде всего мы должны обратить вниманіе на то обстоятельство, что простѣйшія формы почти каждой изъ основныхъ формъ этого типа—представляютъ собою до очевидности ясный и, по нашему мнѣнію, чрезвычайно интересный для исторіи развитія орнамента переходъ отъ геометрическихъ формъ къ растительнымъ. Такъ, первая изъ простѣйшихъ растительныхъ формъ узоровъ—*зірочка*, т. е. звѣздочка, въ наиболѣе простыхъ своихъ формахъ (№ 68) представляетъ несомнѣнно очень несложную геометрическую фигуру креста; но разсмотрѣніе дальнѣйшихъ формъ этого узора (№№ 70, 71, 72, 73) показываетъ, какъ простая геометрическая звѣздочка переходитъ къ ясно-выраженной формѣ цвѣтка. Затѣмъ, начиная отъ простой формы косаго креста, путемъ усложненія образовалась розетка, примѣры которой можно видѣть въ №№ 70, 74, 76, 77, 79, 80. Последняя изъ этихъ формъ, по крайней мѣрѣ по ея народному названію, представляетъ собою уже изображеніе цвѣтка растенія *полунитиникъ головатый* (*Trifolium montanum* L.). Далѣе, какъ намъ кажется, посредствомъ комбинацій геометрическихъ формъ квадрата образовалась розетка, безчисленные варіаціи которой извѣстны въ народѣ подъ именемъ цвѣтка розы—*рожа*, съ указаніемъ на различныя разновидности этого растенія: *повна рожа* (*Rosa centifolia*),

собака роза, шепшина (*R. canina* и *Malva*), *вікняста роза* и т. д. (№№ 83—88). Въ концѣ концовъ № 117 представляетъ уже вполне удовлетворительный рисунокъ цвѣтка розы. Простѣйшія формы *сосонки* (№ 89—91) представляютъ собою также очень ясный, чуть-ли не лучший примѣръ перехода отъ геометрической формы къ растительной, доходя до элементарнаго, конечно, но достаточно похожаго изображенія сосны или ели и хвоща (*Equisetum*), который въ нашихъ степныхъ мѣстностяхъ также называется *сосонка*. Тоже самое и на этотъ разъ, уже въ очень ясныхъ и развитыхъ примѣрахъ, мы видимъ въ рядѣ изображеній хмѣля—*хмелики* (94—102), *винограда* (108—113 и 113 а.) и *ивоздики* (103—107). Прочіе узоры растительнаго типа, находящіеся въ нашей коллекціи въ меньшемъ количествѣ варіацій, также довольно часто имѣютъ совершенно геометрическую форму, а народное названіе ихъ указываетъ, что съ этой формой связано представленіе о формѣ извѣстнаго растенія, которая можетъ быть и выражена лучше въ болѣе сложномъ вариантѣ. Таковы напримѣръ изображенія *руты* (*Ruta graveolens*), *кукурузы* (*Zea-Mais*) и др. Кромѣ перечисленныхъ уже нами растительныхъ формъ, въ нашей коллекціи есть еще узоры, изображающіе (или имѣющіе претензіи изображать) *орлины крылья* (*Astragolus glycyphyllos* L.), *круторожці* и пр. Всѣ упомянутые до сихъ поръ нами узоры растительнаго типа изображаютъ почти всегда *только отдѣльныя части растеній*, по большей части цвѣты, листья (№ 100, 101, 115), иногда листья и плоды (108, 113, 113 а., 121), иногда стебли съ листьями, и т. д. Изображенія же цѣльныхъ деревьевъ, такъ характерныя для великорусской орнаментики, въ малорусской *совершенно отсутствуютъ*, за весьма немногими исключеніями, да и то встрѣчающимися только въ сѣверныхъ уѣздахъ черниговской губ., т. е. на этнографической границѣ съ Великороссіей (№№ 124, 125).

Наконецъ, узоры съ изображеніями *животныхъ* также очень рѣдко встрѣчаются въ малорусскомъ орнаментѣ, если встрѣчаются, то также въ мѣстностяхъ, пограничныхъ съ великорусскими. №№ 125, 126, 127 и 128 нашей коллекціи представляютъ такіе узоры. Первый изъ нихъ изображаетъ цѣльное дерево, около основанія котораго сидятъ двѣ птицы, обращенныя головами одна къ другой,—узоръ совершенно великорусскій (см. Русс. Народ. Орнам. г. Стасова). Прочіе узоры представляютъ пѣтушковъ, длиннохвостыхъ птицъ въ родѣ павлиновъ и пр. На *рушникахъ* (полотенцахъ), выдѣляемыхъ преимущественно въ окрестностяхъ *Кролевица*, черниговской губ., часто попадаются изображенія двуглавыхъ орловъ. На рушникахъ же другихъ мѣстностей изображенія животныхъ никогда не попадаютъ, а узоръ состоитъ главнымъ образомъ изъ цвѣтовъ, стоящихъ въ сосудѣ. Вообще слѣдуетъ замѣтить относительно полотенца, что они далеко не имѣютъ у насъ того значенія въ орнаментѣ, какъ великорусскія, и употребляются почти исключительно на свадьбахъ и въ видѣ украшенія надъ иконами и т. п.

Цѣпта вышивокъ на всемъ пространствѣ Малороссіи очень неодинаковы и въ геогра-

фическомъ распредѣленіи даже для поверхностнаго наблюдателя замѣтна извѣстная правильность. *Красный* цвѣтъ (разумѣется, на бѣломъ фонѣ) представляетъ собою исключительный цвѣтъ вышивокъ на всемъ сѣверѣ черниговской губерніи и въ сѣверныхъ уѣздахъ волинской губерніи. Затѣмъ вся черниговская губернія, полтавская и харьковская, за исключеніемъ южныхъ уѣздовъ, отчасти екатеринославская и херсонская (сѣверные уѣзды) и почти вся кievская губернія имѣютъ вышивки, въ которыхъ *красный* цвѣтъ комбинируется съ *синимъ* и очень рѣдко съ чернымъ. Наконецъ, въ южной полосѣ Малороссіи и почти во всей подольской губерніи къ этимъ цвѣтамъ присоединяется еще *желтый* цвѣтъ. Въ подольской губерніи желтый цвѣтъ еще комбинируется съ чернымъ, а въ Галиціи преобладаютъ цвѣта *красный, желтый, черный* и *коричневый*;—часто попадаетъ, кромѣ того, *синій* и *зеленый*. Въ Буковинѣ яркость и пестрота узоровъ вполне близки къ югославянскимъ.

Если мы обратимся затѣмъ къ географическому расположенію малорусскихъ узоровъ по ихъ рисунку,—то оказывается, что узоры типа *геометрическаго* рѣшительно и почти исключительно преобладаютъ въ сѣверныхъ малорусскихъ мѣстностяхъ,—Волини, Полѣсьѣ и сѣверныхъ уѣздахъ черниговской губерніи. Конечно, они попадаются вездѣ въ довольно значительной мѣрѣ, но въ указанныхъ нами мѣстностяхъ изъ нихъ почти исключительно состоятъ весь орнаментъ. Затѣмъ, во всей остальной Малороссіи замѣтно преобладаютъ формы узоровъ *растительныя*, и чѣмъ южнѣе, тѣмъ преобладаніе ихъ замѣтнѣе и тѣмъ болѣе они являются въ законченной и совершенной формѣ. Особеннымъ обиліемъ и богатствомъ орнаментики, а также и изяществомъ, отличается такъ называемое побережье, т. е. вся мѣстность по Днѣпру. Въ подольской губерніи и отчасти на югѣ волинской также очень велико разнообразіе узоровъ и цвѣтовъ, вѣроятно вслѣдствіе смѣшенія многихъ этнографическихъ элементовъ. Наконецъ животныя формы и архитектурныя (см. 129 № нашей коллекціи) попадаютъ исключительно по этнографической границѣ съ Великороссіей, на сѣверѣ черниговской губерніи и, какъ мнѣ извѣстно только по рассказамъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ воронежской губерніи. Такое исключительное ихъ расположеніе, а также явное сходство съ узорами чисто великорусскими (ср. узоры животнаго и архитектурнаго типа нашей коллекціи съ узорами „Русс. Народн. Орнамента“ г. Стасова) заставляютъ насъ думать, что животныя формы орнаментики вовсе несвойственны малорусскому орнаменту и занесены къ намъ изъ великорусскихъ мѣстностей.

Такимъ образомъ, резюмируя сказанное, мы видимъ, что въ сѣверно-малорусскихъ мѣстностяхъ преобладаютъ узоры цвѣта *краснаго* (одноцвѣтные) и типа *геометрическаго*; затѣмъ далѣе, по мѣрѣ приближенія къ югу, узоры становятся все болѣе и болѣе *растительнаго* вида и *красный* цвѣтъ комбинируется съ *синимъ*. Какъ по широтѣ распро-

страненія, такъ и по количеству варіацій, такъ наконецъ и по отсутствію привнесенныхъ элементовъ,—въ родѣ животныхъ формъ на сѣверѣ и желтаго цвѣта съ чернымъ на югѣ,—эти черты орнаментики должны быть признаны характерными для Малороссіи въ смыслѣ этнографическомъ. Наконецъ на югѣ, вслѣдствіе, вѣроятно, вліянія югославянской и румынской орнаментики, появляются черный, желтый и другіе цвѣта, производя пестроту узора, близко напоминающую южно-славянской орнаментъ. Все же это сводится къ слѣдующимъ положеніямъ:

I. Главными характерными чертами малорусской орнаментики, по крайней мѣрѣ на сколько выражается это въ вышивкахъ, можно признать—

1) *Рисунокъ узоровъ, представляющій по преимуществу подражаніе растительнымъ формамъ.*

2) *Полное отсутствіе изображеній цѣлыхъ деревьевъ, фигуръ птицъ, животныхъ, человѣческихъ и архитектурныхъ.*

3) *Рѣшительное преобладаніе цвѣтовъ краснаго и синяго и только на югѣ желтаго.*

II. Указанныя въ первомъ положеніи черты составляютъ этнографическое отличіе орнаментики малорусской отъ великорусской, а также и отъ орнаментики южныхъ славянъ.

До сихъ поръ мы ничего не сказали о происхожденіи малорусскихъ узоровъ. В. В. Стасовъ въ текстѣ къ „Русскому народному орнаменту“, изданному обществомъ поощренія художниковъ, изложилъ чрезвычайно любопытную и очень оригинальную теорію происхожденія великорусскихъ узоровъ, между прочимъ, путемъ заимствованій отъ финскихъ народовъ съ сѣвера и отъ Персіи съ востока. Не обладая, подобно г. Стасову, достаточной эрудиціей въ сферѣ даннаго вопроса, мы, разумѣется, не только не можемъ отнестись вполне критически къ его воззрѣніямъ¹⁾, но не рѣшаемся и дѣлать приложеній

¹⁾ Уже послѣ III арх. съѣзда, при личномъ свиданіи съ В. В. Стасовымъ и особенно при осмотрѣ персидскихъ и мало-азіатскихъ тканей, находящихся въ Музеѣ, устраивающемся во дворцѣ Е. В. Великой Княгини Маріи Николаевны, посѣтить который мнѣ удалось благодаря просвѣщенной любезности В. В. Стасова и Д. В. Григоровича,—я могъ наглядно убѣдиться, что по крайней мѣрѣ, судя по видѣнному мною, теорія г. Стасова, особенно въ приложеніи къ персидскому происхожденію великорусскихъ узоровъ животнаго типа,—имѣетъ за собою очень мало вѣроятныхъ основаній. Ткани изъ Тегерана, Бейрута, Дамаска покрыты такими же точно пѣтушками и т. п. фигурами, какія можно встрѣтить на любомъ великорусскомъ полотнѣ. По отношенію къ малорусскимъ узорамъ очень поучительны изображенія цвѣтовъ на тѣхъ же тканяхъ, особенно *воддики*.

его теоріи къ малорусской орнаментикѣ, тѣмъ болѣе, что матеріалы, которыми мы пользовались, нельзя не признать очень неполными и въ достаточной мѣрѣ случайными. Но теорія г. Стасова, особенно въ связи съ исторіей расселенія арійскихъ племенъ, имѣетъ, по нашему мнѣнію, на столько важное значеніе для сравнительной этнологіи, что въ виду этого мы позволимъ и себѣ сдѣлать нѣсколько если не сравненій, то по крайней мѣрѣ сопоставленій въ области сравнительной орнаментики. Пересматривая, напримѣръ, табл. XLVII превосходнаго изданія Owen Jones'a „Grammar of Ornament“, нельзя не замѣтить очевиднаго сходства персидскихъ узоровъ, изображающихъ *воздику*, съ нашими малорусскими узорами, гдѣ гвоздика попадаетъ въ огромномъ количествѣ вариантовъ. Тоже самое съ той же очевидностью можно видѣть на табл. XX изданія Racinet-L'ornement polychrome. Далѣе, сравнивая по цитированнымъ изданіямъ нѣкоторые византійскіе и византійско-римскіе орнаменты съ малорусскими, нельзя также не замѣтить поразительнаго сходства. Для примѣра укажемъ, напримѣръ, на кресты (O. Jones. Gr. of ornam. T. XXIX f. 10) мозаики храма св. Софіи въ Константинополѣ и №№ 21, 22 и 30 нашей коллекціи. Узоръ фресковъ собора Св. Марка въ Венеціи (ibid. T. XXX f. 13) также совершенно сходенъ съ 29 № нашей коллекціи. Затѣмъ, разнообразныя розетки орнаментовъ византійскихъ церквей въ Римѣ, Палермо, Равеннѣ и т. д. (id. T. XXX f. f. 14, 15, 16, 17, 38) также чрезвычайно напоминаютъ розетки малорусскихъ узоровъ, а особенно узоровъ на *писанкахъ*. Но сравнивая, затѣмъ, византійскіе узоры съ персидскими, нельзя въ свою очередь не согласиться съ г. Стасовымъ относительно ихъ большаго сходства, сильно указывающаго на возможность заимствованія.

Что касается узоровъ чисто геометрическихъ, особенно-же ихъ примитивныхъ сторонъ, то, разсматривая хоть бы указанная нами изданія и сравнивая геометрическіе узоры всѣхъ народовъ съ примитивными узорами дикарей (Jones-Gr. of orn. T. I f. f. 1, 2, 3, 4, 5, 8, 13 и пр.) и примѣняя все это къ нашимъ малорусскимъ узорамъ въ этомъ же родѣ, нельзя не видѣть очень большаго сходства между ними именно со стороны геометрическаго сходства, какъ намъ кажется, дающаго поводъ думать, что примитивная орнаментика всѣхъ народовъ, несмотря на свою самобытность, имѣетъ очень много общаго, и что всѣ народы на первыхъ ступеняхъ культуры изобрѣтаютъ себѣ геометрическій орнаментъ почти одинаковый, не смотря на различіе расы и дальность разстояній. Нельзя въ этомъ случаѣ не указать и на орнаментику археологическую (см. напр. Lubbock-L'homme avant l'histoire). Вслѣдствіе всего сказаннаго мы позволяемъ себѣ думать, что въ области геометрическаго орнамента для сравненій и догадокъ на счетъ заимствованій врядъ ли могутъ быть достаточно прочныя основанія.

Представляя вниманію гг. членовъ съѣзда настоящія замѣтки о малорусской орнаментикѣ, замѣтки очень не полныя и основанныя на изученіи далеко необширной кол-

лекцій, мы имѣли въ виду какъ неизслѣдованность самаго сюжета, такъ и желаніе съѣзда, выраженное въ его предварительной программѣ вопросовъ. Ограничиваясь исключительно этнографической стороною вопроса, мы не позволили себѣ дѣлать никакихъ приложеній сказаннаго нами въ области археологій, предоставляя это гг. специалистамъ уважаемаго ученаго собранія ¹⁾.

¹⁾ Считаю своею обязанностью принести искреннюю благодарность Ю. З. Отдѣлу И. Р. Географическаго Общества, коллекціями котораго мы воспользовались, и затѣмъ гг. г-дамъ Х. П. Волковой, Е. П. Юскевичъ-Красковской, С. О. Русовой, М. О. Линдфорсъ, Е. А. Лисицкой, А. О. Завойко, гг. Долженку, Куклярскому, Вышинскому, Мелит. Бугинскому и многимъ другимъ, трудами которыхъ составила печатаемая коллекція узоровъ. О. В.

О древней глаголической надписи на островѣ Велья (Veglia) — Къркъ, адриатическаго моря.

Рефератъ проф. В. В. Ягича.

Южнославянская Академія наукъ въ Загребѣ, желая, по мѣрѣ своихъ средствъ, участвовать въ третьемъ Археологическомъ съѣздѣ, представляетъ чрезъ меня, своего члена, здѣсь собраннымъ археологамъ нѣсколько фотографическихъ снимковъ древностей, хранящихся въ ея коллекціяхъ или, по крайней мѣрѣ, ей болѣе доступныхъ, чѣмъ другимъ южнославянскимъ обществамъ. По своему туземному происхожденію эти древности могутъ послужить важнымъ матеріаломъ для опредѣленія степени и характера культуры страны въ первыя столѣтія послѣ заселенія ея Славянами и въ то же время они представляютъ вѣрный отпечатокъ тѣхъ особенныхъ условій, среди которыхъ съ самаго ранняго начала слагалась политическая и религіозная жизнь одного изъ племенъ южнославянскихъ, Хорватовъ.

Хорватское племя южныхъ Славянъ поселилось, какъ извѣстно, въ той части бывшей нѣкогда единой римской имперіи (по островамъ и далматинско-хорватскому берегу адриатическаго моря), которая, хотя по географическому положенію естественно должна считаться принадлежностію европейскаго востока, однакожъ, вслѣдствіе сравнительной отдаленности Византіи и еще болѣе вслѣдствіе ея слабости и близости къ Италіи, скоро поддалась вліанію запада. Этой судьбы не миновали Хорваты. Начиная съ введенія христіанства, полученнаго ими изъ Рима, всѣ главные факторы, до послѣднихъ временъ опредѣлявшіе ихъ судьбу, являлись съ запада, изъ Италіи, изъ Германіи. Не разъ происходило столкновеніе между славянскою самобытностію Хорватовъ и притязаніями враждебныхъ сосѣдей въ видѣ политическаго и религіознаго гнета. Борьба была слишкомъ

неравная, и они должны были уступать, повинуюсь въ политическомъ отношеніи, то Франкамъ, то Итальянцамъ (Венеціи), то, наконецъ, Венгріи; въ религіозномъ же отношеніи овладѣлъ ими Римъ. Но какъ въ политическомъ отношеніи имъ всегда удавалось обезпечить за собою хоть нѣкоторую самостоятельность, автономію, точно такъ же отстояли они и въ религіозной жизни нѣкоторыя особенныя преимущества въ пользу своей славянской народности. Послѣ долговременной борьбы народа съ „латинскою“ оппозиціей городовъ и высшаго духовенства, наконецъ позволено было далматинскимъ Хорватамъ употреблять при богослуженіи славянскій языкъ, хотя въ исключительномъ видѣ глаголическаго письма, но именно тотъ самый, который принятъ у всѣхъ православныхъ Славянъ. Въ настоящее время это право ограничено небольшимъ числомъ приходоу нѣкоторыхъ далматинско-хорватскихъ епархій, но въ старину употребленіе глаголицы распространялось гораздо далѣе; не только церковныя книги писали и печатали глаголицею, но и въ публичной жизни нѣкоторыхъ приморскихъ общинъ господствовало это славянское письмо почти исключительно. Глаголицею писали грамоты, законы, духовныя завѣщанія, даже частную переписку вели этимъ письмомъ, кажушимся намъ нынѣ столь неудобнымъ.

Въ числѣ прочихъ доказательствъ распространеннаго употребленія глаголицы у Хорватовъ занимаетъ видное мѣсто одна глаголическая надпись, находящаяся въ маленькой католической церкви св. Луціи, недалеко отъ мѣстечка Башки, на островѣ Велья (Veglia), по хорватски *Kркъ*, фотографическій снимокъ съ которой я имѣю честь передать предсѣдателю съѣзда для коллекціи московскаго археологическаго общества. На особенную важность этой надписи въ палеографическомъ отношеніи я позволю себѣ въ немногихъ словахъ обратить вниманіе членовъ съѣзда.

Что у католическихъ Хорватовъ какое-то глаголическое письмо было въ употребленіи, объ этомъ уже давно знали ученые, занимавшіеся хоть сколько нибудь славянской исторіей. Подъ глаголицею подразумѣвался тотъ угловатый шрифтъ, которымъ въ теченіе многихъ столѣтій въ Далмаціи писали церковныя книги (часословы, служебники), съ конца же XV столѣтія нѣсколько разъ даже и печатали тѣ же самыя книги въ Венеціи, въ Сенѣ, на Рѣкѣ и въ Римѣ. Еще Доброзскому былъ извѣстенъ только этотъ угловатый типъ глаголицы, о которой онъ написалъ отдѣльное довольно любопытное изслѣдованіе, появившееся въ свое время и на русскомъ языкѣ въ переводѣ покойнаго М. П. Погодина. Но когда въ 1830 г. сдѣлано было важное открытіе (глаголическіе отрывки графа Клоца въ Тиролѣ), что, кромѣ извѣстнаго до тѣхъ поръ угловатаго или прямолинейнаго шрифта, существуетъ еще другой, совершенно различный, округлый типъ глаголицы, тогда ученые, какъ Шафарикъ и другіе, начали различать оба типа названіями: болгарская и хорватская глаголица. Научное изслѣдованіе церковнославянскаго языка, сдѣлавшее въ то время замѣчательный шагъ впередъ, благодаря трудамъ Востокова, Копитара, Шафарика и Миклошича, не допускало ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что въ па-

мятникахъ болгарской глаголицы языкъ древнѣе, чѣмъ въ памятникахъ хорватской глаголицы; но въ какомъ отношеніи находятся оба типа письма другъ къ другу, этого вопроса, не смотря на его чрезвычайную важность, Копитаръ не касался, а у Шафарика замѣтно еще въ 1853 году колебаніе и неопредѣленность. Угловатый типъ глаголицы хорватской внушалъ ему, какъ видно, преувеличенное уваженіе. На стр. 5 своего замѣчательнаго изслѣдованія *Památky písemnictví hláholského* онъ высказываетъ ни на чемъ не основанную догадку, что названіе *буквица*, употребляемое у Хорватовъ для глаголицы, относится, можетъ быть, къ дохристіанскимъ временамъ, а на стр. 31 сличаетъ угловатый типъ хорватской глаголицы съ рунами и санскритскимъ письмомъ и прибавляетъ, что „*tento svůj ráz zachovala chorvatská hláholice v rukopisech i knihách církvéních od pradávni doby*“. Отсюда видно, что Шафарикъ, хотя со стороны языка предпочиталъ памятники округлой глаголицы „болгарской“, однакожъ, со стороны графики давалъ предпочтеніе угловатому типу хорватской глаголицы и, если не прямо высказывалъ, то, по крайней мѣрѣ, намекалъ на то, будто бы угловатый типъ глаголицы былъ первоначаленъ, а округлый—дальнѣйшее его развитіе. Всѣ эти догадки и предположенія оказываются невѣрными: глубокая древность угловатаго типа глаголицы есть только кажущаяся, на дѣлѣ же выходитъ иначе. Теперь не подлежитъ болѣе ни малѣйшему сомнѣнію, что въ теченіе первыхъ столѣтій славянской литургіи, и у Хорватовъ была въ употребленіи округлая глаголица, что угловатый типъ на домашней хорватской почвѣ развился изъ старшаго округлаго, по всей вѣроятности, въ XII—XIII столѣтіи. Причины, заставившія писцевъ измѣнить такимъ образомъ почеркъ глаголицы, намъ, правда, пока еще не совѣмъ ясны: перемѣна, кажется, произошла не вдругъ; главный толчекъ, однакожъ, относится, какъ я думаю, къ тому времени, когда установилась такъ называемая хорватская рецензія глаголической орфографіи, т. е. когда выкинуты были изъ глаголицы юсы и вмѣсто *ъ* и *ь* опредѣлено писать только *ѣ* или даже *і*.

Въ доказательство только что приведенныхъ соображеній можно указать на слѣдующія обстоятельства:

а) чѣмъ древнѣе рукопись глаголическая изъ числа настоящихъ хорватскихъ (относительная древность опредѣляется преимущественно по признакамъ правильныхъ формъ церковнославянскаго языка), тѣмъ замѣтнѣе въ ея почеркѣ слѣды бывшей округлости шрифта. И, къ сожалѣнію, не могу указать на палеографическіе снимки, такъ какъ они здѣсь не имѣются, но въ Загребѣ мнѣ случалось видѣть множество глаголическихъ памятниковъ, и мои наблюденія въ этомъ направленіи, изложенныя вкратцѣ во второй книжкѣ *Рада* г. 1868, подтверждаются всѣми послѣ сдѣланными открытіями. Округлость замѣтна въ древнѣйшихъ памятникахъ хорватской глаголицы, особенно на буквахъ *в*, *т*, *а*, *ц*, *ч*.

б) въ древнѣйшихъ отрывкахъ хорватской глаголицы являются еще иногда буквы, которыхъ въ обыкновенныхъ рукописяхъ вовсе нѣтъ, между тѣмъ какъ онѣ въ такъ называемой болгарской или, лучше сказать, юсовой, округлой глаголицѣ—самое обыкновенное явленіе. Это замѣчаніе относится къ буквамъ **Ѣ** и **Ѧ**, которыхъ обыкновенная хорватская глаголица совсѣмъ не знаетъ.

в) И въ позднѣйшихъ рукописяхъ хорватской глаголицы сохранилось довольно слѣдовъ прежней округлости въ начальныхъ буквахъ—иниціалахъ, поднимающихся выше, иногда же опускающихся ниже строки, подобіемъ же своимъ напоминающихъ черкъ юсовой, округлой глаголицы. Напр. **Ѣ**, какъ иниціальная буква, въ глаголическихъ рукописяхъ XIV стол. есть явленіе очень обыкновенное, между тѣмъ, въ строкѣ никогда болѣе не употребляютъ этой буквы.

г) Наконецъ, самое главное, прямое свидѣтельство о томъ, что въ Хорватіи была когда то въ общемъ употребленіи округлая глаголица, представляетъ глаголическая надпись св. Луціи, о которой здѣсь рѣчь идетъ. Одного взгляда на фотографическій снимокъ достаточно, чтобы въ этомъ убѣдиться. Общій типъ буквъ этой надписи округлый, не смотря на то, что на камнѣ гораздо труднѣе было изобразить черты круглыя, чѣмъ прямыя. Дѣйствительно, нѣкоторыя буквы каменотесецъ высѣкъ изъ однихъ только прямыхъ линий, желая такимъ образомъ облегчить себѣ трудъ. Отъ чего же онъ не изобразилъ и остальные буквы на подобіе позднѣйшей угловатой глаголицы? Не можетъ быть сомнѣнія, что онъ охотно бы воспользовался этимъ облегченіемъ, если бы тогда уже вошли въ общее употребленіе позднѣйшіе типы вмѣсто прежнихъ. Если же онъ этого не сдѣлалъ, то мы смѣемъ съ полною увѣренностью утверждать, что характеръ глаголицы, изображенный на этой надписи, отвѣчаетъ по возможности вѣрно бывшему тогда у Хорватовъ въ употребленіи глаголическому письму. Это же была, какъ мы видимъ, не позднѣйшая угловатая, *par excellence* хорватская, но старшая, т. е. округлая глаголица.

Такъ какъ эту надпись, на основаніи нѣкоторыхъ историческихъ соображеній, относятъ къ началу XII столѣтія, то отсюда слѣдуетъ, что еще въ то время въ Хорватіи знали округлую глаголицу. Изъ вокализма же нѣкоторыхъ словъ, которыя можно прочесть, видно, что юсы уже тогда вышли изъ употребленія. Стало быть, эта надпись представляетъ типъ округлой глаголицы, но безъ юсовъ и такимъ образомъ подходит очень близко къ отрывку глаголическаго апостола, изданному мною во второй книжкѣ *Рѣда*.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

т. II.

КІЕВО-КИРИЛЛОВСКАЯ ТРОИЦКАЯ ЦЕРКОВЬ.

Сообщено священникомъ В. Гр. Антоновымъ.

Св. храмъ Кіевокирилловскаго богоугоднаго заведенія, или, что тоже, Кіевокирилловская церковь стоитъ на возвышенной равнинѣ, заросшей лѣснымъ деревомъ. внизу коей лежитъ большая, такъ-называемая, Кирилловская улица, ведущая изъ города за городъ. Въѣздъ изъ сей улицы въ заведеніе и къ церкви чрезвычайно красивъ. Это ложбина, натуральная или искусственная, между двумя возвышеніями и горами, испещрена разными деревьями. Недоходя равнины, на которой стоятъ возвышенные больничные корпуса и церкви, видимъ ворота, съ лѣвой стороны коихъ устроена квартира для привратника, а вверху воротъ позлащенными литерами красиво изображены, съ двуглавымъ надъ ними орломъ, слова: *Кіево-Кирилловскія Богоугодныя Заведенія*. Прямо противъ воротъ возвышается огромный, деревянный, красивой архитектуры, новопостроенный корпусъ, для помѣщенія въ немъ мужеской богадѣльни и фельдшерской школы; налѣво отъ воротъ аллея, усаженная деревьями и цвѣтами, ведущая въ контору управленія заведенія и къ смотрителю онаго и далѣе въ дворъ хозяйства или экономіи заведенія, а направо отъ воротъ аллея, усаженная тополями и разнаго рода цвѣтами, которая ведетъ прямо къ церкви. При сей аллеѣ есть особые ворота и каменная стѣна, у которой по обѣимъ сторонамъ стоятъ старинной архитектуры башни, между которыми, вблизи самыхъ воротъ, возвышается колоссальная колокольня церкви. Каменная, старинной архитектуры, стѣна служитъ очевиднымъ доказательствомъ существованія здѣсь, — до учрежденія богоугоднаго заведенія, — обители монашествующихъ; стѣна эта, въ одномъ мѣстѣ уже обрушившаяся, самъ самымъ свидѣтельствуетъ о своей древности. Съ правой стороны сей стѣны видна мѣстность, усаженная немногими плодовитыми, а болѣе лѣсными деревьями, среди коихъ устроены *баракы* или лѣтнее помѣщеніе для больныхъ женскаго пола. Въ концѣ сада,

надъ крутизною горы устроена и вновь отдѣлана *бесѣдка*, которая для проходящихъ мимо Кирилловскаго заведенія представляетъ картинное зрѣлище. По лѣвую сторону стѣны вновь построены *бараки* или лѣтнее помѣщеніе для больныхъ мужескаго пола; за этими бараками начинается и далеко тянется роща, а за нею кладбище сего заведенія и глубокій яръ, — въ коемъ постоянно тихо струится вода, — отдѣляющій мѣстность Кирилловскаго заведенія отъ предмѣстья города, которое зовется *Куреневою*. Внутри же каменной стѣны стоятъ два огромные корпуса, гдѣ помѣщаются въ одномъ больные мужескаго, а въ другомъ женскаго пола, и особо отъ нихъ корпусъ для прислуги и кухни, и домъ съ парадникомъ, самой красивой архитектуры, для доктора постоянно живущаго въ заведеніи, при больныхъ. Здѣсь же стоитъ и самая церковь во имя св. живоначальныя Троицы. Церковь эта каменная, о пяти куполахъ. Высота ея, полагать можно, саж. 10, длина 12 и ширина 8 сажень. Престоловъ въ ней четыре: главный, во имя св. Троицы; съ правой стороны во имя св. Аѳанасія и Кирилла Александрійскихъ, а съ лѣвой — во имя Архангела Михаила. Четвертый же, во имя Андрея Первозваннаго, въ теплой церкви, устроенный въ переднемъ придѣлѣ, противъ алтаря престола св. Аѳанасія и Кирилла. Видно, что на хорахъ, противъ алтаря теплой церкви, былъ еще престолъ и, какъ преданіе утверждаетъ, во имя св. Димитрія Ростовскаго; но нынѣ онъ не существуетъ: тамъ находятся только остатки иконостаса и другихъ принадлежностей алтарныхъ.

Кирилловская церковь, какъ значится въ клировой вѣдомости, построена въ 1180 г. княгинею Маріею Всеволодовною, матерью Святослава, дочерью Казимира, короля Польскаго—Мниха. Подтвержденіе сего, дѣйствительно, есть въ Ипатьевской и Густинской лѣтописяхъ. Въ первой ¹⁾ говорится такъ: *Въ лѣто 1179-е преставися княгиня Всеволожая, приѣхши на ся чернецю склму и положена бысть въ Кіевъ у св. Кирилла, юже бѣ сама создала.* Во второй ²⁾ говорится такъ: *Въ 1179 лѣто преставися благовѣрная княгиня Марія Всеволодовая, мати Святослава, дщи Казимира, короля Польскаго Мниха, иже пострижесе въ склму и положена бысть въ церкви св. Кирилла, юже сама создала.* Лѣтописецъ, повидимому, ясно и точно опредѣляетъ время основанія и лице, основавшее Кирилловскую церковь или монастырь; но, сличивъ другія мѣста того же лѣтописца и указанія на это другихъ лѣтописей, нельзя допустить, чтобы Марія Казимировна была основательницею и строительницею Кирилловской церкви. Марія Казимировна жила въ Россіи самое короткое время, такъ что не могла построить большую каменную церковь. Тотъ же лѣтописецъ въ другомъ мѣстѣ ³⁾ говоритъ: *Въ лѣто 1179 прииде*

¹⁾ Ипат., стр. 121.

²⁾ Лѣт. Гус. стр. 317.

³⁾ Гус. лѣт. стр. 121. Истор. Рос. т. II 50 прим.

Святославъ за Всеволода, средняго сына, жену изъ Ляховъ, Казимирну, во Филиппово говѣніе и того же мѣся преславися князья. Слѣдовательно Марія умерла въ первый же годъ по прибытіи своемъ въ Россію. Она „приведена“, по словамъ лѣтописца, въ Филиппово говѣніе, т. е. не ранѣе 15 числа мѣсяца ноябрю и умерла того же года, а годъ въ то время начинался съ мѣсяца марта; слѣдовательно она умерла не позже мѣсяца февраля. Значить, Марія жила въ Россіи не болѣе трехъ мѣсяцевъ, потому и не могла въ короткое время осуществить такое дѣло, какъ построеніе церкви, притомъ такой, какъ Кирилловская. Да тотъ же лѣтописецъ упоминаетъ о существованіи Кирилловскаго монастыря еще за восемь лѣтъ до прибытія Маріи Казимировны въ Россію, говоря: „Святославъ преславися въ 1171 году м. іуля и положиша ѿ во св. Кирилѣ, въ огни ему монастыри“¹⁾. Названіе монастырей *отними*, *вотчими* или *отцовскими* въ лѣтописяхъ встрѣчается довольно часто. Вообще, монастыри *отними* назывались тѣ, которые основаны или построены были отцами или предками извѣстнаго лица. Такъ напр. монастырь св. Θεодора, основанный Мстиславомъ, сыномъ Мономаха, по отношенію къ его сыну, назывался *отнимъ*. Лѣтописецъ, говоря о смерти Мстислава, говоритъ такъ: *Положиша въ церкви св. Θεодора, въ отни ему монастыри*²⁾. Михайловскій монастырь былъ *отнимъ* въ родѣ Святополка. Выдубицкій въ родѣ Всеволода и т. д. Поэтому заключить слѣдуетъ, что Кирилловскій монастырь былъ *отень* монастырь Святослава, т. е. основанъ отцемъ его Всеволодомъ, княжившимъ въ Кіевѣ съ 1138 по 1146 годъ. Слѣдовательно, въ теченіи этого времени, со всею вѣроятностію опредѣлить можно, и былъ основанъ Кирилловскій монастырь. Это подтверждаютъ и другія мѣста той же лѣтописи. Такъ, подъ 1194 годомъ въ третій разъ упоминается о Кирилловскомъ монастырѣ. „Святославъ же, сынъ Всеволода, пришедъ въ Кіевъ и ѣха къ Вышгороду въ пятницу поклонитися св. мученикамъ, и влезъ въ церковь со слезами облобыза святую раку, и посемъ же прииде къ отни іробнищъ и хотъ внити по обычаю, попови же отшедши съ ключемъ, Святославъ же недождавъ и ѣха.... въ субботу же ѣха по св. мученикамъ, къ церкви, ту сущей у св. Кирилла.... Сего же (Святослава) болюши охудаваючи силъ и отемняючи языкъ.... и веля ея постричи въ черницы.... и преславися мѣсяца іуля и положиша ѿ во св. Кирилѣ, въ отни ему монастыри“³⁾. Здѣсь лѣтописецъ ясно указываетъ на время основанія и основателя Кирилловскаго монастыря, и это время и лице совершенно другія, а не тѣ, о коихъ говорилъ лѣтописецъ въ другихъ мѣстахъ. Тамъ говорится, что Марія, жена Всеволода, по смерти своей положена во св. Кирилѣ, юже бѣ сама создала, т. е. основаніе Кирилловской церкви прямо приписывается Маріи Ка-

¹⁾ Лѣт. Ипат. стр. 143.

²⁾ Ibid. стр. 74.

³⁾ Ипат. стр. 143.

зимиrownъ, а этимъ опредѣляется и годъ основанія, именно 1170 годъ, такъ какъ Марія жила на Руси только въ концѣ сего года. Между тѣмъ послѣднее сказаніе того же лѣтописца подъ 1194 годомъ показываетъ, что Кирилловскій монастырь онъ называетъ „отнимъ“, т. е. отцовскимъ—Святослава, а отецъ Святослава былъ Всеволодъ, княжившій въ Кіевѣ съ 1138 по 1146 годъ. Никоновская лѣтопись говоритъ: „Святославъ положенъ бысть въ монастыри, въ церкви св. Кирила, юже бѣ создалъ отецъ его Всеволодъ¹⁾. То же самое говорится и въ Лаврентьевской лѣтописи: „Тою же лѣта преставися Святославъ, князь кіевскій, и положенъ бысть въ монастыри св. Кирила иже созда отецъ его“²⁾. Такія противорѣчія лѣтописныхъ сказаній приводили и приводятъ археологовъ къ разному заключенію о времени основанія или построенія Кирилловской церкви. Изъ всѣхъ указаній, по мнѣнію нашему, слѣдуетъ заключить, что Кирилловская церковь основана около половины XII вѣка и основателемъ оной былъ Всеволодъ II Ольговичъ. Что Марія Казимировна, о которой говорится въ лѣтописи „положена бысть въ Кіевѣ, у св. Кирилла, юже бѣ сама создала“, не можетъ быть признана основательницею Кирилловской церкви,—это несомнѣнно. Краткость времени, прожитаго ею въ Россіи болѣе всего и опровергаетъ сказаніе лѣтописи. Можно думать, что Марія Казимировна, какъ предполагаетъ г. Закревскій³⁾, возобновила, а не основала или построила церковь, основанную дѣдомъ ея мужа, которая, по давности своей, требовала въ то время возобновленія. Можно и то думать, что Марія въ бывшей или существовавшей уже церкви основала или устроила новый придѣлъ и въ немъ или подъ нимъ усыпальницу, въ которой, по завѣщанію, по смерти своей, и была положена или погребена⁴⁾.

Основаніе или построеніе церквей князьями въ древней Руси было дѣломъ весьма обычнымъ. Почти всѣ кіевскія церкви тогдашняго времени основаны или построены князьями. Не говоримъ о церквахъ, построенныхъ св. Владиміромъ, о церкви св. Софій, построенной Ярославомъ; лѣтописи ясно свидѣтельствуютъ, что и другія церкви или монастыри основаны и построены великими князьями. Такъ, монастырь Михайловскій основанъ Святоникомъ, св. Феодора—Мстиславомъ, сыномъ Мономаха, Выдубицкій—Всеволо-

¹⁾ Ник., стр. 260.

²⁾ Лавр. лѣт. стр. 260.

³⁾ Описаніе Кіева, 1868 г., стр. 339.

⁴⁾ Недоумѣнія автора или источниковъ, которыми онъ пользовался, удачно разрѣшены М. А. Максимовичемъ въ статьѣ его: *О созданіи кіевской церкви св. Кирилла*, помѣщенной въ 1 № *Кіевскихъ, спархіяльныхъ вѣдомостей* за 1869 годъ. Статья эта заканчивается слѣдующимъ выводомъ: „Строительницею Кирилловской церкви и монастыря была княгиня *Марія Мстиславна*, жена Всеволода Ольговича, дочь Мстислава Великаго, внука Владиміра Мономаха. После своего тридцатилѣтняго замужества, она оставалась еще тридцать три года вдовою и скончалась въ 1179 году, и положена въ церкви, юже бѣ сама создала“.

Прим. чл. ред. комит. Ф. Терновскаго.

домъ и т. д. Построеніемъ церквей и основаніемъ монастырей выражалась въ то время, какъ и доселѣ, набожность и благочестіе князей. Но Всеволодъ Ольговичъ, можно думать, имѣлъ особое побужденіе къ построенію Кирилловской церкви. На *Дорожникахъ* онъ одержалъ побѣду и получилъ великое достоинство княжеское; поэтому, можно заключать, онъ могъ основать на томъ мѣстѣ въ память храмъ Господу Богу, какъ дань благодарности за одержанную побѣду. Это подтверждаетъ и народная легенда, въ которой говорится, что извѣстный герой *Кирило*, въ память своей побѣды *надъ змѣю на Дорожникахъ*, основалъ на томъ мѣстѣ Кирилловскій монастырь.

Та легенда можетъ служить основаніемъ думать, почему нынѣшняя церковь Троицкая названа Кирилловскою. Примемъ въ соображеніе, что, со времени введенія въ Россіи христіанской вѣры, у князей было обыкновеніе строить монастыри или церкви въ память того святаго, именемъ котораго назывался самъ князь или супруга его. Такъ — равноапостольный князь Владиміръ при крещеніи нареченъ Василиемъ, потому и престолъ построенной имъ церкви въ Кіевѣ былъ во имя св. Василія. Князь Изяславъ въ крещеніи названъ Димитріемъ, потому и монастырь, имъ основанный, былъ во имя св. Димитрія. Всеволодъ I — въ крещеніи Андрей, и монастырь, имъ построенный, — Андреевскій. Ярославъ — Георгій построилъ монастырь св. Георгія, а другой монастырь во имя супруги своей св. Ирины. Всеволодъ Ольговичъ, вѣроятно, при крещеніи, нареченъ Кирилломъ, потому и построенный или основанный имъ монастырь названъ Кирилловскимъ. А что престолъ св. Кирилла, въ послѣдствіи, былъ переименованъ во имя св. Троицы, тому были особыя причины.

Лѣтописи вообще свидѣтельствуютъ о всеобщемъ разграбленіи Кіева различными его врагами, въ разное время. Изъ общаго разграбленія, вѣрно, нельзя исключить и Кирилловскій монастырь. Для враговъ и грабителей онъ былъ даже ближе доступенъ, ибо онъ былъ въ концѣ города, а, какъ монастырь княжескій, то и небѣдный. Впрочемъ, въ лѣтописяхъ прямого и яснаго на то указанія нѣтъ. Равно нѣтъ нигдѣ и помина вообще о Кирилловскомъ монастырѣ и церкви до XVI вѣка. Указаніе на Кирилловскій монастырь встрѣчается уже въ 1555 году. Въ жалованной грамотѣ Сигизмунда II Августа, короля Польскаго, данной на имя Богдана Ивановича Шавулы, Кирилловская церковь отдается въ полное его владѣніе. Въ ней сказано: „Церковь св. Кирилла, заложенная на болонь, отдается во владѣніе Шавулы съ тѣмъ, чтобы тую церковь по себѣ, до живота своего держали и всѣхъ пожитковъ, которіи въ той церкви здавна бувають, вживати и якъ предки ея тую церковь на себѣ держали и пожитки свои мали, держати онъ тую церковь на себѣ мається во всемъ добре и равно у справахъ духовныхъ заховати и справовати“¹⁾. Въ этой грамотѣ Кирилловская церковь называется не монастыремъ, а цер-

¹⁾ Грамота сія, въ числѣ другихъ актовъ Кирилловскаго монастыря, съ другими грамо-

ковію; значить, въ это время монастыря уже здѣсь не было. Должно быть, монастыря, разграбленнаго и опустошеннаго врагами, оставшаяся братія возстановить своими средствами не могла, и потому монастырь, послѣ разоренія, остался церковію. Таже грамота свидѣтельствуєтъ, что церковъ Кирилловскаго монастыря была возстановлена гораздо ранѣе XVI вѣка, или жизни Богдана Шавулы; ибо въ ней ясно говорится, что и „*предки Шавулы тую церковъ на себѣ держали и пожитки свои мели*“. Впрочемъ Кирилловская церковъ недолго пользовалась самостоятельностью. Тотъ же Сигизмундъ, король Польскій, грамотою отъ 23 іюля 1565 года, данною на имя воеводы кіевскаго, Острожскаго, причислилъ ее, со всѣми угодьями, къ замковой церкви св. Николая, что на горѣ *Удольхальницъ*, нынѣ Кисилевка ¹⁾.

Далѣе, Кирилловская церковъ снова исчезаетъ изъ исторіи. Въ бѣдности и неизвѣстности она существовала до XVII столѣтія. Въ семъ вѣкѣ она сдѣлалась, по прежнему, монастыремъ и монастыремъ богатымъ. Этимъ она обязана князю Константину Острожскому. Этотъ великій ревнитель благочестія вызвалъ игумена изъ Острога, Василия Красовскаго и поручилъ ему возобновленіе Кирилловской церкви. Дѣйствительно, сей игуменъ, при помощи князя Острожскаго, бывшаго тогда воеводы кіевскаго, испросилъ у Сигизмунда III грамоты, которыми возвращены были Кирилловской церкви земли, какими она владѣла прежде. Самую же церковъ онъ возобновилъ и украсилъ своими собственными средствами. Въ грамотѣ, данной Сигизмундомъ III отъ 16 февраля 1626 года, говорится: „*Монастырь св. Кирилла, недалеко Кіева лежащій, отъ давнихъ часовъ, по збуренью Татарскомъ, впусти безъ отправленія хвалы Божіей лежалъ, который монастырь набожній законникъ Василій Красовскій крашею и коштотомъ своимъ направилъ и общину для отправленія хвалы Божіи заложивши, з тою миста зшоу*“ ²⁾. Сей же игуменъ, по всей вѣроятности, возобновляя Кирилловскую опустѣлую церковъ, главный престолъ ея переименованъ во имя св. Троицы, отчего она съ того времени стала называться Троицкою въ Кирилловскомъ монастырѣ. Престолъ же во имя св. Кирилла онъ устроилъ въ правой сторонѣ, гдѣ существуетъ и въ настоящее время, а на лѣвой сторонѣ устроилъ престолъ во имя архангела Михаила, существующій тоже и доннынѣ. Съ этого времени монастырь Кирилловскій сдѣлался извѣстнымъ и въ исторіи церковной іерархіи. Памятны имена настоятелей сего монастыря: *Иннокентія, Лазаря, Мелетія и Дмитрія*, внослѣдствіи митрополита Ростовскаго и др.

тамъ. изъ бібліотеки Кіевской духовной академіи, передана въ Императорскую публичную бібліотеку.

¹⁾ Журналъ мин. нар. пр. 1844 г., декабрь.

²⁾ Акты Зап. Россіи, т. IV, № 225.

Кирилловская Троицкая церковь сама по себѣ свидѣтельствуесть о своей древности. Въ этомъ удостовѣряють громадность зданія и вмѣстѣ простота, отсутствіе всякихъ фасадныхъ украшеній, толщина ($2\frac{1}{2}$ аршина) стѣнъ и внутреннихъ столбовъ ($2\frac{1}{2}$ арш.), внутреннее, можно сказать, тѣсное помѣщеніе, не соответствующее массивности зданія, и самый планъ онаго. Планъ сей церкви совершенно похожъ на планъ древнихъ кievскихъ церквей. Троицкая церковь состоитъ изъ продолговатаго прямоугольника, а если отдѣлить притворъ, то планъ ея составитъ греческій равноконечный крестъ. Восточный конецъ этого креста оканчивается тремя полукружіями съ куполообразными сводами; среднее полукружіе значительно больше боковыхъ. Полукружія раздѣляются между собою капитальными стѣнами и сообщаются внутренними ходами, состоящими изъ небольшихъ арковыхъ пролетовъ. Въ каждомъ изъ сихъ полукружій устроенъ престолъ: въ среднемъ — во имя св. Троицы, въ правомъ св. Кирилла и Аванасія Александрійскихъ, въ лѣвомъ — арх. Михаила. Средняя, огромная арка, соединяющая алтарь съ самою солеєю церкви, заставлена высокимъ, въ 5 ярусовъ, иконостасомъ. Онъ совершенно простъ, безъ всякихъ украшеній, и по живописи, и по своему устройству; онъ старъ, но не древній, древности самой церкви онъ ни въ чемъ не соответствуесть. Есть извѣстіе, что иконостасъ сооруженъ въ 1777 году; но тотъ ли иконостасъ, который стоитъ теперь въ церкви, или прежній, положительно опредѣлить нельзя. На spodней сторонѣ аналоя, на коемъ лежитъ всегда образъ, есть слѣдующая надпись: *„Издѣланъ сей иконостасъ, въ резныхъ рамахъ, на коемъ изображено: Матерь Божію и младенца нагого, спящаго и Иосифа цѣломудреннаго, устроенной передъ иконою Богоматернею, серебромъ обложенною, за правымъ столбомъ, на старомъ иконостасику, для знаменованія народнаго, во славу святыхъ живоначальныхъ и нераздѣлимыхъ Троицы, при настоятеляхъ здѣшнемъ, архимандритѣ Кирилѣ, тицаніемъ и коштомъ сея же обители протоіаконовъ Варлаама и Филарета, родныхъ братьевъ и матери ихъ Кіево-Іорданскаго монастыря монахини Анѣисы. 1777 года, Августа 6 дня“.*

Живопись на иконостасѣ, видно, старинная, но самая обыкновенная. Рѣзбы на немъ немного; видна по мѣстамъ и позолота, но отъ времени потемнѣвшая. Изъ принадлежностей иконостаса болѣе всего обращаютъ на себя вниманіе царскія врата. Онѣ высотой 5 аршинъ и шириною 2 арш. съ десятью рѣзными поясными изображеніями. Верхнія шесть изображаютъ собою царей, въ царскихъ порфирахъ; въ рукахъ у каждаго изъ нихъ скипетръ, на главахъ короны, но не гладкія, а многозубчатыя. На нижнихъ же четырехъ, коихъ нужно принять за евангелистовъ, одѣяніе иное: головы ихъ открыты и въ рукахъ ихъ что то похожее на хартіи. Вверху вратъ прикрѣплена Божія Матерь съ Младенцемъ на рукахъ, рѣзной работы, позлащенная, а внизу, на одной половинѣ, въ лежачемъ положеніи, Ілія Колесничникъ, а на другой Моисей Законодатель.

ПРИЛОЖ.

Икона Божіей Матери, называемая *Ченстоховскою*, утверждена въ подвижномъ, нарочито устроенномъ, кіотѣ, который приставленъ къ иконостасу, вмѣсто царскихъ вратъ, съ лѣвой стороны церкви. Икона вышиною въ 1 аршинъ, а шириною $\frac{3}{4}$ аршина. Риза на ней серебряная, позлащенная, но отъ давности потемнѣвшая. Ликъ Ея чрезвычайно выразителенъ. Есть основаніе думать, что Кирилловская церковь была въ свое время *уніатскою*, и что уніаты пріобрѣли снимокъ Божіей Матери изъ Ченстохова, гдѣ икона Матери Божіей и нынѣ чествуется, какъ чудотворная, всею Польскою страной.

Не меньшее вниманіе обращаетъ на себя и другой образъ Божіей Матери, стоящій въ особомъ, простой работы, кіотѣ, у лѣвой стѣны. Образъ этотъ малъ, вышиною онъ 6 вершковъ и въ ширину 6; не украшенъ ризой, на главѣ Божіей Матери есть только вѣнецъ. Вверху образа начертаны слѣдующія слова: *„По престоавленіи именуи Парвеніи и Февроніи сестры ея, сей образъ Пресвятыя Богородицы данъ отъ именуи Марѣи, на поминоуеніе архіерея Димитрія Ростовскаго, бывшаго въ обители Свято-Троицкой монахомъ и потомъ тамъ же Святителемъ. Изъ Ростова присланъ въ сію же Свято-Троицкую обитель лѣта 1705, Декабря въ 5 день“*. При семъ образѣ, съ правой стороны, стоитъ и образъ св. Димитрія Ростовскаго, простой живописи, на холстѣ, во весь ростъ, въ архіерейской мантии, въ бѣломъ клобукѣ. По лѣвой же сторонѣ, на стѣнѣ, виситъ изображенный на холстѣ портретъ отца св. Димитрія, *Саввы Туптало*. Надпись такова:

„Благочестивый мужъ Туптало Савва
Запорожскаго войска честь и слава.
Богоявленскій день отверсту небу
.....¹⁾ тако совершилъ потребу,
Третій часъ на день третяго року
Семь сотъ тысяча з тройчаго выроку
Въ троичномъ Кирилскомъ — почи
Тѣломъ чину душею Троицы лица
Да зрѣть вину: вѣку есть добръ
Жилъ сто и три лѣта оба
Уну взялъ мзду тройча“.

Снять з стариннаго портрета копіи 1760 года Августа 10 числа.

Надъ портретомъ Саввы Туптало виситъ на стѣнѣ деревянная доска, темнозеленаго цвѣта, на которой желтаго гвѣта буквами, изображены слѣдующія слова: „1689 года, Марта 20 дня, во святый великій пятокъ, въ спасительныя страсти, мать моя Марія Михайлова, законная супруга отца моего Саввы Григорьевича, преставися въ 9 часъ дня, Апрѣля въ 3 день, въ среду св. воскресныя седмицы совершили мы погребеніе въ

¹⁾ Въ оригиналѣ буквы сего слова такъ истерты, что нельзя разобрать.

монастырь Кирилловскомъ и положили въ церкви св. Троицы, на лѣвой сторонѣ, въ самой стѣнѣ, при дверяхъ, коими на хоры восходятъ. Да почитъ о Господѣ, живыми и мертвыми обладающемъ“.

„1703 года, генваря 6, въ 3 часъ дня Богоявленія Господни преставися отецъ мой Савва Григорьевичъ и погребенъ въ монастырь Кирилловскомъ Кіевскомъ, въ церкви св. Троицы. Вѣчная ему буди память“.

Далѣе сей доски, на той же стѣнѣ, виситъ другая деревянная доска, въ позлащенныхъ рамахъ, въ рядъ съ иконою Богоматери и св. Димитрія, на коей по голубому полю бѣлыми буквами изображены слѣдующіе стихи:

- „Отъ корене святаго, Саввы нареченна,
 „Сто три лѣта поживша и здѣ погребенна, 1703 года,
 „Сей былъ въ градѣ Кіевѣ, сотникъ благочестенъ,
 „Храма сего ктиторъ и любитель челестенъ.
 „Возрасте вѣтъ свята, Димитрій Святитель
 „Кой осмнадцатилѣтенъ, въ Кирилську обитель,
 „Отъ Маріи Княгини, древле устроена, 1700 года,
 „Константиномъ Острожскимъ Княземъ обновлену, 1703 года
 „И пришедъ ангелъ въ ангельскій образъ облеченъ,
 „Когда жъ слава благихъ дѣлъ, о немъ въ свѣтъ промчелъ,
 „Что житія святихъ отецъ, не только писатель,
 „Но вѣры и благихъ дѣлъ явился подражатель.
 „Первыя игуменства степенемъ бысть почтенъ
 „Потомъ архимандритомъ, въ Новгородѣ устроенъ
 „Вскорѣ жъ пріять святителевъ санъ, въ градѣ Ростовѣ
 „Истиненъ пастырь являясь всѣмъ людемъ Христовымъ.
 „Потомъ з града Ростова, сокровища мѣсто,
 „Въ даръ благословеніе Дѣвы всепречистой,
 „Съ предвѣчнымъ младенцемъ, златомъ обложену
 „Присла святу икону, лѣно украшенну, 1703 года,
 „Въ Кирилловскій монастырь, яже въ тысячи семь сотъ
 „Шестьдесятъ пятюмъ году поставися въ сей кіютъ,
 „Да будетъ всѣмъ чтущимъ покровъ и щитъ твердый
 „Да изліетъ полныя струи милосердія
 „Вся намъ сія благая отъ Христа и Бога,
 „Пребывай душею въ небесныхъ чертогахъ,
 „Испроситъ Святитель Христовъ Димитрій блаженный
 „Чудесами на весь свѣтъ нынѣ прославленный“.

У той же стѣны, по преданію, погребены великій князь Святославъ и княгиня Марія и гробницы ихъ существовали еще и въ XVII столѣтіи¹⁾.

¹⁾ См. Обзор. Кіева отн. къ др. стр. 71.

Въ 1860 году открыты совершенно случайно въ Кирилловской церкви древнія фрески. Предположено было исправить штукатурку. Рабочіе приступили къ дѣлу. Начали оббивать старую штукатурку, чтобы положить новую. Во время работы, на стѣнахъ начали проявляться слѣды краски, но рабочіе не обращали на то вниманія и продолжали работу. Бывшій въ то время Кирилловской церкви священникъ П. П. Орловскій, слѣдившій, по усердію своему, за дѣломъ рабочихъ, увидѣвъ появившуюся изъ подъ штукатурки въ большихъ размѣрахъ краску и даже начертаніе лицъ и одеждъ ихъ, остановилъ трудъ рабочихъ. Фрески потерпѣли много. Въ настоящее время трудно ихъ отчетливо разобрать¹⁾.

Фундаментъ зданія вездѣ совершенно однообразный, что, очевидно, служитъ наилучшимъ доказательствомъ, что всѣ части зданія построены одновременно, по крайней мѣрѣ снизу. Глубина фундамента въ 5, а ширина въ 3 аршина. Фундаментъ кладенъ изъ большихъ тесаныхъ камней, связанныхъ между собою толстымъ слоемъ цемента, составленнаго изъ раковистой извести, крупно толченныхъ кирпичей и даже камней булыжника. Глубина фундамента, сравнительно съ массивностію зданія, повидимому, представляется недостаточною, но кажущійся недостатокъ восполняетъ ширина фундамента. Особенно за прочность его ручается матеріалъ, употребленный для него. Крупные, тесаные камни, съ крѣпкимъ цементомъ, образовали плотную и неразрывную массу.

Стѣны церковнаго зданія столько же широки, какъ и фундаментъ, и изъ такого же матеріала. Онѣ не имѣютъ почти никакихъ фасадныхъ украшеній, есть только выступы, отъ верха до конца внутреннихъ стѣнъ и столбовъ, составляющіе родъ пилястръ. Эти пилястры, находящіеся противъ внутреннихъ столбовъ, дѣлятъ сѣверную и южную часть храма на четыре части, а западную на три, сообразно внутреннему раздѣлу церкви. Всѣ пилястры вверху соединяются между собою карнизомъ, который, можно видѣть, гораздо позднѣйшаго времени. Въ древнихъ церквахъ пилястры соединяются между собою вверху арками, соотвѣтственно дуговымъ сводамъ, заканчивающимъ зданіе церкви. Такъ, должно быть, было и въ Кирилловской церкви, но верхъ ея не уцѣлѣлъ въ прежнемъ видѣ, и дугообразная кровля ея, покрывавшая четыре дуги сводовъ, въ послѣдствіи замѣнена обыкновенною кровлею, для поддержанія которой, на протяженіи всего зданія, подстроена стѣна около аршина высоты. Кирпичъ и кладка его въ этой стѣнѣ совершенно новые. А что кровля прежде была дуговая, доказываетъ сохранившаяся до сего времени одна изъ дугъ, именно средняя, проходящая чрезъ главный куполь. При отсутствіи другихъ подобныхъ дугъ, и замѣнѣ дуговой кровли четырехскатною, она, очевидно, оказалась лишнею. Концы ея могли быть видны снаружи; поэтому концы ея вы-

¹⁾ Къ третьему археологическому съѣзду въ 1874 году фрески, по возможности, были очищены и реставрированы. Пр. чл. р. К. Ф. Т.

ломаны (ибо для поддержанія кровли вокругъ всего зданія сдѣлана новая стѣна), и самая дуга остается теперь какъ бы не нужною подъ кровлею. Дуга та, видно, чрезвычайно давняя. Это показываетъ матеріалъ ея, такой точно, какой употребленъ на постройку всей Кирилловской церкви. Кирпичъ длины болѣе 7 верш., ширины около 6 и 1 верш. толщины и одинаковаго свойства и цвѣта глины. Кирпичъ, употребленный для постройки Кирилловской церкви отличенъ отъ кирпича, какой былъ употребленъ при постройкѣ древняго Софійскаго собора и церкви св. Прины и доказываетъ, что Кирилловская церковь сооружена позднѣе послѣднихъ.

Куполовъ на Кирилловской Троицкой церкви пять. На среднемъ, большемъ куполѣ кирпичъ, кладка онаго и цементъ точно такіе, какъ и въ самой церкви, слѣдовательно онъ современенъ постройкѣ самой церкви;—но другіе четыре куполы и западная стѣна церкви, какъ и своды подъ хорами относятся къ позднѣйшему времени. Куполы всѣ пять сквозные, съ окнами; средній изъ нихъ круглый, а остальные многогранные. Всѣ они представляются какъ бы вставленными въ кровлю, а не утвержденными въ своихъ основаніяхъ. Такъ представляются потому, что настоящая, наклонная кровля значительно поднята противъ прежней, тогда какъ прежняя дуговая, должно быть, вполнѣ соответствовала фигурѣ куполовъ. Кровля на куполахъ куполообразная, а на самомъ храмѣ четырехскатная; листовое желѣзо на кровлѣ, какъ видно, было когда то покрашено зеленой краской, которая едва замѣтна подъ слоемъ ржавчины. Вверху всѣхъ куполовъ, выше перешейка, обитаго тоже желѣзомъ, водружены кресты, тоже когда то позолоченные, но отъ времени позолота едва уже замѣтна. Кресты простые, изъ полосъ обыкновеннаго желѣза, съ прорѣзью, не имѣющіе никакого украшенія, ни конечныхъ крестиковъ, ни полумѣсяцевъ. Подъ каждымъ крестомъ виднѣется яблоко, тоже, видно, золоченное, но позолота та едва замѣтна. Видъ крестовъ свидѣлствуетъ, что они не современны построенію самой церкви. Дѣйствительно, кресты тѣ недавніе. Сосѣдніе жители помнятъ и рассказываютъ, что въ 1853 году сильная буря на главномъ, среднемъ куполѣ крестъ опрокинула, а на прочихъ четырехъ своротила и исказила всѣ ихъ такъ, что блюстители церкви признали нужнымъ кресты сдѣлать новые и вновь поставить. Такъ было и сдѣлано.

Отъ Кирилловской церкви саженьяхъ въ 50 стоитъ колокольня, которая по объему, высотѣ и архитектурѣ столько же величественна и замѣчательна, какъ и самая церковь. Есть основаніе заключать, что колокольня Кирилловской церкви построена въ то время, когда возстановлены западная или передняя часть церкви и боковые куполы ея; ибо кирпичъ и кладка онаго и цементъ или известь совершенно одинаковы, какъ на колокольнѣ, такъ и на достроенныхъ частяхъ самой церкви. Достовернымъ остается только то, что въ сей колокольнѣ, когда здѣсь былъ монастырь, находилась теплая церковь во имя Благовѣщенія Пресвятой Богородицы, какъ свидѣлствуетъ надпись, и доселѣ со-

хранившаяся надъ дверью, при входѣ въ бывшую церковь. Надпись та такова: „Во славу святыхъ и единосущныхъ и животворящихъ нераздѣлимыхъ Троицы создана сей храмъ, въ честь и славу Преподобноблагословенныхъ Дѣвы Маріи, преславнаго Ея благовѣщенія, при благополучной державѣ Великія Государыни Императрицы Елисаветы Петровны, всея Россіи и при наслѣдникѣ ея внуку Петра перваго, Благовѣрномъ Государѣ и великомъ Князѣ Петрѣ Федоровичѣ, благословеніемъ преосвященнѣйшаго Арсенія Могилянскаго архіепископа, митрополита Кіевского, трудами и иждивеніемъ Игумена Святыя Троицы, Кирилловскія обители Теофана Жолтовскаго. 1760 года“.

Дѣлалъ мастеръ мѣщанинъ Иванъ Григоровичъ.

Въ настоящее время церкви сей нѣтъ. Полагать можно, что она уничтожена въ то время, когда вмѣсто монастыря открыта здѣсь больница. Съ открытіемъ больницы, естественно, нужно имѣть и аптеку. Вотъ и признано было, тамъ, гдѣ была самая церковь, помѣстить аптеку, которая помѣщается въ томъ же мѣстѣ и въ настоящее время. Это въ среднемъ ярусѣ колокольни. Въ нижнемъ же помѣщается лабораторія аптеки, а въ верхнемъ — колокола, коихъ въ настоящее время менѣе, чѣмъ было прежде; главный колоколъ и теперь вѣситъ болѣе 100 пудовъ и оглашаетъ населеніе заведенія шумно и весело. Прежній же колоколъ, несравненно большій, во время недавняго пожара расплавился, какъ и другіе меньшіе колокола. Пожаръ этотъ, по преданію, случился въ 28 день іюня 1851 года. Одни увѣряютъ, что онъ произошелъ отъ громового удара и молніи, а другіе увѣряютъ, что пожаръ тотъ случился отъ неосторожности при работахъ, происходившихъ въ лабораторіи аптеки. Величественная колокольня Кирилловской церкви послѣ пожара потеряла прежній видъ и величіе. Простоявъ долгіе годы обгорѣвшею, въ 1864 году колокольня эта восстановлена и верхній ярусъ ея достроенъ; но сдѣлано все то не такъ, какъ было прежде, а сдѣлано уже, какъ позволили средства церкви. И о самой церкви Кирилловской нельзя не сказать, что внутренняя обстановка ея въ настоящее время не соотвѣтствуетъ историческому и археологическому ея значенію.

На каких мѣстностяхъ Кіевской и смежныхъ съ нею губерній находимы были каменные орудія?

Сообщено **Я. Я. Волошинскимъ.**

Въ Кіевской и Волынской губерніяхъ мнѣ извѣстны слѣдующія мѣстности, на которыхъ находимы были каменные орудія: ¹⁾

А) Кіевская губернія.

1. Кіевскій уѣздъ: Въ с. *Липовкѣ*, владѣлецъ имѣнія, Валентинъ Росцишевскій, имѣлъ небольшое собраніе каменныхъ орудій (до 15-ти предметовъ), найденныхъ на поляхъ с. *Липовки*, окрестныхъ селеній и м. *Макарова*. Часть этой коллекціи перешла въ богатое археологическое собраніе гр. Свидзинскаго; она состояла изъ *молотковъ*, *наконечниковъ стрѣлъ* и одного большого *ножа* или *серпа* ²⁾.

Въ 1854 году, во время археологическихъ изслѣдованій, производимыхъ въ нашемъ краѣ по порученію г. министра удѣловъ, покойнаго гр. Перовскаго, при разрытіи кургановъ на поляхъ с. *Яковичъ* (въ древности *Бѣлокняжеское поле*) найдены мною: въ одномъ курганѣ: кремневое съ шлифованнымъ лезвіемъ *долото*, кремневый *ножикъ*, *дѣлѣ*

¹⁾ Предлагаемыя ниже свѣдѣнія заимствованы мною: частью изъ извѣстныхъ по мѣсту находки данныхъ Университетской и моей собственной коллекціи, частью изъ моихъ отчетовъ гр. Перовскому о произведенныхъ въ краѣ раскопкахъ и, наконецъ, изъ болѣе достовѣрныхъ официальныхъ и частныхъ сообщений. Каждый изъ сихъ источниковъ укажу на своемъ мѣстѣ.

²⁾ Какъ настоящимъ, такъ и нѣкоторыми другими свѣдѣніями относительно находокъ каменныхъ орудій (о которыхъ упомяну ниже), я обязанъ просвѣщенному содѣйствію извѣстнаго этнографа нашего края (члена нынѣшняго съѣзда), Э. О. Руликовскаго, который сообщилъ мнѣ ихъ на дняхъ изъ своихъ замѣтокъ.

половины эллиптическаго, какъ бы выточенаго изъ бѣлаго песчаника *камышка* съ усѣченными краями и съ проточиною въ серединѣ, который можетъ быть служилъ для оттачиванія орудій. Въ *трехъ* другихъ курганахъ: два кремневыхъ долота, топорикъ изъ змѣвика и *наконечникъ коны* изъ кремня ¹⁾).

Въ нынѣшнемъ году, въ іюлѣ мѣсяцѣ, при производствѣ приговорительныхъ изслѣдованій въ курганахъ для предполагаемыхъ съѣздомъ раскопокъ, секретаремъ съѣзда, В. Б. Антоновичемъ, въ окрестностяхъ с. *Гатное*, въ одномъ изъ тамошнихъ кургановъ найдена маленькая кремневая *стрѣлка*, а въ другомъ шлифованный *молотокъ* изъ діорита и шлифованное кремневое *долото*.

2. Васильковскій уѣздъ: Въ курганѣ *Перепетовкѣ*, разрытомъ Н. Д. Иванисевымъ, найденъ *метательный камень* (коллекція музея Универ. Св. Влад. № 324); въ курганѣ с. *Еленовки*, разрытомъ тѣмъ же г. Иванисевымъ, найдены: *кусокъ каменнаго топорика* и *пряничный камень* (колл. музея № № 367—368).

Въ имѣніи помѣщика Гудимъ-Левковича, с. *Телешевкѣ*, найдено въ курганѣ нѣсколько ²⁾ *каменныхъ молотковъ*. Одинъ изъ экземпляровъ поступилъ въ собраніе М. В. Юзефовича. Подробныя обстоятельства этой находки неизвѣстны, а равно неизвѣстно случилась ли она при человѣческихъ костяхъ ³⁾).

Кромѣ того въ неизвѣстныхъ мѣстностяхъ того же уѣзда найдено девять *каменныхъ круглыхъ зернъ* отъ ожерелья (колл. музея № № 714—722) и одинъ *топорикъ* (тамъ же № 667).

3. Каневскій уѣздъ: Въ с. *Дударяхъ* найденъ *молотокъ* изъ діорита (моей колл. № А, 1, d).

Въ с. *Пшеничникахъ* — гладкій *топорикъ* и прекрасно отшлифованное *долото* изъ бѣлаго кремня, а также кремневая *бусса* (въ колл. Д. Е. Люценка).

4. Чигиринскій уѣздъ: Въ неизвѣстныхъ мѣстностяхъ найдены: *каменная полированная шишка*, съ круглою по серединѣ сквозною проточиною и небольшой *топорикъ* (колл. музея № № 619 и 664).

5. Звенигородскій уѣздъ: Въ с. *Журжинцахъ* найденъ *большой* шлифованный *молотъ* изъ діорита (моей колл. № А, 1, а).

Въ с. *Поповцахъ* два шлифованные *топорика* изъ діоритоваго порфира и *верхняя половина молотка* изъ діорита съ *барельефными украшеніями* (моей коллекціи № №: А, 1, h—k и А, 2, m).

¹⁾ Всѣ эти предметы поступили въ министерство уѣзловъ, у меня же имѣются изъ нихъ слѣпки и рисунки.

²⁾ Подъ выраженіемъ „нѣсколько“ буду постоянно подразумѣвать примѣрную цифру 3.

³⁾ Сообщено мнѣ въ 1865 году Д. Е. Люценкомъ.

6. Уманскій уѣздъ: Въ м. *Тальномъ* найденъ въ курганѣ *молотокъ* изъ діорита съ барельефнымъ рисункомъ (моей коллекціи А, 1, е) и кремневое долото (у тамошняго аптекаря).

7. Сквирскій уѣздъ: На поляхъ селеній: *Суцанки*, *Чернявки* и *Романовки* находятъ въ значительномъ количествѣ *топорики*.

8. Бердичевскій уѣздъ: Въ неизвѣстныхъ мѣстностяхъ найдены: большой, съ одного конца заостренный, *топоръ* и маленький *топорикъ* (въ арх. колл. Д. Е. Люценка).

9. Радомысльскій уѣздъ: Въ м. *Горностайполь* найденъ большой *топоръ* изъ зернистаго серпентина, заостренный только съ одного конца и каменное долото изъ того же матеріала (колл. музея №№ 1010—1011).

Въ неизвѣстной мѣстности въ томъ же уѣздѣ, найденъ предметъ изъ кремня, имѣющій видъ обоюдоостраго, искривленнаго *ножа*; впрочемъ, это можетъ быть осколокъ кремня въ родѣ тѣхъ, какіе заготовлялись на кремневыхъ фабрикахъ, нынѣ большею частію закрытыхъ, при выдѣлкѣ ружейныхъ кремней. Экземпляръ этотъ, въ числѣ нѣсколькихъ десятковъ ему подобныхъ, найденъ подъ корнями весьма стараго дуба (моей колл. № С, 1, с).

Липноманъ (*Zastanowienie się nad mogiłami etc. Wilno 1832 г. str. 8*) рассказываетъ, что у с. *Миньекъ* надъ р. *Мыкою* въ тамошнихъ курганахъ копали ямы для водруженія крестовъ и что при этомъ въ одномъ курганѣ нашли *каменный клинъ*, а въ другомъ довольно большой *камень* изъ „дикой скалы (каковаго камня въ этой мѣстности не имѣется) и на немъ *меньшій*, формою похожій на употребляемый нынѣ для растиранія красокъ. Оба сглажены и носили на себѣ слѣды, произведенные треніемъ. Возлѣ нихъ найдено нѣсколько экземпляровъ небольшихъ, *округленныхъ камней*, употреблявшихся для метанія изъ прящей. Изъ чего можно догадываться, что первыя два орудія служили для заготовленія прящныхъ камней.

Тотъ же изслѣдователь свидѣтельствуетъ, что въ с. *Гнилицѣ*, на мѣстности, гдѣ былъ выкорчеванъ лѣсъ, при копаніи ямъ для установки столбовъ строившагося зданія, наткнулись на нѣсколько *гробовищъ*, обложенныхъ большими тесанными камнями и прикрытыхъ такими же плитками. Внутри *гробовищъ* найдены были глиняные горшки съ нѣсколькими ушками, а въ нихъ песокъ, перемѣшанный съ золою и полусожженными кусками костей, каменные *молотки* и *долота* разной величины (тамъ же стр. 12).

В) Волынская губернія.

1. Овручскій уѣздъ: Изъ находокъ въ Овручскомъ уѣздѣ извѣстны мнѣ: имѣющееся въ нашемъ Университетскомъ музеѣ *каменное монисто* и *молотокъ*, найденные въ тамошнихъ *курганахъ* (колл. музея №№ 399 и 405), а также *молотки* изъ зелено-

прилож.

ватаго камня, весьма похожаго на змѣвикъ, найденные въ нѣсколькихъ экземплярахъ въ сс. *Дорошнѣ* и *Гунѣ* — кремневое копье изъ окрестностей м. *Олевска* и долото изъ *чернаго кремня*, найденное въ с. *Прибыткахъ*. Владѣлецъ послѣднихъ находокъ, членъ Кіевской археографической Коммиссіи, Михаилъ Піотровскій (изъ донесеній котораго я почерпнулъ настоящее свѣдѣніе), сообщаетъ: а) что подобныя молотки часто случалось ему видѣть у владѣльцевъ Овручскаго уѣзда и изъ ихъ разсказовъ онъ заключаетъ, что ихъ часто тамъ находятъ въ лѣсахъ, на полѣ, въ курганахъ, надъ ручьями, въ дождевыхъ рытвинахъ, въ рѣкахъ, ставахъ и болотахъ; б) что хотя ему случалось видѣть и имѣть у себя много разныхъ орудій и другихъ предметовъ древности, но *кремневое копье* попалось ему лишь въ первый разъ, и в) что черныя кремни, обдѣланныя на подобіе *долота* или *клина* рѣдко находятъ въ Овручскомъ уѣздѣ¹⁾.

2. Ровенскій уѣздъ: Въ *неизвѣстной мѣстности* найденъ отломокъ *топорика* (колл. музея № 104); также во время производства шосейныхъ работъ возлѣ с. *Броникъ* *топорикъ* изъ *діорита* (въ моей колл. № А, 1, f).

3. Новоградъ-Волынский уѣздъ: Въ с. *Городницѣ*, въ урочищѣ *Гнилицѣ*, при добываніи фарфоровой глины для тамошней фабрики, на 1½ аршинной глубинѣ, найдена *половина молотка*²⁾.

4. Житомирскій уѣздъ: Въ с. *Половецкомъ* найденъ *каменный клинъ*³⁾.

5. Острожскій уѣздъ: Въ *неизвѣстной мѣстности* найдено лезвіе шлифованнаго *малаго долотца* изъ желтовато-сѣраго кремня (моей колл. № В, 2, e).

6. Кременецкій уѣздъ: Въ г. *Кременѣ* подъ *Черчею* горою найдено короткое толстое шлифованное *долотце* изъ сѣраго кремня, и въ томъ же городѣ, въ неизвѣстной мѣстности, нижняя половина большаго, плоскаго *долота* изъ *чернаго кремня*, весьма отчетливо со всѣхъ сторонъ *отшлифованнаго* (моей колл. №№: В, 1, e и В, 2, c).

7. Луцкій уѣздъ: Въ Луцкомъ Полѣсѣ найденъ *большой молотъ*, вѣсомъ 7 фунтовъ, изъ зернистаго сѣраго камня (въ собр. Н. А. Кавертева); въ окрестностяхъ с. *Голубы* — *кремневое копье* (моей колл. № D, 1, b).

8. Владимірскій уѣздъ: Въ с. *Воронинѣ* найденъ *кремневый серпъ* (Bibliot. Warszawska, ст. Завини).

Въ 1846 году, въ одномъ изъ раскопанныхъ Кіевскою археологическою Коммиссіею кургановъ, недалеко отъ г. *Владимира* найденъ *каменный топорикъ* (Календарь юго-западнаго края, стр. 289).

¹⁾ Должно впрочемъ замѣтить, что сообщаемыя свѣдѣнія получены почти за 30 лѣтъ, такъ какъ донесеніе Піотровскаго Коммиссіи послѣдовало въ 1846 году.

²⁾ Изъ замѣтокъ Э. О. Руликовского.

³⁾ Тоже.

9. Дубенскій уѣздъ: Въ этомъ уѣздѣ найдены:

Въ с. *Большой-Мощаницы*: топорикъ изъ сѣраго песчаника (гладкій), 4 фрагмента топориковъ (изъ коихъ 3 изъ роговообманковаго гнейса, а 4-й изъ долеритоваго порфира) и 2 *круловатыхъ* камня неизвѣстнаго назначенія, изъ коихъ одинъ изъ халцедона, а другой изъ кремня съ насѣчкою (моей колл. № №: А, 1, l; А, 2, d, и А, 2, e—g).

Въ с. *Будеражъ*, на тамошнемъ городищѣ, найдены мною въ нынѣшнемъ году на свѣже вспаханномъ полѣ: половина *шарообразнаго* отдѣланнаго кремня съ насѣчкою и фрагментъ большаго дугообразнаго, съ обѣихъ сторонъ и съ обоихъ концовъ заостреннаго *ножа* или *струпа*¹⁾ (въ моей коллекціи). Затѣмъ найдены:

Въ с. *Ступномъ* фрагментъ топорика изъ долерита (моей колл. № А, 2, с).

Въ с. *Суймахъ* — 6 каменныхъ *столбиковъ*²⁾ изъ діорита и долерита (моей колл. № №: G; c—h; H, i).

Въ с. *Нагорянахъ* — *отшлифованное лезвіе* большаго кремневаго долота и 1 *бусса* изъ глинистаго сланца (моей колл. № А, 2, o).³⁾

¹⁾ Рисунокъ его изданъ *Ворсо* (Сѣверн. древн., № 57). Въ нашей мѣстности этотъ видъ каменныхъ орудій рѣже всего встрѣчается; найденный мною фрагментъ составляетъ лишь второй, извѣстный мнѣ, экземпляръ.

²⁾ По мнѣнію нѣкоторыхъ это стержни изъ отверстій топориковъ. Сравни. Лерхъ: „Орудія каменнаго и бронзоваго вѣковъ въ Европѣ“, ст. 1, стр. 38; А. Е. hr. Tyszkiewicz „Badania archeologiczne“, стр. 86, табл. IV, фиг. 8.

³⁾ Членъ Кіевской археографической Коммисіи, М. Піотровскій (о которомъ я упомянулъ выше), въ донесеніи своемъ въ Коммисію, сообщаетъ, что подобнаго рода издѣлія изъ камня въ большомъ количествѣ встрѣчаются на поляхъ селъ *Нагорянъ* и *Покачева*. Между прочимъ онъ передаетъ изъ достовѣрныхъ разсказовъ, что въ *Нагорянскомъ лѣсу* при добываніи камня на постройку, въ ущеліи между скалами, нашли два четверика такихъ круглыхъ съ проточинами камешковъ и что владѣлецъ имѣнія, г. Прушинскій (членъ Кіевской археографической Коммисіи) переслалъ довольно большое количество ихъ въ Житомирскую губернскую бібліотеку. Г. Піотровскій присовокупляетъ, что ему случалось видѣть нѣкоторые экземпляры не совершенно круглые, иногда четвероугольные то съ острыми углами, то съ тупыми, а также и такіе, въ которыхъ проточина находилась не въ серединѣ, а ближе къ краю плоской поверхности камешка. О назначеніи этихъ камешковъ г. Піотровскій мнѣнія своего не высказываетъ, но говоритъ, что есть преданіе, будто бы ихъ выдѣлывали языческіе жрецы, при своихъ жертвенникахъ, и раздавали, какъ предохранительныя средства отъ зглаза и отравы. Доселѣ Евреи въ нашей мѣстности, на ряду съ другими амулетами, какъ то: кусками желѣза, серебра, золота, монетами, волчьими зубами и т. п., привѣшиваютъ дѣтиямъ на шею и эти камешки. Сельскія старухи порошокъ, стертый изъ этихъ камешковъ, употребляютъ въ разныхъ родовыхъ припадкахъ; мужчины носятъ ихъ при себѣ и порошокъ изъ нихъ употребляютъ въ случаѣ боли въ желудкѣ и при грыжѣ (*Негнія*). По замѣчанію г. Піотровскаго, вѣроятно по этимъ предполагаемымъ цѣлительнымъ свойствамъ они слывуть въ простонародіи подъ названіемъ *помощниковъ* (почерпнуто изъ дѣлъ археогр. Коммисіи).

Въ с. *Малой-Мощаницы*: *молотокъ* или *топорикъ* изъ діоритоваго порфира и шесть фрагментовъ того же орудія (изъ коихъ 3 изъ діорита, 1 изъ рогово-обманковаго гнейса, 1 изъ долорита и 1 изъ гранита); 1 кремневый *ножикъ*, 1 кремневый *наконечникъ копья*, такой же наконечникъ *сулицы* или *большой стрѣлы* и 2 каменныхъ столбика изъ діорита (моей колл. №№ А, 1, i; А, 2, a—d; h—l; С, 1, D, a; Е, a; G, a—b).

Въ с. *Листвинъ*—2 фрагмента *кремневыхъ* шлифованныхъ *клиновъ*—2 фрагмента *кремневого ножа* и *буса* изъ глинистаго сланца (моей колл. №№ В, 2, b, d; С, a—b, и Н, k).

На пространствѣ между *Малою* и *Большою Мощаницами*—2 *кремневыхъ долота* или *клина*, изъ коихъ одно большое, совершенно необдѣланное, а другое маленькое, отчетливо ошлифованное, и 8 *бусъ*, изъ коихъ 7 выжжены изъ глины, смѣшанной съ черпоземомъ, а 8-я сдѣлана изъ глинистаго сланца (моей коллекціи №№ В, 1, a—b и Н, a—b).

На пространствѣ между *Мизочемъ* и *Большою Мощаницею*:—два съ ошлифованными лезвіями *кремневыхъ долота*, большой обоюдоострый *кремневый ножъ* и 5 *бусъ* изъ глинистаго сланца (моей колл. №№ В, 1, c—d; С, 1, b и Н, l—p).

На пространствѣ между *Листвиномъ*, *Мизочемъ*, *Борцовкою*, с. *Святое* и *Вышними Нагорянами* въ теченіи четырехъ лѣтъ найдены:

1. <i>Топориковъ</i> и <i>молотковъ</i> цѣльныхъ . . .	6	(въ томъ числѣ 1 большой топоръ).
Фрагментовъ	7	
2. <i>Клиновъ</i> и <i>долотъ</i>	2	
Фрагментъ	1	
3. <i>Ножей</i> цѣльныхъ	2	
„ фрагментъ	1	
4. <i>Наконечниковъ копьевъ</i> фрагментъ . . .	1 ¹⁾	
5. <i>Наконечниковъ стрѣлъ</i> или <i>сулицъ</i> . . .	4	
Малая стрѣлка	1	
6. <i>Круглыхъ камней</i> неизвѣстнаго назначенія	6	
7. <i>Каменныхъ столбиковъ</i>	10	
Фрагментовъ	14	
8. <i>Бусъ</i>	18	

Всего. . 112²⁾ экз.

¹⁾ Впрочемъ орудіе это могло имѣть и другое назначеніе, такъ какъ оно значительно больше въ сравненіи съ извѣстными наконечниками копьевъ.

²⁾ Въ коллекціи покойнаго Л. Павловскаго, видѣнной, описанной и срисованной мною въ 1865 году.

Итакъ: всѣхъ каменныхъ издѣлій, найденныхъ въ Кіевской губерніи—75 экземпляровъ (изъ нихъ найдено въ курганахъ 17 экзем.) ¹⁾; въ Волынской губерніи—182 экзем. (изъ коихъ найдено въ курганахъ 2 экзempl.).

По уѣздамъ они найдены въ слѣдующемъ количествѣ:

въ Кіевскомъ	25
„ Васильковскомъ	16
„ Каневскомъ	3
„ Чигиринскомъ	2
„ Звенигородскомъ	4
„ Уманскомъ	2
„ Сквирскомъ	10
„ Бердичевскомъ	2
„ Радомысльскомъ	11
„ Овручскомъ	7
„ Ровенскомъ	2
„ Новоградволынскомъ . .	1
„ Житомирскомъ	1
„ Острожскомъ	1
„ Кременецкомъ	2
„ Луцкомъ	2
„ Владимірскомъ	2
„ Дубенскомъ	164
Всего	257.

Для точности однакожъ слѣдовало бы исключить изъ этого количества 45 экземпляровъ, небольшихъ, болѣе или менѣе шарообразной формы, издѣлій, то изъ глины, то изъ камня съ сквозною проточиною (названныхъ мною однимъ общимъ именемъ *бусъ*), которыя могли имѣть различныя назначенія (какъ-то: украшеній, цѣлительныхъ средствъ, орудій для натягиванія тетивъ и проч.), а потому выдѣлка ихъ могла существовать и при знакомствѣ съ металлами. Послѣ такого вычета, общее число орудій, собственно каменнаго вѣка, найденныхъ въ приводимыхъ мною мѣстностяхъ, составитъ цифру 212.

На основаніи этого перечня, конечно далеко еще неполнаго, тѣмъ не менѣе основаннаго

¹⁾ Не всѣ однако экземпляры каменныхъ издѣлій, найденные въ курганахъ разсматриваемыхъ мною губерній, должно относить къ числу могильныхъ остатковъ погребенныхъ, такъ какъ по нѣкоторымъ изъ уѣздовъ иногда вовсе не достаетъ свѣдѣній объ обстоятельствахъ, при которыхъ послѣдовала находка, а по другимъ обстоятельства эти иногда ясно показываютъ, что найденныя каменныя орудія попали въ курганъ случайно, вмѣстѣ съ насыпною землею.

на достовѣрныхъ свѣдѣніяхъ, по отношенію къ мѣстамъ нахожденія можемъ высказать слѣдующія замѣчанія:

а) Приведенныя въ извѣстность находки каменныхъ орудій распредѣляются не равномерно: онѣ, какъ можно было ожидать, будучи дѣломъ случая, въ однихъ уѣздахъ являются въ большемъ количествѣ, въ другихъ въ меньшемъ.

б) Самое большее число найденныхъ орудій приходится на *Дубенскій* уѣздъ (164 экзем.), а самое меньшее на *Острожскій*, *Новоградъ-Волынскій* и *Житомирскій* уѣзды (по 1 экзем. въ каждомъ), наконецъ,

с) О находкахъ въ нѣкоторыхъ уѣздахъ какъ Кіевской, такъ и Волынской губ. нѣтъ вовсе свѣдѣній. Это именно уѣзды: *Черкасскій*, *Таращанскій*, *Липовецкій* — въ Кіевской губ.; и *Ковельскій*, *Заславскій* и *Староконстантиновскій* — въ Волынской губерніи.

Чѣмъ же объяснить какъ замѣчаемую въ перечнѣ разницу въ цифрахъ при по-уѣздномъ исчисленіи каменныхъ орудій, такъ и отсутствіе ихъ въ нѣкоторыхъ уѣздахъ?

Нисколько не утверждая, что заселеніе разсматриваемыхъ мною губерній во времена каменной эпохи, послѣдовало одновременно и во всѣхъ мѣстахъ равномерно, я однако не думаю, чтобы отсутствіе каменныхъ орудій въ той или другой изъ болѣе обширныхъ мѣстностей, разсматриваемой полосы нашего края, обозначало именно ихъ незаселенность. Съ нанесеніемъ сихъ мѣстностей на карту не можемъ не замѣтить, что онѣ не составляютъ окраинъ какихъ-либо неприступныхъ пустошей, но, напротивъ, очень часто, то примыкаютъ къ уѣздамъ, въ которыхъ встрѣчаются каменные орудія, то окружены ими. Предполагая затѣмъ у первоначальныхъ обитателей этой полосы края любой образъ жизни и всевозможные роды занятій первобытнаго человѣка, мы не найдемъ подтвержденій догадки, что только тѣ мѣстности, въ коихъ встрѣчаются орудія изъ каменной эпохи, были дѣйствительно заселены въ эту эпоху и что всѣ остальные области оставались незаселенными, такъ какъ, говоря вообще, и въ тѣхъ и въ другихъ мѣстностяхъ перѣдко находимъ одни и тѣ же условія, одни и тѣ же удобства или неудобства для жизни и занятій: охотника, рыболова, кочевника или земледѣльца. Вспомнимъ, наконецъ, что перѣдко мѣстности, представляющія нынѣ явные неудобства для того или другого первобытнаго образа жизни, могли и не имѣть этихъ недостатковъ въ глубокой древности, тогда согласимся, что, оказавшійся въ перечнѣ недостатокъ свѣдѣній о находкахъ каменныхъ орудій по отношенію къ тому или другому изъ уѣздовъ, мы не вправе, покаместъ, относить къ ихъ незаселенности во времена каменной эпохи, и что, слѣдовательно, должно искать другой причины для объясненія данного факта.

По моему мнѣнію населеніе въ каменную эпоху могло быть также распространено и въ разсматриваемой мною полосѣ края, какъ оно было распространено и въ другихъ частяхъ Россіи. Собранныя понинѣ свѣдѣнія о нахожденіи признаковъ этой эпохи равно какъ и объ ихъ отсутствіи, составляютъ только дѣло случая.

Гдѣ слѣдять за находками, тамъ онѣ и являются и могутъ явиться. Другими словами: гдѣ есть любители и собиратели, тамъ есть и данныя для каменной эпохи и свѣдѣнія о находкахъ. Притомъ замѣтимъ, что каменная эпоха въ отношеніи къ находкамъ имѣетъ свой особенный характеръ. Находки изъ двухъ позднѣйшихъ эпохъ, представляя металлическіе предметы, всегда почти сохраняются находчиками и потомъ, или становятся предметомъ спекуляціи, или перерабатываются въ современные предметы домашняго обихода; во всякомъ случаѣ онѣ дѣлаются болѣе или менѣе гласными. Напротивъ того, предметы каменной эпохи, коль скоро нѣтъ любителя, слѣдящаго за ними и вознаграждающаго находчика, не только неохотно поднимаются послѣднимъ, но, еще чаще, невѣжественно и безгласно имъ отбрасываются. Два мѣсяца назадъ я имѣлъ случай повѣрить это замѣчаніе во время археологическаго обзора одной мѣстности нашего края, самой обильной понынѣ находками каменныхъ орудій. Это юговосточный уголь Дубенскаго уѣзда, пространствомъ не болѣе 20-ти квадратныхъ верстъ, заключающійся между слѣдующими населенными мѣстностями: с. *Листвиномъ*, м. *Мизочемъ* и сс. *Борцовкою*, *Святе* и *Вышими Нагорянами*. Въ мѣстности этой (какъ я сказалъ выше), владѣльцемъ с. *Малой Мощаницы*, покойнымъ Людвигомъ Павловскимъ, собрано въ теченіи четырехъ лѣтъ (съ 1850 по 1854 годъ) до 112 экземпляровъ (не считая въ томъ числѣ 52 экз., приобретенныхъ мною изъ его же коллекціи). Казалось бы, что за время съ 1854 года по настоящій годъ новыя находки должны были бы по крайней мѣрѣ утроить эту цифру,—между тѣмъ, не смотря на всѣ розыски и распросы, я узналъ только объ одномъ имѣющемся на рукахъ молоткѣ; но я слыхалъ о многихъ случаяхъ, что то тому, то другому доводилось находить по одному или по нѣскольку каменныхъ орудій. Затѣмъ на неоднократно предлагаемые крестьянамъ вопросы: почему у нихъ нѣтъ этихъ орудій на лицо и почему вообще они не сохраняютъ этихъ памятниковъ старины, я получалъ одни и тѣже чистосердечные отвѣты, изъ которыхъ видно, что пока Павловскій собиралъ эти предметы и награждалъ приносителей, то и доставляли ему находки не только изъ его имѣнія, но и изъ ближайшихъ окрестныхъ селъ, и крестьяне даже слѣдили за этими орудіями при запашкѣ полей и копаніи огородовъ. Со смертію Павловскаго, за недостаткомъ въ этой мѣстности другихъ собирателей, крестьяне перестали интересоваться подобными находками. — „Теперь“, говорятъ они, „если и попадется что-нибудь похожее подъ заступомъ или подъ сохою, то или не поднимешь, или, если и поднимешь, то поворотнишь его туда-сюда, да сей-часъ же и назадъ бросишь, чтобы по пустому мѣста въ карманѣ не занимало“.

Раскопки кургановъ и археологическія находки въ Васильковскомъ уѣздѣ.

Сообщено Э. К. Витковскимъ.

1860 года графъ Константинъ Владиславовичъ Браницкій, узнавши, что въ одномъ изъ его имѣній, при постройкѣ куреня для полевыхъ работниковъ на свекловичной плантаціи, найдены были: человѣческія и лошадиныя кости, сабля, кольчуга и проч., поручилъ мнѣ дальнѣйшія въ этомъ отношеніи изслѣдованія.

Приступивъ къ этому дѣлу, безъ историческихъ и археологическихъ данныхъ, единственно только съ любознательностью коллекціонера, я рассчитывалъ только на случайность.

Въ упомянутомъ мѣстѣ (см. планъ), на равнинѣ, за прудомъ м. *Рассавы*, въ урочищѣ, именуемомъ *Луки*, находится нѣсколько могилъ, разбросанныхъ на маломъ разстояніи; могилы эти низки и по большей части до того распаханы, что самая большая едва на 1 метръ возвышается надъ уровнемъ поля, а другія едва можно различить на его поверхности. Не далеко отъ этой группы находится другая, болѣе замѣтная, и близъ нея высокій курганъ, называемый „*Паньская могила*“.

Послѣ первой случайной находки окрестные жители разрыли болѣе выдающіяся могилы первой группы, отыскивая клады, на которые указывали мѣстные преданія простонародія.

Такимъ образомъ разрыты были безъ вѣдома графа три могилы, и въ нихъ найдено, на сколько можно было узнать, безъ означенія впрочемъ въ которой именно могилѣ, слѣдующіе предметы: двѣ кольчуги, 3 человѣческіе остова, 3 остова лошадиные, двѣ сабли, серебряный ошейникъ, нѣсколько костяныхъ неопредѣленныхъ предметовъ, о формѣ которыхъ невозможно было собрать свѣдѣній, горшокъ, который былъ разбитъ находчикомъ, досадовавшимъ на то, что въ немъ не оказалось ожидаемыхъ денегъ.

Стараясь по возможности вести дѣло тщательно, я откладывалъ отдѣльно найденное мною въ каждой могилѣ. Рабочіе рыли заступами, пока не попадали на какой-нибудь признакъ погребенія, затѣмъ я самъ скоблилъ землю столовымъ ножомъ, отбрасывая ее руками, такъ что и мельчайшія частицы не могли ускользнуть отъ моего вниманія.

Не смотря однако на всѣ предосторожности, найденные въ № 3 а браслеты, положенные на краю ямы, были тотчасъ вѣтъ-то похищены.

Въ первой группѣ разрылъ я 4 могилы: къ другой, не имѣя времени долѣе оста-
прилож.

ваться въ этой мѣстности, я не могъ приступить лично, знакомый же мой, продолжавшій раскопку послѣ моего выѣзда, не доставилъ объ нихъ никакихъ данныхъ ¹⁾.

Вотъ результаты моихъ поисковъ:

Могила или курганъ № 1.

Высота надъ уровнемъ около 1 метра, направленіе траншеи съ востока на западъ.

По длинѣ этой линіи лежалъ скелетъ лошадиный съ удиломъ въ зубахъ, съ обѣихъ сторонъ скелета стремяна; хребетъ и голова обращены къ верху, переднія ноги полусогнуты, какъ будто при вставаніи; съ лѣвой стороны лошади скелетъ человѣческій, надъ головою коего разбросаны мѣдные кусочки, покрытые вызолоченною серебрянною пластинкой, въ родѣ разрѣзанныхъ и немного раздвинутыхъ колець, куски и слѣды галуна подъ щеками и серебрянный ошейникъ, на костяхъ рукъ браслеты серебрянные, имѣющіе видъ подковъ, на концахъ которыхъ вдѣланы камни (Lapis Lazuli); куски и слѣды холста и матеріи отъ платья съ золотыми нитками; нѣсколько серебрянныхъ цѣпочекъ, и много золотыхъ и серебрянныхъ бляшекъ различной формы, но до того нѣжныхъ, что не было возможности взять ихъ въ руки, ибо онѣ превращались въ пыль. Оружія и стрѣлъ не было и слѣдовъ; наконецъ найденъ желѣзный висящій замокъ и весьма слабые слѣды дерева.

Могила № 2.

Высота около 1 метра, направленіе траншеи N—W 78°.

Скелетъ лошади въ такомъ же положеніи какъ въ № 1, но лѣвую сторону его скелетъ человѣческій, обращенный лицомъ къ задней части лошади; лѣвая рука и нога сверху скелета лошади, подъ щеками кусокъ галуна. Между ногъ скелета свернутая въ клубокъ кольчуга; на верху скелета сабля, остріе метательнаго копья и что то желѣзное, — вѣроятно оковка или украшеніе щита.

Могила № 3.

Высота могилы 40—45 центиметровъ, направленіе траншеи съ сѣвера на югъ; глубина ея 1 м. 20.

Найдено два скелета въ разстояніи 2½ метровъ одинъ отъ другого (см. профиль).

а) на сѣверномъ концѣ рва:

Изъ скелета остался только тонкій слой бѣлаго порошка (фосфорнокисл. извести) и нѣсколько косточекъ отъ пальцевъ рукъ и ногъ. Черепъ вынутый сейчасъ же обратился въ пыль.

¹⁾ Сличая свои находки съ находками, описанными въ изданіи Кіевской Археографической Коммиссіи, я нахожу, что нѣкоторыя древности изъ кургана Перецятыхъ, какъ браслеты и ошейники (которые Кіевская Археографическая Коммиссія признала украшеніями головы) похожи на предметы, найденные мною; но я не нашелъ въ трудахъ Коммиссіи извѣстій о діадемѣ (Diadème), галунахъ, холстѣ и матеріи отъ платья съ золотыми нитками, которые оказались въ Рассавскихъ курганахъ. Подобныхъ предметовъ, впрочемъ, нѣтъ и въ Пенитскомъ музеѣ, какъ извѣстно, весьма богатомъ остатками древностей Гуннскихъ и Скифскихъ.

Скелетъ находился въ гробѣ изъ дубоваго дерева, котораго одинъ кусокъ угловой указываетъ на то, какъ онъ былъ сдѣланъ: доски толстыя 6 до 8 а одинъ кусокъ даже до 10 сантиметровъ—поперечныя стѣны гроба впущены въ боковыя доски и сбиты желѣзными гвоздями, изъ которыхъ одинъ вынутъ мною изъ сгнившаго дерева. Ниже головы серебряный ошейникъ, скрученный изъ 3 проволоки, изъ коихъ одна кажется была покрыта эмалью голубаго цвѣта, потому что поверхность ея шереховата, другіе двѣ гладкія, вызолоченныя. Два браслета, лежавшіе не далеко отъ остатковъ пальцевъ—такой же работы какъ и ошейникъ. 4 желѣзныхъ гвоздя.

Сзади за черепомъ и остатками гроба, гдѣ я уже не надѣялся ничего найти, оказалось, къ несчастію разломанное заступомъ, которымъ пробовали землю, украшеніе головы въ родѣ діадемы: т. е. на деревянномъ валикѣ, обернутомъ холстомъ, нашиты одинъ около другаго описанные подъ № 1 кольца, которыя здѣсь были немного меньшаго размѣра. Галуны, холстъ, платье, конечно не могли сохраниться, такъ какъ и кости сами совершенно сгнили. Вооруженія тоже не было.

б) Другой скелетъ, находившійся на южномъ концѣ рва, сохранился немного лучше; но на мѣстѣ гроба была лишь только бѣлая полоса пыли, какую оставляетъ обыкновенно совершенно изгнившее мягкое дерево, какъ липовое, осиковое и т. п.

Найдено около шеи и на туловищѣ: четыре большія янтарныя бусы; двѣ маленькія костяныя бусы; три куска ляписъ-лазули въ родѣ мониста, весьма испорченные; одна серебряная пряжка, одна серебряная пуговица въ $6\frac{1}{2}$ сантиметровъ въ діаметрѣ; два серебряныя вызолоченныя кольца; одинъ костяной предметъ въ родѣ пуговицы.

Могилы № 4.

Высота едва замѣтная, не превосходящая 30 сантиметровъ, направленіе траншеи съ сѣвера на югъ, глубина около 1 м., 20.

Найдены одинъ человѣческій скелетъ, и при немъ: сабля, четыре желѣзные гвоздя, такой же формы и длины, какъ въ № 3 а, два стремена различной формы, одно удило, одно остріе отъ копыа весьма простой формы, четыре острія отъ стрѣлъ, двѣ оковки отъ ноженъ сабли, изъ чего можно заключить, что ножны были деревянные, окованныя желѣзомъ; два куска желѣза, неизвѣстнаго назначенія, четыре костяныя украшенія, камень въ родѣ оселка для остренія, одинъ фарфоровый полугоршокъ неизвѣстнаго употребленія, при которомъ кусокъ ремня, прикрѣпленный мѣдною заклепкою.

Могилы № 5, 6, 7 принадлежали ко второй группѣ, въ составъ которой входили: одинъ большой курганъ „Паньская могила“ и 28 малыхъ, плоскихъ и распаханныхъ могилъ. Въ этихъ трехъ могилахъ найдено по одному скелету въ гробахъ; оружія, украшеній никакихъ, кромѣ 2 серебряныхъ колецъ весьма низкой пробы, не найдено.

Въ № 8, по причинѣ можетъ быть неправильнаго разрытія, ничего не найдено.

Кромѣ этихъ могилъ находится еще ближе къ м. Рассавѣ, на берегу пруда, урочище

называемое „Замписко“; оно дѣйствительно окопано съ 3 сторонъ, а четвертою прилегаетъ къ болотистому берегу пруда.

Въ серединѣ окна когда то находился курганъ, но, по рассказамъ жителей, онъ былъ разбросанъ для удобнѣйшаго паханія поля. Я произвелъ раскопку на указанномъ мѣстѣ бывшего кургана и на глубинѣ 1 м. 20 найдены были 4 скелета въ деревянныхъ гробахъ—другъ около друга: на одномъ только были 2 браслета изъ мѣдной проволоки, до 3 миллиметровъ толщины, скрученные вдвое, формою похожіе на браслеты въ № 1. За тѣмъ осталось не разрытыхъ могилъ: въ первой группѣ 3, во второй 24 и большой курганъ „Паньская могила“. Вслѣдствіе различныхъ постороннихъ причинъ, я не могъ изслѣдовать оставшихся кургановъ.

Изъ произведенныхъ раскопокъ я вывожу такія заключенія:

a) Всѣ скелеты положены лицомъ вверхъ, головою на западъ, а потому нужно рыть траншеи по направленію съ сѣвера на югъ, черезъ середину могилы или кургана для того, чтобы попасть поперегъ могильной ямы; ведя траншею въ другомъ направленіи, легко можно ошибиться и пройти мимо ямы, ничего не находя: это навѣрно случилось при раскопкѣ № 8.

b) Очевидно, что при погребеніи копалась яма почти на такую глубину какъ и теперь, около 1 м. 20¹⁾; туда клались покойники по одиночкѣ, въ гробахъ—если хоронились одни, и безъ оныхъ—если хоронились съ лошадью. На засыпанную яму, на верхъ ея, наносили землю и насыпали болѣе или менѣе высокій курганъ, смотря, можетъ быть, по достоинству покойника. Земля на насыпь бралась въ окрестности кургана, но на небольшую глубину, потому что въ близи кургановъ, хотя бы высокихъ, нигдѣ углубленій не встрѣчается. Насыпи кургановъ состоятъ изъ чернозема съ примѣсью желтоватой глины, составляющей въ здѣшнемъ краѣ подъ слоемъ чернозема подпочву (sous-sol). Проводя траншею, черезъ середину могилы въ направленіи S—N, по цвѣту земли на ея стѣнкахъ можно опредѣлить присутствіе или отсутствіе могильной ямы. Материкъ (подпочва) состоитъ изъ сплошной желтой глины, которая, даже для неопытнаго глаза, рѣзко отличается отъ насыпной земли, разумеется уже перемѣшанной съ черноземомъ, сѣроватой, носящей у народа названіе: „рушена земля“.

c) Высокіе курганы, видные на большое пространство, раскопаны лишь до половины высоты, и для того безъ всякихъ результатовъ; нѣкоторые курганогграфы называли ихъ караульнями; но можно-ли утвердительно сказать, что эта страна въ отдаленное

¹⁾ На основаніи высказаннаго замѣчанія, я нахожу неудовлетворительнымъ способъ раскопки кургана въ Сѣдлиновицахъ въ Галиціи, около Кракова (см. Biblioteka Warszawska, 1860, Lpice); раскопка эта дошла только до уровня горизонта, между тѣмъ какъ могильную яму можно предположить ниже этого уровня. На этомъ основаніи нельзя согласиться съ выводами, высказанными по поводу этой раскопки.

время была степью, не поросшею лѣсомъ, и что изъ кургановъ, нынѣ нами находимыхъ, можно было видѣть неограниченную даль?

Правда, съ другой стороны, что разрытіе кургановъ, особенно высокихъ, требуетъ большихъ расходовъ и представляетъ большія затрудненія. Выбрасываемую землю нужно отвозить подальше, и раскапывать поширѣ изъ опасенія обваловъ стѣнокъ канавы, что и мнѣ случалось на низкой даже могилѣ № 1.

d) Судя по найденнымъ въ каждой группѣ предметамъ, можно бы предположить, что въ первой, могилы: №№: 1, 2, 3, 4, а также три раскопанные до моихъ изслѣдованій, принадлежатъ начальникамъ или вельможамъ племени, а вторая группа, №№ 5, 6, 7, 8 состоитъ изъ могилъ черни, или, можетъ быть, невольниковъ.

e) Мужчины хоронились съ оружіемъ и лошадью, чуть-ли еще не живую, какъ доказываетъ членорасположеніе скелета лошади № 1 и 2. Тамъ же, гдѣ лошадь могла быть убитою, хоронили съ покойникомъ только сѣдло и уздечку № 4. Можно бы еще полагать, что № 4 былъ не убитый, а умершій, ибо схороненъ въ гробѣ, а потому и лошади возлѣ него не было.

f) Женщины, что можно заключить изъ ошейниковъ, браслетовъ, діадемъ и прочихъ украшеній, а также и изъ недостатка въ ихъ могилахъ вооруженія, хоронились тоже иногда съ лошадью (№ 1), но безъ гроба; другія безъ лошади, но въ гробѣ (№ 4).

g) Гробы изъ 4 досокъ, сбиты желѣзными гвоздями; слѣдовательно въ то время, когда металлическія издѣлія были уже хорошо извѣстны.

h) Желѣзные предметы до того испорчены ржавиною, что употребленіе нѣкоторыхъ трудно опредѣлить; мѣдь же, а особенно серебро, вынутыя изъ земли, до того хрупки, что ломаются отъ малѣйшаго усилія; ошейникъ (№ 3), не смотря на свою толщину и осторожное обращеніе, распался на 4 куска, множество же тонкихъ бляшекъ, серебряныхъ и золотыхъ, различной формы, вѣроятно принадлежавшихъ женскимъ украшеніямъ (№ 1), не возможно поднять изъ земли.

i) Сабли обыкновенной формы, длиною 1 м. 17, мало выгнутыя и почти прямыя. Ножи деревянные, окованы желѣзомъ; на клинкѣ, возлѣ рукоятки, слѣды какихъ то надписей или арабесковъ. При вооруженныхъ покойникахъ находились постоянно куски камня въ родѣ оселковъ, служившіе, вѣроятно, для оттачиванія сабли и стрѣлы.

k) Вообще покойники были большого роста, и, включая по здоровымъ, и въ полномъ числѣ уцѣлѣвшимъ, зубамъ, молодые; лошади были тоже не старыя.

l) Замѣчательно, что, при разрытіи могилъ, не найдено ни одной монеты, хотя выдѣлка чеканенныхъ серебряныхъ и золотыхъ украшеній была уже хорошо извѣстна, на что указываютъ части діадемы, галуны, матерія изъ платія съ вызолоченными серебряными нитками и вышеупомянутыя бляшки.

Отсутствіе монеты у древнихъ обитателей страны подтверждается еще и тѣмъ, что при паханіи поля, при рытіи фундаментовъ и т. п. находили во время 26 лѣтняго моего

пребыванія въ этой странѣ только римскія серебрянныя и золотыя монеты, называемыя здѣшнимъ народонаселеніемъ „*Ивановы головки*“; очень рѣдко византійскія монеты, и, чаще всего, польскія XVII стол., а также бельгійскіе и нѣмецкіе талеры.

т) Въ курганографіи Украины авторы описывали и сосчитывали курганы и могилы замѣтныя по своему объему, но мало или вовсе не обращали вниманія на низкія насыпи, представляющія или кладбищныя могилы, или такія, которыхъ недостатокъ времени не позволилъ сдѣлать высокими, и которыя, въ послѣдствіи, были почти совершенно распаханы; между тѣмъ эти ничтожныя насыпи, какъ оказывается изъ раскопанныхъ подъ Рассавою, могутъ содержать въ себѣ много интересныхъ для науки предметовъ.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ 1866 года бывшій волостной писарь Хмѣлевскій принесъ мнѣ для продажи слѣдующіе предметы, которые онъ будто бы выкопалъ въ какомъ то курганѣ, лежащемъ, по его же словамъ, разъ въ с. Трилѣсахъ, другой разъ въ с. Антоновкѣ (обѣ мѣстности Васильковского уѣзда): ¹⁾

- 1) Половину золотой монеты вѣсомъ 0,75 гр.
- 2) Косточку въ родѣ плоской пуговицы съ отверстіемъ въ серединѣ.
- 3) Какое то украшеніе изъ кости (вѣроятно слоновой).
- 4) Двѣ сабли, изъ коихъ одна переломана.
- 5) Шлемъ желѣзный конической формы.
- 6) Нѣсколько кусковъ галуна и холста, протканнаго золотыми нитками.
- 7) Ошейникъ изъ желтой мѣди, разломанный на 3 части.

Предметы эти составляли нераспроданные остатки находки, которую Хмѣлевскій сбывалъ по частямъ какъ въ Кіевѣ, такъ и мѣстнымъ евреямъ. Меня особенно заинтересовалъ обломокъ золотой монеты, какъ предметъ, понынѣ не находившійся въ курганахъ. Онъ же сообщилъ, что много талеровъ и другихъ монетъ продалъ въ Университетскій музей Св. Владиміра ²⁾.

Вещи, принесенныя Хмѣлевскимъ я купилъ; но, узнавъ объ этомъ, мѣстныя полицейскія власти потребовали отъ меня выдачи ихъ г. становому приставу; куда онѣ поступили впослѣдствіи? мнѣ не извѣстно, хотя затраченныя на покупку ихъ деньги, нѣмъ не были мнѣ возвращены.

Между тѣмъ описаніе своей покупки я сообщилъ Я. Я. Волошинскому, котораго отвѣтъ и замѣчанія прилагаю:

„Прочитавъ статью „Кіевлянина“ я убѣдился, что человекъ, который вамъ продалъ

¹⁾ Приемы находчика и его сбивчивыя показанія вообще не могутъ вселять довѣрія къ его рассказамъ.

²⁾ Нынѣ я узналъ, что Хмѣлевскій и теперь (1874) начиналъ поиски въ с. Лосѣтинѣ Васильковского уѣзда на поляхъ графа В. В. Браницкаго, но былъ устранилъ.

описанные предметы есть тотъ самый Димитрій Хмѣлевскій, бывш. вол. писарь, который въ прошломъ году приносилъ мнѣ для продажи до 300 штукъ мелкой монеты и нѣсколько талеровъ. Мелкая монета состояла изъ грошей, полтораковъ и шеляговъ Сигизмунда III и Іоанна Казимира, а также изъ шведскихъ и брандебургскихъ монетъ того же времени. Между талерами бельгійскими и нѣмецкими, я нашелъ одинъ Іоанна Казимира 1649 года. Кромѣ того испорченной и поломанной монеты было до 6 лотовъ. Вообще всѣ мелкія монеты плохо сохранились и, очевидно, были въ огнѣ.

„Все это, кромѣ талеровъ и лому, я купилъ у Хмѣлевскаго за 4 руб. с. По его словамъ, кладъ былъ найденъ въ Трилѣсахъ, при раскопкѣ кургана или какого то урочища, гдѣ, по преданію, было древнее мѣстечко того же названія, уничтоженное войною 1651 года. Хмѣлевскій находилъ тамъ слѣды пожарища, недогорѣвшее дерево, что и оставило слѣдъ на монетѣ, очевидно спрятанной тамъ до пожара, и свидѣлствуетъ о времени онаго, ибо новѣйшая монета была съ 1649 г. Найдено также нѣсколько пудовъ обугленнаго дубоваго дерева, которое Хмѣлевскій будто продалъ кіевскимъ столярамъ¹⁾. Кромѣ того найденъ также горшокъ съ высокимъ дномъ съ однимъ ушкомъ, котораго черепокъ и выдѣлка заставляютъ сомнѣваться въ его древности.

„Хмѣлевскій не кончилъ своихъ розысковъ; онъ будто дошелъ до какаго то базальтоваго свода²⁾, кусокъ котораго показывалъ; такъ какъ, по его словамъ, пробить послѣдній невозможно было по причинѣ слишкомъ сжатого воздуха, то рабочіе должны были удалиться.

„Вотъ и все, что могу вамъ сообщить о Хмѣлевскомъ.

„Возвращаясь къ фактамъ, описаннымъ въ вашемъ письмѣ и сравнивая ихъ съ сообщенными въ „Кіевлянинѣ“ (четвергъ, 29 сентября, 1866, № 115), легко можно видѣть оправданіе вашихъ предположеній о томъ, что болѣе цѣнныя вещи были дѣйствительно найдены и попали въ руки евреевъ.

„Наиболѣе интересуеъ меня свѣдѣніе о золотой монетѣ съ отверстіемъ, найденной будто бы въ одномъ изъ 4 кургановъ, раскопанныхъ въ с. Антоновѣ (Васильковского уѣзда). Дѣйствительно-ли она найдена въ курганѣ? если такъ, не въ томъ ли самомъ, въ которомъ будто бы, по словамъ газеты, найдены позолоченныя бляшки и изломанная монета, проданная вамъ. Какъ первая такъ и эта послѣдняя могли служить для украшеній въ такомъ родѣ, въ какомъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ найдены были извѣстнымъ курганографомъ, покойнымъ Савеліевымъ, украшенія въ курганахъ Владимірской губерніи, состояція изъ монетъ англо-саксонскихъ X и XI столѣтій³⁾. Еслибы сказанныя

¹⁾ Хмѣлевскій думалъ, что черная дубина дѣлается посредствомъ обугливанія.

²⁾ Въ этой мѣстности базальта вовсе нѣтъ; Хмѣлевскій вымышленными рассказами хотѣлъ обмануть легковѣрныхъ и отвести вниманіе отъ мѣста настоящихъ своихъ поисковъ.

³⁾ Еврейки наши издавна привыкли носить на шеѣ разныя золотыя монеты, какъ украшеніе. Я бы полагалъ, что обѣ вышеупомянутыя золотыя монеты могли быть найдены въ Трилѣсахъ и принадлежать украшеніямъ XVII в., а не до-историческимъ курганамъ. Э. В.

двѣ монеты дѣйствительно были найдены въ курганѣ, то стоило бы спросить Хмѣлёвскаго объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ поиски, а именно: въ которыхъ курганахъ какія найдены вещи; какіе въ томъ или въ другомъ курганѣ соблюдены были обряды; сожиганіе или обыкновенное погребеніе тѣлъ: въ катакомбахъ, гробахъ или безъ оныхъ? могильныя ямы были ли сдѣланы на поверхности земли или подъ курганомъ ниже уровня горизонта? Найдена ли при скелетахъ глиняная посуда и какой формы?"

"Трудно, дѣйствительно, повѣрить рассказамъ Хмѣлёвскаго, который совершенно не заботился о курганографическихъ фактахъ, а только о металлѣ и то, смотря по его цѣнности. Что касается купленныхъ вами вещей, трудно сказать объ нихъ что нибудь основательнаго, тѣмъ болѣе, что ничего подобнаго въ курганахъ я не находилъ. Вотъ мои соображенія или догадки по этому поводу:

1) „Большое украшеніе изъ кости могло, какъ кажется, быть половиною отъ украшенія щита или колчана (Pharetra).

2) „Шлемъ, быть можетъ, принадлежалъ тому субъекту, который, по словамъ корреспондента „Кіевлянина“, былъ найденъ въ одномъ изъ Антоновецкихъ кургановъ, въ кольчугѣ. Не знаю, впрочемъ, что корреспондентъ разумѣетъ подъ словомъ кольчуга: чешуйчатый-ли панцырь или проволочную рубаху? Въ первомъ случаѣ я бы могъ указать 2 аналогическія находки: въ одномъ курганѣ близъ Василькова найденъ мною скелетъ въ подобномъ панцырѣ и при немъ нѣсколько стрѣлъ, при открытіи же *золотыхъ воротъ*, 30 слишкомъ лѣтъ тому назадъ, найденъ въ ихъ развалинахъ подобный вашему шлему, хранящійся въ нашемъ Кіевскомъ музеѣ, по мнѣнію Русскихъ археологовъ несомнѣнно варяжскій; если же кольчуга означаетъ рубаху изъ проволочныхъ колець, то она принадлежала вѣроятно татарину или поляку позднѣйшаго времени ¹⁾; но въ такомъ случаѣ предположеніе мое о мѣстѣ нахожденія шлема несправедливо, ибо шлемы польскіе и татарскіе были круглые или гребенчатые, но не коническіе.

3) Такъ какъ, по вашему описанію, сабли были обыкновенной формы и притомъ со слѣдами золотыхъ надписей или какихъ то украшеній, то слѣдовало бы подозрѣвать, что онѣ найдены въ *трилискихъ* развалинахъ. Тогда приблизительная эпоха для сабель (судя по найденнымъ монетамъ), будетъ XVII вѣкъ“.

4) Наконецъ относительно вашего обломка монеты, на сколько можно судить по рисунку и формѣ буквъ, я полагаю бы, что она относится къ числу монетъ средне-вѣковаго чекана“.

¹⁾ Я полагаю бы, что авторъ въ этомъ отношеніи ошибается, ибо при раскопкахъ не-сомнѣнно до-историческихъ кургановъ Рассавы, постоянно встрѣчались кольчуги. Э. Б.

ДРЕВНЯЯ ПЕРЕСЛАВСКАЯ ЕПАРХІЯ.

Сообщено священникомъ А. Свирѣлинымъ.

Исторія епархіи переславской.

Переславль-Залѣсскій, построенный въ 1152 году Суздальскимъ княземъ Юріемъ Владиміровичемъ, съ давнихъ поръ имѣлъ у себя лицъ архіерейскаго сана. Изъ древнихъ
прилож.

памятниковъ видно, что въ 1225 году былъ въ немъ епископъ Митрофанъ ¹⁾, а въ княженіе в. к. Дмитрія Александровича епископствовалъ митрополитъ Кириллъ, погребенный въ кіевскомъ софійскомъ соборѣ ²⁾. Вѣроятно, доколѣ существовало особое переславское княженіе и не было въ послѣдствіи присоединено къ Москвѣ, т. е. отъ 1174 г. по 1302 г., были въ Переславлѣ особые епископы. По присоединеніи-же пер. княжества къ Москвѣ, не настояло надобности въ переславской епископіи; но бывали въ Переславлѣ и епископы и судъ чинили ³⁾. Со времени присоединенія переславскаго княжества къ Москвѣ, Переславль оставался въ вѣдѣніи московской каѳедры до 1744 года, т. е. до учрежденія особой переславской епархіи, въ царствованіе императрицы Елисаветы Петровны. Причины, побудившія къ учрежденію переславской епархіи, изъяснены въ указѣ Свят. Синода отъ 18 іюля 1744 года. „Московской епархіи,—пишется тамъ,—въ разныхъ и дальнихъ отъ Москвы разстояній городѣхъ и уѣздѣхъ состоитъ церквей болѣе пяти тысячъ, монастырей болѣе двухъ сотъ, которыхъ единому архіерею (вѣдати?) весьма невозможно, отъ чего размножается расколъ и въ дѣлахъ челобитчиковъ, тако-жъ производимыхъ во священство и въ церковный причетъ, волокита и многое продолженіе чинитца, а тоя московской епархіи въ нѣкоторыхъ городѣхъ напередъ сего епископы были; чего для по разсужденію св. Синода для лучшаго церквей святыхъ правленія между прочимъ учредить епископа въ Переславль-Залѣсскомъ и писатца Переславскимъ и Дмитровскимъ, и къ нему, къ Переславлю-Залѣсскому, приписать города—Александрову слободу, Дмитровъ, Можайскъ со Гжатью, Верею, Волоколамскъ, Рузу, въ оныхъ городѣхъ съ уѣзды шесть сотъ пять церквей, мужскихъ монастырей пятнадцать, дѣвичьихъ десять ⁴⁾“. Въ

¹⁾ Описаніе Переславля Плишкина въ 1802 году, въ которомъ сдѣлана ссылка на Дѣтскій атласъ т. IV, стр. 375.

²⁾ ок. 1267—1292 года. Стен. кн. стр. 375.

³⁾ Осенью напр. 1303 года при кн. Андрей Александровичъ въ присутствіи митр. Максима въ Переславлѣ былъ княжескій сеймъ; въ 1311 году былъ въ Переславлѣ созванъ соборъ на св. митроп. Петра по ложному доносу тверскаго епископа Андрея: на этомъ соборѣ святитель Петръ былъ оправданъ и Андрей сознался въ клеветѣ; въ 1354 году жилъ въ Переславлѣ правившій моск. митрополіею епископъ Аванасій изъ Волыни—и поставившій въ Переславлѣ въ игумена преп. Сергія Радонежскаго. (См. въ описаніи Плишкина ссылку на Стен. кн. 452 г. и геогр. атласъ Полунина стр. 401).

⁴⁾ Эти церкви и монастыри въ томъ-же указѣ исчисляются такъ:

1. Въ Переславль-Залѣсскомъ и Александровой слободѣ и уѣздѣ <i>церквей</i>	253.
2. Въ Дмитровѣ	139.
3. Въ Можайскѣ со Гжатью	83.
4. Въ Вереѣ	40.

послѣдствіи скоро быть присоединенъ къ новой епархіи г. Клинъ, а нѣкоторыя изъ приписанныхъ селъ сдѣлались городами, напр. Киржачъ и Покровъ. Такимъ образомъ Переславскую епархію составляли: епархіальный главный городъ Переславль и еще 3 города владимірской губерніи, Александровъ, Киржачъ, Покровъ, 5-ть городовъ московской: Дмитровъ, Клинъ, Руза, Верея, Волоколамскъ и 1 смоленской—Гжатскъ, всего 10 городовъ. Таковъ составъ городовъ переславской епархіи, какъ видно изъ представленной выше карты, очень ясно показываетъ, что при формированіи епархіи не обращалось вниманія ни на этнографическое отношеніе, ни тѣмъ болѣе на административно-политическое. Нужно было облегчить трудность управленія московскаго архіерея, отдѣлить нѣсколько городовъ отъ московской епархіи и поставить епископовъ въ тѣхъ городахъ, въ которыхъ они прежде были; Переславль оказался такимъ городомъ, и вотъ учреждается переславская епархіа и Переславль дѣлается каѳедральнымъ городомъ на самомъ краю епархіи. Неудобство выбора Переславля въ каѳедральный городъ впрочемъ скоро было замѣчено. Въ 1753 году назначенъ былъ на переславскую каѳедру архимандритъ ставропигіальнаго монастыря „Новый Іерусалимъ“ Амвросій, и ему велѣно имѣть пребываніе въ томъ монастырѣ и консисторію перевести туда же: „потому что, сказано въ указѣ, оный монастырь по положенію своему въ самой срединѣ переславской епархіи состоитъ, такъ и разстояніемъ ко всей оной епархіи городамъ предъ Переславлемъ поближе обрѣтается“. Изъ документовъ архива переславскаго Даниловскаго монастыря усматривается, что и другія епархіи учреждались, не имѣя отношенія къ административному дѣленію губерній, и составъ епархій часто измѣнялся. Напримѣръ указомъ св. Синода отъ 28-го мая 1788 года постановлено: „Крутицкой епархіи не быть, калужскую присоединить къ московской, переславской епархіи не быть же, епископа переславскаго перевести въ коломенскую, именуя его Коломенскимъ и Тульскимъ; состоящіе въ оной епархіи монастыри и церкви раздѣлить по другимъ; Владимірскому епископу именоваться Суздальскимъ

5. Въ Волоколамскѣ	46.
6. Въ Рузѣ	44.
	<hr/>
	605.

Монастырей мужскихъ 15: въ Переславлѣ—Горицкій, Даниловъ, Никитскій, въ уѣздѣ—Николаевскій, Борисоглѣбскій на пескахъ; пустыни: Введенская островская, Лукіанова, Николаевская на Солбѣ, Борисоглѣбская; въ Дмитровѣ—Борисоглѣбскій, въ Можайскѣ—Лужецкій, въ уѣздѣ—Колоцкій, въ Вереѣ—Входо-спасо-іерусалимскій, въ Волоколамскѣ—Іосифовъ и Возмицкій. Нѣкоторое время считались въ пересл. епархіи Троицко-Сергіева Лавра и Воскресенскій Новый Іерусалимъ.

Женскихъ монастырей 10: въ Переславлѣ—Оедоровскій, Срѣтенскій, Вознесенскій, Князь-Андреевскій, Введенскій, въ Александровѣ—Успенскій, въ Дмитровѣ—Пятницкій, въ Можайск. уѣздѣ—Петровскій, на Волоколамскѣ—Власьевскій и Варварскій.

и Владимірскимъ, и епархією ею, замѣчено въ указѣ, *будетъ составлять уже вся Владимірская губернія:*“ вотъ когда ясно и точно обращено было вниманіе на соотвѣтствіе епархіальнаго дѣленія городовъ съ дѣленіемъ ихъ по губерніямъ.

Составъ переславской консисторіи.

Указомъ св. Синода 8 ноября 1744 года постановлено въ каѳедральномъ Горицкомъ монастырѣ учредить для правленія духовныхъ дѣлъ консисторію и имѣть въ ней засѣданіе архимандриту Горицкому, намѣстнику Троицкой лавры, соборному іеромонаху, Никитскому игумену, соборному протопопу и секретарю.

Средства къ содержанію переславской епархіи.

„Для жительства назначенному преосвященному во вновь учрежденную Переславскую епархію, пишется въ указѣ св. Синода 1744 года, и содержанія его и всякаго званія при немъ имѣющимъ быть духовнымъ и свѣтскимъ разныхъ чиновъ и приказныхъ служителей, за удобно-судится, со всѣми денежными и хлѣбными доходами отдать въ Переславль-Залѣсскомъ Горицкій монастырь, который, по соизволенію Ея Императорскаго Величества, изъ вѣдомства бывшей коллегіи экономіи выключить и ни чѣмъ до него той коллегіи не касатца и отставныхъ отъ службы штабъ и оберъ и унтеръ офицеровъ и солдатъ на пропитаніе въ тотъ монастырь не посылать, и монаховъ излишнихъ вывести изъ того монастыря въ другіе монастыри“. Эти средства дѣйствительно были достаточны какъ для архіерея, такъ и для содержанія консисторіи, такъ какъ за Горицкимъ монастыремъ состояло болѣе 5000 вотчинныхъ крестьянъ. Кромѣ того, въ нѣкоторыхъ случаяхъ къ жертвамъ на епархіальныя потребности привлекались подвѣдомственные епархіи монастыри. Такъ, когда вновь поставленный на епархію архієпископъ Арсеній возвращался въ Переславль съ богомолья изъ Кіева,—тогда велѣно отъ переславскихъ монастырей поставить для проѣзда его и его свиты ко 2-му ноябрю (1744 года) въ 25 верстахъ отъ города 40 лошадей. А когда въ 1754 году преосв. Амвросій, жившій въ Воскресенскомъ „Новый Іерусалимъ“ монастырѣ, задумалъ осмотрѣть Переславль; тогда приказано было переславскимъ монастырямъ выставить на двѣ станціи 200 лошадей: 100 у Троицкой лавры и 100 у Лукіановой пустыни. Этими подводами пользовался и секретарь консисторіи. Въ 1745 году секретарю встрѣтилась надобность побывать въ Москвѣ, и резолюцією преосвященнаго разрѣшено было дать ему отъ переславскихъ монастырей 12-ть подводъ. Въ 1753 году для каѳедральной конторы консисторскихъ дѣлъ (консисторія была въ это время въ „Ново-Іерусалимскомъ монастырѣ“) собирались съ монастырей дрова для отопленія и деньги для покупки бумаги, сургуча и свѣчъ.

Епископы переславской епархіи.

1. Первымъ епископомъ переславской епархіи былъ архіепископъ Арсеній Могиланскій, синодальный членъ, поставленный изъ архимандритовъ Троицко-Сергіевой лавры; почему и именовался „Переславскимъ и Дмитровскимъ и архимандритомъ Свято-Троицкія лавры“. Посвященіе его во епископа происходило въ придворной церкви 25 іюля 1744 года. Такъ какъ онъ состоялъ членомъ Синода; то въ помощь ему для управленія епархіею указомъ Синода 1745 года марта 30 данъ былъ викарный епископъ. Такимъ былъ Серапіонъ, посвященный во епископа изъ архимандритовъ Колязинскаго монастыря. Ему велѣно было именоваться „епископомъ Можайскимъ и Волоколамскимъ“ и быть коадьюторомъ Переславской архіепископіи, и жить въ Переславскомъ Никитскомъ монастырѣ. Можайская епархія при этомъ была присоединена (1749 года) къ переславской. На ектеніяхъ при священнослуженіи опредѣнено было возглашать такъ: „о преосвященнѣйшемъ архіепископѣ нашемъ Арсеніи и боголюбивомъ епископѣ Серапіонѣ“. 1752 года іюня 26 архіепископъ Арсеній за болѣзнію былъ уволенъ отъ члена Синода, епархіи и архимандрита Троицкой лавры и назначенъ, согласно его прошенію, на жительство въ Новгородъ-Сѣверской монастырь черниговской губерніи.

2. Серапіонъ. Поступилъ онъ въ управленіе епархіею на мѣсто Арсенія въ 1752 году. По смерти же Арсенія, указомъ 1753 года февраля 28 повелѣно ему быть настоящимъ Переславской и Дмитровской епархіи всея архіереємъ. Правилъ онъ впрочемъ, только до 29 октября того же года и переведенъ былъ въ вологодскую епархію. Недолгое правленіе этого архипастыря ознаменовалось весьма важнымъ событіемъ: въ 1753 году онъ учредилъ въ Переславскомъ Даниловомъ монастырѣ епархіальную семинарію, въ которой преподавались науки философскія и богословскія.

3. Амвросій. Поступилъ онъ на переславскую епархію въ 1753 году изъ архимандритовъ ставропигіальнаго „Новый Іерусалимъ“ монастыря. Посвященіе его во епископа происходило 7 ноября въ московскомъ Успенскомъ соборѣ. Въ указѣ св. Синода отъ 29 сентября, между прочимъ написано: „и чинить ему какъ духовнымъ церковнаго клира, такъ и всякаго званія свѣтскимъ служителемъ яко пастырю и командиру достоюжное послушаніе и повиновеніе. Пребываніе ему назначено было имѣть въ монастырѣ „Новый Іерусалимъ“ въ который переведена и консисторія; въ Переславлѣ же осталась каѳедральная контора консисторскихъ дѣлъ; но преосвященный Амвросій заботился и объ устроеніи каѳедральнаго Горицкаго монастыря. Онъ устроилъ въ немъ соборную церковь во имя Успенія Божіей Матери; величіе этой церкви поражаетъ cadaго и въ настоящее время. На освященіе ея въ 1759 году къ 25 декабря приглашены были все настоятели мужскихъ монастырей Переславской епархіи. Онъ также застроилъ по образцу Ново-іерусалимскаго монастыря громадное зданіе, названное Геосиманією; но къ сожалѣнію

не привелъ его къ окончанію за переведеніемъ своимъ въ 1761 году (марта 7) въ крутицкую епархію. Начатыя имъ громадныя постройки представляютъ въ настоящее время однѣ грустныя развалины. Изъ крутицкой епархіи преосвященный Амвросій былъ переведенъ въ Москву, гдѣ въ 1771 году взбунтовавшейся во время моровой язвы, народомъ былъ убитъ.

4. Сильвестръ. На переславскую епархію поступилъ въ 1762 году января 9-го изъ архимандритовъ Переславскаго Никитскаго монастыря. Это былъ замѣчательно ученый преосвященный. Онъ значительно умножилъ библіотеку епаршей семинаріи и книгами и механическими инструментами. Правилъ епархіею до 1768 года (февраля 4-го), въ которомъ переведенъ въ крутицкую епархію. По увольненіи отъ епархіи, онъ жилъ на покой сперва въ Ново-іерусалимскомъ монастырѣ, а потомъ въ московскомъ Спасо-Андроніевомъ.

5. Геннадій. Онъ поступилъ на епархію изъ архимандритовъ и ректоровъ московскаго Заиконоспасскаго училищнаго монастыря. Посвященіе его во-епископа происходило 1768 года апрѣля 13-го въ московскомъ Успенскомъ Соборѣ. Въ свое правленіе онъ застроилъ въ Горницкомъ монастырѣ каменную колокольню съ церковію подъ нею во имя Богоявленія Господня. Скончался 16-го августа 1773 года и погребенъ въ Горницкой соборной церкви въ придѣлѣ рождества Пресвятой Богородицы.

6. Антоній. Поступилъ на переславскую епархію въ 1774 году (февраля 2-го) изъ архимандритовъ новгородскаго Николаевскаго Вязинскаго монастыря и правилъ ею по 1776 годъ. Въ семь году сентября 19-го переведенъ въ астраханскую епархію, гдѣ и скончался въ 1786 году.

7. Теофилактъ. Поступилъ на епархію изъ архимандритовъ московскаго Донскаго монастыря въ 1776 году (сентября 19-го). Онъ продолжалъ устроить каменныя постройки, начатыя Амвросіемъ и Геннадіемъ и строилъ новыя, такъ онъ колокольню и церковь подъ нею привелъ къ окончанію; главы и крыши на церквахъ вмѣсто деревянныхъ устроилъ желѣзныя; за тѣмъ на Высочайше пожертвованныя деньги 11 тысячъ рублей украсилъ церкви отличною стѣнною живописью,—около монастыря башни на оградѣ и флигель для консисторіи построилъ вновь каменные. Правилъ епархіею по 1788 годъ; а въ семь году мая 28 переведенъ въ коломенскую епархію, гдѣ и скончался сентября 12-го дня 1788 года.

Теофилактъ былъ послѣднимъ епископомъ въ переславской епархіи. Съ переводомъ его на коломенскую епархію упразднена переславская епархія, существовавшая такимъ образомъ ровно 44 года. Состоявшіе въ ея вѣдѣніи монастыри и церкви раздѣлены по другимъ епархіямъ, сообразно тому, къ какой губернія принадлежали города. Кафедраль-

ный г. Переславль присоединенъ ко Владимірской епархіи; вещи архіерейскаго дома были отданы на храненіе въ Переславль Даниловъ монастырь ¹⁾).

(Составлено на основаніи документовъ, хранящихся въ Переславскомъ Даниловскомъ архивѣ)

¹⁾ Вотъ описъ этимъ вещамъ: 2 кресла, обитыхъ черною кожею, 12 кресель дубовыхъ съ кожаными подушками, 14 скатертей камчатого узору, 3 простаго узору, 9 салфетокъ простаго узору.

Мѣдной посуды: доска подносная зеленой мѣди, чашка полоскательная зеленой мѣди, 2 кофейника красной и зеленой мѣди, 3 блюда (для печенія пироговъ) красной мѣди, 2 самовара зеленой мѣди, 16-ть подсвѣчниковъ зеленой мѣди, 3 высокихъ красной мѣди, 1 рукомойникъ зеленой мѣди, 7 тазовъ зеленой мѣди, 9 котловъ большихъ и малыхъ, 5 водочныхъ кубовъ, 2 трубы, 3 кургана, 1 коробка, 3 ядовы, 4 чайника, 3 иготы съ толкачами, 30 кострель съ крышками и безъ крышекъ, 7 лоханей красной мѣди, 1 ложка разливная, 1 форма ланшевенная, 2 судка выносныхъ мѣдныхъ.

Опытъ изслѣдованія номенклатуры селъ, селецъ, деревень и пустошей Переславскаго уѣзда (Владимірской губерніи).

Сообщено священникомъ А. Свирѣлинымъ.

Всѣхъ вообще селъ, селецъ, деревень и пустошей въ Переславскомъ уѣздѣ до 1500. Въ настоящемъ изслѣдованіи, какъ первомъ опытѣ, мы обратили вниманіе на номенклатуру тѣхъ изъ нихъ, которыя начинаются съ буквъ А и Б. Очевидно, что окончательнаго вывода изъ этого изслѣдованія еще нельзя сдѣлать; онъ можетъ быть только по окончаніи всей работы. Тѣмъ не менѣе и настоящія замѣтки не лишены интереса.

I. Села.

Селъ, начинающихся съ А и Б девять: Алексино, Алѣерово, Андреяново, Бахтышево, Бибермево, Благовѣщенскій погостъ, Благовѣщенское, Брембола или Брендола, Будовское.

Названія свои эти села получили:

1. Отъ имени церквей и храмовыхъ мѣстныхъ праздниковъ: Благовѣщенскій погостъ, Благовѣщенское.
2. Отъ именъ лицъ, почему-либо замѣчательныхъ въ свое время и въ своемъ мѣстѣ: Андреяново, Алексино.
3. Отъ имени предметовъ, которые составляли промыслъ жителей: Брендола (бреніе дѣлать, т. кирпичи изъ глины).
4. Отъ положенія мѣстности, на которой стоитъ село: Алѣерово (отъ *altus*-возвышенный), Бибермево (отъ *berma*—мѣстность, находящаяся между краемъ рва и крутистою прилож.

двухъ горъ. Въ просторѣчи село это называется Биберево (bibo пью и rivus ручей) отъ обилія ручьевъ въ томъ селѣ. То и другое названіе согласно съ дѣйствительностію.

5. Отъ историческихъ воспоминаній: Будовское (отъ будочникъ), при которомъ въ древнія времена отъ набѣговъ непріятелей на Переславль стояла стража.

6. Отъ татарскихъ словъ: Бахтышево (отъ бахта—бухарская и хивинская бумажная выбойка).

II. Сельца.

1. Сельцы, въ числѣ 10, суть: Андреевское, Анисимово, Антоново, Архангельское, Багримово, Бакшево, Большово, Братовщина, Бутаково, Бутримово.

Названія свои они получили:

1. Отъ именъ лицъ: Андреевское, Анисимово, Антоново, Братовщина (отъ брать).
2. Отъ имени сель: Архангельское, Багримово (с. въ Александровскомъ уѣздѣ).
3. Отъ произрастеній, которыя разводятся при сельцѣ: Бакшево (отъ бакша—поле, на которомъ родятся овощи).
4. Отъ пространства, которое занимаетъ сельцо: Большово.
5. Отъ качества почвы, на которой оно стоитъ: Бутаково (отъ бутоваго камня).
6. Отъ неизвѣстныхъ именъ: Бутримова.

III. Деревни.

Деревень восемь: Акулово, Аленкино, Аюнасово, Бахмурово, Боблово, Борисово, Борисоглѣбская, Бутаково.

Названія свои они получили:

1. Отъ именъ лицъ: Аюнасово, Аленкина, Борисово.
2. Отъ имени церкви: Борисоглѣбская.
3. Отъ имени сельца: Бутаково.
4. Отъ неизвѣстныхъ именъ: Акулово, Боблово, Бахмурово. Два послѣднія названія можно впрочемъ производить отъ „бобыль“ „хмурый“.

IV. Пустоши.

Названія пустошей представляютъ широкое раздолье фантазіи русскаго народа и тщательное вниманіе его къ окружающимъ предметамъ. Предки наши пользовались всѣмъ, что характеризовало извѣстную мѣстность и отличало ее отъ другихъ мѣстностей и, выбирая особенный признакъ, давали по нему названіе. Пустошей, начинающихся съ А и Б, извѣстно 64. Именно: Абакумова, Абрамка, Авдейцева, Акатова, Акишева, Аколова,

Алексѣва, Алехина, Алешкина, Аникѣва, Антонцева, Архангельская, Александрова гора, Асейка, Астрага, Астѣва, Аситина, Аханка, Ахомова, Амалыкова, Баклагова, Бакланова, Батурина, Борки, Батыга, Батькова, Бахматка, Бачева, Бердина, Березникова, Березовецъ, Беркишева, Берникова, Бзырина, Бирюкова, Блудова, Бобенцева, Богатырева, Богословлева, Бердиха, Борова, Борониха, Боръ, Ботина, Братунова, Бурцева, Бучилова, Быкова, Былицына, Быльцина, Бѣлкина, Бѣлозерова, Бѣлый дворъ, Бѣшенская, Бродникова, Брунева, Брыкина, Брюшкова, Букова, Булатникова, Алѣерова, Андрейцева, Андриюшина, Аникина.

Названія свои они получили:

1. а) Отъ именъ лицъ: Абакумова, Алексѣва, Аникина, Аникѣва, Александрова, Батькова (отъ батько), Богатырева (отъ богатырь), Братунова.

б) Отъ имени лицъ—уменьшительныхъ: Авдейцева, Андрейцева, Антонцева.

в) Отъ именъ ласкательныхъ: Андриюшина.

г) Отъ именъ увеличительныхъ и презрительныхъ: Алехина, Абрамка, Алешкина.

2. Отъ имени села или церкви: Алѣерова, Архангельская, Богословлева.

3. Отъ имени другихъ предметовъ, сходныхъ съ ними по вѣншему виду: Асейка (отъ аска—родъ шапочки), Баклагова (баклага—сосудъ съ отверстіемъ), Бакланова (бакланъ), Бердина, Бердиха (отъ бердо—на подобіе решетки) Бобенцева (отъ бобъ—впадина у зуба), Брюшкова, Акатова (на подобіе острой лодки), Аколова (отломокъ, кусокъ съ греч.).

4. Отъ топографіи извѣстной мѣстности: Бачева (у залива рѣки), Борова (при борѣ—лѣсъ), Бѣлозерова, Блудова (ок. блудова болота, въ которомъ легко запутаться), Астѣва (близъ города).

5. Отъ свойствъ и качествъ почвы: Буланникова (на подобіе стали), Бѣлый дворъ, Бурцева (отъ бурый), Астрага (отъ костей съ греч.), Аситина (безхлѣбная съ греч.).

6. Отъ свойствъ и качествъ произрастеній, которые растутъ на пустошахъ, а равно отъ имени тѣхъ предметовъ, которые добываются на нихъ: Борки, Боръ (при крупномъ, глухомъ лѣсѣ), Батыга (батога—толстый пруть), Березникова, Березовецъ, Батина (зелень), Брунева (брунецъ—травя черноголовникъ) Бурцева (бурить—добывать воду), Бучилова (бучить глину для кирпичей), Былицына, Быльцина (быліе—травя).

7. Отъ положенія или вліянія, которое извѣстная мѣстность оказываетъ на другіе предметы: Борониха—пустошь (отъ мельницы того же имени, которая обороняетъ или защищаетъ сосѣдніе дуга отъ затопленія).

8. Отъ имени *городовъ*: Батурина,—*зотрей*, которые водятся около мѣстности, и *животныхъ*: Бирюкова (бирюкъ—волкъ), Бѣлкина, Быкова.

9. Отъ тѣхъ ощущеній, которыя испытывались когда-либо на извѣстной мѣстности: Ахомова (отъ горевать съ греч.), Аханка (ахъ, ахъ), Бродникова (отъ бродить — ходить съ трудомъ), Букова (бука — страшилище), Бѣшенская (отъ крутизны).

10. Отъ именъ неизвѣстныхъ, или утратившихъ свое первоначальное значеніе и употребленіе, изломанныхъ или перенесенныхъ изъ другихъ языковъ: Акишева, Аналыкова, Бахматка, Беркишева, Бзырина, Брыкина.

Текст Евангелія Луки изъ Пересопницкой рукописи.

Сообщено П. И. Житецкимъ.

Печатаемому ниже тексту Евангелія Луки изъ Пересопницкой рукописи предпо-
сылаемъ нѣсколько вводныхъ замѣчаній, которыя не могли войти въ устный докладъ
нашъ объ этомъ памятникѣ.

Пересопница, нынѣ деревня въ Луцкомъ уѣздѣ Волынской губерніи, на рѣкѣ Сту-
блѣ, нѣкогда была удѣльнымъ городомъ, находившимся въ распоряженіи сперва Кіевскихъ
князей, потомъ князей Суздальскихъ, наконецъ, Галицкихъ ¹⁾. Когда южная Русь вошла
въ составъ Литовскаго княжества, Пересопница досталась потомкамъ Константина-Кори-
гайла Ольгердовича, которые прозвались князьями Черторыйскими, по имени главнаго
города ихъ владѣній въ Волынской землѣ — Черторыйска. По мнѣнію Максимовича и Го-
ловацкаго, первый изъ рода князей Черторыйскихъ, получившій во владѣніе Пересопницу,
Федоръ Михайловичъ Черторыйскій, построилъ въ этомъ городѣ монастырь, въ которомъ
написано было Пересопницкое Евангеліе въ 1561 г. ²⁾; начато же оно было, какъ гла-
ситъ одна изъ начальныхъ приписокъ къ Евангелію, въ 1556 г. „въ лѣтѣ (женскомъ)
монастырь жєсамѣскѣ“. Не подлежитъ сомнѣнію, во всякомъ случаѣ, что устройство мо-
настыря въ Пересопницѣ не обошлось безъ содѣйствія князей Черторыйскихъ, которые
въ половинѣ XVI в. еще отличались преданностію русскому дѣлу и православію. Луч-
шимъ доказательствомъ ихъ религіозныхъ и общественныхъ убѣжденій служить Пересоп-
ницкая рукопись, которая написана „накладомъ блговерной, и хрѣтолюбивой, кнѣги кѣзминой
Івѣновича жєлѣской, кнѣги параскевѣи възвайной Пѣстѣ Юрєвны гѣлѣской. ѿ при блговерной,
и хрѣтолюбивой кнѣзю Іѣлѣнє, Федоровича черторыйскомъ, зѣтѣю єи мѣти. ѿ при блговерной
и хрѣтолюбивой кнѣгѣ єгѣ євдокѣи“. Роды князей Заславскихъ, Гольшанскихъ и Черторый-

¹⁾ „Кієвлянинъ“ 1840 г., ст. Максимовича, 232—238.

²⁾ Ibid. 238. Головац. Библиогр. находки въ Львовѣ 40.

скихъ находились въ близкомъ родствѣ между собою,—но кто была Настасья Юрьевна Гольшанская? О. Думитрашко въ брошюрѣ своей о Пересопницкомъ Евангеліи считаетъ ее дочерью князя Козьмы Ивановича Жеславскаго, тогда какъ, очевидно, она была женой Козьмы Ивановича (козминѣи) и происходила изъ рода князей Гольшанскихъ, а не Жеславскихъ. Слово *визвѣи*и о. Думитрашко переводитъ словомъ *названною*, оставляя его безъ всякихъ объясненій¹⁾. По нашему мнѣнію, слово *визвѣи*и относится не къ Настасѣ, но къ Параскевѣ: это было, по всей вѣроятности, монашеское имя Настасьи Юрьевны Гольшанской, которая была за мужемъ за Козьмой Ивановичемъ Жеславскимъ. По свидѣтельству Литовской метрики, монастырь Пересопницу „небожчикъ князь Чирторыжскій староста Луцкій упросилъ быть въ теперешняго старшаго государя на меншканье и на выхованье матце своей до живота ее, которая мѣла въ черницы понти, а такъ какъ matka его въ черницы не шла, а князь Чирторыжскій тотъ монастырь себѣ одержалъ, а теперь сынове его оный монастырь держать²⁾“. Такимъ образомъ, хотя Настасья Юрьевна и не поступила въ монахини, но могла быть извѣстна составителямъ Пересопницкой рукописи подъ тѣмъ именемъ, которое выбрала для себя, намяреваясь „въ черницы понти“: для Пересопницкихъ писателей она была „визвѣи~~и~~а Параскевѣи~~и~~а“. Подъ ея покровительствомъ задуманъ и исполненъ былъ переводъ Евангелія „изъ ѡзыка вѣггарского на мовоу роускую“; безъ ея содѣйствія или, какъ выражается составитель предисловія, „наклада“, можетъ быть, не состоялось бы это дѣло. Можно думать, что и зять Настасьи Юрьевны не оставался равнодушнымъ къ труду Пересопницкихъ переводчиковъ. По крайней мѣрѣ, намъ извѣстно, что родной братъ Ивана Ѳеодоровича, Александръ Ѳеодоровичъ, и жена его, Марья Деспотовна, покровительствовали Знаменскому монастырю (близъ Владиміра), въ которомъ, „зъ рѣсказаніемъ и повеленіемъ“ ихъ, сдѣланъ былъ списокъ Помоканона³⁾.

Послѣ Люблинской уніи древніе княжескіе роды, защищавшіе политическія права южнорусскаго народа, мало по малу начали переходить въ лагерь своихъ противниковъ. Сынъ Ивана Черторыйскаго, Юрій Ивановичъ, отступилъ отъ православія, а сынъ Юрія, Николай, названъ былъ Іезуитами „Societatis Jesu amantissimus“: для нихъ монастырь Пересопницкій былъ уже не больше, какъ только одною изъ доходныхъ статей. Вотъ какъ описываетъ Литовская метрика состояніе монастырей Пересопницкаго, Дорогобужскаго и Дубицко-Увѣденя: „о тыхъ всихъ монастырехъ мы такъ розумѣемъ, ижъ они непродажную хвалу Божію и богомолье государское ихъ себѣ упросили и держать, але ку великому грѣху и лакомству своему, и то для того што которые пожитки и доходы предъ тымъ зъ сель монастырскихъ на церковь Божію бывали и зъ щого братья и служи-

¹⁾ Думитр. Замѣч. рук. Полт. сем. 15.

²⁾ Литовс. метр. Книга переписей № 4. Попись замку Луцкого л. 81.

³⁾ Головац. Библіогр. находки въ Львовѣ 35—46.

тели церковныя монастырскіи поживленіе мевали и богомольство непрестанное за Государя чинили, то все теперь они на себе обротили и з того собѣ пожитки размножили; ижъ мало мели на волостехъ и селехъ, еще ся о дома Божіи покусили. А в тыхъ монастырехъ теперь не только абы хвала Божія и богомолье государское мѣло быти по старому, або братья мѣли на чомъ мѣшкати, але в иномъ монастырѣ и черницѣ не поведаютъ, одно пошъ покаеть, и в томъ никому иному, одно Государю Его милости грехъ и шкода¹⁾. Въ 1630 г. Николай Черторыйскій отдалъ монастырь Пересопницкій во владѣніе Клеванской Іезуитской коллегіи.

Настала эпоха козацкихъ войнъ. Литовско-русскіе князья превратились въ польскихъ магнатовъ. Тогда въ южнорусской землѣ выступили иныя культурныя силы на защиту народнаго дѣла. „Накладомъ“ городскихъ общинъ и трудами южнорусскаго духовенства начали умножаться школы и книги,—и вотъ такіе памятники, какъ Пересопницкая рукопись, не могли уже появляться по инициативѣ князей, оставаясь свидѣтелями старинныхъ отношеній ихъ къ дѣлу просвѣщенія народныхъ массъ, которыя особенно подвергались всякаго рода преслѣдованіямъ въ тѣхъ областяхъ, гдѣ сами князья стояли нѣкогда на стражѣ народнаго дѣла. Изъ Волыни, въ теченіи всего XVII в., южнорусское населеніе подвигалось на востокъ, переходило на лѣвый берегъ Днѣпра, унося съ собою, вмѣстѣ съ ненавистью къ своимъ притѣснителямъ, все то, что считало наиболѣе дорогимъ для себя. Такъ, по всей вѣроятности, въ то самое время, когда Іезуиты вступили во владѣніе Пересопницкимъ монастыремъ, вывезено было изъ него и Четвероевангеліе, о которомъ у насъ идетъ рѣчь. Чрезъ полтора вѣка послѣ своего появленія оно было подарено Гетманомъ Мазепою въ Переяславскую кафедральную церковь. Мы читаемъ объ этомъ въ припискѣ, сдѣланной по листамъ Евангелія. Вотъ эта приписка:

Сіє Євѣліє прислано ѿ дано є ѿ іасновѣлѣможного єгѡ Шилѣти пана Іѡанна Мазѣпы вѣискѣ єгѡ цѣкого пресвѣтлого величества запорожскѣ, збѣиухъ сторѣнѣ Днѣпра Гетмана, ѿ славного чина сѣтого Аѣла Андрѣѣ Кавалѣра, до прѣтѣла Переяславского Єпископо, Котѣрый ѿ єгѡ жѣ Ктитѣрскѣи мѣти создѣнѣ, ѿновленѣ, ѿ драгоцѣнными Єтѣѣри цѣковѣнными украшенѣ, при прѣдсѣцѣи Єписѣ Захѣрѣи Корниѣвичѣ. Року хѣѣа Априлѣи зѣ днѣ.

Въ чьихъ рукахъ Пересопницкое Евангеліе находилось въ теченіе полутора вѣка, и какъ оно досталось Мазепѣ, на эти вопросы нѣтъ никакихъ указаній въ самой рукописи. Не подлежитъ сомнѣнію только то, что оно употреблялось въ церковномъ Богослуженіи, сообразно съ желаніемъ переводчиковъ, удержавшихъ въ текстѣ Евангелія такъ называемыя зачала,—да и самъ Мазепа, ктиторъ Переяславскаго собора, украсившій его „драгоцѣнными Єтѣѣри цѣковѣнными“, жертвуя епископской кафедрѣ такую книгу, какъ Евангеліе,

¹⁾ Литовс. метр. Книга переписей № 4. Попись замку Луцкого л. 81—82.

смотрѣть на нее, конечно, не съ ученой, а съ практической точки зрѣнія; въ свою очередь и тѣ, кому она была пожертвована, видѣли въ ней прежде всего Богослужебную книгу, необходимую въ церковномъ обиходѣ. О. Думитрашко предполагаетъ, что Пересопницкое Евангеліе вышло изъ церковнаго употребленія только послѣ окончательнаго подчиненія Малороссійской церкви вѣдѣнію Всероссійскаго Синода, когда на кафедре Переяславскую стали поставлять епископовъ изъ великороссіянъ, каковымъ былъ, напримѣръ, Іоакимъ Струковъ съ 1726 г.¹⁾ Затѣмъ, Пересопницкое Евангеліе сдано было въ бібліотеку Переяславской семинаріи, которая съ конца прошлаго вѣка начала называться малороссійскою. Объ этомъ гласитъ другая приписка на латинскомъ языкѣ, сдѣланная тоже по листамъ: „Ex libris Bibliothecae Seminarіi Parvo-Rutheni Perejaslaviensis“.

Рукопись Пересопницкаго Евангелія представляетъ замѣчательно изящную книгу, переплетенную въ дубовыя доски, которыя обложены зеленымъ, нѣсколько полинявшимъ бархатомъ. Написана она на пергаментѣ чистымъ и красивымъ письмомъ. Приписки, вставки и послѣловія писаны, какъ выражается переписчикъ, „дѣловымъ письмомъ“. Дополнительныя объясненія написаны сравнительно мелкими буквами. Подъ страницами въ Евангеліяхъ вездѣ отмѣчены красными чернилами начала каждаго отдѣленія или зачала, какъ слѣдуетъ читать его въ церкви. Чернила и до сихъ поръ еще сохранили полную свѣжесть.

Страницы не отмѣчены числами, посчитаны только тетради, переплетенныя потомъ въ книгу. Число листовъ въ тетрадяхъ не одинаково: есть тетради въ 6 листовъ, но есть и такія, въ которыхъ 7, 8 и даже больше листовъ. По всей вѣроятности, каждая тетрадь сшивалась въ 10 листовъ, а потомъ нѣкоторые листы, по случаю сдѣланныхъ на нихъ описокъ и ошибокъ, были вырѣзаны: есть слѣды такихъ вырѣзокъ въ книгѣ. Всѣхъ тетрадей обозначено 63, а всѣхъ страницъ во всей рукописи 960. Въ Евангеліи Матѳея 17 тетрадей, въ Евангеліи Марка 10,—Луки 17,—Іоанна 18.

По составу своему Пересопницкая рукопись совершенно сходна съ обыкновенными Четвероевангеліями Кіевской печати, предназначенными для церковнаго употребленія.

Первый листъ ея бѣлый, нѣсколько загрязненный: можетъ быть, онъ служилъ покрывною книжки до ея переплета.

Есть прямое указаніе въ первомъ послѣловіи, что послѣ этого листа слѣдовальныи утраченный рисунокъ, изображавшій распятіе Христово.

На второмъ листѣ вверху сдѣлана виньетка красками и золотомъ. Общаго заглавія нѣтъ. Послѣ виньетки непосредственно идетъ повѣсть на ѡбхожденіе всего мѣта (Все заглавіе написано золотою вязью).

Этой повѣсти соотвѣтствуетъ сказаніе, и теперь печатаемое въ Кіевскихъ изданіяхъ.

¹⁾ Думитр. Замѣч. рук. Полт. сем. 18.

Велѣдъ за поѣхъсю помѣщена первая приписка переписчика, относящаяся къ исторіи рукописи:

Доконана єсть прѣша часть Наоуки читанѣ прѣзь роуь сѣго ѣвѣліа. Рѣдвоци (sic) манастири жєслайскѣ при цркви сѣмѣи И живоначалнѣмѣ трѣца. А почалѣ єсть Писати сѣе ѣвѣліе роуоу хѣфѣнз го мѣца авгѣ ѣі. на дєнь оуспєніа прѣтѣмѣ нашєа вѣа И прѣо дѣмѣ мѣріа.

Затѣмъ начинается *указатель Евангелій*, въ которомъ евангельскія чтенія расположены по зачаламъ, а зачала сведены въ главы. За указателемъ слѣдуетъ оглавленіе Евангелія Матѣея, а за оглавленіемъ помѣщено общеизвѣстное предисловіе Теофилакта Болгарскаго, совершенно сходное даже по языку церковно-славянскому съ текстомъ того же предисловія новѣйшихъ кievскихъ изданій.

За всѣми этими предисловіями слѣдуютъ двѣ бѣлыя страницы, а за ними во всю длину листа—рисунокъ Евангелиста Матѣея. Онъ представленъ въ сидячемъ положеніи. Ангелъ съ облаковъ подаетъ ему книгу.

Подъ рисункомъ надпись, въ которой говорится о томъ, когда и гдѣ написано было Евангеліе, а также представленъ счетъ главъ, зачалъ и стиховъ.

За рисункомъ, съ новой страницы, начинается самое Евангеліе Матѣея. Приводимъ нѣсколько образцовъ рѣчи изъ этого Евангелія.

Зач. 52, гл. 13.

Иноу прѣтчу повѣдѣмъ ѣ глѣ. подобно оучинєно є црѣтво нѣиноє члѣкоу. которѣи насѣдѣмъ довроє сѣмѣи на сѣлѣ своѣ. спѣшѣи же члѣкомъ /, прѣидє вѣрогъ єгѣ. ѣ насѣдѣмъ коуколю мѣжи пшєницѣ, ѣ ѣишѣмъ.—єгда пакъ вѣзрѣсла вѣлиина. ѣ плѣ оучинила. тогды сѣ оуказамъ, ѣ коуколь. прѣтожѣ прѣстоупивши слоужєици къ гѣспѣдарєви ѣ рѣкли ємоу. гѣи, а вѣи же довроє сѣмѣи є сѣдѣмъ на полѣ своѣ. гдѣ жѣ сѣ є пакъ вѣзмѣ коуколь.—а ѣи рѣклъ ѣи. вѣрогъ члѣкъ оучинѣи то. слоугы же єгѣ рѣкли ємоу. хѣщєши ли. пошѣиши вѣполовѣи ѣхъ: (sic) ѣвѣи нѣѣако вѣтрыгоуѣчи плѣвєлѣмъ. вѣтрыгнєтє снѣмѣи ѣкоупѣи ѣ пшєницѣу. ѣстѣитє рѣсти ѣвоє вѣкоупѣи ѣжѣ до жѣтѣвы. А вѣѣа жѣтѣвы рѣкоу жѣицѣмъ. вѣтрыгнѣтє прѣхѣтѣ плѣвєлѣмъ. а свѣжѣтє ѣи ѣ снѣпѣи. тако пожєчи ѣи. а пшєницѣ вѣвѣрѣтє ѣи жѣтѣицѣу мою.

Зач. 27, гл. 8.

И стѣласѣ воура вѣликаѣ на морѣи. ѣжѣ сѣмъ лѣдѣмъ покрывала вѣлѣнамъ ѣлѣ ѣ спѣмъ.—тогды прѣстоупивши кнѣмоу оучєници єгѣ. ѣзѣвоудили єгѣ глѣцѣ /, гѣи, ѣзѣвани наѣ, зѣгѣывѣѣ.—ѣ рѣклъ ѣи їсѣ /, чѣго вѣйтѣ мѣловѣнѣи.—тогды ѣставши прѣказамъ вѣтрѣ ѣи мѣрѣ. ѣ стѣласѣ пакъ тишинѣа вѣликаѣ. людѣи пакъ дѣивѣвалисѣ глѣцѣ. кѣто то є ѣиже вѣтровѣи ѣи мѣрѣ слоухѣютѣ єгѣ.

Зач. 77, гл. 18.

Оуповѣвилосѣ црѣтво нѣиноє, члѣко (sic) цроу. которѣи хотѣмъ сѣмъ ѣвѣличитѣи ѣзѣ слоугѣмъ свѣбѣмъ. а колѣи сѣи почалѣ лѣичитѣи: прѣвєли ємоу єдиногѣ долѣжника. которѣи вѣмѣ вѣиєнѣи

прилож.

імоу талати. и не мамъ ёмоу чоґо ѡдати.—ѣгда же не имамъ ёмоу чоґо ѡдати. повелѣ ёґо гдѣнь ѣ продати. и жѣноу ёґо и дѣти. и все што имамъ, а ѡдати (sic). Падши слоуга тѣи, и просилъ ёґо рекоучи. гдѣоу потрѣпи ми. и в тобѣ (sic) ѡдѣ.—Змилова же сѧ гдѣнь нѧ слоугоу тѣи. поустилъ ёґо, и домыгъ ѡпоустилъ ёмоу.—Вышѣши пакъ слоуга тѣи. нашоу единого товариша своѣґо. который ёмоу былъ виненъ сто пѣнеси. оухотили и давили ёґо, и мовили ёмоу. ѡдай ми цю ми еси долженъ.—Падши должники ёґо на ногѣ ёґо (sic). просилъ ёґо рекоучи, пожди ми и все тобѣ ѡдамъ. а онъ не хотѣлъ. але вѣши всадишь ёґо вѣмницію. ажъ вы ѡдашь што виненъ. Видѣвши пакъ товарише ёґо тоѣ што сѧ стало. и розжаловалисѧ вѣлми и пришеши повидѣли гдѣви своѣмоу йсе. / што сѧ дѣяло.—тогда призвавши ёґо гдѣнь ёґо и рекъ ёмоу. слоуго зѣи, вѣ ѡнь долгъ ѡпоустилъ ѣ тобѣ. дамъ того иже еси мѧ просилъ. чи не годилосѧ и тобѣ змиловати на товаришѣ твоимъ. пакъ сѧ іа тыжъ змиловашъ надъ тобою. и розгнѣвашѧ господарь ёґо дамъ ёґо моучителѣ доколе вы заплатилъ долгъ свой.

ОТДѢЛЬНЫЯ ФРАЗЫ ИЗЪ ЕВАНГЕЛІЯ МАТѢЕЯ:

Зач. 1. книги рѣства ꙗ́хѡ сѣа двѣ сѣа авраамѣ... авраамъ сплѣомъ йсаака йсаакъ же сплѣомъ іакова іаковъ же сплѣомъ іоудѣи и братіѣ ёґо.

Зач. 9. ...оуѣрѣмъ двѣ врата замѣтѣицѣи ѣѣ и море.

Зач. 16. ...выстерѣгайтесѧ, авѣ есте не дѣлали мѣтинѣ ваша пѣре людми.

Зач. 23. кто чинить волѣ ѡца моѣґо той внидѣ въ цѣтвѣ нѣное.

Зач. 30. мѣти хѣиѣ а не жрѣтѣи.

Зач. 45. мѣти хѣиѣ а не жрѣтѣи.

Зач. 47. ѡ свой во слоувъ воудешъ оусправѣливень. и ѡ свой словъ воудешъ ѡсоудень. ...а ни на томъ свѣтѣ, а ни на боудѣиоу...

Зач. 50. ...дрѣуги же пали на каменни иже не имали много зѣмѣи и скоро взошло прѣто иже не имали глаубовости зѣмѣи.

Зач. 59. ...кѣоу жѣнь и дѣтей

Зач. 97. чѣкъ ижекотори были господарни. который то оудѣлашъ виноґа. и ѡплѣомъ ёґо плѣомъ.

По окончаніи Евангелія МатѢея слѣдуетъ послѣсловіе переписчика, въ которомъ говорится, что Евангеліе списано „роукою многѣґрѣиного раба вѣце хрѣтоу именемъ Мѣхѣила Вѣсѣлиѣвичѣа, прѣтопопы сѣноцкѣ“ (sic).

Послѣ этого послѣсловія начинается оглавленіе Евангелія Марка: „сѣа оуказаніа прѣотивъ чѣрнопишемѣи лѣиѣе которѣа ѣсть напѣсана въ ѣвѣли сѣого Мѣрка“. Обыкновенныя главы и зачала во всѣхъ четырехъ Евангеліяхъ написаны на поляхъ красными чернилами, а

чернописанныя главы написаны черными чернилами и соответствуют статьямъ оглавления, какъ это водится и донинѣ въ кievскихъ изданiяхъ.

За оглавленiемъ слѣдуетъ „Прѣдмѣла“ къ Евангелiю Марка, въ которой изъясняется четвероличность Евангелистовъ, что и отличаетъ эту Прѣдмѣлу отъ кievскаго предисловія. Другая особенность ея состоитъ въ томъ, что она усволяетъ Евангелисту Марку символическое изображеніе орла, а Евангелисту Іоанну—льва.

Предъ самимъ текстомъ Евангелiя Марка помѣщено изображеніе Евангелиста. Подъ ногами у него книга; орелъ съ небесъ подаетъ ему также книгу. Подъ рисункомъ надпись такого же содержанiя, какъ и подъ рисункомъ Евангелиста Матѣя.

ОБРАЗЦЫ РѢЧИ ИЗЪ ЕВАНГЕЛІЯ МАРКА.

Зач. 26, гл. 6.

И ворзо принудилъ оученикъ свои иѣсти влѣдѣ. и впѣрѣ ѣхати на ѡную сторону до виѣсидѣ. ажъ покъ сѣ рѣспоуститъ народѣ. А рѣспоустивши и шѣль на гороу молитисѣ. а коли южъ былъ вечеръ. была лѣда насерѣ морѣ. а ѡнь сѣ на землѣ. и оувидѣль и а ѡни сѣ мрѣдоуютъ оу плаванiи. во былъ и вѣтръ прѣтивный.—И тако въ ѡ четвертой сторожѣ ноцной. пришолъ кнѣ ходѣи по мороу. и хотѣль ихъ минѣти.—а ѡни оузрѣли ѣго. а ѡнь ходѣи по мороу. доивнималисѣ иже въ шѣто злѣе было. и крѣкнуули во ѣго были всѣ оузрѣли. и засмѣтилисѣ.—и ворзо прѣмовѣи кнѣмъ рѣкоучѣ. боудѣ доброй наѣѣи, не вонтесѣ та ѣѣ. и истоупилъ до нѣи влѣдѣ. и пересталъ вѣтръ.

Зач. 54, гл. 12.

И посмалѣи кнѣмоу нѣкоторыхъ зъ фарисеювъ и иродитановоувъ. (sic) абы ѣго влѣвили и мѣвѣ.—кѣторыи то пришѣдши рѣклѣи ѣмоу. оучителю вѣдаѣмо./ иже еси спрѣведливый. а не дваѣшии нѣ на когѣ. и не смѣтриши на шѣсѣвоу лѣоскоую. але прѣвдиномѣ поутю вѣиѣо наоучаѣши.—гѣдѣи ли сѣ дѣнѣ дѣти чѣи ли нѣѣ. дѣмо ли илѣи не дамо.—а шѣнѣ вѣдаѣючѣи и лѣстѣ рѣклѣи имѣ. чѣмоу мѣ коусите. принѣсѣте ми пѣнезь нехѣи шѣглаѣю. а шѣни принѣсли и дѣли ѣмоу.—рѣклѣи имѣ чѣиѣ то ѣсть вышѣврѣженѣи и написанѣи.—А шѣни ѣмоу повидѣли цѣсаревѣ.—и шѣповѣдаѣючѣи тѣ рѣклѣи имѣ. дайте жѣ тогѣдѣи цѣсаревѣи шѣто ѣсть цѣсаревѣ. а вѣиѣе бѣиѣ.—и дѣивовалии томоу.

Зач. 57, гл. 12.

И мѣвили имѣ наоученiи своѣмѣ./ стережѣтесѣ шѣ оучителѣи./ кѣторыи то рѣди вѣиѣдѣганѣи крѣсномѣ ходѣти. и на тѣргоу поздоровлѣни вѣивати. и на перѣднѣмѣ мѣсѣи сѣдѣнѣи на сѣоворицахѣи и на вечерѣхѣи. кѣторыи жѣ то жѣжираѣютъ дѣомѣи вѣдѣвийный. иѣо замышленѣи дѣлѣгоѣ

Ibidem: прѣтивъ тѣмъ свидѣтельствують.

Зач. 68. жѣны на то здалекѣ смѣтрнай.

Въ послѣсловіи къ Марку писецъ называетъ себя просто „многогрѣшнымъ рабомъ Михаилъ“. За Евангеліемъ Марка помѣщенъ указатель главныхъ частей Евангелія Луки, а затѣмъ „прѣдмова кънize сѣго ѿла и еѵлиста Луки,“ почти ничѣмъ не различающаяся отъ печатнаго кievскаго предисловія.

На рисункѣ Лука представленъ въ положеніи пишущаго челоѵка, который окруженъ книгами; тѣлецъ съ облаковъ подаетъ ему также книгу. Подъ рисункомъ надпись, которую помѣщаемъ вполнѣ: Лоука вѣтѣнный ѿ болоудейныхъ страны. Написалъ ѿ критѣ еѵліе. По єі т лѣтѣ хѵа визнѣсенія котореѣ замыкаѣтъ всѣмъ гла двѣдесѣтъ и чѣтиры. ѿ зачаль рѣи. ѿ стѣховъ, двѣ тысѣи ѿ¹⁾.

Въ послѣсловіи къ Евангелію Луки говорится, что доконана книга „чрезъ писара Михаила василіевича зѣ Санока“ съ прибавленіемъ года хѣѣѣѣ, чего нѣтъ въ предыдущихъ послѣсловіяхъ.

Евангелію Іоанна предшествуетъ „прѣдмова“, во всемъ сходная съ кievскимъ печатнымъ предисловіемъ. Языкъ „прѣдмовы“ передѣланъ нѣсколько на малороссійскій складъ. Сверхъ того, прибавленъ еще слѣдующій конецъ: ѿ коли южъ тѣе такъ єсть, мы почнѣмо. шѣтожъ єсть въ писаніи рѣченію въ началѣ было слово. ѿ за тѣмъ нѣхай боуде хѵалено ѿма ба шѣа на вѣкы цѣрюющѣ зѣ єдинорѣднымъ сѣомъ и прѣтымъ дѣхомъ ѿминъ.

Рисунокъ къ Евангелію Іоанна изыщнѣе всѣхъ предыдущихъ. Въ перспективѣ видны горы; Іоаннъ диктуетъ Евангеліе ученику своему Прохору; левъ подаетъ съ небесъ ему книгу. Подъ рисункомъ—обычная надпись о времени и мѣстѣ написанія Евангелія, со счетомъ главъ, зачалъ и стиховъ.

ОБРАЗЦЫ РѢЧИ ИЗЪ ЕВАНГЕЛІЯ ІОАННА.

Зач. 12, гл. 4.

ѿ пришоль до мѣста самаританскаго. котореѣ то зѣвоутъ сѣхаръ. влѣзко сѣла, котореѣ даль іаковъ іѵсифѣви сѣоу своѣмоу.—Былъ ты жѣ тамъ и колодязь іаковъ (стоунѣ ѿво криницѣ) а іѣ іако то зѣдороды зѣмордоваѣ и сѣлъ на колодяземъ. година южъ была іако вы шѣостаѣ. и пришла жѣна съ самаріи почрѣпѣсти водѣ.—и рѣклъ єй іѣ./ дай ми пѣти. ѿ оучѣниці єго на то чѣ ѿишли выѣ до мѣста ѿвѣ накупили сѣбѣ стѣравныхъ рѣчѣи.—и рѣклъ ємоу ѿнатѣ то жѣна самаритѣка. іако жѣ ты жѣдовинѣ боудучи ѿ мѣне жѣны самаритѣнѣи прѣсишь

¹⁾ Образцы рѣчи см. ниже, въ текстѣ Евангелія Луки.
прилож.

пити. въ жидовѣ ѿ самаряномъ не приставаю.—Ѣпѣвидѣль іс ѿ рѣкль єи. єсли вы єси вѣла даръ вѣи кто єсть. которыи мѡвити тѡвѣ дай ми пити. ты вы єси просила а даѣ вы ти водоу живоу.—ѿ рѣкла ємоу жена./ гѣ./ а ни тѡ не маѣшь чимъ вы єси зачерль.—ѿ стоуднѣ єсть глоубока. а ѡколе жь мѡжешь мѣти водоу живоу.—а въ ты болѣши єси ѡ ѡца нашего іакова которыи тѡ намъ даѣ тѡ колодязь. скѡтого сѣ пиваль./ ѿ сѣве єгѡ. ѿ скѡти єгѡ. (товарь, авѡ выдло) Ѣпѣвидѣль іс ѿ рѣкль єи. каждыи которыи боу пити тоую водоу. ѡпѣ ѿсхѡчѣ пити.—але кто напиѣтъ тѡи воды котороую іа да ємоу.—не вѣдѣ хотѣти єи на вѣки. таѣ вода котороую іа да ємоу боудѣ внемъ колодязь живои воды. текоучои ѿ живѡ вѣчныи.—рѣкла кнѣмоу жена./ гѣ./ дай ми тои воды. а вы тоу неходила а ни зачирала.—Рѣкль єи іс иди ѿ призови моужа твоегѡ. а приди тоу.—Ѣпѣвидѣла жена ѿ рѣкла ємоу./ не маю моужа.—рѣкль пакъ єи іс добръ єсь повидѣлѡ не маю моужа. въ пѣ моужей имѣла єси. а ѿ тотъ которогѡ теперъ маѣшь не єсть моужѣ твоимъ.—то єси правдоу повѣла.—Рѣкла ємоу жена./ гѣ./ вижоу иже ты єси прѣрѣкль. ѡцѣве въ наши на тон тѡ горѣ кланѣлисѣ. а вы повѣдаѣте иже въ іерѣлимѣ єсть таковоѣ мѣсто гдѣ тѡ годѣсѣ кланѣти. Рѣкль єи іс. женѡ вѣроу ми ими. иже придетъ годинѣ. виножѣ аки на тон тѡ горѣ. а ни въ іерѣлимѣ боудетесѣ кланѣти ѡцоу.—Вы кланѣтесѣ тѡмоу которогѡ не вѣдаѣтѣ. а мы сѣ кланѣмо тѡмоу которогѡ вѣдаѣмо. въ вѣдаѣмо иже ѿ жидовъ сѣиє єсть.—Але иде годинѣ а ѿ ниѣ єсть. коли правдивии поклѡнници поклѡнѣсѣ ѡцоу дѣхѡмъ ѿ истинноу. въ ѡцѣ таковыи иѣе которыи вы сѣ кланѣли ємоу. дѣхъ єсть вѣтѣ.—А тыи которыи сѣ ємоу кланѣють. дѣхѡмъ ѿ правдоу мають сѣ кланѣти.—Рѣкла ємоу жена. вѣдаю иже мѣсѣ маѣ прѣйти названный хс. а коли тѡ прѣидетъ повѣсть на всѣ.—Рѣкль єи іс. іа єсмь./ которыи жѣ моѣло стѡбою.—тогда пакъ прѣишли оучѣици єгѡ ѿ дѣвовалисѣ иже ѿ женоу мѡвили.—а видѣ (sic) жѣ ємоу жадень не рѣкль./ чѡгѡ хочешь./ але ѡ шѡ знею мѡвишь.—тогда ѡнаа тѡ женѣ ѡставиши вѣдро свое. (авѡ глѣкь, авѡ звань) ѿ пошла до мѣста. ѿ рѣкла людемъ. поидѣтѣ а поглядѣте на чѣлка которыи ми повидѣль всѣ шѡ єсми коли чинила.—але ѡнъ єсть хс.

Зач. 35, гл. 10.

Запрайды запрайды повѣдаю вамъ. кто не вѣходѣ двѣрми ѿ загороу ѡвѣчоую. але иноуды вѣходѣ. то єсть злодѣи ѿ рѡзвойники. але кто вѣходитъ двѣрми. то єсть пастырь ѡвѣчый. томоу ѿ ѡдѣрныи ѡтвѡрѣтѣ ѿ ѡвѣцъ слоухаю гѡлоса єгѡ. а свои ѡвѣцъ называѣтъ по имени./ ѿ выганаѣтъ ихъ, а коли власныи свои ѡвѣцъ выженетъ. ѿ самъ прѣ ними идѣтъ. ѿ ѡвѣцъ єгѡ за ни идоу. въ знають єгѡ по гѡлосу єгѡ. а за чужимъ не идоутъ. але єще ѿ ѡутѣкѡтъ ѡ негѡ. въ не знаю гѡлосу чѡужогѡ. тоѣ ѿ по прѣтокою повидѣль іс. а ѡни тогѡ не моѣли рѡзоумѣти. шѡ вы тѡ была за повѣсть. котороую имъ іс повидѣль.—Пѡвторѣ пакъ рѣкль имъ іс./ запрайды запрайды повѣдаю вамъ./ иже іа єсми двѣрми ѡвѣчими. вси которыи жѣ коли

пѣредо мною пришли / злодѣе есть / и рѣзвойници. але не слухали ихъ оуцѣ. ꙗко есми двѣрѣмни. ѡ кто вы чѣрезъ мене вшолѣ. то воудеть извѣвльень. а войдѣ. и оупѣ выйдѣ. и пожитѣ найдѣ.

Зач. 41, гл. 12.

Тогда маріа взявши литрѣ масти (то есть фунтъ масти) которая то мѣсть была вробленѣ знаадоваго коренѣ. / бѣзо коштовнаѣ (ни цимѣ не змѣшеное мѣро), которою жь то мастию помазовала нѣгы ісовы и оутирѣ волосами головы своѣи нѣгы егѣ. а и домѣ вы напѣлился ѡ войности онѣи добрѣ запашиной масти. тогда оудинъ изъ ѡчѣковѣ егѣ нѣдѣ снѣ симоновѣ искаріотѣ. / который егѣ хотѣлъ продати рѣкѣ. / для чѣго той то масти непродаѣ за триста грѣшій а данѣ вы то было ѡвогымѣ. — а тоѣ рѣкѣ не для того авѣ мѣль мѣти мѣсть ко оувогѣ. але того для иже былѣ сѣ злодѣемѣ. искринокѣ завѣдалѣ. / и тыи рѣчи который имѣ были даваны нѣсиль. — тогда рѣкѣ іс. / дайте еи покой. / авѣ заховала тоую то масть ко дню погребеніѣ моѣгѣ — ѡвогынѣ во всегда и себѣ мѣтѣ. Але мене не всегда мѣти воудете.

Конецъ Зачала 60, гл. 19.

А онѣи поѣиши іса и вели егѣ взнѣ, и нѣслѣ крѣтѣ свои. вышолѣ на мѣстѣ. / названое лѣвное мѣстѣ. которое зѣвоу по жидавскѣ / голгофа. гдѣто и пропѣли егѣ. а снѣ и иншихѣ два. / по сю. / и по тоуи сторѣнѣ. а всерединѣ іса. — пѣлатѣ пѣкъ тамѣ и тѣтоуль напѣсаль. / и поставиль на крѣстѣ. а было напѣсанѣ. / іс назаранинѣ црѣ жидавскѣ. — то то пѣкъ тѣтѣль многѣи читали зѣ жидавѣ.

По окончаніи Евангеліѣ Іоанна помѣщена слѣдующая приписка:

За помочѣю вожею есть свѣршена чѣтвертаѣ книга новѣго закона, стѣи еѣлини. зѣха стѣго выложенои прѣ стѣго а славнѣ и всехѣ възмѣвѣннаго апѣла і еѣлиста, іѣанна вѣгѣсловѣца, и наперѣсника гѣм. при црѣкви. рѣждѣства вѣа родичина (sic) мѣнастыра прѣвосѣпникогѣ (sic). рѣкоу по вѣемѣ нароженѣи, хѣфѣзѣ, роукою мѣхаила васнѣлевича прѣтопопы сѣноцкѣ, для читанѣи црѣквей вѣжѣи. а для наѣуки лѣодоу хрѣтианскѣ.

Непосредственно послѣ этой приписки слѣдуетъ „Оуказаніѣ ѡ главахѣ и зачалахѣ. ѡ початкахѣ и концехѣ чѣтомымѣ еѣліамѣ оутрѣнимѣ и литѣргѣинымѣ“. Въ немѣ выражено обычное обращеніѣ къ читателямѣ (собственно къ священникамѣ, діакѣнамѣ и всемѣ причѣтникамѣ) съ просьбой не вѣмѣнить въ вину переписчикѣ ошибокѣ, которыѣ вѣрались въ его трудѣ въ то время, когда онѣ „с товѣришѣмѣ рѣзмовѣль“; предложено также наставленіѣ, какѣ нужно читать Евангеліѣ въ црѣкви, во время богѣслуженіѣ, и указаны причины, побудившіѣ распредѣлить Евангеліѣ не только по зачаламѣ, но и по главамѣ.

Розумѣи жѣ и ѿ то брата, говорить переписчикъ, иже стый (sic) писмена дробный. въ очертахъ положенный, гдѣ то взываѣтсѣ глава. не безъ причины соу написаны. Але авы еси знаѣ, иже єдина глава замыкаѣтъ всѣмъ колько зачалъ. и што єсть вней написано. тыж для людѣи закону римского, сирѣ латинянь. иже внихъ не взываѣтсѣ зачала. єдно капитулы. а по нашему языку главы. Боуде ли сѣи тебе ѿ што просити авы еси ємоу немедло, сирѣчь борзо нашедшии оуказалъ.

Въ слѣдъ за „Сказаніємъ“ помѣщено „Послѣдованіе мінологоу роукаго“, въ которомъ подъ каждымъ мѣсяцемъ показано, сколько въ немъ дни и ночи имѣють часовъ; при этомъ исчисленіе сдѣлано на цѣлые мѣсяцы, безъ различенія въ нихъ чиселъ.

Затѣмъ слѣдуетъ указатель Евангелій на всякую потребу, а за нимъ окончательная надпись: „Зде пакы скончались аплове ієуліа чѣтомыи на литергіяхъ и гласове иже въ ѿктоїкоу“.

Въ заключеніе всего помѣщено послѣднее, довольно обширное *Послѣсловіе*, которое приводимъ вполнѣ и со всею точностію.

„Ю“ за помочоу Бжїею маѣшь всѣ зоплазна выписанныи кнѣги чѣтырѣ єулистовъ выложенный изъ языка вѣлгарского на мово роускоюу читачоу милии. Которые соу доконаны вѣсто тиѣмное фѣа на памѣтъ ѣѣкновеніа сѣтого иславнаго прѣрка ипрѣдѣтѣи иѣртѣтелѣ гнѣ Іѣванна мѣа Айвоуѣста кѣ-го днѣа.

Придржавѣ жиѣгилмонтовичоу Августе крѣли полскомъ, вѣликомъ кнѣзи Литовскомъ, Роускомъ, проускомъ, жомойскомъ, мазовецкомъ, пѣоу идѣдичоу на точасъ воудоучомъ. Накладомъ, Бѣлговѣрной, и хрѣтолюбивой, кнѣгѣ козминой Іѣвановичѣ желаской (sic), кнѣгѣ Параскевгїи взывайной Настасѣ Юревины голшаскѣ. и при бѣлговѣрномъ, и хрѣтолюбивомъ кнѣзю Іѣваннѣ, Фѣдоровичѣ чрѣторыйскомъ, зѣати єи мѣти. И при бѣлговѣрной Пхрѣтолюбивой кнѣгѣ єго євдокїи. тыи кнѣги чѣтыри єулистовѣ соу оустроѣны крѣбкымъ смїреїнымъ И вѣтолюбивымъ єромонахѣ Григорыѣ Архимаїдритомъ Пересѣпницкимъ силою бжїею И поспѣшенїемъ сѣтого дѣа. И моленїемъ стѣмъ Вѣла Нашѣа Бѣгородѣи занѣ Немювиль зѣлата И сѣбрѣа Тѣлющихъ, Але имѣль Любѣвь и прїлѣжанїє кѣ бжѣтвнѣмоу писанїю сѣа которое Просїи гѣ вѣа, въ днѣ и вночи Такъ мѣвѣчи. Гѣ спѣдѣви мѣне видѣти дѣла сѣго кѣнѣцъ. И почитати внѣмъ начѣрѣтайнаѣ Писмена. стѣми чѣтырѣми єулисты. Мѣѣеѣмъ, Мѣркомъ, Лоукою Іѣванномъ. Вкѣторыйжѣто Лѣжать Тѣѣмницѣ црѣтва Нѣбного. Бѣлговѣщенїа Рѣжѣства и оуниѣа, чоутворенїа прѣѣвѣраженїа. И сѣрти. Погрѣвенїа. И вѣскрѣнїа ѿ мрѣтѣвѣхъ. Вѣскрѣсенїа єже на нѣвѣса. И послѣанѣа дѣа сѣто Настѣмъ своѣмъ оуѣчки и аплы. И сѣдѣнїа ѿдѣсноую Бѣ шѣа. и пакы вѣторѣа сѣлавнаго И сѣрашна прїшѣствїа єго. Кѣли прїидѣть соудити живѣи И мрѣтѣи. алѣво такъ рѣчи, правѣднѣи и грѣшнѣи И зѣплатоу дѣвати кѣждѣмоу Прѣтивъ слоубѣи: А иже єсть такъ Изнѣденѣа Тѣѣто сѣла євліѣа, Испрѣпискѣми дробнаго писанїѣ. Въ ѿчѣртахъ положѣннаго. Гдѣ знаменуѣтсѣ глава. то для людѣи закону Римского. сирѣчь Латинѣи.

нань. А ѿже естъ прѣкладана ѿзъ ѿзъва Гл҃агарскаго На мовоу Роускоуѹ. То даѡ лѣпшѹ Вы-
розуменаѡ мѡдоу хр҃тіанскогѹ посполитогѹ. Сѹ тѹжъ тѹваришоу Мѡимѹ нескрѣпѹ. Алѣ дрѹжи
такъ ѿакъ есмѹ ти Вперѣнемъ оуказанїѹ А постанѹемъ Покойци Бл҃говестїа стаѡ на Іѡаннѹва
Озн҃ачилѹ. Тоѣ все Рѡдоѹ пѣлнѹстѹ И прѣл҃жанїемъ Вышше Речейногѹ, Мѡнаха Грѣгорїа, Ар-
хїмаїдрїта Пересопницкогѹ, Постановленѹ е. Прѹто Иже есмѹ ещѣ неѹмѣлъ пренесталѹсть
Рѡзоума мѡгѹ. Бѹлѡвѹ мой рѡзоумъ Втыѡ дѣи Моутень ѿакъ Воды вресѹ Прихѹдаѹщїѹ Иѡ-
гѹрь. ѿ ѿакъ Пѡл҃ный Бѹлннѹ ѿ вѣтровъ колѣблемъ. даѡ Трѹски сѣгѹ мѡмѹ Иѹѹчѹго свѣта.
Прѹтожъ Вышеречейный смѣрейный архїмаїдрїтъ Грѣгорїѣ Имѣлъ Пѣлнѹсть И мѡвовъ кнѣ-
санїѹ сѣи кнѣгы. кѹторѡ даѡ пѣлнѹсти ѿ мѡвѣе егѹ свѣрѡшїласѹ. Иѹкоже Іѡѡлѹ Пѡвель, врѣскѹ
Пѡслаѹ, Сѹ таковѹ пѣшеть мѡвѡчїѹ. Прѡтѣ Любѡщїѹ бѡ Все дѹврѹѣ естъ поспѣшнѹ. А нѡволей
кто егѹ сѹто (sic) спѣлнѹстю прѹсїтъ. Иѹкоже Іѹѡаннѹ еѹлїста Сѹ тѹ посвѣѡѡчїѹ пѣшеть.
Вг҃лаве Дї Авдѡле, мѡ. Вскѡмоу Прѹсѡщѹмоу воудеть данѹ. Иѹтыжъ Мнѹгѹгрѣшннѹ, слѹугѹ,
Аѡвѹ Рѡвѡ вѣїи Мнѹханѹ Вѡсїлѣвичѹ сѣѹ Прѹтопопы Оѡноцѹкогѹ. Тѹгѹ тыжъ наоучень. Надеї-
чисѡ ѿ нѡ тоѣ слѡво тѣвѣ вѡкы ѿ хѡ мѡгѹ А непомѹей оумѣстнѹстїѹ. Алѣ поѹврѹти даїнон
мнѣ ѿ тѣвѣ истїйнаго бѡ. Похѹтемъ есмѹ Пѡписатї сѣю кнѣгоу сѹѹѹю еѹлїѹ. наоучѹ мѡдоу
Мѣшкаѹчѹмоу Внѡвѹ тѡстѡмѣтѣ, аѡвѹ Внѡвѹ законѹ Вѣры хр҃вїѹ. кѹторѹѹ есмѹ за помѹчѹ
вѣїѣѹ Испїсалъ. Пѡкладѹмъ Вышѡпїсанѹ Бл҃гоВѣрнѹ ѿ Хр҃то Любївѹѹ кнѣги Кѹзминѹѹ Пѡѡ-
новїча Жѣславскѹ. кнѣгѹ Пѡраскѣвїѹ Внзвѡнѹѹ Пѡстѡѹ Юрїѣвнѹ гѹл҃шѡйскагѹ. Прѹтѹ Прѹшу
бѡ сѣїѣрнїцїѹ ѿїцї Пѡѡѡннѹ. И ѿсї кѹторнѹ естѣ вкѡлѣросѣ прїчтѣннѹ слѹугѹ цр҃квннѹ. Если
Вѡворѹ Гл҃авѣ, мѡво дѡчѡлѣ Аѡво поѡѡкоу Аѡво Кѹїцї Иѡгрѹѡвнѹхъ—сѹтѡварїшемъ Мѡвѡчїѹ,
Аѡво Внѹмѡслѣ сѣгѹсвѣтнѹ мѡслѡчїѹ, Испрѡвѡмѣтѣ, А неѡлѣ Речѣтѣ Писѡвѣшѹмоу. Алѣ прѹсїтѣ
бѡ тѡ мѡвѡчїѹ. Все Пѣхан воудеть вѡгѹѹгѹднѹ ѿ поѹвнѹ тѡѹмоу чл҃комѹбнѹмоу Мл҃рднѹ.
тыжъ имѣ. сѣсѣ сѣсїѹ помлѡстїѹ тѡѹѣн. И помлнѹгѹмъ цѣѹрѹвлївѡстѡмъ тѡѹїмъ. И даї мнѣ
А вѹхъ тѣвѣ еѹнїногѹ Истїїногѹ, Бѣга, хѡмїлѡмъ, ѿ нѣѣ а ѿ нѣ дѹ смр҃тї мѡѣїѹ ѡѡѡ тымъ Пѣхан
воудеть хѡѡ И чѣстѹ, вѣѹѹ ѿѹѹ сѹ сѣѹ И дѹхѹмъ сѣгѹмъ Пѡѡѡкы вѣчннѹ Гл҃авнѣ, Трївѡѡчѹмоу.
Амїнь.

Намъ остается еще сказать нѣсколько словъ объ украшенїяхъ и всякаго рода кал-
лиграфическихъ особенностяхъ Пересопницкой рукописи, болѣе или мѣнѣе связанныхъ
съ правописанїемъ ея.

Рисунки четырехъ Евангелистовъ исполнены не акварельными, а клеевыми красками,
на золотомъ, сплошномъ полѣ. Вокругъ рисунковъ положена широкая рамка, которая,
сѣѣстѣ сѣ надписью подѣ рисунками, занимаетъ значительную часть листа, отчего самые
рисунки не велики по размѣрамъ. На первой страницѣ каждаго изъ четырехъ Евангелїѹ
сѣѣлана вѣлнѣтка, а подѣ нею заглавіѹ Евангелїа золотоу, крупноу вязью; вся страница
кругѹмъ обведена разноцѣвнѹѹ, узорчатѹѹ рамкоу. Первая буква Евангелїа (заставка)

представляетъ своеобразный рисунокъ, разцвѣченный различными красками, но и въ каждой главѣ начальныя буквы разрисованы, хотя значительно проще. Всѣ вставныя статьи, надписи и приписки обведены тоже разнаго рода цвѣтными рамками.

По мнѣнію Бодянскаго, рисунки въ Пересопняцкой рукописи напоминаютъ чешскій стиль. О. Думитрашко признаетъ въ нихъ „*чисто византійскій стиль*, измѣненный развѣ только въ характерѣ бордюровъ, которые широкими своеобразными кудреватыми и разноцвѣтными завитками дѣйствительно представляютъ нѣчто особенное отъ обыкновеннаго рисунка бордюровъ византійскихъ“¹⁾. Въ словахъ почтеннаго автора есть нѣкоторая недосказанность: представляя *нѣчто особенное*, Пересопницкіе бордюры по этому самому не могутъ относиться къ *чисто византійскому стилю*. Мы думаемъ, что своеобразность рисунковъ (собственно рамокъ или бордюровъ) заключается не столько въ композиціи, сколько въ содержаніи: въ нихъ представлена большею частію мѣстная флора.

Сверхъ рисунковъ, правильно исполненныхъ и съ большимъ вкусомъ разрисованныхъ, въ концѣ рукописи есть небольшой эскизъ, сдѣланный для иллюстраціи разсказа о томъ, какъ Петръ отрубилъ ухо слугѣ Архіерейскому. Этотъ эскизъ помѣщенъ въ Евангеліи Іоанна, на поляхъ, какъ разъ противъ того мѣста, въ которомъ излагается самое событіе: нарисованъ человѣкъ съ мечемъ, поднятымъ на правое плече.

При всей старательности переносчика, употребившаго много усилій и времени на каллиграфическую обработку своего труда, въ Пересопняцкой рукописи очень часто встрѣчаются поправки и приписки, сдѣланныя, обыкновенно, въ верху строки, а иногда на поляхъ и притомъ всегда почти нѣсколько пожелтѣвшимъ черниломъ. Изрѣдка встрѣчаются ошибки неисправленныя, напримѣръ: соуѡ вмѣсто сѡуѡ (Лук. Зач. 22), добротѣ вмѣсто доброта (Лук. Зач. 26), а также повторенія однихъ и тѣхъ же словъ, тоже не исправленныя, напримѣръ: ѣдинь, ѣдинь (Лук. Зач. 45). Вообще, во всей рукописи нѣтъ строгаго единообразія и выдержанности, какъ въ начертаніи, такъ отчасти и въ правописаніи не только отдѣльных словъ, но даже буквъ и знаковъ препинанія, а особенно надстрочныхъ знаковъ. Такъ, ѿ часто встрѣчается въ Евангеліи Матвѣя, рѣже въ Евангеліи Марка, совершенно рѣдко въ Евангеліи Луки и Іоанна²⁾; въ Евангеліи Луки буква ѿ начинается только съ 50 зачала. Съ этой же главы гораздо чаще встрѣчается обратное удареніе надъ окончаніями именъ и даже глаголовъ, особенно въ повелительномъ наклоненіи,—а также всякаго рода сокращенія и погрѣшности въ оцущеніи паериковъ. Чтобы умѣстить слово въ строкѣ, обыкновенно, въ концѣ ея выносятся буквы

¹⁾ Замѣч. рук. Полт. сем. 25.

²⁾ Мы разумѣемъ правильную форму большого юса; въ Евангеліи Луки малый юсъ имѣетъ отчасти форму большого, представляя въ этомъ случаѣ каллиграфическую, нѣсколько причудливую композицію, которую мы всюду передали посредствомъ малаго юса.

на верхъ строки; вмѣсто *ou* въ подобныхъ случаяхъ пишется *8*; вмѣсто восьмиричного и десятиричного *i*; вмѣсто *m* вверху строки ставится *u*; вмѣсто *x*—*∞*; вмѣсто *y* *≠*. Впрочемъ, сокращенія попадаются иногда и не въ концѣ строчекъ. Самый употребительный знакъ препинанія—точка. Есть точка простая, которая замѣняетъ запятую, двоеточіе и всякіе другіе знаки, и точка большая четырехугольная черная (◆): это точка въ собственномъ смыслѣ, стоящая тамъ, гдѣ оканчивается смыслъ рѣчи; наконецъ, такая же точка красная, отдѣляющая стихъ отъ стиха. Обѣ черныя точки иногда встрѣчаются съ косою черточкой позади (./◆/). Вмѣсто простой точки пишется иногда запятая (,), но нерѣдко, вмѣсто запятой, а также точки, стоятъ простая черточка (/). Есть еще особенный строчный знакъ: это именно копые (—): оно стоитъ иногда просто въ видѣ украшенія, чаще же встрѣчается тамъ, гдѣ стихъ не прерывается, а новое зачало начинается.

Евангеліе Луки печатается съ возможнымъ соблюденіемъ ореографическихъ особенностей подлинника: съ разнообразнымъ правописаніемъ однихъ и тѣхъ же словъ, со всѣми сокращеніями и титлами, кромѣ тѣхъ, которыя въ подлинникѣ стоятъ въ концѣ строки. Красная точка означена точкой съ тире.

Ї Дѹкнѣ сѣго ѿвѣліа чтеѣ.

Посѣже оубо мнѣзи почали чинити повѣсти сѣи ѿвѣствованнѣхъ ѿ насъ вѣсехъ. іакоже соуть намъ выдали тыи который соуть сѣми видѣли аслоужейници тѣхъ рѣчи были.—видѣлось ѿ мнѣ который же есми ажъ ѿпочѣтѣкоу спѣлнѣстю ѿсе по рѣдоу выписалъ вельможны дръжавны, ѿсѣфиле. азы еси выдалъ правдоу тѣхъ словъ ѿ тѣхъ рѣчи винѣхъже еси наоучень былъ.

Зачало ѿ.

Быль пакъ за дѣновъ ірода црѣ ѿюдейского иѣакынъ іерей которому то было имѣ захаріа ѿсѣднѣвнымъ чрѣды авіанѣмъ. а жѣна его была ѿ дѣщерѣи ароновѣхъ. которой то было имѣ іелісавѣѣа.—авыли сѣвое справѣливѣи перѣвѣтомъ. ихѣдили въ ѿсѣхъ запѣвѣхъ гнѣхъ (вѣзприганы) вѣзъ порока. ѿ небыло ѿнихъ плодоу. прѣто ѿжъ іелісавѣѣи была неплѣдна. ѿ сѣвое сѣи были постѣрѣли въ днѣхъ свѣихъ.—ѿ было слоужачѣмоу ѣмоу ѿчѣрѣгоу чѣноу сѣоего перѣдѣ вѣтомъ по сѣвычаю сѣѣеничѣскому. пригодѣлось ѣмоу вѣдѣти.—пришѣдѣши въ црѣковъ гнѣю. ѿ ѿсе мнѣжество мѣдѣи было ѿней мѣмѣнѣхъ въ гѣдиноу сѣного то повѣждѣнѣа лѣдѣноу. показѣсь ѣмоу агѣмъ гнѣи стоѣачи по правѣи стѣорѣнѣ сѣлѣтѣрѣ вѣдѣлѣного.—ѿ засмѣутиѣсь захаріа видѣвши. ѿ стрѣхъ наѣшѣмъ на него.—ѿ рѣкѣмъ къ ѣмоу агѣмъ не вѣйсѣ захаріа.—вѣоѣжъ ѣсть оѣслѣшѣана мѣтва твоѣ.—а жѣна твоѣа ѣлісавѣѣи оѣурѣдѣти тѣбѣ сѣи ѿ назѣвѣши имѣа ѣмоу іѣваннѣи.—ѿ воудѣтъ тѣбѣ радѣсть ѿ вѣселѣе. а мнѣзѣи ѿзъ его нарѣженѣа воудѣтѣсь радѣвати.—

воудеть заправды великий передь вѣдомъ.—а вина и напою спойного не воудеть пити.—а и дхѣмъ стѣмъ воудеть на плѣнѣ. еше исчерѣва мѣре своѣмъ.—а многыхъ ѿ сѣмъ израильскихъ на вѣнестъ кз гоу вѣоу ихъ.—и тѣ вперѣ идѣ передѣи дхѣмъ и силѣю илїиною.—Свратити сѣца сѣемъ на сѣны.—и прѣтиныхъ имоудрѣсти правдивыхъ изготовити гѣдѣи мѣди свирѣшенны.—и рѣкмъ захарїа до агѣла. почему выхъ тоѣ мѣгмъ рѣзоумѣти.—іа южь есми старъ и жѣна моѣ южь перешла влѣтѣхъ своихъ.—а агѣмъ ѿповѣдмѣчи рѣкмъ емоу.—іа есми гаврїїмъ, которыже стою передь вѣдомъ и посланъ есмъ авыхъ мѣвилъ кѣбѣмъ. / а тѣхъ рѣчи авыхъ весело тоѣмъ повѣдѣмъ. а тѣ воудеши молчати и невоудеши мѣчи мѣвити. ажъ до того дѣмъ которого сѣмъ тѣ рѣчи выплѣнати.—прото ижъ есѣ нествѣримъ повѣстемъ мѣимъ, который сѣмъ выплѣнати чѣсоу своѣго.—а мѣдѣ пакъ жѣдами захарїи идѣвовалесѣ ижъ сѣмъ танъ долго мѣшѣкаль кз цѣкви.—а ивышѣдши не мѣгмъ кѣ ии нѣчѣго мѣвити и пѣзнали иже видѣніе видѣмъ кз цѣкви але сѣмъ помаваше имъ (навѣщѣмъ давалъ) и прѣбывалъ иѣмъ.—и сталосѣ іакъ южь выплѣнилесѣ дѣове слоужѣмъ егѣ пошѣмъ до дѣмоу своѣго.

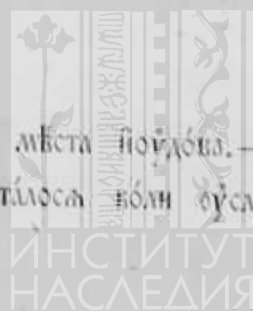
Зачало Г.

А потѣмъ пѣ дѣсѣхъ почала елїсавѣтъ жѣна егѣ. а тайласѣ пѣтъ мѣщѣмъ рѣкоучи иже мѣмъ таѣмъ оучѣнили тѣ.—кз дѣсѣхъ ииныхъже то оуздѣмъ авы ѿнѣмъ сорѣмотѣмоу моѣмъ мѣжи мѣдѣми.

Кз мѣщѣ пакъ шѣстѣи послѣ естѣ агѣмъ гаврїїмъ ѿ вѣга до мѣста галилейского, которому жѣ то имѣмъ назарѣтъ.—кз дѣмъ и кзторѣмъ то была ѿдѣна мѣужѣмъ которому то имѣмъ іѣсѣфъ. зѣ домъ дѣдовѣго а имѣмъ дѣмъ (sic) мѣрїа.—и ишѣдши ииѣи агѣмъ рѣкмъ радѣуїсѣмъ Свѣрадоваїнѣмъ тѣмъ стѣвоѣмъ вѣвѣна ты вѣ жѣнахъ.—а сѣмъ оуздѣмъ егѣ засмѣуїтласѣ дѣмъ повѣсти егѣ и пѣмышѣмъ іакѣво воудеть тоѣ цѣлованїе.—а агѣмъ еи рѣкмъ невоїсѣмъ мѣрїе иѣдѣмъ иже есѣи нѣшѣла мѣтъ ѿ вѣга.—а тожѣмъ почѣнешъ вѣ животѣ. и порѣдѣишъ сѣмъ и нарѣчѣешъ имѣмъ егѣ іѣ.—тѣмъ то воудѣ великъ и сѣмѣмъ вышѣнѣго назѣветсѣмъ.—идѣстъ емоу тѣмъ вѣмъ стѣлець дѣмъ сѣца егѣ а цѣтѣвоатѣи воудѣтъ вѣдомоу іакѣвоу навѣмъ а цѣтѣвоу егѣ не воудѣтъ кѣнѣца.—и мѣрїа пакъ рѣкла кз агѣлоу и іакѣмъ тоѣмъ воудѣ кѣмъ и мѣмъ мужа не жѣнаю.—а агѣмъ пакъ ѿповѣдѣишѣи рѣкмъ еи.—дхѣмъ стѣмъ найдѣтъ нѣтѣмъ и сѣмъ вышѣнѣго сѣмъ ииѣтѣмъ прѣтожѣмъ и раждаѣмѣе стѣмъ нарѣчѣтсѣмъ сѣмъ ииѣи.—а сѣмъ жѣмъ иѣлїсавѣѣмъ прїатѣлѣка твоѣмъ и сѣмъ естѣмъ почала сѣмъ вѣстарѣсти своѣи.—а то мѣщѣмъ шѣстѣи естѣмъ еи назѣвайной непѣлѣды ато иже оу вѣга не воудѣ непѣдѣйна вѣсѣмъ кѣмъ рѣчи.—и рѣкла мѣрїа и мѣмъ слоужѣиница гѣмъ иѣхѣи мѣмъ подѣлѣмъ повѣсти твоѣи вѣтѣ.—и пошѣмъ ѿ ииѣи агѣмъ.

Зачало Д.

Тѣмъ жѣмъ вѣстѣишѣи мѣрїа вѣтѣмъ то дѣи. ишла на гѣры посѣишѣи до мѣста иѣмъ дѣмъ.—и ишѣдши вѣдомъ захарїїнѣмъ. и поцѣловала елїсавѣѣмоу и пѣздѣровила.—и сталосѣмъ вѣмъ оуслѣ-

Отроча пакъ росло и оукрѣпилось дѣломъ.—а было впоустыниахъ. ажъ до днѣ гайленіа єго людемъ израїтескимъ.

Еванста выписує. іакъ мрія въ ви-флєѡмѣ та іу ѱа породила и іакъ агглі ба хвалѣть. и іакъ пастыріє єго навѣжаѡ. и іакъ ѱс ѿсмого днѣ ѿвръзованъ. а ѡ сімєѡна блвєн. и іакъ аїна ѿ немъ пророкоуєть. тыжъ іакъ ѱс въ двѣнадцатихъ лѣтѣхъ. мѣжи оучитєлми сѣдять:

Зачало ѿ.

Въ ѿныѣ то днѣ сталося ѿ. иже вышло єсть выречєнѣ ѡ цєсарѣ айгоуста. абы выль пописанъ весь свѣтъ.—тѣто писанѣ наипєрше сталося. ѡ владарѣ сирьскаго киринєѣ.—и шлі вєѣ ависѣ признавали кѣждѣи зъ нїхъ дѡ своєго мѣста.—вышолъ пакъ іѡсїфъ ѡ галилєѣ и зъ мѣста назарета дѡ жидовьскоѣ зємлі дѡ мѣста дѣдоваго кѡторѡє зѡвѣу ви-флєѡмъ.—прѣто ижъ выль зѡмоу и пѡколѣнѣ дѣдового абы выль пописанъ и зъ мрїє оврѣчєнною ємоу жєноѡ.—а тѣгда тѡ врємєнна была. и сталося кѡли тамъ были. вы (sic) пѣхнїлисѣ дїѡвє рѡдити єи. и породила сѣа своєго прѣворождеїнаго и оувїла єго вѣслєнѣи. а пѡложила єго въ іаслєхъ дѣлѣ тѡго ижє имъ вѣдѡмѣ гѡстїиномъ оупѡкоѡ не было.—а пастыріє итѡи жє стѡронѣ и стѡрожоу нѡчїноуѡ нѣдѣ стѡдомъ своѣи стєрєглї.—а и агглі гнѣ стѣмъ влїзѡ нїхъ. а и іаснѡсть вѣїа ѿсвѣтила и хъ и оустрашилїсѣ вєлїкымъ стрѣхомъ.—и рєклъ имъ агглі не воїтєсѣ. вѡ и а повѣмъ вамъ рѣдѡ вєкѡую (sic). кѡторѣа воудє и вєѣмъ людемъ вѡ сѣа нарѡдїмъ вамъ днѣ зѡавїтель кѡторѣи є ѱс гѣ.—кѡторѣи тѡ є вѣнѡрѡдѣ дѣдовѣ.—а тѡто вамъ зѡмєнїє. наїдєтє мѣдєнѣца пєлєнами повїтого. а пѡложеного въ іаслєхъ.—а вѣтѡтѣ чѣсѣ и зъ агглѡмъ бѡрѣзо стѣло мнѡжєство вѣїїнѣства нѣнаго хѡвалчїхъ бѣа.—и мѡвїли воудї хѡвала вѣѡу. на вѣсоко-стѣхъ.—а на зємлі мїрѣ и мѣжи людѡ дѡбраѣ вѡлѣ.—и сталося ижє пѡшлі ѡ нїхъ вѣнѣо агглі.—ѿныѣ то пастырє мѡвїли єдїнѣ въ дѡругѡмоу. нѡмѡ ажѣ дѡ ви-флєѡма. а оувѣдѣмѡ тѡє слѡво кѡторѡє тѡ сѣа стѣло. и тѡуѡ рѣчѣ кѡторѡуѡ нѣмъ гѣ зѣїавїмъ.—и прїшлі бѡрѣзо. и наїшлі тамъ мѣрїѡ іѡсїфа и дїтѣ лєжѣчєє въ іаслєхъ.—а оузрѣвїши рѡславїли (sic) тѡ шѣто є имъ повѣдєно ѿ тѡмъ дїдѣтї (sic).—и дївовалїсѣ вєѣ кѡторѣи тѡ слѣшлї шѣто имъ пастырєвє повїдѣли.—а мрїа захѡвовѣла вєѣ тѣи слѡва рѡзѣмышлѣючїи вєрѣци своємъ.

Зачало ѿ.

Пастырєвє пакъ вѣнѡулїсѣ назадѣ хѡвалчїи вѣа зѣ тѡго вєєго. шѣто слѣшлї и вїдѣлї тѣкѣ іакъ є имъ повѣдєно.

и рѣкли ѣмоу оучителю што оучинимо.—а онъ рѣкль кнѣмъ нѣчого нѣто не вывѣрайте ѣно то што ѣсть вѣмъ постанѣено.—а и жолѣнѣре (воини) пытали ты ѣго рѣкоучи мѣто мы ты воудемо чинити. рѣкль имъ ни жадного не оутискоуите. а ни крѣвды не чинѣте.—а доволѣни воудете (sic) оубрѣкы вашими. а коли мѣды вѣнемъ нѣдѣю мѣль и вѣсь всѣцехъ своихъ мыслили. о іѡаннѣ иже бы онъ былъ хѣомъ. ѡповѣдѣль іѡанъ (sic) всѣмъ рѣкоучи. іа вѣсь крѣпоу водою. идѣтъ вѣо за мѣноу сѣлѣнѣишѣи нѣжѣли а которого жь то не ѣ ѣсми годѣнь рѣзвѣзати рѣменѣ оубоуви ѣго тотъ вѣсь воудѣ крѣтити дѣхѣомъ сѣтымъ и оѣнѣмъ. вѣвторогожѣ то роуцѣ ѣго лѣпата ѣго. а вычистити гоумѣно своѣ. а избѣрѣтъ ишѣнѣцоу ижитѣницю своѣ. а полѣвы палити воудѣ оѣнѣмъ не оутѣснимымъ мѣного тыжѣ и иныхъ рѣчѣи напоминаѣючи ѣвѣлію мѣдемы проповѣдалъ.

Зачало і.

Ирѣшѣ пакъ пѣнь четвѣрзѣтого дѣлоу краѣины. колибыль ѡ нѣго карѣнь. о иродниадѣ жѣнѣ вѣрата своѣго. и о вѣсѣхъ злѣхъ рѣчѣхъ которѣе ѣсть чинѣль ірѣшѣ.—приложѣль тыжѣ и тоѣ коуѣсѣмъ злѣстѣмъ своимъ. ижѣ іѡанна до темницѣ вѣсадити казѣль.—и стѣлѣсѣ ижѣсѣ крѣтили вѣсь людіѣ. и иѣсоу крѣпѣшоусѣ мѣлащѣоусѣ оуборѣлѣсѣ невѣо. и зѣшѣдѣ дѣхъ сѣтѣи тѣлеснымъ оубрѣздѣ іако голоуѣвѣ на нѣго. и стѣлѣсѣ глѣсѣ сѣз нѣсѣ. рѣкоучи ты ѣси сѣи мой вѣзмѣовѣсѣнѣи о нѣмѣже вѣговѣолихъ.

Зачало аѣ.

А иѣсь почѣиналь вѣтѣи іаковы вѣтрѣдѣсѣтихъ лѣтѣхъ. вѣдѣнедовѣимѣанѣ (sic) сѣи іѡсѣфѣовѣ которѣи былъ илѣнѣвѣ. алѣмѣатѣтанѣовѣ лѣвийнѣ мѣлѣхѣиинѣ и анѣнѣвѣ іѡсѣфѣовѣ. мѣтѣ-ѣатѣнѣвѣ алѣмосѣовѣ наоумѣовѣ ѣслимѣовѣ нѣгѣсѣовѣ маѣѣѣовѣ мѣтѣтѣѣнѣвѣ¹⁾).

Ѣвѣліста выпѣисѣоуѣ іако хѣсѣ вѣдѣнѣ напоустѣынѣо. и іако поѣстѣлѣсѣ мѣ дѣиѣи (sic). и мѣ нѣо-чинѣ. и илѣзѣалькаль. которѣи то коли ѣго иѣскоуѣшѣаль сѣтона, (sic) кѣменѣмъ. а поѣтомъ на-вѣратѣлѣсѣ до гѣлилѣи. И чѣтѣаль вѣѣрколѣ (sic) кнѣги прѣрѣчѣскѣи (sic) о совѣтѣ. ижѣ прѣркѣ оу своѣи вѣлѣсти нѣ ѣсть вѣпоѣтѣивѣѣсти. илѣнѣнѣжѣтѣо хѣсѣ оу кѣпернаоумѣ вѣгнѣаль ѣсть доухѣ нечѣистѣого. и оуздѣоровѣль тѣцѣроу пѣтѣровоу ѡ зѣмицѣхъ. и мѣногѣи инынѣ ѡ рѣзлѣчѣнѣи не-мѣоциѣи прѣѣстѣиль ѣсть. а дѣавѣолоѣе вѣслѣавѣоуѣѣ ѣго сѣпоѣмъ вѣжилѣмъ вѣтѣи.

¹⁾ Мы не выпѣисѣывѣли именѣ, которѣи вѣ отношенѣи кѣ языку не прѣдѣстѣавѣлѣютъ никакого илѣтерѣса.

ѣсть пріятель въ ѿчизнѣ своѣй. але прайдоу вамъ повѣдаю иже многы вдовы были въ днѣхъ
и́лїи прѣ́ка межѣ мо́дѣ ми и́зрѣ́тескыми.—ко́ли было замѣнено небо трѣ́мѣта и мѣ́сь шѣсть.—
іа́къ то́гда была вѣ́лїкїй го́лодь по всѣ́й зѣ́мли и ни ко́ е́диной зїніхъ посланъ былъ и́ліа
ѣ́дно до саре́фы сидо́нскои въ женѣ вдовниці.—и тро́удоватыхъ ты́жъ было мно́го при е́лисеѣ
прѣ́цѣ ме́жѣ мо́домы и́зрѣ́тескы́. а жа́дєнь зїніхъ не были оу́здоровлены ѣ́дно не́сємь зъ си-
ро́н.—и то́е слышавши напѣ́лиа гнѣ́вою ѡ́си ко́торый были въ со́борниці. а і́стайши вы́гнали
ѣ́го во́нь и́змѣ́ста и вѣ́ли ѣ́го а́ж на ве́рхъ го́ры на ко́торой же то мѣ́сто ихъ было збо́удо-
вано. а́вы ѣ́го до́ловъ звы́рѣ́ли.—а ѡ́нь проше́ посрѣ́ ихъ и вы́шолъ.—

Зачало ѣі.

И сто́упилъ до́ каперынао́ума мѣ́ста галиле́йскаго а́ тоу нао́учамъ вѣ́сточнѣ́ днѣхъ (ісо́уво-
тахъ) и дѣ́вовалисѣ ѡ́ нао́ученію ѣ́го.—а́то иже рѣ́чь ѣ́го зъ со́бѣлиной си́лы была.—и былъ
всо́борниці е́динъ члѣ́къ ко́торый то мѣ́лъ до́ухъ вѣ́са нечїсто́го. и закри́чалъ голосо́мъ вели́кимъ
реко́учи и шѣ́то жь мы сто́вою ма́емо і́се назара́нїне прїше́лъ ѣ́си заго́увити на́сь.—и́ѣдаѣ
тѣ́ве кто ѣ́си сѣ́й вѣ́їи. и прїказа́мъ є́моу і́се реко́учи о́умо́льїи и вы́дижъ и́знего.—а́ коли
поврѣ́гъ ѣ́го вѣ́сь посрѣ́дѣ́ и вы́шолъ и́знего и ни́чего є́моу не́запѣ́кодиль и прїшо́мъ стра́хъ
на вѣ́сь.—и мо́вили межѣ со́вою реко́учи. и іа́коѣ́ то́е сло́во иже зѣ́властїю́ и сі́лою вѣ́лїть не-
чїстѣ́мъ (sic) до́ухомъ и вы́хо́дѣть.—

Зачало ѕї.

И ро́схожоваласѣ сла́ва ѡ́ немъ въ вѣ́ское мѣ́сто и стра́ны. а́ ѡ́нь вы́шдши і́зъ со́борниці
и́шолъ до́ домоу сїмо́нова. а́ тѣ́ща сїмо́нова была немо́щна ѡ́гне́мъ вѣ́лїкїй и прѣ́сили ѣ́го за
нею.—а́ ѡ́ ставши на́нєю прїказа́мъ ѡ́гневи и не́рестамъ.—а́ сїна то́гдажъ і́ставши і́ послѣо́у-
говала і́мъ.—и іа́къ іо́жъ зашѣ́ло са́нцє вѣ́сь ко́торый мѣ́ли немо́щный ро́зными фо́ровами. прї-
водили і́хъ вѣ́немоу а́ ѡ́нь і́хъ оу́здоровилъ на́ко́ждо́го зїніхъ вло́жїи́ши своѣ́ роу́цѣ. и ѿ́ мно́-
гыхъ вы́ходили вѣ́совє́ кри́чачи и мо́вачи. ты́ ѣ́си сѣ́й вѣ́їи.—а́ ѡ́нь заповѣ́далъ и не́поу́чалъ
і́мъ повѣ́дати.—во со́уть і́ѣдали же ѣ́сть са́мы х́с.—а́ ко́ли іо́жъ былъ днѣ́ вы́шолъ и пошѣ́лъ
на по́устое́ мѣ́сто а́ на́рѣ́ве ѣ́го гла́дали.—и прїшѣ́ли а́ж до́ него. задрѣ́жовали ѣ́го а́вы ѿ́ нїхъ
не ѿ́хо́диль.—а́ ѡ́нь ре́къ вѣ́нїмъ иже и дро́утѣ́мъ мѣ́стомъ (а́вѣ́ градо́) мо́усїмо́ проповѣ́-
дати є́влю́ ѡ́ црѣ́вїи вѣ́їи во є́смъ на то́ то́ посланъ.—и о́училъ и проповѣ́далъ на со́бори-
ще́хъ галиле́йскыхъ.

Вѣ́нїста вѣ́нїсо́ує. іа́ко х́с сто́ючи вло́дѣ́ наро́ды нао́уча́ и нѣ́ко́торыхъ о́учїтѣ́нїковъ
ѿ́ лова́ на ры́бѣ́ позва́мъ. и іа́къ тро́удовато́го члѣ́ка оу́здоровилъ и іа́къ мо́лиласѣ́ на по́у-
сты́ни іа́къ ты́жъ росла́блє́ннѣ́го скрѣ́стѣ́ стрѣ́хоу́ крѣ́стѣ́ споу́щє́ннѣ́го оу́здоровилъ. и іа́къ
грѣ́шнѣ́го мы́тнїка крѣ́стѣ́ позва́мъ и іа́къ ты́жъ ро́потнїко́мъ ѿ́повѣ́дає́тъ.

Зачало 31.

И было пакы колѣса народове тѣсноули кнемоу абы слышали слово вѣіе а снъ стоялъ полей ѣзера генисаретского.—и оуздѣлъ двѣ лодѣ который тѣ близво ѣзера стоали а рыволове ѡишѣши ѡ нѣ выполоковалѣ мрѣжу.—и оустоупилъ на єдинѣ зніхъ котораа то была симонова. и просилъ єго абы мало ѡстѣпилъ ѡ зѣмль и сѣдѣчи наоучалъ скорѣмъ народы.—а коли пересталъ наоучати ихъ. рѣкъ ксимоновѣ. постоупи на глаубиноу и заврѣсте мрѣжоу вашоу на оуловленѣ рывъ.—а симонъ ѡповѣдаючи рѣкъ ємоу. оучителю прѣзь всю нощь троудилисѣ ємо сѣ а ничѣго не поймали але на слово твоє запоуцроу сѣть.—а коли тоє оучинили мнѣжество великоє рывъ загорноули ажъ и мрѣжа сѣ ихъ порывала.—и покликали своихъ товаришѣвъ который то были на иной лодѣ. абы приѣхавши помѣгли имъ.—и пришли а насыпали ѡбѣ лодѣ такъ ажъ сѣ затоплали.—коли оуздѣ сѣмонъ пѣтръ припалъ кногамъ їсѣвымъ и рѣкъ ѡйди ѡ мене ги во члѣкъ єсть єсми грѣшныи во сѣ былъ оустрашилъ. и всѣ который знімъ были. О снѣ то ловитѣ рывной который были поймали.—таже и іакова и іѡанна сѣи заведѣвъы который были товариши симѣи.—и рѣкъ ксимоновѣ їсѣ не боисѣ. ѡ того часоу южъ воудешъ члѣкы ловити а приеѣши кверегоу лодѣ сѣтавивши все и пошлѣи въ слѣ єго.—

Зачало 32.

И было коли былъ їсѣ во єдинѣ мѣсто (sic) былъ тамъ члѣкъ наплѣненный троудоватства. и оуздѣлъ їса пѣла на лицѣ и просилъ єго рекоучи.—ги єсли хочешъ можешъ мѣ оуздѣровити.—и простриши їсѣ роукоу дѣтъиноуласъ єго и рѣкъ хѣчоу воуди здравъ.—и вѣрѣзо ѡишѣмъ снѣнъ троудъ ѡ него.—а снъ ємоу рѣказалъ рекоучи. нико.моуже не повѣдай.—але пошѣвши (sic) оукажисѣ їерѣви и принеси за сѣищеніє твоє.—такъ же повелѣлъ моѡсѣи на свѣдоцтво имъ.—тогда рослѣвиласѣ слава великаа О нѣ. и исхѣжовали народове мнѣзи абы слышали и оуздѣровлени были ѡ немѣчѣи своихъ.—а снъ ѡхѣжовалъ на поустыню и молиласѣ.

Зачало 33.

И сталѣсѣ єдиногѣ дѣлѣ коли снъ наоучалъ и сѣдѣли тамъ фарисѣє и законоу оучителеве.—который жѣ то были пришли зѣ всѣхъ сѣлѣ мѣста галилейского. иудейскихъ и єрѣлимскѣи и была сила гиѣ котораа то ихъ оуздѣровѣла.—а пѣакыи моужеве несли на постелѣ члѣка который то былъ рослѣвленъ (днѣю зламаны [sic]) и хѣтели єго инести а положити прѣ нимъ. и не нашли которѣю вы єго стороноѣ принести мѣгли дѣлѣ застоупленѣ народѣ.—и вѣдѣвши на дѣмъ скрѣсть стрѣхоу спустили єго зѣлкемъ на серединоу ажъ прѣ їса.—и оувѣдали пѣроу

и хъ и рекъ члче ѿпоуцаюсѣ тобѣ грѣхы твои.—и тогды почали мыслити оучителие и законники мовачи. кто то е иже хоулоу мовити. а кто можетъ ѿпоуцати грѣхы токомо единыъ ѿз.—а ѿзъ порозоумѣвши мысли ихъ ѿповѣдаль и рекъ имъ што мыслите изъ сѣце хъ вашъ. што е лѣише речи ѿпоуцаютсѣ тобѣ грѣхы твои или речи встанъ а ходи.—але абы есте вѣдали ижъ снъ члчѣскы маеть таковоюю мочь на зѣмли ѿпоуцати грѣхы.—и рекъ рѣславленному тобѣ мовлю встанъ а вѣзми постелю твою и иди до домоу твоего.—и вѣрзо всталъ перѣ ними и вѣзаль постелю на которой то лежалъ. и пошолъ до домоу своего хвалачи вѣга.—и наплѣнилисѣ страха и мовили иже видѣли ехъмо (sic) прѣ (sic) чюдныи рѣчи днѣ.

Зачало к.

А потѣмъ вышолъ и оубьдрѣль мытника именеъ левію а снъ сѣдити на мытници. котомоу жъ то рекъ иди за мною. а снъ все zostавивши и ставши (sic) пошолъ за нимъ.—и оучинилъ емоу левіи оучрѣжденіе великоє (калѣцно) вѣдомоу своему.—и было народу мытниковъ много и иныхъ которые снѣмъ сѣдѣли. и роитали книжници на него и фѣрсеє оученикомъ его мовили.—чемоужъ то измытники и грѣшники есте и пѣте.—ѿповѣдаючи ѿ рекъ книмъ. непѣтревоюю здорѣвый лѣкаръ але немѣцныи не пришолъ во а призвѣти правѣдныихъ але грѣшныхъ на покааніе.

Зачало кѣ.

А снѣи пакъ рекъ емоу прошто ѿсѣиновѣ постѣтсѣ чѣсто и мѣтсѣ. также и фѣрсеєстѣи а твои іадѣти и пѣдѣти.—а снъ рекъ инимъ а ци можете снѣи веселѣ докомъ женихъ снѣими е вѣзатисѣ имъ постити.—але прѣндоутъ дѣнове коли ѿмѣть воудеть ѿ нѣихъ женихъ тогды сѣ воудеутъ пѣстити вѣтыхъ днѣхъ.—повѣдаль пакъ прѣтѣчоу кнѣи иже нѣкто плата нового соудѣна не оустѣважеть всоудѣманъ старѣи а если же иначѣи тогѣи и новое здѣреть а вѣтѣхѣмоу неслоушѣна е залата зѣнового.—и нѣкто тѣжъ не вѣливаеть вѣна нового до соудѣны старѣи. а если же вы иначѣи вѣно молодѣе рѣсѣсѣдити соудѣны и сѣмо рѣзлѣтсѣ. и сосоудѣе загѣноутъ.—але вѣно новое всоудѣны новѣи вѣливѣти и сѣвое захѣвано воудѣ.—и кто же пѣивши старѣе вѣрзо хѣчетъ нового мовити во иже лѣишей естѣ старѣе.

Вѣлиста вѣписоуе. іакъ оученици вѣдѣи соудѣтныи кѣлѣсы вѣминають роуками. хѣсѣ посѣейныи хѣлѣвы прѣпоминаеть. и іакъ тѣи оусѣлоуѣ роукоу всоудѣтоу оубѣзѣровѣи. и іакъ черѣзъ нѣчь мѣлитсѣ. а апѣломъ именеъ называе. и наоучаеть сѣ вѣлѣвѣнствѣи. и сѣ слѣпомъ вѣждѣи. а нѣ справѣливого соудѣа прѣтивъ вѣжѣнихъ зѣворѣнѣеть.

можешъ рѣчи вратѣ твоемѹ вратѣ стоиѹ нехай вынѹмоу съчесть зѹ ѡка твоегѡ.—а самѹ панѹ
вокоу твоемѹ берѹина не видишь.—лицемѣрничѣ (сѹ глаупый члѣчѣ) вынѹми вперѣ берѹино зѹ
ѡка твоегѡ и тогда боудѣши видѣти вынѣти соучесть зѹ ѡка врата твоегѡ.—не ѣ dobroе дрѣво
которѣ рѡдитъ злы плѡ и не ѣ дрѣво злоѣ которѣ рѡдитъ плѡ добрый.—всѣмѹ въ дрѣво ѿ
плѡда своегѡ пѡзнано боудѣ не ѿтрѣна въ извѣраю смѡквы (фиги).—а ни скоупины зби-
рають грѡзда. добрый члѣчѣ ѿ добрагѡ скрѡвница сѣца своегѡ выноситъ dobroе. а злы члѣчѣ
таѣже ѿ злогѡ скрѡвница (sic) сѣца своегѡ выноси злоѣ.—ѿ извѣтъковѹ сѣца и оуста егѡ мѡвѣть.

Зачало кн.

И дѣла чѣго мѣ называѣте ꙗко ꙗко. а не дѣлаѣте того ꙗко ꙗко вамъ повѣлѣваю.—каждый
 который прихѣди кънѣ и слышитъ слова мои и дѣлаѣ ихъ.—повѣмъ вамъ чѣмоу ѣсть подобенъ.—по-
 добенъ ѣ члѣкови томоу который дѣмъ свой збоудѣвалъ иже глаголюко въкопаль и положили ѣсновою
 на камени. а коли сталася повѣ и привыла рѣка и ѣспердася дѣмови томоу. и не мѣгла
 ѣго пороушити. ꙗко иже ѣ ѣсноба на камени.—а кто ꙗко слышитъ а не чинитъ.—подобенъ
 ѣ члѣкови томоу который збоудѣвалъ дѣ свои на зѣмли вези ѣоудоменьтоу (sic) на который то коли
 припѣрла рѣка и ворзо ста ѣ зверѣноуа и оучинилася ѣного тѣ дѣмоу великоѣ падѣна.—

Сѣмѣста выписує ꙗко (sic) хс оуздоровилъ сѣгоу сѣтниковѣ и сѣа ѡдовѣчѣна ѡскреси
и ꙗ ꙗꙗ (sic) посылає свои оученики кз ісѣи. ꙗ сѣнь єго перѣ народы выславоує ꙗ
закѣнники дѣтѣ играющѣи приройноває. повѣдає ѡже жена грѣшнаꙗ слезами нѣги ісѣи смы-
ваєтъ. главо сѣмаѣ ѡд.

А ко́ми до́койчаль всѣ́ сло́въ сво́йхъ о́услы́ лю́дємь, ѿ вѣ́номъ до́капє́рнао́ума. —

Зачало К.О.

[illegible]

тоѣ ісѣ идиновальсѣ ємоу. и ѿвѣрнуувшисѣ кнородоу которы то занымь шоль рѣкль.—то вѣмь повѣдаю иже таковое вѣры нѣмежи жиды єсми не нашоль.—а колѣста вѣрнуули до домоу ты которыи были послани и нашили єного то немоѣного слоугу оудѣоровлѣйна.

Зачало А.

И было пакы потѣмъ шѣл ѿ до мѣста прозвѣщаемъ наина и снѣмъ оученици егѣ мнѣзи. и нарѣ варьзо великый.—а колѣса южъ приближили къворотомъ мѣсцьскымъ. и то чась несено мрѣтвого кѣоторый то ѣдно ѣдинъ выль сѣнь и мѣре своѣи и тажъ выла вѣдова и нарѣ змѣста вѣрзо великы шѣль знею. и оузрѣвши еи гѣ. змиловаѣсѣ на нею. и рѣкль еи. непѣла,—и пристоупивши дѣтъкноульсѣмъ сѣдра (мѣры) ты пѣа кѣоторый мѣрѣтвого несли стѣми. и рѣкль мѣлодѣнче тобѣ мѣвѣлю вѣстанѣ и сѣль мѣртвый и почѣль мѣвитѣи. и дѣль егѣ ѿ мѣтри егѣ. и оустрашилѣсѣ (sic) вѣсѣ и слѣвили бѣа рѣкучи и тажъ прѣркъ великы повѣстѣль мѣжи нами и помѣловѣль бѣз мѣдѣи своѣхъ.

Зачало М.

И пошло тоє слово ажъ по всей юудей ѿ немъ и по всѣхъ оукраинѣ. и повѣдаѣи
иѡаннови оученици его ѿ всѣхъ сѣ.—призвавши два нѣкакыи зъ оученикы въ своиѣ иѡанни
послалъ ихъ къ іѣси рекуучи. тыли еси ѿныи который вы то прїити жѣли чїли иного ѿжи-
даемъ.—а приидши къ нему ѿныи то мужеве рѣкаѣи. иѡанн крѣтителъ прислалъ насъ ктоѣмъ мо-
вѣчи. ели ты еси который прїити маѣши. или иного ѿжидаемъ.—а итотъ часъ многы оудѣ-
ровѣи ѿ немощи. иранъ. и доуховъ зыхъ. а ислѣпыи многыма даровалъ иже прозрѣли.—и
ѿповидѣвши іѣ рѣкаѣи имъ. поидѣтежъ а повѣдаѣте иѡаннови што есте видѣли и слышали.
иже слѣпыи прозираю. хрѣмъ хрѣма трудоваатыи чїстыма вываютъ и глаоуси слыша и мрѣвыи
зъ мрѣвыи истаютъ. а оубоѣи прїимаю еѣлю.—вѣвѣнъ е то которыйсѣ (sic) не зѣлазнитъ ѿ мѣѣ.—
а коли оученици иѡаннови ѿишли почалъ мовити къ народѣ ѿ иѡанни чого есте вы шли ви-
дѣти на поустыни. трѣстиноули котораѣто ѿ вѣтра колѣвѣсѣ.—и чогожъ есте вышли видѣти.
чѣкали который вы выѣ ѿвѣлочень идорогоѣ ѿдѣи. ты который въ дорогѣ ѿдѣию и вросѣиши
живоутъ при дворѣ црѣскомъ. зѣлчого есте вышли видѣти прѣрокали. правдоу повѣдаю вамъ и
бѣлше нижи прѣрка. тотъ то е ѿ которѣ е писано.—а и ѣа посылаю агѣла моего перѣ лицемъ
твоимъ. иже вы наредили поутъ твой перѣ твою.—запрѣды вѣ повѣдаю. иже вошѣего стѣхъ
которыйсѣ ѿ жѣи родили прѣрковъ на иѡанна крѣтитѣлѣ не е жѣаного.—мѣиши же ѿ него ѣле
вѣцрѣствѣи вѣи бѣлши ѿ не е.—тогда всѣ мѣдїе. слышавши то и мѣтници (тѣио грѣшници)
величали бѣ. и крѣтилисѣ крѣщенїе иѡанновоѣ. а фарисеѣ и законооучитѣлїе сѣвѣтъ вѣи ѿвѣрѣли
ѿ сеѣе некрѣтилисѣ ѿ него.

ПРИЛОЖ.

Зачало А'.

И было пакъ потомъ иже Снь ходилъ по мѣстоу и поселѣхъ. проповѣдаючи цѣство вѣіе. а и снѣ дванадесать. иже оны иѣкѣоторый. кѣоторый тѣ были оуздѣорѣлены ѿ змѣ доухѣвъ и немѣчій.—мѣріа нѣзванаѣ мѣдалыні, скѣоторой жѣ то было сѣдмѣ вѣсовѣ вышло. іѣіаина жѣна вѣрѣдника іѣрѣдова. и соусайна. и иныѣхъ мѣного кѣоторый слоужили ѣмоу зѣ імѣніи своѣхъ.

Зачало лѣ.

И рѣзоумѣа то мѣногыи нарѣдѣ и зѣ вѣсѣхъ мѣсть прихѣдили кѣнемоу. Повѣда имѣ приѣтѣоу вышѣль рѣзысѣвачѣ сѣіати сѣмѣни своѣгѣ. а іакѣ южѣ рѣзысѣвачѣ. ѣдно пѣло при поуѣи и потѣитѣно. а и іѣтицѣ иѣіныи позѣвали ѣ.—а дрѣругѣ пѣло на кѣамѣни. и іѣзышѣши поѣхѣло. дѣлѣ того иже не имѣало вѣольготности.—трѣтѣе пакѣ пѣло мѣжи тѣрѣнѣ и загѣлоушило ѣ.—а чѣтѣверѣтѣе пѣло на доброй зѣмѣли. и вѣзрѣсло. а оуѣинило пѣло стѣкрѣтѣ. тѣ повѣдѣвши іѣголѣсь мѣовилѣ кѣтѣо мѣеть оуши коу слышѣно нехѣай слышѣти.—а оуѣченици ѣгѣ пыѣтали ѣгѣ шѣтѣовѣ того за причина (sic) была а Снь ѿповѣдѣвши рѣкѣа имѣ. вѣамѣ ѣсть данѣо зѣнѣати тѣѣмѣности цѣрѣтѣва вѣіѣгѣгѣ. а иныѣ чѣрѣзѣу причина (sic).—аѣвы вѣдѣаючи не вѣдѣали а слышѣачи не рѣзоумѣали.—ѣсть тѣого причина тѣаковаѣ. сѣмѣа ѣ слово вѣіѣе а тѣыи иже соуѣти при дѣрозѣхъ. кѣоторый слышѣать потѣомѣ прихѣдѣти дѣіавѣль и вынѣмоуѣтѣ тѣо зѣ іѣ сѣрѣца. аѣвы не были оуѣѣфривши зѣвѣіѣлѣни.—а иже на кѣамѣни тѣо соуѣти иже слышѣаиши слово зѣрадѣстѣіоу приѣмоуѣтѣ. аѣе корѣне не мѣють. вѣо на чѣсь вѣѣроуѣтѣ а вѣчѣсь напѣасти ѿпѣадаѣтѣ.—а иже ѣсть мѣжи тѣрѣнѣ іѣпѣло. дѣлѣ трѣски и вѣогѣтѣства. а рѣскѣоши сѣгѣо сѣѣіѣ и имѣи выѣваѣтѣ подавѣлены и не мѣогѣутѣ оуѣчинѣи тѣ плодѣ.—а тѣо шѣто на доброй зѣмѣли. тѣо тѣыи соуѣти. кѣоторый добрымѣ сѣрѣцѣмѣ а прѣіѣдѣивѣмѣ оуслѣшѣаиши слово и дѣрѣжа ѣгѣ. и пѣлоды іѣтѣрѣпенѣи приѣосѣтѣ. тѣе повѣдѣвши іѣголѣсь мѣовилѣ. іѣтѣо мѣеть оуши коу слышѣно нехѣай слышѣти.

Зачало лѣ.

Никѣтѣо жѣ зѣжѣіѣши свѣѣчоу накрѣваѣтѣ ѣи соуѣдиноѣ а ни тѣыжѣ не стѣавѣи тѣоѣ постѣіѣло. аѣе на свѣѣтильникоу ѣи поѣтаѣваѣтѣ аѣвы и тѣыи кѣоторый вѣхѣдѣа тѣ свѣѣло видѣали.—не ѣ вѣо нѣіѣчѣого тѣаіѣного шѣто вы іѣіѣно выѣти не мѣло. и ни скѣрыѣтого аѣвы позѣнѣано не было и іѣіѣне сѣа неѣказѣало.—прѣто жѣ вы рѣзоумѣѣи тѣакѣ слышѣи тѣ. вѣо кѣтѣо мѣеть. тѣомѣоу жѣ вѣоѣде дѣано. а кѣтѣо не мѣеть. и тѣе шѣто сѣа мѣѣтѣи наѣѣѣтѣ вѣоѣдѣтѣ іѣзѣаѣтѣ ѿ нѣго.—тѣѣгда пришѣли кѣнемоу мѣтѣи и вѣратѣіа ѣго. и не мѣѣали кѣнемоу приѣстоуѣитѣи дѣлѣ мѣожѣности (sic) мѣѣдѣей и повѣдѣно ѣмоу рѣѣкоучи мѣтѣи тѣвоѣ и вѣратѣіа тѣвоѣ зѣвноутѣрѣи стоіѣа тѣ и хѣѣтѣа тѣ аѣвы сѣа стѣѣѣѣѣѣ видѣали.—а Снь ѿповѣдѣвши рѣкѣа имѣ. мѣтѣи моѣ и вѣратѣіа моѣ тѣыи сѣутѣ кѣоторый слышѣа тѣ слова моѣ и дѣрѣжѣа тѣ ихъ.

Зачало ѿз.

Сталосѧ пакѣ въ єдинѣ днь иже встоупилѣ влодію и оученици єго. и рєклѣ книмѣ переплыньмо на оноую сторону озера и поплыли на воду.—а коли плыноули того часоу были оусноуль. и пришла бурѣ и вѣтры на озеро. ажѣ и волнысѧ влодію вливали. такѣ иже въ великѣ страху были.—тогда пристоупивши звѣдали єго рєкоучи. оучителю оучителю (sic) загыбає.—а онѣ вставши приказѣ вѣтрови и волнамъ водньи и перєстали. и борзо сѧ тихо оучинило. и рєклѣ и гдє єсть вѣра ваша.—И онѣ оустрашившисѧ дивовалисѧ и мовили єдинѣ ко другому. а ктожѣ то є иже и вѣтромъ и водѣ приказує и слоухають єго.

Зачало мѣ.

И перєєхали до оукраины гадариньской. которая є здроугѣй стрѣны (sic) напротивѣ галилей. и такѣ южѣ встоупилѣ влодѣ на зємлю. стрѣтилѣ єго нѣякий члѣкѣ идоучи змѣста. который же то малѣ вѣсы много лѣтъ. а ни во оцѣніє не оволоковалсѧ а ни вдомехѣ не мешкаль. єдно вгровѣхѣ а оударѣвши їса закричалѣ и палѣ перѣ ни. и голосомъ великимъ рєклѣ. што мнѣ стовою є їсє снє ба найвышого.—прошоу тєбє авы єси мєнє не моучиль.—а їсє приказѣ доухови нечїстому выити изѣ члѣка. ѿ многохѣ во лѣтъ похватоваль єго. и вазовали єго оужинцами и поуты жєлѣзными поутовали тыи который єго стєреговали.—и рѣзрывоваль оужинца и поута и бываль гонєнь ѿ вѣсовѣ на поустыню.—а їсє звѣдалѣ єго рєкоучи такѣ єсть имѣ твоє.—а онѣ повидѣль легевѣнь (сирѣчь тма) во было много вѣсовѣ вошло внего.—тогда просили єго авы не казѣль имѣ впропѣсть поити.—было пакѣ тамѣ великоє стадо свинное которое навєрезѣ пасєно было. и просили єго авы имѣ допоустиль внихѣ войти. и допоустиль имѣ.—тогда вышѣли діаволове изѣ члѣка и вошѣли въ свинѣ и борзо оускѣчило стадо взєро. и потонуло. а коли оударѣли то пастоухове штѣсѧ стало оутѣкли. и повидѣли имѣсть и вселѣхѣ.—вышѣли пакѣ вонѣ авы видѣли што сѧ стало. и приишѣли ко їсѣи. а оударѣли члѣка. скѣторого то діаволове вышѣли.—а онѣ сѣдѣть внєгѣ їсѣихѣ оволочєны и оудѣбромѣ рѣзоумѣ и оустрашилисѧ.—а тыи тыжѣ который видѣли повидѣли имѣ. такѣ вѣсный здоровымъ оучинєнь. и просиль єго вєсь нарѣ стороны гадариньской. авы ѿишѣль ѿ нихѣ вѣ сѧ были вѣлми оустрашили.—а онѣ встѣпѣиши влодію. и вєрѣноульсѧ назѣдѣ. и просиль єго онѣнѣ то мужѣ скѣторого вышѣли вѣсовѣ. авы при немѣ мешкаль. але єго їсє ѿпоустиль ѿ сєбє и рєклѣ ємоу вѣрнисѧ до домѣ твоєго. и повѣдай рєкоучи иже на товою великоє змилованѣ вѣнѣ оучиниль. и ходиль по вєсємоу мѣстоу и повѣдалѣ што ємоу їсє оучиниль.

Зачало ѿѣ.

И было пакѣ коли неверноульсѧ їсє и прѣлѣ єго нарѣдѣ вѣ вѣдѣми єго. и пришѣль

моужь которому то было имя иааръ. былъ въ онъ кнземъ ись школы жидовской (або наоужь) и памъ оу ногъ исъыхъ. и просилъ его абы встоупилъ въдо его. въ мѣль дочкоу едно единою на роду іаковъ въ дванадесѣ лѣтехъ. котораа южь оумирала.—А коли южь шоль. пригодилося иже народи оугиѣтали его.—тогда жона едина боудучи и своей (sic) немочи. теченію крове. въ дванадесѣ лѣтъ. котораа южь была на лѣкарства выдала всю мѣстность свою. а въ жадного не могла оудорожена быти. приступиши ззадоу. и докинулася подолка сѣдина его. и борзо теченіе крове ей стало.—и рекъ те кто (sic) е мене докинулъ.—и не признался никто.—Рекъ петръ. и тыи который зні были рекли. оучителю. народовѣ тебе оугиѣтаю. и стискають.—а ты мови кто съ мене докинулъ. и поиторе рекъ те докинулася никто мене. въ на позналъ. иже сила вышла въ мене.—видѣвши то жена иже съ затаити не може. тѣсоучиса пристѣпила. а оупала близко нѣ его. и повидѣла емоу прѣ всѣми людьми. прокото-роую причину докинулася (sic) его. и іакъ съ есть борзо здоровою стала.—а онъ рекъ ей. дочко. будь доброю надѣи. въра твоѣ тебе здоровою оучинила иди съвѣ смирномъ. А коли онъ еще мовилъ. пришоль едина въ архисіагога (въ оучителя мѣдоу жидовского) рекъ емоу иже южь оумѣла е дочка твоѣ. не троуди оучителя.—А те оуслышавши тоє слово въповидѣлъ ѿцевъ ѿной то дѣвки. не троциса. едина толко въроуи будеть здорова. а оушѣши и до недопустилъ ись собою многы воити едно петрови а иѿиновѣ (sic) и іаковѣ. тыжь ѿцевъ и мѣтери онѣи то дѣвки.—и плакали по ней всѣ и кричали.—а онъ рекъ не плачьте. въ не оумѣла есть але спити.—А они пакъ смѣхлисѣ знего вѣдаючи иже южь была оумѣрала.—А онъ пакъ рѣказалъ всѣмъ абы вышли вонъ. и вышли. и іавиши ей за роукоу ей. голосно рекъ дѣвице встанъ (sic) и навеѣноульсѣ доухъ ей. и борзо вжесѣрѣла и казала абы ей дали їасти. и дивовалисѣ родичевѣ ей.—А онъ имъ приказалъ абы того никѣмъ не повѣдали шѣтѣмъ стало.

Вѣлиста выписоуе. іакъ те розослалъ оучники свои. абы наѣчали. и іаковоу єсть мѣць далъ и. и іакъ накармлилъ народи на поустыни іама хлѣбъ. іакъ ты петръ вызы-навае въроу. и іакъ ты хсѣ наминае мѣди. абы были трыплыми ты іакъ съ на горѣ превѣразилъ а ѿишѣши ѿтоле оудорожилъ чѣка розвиванѣ злою немочию ты и о свои моуцѣ повѣдае, и наоучае покорѣ. ты іакъ вѣронить мѣтвѣ погребати, ѿченикоу который хѣтѣ занѣи поити.

Зачало мѣ.

Сѣзвѣвши те дванадесѣ апѣловъ. и далъ имъ власть и сілоу на всѣми вѣсы и немочи оудорожавѣти. и послалъ ихъ абы проповѣдали цѣрѣство вѣіе и немѣцныи оудорожавѣти. и рекъ

и абы нічого не брали на дорогоу ни палицѣ а ни мошны (авѣ торѣвы) а ни хлѣба. а ни по двоѣ сѣдѣмъ мѣвайте. а до которого жь коли домоу войдете тамъ пересывайте ажъ поны ѿ тѣ толе выйдете. а кто бы тыжь не хотѣлъ васъ принять. выходячи зъ сѣбѣ то мѣста и порѣ зногъ вашъ отъясните. на свидѣтельство протѣвѣ имъ. а сѣни вышѣши ходили. по мѣстѣ проповѣдаючи Евангеліе. и оуздоровляючи вездѣ.

Зачало ма.

И оуслышавши иродъ четвѣртой части князѣства владарь. и сѣ рѣчи который (sic) дѣлали ѿ него. и не дорожмѣваѣсѣ. того дла. иже было повидѣно ѿ иѣкоторы. иже бы іѡаннь всталъ изъ мѣртва. — а ѿ иныхъ иже бы сѣ илиѣ іавилъ. — а ѿ другы. иже бы прѣркъ единый зетары всталъ. — и рѣкъ иродъ дла есми ѿ іѡанна стати. а кто пакъ то е. сѣ которѣ ѿ слышѣ таковыи рѣчи. и хотѣлъ абы его видѣлъ. а вѣрившисѣ аплѣве повидѣли емоу. што оучинили. а поивши ихъ шѣль сѣсѣбно единый на поустѣ мѣсто которое зовоуть виѣсайда. тогда позывали народовъ (sic) и пошли за нимъ. и приивши поведалъ имъ сѣ прѣтѣвѣ бжѣи. а тыи который потребовали лѣкарства оуздоровили.

Зачало мв.

Дни пакъ южъ почальсѣ коу вечерови скланати. и пристоупивши дванадесѣтъ рѣкли емоу. ѿпусти народы. абы шѣши до сѣколичны мѣсть и сѣль перемѣнками. и нашли совѣтѣ покормленѣ во есмо тоу на поустѣ мѣсци. — а сѣни рѣкъ и дайте имъ вы іастѣ. а сѣни рѣкли не маемо бо́лше едно пѣть хлѣбовъ и двѣ рѣбѣ. — есми выхѣмо шли и накоупили страивныхъ речѣи на то то вѣ людѣ. абыло моужей іако іѣа тисѣчѣи. — и рѣкъ оученикѣ свой. повѣлите и сѣсти на коупы по пѣтидѣсѣ. и оучинили таковы. и посадили ихъ всѣхъ. — и вѣзавши пѣть хлѣб(н) и двѣ рѣбѣ. поздрѣлъ на нѣо. и вѣвивъ и рѣзлалъ. и давалъ оученикѣ абы прѣ народѣ покладали или иси и наѣлисѣ и зѣбрали сѣбѣсми што было сѣстало сѣкроуховъ дванадесѣтъ кошовъ.

Зачало мг.

И стало сѣ иже сѣ сѣни сѣ на сѣсѣбливѣсти молили. были ты сѣни и оученици его. и пыталъ ихъ рѣкоучи. кѣмъ мене народове быти повѣдають. — и сѣни ѿповидѣвши рѣкли емоу іѡанномъ крѣтителѣ а другы илиею. а иный пакъ иже прѣркъ единый зперышнихъ изскѣсѣ. — а сѣни имъ рѣкъ. вы пакъ кѣмъ мене быти повѣдаете. — ѿповидѣ пакъ сѣмонъ пѣтръ. — хлѣа бжѣа. а сѣни приказалъ имъ зъ грѣзѣвою абы того никому не повѣдали. — и рѣкъ сѣни члѣчѣскый

моуѣи много терпѣти. и поемѣи воудеть ѿ старшихъ архіереевъ и оучителей. — и оубіеи воуде и истрѣти днѣ змрътвыхъ встанѣ.

Зачало мѣ.

И мовиль до всехъ если кто хоще за мною поити. нехай самъ себе заприть. и взъметь крѣсть свои а за мною поиде. — а кто вы хотѣли дшю свою сѣти погоуби еи. а кто загоуби дшю свою для мене то спсѣти еи. — што е за пожитокъ члкъ хоще вы весь свѣтъ одерь жаль. а самъ себе загоубили. а́лбо на цѣлодоу (sic) пришоль. — если же самъ кто воуде мною сѣромѣти а́лбо моихъ повѣстей. тымы ты же самъ и снѣ члчскыи сѣромѣти воуде. коли прииде въ славу своюи. и ѿцевской и стѣ аггль. — але правдоу повѣдаю вамъ иже соутъ нѣкаторыи тоутъ стоіащи. который не мають вкоусити смрти джѣ оубидѣ цѣтво вжіе.

Зачало мѣ.

И сталося по сныхъ то словѣ. іаковы по осмѣ днѣхъ. и поіа петра и іоанна и іакова и взышоль на гороу мѣитиса. и коли самъ молилъ было лице его іако вы иносѣ. и одѣи его было блистающеся. — и два мужеве мовили снѣмъ. то соутъ моуѣи и іліа видени снѣмъ въ славу. который и мовили о смрти его. которую мѣль терпѣти въ іерлима. пѣтръ пакъ. и тыи который снѣмъ были. о́тѣжали были сѣ снѣ. а пробоудившиса оубидѣли славою его. и сныи два мужѣ стоіащи снѣ. — и было коли южъ самъ знѣи рѣзоучали. рѣкаль пѣтръ кзѣсѣви. оучителю добро е намъ тоу быти. оучинимо тоутъ трѣ сѣни (а́вѣ холодинны) тобѣ единый моуѣи единый. и іліи единый не вѣдалъ што мовиль. и е́ще снѣ того не домоуиля оучинилсѣ о́волокъ и изатѣнилъ ихъ. а снѣи самъ пострашили. коли въ о́волокъ вхѣдили. и сталсѣ голосъ изъ о́влака рекоучи. — сѣи е снѣ мой взѣмѣлейный. того слоухайте. и іакъ самъ южъ тотъ голосъ сталь. самъ ісѣ единый (sic) о́сталъ. а снѣи молчали. ни́чо́го зъ (sic) сныхъ то рѣчии который видѣли.

Зачало мѣ.

Дроу́гого пакъ днѣи сталося коли ю снѣи схѣдили зѣ́горы. стрѣтили его многыи народъ. и́. единый моужѣ змежи народа закричалъ рекоучи оучителю прошоу тебе поглядѣи на сѣи моего вѣ́дѣно́ того́ единого́ маю. и́ того́ доухъ нечистыи попадауе́ти. и́ вѣ́лми кричить и́ проужае́тсѣи и́ пѣ́иы тѣ́ицѣи. и́ лѣ́дѣа (sic) ѿ него́ ѿхѣди́ и́мѣ́рѣдовавши́ его́. и́ проси́а е́сми о́учениковы твоихъ а́вы то вы́и́нали и́ не мо́еми. ѿповѣ́дѣа ісѣ и́ рѣкаль. о́ ро́де невѣ́рныхъ а́ перево́рѣтныи. до́ко́ль во́доу въ (sic) вѣ́сь. и́ до́ко́ль зѣ́вами трѣ́пѣти во́удѣ́ при́веди́ о́вѣ́дѣ́ ко́ лѣ́и́ сѣ́а тво́его́. а́ коли е́ще снѣи шѣ́а и́доучи́ до́ него́. вѣ́ргѣи́и́ми вѣ́сь. и́ трѣ́сѣи́ его́. — а́ ісѣ по-

Бѣлиста выписоуеъ такъ хѣ прѣсылаеъ иныхъ оучениковъ сѣмьдесать. и наоучаетъ ихъ. абы всебѣ не доуфали. такъ ты шца выслушай. и такъ в законѣ пересылаючѣмоу дорогоу живота сказоуе. ты повѣдаеъ и причамъ о члѣкоу ш разбойниковъ раненому. и такъ тыжъ влѣрьѣны гостемъ былъ. глава дѣсѣтаа. а зачало и.

Зачало и'.

Потомъ пакъ зыавиль ты ины сѣмьдесать. (и два) а послѣ ихъ по два прѣ лицемъ своимъ. до всякого города и до мѣста. гдѣ коли самъ мѣлъ пойти. и мовиль имъ. жатва за правды есть много. але работниковъ мало.—просѣте жь гдѣна. которо то есть житѣ. абы послѣ (sic) работники на живо свое.—идѣтежъ. что я васъ посылаю тако ошцѣ посредеъ влѣковъ. прѣтожъ не носѣте зсѣвою мѣшкови. а ни пири. (sic) (покаръмовъ) а ни ошѣви. а и никого не цѣлуите на дорожѣ.—а въ который же до коли войдете напервыи мѣсте миръ томоу домови. а если та воудѣ снѣ мира. ошѣни на не миръ вашъ. а если пакъ не воудѣ. кѣа сѣ навраже. а въ то домоу прѣсывайте. идѣте и пите што есть вины. гѣдень во есть работники заплащѣ своѣи.—а изъ домоу до домоу непереходѣте. а до которо мѣста коли войдете. а приемоу вѣа. идѣте поставленое передъ васъ. а ошздоровайте немоцныи. который вины соутъ. и мѣсте и. приѣлижило кѣамъ цѣтѣ. вины.—а до которо пакъ коли мѣста взидѣте. а не приемоу васъ. вышѣши на ошлицѣ его повѣжатѣ. и порѣ который до наши (sic) ногъ прилинуль змѣста вашѣ. оштрѣсаѣмѣ на васъ. але вѣдаите ижъ приѣлижилосѣ на васъ цѣтѣ вины.—правдоу вамъ повѣдаѣ. ижѣ сѣдомѣжнѣмъ въ ошѣ то днѣ легчѣи воудѣ.—горѣ тобѣ хѣразинѣ.—горѣ тобѣ винысайдо.—во коли вы итироу а всидѣи чинены были таковыи чоудѣ. который оу васъ чинены соутъ. давно вы в плѣтѣ (або вранѣи) а на попелѣ сѣдѣчи покарѣни чинили. а единакѣ тирови и сидѣи легчѣи воудѣ на соудѣ. ижили вѣа. а и ты каперѣнаошѣмѣ который есѣ ажъ до неба подиѣсѣсѣ. але ажъ до пѣлаа погроуженъ воудѣ.

Зачало иа.

Кто васъ слоухаетъ мене слоухаетъ. а кто сѣ на шмѣтаѣ. мене шмѣтаѣсѣ. а кто сѣ мене шмѣтаѣ. шмѣтаѣсѣ того! который мене послѣ.—а сѣмьдесать пакъ навражоулисѣ зрѣдѣи рѣкоучи. ги. и вѣсовѣ намъ повинуютсѣ. о имени твоѣмъ.—а о рѣкѣ имъ. видѣмъ есѣи сотѣнаила колѣтѣ ошѣ тако мѣниа сѣва сѣмѣ.

О тожъ вѣа даю мѣцъ настоупати на змѣи. и наскоропию. и на всемоу силоу вражию и невоудѣ вамъ ничѣго шѣдовати. але вы томоу то не радоуитѣ ижѣ вѣа душѣе повинуютсѣ. але томоу сѣ радоуитѣ.—ижѣ имена ваши написаны соутъ на небѣхъ. той пакъ гѣдинѣи иззрадо-

вальсѣ іѣ дхшмъ ѿ рѣкъ./ хвалю тебе шче гѣ нѣсь./ ѿ зѣмль. иже тынѣ рѣчѣ оутайль еси ш моудрыхъ, а ро́зоумны. а изы́авѣ еси то́ младе́нцѣ (або дѣте́мъ) еѣ шче./ (таковы рѣкъ го́раздъ. ѿ) иже то то́вѣ по́довало.

А ѿверноу́вшисѣ кз' оу́чѣнникомъ своимъ рѣкъ. все́ мнѣ дано е́сть ш шца́ моѣ и никто́ не́вѣда́еть кѣ е́сть сѣнь, е́дино шца́. а́нѣты́жъ то́го не́вѣда́еть, кѣ е́сть шца́, е́дино сѣнь. а то́ вы́ вѣда́ль ко́му вы́ хотѣль сѣнь зы́авѣти.—а ѿверноу́вшисѣ е́динъ кз' оу́чѣнникомъ рѣкъ.—вѣ́вѣнный то́ ѿчи, ко́торый то́е ви́дѣть што́ вы́ ви́дите. по́вѣдаю́ во́ вѣмъ./ иже́ мно́гый прѣ́рци и цѣ́вѣ хотѣ́ли ви́дѣти што́ вы́ ви́дите/ а́ не́ ви́дѣ́ли. и слы́шати то́е/ што́ вы́ слы́шите, а́ не́ слы́шали.

Зачало ѿг.

А́лѣ е́динъ чѣ́къ за́коноу оу́чѣ́ный./ вста́ль. а́ по́коушаю́чи е́го рѣ́къ. оу́чи́телю. што́ ма́но чѣ́нѣти./ а́ вы́ живо́ть вѣ́чѣны́ мо́гли на́слѣ́довати.—а ѿи́ рѣ́къ кѣ́ не́моу. вѣ́законѣ́ та́къ е́сть на́писа́но и та́ чита́ешь.—а ѿи́ шпо́вѣ́даю́чи рѣ́къ./ вѣ́змо́виши́ га́ вѣ́ твоѣ́го ш́ всего́ срѣ́ца твоѣ́го, и ш́ все́и́ ду́шѣ́ твоѣ́ей. и́ все́ю крѣ́постѣ́ твоѣ́ю. и́ все́ю мы́слию́ твоѣ́ю. а́ и́ вѣ́жѣ́ны́го твоѣ́го, (sic) та́къ са́мого́ се́бѣ.—и́ рѣ́къ е́му іѣ́. до́бре е́си по́ви́дѣ́ль. то́ чѣ́ни и́ во́уде́шь живо́ь.—а ѿи́ хотѣ́ль са́мъ се́бѣ пра́вы оу́чи́нѣти. рѣ́къ ко́ іѣ́ви. и́ кѣ́тъ е́сть мо́и вѣ́жѣ́ны́й.—шпо́ви́дѣ́ль па́къ іѣ́с./ и́ рѣ́къ е́му.—чѣ́къ и́ѣ́кѣ́торый шо́ль зы́ е́рлі́ма до́ е́рихо́на. и́ оу́па́ль вѣ́ разво́йни́къ. ко́торый е́го ѿ́бывѣ́ра́ли. (а́бо ѿ́дежо́у зво́локѣ́и) а́ и́збра́ниши́ е́го шѣ́шли прѣ́чь. на́по́лы мѣ́ртваго́ зо́стави́ши.—и́ при́годи́лосѣ́ иже́ е́динъ сѣ́нѣ́къ шо́ль ты́ же по́уте́мъ./ оу́здѣ́вши ѣ́ шо́ль ми́мо.—та́кже́ ты́жъ и́ѣ́кѣ́тъ ле́ѣвѣ́ть бы́ль на́ то́ежъ мѣ́сцѣ́ при́шоль.—а́ оу́здѣ́вши е́го по́ми́мошо́ль. а́ и́ са́марѣ́тѣ́нѣ́къ па́къ и́ѣ́кѣ́тъ е́динъ при́шоль на́ не́го, а́ оу́здѣ́вши ѣ́ зми́лова́лсѣ́./ и́ при́стоупѣ́ши по́завѣ́ва́ль ра́ны е́го./ и́ налѣ́а́ль/ ѿ́лѣ́е и́ ви́но/ и́ вло́жилъ е́го на́ сво́ю скѣ́ти́ноу. и́ при́прова́дилъ ѣ́ зѣ́ж до́ гости́нѣ́ницѣ́./ и́ пѣ́чало́валсѣ́ ѿ́ не́мъ.—дро́уго́го па́къ дѣ́на и́зѣ́авѣ́ши́ два́ сре́бръни́къ. (два́ тала́ры а́бо два́ грошѣ́) и́ да́ль го́спода́ре́ни. и́ рѣ́къ е́моу/ пи́лноу́й е́го. а́ што́ ко́ли на́д тре́ на́ложи́шь. а́ та́ наврѣ́зноу́вшисѣ́ шѣ́да́мъ то́вѣ́.—Кѣ́тъ е́дна́къ стѣ́ трѣ́хъ ви́дѣ́тсѣ́ то́вѣ́ вѣ́жѣ́нѣ́мъ бы́ти то́моу́ ко́торый то́ впа́ль бы́ль ме́жи разво́йни́къ.—а́ ѿи́ по́ви́дѣ́. то́ ко́торый же́ оу́чи́нѣ́ль мѣ́рдѣ́ (sic) на́ нимъ.—и́ рѣ́къ е́моу іѣ́с./ и́ди́жъ ты́./ а́ оу́чѣ́ни та́кже́.

Зачало ѿг.

И́ ста́лосѣ́ ко́ли шѣ́ли до́ е́дино́го мѣ́сте́чѣ́ка и́ѣ́кѣ́торого́. же́на и́ѣ́кѣ́тора́а и́ме́нѣ́мъ ма́рѣ́а./ при́па́ла е́го вѣ́до́ сво́ей./ а́ та́ѣ́то ма́ла стро́у (sic), ко́торой бы́ло и́мѣ́ ма́рѣ́а. ко́тора́а то́ сѣ́дѣ́ла при́ но́га́ іѣ́совы́. и́ сло́уха́ла сло́вь е́го.—а́лѣ́ ма́рѣ́а мо́вила ѿ́ мно́гон сло́уѣ́въ. а́ сто́ѣ́а чѣ́и рѣ́къ.

Г҃и./ недѣлашѣи О҃то ѿже сестра моѧ менѣ самоуѣ тобѣ послужовати зоставила. рѣчижь юѣ
авѣ ми помогла.—Ѿповидѣль Тѣс/. и рѣкль ей/. маѣѣо/. маѣѣо/. печалоуѣшисѧ и мовишь О
многыхъ рѣчахъ. единоеже есть на потребу.—мр҃іа во доброуѣ часть ѿвыбрала котораѣжь то
не ѿймѣсѧ ѿней.

Сѣлиста выписоуѣть. іакъ іс оучитъ по своѣй мѣтвѣ оучники свои мѣтвѣ ѿвѣщой.
коу оустановичности прозвѣи напоминаѣ, и іакъ тыжь доухъ нечистый выганаѣть. ты іакъ
законѣи. злыи караѣть. іакъ тыжь ѿ жѣны выхвалень есть. тыжь злоѣ жидовскоѣ поко-
лѣниѣ. изрозличного непослушеньства, караѣть, глава ѧі, а зачало ѿѣ.

Зачало ѿѣ.

И сталося есть, колисѧ О҃нь на нѣкоторѣ мѣсци молиль./ и іакъ ю переѣсталь./ рѣкль
кнѣмоу едиѣ изъ оучѣиковъ ѿго./ Ти наоучи насъ молитисѧ. іакъ же іѡаннѣ наоучилъ оучѣики
своѣ.—и рѣкль имъ./ колѣсѧ мѣтите іакъ моѣте.

О҃че нашъ, ѿже еси на нѣбѣсѣ, да стѣсѧ имѧ твоѣ. да прѣидѣ цѣтво твоѣ. да воудѣ воля
твоѧ. іакъ на нѣбѣи и на земли. хлѣбъ нашъ насущный. дай намъ днѣ. и ѿпоусти намъ
грѣхы наша. іакѣ и мы ѿпоуцаѣмо ѿсѣкомоу должниковѣи нашемоу. и не изведи насъ въ ѿскоу-
шеніѣ. аѣ избави насъ ѿ лоукавого.—и рѣкль кнѣмъ кто звѣсь воудѣ мѣти приѣтелѣ. а
пойдѣ ли кнѣмоу О҃ полночи. и рѣчѣ емоу приѣтелю. позыч ми трѣѣ хлѣба. во пришолъ до
менѣ приѣтель мой дороги. а не маю шѣтѣ вы положили прѣ него.—а О҃нь вы звѣдоуѣ
Ѿповидѣль. а рѣкль. дай ми покой. южь дверѣ мои затворены сѣу. и дѣти мои со мною на-
ложи соутъ. не могу встѣти а дѣти тобѣ.—повѣдаю вамъ. если и не дасть емоу того дѣлѣ
ѿже ѣ емоу приѣтелѣ. прѣ сѧ дѣлѣ соромоу ѿго встанѣ и дасть емоу чѣго едиѣ потребуѣ.

Зачало ѿз.

Прѣсѣте и воудѣ вамъ данѣ. ѿщѣте и найдѣте. тѣцѣте и воудѣ вамъ ѿтворенѣ. во каж-
дый кто жъ прѣси верѣ. а кто ѿщѣи найдоуѣ. и кто толѣчѣ. вываѣть емоу ѿтворенѣ. А коли
которого звѣа О҃ца сѣи воудѣ прѣсити хлѣба. чи камень подасть емоу. али во рыбѣ. а (sic)
ѿмѣсто рыбѣ. гѣдиноу ли подасть емоу. аѣво если вы прѣсѣли іѣица чи скорѣпиѣ (скоролюпоу
або медведька) поѣа емоу если же вы воудоучи злыми. а ѿмѣте добрыи дѣры давати дѣтемъ
вашимъ. іакъ пакъ болѣше ѿцѣ вашъ нѣный дасть дѣа стѣго ты котори вы прѣсѣли ѿго.

Зачало ѿз.

И было коли Тѣс выганаѣль вѣсы. и то было нѣмъ. а коли южь выганаѣль вѣсы промо-

виль нѣмь. и идивовалисѣ народове. а нѣкоторые мовили зніхъ. ѿ вельзаоулѣ князи вѣсовь-
скомъ выганяѣ вѣсы. а друугый пѣкъ искоушаючи єго. знаменіа ѿ нєго искали зѣвсє.—але
ѿнь познать помышленіа ѿ и рекъ имъ. всѣкоє црѣство сѣмо ѿсовѣ роздѣляючисѣ запоустѣ-
ѣть. и дѣ на домъ падєтсѣ. а єсли жє и сотона сѣмъ ѿсовѣ роздєлисѣ. такъ жє воудє стѣіати
црѣтво єго.—такъ же вы мовитє иже ѿ ѿ вельзаоулѣ выганяю вѣсы. а єсли же іа вельзаоуломъ
выганяю вѣсы. сѣвє пакъ вѣши чєрезкого выганяють. а тогѣ дѣ ѿнь соудѣми вашими
воудоу.—а єсли же ѿ пѣлцє вѣіймъ выганяю вѣсы. южъ вѣ постигло на вѣсѣ црѣтвѣ вѣіє.—
а колѣи крѣпкыи и вѣоружєйныи стєрєжєть двѣра своєго и вѣпокой соу имѣніа єго. а єсли
жє мѣцнѣйшій ѿ нєго прїшѣши и пєрєможє єго. тѣ и вѣсє ѿроужіє єго пѣверєть. на которѣ
сѣ надѣваль. и дѣвро єго роздѣсть.

Зачало ѿи.

Ктѣ не єсть сѣ мною напрѣтивъ мѣнє єсть. и ктѣ сѣ мною не собираєть тѣ растѣѣ.

А колѣи нечистыи доухъ выйдє исчѣла. прѣхѣдѣть сквозѣ мѣста безводнаѣ. глѣдаючи
оупѣкою и нє найдєть. и мѣви кѣ совѣ. вѣрѣносѣ до домоу мѣгѣ ѿ колє жѣ єсми и вышѣмъ.
а прїшѣши найдє єго а ѿ помєтєнь и оукрашєнь. тогдѣ пѣйдєть и пѣймєть сѣ собою ины
сѣдѣмъ доуховъ гѣршихъ сєвє. а вѣвошѣши живѣутѣмъ. и вѣваѣ томоу чѣкоу пѣслѣнній грѣшє
прѣ вы.

И вѣло то колѣи ѿнь тоє мѣвилъ. вѣздвигши нѣкоторѣ жєна глѣсѣ змѣжи народа и
рѣкла ємоу. вѣвєннѣй живѣ котѣрый тѣбѣ нѣсѣ. и прѣси котѣрый єси єсѣмъ.—А ѿнь рѣклъ
вѣ истїнѣноу такъ єсть. вѣвѣни соу тыи котѣрый слышѣ слѣво вѣіє. и стєрєгоу єго.

Зачало ѿѣ.

Нарѣдомъ жє свѣираѣюцѣсѣ. почѣмъ мѣвити. тѣ то народъ зѣмь. знаменіа ищє. а знаме-
ніє нє воудє ємоу данѣ. єднѣ знаменіє иѣны прѣрѣвѣ. такъ же вѣ иѣна знаменіє нѣнѣвитѣмъ
вѣ такъ жє воудє и сѣмъ чѣчѣскыи рѣдоу томоу.—црѣца єпѣлоуѣне пѣвѣстанє ємоужѣ рѣда тогѣ тѣ.
а ѿсоудѣть ихъ. а той же ѿна прѣѣхѣла скрѣвѣ земныхъ слѣухѣти моудрѣсти сѣломоновѣ.
а ѿто вѣлши тоу єсть нѣжѣли сѣломонъ.—и моужєвѣ нѣнѣвѣстїи пѣвѣстаноу на соу зрѣдомъ
сѣ и ѿсоудѣ и. прѣто иже сѣ ѿнь пѣкѣали прѣрѣчѣство иѣвѣнѣны. алє тогѣ вѣлшїи єсть нѣжѣли
иѣна.—Нѣкѣтѣ вѣ свѣчоу зѣжѣгши нѣставѣть єи вѣтѣнь. а ни пѣдѣ сосоу. алє на свѣщѣники пѣ-
ставѣлѣ єи. авѣ тыи котѣрый вѣхѣжаѣ свѣтѣлѣ вѣдѣли.

Зачало ѿ.

Свѣтилѣники тѣла твоє єсть ѣко твоє. єсли жє ѣко твоє прѣсто воудєть. тѣ вѣсє тѣло

твое свѣтло воудеть. если пакъ заде было. то и тѣло твоѣ темно воудѣ. протѣ стѣрежи авы свѣтло котороѣ есть иѣовѣ.—темно не было. а если тѣло твоѣ свѣтло воудеть не маючи жадиной темнотѣ. воудеть все свѣтло. пакъ же и свѣча свѣтомъ освѣти тебѣ.—а коли ю Сынъ тоѣ мовилъ. просилъ егѣ иѣкто ѣфарисеѣмъ авы свѣдамъ иѣгѣ. а виѣоши посадиѣся за столъ. фарисей пакъ оудрѣмъ и диговаѣся. иже не оумывамъ прѣ свѣдомъ.—и рѣкмъ емоу ю. иѣи вы законници штоже ѣ звнуѣтъ конве авѣ мисы чиститѣ. а виоуѣтрѣнѣе ваше полно ѣ грабежовъ (аво лоупѣзства) и несправедливостѣ.—вѣзоумиѣ. а ви (sic) тѣ который ѣсть оучи-нилъ звноуѣрѣ и виѣшенѣе ѣсть оучиѣнилъ. алѣ на тоѣ все рѣниѣи даванѣтѣ мѣтынѣ. то и все рѣчи чисты вамъ воудѣ.

Зачало 3а.

Гдѣа вѣ фарисеѡмъ и даѣте десатинѣ змѣтѣ и пѣганѣ (зроутѣ) и исаѣго зѣмѣ. ѿ сѡу и мѣтѣ вѣиѡ спѡуѣаѣте. тыи тѡ рѣчи зѣправдѣ мѣли ѣсте чѣинити. ѿ сѡго не спѡуѣатѣ.— гѡре вѣ фарисеѡ иже мѡвѣте прѣнѣишии мѣсѣа на соворицѣи и пѡздоровленѣа на трѣгоу.— гѡре вамѣ книжници и фарисеѣ лицемѣрници. иже ѣсти ѣсте ѣако грѡбѡе неѣмѣмый чѣлци хѡлѣ ѿ не вѣдѡѣтѣ.— ѡпѡвидѣлѣ иѣкѣдѣ ѣдинѣ иѣзѡконѣиѡвѣи и рѣкѣлѣ ѣмоу.— оучѣтелѡ вѣли ты тѡѣ мѡвиши и нѣамѣ сѡромѡтоу чѣиниши.— ѿ сѡи рѣкѣлѣ. и вѣамѣ вѣдѣ иѣзѡконѣ оучѣнѣи. иже наклаѣте нѣа чѣлѣи вѣременѣа. вѡторѣи нѡсѣти не мѡгоуѣ. ѿ самѣи ни ѣдинѣмѣ прѣстоу вѣашии вѣременѣи дѡбѣиѡутѣса не хѡчѣте.

Зачало 3й.

Горе вам иже воудоуете гробы пррчьскыѣ. а шцеже жъ ваши побѣи и. взиітійноу по-
свѣчаѣте и хвалите оучиіиѣ шцевѣи вашѣи. того дла иже сѣи и побѣи. а вы воудоуете гробы
и.—протожъ и премоудрость вѣи рече. пошмо до ии пррчи и аплы а изиіи иѣкоторыхъ пош-
юти и выганати воудоу. и воудѣ глѣдана на томъ то родоу крѣви всѣхъ пррковъ пролѣиіа
шъ початкоу сѣи. шъ рода сего. шъ крѣви авелеви. ажъ до крѣви захаріиіи. которыи же ести
зѣгиноуѣ мѣжи сѣтаремъ и домомъ вѣиіи. —вз іітійноу вамъ повѣдаіи и воудѣ глѣдана на
томъ то родоу. горе вамъ заковни оучениіи. иже есте изъли крѣви роздмѣниіи. сами жъ не
вхѣдѣте. а и ты которыи вы воити хотѣли заворонѣте. —а кѣмъ сѣи тоѣ до ии мѣвили. по-
чалисѣ на него законоу оучениіи и фѣрисеѣвѣ вѣлми глѣвати. а повѣсти его перекажовати. и
сѣи мнѣгѣи рѣчѣи зѣдливѣ его пыгати. хотѣиіи иѣшѣи зѣ оустѣи е оуловити. авѣи его сѣи-
жиіи¹⁾).

¹⁾ На полях пожелтѣвшими чернилами написано: (ѣсѣ обжаловані).

Еѡлиста выписоуѣть. иже хѣ кажетсѧ стѣречи злости фѣрисейской. тыжь іакъ ѣзъ своѣю волею печалоуѣтсѧ ѡ своихъ, и мовити имъ абы невоіалисѧ Ѹбвиаѡщихъ тѣлѧ. тыжь іакъ нехотѣль мѣжи братіаѡми дѣлѣти ѣмѣніѧ. и ѡвожоуѣть ѡ лакомствѧ, чѣрезы прѣтчиѡ богатоѡ. тыжь іакъ наоучаѣть, абы были люде крѡткими, в радости, и вѣрными въ владарствѣ. тыжь прѡтивъ непрѣтѣлѧ абы были надовроми ѡпатреніѡ.

А коли сѧ іѡжь зѡбрали тѣмъ народа. тѣмъ ажь ѡдинъ дроуѡгоѡ поѡнтовали. поѡчалъ мовити наприѡвѣи оуѡнкомъ своѣмъ. стѣрежитсѧ ѡ квѧса фѣрисейскаѡ. што сѧ выкладаѣтъ лицемерствѡ.

Зачало 31.

Нѣчѡго вѡ иѣмъ не ѣ скрыѡгоѡ. што вы не мѣлѡ ѡкрыѡто вѣтити. а ни ѣсть што тайноѡ. а вы не былѡ зыѡвлѣнѡ. тоѣ што ѣстѣ мѡвилѣи вѣтѣмнѡстѣ а на свѣтѣ слышанѡ воудѣтъ. а што ѣстѣ мѡвилѣи въ оушѣи, вхѡроминахъ./ тоѣ проповѣдано воудѣтъ на домѡ.—Але вѣмъ дроуѡгоѡ моймъ мѡвлѣмъ. абысте сѧ не воіали ты кѡторыѣи зѡбвиаѡ тѣлѡ. а поѡтомъ не могоуѣ што вѡмне оучинили. але іа вѣ оуѡкажоу кѡго выстѣсѧ воіати мѣмъ.—войтѣсѧ, тоѡ кѡторыѣи по забитѡ мѡѣ мѡцѣ оуѡверчи въ ѡгѣнь пѣкѣлѣный. въ истинноу вѣмъ мѡвлѣмъ тоѡѡ войтѣсѧ (sic) чи не нѣмъ ли ѣтѣхѡвы проѡмѡдѣтъ, за два пѣнезѣ (або два галѣрѣ) а ни ѡдинъ з ни не ѣсть зѡбытымъ оу вѡга. але и вѣлѡси гѡловы вѣшеи вѣсѣ соутъ измѣченѣ. прѡтожь не войтѣ. многѣи вѡ ѣтѣицѣ мѣишѣи ѣстѣ вы.

Зачало 32.

И тоѣ вѣмъ поѡвѣдѡ кѡторыѣи мене испѡвѣсть прѣ чѣмъ. и сѣмъ чѣмъскѣи ѣспѡвѣсть ѣгѡ прѣ агѣмъ вѣиѣмъ.—а вѡѡ ѡвѣрѣжѣтсѧ мене прѣ чѣмъ./ ѡвѣрѣженъ воудѣтъ прѣ згѣмъ вѣиѣмъ. и кѣждѡмоу кѡторыѣи вы што рѣкмъ прѡтивъ сѣноу чѣмъскоу./ воудѣ ѣмоу ѡпоуѡченѡ.—але томоу кѡ вы дѣха стѣго хѡуѣмъ./ невоудѣ ѣмоу ѡпоуѡчено.—а коли воудоу вѣсѣ проѡводити на собѡриѡцѣ. и вѣлѣстѣи и вѣлѣмѣстѣи (прѣдѣ оуѡрады и соудѣи) не троѡѣтѣсѧ іакъ аѡѡ што высте за ѡповѣдѣ чѣинѣти мѣмъ. въ истинноу дѣхъ стѣиѣи наоучѣти вѣи вѡѡ чѣи што высте мѣмъ мѡвитѣ.

Зачало 33.

И рѣкмъ ѣмоу ѣдинъ зѣнѡродѡ./ оуѡчѣмъ рѣѡи вѣратѡу мѡѣмоу абы сѧ сѣи мѣноѡ ѡчѣиѡноѡ рѡзѣлѣмъ.—а сѣи рѣкмъ ѣмоу, чѣмѣ, кѡ мѣи поѡставили соудѣю, аѡѡ дѣлѣмъ на вѣмъ.—И рѣкмъ к ѣмоу выстѣрѣгайтѣ и хѡѡѣтѣсѧ ѡ вѣмъкѡго лѣкомѣствѧ. абы не ѡ ѣзѣмъѣи кѡмоу живѡ ѣгѡ вѣмъ на ѡ ѣмѣиѣи ѣгѡ. и мѡвилъ к ни по прѣѡчѣмъ рѣѡучѣи.

Зачало 29.

Чакоу единомѣ богатомѣ зродило поле вѣмѣ и мовилъ самъ всѣмъ рѣкоучи, што маю чинити, не маю гдѣ выхъ зовратъ жита мой (або пашню). И рѣкль такъ оучинио, рѣзметоу жиницоу мою. / (клоунио, або стодолоу). и болшии повоудоу. и збѣроу до ней всѣ жита мой. и все добро мое. и рѣкоу дщи моеи. дше имашь много доброго. / и на многолѣть положе-ного. Спѣвай, ижи, пий, а веселись.—Рѣкль емоу вѣмъ. / безоумнѣ (або глауичѣ) той то нѣчи дшоу твою вытѣгнѣ ѿ тебе. а тоѣ што еси наготовалъ комоу воудеть.—такъ есть какдыи ко-торыйи совѣтъ грѣматити. а не и во богатѣ.

И рѣкль оучинкомъ свои. прѣтожъ вамъ повѣдаю. авыстесѣ не печаловали ѿ дшоу вашоу, што есте. а ни тѣломъ вашимъ, вишѣ ѿволючетесѣ. дша болшалъ есть нижи покорь-мленѣ. и телѣ нижи ѿдѣланѣ. смѣтрѣте на птиць, иже несѣють а ни жиють. и не есть ни ни спинарѣнѣ, а ни житициѣ, а всегда въ ихъ крѣмтити. а ви же вы лѣпшии есте ѿ птиць.—кто пѣ' звасѣ печаловатѣ, мѣжѣ ли причити (sic) изрѣстоу своѣмоу лѣкоть едины.—та (sic) если пакъ той наименшей рѣчи не можете. / прѣшѣ сѣ, ѿ иишии печалуетѣ.—смѣтрѣте на виѣты полныи. / пакъ рѣстоу, не прѣмѣтѣсѣ, а ни прѣдоу. виистинну повѣдаю вамъ. / иже ни соломонъ изъ всей славы своей не ѿдѣвалъсѣ такъ, пакъ ѿдѣныи стѣ. а если трапа котораа дше на поли есть. а настрѣ вынаѣ впець оумѣтанѣ. въ такъ ѿдѣваѣтъ. чимъ васъ бошии ѿ мало-вѣри.—прѣто не ииѣте и вы, што вы есте или, або штовы есте пили. а не възносѣтесѣ. всѣ во ты рѣчи пѣгановѣ ииѣоу. вѣдаѣ во ѿцы ваши иже тогѣ потребуѣте. але напередъ ииѣте цѣтва виѣи. а тыи всѣ рѣчи воудоу вамъ даны.

Зачало 33.

Не войсѣ малоѣ стадо добрѣ во оумыслимъ ѿ ваши, хочѣ дати ва цѣтво /. прѣдантежъ имѣниа ваши. а рѣданте вѣлѣтѣнио. дѣланте совѣтѣ зкровица не вѣтѣмѣюца. и сѣванѣ не ѿскѣ-дѣица на ииѣсѣхъ. гдѣ злѣдѣи не дохѣдѣтъ, а ни мѣмъ не извѣдаѣтъ. во гдѣ есть скровице вашиѣ. тамъ воудѣ и сѣце ваше. воудоу чрѣсла ваши (або ведра) прѣпопѣсани. а и свѣчи го-рѣчи проукѣ ваши.—а ви подовни воудѣте чѣко чѣкаюции гѣдѣи своѣго, колисѣ вѣиетъ з вѣ-роу (з весельѣ, або свадѣвы) авы емоу ворѣзѣ ѿворили, коли едно прѣидѣ, а покомѣтѣ (sic).—вѣвѣни слоугы ѿныи. / который, коли прѣидѣ гѣсподарѣ ихъ. / и наидѣ ихъ, а ѿни чоуютъ.—(або не спати) прѣйдоу вамъ повѣдаю. иже посадити ихъ. / (sic) а ѿпопѣсайшисѣ воудѣтъ и слоужити.—а если изъ вторую стѣрожоу. / и вѣтрѣтую стѣрожоу прѣидѣтъ. / и такъ ихъ наидѣтъ. / вѣвѣни соутъ слоугы ѿныи. а тоѣ пакъ вѣдаѣте. / если вы гѣсподарѣ вѣдаѣтъ вѣторую гѣдиноу злѣдѣи прѣидѣ. чоулъ вѣ и не далъ вы поковати домоу своѣго. и вы тыжи воудѣте гѣтови. во вѣоторыйи чѣсѣ не наидѣте, сѣи чѣчѣскимъ прѣидѣтъ.

И рѣкль емоу пѣтрѣ. / Ти/ кѣли тоую то прѣичоу повѣдаѣши, чи пакъ кѣ всѣ.

Зачало ѿ.

Пришли пакы тоу нѣкоторымъ въ то чась, и повѣдали емоу ѿ галилеѣ. который же то пилать кровъ змешалъ изъ жрътвами ѿ.—и пакы ѿповѣдалъ, и рѣкъ имъ. вы надѣетесь ѿже вы тѣи то галилеѣ не на всѣхъ который живутъ вгалилеѣ грѣшнѣйшими были. ѿже ѿны таковыи рѣчи трѣпѣли./ ни./ повѣдаю во вамъ. если сѣ не покаѣте всѣ также погынѣте.—а во ѿныи на который же то оупамя стѣмъ сілоуѣмъскыи. и побилъ ѿ.—вы сѣ такъ надѣваетѣ, ѿже вы тѣи то надѣ всѣ люди, который живуѣ изъ іерусалима, виннѣйшими были./ ни./ повѣдаю ва. алы если не покаѣте. то всѣ также погынѣте.—повѣдалъ пакы ѿ тоую причоу рѣкоучи.—члѣкъ нѣкоторый малъ смоковницюу въ виноградѣ своемъ. саженоую ѿ прихажовалъ, глѣдаючи плода на ней, и не нашолъ.—и рѣкъ къвицаревѣ. ѿто южъ трѣтѣе лѣто іакъ прихажоу, а глѣдаю плода, на томъто дрѣвѣ смоковничѣ. а не найдоу. и того дѣла./ подотни ѿ. а нехай зѣмѣ нежапорожноваѣть.—а ѿны ѿповѣдаючи рѣкъ емоу./ гдѣ нехай ѿще и тотъ рокъ. ажъ ѿкопаю околѣ ѿ. и ѿсыплю гнѣбъ, а чей пакъ оуродѣ плодъ. а если не боудѣтъ то въприхажѣе лѣто, выскѣшѣ ѿ./

Зачало ѿа.

Была пакы іс на единаомъ ѿ свѣорницѣ. и наоучалъ всоувоу.—была тѣжъ тамъ жѣна таа./ котораѣ не могла ѿ доуха ѿи лѣтъ. и такъ была скѣрѣна, иже не могла изгѣроу поглѣдѣти.—оувидѣлъ пакы ѿи/ іс ѿ призвавши ѿи всѣмъ и рѣкъ ѿи. жѣно, спѣрѣна еси ѿ немочи твоѣи. и положи на ней роуки. и вѣрзо стѣла сѣ прѣста./ и хвалила ва.—тогда старшѣи ѣмежи свѣороу гнѣваѣчисѣ рѣкъ. ѿже іс всоувоу ѿи здѣровоую оучини. мѣвилъ на родовѣ. шѣсть дѣни естѣ. ѿкоторый годѣсѣ роуитѣ. и тѣжъ прихажѣи оудѣровѣлѣтѣ а не вѣдѣ соувоу.—ѿповѣдалъ іс ѿ рѣкъ ѿ^{сѣ} лицѣмѣрѣ (ѿ глѣупыи члѣкѣ) который звѣсѣ не ѿвѣзѣуѣти своѣго вола, алы ѿсл^а 1). и вѣдѣи напойтъ.—таѣ пакы дѣцѣрь авраѣмова. котороую была звѣзѣла сотона/ южъ ѿи лѣтъ. Чи пакы негодилосѣ роузвѣзѣти ѿи, ѿ того звѣзѣланѣ вѣдѣ соувоу.—а колѣ ѿны тоѣ рѣкъ./ засорѣмѣлисѣ всѣ прѣтивници ѿго. а всѣ люде раѣвалисѣ ѿ всѣхъ славѣи вываѣдѣицѣ ѿ негѣ.

Зачало ѿв.

А на тоѣ мѣвилъ./ коу чѣмъ естѣ поѣвно цѣтво вѣиѣ. и комоу ѿго оупѣдовѣмѣ. поѣвно ѿ зрѣнѣти горѣчѣномоу./ которѣ излѣвши члѣкъ оувѣрѣ въ ѿгорѣ свой. и изрѣсло. и оучинилосѣ дрѣвомъ великомъ. и пѣицѣ нѣсныи на вѣтѣ ѿго звѣвали соѣмъ гнѣзда. и поѣторѣ рѣкъ. чѣмоу оупѣвилѣ цѣтво вѣиѣ. поѣвно естѣ кѣасоу. которѣ излѣвши жѣна ѣкрыла (аы сѣхѣвала)

1) На поляхъ: ѿ іаслѣи.

вволодѣзъ) оупадѣ. чинѣ повѣгнѣть а не вытягнѣ ли егѡ и вѣнь соубоитный.—а сѡни емоу на тоѣ шпѡвидѣти не вѣмѣли.—а потѡ мѡвили дѡ позвѣиныхъ прѣчоу. видѣвши іакъ прѣнѣиши мѣсца поспѣаю. рѣкѣ киѣмѣ. колѣи вѣсь воудѣ ктѡ прѡсѣти на вѣрѣ (авѡ на вѣселѣ) не садѣтѣсѣ напередѣишиѡмѣ мѣсци. вѡ еслѣи ктѡ воудѣтъ шѣ тѣвѣ лѣишии спрѡсѣиши. тѡ прѣидѣтъ тѡ кѡторый то тѣвѣ и сѡнѡгѡ прѡсѣли. и рѣчѣ тѡвѣ. постоупи сѣмоу мѣсцѣ. ты пѣмѣ сѡсѡромѡтоу воудѣшь сѣдѣти на послѣднемѣ мѣсци.—аѣ еслѣи воудѣиши позвѣи. пойдѣи./ а сѣи на послѣднемѣ мѣсци. а еслѣи прѣидѣтъ тѡ кѡторый тѣвѣ прѡсѣли./ и рѣчѣ тѡвѣ. вѣрѣтѣ./ посади сѣи вѣишѣ. тѡгѣи воудѣ тѡвѣ слѣвиѡ прѣ тѣмѣи кѡторый сѣдѣли стѡбоу./ вѡ кѣждѣи кѡторый сѣбѣи пѡвышѣтъ./ тѡ смирѣтѣсѣи.

Зачало Оѣ.

Ишоль пакъ іѡ въдомъ иѣкоѣго кнѣзѣ фарисейскаго ѡднѣ соуботный, пѣсти хлѣва.—и рѣкъ
ипозѣвайшомоу ѣго. кѣли чинишь Сѣбѣ. а́лбо вѣчероу. не проси жь пріѣтелей свои. а ни
брѣтовъ своѣихъ./ а ни влѣжнихъ твоѣихъ. а ни соусѣдовъ богѣтыхъ. въ и Сѣни та́кже тебѣ по-
зовоу. и ѡдѣдоу тобѣ.—а́лѣ е́сли чинишь пирь (честь а́бо колацію) зѡви оубогихъ. ма́ломѡж-
ный. хро́мый, и слѣпый. и воудеши влѣвень. въ не маѡ тобѣ чѣмъ ѡдати. а́лѣ воудѣ тобѣ
визданіе, прѣвоскрѣпѣи прѣведныхъ. коли тоѣ оусмышала е́динь стѣи ко́торыи та́мъ сѣдѣли рекъ
ѣмоу. влѣвень тѣ ко́торыи зыасть ицѣтвиѣи бо́жии.

Зачало 58.

Іѣ пакы рѣкъ ёмоу. чѣкъ нѣкоторый оучинилъ вѣчероу великую (або достаточноую) и прѣсѣ многы. и посламъ слоугы свои вгѣдиноу вечерѣ. мѣщчѣ звѣанныѣ абы пришлѣ въ южѣ все ёсть зготѣвано.—а они пакы всѣ почалисѣ едины ꙗко и другѣи выговарѣти.—прѣвыи рѣкъ. коупилъ ёсми сѣло. пилю ми ёсть потреба тамѣ доѣхати. а сѣмѣдати ёго. прошоу тебѣ, илѣи менѣ шрѣчейнымъ.—(або вымовъ мене) А другѣи рѣкъ. коупилъ ёсми пѣ спрѣговъ воловъ. моушоу поити, а сѣмѣдати ихъ. прошоу тебѣ илѣи менѣ шрѣчейна. а и третѣи рѣкъ. поимѣлъ ёсми жѣноу и того дѣлѣ не могу поити. и врѣноувшисѣ слоугы. повѣдѣли то гѣсподаревѣи своѣмоу.—тогда роззгѣивалсѣ домоушѣка. и рѣкъ слоугѣ своимъ. выйдѣте вѣрзѣ на рынокъ. и на оулицѣ мѣстѣцкыи. оубѣгыи. и вѣдныи! и слѣпый! и хрѣмъи! сюды и оувѣдѣте.—и рѣкли слоугы гѣсподаревѣи. ю сѣ ѣ стало ꙗкъ ёси рѣсказамъ.—и ёще ёсть мѣщѣ и ёще ёсть мѣщѣ.—(sic) и рѣкъ гѣдны' слоугамъ. выйдѣте на стѣкы. и межѣи плѣты. а приидѣте ихъ виити. абы сѣ наполнилѣ дѣ мой.—повѣдѣю въ вѣ, ижѣ ни едины. и стѣи моужѣи звѣанныѣ не вѣкоушѣи мѣеи вѣчерѣ. многыи во соу звѣанныи. але малѣи свѣрѣанныхъ.

Зачало ѿз.

Ишли пакъ знимъ народове многыи. а ѿвернувши рекъ имъ. елико кто идеть до мене. а не възненавидитъ отца своего. и матрѣ. и жены. и дѣтей. и братіи. и сестры. а еще на то, и дѣшъ своеи. то не може быти моимъ оученикомъ.—и кто не носитъ крѣста своего, и всѣхъ за мною не ходитъ. не може быти, оученикомъ имъ (sic).—а кто вы зѣва хотѣмъ столпъ возвести (або вежоу) то вперѣ сѣдѣши рѣзмичи мѣстности свои. елико воудѣ имѣти спотревоу коу збоудованю.—вѣ елико вы положили ѿснову. (або фундаментъ) а не могли вы доконати. всѣхъ который вы едно видѣли. смѣяли вы з него рекоучи. тотъ члѣкъ почалъ боудовати. а не може додобити.—аѣвѣ тыжь и црѣ. которы вы хотѣмъ понти напроотивъ иного црѣ вѣсвати. не радѣлиси пѣрше сѣдѣчи. елико вы могли покатиши зни десѣма тѣсѣми. который противного идѣ издаваѣма тѣсѣчами.—а елико пакъ не можеть. еще ѿнонь далеко есть. и пошлѣ послы кнѣ и просѣи ѿ тоѣ а вы съ зѣхвали и мироу.—таже вѣ и каждый звасъ. елико не ѿвръжѣса всего своего имѣниа. не може вѣти оученикоу моимъ.—добра ѣ соль. аѣ елико вы соль смѣкъ оутратила. то чѣи вы ѿсолено было. а ни ѣземлю. а ни вгнои не згодитсѣ. аѣ вонъ высыпана воудѣ. кто имѣе оуши коу слышати. нехай слышитъ.

Ѹлѣста выписоуеть, притчюу ѿ сто ѿвецъ. и ѿ драгмѣ, або ѿ гривнѣ. и ѿ радости. аггломской. надъ единымъ грѣшникомъ кающѣмъ. ты и ѿ завлужьшиоу сѣноу. гла ѣи.

Зачало ѿи.

Приближались къ іерусалиму всѣ мытници. и грѣшници слоухаючи его. и роптали фарисеи и книжници мовачи. то то приимюте грѣшниковъ. и ѣдаѣ сними.—а ѿнь повидѣ имъ тоу притчюу рекоучи. который вы члѣкъ змѣжи вѣ маючи сто ѿвецъ. а стрѣти единоу змѣжи и. чѣи не ѿставиши девѣдѣсѣтъ, и девѣтъ впоустыни. и идеть за ѿною погыбшою ижь ѣи наидѣ.—а коли южь наидѣ ѣи вложитъ ѣи на рамена свои (або наплечѣ) и радуѣтсѣ. а до домоу приходшии. изызовѣ приѣтелехъ свои и соусѣды. и повѣсть и рече. веселѣтсѣ сѣ мною. иже ѣсми нашомъ ѿицю мою. котораа южь была загиноула.—повѣдаю вѣ вамъ. иже та воудѣ радость на ибси на единымъ грѣшникомъ кающѣмъ. нижаи ѿ девѣтьдѣсѣтъ и ѿ девѣти праведныхъ. который не потревоуютъ пѣканиа. аѣвѣ тыжь котораа жѣна маючи десѣтъ драгмѣ (або десѣтъ гривень. або десѣтъ грошей) елико вы заговѣла единоу драгмоу. а чи не зажигаѣтъ свѣчѣ. и помѣтеть хоромы. и поперевертѣ всѣхъ рѣчи што ѣ ии. и глѣдаѣтъ спѣлности. ажь вы нашла.—а знаишии изыываѣтъ приѣтѣлки свои, и жѣны соусѣдныи. и повѣсть имъ и рече. радуѣтсѣ сѣ мною, вѣ нашла ѣсми драгмоу. которую была ѣсми зговѣла.—повѣдоу вамъ. таже воудѣ радость аггломъ вѣимъ. ѿ единомъ грѣшникомъ кающѣмъ.

Зачало ѿѿ.

Рѣкъ тѣхъ чѣкъ нѣкоторыи (sic) мала двѣ сѣи. и рѣкъ молѣши сѣи ѿцѣви. ѿче дай ми достоиную часть имѣнїа. и рѣдѣлаи ѿ имѣнїе. не по многыхъ пакъ дїеихъ. мѣнїи сѣи все забравши и пошолъ вѣсторону далекѣю. и тѣ потратилъ все свое имѣнїе живучи ѿвѣдоуѣ.— а коли южъ все оутратилъ. сталъ голодъ великий. / въ ѿнои то стѣрѣи. а ѿнѣ почалъ недостатокъ трѣпѣти. и шѣи прїсталъ къ единому чѣкоу живучему въ ѿномъ то мѣстѣ. который же то послалъ его до села своего авѣ пасъ свинѣ.— а ѿнѣ южъ вы выль рѣа насытити чрево свое ѿ рѣжець (авѣ мѣоутомъ, авѣ отроувѣми) который едали свинѣ. але и тѣхъ никто не хотѣлъ ему дати.—тогда пакъ прїшолъ кѣвѣ, и рѣкъ. ѿ пакъ есть мнѣго наѣмитѣи вѣдоуѣ ѿца мѣго. а пакъ много мѣють хлѣва. а пакъ тоу зѣголоу погываѣ.—але нѣчѣго не оучинѣ едѣи вѣставши пойдѣу къ ѿцоу мѣмоу и рѣкоу ему.—ѿ ѿче. сѣгрѣшилъ есми на нѣво, и прѣ твоѣю. дѣи который мой зѣстїи, не есть есми годѣнъ назватисѣ сѣи твоѣи. / але оучини мѣне едѣи, знаѣмниковъ твоѣихъ.—а вѣставши пошолъ къ ѿцоу своему. и ещѣ ѿнѣ далеко выль. оуздѣлъ ѣ ѿцѣ его. и рѣзѣмѣвалъ его. и прѣвѣи пѣа на шѣи ѣ. / и много цѣловалъ его.—Рѣкъ ему сѣи. ѿ ѿче. сѣгрѣшилъ есми на нѣво, и прѣ твоѣю. и не годѣнъ есми назватисѣ сѣомъ твоѣмъ.—а ѿцѣ рѣкъ до слоугъ своѣихъ. вѣрѣзѣ прїнесѣте ѿдежоу наѣпрѣшѣю. а ѿвѣцѣте его. и дайте прѣстѣнъ на роукоу его. а ѿвоуви на ногѣи его.—а прѣведѣте тѣлѣ тоучноѣ и завѣите. а пакъ вѣселѣсѣ. вѣ то то сѣи мой оумѣль вы. а за сѣа есть ѿжїа. зѣгиноуль выль. и ѿпѣа сѣа нашолъ. и почали сѣа вѣселити.—а старѣи его сѣи выль на сѣлѣ (авѣ на поли) а коли шѣи и прѣвлїкаѣсѣ вѣдомѣи. и оуслѣшѣа пѣснїи и игрѣи. и прѣзваѣши едѣиноѣ слоугѣ испѣитѣ его рѣкоучи. шѣ то то есть.—а ѿнѣ рѣкъ ѣ. вѣра твоѣ прїшолъ. и завѣи ѿтѣцъ твоѣ тѣлѣа кѣрмѣноѣго. дѣи того иже сѣа кнѣмоу здѣровѣ наврѣноуль.—оуслѣшѣи то, и рѣзѣгѣвалъ. и нехотѣлъ войти до домоу.—тогда ѿцѣ его вышѣди почалъ и его прѣсити.—а ѿнѣ ѿповѣдаѣчи рѣкъ ѿцѣи свѣмоу. пакъ тоѣко лѣа роублю тоѣи. и николи есми зѣповѣди твоѣѣи не прѣстоупилъ. а мѣи николи не даль есѣи ни кѣзлѣте. а выхъ спрѣатѣлѣи моѣи повѣселїсѣ.—але коли прїшолъ то то сѣи твоѣи. / который же пожралъ твоѣ имѣнїе зѣвѣдѣицами. скоро прїшѣ. и завѣи есѣи ему тѣлѣа тоучноѣго.—а ѿнѣ рѣкъ ему. сѣи. ты вѣсѣгда есѣи сѣа мноу. и все моѣ твоѣ ѣ. / але годѣсѣа вѣселитисѣа. / и радѣватисѣа. иже то вѣра твоуѣ оумѣль выль и ѿпѣа ѿжїа. зѣгиноуль выль. и нашолъсѣа.

Еѣлиста выписѣуѣ ѿ шафарѣи который глаупѣ оутрачѣвалъ. а вѣлѣи ѿпатрѣне сѣвѣ починалъ. тѣ ѿто иже жѣднѣи двѣ гѣдрѣ слоужити немѣ (sic). тѣ ѿ лазарѣи. и ѿ погѣтомъ.

Зачало п'.

Рѣкъ тѣ оучѣникѣ свои. чѣкъ нѣкоторый былъ богатыи. который же то малъ приставника (або шафаръ) котороѣ то оскаржено до нѣ. іако вы сѣнь оутрачовалъ имѣнѣ егѣ. и приз-
вавши егѣ. / и рѣкъ емоу. што то ѿ слышѣ о тобѣ. дай ми личвоу изъ шафарства твоѣгѣ.
бо ю далѣи не воудеши мѣгъ шафовать. — приставникъ пакъ помыслилъ самъ всѣхъ рѣкоучи. /
што маю чинити. / коли южъ господарь мой ѿ мене тоѣ старѣишійствѣ ѿймоуѣ. копати не
могоу. а просити сиромѣю. — Иѣдаю што оучиню. если южъ воудѣ ѿиѣто ѿ мене стрѣнѣ
домовѣ. пріймоу мене вѣдомы свои. — и призвавши по единому кѣждѣ, изъ должниковъ го-
сподаря своѣгѣ. прѣвоу рѣкъ. / чѣ много еси виненъ гѣдарю моѣмоу. — а сѣнь повѣдѣлъ.
сто мѣръ мѣсла. — и рѣкъ емоу взѣми записъ твою. а сѣдши ворзо напиши пѣдессѣ. а потомъ
дроугого звѣдѣ. ты пакъ іакъ еси много долженъ. — а сѣнь повѣдѣлъ сто мѣръ пшеницѣ. — и рѣкъ
емоу. взѣми рейстры твои. а напиши п'. — и похвалилъ гѣдаря справцоу несправедливого. / и
тоѣ сѣнь моудре оучинилъ. — бо сѣне того то вѣкоу моудрѣиши соу. нѣжели сѣне свѣта вродѣ
своѣмъ соу. — а и іа повѣдаю вамъ. чинѣте сѣхъ прѣнѣтелъ звѣгательствѣ (зѣманы) несправед-
ливого. коли зѣоубѣжѣте. авѣ прѣли васъ до домовъ вѣчныхъ.

Зачало пѣ.

Кто естъ вѣмалѣи рѣчи вѣрныи. и оу великои рѣчи естъ вѣрныи. — а кто оу малѣи
рѣчи естъ несправедливъ. и оу болшой несправедливъ естъ. если же и несправедливымъ богатствѣ
вѣрни не были. исправедливѣ пакъ кто сѣ на звѣритъ. — если вѣоужѣ не были естѣ вѣрни. а
што пакъ наше естъ. / кто на далъ. — бо ни едѣи тѣ слоуга не можѣ двѣ гѣдаремъ слоужити.
мѣбѣ единого помѣви. а дроугого ненавидѣти воудеть. — а мѣбѣ единого дрѣжатисѣ воудеть.
а сѣ дроугомъ почнѣ не дѣвати. — не можете вѣоу слоужити. / и несправедливѣсти. — слышали
пакъ тоѣ всѣ фарисеѣвѣ. который то были сѣйролюбѣми. и насмѣивалисѣ знегѣ. — а сѣнь
рѣкъ имъ.

Зачало пѣ.

Вѣ естѣ который сами сѣбе прѣ моѣми чините справедливыми. алѣ вѣгъ знаѣ сѣца ваша.
то што естъ вѣлюди высоко естъ (sic). тоѣ естъ мрѣзено прѣ вѣгомъ. — законъ и прѣрковѣ ажъ до
пѣдѣнѣ. а ѿ того часоу цѣтво вѣжѣ проповѣдано воудѣ. и каждыи который хѣчѣ вѣнѣ вѣнѣти
нѣхан поудѣсѣ. — лѣгчѣи естъ нѣсѣу и земли прѣминути. нѣжели ѿ закона единому словоу
зѣгинути. — кѣждѣи ¹⁾ пропѣуцаѣ жѣноу свою, а иноую помѣоуѣть. прѣлювы дѣлаѣть. — а кто
женѣсѣ поѣцѣсною ѿ моужѣ прѣмѣвы дѣлаѣть.

¹⁾ На поляхъ: который.

Зачало пѣ.

Чѣкъ нѣкоторый былъ богатый. который жѣ то сѣбѣ оловчовалъсь вперѣдѣ и ѿвѣсонъ. (в шарлатъ а вдорогое сѣдѣнѣ). и на каждый дѣнь выѣвъ вѣсми вѣсель. — былъ тыжъ нѣкоторый оубогый. / которому то было имѣнѣ лазарь. который то лежалъ оу вѣротѣ сѣ воудочнѣ троудоватый. и хотѣлъ насытити ѿ кроухѣ который южъ были помѣтаны истѣла богатою. але нѣхѣто ѣмоу подати не хотѣлъ. — пси пакъ приходѣчи сѣбѣ оловчовали гнои ѣго (вроды, аво волачки) и сталосѣ ѣсть. / иже оумрѣлъ сѣнонъ оубогый. и несень ѣсть агѣлы на лонѣ авраамовы. умрѣлъ тыжъ и богатый и погребень ѣсть. — и вперѣдѣ понеслъ сѣни свои колѣ южъ былъ имоукахъ. и оударѣлъ авраама здѣлека. и лазаря на лонѣ ѣго. и закрывавши рѣкъ. сѣ сѣ авраамѣ помѣлоуи мѣ. а пошлѣ лазарѣ авы омочилъ концѣ пѣмца своѣго оу водѣ. и оустоудити пѣзыи мой. вѣ трѣпѣмѣ таѣкоуѣ моукоу ѣтомѣ то пѣмѣни. — авраамъ пакъ ѿповидѣвши рѣкъ ѣмоу. / сѣноу вѣспѣмѣтаны иже еси оужилъ добра своѣго и животѣ твоѣмѣ. а лазарь таѣже злогѣ. сѣнонъ сѣнѣ теперѣ потѣшаѣсѣ. а ты моукоу трѣпѣи. — а ѣще на то мѣжи нами. и вѣмѣи. пропастѣ великаа оучинѣна ѣсть. авы тыи который ѿсѣлъ хотѣлъ вѣдѣи перейти не могли. а ни тыжъ ѿтоуѣмѣ вѣмѣи не приходѣ. — Рѣкъ пакъ сѣнонъ. прошоу тебѣ ѿчѣ пошлѣ ѣго вѣдѣ ѿца моѣго. вѣ ѣще маю пѣи вѣратовѣ, авы имѣ свѣдѣмѣ. / авы и сѣни не пришли на тоѣ мѣсце моучимѣ. — Рѣкъ ѣмѣ авраамъ. маю моисѣи и прѣркы. нѣхай и слоухаѣтъ. — А сѣнѣ рѣкъ. / ни. / ѿчѣ авраамѣ. але ѣсли вы кто ѿ оумрѣмѣхъ шѣмѣ до нихъ. каѣмѣмѣмѣ ѿ зѣдѣти. — Рѣкъ ѣмоу сѣнѣ. / ѣсли моисѣи и прѣркы не слоухаѣтъ. то хотѣи кто ѿ мѣрѣмѣхъ вѣскрѣнѣтъ. / не имоуѣтъ вѣры.

Евѣлиста выписоуѣ, зѣповѣдаѣчи, авымо неприводилѣ на лихѣдѣ вѣлѣжнѣхъ. але наказовали. а вѣрѣни воудочнѣ боу слоужили ѣмоу. тыжъ сѣ десѣти проѣмѣжѣнихъ. и сѣ сѣнищенѣю и. тыжъ пѣмѣ зинѣхъ сѣдинѣ вѣоу хѣвалоу дамѣ. тыжъ пѣмѣ сѣмѣ хѣ повѣдаѣтъ, иже цѣтво вѣжѣ вноутрѣ насѣ ѣсть. ты выписоуѣ сѣ соѣномѣ дѣи. глава семѣнадѣсѣ. а зачало: (sic).

Рѣкъ пакъ до оучѣнкѣмѣ своѣхъ. не може тоѣ быти. авы погѣршенѣ прѣити не мѣло. але вѣдѣа томоу чѣрезѣ когѣ приходѣи лѣпшѣ вы ѣмоу было авы каменѣ жѣорновыи оувѣзѣа былѣ на шѣдѣ ѣго. и оувѣрѣжѣ вы былѣ имѣоре. / ниѣмѣи вы мѣмѣ прѣвести на совѣмѣзѣи ѣдиногѣ, и стѣхъ мѣмѣи.

Зачало пѣ.

Вниѣмѣйте сѣмѣ. / ѣсли согрѣши прѣтивѣ тебѣ вѣрѣ твой. запрѣти ѣмоу. а ѣсли воудѣ сѣмѣ того вѣмѣити ѿпоустѣи ѣмоу. — а ѣсли вы и до сѣмѣи рѣзѣ согрѣшили прѣтивѣ тебѣ. а сѣмѣи рѣзѣ на дѣнь сѣмѣи сѣвѣратѣиши рѣчѣ каѣдѣсѣ тогѣ. а ты ѿпоустѣи ѣмоу.

лѡтъ изъ содомѣ. пѣмъ зѣва ѡгнѣ, и кѣмнѣ горѣчѣе. и погубило асѣ. по тому воудѣ видѣ и кѡ-
торыи сѣмъ члѣскыи пѣмѣсѣ. — вѣтѣ днѣ, кѡ воудѣ на кровѣ. / (на дахоу. або на стрѣхѣ) а
стѣтки егѡ вѣдомоу. нѣхай не сходи изаги ихъ. — и кѡ тыжъ на полѣ тѣжѣ нѣхай не вртаѣсѣ
на задѣ, пѣмѣтѣмъ жѣноу лѡтовѣ. — вѣ кѡ хѡчѣ дшѡу своѣ спѣсти, погубѣи еѣ. — а есѣмъ по-
губѣи еѣ. оживѣи еѣ. повѣдаю вѣ. иже вѣтоуѡ по воудоу двѣ на единоу лѡжоу. едина воудѣ
вѣзѣ. а дроугѣмъ оставѣнѣ. — дѣмъ воудоу мѡлотѣ посполѣ едина воудѣтѣ вѣзѣтѣ. а дроугѣмъ оста-
влѣнѣ. — а они пѣмъ спѣтѣмъ егѡ рѣкѣмъ. гдѣ гѣ. — а оны рѣкѣмъ и гдѣ воудѣ тѣмъ тѣ сѣмъ зѣе-
роутѣ и орьлоу.

Вѣмѣмъ вѣписоуѣ. о соудѣмъ, кѡторыи сѣмъ вѣа не воѣмъ, и людѣмъ сѣмъ не сороуѣмъ.
тѣмъ и о законникоу. кѡторыи же вѣмъ мѣтѣмъ, грѣшного посоужѣмъ. тыжъ пѣмъ хѣмъ мѣ-
дѣмъ, кѡторыи еѣмъ не мѡвилѣ коу совѣмъ пригорѣтѣ. тыжъ богатыи стрѣшѣтѣ. а и о
моуѣмъ оученикоу своѣмъ наперѣ повѣдѣтѣ. тѣмъ пѣмъ слѣпоу оубоу оуѣмъ оуѣмъ дароуѣ.

Зачало III.

Иѣмъ пѣмъ мѡвилѣмъ кѣмъ причоу сѣмъ. иже поѣреѣ еѣмъ иѣсѣмъ мѡлитѣсѣ. а не тоужѣтѣ
совѣмъ. — и рѣкѣмъ. вѣмъ едина соудѣмъ вѣмъ кѡторомъ мѣтѣмъ. кѡторыи тѣмъ не воѣмъ вѣа и мѡдѣмъ сѣмъ
не сороуѣмъ. — вѣмъ тыжъ тѣмъ едина вѣдова вѣтѣ же мѣтѣмъ. и прихожѡвалѣ вѣмъ. и прошо-
валѣ егѡ рѣкоуѣмъ помыѣтѣмъ ми иѣмъ сопрѡтивѣникоу моѣмъ а оны на многѣмъ чѣмъ не хотѣмъ але
поѣмъ помыѣмъ сѣмъ иѣсовѣмъ рѣкоуѣмъ. есѣмъ сѣмъ вѣа не воѣмъ. и людѣмъ сѣмъ не сороуѣмъ. але того
дѣмъ иже мѣмъ докоучѣтѣ тѣмъ тѣмъ вѣдова. помыѣсѣмъ зѣмъ. абы на оѣтѣкоу прихожѣмъ не оѣмъ-
валѣмъ мене. — Рѣкѣмъ тѣмъ слышѣтѣ. шѣмъ тѣмъ несправѣмъ соудѣмъ мѡвилѣ. — а вѣмъ не мѣтѣмъ оуѣ-
мѣтѣмъ мѣмъ. / дѣмъ вѣмъмъ своѣмъ. кѡторыи вѣмъмъ крѣмъ вѣмъ днѣмъ и вѣмъмъ. а пѣмъ дѣмъ
тѣмъ оуѣмъ. — повѣдаю вѣмъ. иже вѣмъ помыѣстоу ихъ оуѣмѣтѣмъ.

Але кѡли сѣмъ члѣмъскѣмъ приѣмъ. найѣмъ лѣмъ вѣроу на зѣмѣмъ. — Рѣкѣмъ вѣмъмъ кѡ-
рымъ (sic) тѣмъ вѣсѣмъ наѣмъ мѣмъ. иже сѣмъ справѣмъ. а изъ иѣмъ сѣмъ наѣмъмъ. Рѣкѣмъ тѣмъ
поѣмъмъ.

Зачало IV.

Дѣмъ члѣмъмъ вѣмъмъ вѣмъмъ помыѣтѣсѣ. едина фѣрсеѣмъ (законниѣмъ) а дроугѣмъ мѣмъмъ
(пѣмъ грѣшнѣмъ) фѣрсеѣмъ же стѣмъмъ. и тѣмъ сѣмъ, вѣсѣмъ моуѣсѣмъ рѣкоуѣмъ. и не еѣмъ тѣмъмъ
пѣмъ иѣмъмъ члѣмъ. хѣмъмъ. (дрѣмъжѣмъ) несправѣмъ. прѣмъмъмъ. абы пѣмъ тѣмъ мѣмъмъ.
поѣмъмъ двѣмъ рѣмъмъ. и дѣмъмъмъ даю зѣмъ вѣсѣмъ шѣмъ едина мѣмъ. — а мѣмъмъ пѣмъмъ стѣмъмъ
издѣмъмъ. а иѣмъ оуѣмъ не слѣмъмъ вѣмъмъ помыѣтѣсѣ. але вѣмъмъ вѣмъмъ своѣмъ рѣкоуѣмъ. вѣмъмъ

Зачало чг.

А коли сѣ Сѣнь приближоваша до іерусалима. сѣпещь единь сѣбѣ на поутѣ. и просилъ милостынь. — а коли оусмышаша народъ по мимойдоучи. и пытались кто то есть. и повѣдали емоу. иже ісѣ назаретинъ мимойдѣть. — Сѣнь пакы великій голосомъ закричалъ рекоучи. ісѣ сѣоу двѣхъ змилоуеся нѣдо мною. — а тыи который наперѣ (sic) иишѣ, мовили емоу авы молча. — а Сѣнь еше боѣше крыта сѣоу двѣхъ змилоуеся нѣдо мною. — ісѣ пакы стѣмъ и рѣсказалъ егѣ привесть до севѣ. — а колѣса Сѣнь приближишѣ. звѣдали егѣ ісѣ рекоучи. што хочешъ. а вы ти оучинили. — а Сѣнь рѣка. / ги дѣи мѣхъ. / а выхѣ прозрѣхъ. — а ісѣ рѣка емоу. / прозрѣи. вѣра твоѣ тебе здѣровымъ оучинилѣ. — и вѣрзо прозрѣхъ. / и шѣмъ за ісѣомъ хвалѣчи ісѣа. и иси мѣдѣе тоѣ оувидѣвши. даи хвалоу вѣоу.

Вѣлиа вѣнисуе, ѿ захуею мытари. ко́торыи то мѧ вѣмъ тѣломъ. и ѿ десяти
мѧсь (sic). а́во ко́нь. а́во гривень. а́во злотѣ. а́во грошѣ, ко́торыи соѹ зѣренъ слоу-
гамъ. ты ѿ вѣхъанѣ хѣмъ на ѿсѣтѣ въ іерѣимъ ты іакъ хѣ нѣа на іерѣимомъ, а на-
перѣ по́нѣдаѣ, ѿ разорено єгѣ, іакъ ты, выганѣ ісѣрѣвѣ коупѣ, а продаѣ. тыжъ
іакъ кѣзи и а́рунѣрѣе. жи́довскѣи. хѣтѣ єгѣ. зѣбити. глава 41.

Зачало чд.

И вшѡмъ їѣ./ и похажоваль по єрихоноу моужь пакы нѣаыи именеми закъхей, который то былъ старшій надъ мытыниками. и былъ богатъ вѣлми. и хотѣлъ їѣа видѣти./ кто ѣсть./ аѣ не могли прѣ (sic) народъ. во малъ былъ тѣломъ./ вѣгши наперѣ и влѣзы на іагодичиноу./ (на дикоую фикигу) абы єго видѣль. во тоуды хотѣль пойти.—а коли пришѡ їѣ на тоѣ мѣстѣ, и оузарѣа єго и рѣкъ ємоу. зѣхейо, вѣрзо иѣмѣзы на доль. во днѣсь вѣдомоу твоѣмъ маю быти. иѣмѣзы спѣшнѡ, и приѣмъ єго, и радовальсѣ.—оувидѣвши то всѣ рѡптали, рѣкоучи. иже вшѡмъ грѣшногѡ чѣва итати.—а закъей пакы ставши рѣкъ кѣ їоу. ти сѡтѣ половинноу иѣмѣа моѣгѡ аа иицимъ./ а єсли бы вѣкогѡ выпѡтварѣа вѣрзѡу ємоу тоѣ ичѣтвѣрѡ.—Рѣкъ вѣмоу їѣ. днѣ сѣиѣе стало сѣа домови томоу. иже бы и сѣиъ былъ сѣиѡмъ вѣраамѡвымъ. пришѡ во сѣиъ чѣчѣскыи тогѡ дѣа абы сѣиъ и иѣшѡмъ погывшѣ.—а коли сѣиѣ тогѡ слоухали. приложийши рѣкъ прѣтѣоу. прѡто иже были вѣзѣко їѣрѣлѣма. а сѣиѣ сѣа надѣвали иже бы сѣа вѣрзо мѣло іавѣти цѣтѣио иѣѣ. прѡтожѣ рѣкъ.

Зачало чѣ.

Чѣкъ иѣкоторый доврѣго рѣдоу. ѿишѣ на сторону дѣлевою. аѣвъ моглѣ мѣти своѣ
цѣтѣ. и наврѣноувшѣ. призѣвалѣ дѣсѣ слоуѣтѣ своѣ. и дѣль и дѣсѣ мѣнѣсѣ (аѣво ѣ рѣнѣнѣ аѣво
ѣ копѣ. аѣво ѣ зѣлѣ) и рѣклѣ и.мѣ. коупѣнѣтѣво дѣлаѣтѣ. доѣколѣ тѣ не прѣйдоу. а мѣщѣнѣ пѣкѣ

ѣго ненавидѣли ѣго (sic). / и послали послы за нѣ рекоучи. нехотѣмо абы то цѣновалъ на насъ. — и сталося естъ коли сѣ Сѣи наврзнуоу. прѣлм цѣноу и казаль, кобѣ Сѣи то слоугъ позвати. который то вым грошѣ дамы. / а вы дождамы выи. што вы который зны. на Сѣи то коупли зыскамы. — и приидши прѣвыи, рѣкм гѣроу. мнѣса твоѣ причинила ꙗ мнѣса. — И рѣкм ѣмоу дѣвою тобѣ слуга добрый. иже на мамѣ вым еси вѣрный. воудеши мѣти старѣйшииство на десѣмѣ мѣсти. — и другый пакъ приидши рѣкм. гѣроу. мнѣса твоѣ. иѣ мнѣса причинила. — а Сѣи рѣкм и томоу. и ты ты воудеши на пѣтми мѣсти. — принолы тыжъ и третѣи рекоучи. гѣроу, мнѣса твоѣ которую есми мѣл изъ вѣру завѣзаную. во есми сѣ тебе вѣдалъ. иже еси чѣмъ сѣдѣтый. вереши тѣ, где еси не положили. и пожинаеши. / где еси не сѣялы. — Рѣкм ѣмоу. / и сѣ твой оустъ соужоу тобѣ змыи слоугѣ. вѣдалъ еси иже естъ есми чѣмъ жестокий. беру то чѣго есми не положили. а пожинаю тамъ где есми не роѣсѣвалъ. а даж чѣго жъ еси не дамы грошии мои (sic) трѣгоуицѣмъ. а на вы ихъ вым прѣхѣиши изѣмъ изъмѣною. — и рѣкм ты который стоѣли прѣ нимъ. възмѣте ѿ него мнѣса. и дайте томоу икоторого десѣ мнѣса. — а Сѣи рѣкли ѣмоу. / Ти, имаѣ десѣ мнѣса. — запрѣды повѣдаю вамъ. иже каждомоу который маѣтъ. / воудеши ѣмоу дѣно. и болше воудѣ мѣти. — але ѿ того который иѣмаѣтъ. и тоѣ што маѣтъ воудеши ѿ него ѿиѣтѣ. — а Сѣиыи неприѣтели мои. который не хотѣли, абы вым цѣрѣ. / наѣ (sic) нилми. приведѣте ихъ тоу и постыжайте ихъ передомноу. — а повидѣиши тои то рѣчи переды сѣ пошолъ (sic), идоучи до іерѣлѣма.

Зачало ѿз.

И сталося естъ коли сѣ Сѣи приближовалъ до ви-о-сагѣи и ви-о-ани. до горы названной Сѣи-иной. послалъ дѣо зѣ оучѣицѣи своихъ. / и рѣкм имъ. идѣте до мѣста, которое противъ насъ естъ. икоторое жъ то ишѣдши наидетѣ Сѣла, а Сѣио привѣзано. на коромъ (sic) то ещѣ жадыи ѿ людѣи не сѣдѣлы. ѿважѣте ѣго. / а приведѣте ѣго ко мнѣ. — а еси вы на кто пыталъ рекоучи даж чѣго ѣго ѿвазѣуетѣ. а вы ѣмоу такъ ѿповѣжѣте иже ѣго тѣ потребуѣ. — а пошѣиши тыи который были послани. наишѣ такъ іаки и повидѣлы. — коли то Сѣи ѿвазѣли Сѣла. рѣкли гѣсподареви ѣго выиамъ. даж чѣго Сѣла ѿвазѣуетѣ. — а Сѣи рѣкли тѣ ѣго потребуѣте. и привели ѣго ко іѣви. и вѣложили Сѣлѣи свои на Сѣла. и іѣсѣдѣли на не іѣа. — а коли Сѣи Сѣи (sic) ѣхѣлы. едѣиыи постылали Сѣлѣи свои порозѣ.

Зачало ѿз.

А коли Сѣи приближовалъ. коу вѣходоу горы Сѣи-иной тогда почало все множество оучѣиы хвалити на гѣлосѣ великымъ. за Сѣиыи все знамы, который вѣдѣли, рекоучѣи. вѣнѣный Сѣио цѣрѣ, который мѣлъ прѣйти изъ иѣмъ гѣе. миръ на невеси и слава изъ пѣишѣи. — иѣборый

пакъ иъзъзаконниковъ. и иъзъ народа/. рѣкаи кнемоу. оучителю запрети оученикомъ твоимъ. — а онъ шпобидѣвши рѣкаи и. повѣдаю въ вамъ. если вы тыи молчали./ каменіе вы врычалѣ. Прииде пакъ днь шпрѣсночныи. А коли приближилъ на мѣсто. рѣплакальсѣ на нимъ. и рѣкаи. ѿ коли вы еси ты познало днь то въоторый ты мѣши смирити. але нѣтъ есть скрито ш очий твоихъ. въ прийдѣ на тебе дшовѣ. въоторый остоупати тебе непріятелѣ твои. и острогѣ оставати (валоу оконоути. аво охынають) и овлѣгоу тѣ. и овыймоу тѣ вѣсды. и рѣзъвѣтъ тѣ, и дѣти твои въоторый соу втѣвѣ. и не останеи втѣвѣ каменъ на каменѣ прѣто иже еси не познало посѣченѣ твоѣ.

Зачало чѣ.

А вшѣши въ цркви почалъ выганѣти тыхъ въоторый вшеи продавали и коуповали. рѣкаи имъ. написано ѣ до мой до мѣтвиныи естъ. але вы есте его оучинили пѣчероу рѣзъвойникомъ. и наоучали на каждый днь въ цркви.— і архіерее и кнѣжники. и оучители. и старшии мѣжи мѣдми. глѣдали его авы заговбили. и не нашли авы ёмоу што оучинили. въ иѣтъ мѣдѣ дрѣжали и послоуховали его.

Вѣлиста выписоуѣ, пакъ законникии пытаѣтъ. ха, ѿ его мѣци. пакъ тыжъ онъ охрищеніи иѣанновѣ повѣдѣлъ подовѣнствомъ, то естъ, прѣтчею, ѿ змѣ виноградарѣ. пакъ ты вѣтъ вѣли, авы мѣдѣ царѣ данъ. давали. ты сѣдоужейское завоужденіе, посоромочоуѣ, и покрытость оучителей. глава к а зач. чѣ.

Зачало чѣ.

Сталосѣ естъ въ онѣмъ то днѣ. коли онъ наоучѣ мѣди въцркви. и проповѣдалъ цртво вѣжѣ (и еѣлю) пришли сѣйники, и кнѣжники и старшими (sic). и мѣвили кнемоу рѣкоучи. повѣжъ намъ въотороу моцоучинишъ (sic). але въ кто то естъ/. кто тоуѣ далъ мѣцъ тоуѣ.— а онъ шповѣдаючи рѣкаи имъ. пытаю тыжъ и іа въ ѿ единого словѣ. а повѣжыте мѣтъ./ крѣценіе иѣанновѣ. сѣвали чѣли ш мѣди выѣло.— а они мыслили сами вѣсѣ рѣкоучи. если рѣчемо знеѣа. рѣчѣтъ намъ. дѣмъ чоуѣ есте ёмоу не вѣрили.— а если рѣчемо./ иже ш мѣди. вѣтъ дѣе каменѣмъ повѣѣ насъ. въ выла рѣчъ прѣвѣдѣвалъ ѿ иѣаннѣ. иже были прѣркѣ. и шповѣдѣли рѣкоучи не вѣдѣемо шкѣмъ.— Рѣкаи пакъ имъ іѣ и іа тыжъ не повѣмъ вамъ. въотороу моцоу тоѣ чѣню.

Зачало рѣ.

Почалъ іѣ мѣвити въѣдѣ тоуѣ прѣтчоу. чѣмъ нѣкоторый насадили винограды. и дѣмъ его

ПРИЛОЖ.

торый оудѣлають себѣ гдными быти./ Снои въкъ полоучити и възкрѣне ѿ мѣтвыхъ. ниже нѣсѣ. а ни замоужь нейдѣ.—а ни оумѣти не могоу южъ. але прировнаюсѣ аггломъ. и сѣми вѣиимъ воудѣу./ воудѣучи сѣне възкрѣнѣ/. моуѣи тоѣ повидѣль прикоупинѣ. іакѣ называѣтъ га ба аврѣамѣва. и бѣа ісаакова. и бѣа іаковѣва. не ѣсть въ оумѣлѣ але живыхъ. во всѣ живи соу ѣпоу.—тогда ѿповѣдѣвши нѣкоторый зъ заковинковы рѣкли ѣмоу. оучителю добре ѣси повидѣль. а потомъ не ѣмѣли ѣго ѿ то болше звѣдовати.—прѣто жъ рѣкли вниимъ. іакѣ же повѣдаю иже бы хс выѣ сѣомъ двѣимъ. а и самъ двѣ мѣвити въ книзе ѡломыстѣи.—Рекъ гѣ гви моѣмоу сѣди ѿдесноуѣ мѣнѣ. ажъ положѣу вѣрогы твоѣ по ногамъ твоимъ.—а ѣсли двѣ гдѣ (sic) ѣго называѣтъ. и іакѣ же Снѣ ѣсть сѣомъ ѣго.

Зачало рѣ.

А коли тоѣ оуѣслышамъ вѣсь народъ рѣкли до оучѣиковъ своѣхъ. вѣлми сѣ стѣрежѣтѣ ѿ оучителѣи, который хотѣ хѣдити въкраѣноумъ ѿдѣанѣи. и любѣтъ поздоровленѣа нѣтрѣжѣтѣ. и пѣредѣишѣе сѣдѣна на звѣрицѣ. и авы напѣрѣ выли прѣшѣны на вечерѣ. который то по-жѣрають дѣмы вѣдовинныи и вѣ мѣтвѣхъ дѣгѣ молащѣсѣ. во таковыи примоутъ вѣлшѣе ѿсоудѣнѣе.—

Бѣлиста выписѣуѣ. іакѣ хс выѣлавоуѣтъ оубѣоуѣ вѣдовинѣу. іакѣ тыжъ напѣредѣ повѣдаѣтъ ѿ разорѣнѣи цѣркѣи іѣрѣлимѣской. и воудѣучи прѣтивности. ты ѿ іѣскѣнѣанѣи свѣта. ты заповѣдаѣтъ. авы сѣ стѣрегаи ѿвѣдѣнѣа. и пѣиѣства. глава двѣдѣсѣ.

Подрѣвѣши и оузарѣа который то имѣтали дары свои вѣгатыи люде до скарѣвницѣ цѣркѣи.—оузарѣа ты тамъ ѣдиноу вѣдоуѣ оубѣоуѣ. а Сна оуврѣгла двѣ пѣнесѣ (авѣ двѣ вѣлыи) и рѣкли заправды вѣ повѣдаю. иже таѣ оубѣога вѣдова. вѣлшѣе ѿ всѣ ѣсть оуврѣгла. бѣ всѣ тыи то ѿ иѣзвѣтѣ своѣго дали дары боу. але таѣ зѣнедѣстѣкоу своѣго іѣсѣ своѣ маѣтѣность которѣуѣ мѣла. то оуврѣгла.

Зачало рѣ.

Нѣкоторые пакъ мѣвили ѿ цѣркѣи. которѣ ѣсть дѣврымъ а дѣрогымъ кѣменѣмъ оукрѣшѣна.—а іѣ рѣкли тыи (sic) то рѣчи который видѣтѣ. вни же то не воудѣ зѣоставленѣ кѣмѣ на кѣменѣи. который вы не мѣла быти рѣзорѣнѣ.—прѣто жъ звѣдовали ѣго рѣкоучи. оучителю. колѣи (сѣ) тыи то рѣчи маѣють стѣти. а іакѣи воудѣутъ тогѣ зѣаменѣи. колѣсѣ тоѣ маѣ вы-пѣлѣнѣти.

Зачало рѣ.

А ѿповѣдѣши рѣкли и. стѣрежѣтѣсѣ./ авы ѣстѣ не выли прѣлѣшенѣи. многѣи (sic) вѣ

пріідоу̑ ко́торый (sic) сѧ воудоу̑ по́вѣдѣтѣ ѿме́немъ моѿмъ. ѿже ꙗ́къ есмь. чѧ моѿ ю́жъ сѧ зближилъ. не́хощѣе жь то́гда за́ нимѣ.—а́ коли оу́слышите вѣ́твы/. а́ нестро́йность./ не́ войтесѧ. въ на́перѣ тѣмъ рѣчи моу́сѧ сѧ выполнитѣ. а́ле не́ ю́жъ ко́нѣць.

То́гда по́видѣвъ ѿмъ. ѿже по́встанѣтъ на́родъ про́тивъ на́родовѣ. а́ цѣ́тво про́тивъ цѣ́твѣ. ѿ воудоу̑тъ вѣ́ликий трѣ́сенѣ по́ землѣмъ, мѣ́стами. го́лодове а́ мо́ровѣ воудоу̑. воудоу̑ тѣ́жъ стра́шныи, а́ вѣ́ликий зна́къ зи́бѣсь.

Зачало рѣс.

А́ле прѣ́ тѣмъ всѣ́ми рѣ́чами. поймаю̑тъ ва́съ. а́ про́тивитесѧ ва́мъ воу́дѣтъ. выдаю̑чи въ на́ совори́ца ѿ въ тѣ́мницѣ. ѿ воудоу̑ ва́съ вѣ́дитѣ въ владаре́мъ ѿ цѣ́дѣ дѣ́мъ ѿме́не мо́егѣ./ А́ прі́годитесѧ ва́мъ то́е/ на́ свѣ́доцѣ́ство. мѣ́йте жь то́е по́ложено ѿсѣ́цахъ ва́шихъ. а́бы е́стѣ не мысѣли/ ꙗ́къ вы е́стѣ ѿпо́вѣдѣти мѣ́ли./ ꙗ́къ ва́мъ и́то́ часъ сѣ́творюу о́устѣмъ./ ѿ дѣ́ ва́мъ прѣ́моудро́сть. на́противъ ко́торѣи не́ воудоу̑ мо́гли ѿпо́вѣсти, всѣ́ про́тивѣщи́и ва́мъ. ѿ воудѣ́те зра́женѣ ѿ ро́дителей ѿ ѿ бра́тѣи. ѿ ѿ вѣ́жнѣи прі́телей. ѿ замѣ́рдоуѣ́ зѣ́вѣтъ нѣ́которыи. ѿ воудѣ́те всѣ́мъ вѣ́ненавѣ́стѣмъ./ дѣ́мъ ѿме́не мо́егѣ.—А́ ѿ ни́и е́динъ во́лосъ зго́ловѣ́ ва́шей не́погыне́. вѣ́терѣ́пливости ва́шей вѣ́дѣте дѣ́лами ва́шими.

А́ коли оу́зрите, ѿже ю́жъ сѣ́бѣмъ воудѣ́тъ іе́рѣ́имъ вѣ́инами. то́гда вѣ́дайте ѿже сѧ прі́ближилѣ́ разорѣ́ніѣ е́гѣ.—то́гда тѣ́мъ ко́торыи въ́и бѣ́ли (sic) вѣ́земъ жи́до́вскоѣ не́хай оу́тѣ́каю̑тъ на́ горы.—а́ ко́торый всѣ́рединѣ́ е́гѣ./ не́хай вы́идоу̑тъ.—а́ ко́торый на́ оу́краї́нѣ, не́хай до́ не́ невхо́дѣ.—тѣ́мъ (sic) то́ дѣ́и со́у по́сты а́бы сѧ всѣ́ выпол́нилѣ́ шѣ́то́ е́ на́писано́.—го́ре тѣ́жъ ѿ тѣ́мъ, ко́торыи воудоу̑тъ ма́ти вѣ́тѣи дѣ́и вѣ́нѣ́тробѣ́. ѿ тѣ́мъ ко́торыи воудоу̑тъ ко́рмитѣ́ прѣ́сѣ́ми. въ воудѣ́тъ вѣ́ликаѣ́ вѣ́да на́ землѣмъ./ ѿ ги́бѣвъ на́ тѣ́мъ мо́дѣ. ѿ по́гыноу̑ ѿ сѣ́стро́гѣ́ мечѣ́. а́ ѿ по́ймѣни ѿ вѣ́дени воудоу̑ ме́жи всѣ́ на́родѣмъ.—а́ іе́рѣ́и воудѣ́ по́топѣ́тъ ѿ по́гановѣ́./ а́жъ сѧ выпол́няѣ́т вре́менѣ́ ꙗ́зыковѣ́.

ѿ воудоу̑тъ зна́менѣ́а. на́ сѣ́лѣицѣ́/ ѿ но́ мѣ́и. ѿ на́ звѣ́здѣ́./ (sic) ѿ на́ землѣ́ то́угѣ́ на́редѣ́мъ. дѣ́мъ воу́рѣ́./ ѿ шо́умѣ́ мо́рѣ́скогѣ́ ѿ вѣ́жнѣ́. воудоу̑ ѿзды́хѣ́ти чѣ́лѣи ѿ стра́ха сѣ́жидѣ́ющѣ́гѣ. ко́торыи ма́ѣтъ прі́итѣ́ на́ всѣ́ю вѣ́селѣ́иноу̑ю. въ ѿ сѣ́лы и́бѣ́сныи двѣ́гатесѧ воудоу̑ ѿ и́то́ часъ оу́здѣ́ сѣ́а чѣ́лѣ́ска. а́ сѣ́нь ѿде́ на сѣ́бѣмъ со́ сло́во ѿ сла́вою́ мнѣ́гою́.

Зачало рѣс.

А́ коли тѣ́мъ рѣ́чи на́чноу̑ дѣ́латѣ́ по́несѣ́те а́ по́двѣ́гѣ́те го́ловы ва́ши. въ сѧ ю́жъ прі́ближоу̑е ва́ше ѿзѣ́валеніѣ́.—ѿ рѣ́къ до́ ни́и вѣ́рѣ́чи. по́зрѣ́те на́ смоковни́чноѣ дре́во, ѿ на́ всѣ́ дре́ва./ ко́ли сѧ ро́звивѣ́ю. ѿже вѣ́дѣ́чи ѿ самѣ́и мо́вите, ѿже вѣ́́зко е́ ꙗ́ко. (а́но вѣ́сна) та́кѣ́жѣ ѿ вы́ коли ю́ оу́зрите́ а́но сѧ тѣ́мъ рѣ́чи дѣ́ю̑тъ. вѣ́дайте жь. ѿже вѣ́́зко е́сть цѣ́тво вѣ́́жѣ.

правдоу повѣдаю вамъ и нѣмаѣ прейти то то родъ. ажь сѧ тыи то рѣчи стѧноу. иво и зѣмла мѧмо перейде. аѣ слова мой нѣмаю мѧмоити. стерѣжѣсѧ. абы николи нѣ были сѣта-жены сѣца ваши сѣвыаденіемъ и пѧнствѣо. и печалми того свѣта. абы нѣгас нѣ пришомъ на васъ сѣнонь то днѣ. во прійде іако сѣ (sic) на всѣ который живоу на всеи зѣмли.—а дѣя того воуте чоулыми на каждый часъ. и пробѣте абы вамъ дано./ иже вы естѣ могли оувѣжати./ ты то всѣ рѣчи который хотѣ прійти. и стати прѣ сѣномъ члѣскы.

Зачало рѣи.

Пыль ісъ въ днѣ въ цѣкви и наоучаль и. а вночи выхожовѣ и прѣываль на горѣ названои Оливной. и вси мѣдѣ изъ оутра прихажали кнѣмъ до цѣкве абы егѣ слоухали.

Евѣлиста выписоуетъ. іако нѣда слоушный часъ сѣвыбравши зрадиа ісѣа. іако ты ісѣ, изыидши великоденного варайка./ аво агньца. рѣздаѣтъ оученикомъ сѣоимъ тѣло сѣое и кровъ сѣою. и іако тыжъ молиѣсѧ на горѣ кривавымъ потомъ. гдѣ то егѣ жидове поймали. и іако тыжъ пѣтръ ѡтѣль слоужевникови архіерѣшвомоу оухо правоѣ и іако тыжъ ісѣа, сѣмѣованого.—посмѣваного. по лицу вѣтого. тѣриазы сѧ запрѣль. глѣа кѣ.

Приближовальсѧ пакъ днѣ сѣпрѣсночный прѣзника рѣчейного пасхы и йскалѣ архіерѣе и кнѣжници іако вы егѣ мѣли зѣвити. во сѧ воіали мѣдѣи тогды сѣтона вшѣль въ нѣдоу названного скаріѣсского. который (sic) же то былъ зѣмѣки двѣнадесятѣ едѣи. и пошѣши мѣвили архіерѣшмы и воѣводамъ. іако вы егѣ ймъ продалъ.—а сѣни пакъ сѧ томоу оурадовали. а емоу шлюбили сѣвѣрзники дѣти./ а сѣнь тѣажѣ шлюбоваль и. и сѣвѣралъ сѣбѣ тѣковый часъ. абы ймъ продалъ егѣ вѣзнарода. тогды жъ пришомъ и днѣ сѣпрѣсночный. вѣбѣрый то былъ пригожый часъ іасти пасхѣу. и послаа пѣтра/ ийѣанна/. рѣкль ймъ. идѣте, а наготовайте и на пасхѣу. абы есмо йли. а сѣни рѣкли гдѣ хочѣшъ абыхмѣ зготовали.—а сѣи рѣкль ймъ коли воудѣте вѣмѣсто вхѣдити. сѣтрѣти насъ члѣны. который йскоудемници водоу понесѣ. (взваноу, аво вѣглекѣу) идѣте жъ за нѣмъ вѣдомъ./ докоторого сѣнь вѣидѣтъ./ и рѣцѣте домовоמוу гѣсподарѣви./ тѣакъ мѣви тоѣѣ оучѣтель. гдѣ таа сѣнь. гдѣ то пасхѣу сѣз оучѣны мѣимъ воу іасти.—а сѣнь вамъ оукажѣ гѣрѣницоу вѣликоую./ и оуслѣаную (на горѣ, сѣдѣина) и тѣа наготуйте.—а сѣни пошѣши нашли тѣакъ, іако же и повидѣль. и наготовили пасхѣу.—(то естѣ варайка). а коли ю былъ часъ/ сѣль за столъ./ и двѣнадѣсѣ апѣловъ снѣмъ и рѣкль ймъ. жѣдалъ есми а вы тоую пасхѣу іаѣ свѣамъ прѣвѣи нѣжѣмъ прѣймоу моукоу.—повѣдаю во вамъ. иже южъ болѣше еи не воудоу йсти. ажьсѣ доконають въ цѣтѣи вѣжѣи.—а йзѣвши чѣшоу. и далъ хѣвалоу. и рѣкль. прѣймѣте тоѣ и рѣзделѣте сѣбѣ.—повѣдаю во вамъ. иже нѣ воудоу

пѣти ѿ паѡда винного. ажъ цѣтво бж҃іе прїидётъ.—и приѡмъ хлѣвъ/. хвалоу въздамы. прѣломимъ и дамы и и рѣкъ. тѡ ёсть тѣло моѣ, которѡе за васъ выдаю./ тоѣ чинѣтѣ на менѣ памѣтаючіи.— а такъ (sic) тыжъ и чашоу повечери, и рѣкъ. сѣа чаша новыи законъ моѣи крѣвѣ. котораа за ва проливаєсѣ. але сѡтѡ роука продаюцѣаго ма сѣ мноу ёсть на трапезѣ. (або застоломъ). и сѣи члѣкыи идѣтъ, іакъ ѣ речѣно. але вѣда члѣкови томоу которыи ёго продаѣтъ.—А они почали искати мѣжи собою. которыи вы тѡ змежи ни, хотѣлы оучинити.—стѣсѣ пакъ и свѣрь мѣжи ними./ хѣтѡ вы зни мѣлы выти бѡшій. тѣс пакъ рѣкъ имъ. цѣреве погайскыи цѣрѣствѣють на тыми тѡ. а овладаюцѣе имъ./ добродѣимъ называни вывають./ Але вы не такъ.—але ктожъ ѣ старшій мѣжи вами. нехай воудѣ іакѡ молѡшій. а которыи ёсть болшій нехай воудѣ іакѡ и слоуга.—кто ёсть болшій!. тѡ ли которыи сѣдитъ. чи пакъ которыи послоугоуѣ. а ви тѡ которыи сѣдитъ.—Але и іа ёсмь мѣжи вами, іакѡ и тѡ которыи же слоужити. А вы ёсть ёстѣ (sic) тыи, которыи ёстѣ вѣнапастѣ мой прѣывали. гдѣ тыжъ, и іа оучинио вамъ іакъ жѣ и оцѣ мой мнѣ оучинилъ царствѡ. авѣ ёстѣ имъ, и пили застоломъ моимъ, въ цѣтви моѣмъ.—авѣ ёстѣ сѣдѣли на столыцохъ соудачи двѣнадѣсѣтѣмъ колѣномъ илѣвымъ. Рѣкъ пакъ тѣ сѣмонови. сѣмонѣ./ сѣмонѣ./ сѡтѡ сѣтона просѣ васъ. авѣ теревилъ (sic) васъ іакѡ ишѣницоу.—Але ѡ ёсмѣ просилъ за тобою./ авѣ не погинула вѣра твоѣ. а ты нѣкогда наврѣиоушисѣ потвѣрдѣи вратѣ твоѣ.—а они рѣкъ. ги./ гѡтовѣ ѣ стѡвою и вѣ тѣмницоу и на ёмѣтъ пойти.—А они рѣкъ ёмоу./ повѣдаю тобѣ пѣтрѣ. иже днѣ ёцѣ коурѣ не запоѣ. а ты трыкрѡ запришисѣ, иже менѣ, не знаѣшь.—тогда рѣкъ имъ, коли ёсмѣ васъ, посылалъ вѣзмѣха и вѣзы вѣлагалица (вѣзмѣшка, або вѣзы калиты) и вѣзы сѡвоуви. а чи пакъ ва чѡгѡ не доставало.—А они рѣкли ёмоу. ничѡгѡ.—тогда рѣкъ имъ. але ниѣ кто маѣ мѣшоку вѣзми. также тыжъ и мошину. а кто не маѣ. нехай продастѣ (sic). сѡдѣна своѣ, и коупитѣ сѡвѣ ножъ (або корды). повѣдаю вѡ вамъ, иже сѣ ёцѣ моуѣи выѡлнитѣ тѡ шѡ ёсть рѣчено сѡ мнѣ. и изъ злочиньцами поличень ёсть. вѡ тоѣ шѡ ѣ напѣсано сѡ мнѣ моуѣи сѣ кончатѣ.—а они пакъ рѣкли ёмоу./ ги./ а сѣ двѣ иѡ./ А они рѣкъ./ дѡсытъ и.

Зачало рѣ.

А вышѡши пошолъ иѡлоу сѡвычаю на гороу оливноую. а за нимъ ишли оучѣници ёго. А коли пришли на мѣсцѣ./ рѣкъ имъ. молѣтесѣ, авѣ ёстѣ не вошли вѣнаѣ¹⁾ а сѣмь ѡстоупиль ѿ нихъ іакѡ вы мѡглы кѣменѣ доверѣчи. и приклонивши колѣна молѣсѣ. и рѣкъ./ сѣ ёсли хочѣшь мѣ менѣ прѡнеси тоую чашоу. сѡвачѣ же не моѣ вѣлѣ./ але твоѣ нехай воудѣ.

¹⁾ Последнія три слова приписаны на поляхъ пожелтѣвшими чернилами.

Ѣлиста выписоує, іакъ жи́дове на х́рта прѣдъ пилатѣ жалоуіють, кѣторыи же то ѿ пилата до ірода поведеи. и ѿпѣть ѿдѣслани ѿ ірода. и послаѣ іакъ. и пороугѣ. тыжь іакъ мѣжи двѣма разбойниками рѣспѣть єсть. ѿцѣмъ и жельчю напоєнь єсть. и оумрѣтвєнь. іакъ тыжь єго иѡсифъ, кѣторыи былъ пришоу зъ аримафєи внѣвѣмъ грѣбѣ положиъ єсть. гла ѿг.

Зачало ѿ.

Ѥ вѣставши всѣ множество ихъ. и вѣли єго къ пилатоу. Ѥ привѣши єго. по́чали на него несправедливе мѣвити/ прѣ пилатѣ, рѣкоучи. ѿто то́го єсмы на́шли, а ѿнь рѣзвртаєть (sic) лю́ди на́ши/. и заворонѣ/ абы цесареви дѣни не давали. а повѣдає се́бе х́рта црѣмъ выти.— то́гда пытаѣ єго пилатъ рекоучи. ты ли єси црѣ жи́довскый.—а ѿнь ѿповѣдаючѣ рѣкль ємоу./ ты мѣви. пилѣ пѣкъ до а́рхїєрєѡвъ и до народа рѣкль, ни єдиной ви́нності не найдоуѣ вѣто то члѣцъ./ а ѿни во́лше прѣмагали го́лосами рѣкоучи, иже рѣзвртаєть лю́ди. и наоучаєть по́чаиши ѿ галилеи ажъ по́тола.—то́гда пилатъ оу́слышаль ѿ галилеи./ и пытаѣ єго' єсли бы галилеѣанинъ былъ.—и рѣзоумѣль, иже ѿз дрѣжанѣ іродового єсть. и послаль єго до ірода. кѣторыи былъ въ тѣи дѣи въ іеру́слимѣ.—а іродъ пѣкъ оу́здѣвши іса́ радоваѣсѣ вѣлми. и́здавныиъ въ часѡвъ хѣтѣль абы єго видѣль. дѣл то́го, иже много рѣчиѣ ѿ не́ слыхаль. и на́дѣвальсѣ, и́ѣѣкое зна́менїє видѣти ѿ него оу́чїненоє./ и прѣсиль єго прѣзвѣми мно́гими.—але ѿнь ємоу ни́чого не ѿповѣдалъ.—Ѥ а́рхїєрєє, и оу́чїтелевѣ, стоѣли, вѣлми єго ви́ноу-ючѣ. а іродъ оу́кори́вши, и на́смѣѣвшисѣ зне́го зво́йсѣко своѣмъ./ и ѿволокъ єго въ дѣиѣ (sic) свѣтлоє. и ѿто́слѣ єго ѿпѣть до пилата. были во мѣжи совоѣ іродъ спѣлатомъ вѣтѣ дѣи въ прѣѣтѣлѣствѣ. а прѣдѣ тѣи великѣю не́нависть мѣлѣи мѣжи совоѣ.—пилѣ пѣкъ зѣбравши а́рхїєрєє и кнѣзѣ и лю́ди и рѣкль имъ. привели есте ми то́го то члѣка/. на кѣторого мѣвите иже вы ѿнь лю́ди рѣзворочаль. чо́го и ѣ прѣдѣами пытаѣ єго. и ни єдиной ви́нності не нашоу єсмы вѣто то члѣцъ, и сѣи рѣчиѣ! кѣторыи вы жалоуіючисѣ мѣвите на не́. та́же и іродъ.—во єсмы ѣѣ по́сылаль кне́моу. але ни́чого іо́ного смѣрти ємоу несталѣ. а дѣл то́го по́караѣши єго вы́поуцѣю єго.—во былъ ви́и та́ковѣи ѿбѣчаѣ./ абы на всѣ прѣзѣнники/ єдиного звѣзѣнѣ имъ вы́поустилъ.—то́гда крѣкноули всѣ наро́дове рѣкоучи./ вѣзми те́го то, а вы́поустѣ намъ вѣраѣвоу./ кѣторыи то былъ дѣл звѣды иѣѣ и (sic) имѣєть оу́чїненоѣ, и оу́бїѣствѣ оу́са́женъ вѣтѣлѣницоу.—повѣторе пѣкъ пилатъ рѣкль и́ѣни́мъ (sic). хѣцоу вы́поуститѣ іса́.—а ѿни зѣкрѣчали рѣкоучи./ ра́спни!/ ра́спни єго.—а ѿнь по́трѣтєє рѣкль и́ѣи. што є та́къ злѣго то́ то оу́чїнилъ./ а іа́ ни єдиной ви́ны смѣртной вѣсмы не́найдоуѣ. и то́го дѣл по́караѣши єго поу́цѣю.—а ѿни пѣкъ вѣли́кими го́лосѣи зѣкрѣчали прѣсѣчи єго! абы бы

рѣспати./ и оустали голосове и и аѣхѣреистѣи.—нила пакъ осоудилъ/ авы сѣ такъ сталѣ/ іавъ
онѣи прѣсилѣи. и выпоустилъ имъ тогѣ который былъ дѣмъ звады и оубѣиства втѣмнищѣ
оувиженъи. О которогѣ прѣсилѣи.—А ісѣа, выдалъ по ихъ воли.—А коли егѣ велѣи, поймали
ниѣакогѣ сѣмона киринейскогѣ, который шолъ изъ селѣ. и вложили на негѣ кѣтъ, авы неслѣ за
ісѣомъ.—и шѣло за нимъ множество народа, людѣи, и женѣ. который то плакали и ридали.
(аво нарикали). А ісѣ пакъ оверѣноуишисѣ кнѣи рѣклѣ. дщири ісѣлимыскѣи не плачѣтесѣ надо
мною. аѣ плачѣтесѣ сѣми на собою, и на сѣи вашими.—идѣу въ таковыи дѣи вкѣторыхъ то
воудѣу мѣвити. вѣвни непѣоныи. и животѣи который и (sic) некрѣмили.—тогда почиѣу мѣвити
гѣрамъ. пѣнѣте нѣ насъ./ и холѣмомъ покрѣите насъ. въ еѣли то чинѣть наѣселенымъ дѣреномъ.
аѣто пакъ воутѣ на соухѣмъ.

Зачало ѣаі.

Вѣдены соѣ зниѣи и иныи двѣ злодѣи, авы рѣспати выли. А коли пришли на мѣсце
названоѣ лѣвноѣ (троупѣхъ головы) и тамъ рѣспали ѣ. и тыи тыжѣ злодѣи еѣиноѣ на правоуи.
а дроугогѣ на лѣвоуи роуцѣ.—тогда ісѣ рѣклѣ (sic), ѣѣче опоусти имъ. въ не вѣдаѣ, шѣто
чинѣ. а рѣзѣвлиши оѣдѣи егѣ металѣи жрѣвиѣ.—и стоѣали тамъ кнѣи, и мѣдѣи сѣими смѣ-
трѣчи. а поѣмѣваѣчисѣ емоу мѣвили. иныи помагаѣмъ еѣсть. а нехѣи же поможѣть сѣми соѣвѣ.
еѣли то еѣсть хѣсѣ онѣи то вѣжи иѣзѣраиный.—оукаралисѣ емоу тамъ воиновѣ прихѣдѣчи./ и
оѣцѣоу поѣдаѣли емоу рѣкоучѣи./ еѣли ты еѣси цѣрь іоудѣйскѣи, сѣпѣи сѣбѣ сѣми.—а тамъ былѣ
и нѣписѣ, на нимъ написаныи пѣсѣмены./ грѣцѣимѣи (аво еѣлинскѣи) рыѣмѣскѣими, (аво латѣиѣскѣими)
и еѣврейскѣими./ (аво жиѣдовѣскѣими) то еѣсть цѣрь жиѣдовѣскѣи. Еѣдинѣ пакъ стѣихъ оѣвѣшѣныхъ
злодѣиѣвѣи./ роуѣгаѣчисѣ емоу мѣвили. еѣли ты еѣси хѣсѣ, помѣзи соѣвѣ, и намъ.—а дроугѣи
пакъ воудѣучѣи тоѣваришѣмъ егѣ ѣпоѣвидѣлѣ емоу грѣзне рѣкоучѣи, чѣмоу сѣи ты ѣа не бойшѣ.
въ мы еѣсмо правѣивѣ вѣтомъ осоѣженѣи. иѣа наѣшѣ оуѣинѣкѣи гѣдноуѣоу заѣплатѣоу вѣрѣмѣо.
а сѣ пакъ, ниѣчѣгѣоу злогѣоу ниѣкомоу не оуѣинили. и рѣклѣ ісѣовѣи. поѣмѣни мѣи ти, коли приѣдѣши
изъ цѣрѣвиѣи свѣѣмъ. и рѣклѣ емоу ісѣ. правѣоу повѣдаѣоу тоѣвѣи./ дѣиѣ воудѣши сѣи мною вѣраи.

Было въ іако вы шѣстои гѣдинѣи. оуѣчинилѣсѣ тѣмѣиѣ по всѣи землѣи, дѣжѣ до дѣвѣатои
гѣдинѣи./ заѣмрѣѣло сѣнѣцѣи, а и заѣвѣсѣа цѣрѣковѣнаѣа рѣзѣрѣзѣлѣсѣ наѣполѣи.—и заѣкрѣчалѣ ісѣ, вѣликиѣ
гѣлѣсѣи./ и рѣклѣ./ ѣѣѣче./ вѣроуѣи твои даѣоу дѣхъ мой.—а то рѣѣиши выпоустилѣи дѣхъ.—и оубѣи-
дѣвши то сѣтѣникѣи./ (которѣмоу то было имѣа, цинѣтириѣиѣи) прѣславѣи./ ѣа./ и рѣклѣ./ вѣистѣиѣи-
ноу чѣѣкъ то былѣи еѣсправѣдѣливѣи. и вѣзѣѣ (sic) наѣродѣвѣе, который выли иѣспѣлоуѣи на то то
пришли смѣтрѣти. и видѣли шѣѣѣоу еѣталѣоу/ и вѣночѣи вѣрѣзѣи сѣвои, вѣрѣтали./ (до домоѣвѣи своѣихъ)
А всѣи зѣнаѣмый егѣ заѣдалѣка стоѣали. а и женѣи который были за ниѣи пришли ѣи гѣанѣлѣи тогѣоу
смѣтрѣчи. а и моѣужѣи которѣмоу то было имѣа иѣѣсѣифѣи, сѣвѣѣѣтѣникѣоу воудѣучѣи./ (аво наѣномъ

раднымы) а вы тотъ члвкъ добрый а и справедливый и не присталь до й рады и оучийкоу. а выль зь аримафей мѣста жидовьскогò, который же то ождидаль црѣства вѣиго. то же пристоупивши кпилатови. проси сѣ тѣло їсѣво. и изниавши є и оувиноуль є вчиствоє прѣстирало. и положили є вгробѣ который былъ вѣкамени вытесанный. вкоторомъ же то єще не было нѣкого положено.—а то то днь былъ великий пѣтокъ. а и соубота сѣ южь починала. Сныи пакъ жоны шѣшии вѣлѣды єго. который были снѣмъ пришли ѿ галилей шѣши тамъ, и огладали гроба. такъ єсть положено тѣло єго.—а вриноувшисѣ зготовали ароматы и миро (пахоучи рѣчи, и масти) а всоуботоу оумажчали по заповѣди.

Евѣлиста выписоуєть. сѣ встаніи хвѣль изъ мрѣтвыхъ. ты такъ єсть оуказаль оучийкомъ своимъ, въ єлмаоусѣ (sic). стѣнии (sic) шѣдесѣ ѿ їерѣлима. тыжь, и о славнѣ єго. на нево възнесеніи. глава. ѣд. а за ѣви.

Зачало ѣви.

Въ єдиноу пакъ ѿ соубѣ вѣлми ранѣ, пришли на гробъ носѣчи ароматы, который были наготовили. и нѣкоторый другый посполоу снѣми. и нашли та камень, а снѣ южь ѿвалень былъ ѿ гроба. и ввишѣши тамъ не нашли телесе га їсѣа. и немоглисѣ томоу дѣмыслити.—а тамъже и моужевѣ двѣ стѣли близко нѣ въ оѣвѣиѣхъ вѣлѣтаѣчи хсѣ. и стѣлисѣ іаковы перестрашени. и поклонили лѣца євои на зѣмлю. и рѣкли кнѣи шѣто гладаєтѣ живагò сѣ мрѣтвыми, иѣ єго здѣ, алѣ вѣталъ єсть.—Вспѣмѣтайтѣ, такъ єсть вамъ повѣдѣль, коли єще былъ въ галилей. / рѣкль. / иже снѣ члѣкый моуситъ прѣдѣль быти вроуки грѣшнѣи людѣи. и рѣспѣ быти. автретѣи днѣ змрѣтвыхъ възкрѣноути.—а снѣи вѣспомаоули на слова єго. / а вриноувшисѣ ѿ гроба, повѣдѣли тыи всѣ рѣчи ѣдинадесѣтелемъ апѣломъ. и иныи многѣи.—а то тыи были который то прѣ апѣлы повѣдали. / мрѣа магдалинѣ. / и иѣѣина. / и мрѣа іаковова. / и иныи / который снѣми были. который повѣдали апѣломъ тыи то рѣчи. / и іавѣсѣ прѣ нимѣи іаковы сѣмылнѣи и повѣсти (або лживыи) и не вѣрѣи имъ.

Зачало ѣги.

Пѣтръ пакъ стѣивши повѣгль ко гробоу. и прихилившисѣ до него оуздѣль прѣстирала самыи положеныи, и ѿишѣль прѣчь. / дѣвоуючи томоу шѣто сѣ сталѣ. Двѣ пакъ змежи нѣхъ были идоучи тогò жь то днѣ до села (або до мѣстечка) которое єсть іаковы стѣѣѣни шѣстьдесѣ ѿ їерѣлима. / (або гоновъ) вкоторомъ то имѣ єлмаоусѣ.—и тыи двѣ вѣсѣдовали рѣзмовляючи мѣжи собою сѣ ты то, всѣ рѣчахъ. который сѣ были пригодили.—и стѣлосѣ, коли снѣи рѣзмовляли. и пытанѣ мѣжи собою мѣли.—и сѣ їсѣ приближилсѣ, и иѣѣ снѣми. алѣ

Очи ѿ, были задржаны! авы ёго не познали.—и рёкль кнѣмь што то за мовы соу./ который идоучи межн собою мовите./ и есть есте смоутни.—ѿповидѣль едины которому то было ѿмъ клѣѡпасъ/ рекоучи. ты ли еси едины пришець до іерлѣма. и не довѣдалисѣ еси ѿ тѣхъ рѣчахъ! который сѣ внемъ ты то дѣиѣ стѣли.—а онъ рёкль имъ, который! (рѣчи) А они пакъ повѣдали емѣ рекоучи./ тѣи который соу ѿ иѣѣ назареньскомъ. иже былъ моужь прѣркъ силный дѣломъ и словоомъ./ прѣ бѣго./ и прѣ всѣмъ людѣмъ./ а пакъ выдали ёго наивѣишии архіерее и кѣзеве нашии и ѡсѣдали ёго на смѣрть, и рѡспали ёго.—а мы сѣ еѣмѣ наѣвѣвали, иже онъ хотѣлъ вынавѣти люди иѣльтескыѣ.—але иѣ всѣмъ тѣмъ дѣиѣ есть третѣи дѣиѣ, пакъ сѣ тѣи рѣчи стѣли.—але и жены иѣкоторыи иѣзъ соворѡу нашего перестрашили насъ. который прѣдъ свѣтанѣмъ были, ѣгрова! и не нашли тѣла ёго. пришли повѣдаючи, иже явѣненѣ аггловъ видѣли. который то повѣдаю, иже есть живъ.—и ходили иѣкоторыи зѣнашихъ кз грѡвоу. и нашли такъ пакъ же и и жены повѣдали. але самого не видѣли.—тогда онъ рёкль кнѣмъ. ѿ, несмыныи (sic) и лѣнивыи сѣцеми! кѣ (sic) оуѣвѣренѣю. въ всѣ рѣчахъ который прѣрковѣ повѣдали. а чи не мѣлъ тѣи рѣчи хс теѣрѣти. и такъ вѣйти до славы свѣей.—и почаль ѿ моуѣсѣа, и ѿ всѣхъ прѣрковъ. рѡсказуючи имъ ѿ всѣ писанѣи который ѿ немъ писаны.—и привѣлихъ ксѣлоу до которого шѣли. а онъ тоѣ по совѣ ѡказовѣ./ пакъ вы мѣлъ далѣи поѣти. и прѡспали ёго рекоучи стѣнтоу (sic) снами гѡсподинѣ. въ южъ коу вечерѡу есть, и дѣиѣ сѣ южъ склѡнили.—а онъ вшѡлъ, авы ѡвлѣчь снѣмѣ. и было пакъ южъ сѣлъ снѣмѣ за столомъ./ вѣзѣмъ хлѣвъ./ вѣвиѣмъ! иѣзѡмѣиѣши подавалъ имъ. вѣто пакъ чѣсъ! ѡтѡрихъ и ѿчи и познали ёго. а онъ пакъ не видѣ имъ былъ.—и мѡвили мѣжн собою, ачи сѣце наше не рѡзгѡровалоѣмъ вѣнаѣ, коли мѡвиѣ намъ на поутѣ. и пакъ повѣдалъ намъ писанѣа (sic).—а вѣто чѣсъ вѣстѣиѣи/ вѣзѣноулисѣ/ до іерлѣма. и нашли иѣкоупѣ единадѣсѣти, и тѣи, которыйи снѣмѣи были. а онѣи мѣжн собою мѡвѣти. иже вѣистинѡу вѣстѣмъ./ и мѣрѣи! и оуказалѣ сѣмоновѣ.—а онѣи тѣмъ повѣдали имъ тоѣ, што сѣ и на поутѣ приѣгодилѡ а пакъ далъ сѣ имъ поѣзѣнѣи, въ прѣломѣнѣи хлѣба.

Зачало рѣи.

А коли еѣще онѣи тоѣ мѡвили! сѣмъ иѣ стѣль поѣрѣ иѣхъ. и рёкль мѣрь вѣмъ.—а онѣи оуѡиѣлисѣ, и перестрашилисѣ. и наѣвѣвали иже вы дѣа видѣли.—и рёкль имъ./ дѣмъ чѡго есте сѣ такъ зѣсмоутили. и дѣмъ чѡго помышѣнѣа вѣходѣти в сѣца вѣша./ вѣте роуѣкы моѣ/ и нѡгы моѣ. иже та сѣмъ еѣсмъ. ѡсѣгѣтѣ мѣнѣ! а вѣтѣ/ иже доухъ тѣла! и кѡстѣи не мѣстѣ. пакъ вѣидѣтѣ мѣнѣ/ иже та маю.—а тоѣ рѣкѣи! оуказалъ имъ! роуѣкы/ и нѡгы. а онѣи еѣще не вѣрили/ а вѣрадѡсти дѣивѡвали. и рёкль имъ. мѣстѣ ли тѣи што, иѣстинѡго (sic).—а онѣи поѣдали еѣмоу чѣсть рѣвы пѣченоѣи и ѿ пѣчѣль сѡтъ (пѣжѣстри) (авѡ стѣлиникъ мѣдоу). и вѣзѣиѣи иѣмъ прѣ нимѣи.

і ѿдорогоє Сѣдініє) и на кадыи днь выѣвѣмъи вѣсѣ. вы тѣи нѣкотѣрыи оубогѣи. котѣромъ то
 выло имѣла лаза. котѣринъ то лежа оуборо ѣго. владѣчи троубаты. и хотѣ насытити ѿ крохѣ.
 котѣрыи ю выли пометѣны ѿ стѣла. богато. але нѣхто емоу подати нехотѣ. псове пѣ прѣходѣчи
 Сѣлѣзовали гнои ѣго (вроды або волѣчки) и сталосѣ естъ иже оумѣлъ Сѣно оубогѣи. и несѣны
 естъ дѣтѣи на лѣна авраѣмовы. оумѣлъ тѣи и богатыи. и погрѣвѣнъ естъ. и вѣсѣлѣ пѣнесѣ
 Сѣчи свой. колѣ ю вы вѣмоука. и оузриѣ авраѣма задалѣка. и лазора на лѣнѣ ѣго. и закрѣчѣши
 рекѣ. ѿ ѿче авраѣме помѣлоу мѣ. и пошѣла лазара. авѣи Сѣмѣи конѣ перѣстѣ своѣ. оубодѣ.
 и оустѣдѣи назѣи моѣ. во тѣплѣ тѣкоуѣю моука. вѣтоѣ поломенѣ. Авраѣ пѣ ѿповѣдѣиши рекѣ
 емоу. сыноу. вѣспомѣтай. иже еси оужѣвѣла добра своѣго изъ жѣвотѣ твоѣ. а лазарѣ также злоѣ.
 Сѣ то Сѣ тепѣрѣчи потѣшаѣсѣ. а тѣи моука тѣпишѣ. а еѣще нѣа то межѣи намѣи и вами. прѣнаѣсти
 великаѣ оуѣчѣнена естъ. авѣи тѣи котѣрыи ѿсѣлѣ хотѣ кѣѣ перѣйти. не моѣли и нѣ тѣи ѿтоуѣла
 кѣѣ не прѣходѣ. Рекѣ пѣ Сѣиѣи прошиѣ тѣе ѿче. пошѣла ѣго вѣдѣ ѿца моѣго. во еѣще маѣо пѣ
 вратѣ. авѣи и свѣчѣи. авѣи и Сѣиѣи не прѣшѣли на тоѣ мѣстѣце моуѣчѣмоѣ. рекѣ еѣмъ авраѣ. маѣо
 мѣѣсѣ. и прѣркѣи. нехай и слоухѣю. а Сѣ рекѣ. нѣ ѿче авраѣме. еѣсли вы кѣдѣ ѿ оумѣлы. шѣ
 до нѣи. каѣмѣлѣи ѿ злоѣстѣи. рекѣ Сѣ. еѣсли моуѣсѣ. и прѣркѣи не слоухѣю. то хотѣ кѣдѣ ѿ оумѣлы
 вѣскѣнѣ. не имѣоу вѣрѣи.

Кѣ Нѣ Чѣи пѣ. . . .

ХРАМОВОЙ ИНВЕНТАРЬ, НАЙДЕННЫЙ ВЪ НЕМИ.

Сообщено И. В. Помяловскимъ.

Въ 1871 году при раскопкахъ, производившихся въ городкѣ Неми, недалеко отъ Альбано, былъ найденъ въ числѣ другихъ одинъ памятникъ, останавливающий на себѣ вниманіе археолога-эпиграфиста: этотъ памятникъ представляетъ колонку (στήλη) вышиною въ 0,95 м., шириною 0,52 м., на которой красивымъ письмомъ, могущимъ быть отнесеннымъ къ 1-му вѣку нашей эры, начертано слѣдующее:

RES. TRADITAE. FANIS. VTRISQVE
SIGNA. N. XVII. CAPVT. SOLIS. I. IMAGINES
ARGENTEAS. III. CLVPEVM. I. ARAS. AENEAS
DVAS. DELPHICAM. AENEAM. SPONDEVM. I.
ARGENTEVM. ET. PATERA. BASILEVM. ORNATVM
EX. GEMMIS. N̄. I. SISTRV. ARGENTEVM. INAVRATVM
SPONDEVM. INAVRATVM. PATERA. CVM. FRVGIBVS
COLLAREM. EX. GEMMIS. BERYLLIS. SPATALIA. CVM
GEMMIS. II. COLLAREM. ALTERVM. CVM. GEMMIS
N̄. VII. INAVRES. EX. GEMMIS. N̄. X. NAVPLIA. II
PVRA. CORONA. ANALEMPSIACA. I. CVM. GEMMIS
TOPAZOS N. XXI. ET. CARBVNCVLOS. N. LXXXIII. CANCELLI
AENEI. CVM. HERMVLI. N̄. VIII. INTRO. ET. FORAS
VESTEM. LINIAM. TVNICAM. I. PALLIV. I. ZONA. I.
CVM. SEGMENTIS. ARGENTEIS. STOLA. I. VESTEM. ALTERA
LINTEA. PVRA. TVNICAM. PALLIV. STOLA. ZONA
BVBASTO. VESTEM. SIRICAM. PVRPVREAM. ET

CALLAINAM· LABELLVM· MARMOREVM· CVM
COLVMELLA· HYDRIA· HYPSIANA· ET· LENTEA
PVRPVREA· CVM· CLAVIS· AVREIS· ET· ZONA
AVREA· TVNICAS· II· PRAECINCTA· ET· DISCINCTA
ET· PALLIOLVM· VESTEM· ALTERA· ALBA· TVNICA
STOLA· ZONA· ET· PALLIVM·

Надпись эта не преминула возбудить интересъ археологовъ и была издана съ краткимъ объясненіемъ Генценомъ сперва въ Римскомъ Bullettino dell' Instituto 1871 p. 51 и затѣмъ въ Hermes VI, 8. Изъ первой строки надписи мы видимъ, что передъ нами списокъ предметовъ, переданныхъ въ тотъ и другой храмъ, слѣдовательно родъ инвентаря различнымъ церковнымъ вещамъ, переданнымъ неизвѣстно кѣмъ въ два храма—Изиды и Бубастиды, какъ мы увидимъ ниже. Подобныхъ списковъ въ римской эпитафическѣ нѣсколько, и задача настоящей замѣтки—сопоставить съ ними вновь найденный, съ тѣмъ чтобы изъ разбора его частныхъ уяснить вопросъ о вкладахъ, дѣлавшихся древними въ храмы, на сколько онъ можетъ быть уясненъ при пособіи данныхъ эпитафическихъ. Разсматриваемый нами памятникъ довольно рѣзко отличается отъ сходныхъ съ нимъ по содержанию своею формою, которую мы позволимъ себѣ назвать *объективною*. Мы этимъ хотимъ выразить то, что, тогда какъ другіе памятники перечисляютъ вещи, пожертвованныя тому или другому божеству тѣмъ или другимъ лицомъ, нашъ памятникъ есть простая записъ, перечень предметовъ, не заключающій ни имени лица жертвующаго, ни названія божества, которому жертвуется. Съ этою формою сходна одна Африканская надпись, найденная въ Циртѣ (Renier Inscr. de l'Alg. n. 1891), названная прямо *synopsis*. Было бы слишкомъ утомительно приводить in extenso все памятники, заключающіе въ себѣ болѣе или менѣе подробное исчисленіе пожертвованныхъ божествамъ предметовъ, почему мы, ограничиваясь указаніемъ на главнѣйшіе (Henzen-Orelli 6139, 6140, 6141 [Renier 1890, 1891]; Hübner C. I. L. II. 2060, 3386, 3387; Mommsen C. I. L. III, 1952, Inscript. Neapol. 5 и др.), сопоставимъ данныя, извлекаемые изъ нихъ, съ данными, заключающимися въ недавно найденномъ памятникѣ и относящимися къ вкладамъ въ храмы. Въ заключеніе мы разсмотримъ, какимъ божествамъ были принесены дары, исчисленные въ разсматриваемомъ памятникѣ.

Постараемся объяснить тѣ вклады, которые перечисляются въ нашемъ инвентарѣ:

1. Signa n. XVII. Слѣдовательно мы имѣемъ здѣсь 17 статуй или статуэтокъ. Статуи различныхъ видовъ и изъ различнаго матеріала попадаютъ на надписяхъ, именно въ качествѣ ἀναθήματα; отсюда видно, что онѣ, подобно современнымъ иконамъ, составляли самый распространенный видъ приношеній. Большинство такихъ статуй дѣлалось изъ мрамора (statuae marmoreae)¹⁾—при чемъ иногда обозначается, что онѣ сдѣланы изъ

одного куска камня²⁾, или что изъ мрамора сдѣланъ одинъ только верхъ или оконечности, а все прочее изъ какого-нибудь другого матеріала³⁾. Другія жертвуемые статуи дѣлались изъ металла: бронзы⁴⁾, серебра⁵⁾ и даже золота⁶⁾. Статуи ставились на базисахъ⁷⁾, на которыхъ обыкновенно изображалась посвятельная надпись. Эти базисы большею частію были изъ иного матеріала, чѣмъ стоявшія на нихъ статуи; до насъ дошли почти исключительно мраморные, обшивавшіеся иногда и другими, болѣе дорогими камнями⁸⁾; упоминаются также базисы изъ серебра⁹⁾. Различнымъ образомъ украшались и самыя статуи¹⁰⁾. Ниже мы приведемъ нѣсколько въ высшей степени интересныхъ памятниковъ, въ подробности описывающихъ изображенія женскихъ божествъ; здѣсь же мы представимъ описаніе одной серебряной статуи Юпитера, сохранившееся въ вышеприведенной Африканской надписи: „Перечень. Юпитеръ побѣдитель изъ серебра, что въ Капитоліѣ, у него на головѣ дубовый вѣнокъ изъ серебра въ 30 листьевъ, и въ ней 15 желудей; въ правой рукѣ у него серебряный шаръ (на которомъ) Викторія съ пальмою.... и вѣнкомъ въ 40 листьевъ,.... а въ лѣвой онъ держитъ серебряное копьѣ¹¹⁾“. Въ частности, въ этой надписи возбуждаютъ вопросъ слова: „что въ Капитоліѣ (in Capitolio). Было-бы, думается, ошибочно предполагать, что въ „синописѣ“, найденномъ въ Циртѣ и очевидно относившемся къ одному изъ тамошнихъ храмовъ, заключалось описаніе Юпитерова изображенія, находившагося въ Римѣ, въ Капитоліѣ. Точно также нѣтъ основанія предполагать, чтобы какая-нибудь часть города Цирты носила названіе Капитолія. На истинный, какъ намъ представляется, смыслъ этого выраженія можетъ навести сопоставленіе съ слѣдующею надписью, найденною въ Испанской Тарраконѣ (C. I. L. II, 4079): *Jovi optimo (maximo) (Capitoli)no sacrum*. Отсюда видно, что *Juppiter Capitolinus* почитался и въ Римѣ. Не есть ли нашъ *Juppiter Victor... in Capitolio* тоже, что *Juppiter Capitolinus*? Если это такъ, то, кажется намъ, не будетъ большою смѣлостью предположить, что въ описанномъ на Циртской надписи изображеніи мы имѣемъ копію съ статуи Римскаго Капитолійскаго Юпитера времени Имперіи. Какъ статую Юпитера мы видѣли украшенною его атрибутами, точно такъ и вотивныя изображенія другихъ божествъ украшались свойственными имъ принадлежностями; такъ на одной надписи изъ Римини¹²⁾ мы читаемъ, что Валерій Зотикъ, сеvirъ Августальскій, эдиль, по завѣщанію воздвигъ изображеніе отца Либера съ золотою повязкою изъ 3-хъ унцій, съ тирсомъ и съ серебрянымъ кубкомъ въ 2¹/₂ фунта вѣсомъ. Изъ другой—Ланувинской мы видимъ, что Мецилія Бальбилла, жрица въ Ланувіумѣ, по обѣту отдѣлала за-ново въ храмѣ Юноны Спасительницы Матери Царицы щитокъ, щитъ, копьѣ и башмаки¹³⁾—разумѣется на изображеніи богини. Что эти предметы были дѣйствительно постоянными атрибутами Ланувинской Юноны, видимъ мы изъ словъ Цицерона¹⁴⁾: „ту вашу Соспиту, которую ты и во снѣ видишь не иначе, какъ съ козьею шкурою, съ копьемъ, со щиткомъ и съ загнутыми башмаками“. Совершенно такимъ же является намъ изображеніе этой богини

на монетахъ нѣкоторыхъ Римскихъ *gentes*, напр. *Cornificia*¹⁵⁾, *Procilia*¹⁶⁾, *Roscia*¹⁷⁾ и др. Точно такую же представляется и колоссальная статуя Юноны въ Ватиканѣ, сильно впрочемъ реставрированная¹⁸⁾. Наконецъ въ третьей надписи мы имѣемъ фактъ, что жрецъ П. Марій Фаретра принесъ въ даръ Аттису жертвенникъ и серебряную луну, вѣсомъ въ фунтъ и 2 унціи¹⁹⁾. Луна является здѣсь атрибутомъ Аттиса, который зовется на нѣкоторыхъ надписяхъ: *Menotyranus*²⁰⁾. Этихъ примѣровъ, думается, достаточно для того, чтобы можно было убѣдиться, что главныя украшенія жертвуемыхъ статуй состояли изъ атрибутовъ того или другого божества. Жертвуемые въ храмы изображенія ставились въ храмѣ и окружавшихъ его частяхъ или просто, т. е. прямо возлѣ стѣнъ, или же въ особыхъ кивотахъ и нишахъ, носящихъ различныя названія. Интересна слѣдующая надпись, дающая идею о такомъ расположеніи статуй въ кивотахъ²¹⁾: „Венерѣ истинной счастливой Габинской. Авлъ Плутій Энафродитъ (принадлежавшій къ неизвѣстной намъ ближайшимъ образомъ коллегіи *accensi velati*)²²⁾, торговецъ шелками, воздвигъ отъ земли на свои деньги храмъ съ бронзовой статуей, изображающей Венеру, также съ четырьмя бронзовыми статуями, расположенными въ *zothecae*, и съ бронзовыми дверьми и съ бронзовымъ жертвенникомъ и со всѣми украшеніями....²³⁾“. Здѣсь интересно слово *zothecae*, объяснявшееся различно²⁴⁾; по всей вѣроятности оно обозначаетъ особыя ниши, которыя назначались для статуй, расположенныхъ, какъ можно догадываться, по одной въ каждой нишѣ²⁵⁾. Въ другой надписи мѣсто, куда ставились жертвуемые статуи божествъ, называется *theostasis*; мы читаемъ²⁶⁾: „Публій Рутилій Синтрофъ, рѣшникъ мраморовъ, воздвигъ изъ мрамора на свой собственный счетъ иконостасъ въ храмѣ Минервы, какъ даръ, имѣ обѣщанный“. Этимологія слова указываетъ на то, что *theostasis* назначалась для цѣлаго ряда статуй. Наконецъ изъ 3-го памятника²⁷⁾ узнаемъ, что статуи, особенно небольшія, ставились на особомъ столѣикѣ, называвшемся *abacus*. На хранящейся въ Парижскомъ *Cabinet des médailles* вазѣ изъ сардоника мы имѣемъ изображеніе подобнаго *abacus*, на которомъ, между прочими вѣнцами, замѣчается одна статуэтка²⁸⁾.

Переходимъ къ дальнѣйшему обозрѣнію предметовъ, внесенныхъ въ нашъ инвентарь:

2. *caput solis i*. Подъ этою „головою солнца“ надобно разумѣть по всей вѣроятности бюстъ, слѣланный или изъ мрамора или изъ какого нибудь болѣе драгоценнаго матеріала. Мы имѣемъ здѣсь безъ сомнѣнія изображеніе т. н. Гелиоса, который почти повсюду изображается въ видѣ бюста, голова котораго окружена лучеобразнымъ сіяніемъ²⁹⁾. Ниже мы увидимъ, что культъ этого божества имѣетъ связь съ культомъ Изиды.

3. *imagines argenteas iiii*. Выше мы имѣли 16 *signa*, здѣсь же 4 *imagines*. Очевидно, что оба эти слова различаются, подобно тому какъ въ одной надписи изъ Патръ, гдѣ, между прочимъ, читаемъ: *imagine et statuis*³⁰⁾. Что такое *statua* и *signum*, мы уже могли видѣть изъ предыдущаго: одно то обстоятельство, что при нихъ перѣдко упоми-

нается базисъ, можетъ указывать на значеніе ихъ въ смыслѣ статуй. Отличающееся отъ нихъ слово *imago* вѣроятнѣе всего будетъ принятъ за грудное изображеніе, будетъ ли оно въ видѣ бюста или барельефа ³¹⁾. Такое пониманіе подтверждается между прочимъ и тѣмъ, что при *imago* весьма рѣдко упоминается базисъ. Эти *imagines* дѣлались болѣею частію изъ серебра ³²⁾ или золота ³³⁾ и ставились на особаго рода подставкахъ (*mutuli*) ³⁴⁾ вдоль стѣнъ, почему и зовутся на одной надписи *parastaticae* ³⁵⁾.

Вслѣдъ за *imagines* разсматриваемый инвентаръ упоминаетъ

4. *clipeus* i. И это слово встрѣчается не рѣдко при перечисленіи анаематъ, приносившихся различнымъ божествамъ. Оно отличается отъ *statua* ³⁶⁾ и отъ *imago* ³⁷⁾, съ которымъ впрочемъ нерѣдко соединяется. Что разумѣлось подъ этимъ словомъ, видно изъ различныхъ мѣстъ древнихъ ³⁸⁾, свидѣтельствующихъ, что подъ *clipeus*, кромѣ обыкновенныхъ щитовъ, разумѣлись щитообразныя фигуры, на которыхъ находились грудныя изображенія тѣхъ или другихъ лицъ (*imagines clipeatae*) ³⁹⁾. Отъ древности дошло до насъ нѣсколько подобныхъ изображеній: одно изъ нихъ (мраморное) можно видѣть въ Капитолійскомъ музеѣ—оно представляетъ на круглой пластинкѣ горельефное изображеніе юношеской головы съ не-Римскими, а скорѣе варварскими чертами лица ⁴⁰⁾. Были также и живописныя изображенія на *clipei*, что видно какъ изъ приведенныхъ въ примѣчаніи словъ Макробія, такъ и изъ одной Греческой надписи, гдѣ, между прочимъ, читаемъ: ΕΙΚΩΝΑ ΓΡΑΨΤΑΝ ΕΝ ΟΠΛΩ ΕΝΧΡΥΣΩ ⁴¹⁾. Такіе *clipei* дѣлались обыкновенно изъ дорогихъ металловъ: серебра ⁴²⁾ (при чемъ изображеніе не рѣдко бывало золотое) ⁴³⁾ и золота ⁴⁴⁾, и вѣшались или въ самомъ храмѣ или снаружи, преимущественно на верхней его части, на фронтонѣ или непосредственно подъ нимъ (*in fastigio*) ⁴⁵⁾. Такъ какъ съ теченіемъ времени обыкновеніе ставить эти *clipei* стало все болѣе и болѣе распространяться, и подобные *ex voto* могли совершенно потерять свое значеніе, то какой-то Руфъ, бывшій казначеемъ неизвѣстной коллегіи, выстроившій въ *Asculum* храмъ *Fortunae reduci*, поставилъ условіемъ, что всякій, кто захочетъ поставить въ этомъ храмѣ *clipeus*, долженъ заплатить въ (коллегіальную) кассу 2000 сестерціевъ ⁴⁶⁾.

Вслѣдъ за *clipeus* нашъ инвентаръ упоминаетъ:

5. *aras aeneas duas*. Бронзовые жертвенники попадаются на надписяхъ не разъ ⁴⁷⁾. По предположенію Марини ⁴⁸⁾, это не суть неподвижные алтари, но скорѣе небольшія жаровни съ ручками, могшія удобно быть переносимыми съ одного мѣста на другое. Изображеніе подобнаго жертвенника находится на одномъ барельефѣ, бывшемъ въ Museo Borgiano въ Веллетри и приложенномъ Марини къ его сочиненію объ Арвальскихъ братьяхъ. Слѣдовательно, по предположенію Марини, подъ этими *aras aeneas* разумѣется тоже, что у нѣкоторыхъ писателей и на надписяхъ зовется *foculus* ⁴⁹⁾ или *focus* ⁵⁰⁾.

Далѣе инвентаръ приводитъ

6. *delphicum aeneam*. Подъ этимъ названіемъ были извѣстны тревожники ⁵¹⁾, полу-

чизніе его по сходству съ знаменитымъ Дельфійскимъ. Неизвѣстно съ точностью, для какой цѣли она служили; можно догадываться, что они употреблялись для постановки на нихъ какихъ нибудь болѣе дорогихъ анаѳематъ⁵²⁾, сами, между прочимъ, тоже составляя анаѳему⁵³⁾. Эти треножки, дѣлавшіеся обыкновенно изъ бронзы, были различнымъ образомъ украшаемы⁵⁴⁾.

Затѣмъ упоминается

7. *spondeum i argenteum*. Какъ показываетъ сама этимологія, *spondeum* (σπονδαῖον) есть особый жертвенный сосудъ, употреблявшійся для возліяній⁵⁵⁾. На одной Греческой надписи⁵⁶⁾ въ числѣ предметовъ, пожертвованныхъ въ храмы Пизиды и Сераниды, мы также имѣемъ σπονδαῖον.

Въ связи съ этимъ *spondeum*, какъ сосудъ, употреблявшійся при возліяніяхъ (*libationes*), упоминается въ нашемъ инвентарѣ и

8. *patera*. Достаточно припомнить *Virgilieum*: *pateris libamus et auro*⁵⁷⁾. Это тоже, что φαλλή на приведенной въ примѣчаніи 56 надписи изъ Эфеса⁵⁸⁾.

Далѣе слѣдуетъ

9. *basileum ornatum ex gemmis n. i.* Подъ *basileum*=βασιλεῖον разумѣется царскій вѣнецъ⁵⁹⁾, употреблявшійся преимущественно въ Египтѣ⁶⁰⁾ и придаваемый нерѣдко Пизидѣ⁶¹⁾, какъ царицѣ⁶²⁾. Описаніе такой діадемы, принесенной въ даръ также Пизидѣ, мы имѣемъ на одной Испанской надписи⁶³⁾, гдѣ, между прочимъ, читаемъ, что Фабія, дочь Луція, Фабіана, бабка, въ честь своей внуки Авиты, по повелѣнію бога Нетона (Марса)⁶⁴⁾ воздвигла Пизидѣ, покровительницѣ дѣтей, серебряную статую съ различными украшеніями, въ числѣ которыхъ на первомъ мѣстѣ стоитъ: „въ діадемѣ жемчужина, солитеръ и 6 поменьше, два изумруда, 7 цилиндровъ, драгоценный камень рубинъ, драгоценный камень гіацинтъ и два драгоценные камня *segauniae* (неизвѣстнаго вида)⁶⁵⁾“. Этотъ *basileum*, будучи упомянутъ въ нашемъ инвентарѣ отдѣльно, по всей вѣроятности и на самомъ дѣлѣ былъ отдѣленъ отъ статуи Пизиды, надѣваясь на нее непостоянно⁶⁶⁾.

Вслѣдъ за *basileum* приводится

10. *sistrum argenteum inauratum*. Систеръ былъ извѣстный инструментъ, употреблявшійся при религіозныхъ церемоніяхъ Пизидина культа и издававшій рѣзкіе звуки⁶⁷⁾. Дѣлался онъ обыкновенно изъ бронзы⁶⁸⁾; въ нашей же надписи онъ серебряный вызолоченный. Мы имѣемъ эпиграфическія извѣстія о томъ, что въ храмы различныхъ божествъ жертвовались обыкновенно предметы, имѣвшіе болѣе или менѣе непосредственное отношеніе къ ихъ культу; изъ такихъ извѣстій особенно интересны слѣдующія два: одна надпись, находящаяся въ Салонѣ, сообщаетъ намъ, что „Курія Приска отдѣлала вновь храмъ Великой Матери (боговъ=Кивелы), поставила статуи, лароносицу (и пожертвовала) кимвалы, тимпаны, блюдечко, ножницы...⁶⁹⁾“. Кимвалы и тимпаны считались отличительною принадлежностью культа Кивелы⁷⁰⁾, *catillus*, упоминающійся вслѣдъ за ними,

есть небольшое блюдо, тоже, по всей вѣроятности, употреблявшееся при таинствахъ этой богини—для чего, не извѣстно ⁷¹⁾; наконецъ *forfices*—ножницы относятся очевидно къ кастраціи стреловъ и поклонниковъ Кивелы. Въ другой, не менѣе интересной, надписи читаемъ: „Богу Эскулапію Валерій Симфоръ и Протисъ, охотно исполняя свой обѣтъ, (принесли въ даръ) за великое дѣйствіе божества на нихъ: бронзовую статую Сна, золотую цѣпь изъ двухъ змѣекъ вѣсомъ въ 1¹/₂ фунта и 5 унцій и *anabolium* (неизвѣстный ближайшимъ образомъ хирургическій инструментъ) ⁷²⁾“. Эскулапу, какъ богу врачества, приносится въ даръ хирургическій инструментъ, врядъ-ли, правда, имѣющій отношеніе къ его культу, но все же указывающій на извѣстную связь между приносимыми предметами и сущностью того божества, которому они дарятся ⁷³⁾. Возвращаясь къ нашему памятнику, упоминающему про сестръ, почти исключительно присвоенный Изидѣ, мы до извѣстной степени вправе заключить, что какъ онъ, такъ и другіе предметы жертвуются въ храмъ этой богини.

Далѣе инвентарь упоминаетъ

11. *spondeum inauratum patera cum frugibus*. Последнее врядъ ли будетъ значить, что въ этой чашѣ были колосья; вѣроятно то, что она была покрыта чеканомъ, изображавшимъ колосья ⁷⁴⁾.

Далѣе стоитъ:

12. *collarem ex gemmis beryllis*. Подъ этимъ разумѣется *collage* или монисто, сдѣланное изъ крупныхъ берилловъ и надѣвавшееся вѣроятно на изображеніе Изиды. Точно также на Испанской надписи, при описаніи также Изидиной статуи, читается: „на шеѣ 4 ягоды съ 36 жемчужинами, 18 изумрудами и 2-мя на застежкахъ ⁷⁵⁾“. Вообще мы имѣемъ не мало эпиграфическихъ свидѣтельствъ о томъ, что божествамъ приносились въ даръ драгоценныя *collaria* ⁷⁶⁾.

Вслѣдъ за ожерельемъ нашъ инвентарь упоминаетъ

13. *spatalia cum gemmis ii*. Словомъ *spatalium* обозначается, между прочимъ, родъ браслета ⁷⁷⁾, носившагося женщинами, какъ думаетъ Гюбнеръ ⁷⁸⁾, на верхней части руки. Въ вышеупомянутой Испанской надписи мы имѣемъ описаніе такихъ браслетовъ: „на браслетахъ изумруды числомъ 8 и жемчужины числомъ 8 ⁷⁹⁾“.

Затѣмъ слѣдуетъ другое ожерелье съ 7 драгоценными камнями

14. *collarem alterum cum gemmis n. VII* и

15. *inaures ex gemmis n. x*. Подъ словомъ *inaures*, какъ видно изъ самой этимологіи, разумѣлись серьги, которыя вдѣвались въ уши женщинъ. Въ нашемъ памятникѣ онѣ предназначались вѣроятно для того, чтобы быть вдѣтыми въ уши богинѣ, и состояли каждая изъ 5 драгоценныхъ камней. Точно также и въ Испанской надписи упоминаются „серьги изъ 2 изумрудовъ и 2 жемчужинъ ⁸⁰⁾“, т. е. по одному изумруду съ жемчужиной на каждой.

ПРИЛОЖ.

Вслѣдъ за серьгами упоминается совершенно неизвѣстное слово

16. *pauplia. ii. puga*. Генценъ ⁸¹⁾ полагаетъ, что тутъ рѣчь идетъ о раковинѣ *pauplis*, о которой говорить Плиній ⁸²⁾, и которая, ради своей рѣдкости, могла быть принесена въ даръ божеству. Генценъ же приводитъ мѣсто изъ Перипла Краснаго моря ⁸³⁾, гдѣ, въ числѣ предметовъ, вывозимыхъ изъ Эіопіи, упоминается *καύπλιος ὄλιρος*. Изъ сопоставленія этого *καύπλιος* съ слоновой костью, клыками носорога и черепахой можно думать, что и это загадочное слово обозначало какой нибудь дорогой матеріалъ, имѣвшій уже отъ природы опредѣленную форму, почему въ нашемъ инвентарѣ и обозначенъ линг' своимъ названіемъ безъ обозначенія предмета изъ него выдѣланнаго.

Не менѣе загадочно слѣдующее выраженіе:

17. *corona analempsiaca. i. cum gemmis topazos n. xxi et carbunculos n. LXXXIII* ⁸⁴⁾. Слово *analempsiacus* ближе всего сопоставить съ Іонійскою формою, встрѣчающеюся у Иппократа, *ἀνάληψις*—въ значеніи *ἀνάληψις* отъ *ἀναλαμβάνειν*. Этого сопоставленія держатся Моммсенъ и Генценъ ⁸⁵⁾ и понимаютъ подъ *corona analempsiaca* такой вѣнецъ, который, будучи надѣтъ на идолъ богини, могъ впоследствии быть снятымъ. Но это объясненіе вызываетъ нѣкоторыя недоумѣнія, особенно въ виду того, что въ приведенной въ примѣчаніи 84 Остійской надписи эта *corona analempsiaca* отдѣляется отъ *corona augea*, что заставляетъ предполагать, не есть ли первый эпитетъ обозначеніе или матеріала, изъ котораго былъ сдѣланъ, или формы, которую имѣлъ загадочный вѣнецъ? Съ другой стороны представляется, хотя, правда, отдаленная, возможность сопоставить *analempsiacus* съ *ἀναλάμπειν* и думать о вѣнцѣ съ сіяніемъ. Не смотря на этимологическое затрудненіе, послѣднее сопоставленіе представляется намъ болѣе вѣроятнымъ, тѣмъ болѣе, что Египетскія божества очень нерѣдко изображались короной ⁸⁶⁾. Къ послѣднему же объясненію заставляютъ склоняться и мѣста древнихъ, въ которыхъ про блескъ, лучеобразно исходящій отъ божескихъ ликовъ, нерѣдко употребляется *ἀναλάμπειν*—*effulgere* ⁸⁷⁾. Упоминаемый въ нашемъ инвентарѣ вѣнецъ былъ украшенъ 21 топазомъ и 84 рубинами; подобныя украшенія бывали на вѣнцахъ нерѣдко ⁸⁸⁾.

Разсмотрѣннымъ вѣнкомъ кончается перечисленіе драгоценныхъ вкладовъ, вслѣдъ за которыми упоминаются

18. *cancelli aenei cum hermulis n. VIII intro et foras*, относящіеся очевидно или ко всему храму или къ бывшимъ въ немъ *aediculae*. Въ эпиграфическихъ памятникахъ намъ нерѣдко попадаются рѣшетки, огораживающія священныя мѣста и предметы ⁸⁹⁾, но нашъ инвентарь сообщаетъ еще любопытную подробность о томъ, что онѣ были украшены гермами ⁹⁰⁾, числомъ 8, снаружи и во внутрь. Пониманіе послѣднихъ словъ довольно затруднительно; не извѣстно, думать ли, что гермы были расположены такъ, что 4 изъ нихъ выходили лицомъ наружу, т. е. внѣ храма, а 4 другія были обращены во внутрь, или же представлять себѣ всѣ 8 гермъ двойными.

Въ заключеніе идетъ перечисленіе одеждъ, пожертвованныхъ въ храмы:

19. *vestem. liniam. tunicam. i. pallium. i. zona. i. cum segmentis argenteis. stola. i.* Здѣсь слово *vestis* имѣетъ обширное значеніе, вмѣщая въ себѣ нѣсколько отдѣльных частныхъ одеждъ, а именно: *tunica*, *pallium*, *zona* и *stola*. Всѣ онѣ были полотняныя (*vestis linia*), что совершенно естественно, потому что, по единогласному свидѣтельству древнихъ писателей, жрецы и поклонники Изиды постоянно ходили въ бѣлыхъ полотняныхъ одеждахъ, служившихъ ихъ отличительнымъ признакомъ⁹¹⁾. То обстоятельство, что въ эти полотняныя одежды одѣвались жрецы, не можетъ ли дозволить предположеніе о томъ, что упомянутая въ нашемъ инвентарѣ, *vestis lineae*, есть принадлежность орната⁹²⁾ жрецовъ Изиды? Что лица, посвящавшія себя культу этой богини, носили особый орнатъ, видно какъ изъ мѣстъ древнихъ писателей: такъ и изъ слѣдующей Испанской надписи⁹³⁾: „Ливія Халкедоника, посвятившая себя богинѣ Изидѣ, поконится здѣсь, облаченная по своимъ средствамъ: на шеѣ ожерелье изъ драгоцѣнныхъ камней, на пальцахъ 20 изумрудовъ“.... Это облаченіе, по свидѣтельству нашего инвентаря, состояло изъ слѣдующихъ одеждъ: *tunica*. На барельефѣ, изображающемъ помпу Изидиныхъ жрецовъ и находящемся въ Museo Chiaramonti (въ Ватиканѣ), мы имѣемъ изображеніе женщины въ одной туникѣ. Изъ нашего же памятника скорѣе придется заключить, что поверхъ этой туники надѣвались другія одежды, именно: *pallium* и *stola*, равно какъ и поясъ. Что касается до *pallium'a*, то онъ въ другихъ мѣстахъ не упоминается, какъ принадлежность орната Изидиныхъ жрицъ; но за то упоминается *palla*⁹⁴⁾, что заставляеть предполагать, что она-то и разумѣется въ нашемъ инвентарѣ подъ словомъ *pallium*. Апулей описываетъ эту одежду, какъ длинное покрывало, накинутое на тѣло и которое, опускаясь на правомъ боку, поднималось къ лѣвому плечу; это покрывало было все обшито бахромой. Не извѣстно, чѣмъ отличалась отъ этой *palla stola*, которую въ числѣ одеждъ Изидиныхъ жрецовъ приводитъ Аппіанъ⁹⁵⁾. Какъ бы то ни было, мы имѣемъ три одежды, составляющія орнатъ жрицы Изиды; эти три одежды видимъ мы и на замѣчательной статуѣ Музея Кьярамонти⁹⁶⁾, изображающей Изиду жрицу: непосредственно на тѣлѣ находится длинное, весьма тонкое одѣяніе, ниспускающееся до ногъ, рукава на немъ короткіе и застегнуты пуговицами—это *tunica* нашей надписи. На тунику надѣта другая одежда, охватывающая горло и нисходящая до коленъ. Что соотвѣтствуетъ ей въ нашей надписи—*stola* или *pallium*? Я рѣшился бы отождествить ее съ первою. Наконецъ идетъ третья одежда, во всемъ схожая съ описанною Апулеемъ *palla*—*pallium* нашего инвентаря. Это одѣяніе широкое, ниспадающее роскошными складками и обшито бахромой. Часть его надвинута на голову, прикрывал ее такъ, что бахрома отброшена назадъ и падаетъ на плечи. Сверхъ сего, нашъ инвентаръ приводитъ еще *zona i cum segmentis argenteis*. Послѣднія слова можно относить или къ одному поясу, или же и къ туникѣ съ палліумомъ; они означаютъ серебряныя галуны⁹⁷⁾, нашитые на поясъ и одежду.

Затѣмъ инвентарь упоминаетъ

20. *vestem. altera. lintea. pura. tunicam. pallium. stola. zona.* Опять мы видимъ тотъ же составъ отдѣльныхъ частей, входившихъ въ это второе полотняное облаченіе, которое зовется *vestis pura* потому, какъ предполагаетъ Генценъ, что было безъ сегментовъ. Этимъ кончается первый отдѣлъ инвентаря, въ которомъ исчислены предметы, пожертвованные въ одинъ храмъ—Изидинъ, какъ предположили мы въ самомъ началѣ. Это предположеніе, кажется, можетъ быть оправдано всѣмъ предыдущимъ, а стоящимъ послѣ перваго отдѣла словомъ *Bubasto* возведено въ фактъ вполне достовѣрный. Дѣло въ томъ, что въ приведенной въ примѣчаніи Остійской надписи мы имѣемъ совокупное посвященіе предметовъ *Isidi Bubasti*, что подтверждается и другою—Паннонскою⁹⁸⁾, гдѣ также читаемъ: *Isidi Aug. et Bubasti*. Отсюда видно, что Бубастида соединяется съ Изидою, что совершенно и естественно. Продотъ⁹⁹⁾ при описаніи Египта упоминаетъ про богиню *Βούβαστις*, почитаемую особенно въ городѣ того же имени, и которую онъ сравниваетъ съ Артемидой. Бубастида не рѣдко сопоставляется съ Изидой¹⁰⁰⁾ (по Продоту она даже дочь последней) и по всей вѣроятности вмѣстѣ съ нею перешла въ Римъ. Доказательствомъ того, что культъ ея былъ распространенъ, кромѣ упомянутой выше Остійской надписи¹⁰¹⁾, въ которой мы имѣемъ какую-то *Diodora Bubastiaca*, т. е. поклонницу (или даже жрицу) Бубастиды, служитъ другая надпись, въ которой мы имѣемъ надгробіе, воздвигнутое „*Ostoriae Successae sacerdoti Bubastium*“. Изъ этихъ двухъ памятниковъ видно, что въ Остіи существовалъ довольно распространенный культъ Бубастиды. Интересно то обстоятельство, что онъ былъ распространенъ именно въ Остіи. Тамъ же мы находимъ поклоненіе Мнѳрѣ, Изидѣ, Кивелѣ и другимъ восточнымъ божествамъ, поклоненіе, распространенность котораго именно въ Остіи объясняется положеніемъ последней какъ порта, въ который стекались люди съ разныхъ концовъ свѣта. Возвращаясь къ разсматриваемому инвентарю, мы видимъ, что подъ *Bubasto*¹⁰²⁾ приходится разумѣть Бубастиду, въ храмъ которой приносятся слѣдующія жертвоприношенія:

1. *vestem siricam purpuream et callainam*, т. е. двѣ шелковыя одежды: пурпуровая и темносиняя¹⁰³⁾.

Далѣе дарятъ Бубастидѣ

2. *labellum magmoreum cum columella. Labellum*, происходя отъ *labrum*¹⁰⁴⁾, обозначаетъ небольшой бассейнъ, предназначавшійся по всей вѣроятности для омовеній. Это предположеніе тѣмъ болѣе вѣроятно, что намъ извѣстна та значительная роль, которую играли постоянныя омовенія въ культѣ Египетскихъ божествъ. Въ нашей надписи этотъ бассейнъ сдѣланъ изъ мрамора и поставленъ на колонкѣ. Образецъ такого *labellum* найденъ въ Помпеяхъ¹⁰⁵⁾ и представляетъ большое сходство съ старинными *bénitiers*, находящимися въ католическихъ храмахъ.

Вслѣдъ за бассейномъ инвентарь упоминаетъ

3. *hydria hypsiana*. Гидріями, какъ извѣстно, назывались сосуды, которыми черпали и въ которыхъ держали воду ¹⁰⁶); что же значить здѣсь эпитетъ *hypsiana*, приданный этой *hydria*, за неизвѣстностью самого слова, сказать не возможно.

Въ заключеніе перечисляются одежды:

4. *et lentea purpurea cum clavis aureis et zona aurea. tunicas ii. praecineta et discincta et palliolum vestem altera alba tunica stola zona et pallium*. Во 1-хъ мы имѣемъ полотняную пурпурную одежду съ золотыми позументами (*vestis auro clavata*) ¹⁰⁷) или нашивками и золотымъ поясомъ, затѣмъ двѣ туники: *praecineta* т. е. такую, которую надобно было подпоясывать и *discincta*—не требовавшую пояса, и наконецъ маленький *pallium*. Въ заключеніе упоминается другое бѣлое облаченіе ¹⁰⁸), состоявшее также, какъ и упомянутое въ 1-мъ отдѣлѣ, изъ туники, столы, пояса и палліума.

Изъ объясненія отдѣльныхъ выраженій разсмотрѣннаго памятника съ одной стороны можно до нѣкоторой степени уяснить себѣ вопросъ о вкладахъ, дѣлавшихся въ храмы, съ другой же можно вывести, что въ этомъ памятникѣ мы имѣемъ синопсисъ разнообразныхъ и дорогихъ предметовъ, пожертвованныхъ не извѣстно кѣмъ въ два храма (*res traditae fanis utrisque*)—Изиды и Бубастиды, находившіеся въ I-мъ вѣкѣ нашей эры близъ озера Неми. Эта мѣстность на-далеко была извѣстна знаменитымъ храмомъ Діаны (*Diana Nemorensis*), подробности о которомъ сообщаетъ намъ Стравонъ. Теперь мы узнаемъ, что тутъ же, можетъ быть съ самой оградѣ Діанина храма, находились два капища (*fana*) другихъ божествъ—Изиды и Бубастиды.

П р и м ѣ ч а н і я.

1) *Marini Atti Arv. p. 582; signum marmoreum Henz. 5669; Jovem marmoreum Henz. 6133; sigillum marmoreum Or. 1344; Marti.... sigillum marmoreum C. I. L, V, 1, 5081; sigilla marmuria dua Herculem et Mercurium.... sigillum marmurium Liberi C. I. L. III, 1, 633.*

2) *Silvanum monolithum sanctum. Or. 1593. Plin. N. H. XXXVI. 37: sicut in Laocoonte, qui est in Titi imperatoris domo, opus omnibus et picturae et statuariae artis praeferendum, ex uno lapide cum ac liberos draconumque mirabilis nexus de consilii sententia fecere summi artifices Hagesander et Polydorus et Athenodorus Rhodii.*

3) *Telluri Genetrici.... simulacrum deae aerolithum.... dono dedit. Renier 2531 (Cuicul).* Это же слово встрѣчается и у *Trebell. Pollio 32 (Titus): cuius statuam in templo Veneris adhuc vidimus aerolitham, sed auratam* и у *Vitruv. 2, 8, 11; in summa arce media Martis fanum habens statuam colossicam acrolithon nobili manu Leocharis factam.* Вильгельманъ

(Истор. искуст. 1, 2, p. 31 Итал. перевод. Fea) доказываетъ, что такъ назывались статуи, имѣвшія голову, руки и ноги изъ мрамора, остальное же изъ дерева или металла. Это же слово *acrolitha*, думается мнѣ, надобно читать на надписи у Grut. 76, 9: *simulacra. duo. spei. corolitica. d. d.*, гдѣ *corolitica* не даетъ смысла.

⁴⁾ *Statuam aeream* Grut. 46, 11; cf. 58, 1; 53, 3; 70, 8; 103, 7; 110, 9; 1069, 1 (48, 5 подѣлка). *Signum Somni aereum*. Or. 1572; *signum aereum pantheum* Reines. 1, 3, p. 8; *stat(uam) aen(eam)* id. 1, 275; p. 239; cf. n. 277. *stat(uam)* ex aere pos. Mur. 1. 8. 1. ex Ligorio? cf. id. 38, 4 ex eod.? *statuam aeream Mercuri* Momms. Ins. Neap. 5; *statuam aeream Silvani cum aede* C. I. L. III, 1, 633; *signum aereum Martis in foro posuit* C. I. L. II, 1956. На одной Испанской надписи мы имѣемъ даже обозначеніе цѣны, въ которую обошлась какому-то Луцію Юлію бронзовая статуя Генія, воздвигнутая въ Севильѣ—именно 62 денарія. Spon, Miscellan. p. 66, приводитъ надпись, на которой встрѣчается *sig(num) corinthium*, т. е. изъ коринтскаго металла, считавшагося въ древности выше золота и серебра и о которомъ въ подробности говорить Плиній N. H. XXXIV. 1. sqq. Но Орелли заподозрилъ эту надпись.

⁵⁾ *Signum argenteum* Grut. 37, 13; *Mars argenteus* Grut. 48, 5 (falsa), *Jovis Victor argenteus* Renier 1890; *signum argenteum* C. I. L. II, 128; *ibid.* 3228; *sign(a) arg(entea)* VII Henz. 6141; *lares argenteos septem* Momms. I. N. 5; *argenteam statuam Felicitatis* Momms. I. N. 1092. Иногда эти серебряныя статуи были и вызолочены—такъ въ одной надписи у Momms. I. N. 5354 читаемъ, что *Acca L. f. Prima ministra Matris Magnae Matrem refecit Magnam et inauguravit*. Многие памятники сохранили намъ и вѣсъ этихъ серебряныхъ статуй; особенно многочисленны въ этомъ отношеніи надписи Испанскія, что объясняется совершенно естественно, если мы примемъ во вниманіе громадное количество благородныхъ металловъ, добывавшихся въ Испаніи (ср. Hübner Hermes 1, 347); напр. *signum Junonis ex argenti libris L.* (C. I. L. 2, 1036); *signum Panthei.... ex argenti libris C* (ib. 1473); *statuam Pietatis.... ex arg(enti) p(ondo) C* (ib. 1474); *boni Eventus.... ex arg(enti) libris CL* (ib. 1471); *Pietati Aug(ustae).... ex arg(enti) p(ondo)* (ib. 1663); *Junoni reginae ex argent(i) libris centum* (ib. 1267); *Pietati Aug(ustae).... hoc donum.... ex arg(enti) libris C d(ono) d(edit)* (ib. 3265); *Isidi puel(lari).... ex arg(enti) p(ondo) CXHS (=centum duodecim semis)=(unciarum duarum) L (semunciae) OV (scriptulorum quinque)* (ib. 3386). Попадаются подобныя обозначенія и въ другихъ мѣстностяхъ, напр. въ Нарбонѣ: *signum argenteum p. p(ondo) XII* Grut. 48, 6 (id. 113, 3, подозрит.); въ Амьенѣ: *Aesculapio ex argenti p(ondo) C*. Momms. I. N. 5751; сл. Murator. 1, 8, 1 (ex Ligorio) и Orelli 1381.

⁶⁾ Золотыхъ статуй встрѣчается гораздо меньше; напр. въ Испаніи: *signu(m) aureum* C. I. L. II, 1582; *Fortunae signum aureum p(ondo) V it(em) Mercurio p. V.* (ib. 2103). Затѣмъ въ одной Брундизійской надписи читаемъ: *Genio decurion.... (ex a) v (r)i libra*

Momms. I. N. 450; въ другой у Doni p. LXVI. *signa aurea Fortunae Praen. et Feroniae sanctissimae d(ono) d(edit)*. Интересно свидѣтельство одной Ланувинской надписи (у Or. 2503), относящейся по всей вѣроятности къ храму Юноны Соспиты, о томъ, что Гадрианъ перелилъ 3 фунта золота и 206 фунтовъ серебра изъ пришедшихъ за ветхостью въ негодность пожертвованій и на нихъ соорудилъ статую Юноны: *I. S. M. R. statuam ex donis aureis | et. arg. vetustate corruptis | fieri et consecrari iussit | ex auri. p. III. et arg. p. CCVI*. Кромѣ самаго факта, интересна пропорція между вкладами вещей изъ золота и изъ серебра.

⁷⁾ *Signum cum bas(i)* у Fabretti Inscr. VI. 17. p. 437; X, 132 p. 692; Doni 20, 68; Gori Inscr. Etrur. 2, p. 56; Murat. XVI. 4. *Statuam basim* Or. 1818; *signum cum sua basi* C. I. L. II, 2035; Renier Insc. de l'Alg. 151.

⁸⁾ Этотъ фактъ можно извлечь изъ слѣдующаго интереснаго отрывка (Grut. XCVIII. 8. *Viennae Allobrogum in porta Cloistria. E Verderii Knibbiisque schedis=Herzog. Gall. Narbon. p. 111. n. 518* и *Archäol. Zeit. 1853. p. 338*):... *d. d. flaminica Viennae | tegulas. aeneas. auratas | cum carpusculis. et | vestituris. basium. et. signa | castoris et pollucis cum equis | et signa herculis. et mercuri | d. s. d.* Изъ этого памятника видимъ, что какая-то фламника города Виенны на свои собственные деньги пожертвовала (*de suo dedit*) бронзовыя вызолоченныя досочки съ *carpusculi* и обшивкою базисовъ, статуи Кастора и Поллукса съ конями (т. е. Касторъ и Поллуксъ были изображены въ видѣ всадниковъ) и статуи Геркулеса и Меркурія. Подъ словомъ *tegula* разумѣлась обыкновенная черепица, которою крыли крышу (кромѣ примѣровъ, приводимыхъ у Forcellin. Lex. s. v. сл. C. I. L. III, 1, 633: *Coratius Sabinus at templum tegend(um) tegulas CCCC tectas*); здѣсь же это слово имѣетъ очевидно другое значеніе, такъ какъ рѣчь идетъ объ украшеніи базисовъ; по всей вѣроятности здѣсь подъ *tegulae* разумѣются бронзовыя досочки или пластинки, служившія также украшеніемъ базисовъ, по всей вѣроятности это тоже, что *tabella aenea*, встрѣчающаяся на слѣдующей надписи у Orell. 2502: *Bebrix. Aug. l. Drusianus. A. Fabius. Xanthus. cur | imagines. argenteas. deorum. septem | post. dedicationem scholae | et mutulos cum tabella aenea | de sua pecunia dederunt*. Здѣсь эти *mutuli* т. е. выдающіяся подставки (Vitruv. 4, 8) также украшены бронзовою досочкою. Возвращаясь къ Вьенской надписи, мы вслѣдъ за бронзовыми пластинками имѣемъ *carpusculi*. Такъ читается это слово въ текстѣ Грутера; Сомезъ же и Казобонъ (ad Vopisc. Aurelian. 30) даютъ чтеніе *carpisculi*. Въ первой формѣ это слово можетъ стоять въ связи съ *καρπός* и обозначать различные цвѣты и плоды, изображавшіеся на базисахъ (De Vit Lex. s. v.); во второй же, оно, будучи тождественно съ *carpisculus*—родъ обуви, подобно Греческому *καρπίς*, можетъ обозначать какую нибудь, неизвѣстную ближайшимъ образомъ часть базиса. Наконецъ слѣдуютъ *vestiturae basium*, которыя Фурланетто (въ Forcell. Lex. s. v.) объясняетъ какъ *anaglypta et sculpturae basium*. Но тогда не по-

нятно, почему такія лѣпныя украшенія зовутся именно *vestiturae*. Намъ кажется, что подъ этимъ словомъ скорѣе надобно разумѣть инкрустацію изъ болѣе дорогихъ камней, выложенную на базисѣ. Такъ очень не рѣдко употребляется *vestire* про обклейку или обшивку предметовъ, напр. Plin. N. H. IX. 11, 13: *Testudinum putamina secare in laminas lectosque et repositoria his vestire*. Другіе примѣры у Forcell. s. v.

⁹⁾ Bases. ii. arg(enteas) p(ondo) V. C. I. L. II, 2103 къ двумъ золотымъ статуямъ Фортуны и Меркурія. На одной Греческой надписи (у Maffei Mus. Veron. XXXVIII) читаемъ, что какой-то Квинтъ Валерій Юліанъ воздвигъ Аскліпію ἄγαλμα σὺν βάσει ἀργυρέῃ γύψου μεστῇ... ἄστατον. Здѣсь интересно то, что базисъ для болѣе прочной, внутри былъ наполненъ гипсомъ.

¹⁰⁾ Simulacrum exornatum зовется такая статуя въ надписи у Henz. 6052 a, и parembole зовется самое украшеніе у Or. 1919.

¹¹⁾ Synopsis [Jovis. victor. argenteus] in kapitolio habens. in capite coronam argenteam querqueam] folior. XXX. in qua glandes n. XV. fe|rens in manu dextra orbem argen|teum et victoria. palmam. ferentem|..... et coronam folior. XXXX|.... sin)istra hastam arg. tenens.

¹²⁾ Or. 1484 считаетъ ее подозрительною. Защищена у Tonini: Rimini avanti il principio dell' era volgare p. 331, 4 и Henz. Or. p. 144. Надпись читается у Тонини слѣдующимъ образомъ: Tullius [zoticus. vi] vir. aug(ustalis). aed(ilis) [liberum. patrem] cum redimiculo] auri—III (=unciarum trium). et. thyrsos] et. cantharo. arg(enteo). p(ondo). II.S [testamento]..... Подъ redimiculum была извѣстна особаго рода повязка при восточномъ головномъ уборѣ, называвшемся mitra.

¹³⁾ Or. 1308: d(is) m(anibus) s(acrum) [ossa mecillae balbillae lanuvii] sac(erdotis) quae in aede iunonis s(ospitis) m(atris) r(eginae) [scutulum et clyp(eum) et hast(am) et calc(eos)] rite novavit voto.

¹⁴⁾ N. D. 1, 29, 83: illam vestram Sospitam, quam tu numquam ne in somniis quidem vides nisi cum pelle caprina, cum hasta, cum scutulo, cum calceolis repandis.

¹⁵⁾ Riccio. Le monete delle antiche famiglie di Roma. Ed. 2. Napoli. 1843. Tav. XVII. 1, 2, 3.

¹⁶⁾ Riccio T. XL. 1.

¹⁷⁾ Riccio T. XLI.

¹⁸⁾ Visconti Mus. Pio Clementino T. II. p. 175 и Tav. 21.

¹⁹⁾ Momms. I. N. 5354: Attini. aram [lunam. argent] p.=. posit p. marius' pharetra. sacerd.

²⁰⁾ Or. 1900, 1901.

²¹⁾ Or. 1368. Исправяѣ у Visconti Monumenti Gabini della villa Pinciana p. 121.

²²⁾ Fabretti Inscr. p. 433. A. Turris. Monum. veteris Antii p. 36.

²³⁾ Veneri. verae. felici. gabinae | a. plutius. epaphroditus. accens(us) velat(us). negotiator. sericarius. templum. cum | signo. aereo. effigie. veneris. item. signis. aereis. n(umero) III. dispositis in zothecis. et | balbis. aereis. et. ara. aerea. et omni cultu. a. solo. sua. pecunia fecit etc.

²⁴⁾ Слово *zotheca* попадаетъ у Plin. Epp. 2, 17, 21: Contra parietem medium *zotheca* perquam eleganter recedit, quae specularibus et velis obductis reductisve modo adicitur cubiculo, modo aufertur. lectum et duas cathedras capit. Отсюда видно, что *zotheca* соотвѣтствуетъ современному алькову. Въ такомъ же значеніи встрѣчается у него же и уменьшительное *zothecula* (Epp. V, 6, 38). У Сидонія Аполлинариса (Epp. VIII, 16 и IX, 11) слово *zothecula* значить тоже, что шкафъ, шкафчикъ—*praeterea si vir illustris aliquid insuper ampliuscule scribi depoposcisset, in moras grandes incidissemus. Nam per armariola et zotheculas nostras non remanserunt digna prolatsu* (8, 16) и: *qui supradicto tandiu potes uti libello, ut eum non amplius zothecula tua quam memoria includat.* Затѣмъ сл. *zotheca* попадаетъ въ надписи у Grut. 49, 3. (Tibure. Legit atque exscripsit Smetius): *herculi. saxano. sacrum | ser. sulpicius. trophimus | aedem. zothecam. culinam | pecuniâ. suâ. â. solô. restituit etc.* Здѣсь *zotheca* можетъ соотвѣтствовать нашему слову ниша. Тоже самое значеніе можетъ имѣть это слово и въ слѣдующей надписи у Murat. 690, 2: *ti. claudio. aug(usti) l(iberto) felici | scapulano. d(ecurioni) III (=tertium) q(uaestori) III quinquennali | immuni triplicario benemerenti | ex consensu decuriae univrsae | honoris causa zothecam | publice dederunt | atimetus l(ibertus) sua pecunia adornavit.* Муратори полагаетъ, что здѣсь *zotheca* значить *Gabinetto*, но невѣрно, потому что дарованіе ея Тиберію Клавдію Феликсу со стороны членовъ декуріи было уже послѣ его смерти, и потомъ, какой же смыслъ будетъ имѣть дарованіе кабинета или покоя, какъ особенной почести? Намъ дѣло представляется иначе: Тиберій Клавдій Феликсъ оказалъ особенныя услуги неизвѣстной декуріи: за это она почтила его статуей, которую позволила поставить въ особо назначенной для того нишѣ—*zotheca*, и эту послѣднюю украсилъ на свой счетъ отпущенникъ Феликса Атиметъ. Понимая разбираемое слово въ смыслѣ углубленія или ниши, въ которую ставились статуи, намъ дѣлается понятною и этимологія слова отъ ζῶον, употребляющагося нерѣдко въ смыслѣ ἀνδραῖς (напр. Plat. Rep. VII. 515 a) и τέκνον. См. Visconti Mon. Gab. p. 127.

²⁵⁾ Понятія о подобныхъ нишахъ можно составить по находкѣ, описанной Уденомъ (Uhden) въ Wolff u. Buttman Museum für d. Alterthumswissenschaft 1 p. 534 sqq.

²⁶⁾ C. I. L. II, 1724: P. Rutilius syntrophus | marmorarius. donum | quod promisit. in templo | minerve. marmori | bus. et. impensa. sua. the | ostasim extruxit.

²⁷⁾ C. I. L. V. 1. 3312: c. amurii taci(t)inus | et hermes. lib(erti). vi. vir. (=seviri) aug(ustales) | sign(a). abacum. cum. signis. II | hercule. et. amphale. colleg(io) | dendrofor(orum) d(ono) d(ederunt).

ПРИЛОЖ.

²⁸⁾ Clarac. Musée de sculpture 2, pl. 125. Daremberg et Saglio Dictionnaire des antiquités. Livr. 1. p. 3. c. 2.

²⁹⁾ Müller u. Wieseler Denkmäler 2, №№ 970—972, p. 72, 73, срв. № 809.

³⁰⁾ C. I. L. III, 1, 510: aequanae |s. f(iliae). musae| sacerd(oti). dianaе |aug(ustae) laphriae. et| sac(erdoti) aug(ustae). imagine |et. statuis. II. hon(oratae)| d(ono) d(at) sex. a(equa)nus |pat(er). Точно также на одной Греческой надписи (Herzog Gall. Narbon. p. 55. n. 267=Keil schedae epigraph. p. 41) ἀναθέσεως ἀνδριάντων καὶ εἰκόνων.

³¹⁾ Въ значеніи барельефа, представляющаго грудное изображеніе, это слово встрѣчается на слѣдующей Регенбургской надписи (C. I. L. III, 2, 5935): d(is) m(anibus) et. perpetuae. securitati. Jul |ursae. con(i)ugi pient(issimae) vix(it). an(nis) XLI. pro. meritis| feminae reverentissimae. et. filis. filiab(us) |obitis. et. iuliae. nonnae. matri. pient(issimae). vix(it). an(nis) LXXX| item. vivis. aur(eliae) filiae. aur(elio) militari. fil(io)| et. amicis. quorum. imagines. laterib(us) |scal(p)tae. sunt. et. post. hobitum eo(r)um). ossa. rec(ipi). in eo. sepulchr(o). permisit| m. aur(elius) militio. m(issus) h(onesta) m(issione) ex eq(uite) leg(ionis) III. ital(icae) viv(us) f(aciendum) c(uravit).

³²⁾ imagines. argenteas. deorum. septem Or. 2502. imagines. argenteas. duas C. I. L. III, 2, 6065 (cf. Spon Miscell. p. 114). Въ одной Слупийской надписи мы имѣемъ и вѣсь такого imago: l. pinarius. rufus. ob. honorem| aedilitatis. imaginem gen.....| municipi Lilybitanorum. ex. arg. r(=p? pondo) V. p(ecunia) s(ua) p(osuit).

³³⁾ qui imagines sacras aureas fecerunt читаемъ на одной надписи въ Ламбезисѣ у Renier. n. 127.

³⁴⁾ Or. 2502.

³⁵⁾ Or. 1596=2518. Надпись весьма интересная читается такъ: Numini domus augustae| et san(cti silvani) salutaribus sacrum| imp. caes. nervae traiani optimi (prince. germ. da)cici imagines. argent. parastaticas cum suis ornamentis et regulis (et basibus) et concameratione ferrea| c. iulius nymphius dec. annalis sua (pecunia ponendas curavit) donumque dedit| in templo sancti silvani salutaris quod est in (hortis aventinis et) praedio suo dedicavitq| idibus ianuariis. l. vipsano messala (m. pedone) cos. Надпись относится къ 115 году. Для насъ интересно во 1-хъ названіе imagines—parastaticae. Это слово происходитъ очевидно отъ parastata, ae, каковымъ названіемъ древніе обозначали ниластръ, прислоненный къ стѣнѣ, отличая его отъ отдѣленныхъ отъ послѣдней колоннъ (Vitruv. V. 1). Слѣдовательно imagines parastaticae будутъ такіе бюсты, которые прислонены къ стѣнѣ или даже, можетъ быть, рѣзаны въ нее. Первое предположеніе вѣроятнѣе потому, что эти imagines были прикрѣплены къ стѣнѣ (металлическими) полосами (=cum regulis) для того, чтобы предохранить ихъ отъ паденія. Въ значеніи подобной подпорки встрѣчается слово regula у Витрувія V. 10. По всей вѣроятности такая же подпорка разумѣется и подъ словомъ ergasterium въ надписи у Momms. I. N. 5704. Затѣмъ эти

imagines были снабжены базисами, или въ собственномъ смыслѣ или въ значеніи подставокъ—*mutuli* (см. *Jabolenus Dig.* 32, 100. § 32) и *concameratione ferrea*. Что надобно разумѣть подъ этимъ, сказать довольно трудно. Нѣкоторые (*Reinesius Syntagma* p. 144) полагаютъ, что это былъ родъ ниши съ полукруглымъ сводомъ, но тогда трудно объяснить эпитетъ *ferrea*; другіе (*de Vit Lex. s. v.*) думаютъ, что это былъ *mutulus arcuatus*, но тогда дѣлается непонятнымъ, что значить *bases*.

³⁶⁾ Momms. I. N. 5250. *huic decuriones funus publicum statuam equestrem. clipeum argenteum. locum. sepulturae decreverunt.* cf. C. I. L. II, 1263. 1286.

³⁷⁾ Or. 2500: *clupea cum imaginibus.*

³⁸⁾ Plin. N. H. XXXV. 13: *post eum (Appium Claudium) M. Aemilius collega in consulatu Quinti Lutati non in basilica modo Aemilia, verum et domi suae posuit, id quoque Martio exemplo. scutis enim, qualibus apud Troiam pugnatum est, continebantur imagines, unde et nomen habuere clipeorum..... origo plena virtutis faciem reddi in scuto cuiusque qui fuerit usus illo. Poeni ex auro factitavere et clipea et imagines secumque in castris vexere. certe captis talem Hasdrubalis invenit Marcius Scipionum in Hispania ultor, isque clipeus supra foris Capitolinae aedis usque ad incendium primum fuit. maiorum quidem nostrorum tanta securitas in ea re adnotatur, ut L. Manlio Q. Fulvio coss. anno Urbis DLXXV M. Aufidius tutelae Capitolio redemptor docuerit patres argenteos eos clipeos qui pro aereis per aliquot iam lustra adsignabantur.* Sueton. Calig. 16: *Quas ob res inter reliquos honores decretus est ei clipeus aureus, quem quotannis certo die collegia sacerdotum in Capitolium ferrent.* Trebel. Pollio Divus Claud. 3: *illi clipeus aureus vel, ut grammatici locuntur, clipeum aureum senatus totius iudicio in Romana curia conlocatum est, ut etiam nunc videtur expressa thorace vultus eius.* Слово *thorax* въ значеніи бюста мы имѣемъ также на одной надписи у Willmanns *Exempla* n. 748, гдѣ читаемъ: *aedem marmoribus et museis et statua Pudicitiae aug. et thorace caelestis augustae ornaverunt etc.*

³⁹⁾ Macrob. Sat. 2, 3, 4: *Nec Q. Ciceroni fratri circa similem mordacitatem pepercit. nam cum in ea provincia quam ille revexerat vidisset clipeatam imaginem eius ingentibus lineamentis usque ad pectus ex more pictam—erat enim Quintus ipse staturae parvae—ait: frater meus dimidius maior est quam totus.* Подробную литературу вопроса можно найти у Becker-Marquardt *Handb. d. röm. Alterth.* V. 1. n. 1548.

⁴⁰⁾ См. также Visconti *Iconographie rom.* 1. Tab. XII. C. 5.

⁴¹⁾ Marini *Arv.* p. 662. Cl. Or. 3701: *quod permiserunt in clypeo quod ei posuerun(t ante) templum noum pingere effigiem ma.... severinae. virginis. albanae. max(mae soro)ris suae post excessum vitae eiu(s).*

⁴²⁾ *clypeum argenteum* у Momms. I. N. 5250.

⁴³⁾ *clupeum argent(eum) cum imagine aurea* Or. 2154.

⁴⁴⁾ См. приведенныя въ примѣчаніи 38 мѣста изъ Светонія и Требеллія Полліона.

⁴⁵⁾ (clu)pea. inaurata. in. fastigio V| et signa duo dedere. C. I. L. V. 1. 1829. cf. Liv. XXXV. 10. Multos pecuarios damnarunt: ex ea pecunia clipea inaurata in fastigio Jovis aedis posuerunt. Кромѣ clipei, имѣвшихъ значеніе вкладовъ или ex voto, встрѣчаются clipei, какъ особаго рода почетный даръ, дававшійся лицамъ, которыя отличались своею полезною дѣятельностью. Мы уже видѣли, что само государство почтило такими clipei Калигулу и Клавдія Готѣскаго; надписи намъ сообщаютъ, что такія же почести оказывались различными муниципальными городами лицамъ, дѣятельность которыхъ была особенно для нихъ полезна. Такъ напр. между другими почестями, которыми декуріоны Самнитскаго города Histonium (il vasto d'Aimone) осыпали своего покойнаго чиновника Марка Бебія Светрія Марцелла, мы находимъ clipeum argenteum (Momms. I. N. 5250). Точно также clipeus былъ присужденъ декуріонами Испанскаго муниципіума Salpensa Луцію Марцію Сатурнину (C. I. L. II, 1286; cf. 1263). Подобные clipei ставились не на могилахъ усопшихъ, а—какъ можно заключать изъ одного отрывка у Муратори 329, 3—въ куріи (clipeco posito in curia).

⁴⁶⁾ Marini Atti p. 663: si. qui. clipeum. ponere. volet. dabit. arce. hs. II. n.

⁴⁷⁾ Or. 1520 (изъ Fabretti Inscr. X. n. 173. p. 696, взявшаго надпись изъ schedae Barberinae): aram aeneam и Visconti Monum. Gabin. p. 121: aram aeream.

⁴⁸⁾ Marini Atti p. 313.

⁴⁹⁾ Momms. I. N. 5496: Alfia. p. f. quart(a. balneum)| muliebre. a. solo. (fecit)| eadem. lapide. va(rio. ex)| ornavit. labrum. ae(neum. cum)| foculo. sedes. posu(it. p. s.). Здѣсь слѣдовательно focus называется та жаровня или очагъ, которою нагревались выстроенныя Альфіей Квартой женскія бани.

⁵⁰⁾ Marini Atti p. 313. Secunda. l....| aedicul. gradus....| tect. focum. pro. patr....| gen. maior. bonae. d. d. d....| florum. conlib. conli..... По всей вѣроятности такой же focus разумѣется и подъ ara turaria въ C. I. L. III, 2, 5773 (срв. ara odoribus repleta у Fabretti Inscr. 2, 93, 79 и Συμιατήριον у Boeckh C. I. Gr. 3, 5997).

⁵¹⁾ Procop. de bell. Vandal. 1. 21. сл. Becker-Marquardt Hand. d. röm. Alterth. V. 1. p. 328.

⁵²⁾ На это можетъ навести слѣд. надпись: decimia. c. f. candid(a)| sacer(dos) m(atris) d(eum). delficam| cum laribus| et ceriolaris n(umero) XXX| VI (Or. 2505), гдѣ delfica cum laribus et ceriolaris можетъ обозначать треножникъ съ поставленными на немъ изображеніями ларовъ и подсвѣчника. Такой треножникъ зовется lagophorum на одной надписи въ Салонѣ, которую мы приведемъ ниже (C. I. L. III, 1, 1952).

⁵³⁾ Grut. 25. 2. не свободна отъ подозрѣнія. (Or. n. 1301).

⁵⁴⁾ Grut. 1115. 8.... universi. tribules. qui. advivente. eo. dono; delficae. aereae. cum. omni. cultu exornatae.

⁵⁵⁾ Apul. Metam. 2. 20: de penetrali fontem petitum spondeo libat.

⁵⁶⁾ Murat. 124. 3: Ἐπὶ πρυτάνεως κλαυδίου | τιτιανοῦ Δημοστράτου υἱοῦ | ἀρχιερέως ἱερα-
τεύοντος | Σοσσιανοῦ Μ. Πομπόνιος | Λατῆνος ἀνέθηκεν Ἴσιδι | καὶ Σεράπιδι φιάλην καὶ | σπονδεῖον
λ.... | ναυβατοῦντων τοῦ Λυκίδ | Χαριδήμου τοῦ Χαριδ.... Ephesi Ex Thoma Smitho.

⁵⁷⁾ Cl. C. I. L. II, 2103: fortunae. signum. aureum... pateram p(ondo). lib(ens) ex voto etc.

⁵⁸⁾ И въ латинской эпиграфикѣ встрѣчается слово phiala; такъ на одной испанской надписи мы читаемъ, что Эмилиа, дочь Рустика, пожертвовала Венерѣ Августѣ: phialam argent(eam). C. I. L. II, 2326. Въ другой надписи опредѣленъ даже вѣсъ такой фіалы— 2 фунта и квадрантъ: Noreiae | aug(ustae) sacr(um) | q. fabius | modestus | domo roma | dec(urio) al(ae) | aug(ustae) | thracum | phialam | argent(eam) p(ondo). II: | embl(emata) nóreiae | aurea | uncias. duas | d(ono) d(edit). C. I. L. III, 2, 4806. Изъ третьей видимъ, что такіа серебряныя фіалы бывали украшаемы позолотою по краямъ: Isidi..... | serapis. vestae. diana. somni. hs. n. VI | et phialas. II. chrysen (detas?).... etc. у Grut. 84. 1. Chrysendeta, по объясненію Исидора (Origin. XX)—vasa deaurata. Эпиграфическіе памятники сохранили намъ цѣлую массу свидѣтельствъ о приношеніяхъ божествамъ въ даръ различныхъ сосудовъ; въ числѣ ихъ упоминается: cantharus (Or. 2504; Fabretti Inscr. p. 367; Or. 1484..... cantharo. arg(enteo) p. 115; C. I. L. III, 1, 1769; Renier I. A. 1891..... cantharum auro inluminatum), scyphus (Or. 1279; cf. 1310 (spur); Renier I. A. 1891: scyphi dependentes (ὀσκούφια?) auro inluminati), trulla (Momms. I. N. 5), pelvis (Momms. I. N. 5), cratera (Donati p. 37, 8; Or. 1541; Mur. 529, 5. Henz. Or. 5801 и др.) и пр.

⁵⁹⁾ Wesseling ad Diod. Sic. 1, 47.

⁶⁰⁾ Hübner Hermes 1, p. 348.

⁶¹⁾ Мѣста изъ древнихъ приведены Гюбнеромъ loc. laud.

⁶²⁾ Apul. Mtmrph. XIV. p. 207. Eyss. Cl. Or. 1871: te tibi una quae | es. omnia | dea. isis | arrius bal | binus v(oti) c(ompos).

⁶³⁾ C. I. L. 2, 3386.

⁶⁴⁾ Macrob. Sat. 1. 19. 5.

⁶⁵⁾ item ornamenta in basilio unio et margarita | n. vi. zmaragdi. duó. cylindri. n. VII. gemma car | bunclis. gemma. hyacinthus. gemmae cerauniae | duae etc. Мѣсто въ подробности объяснено Гюбнеромъ (Hermes 1. p. 349); подъ cylindri онъ разумѣетъ небольшіе драгоценныя камни, въ противоположность gemmae, вставлявшимся какъ солитеры.

⁶⁶⁾ Въ другихъ надписяхъ мы также встрѣчаемъ вѣнцы, жертвуемые различнымъ божествамъ. Такъ въ надписи у Or. 1484, приведенной выше, мы встрѣчаемъ redimiculum—головную повязку Вакха, сдѣланную изъ 3 унцій золота; въ другой надписи у Doni p. 69. n. 18 мы имѣемъ вѣнецъ изъ фунта золота, принесенный въ даръ Fortunae

Primigeniae въ Пренесте. Довольно подробное описаніе одного вѣнца мы имѣемъ въ приведенномъ выше синопсисѣ (Renier 1890), въ которомъ сказано, что у Юпитера на головѣ серебряная корона изъ 30 дубовыхъ листьевъ и 15 желудей. Срв. Renier 1891 и С. I. L. 11, 1663.

67) Apul. Mtmrph. XI, 4. p. 207 Eyss.

68) Два экземпляра изображены у Fabretti Inscr. p. 490 и 492. Сестры изображаются нерѣдко на барельефахъ, напр. у Grut. 82, 3 и др.

69) С. I. L. III, 1, 1952: curia pris|ca matri. magnae| fanum. rifecit| signa. posuit. laro| phorum. cymbala| tynpana. catillum| forfices.....

70) Достаточно припомнить знаменитые стихи Лукреція (2, 620): tympana tentonant palmis et cymbala circum concava и пр.

71) Можетъ быть изображеніе этого catillus мы имѣемъ на извѣстномъ Капитолійскомъ барельефѣ, изображающемъ главнаго жреца Кивелы—Archigallus въ полномъ жреческомъ орнатѣ и со всѣми принадлежностями, относившимися къ культу. Müller u. Wieseler Denkmäler T. II. n. 817.

72) Or. 1572 (=Herzog Gall. Narbon. p. 82. n. 395): deo aesculapio| val. symphorus et protis| signum somni aereum| torquem aureum ex dracunculis Δ. P. s. 7.==— (=duobus pondo semis. unciaarum quinque)| enchiridium argent. p.==—s (=unciaarum quinque semis). anaboliū. ob| insignem circa se numinis| eius effectum| v(otum) s(olverunt) l(ibentes) m(erito). Кромѣ другихъ вкладовъ здѣсь жертвуется Эскулапію: torques aureus ex dracunculis duobus—золотая цѣпь изъ двухъ змѣекъ. Цѣпи, какъ украшенія шеи, жертвовались нерѣдко; нѣсколько памятниковъ, свидѣтельствующихъ объ этомъ, будетъ приведено ниже; здѣсь же интересна форма цѣпи, сдѣланной изъ двухъ змѣекъ. Эта форма можетъ быть узнана изъ фигуры Перса на знаменитой Помпеянскій мозаикѣ (изображающей по однимъ битву при Иссеѣ, по другимъ—при Кластидіумѣ); у этого Перса на шеѣ цѣпь, имѣющая витую форму змѣи и застегивающаяся двумя змѣиными головами (можетъ быть такая же цѣль разумѣется подъ словомъ hydraeum въ надписи у Henz. 6138, гдѣ, между прочимъ, читаемъ, что Д. Валерій, сынъ Децима, изъ трибы Корнеліевой, Прокулъ пожертвовалъ Изидѣ и Серапидѣ: hydraeum gemmis exornatum et auratum). По всей вѣроятности не безъ цѣли выбралъ такую форму цѣпи нашъ Симфоръ для того, чтобы принести ее въ даръ Эскулапу: драконъ, какъ извѣстно, считался животнымъ, посвященнымъ этому богу (Fest. p. 67. M. Ideoque (dracones) Aesculapio attribuuntur. quod vigilantissimi generis putantur, quae res medicinae maxime necessaria est. Какъ на анаѳеуму Эскулапу смотримъ мы и на отрывокъ у Momms. I. N. 6314: ex) viso draco| (ne)m. s. novius| (her)meros. de s| (ua. pec)unia| (ded)it). Далѣе въ нашей надписи мы имѣемъ enchiridium argenteum—серебряный хирургическій инструментъ, соответствующій современному ланцету (Vulpes. Illustrazione di tutti gli instrumenti chirurgici

scavati in Ercolano e in Pompei e che ora conservansi nel R. Museo Borbonico di Napoli. Napoli 1847. p. 61 sqq), и затѣмъ anabolium—по всей вѣроятности тоже инструментъ, ближайшимъ образомъ намъ неизвѣстный (Doni Inscr. p. 28; иначе объясняетъ Furlanetto ad Forcellin. s. v.).

73) Сл. еще Momms. I. N. 5, гдѣ мы имѣемъ приношеніе въ храмъ Аполлона, состоящее изъ пергаменной памятной книжки, переплетенной въ слоновую кость, изъ шкатулки, сдѣланной также изъ слоновой кости и наконецъ изъ 19 картинъ (item in templo apollinis maioris pugillares membranaceos operculis eboreis ruxidem eboream tabulas pictas XVIII).

74) Подобную же чеканку (Becker и Marquardt Hand. d. röm. Alt. V. 2. p. 275) мы имѣемъ въ emblemata Noreiae aurea C. I. L. III, 2, 4086. У Муратори (67,3) находится образчикъ подобнаго кратера съ такою чеканкою (на немъ изображены листья и цвѣты) принадлежавшаго извѣстному Чампини. Сл. Visconti Atti della ponteficia Accad. di archeolog. v. 1. p. 307. Въ одномъ интересномъ мѣстѣ Требеллія Полліона (d. Claud. 17, 5), мы имѣемъ названіе патины, украшенной плющемъ—patina hederacia (см. тамъ же discum corymbiatum argenteum и lancem argenteam rampinatum).

75) C. I. L. II, 3386: in collo quadribacium margaritis n. XXXVI | zmaragdis. n. XVIII. inclusuris duo. Подробное объясненіе этого мѣста у Hübner Hermes 1, 350 sqq. Замѣчательно, что и у современныхъ Итальянокъ любимыми украшеніями бывають жемчужныя съ изумрудами на аграфахъ. Слово quadribacium можетъ обозначать или цѣпочку, состоящую изъ 4 колѣнъ, или же цѣпочку, съ которой висятъ 4 украшенія въ видѣ ягодъ.

76) Одну torques aureus ex dracunculis A мы уже имѣли въ надписи у Or. 1572; здѣсь можно еще привести Momms. I. N. 2475, гдѣ также упоминается torques, C. I. L. II, 1582, гдѣ приводится catena, и особенно интересную надпись у Henz. 6141, въ которой къ сожалѣнію недостаетъ начала:..... et | sign(is) arg(enteis) VII | et imagine | ex. auri. p(ondo). II | et fila II | ex cylindris | n. XXXIII | auro. clus(a) | t(estamento) p(oni) i(ussit). Здѣсь мы имѣемъ 2 нитки изъ мелкихъ драгоценныхъ камней (filum тоже, что linea въ C. I. L. II, 2060 и у Fronto II, ep. 12) съ золотыми аграфами.

77) Tertull. Cult. fem. 2, 13: nescio an manus spatilio circumdari solita, in duritia catenae stupescere sustineat. cf. Plin. XIII. § 142.

78) Hermes 1, 353.

79) C. I. L. II, 3386: in spatiliis zmaragdi n. VIII. margarita. n. VIII. cf. n. 2060:.... I. fab. super|stes. filius. dedicavit | inpositis. spatilis. arg(enteis) | gemmatis.

80) C. I. L. II. 3386: inauribus zmaragdi duó margarita duo см. Hübner Hermes 1. p. 349.

81) Bullett. p. 57. cf. Hermes. VI. p. 9.

82) N. H. IX. 94: *concham acatii modo carinatum, inflexa puppe, prona rostrata; in hac condi nauplium animal saepiae simile.*

83) § 17 ed. Mull. Ἐκφέρεται δὲ ἀπὸ τῶν τόπων ἐλέφας πλείστος.... καὶ ῥινόκερος καὶ χελώνη.... καὶ ναύπλιος ὀλίγος.

84) Это же выражение встрѣчается и на слѣдующей Остийской надписи (Willmanns Exempl. n. 45): *Isidi. Bubas(ti) vener(em) arg(enteam) IS (=pondo semissem) cor(onam) aur(eam). p.=—n (=pondo quaquartem sicilicum sextulam) cor(onam) anal(empsiacam) p==—IV (=pondo quincuncem sicilicum scriptula III Caltil(ia) Diodora Bubastiaca III testamento) dedit.*

85) Hermes VI, 10.

86) Таково напр. изображение Серапида въ Ватиканѣ (Visconti Pio Clem. VI. tav. 15), подробности у Стефани: Нимбъ и лучезарный вѣнецъ въ произведеніяхъ древняго искусства стр. 55 sqq. Сл. надпись у Boeckh. C. I. Gr. III, 6002: *Νηὸν μὲν σιγα| λόεντα σαρὰ| πιδος ὑψιμέ| δοντος| ἡδ' αὐτὸν χρυ|σοῦ. παμφανό|ωντα βολαῖς etc.* Эти βολαῖς есть не что иное какъ лучи на вѣнцѣ Серапида.

87) Homer. hymn. in Vener. 175: *κάλλος δὲ παρειάων ἀνέλαμπεν ἄμβροτον, οἷόν τ' ἐστὶν εὖστεφάνου κοῤερέλης.* cf. Virg. A. 2. 615: *iam summas arcis Tritonia, respice, Pallas Insedit, nimbo effulgens et Gorgone sacra.* Позволяемъ себѣ здѣсь, въ выносѣ, дать мѣсто и слѣдующему соображенію, которое, думается намъ, можетъ отчасти дать указаніе на то, что corona analempsiaca есть лучезарный вѣнецъ: не говоря уже про сочетание топазовъ съ рубинами (которыми была украшена разсматриваемая корона), своею игрою долженствовавшихъ прекрасно передавать блескъ солнечныхъ лучей, самое число первыхъ довольно замѣчательно: именно 21. Въ большинствѣ случаевъ число лучей на такомъ вѣнцѣ бываетъ семь (7 дырочекъ для лучей въ головѣ Ватиканскаго Серапида, 7 лучей было на головѣ Солнца, приставленной къ колоссу Нерона—Curiosum Urbis Romae reg. IV. у Becker Hand. d. Röm. Alt. 1. p. 713—, 7 лучей было на извѣстномъ Капитолійскомъ бюстѣ Александра, вѣнцомъ изъ 7 лучей вѣнчаетъ Иліосъ Фаеѳонта у Нонна—Dionys. XXXVI, 303 и т. д.). Какъ прекрасно распредѣляется 21 топазъ по 3 на каждый лучъ; 84 рубина могли быть расположены или по 12 на лучѣ или окружать нижній ободокъ діадемы. Идею о подобномъ расположеніи можно составить по изображенію фортуны на Помпейской фрескѣ Museo Borbonico XI tav. 38. (=Стефани, Нимбъ Табл. 2. n. 5).

88) Plin. N. H. XXII, 6: *coronae gemmatae.* Cp. Renier I. A. 1891: *corona summa circumitu hederarum. n. XXXX. auro. inluminatae. hederarum. distinguentes. insectiles. n. x.....*

89) Въ одной, въ сожалѣнію трудно читаемой, надписи мы между прочимъ имѣемъ: *ex volunt(ate) et nutu Mitrae. fec(erunt) et. sancte. i(n)stauraver(unt) et cancellis. circumdatis. ex. viso| n(utu) m(onitu) que. eius. d(ono) d(ederunt).* Momms. I. N. 3574. Въ

другой у Mur. 12, 4 мы имѣемъ *agam cum cancellis*. *Aediculam agam septum clusum* читаемъ у Or. 1515. Сюда же надобно отнести и взаимно пополюющіеся отрывки у Grut. 1159. 5 и 6. Такія рѣшетки звались также *clathra(i)*, *orum*, напр. *horologium cum suo aedificio et| signis omnibus et clatris| etc.* Or. 3299 (cf. C. I. L. III, 1, 2072), почему въ *lex parieti faciundo* (C. I. L. 1, 577, col. 2) двери съ рѣсетками зовутся *fores clatratae*.

⁹⁰⁾ Гермы украшаютъ также фронтонъ храма на одной Падуанской надписи (C. I. L. V. 1. n. 2864), гдѣ, между прочимъ, читаемъ: *frontem. templi| vervis. et. hermis| marmoreis. re|cunia. sua. orna|vit etc.* *Vervae*, какъ можно догадываться изъ одной надписи (C. I. L. V. 1019), были бараньи головы, сквозь которыя стекала вода съ крыши.

⁹¹⁾ Ссылки у Marquardt Becker's Hand. d. röm. Alt. IV. 89 прим. 547 на Plut. de Isid. et Osir. c. 3. Tibull. 1, 3, 29; Ovid. A. A. 1, 77.

⁹²⁾ Объ *ornamenta sacerdotalia* см. Marini Atti Arvali 1, 315. Or. ad n. 2172 (cf. nn. 2322, 5970 и др.).

⁹³⁾ C. I. L. II, 3387: *livia chlcedonica| isidi deae d(icata)| h(ie) s(ita) e(st)| ornata ut potuit| in collo h(abens) monile| gemmeum. in digitis| sinaragd. xx. dextra|....* Моммсенъ подозрѣвалъ эту надпись, но, какъ кажется, напрасно. Слово *ornata*, кромѣ общаго значенія „украшенная“, можетъ, думается намъ, имѣть и значеніе „облаченная“, тѣмъ болѣе, что ожерелье и кольца всегда находятся на изображеніяхъ Изиды (Visconti Mus. Chiaram. Tav. 1. cf. C. I. L. II, 3386) и потому легко могли составлять принадлежность орната ея жрицъ и послѣдовательницъ.

⁹⁴⁾ Apul. Mtmrph. XI. 3. et quae longe longeque etiam meum confutabat optutum palla nigerrima splendescens atro nitore, quae circumcirca remeans et sub dexterum latus ad umerum laevum recurrens umbonis vicem deieeta parte laciniae multiplici contabulatione dependula ad ultimas oras nodulis fimbriarum decoriter confluebant.

⁹⁵⁾ b. c. IV. 47.

⁹⁶⁾ Visconti tav. III.

⁹⁷⁾ Такими галунами (Isid. Orig. XIX. 22. 18. Becker-Marq. Hand. d. röm. Alt. V. 2. p. 158) украшались обыкновенно жреческія облаченія. Arat. 2, 343: *qui (pontifex) segmentatus mediis altaribus adstat.*

⁹⁸⁾ C. I. L. III, 1, 4234.

⁹⁹⁾ II, 59, 137 и 156.

¹⁰⁰⁾ напр. Ovid. Mtmrph. IX. 690: *cum qua (Iside) latrator Anubis, sanctaque Bubastis, variusque coloribus Apis.*

¹⁰¹⁾ Vercellone. Dissertazioni accademiche p. 346 laud. de Vit Onomast. s. v.

¹⁰²⁾ Довольно странна здѣсь форма *Bubasto*; обыкновенно встрѣчающееся названіе прилож.

этой богини есть Bubastis, idis или is, тогда какъ Bubasto заставляетъ предполагать именительный въ формѣ Bubastus, или же видѣть въ Bubasto ошибку рѣщика. Можно припомнить, что и названіе города Bubastis встрѣчается у нѣкоторыхъ писателей въ формѣ Bubastus (De Vit Onom. s. v.); сл. также надпись, находящуюся въ Пармѣ (Lama Mus. Parm. p. 93. laud. de Vit), въ которой читаемъ: *sulpicio sardonicho filio pientissimo bubastus mater.*

¹⁰³⁾ *callainus* происходитъ отъ *callais* (καλλαις), драгоценнаго камня, который, по свидѣтельству Плінія (XXXVII, 151) *sapphirum imitatur candidior et litoroso mari similis.* Марціалъ (XIV, 139), говоря про одежду, имѣвшую цвѣтъ этого камня, противопоставляетъ ее бѣлой: *iungere nescisti nobis, o stulte, lacernas: indueras albas, exue callainas.* Названіе цвѣта матеріи по цвѣту камня напоминаетъ *amethystina laena* у Ювенала.

¹⁰⁴⁾ Слово *labrum*, нѣсколько разъ встрѣчающееся какъ на надписяхъ, такъ и у писателей, относится почти постоянно къ т. с. мірскимъ предметамъ, обозначая бассейны въ баняхъ (Henz. 5926; Momms. I. N. 5496; то же, что *lacus* на Испанскихъ надписяхъ C. I. L. II, 1071, 1478, 1968, 3240, 3280 и т. д.). Образчикъ такого *labrum* мы имѣемъ въ громадномъ бронзовомъ бассейнѣ, найденномъ въ Помпеяхъ, на борту котораго находится надпись, прямо называющая его *labrum* (Momms. I. N. 2217. Overbeck Pompeii 1², 200).

¹⁰⁵⁾ Изображенъ у Rich Dictionn. d. antiq. p. 343. Позволяемъ себѣ думать, что подобное же *labellum* разумѣется подъ словомъ *orbiculus*, на надписи у Mur. 344, 3 (точнѣе у Kellermann Vigiles p. 28. 10. сл. de Rossi Annali dell' Instit. XXX, p. 281 sqq.), гдѣ въ числѣ другихъ *donaria* мы имѣемъ: *tetrastylum nymphaeum | crateram cum columella et altarium cum columella | marmorea et aliam columellam. item orbiculum cum colu | mella et cetera ornavit etc.*

¹⁰⁶⁾ Выше мы приводили надпись (Henz. 6138), въ которой Изидѣ приносится въ даръ *hydraeum gemmis exornatum et ornatum*, при чемъ это *hydraeum* объясняли какъ записъ, изображающее змѣю; не скроемъ, что подъ *hydraeum* можно разумѣть и другое, именно ὑδρεῖον т. е. *hydria*, и тогда записъ превратится въ золоченную и осыпанную драгоценными камнями гидрію.

¹⁰⁷⁾ *Clavus* по своей формѣ представляетъ болѣе или менѣе широкую полосу, рѣдко нашитую, чаще затканную въ матерію (Plin. VIII. 48. 73). Эта полоса, на сколько можно догадываться, составляла отличительную принадлежность жреческаго орната—такъ на известной Анданской надписи (стрк. 15. Sauppe Die Mysterieinschrift aus Andania Götting. Abhandl. 1860) читаемъ: οἱ τελούμενοι τὰ μυστήρια ἀνυπόδατοι ἑστώσαν καὶ ἔχοντες τὸν εἰματισμὸν λευκόν, αἱ δὲ γυναῖκες μὴ διαφανῇ, μηδὲ τὰ σαμεῖα ἐν τοῖς εἰματίοις πλα-

τύπερα ἡμιδακτυλίου. Въ Глоссахъ Филоксена стоить: *σημεῖα slavī* (подробности въ комментаріѣ Зауппе). Оттого и Арвальскіе братья во время религіозныхъ церемоній являются *praetextati*. Много мѣстъ древнихъ объ этихъ *slavī* собрано въ извѣстномъ трактатѣ *Ferrarii de re vestiaria l. VII. Patavii 1670. 4°*.

¹⁰⁸⁾ Жреческія одежды были обыкновенно бѣлаго цвѣта. Sauppe *Mysterieninschr.* p. 13.

Замѣтка о селѣ Выбутахъ (Лыбутахъ), родинѣ святой Великой Княгини Ольги Россійской.

Сообщено барономъ **Николаемъ Вогушевскимъ.**

Много преданій, но мало памятниковъ оставила по себѣ святая великая княгиня Ольга на родинѣ своей, селѣ *Выбутахъ* или *Лыбутахъ* (Псковской губерніи и уѣзда). Да и немногіе существующіе памятники обязаны своимъ археологическимъ интересомъ не всегда достовѣрному источнику—народному преданію, ибо только преданіе и сказанія мѣстныхъ старожиловъ указываютъ на тотъ или другой предметъ какъ на *Ольгинъ* камень, *Ольгины* ворота, *Ольгину* церковь и т. д. Ни исторія, ни Псковскія лѣтописи не упоминаютъ и не указываютъ на эти *памятники*. Слѣдовательно различныя наименованія, придаваемые этимъ памятникамъ, основаны *исключительно* на *легендахъ*, передаваемыхъ изъ поколѣнія въ поколѣніе и еще сохранившихся въ памяти „стариковъ“.

Проведя нынѣшнюю весну въ имѣніи Покровскомъ, находящемся въ Выбутскомъ приходѣ, всего въ 3½ или 4-хъ верстахъ вверхъ по теченію рѣки Великой отъ Выбуть,—я рѣшился посвятить все свободное время на изслѣдованіе и обозрѣніе этой интересной мѣстности и постараться собрать всевозможныя свѣдѣнія и преданія, сохранившіяся въ народѣ о святой великой княгинѣ *Ольгѣ*. Результаты (къ несчастію весьма скудныя) моихъ изслѣдованій и наблюденій—изложены въ слѣдующихъ *шести* очеркахъ.

I. Мѣсторожденіе святой Ольги.

Народное преданіе указываетъ на двѣ мѣстности въ Выбутскомъ приходѣ, какъ на мѣста, гдѣ родилась святая Ольга: на деревню Гору или Горку, расположенную на правомъ берегу рѣки Великой, противъ Выбутской приходской церкви, и на деревню Выдру-Волжино—Ольжино тожъ—деревню, находящуюся въ двухъ верстахъ (вверхъ по теченію рѣки) выше Выбуть.

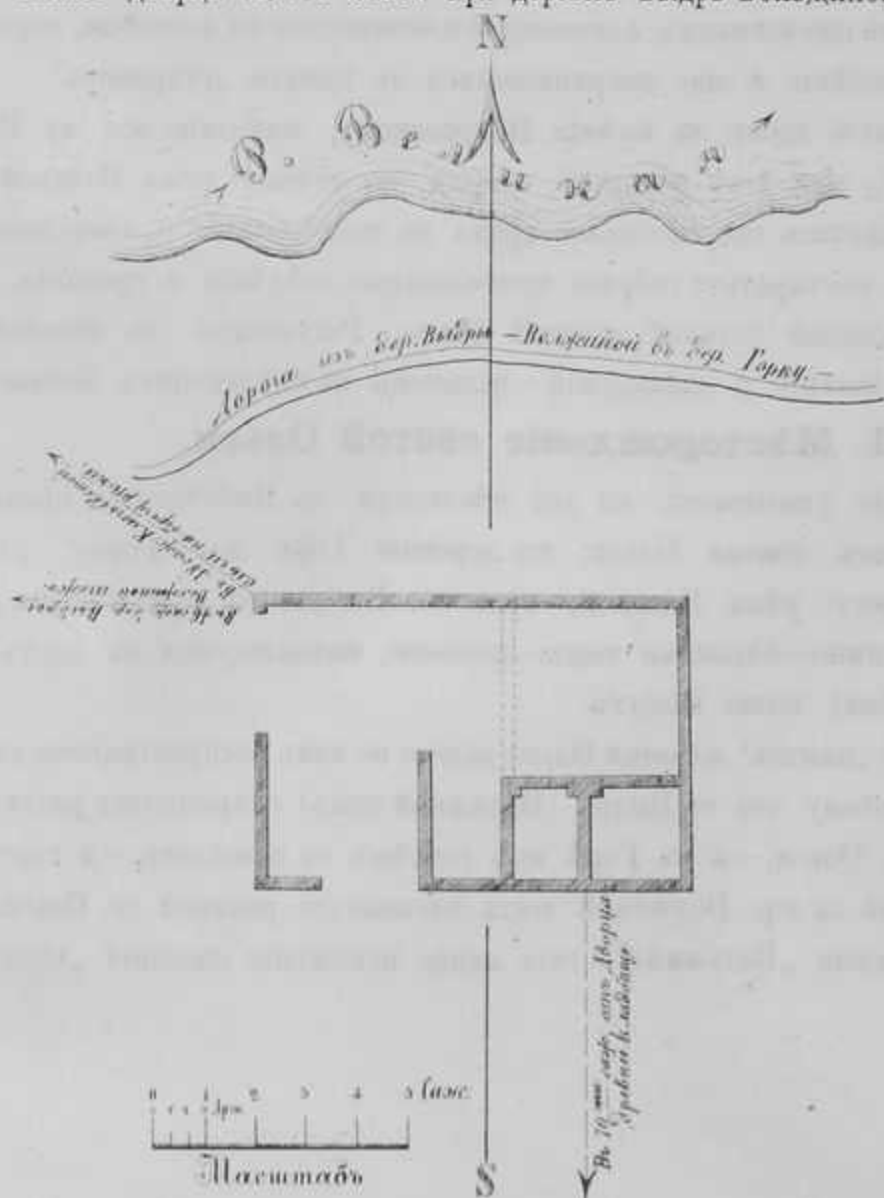
Въ деревнѣ Горкѣ „память“ о святой Ольгѣ далеко не такъ распространена какъ въ дер. Выдрѣ;—по этому и потому что въ Выдрѣ (Волжиной тожъ) сохранились различныя предметы, носящіе имя св. Ольги,—а въ Горѣ ихъ совсѣмъ не оказалось,—я считаю болѣе справедливымъ признать за дер. Волжиной честь называться родиной св. Ольги. Къ тому же самое названіе деревни „Волжино“ есть явное искаженіе названія „Ольжино“. По

сказанію священника села Выбуть отца Николая Троицкаго—въ Выбутскихъ метрическихъ книгахъ конца прошлаго столѣтія—деревня Выдра называется иногда „Ольгиной“ а иногда „Вольгиной и Вольжиной“. Выдрой называется только съ недавняго времени, а именно съ той поры, когда деревня Волжино, распространившись вдоль берега рѣки, соединилась съ маленькой деревенькой *Выдерой* или *Выдрой*; съ этого время стали деревни Волжину и Выдру называть однимъ, общимъ именемъ. Жители *бывшей* Выдры—однако и теперь называютъ себя „Выдерскими“, а жители деревни Вольжиной говорятъ, когда ихъ спрашиваютъ: откуда они? „Мы съ Вольжиной“.

II. Ольгина церковь или дворецъ въ деревнѣ Выдрѣ-Вольжиной.

На крутомъ правомъ берегу рѣки Великой, въ 25 или 30 саженьхъ, внизъ по ея теченію, отъ дер. Вольжиной, на деревенскомъ полѣ видны полусасыпанныя землею развалины, древняго, грубо—изъ ручнаго известняка—сложеннаго фундамента. Зданіе, отъ котораго сохранились эти развалины, имѣло очевидно форму правильного параллелограмма, узкія стороны котораго обращены къ востоку и западу—а внутренность раздѣлена на пять отдѣленій: изъ нихъ два большихъ и три маленькихъ. Длина всего зданія около восьми, а ширина около шести сажень.

Планъ дворца святой Ольги при деревнѣ Выдрѣ-Вольжиной тожъ.

Крестьяне считают это мѣсто святымъ, не распахиваютъ его—хотя оно находится посреди поля—и намѣреваются устроить на развалинахъ часовню въ честь святой благоверной великой княгини Ольги, дворецъ которой (а по сказанію иныхъ церковь ея, раззоренная „поганой Литвой“) стояла на этомъ мѣстѣ. Тутъ же—гдѣ-то находился садъ и погреба великой княгини—„наполненные золотомъ и серебромъ“,—но найти или видѣть ихъ можно только въ ночь на Ольгинъ день (11-го іюля)—такъ какъ святая Ольга была „великая колдунья“ (sic!) и наложила на свои сокровища и сады чары, превратившія ея „любимую усадьбу“ въ „усадьбу невидимку“.

Неподалеку отъ развалинъ „дворца“ находится древнее кладбище и группа могильныхъ насыпей (кургановъ), въ которыхъ иногда находятся черепа, кости и обломки доспѣховъ и оружія. На берегу рѣки ихъ-подъ отвѣсной известковой скалы струится прозрачный какъ хрусталь и холодный какъ ледъ источникъ: такъ-называемый „Ольгинъ ключъ“. Сюда по преданію—святая, будучи еще крестьянской дѣвицей, ходила за водой и умывала въ немъ каждое утро „свое свѣтлое личико“. Съ той поры источникъ приобрѣлъ дивное свойство: изцѣлять вѣрующихъ, умывшихъ въ немъ лицо и глаза и опустившихъ въ его свѣтлые струи какую либо мѣдную или серебряную монету, отъ всевозможныхъ глазныхъ недуговъ—и даже отъ слѣпоты. Лѣтъ двадцать тому назадъ къ источнику приходило ежегодно множество богомольцевъ и больныхъ. Польза отъ этого наплыва народа была для жителей „Ольгиной родины“ немалая:—въ видѣ вознагражденій („благодареній“) за гостепрѣмство, собиранія лепты благочестивыхъ поклонниковъ изъ святаго источника и т. д.

Но число вѣрующихъ въ чудесныя свойства „Ольгинаго ключа“ съ каждымъ годомъ уменьшается и очень можетъ быть, что въ недалекомъ будущемъ память о цѣлебныхъ его свойствахъ совершенно изгладится изъ міра народныхъ преданій.

III. Приходская церковь села Выбутъ.

Приходская церковь въ селѣ Выбутахъ (населенныхъ исключительно духовенствомъ и церковнымъ причтомъ) весьма грубой постройки; толстыя стѣны ея и громадныя столпы, поддерживающіе маленькій воронкообразный куполь, сложены изъ толстаго рѣчнаго известняка. Къ церкви пристроены: придѣлъ съ южной и притворъ съ звонницей съ западной стороны.

Хотя по преданію церковь Выбутская „тремя годами старше самаго Пскова“, но судя по архитектурѣ и постройкѣ она несомнѣнно новѣе и принадлежитъ къ памятникамъ церковнаго зодчества XIV или XV столѣтія. Самое преданіе можетъ относиться только къ первобытной деревянной церкви, основанной на мѣстѣ, занимаемомъ нынѣ

каменной. Хотя св. Ольгу и считаютъ основательницею Псковоградскаго Троицкаго собора, но въ сущности ея была основана въ X столѣтіи только маленькая деревянная церковь, отъ которой не осталось никакого слѣда: а каменныхъ соборовъ было съ тѣхъ поръ выстроено три; изъ нихъ послѣдній построенный, въ концѣ XVII столѣтія, существуетъ понынѣ ¹⁾.

По словамъ нашего почтеннаго археолога Ал. Серг. Князева (Указатель достопамятностей города Пскова. Москва 1858. стр. 39)—при Выбутской церкви нѣкогда хранились сани великой княгини Ольги,—но куда они дѣлись и когда исчезли—неизвѣстно.

IV. Ольгинъ камень у деревни Беклеша.

Не болѣе какъ въ 150 саженьяхъ къ сѣверо-востоку отъ Выбуть—за деревенькой Беклеша—на пустынномъ низменномъ дугу, окруженномъ съ трехъ сторонъ песчаными холмами, покрытомъ огромными обломками и изрытомъ глубокими ямами, возвышается громадная гранитная глыба—продолговатой формы, имѣющая въ длину до восьми, а въ высоту и ширину до трехъ аршинъ. Глыба эта считается святою и называется „Ольгинымъ камнемъ“. Почему эта громадная скала считается святою и носить имя святой Ольги,—я никакъ не могъ узнать.

Впрочемъ въ народѣ существуетъ слѣдующее баснословное преданіе: „однажды святая Ольга, торопясь въ Выбутскую церковь къ заутрени, услышала, что уже кончили благовѣстить—и опасаясь опоздать, бросила на полѣ большой камень, который несла въ рукавѣ:—облегченная такимъ образомъ она пришла въ церковь еще во время. Съ той поры камень этотъ сталъ называться Ольгинымъ“.

Есть еще другой, слѣдующій вариантъ этой легенды: „когда святая Ольга отправлялась *на войну съ поганью*“, то несла въ *„платки“* множество большихъ камней, на полѣ-дорогѣ платокъ прорвался и изъ него выпалъ большой камень: именно тотъ который лежитъ въ полѣ у деревни Беклеша“. Далѣе рассказываютъ что когда строился мостъ для С.-Петербургско-Варшавской желѣзной дороги черезъ близъ лежащую рѣку Череху ²⁾, то Ольгинъ камень сверлили и хотѣли разорвать порохомъ, но никакъ не могли; „видно святая не дала“ говорить народъ.

Ежегодно во время крестнаго хода въ память святой Ольги—изъ Псковскаго Тро-

¹⁾ См. А. Князевъ. Историческо-статистическое описаніе Псковскаго кафедральнаго Троицкаго собора. Москва. 1858. in-8.

²⁾ На правомъ берегу р. Кеби, впадающей въ р. Череху—недалеко отъ слиянія Черехи съ Великой—есть мѣсто называемое Буденикъ, гдѣ нѣкогда по преданію жила св. Ольга и гдѣ родился внукъ ея в. кн. Владиміръ Святославичъ. (Князевъ. Указатель достопамят. города Пскова стр. 40).

ницкаго собора въ село Выбуты у камня совершается молебствіе и открывается небольшая ярмарка. Тутъ же предполагается со временемъ устроить часовню во имя святой великой княгини.

V. Ольгины слуды, Ольгины ворота и Ольгинъ камень.

Несколько ниже Выбутъ по р. Великой находится небольшой скалистый островокъ, поросшій травою, носящій названіе Шацкаго ¹⁾. Островъ этотъ раздѣляетъ рѣку на два протока. Одинъ изъ нихъ называется „Ольгими Слудами“ (т. е. подводными камнями) а другой „Ольгими Воротами“. Въ этомъ мѣстѣ—по преданію, святая Ольга, бывшая еще крестьянкой, перевезла въ челнокѣ *черезъ рѣку великаго князя Игоря*. Въ окрестностяхъ Выбутъ по рѣкѣ Великой,—начиная отъ дер. Вольжиной, до дер. Бабаевой (2 версты ниже Выбутъ),—прохожихъ и теперь перевозятъ черезъ рѣку въ челнокахъ особенной конструкціи, выдолбленныхъ изъ толстыхъ стволовъ осинъ. Въ такомъ челнокѣ могутъ помѣститься не болѣе 2-хъ человекъ. Управляетъ челнокомъ рыбакъ или перевозчикъ—однимъ весломъ или багромъ.

Около Шацкаго острова, сажень за двадцать отъ его верхней оконечности, выдвигаются изъ воды нѣсколько громадныхъ гранитныхъ камней. Одинъ изъ нихъ называется „Ольгинымъ“. Преданіе говоритъ, что когда святая Ольга купалась въ рѣкѣ, то послѣ купанья, камень этотъ служилъ ей мѣстомъ отдохновенія.

VI. Ольгина отчина (село Покровское) и Ольгинъ монастырь.

Въ четырехъ верстахъ выше Выбутъ, на берегу рѣки Великой, живописно расположено село Покровское. По преданію это село составляло частную собственность („отчину“) святой Ольги. Тутъ стоялъ когда-то монастырь, ею же основанный, который, будучи оскверненъ „Литвой поганой“, былъ смытъ рѣкою или провалился въ рѣку. Достоверно то, что въ часовнѣ села Покровскаго сохранилось много древнихъ иконъ, перенесенныхъ туда изъ монастырской церкви передъ разрушеніемъ ея рѣкою; а въ самой рѣкѣ часто находятъ каменные кресты, тесаниую плиту и пр.

Преданій о нашествіи Литвы на Псковскую землю—въ народѣ сохранилось множество. Между Выбутами и дер. Вольжиной сохранилось много батарей и могильныхъ насыпей и существуетъ бродъ черезъ рѣку Великую, называемый „Литовскимъ“. Около деревень Беклешей и Покрутиць (близъ с. Покровскаго) число кургановъ и укрѣпленій

¹⁾ По имени одного изъ прежнихъ его владѣльцевъ г. Шацкаго.

тоже значительно. Отъ деревни Петонова (по правой сторонѣ рѣки, противъ села Покровскаго) до дер. Горки (противъ с. Выбуть), вдоль рѣки тянется длинный земляной валъ, устроенный тоже, какъ говорятъ, Литовцами или Поляками¹⁾. Въ дер. Выдрѣ и во многихъ другихъ мѣстностяхъ, на древнихъ кладбищахъ, сохранились грубо вытесанные изъ плиты могильные кресты.

¹⁾ Вѣроятно во время нашествія Стефана Баторія на Псковъ (въ 1582—83 гг.).

ПО ВОПРОСУ О РЕГАЛІЯХЪ, ПРИПИСЫВАЕМЫХЪ ВЛАДИМІРУ МОНОМАХУ.

Сообщено В. Д. Прозоровскимъ.

Занимаясь изслѣдованіями о происхожденіи слова „царь“ и о значеніи его до принятія русскими государами императорскаго титула, я долженъ былъ коснуться, между прочимъ, и вопроса о царскихъ регаліяхъ, называемыхъ Мономаховыми. Свой взглядъ на этотъ предметъ изложу здѣсь по тѣмъ даннымъ, какія у меня имѣются подъ рукою.

Говорятъ, что царскія утвари были присланы Владиміру Мономаху изъ Византіи для коронованія, и указываютъ на преданіе объ этомъ событіи, которое однакожь записано въ историческихъ памятникахъ не одинаково. Степенная книга, по изданію Миллера, не упоминаетъ о царѣ, приславшемъ подарокъ; въ ней сказано: „его же ради мужства и греческаго царя Константина Мономаха діадиму и вѣнецъ и крестъ животворящаго древа приємъ, и порамницу царскую и крабійцу сердоличную, изъ нея же веселяшеся иногда Августъ кесарь Римскій, и чепъ золотую аравискаго золота, и инья многія царскія почести въ дарѣхъ пріять мужества ради своего и благочестія“ (стр. 247). То же самое читаемъ въ похвальномъ словѣ монаха Филолога св. Михаилу князю Черниговскому и боярину его Θεодору (въ Велик. Мин. Чет., 20 сентября); но здѣсь, равно какъ въ Воскресенской лѣтописи и въ царственномъ лѣтописцѣ, введенномъ въ составъ патріаршей лѣтописи (Пол. собр. лѣт. Т. IX), присылка утварей приписывается Константину Мономаху. Напротивъ того, Густынская лѣтопись и Синописисъ именуютъ Алексѣя Комнина приславшимъ дары. Татищевъ пишетъ, на основаніи извѣстныхъ ему источниковъ, что Алексѣй Комнинъ, испугавшись похода Владимірова, предпринятаго съ цѣлью возвести на Византійскій престолъ сына убитаго претендента, прислалъ къ Владиміру великое посольство со многими дарами, въ томъ числѣ: вѣнецъ царскій, хламиду, поясъ драгоцѣнный, скипетръ, чашу сердоликовую съ камнями драгоцѣнными, и нарекъ его

себѣ братомъ и царемъ. Болтинъ, выписавъ изъ Татищева это мѣсто, приводитъ принадлежавшую ему древнюю лѣтопись, въ которой, между присланными вещами, значится „крестъ отъ самаго древа Господня, обложенный золотомъ со драгоценными камнями, и ожереліе золотое съ камнями, которое на порфирѣ своей царь греческій возлагалъ“, при чемъ прописана и самая грамота Алексѣя къ Владиміру (Примѣч. на Рос. ист. Лекерка, ч. I, стр. 249, 250). Это письмо внесено и въ Синописисъ, но тамъ оно сочинено отъ имени Іоанна Комнина, съ обозначеніемъ отправленныхъ съ дарами пословъ: Ефесскаго митрополита Неофита, епископа Милитскаго и другихъ (стр. 100 и 101 по пятому изд.); по другимъ памятникамъ, съ митрополитомъ пріѣзжали епископы Митилинскій и Мелетинскій. Карамзинъ справедливо назвалъ сказкою повѣсть о войнѣ Владиміра съ греками и о присылкѣ къ нему регалій по этому поводу, но въ то же время допускалъ, что онѣ „дѣйствительно могли быть даромъ императора Алексѣя“, при чемъ указывалъ, „что и въ X вѣкѣ, государи российскіе часто требовали царской утвари отъ Византійскихъ императоровъ“ (Ист. Гос. Росс. Т. II прим. 220, по втор. изд.); послѣднее замѣчаніе, сдѣланное, конечно, лишь для примѣра, давало мысль относить происхожденіе регалій ко временамъ болѣе древнимъ, чѣмъ время Владиміра Мономаха. Сочинителю статьи о Владимірѣ Момахѣ въ Энциклопедическомъ лексиконѣ Плюшара казалось, что сказка о Мономаховыхъ регаліяхъ изобрѣтена по случаю вступленія Іоанна III въ бракъ съ царевною Софією Палеологъ, а г. Лакіеръ, излагая исторію титула Русскихъ государей, принялъ за вѣрное, что утвари были присланы Алексѣемъ Комнинымъ и что Владиміръ, „будучи вѣнчанъ императорскимъ вѣнцомъ, провозглашенъ царемъ Россійскимъ“ (Журн. Мин. Нар. Просв., 1847, ч. 56, стр. 113). Съ своей стороны, покойный князь Оболенскій, издавшій въ 1850 году соборную грамоту восточныхъ іерарховъ на присвоеніе вѣнчанію Іоанна Грознаго силы вѣнчанія императорскаго, настоятельно доказывалъ, что регаліи присланы Владиміру Момаху дѣдомъ его по матери Константиномъ Момахомъ и что Владиміръ, родившійся за два года до смерти Константина, былъ еще въ младенчествѣ увѣнчанъ въ царя, по повелѣнію дѣда.

Такъ ли все это могло быть?

Нельзя отвергать, что регаліи могли быть присланы тѣмъ или другимъ изъ упомянутыхъ императоровъ, но того назначенія, какое имъ приписываютъ, имѣть въ то время не могли. Константинова дочь, выходя за мужъ за Всеволода, могла привезти ихъ съ собою въ качествѣ приданого, или самъ Константинъ Момахъ могъ прислать ихъ своей дочери, какъ свое имущество, для храненія въ память о немъ; могъ прислать ихъ Владиміру и Алексѣю Комнинъ, какъ наслѣдство послѣ его дѣда, а не какъ государственный даръ; въ этомъ смыслѣ могъ распорядиться регаліями и Іоаннъ Комнинъ, царствовавшій при Владимірѣ шесть лѣтъ. Но чтобы онѣ были присланы въ качествѣ государственныхъ регалій именно для вѣнчанія Владиміра Мономаха, это невѣроятно, потому

во первыхъ, что императоръ не имѣлъ ни малѣйшаго права ставить царей въ Россію, ему неподвластную, и Владиміръ не могъ сдѣлаться Русскимъ царемъ-самодержцемъ по одному произволу императора, безъ общаго согласія удѣльныхъ князей на обусловливаемое царствомъ подданство ихъ личности великому князю, въ отношеніи къ которому они были тогда не что иное, какъ младшіе „братья“, а нисколько не слуги и тѣмъ болѣе — не рабы; во вторыхъ, что императоры часто увѣнчивали только тѣхъ, кого избирали себѣ въ соцарственники и въ преемники, присвоивая имъ чрезъ вѣнчаніе достоинство августовъ и автократовъ, примѣровъ же почетнаго вѣнчанія, какое приписываютъ Владиміру Мономаху, кажется, никогда не бывало, да едвали и быть могло, такъ какъ титулъ августа принадлежалъ исключительно Римскимъ самодержцамъ, а что касается почетнаго титулованія, то самымъ высочайшимъ почетомъ въ восточной имперіи былъ титулъ кесаря, жалованный императорскимъ хрисовуломъ; со временъ Алексѣя Комнина титулъ кесаря понизился на одну степень по случаю установленія титула севастократора, занявшаго второе мѣсто послѣ августа. А какъ Владиміръ не могъ быть римскимъ августомъ, то и почетнаго императорскаго вѣнчанія надъ нимъ не было совершено. Хотя же въ соборной грамотѣ восточнаго духовенства Іоанну Грозному и сказано: „Επειδὴ ἡ μετριότης τῶν ἐπληροφρήσῃ καὶ ἐπιστώσῃ, οὐ μόνον ἐκ παραδόσεως πολλῶν ἀξιολύστον ἀνδρῶν, ἀλλὰ δὴ καὶ ἀπὸ ἐγγράφων ἀποδείξων τῶν χρονογράφων, ὅτι ὁ νῦν βασιλεὺς Μοσχοβίου, Νοβογράδου, Ἀστραχανίου, Καζανίου, Νογαί καὶ πασης τῆς μεγάλης Ῥωσίας κύριος Ἰωάννης κατάγεται ἀπὸ γένους καὶ αἵματος τοῦ ὄντος βασιλικοῦ, ἥτοι ἀπ' ἐκείνης τῆς αἰοδίμου βασιλείας καὶ δ..... κυρίας Ἀννης, ἀδελφῆς τοῦ αὐτοκράτορος Βασιλείου τοῦ πορφυρογεννήτου. Ἐπεὶ γὰρ Μονόμαχος δε ὁ εὐσεβέστατος βασιλεὺς Κωνσταντῖνος.... τότε πατριάρχου καὶ τῆς τηλικαῦτα ἱερᾶς τῶν ἀρχιερέων συνόδου ἀποστείλαντες τὸν τότε ἱερώτατον μητροπολίτην Ἐφέσου καὶ τὸν τῆς Ἀντιοχ.... ἔσταψαν εἰς βασιλέα τὸν ἐνσεβέστατον Βελίκ Κνὲς Βολοντίμοιρον καὶ ἐδωρήσαντο αὐτῷ τότε βασιλικὸν στέμμα ἐπὶ τῆς κεφαλῆς καὶ τὸ μετὰ..... ἀδήμα καὶ τᾶλλα βασιλικά σημεῖα καὶ ἄμφια“ (такъ какъ смиреніе наше подробно узнало и вполне увѣрилось не только изъ преданій многихъ заслуживающихъ довѣріе мужей, но даже и изъ письменныхъ свидѣтельств лѣтописцевъ, что нынѣшній царь Московскій, Новгородскій, Астраханскій, Казанскій и всея Великія Россіи Государь Іоаннъ ведетъ свое происхожденіе отъ рода и крови истинно царской, т. е. отъ оной славной и приснопамятной царевны, Государыни Анны, сестры самодержца Василя Багрянороднаго; потому же Мономахъ, благочестивѣйшій царь Константинъ..... тогдашняго патріарха и всего освященнаго архіерейскаго собора, пославши тогдашняго священнѣйшаго митрополита Ефесскаго и Антиох..... вѣнчали во царя благочестивѣйшаго Великаго князя Володиміра, дали тогда ему на главу царскій вѣнецъ и съ.... адиму и иные знаки и одежды царскаго сана), но все это, очевидно, сказано со словъ русскихъ дипломатовъ, а не взято изъ какихъ-либо греческихъ древнихъ лѣтописей или изъ дѣлъ патріаршаго вѣдомства; иначе сочинители грамоты указали бы на источники не общими

словами и не опустили бы именъ византійскихъ пословъ; если же они не рѣшились выставить имена, то видимо потому, что усомнились въ точности русскаго преданія относительно личности пословъ. Когда бы событіе дѣйствительно совершилось, то самъ Владиміръ упомянулъ бы о томъ въ своемъ завѣщаніи, да и древнія лѣтописи, высоко восхвалившія память его, не оставили бы, безъ сомнѣнія, включить въ свои похвалы обстоятельство, возвышавшее достоинство великаго князя и лестное для патріотическаго чувства. Не даромъ же, конечно, наши древнѣйшіе памятники молчатъ о столь важномъ событіи, тогда какъ съ особенною силою указываютъ на присылку отъ царя и патріарха крестчатыхъ ризъ новгородскому архіерею Моисею, что, конечно, не столь значительно, какъ царское вѣнчаніе, которое въ лѣтописяхъ должно бы было стать по крайней мѣрѣ на ряду съ извѣстіями объ освященіи церквей и о поставленіи архіереевъ. Указаніе князя Оболенскаго на то, что въ Густынской лѣтописи находятся слова: „преставился великій князь и царь Кіевскій Володымеръ Мономахъ“, не имѣетъ силы доказательства, потому что лѣтопись очень молода для того, въ древнѣйшихъ же лѣтописяхъ и другіе князья называются царями; такъ Изяслава Мстиславича народъ принялъ „яко царя и князя своего“, Юрій говорилъ ему: „сѣди царствуя Кыевъ“, наконецъ— „плакася по немъ вся Руская земля и вси чернїи клобуци, яко по цари и господинѣ своемъ“ (Пол. Собр. лѣт. Т. II стр. 43, 64 и 74).

По всей вѣроятности, въ преданіи о регаліяхъ смѣшаны разныя событія. Видно, что когда-то было дѣйствительно совершено вѣнчаніе великаго князя; что когда-то какой-то императоръ Византійскій прислалъ въ Россію свои царскіе подарки, и что когда-то пріѣзжали въ Россію Ефесскій и другіе восточные архіереи. Эти три событія могли соединиться въ одно сказаніе по поводу присылки къ Даніилу Галицкому отъ папы римскаго королевскихъ регалій и вѣнчанія этого князя папскимъ легатомъ. Не мудрено, что, въ противоположность этому событію, на которое Русская церковь и Русскіе князья не могли смотрѣть безъ негодованія, появилось указаніе на подобное событіе, несравненно болѣе цѣнное для Руси и для Русской церкви, и именно на совершившееся нѣкогда вѣнчаніе великаго князя регаліями не королевскими, а царскими, императорскими, совершеніе же самаго обряда вѣнчанія приписано лицамъ, пріѣзжавшимъ въ Россію отъ императора и патріарха въ другое время. Мнѣніе же, что легенда о присылкѣ изъ Византіи регалій придумана по случаю брака Іоанна III съ Софіею Палеологъ, падаетъ само собою, коль скоро возьмемъ во вниманіе какъ происхожденіе Степенной книги, первоначально составленной митрополитомъ Кипріяномъ, который скончался въ 1406 году, — слѣдовательно, уже могъ внести въ свой трудъ означенное преданіе, — такъ и рѣшительную невозможность опредѣлить, какія добавки и исправленія сдѣланы въ его твореніи продолжателемъ книги митрополитомъ Макаріемъ и чрезъ то удостовѣриться, въ самомъ ли дѣлѣ преданіе внесено въ книгу Макаріемъ, или имъ оно только переправлено. Самъ

же Іоаннъ выводилъ свое величіе прямо „отъ своихъ прародителей“, а не отъ какихъ-либо побочныхъ обстоятельствъ, почему и нельзя обвинять его въ изобрѣтеніи сказки, скорѣе унижительной для него, такъ какъ онъ считалъ себя равнымъ императору по своему собственному, унаслѣдованному, достоинству.

Что регалии были нѣкогда присланы къ великому князю изъ Византіи, это можно принять за несомнѣнное въ виду какъ замѣченныхъ Карамзинымъ требованій русскими государями въ X вѣкѣ царской утвари, такъ и въ виду того, что царскія регалии были подарены Іустиніаномъ Ринотмитомъ Болгарскому князю Тривалу за содѣйствіе къ возстановленію императора на престолѣ. Если это допускалось въ отношеніи къ язычникамъ,—конечно, не для вѣнчанія ихъ,—то въ отношеніи къ христіанскому государю, единовѣрцу императоровъ и при томъ ихъ свойственнику, то же самое могло быть допущено въ значеніи болѣе строгомъ, съ точно опредѣленною цѣлью. Вопросъ въ томъ: кто именно изъ великихъ князей и въ какой силѣ могъ быть вѣнчанъ царскими утварями? Ни Владиміръ Мономахъ, ни другіе князья, по всей очевидности, не могли быть вѣнчаны, такъ какъ поводомъ къ тому, при отсутствіи въ Россіи единодержавія, могло служить лишь обстоятельство чрезвычайной важности. Мы знаемъ, что Болгарскихъ, Грузинскихъ и другихъ властителей императоры производили въ византійскіе придворные чины и достоинства¹⁾, о Русскихъ же государяхъ ничего подобнаго неизвѣстно, а отсюда надобно заключить, что званія этого рода считались унижительными для нихъ, какъ не соотвѣтствующія ихъ достоинству, и что устраненіе великихъ князей отъ византійской чиновности было слѣдствіемъ сколько независимаго ихъ положенія, столько же и особаго о нихъ понятія и особыхъ къ нимъ отношеній со стороны императоровъ. А такіе понятія и отношенія могли образоваться путемъ именно чрезвычайно важнаго обстоятельства. Въ Русской древней исторіи едвали можно указать другое подобное обстоятельство, кромѣ крещенія и бракосочетанія св. Владиміра, единодержавнаго властителя всей Руси. Покойный Вельтманъ говорилъ, что „животворящій крестъ и наслѣдственный царскій чинъ присланы, по уставному повсемѣстному обычаю, Греческими императорами (Василіемъ и Константиномъ) первовѣнчанному царю и великому князю Владиміру“, т. е. равноапостольному, а не Мономаху (Оруж. Пал., 1860, по ссылкѣ въ Опис. стар. цар. утв., П. И. Саввантова, стр. 305). Сомнительна здѣсь только обязательность для Грековъ и

¹⁾ Такъ Болгарскій царь Борисъ пожалованъ былъ достоинствомъ магистра, а изъ Иверскихъ Давидъ былъ куропалатомъ, а Георгій магистромъ (см. у Кедрина). Правда, что Борисъ былъ плѣнень, но императоръ сначала обращался съ нимъ какъ съ царемъ, слѣдовательно, плѣнникъ, не лишаясь царскаго званія, получилъ чинъ магистра. И въ послѣдствіи Болгарскіе цари были византійскими савовниками; такъ Асѣнь, носившій царскіе знаки, почти не отличавшіеся отъ императорскихъ, имѣлъ савъ деспота Римской имперіи (см. Георгія Пахимера, VI, 6), а деспотами, т. е. господами, назывались вассалы имперіи.

Русскихъ „установнаго повсемѣстнаго обычая“. Объясняя названіе: „царская золотая шапка или золотой вѣнецъ“, Вельтманъ указывалъ, что „на западѣ наследственные короны, даруемыя императорами государямъ первовѣнчаннымъ по обряду христіанскому, назывались также золотыми (согана aurea), а у Славянъ круна свитовна—священная корона“ (Оруж. Пал., 1844, стр. 40); однакожъ вассальнымъ владѣтелямъ византійскій государь жаловалъ чины и достоинства, а не императорскія короны, почему установнаго обычая и не было въ отношеніи къ этимъ коронамъ; хотя же Прокопій Кесарійскій, въ сочиненіи своемъ о войнахъ Римлянъ, говоритъ, что Лазы считались подвластными „Римлянамъ потому только, что по смерти ихъ царя римскій царь посылалъ преемнику его украшенія верховной власти“ (кн. II гл. XV), но это были знаки подчиненія и императорскими регалиями быть не могли, тѣмъ болѣе, что этотъ владѣтель былъ „причисленъ къ силентіаріямъ двора“ (гл. XXIX), т. е. былъ камергеромъ; Россія же никогда не состояла въ вассальныхъ къ Византіи отношеніяхъ, и даже въ татарскій періодъ великій князь (Василій Темный) писалъ къ „высочайшему царю и самодержцу Греческаго скипетра куръ Константину“ такъ: „сватъ святого ти царства великій князь Московскій и всея Руси Василіе“ (I Т. Ист. Акт. № 262 стр. 492), т. е. товарищъ, пріятель, общникъ, а не слуга, не подручникъ. Напротивъ того, западные императоры дѣйствительно, по *своему* установному обычаю, жаловали своимъ вассаламъ королевскія короны вмѣстѣ съ королевскимъ титуломъ, но такого титула Русскій великій князь ни отъ кого не принималъ, а Іоаннъ III отозвался объ этомъ титулѣ даже съ презрѣніемъ: „мы государи на своей землѣ отъ своихъ прародителей,—сказалъ онъ цесарскимъ посламъ, предложившимъ ему королевскій титулъ отъ имени Максимилиана,—и поставленія ни отъ кого не хотимъ“, потому что „нашъ государь,—добавили потомъ Іоанновы дипломаты,—такой же великій государь, какъ и Максимилианъ“ (Пам. Дипл. Снош. Т. I). Итакъ, царскія регаліи не могли быть присланы по какому-либо „установному обычаю“, а скорѣе были привезены самою царицею Анною для употребленія ихъ при бракосочетаніи, долженствовавшемъ совершиться по обычаямъ Константинопольскаго двора, какіе наблюдались при бракосочетаніяхъ императоровъ и членовъ царскаго семейства. Мнѣ кажется, привозъ къ Владиміру царскихъ регалій для брачнаго вѣнчанія представляетъ менѣе значительную уступку, чѣмъ согласіе императоровъ на совершеніе брака не въ столицѣ имперіи, не въ великой церкви, не въ царскихъ палатахъ и не въ присутствіи царей, а на мѣстѣ одержанной варварами побѣды, въ завоеванномъ ими городѣ, на краю имперіи, среди чуждаго военнаго стана. Нельзя сомнѣваться также и въ томъ, что Владиміръ, не желавшій унижать себя испрашиваніемъ у императоровъ крещенія, ни окреститься безъ ихъ участія, что въ его понятіи могло казаться косвеннымъ знакомъ покорности ихъ законамъ, а потому какъ бы добровольнымъ признаніемъ ихъ преимущества надъ нимъ¹⁾,

¹⁾ Урокомъ для Владиміра былъ, можетъ быть, Болгарскій царь Борисъ, чрезъ кре-

но рѣшившійся оружіемъ добыть себѣ христіанство, какъ трофей, и поставившій условіемъ крещенія супружество съ царевною, можетъ быть, для вѣщаго уравниенія себя съ императорами, не могъ ставить себя ниже ихъ и зъ нынѣшности обрядовъ, значеніе которыхъ, въ отношеніи къ нему, увеличивалось чрезвычайностью событія—совпаденіемъ крещенія и бракосочетанія. Съ другой стороны было бы странно видѣть или воображать царевну, одѣтую по царски, стоящую подлѣ князя, одѣтаго во вкусъ варварской простоты. Вступая въ императорскую семью, Владиміръ, конечно, имѣлъ полное право одѣться къ вѣнцу сообразно одѣванію невѣсты, при томъ же здѣсь и самый брачный вѣнецъ могъ имѣть, кромѣ обыкновеннаго, и иное значеніе, почему и надобно полагать, что при вѣчаніи великій князь имѣлъ видъ царя и что на него была тогда возложена царская корона, вмѣсто вѣнца брачнаго. Этимъ способомъ достигались двѣ цѣли: съ одной стороны усвоивались Владиміру христіанскіе знаки царскаго достоинства, вмѣсто языческихъ, а съ другой устранялась надобность въ коронованіи, при чемъ корону пришлось бы принять не по праву, а по пожалованію, которое было бы для Владиміра унижительно, такъ какъ оно дало бы ему видъ императорскаго вассала. Если въ самомъ крещеніи онъ избѣгалъ всего унижительнаго, то въ отношеніи къ коронѣ долженъ былъ держать себя гораздо строже и считать ее своею коренною принадлежностью по праву породы и сана, а затѣмъ форменное коронованіе признавать излишнимъ. Подобное брачное вѣчаніе не могло быть совершено ни надъ кѣмъ изъ прочихъ князей Русскихъ, женатыхъ на царевнахъ, кромѣ развѣ Іоанна III, который однакожъ не очень дорожилъ чуждыми коронами ¹⁾.

По свидѣтельству нашего лѣтописца, крещеніе Владиміра совершено было самимъ епископомъ Херсонскимъ (имѣвшимъ степень митрополита) и духовенствомъ, прибывшимъ съ Анною, слѣдовательно, дѣйствіе было вполнѣ торжественное; могло ли же быть менѣе торжественнымъ брачное вѣчаніе Владиміра и Анны? Правда, лѣтопись не говоритъ,

щеніе тайкомъ давши надъ собою первенство Византіи, отъ которой не могъ отбиться и Симеонъ; сынъ послѣдняго сдѣлался чиновникомъ византійскимъ, по завоеваніи Болгаріи императоромъ Василиемъ. Въ болѣе позднія времена императоры считали сербскихъ царей только высочайшими кралями и деспотами (Голосъ, 1874, № 210, стр. 5 столб. 4 и 5), а званіе деспота было тогда византійскимъ чиломъ. Владиміръ, видимо, не хотѣлъ, чтобы его покореніе вѣрѣ было сочтено въ Византіи за духовное подчиненіе императорамъ, граничащее съ подчиненіемъ политическимъ.

¹⁾ Сознаніе высокаго достоинства Россіи такъ было укоренено въ нашихъ государяхъ, что Ѳеодоръ Ивановичъ однажды сказалъ: „если бы къ Россіи присоединились Римъ старый и Римъ новый, то Русское государство нельзя поставить ниже ихъ въ царскомъ титулѣ“. XVI вѣкъ только высказалъ это сознаніе, унаслѣдованное имъ не только отъ Іоанна III, но и отъ болѣе древнихъ временъ.

ПРИЛОЖ.

кто потомъ вѣнчалъ царственную чету, но обрядъ вѣнчанія не могъ быть совершенъ ни кѣмъ инымъ, кромѣ самаго высшаго изъ сопровождавшихъ Анну духовныхъ особъ, которые въ нашей лѣтописи хотя и названы вообще „попами“, однакожъ это выраженіе могло быть и не точно, такъ какъ лѣтопись была писана по устнымъ преданіямъ, не сохранившимъ подробностей событія; невѣроятно, чтобы царевну, отпущенную вслѣдствіе крайней необходимости, вызванной существеннѣйшими интересами вѣры и государства, сопровождало только низшее духовенство, безъ какихъ-либо полномочій отъ императоровъ и патріарха. Въ крайнемъ же случаѣ, при небытіи пословъ высшаго разряда, обрядъ вѣнчанія едва ли обошелся безъ участія того же Херсонскаго іерарха, въ видѣ ли то исключенія по уваженію къ важности событія, или прямо по желанію и повелѣнію Владиміра, не противному церковнымъ установленіямъ. Хотя вѣнчаніе браковъ издревле усвоено обычаемъ мірскимъ священникамъ, но извѣстно, что они право на это получаютъ отъ епископа, который слѣдовательно можетъ, въ случаѣ надобности, совершать не только это, но и всѣ прочія дѣйствія, на какія уполномочиваетъ своихъ помощниковъ. Симеонъ Солунскій говоритъ на этотъ счетъ: „Іерархъ свѣщателенъ есть, яко образуетъ Отца Свѣтовъ и того богатится моцію, и всякій чинъ, и всякое таинство, и всякое совершеніе чрезъ того. Той бо и крестити купно и муродѣйствовать и.... совершати хиротонію можетъ: и прочитати и пѣти и монашествующія устроить и посвящати дома и степени подати и къ браку сирягати, и вся творити благодатию Христовою можетъ“ (Истин. древн. и ист. прав. церковь, ч. I, стр. 134). Изъ исторіи Кедрина видно, что патріархъ Сергій вѣнчалъ Ираклія и Евдокію, патріархъ Николай—Константина Багрянороднаго и Елену, патріархъ Поліевктъ—Никифора Фоку и Теофанію¹⁾. Поэтому нѣтъ основанія отвергать участіе епископа въ брачномъ вѣнчаніи Владиміра и Анны, чего требовали самыя царскія регаліи, возложеніе которыхъ на Владиміра, хотя бы и не по чину коронованія, не могло быть совершено простымъ священникомъ. Епископъ долженъ былъ совершить обрядъ вѣнчанія еще и потому, что Владиміру, какъ новокрещенному, надобно было показать и чрезвычайные обряды церковныя во всей ихъ торжественности, что и было весьма благопотребно послѣ того, какъ торжественность обрядовъ богослуженія была въ Константинополѣ показана его посламъ во всемъ величій, какого архіерейское служеніе въ Херсонѣ не могло представить взору самого Владиміра. Такимъ образомъ все убѣждаетъ, что царская утварь была дѣйствительно прислана къ св. Владиміру для употребленія при его брачномъ вѣнчаніи.

¹⁾ И у насъ впослѣдствіи бывали такіе примѣры: именно, въ 1210 году „Великій князь Всеволодъ жени сына своего Георгія Всеволожского Киевскаго князя и вѣнчанъ бысть въ свѣтей Богородици въ Володимери епископомъ Іоанномъ“ (Пол. Собр. Лѣт. Т. I, стр. 184). Въ позднѣйшей византійской исторіи есть нѣсколько бракосочетаній, совершенныхъ патріархами.

Теперь вопросъ о самыхъ утварахъ, исчисленныхъ въ степенной книгѣ и въ другихъ лѣтописныхъ источникахъ. О нихъ упоминается въ духовныхъ великихъ князей, а самыя вещи, но не всѣ, хранятся въ Московской оружейной палатѣ. Вельтманъ, въ своемъ описаніи оружейной палаты, сдѣлалъ опытъ обозрѣнія этихъ вещей по духовнымъ, но у него была своя цѣль, которая не лишаетъ меня права снова обратиться къ тѣмъ же памятникамъ.

Духовныя великихъ князей не восходятъ ранѣе 1328 года, въ которомъ Иванъ Даниловичъ Калита завѣщалъ своимъ сыновьямъ: Семену Ивановичу 4 чени золоты, 3 поясы золоты, кожухъ черленый женчюжный, шапку золотую и проч.; Ивану Ивановичу 4 же чени золоты, поясъ большой съ женчугомъ съ каменьемъ, коць великій съ бармами и проч.; Андрею Ивановичу также 4 чени золоты, скорлатное портище сажено съ бармами и проч.; наконецъ прибавлено: „а что есмь придобылъ золота, что ми далъ Богъ, и коробочку золотую, и то есмь далъ княгини своей съ меншими дѣтми“. Семень Ивановичъ завѣщалъ какъ наслѣдованное, такъ и имъ примышленное золото своей княгинѣ, а Иванъ Ивановичъ назначилъ сыну своему Дмитрію: „чень золоту врану съ крестомъ золотымъ, чень золоту колчату, икону золотомъ ковану Парамшина дѣла, шапку золоту, бармы, поясъ великій золотъ съ каменьемъ съ женчюги, что мя благословилъ отецъ мой князь великій“. Икона Парамшина, поясъ великій, бармы и шапка значатся въ духовной Дмитрія Ивановича, а въ духовной Василья Дмитріевича къ нимъ прибавлено: „страсти болшія, крестъ животворящій патріаршъ Филофѣвской.... а изъ сосудовъ коронка сердоличная¹⁾“, о которой упоминается и въ духовной Василья Васильевича, вмѣстѣ съ крестомъ Петра чудотворца, крестомъ Парамшинскимъ, шапкою, бармами и большимъ поясомъ; въ 1504 году крестъ золотъ Парамшина дѣла завѣщанъ былъ Іоанномъ III Дмитрію Ивановичу, а крестъ животворящаго древа въ рацѣ цареградской, вмѣстѣ съ крестомъ Петра чудотворца—Василью Ивановичу. Сводя всѣ эти данныя, нельзя не замѣтить: а) что первоначально вещамъ не приписывалось особеннаго значенія, кромѣ того, какое онѣ, безъ сомнѣнія, имѣли въ великокняжескомъ семействѣ, частію какъ вещи родовыя, частію какъ обыкновенное имущество; б) что бармы были сперва принадлежностью одѣяній и ихъ было двое, потомъ же, по всей вѣроятности, онѣ отдѣлены отъ одеждъ, такъ какъ ни коць, ни портище нигдѣ болѣе не упоминаются; в) что цѣпь съ крестомъ

¹⁾ Татищевъ писалъ: чаша оная или сосудъ муропомазанія, хотя у древнихъ написана сердоликовою, но она до днесь сохранена и есть яшмовая (Болтина: прим. на Леклерка, ч. I. стр. 249). Въ Вельтмановой описи этого сосуда не значится. Въ Путеводителѣ къ Древностямъ Московскимъ (изд. 1792 г.) значится „сосудъ яшмовой съ покрывкою, изъ котораго благочестивѣйшихъ государей при коронаціи помазуютъ святымъ муромъ, поверхъ которой крышки змѣйка золотая съ финифтью высокой работы“ (ч. I. стр. 64); но этотъ сосудъ, доселѣ хранящійся въ Успенскомъ соборѣ, едвали можно назвать коробкою.

и цѣпь кольчатая выдѣлились уже при Иванѣ Ивановичѣ, равно какъ и Парамшинская икона или крестъ появляется только съ духовной этого великаго князя; икона дѣлана едва ли не русскимъ мастеромъ Парамшею (Парамономъ), какъ по крайней мѣрѣ надобно заключать по подобнымъ прозваніямъ другихъ вещей: „поясъ Макарова дѣла, поясъ Шышкина дѣла ¹⁾“; вѣроятно, Парамша былъ мастеръ, славившійся въ свое время, какъ и иконописецъ Рублевъ; г) что ни кожухъ, ни коць возсе не могли быть греческою хламидою, а развѣ „портище“, завѣщанное Калитою младшему изъ трехъ сыновей; д) что коробочка сперва была приурочена къ золоту, приобрѣтенному самимъ Калитою, и отдана младшимъ дѣтямъ; великокняжеское владѣніе коробкою началось уже съ Василія Дмитріевича; Августу кесарю она могла быть приписана русскими потому, что, можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ принадлежала одному изъ восточныхъ августовъ; е) что являющіяся въ завѣщаніи Василія Дмитріевича страсти большія—тѣ самыя, которыя вывезены изъ Царяграда суздальскимъ архіепископомъ Діонисіемъ, а при Василіѣ Дмитріевичѣ обрѣтены въ Суздаль въ церковной стѣнѣ (Степ. кн. ч. I, стр. 527); на обрѣтеніе указывалъ и Вельтманъ ²⁾; такъ же точно и животворящій крестъ патріаршъ Филофѣевской, по всей вѣроятности, вывезенъ изъ Царяграда въ 1354 году, когда и Новгородскому архіерею прислана была жалованная грамота отъ царя и патріарха Филофея, либо привезъ ихъ св. митрополитъ Алексій, въ томъ же году поставленный Филофѣемъ; ж) что наконецъ ни въ одномъ изъ завѣщаній нѣтъ ни малѣйшаго намека на то, что вещи составляютъ даръ византійскихъ царей кому-либо изъ государей русскихъ. Затѣмъ и въ чинѣ вѣнчанія Іоанномъ III своего внука Дмитрія Ивановича вовсе не говорится, что употребленныя тогда шапки и бармы были Мономаховы; несомнѣнно только то, что онѣ были тѣ самыя, о которыхъ упоминается въ духовныхъ, и что эти двѣ утвари лишь съ того времени сдѣлались государственными регалиями, бывъ прежде регалиями старшаго изъ князей. Ни крестчатая цѣпь, ни Парамшина икона или крестъ, ни коробочка сердоличная не имѣли мѣста при вѣнчаніи; значить, эти вещи не считались тогда необходимою принадлежностью сана. Итакъ духовныя завѣщанія не даютъ никакого повода считать Мономаховыми какія-либо изъ означенныхъ выше утварей, а скорѣе наводятъ на мысль, что утвари получены изъ Византіи разновременно и по различнымъ случаямъ и позднѣе приурочены къ старому преданію о вѣнчаніи великаго князя, съ отнесеніемъ этого событія къ Владиміру Мономаху, какъ внуку восточнаго императора и какъ къ славнѣйшему изъ князей.

Изъ вещей, хранящихся теперь въ оружейной палатѣ, обращаетъ на себя вниманіе такъ называемая Мономахова шапка. Можетъ быть, она та самая, которою былъ вѣн-

¹⁾ См. въ завѣщаніи Довскаго.

²⁾ См. выше мнѣніе его о присылкѣ животворящаго креста св. Владиміру.

чанъ Дмитрій Ивановичъ, но слѣдуетъ ли считать ее за византійскую корону? Вельтманъ описалъ ее такъ: „царскій златой вѣнецъ или златая шапка, сканая, украшенная жемчугомъ и драгоцѣнными камнями. Въ золотомъ крестѣ, по концамъ, большія жемчужины. На яблокѣ, въ гнѣздахъ, яхонтъ лазоревый, яхонтъ желтый, лалъ и жемчугъ. На осьми сканныхъ золотыхъ дощечкахъ, составляющихъ тулю, крупныя камни: 2 червчатыхъ яхонта, 4 изумруда и 2 лала, обсаженные жемчужинами. Форма вѣнца фракійская, и принята съ полнымъ далматическимъ царскимъ облаченіемъ греческимъ императоромъ Константиномъ великимъ“. Не вдаваясь въ изслѣдованія о томъ, какую одежду избралъ для себя Константинъ великій, мы сдѣлаемъ краткій взглядъ на одинъ родъ памятниковъ, дошедшихъ до насъ въ подлинникахъ, и именно посмотримъ на римско-византійскія медали. На нихъ видимъ Константина изображеннымъ не въ какой-либо коронѣ, а по обычаю римскихъ императоровъ въ лавровомъ вѣнкѣ, иногда въ діадемѣ или въ шлемѣ¹⁾. По медалямъ первыхъ восточныхъ императоровъ видно, что вѣнокъ началъ переходить въ повязку особаго вида: на Аркадіѣ вѣнокъ украшенъ камнями и имѣетъ напередѣ большую розетку; потомъ является на головахъ императоровъ повязка или обручъ, усаженный камнями въ одинъ или нѣсколько рядовъ; въ разныя времена эта повязка принимала разныя формы, то плоскую, то слегка округлую сверху, то пирамидальную; наверху показался крестъ, а съ боковъ—привѣски; только Ираклій изображался иногда въ шапкѣ на манеръ фригійской, но безъ креста на верху. Что византійскіе вѣнцы не походили на шапку, свидѣтельствуетъ извѣстіе Прокопія, который, описывая бунтъ народа при Юстиніанѣ и избраніе въ цари нѣкоего Ипатія, говоритъ: „такъ какъ у мятежниковъ не было діадемы, или другаго, чѣмъ украшаются цари, то они надѣли ему на голову золотую цѣпь и провозгласили римскимъ царемъ“ (О войнахъ, кн. I, гл. 24); значитъ, форма царскихъ вѣнцовъ была такова, что и золотая цѣпь могла ихъ замѣнять. О византійскихъ вѣнцахъ Анна Комнина пишетъ: „царская діадема окружаетъ голову въ видѣ полушарія: она со всѣхъ сторонъ украшена жемчугомъ и дорогими камнями, изъ которыхъ одни лежатъ на ней, а другіе свѣшены, потому что на вискахъ справа и слѣва опускаются нитки жемчуга и ударяются о щеки. Это-то и есть собственно отличіе царской одежды. Напротивъ того вѣнцы севастократоровъ и кесарей только по мѣстамъ украшаются жемчугомъ и камнями, и сверху не имѣютъ полушарія“ (III, 4). Въ одной древней рукописи на Никифорѣ Вотаніатѣ изображена такая корона а на ме-
даляхъ Алексѣя Комнина и его предшественниковъ мы видимъ діадемы слѣдую-
щихъ формъ: и проч.

¹⁾ Императоры украшались еще вѣнкомъ съ лучами.

У насъ на Руси есть нѣсколько древнѣйшихъ образцовъ коронъ: на Кіевскихъ фрескахъ цари изображены вотъ въ какихъ вѣнцахъ , а на фрескахъ Староладожской Георгіевской церкви цари Давидъ и Соломонъ увѣнчаны такого вида коронами: . Одна изъ византійскихъ формъ, именно четвертая, чаще другихъ встрѣчаемая, находится на золотыхъ и серебряныхъ монетахъ съ именемъ Владиміра, представленнаго кромѣ того и съ крестомъ въ правой рукѣ, въ явное подражаніе византійскому лабаруму, перешедшему въ подобный Владимірову крестъ; слѣдовательно, Владиміру данъ на медали совершенно видъ императора (см. Изв. Арх. Общ. Т. III и IV; Шодуарово описаніе Русск. денегъ ч. III; Descr. général des monnaies byzantines, Сабатье, Paris, 1862). Академикъ А. А. Куникъ, въ своемъ изслѣдованіи о Русско-Византійскихъ монетахъ, не рѣшился означенныя медали отнести къ Владиміру святому, но изъ нихъ золотыя почти соглашается приписать Владиміру Мономаху (стр. 138 и 139), а г. Волошинскій, издавая свое описаніе извѣстнаго Нѣжинскаго клада, давшаго цѣлую коллекцію первоначальныхъ русскихъ монетъ, распредѣлилъ серебряныя Владиміровы монеты на два разряда: одинъ приписанъ Владиміру святому, а другой — Владиміру Мономаху. Такъ какъ на нѣкоторыхъ монетахъ головной уборъ представленъ очень возвышеннымъ, подобнымъ шпикѣ, то ихъ и можно бы, пожалуй, отнести къ Мономаху, но тому мѣшаютъ византійскія привѣски и гладкій околышъ (въ Опис. клада, 1853), которые принуждаютъ заключать, что возвышенность убора произошла отъ неловкости монетчика, обставившаго крестъ лишними шариками, и что этотъ уборъ есть настоящая византійская діадема; на монетахъ мы читаемъ символъ совершеннаго самодержавія: „Владиміръ на столѣ, а се его сребро ¹⁾“, чего Мономахъ никакъ не могъ сказать отъ себя, потому что онъ былъ не въ томъ положеніи, которое позволило бы ему превозносить себя надъ прочими князьями столь неумѣренно и налагать на монету обязательную для нихъ печать своего властительнаго права ²⁾. Затѣмъ нѣтъ основанія отвергать принадлежность монетъ св. Владиміру, котораго одного монетчики могли изобразить въ византійскихъ утваряхъ. Я принимаю эти монеты какъ ясное свидѣтельство

¹⁾ Сила этого символа, ослабленная удѣлами, начала возстановляться съ Василія Дмитріевича, на деньгахъ котораго подписывалось иногда: „князь Велики всея Руси“; на деньгахъ Василія Темнаго это усилено титуломъ: „осподарь всей земли Русскія“, наконецъ Іоаннъ III сдѣлался вполнѣ „Государемъ“ Русскимъ и возобновилъ столъ Владиміра, вмѣстѣ съ правомъ: а се его“.

²⁾ Между современными Владиміру Мономаху Византійскими монетами не находится образца для Владимірова серебра; но въ числѣ монетъ предшествующаго Владиміру святому времени можно прямо указать образецъ, съ котораго сняты Владиміровы монеты: это монета Василія Македонянина, на которой императоръ представленъ сидящимъ на престолѣ съ лабарумомъ въ правой рукѣ и съ положенною на колѣни лѣвою рукою (Сабатье, Descr., табл. XLIV № 18).

тому, что на Владиміра были возложены царскія регаліи вовсе не такія, какими представляются такъ называемыя Мономаховы утвари, да и не такія, какія видимы на бытыхъ въ послѣдующіе вѣка деньгахъ, на которыхъ изображены короны съ шипами, продолжавшіяся и на царскихъ деньгахъ, конечно, потому, что онѣ были присоединены къ царской шапкѣ въ видѣ вѣнца на ней. Итакъ извѣстная Мономахова шапка не могла быть короною восточныхъ императоровъ, имѣвшихъ на діадимѣ полушаріе: вмѣсто обруча или діадимы, на ней мѣховая опушка, а вмѣсто полушарія—тулья въ верхушкою для утвержденія креста; по рисунку она имѣетъ такой видъ ¹⁾, совершенно отличный отъ формъ византійскихъ. Правда, на византійскихъ коронахъ видны иногда довольно возвышенныя небольшія дуги, какъ напримѣръ на монетахъ Константина II, Константина Копронима, Михаила II (см. у Сабатье въ Descr.), но тамъ дуги представляются болѣе основаніемъ креста, и только на одной монетѣ Алексѣя Комнина верхняя полоса діадимы выведена округло, дутою, концы которой лежатъ на нижней полосѣ діадимы (см. выше въ рисункахъ), однакожъ это опять совсѣмъ не то, что тулья у шапки; дуги, еще болѣе возвышенныя, украшенныя перьями, представляютъ не короны, а шлемы, при которыхъ императоры изображались съ копьемъ и щитомъ, а не съ лабарумомъ (у Сабатье тамъ же). По всей вѣроятности, знаменитая Мономахова шапка есть не что иное, какъ чисто русская великокняжеская, да и Дмитрій Ивановичъ былъ вѣнчанъ ею не на царство, а на великое княженіе ²⁾. Она чрезвычайно похожа на шапку св. князя, изображеннаго на Рязанскихъ бармахъ ³⁾, а также сходствуетъ, по тульѣ и околышу, съ шапкою Ярослава Владиміровича Новгородскаго (Прохорова: Русск. Древн. кн. 4 и 5) , только у обѣихъ нѣтъ наверху крестовъ и первая изъ нихъ болѣе походитъ на корону; обѣ онѣ, очевидно, были знаками русскаго княжескаго сана ⁴⁾, такъ же какъ шлемъ на иконахъ есть знакъ воина, византійская корона знакъ царской особы не русскаго рода, клобукъ знакъ инока, митра знакъ іерарха. Шапка великаго князя, безъ сомнѣнія, отличалась отъ шапки удѣльнаго князя богатствомъ украшеній и, можетъ быть,

¹⁾ На рисункѣ я не вижу на ней вѣнца съ шипами, да и въ описаніи о немъ не сказано.

²⁾ Въ XV вѣкѣ царскою короною называли вещь совсѣмъ непохожую ни на шапку Мономаха, ни на Византійскій вѣнецъ. Въ духовной князя Михаила Андреевича Верейскаго читаемъ: „да отецъ пожаловалъ далъ дочери своей вѣнецъ царской зъ города да съ яхонты да съ лалы да съ зерны съ великими, другой вѣнокъ низанъ великимъ жемчюгомъ“ (Собр. Госуд. Грам. т. I. стр. 303). „Съ города“ значитъ съ шипами, т. е. такой . На византійскихъ медаляхъ въ подобныхъ вѣнцахъ видимъ царицъ.

³⁾ Шапки на св. Борисѣ и Глѣбѣ, въ окладѣ Мстиславова евангелія, представляютъ видимое подражаніе этой формѣ. Такія шапки на древнихъ рисункахъ можно встрѣтить не разъ.

⁴⁾ Можетъ быть, отъ княжескаго вѣнчанія произошелъ сохраняющійся доселѣ обычай называть новобрачныхъ княземъ и княгинею.

крестомъ, подобно тому, какъ діадима императора византійскаго отличалась отъ діадимъ членовъ его семейства полушаріемъ и привѣсками. Въ такомъ случаѣ Мономахова шапка будетъ подлинно Русская корона, истинный вѣнецъ Россійскаго царствія, ни откуда не заимствованный, вошедшій въ употребленіе въ замѣнъ императорскаго вѣнца, возложеннаго на св. Владиміра. Ризанскія бармы и бармы, завѣщанныя Калитою Андрею Ивановичу, кажется, доказываютъ, что эти украшенія возлагали на себя, вмѣстѣ съ шапкою, не одни великіе князья, но и князья удѣльные, какъ владѣтельные потомки первовѣнчаннаго ¹⁾.

Что касается державы, хранящейся вмѣстѣ съ шапкою Мономаха, то она при Мономахѣ едва ли могла быть; о ней никакіе письменные памятники не говорятъ, а столь отличительный знакъ самодержавія не могъ быть пропущенъ въ духовныхъ завѣщаніяхъ, если бы онъ сохранился вмѣстѣ съ шапкою. Въ первый разъ держава была у насъ употреблена при вѣнчаніи Василія Ивановича Шуйскаго. Вельтманъ замѣтилъ, что держава оружейной палаты, по величинѣ креста, имѣетъ видъ первоначальныхъ греческихъ державъ, но отсюда еще не слѣдуетъ, что она была прислана Владиміру Мономаху; она могла быть доставлена и позднѣе, хотя бы напримѣръ Іоанну Грозному отъ патріарха Константинопольскаго, или вывезена въ Москву царевною Софіею, либо однимъ изъ ея родственниковъ. При встрѣчѣ Θεодоромъ Ивановичемъ патріарха Іеремія держава находилась въ числѣ регалій (Муравьева: Снош. съ Восток. Т. I).

Все вышеизложенное ведетъ къ слѣдующимъ заключеніямъ:

1) Владиміръ святой былъ вѣнчанъ въ царскихъ утваряхъ, приведенныхъ изъ Византіи и не имѣвшихъ никакого сходства съ утварями Мономаховыми;

2) Владиміръ Мономахъ не могъ быть коронованъ по чину греческихъ императоровъ;

3) Утварь Мономахова есть утварь великокняжеская, можетъ быть, сооруженная по заказу Мономаха византійскими мастерами ²⁾, принадлежавшая сану великихъ князей до порабоженія Россіи татарами и возстановленная въ употребленіи по освобожденіи отъ ихъ ига;

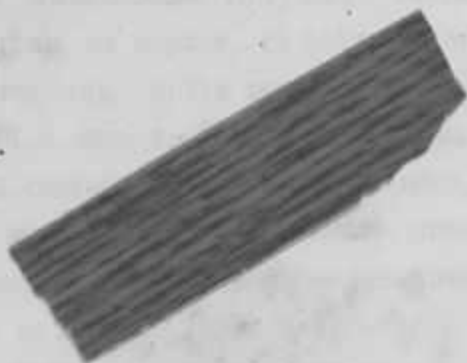
4) Преданія о вѣнчаніи Владиміра святаго, о приѣздѣ въ Россію Греческихъ архіереевъ и о полученіи Владиміромъ Мономахомъ или его матерью наслѣдства послѣ Константина Мономаха или какого либо подарка отъ Алексѣя Комнина, будучи сбиты

¹⁾ Вышеприведенная ссылка на царскій вѣнецъ Михаила Андреевича, который въ своемъ завѣщаніи упоминаетъ о челкѣ и ожерелье, свидѣлствуетъ, что удѣльные князья имѣли вѣнцы. Ожерелье въ Болтинскомъ источникѣ значитъ бармы.

²⁾ Мстиславъ посылалъ же въ Византію обдѣлывать евангеліе.

въ одно сказаніе, отнесены къ великокняжескимъ регаліямъ, которыя и слывутъ за императорскія византійскія, сохранившіяся въ потомствѣ Владиміра Мономаха;

5) Повѣрье о византійскомъ происхожденіи великокняжескихъ регалій и безспорное принятіе этого мнѣнія восточнымъ духовенствомъ, показываетъ, что Русскіе и Греки имѣли высокое понятіе о древнемъ великомъ князѣ, регаліи котораго, хотя и ошибочно, признавались за императорскія, и въ послѣдствіи были употреблены Іоанномъ Грознымъ въ качествѣ императорскихъ, а затѣмъ стали считаться важными болѣе потому, что онѣ Мономаховы, чѣмъ потому, что онѣ византійскія.

В настоящее время в Советском Союзе и в США
наблюдается тенденция к сближению позиций
по ряду вопросов. Это касается прежде всего
вопросов международной безопасности, борьбы
с коммунизмом, а также сотрудничества в области
научных исследований и культуры. Однако
существенные разногласия по-прежнему
остаются в области внешней политики,
особенно в отношении Китая и Кубы.
В то же время в последние годы
наметилась тенденция к снижению
напряженности в отношениях между
двумя сверхдержавами. Это проявляется
в сокращении вооруженных сил,
в проведении переговоров по ограничению
вооружений, а также в развитии
культурных и научных связей.

Какое значеніе имѣетъ гармонизація г. Пóтулова для пѣнія нашей Православной церкви? Можетъ ли она быть приложена къ другимъ пѣнъвамъ, кромѣ Кіевскаго роспѣва? Слѣдуетъ ли сохранить ее, какъ памятникъ обширныхъ трудовъ г. композитора, и какъ поучительный образецъ для дѣятельности прочихъ композиторовъ?

Сообщено протоіереемъ В. Д. Разумовскимъ.

Еще на первомъ Русскомъ Археологическомъ сѣздѣ съ достаточною полнотою и ясностію изложены были музыкальныя достоинства гармонизаціи, принятой г. Пóтуловымъ для сопровожденія мелодическихъ роспѣвовъ нашей православной греко-россійской церкви. „Николай Михайловичъ Пóтуловъ, сказано было тогда, гармонизируя пѣнъвы, назначенныя для пѣнія въ церкви, съ полнымъ знаніемъ дѣла, ограничился единственно консонансными аккордами, почти всегда на тоникѣ, или на ея терціи (медіантѣ), безъ всякихъ задержаній и безъ предѣловъ (антиципацій). Главное достоинство гармонизаціи церковнаго пѣнъва состоитъ единственно въ томъ, чтобы, образуя правильное сочетаніе голосовъ, отнюдь не отвлечь благоговѣйнаго вниманія отъ существеннаго, то есть отъ словъ молитвы. Сверхъ того, необходимо простотою аликвотныхъ аккордовъ сдѣлать это пѣніе доступнымъ на крылосѣ, какъ для ученыхъ, такъ и для самыхъ простыхъ пѣвцовъ, обыкновенно изъ мірянъ, по усердію помогающихъ канонически поставленному пѣвцу. Эта цѣль мастерски достигнута Н. М. Пóтуловымъ, и въ томъ великая, неоцѣнимая его заслуга ¹⁾“.

¹⁾ Труды перваго Археологическаго Сѣзда въ Москвѣ 1869 г.—М. 1871 г. Т. 2. л. 478, 479.

Послѣ такого отзыва ученыхъ археологовъ, должно быть вполне ясно то значеніе, какое должна имѣть гармонизація г. Потулова для богослужебной практики въ православномъ храмѣ. Неоднократное употребленіе гармонизаціи г. Потулова при богослуженіи различными хорами штатныхъ и не штатныхъ пѣвчихъ достаточно подтвердило все ученыя объясненія по этому предмету. Хоры пѣвцовъ всегда находили эту гармонизацію легкою для исполненія по ея простотѣ и несложности музыкальных аккордовъ. Это особенно замѣчено въ такихъ хорахъ, которые находились на первой степени своего музыкальнаго развитія и слѣдовательно не приобрѣли еще прочнаго, преимущественнаго навыка къ интерваламъ, составляющимъ прелесть музыки свѣтской,—и еще въ такихъ хорахъ, которые находились на высшей степени своего музыкальнаго образованія и голосоваго развитія, и слѣд. съ равнымъ удобствомъ могли читать какъ свѣтскія, такъ и духовныя голосовыя партитуры. Для всѣхъ вообще хоровъ исполненіе гармонизаціи г. Потулова облегчается твердымъ знаніемъ характера церковной мелодіи и подборомъ голосовъ, вполне соответствующихъ партитурѣ г. Потулова. Православные слушатели при исполненіи гармонизаціи г. Потулова осязательно чувствовали въ ней глубокую христіанскую древность, располагающую своимъ строгимъ характеромъ къ молитвенному возвышенію душевныхъ помысловъ. Одинъ изъ благочестивыхъ сельскихъ пастырей Симбирской епархіи писалъ по этому случаю: „при неоднократномъ исполненіи переложеній г. Потулова съ небольшимъ хоромъ своихъ пѣвчихъ я замѣтилъ, что церковное пѣніе въ переложеніи г. Потулова дѣйствительно производитъ неотразимое впечатлѣніе на простые сердца и неиспорченный слухъ сельскихъ жителей ¹⁾“.

Мелодія Кіевского распѣва, какъ простѣйшая по своему сложенію, была первымъ предметомъ гармонизаціи г. Потулова; по крайней мѣрѣ, гармонизація Кіевского распѣва впервые сдѣлала извѣстнымъ имя г. Потулова всѣмъ русскимъ церковнымъ хорамъ пѣвчихъ. Послѣдствія показали, что тотъ же самый способъ гармонизаціи, какой употребленъ г. Потуловымъ для гармонизаціи Кіевского распѣва, безъ особеннаго затрудненія примѣняется ко всѣмъ прочимъ распѣвамъ православной греко-россійской церкви: къ старому знаменному и малому знаменному распѣвамъ, а также къ распѣвамъ греческому и болгарскому. Г. Потуловъ, нынѣ уже почившій († 17 мая 1873 г.), оставилъ намъ обширные труды свои въ этомъ родѣ, тщательно переписанные имъ собственноручно отъ перваго до послѣдняго листа. Къ такимъ трудамъ принадлежатъ:

1. *Воскресный Октоихъ*, содержащій въ себѣ воскресныя стихиры, тропари и прмосы на 8 гласовъ, разныхъ распѣвовъ, 1870 г. Въ немъ все стихиры, кромѣ богородичныхъ, на „Господи воззвахъ“ изложены Кіевскимъ распѣвомъ, богородичны же—старымъ знаменнымъ; тропари изложены греческимъ распѣвомъ; прмосы взяты съ знаменнаго и гре-

¹⁾ Письмо отъ 30 янв. 1874 г.

ческаго роспѣвовъ; кромѣ того, въ каждомъ гласѣ приложено по одной самогласной стихирѣ малаго знаменнаго роспѣва, по образцу которой могутъ быть исполняемы всѣ прочія стихиры тѣмъ же роспѣвомъ.

2. *Обиходъ разныхъ роспѣвовъ*, 1870 г., состоящий изъ двухъ частей. Въ первой части помѣщены—„Литургія св. Іоанна Златоустаго и лѣвый ликъ на литургіи св. Василия великаго,—Всенощное бдѣніе,—пѣснопѣнія св. и великой четыредесятницы изъ „часовъ, вечерни, литургіи преждеосвященныхъ даровъ и великаго повечерія“,—также пѣснопѣнія изъ утрени и панихида. Во второй части обихода находятся пѣснопѣнія разныхъ роспѣвовъ, относящіяся къ божественной литургіи, какъ то антифоны, вмѣсто трисвятаго, прокимны дневніи, вмѣсто херувимской пѣсни, а также антифоны, тропари, кондаки, прокимны и задостойники разныхъ роспѣвовъ въ праздники и нарочитые дни ¹⁾.

3. Служба и трипѣсницы страстной седмицы, разныхъ роспѣвовъ.

4. Трипѣсницы во св. и великую четыредесятницу, разныхъ роспѣвовъ.

Самое служеніе интересамъ отечественной археологіи обязывало бы сохранить музыкальные труды г. Пѣтулова въ цѣлости уже потому, что они имѣютъ за собою авторитетъ первичной важности; ибо, какъ мы сказали выше, всѣ они писаны рукою самаго композитора и наполнены его примѣчаніями, полезными для пѣвческихъ хоровъ и ихъ управителей или регентовъ. Изданіе трудовъ г. Пѣтулова въ свѣтъ, безъ сомнѣнія, оживило бы народное искусство и, какъ заявлено было на первомъ Археологическомъ съѣздѣ ²⁾, послужило бы навсегда образцемъ гармонизированнаго православнаго пѣнія, назначеннаго для исполненія въ церкви. Нѣтъ, разумѣется, причинъ представлять музыкальному генію опредѣленную норму для его свободныхъ дѣйствій; но онъ вѣрнѣе и прочнѣе станетъ на свой творческій путь, когда историческими и археологическими данными познакомится съ дѣятельностію своихъ предшественниковъ, и такимъ образомъ избѣжитъ отъ труда повторять дѣла, совершенныя его предшественниками въ музыкальной области богослужебнаго пѣнія. Во всякомъ случаѣ, произнося даже рѣшительнаго сужденія о способѣ гармонизаціи г. Пѣтулова, можно утвердительно сказать, что обширные труды его или

¹⁾ Въ этомъ обиходѣ, какъ замѣтилъ самъ г. Пѣтуловъ, „альтовый голосъ постоянно поетъ ноту древняго напѣва, прочіе же голоса сопровождаютъ его въ трезвучномъ съ нимъ сочетаніи. Мѣстами альтъ падаетъ весьма низко, а за нимъ и прочіе сопровождающіе его голоса, чрезъ что пѣніе весьма затрудняется. Это положеніе алта удержано здѣсь для того, чтобы быть совершенно вѣрнымъ нотѣ церковныхъ книгъ. Облегчить же исполненіе—въ рукахъ управляющаго хоромъ (регента). Стоитъ только пѣть одною или нѣсколькими нотами выше противу написаннаго. Но во всякомъ случаѣ, при настоящемъ положеніи голосовъ, и для сохраненія характера пѣнія, повышеніе возможно *отнюдь* не болѣе, какъ на 1½ тона, или на малую терцію, при чемъ, конечно, должно сосбразоваться съ голосовыми средствами пѣвцовъ“.

²⁾ Труды пераго Археологическаго Съѣзда въ Москвѣ. М. 1871 г. Т. 2. стр. 479.

совершенный образецъ гармонизированнаго православнаго пѣнія, и тогда изданіе ихъ составляло бы великую заслугу археологii для православной церкви, или—памятникъ обширной дѣятельности отечественнаго композитора, и тогда изданіе ихъ, по полнотѣ своей и типическимъ особенностямъ, составляетъ эпоху въ церковно-музыкальной лѣтописи, характеризуетъ современную дѣятельность въ области церковнаго пѣнія и честно и славно сохраняетъ имя отечественнаго дѣятеля, посвятившаго церковному пѣнію самую зрѣлую пору своей жизни и относившагося къ своему дѣлу не только съ любовью, но и съ благоговѣніемъ, какъ къ важному и высокому служенію православной греко-россійской церкви.

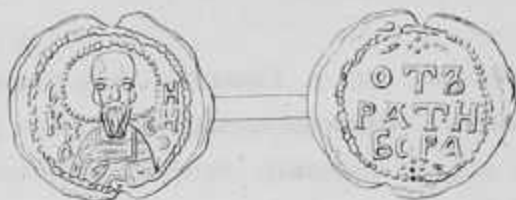
О древней вислой свинцовой печати, съ надписью „отъ Ратибора“, найденной въ 1872 году около г. Еникале, что въ Керченскомъ Градоначальствѣ.

Сообщено **Е. Люценкомъ.**

Въ 3-хъ верстахъ къ востоку отъ г. Ени-кале есть мѣстность, извѣстная подъ названіемъ „Агіаность“, названіемъ, очевидно составленнымъ изъ двухъ греческихъ словъ ΑΓΙΟΣ ΝΑΟΣ —свѣтой храмъ, гдѣ, по преданію, существовала одна изъ самыхъ древнѣйшихъ церквей въ Крыму, во имя Іоанна, но какого—неизвѣстно, разрушенная въ 1774 году, во время выселенія Керченскихъ грековъ въ Маріуполь¹⁾. Около этой мѣстности какимъ-то татаринѣмъ изъ деревни Джан—кой найдена въ 1872 году свинцовая, вислая печать, которая пріобрѣтена была у него, вмѣстѣ съ разными мѣдными Босфорскими монетами, однимъ Керченскимъ собирателемъ древностей и переуступлена мнѣ, съ объясненіемъ, что она, въ первоначальномъ своемъ видѣ, покрыта была значительнымъ слоемъ металлической и земляной накипи, очищенной имъ осторожно, перочиннымъ ножикомъ.

¹⁾ Павелъ Сумароковъ въ своихъ „досугахъ Крымскаго судьи“, стр. 106—108, часть II, изд. 1805 г., описывая современное ему запустѣніе Керчи и Ени-кале, приписываетъ это—выселенію въ 1774 году мѣстныхъ Грековъ и Армянъ,—первыхъ въ Маріуполь, а послѣднихъ въ Нахичеванъ, что на Дону. Къ означенному году слѣдуетъ, кажется, отнести разрушеніе упомянутой церкви Іоанна, находившейся въ трехъ верстахъ отъ Ени-кале,—единственной на Керченскомъ полуостровѣ церкви, въ которой дозволено было Татарами совершать Христіанское богослуженіе мѣстнымъ жителямъ. Не находилась ли она около того мѣста, гдѣ въ 1821 году построены нынѣшній маякъ, или ниже его на мысѣ, вдающемся въ море, впаду откоса, на которомъ г. Дебрюкъ въ двадцатыхъ годахъ видѣлъ еще слѣды города Пароеніона, упоминаемаго Страбономъ?

Эта печать, (принадлежащая къ разряду тѣхъ старинныхъ печатей, которыя при-
вѣшивались къ грамотамъ), состоитъ изъ свинцоваго кружка, съ отверстіемъ внутри его
для продѣванія шнура. На одной сторонѣ ея, въ кругѣ изъ точекъ, вытиснуть по
поясъ, въ богато украшенной священнической ризѣ, Николай Мирликійскій, съ обна-
женной головой, обведенной нимбомъ, и съ продолговатою, почти остроконечною боро-
дою, какъ изображали его въ первые вѣка христіанства; лѣвою рукою онъ держитъ еван-
геліе, а правую поднятою благословляетъ. На полѣ видны поставленные вертикально
буквы: справа—^СК^Л, слѣва ^ЛЕН. Трудно объяснить значеніе этихъ буквъ, по видимому
славянскихъ. На другой сторонѣ, тоже въ кругѣ изъ точекъ, между двумя розетками
—[○]— ОТЪ—РАТИ—БОРА —[○]—, въ трехъ строкахъ. Изображеніе святителя
Николая довольно выпукло и хорошо сдѣлано; буквы оборотной надписи нѣсколько ве-
лики, сравнительно съ размѣромъ печати, но правильно поставлены. Печать хорошо со-
хранилась и носить на себѣ все признаки древности. Вотъ рисунокъ обѣихъ сторонъ
ея, сдѣланный отъ руки, въ натуральную величину:

Сравнивая стиль и очертанія буквъ ея надписей съ буквами нашихъ письменныхъ
памятниковъ, какъ напримѣръ: съ записью князя Глѣба 1063 г., Изборникомъ 1073 г.
и проч. ¹⁾, нельзя не придти къ заключенію, что она относится къ XI столѣтію, именно
къ той эпохѣ русской исторіи, когда здѣсь существовало Тматороканское княжество,
господствовавшее на Киммерійскомъ Босфорѣ съ начала X вѣка и занимавшее, кромѣ
Таманскаго, и Керченскій полуостровъ ²⁾. Мѣсто, гдѣ она найдена, находилось на пути
Кіевскихъ и другихъ дружинъ южной Руси, которыя по Днѣпру спускались до рѣки
Самары, потомъ по рѣкѣ Міусу выходили въ Азовское море и, высажась на Арабатскую
стрѣлку, шли по сѣверному Крымскому побережью ³⁾, гдѣ до сихъ поръ видны большіе

¹⁾ Древніе памятники Русскаго письма и языка (X—XIV вѣковъ). И. Срезневскаго. При-
ложенія. С.-Петербургъ, 1866 года.

²⁾ О Тматороканской Руси.—Опытъ возстановленія и объясненія Несторовой лѣтописи. Н.
Ламбинъ. Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Январь 1874 г.

³⁾ Бопланъ, въ извѣстномъ сочиненіи своемъ объ Украинѣ, описавъ, какимъ образомъ
Запорожцы возвращались въ войсковую Скарбницу изъ отважныхъ своихъ походовъ по Черному
мору, между прочимъ, говоритъ, „что есть еще другая дорога для возвращенія въ Запорожье—
черезъ проливъ, отдѣляющій Тамань отъ Керчи, по Донскому лиману и по рѣкѣ Міусу. Здѣсь

четыреконечные кресты, высѣченные на камняхъ и скалахъ, особливо тамъ, гдѣ встрѣчаются береговыя природныя пещеры, служившія имъ повидимому становищами, какъ напримѣръ въ замѣчательномъ урочищѣ „Коба“ (пещера), въ двухъ верстахъ къ сѣверу отъ селенія Осовино. Далѣе, около нынѣшняго маяка, въ самомъ узкомъ мѣстѣ Керченскаго пролива, они переправлялись на материкъ Таманскаго полуострова, въ Тматорокань. Должно полагать, что упомянутая церковь, разрушенная въ 1774 году, стояла отсюда недалеко и, кажется, именно тамъ, гдѣ нынѣ, внизу маяка, находится завалившійся колодезь, снабжавшій еще недавно водою каботажныя суда. Вѣроятно, въ этой церкви хранились разные документы и въ томъ числѣ жалованныя грамоты Тматороканскихъ князей, которыя всѣ погибли, кромѣ нашей печати съ именемъ Ратибора. Но какой же это Ратиборъ, безъ княжескаго титула, имѣлъ здѣсь право привѣщивать къ своимъ грамотамъ печати, съ изображеніемъ святаго, конечно, своего соименника и патрона?

Раскрываемъ наши лѣтописи и видимъ, что въ 1078 году Олегъ Святославичъ, оставленный безъ удѣла Кіевскимъ великимъ княземъ Всеволодомъ, явился въ Тматорокань и, вмѣстѣ съ Борисомъ Вячеславичемъ, вступилъ въ сношеніе съ разными Половецкими князьями, кочевавшими на Дону и въ степяхъ на восточномъ берегу Днѣпра. Выгнавъ Всеволода изъ Чернигова, онъ былъ разбитъ на Нѣжатиной нивѣ (гдѣ погибъ Борисъ). Половцы удалились въ свои степи, а Олегъ опять возвратился въ Тматорокань¹⁾. На

они плывутъ по Міусу, покуда возможно, а далѣе отъ этой рѣки до Тачаводы, около мили, идутъ волокомъ. Тачавода впадаетъ въ Самару; Самара же изливается въ Днѣпръ, выше Кайдака“. Профессоръ Ф. К. Брунъ, (Слѣды древняго рѣчнаго пути изъ Днѣпра въ Азовское море, помѣщен. въ Запискахъ Одесскаго Общества Исторіи и древностей, Т. V. 1863 г.), между прочимъ, пишетъ, что извѣстіе о водяномъ сообщеніи, существовавшемъ въ древности между Днѣпромъ, Азовскимъ моремъ и Перекопскимъ заливомъ, сохранилось до временъ Константина Порфиророднаго. Руссы, если даже отправлялись въ Черное море внизъ по Днѣпру, могли, въ случаѣ надобности, совершать обратный путь чрезъ Керченскій проливъ, Азовское море, Міусомъ и Самарою“. „Русскіе утвердившись въ сосѣдствѣ Алановъ, должны были дорожить Азовскимъ моремъ, представлявшимъ имъ гораздо кратчайшій и удобнѣйшій путь изъ Тматорокани въ Кіевъ, нежели Черное море съ Днѣпромъ. Если же въ суровое зимнее время оба моря были недоступны нашимъ предкамъ, то они все еще могли сообщаться съ дальнею своею колоніею посредствомъ Арабатской стрѣлки, которую описалъ раввинъ Петакиа въ путешествіи своемъ въ 1175 году изъ Кіева въ Хазарію“. Извѣстно, что вслѣдствіе договора Городецкаго, заключеннаго въ 1025 году, Тматороканская область осталась въ связи съ Черниговскимъ княжествомъ, лежавшимъ на восточной сторонѣ Днѣпра. Поэтому неудивительно, что звѣномъ, соединявшимъ область съ княжествомъ, было не Черное море, но Азовское“.

¹⁾ Лаврентьевская лѣтопись, стр. 85. Изданіе Археографической Коммиссіи. С.-Петербургъ. 1846 г.

слѣдующій годъ Олегъ, подговоривъ брата своего Романа, снова двинулся съ толпами Половцевъ къ Чернигову; но Половцы, вѣроятно подкупленные Всеволодомъ, заключили съ нимъ миръ и на возвратномъ пути, по совѣту участвовавшихъ въ походѣ Хазарь, убили Романа, а Олега отправили въ Грецію. Всеволодъ же немедленно присоединилъ Тмуторокань къ своимъ владѣніямъ и послалъ туда своего посадника *Ратибора* ¹⁾. Но не прошло и года, какъ тамъ явились новые бѣглецы изъ Руси—Давидъ Игоревичъ съ Володаремъ Ростиславичемъ и, захвативъ Ратибора, завладѣли Тмутороканью ²⁾. Исторіографъ Карамзинъ относитъ эти событія къ 1078—1093 годамъ и, описывая княженіе Владиміра Мономаха (съ 1113 по 1125 годъ), говоритъ ³⁾, что по случаю мятежа въ Кіевѣ, происшедшаго отъ лихоимства евреевъ, угнетавшихъ должниковъ неумѣренными ростами (процентами), Владиміръ Мономахъ собралъ въ Берестовѣ бояръ и тысяцкихъ, въ числѣ которыхъ встрѣчаемъ имя и Ратибора Кіевского, и, посовѣтовавшись съ ними, издалъ извѣстный законъ о ростахъ, включенный въ Ярославову Русскую правду ⁴⁾.

Послѣ такого указанія нашей лѣтописи, кажется, нельзя сомнѣваться, что найденная около Ени-кале свинцовая печать принадлежала грамотѣ именно того Ратибора, посадника Кіевского, о которомъ она упоминаетъ, говоря о назначеніи его великимъ княземъ Всеволодомъ въ 1079 году своимъ намѣстникомъ въ Тмутороканское княжество. Въ кратковременное пребываніе въ немъ этого правителя, такихъ грамотъ его не могло быть много, и потому описанная печать, какъ единственный, вещественный знакъ, подтверждающій лѣтописное сказаніе о когда-то бывшемъ здѣсь намѣстникѣ Ратиборѣ, интересна во многихъ отношеніяхъ. О иноземномъ происхожденіи ея не можетъ быть рѣчи. Что же касается до отчетливой и хорошей работы находящейся на ней надписи и изображенія святителя Николая, сравнительно съ грубою чеканкою извѣстныхъ монетъ, почти того же времени, Владиміра Равноапостольнаго и Ярослава мудраго, то это вовсе не удивительно, если вспомнимъ близкое сосѣдство Тмуторокани съ византійскими греками, имѣвшими въ то время такое сильное вліяніе на искусства въ Россіи.

Своеобразность и краткость надписи на оборотной сторонѣ ея—„ОТЪ РАТИБОРА“, столь свойственныя простотѣ и духу тогдашнихъ славянъ, незнакомыхъ еще съ западными геральдическими понятіями о изображеніяхъ и символахъ на печатахъ, напоминаютъ намъ другую находку, сдѣланную въ 1869 году въ Тамани и относящуюся тоже къ

¹⁾ Тамъ же, стр. 87.

²⁾ Записки Одесскаго Общества исторіи и древностей. Т. II. О сѣверномъ берегу Чернаго моря и прилегающихъ къ нему степяхъ И. Бѣляевъ.

³⁾ Исторія Государства Россійскаго. Карамзинъ. Т. II, глава V, стр. 55, изданіе 1842 года Эйнерлинга.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 89 и 216. Примѣчаніе, стр. 90.

Тматороканскому княжеству. Это—небольшой серебряный кружокъ, неровно обрѣзанный, величиною въ византійскій аспрь Комненовъ, съ надписью: „ГѢ ПО—ЛОЗИ—ЛИХА—ИЛ..“, вычеканенной на оборотной сторонѣ его, въ обратную сторону къ лицевому изображенію какого-то святаго, кажется, архангела Михаила. По нашему мнѣнію, этотъ серебряный кружокъ не принадлежитъ къ разряду старинныхъ шейныхъ гривенокъ, какъ нѣкоторые полагаютъ, но есть настоящая ходячая монета, чеканенная въ Тматорокани, при князѣ Олегѣ, названномъ въ святомъ крещеніи Михаиломъ, и весьма интересная по своей своеобразности и несходству ея типа съ современными ей денежными знаками другихъ государствъ ¹⁾).

¹⁾ Замѣтки изъ Керчи. Труды Московскаго Археологическаго Общества, Т. II, выпускъ II, стр. 190, 1871 года.

ШЕПТАНЬЯ.

Приложеніе къ реферату: „Слѣды языческихъ вѣрованій въ южно-
русскихъ шептаньяхъ“.*)

Сообщено П. С. Иващенко.

ОТДѢЛЪ I.

Замовлянья, или заклинанія, какъ словесныя мѣры противъ постигшихъ человека болѣзней
и неблагопріятныхъ случаевъ.

А) Противъ болѣзней, причина которыхъ неизвестна и гадательна.

1. О д у р о к ѣ в.

а) Господи милостивый, всі святіи
Станьте мені на помочи
Рабу Божому (имя врачуемаго)
Нароженому, молитвыному, хрещеному.
Там стояло чорне море,
На чорнім морі—чорний дуб,
На чорнім дубі—чорний чоловік,
І чорна одежа, і чорний тупор.
Не йде і дуба затинати,
Не йде і моря запиняти,

Іде уроків одпірати (врочить)—
Чоловічих, жоночих,
Парубочих, дівчачих, хлопьячих—
Вітряніи, водяніи, супротивніи,
Наслані, наказані, примовлені.
І тут вам не стояти,
Жовтої кости не ламати,
Червоної крові не пити
Із білого тіла, із щирого серця,
Із жовтої кости.

За одним духом (не переводя дыханія) треба *три-девять* слів сказати, а то (виротивномъ случаѣ)—не поможеть. Треба швидко шиптати (скороговоркой). Перевертати слів (дѣлать перестановку) не можна,—не поможеть; так шепчуть жилові, або свині.

Гадяч. у., Полт. губ.

*) См. Труды 3-го Археологич. съѣзда, Т. I, стр. 313.

- б) Святі київські, охтирські,
 Манастирські, печерські,
 Переяславські і ти,
 Свята п'ятінко,
 Простіть і помилуйте.
 Господи милостивий, Сус Христос!
 І сам Бог іде раба Божого
 Од уроків шиптати і вишптувати,
 Вибавляти, вимовляти,

І вроки—вровичі,
 І подумані, і погадані,
 І вітряні, і водані,
 І хлоп'ячі, і дівочі,
 Тут вам не жити,
 Тут вам не бути,
 Червоної крові не пити,
 Жовтої кости не ламати,
 Веселого серця не нудити (тричі)¹⁾.

Гадяч. у.

2. Од великих стисків у дитини, плаксивець і безсонниця.

- а) Розвести на прип'ічку огонь і казати:
 Йшла я кісними вулицями
 Та зустріла два чоловіки;
 Дали міні (вони) хліба-соли,
 А я їмь-стиски-стиски,—
 Вітряні, водані, супротивні,
 Подумані, погадані,
 Наслані, наказані, примовлені.
 Тут вам не стояти,
 Жовтої кости не ламати,
 Червоної крові не пити
 Із білого тіла, із щирого серця,
 Із жовтої кости.

Ідіть собі, стиски, на луги на доли,
 На очереті, на болоті,—
 До синього моря гуляти
 А моєму народженому,
 Молитвяному, хрещеному,
 Дайте спати.
 Поки я не знала,
 Поті я не шиптала,
 Поті я Господа Бога не прохала,
 А як стала я знати,
 Стала я Бога прохати,
 Пречисту Матір зивати.

Гадяч. у.

- б) Дубе, дубе зелений,
 Я тебе ззім
 З гіллям и коринням.
 Дубино зелена,
 Посватаймося й побратаймося.
 На тобі плаксивці,
 Нидрімливці, нисонливці,
 А дай моїй дитині сон
 Зо всіх сторон,
 І спання до білого дня,
 До смирення,
 Від смирення до сіяння,

Від сіяння до Божого взихання.
 Ви, плаксивці,
 Ви, нисонливці,
 Ви, нидрімливці,
 Висіть (?) хочь лижить
 А на истри (?), на очерета йдіть.
 Там вам бувати,
 Там вам гуляти,
 Жовтими пісками пиришипати
 І водою пириливати,
 Очеретами крутити
 І болотами мутити

¹⁾ Варіан. кь шепт. см. Труды Этнограф.-статистич. экспедиции въ Запад.-Рус. край. Ю.-З. отд. Т. I, в. 1-й, стр. 134, i.

Ма ціому сину то нинирихід.
А чужим дітям та ниниригляд,
Стирижи, Боже, цію дитину
В злую годину.
Сило тухни, а поле грай,

А ти, дитя, спи і дрімай
Від світання до смиркання,
Від смиркання до сіяння
До Божого взихання¹⁾.

Сел. Жерденовка, Волин. губ.

в) Несуть у вечері дитину у курник і кажуть тричі: „Добридень вам кури—куриці!
Нате вам плаксивиці“²⁾.

Гор. Збильковъ, Полт. губ.

г) У вечері іде з двору під вікно баба, а хто-небудь з хати вказує.

Баба. Добридень вам!

Хто-небудь. Хто тепер видав, щоб добридень казано?

Баба. Хто тепер видав, щоб дитина плакала? Добридень вам! Чи тут ночниці та плаксивиці?

Хто-небудь. Тут.

Баба. Нехай же ідуть до дівчат та до хлопчат на вечерниці.

Гор. Збильковъ.

3. О д чорної (падючої) болізни.

Въ день Юрія, 23 апрѣля, до восхода солища, принести води изъ колодца или рѣки и эту воду имѣть въ бутылкѣ, или другомъ сосудѣ про запасъ. Когда настанетъ припадокъ, снять благословенную икону, поставитъ въ чашку (миску) и облить ее юрьевскою водою три раза на крестъ (крестообразно); при этомъ читать молитву: *Заступнице усердная*, и передъ иконою на колѣняхъ прочесть ту же молитву три раза. Надъ больнымъ прочесть трижды не отдыхаючи (не переводя дыханія) *Отче нашъ*. Потомъ взять мизинцемъ изъ комина сажи, омочить въ воду, оставшуюся въ чашкѣ, и писать крестики на лбу, груди и по всему тѣлу больного, говоря при этомъ:

Св. Юрій, твоею святою водою омиваю наврожденнаго, молитвяного і хрещеного од чорної болізни.

За тѣмъ омыть больного тою водою, въ которой омывалась икона, и окурить пехворощю.

Г. Гадячъ.

4. О д жовтяницъ.

а) Іхав Юрій маленькими осятами
З молодими дівчатами—
Зілля копати, жовни (?) замовляти
Вийдіть жовни, де ви-єсть:

З серця, з пичінок,
З м'яса, з кісток;
На верх вийдіть і замріть.
Тут вам ни бувати,

¹⁾ Вар. см. тамъ же стр. 112.

²⁾ Вар. см. тамъ же стр. 141.

Тут вам ни гуляти,
Червоної крові ни пити,
Жовтої кости ни ломити
І м'яса ни в'ялити.

Я вас замовляю,
Я вас закликаю
І на тем (?) вічний
Ножем зарубаю.

Сел. Жерденовка.

б) Призиваю Духа св. на всяке добре діло.

Творче, Создателю всяческихъ, Боже, дѣла руку нашихъ ко славѣ твоей начинаемъ,
яко единъ и всесилень челоуѣколюбець.

Господи, поможи й всі святі
Станьте мені въ помочі,
Миколай, Божий угодник,
Нарожденному і молитв'яному
Рабу Божому
Од болізни шиптати.
Визиваю, викликаю
От молитв'яного народженого
І хрещеного жовтяниці—
Вітряні, водяні, пристрітні,
Подумані і погадані,
Ночні і полуночні,
Денні і полуденні,

Хлоп'ячі, дівчачі,
Дівочкі і парубочкі,
Чоловічі і жоночі.
Тут вам не бувають і не роскошувать
І жовтої кости не ламать
Силю і посилю вас
В землю пуста, безконечную,
Де козак не гуляє,
Де дівка косою не має,
Де чоловічеський голос не заходить,
Де скотина не ходить
І де птиця не літає.

Г. Гадячъ.

5. Од переполюху.

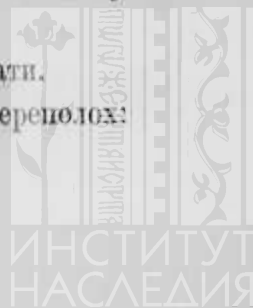
а) Його завіртують и виливають. Як завіртують, то беруть нитку заполочі, міряють нидукого переполюхом; потім провіртують дірочку свердлом в одвірках, кладуть туди ниточку й забивають дірочку кілочком. Дірочка вертиця на такий висоті, який ріст педукого. Як болний переросте тую дірочку, той переполюх пройде.

Виливають так: наливають в миску води, ростопляють на жару віск; потім ставляють миску то на голові, то на грудіх, то на ногах й всякий раз лють в миску ростоплений віск. Яка фігура вийде, то од предміта її случився परिполюх. Фігури бувають різні: чоловіча, птича, ничистого й другі, більше—гусака й ничистого; фігуру посліднього узнають по рогам и кучирявій голові. Шепчуть, спілвують, і переполюх проходить.

Гадяч. у.

б) Творче создателю всяческихъ,
Боже, діла руку нашихъ
Ко славѣ твоей начинаемъ.
Поможи Боже и всі святі
Станьте мині в помочі,

Миколай, Божий угодник,
Нарожденному, молитв'яному
Рабу Божому
От переполюху шиптати.
Визиваю, викликаю переполюх!

Овечий, скотячий, кінський,
 Козячий, собачий, заячий,
 Лисичий, вовчий, видмежий,
 Ящириний, жаб'ячий, черепаховий,
 Гадючий, сорочий, воронячий,
 Курачий, утячий, гусячий,
 Индикий, голуб'ячий, ластів'ячий,
 Перепеловий, орловий, шулічий
 Синичий і солов'иний,
 І ссилаю тебе, злий душе-переполоше,
 В землю пустую, безконечною,
 Де козак на коні не гуляє

Де дівка косою не має,
 Де чоловічеський глас не заходить,
 Де скотина не ходить,
 Де і птиця не залітаєть.
 Есть за морем у вишнь-високо
 У глибь—глибоко дуб,
 Під тим дубом корінь,
 Під тим корнем єсть копит—ключ;
 Він у его землю одмикає,
 Усі немоці одбірає,
 Одбери у наврожденного, молитв'яного
 І хрещеного немоць.

Г. Гадячъ.

6. О д соняшницъ.

а) Соняшниці бувають вітряні й водяні; перші сухі, признак їх тошноти; а признак хторих—понос. Як сухі, то тільки шепчуть, а як водяні, то шепчуть й заварюють.

Шепчуть так:

Святій київські, охтирські,
 Манастирські, печерські,
 Переяславські, і ти,
 Свята п'ятінко,
 Простіть і помилуйте.
 Господи милостивий Сус Христос,
 І сам Бог іде раби Божого
 Од соняшницъ шиптати

І вибавляти, і вимовляти
 Соняшниці подумані, погадані,
 І вітряні, і водяні,
 Тут вам не жити,
 Тут вам не бути;
 Ідіть собі на очереті, на болоті,
 Там вам жити,
 Там вам бути (тричі).

Заварюють так: болний лягає на спину; на животі йому ставляють миску з водою. Треба положити в миску клоччя, підпалити його й перевернуть швиденько до гори дном; так зробить тричі; потім полоскати в воді, що в мисці, ніж веретенце, брус, ложку й вишпирити три ложки тієї води; то на ніж, веретенце й друге, що полоскано в воді, все лихо перейде¹⁾.

Гадяч. у.

б) Тоже, що и *од жовтяницъ*, только съ замѣною слова *жовтяниці* словомъ *соняшниці*. (См. А, а, IV, 2).

7. О д пропахниці, трясці, лихоманки, лихорадки.

а) Бишихо татарко,
 Бишихо циганко,

Бишихо жидівко!
 Тут тобі ни бувати,

¹⁾ См. тамъ же, стр. 114.

Тут тобі ни гуляти,
Червоної крові ни пити,
Жовтої кости ни ломити,
Білого тіла ни вьялити.
Іди собі на сине море;
Там тобі бувати,
Там тобі гуляти,
Жовтими пісками пририсипати,
Водами приривати,—

Очеретом трясти
І болотами трясти.
Я тебе заклинаю
І на тем вічній ніжнем зарубаю
Іди собі—де кури ни пьють,
Де молодіці на гуляння не ходять,
Де козак коня ни напуває,
Де дівча коси ни росплітає.
Сел. Жерденовка.

б) Під дубом Маврійським
Стояли святії архангели—
Гавріїл, Уріїл і Суріїл.
І бачили вони, як виходило з моря
Сім простоволосих жінок.
Святії архангели підійшли до їх
І роспитувались: хто вони такі?
Вони їм поодвічали:
„Есть ми дочері Продови,
А йдем ми на хрестьянську землю
Жовтую хрестьянскую кость ломить“.
Святії архангели попрохали розказать,
Як їх имена.—„Наші имена есть:
„Первая—*Непа*, хторая—*Лета*,
Третья—*Лелія*, четвертая—*Желтія*,
Пятая—*Оленеса*, шостая—*Горита*,

Сюмая—*Маргарита*;
Всі ми огненні“.
Святії архангели сказали:
—„Проклинаємо ми вас і заклинаємо
В землю пустую, в землю безлюдную,
Де дівка косою не має,
Де козак на коні не гуляє
І куди чоловічеське око не заглядає“—
Есть за морем дуб—
У вись високо, а в глиб глибоко,
Під тим корнем копит—ключ;
Той ключ усю землю одмикає,
Всі пемоці одбірає.
Одбири ти, копит—ключ, болість
У раба (або раби) Божого.

Сю молитву треба читать три-девять раз над болним в укритім од других місці.
Як що болість у дитини, то треба, щоб мати проколола собі палиць на правій руці й
намалювала кровью хрест, мазнувши на лобі, бороді й щоках.

Г. Гадячъ.

8. О д порухи.

Господи мині поможи! першим разом, луччим часом; стань мині на помочі від ви-
ликої немочі. Ти врази-вразочку, Божий чоловічку! посунься й покотися тихесенько й
легесенько. Тут тобі ни стояти, червоної крові ни сушити, жовтої кости не ломити. Я
тебе визиваю, я тебе викликаю, я тебе вешігую від її рук, від її ніг, від її пальців,
від симидесяти-суставців, від її русої коси, від її щирого серця. Йди собі на очеретя,
та на болотя, де дівка коси не чеше, де парубоцький голос не заходе!

Г. Звізкоць.

9. ОД БИШИХИ, БОЛЯЧКИ.

Святі кийські, охтирські,
 Манастирські, печерські,
 Переяславські, н ти,
 Свята п'ятінко
 Простіть і помилуйте.
 Господи милостивий Сус Христос!
 І сам Бог іде раба божого
 Од болячки шиптати
 І вибавляти, і вимовляти.
 І бишиха-бишинце,
 Подумана, і погадана,
 І чоловіча, і хлоп'яча,
 І жоноча, і дівоча.
 Поки я не знала,

Поти її не шиптала,
 Стала її знати,
 Стала її шиптати
 І Бога прохати.
 Господь з помоччю,
 Я з річчю—
 Вишпінтувать і вибавлять
 Із його голови, із його очей,
 Із його рук, із його плечей,
 Із його ніг, із його щирого серця,
 Із його білого тіла,
 Із його жил, із його пажил (нервовъ)
 Із його сугавців, і жил, і пальців.

Проказать треба тричі.

Гадяч. у.

10. ОД МАТКИ, КОЛИ ВОНА НЕ НА МІСЦІ.

Визиваю, викликаю
 З жовтої кости,
 З червоної крові,
 З 70 сугавів матку.
 Тобі, сухий дубе,

Не розвиваця,
 Тобі, матко, тут
 Не розживаця,
 А тобі, матко,
 На золоте крісло сидать.

Казать три-девять раз, вибіраючи (установка на місце матку).

Г. Гадячъ.

11. ОД ЗУБІВ¹⁾.

а) „Місяцю, Адаме молодий!“

Питає тебе царь старий:

„Чи болять у мертвого чоловіка зуби,
 чи ні?“

Проказать тричі або 9 раз до молодика.

—Ні— „Колиб і в мене не боліли
 Молитвяного, рожденного і хреще-
 ного“.

Г. Гадячъ.

б) Зуби зубища, черви червища! Поки ви крутили, поки ви пудили, поки ви топили, поки ви горіли, поки ви боліли, поки я тебе (?) не визивала, поки я тебе не викли-

¹⁾ Варіант. см. тамъ же, стр. 124—125.

кала, а тепер я тебе визиваю, тепер я тебе викликаю, вишпінтую и Мати Божа визиває, и Мати Божа викликає, своїм духом позихає і шептати, і помогати, і визивати, і викликати молитвьяного рожденного (имя)¹⁾.

в) Місяць на небі, а дуб на горі, а камінь у возі. Коли сі три брати у місто зійдуща, то тоді у мене будуть зуби боліти.

Г. Збеньковъ.

12. О Д ПЕРЕЛОГІВ.

а) Йшла Ієва по над чорним морем,
А в чорнім морі корча,
Під тією корчею три чорта;

Одному роги, другому ноги,
А третіому—перелоги в ноги.

Проказать тричі, обвести шапкою через спину і живіт проказуючи, а потім шапкою вдарить за всяким разом скотині в лоб.

Повірье. Не треба котить шапкою, бо як ступить на те місце скотина, то нападуть перелоги.

Гадяч. у.

б) Воспоминаніє Господа нашого, Богородице Діво, Господи помилуй (тричі).	
Господь помочь й я з рукою.	Та зжени з цього бидла
В бору на ганку сидить Богородиця Діва,	Логи й перелоги,
Руки й ноги мие.	Вітряні буйвоні,
Повій вітре буйний,	Подумані, помислані.

Потім візьми пояс або шапку, вдарь по здуховинах, прокинь під черевом, прокинь поміж ноги, за вуха, по спині, за хвіст й *перевяжи* вздуховини тим поясом або шапкою (?).

Сел. Горишковка.

Б) Противъ болѣзней, причина которыхъ очевидна.

1. ЩОБ КРОВ СТАЛА.

а) Іде дівка на гору,
Та несе глек води,
Та й стала,
Дай Боже (имя врачуемого)

Моєму народженному,
Молитвьяному хрещеному,
Щоб кров стала.

Гадяч. у.

б) Було собі два брати
Рідненьких, рідних,
Та поставили трость через ріку.

Трость поломилась,
Кров затмилась,
Бо й ни піде, бо й ни піде.

¹⁾ Варіан. см. тамъ же, стр. 125, ж.

Причиста діво, ни піде;
А як підеш то так тобі буде
Як тому чоловікові,
Шо в пиділю дрова рубає,

А в п'ятницю пісню співає,
А в суботу ни вмиваєця
І все дуже присягаєця.
Стань—перестань! ¹⁾.

С. Жерденовка.

в) Воспоминаніє Господа.
Господи помилуй (тричі)
Господь помічь й я з рукою.
Йшла костина баба з камяної гори,

З камяною дійницею до камяної корови.
Коли з камяної корови потече молоко,
Тоді з раба Божого кров потече.

С. Горишковка.

г) Йшов каменний чоловік
Через каменний міст
І ніс каменний ціпок

Тай спотикнувся на тиць,—
І ти кров стань каменем тиць.
Казать тридевать раз.

д) Іхав стар дід на карім коні. Ти, діду устань; а ти, кров, іти перестань. Йшла Божа Мати із замор'я, несла здоров'я.... Ти, Божа Мати, поможи м'яни сю кров уняти от (им'я) ²⁾. Девять раз.

Г. Полтава.

е) Йшов Христос дорогою, та забив ногу на тростину, та й став (тричі) ³⁾.

Г. Збінковъ.

ж) На морі, на окіані, на острові на обояні стоїть церков; а в тій церкві стоїть престол, за престолом сидить Пречистая Діва Марія, шие вона шовком криваву рану; шовку не стало й кров перестала (тричі) ⁴⁾.

Г. Збінковъ.

2. О Д БІЛЬМА.

Йшла біла дівка
Білою дорогою:
Ніжки в неї білі,
Ручки в неї білі,
Голова в неї біла,
Здибала її Пречиста Діва:

„А куди йдеш, дівко біла?“
—Ген-ген—більма зганяти,
Граблями згрібати.—
Фух, фух,
Ни мій дух—Божий дух ⁵⁾.

С. Жерденовка.

¹⁾ Варіан. см. тамъ же, стр. 127, 6. ²⁾ 127, 4. ³⁾ 127, 7. ⁴⁾ 127, 3. ⁵⁾ 139.

3. О д г а д ю к и.

а) Лізла рахля травою,
Та залізла в волосся,
А з волосся в шкіру,
А з шкіри в м'ясо,
А з м'яса в кров,
А з крові в кість,

А з кости в отробу
А з отроби в лехки,
А з лехків в серце.
Вилізъ, рахле, з волосся,
Вилізъ рахле з шкіри и т. д.
Вилізъ рахле з серця.

С. Жерденовка.

б) Як укусить гадюка чоловіка, або скотину, то щоб не пухло треба взяти залізе яке, а не то й грошину, приложитъ до виразки та й прив'язать. Прив'язуючи, треба давити дуженько залізе; потім промовити 9 раз: „Олено, царице! закажи своєму військові степовому, поліовому й водяному, щоб виняли удоdereво (?) ¹⁾“.

Г. Миргородъ, Полт. губ.

в) Читай воспоминаніе Господа Бога нашого, Богородице Діво и Господи помилуй (тричі).

Господь поможи і я з рукою.
По синіому морю озираємина,
По озираємині грушевіня,
На грушевіні гніздище,
На гніздині цариця Лага;
Цариця Лага, цариця Лагице

Собірай своє військо горюцьке й гадюцьке,
Собірай й спиняй зуби, губи і уста
От звіряного лиця
От білої кости, от червоної крові
Раба Божого (меня).
(А коли скотина, то по масті) ²⁾.

С. Горишковка.

4. О д ч е р в і в.

Говори Оче наш, Господи помилуй (тричі).

Господь поміч й з рукою
Іхав св. Юрій на білому коні через ліс;
За ним бігло три пси:
Перший—чорний, другий—чирвоний
Третій—білий.

Чорний кров облизав, червоний...
А білий черви вилизав—на язык зібрав—
Черви тут, забері із десяти десять,
З девяти девять, з восьми вісім,
З семи сім и т. д. із їдного.

Ни личи ни їдного й сплянуть тричі на віглі (одвернувшись).

С. Горишковка.

¹⁾ Вар. см. тамъ же стр. 122.

²⁾ Тоже 122.

В) *Противъ неблагопріятныхъ случаевъ.*1. О д напастѣ¹⁾.

Треба взяти на кладовищі землі, на могилі мертвого, которого мення (имя) звісно і беручі землю казати:

„Здоров був (мення мерця)!“

—Здоров.—„Лежиш?“

—Лежу.—„Не встанеш?“

—Не встану.—„Не гляниш?“

—Не гляну.—„Не заговориш?“

—Не заговорю.

Потім змінають землю з маком—скакуном (падолишнім, виросшим із унавішнихъ семіанъ въ прошлое літо) і обсіпати глупої ночі, або (это крайнемъ случаѣ) як зовсім темно стане, тих людей і тії місця, звідкіля йде напастъ. Обсіпаючи, треба казати:

Як сей скакун скаче,

Щоб я так поперед миру (людей) скавав.

Після цього йти під бузину, або під буз, глупої ночі й проказати три-девять, або хоч девять раз таке:

„Здоров був, бузю!“

—Здоров (мення спасенника) друзю!—

„Що тобі, бузю було,

Як ти вбив свого батька,

Матір, сестру й брата?“

—Треця та мнечця,

Та й так минечця²⁾.

За кожним разом щепнуть гилечку й сховати в кешеню або за пазуху.

Гадяч. у.

2. О д опухоли циціок у корови, як ластівка підлетить.

Набрати по тронку води з тріох колодязів, полить дійницю й поставити, щоб переночувала. Потім взяти святої пшениці, що святили на *Стрічіння*, маку, що святили з паскою, хорувимского ладану й смирни, взяти головешку з осинового клечення, котре на *Зелену неділю* ставиться в глухім кутку на воротіх; роздуть угілля, кинуть на їх ладану і смирни й підкурювати корову, маком і пшеницею обсіпати її, з дійниці дати води напиться, а чого не доп'є, то вилить на голову і пошинтати од уроків.

Гадяч. у.

¹⁾ Варіан. см. там же стр. 85: „Приговоръ до маку“.

²⁾ Варіан. см. там же стр. 95, д.

ОТДѢЛЪ II.

Примовлянья, или наговоры, какъ предупредительныя мѣры для привлеченія благопріятныхъ и устраненія неблагопріятныхъ случаевъ въ жизни (въ общемъ значеніи слова) человека.

1. Щ о б л ю б и л и.

Взять травы золототисячнику (плаксуну: таке мення од того, що як хто подивицца, то аж плакати хочецця) настоять і вмивацца. Де рвуть траву, там оставляють кусочок хліба й соли. Рвучи кажуть:

Божа мати ходила,
Се зілля родила,

І я се зілля рвала,
Божа матір на поміч давала¹⁾.

Зілля росте на трясині. Таке місце в Полтавській губернії, Гадяцького уїзду, за селом—Красною Лукою, коло лісу Трипольского.

Гадяч. у.

2. К а з а т ь , я к к о н е й н а п у в а т ь .

Ти Рожество Христово, у (названіе дня)
було,

Ти, водо—Уляно, у ниділю була,
Пий, коню, пий воду тую, що я потреблю

У піст, що к воді говію,
І у страстну п'ятницю
І на Сікновеніе.

Проказать нищечком тричі, втерти полою коня, та й напувать: хоть який гарячий буде—нічого, обійдецца благополучно.

Гадяч. у.

3. Д о к о л о д я з я , я к к о р о в н а п у в а т ь .

Добривичір тобі, кирнице,
І тобі, водо гордана (їордана)
Ти від Бога создана
А на мення Титяна;
Очищаеш (ти) дуги, береги,
Каміння, кремення,
Очисти мою рожденну,
Благословенну сасу
От лихих ворогів;
Щоби вони ни ворогували,
Щоби в неї користи не відбірали,

Ни ширстини, ни крові,
Ни кости, ни м'яса ни сушили.
Пробували б собі в Богу,
В Дніпрі, в Дністрі
І в морі, і в джерлах
І во всяких річках різних,
Щоб прибула в моїї
Порожденної благословенної саси користь
І наповнилося в вимні молоко,
А в гладуниках сир і масло.

С. Жердеповка.

¹⁾ Вар. см. тамъ же стр. 85.

4. ЯК ЗІЛЛЯ ДЛЯ КОРОВ КОПАЮТЬ, КАЖУТЬ:

Святий Аврам все поле горав,
А Сус Христос сіяв;
Матір Божа копала
І порожденним, благословенним сасам
На поміч давала
Поки ніж сажаю,
Поти смитану збіраю,

А сир—до дна,
А сироватки нима;
Ни зілля копаю
А Матір Божої ванну копаю:
На солодке молоко,
На товстий сир
І на густу смитану.

С. Жерденовка.

Списокъ съ подлинника древняго глаголическаго миссала Кіевской Духовной Академіи кирилловскими буквами.

Сообщено **И. И. Срезневскимъ.**

Вся рукопись, заключающая въ себѣ этотъ замѣчательный памятникъ древней славянской письменности, состоитъ изъ семи пергаменныхъ листковъ въ малую осьмушку. На первой страницѣ написаны чтенія изъ Апостольской книги (Рим. XIII: 11—14 и XIV: 1—4) и затѣмъ молитва; на остальныхъ тринадцати помѣщены десять миссъ въ томъ сокращенномъ видѣ, какъ миссы помѣщаются въ миссалѣ обыкновенно. Правописание, кромѣ первой страницы, отличается признаками Моравскаго или Чехо-Моравскаго нарѣчія, впрочемъ съ соблюденіемъ носовыхъ гласныхъ и вообще чертъ древняго старославянскаго языка. Буквы въ этой рукописи такія же, какъ и въ другихъ глаголическихъ рукописяхъ древняго круглаго письма. Прописныя отличаются только величиною и болѣе тщательнымъ написаніемъ. Строки написаны по заранѣ приготовленнымъ вдавленнымъ начеркамъ, но такъ, что буквы касаются начерка верхними своими частями, а внизъ опускаются не всѣ одинаково, иные ниже, другія короче. На гласныхъ (кромѣ 1-й страницы) поставлены знаки придыханія и ударенія или же долготы, но непослѣдовательно. Подъ титломъ написаны очень немногія слова; да и эти немногія написаны чаще вполнѣ, безъ титлъ. Прочесть можно не все: кое-гдѣ чернило почти не оставило слѣда, а кое-что отрѣзало при обрѣзкѣ рукописи.

Издавая здѣсь всю эту рукопись, я долженъ былъ—за неимѣніемъ глаголицы въ типографіи—передать глаголическія буквы кирилловскими, при чемъ употребилъ: вмѣсто **Ѧ**—сербскую букву **ѣ** (мягкое *дж'*), вмѣсто **Ѧ**, означающаго въ глаголицѣ и **ѣ** и **ѧ**—букву **ѣ**. Знаки надъ буквами оставлены тѣ же. Все передаю по возможности вѣрно; отставлены только одно отъ другаго слова, въ подлинникѣ написанныя связно, и въ скобкахъ прибавлено то, чего въ подлинникѣ нельзя прочесть, кромѣ случаевъ сомнительныхъ.

Л. 1. а. Братѣ изинѣ блж(намъ спсѣн)

и. мѣгда вѣровахомъ по(щѣ) оуспѣ
а денъ приближѣ. отъвръ(зѣмъ)
оубо дѣла темнѣи і овѣщѣ(мъ сѣ)
изъ оръжіе свѣтоу. іако въ дни в(лагоо)
бразно ходимъ. не возмолг(ан)
ни і изъвѣстимъ. і любов(дѣи)
ми. і стоудѣнимъ. і рзвѣн(сѣмъ)
і завѣстѣмъ. изъ овѣщѣтесѣ (гдѣмъ нашимъ і)
с хрѣмъ. і павѣи оугодѣ не твор(ите в)
и похотѣ. изнемагающаго же в(и вѣрѣ)
пріемлѣте. не въ сѣмъинѣи по(мъ)
шленимъ. ови во вѣроуетъ вѣсти (всѣ)
а изнемагамъ земѣ да вѣстѣ вѣ(ди и)
с вѣдѣиаго [да не осѣжда] да не оу(кара)
стѣ. і не вѣди вѣдѣиаго да не о(сѣжа)
летѣ. вѣ во і пріятѣ. тѣи кто (сѣи о)
сѣждамъ тоуждего раба: сво(емоу)
гоу. стоитѣ мѣ падетѣ. стане(тѣ же)
сѣленъ во іѣ поставитѣ і.

О ѿѣи мѣри по мѣомъ.....

Защитѣ іи рави своѣ (спсѣ)..

изимъ заповѣдѣмъ. і оупо(ва)

мѣрѣмъ въ застѣпленіе бла(жен)

ѣи Маріи: отъ всѣхъ с(оупос)

татъ нашихъ сѣтворѣ (изъ вѣ)

с печалѣ. іа радѣ нашего.

Л. 1. б. Въ іѣв дѣнь Клімента.

1. Бѣ иже изъ. мѣта ѡгръдѣиѣ

блаженаго Клімента мѣ

ченика твоего и папѣи

чѣстѣи веселиши: пода

зи милостивѣи дѣ его же

чѣстѣ чѣстимъ силою

оубо мѣчениѣ его насѣдоуе

мъ. гмѣ. надѣи оплатмѣ.

2. Рованиѣ іи принесениѣи

свѣти. и ходатаѣицо

блаженоумоу Кліментоу

мѣченикоу твоемоу. сѣмъ

изъ ѡтъ грѣхъ свѣрѣности:

нашихъ ѡчисти: гмѣ:

3. Прѣфациѣ: До вѣчѣиѣи вѣе

чѣстѣиаго Клімента зако

ниѣи и мѣчениѣи чѣсти

чѣстѣице. иже оутѣже вѣи

ти блаженоумоу апосто

лоу твоемоу Петроу. изъ и

новости подроугъ. изъ ісѣи

Л. 2. а. вѣди оученикъ. въ чѣсти на

мѣстзеникъ. въ мѣчениѣ на

сладыйкъ: хмѣ гмѣ нашмѣ:

по вѣсѣдѣ :-

4. Тѣлесе свѣтаго ѿ прѣдра

гизнѣ крѣве напльненѣ въ

мѣтѣ просѣмъ ти вѣже нашѣ:

да еже милостиваѣ ѡбѣщѣ

нѣ носѣмъ. рѣсьнотивнаѣ

їзарѣшенѣ ѡбѣмѣмъ: гмѣ

Въ тѣ же дѣнь Фелницѣ:

5. Подѣзь намъ просѣмъ тѣ

вѣсѣмогѣ вѣже. блаженѣ

тѣ радѣ мѣченицѣ твоѣмѣ

фелницѣ вѣкоупнѣмѣ

молѣтѣ ѿ тоѣ же радѣ

зашчѣти нѣ: гмѣ нѣдѣ о п(лаѣмъ)

6. На служѣви мѣдин твоѣхъ

милостѣмѣ призѣри ѿ....

се нѣ чѣстѣмѣ свѣтѣхъ чѣ

стѣмъ: сѣтвори нѣ радѣ

стѣнѣ. въ вѣчнѣмъ живѣ(тѣ)

Л. 2. б. По вѣсѣдѣ:

7. Озмѣрно тѣмъ молѣмъ вѣсе

могѣ вѣже. молѣтвами свѣмъ

тѣхъ твоѣхъ. ѿ тѣ самѣ

вѣди ѿ дарѣ твоѣ вѣсѣли

въ нѣ. ѿ вѣмѣмъ наше въ

правѣмъ поставѣ: гмѣ:

Шѣмъ на вѣсѣмъ дѣни въ

сѣго лѣта ѡбидѣмъ :-

8. Гѣ ѿже тѣмъ свѣмъ вѣ

лѣми помѣлова. ѿ по гѣ

вѣ своѣмъ. їзволѣмъ въ

плѣтитѣмъ сѣмъ сѣмъ ра

дѣ члѣвѣчѣска. ѿ вѣсѣ

тѣмъ намъ ѡутѣрѣдѣ сѣ

дѣмъ нѣмъ. ѿ милостѣмъ

твоѣмъ просѣмъ нѣ: гмѣ:

наѣмъ ѡплатѣмъ:

9. Близѣ насъ вѣди ти прѣсѣ

мъ тѣмъ. ѿ молѣтѣмъ нашѣ

ѡуслѣши. да ѡупѣванѣ

(вѣ)нѣмѣмъ дѣмъ свѣмъ

и въ лѣмъмъ дарѣ сѣ тѣ

вѣ приносѣмъ: гмѣ:

Л. З. а. Прѣѣацѣѣ: Вѣчнѣи бѣе:

10. Небесскѣи твоѣи силѣи
просѣмъ ѿ молимъ. да съ
вѣишнѣи твоими. до
стойнѣи сътвориши нѣи: ѿ
вѣчнѣи твоѣи нѣи же жѣда
емъ подѣсъ нѣмъ милости
вино: хѣмъ гѣмъ нѣшимъ. ѿмъ
по вѣсѣдѣ:

11. Просѣмъ тѣи ѿи даъ нѣмъ
да свѣтѣи твои вѣсѣдѣ
прѣсѣмѣе дѣстѣи вѣи
демъ ѣчишѣнѣи твоего.
и вѣра твоѣи нѣи нѣсъ да вѣ
зарѣстетѣ: гѣмъ нѣшимъ гѣмъ

Шѣишѣ. бѣ. ѣ то мѣ зѣ:

12. Просѣмъ тѣи вѣсѣмѣи вѣ
чнѣи бѣе. призѣри на мо
литѣи нѣшѣ. ѿи вѣи
трѣнѣи нѣшѣ ѣчѣсти ѣже
нѣи соушѣтѣи грѣхѣи нѣи
ми: да милѣстѣи твое
ѣи ѣзѣви нѣи: гѣмъ нѣи
на дѣи ѣпѣлѣтѣи.

Л. З. б. 13. Ѣи приносѣи приносѣи тѣи

ѿи просѣмъ тѣи приими: ѿи
же ѣси вѣгѣсѣлѣстѣи
на сѣнасѣе нѣи: гѣмъ нѣи :-
Прѣѣацѣѣ: До вѣчнѣи(ѣи) бѣе

14. Да сѣи тѣеи дѣрѣмъ ѿи мѣло
сти твоеѣи просѣмъ: при
зѣвалѣи нѣи ѣси ѿи. да ѣспѣ
ви нѣи ѿи ѣчѣсти: не нѣи
хѣи дѣлѣи рѣди. нѣи ѣвѣи тѣо
его рѣди нѣи ѣси ѣвѣи
нѣмъ: да вѣзѣмѣи доу
шѣи и тѣлѣсѣи и мѣсѣи
ми нѣи. приѣтѣи зѣи
вѣди твоеѣи. ѣже ѣси нѣи
лѣмъ вѣи нѣмъ. хѣмъ гѣмъ нѣи
шимъ нѣи же вѣи:
(по) вѣсѣдѣ:

15. Свѣтѣи твои вѣсѣдѣ

ѿи нѣи ѣсѣи вѣзѣмъ мо
лимъ тѣи. да ѣчѣстѣи
нѣи ѣтѣи грѣхѣи нѣи: и
небѣсѣцѣи мѣвѣи
..... дѣи нѣи: гѣмъ нѣи

Л. 4. а. Мѣшѣ. ѿ. ѿ томы зє:-.

16. Просимъ тѣмъ всемогъи
вѣе да вѣже єсма скривни

грѣхъи нашими: милость

мѣ твоємъ ѿтъ вѣхъу зѣ

ми нашихъ ѿчисти нзи:

гмѣ:- надъ ѿплатъмъ:

17. Приими ти просимъ тѣмъ при

носъ сѣ. принесенъи тѣбѣ

избавленіѣ ради чловѣ

чьска. ѿ сѣдраніє нѣмъ

дзѣ: ѿ доушѣмъ нашѣмъ ѿ тѣ

леса ѿчисти. а молитвѣмъ

нашѣмъ приими: гмѣ: Прѣѣ(ащѣ)

до вѣчнѣи вѣе:-

18. Ты єси животъ нашъ ти ѿ

тъ невѣтиѣ во вѣ вѣт(іє)

сѣтворилъ нзи єси ѿ

пѣдшѣмъ вѣскрѣси пакъи

дѣ намъ не достонтъ....

сѣгрѣшати: твоѣ(во сѣ)

тъ вѣѣ. небесьскаѣ (зє)

мѣскаѣ ти. да тѣ

ѿтъ грѣхъи нашихъ....

нзи: хмѣ гмѣ:-

Л. 4. б. По вѣсѣдѣ:-

19. (Д)азѣ нѣмъ всемогъи вѣе

да вѣко же нзи єси небесьскѣмъ

пицѣмъ насѣтили: тако зє

же ѿ животъ нашъ сило

мѣ твоємъ ѿтвѣрди: гмѣ:

Мѣшѣ. ѿ. ѿ томы зє:-

20. (Ц)ѣсарствѣ нашѣмъ ти ми

лостѣмъ твоємъ призьрѣ:

ѿ не ѿтдѣзѣ нашего тоу

зѣмъ. и не ѿбрати нѣсѣ

вѣ плѣнъ народомъ пога

нѣскѣмъ: хѣ ради ти на

шего. ѿже цѣсаритѣ сѣ ѿтъ

цѣмъ ѿ сѣ свѣтѣмъ:-

Надъ ѿплатъмъ:

21. Твоѣ цѣркѣнѣмъ твѣрѣ за

(ш)чѣ нзи ти ѿже єси

ѿбразѣмъ своимъ ѿупо

добилъ. ѿже нзи чѣсти

вѣ нѣ вѣлѣство нѣше то

(г)ѿ ради єси нѣмъ вѣчѣ

(но ѿ)вѣщѣніє принесѣмъ:

(гмѣ) нашѣмъ:-

Л. 5. а. Прѣѡацїѣ....

22. Да ѣкзи же сѣтъ твоѣ си
 слоужьви възлюбленї
 ѣ. таки же мисльми сво
 їми нзи творимъ. а тзи
 самъ їи присно нзи приеми:
 да възможемъ правды
 наѣ твоѣ наследовати.
 ѿ ѡтѣ неприѣзнихъ дѣлѣ
 очиститисѣ: хмъ гмъ нѡш(и)
 мъ: їмъ же величество:

По възсѣдѣ:

23. Твоѣ свѣтаѣ всемогѣи
 вѣе ѣке се нзи приеми:
 на раздрѣшенїе. ѿ на ѡчище
 нїе нѡмъ вѣдѣ: а тзи са
 мъ помощь твоѣ вѣ
 чьноѣ заштити нзи: гмъ

· · · · · Жѣшѣ. ѡ. ѡ томъ зѣ:

24. Просимъ тѣ їи въздѣи
 гни срьдѣца нѡшѣ вѣ тебѣ (о)
 тѣ земьскыѣ похот(и)
 да възможемъ хотѣти (нѣ)
 бесьскыѣ твоимъ.

Л. 5. б. (Надѣ оплѣ)змъ

25. Ёкзи же дарзи їмамы. прѣдѣ
 тобоѣ сѣтъ. ѿ просимъ
 тѣ приими ѣ. да и нзи възмо
 жемъ вѣ възлюбленї тво
 емъ: гмъ нашимъ: Прѣѡа
 цїѣ. До вѣчьнѣ вѣе:

26. Злоба нашѣ не възрѣснѣтъ вѣ
 насъ. нѣ издрѣшенїе вѣчь
 ное присно нѡмъ вѣдѣ їи
 нашего ради: тѣ во нзи сѣ
 мъ ѡтѣ тьмьнѣхъ ѡтѣ
 де: ѿ очисти ѿ закленѣ.
 ѿ достоинно їзбави: хмъ
 гмъ нашимъ: · · · По възсѣдѣ:

27. Возсѣдѣнаѣ молитва нашѣ
 ѡутвѣди нзи їи вѣчьнѣмъ
 твоимъ ѿ подѣзы нѡмъ сѣ
 насенїе твоѣ: гмъ нашимъ:

Жѣшѣ: ѣ: ѡ томъ зѣ:

28. (Тзи) їи ѡтѣми нзи ѡтѣ лѣкѣ
 (с)тва нашего. ѿ твоѣмъ мило
 (с)тѣмъ ѡбрати нзи на правды
 (твоѣ): гмъ нашимъ:

Л. 6. а. Надъ оплатъмъ:

29. Принесеніи тебѣ ти сн даръ

иже ты еси дахъ и сзтво

рихъ. црквиже ради твое

иѣ. и живота и прѣставле

ніѣ нашего ради: и свѣстоу

смъ нзи. ѣко вальство е

стѣ то живота вѣчнаго:

гмѣ: Прѣфациѣ. До

вѣчнзи вѣсѣ:

30. Молимъсѣа їѡу хѡу сзѡу

твоему ти нашему. да

милостыѣ своѣмъ зашчи

титъ нзи и спасетъ: ве

ж него же во милости не вѣ

зможемъ ничѣсоже сзтво

рити: тѣмъ же самого

ѣго ради дарзи и милость

примлемъ и вѣ любви

живемъ: хмѣ гмѣ нашимъ

По вѣсѣдѣ:-

31. Вѣсѣда твоего ти насѣ

цени просимъ тѣмъ. ѡтъ вѣ
прилож.

Л. 6. б. сѣхъ противѣщѣхъсѣа на

мъ сзпаси нзи: гмѣ нашимъ:

Мѣшѣ о мѣченицѣхъ:

32. Мѣченикѣ твоихъ ти чѣ

сти чѣстѣще молимъ тѣмъ

простѣще: да ѣко же тѣ еси

славоѣмъ твоѣмъ небесьскоу

иѣ оутвѣдилъ: тако же

и нзи милостиѣ твоѣмъ

прѣми гмѣ: надъ оплатъмъ:

33. Приносѣ ти принесеніи тебѣ

мѣченикѣ свѣтѣхъ ра

ди прѣми: и молитвами

ихъ и заповѣдми твои

ми приспѣи намъ помощь

твоѣ. гмѣ: по вѣсѣдѣ:-

34. Очѣсти нзи ти просимъ тѣмъ

небесьскѣхъ твоихъ ра

ди заповѣди: и оутвѣ

ди нзи да славимъ тѣмъ прѣ

дѣ свѣтѣми твоими:

молитвами нашими:

гмѣ нашимъ:-

НѢСКОЛЬКО ЗАМѢЧАНІЙ.

Начальныя строки 1-й страницы 1-го листа заняты апостольскимъ чтеніемъ на 24 іюня: Рим. XIII: 11—14, XIV: 1—4. Недостающіе концы строкъ взяты изъ кирилловскаго Охридскаго списка, гдѣ впрочемъ стоитъ (на 1-й строкѣ) не *блж намъ* (*ἐγγύτερον ἡμῶν*), а *блжнмъ*. Чтеніе Охридскаго списка отлично отъ глаголическаго въ слѣдующемъ: и *облѣцѣмъ* = *облѣцѣмъжесѣ*, *орѣжѣ свѣтоу* = *орѣжѣ свѣта*, *въ днѣ* = *въ днѣ*, *ходѣмъ* = *ходити* *начѣмъ*, не *козлограними* и *пѣхнствѣмъ* = не *козлогласованіи* ни *пѣхнствѣи*, и *любоудѣнми* и *стоудѣнми* = не *любоудѣнни* и *стоудѣннѣи*, и *рѣвенѣмъ* = не *рѣ*—, *завѣстѣмъ* = *завѣстѣи*, *изнемагаѣаго* = *изнемагаѣа*, *помѣшленѣмъ* = *помѣшленѣи*, а *изнемагаѣи* = *изнемагаѣи* (безъ *а*), *поставитѣ* и = *поставитѣ* *ѣ*.

За апостольскимъ чтеніемъ на той же страницѣ слѣдуетъ молитва, можетъ быть, и изъ миссы. Недостающіе концы строкъ дополнены по догадкѣ.

Начиная съ оборота 1-го листа до самаго конца рукописи, т. е. чрезъ все 13 страницъ, правописание памятника отличается признаками чехо-моравскаго нарѣчія, именно—употребленіемъ *ц* вмѣсто *шт* = *ци* и *з* вмѣсто *жд*: 1. *огрѣдѣцѣ* = *огрѣдѣца*, *подазѣ* = *подаждѣ*; 2. *ходатаѣцю* = *ходатаѣшоу*; 3. *чѣстѣцѣ* = *чѣстѣце*; 4. *обѣцѣнѣ* = *обѣцѣнина*; 5. *подазѣ*, *тоѣ* *зе* = *тоѣждѣ*; 8. *обидѣцѣ* = *обидѣца*; 11. *дазѣ* = *даждѣ*, *прѣемѣцѣ* = *прѣемѣце*; 12. о *тоѣ* *зе* = о *тоѣ* *ждѣ*; 14. *обѣцѣа* = *обѣцѣа*; 16. о *тоѣ* *зе*; 17. *дазѣ*; 19. *дазѣ*, *пицѣ* = *пица*, *тако* *зе* = *такождѣ*; 20. о *тоѣ* *зе*; *отдазѣ* = *отдаждѣ*, *тоужѣмъ* = *тоужѣмъ*; 21. *обѣцѣнѣ*; 23. *помощѣмъ* = *помощѣмъ*; 24. о *тоѣ* *зе*; 27. *подазѣ*; 31. *насищенѣ* = *насищенѣ*, *протѣвѣцѣхъ* = *протѣвѣцѣхъ*; 32. *чѣстѣце*, *просѣце* = *просѣце*, *тако* *зе*; 35. *дазѣ*; 37. *дазѣ*. Съ этими признаками соединено еще употребленіе *шч* вмѣсто *шт* = *ци* въ тѣхъ случаяхъ, когда этотъ звукъ сроденъ съ *ск* и *ст*: 5. *зашчѣи*; 11. *очищѣнѣ*; 21. *зашчѣи*, 23. *зашчѣи*; 30. *зашчѣи*; 38. *зашчѣи*.

(Мисса) въ 23 днь (Ноября) Климента: въ другихъ памятникахъ память Климента назначена 25 Ноября.

Особенныя замѣчанія къ отдѣльнымъ молитвословіямъ миссы этой:

1. *лѣта огрѣдѣцѣ* = *лѣта огрѣдѣца*—*annuatim*?—*силоѣ* *мѣчѣнѣ* *ѣго* *наслѣдоуѣмъ*—*virtutem* (т. е. *силѣ*, а не *силоѣ*) *passionis* (sui) *imitemur*.—*гмѣ* = *господѣмъ*—*per dominum*: см. то же 4, 5, 7, 8, 9, 12, 13, 15, 16, 17, 21, 23, 25, 27, 28, 29, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 37, гдѣ есть и *гмѣ* *наши(мъ)* = *господѣмъ* *нашимъ*—*per dominum nostrum*: заключительныя слова молитвословія.

2. *надѣ* *оплатѣмъ* = *надѣ* *оплатѣмъ*, какъ и стоитъ въ другихъ мѣстахъ—*super oblata*: см. 6, 9, 13, 17, 21, 25, 29, 33, 36.—*рѣванѣа* *принесенѣа* *свѣтѣи*—*munera oblata sanctifica*: *рѣванѣа* вмѣсто *дарованѣа*—по недопискѣ? Странно только окончаніе *ѣа* вмѣсто *ѣа*, *ѣи*—

даемаго въ имен. и винит. множ. числа среднего рода. Въ другихъ молитвословіяхъ вмѣсто этого слова поставлены: приносѣ (13, 17), дарѣ (25), дарѣ (29, 36).—*хѣдатаѣцю* блаженѣому Кліментѣу—*intercedente beato Clemente*: дат. самот.—отѣ грѣхѣ скверѣности= *a peccatorum maculis*, слѣд.=отѣ скверѣности грѣхѣ: (грѣхѣвъ, грѣхѣвынѣхѣ).

3. прѣфѣцѣ=прѣфѣцѣа—*praefatio*: названіе одного изъ молитвословіи миссы, иначе—*immolatio, inlatio, contestatio*: см. такія же подѣ 10, 14, 18, 22, 26, 30. Обиліе прѣфѣцѣи въ миссалѣ есть одно изъ важныхъ доказательствъ древности его.—до вѣчѣнѣи бѣже, т. е. до возглашенія „вѣчѣнѣи Бѣже“—*pater sempiternae*: см. 10, 14, 18, 26, 30.—законѣнѣи *vorxōc*? *dispensator* или же *custos s. ecclesiae*, въ смыслѣ *antistes*: это прозваніе, равно какъ и *sacerdos*, встрѣчается въ латинскихъ миссахъ въ приложеніи къ бл. Климентѣу.—изъ ѣнокѣсти подругѣ: ѣнокѣсть—одиночѣство, уединѣнность?—наслѣдѣнѣи—идушѣи по слѣдамъ другаго, подражатѣль.—хѣмъ гѣмъ нашѣмъ=хрѣстѣмъ господѣмъ нашѣмъ: то же, что выше господѣмъ нашѣмъ=хѣмъ гѣмъ нашѣмъ ѣмъ же вселѣчество см. 10, 11, 14, 18, 22, 26, 30.

4. по всѣдѣ= *post communione*: см. ниже 7, 11, 15, 19, 23, 27, 31, 34, 37; слово всѣдѣ въ этомъ значеніи не встрѣтилось пока еще ни въ одномъ памятѣи (вин. всѣдѣ 11. род. всѣдѣ 31. твор. всѣдѣмъ 37).—милостивѣи ѣбѣцѣнѣи= *pia devotione*.—рѣкъѣнѣи= *certa redemptione*: то и другое въ вин. множ. вмѣсто твор. един.—ѣбѣжѣмъ отѣ ѣвати, ѣбѣжѣти.

Л. 2. Въ тѣ же дѣнь Фѣлицѣты, т. е. св. м. Фѣлицѣты или Фѣлицѣтѣты: память еѣ праздновалѣсь въ одинѣ дѣнь съ памятью св. Клімента.

5. подѣзѣ намѣ възѣкупѣнѣмъ молитѣмъ: възѣкупѣнаѣ молитѣ—*collectio, collecta*. Въ послѣдней стрѣкѣ этой молитѣ стоятѣ на концѣ буквы: нѣдѣ он... я дополѣнѣи ихѣ: нѣдѣ ѣплатѣмъ, считѣя за заглавіе слѣдующей молитѣвы.

7. сѣмѣрѣно—смирѣнно, *suppliciter*.—ѣ тѣ самѣ бѣди, какъ будто пропуѣчено слово милостивѣи или другое подобѣное.—дарѣ твоѣи всѣли въ нѣи—*tua in nobis dona multiplices*.—въ правѣдѣи поставѣи—*disponas*.

Л. 2. ѣб. мѣшѣ на всѣ дѣни всѣего лѣта ѣбидѣи: мѣшѣ—*missa*, какъ и доселѣ въ западныхъ слав. нарѣчѣяхъ; всѣего лѣта ѣбидѣи—круглаго года?

8. всѣхѣтѣи намѣ—пожелѣвъ намѣ добра: сѣрав. *velle* съ дат. и ниже 24: хѣтѣи небѣсъскѣмъ.

9. ѣупѣзѣнѣи възѣмѣмъ=ѣупѣзѣнѣи приѣмѣмъ.

10. подѣсь=подѣси?=подѣзѣ=подѣжѣи?

Л. 3. мѣшѣ. ѣ. ѣ томѣ зѣ.

12. соушѣтѣи=соушѣтѣсѣи?

15. небѣсъцѣи ѣлюбѣви... дѣтѣ (сѣблюдѣи? приѣведѣи?) нѣи.

ЗАМѢЧАНІЯ О КУРГАНАХЪ КІЕВСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Сообщено Д. Е. Люценкомъ.

По роду службы моей посѣщая часто, въ продолженіи 12 лѣтъ, всѣ уѣзды Кіевской губерніи, я, какъ любитель старины, не могъ не останавливать вниманіе на безчисленныхъ курганахъ и могилахъ, раскиданныхъ по степямъ нашей Украины. Эти безмолвные свидѣтели прошедшихъ вѣковъ, частью уже распаханые плугами земледѣльцевъ, заключаютъ въ нѣдрахъ своихъ богатые матеріалы для историческихъ выводовъ. Къ сожаленію, до сего времени существуетъ только одинъ опытъ группировки свѣдѣній объ курганахъ Кіевской губерніи—И. И. Фундуклея, который собралъ нѣкоторыя свѣдѣнія о курганахъ и въ изданномъ имъ въ 1848 году „Обозрѣніи могилъ, валовъ и городищъ въ Кіевской губерніи“ познакомилъ любителей древностей съ этимъ интереснымъ предметомъ.

Подробный планъ всѣхъ кургановъ и могилъ могъ бы наглядно разъяснить взаимное ихъ отношеніе и цѣль ихъ сооруженія, но такого плана нѣтъ, и потому приходится прибѣгать къ догадкамъ. Наблюденія мои привели меня къ слѣдующему подраздѣленію ихъ на четыре категоріи: къ первой принадлежатъ *путевые* курганы, всегда расположенные на высокихъ мѣстахъ и въ прямой, по возможности, линіи на большихъ протяженіяхъ. Въ глубокой древности, когда не было въ этихъ необозримыхъ степяхъ ни дорогъ, ни осѣлостей, они служили указателями кочевымъ народамъ, во время ихъ набѣговъ, или караванамъ, отправлявшимся въ степь съ товарами: такъ какъ у подошвы ихъ нерѣдко находятъ клады, преимущественно съ арабскими диргемами IX—X столѣтій. Хотя авторъ обозрѣнія кургановъ не признаетъ въ числѣ ихъ кургановъ путеводныхъ, но я, имѣвшій случай нѣсколько разъ наблюдать ихъ направленіе, почти увѣренъ, что цѣль указанія пути имѣла значеніе въ самой отдаленной древности. Всѣ эти кур-

прилож.

ганы, расположенные на высокихъ мѣстахъ въ прямой линіи, только иногда, для обхода глубокихъ овраговъ, составляющей углы, не могли быть случайно воздвигнуты въ такомъ порядкѣ и на такихъ значительныхъ протяженіяхъ. Ко второй категоріи я отношу, тоже расположенные на высотахъ, *сторожевые* курганы. Они имѣютъ въ серединѣ небольшое углубленіе для скрытія стражи и при входѣ двѣ дугообразные насыпи, иногда въ два и три ряда, вѣроятно для прикрытія лошадей, которыя не могли помѣщаться въ серединѣ кургана. Курганы эти служили маяками для предостереженія о приближеніи какихъ либо непріятелей. Можетъ быть они существовали и во время неудачнаго похода Персидскаго царя Дарія въ Скиѣскія степи. Изображеніе подобныхъ кургановъ находится на первой страницѣ атласа рисунковъ въ обзорѣнн г. Фундуклея и причислены имъ къ третьему разряду. Къ третьей категоріи я причисляю довольно рѣдкіе *жертвенные* курганы, расположенные не всегда на высотахъ, иногда двухъярусные, имѣющіе въ серединѣ углубленіе и кругомъ, не вдалекѣ отъ подошвы, небольшія возвышенія, какъ бы для возсѣданія присутствующихъ при совершеніи религіозныхъ обрядовъ. Въ нихъ часто находятся остатки печей изъ обожженной глины для огня, необходимаго при жертвоприношеніяхъ. Наконецъ, къ четвертой категоріи отнесены мною *погребальные* курганы, расположенные не всегда на высотахъ, но и въ низменныхъ мѣстахъ, одиночные и группами, часто съ провалившеюся серединою и признаками раскопокъ; провалъ означаетъ обрушившуюся потолочную настилку въ катакомбахъ, а раскопки искателей кладовъ никогда не достигаютъ до материка, гдѣ обыкновенно находятся гробовища.

Чтобы провѣрить эти предположенія необходимо сдѣлать развѣдки въ нѣсколькихъ курганахъ каждой категоріи и, еслибы въ первыхъ трехъ не отыскалось гробовищъ, то подраздѣленіе это оказалось бы довольно вѣроятнымъ.

Обращаясь къ раскопкамъ частныхъ лицъ, замѣтимъ, что особенно замѣчательна раскопка, произведенная иждивеніемъ г. Фундуклея въ Звенигородскомъ уѣздѣ, между деревнями Петриковкою и Ромейковкою, при чемъ найдены: афинскій шлемъ и наконечники изъ коринѣской мѣди, судя по величинѣ, принадлежавшіе небольшаго роста чело-вѣку; мѣдныя стрѣлы и металлическая пластинка съ дырочками по краямъ и съ изображеніемъ птицы, обращенной на лѣво и клюющей рыбу, какъ на автономныхъ монетахъ Ольвіи, Истрии и Тираса; всѣ эти вещи описаны въ обзорѣнн г. Фундуклея и изображены въ атласѣ его рисунковъ. Къ сожалѣнію эта раскопка была поручена людямъ совершенно незнакомымъ съ научными приемами и сдѣлана безъ всякой системы; сверхъ того она была оставлена на ночь безъ караула не оконченною, чѣмъ и воспользовались, по слухамъ, жители ближайшихъ селеній, въ руки которыхъ, вѣроятно, достались: остальное вооруженіе и другія вещи, потому что импровизированные археологи, явившись на другой день, ничего уже не нашли и тѣмъ закончили свою раскопку.

Въ Звенигородскомъ уѣздѣ, въ селеніи Рушковкѣ, я замѣтилъ въ 1853—1855 го-

дахъ много небольшихъ насыпей, почти сравненныхъ плугами съ землею, и приступилъ къ раскопкѣ ихъ. Опредѣливши центръ каждой могилы двумя діаметральными канавами, шириною въ два аршина, я достигалъ до материка и, разчистивши площадку, образовавшуюся отъ пересѣченія канавъ, въ центрѣ всегда находилъ засыпанную могилу, обложенную полусогнутыми дубовыми обаноломи, а иногда камнями безъ цемента, съ обрушившеюся потолочною настилкою изъ такихъ же обаноловъ, въ четыре аршина длины и два ширины и замазанною по швамъ глиною. Разчистивши яму, находилъ на деревянномъ полу обратившійся въ порошокъ скелетъ съ истлѣвшимъ оружіемъ и нѣкоторыми глиняными сосудами простой работы или со сгнившимъ костянымъ веретенкомъ и грубыми бусами, что вѣроятно означало женское гробовище.

Скелеты лежали головою или къ западу или къ востоку, мужскіе—съ копьемъ на правой рукѣ и скинутыми отъ ржавчины въ одну массу желѣзными стрѣлами, вѣроятно бывшими въ колчанѣ, и съ мечемъ на лѣвой сторонѣ въ деревянныхъ ножнахъ и съ глинянымъ сосудомъ въ ногахъ; а женскіе—въ сидячемъ положеніи. Въ самыхъ насыпяхъ встрѣчались часто разбитые глиняные ковши, сходные съ русскими деревянными, изъ черной или желтой обожженной глины, также бараньи и рыбы кости. Къ сожалѣнію, во время отсутствія моего изъ имѣнія, многіе, реставрированные мною, сосуды исчезли; оставшимся же прилагаются рисунки. (Таб. XIV №№: 6, 7, 9, 10).

Въ одной изъ насыпей, при очисткѣ ямы, оказались вырубленные изъ материковой глины четыре ступени и противъ нихъ ниша, заложная глиной, перемѣшанною съ какою то травою, придавшею ей такую крѣпость, что съ помощью желѣзнаго лома едва можно было пробить эту задѣлку; при чемъ открылась вырубленная въ материкѣ катакомба, въ видѣ бочки, съ лежанкой въ сторонѣ, но безъ всякихъ слѣдовъ праха и какихъ либо вещей; между тѣмъ какъ попадавшіеся куски разбитыхъ амфоръ въ насыпи обѣщали болѣе замѣчательную находку.

По бѣдности найденныхъ въ этихъ могилахъ предметовъ, по истлѣвшимъ скелетамъ, остаткамъ оружія и бараньихъ костей, я заключилъ, что въ глубокой древности здѣсь перекочевывали различныя воинственныя племена. Обрядовъ сожженія труповъ нигдѣ не замѣчено, какъ въ другихъ могилахъ, и не найдено ни одного, сколько нибудь уцѣлѣвшаго, черепа, по которому можно было бы заключить какой расѣ принадлежали эти народы; но по остаткамъ отпечатковъ скелетовъ, можно было имѣть понятіе о значительномъ ростѣ ихъ, простиравшемся часто отъ 3 аршинъ до 3 съ нѣсколькими вершками.

Изъ случайныхъ находокъ замѣчательны: 1) при обвалѣ горы Каневского уѣзда въ с. Бучакѣ найденъ истлѣвшій скелетъ, лежавшій на сгнившей шкурѣ какого то звѣря съ скрученнымъ и свитымъ въ нѣсколько рядовъ бронзовымъ на шеѣ обручемъ, изображеніе котораго при семъ прилагается. (Таб. XIV № 3).

Тутъ же найдены въ обвалѣ: кремневое долото и каменный молотокъ изъ змѣвика;

всѣ эти вещи безъ сомнѣнія принадлежать къ каменному періоду и находятся въ моемъ собраніи.

2) При рытіи ямы для укрѣпленія сторчевого столба вѣтряной мельницы на едва замѣтной могильной насыпи, въ Каневскомъ уѣздѣ при с. Лазурцахъ, найдена большая росписная съ ручками ваза, подобная Керченскимъ, съ изображеніемъ посвященія какого-то воина, изображеннаго въ наступательномъ положеніи, со щитомъ и копьемъ, и жреца, держащаго руки надъ головою его, также женской фигуры, играющей на двухствольной свирели, сидящаго сатира и другой женщины. На другой сторонѣ изображена амазонка, наступающая на сатира. Тутъ же найденъ мѣдный сосудъ съ ручкою и тремя носками узкаго горлышка. Эта росписная ваза чуть ли не единственная найденная въ Киевской губерніи. Дальнѣйшихъ разслѣдованій крестьяне не производили и построили на томъ мѣстѣ мельницу. Вещи эти были приобрѣтены и подарены Ивану Ивановичу Фундуклею, онъ же поднесъ ихъ Киевскому университету св. Владиміра. Изображенія ихъ помѣщены въ изданіи г. Фундуклея.

3) Въ с. Триполь при съемкѣ земли, при планированіи ротнаго сапернаго двора найдена остродонная большая амфора съ превышающими горло ручками. Она имѣетъ сходство съ находимыми въ Керчи, но болѣе грубой работы и безъ клейма на ручкахъ. Она находится въ моемъ собраніи. (Таб. XIV № 8).

4) Болѣе замѣчательная находка и по богатству и по искусству вещей досталась въ руки крестьянъ, въ Звенигородскомъ уѣздѣ, въ с. Петрикѣ. Она найдена была весной 1873 года, на землѣ крестьянина собственника Коваленка. Неясный слухъ объ этой находкѣ заставилъ меня отправиться туда и пригласить Коваленка для объясненій, при чемъ оказалось слѣдующее: находящійся въ лощинѣ ручей, текущій въ м. Ольшанку, во время таянія снѣговъ превращается въ довольно большой потокъ, и, подмывая лѣвый берегъ, онъ обрушилъ часть его, на которой возвышалась небольшая насыпь по сбѣгу воды, найдены сначала: перемѣшанная съ углями и перегорѣлыми мелкими костями, земля, мѣдная окисленная ржавчиной патера, въ видѣ полоскательной чашки, безъ всякихъ украшеній и въ пробившемъ себѣ путь черезъ обрушенную землю, ручѣй начали появляться изъ листоватаго золота мелкія вещи съ дырочками въ видѣ круглыхъ розетокъ и пшеничнаго зерна, которые очевидно служили нашивнымъ украшеніемъ платья. Это подало мысль владѣльцу участка раскопать обрушившуюся глыбу земли, въ которой онъ и нашелъ: 1) два совершенно сходные, скрученные изъ золотой проволоки, браслета, въ-сомъ каждый въ 20 золотниковъ съ конскими головами по концамъ, въ которыхъ замѣтны остатки бирюзовыхъ камней, и съ рѣзнымъ овальнымъ гранатомъ, на которомъ довольно искусно изображенъ въ глубь какой то жрецъ, обращенный въ право, съ копьемъ и какъ будто спереди съ лающей собакою; къ оправѣ этого камня прирѣблена на золотой цѣпочкѣ затычка, которою закирала на рукѣ браслетъ; 2) двѣ золотыя под-

вѣски къ сергамъ, съ дутыми шариками и золотыми висящими цѣпочками въ 4 золотника каждый; 3) золотое ожерелье, составленное изъ крученой цѣпочки, прикрѣпленной къ тремъ золотымъ оправамъ для камней, которые куда-то исчезли, и съ золотою подвѣскою на цѣпочкѣ въ видѣ подковы, съ рубиномъ въ серединѣ и съ высканенными сердцами около него, также съ какими то гіероглифами и виноградными кистями, вѣсомъ въ $12\frac{1}{2}$ золотниковъ и 4) куски разбитаго четырехъугольнаго металлическаго зеркала, изъ серебра или какой то амальгамы. Безъ сомнѣнія были тутъ перстни и другія украшенія, которыя вѣроятно поступили въ плавильный горшокъ еврея, въ чемъ крестьянинъ Коваленко не сознается. Одинъ браслетъ и подвѣска куплены главно-управляющимъ г. Браницкаго, г. Жабоклицкимъ, по 4 рубли за золотникъ, и поднесены Ивану Ивановичу Фундуклею. Другой браслетъ, подвѣска къ сергамъ и три мелкія вещицы отъ платья, также патера и три рѣзные камня, отъ какихъ то украшеній: два зеленые круглые съ одинаковыми изображеніями головокъ въ глубь въ право, и одинъ вишневаго цвѣта, овальный съ сквозною дирою по большому діаметру, вѣроятно вращавшійся на оси, съ изображеніемъ пасущейся дикой козы или оленя подъ деревомъ, также угловой кусокъ металлическаго зеркала приобрѣтены мною; изображеніе сихъ предметовъ при семъ прилагается. (Таб. XIV №: 1, 2, 5).

Не смотря на всѣ мои обѣщанія хорошаго вознагражденія за вещи, которыя могли оставаться у Коваленка, онъ отвѣчалъ, что у него болѣе ничего нѣтъ и не признался, были ли имъ найдены въ этомъ обвалѣ цѣлые или разбитые какіе нибудь глиняные сосуды, которые обыкновенно встрѣчаются при сожженныхъ трупахъ.

Что были еще другія вещи въ золотой оправѣ, тому служатъ доказательствомъ приобрѣтенные мною, выше описанные, три рѣзные камня. Между безчисленными бѣдными могилами, кочевавшихъ здѣсь, по описанію Геродота, народовъ, невольно раждается мысль, что такая богатая золотомъ и искусствомъ вещей могила принадлежала женѣ какого-то сильнаго вождя.

Близкое сосѣдство съ греческими колоніями по берегу Чернаго моря и при рѣкахъ его бассейна, какъ то: Ольвіи, Херсонеса Таврическаго, Тираса и Истрии, гдѣ процвѣтали искусства, судя по находимымъ тамъ художественнымъ вещамъ, давала возможность заимствовать у нихъ предметы роскоши, доступные только болѣе значительнымъ особамъ.

Не считая своего мнѣнія непогрѣшимымъ, я старался вѣрнѣе изобразить всѣ предметы, полагая что болѣе просвѣщенные археологи могли дать вѣрное о нихъ заключеніе.

Въ числѣ болѣе замѣчательныхъ, находящихся у меня древностей, не принадлежащихъ впрочемъ здѣшней губерніи, не могу умолчать, о купленномъ мною, мѣдномъ истуканѣ, принадлежавшемъ Бердичевскому купцу Шафнагелю. Этотъ истуканъ найденъ въ Литвѣ и два раза былъ на выставкахъ: въ Варшавѣ и Прагѣ. Онъ изображаетъ всад-

ника, сидящаго въ сѣдлѣ на занузданной лошади; правая рука его и переднія ноги лошади отломаны; на бородатой съ испаніолкой головѣ съ женскимъ лицомъ на затылкѣ, находится какая то шапка или толстый рогъ. Онъ сохранился довольно хорошо и представляется здѣсь въ фотографическомъ снимкѣ. (Таб. XIV № 4).

Я считаю этотъ истуканъ изображеніемъ языческаго божества и предоставляю заключение о немъ людямъ болѣе компетентнымъ по этой части.

Нѣсколько словъ о новѣйшихъ археологическихъ находкахъ въ Харьковской и Екатеринославской губерніяхъ.

Сообщено Н. Д. Ворисякомъ.

Не смотря на обиліе археологическаго матеріала, представленнаго на нынѣшній съѣздъ, я рѣшился присоединить нѣсколько собранныхъ мною свѣдѣній о находкахъ въ мѣстностяхъ, о которыхъ не было понынѣ рѣчи. Не смотря на то, что указываемыя мною находки не представляютъ систематическаго и особенно вѣскаго научнаго матеріала, сообщеніе о нихъ можетъ принести ту пользу, что облегчить поиски археологовъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, къ которымъ относятся мои указанія.

При моихъ геологическихъ экскурсіяхъ, я, по самому ходу моихъ занятій, сблизился съ землекопами и инженерами, которые доставляли мнѣ, при случаѣ, и попадающіяся имъ археологическія находки. Вслѣдствіе такой случайности, мнѣ, отнюдь не археологу, удалось кое-что собрать и представить на воззрѣніе компетентныхъ знатоковъ нынѣшняго съѣзда. Я представлю собранныя мною извѣстія, расположивъ ихъ по мѣстамъ нахожденія.

1. *Раскопки по линіи Харьковско-Азовской желѣзной дороги* дали слѣдующія, извѣстныя мнѣ, данныя:

а) *Образъ перукотвореннаго Спаса*. Въ концѣ іюля 1869 г. при планировкѣ земли подъ Харьковскій вокзалъ желѣзной дороги, на урочищѣ „Архіерейская левада“ подъ Холодною горою, на глубинѣ 1 сажени, въ затвердѣломъ суглинкѣ найдено барельефное головное изображеніе, вырѣзанное на плоской глыбѣ самороднаго гипса, не обѣченной съ задней стороны ($\frac{3}{4}$ вершка толщиной). Изображеніе въ $6\frac{1}{2}$ вершк. длиною, въ $5\frac{1}{2}$ шириною и въ $1\frac{1}{2}$ в. высотой рельефа (до оконечности носа), явственно представляетъ убръсъ

съ трехъ-складчатыми вверху узлами по угламъ. На немъ изсѣченъ ликъ, украшенный сіяніемъ. Изваяніе отличается правильностью рисунка. Ученныя духовныя лица и художники, къ которымъ я обращался за помощью въ опредѣленіи найденнаго предмета, подтвердили мою догадку, что изваяніе ближе всего представляетъ изображеніе иконы Спаса нерукотвореннаго, что на убрусѣ. Если остановимся на мысли о христіанскомъ значеніи изваянія, то мы можемъ отнести его или ко времени съ XI по XIII столѣтіе, когда въ данной мѣстности жило христіанское населеніе, причислявшееся къ населенію Переяславскаго и Черниговскаго княжествъ; или ко времени съ 1/2 XVII стол., когда Слободская Украина, запустѣвшая послѣ Батыева нашествія, заселилась вновь выходцами изъ западной, правобережной Украины.

Я позволю себѣ высказать нѣкоторыя догадки и предположенія относительно этого предмета; я полагаю, что въ новѣйшую эпоху рассматриваемое изваяніе не было сооружено, по слѣдующимъ причинамъ: наши мастера-каменщики никогда не дѣлали изваяній изъ самороднаго гипса, породы и не существующей въ окрестности Харькова. Образъ найденъ на глубинѣ сажени подъ слоемъ отвердѣвшаго суглинка, на образованіе котораго потребно значительно-продолжительное время. Мнѣ не случалось встрѣчать между уцѣлѣвшими остатками церковной старинной утвари, а также между вынесенными переселенцами изъ-за Днѣпра предметами религіознаго почитанія изображеній святыхъ, изваянныхъ на камнѣ. Трудно предположить, чтобы найденное изображеніе служило барельефомъ наружной части храма или надгробнаго памятника; такія украшенія въ храмахъ нашихъ не употреблялись и трудно допустить, чтобы они придѣлывались къ стѣнамъ церквей, возведенныхъ изъ дерева. Кладбища, въ мѣстности, гдѣ найденъ образъ, не существовало и при планировкѣ слѣдовъ никакихъ кладбища не обнаружено; притомъ же матеріаломъ для мавзолеевъ служили у насъ первоначально: кирпичъ, песчаниковый камень и чугунъ. Украшенія памятниковъ вырѣзываются обыкновенно на монолитѣ, изъ котораго сдѣланъ самъ памятникъ, или-же, подобно какъ въ храмахъ и часовняхъ, бываютъ лѣпныя, а не рѣзные. Затѣмъ значеніе барельефнаго украшенія опровергается и отсутствіемъ на изваяніи малѣйшихъ слѣдовъ прикрѣпленія.

Рассматривавшій описываемое изображеніе художникъ г. Волошиновъ выразился о немъ слѣдующимъ образомъ: „по контуру и экспрессіи найденное барельефное изображеніе принадлежитъ къ произведеніямъ древне-греческаго стиля и я не сомнѣваюсь, что оно служило принадлежностью скита пустынножительства“. Нельзя отрицать возможности подобнаго предположенія, тѣмъ болѣе, что, по наблюденіямъ надъ характеромъ нашей мѣстности, не подлежитъ сомнѣнію, что прежде въ ней на значительныхъ пространствахъ существовали вѣковые лѣса, представлявшіе требуемыя для пустынножительства условія.

Можетъ быть въ найденномъ предметѣ мы встрѣчаемъ слѣдъ тѣхъ давнихъ, невѣ-

домыхъ исторіи, подвижниковъ, которые дали названіе „Святой Горѣ“ на Донѣ, (упоминаемой московскими лѣтописями до XVI ст.), которые основали Святогорскую обитель (по мнѣнію преосвящ. Филарета, существовавшую уже до XIV ст.) и которые ископали пещеры въ Донецкой скалѣ, можетъ быть подражая преп. Θεодосію и Антонію.

в) *Древности, найденныя въ долину Мокрая Чулека.* Долина эта находится въ 30 верстахъ отъ Таганрога и въ разстояніи $1\frac{1}{2}$ версты отъ морскаго берега. При съемкѣ земли для желѣзной дороги, въ ней открыли на глубинѣ $1\frac{1}{2}$ аршина разбросанныя человѣческія кости, а подъ ними, углубясь еще на 1 аршинъ и 13 вершковъ, полный человѣческій скелетъ.

Самый скелетъ, лишь только дотронулись до него, рассыпался; сохранилось только немного костей да черепъ.

При упомянутомъ скелетѣ найдены слѣдующія вещи: 1) Массивная, довольно длинная золотая цѣпь съ 3-мя сердцеобразными, большими, золотыми-же подвѣсками; въ срединѣ одной изъ нихъ сохранился алмадинъ, обдѣланный кабошономъ; эта цѣпь лежала на шеѣ скелета; 2) 2 браслета, замѣчательные небольшою величиною сравнительно съ размѣрами скелета, выкованные изъ толстаго золотого дрота, прорѣзанные и по концамъ прорѣзовъ утолщенные. Особенно важно, что на одномъ изъ браслетовъ весьма хорошо сохранилась надпись изъ особенныхъ знаковъ. Эти браслеты сняты съ рукъ скелета; 3) 4 большой величины золотыхъ перстня съ большими сердоликовыми, овальными, плоскими вставками. Эти перстни сняты съ двухъ большихъ пальцевъ правой и лѣвой руки; 4) 5 большихъ круглыхъ бляхъ, состоящихъ въ видѣ куполообразно-сведенныхъ металлическихъ клѣтокъ, въ которыя вставлены частію искусственные камни, частію бирюза и лазурикъ; 5) 9 бляхъ 5-ти угольныхъ, состоящихъ изъ треугольныхъ, пятиугольныхъ и овальныхъ клѣтокъ, на общемъ листѣ, выдѣланныхъ изъ листового металла; въ клѣткахъ вставлены искусственные камни. Вещи подъ 4 и 5 №№ повидимому служили нашивками, такъ какъ по угламъ ихъ существуютъ отверстія; 6) 2 цилиндрика длиною и діаметромъ въ предмизинный палецъ, изъ свернутого золотистаго листа съ вставками снаружи изъ окрашеннаго стекла. Можно думать, что цилиндрики эти служили какъ поясныя украшенія. Вообще нельзя допустить, чтобы вещи подъ №№ 4, 5 и 6 принадлежали, по тонкости металлическихъ клѣтокъ и основныхъ листовъ, къ лошадиной сбруѣ; 7) 2 овальныхъ бляхи средней величины съ точковидною осыпкою и при нихъ много обломковъ бляхъ изъ золотистой фольги; 8) изъ серебрянаго сплава нѣсколько пряжекъ, подобныхъ пояснымъ, съ однимъ зубцомъ, и небольшой сосудъ съ маленькими ручками на подобіе набалдашника, чрезъ горлышко котораго продѣта довольно толстая проволока. Въ срединѣ сосуда находится небольшая косточка, которую довольно трудно опредѣлять: при потрясеніи сосуда, отъ ударовъ о стѣнки косточкою издается звукъ, напоминающій звукъ бу-

прітож.

бенчика. Бронзовыя удила, покрытыя мѣдною зеленою. Вещи подъ №№: 4, 5, 6, 7, 8 найдены въ разстояніи 1 аршина отъ ногъ скелета.

На основаніи всего доставленнаго изъ долины Чулека, долина этой рѣки является мѣстомъ, долженствующимъ обратить на себя вниманіе археологовъ, чего до сихъ поръ, сколько мнѣ извѣстно, она не заслуживала по недостатку указаній.

2. Раскопки по линіи Харьковско-Николаевской:

а) *Вблизи станціи Любимщи*, въ глубокой и длинной выемкѣ найдены 2 желѣзныхъ, изъѣденныхъ ржавчиною клинка и мѣдное копье. Клинки находятся у меня, а копье у инженера, барона Рика.

б) *Около Кременчука*, въ невысокомъ курганѣ обнаружены замѣчательныя остатки старины, разбитыя и растеряныя рабочими. Изъ нихъ мнѣ доставлены интересные обломки костяныхъ ноженъ, украшенныхъ рѣзбою, изображающею звѣрей, подобныхъ находящимся на скифскихъ керамическихъ издѣліяхъ. Эти обломки находятся у меня. По свидѣтельству помѣщика Екатеринославской губерніи, г. Поля, при недавнихъ работахъ по Севастопольской линіи найденъ цѣлый клинокъ съ подобными изображеніями; равно найдены и другія цѣнныя вещи, которыя разбрелись по рукамъ. Г. Полю приобрѣлъ нѣкоторыя вещи, для его замѣчательнаго, какъ говорить, собранія.

3. *По линіи Одесской*, въ Херсонской губерніи, г. Штиде, раскрыто 3 кургана. Въ одномъ изъ нихъ, близъ Ольвіополя, найдены монеты съ изображеніемъ, на одной сторонѣ лошади, съ воткнутою въ спину стрѣлою, а на другой головы греческаго типа съ короною, усѣяною точками, на подобіе бисера. Шея лошади тонкая, на подобіе лебединой изогнутая. Въ Императорскомъ Эрмитажѣ хранится подобныхъ 4 монеты; но найденныя близъ Ольвіополя представляются лучше сохранившимися.

Въ другомъ курганѣ, около станціи Ивановка (или Шестаковка) найдены: небольшая урна, самой первобытной работы, изъ необожженной глины, кусокъ кожи съ мѣдною пластинкою внутри, длиною около 2-хъ вершковъ и 1 стекляная бусина.

Въ третьемъ курганѣ найдены одни человѣческіе зубы. Всѣ эти курганы высокіе; находки были найдены на глубинѣ 4—5 футовъ отъ поверхности кургановъ.

Относительно кургановъ осмѣлюсь замѣтить, что иногда слишкомъ смѣло обобщаютъ нѣкоторыя явленія, замѣченныя въ курганахъ, какъ напримѣръ: въ большой крутизнѣ склона къ сѣверу (чего во многихъ курганахъ и не замѣчается) думаютъ найти общій законъ, указывающій на назначеніе кургановъ. Курганы подвержены какъ стихійнымъ, такъ и человѣческимъ вліяніямъ, находятся въ зависимости отъ матеріала, изъ котораго насыпаны; они осыпаются соотвѣтственно естественному склону; неравномѣрная осадка кургановъ могла имѣть вліяніе на измѣненіе ихъ первобытнаго вида. Весьма бы важно было разъясненіе того обстоятельства, почему нѣкоторые курганы, насыпанные въ недалекомъ другъ отъ друга разстояніи изъ одинаковаго матеріала, одни обложены кам-

нями, другіе нѣтъ? Курганы, находящіеся сгруппированными, заслуживаютъ вниманіе не въ отдѣльномъ разрытіи одного изъ нихъ, а цѣлой группы. При такомъ изслѣдованіи возможно только подмѣтить систему насыпки кургановъ, если она не случайная. Въ курганахъ, валахъ, городищахъ, насыпанныхъ изъ суглинка, важно наблюденіе нароста чернозема, какъ весьма важнаго для опредѣленія относительной древности насыпей. На нивелирующее вліяніе сыпучихъ песковъ обращаютъ мало вниманія, а оно необходимо при рѣшеніи такихъ вопросовъ, какъ вопросъ о языческомъ кладбищѣ въ Царствѣ Польскомъ, поднятый на нынѣшнемъ сѣздѣ г. Павинскимъ. Можетъ быть, если обратимъ вниманіе на явленія, зависящія отъ передвиженія и расположенія песковъ и отъ распаханія кладбищъ и кургановъ, то устранится необходимость составленія болѣе сложныхъ теорій касательно того, почему въ мѣстностяхъ ровныхъ встрѣчаются цѣлыя кладбища. Раскопки въ Харьковѣ, заносы даже жилищъ песками около Калитвы по Дону, у Алексѣево и Каховки по Днѣпру представляютъ намъ современные геологическія явленія, пригодныя для объясненія многого изъ прошедшаго. Коснувшись кургановъ, я прибавлю нѣсколько замѣчаній о каменныхъ бабахъ; типы ихъ, равно какъ матеріалъ, изъ коего они сдѣланы, не приведены еще въ должную извѣстность на всемъ пространствѣ, гдѣ онѣ были разставлены. Наблюденія въ Донецкомъ каменно-угольномъ краѣ показали мнѣ, что бабы изваяны преимущественно изъ мѣстнаго песчаника; но есть указанія, что бабы перевозились и на далекія разстоянія. Прошедшимъ лѣтомъ, я нашелъ значительную и замѣчательную коллекцію каменныхъ бабъ, въ имѣніи г. Голуба, близъ Бахмута, на которую считаю нужнымъ обратить вниманіе занимающихся изслѣдованіемъ этого предмета. Въ степяхъ Екатеринославскихъ мнѣ случилось быть свидѣтелемъ религіознаго поклоненія бабамъ и выслушать толкованіе о нихъ отъ плачеватыхъ цыганъ. Что касается до городищъ, то, замѣчу, что количество ихъ значительно увеличивается включеніемъ въ число ихъ окоповъ и шанцевъ временъ болѣе новыхъ.

Утверждать что древнія городища находились непременно по теченію рѣкъ, что окопка рвами правильныхъ четырехугольныхъ пространствъ доказываетъ болѣе новыя построенія, что древнія городища окружены со стороны рѣкъ валами, едва ли окончательно возможно. Мнѣ извѣстно обширное четырехугольное городище, въ лѣсу около Басовки, близъ Ромна, на весьма возвышенномъ мѣстѣ, вдали отъ рѣки. Изъ этой мѣстности доставлены мнѣ кремневая стрѣлы. Городища: Донецкое и Хорошево, представляютъ окопы съ гористой стороны, только загибающіеся къ рѣкѣ.

4. По линіи Константиновской желѣзной дороги, не вдалекѣ отъ побережья Торца и Калміуса, въ Екатеринославской губерніи, г. Штаде разрытъ 8 кургановъ. Въ нихъ найдены гробы изъ каменныхъ плитъ. Пять плитъ составляютъ гробъ, нижней плиты нѣтъ. Въ этихъ курганахъ найдено отъ 1-го до 3-хъ гробовъ въ каждомъ, на глубинѣ отъ 2 до 5 футовъ отъ поверхности кургановъ. Величина гробовъ различна.

Такимъ образомъ у с. Желѣзнаго найдено въ курганѣ 3 гроба. Длина боковыхъ стѣнокъ 1 арш. 4 верш., ширина верхней доски 1 арш., высота гробовъ менѣе аршина. Надъ однимъ изъ здѣшнихъ гробовъ найдена опрокинутая вверхъ дномъ мѣдная лахань, подобная находящейся на выставкѣ. Черепныя и пожныя кости находились вмѣстѣ, указывая какъ-бы на то, что покойники были погребены въ сидячемъ положеніи. Курганъ близъ Красногорки, около Михайловки представилъ гробъ изъ плитъ краснаго песчаника, незамѣченнаго въ окрестностяхъ. Толщина этихъ плитъ до 4 верш., длина ихъ 2 арш. 4 вершка, ширина верхней плиты 1 арш. 4 верш., высота менѣе аршина. Во всѣхъ гробахъ кости человѣческія, сильно разложившіяся, смѣшаны съ костями лошадиными и другихъ животныхъ. Въ однихъ гробахъ, по угламъ, находились по 3 горшка, въ другихъ по одному. Гробы и горшки наполнены землею. Болѣе замѣчательные гробы, по содержанию заключали слѣдующіе предметы:

Курганъ близъ станціи Юрво (Александровка Ливена) въ 1 верстѣ на югъ. На глубинѣ отъ поверхности въ 7 футовъ найдено 3 гроба: два каменныхъ плитныхъ и одинъ деревянный. Найдены на одинаковой глубинѣ, но въ различномъ направленіи. Каменные гробы стояли параллельно другъ къ другу въ срединѣ кургана, деревянный же находился впереди ихъ въ наклонномъ положеніи, наискось относительно двухъ первыхъ.

Въ деревянномъ гробѣ найдены: черепъ, кости человѣка и животныхъ, стремя, копыя желѣзныя. Въ каменномъ гробѣ кости и черепки. Въ курганѣ на землѣ Каменскаго оказался каменный гробъ. Плиты—толщиною отъ 3 до 4 вершковъ. Длина ихъ до 2 $\frac{1}{2}$ аршинъ. Обломки горшковъ двухъ видовъ, человѣческія кости сильно разрушенныя и бедраныя кости малыхъ животныхъ. Одинъ горшокъ изъ необожженной черной глины, первобытнаго издѣлія, другой съ выпуклостями.

Въ другомъ курганѣ на землѣ помѣщика Каменскаго найденъ каменный гробъ на 2 фута глубины отъ поверхности кургана. Въ немъ: зубы человѣческіе, 25 лошадиныхъ зубовъ, шило изъ кости, бедро небольшого животнаго, черепки горшковъ.

Въ третьемъ курганѣ, на землѣ помѣщика Каменскаго былъ гробъ, обложенный валунами. Курганъ надъ нимъ всего 3 фута отъ поверхности земли. Въ гробу: широкій горшокъ изъ необожженной глины. Вещи вышеупомянутыя изъ раскопокъ г. Штаде находятся у меня.

Къ числу болѣе новыхъ открытій на юго-востокѣ Россіи, неизвѣстныхъ еще археологамъ, могу указать:

1) На курганъ, вскрытый г. Арманъ, въ имѣніи Голубовкѣ Бахмутскаго уѣзда. Здѣсь, кромѣ разрушенныхъ костей, найдены: глиняная урnochка весьма отчетливой работы, выжженная, желтаго цвѣта, изъ хорошей глины; ножны весьма отчетливо сшитыя, изъ кожи, напоминающей новѣйшую выдѣлку, бронзовыя стрѣлки, изъ которыхъ у меня находится одна.

2) Каменный молотокъ, найденный по р. Малой-Быстрой въ землѣ войска Донскаго. Рисунокъ котораго прилагаю. (Таб. VIII, № 7).

3) Мечъ-кладенецъ желѣзный, найденный въ г. Чугуевѣ, при рытьѣ фундамента. Рисунокъ коего прилагается. (Таб. VIII, № 6).

4) Хорошо сохранившаяся кольчуга, съ оторочкою, изъ мѣдныхъ колецъ, найденная близъ Старобѣльска въ курганѣ. Она находится у меня.

5) Къ числу важныхъ открытій, могущихъ служить къ уясненію мѣстнаго металлическаго производства на югѣ, могу указать на открытіе древнихъ разработокъ мѣди, существовавшихъ въ Бахмутскомъ уѣздѣ, и желѣзныхъ въ землѣ Войска Донскаго.

Обзоръ славяно-русскихъ памятниковъ языка и письма, находящихся въ библіотекахъ и архивахъ Львовскихъ.

Сообщено **Е. І. Калужняцкимъ.**

Если для усовершенствованія славянской палеографіи не безполезны постоянныя указанія на всякіе вновь открываемые рукописные матеріалы,—если даже сравнительно новѣйшіе памятники языка и письма не лишены палеографическаго интереса, то не безполезны будутъ, конечно, и собранныя мною свѣдѣнія, относящіеся въ особенности къ рукописнымъ остаткамъ славяно-русской письменности въ Галиціи и во Львовѣ¹⁾.

Но прежде нежели я успѣю окончить мои работы надъ этимъ предметомъ, а вслѣдъ за тѣмъ составить обстоятельное описаніе всѣхъ разбросанныхъ по различнымъ Галицкимъ библіотекамъ рукописныхъ славянскихъ матеріаловъ, я рѣшился уже теперь почтеннымъ членамъ настоящаго съѣзда, именно же почтеннымъ знатокамъ и любителямъ славянской палеографіи, представить: 1) мои, такъ называемые, палеографическіе снимки, собранные только изъ однихъ Львовскихъ рукописей, актовъ и пр. [подъ заглавіемъ: *Specimina codicum slovenicorum rerumque manuscriptorum, quae in bibliothecis et tabulariis leopolitanis inveniuntur*], а къ снимкамъ тѣмъ присоединить 2) предлагаемое здѣсь, временное тѣхъ же Львовскихъ рукописей обзорѣніе.

Въ составъ моего настоящаго изслѣдованія я старался включить всѣ сколько нибудь важныя памятники славяно-русской письменности, и затѣмъ я обратилъ особенное вниманіе на довольно богатая коллекціи университетской и свято-онуфріевской библіотекъ, которыя отличаются большимъ количествомъ любопытныхъ литургическихъ и церковныхъ списковъ, а также на рукописные матеріалы библіотеки имени Оссолинскихъ, между которыми, кромѣ нѣсколькихъ церковныхъ списковъ, драгоцѣнны въ особенности находя-

щіея тамъ же историческіе акты; наконецъ—на грамоты, привилегіи, корреспонденціи и тому подобныя пособія мѣстной исторіи, которыя хранятся въ тѣхъ и другихъ библіотекахъ и архивахъ Львовскихъ²⁾, описанныхъ отчасти уже и г. Бедою Дудиномъ въ его „Галицко-Владимірскихъ архивахъ“ [Die Archive im Königreich Galizien und Lodomerien, aus dem XXXIX Bande des Archives für österreichische „Geschichtsquellen besonders abgedruckt“] въ Вѣнѣ, 1867 г.³⁾

При томъ, я успѣлъ познакомиться также и съ такими коллекціями славяно-русскихъ, исторически важныхъ запасовъ палеографіи во Львовѣ, которые не были извѣстны ни г. Дудину, ни кому-нибудь другому изъ заграничныхъ ученыхъ, какъ, напримѣръ, собраніе грамотъ Института Ставропигійскаго⁴⁾, или собраніе грамотъ, такъ называемаго, Шнейдеровскаго музеума⁵⁾ и пр. и пр.

Кромѣ небольшого отрывка евангельскихъ чтеній XII—XIII вѣка и такого же отрывка евангельскихъ чтеній конца XIII—XIV столѣтія [находящихся въ моей собственной библіотекѣ], принадлежать всѣ другія славяно-русскія грамоты и вообще всѣ прочіе подлинныя славяно-русскіе памятники языка и письма, хранимые до сихъ поръ въ библіотекахъ и архивахъ львовскихъ, къ временамъ Казимира III [1333—1370] и слѣдующихъ послѣ него Ягеллоновъ [1386—1572], вплоть до конца XVIII столѣтія. Весь извѣстный мнѣ доселѣ запасъ русско-славянскихъ рукописей во Львовѣ, то есть всѣ извѣстные мнѣ до сихъ поръ памятники палеографіи⁶⁾, уцѣлѣвшіе въ библіотекахъ и архивахъ львовскихъ [и, скажемъ кстати, во всѣхъ другихъ галицкихъ библіотекахъ и архивахъ], принадлежать затѣмъ меньшею частью къ древнѣйшему [XI—XIV столѣтія], а большею частію къ новѣйшему [XV—XVIII в.] періоду славяно-русскаго рукописанія. Мы приходимъ, слѣдовательно, къ убѣжденію, что рукописныя славяно-русскіе матеріалы, сохраняемые въ нашихъ львовскихъ [и вообще во всѣхъ другихъ, знакомыхъ и доступныхъ мнѣ галицкихъ] библіотекахъ и архивахъ, менѣе драгоцѣнны въ строго-антикварномъ отношеніи, но что они въ свою очередь содержатъ очень богатые пособія къ познанію нѣкоторыхъ, не вполне ясныхъ еще сторонъ славяно-русской палеографіи въ ея новѣйшемъ, именно въ ея среднемъ періодѣ. Наши сравнительно позднѣйшіе памятники славяно-русской письменности отличаются, впрочемъ, и другими, столь важными свойствами истинно научнаго достоинства и доставляютъ столь обильныя, иногда самыя рѣдкія свѣдѣнія для исторіи и сравнительной филологіи славянскихъ языковъ, что въ этомъ отношеніи они нисколько не уступаютъ нѣкоторымъ заграничнымъ, драгоцѣннымъ по антикварному достоинству коллекціямъ рукописей, при чемъ хорошими образцами могутъ обогатить значительно извѣстный намъ доселѣ объемъ славяно-русскаго рукописанія. Многіе изъ этихъ позднѣйшихъ памятниковъ львовскаго разряда тѣмъ болѣе важны и потому еще, что одни изъ нихъ считаются единственными апографами, остатками несуществующихъ въ настоящее время подлинниковъ славяно-русской письменности, а другіе

опять единственными, не изданными еще произведениями подлинной русской литературы XVI—XVIII вѣка [какъ, на примѣръ, нѣкоторые житія святыхъ, нѣкоторые, неизданные еще полемическія сочиненія, церковно-судныя грамоты кievскихъ митрополитовъ и западно-русскихъ епископовъ, привилегіи польскихъ королей и молдавскихъ господарей, корреспонденція вельможъ, завѣщанія и пр.], изъ которыхъ можно извлечь различныя, не безполезныя для науки свѣдѣнія о тогдашнихъ понятіяхъ и стремленіяхъ юго-западной части русскаго народа, именно—объ ея церковныхъ и національно-политическихъ дѣлахъ и о всемъ томъ, что было главнымъ основаніемъ ея внутренняго состоянія. Тѣ и тѣмъ подобныя памятники русской литературы XVI—XVIII вѣка служатъ намъ, такъ сказать, вѣрными, недвусмысленными свидѣтелями нашего недалекаго прошлаго и знакомятъ насъ, между прочимъ, и съ такими особенными чертами западно-русской жизни, которыми предки наши отличались отъ другихъ отраслей русскаго міра, то есть чертами, которыми они должны были по неволѣ отличаться отъ другихъ членовъ великой русской семьи, какъ вслѣдствіе своихъ политическихъ сношеній съ Польшею, такъ и въ силу своихъ церковныхъ связей съ римскимъ престоломъ. Они позволяютъ намъ, однако, въ тогдашней литературной дѣятельности нашихъ предковъ подмѣтить съ другой стороны и такія черты русскаго духа, посредствомъ которыхъ и въ тѣ трудныя времена западно-русской исторіи удерживались неприкосновенными и неповрежденными всѣ высшіе интересы русскаго народа, состоящіе въ постоянномъ соблюденіи общихъ духовныхъ началъ и общихъ культурныхъ стремленій. Наши сравнительно позднѣйшіе памятники языка и письма были вполне органическимъ дополненіемъ нашей обще-русской литературы того времени, и они сплетаются такъ тѣсно съ цѣлымъ ея духомъ и строемъ, что трудно не признать ихъ за вѣтви, выросшія изъ одного и того-же славяно-русскаго корня. Мы позволяемъ себѣ затѣмъ, въ нѣсколькихъ только словахъ, воспроизвести всѣ болѣе характеристическія черты нашей древней письменности, и съ этою цѣлью раздѣляемъ изслѣдованные нами рукописныя матеріалы во Львовѣ на нѣсколько группъ.

I. Къ первой группѣ памятниковъ славяно-русскаго рукописанія причисляются вообще всѣ литургическія книги, то есть всѣ тѣ рукописи и остатки рукописей, которыя имѣютъ ближайшее отношеніе къ обряду и богослужебнымъ потребностямъ церкви, каковы, на примѣръ: священныя книги ветхаго завѣта; весьма многочисленные списки евангельскихъ и апостольскихъ чтеній, находящіеся не только въ библіотекахъ Львовскихъ, но разбросанные также и по другимъ [деканатскимъ, монастырскимъ и приходскимъ] библіотекамъ Галиціи, Буковины и сѣверо-восточной части Венгерскаго королевства⁷⁾; праздничныя и мѣсячныя минеи—нѣкоторыя съ житіями святыхъ, описаніями мученій и другими такого же рода статьями, или синаксаріями; ирмологіоны съ нотными знаками⁸⁾ и, такъ называемые, осьмогласники; литургиконы—большею частію службы св. Іоанна Златоустаго; монастырскіе уставы и типики церковной службы XVI—XVII вѣка; чины прилож.

постриженія и погребенія монаховъ и тому подобныя произведенія церковной литературы. Всего чаще встрѣчаются списки евангельскихъ и апостольскихъ чтеній, какъ наиболѣе употребительныя пособія церковной службы, и то преимущественно въ копіяхъ XVI—XVII вѣка, отличающихся особеннымъ псевдо-болгарскимъ правописаніемъ. Мы обращаемъ кстати вниманіе почтенныхъ слушателей и на довольно хорошіе рисунки, внесенные въ нѣкоторые списки евангельскихъ чтеній, именно, на изображенія евангелистовъ и другія раскрашенныя золотомъ виньетки, которыя находятся въ пергаменномъ экземплярѣ университетской библіотеки во Львовѣ подъ знакомъ 1. А. 3. Пергаменные списки евангельскихъ чтеній, доставленные на выставку буковинскими членами археологическаго съѣзда, и имѣющіе большое сходство съ упоминаемымъ здѣсь Львовскимъ экземпляромъ, укрѣпили меня въ томъ убѣжденіи, что стараніемъ митрополита молдавскаго Анастасія Кримковича составилась въ двухъ первыхъ десятилѣтіяхъ XVII вѣка цѣлая фамилія такихъ же богослужебныхъ книгъ, а особенно евангельскихъ чтеній. Ихъ внѣшнимъ знаменемъ служатъ именно указанныя здѣсь рисунки, произведенные всѣ на одинъ манеръ „многогрѣшною“ рукою Стефана, какого-то Сучавскаго живописца⁹⁾. Въ моихъ палеографическихъ снимкахъ сообщены образцы этихъ рисунковъ на таблицѣ XVIII [specimina 1—2] и на таблицѣ XIX [specim. 1].

Между рукописями первой группы мы позволимъ себѣ отмѣтить еще и, такъ называемое, „Страстей Христовыхъ размышленіе“, писанное чрезвычайно красивою скорописью конца XVII—XVIII вѣка [въ моихъ снимкахъ таблица XXV], а находящееся въ выше упомянутой свято-онуфріевской библіотекѣ во Львовѣ подъ № XXIII.

Въ этомъ довольно рѣдкомъ произведеніи западно-русской литературы замѣчательна въ особенности помѣщенная тамъ же молитва ко Христу Спасителю въ стихахъ неизвѣстнаго автора, вполне сообразныхъ съ господствовавшимъ тогда стихотворнымъ вкусомъ, какъ показываетъ это находящаяся въ прилогахъ копія.

II. Ко второй группѣ памятниковъ славяно-русской письменности во Львовѣ причисляются вообще творенія святыхъ отцевъ восточной церкви. Прежде всего, однако, причисляются сюда риторскія и богословскія, отчасти также и философическія произведенія святыхъ отцевъ восточной церкви, точнѣе—славяно-русскіе ихъ переводы, каковы, напримѣръ, два экземпляра Златоустовыхъ бесѣдъ на евангеліе св. Матѳея, переведенныхъ монахомъ свято-сергіевского монастыря Селиваномъ, однимъ изъ лучшихъ учениковъ знаменитаго въ дѣяніяхъ русской церкви Максима Грека [1518—1556 года], который имѣлъ столь важное и нынѣ нисколько неоспариваемое вліяніе на судьбы русскаго общества и на современное ему просвѣщеніе¹⁰⁾. Къ этому же отдѣлу относятся, между прочимъ, три списка правоучительныхъ наставленій Ефрема Сирина, скопированные, по всей вѣроятности, изъ печатнаго изданія [по крайней мѣрѣ, позволительно признать за копію печатнаго изданія экземпляръ библіотеки имен. Осол. подъ № 366 и такой же

экземпляръ библ. университетской подъ цифрою I. J. 10]; два списка наставлений Кирилла Іерусалимскаго, составленные въ концѣ XVI—XVII вѣка; два экземпляра бесѣдъ Макарія Египетскаго—второй [въ библиотекѣ универс. подъ цифрою 1. D. 12] скопированъ тоже изъ печатнаго вилenskaго изданія; правоучительныя бесѣды св. Дорофея по списку библиотеки университ. 1. D. 14; наконецъ, такія же правоучительныя бесѣды игумена Синайскаго Іоанна, изданныя подъ характеристическимъ заглавіемъ *Лѣстоицы* и пр. Не приписывая упомянутымъ здѣсь и другимъ подобнымъ произведеніямъ этого разряда никакихъ непосредственныхъ вліяній на болѣе широкіе круги русскаго общества, не могу всетаки не признать того вполнѣ несомнѣннаго факта, что творенія святыхъ отцевъ церкви имѣли очень обширное теоретическое примѣненіе въ многочисленныхъ памятникахъ русской письменности XVI—XVIII вѣка, особенно же въ полемическихъ и назидательныхъ сочиненіяхъ того времени. Не остались риторическія и богословскія творенія греческихъ учителей церкви безъ особеннаго вліянія и на такъ называемыя „учительныя евангелія“, составляющія особую группу письменныхъ произведеній того же втораго разряда, которыя преимущественно въ XVII столѣтіи въ большемъ были употребленіи. Извѣстные мнѣ экземпляры учительныхъ евангелій издавались вообще безъ означенія имени авторовъ, но авторами этихъ и имъ подобныхъ риторическихъ компиляцій были большею частію члены духовной Кіевской Академіи, или другія лица духовнаго званія, которыя, принимая живое участіе въ церковныхъ преніяхъ своего времени, и словомъ, и письмомъ, желали помогать интересамъ православія и народности въ борьбѣ съ враждебнымъ католицизмомъ¹¹⁾. Знаменитые въ свое время комментаріи Теофилакта болгарскаго, излагающіе подлинный смыслъ евангельскихъ текстовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ считаемые однимъ изъ самыхъ лучшихъ пособій къ разясненію различныхъ догматическихъ недоразумѣній и другихъ богословскихъ вопросовъ, сохранились въ одномъ только апографѣ конца XVI—XVII вѣка, въ библиотекѣ имени Оссола. подъ № 39¹²⁾. Шесть книгъ твореній Іоанна Дамаскина [въ библ. свято-онуфріевскихъ василіанъ въ Львовѣ подъ № X] замѣчательны тѣмъ, что они переписаны изъ новѣйшаго, собственно западно-русскаго перевода тѣхъ же твореній, сдѣланнаго по базельскому изданію греческаго текста 1548 г.¹³⁾, а не по древнѣйшему тексту¹⁴⁾, по которому сдѣланъ былъ переводъ Іоанна, знаменитаго въ исторіи славянской письменности дѣятеля [около 888—927], и вмѣстѣ съ тѣмъ Экзарха, или строителя земли болгарской¹⁵⁾. Сочиненія Дамаскина замѣчательны, впрочемъ, и въ томъ еще отношеніи, что они имѣли очень сильное вліяніе на всѣ физическія и метафизическія понятія средневѣковаго общества, вліяніе, продолжавшееся непрерывно до самыхъ новѣйшихъ временъ, точнѣе—до возрожденія философическихъ и естественныхъ наукъ въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII вѣка.

Въ числѣ рукописей второй группы отмѣчаемъ, наконецъ, одинъ экземпляръ Филипповой Діоттры въ библ. свято-онуфріевскихъ василіанъ во Львовѣ подъ № XIX и

думаемъ, что содержащіеся въ ней „Плачеве и рыдания иншка грѣшна и странна ими же сзпѣралишеса изъ доуши своѣй“, были однимъ изъ лучшихъ предметовъ чтенія, предпочитаемыхъ въ особенности и высшими свѣтскими сословіями, какъ свидѣлствуютъ внесенныя въ рукопись эту собственноручныя приписки господарей молдавскихъ Петра [1454—1456] и Стефана [отъ 12 апрѣля 1546—1504] на стран. 250 и 251.

Кромѣ того, позволю себѣ замѣтить еще и то о свято-онуфріевскомъ спискѣ Филипповой Діонтры¹⁶⁾, что онъ скопированъ въ первой половинѣ XV вѣка изъ самаго лучшаго южно-славянскаго перевода, и что въ немъ содержатся очень рѣдкіе примѣры болгарско-славянскихъ, или, такъ называемыхъ, средне-славянскихъ отбѣнговъ языка.

III. Между славяно-русскими рукописями во Львовѣ немаловажное занимаютъ, въ третьихъ, мѣсто и, такъ называемые, сборники, или изборники различнаго содержанія. Всего чаще встрѣчаются въ числѣ рукописей львовскихъ такіе экземпляры славяно-русскихъ сборниковъ, которые состоятъ изъ однихъ только извлеченій, скопированныхъ дословно изъ выше упомянутыхъ и неупомянутыхъ произведеній риторической литературы, какъ это показываетъ, напримѣръ, сборникъ церковныхъ [точнѣе, недѣльныхъ и праздничныхъ] бесѣдъ, записанный въ инвентаріяхъ библіотеки универс. подъ знакомъ 1. F. 13, или другой, находящійся въ библіотекѣ имени Оссол. подъ № 29. Мы встрѣтили, однако, въ библіотекахъ львовскихъ [встрѣчали, впрочемъ, и въ другихъ библіотекахъ галицкихъ] и такіе рукописные, славяно-русскіе сборники, въ которыхъ, кромѣ недѣльныхъ и праздничныхъ словъ, заимствованныхъ изъ произведеній риторико-богословской литературы того времени, содержатся немалочисленные дополненія изъ другихъ памятниковъ тогдашней византійской письменности, преимущественно же изъ подлинныхъ, а частію также и подложныхъ произведеній каноническаго права, изъ различныхъ [древнихъ и новѣйшихъ] византійскихъ хронографовъ, повѣстей, сказаній и тому подобныхъ, въ то время бывшихъ въ ходу сочиненій. Обращаемъ въ особенности вниманіе гг. членовъ съѣзда на относящіеся къ XVI столѣтію рукописные сборники свято-онуфріевской библіотеки подъ №№ IV и XVIII, которые должны быть признаны за самыя лучшіе образцы этого разряда памятниковъ. Мы убѣдились при этомъ случаѣ, что въ составъ письменныхъ компиляцій этого разряда входили иногда и другіе сколько нибудь важныя для тогдашнихъ читателей предметы научнаго, а нерѣдко и апокрифическаго содержанія, каковы, напримѣръ, статьи и отрывки статей, находящіеся въ вышеупомянутыхъ свято-онуфріевскихъ спискахъ подъ №№ IV и XVIII, а кромѣ того, и въ многочисленныхъ рукописяхъ библіотеки перемышльскаго¹⁷⁾. Новѣйшіе сборники, въ томъ числѣ оба свято-онуфріевскіе и другіе, согласно съ современными имъ потребностями западно-русскихъ читателей, часто снабжаемы были многими полемическими и полемико-историческими статьями, которыя преслѣдуемымъ въ то время защитникамъ православныхъ интересовъ должны были служить пособіемъ и средствомъ въ защитѣ этихъ интересовъ¹⁸⁾. Иные сборники [въ томъ числѣ оба университетскіе

списки во Львовѣ подѣ цифрою 1. В. 1. и 1. D. 1] снабжаемы были нерѣдко житіями святыхъ, похвальными словами и другими, не столько важными, сколько интересными для тогдашнихъ читателей и проповѣдниковъ статьями¹⁹⁾, и считались вообще чѣмъ-то въ родѣ энциклопедій, изъ которыхъ грамотные люди всѣхъ сословіи почерпали самыя разнородныя свѣдѣнія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и удовлетворяли свою любознательность въ отношеніи къ разнымъ вопросамъ и недоумѣніямъ, о которыхъ надобно имъ было узнать что нибудь положительное. Не стѣсняемые никакими правилами внѣшней формы, никакими условіями логической послѣдовательности и внутренней, прагматической связи, были затѣмъ всѣ эти и имъ подобныя энциклопедическія произведенія византійско-славянской литературы не столько полезными, какъ обыкновенными проводниками средневѣковаго образованія и посредниками не только благонамѣренныхъ, но и самыхъ дурныхъ проявленій тогдашней письменности, которыя оказывали тѣмъ сильнѣйшее вліяніе на весь образъ мыслей и все нравственное направленіе того времени, чѣмъ воспріимчивѣе были умственные способности русскаго народа. Онѣ были, однимъ словомъ, зеркала, въ которыхъ вѣрно отражались не только религіозныя начала русской жизни, но вмѣстѣ съ тѣмъ и другія черты народныхъ нравовъ, обычаевъ, мыслей, чувствъ, суевѣрій и всего того, что когда-то считалось главнымъ признакомъ древнерусскаго просвѣщенія²⁰⁾.

Признавая важность сохраняемыхъ во Львовѣ рукописныхъ славянскихъ сборниковъ, не смѣю, кстати, пройти молчаніемъ также еще и находящіяся въ библиотекѣ имени Оссола подѣ № 827 записки Кирилла Транквилліона Ставровецкаго²¹⁾, то есть собственноручныя его извлеченія изъ восточныхъ и западныхъ отцевъ церкви, также изъ каноническихъ книгъ и другихъ болѣе занимательныхъ для составителя сочиненій. Эти записки замѣчательны всего болѣе тѣмъ, что къ извлеченіямъ изъ постороннихъ сочиненій, въ видѣ дополненій, присоединены копіи нѣкоторыхъ патріаршихъ грамотъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и черновые наброски корреспонденціи автора, его привѣтственныхъ и прощальныхъ рѣчей и другихъ, довольно любопытныхъ для историка свидѣтельствъ 1601—1621 года²²⁾. Между этими послѣдними важны въ особенности церковносудныя грамоты современныхъ автору восточныхъ патріарховъ, изданныя въ дѣлахъ рогатынскаго братства; любопытны также и привѣтственныя рѣчи самаго Кирилла Транквилліона Ставровецкаго, сказанныя въ честь знаменитаго вельможи Юмы Замойскаго; привѣтственныя рѣчи того же Ставровецкаго, сказанныя въ честь братіи скитскаго монастыря за селомъ Марковымъ [въ Галиціи], и его прощальныя слова къ братіи уневскаго монастыря [въ Галиціи] при отходѣ автора изъ той же обители 3 января 1618 года. Не лишены интереса въ равной мѣрѣ и находящіяся тамъ же письма игумена Кирилла Люботовскаго къ членамъ братства миньскаго и ко всѣмъ христіанамъ вообще, писанныя тоже въ 1618 году; замѣчанія монаха Юва и братіи скитскаго монастыря на книгу игумена черниговскаго Кирилла Безбордаго²³⁾, изданную подѣ заглавіемъ „Зерцало богословія“ въ Почаевѣ 1618 г. [а второй разъ въ Уневѣ

1692 г.]; надгробная рѣчь игумена Корецкаго, Лаврентія Зизанія, сказанная въ честь княгини Софіи Чарторыйской; наконецъ, письмо Θεодосія, игумена скитекаго монастыря къ Кириллу [Ставровецкому?] и пр. и пр.

Не излишнимъ будетъ замѣтить въ книгѣ Ставровецкаго еще и то обстоятельство, что выписки его изъ св. отцевъ церкви и другихъ авторовъ, равно и его собственныя рѣчи сдѣланы или на языкѣ греческомъ и латинскомъ, или на славяно-русскомъ и польскомъ.

IV. Въ числѣ львовскихъ рукописей находятся, въ четвертыхъ, въ большомъ количествѣ экземпляровъ сборники біографическихъ статей, которыя, сдѣлавшись любимымъ предметомъ чтенія, распространились въ многочисленныхъ спискахъ [а послѣ и въ многочисленныхъ печатныхъ изданіяхъ] не только между низшими, но преимущественно и между высшими сословіями русскаго общества. Мы встрѣтили въ библіотекахъ львовскихъ прежде всего: житія царей и архіепископовъ сербскихъ, изданныя, впрочемъ, г. Даничемъ подъ заглавіемъ: „Животи Кралева и архіепископа српскихъ, у Загребу“, 1866 г.²⁴⁾; житія киевпечерскихъ угодниковъ, составляющія, такъ называемый, киевпечерскій патерикъ, въ библіотекѣ универс. подъ знакомъ 1. D. 11²⁵⁾; затѣмъ нѣсколько торжественниковъ XV—XVI в. и, наконецъ, большое число весьма замѣчательныхъ прологовъ тоже конца XV—XVII в., въ которыхъ содержатся или житія святыхъ, или сказанія и похвальныя слова отдѣльнымъ святымъ и праздникамъ, и притомъ или на одну, или на другую половину года, въ порядкѣ мѣсяцеслова. Лучшіе списки торжественниковъ находятся въ свято-онуфріевской библіотекѣ подъ №№ XII и XVII, а замѣчательнѣйшіе по содержанію списки прологовъ въ свято-онуфріевской библи. подъ №№ III, XIII, XIV, XV, XVI, XVIII, XX, въ библіотекѣ университетской подъ цифрою 1. F. 15 и въ библіотекѣ имени Оссола. подъ числомъ 38²⁶⁾. Обѣ упомянутыя здѣсь категоріи списковъ отличаются, впрочемъ, и тою свойственною имъ особенностію²⁷⁾, что въ однихъ и другихъ нашли себѣ мѣсто многочисленныя славянскія статьи, точнѣе — житія и жизнеописанія чешскихъ, болгарскихъ, сербскихъ и русскихъ святыхъ, отчасти также и литовскихъ угодниковъ [за исключеніемъ однихъ только польскихъ], и что въ жизнеописаніяхъ этихъ разбросаны немаловажныя свѣдѣнія о предметахъ и событіяхъ, имѣвшихъ тѣсную связь съ исторіею славяно-русской церкви. Эти жизнеописанія славянскихъ [и неславянскихъ] святыхъ, включаемыя въ составъ рукописныхъ торжественниковъ и прологовъ, какъ самыя лучшіе образцы богоугодной жизни, знакомятъ насъ, кромѣ того, и съ господствомъ тѣхъ или другихъ религіозныхъ идей, тѣхъ или другихъ нравственныхъ направленій и высшихъ духовныхъ интересовъ, проявлявшихся въ извѣстныя эпохи съ болѣе или менѣе настойчивою силою, не только въ отдѣльныхъ личностяхъ, но и въ цѣлыхъ слояхъ русскаго общества. Они имѣютъ вмѣстѣ съ тѣмъ значеніе самостоятельныхъ, въ высшей степени серьезныхъ произведеній благочестиваго одушевленія²⁸⁾, и въ этомъ смыслѣ они стояли

бы того, чтобы кто нибудь изъ русскихъ ученыхъ, кому доступны древнѣйшіе списки тѣхъ славяно-русскихъ статей, занялся полнымъ ихъ изданіемъ²⁹⁾. Мы желаемъ, по крайней мѣрѣ, такимъ образомъ пособить будущимъ работамъ надъ этимъ предметомъ, что къ повременному обзорѣнїю этой группы письменныхъ памятниковъ присовокупляемъ точный перечень всѣхъ извѣстныхъ намъ доселѣ по львовскимъ прологамъ славянскихъ и русскихъ статей, которыя раздѣляются на нѣсколько отдѣльныхъ группъ.

А) Житія чешскихъ святыхъ, изъ которыхъ въ составъ русскихъ прологовъ вошли всего лишь: 1) житіе княгини Людмилы, умершей въ 927 г. [и поминаемой 16 Сентября]; 2) мученіе и смерть князя Вячеслава, умершаго въ 936 г. [и поминаемаго 28 Сентября]; 3) перенесеніе мощей св. Вячеслава чешскаго около 940 года [4 Марта, срав. прологъ свято-онуфріевской бібліотеки подъ № III. 18—19]³⁰⁾.

В) Житія, мученія и преставленія болгарскихъ угодниковъ, къ которымъ относятся въ особенности: 4) житіе апостоловъ славянскихъ, братьевъ Кирилла [14 Февраля] и Меѳодія [11 Мая]; 5) память преподобной Пятки Терновской въ Болгаріи³¹⁾, умершей въ 1175 г. [13 Октября, въ Прологъ XV. 194—196]; 6) житіе преподобнаго отца Іоанна Рыльского отъ Средца болгарскаго, подвизавшагося въ благочестіи около 1180 года [19 Октября, тоже въ Прологъ XV. 225—230]; 7) перенесеніе мощей преподобнаго Иларіона мегленскаго въ Терновъ, происходившее въ 1200 году [28 Октября, въ томъ же прол. 235—236]; 8) страсть святаго мученика Георгія новаго, убіеннаго въ Средцѣ болгарскомъ султаномъ Селимомъ I 1514 г., [26 Мая, въ прол. III 467—470].

С) Житія сербскихъ угодниковъ, заимствованныя изъ Прологовъ южно-славянской редакціи, именно: 9) житіе и память преподобнаго князя сербскаго Немани-Симеона³²⁾, усопшаго на св. Горѣ, въ 1200 году [и поминаемаго 13 Февраля въ Прологъ XV. 775—776]; 10) житіе перваго патріарха сербскаго св. Саввы, управлявшаго церковью отъ 1221 до 1237 года [и поминаемаго 14 Января, тоже въ Прологъ XV. 643—644]³³⁾.

Д) Житія русскихъ угодниковъ, состояція изъ слѣдующихъ подраздѣленій:

Дд) Житія русскихъ угодниковъ княжескаго происхожденія, каковы, напримѣръ: 11) житіе и успеніе блаженной Ольги [11 Іюля]; 12) житіе и смерть блаженнаго, равноапостольнаго князя русскаго Владиміра [15 Іюля, въ Прол. III. 668—671, тоже въ Прологъ XII. 121 слѣд.]³⁴⁾; 13) страсть св. Бориса и Глѣба, пострадавшихъ отъ великаго князя Святополка въ 1015—1019 году, [24 Іюля, срав. Прологъ № III. 706—708 и Прол. XV. 26—27]³⁵⁾; 14) перенесеніе мощей св. Бориса и Глѣба, происходившее въ Кіевѣ, въ 1072 году [2 Мая, срав. Прологъ III. 336—337 и Прол. XII. 25 сл.]; 15) житіе благовѣрнаго князя черниговскаго Николая Святоши, усопшаго въ 1142 г. [14 Октября въ Прол. XV. 198—204]³⁶⁾; житіе благовѣрнаго Андрея Юрьевича, князя ростовскаго, около 1167 года [1 Августа, въ Прологъ III. 737—740]; 17) страсть князя черниговскаго Михаила, его воеводы Θεодора и другихъ лицъ княжеской дружины, постра-

давшихъ отъ Батмя въ 1246 году [19 Сентября, въ Прол. XV. 74—77]³⁷⁾; 18) житіе и смерть князя Петра и жены его Февроніи, новыхъ чудотворцевъ муромскихъ [25 Іюня, въ Прол. III. 582—583]³⁸⁾.

Ddd) Житія святыхъ митрополитовъ и епископовъ русскихъ, каковы въ особенности: 19) житіе епископа новгородскаго св. Нифонта, усопшаго въ 1156 г. [8 Апрѣля, въ Прол. XIV. 217—219]; 20) обрѣтеніе мощей епископа ростовскаго св. Леонтія [и Исаіи], бывшее при епископѣ ростовскомъ Іоаннѣ въ 1164 году [23 Мая, въ Прологѣ III. 454—457]³⁹⁾; 21) житіе и смерть архіепископа кіевскаго и перваго митрополита московскаго св. Петра, усопшаго въ 1326 г. [21 Декабря, срав. статью въ Торжественникѣ подъ № XVII 873 слѣд.]⁴⁰⁾; 22) житіе и смерть архіепископа и митрополита русскаго св. Алексѣя, усопшаго въ 1378 года [12 Февраля, въ Прол. XV. 768—771]; 23) обрѣтеніе мощей того же митрополита Алексѣя [20 Мая въ Прологѣ III. 432—434]⁴¹⁾; 24) житіе митрополита московскаго св. Іоны, усопшаго въ 1461 году [30 Марта, въ Прол. III. 169—170]⁴²⁾; 25) житіе архіепископа и чудотворца новгородскаго блаженнаго Евѣимія II, усопшаго въ 1458 году [11 Марта, тоже въ Прол. III. 53—55]; 26) житіе и смерть епископа и чудотворца тверскаго преп. Арсенія, усопшаго въ 1409 году [2 Марта, тоже въ Прол. III. 9—11]⁴³⁾.

Dddd) Житія монаховъ, мучениковъ и чудотворцевъ русскихъ⁴⁴⁾, именно, кіевскихъ, напримѣръ: 27) мученіе Варяга и сына его Іоанна, убіенныхъ за исповѣданіе вѣры христіанской въ 980 году [12 Іюля]; 28) житіе и смерть св. Антонія иноконачальника русскаго и основателя печерскаго монастыря [въ Прологѣ III. 362—364, 7 Мая, а въ Прологѣ XIV. 662—665, 10 Іюля]; 29) житіе св. Ѳеодосія, перваго послѣ Антонія игумена печерскаго, усопшаго въ 1074 году [3 мая, въ Прологѣ III. 341—344 и въ Прологѣ XIV. 343—347]⁴⁵⁾; 30) житіе преподобнаго монаха печерскаго Прохора, жившаго во время князя Святополка [10 Февраля, въ Прологѣ XV. 757—763 и въ Патерикѣ кіевопечерскомъ по львовскому списку 385—398]; 31) житіе и мученіе преподобнаго Мойсея Угрина, пострадавшаго во времена короля Болеслава I [992—1025] и сдѣлавшагося послѣ кіевопечерскимъ монахомъ [26 Іюля, въ Прологѣ XIV. 750—759 и въ Патерикѣ львовскомъ 368—384]; 32) житіе и смерть преподобнаго Марка печерника, монаха временъ св. Ѳеодосія [29 Декабря, въ Прологѣ XV. 561—568 и въ Патерикѣ львовскомъ 398—412]; 33) житіе преподобнаго Никона Сухаго, многострадальнаго кіевского инока того же времени [11 Декабря, въ Прологѣ XV. 465—568 и Патерикѣ львовскомъ 285—291]; 34) житіе преподобнаго отца Исакія Торопчанина, инока кіевского монастыря около 1050 года [27 Апрѣля, въ Прологѣ XIV. 311—318 и Патерикѣ 468—480]; 35) житіе преподобнаго врача Агапита, одного изъ лучшихъ подвижниковъ кіевского монастыря [1 Іюня, въ Прологѣ XIV. 452—459 и въ Патерикѣ 335—348]; 36) житіе преподобнаго постника Христова Евстрата, тоже одного изъ лучшихъ угодниковъ кіевского монастыря

[28 Марта, въ Прологѣ XIV. 160—163 и въ Патерикѣ 280—285]; 37) житіе преподобнаго кіевскаго монаха Іоанна, нарицаемаго затворникомъ [18 Іюля, въ Прологѣ XIV. 710—715 и въ Патерикѣ 359—368]; 38) житіе преподобнаго кіевскаго монаха Олимпія, подвизавшагося при игуменѣ Никонѣ 1074—1088 года [17 Августа, въ Прологѣ XIV. 871—880 и въ Патерикѣ 435—455]; 39) житіе преподобныхъ отцевъ Іеремія, Матвѣя и Даміана пресвитера около 1075 года [5 Октября, въ Прологѣ XV. 153—156]; 40) житіе и страсть преподобнаго мученика херсонскаго Евстрата, убіеннаго 1110 года [14 Февраля, въ Прологѣ XV. 781—783]; 41) житіе преподобныхъ иноковъ кіевскаго монастыря, отца Спиридона и Никодима около 1139 года [31 Октября, въ Прологѣ XV. 284—285 и въ Патерикѣ 435—455]; 42) житіе кіевскаго инока Еразма, прожившаго около 1150 года [24 Февраля, въ Прологѣ 820—821 и въ Патерикѣ 311—315]; 43) мученіе св. кіевскихъ иноковъ Васиція и Θεодора [11 Августа, въ Прологѣ XIV. 834—846 и въ Патерикѣ львовскомъ 412—435]; 44) житіе и преставленіе преподобнаго Авраама смоленскаго, усопшаго въ 1221 году [20 Августа, въ Прологѣ XIV. 888—896]⁴⁶⁾; 45) житіе преподобнаго отца Варлаама, инока хутынскаго монастыря въ Новгородѣ [5 Ноября, въ Прологѣ XV. 302—303]⁴⁷⁾; 46) житіе уроженца града Устюга св. Прокопія юродиваго, усопшаго тамъ же 8 Іюля, въ Прологѣ III. 641—643]; 47) житіе преподобнаго инока туровскаго Мартина, подвизавшагося во время св. Григорія [27 Іюля, въ Прологѣ III. 587—588]; 48) житіе св. Сергія радонежскаго, усопшаго въ 1392 году [25 Ноября, въ Прологѣ XV. 97—101]⁴⁸⁾; 49) житіе св. новаго чудотворца Кирилла, усопшаго въ Бѣломъ Озерѣ въ 1427 году [9 Іюня, въ Прологѣ III. 527—529]; 50) преставленіе св. Исидора „Твердислова“, усопшаго въ Ростовѣ въ 1474 году [14 Мая, въ Прологѣ III. 401—404]; 51) житіе преподобнаго игумена боровскаго Пафнутія, усопшаго въ 1477 году [1 Мая, въ Прологѣ III. 329—333]⁴⁹⁾; 52) житіе преподобныхъ Зосима и Савватія, игуменовъ соловецкаго монастыря около 1477 года [17 Апрѣля, въ Прологѣ III. 255—260]; 53) житіе и чудеса преподобнаго отца Евфросина, усопшаго въ Псковѣ въ 1481 году [15 Мая, въ Прологѣ III. 406—410]; 54) житіе и чудеса переяславскаго новаго чудотворца Никиты, списанное въ 1564 году [22 Мая, въ Прологѣ III. 447—451]; 55) житіе новаго чудотворца обонѣжской области преподобнаго Александра свирскаго, усопшаго въ 1533 году [30 Августа, въ Прологѣ III. 867—872].

Ddddd) Сказанія о важнѣйшихъ празднествахъ и событіяхъ, относящихся къ исторіи русской церкви⁵⁰⁾, именно: 56) предвѣщаніе о крещеніи русской земли, приписываемое св. апостолу Андрею и заимствованное изъ Нестороваго Временника [30 Ноября, въ Прологѣ XV. 413, 415—416]; 57) освященіе церкви св. Софіи въ Кіевѣ, бывшее около 1337 года [4 Ноября, въ Прологѣ XV. 299—301]; 58) освященіе церкви святаго Георгія въ Кіевѣ, совершенное около 1040 года [20 Ноября, въ Прологѣ XV. 400—401]; 59) сказаніе о чудѣ св. кіевопечерской Богородицы, то есть повѣсть объ усугубленіи непра-
прилож.

ведно утаенныхъ гривенъ серебра и злата, за которыя при игуменѣ печерскомъ Іоаннѣ создана была въ Кіевѣ церковь св. Іоанна Предтечи [24 Марта, въ Прологѣ XIV. 140—143 и въ Патерикѣ львовскомъ 37—40]; 60) слово объ установленіи праздника милостивому Спасу, послѣдовавшемъ около 1167 года [1 Августа, въ Прологѣ III. 737—740 и въ Прологѣ XII. 317 слѣд.]; 61) повѣсть о перенесеніи пресвятой владимірской Богородицы въ Москву и о побѣжденіи Темиръ-Аксака, бывшемъ при великомъ князѣ Василии Дмитріевичѣ 1395 года [26 Августа, въ Прологѣ III. 847—850 и въ Прологѣ XII. л. 187 слѣд.]⁵¹⁾; 62) иная повѣсть о знаменіяхъ пресвятой Богородицы чирской, просіявшей чудесами съ 1420 года [16 Июля, въ Прологѣ III. 664—666]⁵²⁾; 63) сказаніе о знаменіи пресвятой Богородицы устюжской, бывшемъ 1579 года [8 Июля, въ Прологѣ III. 641—643]; 64) слово о чудѣ св. пророка Іліи, бывшемъ въ Нижнемъ Новгородѣ, въ 1418 году [26 Августа, въ Прологѣ XII. л. 142 слѣд.]; 65) чудо св. Николая съ младенцемъ, утонувшимъ въ Днѣпрѣ 1092 года и опять ожившимъ помощію Святителя [въ Прологѣ I. F. 15. стран. 681—685].

Е) Житія литовскихъ святыхъ, изъ которыхъ, однако, извѣстно намъ по львовскимъ спискамъ всего лишь 66) мученіе пострадавшихъ за вѣру христіанскую литовцевъ: Антонія, Іоанна и Евстратія⁵³⁾, и перенесеніе мощей ихъ, послѣдовавшее во времена патріарха Филофея 1374 года [19 Декабря]⁵⁴⁾.

Изъ настоящаго перечня біографическихъ статей выходитъ, что въ составъ славяно-русскихъ прологовъ и сборниковъ, то есть въ составъ извѣстныхъ мнѣ львовскихъ [и галицкихъ] списковъ этого разряда, включаемы были, кромѣ немногихъ, указанныхъ здѣсь славянскихъ жизнеописаній⁵⁵⁾, жизнеописанія только лишь русскихъ святыхъ. Но ежели нѣкоторые изъ славянскихъ и русскихъ статей попадались намъ почти во всѣхъ львовскихъ и галицкихъ [впрочемъ, и въ иныхъ, извѣстныхъ мнѣ по описаніямъ] прологахъ, сборникахъ и мнѣяхъ, то жизнеописанія другихъ святыхъ славянскихъ встрѣчались намъ, наоборотъ, лишь изрѣдка, и были рассказываемы уже далеко не съ такимъ сочувствіемъ къ предмету повѣствованія, какъ первыя. Это значитъ другими словами, что являвшіеся съ теченіемъ времени славянскіе и русскіе святые различаемы были, какъ извѣстные по всему славянскому міру сподвижники христіанской вѣры, съ другой стороны, какъ низшіе по степени представители святости, которые не столько отличались меньшею набсжностію жизни, сколько случайно обращались въ болѣе ограниченномъ кругѣ дѣйствій, вслѣдствіе чего слава ихъ богоугодныхъ подвиговъ могла упрочиться не дальше, какъ только въ границахъ родимаго околя. Мы приходимъ затѣмъ къ убѣжденію, что мѣрою большей извѣстности въ народѣ были не одни только постническіе подвиги святаго, что въ глазахъ церкви и народа несравненно большими пользовались почестями и достоинствами тѣ немногіе представители славянскаго племени, которые съ трудными обязанностями строго христіанскаго призванія умѣли соединить

высшія чрезвычайныя качества ума и сердца и неутомимую ревность ко всему тому, что могло принести нравственную и общественную пользу новообращенному ихъ стаду. Да, мы пришли къ убѣжденію, что не уединенные жители пустынь, не отказавшіеся отъ міра молчаливники и затворники, пользовались въ народѣ уваженіемъ, но въ глазахъ церкви и народа пріобрѣтали несравненно большую признательность тѣ первозванные просвѣтителѣ и благодѣтели славянскаго племени, которые умѣли настойчивѣе другихъ бороться за утвержденіе христіанскаго порядка вещей между нами и за учрежденіе тѣхъ церковныхъ и общественныхъ институцій, которыя имѣли такое важное и благодѣтельное вліяніе на нашихъ предковъ. Къ разряду высшихъ представителей святости и благочестія принадлежали, скажемъ въ заключеніе, только тѣ русскіе, болгарскіе, сербскіе и чешскіе сподвижники христіанской вѣры, которые, къ озаряющему главы ихъ небесному сіянію, умѣли присоединить еще и тѣ вѣчно блестящіе лучи свѣта, которыми также и исторія просвѣщенія окружаетъ имена ихъ донинѣ...

Но намъ возразятъ, что въ Прологахъ львовскихъ встрѣчаются весьма нерѣдко жизнеописанія такихъ святыхъ, которые едвали могутъ быть поставлены наравнѣ съ такъ называемыми первосвятителями христіанской церкви; что въ прологахъ и сборникахъ львовскихъ упоминаются спеціально святые угодники кіевопечерскаго монастыря гораздо чаще, нежели угодники сѣверо-восточныхъ обителей, нежели даже и болѣе заслуженные сподвижники русскаго сѣверо-востока, и что затѣмъ высказанныя въ предыдущемъ положенія не вездѣ согласны съ фактическимъ состояніемъ поставленнаго здѣсь историко-литературнаго вопроса. Мы думаемъ, однако, что это предпочтеніе кіево-печерскихъ святыхъ, встрѣчаемое въ прологахъ и сборникахъ львовскихъ [и вообще галицкихъ], представляетъ только весьма условное отклоненіе отъ общаго правила, и что оно не можетъ ослаблять тѣхъ соображеній, которыя высказаны нами въ статьѣ предыдущей. Мы желаемъ выразить этимъ, что такъ называемые кіевопечерскіе святые были не столько знаменитѣе [по крайней мѣрѣ, въ большомъ числѣ извѣстныхъ намъ случаевъ не знаменитѣе] сѣверно-русскихъ святыхъ, сколько по самой уже топографической близости кіевопечерской Лавры и по легкой ихъ доступности, должны были все-таки пользоваться гораздо обширнѣйшею извѣстностію въ земляхъ югозападныхъ, нежели, напримѣръ, угодники новгородскіе, радонежскіе, владиміро-клязьменскіе, бѣлоозерскіе и прочіе, поименованные въ статьѣ Dddd) святые отдаленныхъ сѣверно-русскихъ обителей. Преподобные угодники кіевопечерскаго монастыря входили затѣмъ, по нашему мнѣнію, въ составъ львовскихъ и галицкихъ прологовъ, сборниковъ и миней не столько въ качествѣ болѣе знаменитыхъ сподвижниковъ вѣры, но какъ хорошіе, испытанные въ безчисленныхъ обстоятельствахъ друзья и знакомые, къ которымъ югозападные члены русскаго семейства привыкли относиться лично⁵⁶⁾ и съ большею довѣрчивостію, чѣмъ къ другимъ святымъ угодникамъ,—предъ которыми они съ давнихъ поръ привыкли жаловаться

на свои бѣдствія, страданія и немощи, жаловаться также на свои нравственные недоумѣнія и на все то, отъ чего тревожилось сердце и колебался умъ челоуѣка... Однимъ словомъ, преподобные покойники кѣвонечерскаго монастыря имѣли для юго-западныхъ членовъ русской семьи значеніе чего-то *роднаго*, и жизнеописанія ихъ являлись въ прологахъ львовскихъ и галицкихъ, точнѣе—западно-русскихъ, какъ свидѣтельства того особеннаго [областнаго] усердія и благоговѣнія, которое благодарные жители русскаго юго-запада питали къ нимъ постоянно, и притомъ не только за самыя ихъ святительскіе подвиги, но всего больше за тѣ изобильныя струи божьей благодати, которыя чрезъ посредство святыхъ кѣвонечерскихъ заступниковъ народа изливались на предковъ нашихъ едва ли не ежедневно...

При обзорѣ славяно-русской біографической литературы, нельзя было не замѣтить и того обстоятельства, что къ жизнеописаніямъ указанныхъ здѣсь славянскихъ и русскихъ святыхъ прилагались въ видѣ небольшихъ послѣсловій [эпилоговъ], а перѣдко также и въ видѣ самостоятельныхъ [отдѣльныхъ] статей—такъ называемыя похвалы или точнѣе—похвальные рѣчи. Другими словами, это значитъ, что въ тѣсной связи съ произведеніями русской біографической литературы стали появляться со временемъ какіе-то особенные оттѣнки риторическаго [точнѣе—панегиристическаго] искусства⁵⁷); такимъ образомъ, извѣстныя уже по жизнеописаніямъ подробности духовнаго эпоса должны были выставляться еще разъ предъ глазами читателя или слушателя, но уже въ словахъ, возвышенныхъ и стройныхъ, не имѣющихъ ничего общаго съ обыденнымъ способомъ выраженія. Являвшіяся со временемъ похвальные рѣчи, очевидно, имѣли значеніе риторическихъ дополненій къ предмету, [точнѣе—значеніе риторическихъ орнаментовъ], которыя сообщали простымъ, безыскусственнымъ чертамъ духовнаго повѣствованія⁵⁸) какое-то изысканное и краснорѣчивое изображеніе, увеличивали въ глазахъ народа тѣ стороны благочестивой жизни, которыя всего ближе отвѣчали религіозному убѣжденію самого же писателя, а вмѣстѣ съ тѣмъ и нравственному настроенію современнаго ему общества. Такъ называемыя похвальные рѣчи сочинялись, однимъ словомъ, съ той недвусмысленной цѣлью, чтобы, при помощи свойственныхъ одной только риторикѣ пособій выраженія, изобразить, какъ можно нагляднѣе, и возвеличить въ убѣжденіи народа тѣ или другія заслуги добродѣтели святыхъ православныхъ сподвижниковъ вѣры, прежде всего, однако, заслуги и добродѣтели тѣхъ славянскихъ и русскихъ представителей благочестія, которые не усумнились на алтарь высшихъ, духовныхъ интересовъ славянства повергнуть выгоды своего общественнаго положенія и все то, что называется увлекательнымъ блескомъ свѣтскихъ успѣховъ жизни. Но мы должны замѣтить при этомъ, что не всѣ похвальные рѣчи имѣютъ одинаковое достоинство въ исторіи славяно-русской, духовной литературы. Между извѣстными намъ этого рода статьями есть, напримѣръ, иныя, въ самомъ дѣлѣ хорошіе образцы панегирическаго вкуса, въ которыхъ [напримѣръ, въ похвалѣ св. Апостоловъ славян-

скимъ, Кириллу и Меѳодію, или въ такой же похвалѣ „кагану“ Владиміру Великому, сочиненной митрополитомъ русскимъ Иларіономъ въ 1051 году] чувства благоговѣнія къ святому высказываются съ особенною искренностію и съ правдивымъ для его заслугъ и подвиговъ одушевленіемъ;—есть, съ другой стороны, такіе примѣры похвальныхъ рѣчей, въ которыхъ одушевленіе писателя не искренно, а риторическія краски не подлинны, но заимствованы изъ византійскихъ источниковъ. Намъ извѣстны, однако, во вторыхъ, и такіе новѣйшіе [XVI—XVII в.] примѣры, въ которыхъ пособія риторическаго выраженія заимствованы не изъ византійскихъ, но всего чаще изъ тогдашнихъ польскихъ произведеній, и въ которыхъ вслѣдствіе того, вмѣстѣ съ выписками изъ библейскихъ книгъ, попадаются весьма нерѣдкія міѳологическія фигуры, нерѣдкія цитаты изъ греческихъ и римскихъ писателей и всѣ прочіе свойственные тогдашней польской [золотой!!] литературѣ приемы и средства такъ называемаго ново или псевдо-классическаго вкуса. Мы приходимъ затѣмъ къ заключенію, что въ большомъ числѣ доступныхъ намъ похвальныхъ рѣчей преобладали постоянно одни только чужеземныя вліянія, прежде всего, однако, тѣ своеобразныя ново или псевдо-классическіе приемы и обороты выраженія, которыя чрезъ посредство западно-русскихъ ученыхъ, именно, чрезъ посредство образованныхъ въ краковской [а послѣ и въ кіевской] академіи писателей XVI—XVIII вѣка, приобрѣтали большее и большее распространеніе. Такъ, съ теченіемъ времени дошло до того, что и многія древнѣйшія произведенія панегирической литературы стали въ рукописяхъ XVI—XVIII вѣка подвергаться свѣжей передѣлкѣ и, подобно компиляціямъ господствующаго вкуса, снабжаться краснорѣчиво построенными вступленіями и такими же послѣсловіями, а нерѣдко также и другими несообразностями того же псевдоклассическаго направленія. А когда, наконецъ, не стало Максима Грека, не стало Іоанна Вишенскаго и другихъ обличителей этого, во всякомъ случаѣ, несогласнаго съ нашими литературными преданіями направленія, многочисленныя отпрыски греко-римской учености стали появляться и въ другихъ богословскихъ, а иногда даже и въ строго догматическихъ произведеніяхъ этого близкаго къ намъ и весьма оживленнаго времени⁵⁹).

Къ числу болѣе замѣчательныхъ явленій славяно-русской литературы, основанныхъ тоже на простыхъ, безыскусственныхъ подробностяхъ духовнаго разсказа, относятся, впрочемъ, также и такъ называемые похвальные каноны, точнѣе—похвальные пѣсни. Это спеціально всѣ тѣ irmosy, стихиры, икосы и прочія такого же рода принадлежности славяно-русскихъ миней, трѳологіоновъ [и акаѳистниковъ], чрезъ посредство которыхъ отдѣльныя свойства святаго, отдѣльные его подвиги и страданія выдвигались до значенія лирическихъ мотивовъ, и чрезъ посредство которыхъ затѣмъ извѣстныя по жизнеописаніямъ подробности разсказа изъ своей чисто повѣствовательной [эпической] почвы переходили постепенно въ сферу церковной, или духовной пѣсни⁶⁰). А такъ какъ обязанностію церкви было каждому новопрославленному святому сочинять свой особый ка-

нонъ, то вслѣдствіе того образовались со временемъ цѣлыя статьи лирическихъ произведеній и прекрасныхъ молитвенныхъ славословій, которыя тѣмъ большее пріобрѣтали значеніе въ исторіи литературы, чѣмъ искреннѣе выражались въ нихъ религіозные порывы души и чувства благоговѣнія къ святому, и чѣмъ замѣчательнѣе были при этомъ поэтическія способности самого же писателя. Но такъ какъ, съ другой стороны, въ большомъ числѣ славяно-русскихъ миней удовлетворялись самыя только насущныя потребности церковной практики ⁶¹⁾, то мы не станемъ удивляться, если также и въ выше упомянутыхъ львовскихъ и галицкихъ спискахъ миней, тrefологіоновъ [и акаѳистниковъ] встрѣтились намъ только лишь четыре, собственно славянскія, точнѣе—русскія статьи похвальныхъ каноновъ: похвальный канонъ св. равноапостольному князю Владиміру Великому ⁶²⁾, тоже похвальный канонъ св. сынамъ его Борису и Глѣбу ⁶³⁾, похвальный канонъ св. митрополиту русскому Петру [составленный епископомъ ростовскимъ Прохоромъ [† 1327]] ⁶⁴⁾ и такой же канонъ св. Сергію Великому ⁶⁵⁾. Какъ бы любопытно въ историко-литературномъ отношеніи всѣ четыре, приведенные здѣсь русскіе каноны, но въ отношеніи эстетическомъ мы должны все-таки признать несравненно большее преимущество за такими произведеніями, какъ похвальные каноны великому князю Владиміру и сыновьямъ его Борису и Глѣбу.

Въ числѣ указанныхъ въ статьѣ Ddddd) событій церковныхъ, мы упомянули не безъ причины, между прочимъ, и о чудѣ св. Николая съ младенцемъ, утонувшимъ въ Днѣпрѣ и опять ожившимъ помощію и благодатію Святителя. Не умаляя достоинства, свойственного и другимъ, отмѣченнымъ здѣсь же повѣстямъ и жизнеописаніямъ, мы позволяемъ себѣ все-таки о чудѣ этомъ распространиться тѣмъ подробнѣе, чѣмъ любопытнѣе для изученія нѣкоторыхъ народно-психологическихъ сторонъ русской природы содержащаяся въ статьѣ этой свѣдѣнія, и чѣмъ замѣтнѣе выступаютъ изъ приведенныхъ тамъ мыслей нѣкоторыя вполне своеобразныя понятія русскаго человѣка о его мнимыхъ правахъ и его, такъ сказать, непосредственныхъ отношеніяхъ къ почитаемымъ русскою церковью святымъ ⁶⁶⁾. Мы даже не знаемъ иного примѣра, и въ цѣлой нашей литературѣ едва-ли найдемъ сочиненіе гдѣ бы такъ мѣтко нарисованы были нѣкоторыя народно-психологическія черты русскаго человѣка, гдѣ бы столь вѣрно и столь наглядно представлены были его самолюбивые инстинкты, идущіе рядомъ съ безграничною преданностію и довѣріемъ ⁶⁷⁾, или свойственныя русской природѣ скептическія начала, идущія рука объ руку съ самою простодушною готовностію жертвовать всѣмъ, какъ это сдѣлано въ этихъ характеристическихъ, какъ бы вылившихся изъ души народной словахъ и мысляхъ, посредствомъ которыхъ неизвѣстный намъ по имени авторъ-психологъ изображаетъ горестную печаль жалѣющаго о потерѣ единственнаго дитяти кіевлянина. Немногія, безыскусственные слова несчастнаго, осиротѣлаго отца содержатъ самую лучшую характеристику тѣхъ дивныхъ, логически какъ-бы противорѣчивыхъ, а все-таки психологически соответ-

ныхъ и вполнѣ своеобразныхъ свойствъ русской природы, въ силу которыхъ мы были въ состояніи и въ самыя трудныя эпохи нашей исторіи не только отстоять себя и остаться живыми, но вмѣстѣ съ тѣмъ и развиваться постепенно и всегда къ высшей, непреодолимой подниматься силѣ.... Не безынтересны также находящіеся въ той же статьѣ свѣдѣтельства о любопытствѣ кіевлянъ и о крайней несложности древнерусскихъ формъ обращенія, господствовавшихъ между отдѣльными сословіями тогдашняго общества. Мы позволяемъ себѣ затѣмъ, въ виду свойственныхъ этой статьѣ историко-литературныхъ подробностей, передать ее дословно по выше указанному списку библіотеки Универс. во Львовѣ, вмѣстѣ со всѣми филологическими особенностями нарѣчія, внесенными въ нее писателемъ Пролога, какимъ-то іеромонахомъ полоцкимъ Алексѣемъ, который событіе это описываетъ слѣдующимъ образомъ: „Моужь иѣкий въ градѣ Києвъ великоу вѣроу имѣ ко святому Николѣ и къ сѣмоу мѣйкоу Борисоу и Глѣвоу. И [приспѣвши] памяти сѣоу мѣйкоу⁶³⁾ влѣзѣ в[ъ] лодѣю и поидѣ к[ъ] Вышегородоу поклонитисѣ гробу сѣоу мѣйкоу Борисоу и Глѣвоу. И приготоуи свѣща и теліанъ и просфоуры, таже на поѣсть праздникоу. Тамо поклонивсѣ и веселивсѣ д[оу]х[о]вно⁶⁴⁾, возвратисѣ во своѣи радоу[т]асѣ. Єще ємоу пловоу[т]оу по рѣцѣ, по Днѣпроу, жена же єго дрѣжаща дѣтиць на роуцѣ, въздрѣмавшисѣ, испоустѣ дѣтиць во водоу, и оутопе. Отець же нача терзати власы главы своєѣ г[ла]гола: Оувы мнѣ, сѣй Николѣ! Єго ли ради вѣроу великоу имѣхъ к[ъ] тобѣ, єже не сзблудѣ[ши] моего чада от оутоплѣніѣ? Кто наслѣдникъ боуде моемоу скровищу, кто начнетъ память творити тобѣ, свѣтлоу моемоу застоупникоу? Кому повѣмъ милость твою великую, єже излѣ[л] єси на в[с]є миръ и мене оубогаго? Єже оутопе чадо моє, хотѣхъ єго възпитати в[ъ] наказаніи сглашающіи твоими чудотвореніи, давыхъ и по сѣрті хвалисѣ, [чѣто] си[ъ] же мой плод[ъ] память творитъ сѣго Николы. Но, вѣстинноу, свѣтче, не мнѣ єси досади[л], но и свѣбѣ; оуже во борздо [sic!] престанетъ память твоѣ в[ъ] домоу моемъ; азѣ[во] старъ [сѣмъ] и скончаніѣ ожидаю. Аще вы єси хотѣл[и] избавити, избавилъ вы єси, но [ты] самъ єси сзтворилъ потопленіе, єже єси не излѣл[и] изъ воды моего єдинороднаго чада. Чи мниши мѣ невѣдающа твоихъ чудесъ? Кто избави тѣѣ [sic!] моужь от[ъ] сѣрті? Кто избави Агрикова сына от Брачинъ, и [кто сзтвори] ина бесчислѣна чудеса, их[ъ] же языкъ члѣскъ не можетъ изрещи? Но, отче свѣтый, виждь, вѣроу[ю], [такѡ] всѣ тобѣ возможна, такоже хоцещи. Но мѡѣ безаконіѣ превозмогаша и[ъ]иѣ... Аще выхъ сзхранилъ заповѣд[ь] Божію непорочно, то всѣ вы мѣ тварь покорила, аки Адамоу преже преступленіѣ, иже въ раи. Нынѣ же всѣ тварь на мѣ востаєтъ: вода топить, и звѣрь растерзаєтъ, и змѣй пожираєтъ, [и] молоніѣ [вм. мѣлиніѣ] палить, и птици растерзають, [и] скотъ, расцѣрепесѣ, попираєтъ чѣл[овѣ]къ и оумершвлѣетъ... Но, свѣтый отче Николѣ, не прогнѣвайсѣ, [такѡ] толь много дерзуюх[ъ] рещи; не отчаю во сѣ твоєго спасеніѣ; тебѣ [вм. тебѣ] во помощника [сѣбѣ] имѣю!... Жена же єго, терзающіи

своа власы, вѣдшесѧ по ланитома... И виидоша в[з] дома свой, скорѣише... Приблизьши [же] сѧ ноци, св[о]рый на послушаніе вѣсѣмъ призывающимъ[з] свѣтаго Николоу—архіерей Христовъ оудиви [sic!] чюдо, егоже въ прѣжнихъ родѣхъ не бысть: дитѧ оутопшесѧ изъ реки принесе ноцію, и положи є на полатехъ свѣтѣмъ Софіѧ живо и неповрежденно. Приспѣвше[й] же оутреней молитвѣ, понамарюже въ цѣковъ вшедшу, и услыша гласъ[з] дѣтица на полатѣхъ и стояше, размышляѧ на долгъ часъ[з]. И иде к полатнику, и нача с[з] нимъ коритисѧ. И рече полатникъ: и не вѣмъ, что глагола[ти]! И рече понамарь: се гавѣ сѣбѣ ченѣ еси, дѣти вопіють на полатѣхъ[з]! Полатникъ же оубоасѧ и, вземъ свѣцію, иде к[з] замку, и виде его нероушена, и гласъ[з] дѣтинъ слыша. И вшедша в[з] полатоу, и видѣша дитѧ лежаще мокро предъ[з] образомъ свѣтаго Николы. И не оумеюще, чего домыслитисѧ, и повѣдаша митрополитоу [видѣнное]. Митрополитъ[з] же, отправѣ оутренюю, и посла проповѣдника въ своръ [оувѣдати] по торгоу, чіе дитѧ лежитъ на полатѣхъ[з] сѣмъ Софіѧ. И стекошасѧ вси гражане, чюдѣише сѧ, откоудоу свѣрѣтесѧ дѣтице на полатѣхъ[з] мокро? И прійде отецъ дѣтица чюдоу дивитисѧ, и видѣвъ, позна его, и иде к[з] женѣ своей, и сказа ей все по радюу. Она же немедляюще рече: чемоу не разоумѣши свѣтаго Николы чюдотвореніѧ, іакоже ниогда сѣтвори? [И] текши скоро, позна чадѣ свое и, не вѣдоущи дѣтица, припаде ко образу свѣтаго Николы и словесы жалостными глаголаше... Слышавши же вси людие течаху видѣти чюдо сіе... Митрополитъ же сѣтвори праздникъ чѣстѣи, акы на памѣть свѣтаго Николы, славѣи свѣтую троицю, отца и сына и свѣтаго доуха“.

Приведенное въ статьѣ Dd) подъ ч. 18) житіе Петра и Февроніи замѣчательно тѣмъ, что въ повѣсти этой выставлены живыми красками тихія, но свѣтлыя добродѣтели древне-русской женщины: ея чистая и трогательная любовь къ своему супругу, ея искренняя преданность и точность въ исполненіи супружескихъ обязанностей вмѣстѣ съ жертволюбіемъ, не убоявшимся ни ненависти бояръ, ни слѣдующаго затѣмъ изгнанія, наконецъ, глубина ея благочестивыхъ чувствъ, которыми она была исполнена до послѣдняго мгновенія жизни.

Отмѣченное въ статьѣ B) подъ ч. 8) житіе св. Георгія, новаго болгарскаго чудотворца временъ султана Селима I, есть сочиненіе собственно русское, составленное въ 1539 году сотрудникомъ Макаріевскихъ миней, постригшимся въ монахи бояриномъ, Михаиломъ Тучковымъ.

V. Изъ вышесказаннаго видно, что въ памятникахъ древне-русской литературы на первомъ планѣ всегда поставлялись извѣстныя религіозно-нравственныя начала, пріобрѣтавшія себѣ первенствующую роль въ силу образованія, совершаемаго подъ непосредственнымъ вліяніемъ Церкви и духовенства. Но вслѣдствіе этого перевѣса религіозно-нравственныхъ началъ образованія, вслѣдствіе этого строго-церковнаго направленія, все

сильнѣе и сильнѣе проникавшаго со временъ введенія христіанства на Руси во всѣ слои тогдашней русской литературы, вмѣстѣ съ тѣмъ должны были устраняться изъ нея и тѣ живыя, плодоносныя преданія изустнаго творчества, которыя выработались въ продолженіе незапамятныхъ вѣковъ и, какъ унаслѣдованное отъ пращуровъ достояніе, въ широкихъ кругахъ русскаго общества, пока еще хранились съ особеннымъ упрямствомъ. Со временъ введенія христіанства на Руси должны были отходить на задній планъ и вслѣдствіе новыхъ, такъ сказать, чужеземныхъ [семитическихъ] вліяній образованія—исчезать изъ древне-русской письменности наши собственные [индо-европейскія] воззрѣнія на міръ и природу; должны были умолкать постепенно живыя, сладкозвучныя струны нашей миѳической старины, находившія себѣ въ поэтическихъ [инстинктахъ] русскаго народа такой богатый и неизсякаемый источникъ гармоніи. Народно-поэтическія преданія русскихъ славянъ не только не могли быть пріятны тѣмъ, которые стояли во главѣ христіанской церкви на Руси, но они должны были, наоборотъ, какъ противныя христіанству остатки „безбожнаго“ язычества, предаваться безпощадному забвенію. Они преслѣдовались даже въ видѣ народныхъ игръ и обычаевъ, а строгія правила русскихъ епископовъ и увѣщанія русскихъ соборовъ служатъ явнымъ и недвусмысленнымъ доказательствомъ этого факта.

Но въ томъ-то и состояла жизненная сила поэтическихъ преданій русскаго народа, что, вопреки неблагоприятнымъ столкновеніямъ съ высшею религіею, они все-таки сохранились въ устахъ народа понынѣ, сохранились въ безчисленныхъ пѣсняхъ, сказкахъ и былинахъ, провожающихъ насъ чрезъ всѣ эпохи нашей жизни и лелѣющихъ слухъ нашъ отъ колыбели до гроба. Пропитанный своими незапамятными преданіями, народъ не могъ такъ легко разстаться съ ними, не могъ отказаться отъ дорогихъ его сердцу звуковъ и унаслѣдованныхъ отъ древности напѣвовъ, а съ другой стороны, не смѣлъ рѣзко выступить въ оппозиціи и съ предписаніями христіанской вѣры, съ тѣми религіозно-нравственными началами благочестивой жизни, которыя представлялись ему въ видѣ неприкосновенныхъ истинъ божественнаго откровенія и освящены были кровію Христа Спасителя. Таинственная миѳическая старина русскаго народа должна была затѣмъ искать себѣ примиренія съ предписаніями новой религіи, поставленными во главѣ самыхъ важныхъ задачъ и обязанностей человѣческаго призванія, и находила примиреніе это въ духовныхъ повѣствованіяхъ и, такъ называемыхъ, духовныхъ, или старческихъ пѣсняхъ, которыя по своему содержанію относятся къ сферѣ письменной, а по своему духу и составу къ сферѣ чисто народной, изустной литературы. Духовныя повѣствованія, точнѣе жизнеописанія святыхъ и разныя библейскія преданія, перемѣшанные съ подробностями народнаго разсказа, и состоящія изъ такихъ же элементовъ духовныя или старческія пѣсни были затѣмъ произведеніемъ вполне самостоятельнымъ въ русской изустной словесности и являлись въ ней, по словамъ Лопуховскаго, „необходимымъ результатомъ на-

роднаго стремленія согласить преданія предковъ съ тѣми священными сказаніями ⁷⁰⁾, какія водворены были христіанствомъ. Народныя духовныя пѣсни и повѣствованія были, такъ сказать, звеномъ, связующимъ священные предметы христіанскаго вѣроученія съ незапамятными преданіями русской міеологической старины, а въ равной мѣрѣ также и съ новѣйшими, настоящими возбужденіями народнаго творчества—неистощимаго и разнообразнаго, какъ производящая ихъ народная фантазія..... А нѣкоторыя изъ этихъ самобытныхъ, чисто народныхъ произведеній апокрифическаго содержанія уже въ устахъ народа до такой степени подчинились приѣмамъ письменнаго изложенія, что инныя изъ нихъ [укажемъ здѣсь, между прочимъ, лишь на житіе князя Петра и супруги его Февроніи] принимаемы были цѣликомъ въ сборники, чрезъ посредство которыхъ они, въ видѣ статей строго церковнаго происхожденія, изъ своей чисто народной почвы переходили постепенно въ сферу искусственной литературы ⁷¹⁾.

Это самое стремленіе существовало одинаково и въ другихъ христіанскихъ земляхъ, и въ первые уже вѣка христіанства являлись у грамотныхъ народовъ Европы произведенія литературы, удовлетворявшія тоже требованіямъ народной фантазіи на счетъ строго каноническихъ предписаній религіи. Подъ личиною благочестивыхъ формъ распространялись затѣмъ въ предѣлахъ русскихъ нерѣдко также и такія произведенія свободнаго вымысла ⁷²⁾, которыя слагались первоначально обществами не славянскими, но которыя все таки, по своимъ внутреннимъ свойствамъ, не только не шли въ разрѣзъ съ нашими собственными преданіями и суевѣріями, но, напротивъ, въ формѣ готовыхъ литературныхъ памятниковъ, предлагали грамотному человѣку то, что простые слою русскаго народа создавали себѣ самобытно путемъ своихъ духовныхъ пѣсенъ и повѣствованій. Принесенныя къ намъ изъ-за границы, апокрифы содержали вмѣстѣ съ тѣмъ разрѣшеніе такихъ сомнѣній космогоніи и метафизики, на которыя въ тогдашнихъ „дозволенныхъ“ книгахъ не было отвѣта, и которыя все-таки будили любопытство грамотнаго и неграмотнаго общества на Руси. Многіе апокрифическіе образы отличались, кромѣ того, истинною художественностію и сообщали отреченнымъ книгамъ заграничнаго происхожденія прелесть, дѣлавшую ихъ вдвойнѣ привлекательными для народа. Апокрифическіе плоды заграничной литературы получали затѣмъ совершенное право гражданства на Руси, и многіе изъ нихъ принаровнялись съ такою легкостію къ своеобразнымъ чертамъ русскаго общества, что могли изъ сферы письменной литературы переходить постепенно въ собственность неграмотнаго народа на Руси и такимъ образомъ значительно обогащать запасъ его самобытной апокрифической словесности. Тѣ, которые занимались распространеніемъ заграничныхъ, или искусственныхъ апокрифовъ въ народѣ, должны были даже нарочно сообщать имъ тѣ или другія черты русскаго народнаго житія, какъ, напримѣръ, показываютъ это нѣкоторыя редакціи „Китовраса“ и т. п. произведеній.

Таковы внутреннія и внѣшнія обстоятельства, способствовавшія въ земляхъ русскихъ

развитію и быстрому умноженію памятниковъ отреченной литературы изустной и искусственной.

Изъ тѣхъ же внутреннихъ и виѣшнихъ основаній литературы произошли также и тѣ апокрифы, которые попадались намъ въ рукописяхъ львовскаго разряда, но которые до сихъ поръ не были еще предметомъ особаго изученія. Мы находили здѣсь, во первыхъ, въ сборникѣ свято-онуфріевского монастыря подъ № IV [на стран. 1—4] небольшую статью, въ которой содержится весьма любопытное „Слово о сотвореніи неба и земли“ вмѣстѣ съ апокрифическими подробностями о четырехъ углахъ земли, о двѣнадцати воротахъ міра на западѣ и столькихъ же воротахъ на востокѣ, о двѣнадцати путяхъ солнца и столькихъ же путяхъ луны и пр. Намъ извѣстны, во вторыхъ, и находятся въ сборникѣ того же свято-онуфріевского монастыря во Львовѣ подъ № XVIII [въ первой части] и другія не безынтересныя статьи апокрифическаго содержанія, въ которыхъ содержатся отвѣты на такіе вопросы, какъ: чѣмъ ради попусти Богъ дѣволу воротись съ родома человѣчскимъ [на стран. 259 слѣд.] ⁷³⁾; или, како вѣ по плоти Богородица сродница Елисаветы; или, како предтеча сродники бысть первой женѣ Іосифа свроучника; или, како Маріа Клеопова бысть сестра святѣй Богородицѣ ⁷⁴⁾. Извѣстны, въ третьихъ, и внесены въ тотъ же сборникъ подъ № XVIII, между прочимъ, и такія апокрифическія сказанія и легенды, какъ, напримѣръ: повѣсть о понагнѣ святыхъ Богородицы: въ этой повѣсти говорится о враждѣ апостоловъ Христовыхъ къ Ѳомѣ и о благодати, оказанной ему пресвятою Богородицею, благодати, состоявшей въ томъ, что пресвятая Богородица подарила ему свою собственную зѣнницу въ знакъ своего съ нимъ на небѣ срътенія [на стран. 998—1000]; сказанія Анфилога, царя сарацинскаго, о святой литургіи и обращеніе его къ христіанской вѣрѣ вмѣстѣ съ братомъ его, царемъ Кликанцемъ [993—998]; видѣніе св. Нифонта о смерти, а точнѣе: видѣніе его о судьбахъ души христіанской по ея отлученіи отъ тѣла [1000—1003]; видѣніе того же Нифонта о „роусамахъ“, въ которыхъ соучаствуютъ дѣволы и своимъ присутствіемъ извращаютъ и ведутъ въ погибель преданный „бѣсовскимъ играмъ“ народъ христіанскій [1003—1006]; повѣсть святаго Аѳанасія о какомъ-то чародѣѣ Меситѣ [384—386]; наконецъ, преніе Апостола Петра съ Симономъ волхвомъ [986—988] ⁷⁵⁾. Нашлись бы, въ четвертыхъ, и въ нѣкоторыхъ прологахъ львовскихъ какія нибудь запрещенныя церковью жизнеописанія, или такія же запрещенныя церковью мученія святыхъ угодниковъ Божіихъ, но мы не могли судить о нихъ положительно, ибо не успѣли пока еще разобрать прологи львовскаго отдѣла съ тою подробностію и всесторонностію, на основаніи которой можно было бы опредѣлить специально отреченность той или другой легенды. Изъ вышеупомянутыхъ славянскихъ статей принадлежитъ сюда, безспорно, только извѣстное намъ уже житіе князя Петра и Февроніи и находящаяся въ многочисленныхъ копіяхъ повѣсть о предсказаніи крещенія на Русь Апостоломъ Андреемъ.

Отсутствіе большого числа апокрифическихъ сочиненій въ рукописяхъ львовскаго отдѣла не ослабляетъ, однако, нашего предъидущаго мнѣнія, и мы не станемъ изъ этой очевидной случайности выводить заключеніе, что апокрифы заграничнаго, или искусственнаго происхожденія, были въ земляхъ западно-русскихъ менѣе извѣстны и меньшею пользовались популярностію, чѣмъ, напримѣръ, въ земляхъ сѣверно-русскихъ. Мы не станемъ утверждать этого уже на томъ простомъ основаніи, что въ сборникахъ западно-русской редакціи намъ попадались нерѣдко пространные перечни книгъ истинныхъ и ложныхъ, показывающіе уже самимъ своимъ присутствіемъ въ литературѣ, что осуждаемая церковью книга были довольно широко распространены также и между грамотнымъ слоємъ западно-русскаго общества. Намъ попадались, впрочемъ, и въ другихъ рукописяхъ галицкихъ, именно, въ рукописяхъ перемышльской библіотеки, о которыхъ говорить будемъ въ статьѣ отдѣльной, на столько любопытные и немалочисленные памятники апокрифическаго содержанія, что отрицать ихъ въ юго-западномъ отдѣлѣ русской письменности было бы дѣломъ неумѣстнымъ и несходнымъ съ историческими основаніями нашего литературнаго развитія. Юго-западные члены русской семьи были, напротивъ, ближе къ источникамъ апокрифической литературы; они были, такъ сказать, непосредственными сосѣдями краевъ, признаваемыхъ расадниками отреченныхъ сочиненій, и въ умственномъ характерѣ юго-западныхъ частей русскаго народа дѣйствовали постоянно и едва ли не съ большою силой тѣ живыя и неизсякаемыя струи народно-поэтической воспріимчивости, которыя не только не препятствовали, но, въ свою очередь, значительно способствовали развитію и постепенному умноженію произведеній такъ называемой отреченной словесности. Апокрифическія наклонности русскаго народа выступали, однимъ словомъ, сильнѣе и живѣе на юго-западѣ, нежели на сѣверо-востокѣ русскихъ предѣловъ, и онѣ имѣютъ и теперь еще столь многіе и прочные отголоски въ народѣ, отзываются въ самыхъ отдаленныхъ углахъ юго-западной Руси съ такою богатою примѣсью литературныхъ, или письменныхъ вліяній, что и онѣ, съ своей стороны, подтверждаютъ то важное для высказанныхъ тутъ предположеній взаимодѣйствіе, которое существовало издревле и существуетъ понынѣ между обѣими видами русской апокрифической литературы изустной и искусственной. Мы имѣли случай присутствовать не разъ и не два при свободныхъ разговорахъ нашихъ галицко-русскихъ горянъ и узнали, къ нашему удивленію, что и теперь еще занимаютъ ихъ вопросы такого рода, какъ, напримѣръ: отъ какихъ частей сотворилъ Богъ Адама? Гдѣ обрѣтается Адамъ въ настоящее время? Кто Бога первѣе называлъ Богомъ на землѣ? Гдѣ, на которомъ мѣстѣ было крещеніе Христово? Какую пользу имѣетъ человѣкъ, почитая дни святыхъ? Въ чемъ именно завидуютъ ангелы человѣку? Какимъ языкомъ будетъ Богъ судить всему міру въ день кончины міра? Что такое громъ и молнія? Какъ и откуда взялся огонь? Отъ чего сотворилъ Богъ солнце, и откуда луна? Какое мастерство древнѣе другихъ? и проч. и проч. А если захотите

узнать, каково мнѣніе нашихъ горянь о предложенныхъ здѣсь предметахъ народной пытливости, то услышите подробности, которыя находятся почти дословно въ такъ называемыхъ вопросахъ и отвѣтахъ св. отцевъ⁷⁶⁾, извѣстныхъ по одной перемышльской рукописи,—услышите, что Богъ сотворилъ Адама отъ семи частей, то есть: тѣло его отъ земли, кости его отъ камня, очи отъ моря, мудрость отъ ангельской борзости, разумъ отъ облака, а кровь отъ росы и солнца вмѣстѣ; что Адамъ въ настоящее время находится въ четвертомъ небѣ; что Бога первый называлъ Богомъ на землѣ не кто иной, какъ сатана, когда спрашивалъ Еву, что Богъ позволилъ имъ ѣсть отъ плодовъ рая; что Христосъ крестился въ Иорданѣ, ибо тамъ же каялся и прародитель нашъ Адамъ, омывая грѣхи свои въ водахъ Иордана, а Ева въ рѣкѣ Тигрѣ; что почитать дни святыхъ полезно, такъ какъ святые отмаливаютъ передъ Богомъ грѣхи наши,—ангелы же завидуютъ людямъ въ томъ, что Христосъ Богъ принялъ тѣло человѣка; что Богъ судить будетъ всему міру языкомъ сирійскимъ; что громъ ничто иное, какъ оружіе, которымъ ангелы прогоняютъ діавола, а молніи все равно, что очи ангела Атанаила; что огонь принесенъ на землю архангеломъ Михаиломъ, который вжегъ его отъ зѣницы самого Бога; что солнце произошло отъ слезъ, которыя пролилъ Богъ на землю, когда помыслилъ о будущей смерти сына своего Иисуса Христа и о смерти человѣка; что луна произошла отъ епитрахили Господня, отъ котораго произошли и ангелы; что самое древнѣйшее мастерство есть шитье и пр. и пр.

Вотъ мотивы, которые заставляютъ насъ думать, что въ предѣлахъ юго-западной Руси были извѣстны едва ли не всѣ бывшія тогда въ ходу произведенія апокрифической литературы, встрѣчаемыя, если не въ подлинникѣ, то въ довольно частыхъ перечняхъ и запрещеніяхъ со стороны церковныхъ властей. Вотъ поводы, которые даютъ намъ право предполагать, что къ числу извѣстныхъ въ юго-западной Руси апокрифовъ принадлежали, между прочимъ, и всѣ тѣ ветхо-и ново-завѣтныя статьи и притчи⁷⁷⁾, которыя, напримѣръ, въ сборникѣ свято-онуфріевского монастыря подъ № XVIII [на стран. 569—574] приведены въ слѣдующемъ порядкѣ⁷⁸⁾: Адамъ, Енох[ъ], Ламех[ъ], Заѣтъ[ъ] патріархистій, Молитва Іосифова, Едад[ъ] и Юдад[ъ], Заѣтъ[ъ] Мойсеевъ, Вознесеніе Мойсеево, Уалмы Голомоновы, Іліино откровеніе, Ісанино видѣніе, Езды откровеніе⁷⁹⁾, Ікова повѣсть [сже Ікова есть иѣкоего евреннина, а не апостола], Петрово откровеніе, Оучительство Климентово, Ігнатіево оученіе, Поликарпово оученіе, Евангеліе от[ъ] Варнавы, Евангеліе от[ъ] Фомы, Мирьстін Уалмы [іажє соут[ъ] сіѣ: Градите, Крестоу твоемоу вздружшѣш, Ангельскы възспом[ъ]], Захаріино откровеніе, Паралипомена [что орла ликъ], Іереміи Вавилон[ъ]⁸⁰⁾, Въпросы Іоанна Богослова [рекше на горѣ Елешньстѣй], тогоже Іоанна Въпросы къ вогородици, Епистолиѣ ѿ недели, [Епистолиѣ] ѿ древѣ креста, Дѣтство Христово [гдѣ сказано, что отрочаѣм[ъ] Христа продали], Житіе Петрово [гдѣ, между прочимъ, сказано, что и рыбы

по сѣхѣ [соуху] ходили], Хоженіе когородниці по мѣкамъ [ѣ], Ловъ Адамовъ [ѣ], [гдѣ, между прочимъ, утверждается, что ѿ царевъ сидѣло въ немъ [ѣ]], Статія ѿ Службѣ тайнъ Христо-выхъ [гдѣ увѣряется, что, если опоздають священники съ жертвоприношеніемъ, то ангели пона каснатъ [ѣ], рекше врата небесная затворѣ [ю]тсѣ], Преніе діавола съ Богомъ [ѣ], Повѣсть о Макаріи римскомъ [ѣ] [гдѣ говорится, что три чрепѣ ходили на востокъ [ѣ]], Повѣсть о Соломонѣ царіи, Касни ѿ Кытофрастѣ [=Кентавросѣ], Дванадцатъ [вѣ] Іаковичѣ, Глаголемъ мѣстница, Пѣсни пѣкыа Давидовы, Визросы Брелма [т. е. вопросы извѣстнаго болгарскаго попа Іереміи] къ когородниці ѿ трѣсавицъ [ахъ], тогоже Іереміи Извѣщеніе свѣтлыа тройца и Повѣсть о Господѣ нашемъ [ѣ], како въ поны поставленъ [ѣ] и пр. Сѣтъ [ѣ] же и мученичѣскыа словеса [т. е. легенды], криво състакленѣа, тако се: Гевргіево мученіе, рекше отъ [ѣ] Дадіана царѣ мученъ [ѣ], и Никитіево мученіе, именующе его царева сына, еже не тако, и Соупатіево мученіе и Климентъ Ангирьскаго мученіе и нѣхъ [ѣ] мнѣхъ [ѣ] писаніа отложена и словеса, насѣжна на соблазны неѣжамъ [ѣ]. Сѣтъ [ѣ] же и помоканонци живыа су поповъ [ѣ] по молитвенникомъ [ѣ]⁸¹⁾, и молитвы живыа, и правила живыа и съборни епископѣи, сирѣчъ [ѣ] посланіа... и ина мнѣга обрѣтаются неѣриатна, или паче съвръшено отпадетма... и друга пакы смѣхомъ [ѣ] испалисна, и пакы инаѣ ни сице ни тако, наѣ събаче же неѣриатна. Онѣ обрѣтаются, впрочемъ, прибавимъ мы съ нашей точки зрѣнія, и теперь еще, если не по библиотекамъ монастырскимъ и церковнымъ, то въ рукахъ дьячковъ и грамотныхъ простолюдиновъ, которымъ служатъ орудіемъ таинственныхъ знаній и запасомъ свѣдѣній, доступныхъ лишь немногимъ... Онѣ берегутся и въ широкихъ кругахъ русскаго простонародья, берегутся въ видѣ его безчисленныхъ сказаній и въ видѣ другихъ, извѣстныхъ намъ уже остатковъ русской старины, которые лишь очень медленно подвергаются просвѣтительнымъ лучамъ современной науки, проникающимъ, къ счастью, уже и въ самыя отдаленныя затишья нашего народнаго быта...

Къ числу извѣстныхъ въ юго-западной Руси апокрифовъ мы относимъ, кромѣ того, еще и всѣ тѣ статьи отреченнаго содержанія, которыя находятся въ рукописяхъ соборной перемышльскаго библиотекы. Мы относимъ сюда въ особенности упомянутые уже въ статьѣ предыдущей Вопросы и отвѣты святыхъ отцевъ [„Пытанія и сѣновѣди свѣтыхъ [ѣ] сѣцевъ“]; относимъ сюда затѣмъ, на основаніи тѣхъ же мотивовъ, и довольно любопытное Слово святыхъ апостолъ о постѣ и молитвѣ; Посланіе царя Константина Великаго къ подвластнымъ ему управителямъ и чинамъ [„Оупоминанѣ и наѣка свѣтого великаго царѣ Константина ко вѣдѣмъ [ѣ] и паноу [ѣ] великимъ [ѣ], вѣсводамъ [ѣ] и вѣдѣникомъ [ѣ] нхъ [ѣ] и ко вѣсѣдѣмъ [ѣ] сѣдѣмъ [ѣ] земаѣ сей“]⁸²⁾; Притчу о богатыхъ, а немилостивыхъ людяхъ [„Принѣвѣсть и оупоминанѣ сѣтъ [ѣ] болгарскихъ [ѣ] книгъ ѿ богатыхъ [ѣ], а не милостивыхъ [ѣ] людѣхъ [ѣ]“]⁸³⁾; Слово о должностяхъ жены, или Притчу о царѣ индійскомъ Асферусѣ, про-

гнавшемъ свою первую супругу за ея неповиновеніе къ нему и женившемся во второй разъ на жидовкѣ Естерѣ и, наконецъ, Слово о страшномъ судѣ, приписанное пророку Даниилу. Не безъ важныхъ поводовъ мы причисляемъ къ семьѣ извѣстныхъ у насъ апокрифовъ также и, такъ называемое, „Житія вѣчнаго зерцало“ [Живота вѣчнаго зерцало]; въ которомъ содержатся различныя, непризнанныя церковью предположенія о судьбахъ человѣка по смерти, о разнородныхъ ужасахъ послѣдняго дня и о предстоящихъ грѣшникамъ мученіяхъ; мы причисляемъ сюда и другую, но болѣе обширную статью о тѣхъ же предметахъ народной пытливости, извѣстную⁸⁴⁾ подъ заглавіемъ „Пекельная вѣчность“, и не можемъ не выразить убѣжденія, что эти и подобные ужасы загробной жизни, прикрытой завѣсами неизслѣдованной тьмы, служили самой удобнѣйшей темой для различнаго рода апокрифическихъ произведеній. Извѣстные намъ до сихъ поръ экземпляры Исторіи царевича индійскаго Іоасафа и учителя его Варлаама, попадавшіяся намъ по галицкимъ бібліотекамъ, заимствованы болѣею частію изъ печатнаго кутейнскаго изданія [1637 года] и сходны съ нимъ дословно. Лишь къ перемышльскому экземпляру исторіи Варлаама и Іоасафа прибавлена еще и менѣе обыкновенная повѣсть о томъ, какъ св. Василій Великій спасъ человѣка Еладія, записавшаго себя діаволу Фармокію.

Но о статьяхъ этого рода мы будемъ говорить отдѣльно, а теперь, для окончанія настоящаго разсужденія о русской апокрифической литературѣ, точнѣе, объ извѣстныхъ въ юго-западной Руси памятникахъ отреченнаго содержанія, мы позволяемъ себѣ возвратиться еще разъ къ упомянутому уже „видѣнію царя сарацинскаго Анфилога“, какъ къ одной изъ болѣе любопытныхъ легендъ спеціально львовскаго отдѣла⁸⁵⁾. Историко-литературная важность „Анфилогова видѣнія“ основывается прежде всего на художественномъ изяществѣ нѣкоторыхъ свойственныхъ этой статьѣ поэтическихъ образовъ и на близкомъ ихъ сходствѣ съ мотивами, которые заключаются въ посланіи архіепископа ростовскаго Вассіана II († 1515 года), писанномъ къ извѣстному въ дѣяніяхъ русской церкви легату папскому Николаю Шомбергу, прозвищемъ Нѣмчину⁸⁶⁾. Мы не станемъ утверждать положительно, но едвали ошибемся, если въ формѣ предположенія выскажемъ мнѣніе, что преосвященному Вассіану могло быть извѣстно „видѣніе царя Анфилога“, и что, слѣдовательно, эта особенная аналогія мотивовъ, которая встрѣчается въ двухъ противоположныхъ по направленію произведеній литературы, есть прямое слѣдствіе заимствованія. Поэтическіе образы Анфилоговой легенды могли понравиться преосвященному Вассіану, именно, какъ средство риторическаго искусства, и онъ не усумнился въ числѣ приведенныхъ имъ историко-богословскихъ выводовъ высказать мнѣніе, что въ извѣстныя мгновенія православной литургіи слетаютъ самыя ангелы съ небесъ въ церковь, являются цѣлыя толпы свѣтлыхъ ликовъ, чтобы соучаствовать въ безкровномъ жертвоприношеніи и такимъ образомъ увеличивать его божественную святость и его значеніе. Прекрасные образы Анфилоговой легенды выходили затѣмъ постепенно за границы своей собственной сферы,

и получили въ устахъ преосвященнаго Вассіана, по предварительномъ устраненіи апокрифическихъ прибавленій, значеніе *поэтическихъ мотивовъ* ⁸⁷⁾, при содѣйствіи которыхъ должно было укрѣпляться въ глазахъ народа убѣжденіе, что православная литургія лучше другихъ литургій, что она есть соединенное служеніе ангеловъ и челоѡѡковъ вмѣстѣ. Мы считаемъ затѣмъ дѣломъ нелишнимъ эти и имъ подобныя черты Анфилогова сказанія, которыя столь важное оказали вліяніе на поэтическую сторону Вассіанова посланія и такимъ образомъ помогли явиться одному изъ лучшихъ произведеній нашей литературы, передать здѣсь дословно въ рукописномъ ихъ видѣ, то есть съ точнѣйшимъ соблюденіемъ всѣхъ филологическихъ и палеографическихъ особенностей текста ⁸⁸⁾, который въ сборникѣ свято-онуфріевского монастыря подъ № XVIII на страницахъ 993—988 читается такъ: Ыс[тъ] Айфилог[ъ] ст[ъ] царьскаго рода., держаще въ та лѣта поганым[ъ] Грацином[ъ] ⁸⁹⁾. И поухавшъ же Айфиллогу къ врату своему въ Іер[оу]самимъ град[ъ], и видѣ црковъ. И взииде же Айфилогъ въ с[вѣ]тилище воже не тѣмъ сам[ъ], нѣ и вельоуды вельше оувести.. вельоуды же падше, измроша вси. Айфилогъ же рече: хоцѣ видѣти поганскѣа црвоу и службѣ их[ъ]. И вшед[ъ] на полатоу, нача смотрити сѣсно, идеже свѣршашасѣ с[вѣ]таа слоужба ⁹⁰⁾. И видѣ попа, пристоупающа къ с[вѣ]тѣй трапезѣ. И просвѣтисѣ лице его (т. е. лице попа) іако сл[ъ]нце, [а] ризы его іако сѣнь, [вѣгда] приступи къ свѣтлому жрѣтѣнику. И не показа в[о]г[ъ] поганомоу просѣоуры, нѣ показа ему дѣтищѣ образъ свой. И множество агг[ъ]ль стоѣще окр[ъ]сть съ оружіем[ъ]. И нача попъ заклѣти дѣтищѣ, и авіе истече кровь и вода.. По искончаніи же того, егда рече поп[ъ]: благослови владыко въ тѣй час[ъ] ста црковъ лѣдѣна, а сѣтаръ сѣнень. А егда рече поп[ъ]: прѣс[вѣ]туѣ, чистуѣ—въ тѣй час[ъ] пристоупиша множество агг[ъ]ль, подеише рѣщѣ за вес[ъ] миръ хр[и]стіанскій, молящесѣ вогу.. Егда же іерей начнет[ъ] гла[гола]ти: богъ с[вѣ]тый на с[вѣ]тыхъ почиваѣ—тогда множество агг[ъ]ль подимуют[ъ] апостолѣ, [и] рече[тъ] Михаилъ: взиимѣм[ъ], а Гавріилъ рече[тъ]: миръ вѣсѣм[ъ]. И начнет[ъ] чѣсти [вмѣсто чѣсти] попъ еѡаггеліе, [и] въ то время ѣ [трицѣтъ] агг[ъ]ль взиимают[ъ] съ похвалоѣ слова та, несѣт[ъ] на небо. Тогда гла[голе]тъ поп[ъ]: іако м[и]лостивъ чел[оѡѡ]комовецъ богъ еси—тогда вшед[ъ] изъ сѣтарѣ агг[ъ]ль, носѣ стѣклѣницѣ пламоу мира, знаменает[ъ] предстоѣщаѣ люди. Егда поп[ъ] начнет[ъ] гла[гола]ти: Оглашеніи изыйдѣте—тогда агг[ъ]ли свѣрайше грѣшники веоутъ вонъ исцр[ъ]кве, а праведники оставѣѣт[ъ]. Егда же рече[тъ] поп[ъ]: іако под[ъ] держаюѣ твоѣѣ—тогда изыйдоут[ъ] агг[ъ]ли в[о]жѣи, свѣтѣи, держаще въ рѣбах[ъ] сѣражіа сѣньнаѣ, а друзѣи тѣмни агг[ъ]ли, обѣмѣтающе іерей сѣтми, хоѣще прѣлѣстити [его]. И не възмогѣа дойти дѣрѣи сѣтарѣ, сѣѣтают[ъ] бо их[ъ] вожѣи агг[ъ]ли, имѣѣе сѣражіа пламенѣаѣ, и сѣженутъ тѣмныѣ агг[ъ]ли проч[ъ]. Тогда взиесѣоутсѣ множество агг[ъ]ль, поѣще: свѣтъ, свѣтъ, свѣтъ господѣ—и взиемше прѣс[вѣ]таа, ставѣт[ъ] на свѣтѣй трапезѣ. И гла[голе]тъ поп[ъ]: благословите с[вѣ]тѣи агг[ъ]ли. Они же

глаголѣютъ[ь]: мнѡга лѣта ч[ь]стный отче, доухъ свѣтъ[ь] твой найдетъ[ь] на тѣ и сила вышнѡго
 оскѣнитъ[ь] тѣ. Тогда снѣидетъ[ь] доухъ свѣтый и спочинетъ ѡко голоуб[ь] на прѣлежащихъ[ь]
 ларѣхъ[ь]. По скончаніи глаголѣть поп[ь]: миръ възъм[ь], и діаконъ: възлюбимъ[ь] друугъ[ь]
 друуга. Тогда Христосъ прійдетъ[ь] и ѿ апостоли и цѣлоуѣтъ[ь] свѣтоуѣ трапезоу и слоужащѣмъ..
 П глаголетъ діаконъ: образоуѣ свѣтоуѣ троицѣ, дверѣ дверѣ премѣдростѣмъ, станѣ доверѣ, ста-
 нѣмъ[ь] съ страхомъ[ь]. Тогда снѣидетъ доухъ свѣтый на іерей и покрѣтъ[ь] его. П речеть
 попъ: възъм[ь] свѣтое възношеніе—Тогда възметсѣ агнецъ в[о]жій, станетъ[ь] на въздоуѣхъ[ь]
 и снѣидетъ два хероувими и станетъ окрѣсть трапезы. П речеть попъ: повѣдоуѣ пѣ[сь]
 поѣще—възмоутсѣ хероувими закрѣваѣща лица своѣ отъ[ь] неприкосновеннѣмъ славы [и] поѣще:
 свѣтъ, свѣтъ, свѣтъ господь. Тогда откѣрѣтсѣ ѣ невесь, и прійдетъ самъ[ь] господь съ высоты.
 П глаголетъ поп[ь]: пріймѣте и ѡдите, се есть тѣло мое, ломимое за вы и за мнѡгы. Тогда
 исплзнетсѣ храмъ[ь] разоума, и агг[ь]ли, разсмотрѣвшѣ тайноу, г[лаго]лѣтъ[ь]: аминъ[ь]. Тогда
 приложитсѣ хлѣвъ до половины. П възглаголетъ попъ: пійте отъ[ь] немъ, се есть крѣвь моя
 новаго заветѣ, да вси исплзнутсѣ разоума, да разумѣѣтъ[ь], ѡко велика и страшна сила го-
 споднѣ.—Тогда агг[ь]ли възимаѣтъ[ь] грѣхы отъ[ь] челоуѣкъ [и] огнемъ[ь] сжигоуѣтъ.. Вгда
 речеть діаконъ: главы вашѣ господевѣ приклоните, а поп[ь] глаголетъ молитвоу: боже свѣтъ[ь],
 живый въ вышнихъ[ь]—тогда изыйде[ть] агг[ь]ль изъ олтарѣ [и] начнетъ[ь] възскадѣти вѣнца
 на прѣстоѣщаѣ люди съ страхомъ[ь] на молитвѣ.. Скончавъ[ь] же поп[ь] свѣтѣмъ литургіѣ,
 принесѣ емоу (т. е. царю Анфилогу) просфороу и рече: възми царю! [П] рече емоу царь:
 видѣхъ тѣ ѡкане, чимъ[ь] еси слоужилъ[ь], ѡко дѣтище еси зарѣзалъ[ь]. Онъ же рече: нѣсть,
 царю, еже ты глаголеши; еже ти есмь принесѣ, тѣмъ есмь слоужилъ[ь]. Рече же Анфилогъ:
 азъ видѣхъ[ь] тѣ, ѡко дѣтище зарѣзалъ[ь] еси. Рече же къ емоу іерей: таково чюдо никтоже
 не видѣ, ни свѣтъ[ь] отецъ Василѣ, ни Григорій, еже ты царю видѣлъ[ь]. Рече емоу царь:
 отче, крести мѣ възъ, еже еси емоу слоужилъ[ь]. Рече емоу іерей: несмѣѣ царю, нѣ пойдѣва
 къ патріархоу. Онъ[ь] же иде, патріархъ[ь] же крѣсти его въ имѣ отца и сына и свѣтаго
 доуха, и постриже его въ нхымоу. Онъ[ь] же рече емоу: отче, чимъ[ь] спасти д[оу]шоу?
 Рече патріархъ[ь]: иди къ братоу своему. Онъ же послоушавъ его и, възѣдъ[ь] на осель, и
 поѣхъ въ срацинѣскоую землѣ къ братоу своему именемъ[ь] Кликанцоу. Они же не по-
 знахоу его, нѣ повѣдахоу цареви Кликанцоу мнѣ, ѡко порѣгоу дѣеть. Онъ[ь] же снемъ[ь]
 клобоуѣ[ь] рече: азъ есмь братъ[ь] твой; нѣ, вѣси ли, братѣ, ѡко погыбѣ еси въ вѣрѣ сей?
 П рече емоу [Кликанецъ]: кто тѣ прѣлзѣтилъ[ь], братѣ, какоуѣ одеждѣ имѣеши на себѣ? Онъ[ь]
 же повѣда емоу елико вышнее чюдо. Ономоу же вѣровавшоу Христоу, рече емоу: крѣсти
 мѣ, братѣ, еже ѡ Христѣ Іоусѣ господи нашемъ[ь]. П пойдѣша ѡба, начаста проповѣдати
 ѡ вѣрѣ и ѡ законѣ, и ѡ бываемѣ чюдѣ Христовѣ. П сего ради ⁹⁰⁾ поганіи Срацинѣ възста-

ша на нихъ[з] и побѣдиша ихъ[з], ненавидѣюще закона Христова.. И [сего ради] цари и князи казниются мощемъ[з] ихъ[з], и мы вѣрнии почитаемъ[з] память ихъ[з], творѣще волю божію, страждоуще, алчюще и жаждоуще [и] милостию творѣще и друугъ[з] съ друугомъ[з] смѣряюще спасеніа ради души и пр. и пр.

Хотя въ настоящее время сказаніе царя Анфилога извѣстно лишь немногимъ, но самая мысль о таинственномъ присутствіи ангеловъ въ православной литургіи живетъ еще и теперь въ умахъ и сердцахъ русскаго народа и есть одинъ изъ наиболѣе распространенныхъ мотивовъ истинно христіанской преданности и христіанскаго благоговѣнія...

Таинственное соучастіе божественныхъ ликовъ въ священнодѣйствіяхъ православной литургіи отвѣчаетъ до такой степени народно-поэтическимъ инстинктамъ русской природы, оно напечатлѣлось въ умахъ и сердцахъ русскихъ простолюдиновъ съ такою наглядною ясностію и силою убѣжденія, что собственно массамъ русскаго народа легче было бы переносить гоненіе, подвергаться самымъ жестокимъ послѣдствіямъ церковной брани, нежели отказаться отъ святаго, присутствіемъ самыхъ небесъ освящаемаго православія...

VI. При разсмотрѣніи славяно-русскихъ рукописей во Львовѣ, изученіемъ которыхъ здѣсь занимаемся, я имѣлъ случай познакомиться, между прочимъ, также и съ нѣкоторыми памятниками каноническаго права, именно, съ нѣсколькими списками Кормчей книги, съ обоими сочиненіями Никона Черногорца [т. е. съ его Пандектами и съ его наставленіями для монаховъ, извѣстными также подъ заглавіемъ Чиновой] и, наконецъ, съ однимъ спискомъ Властаревой синтагмы. Такимъ образомъ, въ бібліотекахъ львовскихъ⁹¹⁾ находятся почти всѣ главнѣйшіе виды каноническаго права⁹²⁾, всѣ тѣ главнѣйшія орудія церковной дисциплины, чрезъ посредство которыхъ къ своеобразнымъ началамъ тогдашняго русскаго быта должны были прививаться со временемъ новыя, строго христіанскія основанія жизни, а вмѣстѣ съ тѣмъ и новыя юридическія формулы, заимствованныя изъ греко-римскаго гражданскаго законодательства. Мы хотимъ сказать этимъ, что такъ называемыя каноническія книги являлись къ намъ вообще, какъ орудіе чужихъ, выработанныхъ другими обществами воззрѣній, которыя едва ли могли согласоваться съ нашими собственными, русско-народными представленіями о правѣ⁹³⁾, но которыя все-таки, не смотря на всѣ стоявшія имъ на дорогѣ препятствія, успѣли, при настойчивомъ содѣйствіи церковныхъ властей, упрочиться у насъ со временемъ до такой степени⁹⁴⁾, что въ силу ихъ рѣшались, напримѣръ, всѣ семейные и супружескіе споры, рѣшались дальше тяжбы объ опекахъ и наслѣдствѣ и пр.

Дѣло постепенно приняло такой видъ, что, съ усиленіемъ церковныхъ властей на Руси, предписанія византійскаго законодательства стали утверждаться нерѣдко даже на счетъ такихъ русско-народныхъ представленій о правѣ, которыя въ видѣ положительныхъ, уголовныхъ законовъ⁹⁵⁾ содержались въ знаменитой въ свое время Русской Правдѣ⁹⁶⁾, и которыя въ извѣстныхъ, народно-правныхъ обрядахъ нашего простолюдина

отзываются еще и теперь какимъ-то своеобразнымъ, хотя и слабѣющимъ уже очевидно отголоскомъ. Такъ называемыя каноническія книги получали затѣмъ въ предѣлахъ русскихъ значеніе преобладающихъ, освященныхъ авторитетомъ религіи пособій церковной юрисдикціи и заслуживаютъ, скажемъ вкратцѣ, вполне того особеннаго вниманія, съ которымъ изучали ихъ такіе почтенные ученые, какъ сочленъ нашъ Калачовъ и профессоръ московскаго университета, А. Павловъ. А если такъ, то мы, съ нашей стороны, считаемъ дѣломъ нелишнимъ къ основательнымъ выводамъ упомянутыхъ ученыхъ присовокупить тѣ немногія подробности, которыя попадались намъ въ выше упомянутыхъ львовскихъ [и вообще галицкихъ] спискахъ памятниковъ каноническаго права,—подробности, которыя могутъ быть полезны для пополненія его исторіи на Руси.

А) Касательно извѣстныхъ мнѣ понынѣ львовскихъ списковъ Кормчей⁹⁹⁾ надобно прежде всего замѣтить, что всѣ они основаны на Номоканонѣ въ XIV титулахъ, появившемся въ предѣлахъ русскихъ уже издавна—съ самыхъ раннихъ поръ водворенія у насъ христіанства¹⁰⁰⁾. Но ежели древнѣйшіе славяно-русскіе экземпляры¹⁰¹⁾ Номоканона въ XIV титулахъ доведены всего лишь до IV вселенскаго собора включительно, то въ выше упомянутыхъ львовскихъ его апографахъ¹⁰²⁾ находятся уже, напротивъ, и новѣйшія, Фотіевы [около 879 года] ссылки на правила соборовъ, бывшихъ послѣ IV вселенскаго собора; находятся дальше въ апографахъ этихъ и [буквально сходныя] толкованія къ правиламъ св. Апостоловъ, Соборовъ и пр., составленные въ продолженіе XII вѣка діакономъ и законохранителемъ Алексѣемъ Аристиномъ¹⁰³⁾; находятся, наконецъ, и оба предисловія и всѣ прочія статьи и прибавленія, свойственные, однако, только позднѣйшимъ, именно только сербскимъ спискамъ Кормчей¹⁰⁴⁾. Это значитъ, что извѣстные мнѣ львовскіе экземпляры Номоканона принадлежатъ къ разряду тѣхъ славяно-русскихъ копій, которыя ведутъ свое начало отъ перевода¹⁰⁵⁾, составленнаго патріархомъ сербскимъ Саввою [1221—1237 г.] и принесеннаго къ намъ на Русь во время митрополита кievскаго Кирилла II [1243—1288 г.]¹⁰⁶⁾, точнѣе, во время знаменитаго владими́ро-клязьменскаго собора [1274 года]¹⁰⁷⁾. Но отсюда не слѣдуетъ, чтобы во всѣхъ четырехъ экземплярахъ Кормчей, находящихся теперь во Львовѣ, содержались дословныя и совсѣмъ однообразныя копіи одного и того же Саввинскаго перевода. Нѣтъ, мы не можемъ утверждать этого по слѣдующимъ причинамъ. Мы замѣтили, во первыхъ, что, напримѣръ, въ списокѣ университетской бібліотеки во Львовѣ¹⁰⁸⁾ правила Апостоловъ, Соборовъ и прочіе приводятся вообще по сокращенному тексту¹⁰⁹⁾, т. е. въ редакціи, приписываемой Стефану Ефесскому *Καὶ οὐφὶς*—тогда какъ въ спискахъ той редакціи, къ которой принадлежатъ оба свято-онуфріевскіе и сходный съ ними свято-георгіевскій экземпляръ во Львовѣ¹¹⁰⁾, правила эти излагаются, напротивъ, по полному ихъ составу, иногда даже въ видѣ дословныхъ извлеченій изъ протоколовъ засѣданій собора¹¹¹⁾. Мы замѣтили, во вторыхъ, что въ списокѣ университетской бібліотеки, въ числѣ другихъ греко-римскихъ,

гражданскихъ статей, приведены, между прочимъ, также и такъ называемыя новыя заповѣди [т. е. новеллы] царя Алексѣя Комнина ¹¹²⁾, тогда какъ въ прочихъ трехъ [львовскихъ] спискахъ Кормчей сообщаются всего лишь нѣкоторыя извѣстныя уже и Іоанну Схоластику извлеченія изъ Юстиніановыхъ новеллъ ¹¹³⁾, а кромѣ того, еще новеллы 3, 77, 132 и 133; сообщаются дальше нѣкоторыя извлеченія изъ Эклоги царя Льва Исаврянина ¹¹⁴⁾ и, наконецъ, такія же извлеченія изъ Прохирона царя Василия, а именно, титулы 24, 28 и др. Мы замѣтили, въ третьихъ, что въ списокѣ университетской библіотеки въ Львовѣ приведено, между прочимъ, также и письмо деспота болгарскаго Іакова Святослава къ митрополиту Кириллу II, приведены дальше и послѣловія ¹¹⁵⁾ переписчиковъ этой [Святославовой] Кормчей ¹¹⁶⁾, тогда какъ въ прочихъ трехъ львовскихъ и другихъ извѣстныхъ мнѣ галицкихъ спискахъ ¹¹⁷⁾ Кормчей записокъ этихъ нѣтъ ¹¹⁸⁾. Мы приходимъ затѣмъ къ заключенію, что въ одномъ только университетскомъ списокѣ Кормчей содержится цѣликомъ достовѣрная копія доставленнаго намъ деспотомъ Святославомъ Саввинскаго перевода, тогда какъ въ спискахъ того разряда, къ которому принадлежатъ оба свято-онуфріевскіе и сходный съ ними свято-георгіевскій, содержатся, наоборотъ, экземпляры компіляціи, образовавшейся тоже не ранѣе времени митрополита Кирилла II изъ обоихъ предъидущихъ видовъ Кормчей такимъ именно способомъ, что къ составнымъ частямъ первоначальнаго славяно-русскаго Номоканона стали присовокупляться новѣйшія Фотіевы прибавленія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и переведенныя патріархомъ Саввою Аристиновы толкованія. Новообразовавшіеся списки Кормчей различаются, слѣдовательно, отъ первоначальнаго славяно-русскаго перевода присутствіемъ втораго предисловія и другихъ Фотіевыхъ прибавленій, а въ особенности еще присутствіемъ Аристиновыхъ и нѣкоторыхъ Зонаровыхъ толкованій, а отъ списковъ новѣйшаго Саввинскаго перевода—присутствіемъ полныхъ правилъ ¹²⁰⁾ и, наконецъ, еще присутствіемъ такъ называемыхъ русскихъ статей, о которыхъ говорить будемъ ниже. Новообразовавшіеся экземпляры Кормчей составляютъ вмѣстѣ съ тѣмъ такую исключительную собственность только русской канонической письменности, что мы позволяемъ себѣ вмѣстѣ съ г. Павловымъ означать ихъ именемъ русскихъ или также софійскихъ Кормчихъ ¹²¹⁾, въ противоположность спискамъ, заимствованнымъ дословно изъ Саввинскаго перевода и означаемымъ вслѣдствіе того именемъ *сербскихъ*, или также рязанскихъ Кормчихъ ¹²²⁾. А такъ какъ списки того состава, къ которому принадлежатъ свято-онуфріевскіе, попадаются и въ другихъ библіотекахъ русскихъ гораздо чаще, нежели экземпляры сербскаго перевода, то мы имѣемъ поэтому право высказать здѣсь еще и то для исторіи каноническаго права на Руси весьма важное заключеніе, что списки русской или, такъ называемой, софійской группы были у насъ еще и въ XVI вѣкѣ господствующимъ и самымъ обыкновеннымъ видомъ Номоканона ¹²³⁾.

Но это самыя лишь главнѣйшія стороны львовскихъ экземпляровъ Номоканона.

Между тѣмъ, въ извѣстныхъ мнѣ львовскихъ [и вообще галицкихъ] спискахъ Кормчей попадаются нерѣдко также и такія разновидности текста, которыя, если и не безусловно замѣчательны сами по себѣ, то все-таки не лишены интереса для тѣхъ, кто занимается подробнымъ изслѣдованіемъ исторіи славяно-русскаго Номоканона. Къ числу такихъ не-безынтересныхъ, историко-юридическихъ особенностей текста относятся прежде всего какія-то *черныя главы*, встрѣчаемыя въ обоихъ доступныхъ мнѣ теперь разрядахъ Кормчей, какъ самое новѣйшее ея прибавленіе. Первоначальный текстъ Номоканона въ XIV титулахъ дополнялся затѣмъ въ львовскихъ спискахъ Кормчей не одними лишь прибавленіями патріарха Фотія [то есть, указаніями на правила соборовъ, бывшихъ послѣ IV вселенскаго собора и пр.], но въ равной мѣрѣ также и довольно частыми ссылками на такъ называемыя *черныя главы*, о происхожденіи которыхъ трудно, однако, сказать пока еще что нибудь положительное. Правда, мнѣ на первыхъ порахъ казалось возможнымъ, что такъ называемыя *черныя главы* имѣютъ значеніе параллельныхъ мѣстъ, извлеченныхъ изъ появившихся въ XI вѣкѣ Пандектовъ Никона Черногорца, извѣстнаго также подъ именемъ Никона отъ „Черной горы“, но я убѣдился вскорѣ, что предположеніе такое было бы не всегда согласно съ слѣдующими историко-литературными фактами. Мы нашли, во первыхъ, что нѣкоторыя изъ упомянутыхъ здѣсь *черныхъ главъ* въ извѣстныхъ мѣстахъ Фотіева Номоканона [напримѣръ, въ титулѣ VI, 2, XIII, 5, 20, 23 и XIV, 2, 3] означены постоянно не иначе, какъ числомъ 72 [=72], а между тѣмъ, Пандекты Никона Черногорца распредѣлены, какъ знаемъ, всего лишь на 63 каноническія слова, или поученія. Мы нашли, во вторыхъ, что въ первомъ отдѣлѣ Фотіева Номоканона, въ главѣ 29, гдѣ въ числѣ другихъ цитатъ попадалась намъ также и 19 глава черной книги, говорится дословно „О поставленіи сельскихъ[и] епископ[и], и когда и како литоргсати имъ[и], и которымъ имъ[и] подобаетъ[и] поставляти, кихъ[и] же не подобаетъ[и], а между тѣмъ, въ главѣ 19 Никоновыхъ Пандектовъ идетъ рѣчь о томъ, „какъ творящему тоуне възможно есть прѣходити кромѣ скрѣби; и како егда кто съ оусердіемъ сіе проходить, не ошѣщае[и] таковой скрѣби; и егда же истынетъ[и] оусердіе, тѣгда ошѣщае[и] скрѣби; и о измѣненіи многихъ[и], послѣдующихъ смысла; и о молитвѣ искашаемымъ[и]; и о различіи воли божіа“ и пр. Мы нашли, въ третьихъ, что точно также и въ VII отдѣлѣ Фотіева Номоканона, въ главѣ 3, гдѣ попадалась намъ такая же ссылка на 40 главу черной книги, говорится въ особенности „О дни и о часѣ святаго възкресенія, сирѣчь великодне, и о навечеріи рождества Христова и святаго богоявленія“, а въ главѣ 40 Никоновыхъ Пандектовъ разсуждается между тѣмъ о томъ, „какъ недостойтъ[и] садити іерешъ[и] или състазовати ихъ[и]; и како не подобаетъ[и] съблжнати[и] о свързателъ[и] зловы ради священничъ; и како тѣжде есть приношеніе, аще и не чисто житіе имать приносѣи; и како лѣпо есть послушати оучителъ и священники, възнегда оучити имъ отъ[и] божьствныхъ писаній, аще и житіе имать[и] зло; и

такъ събѣгати и слѣдити ихъ[а] подобаетъ, аще о вѣрѣ сзгръшають священници; и тако не всѣхъ[а] поставляетъ боги, всѣми же дѣйствуетъ, за еже спастисѧ людемъ; и тако отъ[а] еже пришеидѣти неремъ, пришеидимъ и бога" и пр. Мы находили, наконецъ, и другія, такого же рода противорѣчія и пришли къ убѣжденію, что цитованныя въ Фотіевомъ Номоканонѣ *черныя главы* едва ли могутъ быть поставлены наравнѣ съ каноническими словами, или Пандектами Никона Черногорца. А ежели такъ, то, въ виду приведенныхъ здѣсь соображеній, кажется намъ едва ли не удобнѣе оставить вопросъ этотъ пока еще неразрѣшеннымъ и предложить его присутствующимъ на съѣздѣ знатокамъ дѣла съ просьбою, чтобы они 1) опредѣлили настоящій источникъ такъ называемыхъ *черныхъ главъ* и 2) изслѣдовали, когда и кѣмъ именно могли быть внесены главы эти въ Фотіевъ Номоканонъ.

Кстати замѣтимъ и то, что въ Кормчихъ сербскаго разряда встрѣчаются иногда правила, а нерѣдко также и толкованія [эти послѣднія встрѣчаются, впрочемъ, и въ Кормчихъ софійскаго состава], которыя не вездѣ согласны съ подлиннымъ Аристиновымъ текстомъ. Это значитъ, что въ Кормчихъ сербскихъ, а въ извѣстномъ смыслѣ также и въ софійскихъ спискахъ Номоканона попадаютъ нерѣдко довольно значительныя уклоненія отъ подлиннаго греческаго текста, происшедшія болѣею частію оттого, что славянскій переводчикъ Аристиновыхъ правилъ и толкованій обращался съ ними не всегда съ одинаковою строгостію. Онъ позволялъ себѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ или сокращать ихъ, или переставлять слова греческаго текста, или, наконецъ, расширять нѣкоторыя положенія своего подлинника, но расширять и сокращать ихъ безъ нарушенія собственнаго каноническаго ихъ смысла. Онъ сдѣлалъ это, напримѣръ, въ толкованіи на 42 правило Апостоловъ и передалъ его въ славянскомъ переводѣ [мы цитуемъ по университетскому списку во Львовѣ] слѣдующимъ образомъ: Аще который епископъ или презвитеръ[а], или дьяконъ играетъ и гл҃мится и люди гл҃мита и ѡпинается, аще не останеца, тогда извержеться. То же толкованіе на 42 правило Апостоловъ читается, однако, въ подлинномъ текстѣ по Беверегію ¹²⁴⁾ такъ: Εἰ πρεσβύτερος, ἢ διάκονος κινεῖται ἢ μεθύων, εἰ μὴ παύοιτο, καθαιρεῖται πολλῶ πλεον οἱ τῆς μεζονος ἀξίας ἱερατικῆς τετυχηκότες καθαιρεθήσονται, κινεῖοντες ἢ μεθύοντες. Выходитъ затѣмъ, что въ славянскомъ переводѣ пропущено цѣлое второе положеніе отъ словъ: πολλῶ πλεον οἱ τῆς μεζονος ἀξίας ἱερατικῆς τετυχηκότες..., а вмѣсто него поставлены въ началѣ толкованія слова: Аще который епископъ и пр. То же сдѣлано и въ 43 правилѣ Апостоловъ, которое сообщено [скажемъ мимоходомъ] по полному тексту правилъ и въ извѣстномъ намъ университетскомъ спискѣ Кормчей читается вотъ какъ: Ἰподиаконъ, или пѣвецъ, или чтецъ, или мирскій чловека таковаа и подобнаа тѣма творѣа, аще не останеца, тогда отаѡчитца. Подлинный греческій текстъ того правила приведенъ, однако, у Питры ¹²⁵⁾ слѣдующимъ образомъ: Ὑποδιάκονος, ἢ ἀγνώστης, ἢ ψάλλτης τα ὅμοια ποιῶν,

ἡ παυσάσις, ἡ ἀφορίζεσις ὡσαύτως καὶ λαϊκός. Выходитъ затѣмъ, что и въ настоящемъ мѣстѣ переставлены славянскимъ переводчикомъ слова: „пѣвецъ“ и „чтецъ“ [—обстоятельство, повторяющееся, впрочемъ, и въ греческомъ спискѣ Мая] ¹²⁶⁾; переставлены дальше изъ втораго положенія и перенесены въ первую часть правила слова: ὡσαύτως καὶ λαϊκός —и прибавлены, кромѣ того, слова: такова и [подобная] тѣмъ, посредствомъ которыхъ укрѣплена значительно логическая связь, соединяющая 43 правило Апостоловъ съ правиломъ Апостоловъ 42. То же самое повторяется и въ толкованіи на правило 9 Никейскаго собора, которое въ извѣстномъ намъ Саввинскомъ переводѣ читается такъ: Ἰς κτο σιγρѣшивъ и не исповѣдавъ отцѣ дѣховному таковыхъ[и] грѣхов[и], возбраняющихъ[и] смѣ отъ[и] свѣтительства, и ѣтаивсиа и бези испытаниа на презвитерскый, или на епископскый санъ возведень бѣдетъ, аще же и поставленный, ѡбличенъ бѣдетъ, тако согрѣши таковой грѣхъ, свѣтительства да ѡстанетсѣ. Подлинный греческій текстъ этого толкованія гласитъ, напротивъ того, по Беверегію ¹²⁷⁾ слѣдующимъ образомъ: Ἐὰν γὰρ ἁμαρτήσας τις διέλαχῃ καὶ ἀνεξάτας εἰς ἐπισκόπου, ἢ πρεσβυτέρου βασιμὸν προήχῃ, ἐὰν μετὰ τὴν χειροτονίαν ἐλέγχῃτο, ὅτι ἥμαρτε, τῆς ἱεροσύνης παυθήσεται. Оказывается затѣмъ и здѣсь, что въ славянскомъ переводѣ разсматриваемаго мѣста прибавлены, во первыхъ, не находящіеся въ греческомъ подлинникѣ слова: и не исповѣдавъ отцѣ дѣховномѣ таковыхъ[и] грѣхов[и], возбраняющихъ[и] смѣ отъ[и] свѣтительства, и ѣтаивсиа; прибавлены послѣ того [въ предпослѣднемъ положеніи] дающія тавтологію выраженія: [и согрѣшивъ] таковой грѣхъ, —а слова греческаго текста: μετὰ τὴν χειροτονίαν—переведены съ помощію дѣепричастія: и поставленный. То же сдѣлано, наконецъ, и въ 17 правилѣ Халкидонскаго собора, которое въ извѣстномъ университетскомъ спискѣ переведено такимъ образомъ: Посреди селъ предѣлъ, или на краинѣ гдѣ, аще ѿ лѣтъ дрѣжанъ бысть бези поминаниа, да дрѣжитсѣ, аще же видѣтръ ѿ лѣтъ възпомянетсѣ ѡ немъ, да сѣдѣтсѣ; аще же поставитсѣ градъ[и] царскимъ[и] повелѣніемъ, градскимъ или людскимъ ѣставомъ, да послѣдѣетъ и чинъ церковныхъ предѣлъ“. И здѣсь прибавлены затѣмъ не находящіеся въ греческомъ подлинникѣ ¹²⁸⁾ слова: бези поминаниа—въспоманетсѣ ѡ немъ—и нельзя не согласиться, что безъ этихъ двухъ прибавленій смыслъ правила едва ли былъ бы вразумителенъ. Въ 2 правилѣ Халкидонскаго собора сказано въ томъ же университетскомъ спискѣ Кормчей, очевидно, по опискѣ: χῆμαι, вмѣсто правильнаго κοῦμαι [=κοῦμαι].

Къ числу болѣе характеристическихъ сторонъ, свойственныхъ, однако, однимъ только Кормчимъ софійскаго разряда, принадлежать и такъ называемыя русскія статьи, то есть всѣ тѣ каноническія посланія, отвѣты и правила, точнѣе толкованія, которыя слагались русскими церковными властями и, начиная со временъ митрополита Іоанна II [управлявшаго русскою церковью отъ 1080—1088 года] въ постоянной удерживались практикѣ. Мы имѣли случай въ львовскихъ спискахъ софійской Кормчей отыскать едва-

ли не всѣ этого рода произведенія и пришли на основаніи содержащихся тамъ же особенностей къ тому высказанному, впрочемъ, прежде насъ заключенію, что упомянутыя русскія статьи слагались съ тою очевидною цѣлью, чтобы утверждать тѣмъ прочнѣе и укрѣпить постоянно всѣ завѣщанныя намъ св. Апостолами и Отцами восточной церкви правила и наставленія истинно-христіанской жизни ¹²⁹). Такъ называемыя русскія статьи были затѣмъ практическимъ примѣненіемъ обще-обязательныхъ каноническихъ предписаній жизни къ своеобразнымъ условіямъ народнаго, славяно-русскаго быта, и онѣ являлись у насъ результатомъ усилій, посредствомъ которыхъ стоящіе во главѣ русской церкви іерархи старались ввѣренное ихъ пастырскому жезлу стадо расположить постепенно къ усвоенію всѣхъ общихъ и частныхъ требованій христіанской дисциплины. Каноническія заявленія русскихъ епископовъ и соборовъ были въ сущности ничто иное, какъ опыты толкованій на тѣ или другія предписанія Номоканона, опыты, тѣмъ болѣе оригинальные въ историко-литературномъ отношеніи, чѣмъ ближе и разнообразнѣе было ихъ соприкосновеніе съ чисто-народными сторонами древне-русскаго быта. Однимъ словомъ, они пріобрѣтали тѣмъ большее значеніе для исторіи нашей литературы, чѣмъ выразительнѣе и строже осуждались въ нихъ различные, свойственные нашему древне-русскому обществу пороки и несообразности жизни, къ которымъ [въ каноническихъ отвѣтахъ митрополита Іоанна II и въ наставленіяхъ епископа новгородскаго Нифонта, 1130—1156 г.] причисляются прежде всего жертвы, приносимыя бѣсамъ, болотамъ и колодеземъ; причисляются дальше различныя бѣсовскія игры и тому подобныя остатки язычества; браки, совершаемые безъ благословенія церкви; оставленіе своихъ собственныхъ женъ и принятіе чужихъ; ненадлежащее соблюденіе постовъ и праздниковъ; непристойное соблюденіе церковныхъ и богослужебныхъ обрядовъ; лѣнь мірскихъ людей и нерадѣніе духовныхъ лицъ; нерадѣніе и любостыжаніе монаховъ и пр. и пр.

Между пороками, нарушавшими церковную дисциплину жителей, поселившихся [на „крайцѣхъ руськы[ѣ] земли“] т. е. на окраинахъ русскаго государства, упоминаются, впрочемъ, также и случаи сквернояденія ¹³⁰); но изъ самыхъ уже объяснительныхъ словъ, присоединенныхъ къ правилу тому, слѣдуетъ заключать, что случаи такіе, во времена митрополита Іоанна II были вообще не часты.

То же самое можно думать и объ упоминаемомъ въ этихъ правилахъ двоеженствѣ ¹³¹), а также о другихъ порокахъ того времени, несогласныхъ съ христіанскими обычаями ¹³²).

В) Хотя Кормчая книга удовлетворяла какъ нельзя лучше всѣмъ насущнымъ потребностямъ церковной дисциплины, но все-таки являлись со временемъ и другіе болѣе пространные своды каноническаго права, разрабатывавшіе и дополнявшіе то, что въ предписаніяхъ Кормчей часто лишь намѣчивалось. Къ числу такихъ болѣе пространныхъ сводовъ, точнѣе—компиляцій каноническаго права, принадлежатъ въ особенности также и такъ называемыя Пандекты Никона Черногорца ¹³³), которые, по свидѣтельству самаго

ихъ сочинителя ¹³⁴⁾, составлены были при патриархѣ антиохійскомъ Θεодосіи ¹³⁵⁾, или при императорѣ Константиинѣ Дукаѣ ¹³⁶⁾ около 1060 года, а спустя нѣсколько десятковъ лѣтъ послѣ извѣстны стали уже и въ славянскомъ переводѣ. Но мы должны замѣтить, что извѣстные понынѣ славянскіе списки Пандектовъ Никона, именно списки, находящіеся въ библіотекахъ и монастыряхъ русскихъ ¹³⁷⁾ и идущіе непрерывно отъ конца XIII ¹³⁸⁾ вплоть до конца XVIII вѣка, или до появленія печатныхъ почаевскихъ изданій 1795 года,—не произошли изъ одного и того же источника. Между ними есть, во первыхъ, экземпляры, въ которыхъ ¹³⁹⁾ содержится первоначальный славяно-болгарскій переводъ [конца XI—XII вѣка] съ свойственными переводу этому пропусками и сокращеніями ¹⁴⁰⁾; есть дальше экземпляры, въ которыхъ ¹⁴¹⁾ содержится новѣйшій славяно-болгарскій переводъ [половины XIII—XIV в.], съ свойственнымъ переводу этому полнымъ текстомъ отдѣльныхъ „словъ“ Никона и съ нѣкоторыми чисто болгарскими особенностями выраженія ¹⁴²⁾, и есть, наконецъ, экземпляры, въ которыхъ ¹⁴³⁾ содержится новѣйшій славяно-сербскій переводъ тѣхъ же „словъ“ Никона [конца XIII—XIV вѣка], съ свойственными переводу этому прибавленіями, перенесенными изъ новѣйшей греческой редакціи текста ¹⁴⁴⁾ и состоящими изъ статей, о которыхъ нѣсколько строкъ ниже мы сообщаемъ болѣе подробныя извѣстія. Хотя новѣйшій славяно-болгарскій переводъ [половины XIII—XIV вѣка] отличался качествами, дѣлавшими его вполне достаточнымъ представителемъ греческаго подлинника, однако несравненно большее количество находящихся на Руси списковъ ¹⁴⁵⁾ произошло все-таки изъ такъ называемаго славяно-сербскаго перевода и заставляетъ думать, что экземпляры славяно-сербскаго разряда были, начиная со временъ выше упомянутаго митрополита Кипріяна ¹⁴⁶⁾, такъ сказать, господствующимъ видомъ Пандектовъ Никона на Руси. Къ тому же славяно-сербскому разряду ¹⁴⁷⁾ принадлежитъ, впрочемъ, также и тотъ экземпляръ Пандектовъ Никона, который въ настоящее время находится въ библіотекѣ свято-онуфріевского монастыря во Львовѣ, и о которомъ не излишнимъ считаемъ сообщить здѣсь нѣкоторыя, по крайней мѣрѣ, важнѣйшія бібліографическія подробности.

Прежде всего замѣтимъ, что, подобно другимъ экземплярамъ такъ называемаго славяно-сербскаго разряда, начинался и описываемый здѣсь свято-онуфріевскій списокъ Пандектовъ Никона ¹⁴⁸⁾ вступительными словами новѣйшаго греческаго писателя ¹⁵⁰⁾, въ которыхъ, въ поученіе читателей, сообщались, во первыхъ, нѣкоторыя подробности о Пандектахъ Антиоха ¹⁵¹⁾, а въ связи съ этимъ и нѣкоторыя не безынтересныя свѣдѣнія о Пандектахъ Никона ¹⁵²⁾. Къ свѣдѣніямъ этимъ примыкали дальше [составленные тѣмъ же авторомъ] выписки изъ собственныхъ писемъ Никона, именно выписки изъ тѣхъ писемъ и посланій ¹⁵³⁾, въ которыхъ содержались самыя полныя свидѣтельства о разсматриваемыхъ здѣсь Пандектахъ Черногорца, и которыя заслуживаютъ того, чтобы привести ихъ всецѣло. Но такъ какъ обѣ первыя страницы изъ описываемаго тутъ свято-онуфріевского прилож.

скаго списка Пандектовъ Никона утрачены совершенно¹⁵⁴⁾, то мы сообщаемъ здѣсь всего лишь тѣ немногія выписки¹⁵⁵⁾, которыя на лицевой сторонѣ 2 листа читаются слѣдующимъ образомъ: „[И не по]щадѣвъ труда своего“, рассказываетъ намъ Никонъ Черногорецъ въ выпискахъ этихъ, но сѣдихъ[з] древнихъ О[т]цѣхъ свѣдѣтельствующихъ житіа и дѣланіе списати и послужити искрѣнимъ[з]же и свѣѣ. И на се челоуѣкомовець в[о]гъ Отверзе ми двери недостойному за молитвъ ради с[вѣ]тъ[з] в[о]городица, въ ней же и даръ [оучительства] даровася. И прѣвѣ оубо списахъ великую книгу, прѣимѣнюю толкованіемъ заповѣдей г[оспод]нихъ, по приличію же дѣйствиа оученіа, подобашася тѣмъ[з] и дѣланіа в[о]ж[з]ствныхъ[з] О[т]цѣхъ, и с[вѣ]тъ[з] свборовъ и градскихъ[з] законъ[з]. Потомъ[з] же пакы даж[е] до и[в]нѣ, елико по силѣ моеѣ даруесть в[о]гъ, ины книги и различнаа списаніа на ползу искрѣнимъ[з] и своа, елико по силѣ моеѣ, написати не оуаѣнихъ. И[в]нѣ же, О[т]че мой, взехотѣхъ Отрециса сего, и свборнымъ цр[к]кве начальствующеи непростиса мѣ¹⁵⁶⁾, но егда бѣше тоу влад[ы]ка же мой Сакеліе и прочіи, призваша мѣ и бесѣдоваша мнѣ, и азъ тѣмъ[з], паче же митрополитоу аданьскому, яко единому О[т]цѣ ни хъ[з] всѣхъ, и не повиноухъ, О ни хъ[з] же ми рѣша. Егда же идоша, [и] въ свборную цр[к]ковъ съгласишася, и написаша ми повеленіе на учительство и о прочіихъ[з] винахъ, и послаша ми то съ митрополитомъ[з] аданьскимъ[з], и прочтохъ сѣ, и яви ми сѣ тяжко, еже ходити само и оуамо и несхста, влатиса, такоже прѣжде, оученіа ради, и, прости мѣ, не пріахъ, но взврати хъ[з] е, тако хотѣщу ми прочее Отселѣ въ безметежїи прѣбывати. И пакы ниже на се простиша мѣ, но Оулегчиша тѣ, якоже лѣпо бѣше и яко могъ безведѣти, и послаша ми то, и паче написаша въ немъ[з]: „яко по-ниждаетъ[з] тѣ свборнаа цр[к]кви въ таковое сѣженіе“. И тако книги написахъ[з] и свбраны быша въ едину О[т]цѣ различныхъ[з] книгъ, и благодатію божіею безъ[з] трѣда оуѣтае[з] каждо потребное въ коемъждо словѣ, заеже изложена вы[с]тъ съ Оуаствомъ[з] О[т]цѣ в[о]ж[з]ствныхъ[з] писаній, а не О[т]цѣ мене недостойнаго Никона. Егда во свзвѣпихъ[з] великую книгу¹⁵⁷⁾, не просто сїю въ явленіе приношахъ[з] испрѣва, но въ свборниѣ церкви, рекше въ патріархїи, испытанна и пріата высть и О[т]цѣ того Сакеліа патріархова, ниже митрополитъ[з] высть месопо-тамійскій, и егоже и ты не невѣси, прѣписана высть. И не О догматомъ[з] иѣки хъ[з] веденіе имать, но всѣ дѣлательна и сѣкровенныхъ[з] дѣйствій божьствныхъ[з] писаній и заповѣдей г[оспод]нихъ[з] имать тѣзкованіе. Извѣщеніа же ради моего недостойнства и грѣбости, не точію въ свборниѣ церкви, т. е. патріархїи, глагола, антїу хїстїи, но и О[т]цѣ многихъ[з] мѣста сего разумѣиши хъ[з] испытана вы[с]тъ и истазана, и неувѣтесѣ въ ней ничтоже сѣпротивно, божіею благодатію. И тако прѣписана высть и по ниѣхъ мѣсто хъ[з] къ Оуздържителнѣ всѣхъ[з] полззы, сїце Оулашена¹⁵⁸⁾ вывши: „книга тѣзкованіа заповѣдей г[оспод]нихъ[з]“. Не имамъ[з] во како нарицатїю, но О[т]цѣ дѣйства имѣти прозваніе сѣ, таже [вм. ѣже] и подобаетъ[з] въ сѣмъ[з] имѣти въ наказаніе всѣко. И не мое се ес[ть], О[т]че мой, дѣло, зане, яко мѣ вси зрѣт[з],

невѣжда и грубъ есмь, и неключаема сіа по ест[ьст]воу таковым[ъ] смѣт[ь], аще не дѣйствует[ь] еже паче ест[ьст]ва. Сего ради, такоже мнѣ, не человѣческою силою съставиша, но б[о]ж[ь]ствиною благодатию“. А такъ какъ въ тѣ бурныя для восточной церкви времена, правотворіе автора было однимъ изъ главнѣйшихъ условій для его читателей, то къ предложеннымъ здѣсь извлеченіямъ изъ собственныхъ писемъ Никона присовокуплены были еще и выписки, заимствованныя изъ предисловія къ Тактикону и доказывающія, что знаменитый въ свое время составитель каноническихъ сочиненій былъ самымъ горячимъ исповѣдникомъ завѣщанныхъ православною церковью ученій¹⁵⁹), что ему ненавистны были и противны всякія „раздранія же и снмица, бывающія въ церкви, иначе же ереси“, и что онъ бѣжалъ отъ нихъ „такъ, такоже кто вѣжитъ от[ъ] смѣи“ и пр. По тому же поводу присовокупленъ былъ къ новѣйшему изданію Пандектовъ Никона и приводится дословно Символь или Образъ вѣры, постановленный св. Никейскимъ соборомъ и содержащій, между прочимъ, также и то весьма важное для исповѣдниковъ православія положеніе, что Духъ святый произошелъ только отъ Отца, а не отъ Отца и Сына вмѣстѣ, какъ приказываетъ вѣрить западная церковь.

Но все это не болѣе, какъ дополнительныя прибавленія новѣйшаго писателя, а собственные Пандекты Никона Черногорца, называемые, обыкновенно, книгою богодохновенною, собранною и списанною „от[ъ] многих[ъ] и различных[ъ] б[о]ж[ь]ствинных[ъ] книг[ъ] ветхаго, такоже рещи, завѣта и новаго преподобным[ъ] о[т]цем[ъ] нашимъ Никономъ, живущим[ъ] въ гл[аголе]мѣй Чрнѣй Горѣ, наставляющи и поспѣшествующи подвижающимся на всяко дѣло д[о]уховное“—начинаются только на лицевой страницѣ 12 листа и расположены слѣдующимъ порядкомъ. Непосредственно послѣ заглавія—излагается полный текстъ перваго слова, въ которомъ содержится „Сказаніе книги сѣи“, или точнѣе—предисловіе, составленное самимъ Никономъ и служащее чѣмъ то въ родѣ экспозиціи. Въ слѣдъ затѣмъ излагается второе „Предисловіе книги¹⁶⁰), или сказаніе б[о]ж[ь]ственным[ъ] заповѣдем[ъ] г[о]сподним[ъ], и іако от[ъ] еже не вѣдѣти нам[ъ] б[о]ж[ь]ствинаа писанія, выпадаем[ъ] въ сѣти діавола и погивели прѣдани бываем[ъ]; и іако иже през[ъ] вола б[о]ж[ь]ствинных[ъ] писаній отлжченіа дѣлаіа послѣшающе и повиняющесѣ иѣким[ъ] по неспцеванію послушанія и отсѣченіе [sic!] волам[ъ] своим[ъ], діаволоу, иже въ градѣхъ рѣдником[ъ], подшѣатсѣ; а іако таковѣи не имѣт[ъ] оувѣгнати сѣда б[о]жїа, ниже повинуюющесѣ, ниже обладающеи, но кждо хоцет[ъ] даати слово дѣлау своему. Дальше излагается: „Сказаніе б[о]ж[ь]ственным[ъ] заповѣдем[ъ] господним[ъ] въ кратцѣ Ионна Златоустаго и иных[ъ] свѣдѣтѣх[ъ] и в[о]г[о]носных[ъ] о[т]цѣх[ъ] главизны, приличны въ тѣх[ъ] сказаніах[ъ]; и іако иже добродѣтели ради страждетъ от[ъ] челоуѣкъ, сей блажен[ъ] есть, а иже за самое тѣ зло и страждет[ъ], и все окаянен[ъ] ест[ь]; и іако не възможно есть въ добродѣтели живуущему от[ъ] всѣх[ъ] слышати добро; и

іако хотѣше ѿт[ъ] челоуѣкъ хвалими быти, сим[ъ] оуѣм[ъ] оугодити тратѣ; и іако ѿт[ъ] сего познаваеѣмъ ложный оучитель и лжный пророкъ, ѿт[ъ] еже не оучити ѿт[ъ] в[о]ж[ь]ствных[ъ] писаній, но ѿт[ъ] своего сердца и по хотѣнію кѣмоуждо“. Излагаются кетати и предписанія церкви „Ѿ Отвръженіи мира, и іако зло есть, иже кѣ вѣдѣ вываемое прѣвѣщеніе и воуше есть таковым[ъ] не свѣратисѣ; и іако вѣдно есть постризати илмѣних[ъ] женоу и дѣти, или инако никако не оуствавлено и несмотреливо постризати нѣкѣмъ; и како подобает[ь] таковых[ъ] въ монастыри прѣимати; и іако великъ вѣдѣ илмѣт[ь] и даѣ и прѣемлѣи и спосѣшествоуѣ илмѣна ради прѣіатіе вывати, паче повелѣніа в[о]ж[ь]ствных[ъ] писаній; и іако ѿлаоучен[ъ] ес[ть] свѣрнымъ церкви и тоуждѣ г[оспо]днѣмъ любве, илмѣа что любо свое въ общем[ъ] житіи; и како подобает[ь] стронти іаже на пѣззоу ил[ъ] и тако в[ъ] чинѣ иноческій приходити; и іако иноческое житіе инако нѣкако с[вѣ]тѣи ѿ[т]цы не прѣемлют[ь], тоію по законѣположенію постнически[ъ] словесѣ Великаго Василѣа“ и пр. Сообщаются также и другія предписанія церкви, толкуюція, напримѣръ, объ отреченіи рабовѣ, пришедшихъ къ иноческому чину; тоже предписанія, толкуюція о различіи соблазновѣ, о различіи учителей, о различіи гнѣва и ярости, о клеветаніи и досадѣ, о смиреніи относительно ближняго, о сложеніи блуда и свойствахъ его, о клятвѣ и различныхъ родахъ лжи, о молитвѣ и трезвости ума, и о прочихъ тѣмъ подобныхъ предметахъ церковной дисциплины. Но такъ какъ статьи эти разсмотрѣны уже въ Библіотекѣ греческой Фабриція, разсмотрѣны дальше въ Описаніи славянскихъ рукописей московской синодальной библіотеки гг. Невоструева и Горскаго, а отчасти также и въ относящихся сюда статьяхъ г. Срезневскаго и другихъ ученых¹⁶¹⁾, то мы не будемъ вдаваться въ подробности, и скажемъ только вообще, что разсматриваемые здѣсь Пандекты Никона Черногорца, въ видѣ шестидесяти трехъ словъ, поясняютъ всѣ сколько нибудь важныя обязанности и цѣли истинно христіанской, православной жизни. А если большая начитанность автора, если ученая обстановка излагаемыхъ вопросовъ и пр. цѣнятся, какъ свойства, говоряція тоже въ пользу книги, то Пандекты Никона Черногорца отличаются и съ этой стороны на столько хорошими и вполнѣ удовлетворительными качествами¹⁶²⁾, что въ числѣ произведеній средневѣковой византійской литературы могутъ быть названы однимъ изъ самыхъ лучшихъ и ученѣйшихъ¹⁶³⁾.

Но какъ ни знамениты были описываемые здѣсь Пандекты Никона, мы все таки не осмѣлимся утверждать положительно, что они были вмѣстѣ съ тѣмъ и сочиненіемъ, имѣвшимъ большую популярность у тогдашнихъ канонистовъ, большое практическое примѣненіе. Мы думаемъ, напротивъ, что описываемые здѣсь Пандекты Никона Черногорца даже не могли снискать себѣ популярность эту, такъ какъ, при всѣхъ своихъ хорошихъ свойствахъ, они не въ состояніи были доставить занимавшимся изученіемъ каноническаго права тѣхъ практическихъ выгодъ, которыя свойственны были, напримѣръ,

Кормчей книгѣ, или хотя бы и явившейся послѣ Властаревой Синтагмѣ. Они были, сказать кстати, слишкомъ учены, слишкомъ растянуты и обширны. А хотя они и списывались отъ времени до времени, однако большинство русскихъ канонистовъ удовлетворялось все таки тѣми немногими выписками изъ Пандектовъ Никона, которыя внесены были въ бывшіе тогда въ ходу сборники¹⁶⁴⁾, а отчасти также и въ отдѣльные списки такъ называемой рязанской Кормчей, и въ заимствованный оттуда печатный Номоканонъ¹⁶⁵⁾.

Въ связи съ Пандектами составлена была Никономъ, кромѣ того, еще и другая компиляція божественныхъ толкованій, которая въ письмѣ къ отцу Іоанну, или въ XXII словѣ Тактикона [по львовскому списку на стран. 340—341] называется „дрѣвнѣе книгѣ, именуемѣ о нѣкихъ[з] винахъ[з], [о] распрѣ[х]хъ же монастырскихъ [въ рукописи сказано: монастырскихъ] и исходящихъ[з] отъ[з] повинованія съборныхъ[з] цр[з]кви и помѣстныхъ[з] еп[и]с[ко]пъ, также и о невѣрженѣмъ[ь] времени отъ[з] говѣнія пасхы—въ великомъ свѣ[о]тѣ поздѣ—и иныхъ[з] нѣкихъ[з] различныхъ[з] и наждныхъ[з] винахъ[з], [о нихъ же] бысть взысканіе отъ[з] нѣкихъ[з],“ къ автору ея Никону. „И показавъ[м] сіа, прибавляетъ Никонъ Черногорецъ въ увѣщаніе своихъ читателей, „в[о]ж[ь]е вл[а]г[о]датѣ отъ[з] вож[ь]ствныхъ[з] правилъ[з] и прочихъ[з] вож[ь]ствныхъ[з] писаній, и обач[е] не отъ[з] себе.. И послахъ[ом] ѿ въ съборномъ цр[з]ковѣ, рекше патріархѣ, и испыташа тѣ на общемъ[ь] съборѣ прѣдначальствѣицеи томъ цр[з]кве и, испытавши и иставивши, прѣиша сіа“. И въ письмѣ Никона къ отцу Герасиму, или въ XXXVI словѣ Наставленій для монаховъ [по львовскому списку на стран. 471] приводятся свидѣтельства, изъ которыхъ слѣдуетъ, что, кромѣ такъ называемыхъ Пандектовъ, „написана быс[ть] [еще и] дрѣвнѣе [разумѣется—книга], именуемѣ вож[ь]ствнаа писанія, являющаа, какъ[е] отъ[з] невѣдѣній выващаа паденія въ насъ[з] хр[и]стіанъ[з], также и невѣргома оставлена быша въ прѣдваршнихъ[з] лѣтѣхъ[з], [тоже] о раздорѣхъ[з] монастырскихъ[з], и нѣхъ[з] винахъ наждныхъ[з]. Жала же ес[ть], не достигшице¹⁶⁶⁾ до единого златника (?) а нѣс[ть] велика также пр[з]ваа. Положена же быс[ть] здѣ въ съборнѣ цр[з]кви, рекше патріархѣи антиохійстѣи—іако нажда ес[ть] и трѣбуетъ[ь] ѿ цр[з]ква также и въ свѣтѣмъ[ь] Симеонѣ чудотворцѣ“ и пр. Но еще выразительнѣе опредѣляется характеръ этой новой книги Никона въ письмѣ его къ неизвѣстному по имени лаодикійскому пресвитеру, или въ XXVII словѣ Тактикона, въ которомъ [по львовскому списку на стран. 391] она уже прямо называется извлеченіемъ, заимствованнымъ изъ явившихся прежде того Пандектовъ, или изъ такъ называемой великой книги. Преподобный Никонъ Черногорецъ пишетъ дословно такъ: „Вѣждь же, вл[а]д[ь]ко мой, іако прѣваа и великаа книга тълкованій, связѣивъ заповѣди г[оспод]нѣи и тѣхъ[з] тълкованія и другаа, елика отъ[з] в[о]ж[ь]ствныхъ[з] писаній подовающаа, съвршисѣ всѣмирна [sic! вмѣсто всѣмирнѣмъ] вл[а]г[о]датѣ вож[ь]е. Же-

вода, а также состава и другихъ строго библиографическихъ деталей онъ согласенъ съ ними совершенно ¹⁷⁶). Онъ состоитъ тоже изъ двухъ особыхъ предисловій ¹⁷⁷) и изъ сорока словъ, въ которыхъ, въ видѣ посланій къ современнымъ автору лицамъ ¹⁷⁸), излагаются прежде всего наставленія, толкуюція обо всемъ иноческомъ и монастырскомъ устроеніи ¹⁷⁹); излагаются дальше наставленія и предписанія, касающіяся, напримѣръ, узаконенныхъ церковью праздниковъ ¹⁸⁰) и постовъ ¹⁸¹), обновленія древнихъ монастырскихъ обителей ¹⁸²), приобщенія отлученныхъ отъ своей паствы епископовъ и другихъ духовныхъ лицъ ¹⁸³), книгъ истинныхъ и ложныхъ ¹⁸⁴), антиминсовъ и божественной службы ¹⁸⁵) и другихъ предметовъ христіанскаго богочестія. Такъ называемыя Наставленія для монаховъ снабжены были, впрочемъ, на сколько можемъ судить по доступному намъ славяно-румынскому экземпляру Наставленій, перѣдко также и такими подробностями и примѣчаніями, въ которыхъ, кромѣ свѣдѣній, относящихся къ учительской и литературной дѣятельности Никона ¹⁸⁶), попадаются весьма кстати извѣстія, свидѣтельствующія, напримѣръ, о судьбахъ и отношеніяхъ тогдашней антиохійской церкви [начиная со времени императора Ираклія—610—640] ¹⁸⁷), свидѣтельствующія дальше о завоеваніи турками Сиріи и Палестины ¹⁸⁸); о крестовыхъ походахъ, а именно о первомъ походѣ крестоносцевъ и о поведеніи ихъ въ Іерусалимѣ ¹⁸⁹); о судьбахъ и дѣлахъ возлюбленныхъ авторами Иверовъ ¹⁹⁰); о такъ называемыхъ Цатахъ ¹⁹¹); о насильствахъ князя Марапы ¹⁹²) и о прочихъ, весьма важныхъ и любопытныхъ для исторіи Востока лицахъ и дѣлахъ. Стѣсняемые, однако, обстоятельствами времени и мѣста, мы не можемъ представлять ихъ здѣсь всецѣло ¹⁹³), а выписываемъ всего лишь тѣ мѣста, въ которыхъ авторъ Наставленій выражаетъ взглядъ свой на поведеніе крестоносцевъ въ Іерусалимѣ и, вообще, на притязанія ненавистной ему латинской церкви. Мы приводимъ прежде всего тѣ извѣстія, которыя касаются распри православныхъ съ латинянами за церковь св. Воскресенія въ Іерусалимѣ, и которыя въ словѣ XXXII [по Львовскому списку на стран. 444—445] сообщаются слѣдующимъ образомъ: По си[х] [z] же прійде др[уг]ый брат[z] от[z] Іер[оу]с[а]л[и]ма, кандилова жигател[ь] с[вѣ]т[а]го възкр[з]сеніа, и г[лаго]ла ми вещь сицевѣ, іако отдана вышѣ с[вѣ]таа и ч[и]стѣа мѣста, с[вѣ]тоє же възкр[з]сеніе и лѣвное мѣсто, Фраггѣм[z], еже слѣжима быти нми. Они же ¹⁹⁴), от[z] сего дрзновеніе въземше, [надо прибавить: стали сейчасъ же допускать различныя злоупотребленія и довели, наконецъ, до того, что заботами ихъ] прѣдоуспѣ злоє, и въз іаже о вѣрѣ, и еже горшее възсѣх[z] и ниже оусты православных[z] проповѣдатисѣ се ес[ть]. Прѣемшен бо, іакож[е] речесѣ, Фраггѣи с[вѣ]тоє възкр[з]сеніе, лѣпо бѣ тѣм[z], іако творѣнимсѣ твѣчѣа, равотати, с[вѣ]щеникодѣйство же не поѣмѣати. Они же се не възсхотѣшѣ, нѣ, іако грьдостень ѡзык[z] и вестѣдень, ѡже имѣшѣа, ти слѣжѣа начашѣа творити, и принесошѣа от[z] страны своєа камень, оустроєнь, на трапезѣ, и своѣ их[z] мошѣ и пр. И ѡво зде, въ нашихъ мѣ-

стѣх[з] андіохійскихъ[з] и прѣвѣ ѿво попеченіе имѣиши о іакѣ сѣть великыѣ цр[з]кѣ, поплѣщаше оу с[вѣ]т[а]го Петра тымаже фрѣгы сѣжити и инаа, іакѣ тѣх[з], творити въ храмѣ православныхъ[з]. Аз[з] же недос[то]йный въпроси[х] тогда дрѣжжѣи[х], іакѣ законопрѣстѣпно въ сѣе и чрѣс[з] в[о]ж[ь]ствныхъ[з] правил[з], и исповѣдашѣ истинѣ—іакѣ имѣиши любовь къ недостойностиѣ моемѣ—г[лаго]люще: іакѣ златомѣніа творим[з] се. Тѣмъ же и показа[сѣ] конецъ, іакѣ ст[з] нашихъ[з] начатъ прѣдатисѣ храм[з] и послѣжде преданъ бысть всѣчески въ совершенное вселеніе¹⁹⁵) инновѣрныхъ[з]. Сице ж[е] и въ Тарсѣ выс[тъ] и инѣдѣ, и прѣдани бышѣ сѣборныѣ цр[з]кѣы Собач[е], чювествиаг[о] чина въ ѡзыщѣх[з]. Но какъ бы то ни было [прибавляетъ авторъ Наставленій въ утѣшеніе своихъ православныхъ читателей], однако мы должны все таки вѣрить и уповать, что „в[о]ж[ь]іе прѣданіе мыслныхъ[з] испрѣдаваемо ес[тъ], іакѣж[е] г[оспод]ь изрече, внигда рѣчи къ Петру: іакѣ ты еси Петръ, и на семь камени сѣзиждѣ цр[з]ковѣ моѣ, и врата адова не ѡдолѣѣт[ъ] ей“.

Точно также и въ письмѣ къ пресвитеру обители св. Симона, или въ XL Словѣ Тактикѣ, сообщены о поведеніи крестоносцевъ въ Палестинѣ и, вообще, о заблужденіяхъ латинской церкви, настолько „любопытныя и характеристическія данныя, что мы не можемъ не привести ихъ здѣсь подробно и передать въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ сохранились въ львовскомъ спискѣ „Наставленій Никона, гдѣ [на стран. 515—525] читаются дословно такъ: „Нынѣ оубо, о[т]че мой, понесѣ[е] ѡзык[з] фрѣжскыѣ воинствѣет[ъ], и ты, іакѣ вл[а]годѣію в[о]ж[ь]іеѣ с[вѣ]щенник[з], просиши ст[з] мене [разумѣется, нѣкоторыхъ свѣдѣній о языкѣ томъ, то] оубо іакѣ дѣжжик[з], оубо же оубрѣжжик[о] ради оупсѣха, моего же и твоего и прочихъ[з] православныхъ[з], начнем[з] [разсказывать о нихъ, какъ слѣдуетъ]. Сѣй рѣдѣ фрѣжскыѣ въ в[о]ж[ь]ствныхъ[з] писанихъ[з] Германи г[лаго]лѣтсѣ. Из[з] начала же разрѣшиша Рѣмъ и искорениша дрѣвнѣѣ Римляны—и оттоли высаждени бышѣ въ Рѣмѣ различниѣ ереси. [Но] Собач[е], о разрѣшеніи рѣмстѣм[ъ], хотѣи, да прочтѣш[ъ] с[вѣ]тлыѣ Желани Римлянина Великаѣ житіе, или въ о[т]чѣстѣм[ъ] г[лаго]лемѣм[ъ] Лавсанцѣ, и тамо оубрѣш[ъ] та. О паденихъ[з] же фрѣжскихъ[з], да прочтѣш[ъ] книгѣ посланія Фотіа, патріарха Кѣвнстантинѣ града, и тамо оубрѣш[ъ] оубрѣжжительно посланіе тогожде Фотіа патріарха о вѣсѣхъ[з], о вѣс[к]васныхъ[з] же и прочихъ[з] такожде. [Здѣсь приводятся всѣ главнѣйшія пункты изъ посланія этого, а послѣ говорится такъ]: Тѣй бѣ Фотіе кр[з]сти рѣд[з] болгарскыѣ сѣ ц[а]рем[ъ] нх[з]. И иже въ дѣни оны папа рѣмскыѣ, покрѣсти [ихъ], имѣѣ на Фотіа нѣчто. И оубо оубрѣжжает[ъ] Фотіе глагола къ немѣ: іакѣ аще и азъ грѣшен[ъ] есмь, в[о]ж[ь]ствное же кр[з]щеніе что повинно ес[тъ], да ради мене покрѣжжѣши? И папа оубо рѣмскыѣ, и иже сѣ ним[ъ] изложишѣ на Фотіа многа паденія—Фотіе же по тѣмъ изложи тамо паденія нх[з] и ст[з] в[о]ж[ь]ствныхъ[з] писаній възбрани възѣ. [Кстати приводятся также выписки изъ посланія, писаннаго о заблужденіяхъ латинской церкви отъ

патріарха антиохійскаго Петра къ епископу венетійскому¹⁹⁶), а равно также и выписки, заимствованныя изъ посланія патріарха константинопольскаго Махаила къ патріарху антиохійскому Петру¹⁹⁷) и дополняемыя [на стран. 518 слѣд. преподобнымъ Никономъ вотъ какъ]: А іакѣ кроми снх[ъ], такова и сице имѣща, въ с[вѣ]тъм[ъ] изъображены вѣры сицево творѣтъ[ъ] приложение: и въ д[оу]хѣ с[вѣ]т[а]го, истинна и животворящаго, иже от[ъ] отца и с[ы]на исходящаго. И въ в[о]ж[ъ]ствій слѣжѣ: еже един[ъ] с[вѣ]тъ, един[ъ] г[оспо]дь Іс[оусъ] Христосъ, въ славѣ в[о]г[оу] от[ъ]цоу, д[оу]х[омъ] с[вѣ]тым[ъ] възглашаѣтъ[ъ]. Къ симъ же и бракъ[ъ] с[вѣ]щенник[омъ] възбранѣтъ[ъ]¹⁹⁸), сирѣчь[ъ] жены имѣщих[ъ] не пріемати въ с[вѣ]щеннич[ъ]скый санъ, нѣ несвѣрженим[ъ] быти с[вѣ]щенник[омъ] хотѣти, и два брата двѣ сестры възимаѣтъ[ъ] [т. е. възимати позволяютъ]; и въ слѣжѣ, въ вѣмѣ причащенія, един[ъ] отъ служящих[ъ], іако сирѣсноу, цѣлует[ъ] прочихъ, и престенъ носѣтъ[ъ] на рѣкъ еп[и]с[ко]пи их[ъ], іакоже се жены възымаше цр[ъ]квы и свѣршеніе носити г[лаго]лѣтъ; и на врани же исходяще, крѣвми свои рѣцѣ оксирѣтъ[ъ], и къ сим[ъ] д[оу]шѣмъ оубиваѣше и оубиваеми. И іакоже нѣци нам[ъ] извѣстиша, и вожьствное кр[ъ]щеніе сътворѣше, кр[ъ]щеніемъ въ едино погруженіе покр[ъ]щаѣтъ[ъ], имѣ от[ъ]ца и с[ы]на и с[вѣ]т[а]го д[оу]хѣмъ приглашаѣше, нѣ, и къ сим[ъ] кр[ъ]щеніемъ оуста они исплѣтъ[ъ]. Зѣ же и ап[о]с[то]льское оно слово възпріемаѣтъ[ъ], г[лаго]лѣше: мал[ъ] квас[ъ] все възмѣшеніе квасит[ъ], сице они таковое пишѣтъ[ъ]: мал[ъ] квас[ъ] все възмѣшеніе тлит[ъ], покрѣшаѣше мало сѣмъ г[лаго]ланіа виноу въз[ъ]бранити квас[ъ], иже възкислый хлѣвъ въздвижѣщій. Нѣ ниж[ъ] моцем[ъ] с[вѣ]тых[ъ] хотѣтъ[ъ] поклонѣти сѣмъ нѣци от[ъ] них[ъ], ниж[ъ] с[вѣ]тым[ъ] иконам[ъ], ниж[ъ] великимъ с[вѣ]тымъ от[ъ]ца нашѣмъ архіереѣмъ же и оучителѣмъ в[о]г[ослова] г[лаго]лѣ Григоріа, и Великого Василіа, и в[о]ж[ъ]ствнаго Злат[о]уста съ прочими причитаѣтъ[ъ] с[вѣ]тыми, или отиѣд[ъ] оученіе их[ъ] пріемаѣтъ[ъ], и ина нѣкаа творѣтъ[ъ], іакѣ трѣдно ес[ть] подроуи изъвести. Их[ъ] же възсѣх[ъ] от[ъ] д[оу]шѣмъ ненавиждѣ, от[ъ] с[ъ]дѣца отираѣше, съ единомѣдрными и помощники их[ъ] отиѣд[ъ] глѣшаѣше и проклінаѣ и отстѣпники възмѣнѣ в[о]жѣ. Съ сими и възсѣмъ нѣ ересь, иже прѣжде съшорѣ или по них[ъ], на цр[ъ]ковь вѣтавшѣмъ и люди г[оспод]нѣмъ отсѣпати и отвѣзати начинаѣмъ, лѣстными ж[ъ] оучительствы простѣйших[ъ] помысли съвѣщаѣмъ и ц[ар]ское повелѣніе [и] правое слово вѣсѣмъ прѣвращаѣмъ оттрѣсаѣ же и отвращаѣмъ. И сѣмъ оубо из[ъ] начала дѣж[ъ] до зѣ, от[ъ] различных[ъ] посланих[ъ] [sic!] Кур[ъ] Петроуих[ъ] по избранію избравъ, положих[ъ], и оубо оубо, іако не имѣмъ много вѣдѣ, просто мимотекох[ъ]¹⁹⁹ и пр.

Не излишнимъ будетъ замѣтить и то, что Слово о постѣ пресвятой Богородицы, начинающееся по Котелеру отъ словъ: *Ἐπειδήπερ ἡ εἰς ἐμέ σου αἵτησις, πνευματικὰ ἀδελφε, περὶ τῆς νηστείας τῆς ὑπερευδόξου Θεοτόκου ἡ, ὅπως ἔχης, ταύτην εἰς εὐλογίαν ἐγγράφως*. [Понеже прошеніе твое, д[оу]ховный брате, къ мнѣ выс[ъ] о постѣ прѣславныя в[о]городицѣ,

послѣдѣ же, по врѣменехъ[ъ] и врѣменехъ[ъ], възображени бышѣ и друзїи. И ѿбач[е] аще и главизна сїа есть с[вѣ]т[а]го Анастасїа, нѣ оубо ѡмышленїе имат[ь], іако сїа възѣ нѣс[ть] ѿбръ[ъ] въ б[о]ж[ь]ствѣмъ[ъ] писанїи. И пакы с[вѣ]т[ь]й Анастасїе въ д[ь]ни Пракліа ц[а]рѣ вѣ, с[вѣ]т[ь]й же съборъ сѣдиненїа, ниже ѿ семь постѣ възаконѣй, послѣдѣ выс[ть], при Романѣ старци и Констѣ. И іакож[е] показа истин[и]а ѿт[ъ] ветхогож[е] и новар[о], по врѣменехъ[ъ] и врѣменехъ[ъ] [ниже] възображени бышѣ пости, и въ ветѣмъ[ь] и въ новѣмъ[ь], и ради сего, іакож[е] и прѣдпоказасѣ, главизна сїа въ зазорѣ ес[ть], іако не имат[ь] ѿутврѣжен[и]ос. И азѣ ѡмилений и поселѣний, ниже въ своемъ[ь] разумѣ ѿутврѣжено имамъ[ь], и сего ради не смѣю ѿ таковыхъ[ъ] ѿтвѣщательнѣ рѣци, нѣ паче б[о]ж[ь]ствїа тѣчїа писанїа, іаже прочьтохъ[ъ], явлена творѣ, іакоже и повелѣнь выхъ[ъ]“ и пр. и пр.

Д) Къ числу сочиненїй каноническаго содержанїа, имѣвшихъ большой практический интересъ, принадлежала, наконецъ, и такъ называемая Алфавитная Синтагма²⁰¹⁾ Матѣея Властарїа, составленная, по собственнымъ словамъ автора²⁰²⁾, въ 1335 году, а въ концѣ XIV вѣка извѣстная, по разысканїямъ Шафарика, уже и въ дословномъ славяно-сербскомъ переводѣ²⁰³⁾. Но мы должны замѣтить, что списки Властарїевой Синтагмы, образовавшїеся изъ того дословнаго славяно-сербскаго перевода²⁰⁴⁾, были трудомъ, если не излишнимъ, то почти бесполезнымъ²⁰⁵⁾, такъ какъ неознакомленному съ греческимъ языкомъ Славянину трудно было знать, что статьи, начинающїеся въ его языкѣ буквою ѣ, какъ, напримѣръ, статьи о бракахъ, о степеняхъ брака и пр., должно въ славянскомъ текстѣ искать подъ греч. буквою Гама, а статьи, начинающїеся буквою ц, какъ, напримѣръ, статьи о церкви и церковныхъ дѣлахъ, искать подъ греческою буквою Епсилонъ и т. д. Переведенная дословно съ греческаго языка и расположенная не по славянскому, но по греческому алфавиту, переставала затѣмъ Синтагма Матѣея Властарїа быть въ славянской своей одеждѣ тѣмъ, чѣмъ была въ греческомъ подлинникѣ, т. е. переставала быть книгой, о которой Матѣей Властарїй былъ совершенно правъ, высказавъ [по изд. Ралли и Потли VIII 5] слѣдующее убѣжденїе: „Πάντων δὲ τῶν συνελεγμένων κανόνων τὴν δύναμιν, εἰς τίτλους εἵκοσι πρὸς τοὺς τέσσαρσι, κατὰ τὸν ἀριθμὸν τῶν παρ' ἡμῖν στοιχείων, διελών, καὶ τούτων ἑκάστῳ τὴν προῖσχομένην ὑπόθεσιν, τὸ πρῶτον τῆς ἰδέας λέξεως συγγενὲς αὐτῷ γράμμα καλῶς ἐφαρμόσας, τὰς τε προσηγορίας τῶν αὐτοῦς εὐρομένων δηλώσας, καὶ τὰ τῶν τίτλων αὐτῶν κεφάλαια διὰ τῶν ἀριθμητικῶν ἐμφήνας στοιχείων, ῥαδίαν, ὥς οἶμαι, καὶ ἐπιτετημένην πρὸς τὴν αὐτῶν γνῶσιν φέρουσαν ἔτεμον τρίβον“ и пр.

Но мы должны, съ другой стороны, замѣтить и то, что между рукописями свято-онуфріевского монастыря во Львовѣ намъ попался случайно и такой славянской списокъ Синтагмы²⁰⁶⁾, въ которомъ отдѣльныя статьи Матѣея Властарїа размѣщены не по греческому, но уже по славянскому алфавиту²⁰⁷⁾, и въ которомъ затѣмъ статьи о бракахъ размѣщены не подъ буквою Гама, но подъ буквою б; статьи о церкви и церковныхъ

дѣлахъ не подѣ буквою Еpsilonъ, но подѣ буквою ц и такѣ дальше. Это значить, что въ списокѣ свято-онуфріевской библиотеки, мы имѣемъ дѣло съ реформой, которая вышеупомянутыя намѣренія Властарія примирила съ духомъ славянскаго языка и такимъ образомъ создала пособіе, въ которомъ такъ же, какъ и въ греческомъ подлинникѣ, легко было найти все то, что оказывалось нужнымъ. А если спросимъ о ближайшихъ обстоятельствахъ, касающихся этой смѣлой реформы, то изъ записей ²⁰⁸⁾, помѣщенныхъ на стр. 44—46 и на стр. 800 можемъ догадываться ²⁰⁹⁾, что главнымъ дѣятелемъ ея былъ не кто иной, какъ царь Иванъ Васильевичъ Грозный. Не находя въ Россіи нужной ему ²¹⁰⁾ славянской Синтагмы Матѣея Властарія [т. е. такой, въ которой отдѣльныя статьи излагались бы по славянскимъ составамъ], онъ рѣшился вытребовать, а лучше заказать ее въ славившейся тогда учеными пастырями Молдавіи ²¹¹⁾. Онъ обратился затѣмъ въ 1556 году къ князю и господарю Молдавовлахійскому Александру [1522—1568], который, исполняя желаніе царя, поручилъ дѣло это епископу романскому Макарію, какъ одному изъ ученичѣйшихъ и даровитѣйшихъ. Преосвященный Макарій ²¹²⁾ сталъ писать въ 1556 году, но окончилъ свой трудъ, по всей вѣроятности, не раньше 1560 года, какъ заключать можно изъ факта, что высылка рукописи послѣдовала только Сентября 18 въ 1561 г. ²¹³⁾. Между тѣмъ, судьба захотѣла, что приготовленная для царя Іоанна рукопись не дошла на мѣсто своего назначенія и задержана была въ одномъ изъ галицкихъ монастырей, гдѣ болѣе 300 лѣтъ скрывалась отъ лица науки!.... А судя по извѣстнымъ мнѣ донинѣ описаніямъ и каталогамъ, рукопись эта есть единственный этого рода экземпляръ!....

Разсматриваемый здѣсь свято-онуфріевскій или точнѣе Макарьевскій списокъ Синтагмы Матѣея Властарія замѣчательнъ, однако, и потому еще, что, кромѣ статей, предпосланныхъ самимъ авторомъ книги [на стр. 1—44], и кромѣ нѣсколькихъ вступительныхъ словъ, присовокупленныхъ ея переводчикомъ Макаріемъ [на стр. 44—46], содержатся въ ней еще слѣдующія, болѣе или менѣе любопытныя прибавленія: 1) вступное дѣсяслогословіе отъ [з] Левитика [на стр. 46—48]; 2) статья с[вѣ]т[а]го Лазима [котораго?] о трехъ оустамненіяхъ [з] или оустамненіяхъ церкви, начинающаяся отъ словъ: Три оубо оустамненія вѣсть цркви [на стр. 48—49]; 3) статья подѣ заглавіемъ: Иже великыя цр[к]кве оффѣки—officia, тинега [на стр. 708]; 4) извлеченіе отъ [з] правилъ с[вѣ]таго Іоанна постника, статья, начинающаяся отъ словъ: Иа оубо и по пос[т]никоу в[о]ж[ь]ствномъ [з] Іоаннѣ врачество иже намъ [з] приключачишася страстей да видимъ [з] и пр. [на стр. 750—765]; 5) Никиты, вл[а]женнаго митрополита ираклійскаго, отвѣты [всѣхъ отвѣтовъ девять] къ нѣкоему Кѣнстантинову [з] епископу, о нихъ [з] же вопрошенъ [з] выс[т]ь [на стр. 765—767]; 6) Иже въ с[вѣ]т[а]хъ [з] Никифора, Кѣнстантинова града исповѣдника, правила [всѣхъ правилъ тридцать шесть] отъ [з] цр[к]ковныхъ [з] его съчиненіихъ [з] [sic!] и иже съ нимъ [з] с[вѣ]т[а]хъ [з] отъ [з] [на стр. 767

—773]; 7) извлеченіа От[з] Отвѣт[з] [всѣхъ отвѣтовъ двадцать восемь] Іоанна, с[вѣ]щеннѣйшаго еп[и]ск[о]па Кітрошскаго, къ с[вѣ]щеннѣйшему епископу драчскому Кавасилѣ [?] О антиминѣх[з] [на стр. 773—788]; 8) статѣ О д[оу]ховницѣхъ, начинающаяся отъ словъ: Еп[и]ск[о]п[ъ], иже под[з] ним[ъ] с[вѣ]щенникѣмъ іавѣ, тако и пр. [на стр. 788—790]; 9) статѣ О цр[з]квннх[з] сановѣхъ, начинающаяся отъ словъ: От[з] цр[з]квннх[з] властель пръвий ест[ъ] голѣмый иконом[з], второй же над[з] великомъ сакеллѣмъ, рекше голѣмый сакелларіе и пр. [на стр. 790—793]; 10) Изображеніе От[з] ц[а]рѣ Лѣва прѣмѣдраго, како имѣт[ъ] чина прѣстола цр[з]квн[ъ] От[з] подлѣжнх[з] патріарху Кѡнстантинѣ града митрополѣ [на стр. 793—795]; 11) небольшой сборникъ употребляемыхъ въ текстѣ латинскихъ выражений, съ пояснительнымъ славянскимъ переводомъ [стр. 798]; 12) тоже чинѣ, вываемый на поставленіе ігумена [стр. 798—799] и, наконецъ, 13) записка отъ имени воеводы и господара Александра къ царю Іоанну Васильевичу Грозному [на стр. 800].

Что касается языка, на которомъ составленъ Макаріевъ списокъ, то всего вѣроятнѣе, что составитель не слѣдовалъ слѣпо другимъ извѣстнымъ уже издавна южно-славянскимъ переводамъ Синтагмы, но что онъ, наоборотъ, писалъ привычнымъ славяно-румынскимъ жаргономъ и съ самою рабскою зависимоścią отъ подлиннаго греческаго текста. Не имѣя, однако, возможности разсматриваемый здѣсь Макаріевъ текстъ Синтагмы сравнить съ другими славянскими переводами, мы выпишемъ здѣсь всего лишь слѣдующія, болѣе занимательныя мѣста: „Иже с[вѣ]щеннх[з] и в[о]ж[ъ]ствнх[з] вещь правилъ“, пишетъ Матѣей Властарій въ предисловіи къ изданной имъ книгѣ, „процѣйте оубо отъ самого того, такоже слово рещи, в[о] голѣмѣнаго въ жителствѣ слова, отъ нелиже и хр[и]стїанское ч[ъ]стное прѣданіе, многогласномъ ап[о]с[то]лскоѣ трѣвоѣ, по вселеннѣй всей даром[ъ] вл[а]г[о]д[а]ти възгласи: почасті же прилженнми възростаѣ и разширѣма, припадающх[з] ради цр[з]кви, по различнх[з] винах[з] и врѣменех[з] нѣвѣйшим[з] вещьм[з], даже до с[вѣ]т[а]го и вселенскаго седмаго събора, ес[ть] съпроста: чистѣ оубо и до нас[з] своѣ крѣпость в[о]жнѣе вл[а]г[о]д[а]тѣмъ съблюде, и ничтоже От[з] врѣменнаго прѣемше навѣта. Гдѣ во [разумѣется, правила] ми мнѣтсѣ быти иже и много ѡбо и различно имѣше ч[ъ]стное каменіе, единомъ же цр[з]кве тѣмъ же зданіе [μὴν δὲ τῇ τῆς ἐκκλησίας ὑφαινοῦτες οἰκονομίας], съслагамн и съчинѣмн, им[з] же адова врата николи же с[о]долѣти, сп[а]сѣ наш[ъ] с[о]трече. Понеже во, по всѣаны сп[а]сѣнныѣ заповѣди, иже и доловѣса азетецъ, с[о]цѣйте и оувѣдаше, и въ небытіе, такоже имѣше ес[ть]ства, раздорушаашесѣ, такоже тѣмъ нашестіемъ свѣта, нестрѣпѣвъ повѣжденіа сего лѣкавый, не възмѣ быти емоу подобно безмѣствовати, нѣ своѣ с[о]деждѣ възпомѣнавѣ, и въ чл[о]вѣкъ пагоубныѣмъ и злѣчствныѣмъ с[о]дѣвѣсѣ, нным[ъ] с[о]бразом[ъ], гоубдыми и прѣлѣстными прѣданми, истинѣ [dat. sing.] пакы тѣцаашесѣ с[о]долѣти, вторыми на дѣса съкрыти, прѣдварившаа; нѣ възкѣ тависѣ, слова възсоуе зѣаѣ. Съборы во тако възсортѣ в[о]г[о]ишнх[з]

О[те]цъ, вселенстїи же вѣкоупѣ и помѣстїи, по вѣременѣх[ъ] своих[ъ] свѣрахаѣсѣ, и сего
 неистовства вѣдѣх[ъ] отрѣваах[ъ] и пр. и пр. Ён оубо вси, истѣиѣ прѣсѣвѣмаѣ тоуждаѣ прѣ-
 данїи [οὗτοι δὲ πάντες, οὐκ ὅπως τὰ ἐπισπερόμενα νόθα τῶν δογμάτων] ис[ъ] коренѣ самого
 оудостонїѣ истрѣгнѣти, тицанїе всѣѣко вѣнесѣ, нѣ оубо и оуставы и закони сѣчинити жи-
 тїоу полезны, с[вѣ]щенное наше житѣство исправлѣнїи[х] и кѣ спасенїю прѣданїи вѣкоупѣ
 и житїоу в[о]головезномѣ нас[ъ] наказоуѣнїи[х] [sic!] соугоубо вѣмѣсто єдиноѣ мѣн[и]телю,
 тако с[вѣ]щеннаго Х[ристо]ва стада забрала, приносѣще ѣзвѣ... Ён владыкамѣ законополагает[ъ]
 [въ рукописи сказано: законополагает[ъ]] и рабом[ъ], владырим[ъ] и чадѣм[ъ], мѣжем[ъ] и
 женам[ъ], бракоу и неврачїю, вѣзарѣжанїю и пици, прѣмѣдрости и невѣждыствоу. Ён оубо и
 ц[ар]ѣ всѣѣго пачѣ почитати повелѣваѣще и пр. По тому поводу и азѣ, пишеть Матѣей
 Властарїй дальше ²¹⁴), иже О оутврѣждени сн[а]скаго прѣданїѣ и потрѣвнаго вѣсѣм[ъ] чл[о]вѣ-
 км[ъ], такоже рѣх[ъ], оученїѣ, в[о]голѣннаѣ вѣсѣ правила свѣравѣ, и снх[ъ] оумѣ, вѣкоупѣ же
 и иже сїѣ истѣковѣншах[ъ], тако моцїю, О сказанїи вѣ рѣчех[ъ] свѣративѣ, ничтоже оубо
 Ооставити От[ъ] тѣх[ъ] сѣмысла, єлико вѣ нашѣ силѣ прїидѣ, попексѣ, истѣиѣ, нѣ и єлика
 снх[ъ] тѣх[ъ] вѣннѣ сс[ъ], єгда гдѣ Ооставишѣсѣ, нам[ъ] же вѣ ѣм[ъ] приключисѣ пасти,
 нѣждѣ, мнѣ, и боголубивым[ъ] д[о]ушам[ъ] вѣждѣнна, прочитѣнїи[м] не завидѣшѣ, на-
 рѣчно [πρόχειρον] по нашей силѣ, сѣтворихом[ъ] сѣложенїе. Вѣсѣх[ъ] же свѣранных[ъ] правил[ъ]
 силѣ вѣ гранїи двѣдѣсѣтѣ кѣ чѣтырем[ъ], по числоу иже оу нас[ъ] сѣставѣ, снрѣч[ъ] писмен[ъ]
 раздѣливѣ и От[ъ] снх[ъ] коємоуждо прѣдмѣлѣмѣ внѣ, прѣвомоу своєѣ рѣчи свѣрдномоу
 того писмени добрѣ прѣсѣчѣтавѣ, именованїѣ же иже тѣх[ъ] иѣовѣрѣтнїи[х] пѣвїиѣ, и єже гра-
 нес[ъ] пакы главїзны числѣными иѣзѣвїиѣ сѣставы, оудовнѣ, такоже мнѣ, и скоро кѣ тѣх[ъ]
 разоумоу прѣводѣнѣ свѣратив[ъ] стѣзѣ, вѣзрок[ъ] Отѣсѣдоу Отѣмѣ прочитати сїѣ лѣнѣшїи[м]сѣ,
 прѣсѣщенїе снх[ъ] мнѣгословїѣ прѣдлагаѣнїи[х], иже снх[ъ] сѣмысла погрѣжѣнїюмоу, кѣ снм[ъ]
 же, и єже не вѣ єдиноѣ странѣ коєїждо внѣ правилнїи[х] Отѣлѣченѣм[ъ] быти. Потрѣбно
 же оубо сѣмыслих[ъ] и градекаго законѣположенїѣ, мѣла же и свѣраченїѣ, свѣрднїи[х] пра-
 вилѣ главїзнам[ъ] сѣприложити, с[вѣ]щенным[ъ] правилѣмѣ сѣпособѣстоуѣнїѣ и свѣтѣнїѣ, и
 прѣизнѣха твѣрдоєстїю О снх[ъ] свѣдѣтѣлѣстоуѣнїѣ и пр.

Какѣ образецѣ Макарьєва перевода, прилагаємѣ, впрочѣмѣ, єще и статью о єпи-
 скопахѣ, которая подѣ буквою Ѣ, глава Ѣ. [по грѣческому тексту буква Е, глава XIII]
 читаетѣся такѣ: „Нїи вѣ прѣвоѣ главѣ оуєзѣтава правило пѣтдѣсѣтѣ и ѣсѣмоє свѣтїх[ъ] апостолѣ.
 Єпископѣ єстѣ зрїтѣл[ъ] и промыслинїи[х] и печаловнїи[х] вѣсѣм[ъ] свѣравѣнїи[х] д[о]ушам[ъ]
 иже вѣ того єпархїи [Επίσκοπος ἐστὶ θεατὴς καὶ κηδεμὼν τῶν ἐκκλησιασμένων ψυχῶν, τῶν ἐν
 τῇ αὐτοῦ [у Ралли и Потли: ἐν τῇ αὐτῇ ἐπαρχίᾳ]], силѣ имѣѣ свѣрѣшїтѣлнїи[х] прѣзвїтѣра, и
 дїакѣна, поддїакѣна, чѣтѣца, пѣвѣца и инокѣ. Євоїєстѣвно єстѣ єпископоу смѣренїи[х] оубо сѣни-

сходити, прѣисвѣщеніи же въземлящѣхъ и къ смѣренію, дѣломъ[з] и словомъ[з], грьдѣхъ[з] мѣдрованіе низлагати, и бѣдѣ пріемати по стадѣ, и иного тѣснотѣ своѣмъ болѣзнь творити [καὶ προκινδυνεύειν τοῦ ποιμνίου, καὶ τῇ ἐκείνου στενοχωρίαν οἰκείαν δδύνην ποιῆσαι]. Тако епископомъ[з] заповѣдано есть възвѣщати, иже странѣ старѣйшинствоуащѣмъ[з], Обиди Обидѣхъ[з]. Епископи да посѣщатъ[ь] сѣщѣхъ[з] въ темниці въ вѣсѣхъ срьдѣ и пѣтокѣ, люво раби, люво свободни вѣдѣтъ[ь], и да оустраитъ[ь] князѣмъ творити о нихъ[з] елика законноповѣлаетъ[ь]; непокорѣхъ[з] же сѣмъ князѣмъ[з], да възвѣстать царевѣ о нихъ[з]. Епископи должни сѣт[ь] оустраити князѣмъ внѣтрь днѣи двадесѣте изнѣти възвѣжѣныѣ въ темницѣ рабы, и аще не павѣхъ[ь] владыкѣмъ внѣтрь двадесѣте днѣи, поустити ихъ[з]. Ири и тридесѣтъ главъ II. сѣстава.

Е) Къ Кормчей книгѣ присовокуплялась иногда также Русская Правда²¹⁵), а нерѣдко и другіе уставы русскихъ князей, или точнѣе—русскихъ гражданскихъ властей. Но мы должны сознаться, что въ Кормчихъ львовскихъ, а также и въ другихъ, извѣстныхъ намъ галицкихъ спискахъ Кормчей, памятниковъ этихъ нѣтъ совершенно. Тоже и въ иныхъ каноническихъ рукописяхъ западно-русской редакціи намъ не попался пока еще ни одинъ такого рода экземпляръ, и надобно думать, что памятники древне-русского гражданского права считались въ земляхъ западно-русскихъ, въ которыхъ съ половины XIV вѣка стали преобладать другія политическія и юридическія воззрѣнія, чѣмъ то вполне бесполезнымъ и отжившимъ. Зато тѣмъ чаще намъ попадались между рукописями львовскими экземпляры такъ называемаго Литовскаго Статута²¹⁶), который именно и былъ главнымъ представителемъ новыхъ политическихъ и юридическихъ воззрѣній²¹⁷), и который, вслѣдствіе того, въ многочисленныхъ рукописныхъ и печатныхъ копіяхъ²¹⁸) расходился по всей юго-западной Руси. Въ числѣ львовскихъ рукописей²¹⁹) мы находили также и два русскіе [скорописные] экземпляры Литовскаго Статута—одинъ въ библіотекѣ²⁰⁰) имени Оссолин. подъ № 35, а другой [безъ заглавія] въ библіотекѣ университетской²²¹) подъ цифрою 1. F. 16. Но такъ какъ списки эти произошли изъ печатнаго краковскаго изданія²²²), обнародованнаго при Сигизмундѣ III въ 1588 году, то мы не будемъ вдаваться въ дальнѣйшія о нихъ соображенія²²³), и переходимъ къ слѣдующему отдѣлу, т. е. къ памятникамъ русской полемической литературы.

VII. Къ числу полемическихъ сочиненій принадлежать, въ болѣе широкомъ значеніи этого слова, всѣ тѣ статьи и книги, которыя являлись для защиты православной вѣры, и въ которыхъ, кромѣ ученій латинской церкви, оспариваемы были также и всѣ другія христіанскія ереси, а нерѣдко также и жидовское и магометово ученіе²²⁴). Но мы должны замѣтить, что въ земляхъ западно-русскихъ²²⁵), въ которыхъ собственныя ереси были почти неизвѣстны, но зато тѣмъ упрямѣе обнаруживались усилія латинской церкви, имѣли съ давнихъ уже поръ большой практическій интересъ и

большую популярность въ народѣ только тѣ произведенія полемической литературы ²²⁶), которыя направлены были противъ злоупотребленій латинства и противъ махинацій латино-польской политики. Это самое повторялось, впрочемъ, и въ областяхъ специально галицко-русскихъ ²²⁷), такъ что говорить о произведеніяхъ полемической литературы въ этихъ областяхъ значитъ то же самое, что говорить о сочиненіяхъ, направленныхъ противъ навѣтовъ и притязаній латинства, съ одной, и противъ попытокъ польской политики, съ другой стороны. Да, въ областяхъ галицко-русскихъ, и именно въ стѣнахъ города Львова ²²⁸), находилось едва ли не самое оживленное средоточіе описываемой здѣсь народно-полемической дѣятельности, едва ли не самыя замѣчательныя огнища этой національно-церковной борьбы, которая въ XVI и XVII вв. принимала все большіе и большіе размѣры. А если такъ, то мы не станемъ удивляться, что и теперь еще въ библиотекахъ и архивахъ львовскихъ попадутся намъ гораздо чаще сочиненія, направленные противъ латино-польскихъ притязаній, нежели произведенія другихъ полемическихъ разрядовъ.

Но прежде нежели перейдемъ къ подробному исчисленію относящихся сюда львовскихъ рукописей, мы должны упомянуть еще и о томъ обстоятельстве, что сочиненія этого послѣдняго разряда, т. е. сочиненія, направленные противъ латинской церкви дѣлятся вообще на два большіе отдѣла. Онѣ состоятъ, во первыхъ, изъ статей переводныхъ, заимствованныхъ изъ византійскихъ [отчасти неизвѣстныхъ по имени] писателей, и направленныхъ большею частію противъ однихъ только догматическихъ разногласій съ римскою церковью, и, во-вторыхъ, изъ статей и сочиненій, составленныхъ своими собственными, русскими писателями, и направленныхъ большею частію противъ возникавшей тогда церковной уніи и противъ соединенныхъ съ нею чисто народныхъ и политическихъ оскорбленій ²²⁹). А если сочиненія перваго отдѣла важны были, какъ пособія къ изученію теоретическихъ сторонъ спора, то сочиненія втораго отдѣла имѣли значеніе памятниковъ, въ которыхъ живые, пламенные порывы души, живыя, пламенные страсти враждовавшихъ сторонъ находили сильный отголосокъ. Мы начинаемъ съ памятниковъ перваго отдѣла.

А) Между памятниками полемической литературы, заимствованными изъ византійскихъ источниковъ [мы говоримъ здѣсь, очевидно, только о доступныхъ намъ львовскихъ спискахъ], занимаютъ первое мѣсто тѣ, которые находятся въ Кормчей книгѣ и расположены въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) Извлеченіа изъ посланій Петра, архіепископа александрійскаго ²³⁰), къ бенедиктскому, или къ вѣйскому епископу [въ спискахъ сербскаго разряда глав. XLIII, а въ спискахъ русскаго разряда глав. LI и LI]; 2) Сказаніе вѣ апостола ²³¹) о латинѣ и о опрѣсноцѣхъ [лишь въ спискахъ русскаго разряда, глав. LIII]; 3) Поученіе отъ седми съборъ ²³²) на латиноу [лишь въ спискахъ русскаго разряда, глав. LIV];

прилож.

4) Посланіе Петра, антиохійскаго патріарха, ко архієпископу венетійскому²³³⁾ *О Опрѣсноцѣхъ* [лишь въ спискахъ русскаго разряда, глав. LV]; 5) Никиты, мниха и презвитера²³⁴⁾ монастыря стоудійскаго, порекломи Стифата, *О Опресноцѣхъ* [въ спискахъ сербскаго разряда глав. XLIV, а въ спискахъ русскаго разряда, глав. LVII и LVIII]; 6) Того же [Никиты] к[ъ] Латиномъ *О постѣ*²³⁵⁾, иже в[ъ] сѣботѣ, и *О брацѣ презвитеровъ* [ъ] нхъ [ъ], и *О остръженіи браны*, и *О ростящихъ главнаа власы и тѣми красящихъся*, и *О перстени*, иже носятъ епископи нхъ [ъ] [въ спискахъ сербскаго разряда глав. L, а въ спискахъ русскаго разряда главы LIX и LX]; 7) Стата *О фразѣхъ*, или *О фразѣхъ*²³⁶⁾ и *О прочихъ латинѣхъ* [въ спискахъ сербскаго разряда глав. LI, а въ спискахъ русскаго разряда глав. LXI]; 8) Извлеченіе изъ 1 посланія [всѣхъ посланій было три] Леонтія²³⁷⁾, архієпископа болгарскаго *О Опрѣснокахъ* [лишь въ спискахъ сербскаго разряда, какъ приложение къ главѣ XLIII] и, наконецъ, 9) Анастасіа, [патріарха и] архієпископа антиохійскаго²³⁸⁾ исповѣданіе *О папѣ римскомъ Григоріи бесѣдовницѣ* [лишь въ спискахъ сербскаго разряда, какъ приложение къ главѣ LI, гдѣ говорится о достоинствѣ архіерейскаго сана].

Къ памятникамъ тѣмъ примыкають дальше статьи, находящіяся въ Сборникѣ²³⁹⁾ свято-онуфріевского монастыря подъ № IV, а именно: 1) „Иже во с[вѣ]тыхъ *О* [т]ца нашего Анастасіа, архієпископа александрскаго нужнѣйшіе вопросы и отвѣты *О* христіанствѣ св. православіа²⁴⁰⁾, начинающіяся отъ словъ: „Которымъ вѣры ч[ѣ]мъ [овѣ]къ еси, господине?“ [на стр. 102—106]; 2) Первая часть наставленій патріарха Германа о св. тройцѣ²⁴¹⁾, состоящая изъ самыхъ только выписокъ, заимствованныхъ изъ сочиненій св. Іоанна Дамаскина [именно, изъ его богословія]; св. Василия Великаго изъ разныхъ словъ его и изъ слова къ Амонту; св. Григорія чудотворца; св. Григорія, епископа кипрскаго; св. Анастасія Синаитскаго; Дамаса, папы римскаго—отъ посланія его къ Павлину, епископу селуньскому и пр. [на стр. 119—134]; 3) Вторая часть доказательствъ патріарха курь Германа²⁴²⁾ о св. тройцѣ и о происхожденіи св. Духа [на стр. 127—134]; 4) Анастасія, патріарха антиохійскаго, и Кирилла александрійскаго²⁴³⁾ изложеніе краткое о вѣрѣ [на стр. 134—137]; 5) „Исповѣданіе въкратцѣ, какоаго раді дѣла отлучишася отъ [ъ] насъ латинны²⁴⁴⁾ и извръжени быша отъ [ъ] первенства своего“ [на стр. 137—142]; 6) „Изложеніе *О* вѣрѣ святаго Мазима въ кратцѣ, еже въпрашати всякому христіанину православному“ [на стр. 142—144]²⁴⁵⁾; 7) „Никиты, мниха и презвитера [Стифата] статьи *О Опрѣснокахъ*“ и другихъ изложенныхъ въ Кормчей книгѣ отступленій латинской церкви²⁴⁶⁾ съ нѣкоторыми не безынтересными варіантами [на стр. 146—165]; 8) Слово избранное на безбожныа латинны²⁴⁷⁾, начинающееся отъ словъ: „Вгда моватъ латинны: извѣрѣнаа цр[к]ь [ъ] ковь Римъ, а Сплатокъ тѣло Христово“ и пр. [стр. 184] и, отчасти также, 8) Поученіе безыменнаго автора [въ видѣ 50 сентенцій], названное „Мостомъ правой вѣры²⁴⁸⁾ и влю-

чемъ спасенія“, и начинающееся отъ словъ: „Вѣруй въ Отца и с[ы]на с[вѣ]т[а]го духа, въ тройцю нераздѣльнѣю, и въ воплощеніе сже сына вѣруй, и пр. [стр. 102—106].

Нѣкоторыя не безынтересныя статьи того же отдѣла находятся, впрочемъ, также и въ Торжественникѣ ²⁴⁹⁾ свято-онуфріевского монастыря подъ № XVII, гдѣ онѣ помѣщены въ концѣ книги, какъ приложение, а именно: 1) статья папы Григорія ²⁵⁰⁾ о происхожденіи св. Духа отъ Отца и Сына [стр. 895—896]; 2) Отвѣщаніе патріарха константинопольскаго Германа ²⁵¹⁾ на статью эту [стр. 896—908]; 3) Того же Германа поученіе „къ жестоковым[ъ] латїном[ъ]“ [на стр. 909—912] и, наконецъ, 4) Исповѣданіе „о с[вѣ]тѣй кдиносущнѣй и животворящей тройцѣ“ изъ котораго уцѣлѣло, однако, одно лишь заглавіе [на стр. 912].

И въ Сборникѣ ²⁵²⁾ свято-онуфріевского монастыря подъ № XVIII попадалась намъ [на стр. 436—440], въ видѣ поученія на недѣлю 3 пятидесятницы, одна принадлежащая сюда статья ²⁵³⁾, а именно: „Слово о съборнѣй церкви, и о латинѣ, и о сплатцѣхъ взкратцѣ“, которое оканчивается слѣдующими словами: „И какоже прѣвѣс Асирѣне разароушиша миденское ц[а]рство, а Мидане вавѣлонское, и Римлане Іер[оу]с[а]лимь, тако разорит[ъ] Айтихрис[ъ] Рим[ъ] и вес[ъ] прѣдѣль римскый, и всѣхъ латиноу поплѣнит[ъ] и погоубит[ъ] до ко́нца, потом[ъ] же вл[а]д[ы]ка г[оспо]дѣ нашъ Іу[с]оусъ Х[ристо]с[ъ]—Айтихриста“.

В) Къ числу полемическихъ памятниковъ втораго отдѣла принадлежать прежде всего [срав. прим. 229] тѣ сочиненія, которыя составлены были древнѣйшими настоятелями русской церкви въ духѣ упомянутыхъ здѣсь византійскихъ образцовъ, а отчасти также и на ихъ основаніи ²⁵⁴⁾. Но въ рукописяхъ львовскихъ мы успѣли изъ этихъ древнерусскихъ примѣровъ полемики ²⁵⁵⁾ отыскать всего лишь два, и, къ счастью, наиболѣе замѣчательныя произведенія, а именно: 1) Поученіе преподобнаго кїевопечерскаго игумена Θεодосія ²⁵⁶⁾, составленное имъ для великаго князя Ізяслава [1054—1077], по собственному желанію князя [въ Патерикѣ университетской библіотеки, на стр. 480—487], и 2) Письмо митрополита русскаго Іоанна П. [1080—1088] ²⁵⁷⁾ къ папѣ Клименту III [въ русскихъ спискахъ Кормчей, глава LVI]. Тѣмъ чаще попадались намъ зато въ библіотекахъ и архивахъ львовскихъ произведенія такъ называемой новѣйшей полемики. Но мы должны замѣтить здѣсь, что произведенія новѣйшей полемики ²⁵⁸⁾, а именно произведенія, являвшіяся съ половины XVI—XVIII вѣка, попадались намъ, обыкновенно, не въ рукописныхъ, но въ бывшихъ тогда въ ходу старопечатныхъ изданіяхъ. Въ рукописномъ видѣ сохранялись въ библіотекахъ и архивахъ львовскихъ всего лишь слѣдующія четыре сочиненія: 1) Пересторога неизвѣстнаго по имени львовскаго священника, составленная около 1606 года и находившаяся до недавняго времени въ архивѣ Ставроингійскаго института подъ № 406 [стр. 99—131]; 2) Правдивое описаніе Уніи другаго Анонима ²⁶⁰⁾,

составленное около 1610—1620 года [въ библіотекѣ университетской подъ цифрою 1. D. 21]; 3) Палинодія знаменитаго въ дѣяніяхъ полемической эпохи архимандрита кіево-печерской Лавры Захаріи Копыстенскаго ²⁶¹⁾, оконченная въ 1621 году, но до сихъ поръ ²⁶²⁾ не изданная [въ библіотекѣ университетской подъ цифрою 1. D. 17], и, наконецъ, 4) Истинная Вѣра православной восточной церкви ²⁶³⁾, составленная іеромонахомъ Товією Петрашкомъ въ 1706 году [въ библіотекѣ университетской подъ цифрою 1. I. 12].

Между рукописями этого послѣдняго разряда, мы даемъ большое преимущество [о литературныхъ достоинствахъ Перестороги срав. Филарета Обзоръ рус. дух. лит. № 159] полемическимъ выводамъ другаго Анонима. Мы находимъ въ авторѣ ²⁶⁴⁾ человека свѣдущаго и весьма точно ознакомленнаго съ тогдашними людьми и стремленіями, съ тогдашними усиліями и бѣдствіями людей, преданныхъ народности и вѣрѣ, ознакомленнаго, однимъ словомъ, со всѣмъ тѣмъ, чѣмъ тревожилось и чего опасалось современное ему западно-русское общество.... Историческія свѣдѣнія ²⁶⁵⁾ нашего Анонима о ходѣ Уніи [они обнимаютъ періодъ времени отъ 1580—1620 годовъ] и приведенныя имъ подробности о такъ называемыхъ „герштахъ“, или предводителяхъ того столь опаснаго и съ интересами русской церкви и народности столь несогласнаго направленія, въ высшей степени важны и занимательны для историка и для психолога... Онѣ излагаются при томъ просто и неизысканно, и лишь изрѣдка появляются болѣе ухищренныя риторическія фигуры, а вмѣстѣ съ тѣмъ и замѣчательные проблески какой-то печальной и горестной прони!.. „Не извѣстивши о томъ ни отцѣ патріарсѣ и одною литерою, пишетъ нашъ Анонимъ о предводителяхъ уніатскаго движенія, „[и] от[з] всего народѣ русскаго хитростію тоѣ оутанивши, Ипатій [Потѣй] и Терлецкій, герштовѣ отступства того, до Римѣ пѣсталися и там[з] [рокѣ 1595] римскому папѣжѣ своим[з] и всего народѣ русскаго, т. е. всѣхъ русскихъ сословій, именем[з], которіи о том[з] не токмо не вѣдали, але не мыслили никогда, послѣшенство отдали, и въ ногѣ его цѣловали, и тако тѣю велевию свою ѡнію хитре и подступне справили. [Но] видѣчи себе отъ своихъ парохіанъ ошѣщенными и зневаженными, [а] зшлѣхтою, зпанами [и] з[з] книжати мало что, албо отнюдѣ ничего не могли почати зачали з[з] мѣщаны, з[з] людом[з] посполитим[з] и из[з] священниками. Пустыли межѣ них[з] [разумѣется, подъ покровительствомъ и при содѣйствіи польскихъ властей] злаго своего отступства змыи проповѣдники: кін [т. е. палки], посторонки, ланцѣхи, тѣрми, инквизиціи, баниціи и инши мѣщеніа и трапеніа и тым[з] подобіи оучители, которыи въ тяжкою и трѣдною до знесеніа своею проповѣдію до послѣдованіа отступства ихъ народѣ примѣшали. Кождѣй въ своей дішциіи почали пресвитеровѣ и иныхъ от[з] парохій отдалати, иных[з] ланцѣхами и тѣрмами мордовати, а которыхъ през[з] оусильность не могли наклонити, тых[з] податками тяжкими мѣрдовали, баниціи на нихъ наносили, церкви имъ печатали, и от[з] всего имѣніа

отдавали, [и] из[з] парохій выгоняли. А мещанъ также, єднѣхъ от[з] лавицы ратушной [т. е. отъ права засѣдать въ городской думѣ] отдавали и рѣговали [съ польскаго: *rugować*, или точнѣе изъ нѣмец. *rücken, wegrücken*], инныхъ[з] от[з] цехов[з], иншихъ[з] вѣзением[з] и окрѣтными темницами без[з] милости трапили [съ польскаго *trapić*], первіе: въ Берестю, въ Пиньскѣ, въ[з] Красном[з] Ставѣ и по иншихъ[з] мѣстахъ, а потомъ[з] пришло: до Вильны, до Полоцка, до Витепска, до Орши, до Могилева и до иншихъ[з] мѣстъ вѣлорускихъ[з]. И такую своєю окрѣтною и нехристіанскою проповѣдію идучи, когда видѣли, иж[з] ничего не оупѣетъ, але чимъ оны сѣровѣйшии на людъ посполитій и священники, тымъ оны варзій вридалися и оудалися от[з] нихъ[з], [то] оны до иншой ради [=соуѣтъ] скритої и развращенной оудалися, которой человѣчій промыслъ [=промыселъ] никогда завѣсти не моглабы... Третьи sposoby, которыми тѣю дискордію рачей, а не оунию форитвють, суть тыи: церквей из[з] имѣніем[з] отнятіе, набоженства завороненіе, волностей и добра [=польскому: *dobro* — имѣніе] отнятіе, оутыски розмантін, преслѣдованъ, мордерства, потвари [=польск. *potwarze*], позви [= *rozwy*], даны [= *danie*], презыски, депутаціи пѣнѣжніи, баниціи, вѣзень духовныхъ, переизди на дорогахъ[з] посполитихъ[з] и въ[з] градѣхъ[з] небезпечное премѣшкованъ [= *przemieszkowanie*]. Тожъ то есть причины, sposoby и постѣпки, през[з] которіи православній народъ російскій до оуни с[з] костеломъ[з] римскимъ[з] приводитъ и примѣшвють! И [какія могутъ быть послѣдствія того дѣла], що за потѣхи того плодъ, що за потомство? Не инное что, токмо раздори, незгоди, сѣспіціи розмантін и непріязны, бо такое зачатіе и рожденіе, такий и плодъ; что перед[з] тымъ[з] была згода, милость, то нынѣ незгода и непріязны; что перед[з] тымъ[з] пріятели, то нынѣ враги; такового ми Росси сердца на Татары и на Турки, такового оуниѣтвое [и, разумѣется, сподвижники ихъ, езуиты] на насъ, люди невинніи... А с[з] того всего пожитокъ такий и комъ? Тымъ[з], которіи нехай пѣлсов[з] своего сѣмленъ, не и о насъ ко оныхъ[з], берѣтъ! [Да,] вѣрѣмо, же они той незгодѣ ради, авы на долго пожитки врати. А нѣкоторіи с[з] того и повогатили, а намъ[з] шкода и оутрапенъ и изоубожанъ имать, юж[з] остатиюю одежду зволюкаютъ[з]... Даємо, вправдѣ, що даємо, але з[з] спѣванемъ остаємся нинѣ, при тѣлѣ нагомъ[з], з[з] душею правовѣрною. И то даемъ[з] сохотне на мѣчечничество, але надѣемся на бога, иж[з] през[з] Микхила архістратига запрѣтитъ[з] дѣволъ покѣси и напасти от[з] латинниковъ[з] на Русь“ и пр. А на другомъ мѣстѣ, говоря о смерти всѣхъ шести зачинщиковъ уніи, онъ заключаетъ свое изложеніе слѣдующими словами: „И такъ поглядючи на ново возниклої уніи колесницѣ, которая шестоконне тагнется до римской своводы, не тагнѣвши [однако] русскаго народъ, понсчезали всѣ.. Зачимъ[з] и самаа колесница [т. е. Унія], и сѣдѣщи на ней, того жъ да чаютъ[з], что и съ первыми дѣлоса“ и пр.

Очень важны для богослова [хотя и слишкомъ растянуты] изслѣдованія Захаріи

Копытенскаго. Они обращены въ особенности противъ выводовъ Льва Кривы о первенствѣ римскаго престола и ведутся ученымъ архимандритомъ серьезно и съ большою внимательностію къ дѣлу. Они обнаруживаютъ при этомъ его, въ самомъ дѣлѣ, изумительную начитанность въ греческихъ, латинскихъ, русскихъ и польскихъ сочиненіяхъ²⁶⁶), а вмѣстѣ съ тѣмъ самое короткое знакомство съ приемами схоластическаго метода и необыкновенный діалектическій талантъ.. Мы позволяемъ себѣ въ доказательство этого сообщить здѣсь, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя болѣе характеристическія мѣста: „Показавши то за помочію добротливго бога в[з] тых[з] трох[з] прешлых[з] первой части роздѣлах[з], читаемъ, напримѣръ, въ части второй, артикулъ первомъ [по львов. списку на стр. 263—265], „достатчнє и доводнє, иж[з] Петра с[вѣ]тый немѣлз навѣшного, головного удѣльного пастврства, и же надз иншіи ап[о]с[то]лы жадной прерогативы и болшей ѣ церкви Х[ри]стовой владзы не мѣлз, спроч[ь] персональных[з], то ест[з] самой Особѣ его належачых[з] цнот[з] и даровз д[о]у[х]овных[з] Особливших[з], и прочь того, иж[з] Онз Одинз з[з] межн всѣхз Отз Христа Г[оспо]да на то избран[з] былз, который вы был[з] тасмницею единности церковной и фѣгурою всей ц[е]ркви, авы Онз своею Особою одною одну Х[ри]стовѣ ц[е]рковз фѣгуровалз, и штобыколвекз смѣ Обецано мовз дано от Х[рист]а г[оспо]да было, ѣ Особѣ его всей ц[е]ркви Обецано и дано быти розвѣрно было, што ѣсе иж[з] персональное власное добро Петра с[вѣ]т[о]го ест[ь], спадкомз на дрѣгю Особѣ спадати не может[з], же ѣ владзы зась и въ достойности апостолской и пастврской и въ справованю всей Х[ри]стовы церкви ровним[з] зо всѣми былз: тепер[ь] за тою ж[з] ѣсесилою бога помочю до дрѣгой части поступѣю, в[з] которой показано и доведено вѣдетз, иж[з] не сам[з] Один[з] вискупз римскій потомкам[з] и наступцею Петра с[вѣ]т[о]го ест[ь], але и всѣ патріархове, а от[з] них[з] єпископове такз Петровыми, такз и Андрєшвыми, Павловыми, Іаконовыми и всѣхз иных[з] апостоловз сѣт[ь] наступниками и потомками“. [Предпославъ эти вступительныя слова о первой части своего сочиненія и формулировавъ свою настоящую задачу, онъ ведетъ ее такъ]: „Што моват[з] Отступнікове, иж[з] Овцы Христовы трвати вѣдѣт аж[з] до сконченѣ свѣта, слѣшнє моват[з]; а што моват[з], же Овецз тых[з] Христовых[з], до сконченѣ свѣта трвати маючих[з], на мѣстѣ Христовом[з] Петра с[вѣ]т[о]го ест[ь] намѣстніком[з], а по нем[з] его сукцессорове, вискупове римскіє, неслѣшнє моват[з]. Мы авовѣмз православныи, признавши то ведѣгз збавенной євангелской надки, иж[з] Овцы Христовы аж[з] до сконченѣ свѣта трвати вѣдѣтз, и иж[з] Овчарнѣ Христовѣ ест[ь] одна, з тои ж[з] збавенной євангелской науки признаваемо зараз[ь] и то, иж[з] тоєй Овчарнѣ ѣдѣльным[з] єдиновладным[з] пастврѣм[з] ест[ь] сам[з] г[оспо]дѣ и в[о]гз наш[з] Іс[ус] Христосз, который О совѣ самом[з] [Іоан. X, 16] мовитз: „и вѣдет[з] Одно стадо и Один[з] паствр[ь]“, што с[вѣ]т[о]го Феофилакта толкѣючи такз мовитз: „єдин паствр[ь] ест[ь] слово в[о]жїє и в[о]гз“. А же то правда, што мы визна-

ваємо, иж[з] одной той овчарнѣ одын[з] пастыр[ь] ест[ь] сам[з] г[оспо]дѣ наш[з] Ис[усз] Христосз, а не Петрз, а по немз не вискѣпз римскій, того ж[з] самого звавителя Христа Господа и с[вѣ]тых[з] его апостоловз наѣкою доводимо, мовачого [Матѣ. XXVIII, 2]: „се аз[з] с[з] вами есмз ѡвѣ дни до скончаніѣ вѣка“, о котором[з] и вожественный апостолз Павелз [Коринѣ. XIII Рим. VI]: „аще, мовитз, и распѣт[з] быст[ь] [Христосз] от[з] немощи, но живз ест[ь] от[з] силы в[о]жїѣ, и засѣ: „Христосз, воставый от[з] мертвых[з], в[з] томѣ ѡже не ѡмирает[з], смерть ним[з] в[з] томѣ не овладаетз“. „Положивши тѣмъ то за речз неконѣпливѣю, же Ис[усз] Христосз живз ест[ь], и же юж[з] болшз ним[з] см[ѣ]рть владнути не можетз, и же з[з] нами на вѣки зоставает[з], кладемо за речз певнѣю и то, же онз сам нас[з] пасетз, сам[з] рѣдит[з], сам[з] справѣет[з] и сам[з] пастырем[з] нашим[з] без[з] жадных[з] намѣстниковз зоставаетз. [А если поставляются патріархи, епископы и другіе, то они поставляются, какъ завѣдатели церквей помѣстныхъ]: ѡт[з] еднакз ап[осто]ловѣ, патріарховѣ и епископовѣ головами и пастырни церквей своих[з] помѣстных[з], совѣ жребіемз или ѡдѣломз припалых[з], и жадного з[з] них[з] одиного и щегѣльного не было, и [никто изъ нихъ] не естз головою и пастыром[з] навышшим[з] над[з] всею каѣолическою церквію. Самз авовѣмз Ис[усз] Христосз тѣла своего найвышшего головою и еднимз найвышшем[з] пастырем[з] ест[з]. Затѣмз безѣмный ѡвз ѡтступниковз розумз ест[ь] ѡблובеници Христовой, церкви, иншого ѡпекѣна такого, какійсѣ им[з] здает[з], а през[з] то Христа господа, ѡблובленца ей, або за непритомного, або за ѡмерлого мѣти, который онз такз ест[ь] правдиве притомным[з], такз слова его ѡвыи правдивыи: „Ѳто ѿ з[з] вами естем[з] по всѣ дни аж[з] до сконченѣ свѣта“ [Матѣ. XXVIII]. О томъ же не иначе и с[вѣ]тых[з] учителей церковных[з] розумѣютз, але такз такз мы, з[з] писма свѣтого и з[з] писмз их[з] наѣчени, розумѣємо. Отсылаю тѣ, православный, до прочитанѣ артикѣлѣ третего, в[з] роздѣлѣ ѡторомз части первой [тамъ содержится: „Ѳтповѣдь на нѣкоторыи ѡ словз тых[з]: паси ѡвѣцѣ мои, которыми они монархію ѡ церкви Христовой поставити ѡсилѣютз“].

Къ сожалѣнію, мы не можемъ выразиться такъ похвально ѡ авторскихъ достоинствахъ іеромонаха Товїи Петрашка. Мы цѣнимъ его добрую волю и охоту быть полезнымъ церковному дѣлу, но его необдѣланные и очень неловкіе діалоги мы должны все-таки назвать опытомъ не удавшимся. Изъ сообщенныхъ имъ свѣдѣній заслуживаетъ большаго вниманія всего лишь слѣдующее мѣсто: „Правда то естз, говоритъ авторъ діалоговъ [на стр. 355—358] именовъ Ортодокса къ Етеродоксу, „мало бо таковых[з] бываетз, еже вы имѣли безъ своей нѣкой вины прїватной ко ѡиѣи накланѣтсѣ. Будетз кто ѡубогий, не имат[з] ѡткуду помощи ѡбрѣсти, неимѣетз чимъ ратоватсѣ, скоро тамз прилѣпитсѣ кто самоволне, но сицевых[з] скѣдно или насїлїемз привлеченз, ѡбѣжденз вудеть. И се абїе помощи ѡ ницетѣ ѡдержуетз, честїю и санома почитанз бываетз, тако то: ѡ ратѣшах[з] ѡрѣды, ѡ рынку

домы и кромы [=крату], на банкетахъ и бѣсѣдахъ вышшаа мѣста имъ, рымляне и ѹнѣа, такожде и духовѣнству волность всакѣю и честь [и] маѣтности дають и прочаа, право, аки Антихристова, прелестнаа творѣтъ знаменіа. Чѣо видѣще православны, зѣло сѣще сѣвидимы, оскорбленны, ображенны, порѣганзны и цѣле от[ъ] них[ъ] ѹничиженны, часомъ самы, а часомъ насиліемъ пристѣпѹють къ уніи из[ъ] великой совѣсти грызеніемъ и смущеніемъ, аки бѣдныи прелестившесѣ отъ части, благоволатъ. Чѣо не вѣлми давно [и] во лѣвонѣ сѣвыстесѣ, по сѣвѣдѣтельству знаменитаго мужа, іеромонаха Самѹила Красѣскаго, казнодѣи и духов[ника] церкви братской ѹспеніа пр[ѣ]с[вѣ]той дѣвѣ богородици, который ѹ Кіевѣ, до Лавры печерской казнодѣи Сѣлаана Озѣрскаго, рокѣ хѣѹв марта ѣ. сѣще пишет[ъ] по польскѣ: „Przewielebny w Bogu Mści Oycze y luby Bracie! Czytając pismo Prze. J. bratersko do mnie ordinowane, ciesze się z miłego y dobrego zdrowia P. J., ktorego y zyczę w długi wik ku pomnożeniu chwały bożej. Czytam w tymże pismie P. J. że Jego Mość Metropolita Kiiowski [Barlaam Jasiński sam czytał przy obiedzie ten list] tego iest o mnie mniemania, iakoby я został iakimsi „honitelem“. Nie dziwnię się, bo y panu Chrystusowi mówiono: сѣй, хѣлит! Gdybym я gonił, cośbym przecie ugonił; ale я nie tylko гонити, но и гонимъ, вѣгати не могѣ, бо на nogę skaleczałem. Zostaię tedy takim, iakim y przedtym byłem святой православно-каѣолической вѣры y іедного słowka niewymuione, ani przidaіаc. Tak wierzę y tak wyznawam, iako церкоѡѣ ѣ. никейское symbolum читаєт[ъ]. [NB. За сѣе мы православныи глаголемъ смѹ: богъ да проститъ, помилѣтъ и спасетъ его, а за настѣпающе, понеже начал[ъ] заатомъ, а кончил[ъ] влатомъ], не диакѣмъ, сѣще бо пишет[ъ]]²⁶⁷): A lubo nam włożono w usta *papę*, żadnego іеднак іeszcze tym nieudławiono [игра словъ состоятъ, замѣтимъ встати, въ томъ, чѣо винительный падежъ русскаго слова „папа [римскій]“ означаєтъ въ жаргонѣ польскихъ дѣтей чѣо нибудь сѣѣстное]. Y owszem, coszmy byli iako małe dziatki, teraz za pożywaniem tego chleba rosniemy w ludzie. Już nam y za stołem z ludźmi siadać pozwalaią, y urzędy Rusi rozdają, czego we Lwowe do tych czas nie było. Prawda, nie szukaliśmy tego y nie spodzialismy się, żeby Rus krszczono: Czemuż Rusin z Polakiem niema papę smakowati? Niedai, boże, aby z tey okazyiey do rozlania krwi chrzescianskiey przise miało. Bo coż by to za pociecha Rusi była, gdyby się od Rusi ruska krew przelewać miała? Niech te strachi nie ydą y na lachi [NB. Poszły tegoż roku, gdzie y xiąże Czetwerte: ścięto, bo przy suchim dostaie się y surowemu]. Więc by w to potrafiac mieli, którzy moc y władzę od Boga wzіeli y mają, iakoby bez rozlania krwi ludzkiej w ludziach zgodę y świętą іедноść uczynie mogli? Wolno Prz. J. y samemu te pismo moie, iako chceć, trutinowac y komu chceć przezętowac. Ja іеднак samego siebie w nieodmiennei braterskiej, iako ni w czym nieodmiennego, miłosci chowac, ktorego modlam s: wruczam się, zostaią[c] we Lwowie marta 5. 1702 prze. W. Wsze. Dobra. szczerożyczliwy brat y sługa, Grzeszny іеромонах Samuіel Krasuski“.

Къ числу полемическихъ памятниковъ второй эпохи принадлежитъ, наконецъ, также и большое число находящихся въ архивѣ Ставропигійскомъ грамотъ, корреспонденцій, инструкцій, окружныхъ посланій и другихъ этого рода актовъ; но, стѣсняемые теперь обстоятельствами мѣста и времени, мы говорить будемъ о нихъ обширнѣе при иномъ случаѣ.

VIII. Между рукописями львовскими находились, безъ сомнѣнія, и всѣ важнѣйшія лѣтописныя книги, какъ заключать можемъ изъ того обстоятельства, что въ письменныхъ памятникахъ XV и XVI вѣка, а именно въ тогдашнихъ хроникахъ и исторіяхъ [въ латинскихъ и польскихъ безъ различія] попадаются неоднократно ссылки и свѣдѣнія, почерпнутыя, очевидно, изъ рукописныхъ рассказовъ преподобнаго Нестора, изъ такихъ же рассказовъ Волынскаго лѣтописца и др. Даже и до нашихъ дней дошла была въ числѣ рукописей Ставропигійскаго института, между прочимъ, копія [или, быть можетъ, подлинникъ] такъ называемой львовской лѣтописи неизвѣстнаго автора ²⁶⁸), напечатанной въ первый разъ ²⁶⁹) Каз. Влад. Войцикимъ въ краковскомъ „Квартальникѣ науковомъ“ 1835—1836 г., во второй разъ ²⁷⁰) М. Погодиномъ въ Русскомъ Историческомъ Сборникѣ за 1838 г., а въ третій разъ А. Петрушевичемъ въ Сборникѣ галицко-русской ма-тицы ²⁷¹) за 1867 годъ. И въ библиотекѣ собора перемышльскихъ крылопанъ, судя по даннымъ, сообщеннымъ въ каталогахъ, извѣстна была до недавнихъ поръ еще копія Во-лынскон лѣтописи. Но въ настоящее время утрачены уже послѣдніе остатки рус-скаго лѣтописанія ²⁷²), такъ что о рукописяхъ этого послѣдняго разряда остались одни лишь воспоминанія. Въ настоящее время могутъ только еще по частнымъ архивамъ ²⁷³), или у кого нибудь изъ нашихъ многочисленныхъ библиомановъ [это весьма не интерес-ный классъ людей недоученыхъ и недоступныхъ] находятся, быть можетъ, копіи той или другой лѣтописи.

IX. Но если количество памятниковъ собственной исторіографіи въ библиотекахъ и архивахъ львовскихъ вообще не большое, то оно отчасти вознаграждается чрезвы-чайно богатымъ запасомъ другихъ историческихъ пособій, уцѣлѣвшихъ въ отлич-номъ видѣ и обнимающихъ періодъ времени отъ половины XIV до конца XVIII вѣка. Къ числу послѣднихъ принадлежатъ, во первыхъ, такъ называемыя метрики [точнѣе—метрическія записки], раздѣляющіяся на метрики частныя, приходскія ²⁷⁴) и граждан-скія ²⁷⁵); принадлежатъ дальше такъ называемыя Помянники [Memoriae mortuorum], раз-дѣляющіяся тоже на Помянники частныя ²⁷⁶), монастырскіе ²⁷⁷), братскіе ²⁷⁸), приходскіе ²⁷⁹) и цеховыя ²⁸⁰), и вообще всѣ тѣ списки ²⁸¹), каталоги и табели, въ которыхъ содержатся тѣ или другія данныя для разъясненія родственныхъ и сословныхъ отношеній нашего края. Къ числу тѣхъ же менѣе замѣчательныхъ, но всетаки немаловажныхъ пособій исто-ріи относятся, во вторыхъ, многочисленные и весьма разнородныя по содержанію за-писки ²⁸²), которыя разбросаны по полямъ церковныхъ книгъ, рукописныхъ и старопе-

чатныхъ ²⁸³); относятся дальше описанія актовъ, грамотъ, привилегій и другихъ этого рода памятниковъ литовскаго и польскаго права, лучшіе образцы которыхъ мы находили въ рукописяхъ ²⁸⁴) библіотеки имени Оссолинскихъ подъ 1802 и 1803 гг.; инвентари публичныхъ и частныхъ имѣній и такъ называемыя „фассіи“, то есть точные правительственные отчеты о качествахъ и стоимости этихъ имѣній ²⁸⁵); инвентари „секуляризованныхъ“, т. е. распущенныхъ Іосифомъ II монастырей, находящіеся въ большомъ количествѣ въ библіотекѣ университетской во Львовѣ, и такъ называемыя „Miscellanea“, или „Manuscripta variae materiae“, встрѣчающіяся тоже въ большомъ количествѣ въ библіотекѣ университетской во Львовѣ ²⁸⁶) и состоящія изъ различныхъ корреспонденцій, изъ различныхъ сатирическихъ пьесъ и случайныхъ стихотвореній и пр. Между рукописными пособіями этой послѣдней группы занимають, однако, самое видное мѣсто и важны въ отношеніи историческомъ прежде всего такъ называемыя Діаріи и протоколы Ставропигійскаго братства, то есть: протоколы совершенныхъ братствомъ этимъ выборовъ [элекцій] и засѣданій, а также отчеты о состояніи братскихъ имѣній и капиталовъ, и объ употребленіи ихъ въ пользу братскихъ церквей и монастырей, братскихъ больницъ, братской типографіи и снабжаемой средствами братства школы и пр. Мы насчитали и теперь еще въ архивѣ нынѣшняго Ставропигійскаго института болѣе двухъ сотъ свитковъ [фасцикуловъ], тетрадей и книгъ этого содержанія, писанныхъ большею частію порусски, но часто также попольски и полатини, и убѣдились, что онѣ заслуживаютъ вполне того вниманія, съ которымъ отнесся къ нимъ въ новѣйшее время нашъ трудолюбивый профессоръ Др. Шараневичъ ²⁸⁷). Онѣ позволяютъ намъ узнать не только всѣ текущія и, такъ сказать, буденныя занятія нашего городскаго сословія ²⁸⁸) съ половины XVI—XVIII вѣка, но даютъ намъ вмѣстѣ съ тѣмъ возможность прослѣдить также и тѣ широкія связи, которыя соединяли членовъ Ставропигійскаго братства съ другими западно-русскими братствами, монастырями и школами,—прослѣдить, однимъ словомъ, всѣ тѣ закрытыя и душевныя дѣйствія, чрезъ посредство которыхъ члены Ставропигійскаго братства были въ состояніи выдвинуться до значенія одного изъ самыхъ вліятельныхъ народно-церковныхъ обществъ того времени. Онѣ дѣлятся на слѣдующія группы:

1) Альбумы, точнѣе—списки принятыхъ въ братство членовъ съ собственноручными ихъ подписями и печатами ²⁸⁹); тоже списки послужившихъ братству чиновниковъ и учителей; каталоги бывшихъ въ его школѣ воспитанниковъ и другіе этого рода памятники, приведенные въ инвентаряхъ Ставропигійскаго института [въ скобкахъ передаются числа годовъ] подъ слѣдующими номерами: 300 [1586—1619]; 301 [1586—1831]; 581 [1586—1874]; 582, 583.

б) Діаріи братства, точнѣе—протоколы всѣхъ его дѣйствій, вмѣстѣ съ реестрами всѣхъ его приходовъ и ежегодныхъ расходовъ, означенные въ инвентаряхъ Института слѣдующимъ порядкомъ: 213 [1649—1656]; 218 [1605—1607]; 299 [1663—1664, 1700

—1704]; 434 [1599—1650]; 435 [1607—1609]; 436 [1599—1621]; 437 [1612—1616]; 438 [1627—1628]; 439 [1633—1644]; 440 [1643—1645]; 441 [1645]; 442 [1646—1680]; 443 [1646—1683]; 444 [1647—1687]; 445 [1648—1654]; 446 [1657—1671]; 447 [1657]; 448 [1659—1671]; 449 [1663—1666]; 450 [1666]; 451 [1674—1692]; 452 [1674—1684]; 453 [1676—1681]; 454 [1677—1681]; 455 [1680—1757]; 456 [1686—1725]; 457 [1689]; 458 [1690—1697]; 459 [1691—1716]; 460 [1692—1695]; 461 [1695—1697]; 462 [1698—1700]; 463 [1699]; 468 [1637—1674]; 469 [1658]; 470 [1664—1670]; 471 [1691—1702]; 472 [1697]; 473 [1656—1659]; 474 [1662—1669]; 475 [1665—1666]; 476 [1665—1690]; 477 [1687—1695]; 478 [1690—1695]; 479 [1690—1724]; 480 [1692—1698]; 481 [1695—1699]; 482 [1616—1635]; 483 [1619—1630]; 484 [1630—1633]; 485 [1631—1638]; 486 [1634—1651]; 487 [1635—1645]; 488 [1638—1645]; 489 [1647]; 490 [1648—1649]; 491 [1649—1650]; 492 [1651—1653]; 793 [1651—1654]; 494 [1651—1653]; 495 [1642—1644]; 496 [1652]; 497 [1654]; 498 [1654]; 499 [1656]; 500 [1659—1662]; 501 [1659—1663]; 502 [1660—1661]; 503 [1662—1664]; 504 [1663—1665]; 505 [1663]; 506 [1665—1669]; 507 [1665—1667]; 508 [1669—1671]; 509 [1667—1670]; 510 [1669—1671]; 511 [1669—1682]; 512 [1683—1684]; 513 [1686—1687]; 514 [1688—1689]; 515 [1688—1689]; 516 [1689]; 517 [1690—1696]; 518 [1690—1691]; 519 [1692—1695]; 520 [1692—1704]; 521 [1692—1704]; 522 [1692]; 523 [1691—1692]; 524 [1692—1720]; 525 [1697]; 526 [1699]; 527 [1680—1724]; 528 [1700—1703]; 529 [1705—1710]; 530 [1700—1704]; 531 [1716—1719]; 532 [1721—1724]; 533 [1722]; 534 [1724—1730]; 535 [1724—1733]; 536 [1730]; 537 [1730—1732]; 538 [1733—1752]; 539 [1733—1758]; 540 [1733—1740]; 541 [1737—1740]; 542 [1740—1744]; 543 [1750]; 544 [1756—1758]; 545 [1756—1758]; 546 [1758—1760]; 547 [1758—1785]; 548 [1758—1779]; 549 [1760—1775]; 550 [1758—1797]; 551 [1783—1788]; 552 [1780—1803]; 553 [1781]; 554 [1784—1798]; 555 [1788—1791]; 556 [1725]; 557 [1737—1739]; 558 [1691—1717]; 559 [1715—1722]; 560 [1724—1730]; 561 [1733—1751]; 562 [1736—1742]; 563 [1733—1749]; 564 [1740—1758]; 565 [1733—1758]; 566 [1752—1781]; 567 [1758—1774]; 568 [1758—1775]; 569 [1797—1809]; 570 [1701—1702]; 571 [1726—1730]; 572 [1729—1732]; 573 [1727—1730]; 574 [1730—1731]; 575 [1732—1733]; 577 [1732—1813]; 640 [1648—1651].

с) Діаріи братства и счетныя книги новѣйшаго времени, находящіяся въ архивѣ Института подъ номерами: 29, 39, 40, 48, 52, 67, 164 [1797—1819]; 276, 277, 578 [1815—1825]; 579 [1826—1829]; 580 [1830—1831]; 585 [1830]; 586 [1830]; 587 [1830]; 588 [1830]; 593 [1820—1832]; 663.

д) Счеты, предлагаемые братству со стороны другихъ и третьихъ лицъ: 69, 157 [1807—1808]; 623 [1592].

е) Инвентари братскихъ церквей, братскихъ монастырей, братской школы, библиотекы

и архивовъ: 6 [1636, 1751, 1758, 1780, 1786, 1819]; 7 [1759]; 8, 9, 10 [52]; 62, 115, 116, 158, 161, 166, 213 [1649—1656]; 215, 279, 303 [1699]; 576, 584, 589, 590, 591, 592, 621 [1579]; 622 [1579]; 631, 632, 634.

f) Инвентари, или „консигнаціи“ братскихъ капиталовъ, фундацій, легатовъ и прочихъ источниковъ братскаго имѣнія: 36, 62, 205, 212 [214]; 215 [237]; 277, 305, 596.

g) Записки и квитанціи должниковъ братства, тоже ихъ поручителей: 104, 109, 150, 203, 204, 222, 226, 231, 239, 265, 608, 612, 613.

h) Грамоты, касающіяся собственныхъ долговъ братства: 59, 65, 76, 189, 227, 667.

i) Грамоты, касающіяся слѣдующихъ съ братскихъ имѣній податей: 27, 167, 292 и пр.

k) Грамоты, касающіяся войсковыхъ постоевъ въ домахъ ставропит. братства 111 [1622]; 163, 388; наконецъ,

l) Грамоты, касающіяся войсковыхъ конскрипцій: 235.

X. Къ числу находящихся во Львовѣ рукописныхъ памятниковъ принадлежатъ, наконецъ, также и различнаго рода привилегіи, грамоты, конфирмаціи, договоры и другія важныя и любопытныя для науки пособія, или такъ называемые историческіе акты—въ собственномъ значеніи этого слова. Но мы должны замѣтить, что, если вышеописанные отдѣлы рукописныхъ львовскихъ и вообще галицкихъ памятниковъ остались почти неизвѣстны ученому міру, то памятниками этой послѣдней группы, какъ самыми необходимыми пособіями западно-русской и польской исторіи, стали у насъ заниматься уже издавна съ большимъ усердіемъ. Мы встрѣчали, напримѣръ, уже въ изданіяхъ Зубрицкаго довольно частыя ссылки на рукописные матеріалы, сохраняемые въ библіотекахъ и архивахъ львовскихъ; встрѣчали тамъ нерѣдко и выписки болѣе любопытныхъ мѣстъ и вѣрныя копіи цѣлыхъ грамотъ. Мы находили выписки, а нерѣдко также и полныя копіи львовскихъ и галицкихъ грамотъ также и въ явившихся донынѣ выпускахъ извѣстнаго Науковаго сборника²⁹⁰) и въ такъ называемыхъ Временникахъ [т. е. календаряхъ] нынѣшняго Ставропигійскаго института, и въ иныхъ, мѣстныхъ и заграничныхъ, и именно русскихъ публикаціяхъ²⁹¹). Историческіе акты, или точнѣе—вписовыя книги бывшихъ городскихъ и земскихъ чиновъ [*grodzkich i ziemskich urzędów*], находящіяся въ комнатахъ нынѣшняго Ст. Бернгардинскаго монастыря во Львовѣ, сдѣлались также предметомъ изученія и будутъ издаваться постепенно. До сихъ поръ [т. е. по 1874 годъ] явились уже 4 тома этого изданія, подъ заглавіемъ: *Akta grodzkie i ziemskie z czasów rzeczypospolitej polskiej z archiwum tak zwanego bernardyńskiego we Lwowie, w skutek fundacyi ś. p. Aleksandra hr. Stadnickiego, wydane staraniem galicyjskiego wydziału Krajowego, we Lwowie 1868—1874.*

Хотя сдѣлано довольно много для ученой разработки памятниковъ послѣдней группы, но всетаки трудно сказать, что не остается уже ничего болѣе дѣлать. До нашихъ дней не изданы еще, во первыхъ, многія учредительныя, или такъ называемыя эрекційныя

[*tabulae erectionales*] грамоты галицко-русскихъ церквей и приходовъ, галицко-русскихъ мужескихъ и женскихъ монастырей, а вмѣстѣ съ ними грамоты, поясняющія состояніе церковныхъ и частныхъ имѣній ²⁹³), въ историческомъ ихъ видѣ и пр. Не изданы, во вторыхъ, многочисленные, исторически важные акты Ставропигійскаго архива; не изданы, въ третьихъ, русскія грамоты, находящіяся въ библиотекѣ имени Оссолинскихъ ²⁹³), также грамоты, находящіяся въ архивѣ городской думы во Львовѣ ²⁹⁴), и въ Шнейдеровскомъ музеѣ ²⁹⁵). Не изданы, въ четвертыхъ, и почти вполне неизвѣстны, между прочимъ, и тѣ исторически важные и дорогоцѣнные сокровища, которыя скрываются донинѣ въ архивахъ многихъ уѣздныхъ городовъ ²⁹⁶) и многихъ частныхъ ординацій ²⁹⁷) въ Галиціи. Мы рѣшилисъ затѣмъ съ проф. Шараневичемъ всѣ неизданныя до сихъ поръ, но въ историческомъ отношеніи важные и, разумѣется, доступныя грамоты львовскихъ и виѣ-львовскихъ архивовъ собирать постепенно въ одно цѣлое и въ порядкѣ хронологическомъ предавать печати. Не стѣсняясь никакими а priori поставленными условіями, мы будемъ стараться въ задуманную нами коллекцію включить грамоты и акты, касающіеся не только польско-народно-церковныхъ отношеній, но рядомъ съ этими послѣдними и всѣ такія пособія исторіи, въ которыхъ содержатся болѣе характеристическія свѣдѣнія то о нашихъ народно-правныхъ, то о судебныхъ, общественныхъ и торговыхъ дѣлахъ и обо всемъ томъ, что служило отличительнымъ признакомъ нашей минувшей жизни. Прежде всего, однако, войдутъ въ коллекцію нашу [грамоты русскихъ князей] ²⁹⁸); войдутъ дальше грамоты, привилегіи и конфирмаціи великихъ князей литовскихъ и королей польскихъ, фундаціи и учредительныя грамоты королей и вельможъ русскихъ и польскихъ; уставныя и церковно-судныя грамоты патріарховъ цареградскихъ, іерусалимскихъ, антiохійскихъ и др. ²⁹⁹); письма и церковно-судныя грамоты митрополитовъ кiевскихъ и молдавовлахійскихъ, и такія же письма, грамоты и поученія ³⁰⁰) епископовъ львовскихъ, перемышльскихъ, холмскихъ, луцкихъ, письма воеводъ и господарей молдавскихъ къ различнымъ монастырямъ ³⁰¹) и братствамъ въ Галиціи, именно къ Ставропигійскому братству ³⁰²); письма вельможъ и чиновниковъ молдаво-влахійскихъ, составленныя на языкѣ славяно-русскомъ, но отчасти также и на употребляемомъ тогда [въ XVI и XVII вѣкѣ] новогреческомъ нарѣчiи ³⁰³); торговые договоры русскихъ городовъ съ сосѣдними землями, а именно съ тогдашними молдаво-влахійскими господами ³⁰⁴); купчія и продажныя грамоты, инструкціи, корреспонденціи, завѣщанія и пр. и пр. Но если мы въ поискахъ нашихъ будемъ постоянно справляться съ рукописными матеріалами всѣхъ доступныхъ намъ львовскихъ и виѣ-львовскихъ архивовъ, то главнымъ основаніемъ нашихъ издательскихъ заботъ останутся всетаки акты Ставропигійскаго архива, какъ самыя богатыя и самыя разнородныя ³⁰⁵) пособія къ изученію тѣхъ сторонъ нашей минувшей жизни, которыя именно для русскихъ могутъ имѣть болѣе общій интересъ. Между удѣлѣнными донинѣ актами Ставропигійскаго братства находятся именно:

а) грамота князя Льва³⁰⁶⁾, въ пользу церкви св. Николая во Львовѣ подъ № 97;

б) грамота русскаго царя Петра В. въ пользу Ставропигійской [теперешней городской, или такъ называемой волошской] церкви подъ № 350;

в) привилегіи, надворныя рѣшенія, конфирмаціи и тому подобныя акты польскихъ королей, начиная со временъ Сигизмунда I до короля Станислава Августа, и состоящія изъ отдѣльныхъ пергаменныхъ листовъ и большихъ бумажныхъ свитковъ³⁰⁷⁾, означенныхъ слѣдующими числами: 176 [15, VII, 1589]³⁰⁸⁾; 237 [1675]; 255, 260, 261 [1676]; 310 [1522]; 311 [1524]; 312 [15, IV, 1574]; 313 [26, III, 1577]; 314 [17, IV, 1598]; 315 [5, III, 1633]; 316 [5, III, 1633]; 317 [1638]; 318 [29, I, 1649]; 319 [29, I, 1649]; 320 [29, I, 1649]; 421 [29, I, 1649]; 322 [31, XII, 1649]; 323 [10, X, 1669]; 324 [10, X, 1669]; 325 [10, X, 1669]; 326 [10, X, 1669]; 328 [10, II, 1676]; 329 [27, II, 1676]; 330 [28, II, 1676]; 332 [5, III, 1676]; 334 [5, III, 1676]; 336 [6, X, 1695]; 337 [6, X, 1695]; 338 [6, X, 1695]; 339 [6, X, 1676]; 340 [2, XII, 1754]; 341 [13, XII, 1754]; 342 [1580]; 343 [1622]; 344, 345 [1653]; 346, 347, 348, 349, 388, 639 [1538];

д) копии, экстракты и дубликаты грамотъ королевскихъ: 11 [1356]³⁰⁹⁾; 54, 121, 208, 252, 258, 331, 333, 335, 607 [1639]; 644;

е) письма и грамоты воеводъ и господарей³¹⁰⁾ и господарынь молдаво-влахійскихъ³¹¹⁾, со временъ Александра [1522—1568] до князя Константина Дуки [1693—1703]; 200 [1664]³¹²⁾; 365 [?]; 374 [1558—1566]; 375 [1598—1605]; 376 [1590]; 377 [1611—1613]; 378 [?]³¹³⁾; 379 [1604—1619]; 380 [1610—1611]; 381 [1614]; 382 [1617]; 383 [1656—1660]; 384 [1621—1629]; 385 [1641]; 386 [1671—1694]³¹⁴⁾;

ф) письма и грамоты, уставныя и церковносудныя, патріарховъ цареградскихъ [начиная со временъ Іереміи], патріарховъ антиохійскихъ, іерусалимскихъ и другихъ: 389 [1, I, 1586]; 390 [13, IX, 1589]; 391 [1600]; 401, 402, 403, 404, 405, 407, 408, 409;

г) письма и грамоты уставныя и церковносудныя³¹⁵⁾ митрополитовъ кіевскихъ [начиная со временъ Михаила Рогозы], также письма, грамоты и поученія владыкъ львовскихъ, перемышльскихъ, холмскихъ, луцкихъ и другихъ: 26 [1641]; 121, 191, 392 [22, I, 1591]; 393 [23, I, 1591]; 394 [25, I, 1591]; 395 [27, X, 1591]; 396 [1, VII, 1594]; 397 [27, IX, 1594]; 398 [19, II, 1637]; 399 [1, V, 1630]; 410 [20, VI, 1590]; 411, 412, 413, 414, 415, 416, 417, 418, 419, 420, 421, 422, 423, 424, 425, 426, 427, 428, 429, 430, 431, 432, 433;

з) письма и грамоты высшихъ духовныхъ лицъ изъ Молдаво-влахій, а именно письма и грамоты логофета Луки Строича, также великаго „панамаря“ Исаака Балины и другихъ: 387, 405, 624, 625, 648;

i) письма и грамоты высшихъ свѣтскихъ вельможъ, русскихъ и польскихъ, а именно: письма и грамоты князя Константина Острожскаго; письма Θεодора Тышкевича; письма Адама и Михаила, князей Кобыбутовъ Вишневецкихъ и другихъ лицъ: 360, 362, 363, 364, 366, 367, 368, 369, 370, 371, 400 [1518]; 627, 642;

j) письма и сдѣлки Ставропигійскаго братства съ другими западно-русскими братствами, съ вельможами, монастырями и пр. въ дѣлахъ православной вѣры [разумѣется, лишь нѣкоторыя черновые очерки]: 61, 145, 146, 148;

k) деклараціи и рѣшенія королевскихъ комиссій: 256, 327, 351 [1578], 352 [1589—1632]; 353 [1633—1648]; 354, 355, 356, 357, 358;

l) процессы братства и рѣшенія присутственныхъ мѣстъ: 13, 14 [1658]; 16 [1708—1710]; 17 [1591]; 18 [1638—1666]; 20 [1622—1647]; 32 [1575—1701]; 42 [1758]; 43, 44 [1811]; 46 [1572—1577]; 47 [1790]; 49 [1592—1712]; 71, 78, 80, 81, 82, 84, 86, 88, 91, 98, 103, 106, 108, 109, 110, 117, 118, 119, 123, 125, 126, 127, 131, 132, 133, 134, 135, 136, 137, 138, 139, 140, 141, 143, 147, 152, 154, 155, 170, 173, 174, 184, 196, 219, 233, 246, 249, 253, 254, 257, 267, 269, 272, 282, 295, 298, 306, 307, 308, 322, 351, 352, 353, 354, 355, 356, 357, 358, 361 [1596]; 656, 657, 658, 659, 663, 664, 665, 666.

m) экскоммуники церковныхъ властей ²¹⁶⁾ и протестаціи: 57, 58, 283, 285;

n) акты, касающіеся преслѣдованій русскаго народа въ Польшѣ: 196, 202 ²¹⁷⁾, 205, 260, 268, 312, 313, 315, 318, 323, 330, 338, 341.

o) акты, касающіеся принадлежащихъ Ставропигіи правъ патроната: 113, 153, 594;

p) акты, касающіеся богослужебныхъ дѣлъ: 192, 243;

г) акты, касающіеся отношеній братства къ римской куріи [разумѣется, со времени принятія уніи]: 55, 121, 122, 144, 259, 283, 284, 286, 293, 642;

s) акты, касающіеся различныхъ родовъ имѣній братства, означаемые по тогдашнему именемъ „фундацій“, „записей“, „легацій“, „депозитовъ“, „цессій“ и другихъ: 1, 2, 3, 4, 14, 15, 18, 19 [1636—1733]; 21 [1667]; 25, 30 [1622]; 33, 37, 42, 45 [1634]; 48, 60, 64, 70, 74, 78, 79, 80, 82, 85, 87, 89, 90, 94, 95, 99, 107, 110, 120, 123, 124, 125, 126, 127, 129, 130, 131, 136, 154, 156, 160, 165, 216, 228, 242, 266, 294, 598, 602, 603, 604, 617, 620, 645, 649, 658, 660, 662, 666, 672, 682, 683, 684, 685, 686, 689;

t) наймы, купли и продажи: 63, 86, 102, 112, 177, 182, 210, 238, 628, 665;

u) даровщины и завѣщанія: 77, 78, 85, 92, 187, 188, 200, 201, 615, 629, 630;

q) договоры и уложенія: 142, 281, 287, 597, 628;

v) такъ называемыя „пленипотенціи“ или уполномоченія: 10, 223;

x) инструкціи для депутацій и агентовъ братства: 105, 193, 198, 234, 244; 270, 273, 277, 288, [289], 304, 312;

у) акты, касающіеся внутренняго и внѣшняго состоянія братства: 105, 122, 128, 158, 161, 240 [1650—1680]; 272, 278, 302 [1659—1661]; 372, 373, 646;

з) акты, касающіеся братской церкви [т. е. касающіеся ея созданія, украшенія и другихъ, соединенныхъ съ нею дѣлъ, споровъ и пр.]: 34 [1595]; 38, 40, 48, 73, 114, 115, 128, 150, 153, 174, 206, 270, 288, 290, 291, 314, 324, 328, 336, 342, 372, 373, 374 [1558—1566]; 375 [1598—1605]; 376 [1590]; 377 [1611—1613]; 379 [1604—1619]; 381 [1614]; 382 [1617]; 383 [1656—1660]; 384 [1621—1629]; 385 [1641]; 386 [1671—1694]; 599, 622, 672, 675;

аа) акты, касающіеся братской школы и школьныхъ дѣлъ вообще: 28, 117, 126, 143, 171, 172, 196, 211, 280, 320, 334, 596, 600, 601, 615, 620, 660, 662;

bb) акты, касающіеся братской типографіи въ различныхъ ея періодахъ: 50, 108, 133, 134, 137, 138, 139, 141, 142, 175, 178, 197, 233, 236, 273, 281, 294, 317, 320, 325, 327, 329, 334, 339, 399, 634;

сс) акты, касающіеся книжнаго дѣла: 54, 68, 96, 112, 122, 140, 178, 179, 180, 181, 194, 195, 201, 210, 217, 241, 265, 299 [1663—1664 и 1700—1704]; 587, 588, 610, 611, 614, 618, 633, 634, 835, 636, 637, 652, 654, 661, 669, 670, 671, 673, 674, 688;

dd) акты, касающіеся экономическихъ дѣлъ братства: 2 [1591]; 27, 31, 35, 48, 72, 75, 80, 83, 159, 168, 177, 183, 207, 209, 221, 224, 229, 230, 275, 605, 641, 643, 682;

ее) акты, касающіеся братскихъ чиновниковъ и слугъ: 28, 65, 101, 128, 153, 199, 278, 289, 307, 324, 328, 336, 340, 372, 373;

ff) акты, касающіеся львовской епископіи и львовскаго капитула [т. е. собора русскихъ ериотанъ во Львовѣ]: 36, 51, 246, 257, 264, 286, 616;

gg) акты, касающіеся свято-онуфріевского монастыря во Львовѣ, его церкви и его [снабжаемой средствами братства] больницы: 8, 22 [43 рус. документовъ]; 87 [93], 100, 102, 103, 106, 113, 128, 149, 191, 271, 284, 310, 311, 316, 319, 321, 326, 332, 337, 390, 393, 400, 621, 640.

hh) акты, касающіеся русскихъ монастырей въ Скитѣ, Креховѣ и Равѣ: 232;

ii) акты, касающіеся бывшаго свято-георгіевского монастыря во Львовѣ: 281;

jj) акты, касающіеся бывшей уневской архимандріи [въ Галиціи]: 5;

kk) акты, касающіеся бывшаго женскаго монастыря Василянковъ во Львовѣ: 24, 269;

ll) акты, касающіеся бывшихъ станиславовскихъ [въ Станиславовѣ, въ Галиціи] Василянковъ: 185;

mm) акты, касающіеся русскаго православнаго братства въ Рогатынѣ [тоже въ Галиціи]: 263;

nn) акты, касающіеся армянскаго братства во Львовѣ: 609 [1780];

oo) акты, касающіеся бывшей богоявленской церкви во Львовѣ: 53.

- pp) акты, касающіеся церкви св. Николая во Львовѣ: [97], 98;
 rr) акты, касающіеся бывшей церкви св. Θεодора во Львовѣ: 135;
 ss) акты, касающіеся лицъ, не принадлежавшихъ Ставропигіи: 248, 253;
 tt) отрывки различныхъ по содержанію актовъ: 220 [1592—1612] и, наконецъ,
 uu) черновыя бумаги Дениса Зубрицкаго: 262, 309, 647, 650, 651.

П Р И М Ъ Ч А Н І Я.

1) Кромѣ коллекцій львовскихъ, обзорѣніе которыхъ мы предложили въ настоящей статьѣ, очень важны для палеографа, между прочимъ, собранія славянскихъ рукописей, находящихся, напримѣръ, въ библіотекѣ собора русскихъ крилошанъ въ Перемышлѣ, или въ библіотекѣ монаховъ чина св. Василя В. въ Добранилѣ, тоже въ библіотекѣ монаховъ ч. св. Василя В. въ Лавровѣ, Дрогобичѣ, Креховѣ и другихъ монастырскихъ, деканатскихъ [напримѣръ, въ старомъ Самборѣ], приходскихъ и частныхъ библіотекахъ нашего края.

2) Къ числу этихъ послѣднихъ принадлежитъ не только настоящій городской архивъ, точнѣе—регистра тура города Львова со многими драгоцѣнными остатками XIV—XVIII вѣка, но вмѣстѣ съ тѣмъ и такъ называемый бернардинскій архивъ, въ которомъ содержатся весьма многочисленныя книги бывшихъ „городскихъ и земскихъ урядовъ“ въ Польшѣ, имѣющія, такъ сказать, свое дополненіе въ актахъ имп. финансовой прокураторіи во Львовѣ. Нѣкоторыя славяно-русскія рукописи, находящіяся, [мы знаемъ это по наслышкѣ], въ библіотекѣ свято-георгіевскаго собора и въ библ. Народнаго дома во Львовѣ, остались для меня недоступны—по неизвѣстному мнѣ поводу....

3) При этомъ случаѣ позволимъ себѣ замѣтить, что нѣкоторыя свѣдѣнія, приведенныя г. Дудикомъ о славяно-русскихъ рукописяхъ во Львовѣ, не вездѣ согласны съ настоящимъ ихъ состояніемъ. Незнакомый, по всей вѣроятности, съ правилами славяно-русской палеографіи, г. Дудикъ воспользовался, повидимому, готовыми уже показаніями, найденными имъ въ доступныхъ ему, но весьма неточныхъ каталогахъ той или другой библіотеки, и вслѣдствіе того испортилъ свои „Галицко-владимирскіе архивы“ такими пелѣностями, которыя не должны бы встрѣчаться въ этой, впрочемъ, очень полезной и любопытной книгѣ. Не вдаваясь въ опроверженіе всѣхъ даже и менѣе важныхъ ошибокъ каноника, мы укажемъ лишь на такія мѣста въ его сочиненіи [стр. III—151, 168—183], насчетъ которыхъ мы никакъ не можемъ согласиться съ почтеннымъ авторомъ. Подъ № XXIII приводится, напримѣръ, въ числѣ свято-онуфріевскихъ рукописей не встрѣчаемый тамъ экземпляръ Часослова 1595 года, а между тѣмъ подъ этимъ номеромъ мы находимъ списокъ обрядовъ, соблюдаемыхъ при постриженіи и погребеніи монаховъ.

ПРИЛОЖ.

Гочно также показаны въ числѣ тѣхъ же рукописей подъ № XXV какія-то не находящіяся тамъ „*Institutiones pro monachis in Skit una cum biographia Jobi hegumenis ad finem seculi XVII—vita Jobi iam typis exstat*“, а между тѣмъ, подъ номеромъ этимъ мы нашли описанное нами ниже „Страстей Христовыхъ размышленіе“ въ рукописи XVII—XVIII вѣка. Такъ же точно отнесены, по примѣру каноника Петрушевича, къ XIV и XV вв. такія рукописи перемышльской соборной библіотеки, которыя, безъ всякаго сомнѣнія, составлены въ XVI и XVII вв., какъ, напримѣръ, пергаменное евангеліе подъ знакомъ LXV. D. II, или постныя бесѣды Исаака Сирина подъ знакомъ LI. E. 1 и др. Наконецъ, подъ ложною сигнатурою II. E. 12 показана въ числѣ рукописей той же перемышльской библіотеки не находящаяся тамъ Синтагма Матѳея Властарія, но она поставлена здѣсь, очевидно, вмѣсто остатка каноническихъ правилъ, означеннаго цифрою LXI. A. 1. И вообще, всѣ показанныя г. Дудикомъ рукописи перемышльской библіотеки приведены не подъ ихъ собственными номерами.

4) За исключеніемъ грамотъ, которыя напечатаны въ изданіяхъ археографическихъ комиссій въ Вильнѣ, Кіевѣ и Петербургѣ.

5) Въ собраніи этомъ, составленномъ неутомимыми заботами г. Шнейдера, содержатся, кромѣ небольшого количества русскихъ грамотъ, весьма любопытные и очень богатые матеріалы къ разясненію топографическихъ и другихъ мѣстныхъ отношеній Галиціи, въ историческомъ ихъ видѣ.

6) Древнѣйшіе памятники галицко-русскаго происхожденія, или утрачены во время жестокихъ смутъ, постигшихъ западно-русскую землю въ XIII и XIV столѣтіяхъ, или занесены въ сѣверо-восточные предѣлы русской земли, какъ, напримѣръ, такъ называемое крилосское или галицкое евангеліе, которое въ настоящее время хранится въ московской синодальной библіотекѣ. Нѣкоторые экземпляры галицкихъ списковъ утрачены, къ сожалѣнію, уже въ настоящее время, какъ, напримѣръ, пергаменная рукопись XIV вѣка, принадлежавшая свято-онуфріевской библіотекѣ во Львовѣ, изъ которой г. Срезневскій въ Журналѣ мин. нар. просв. за мѣсяць Февраль 1843 года напечаталъ „Житіе и хожденіе княжны полоцкой св. Еуфросиніи“, усопшей въ 1173 г. Въ Чети-Миней митрополита Макарія сообщено житіе это подъ 23 Мая.

7) Если позволятъ обстоятельства и достанетъ времени, то я не прочь мои палеографическіе поиски постепенно расширить и на молдаво-влахійскія библіотеки и архивы, въ которыхъ хранятся довольно хорошіе памятники, сколько можно заключать объ этомъ изъ описаній, появившихся на языкѣ румынскомъ въ слѣдующихъ извѣстныхъ мнѣ доселѣ публикаціяхъ: 1) *Revista română pentru sciințe, litere și arte*, t. 1—3, Bucuresci, 1861—1863, 4°; 2) *Archiva istorică a României: Colecțiune critică de documente asupra trecutului româna, începându de la timpul cei mai depărtati și pînă la annali 1800*,

t. 1—3. Bucuresci 1865—1867, 4° [redactor: B. P. Hajdău]; 3) Frajan, diavni politici, literarū, sciintificū și industrialū, Bucuresci, 1869—1870, 2° [redactor: B. P. Hajdău]; 4) Columna lui Traianū Bucuresci, 1870—1871, 2° [редакторъ тотъ же].

8) На крѣповыхъ знакахъ мнѣ извѣстенъ между ирмологіонами галицкими всего лишь одинъ экземпляръ конца XV—XVI вѣка, находящійся въ библіотекѣ собора русскихъ крилошанъ въ Перемышлѣ подъ цифрою XLIX. G. II.

9) Въ львовскомъ спискѣ этой фамилии есть на страницѣ 707 слѣдующая замѣчательная по языку запись: Изволеніемъ Отца и поспѣшеніемъ сѣа и свръшеніемъ сѣго дѣа исписасѣ сѣй тетроеѣгла дааніемъ и повелѣніемъ всешсѣеннаго Отца нашего кѣр Анастасіа Бримкович, архіепископъ митрополитъ земанъ мѣлдавскихъ. И исписасѣ рѣкѣмъ мнѣгогрѣшнаго Тахати, монахъ Теофілъ Отъ сѣой монастыри воронечкомъ, в лѣт. 3388 мѣца сеп[тембріа] дѣ. И живописалъ сѣымъ иконамъ и позлатилъ сѣй сѣый кнѣгъ равъ вѣій, живописецъ Стефанъ Отъ Бучавскаго трѣга. И свръшилсѣ съ живописаніемъ в[з] лѣт. 3388 мѣца [имя мѣсяца и число дня не дописано].

10) Монахъ Селиванъ отзывается о своемъ учителѣ Максимѣ Грекѣ слѣдующимъ [мѣсто это заимствовано изъ находящагося въ моей библіотекѣ списка] многопочтительнымъ образомъ: Преведена ж[е] выс[тъ] Отъ еллинскаго пр[ѣ]мѣрѣйшаго[о] языка сѣа дѣшполезнаѣ кнѣга на рускій языкъ в[з] лѣт[о] 3388 го въ матери градовомъ, въ преименитой и преславѣйшой Москвѣ, при вѣговѣрномъ и вѣгочестивомъ великомъ кѣзи Василиѣ Ивановичи, всеѣ Роси самодержци, въ кѣ. лѣто гѣподарства ег[о], и при общейномъ гос[по]динѣ Даниилѣ, митрополитѣ всеѣ Роси, оумышленіемъ и промышленіемъ и проторы повеленіемъ самого того сѣла, в[з] второе лѣто сѣельства ег[о], разѣмомъ же и показаніемъ пр[ѣ]мѣрѣйшаго[о] Шавіа, егож[е] самъ той самодержецъ своимъ іерскимъ посланіемъ Отъ сѣымъ горы призва, мѣжа велми мѣдра въ всѣхъ трѣхъ языцѣхъ, въ еллинскомъ, г[лаго]лю, и римскомъ и въ сладчайшомъ мнѣ рускомъ не токмо ж[е], но и творити мѣрою, іер[о]ски и амвѣйски, и въ всѣхъ благоисѣсна сѣщи и много Отъ чѣлкъ нѣтъшег[о] времени Отъстоѣща мѣдростію и разѣмомъ и остроуміемъ, егож[е] и азъ непотребный и неразѣмный въ причастіе словесъ былъ, агѣлскій хлѣбъ прѣно емъ гадѣшъ... Аще[же] когда прилѣчитсѣ кому в[з] сѣа дѣшполезнаѣ еѣгласкѣа приникати історіѣа и разоумѣти так[о] по разоумѣ преведена и по чинѣа подовающемъ, тѣй прѣж[е] въсѣхъ виновникѣа вѣдѣть да въздаваетъ, пославшомъ намъ такова ѣчителѣа; потомъ же гѣдрѣа нашемо вѣл[и]комъ кѣзѣа Василиѣ Ивановичѣ, всеѣ Роси самодержцѣа, многолѣтнаго здравіѣа да просимъ Отъ тогож[е] богатодайца бѣа, призвавшомъ такова мѣжа; так[е] и преосѣенномъ нашемо гѣднѣ Даниилѣ, митрополитѣ всеѣ Роси, да проситъ еж[е] в[з] мирѣа цѣлѣа, чѣстнѣа, здравѣа, дѣзгодѣствѣющѣа исправлати слово самого того бѣа истинны, и вѣдѣть емъ да въздаетъ, занеж[е]а своими проторы и попеченіѣаи всѣмъ людемъ виновенъ выс[тъ] таковыѣа пѣззы; еѣрѣж[е]а и предречейнаго ѣчителѣа да не забываетъ, нѣа

и томѣ подобающее да въздастъ вѣдѣреніе; намъ же непотребнымъ, начинаніемъ дрзніи томѣ, прощеніе и грѣхомъ простыню да проситъ. Аще где что и неразсѣдно и неудобно свѣщается, и сіе да прощаетъ и да помышляетъ, тако и азъ члѣкъ. Пѣсмь Грекъ и Сѣггѣдѣ, но здѣшняа прѣсти и Рѣсин[ъ]... Нѣа молымъ вы, и насъ не забывайте, писмѣннхъ сѣа, игож[е] трѣдомъ и потомъ сѣа приведедѣа, мног[о]грѣшнаго Селивана, інока свѣтели живоначальныхъ тро[и]цы и прѣдвѣнаг[о] чюд[о]творца Свѣтѣа.

Кромѣ упомянутого здѣсь моего собственнаго списка Златоустовыхъ поученій и другаго, находящагося въ числѣ рукописей библіотеки университетской подъ знакомъ 1. А. 6, мнѣ извѣстенъ еще третій экземпляръ, принадлежащій библіотекѣ добромильской, подъ № 172. Въ библіотекѣ перемышльской находится также [подъ цифрою L. F. 4.] одинъ списокъ Златоустовыхъ поученій на Матѣево евангеліе, но въ немъ содержатся лишь бесѣды 46—90, составляющія вторую часть этого произведенія.

¹¹⁾ Между рукописями львовскими находятся такъ называемыя „учительныя евангелія“ всего лишь въ двухъ экземплярахъ, изъ которыхъ одинъ хранится въ библіотекѣ университетской подъ знакомъ 1. В. 9, а другой въ моей собственной коллекціи.

Мнѣ извѣстны, однако, еще девять экземпляровъ этого произведенія, находящихся въ библіотекѣ перемышльской [подъ цифрою L. D. 4, L. D. 6, LI. G. 4, LI. D. 6, LI. E. 1, LI. F. 4, LI. D. 1, LI. D. 4, LI. D. 11] и одинъ экземпляръ въ библіотекѣ деканатской въ Старомъ Самборѣ подъ № 15 и др.

¹²⁾ Иной списокъ Теофилаковыхъ толкованій на всѣ четыре евангелія есть въ библіотекѣ перемышльской, какъ самой богатой по части церковныхъ книгъ коллекціи, подъ цифрою XLIX. F. 6.

¹³⁾ Такой же экземпляръ сочиненій Дамаскина указанъ Востоковымъ въ его Описаніи рукописей Румянцев. музея подъ № ССХІІІ.

¹⁴⁾ Одинъ списокъ древнѣйшаго перевода сочиненій Дамаскина, въ копіи изъ второй половины XVII вѣка, находится въ библіотекѣ перемышльской подъ знакомъ LI. E. 10.

¹⁵⁾ Кромѣ общеизвѣстныхъ русскихъ сочиненій объ Экзархѣ болгарскомъ Іоаннѣ и о другихъ писателяхъ временъ царя Симеона, важны также нѣкоторыя свѣдѣнія, приведенныя г. Ягичемъ въ его сочиненіи: *Historija književnosti naroda hrvatskoga i serbskoga, u Zagrebu, 1867. I. 68—73.*

¹⁶⁾ Инокъ Филиппъ, авторъ упоминаемой здѣсь Діоптры, окончилъ ее въ 1095 году.

¹⁷⁾ Объ этихъ и другихъ извѣстныхъ мнѣ апокрифическихъ статьяхъ поговоримъ ниже въ главѣ V настоящаго разсужденія.

¹⁸⁾ Относящіяся сюда статьи сообщены въ описаніи рукописей полемическаго разряда, въ главѣ VIII настоящаго разсужденія.

¹⁹⁾ Одинъ экземпляръ такихъ проповѣдническихъ пособій, содержащій подъ заглавіемъ „Пчелы“ выписки и цитаты на самыя разнородныя темы, находится въ библиотекѣ добромилъской подъ № 545.

²⁰⁾ Единственный, извѣстный намъ доселѣ списокъ Изборника Святослава, и то въ копіи конца XVI вѣка, находится въ соборной перемышльской библиотекѣ подъ цифрою L. F. 8.

²¹⁾ Нѣкоторыя свѣдѣнія о Кириллѣ Ставровецкомъ и его сочиненіяхъ сообщены преосвященнымъ Филаретомъ въ его Обзорѣ русской духовной литературы, въ главѣ 167. [Срав. Ученныя записки Петербургской Академіи III 183—184].

²²⁾ Записки Ставровецкаго, простиравшіяся, по всей вѣроятности, до 1646 года, то есть до самой его кончины, доведены въ уцѣлѣвшихъ нынѣ фрагментахъ всего лишь до 1621 года.

²³⁾ Имя Безбородаго, вѣроятно, есть насмѣшка, приданная архимандриту Ставроецкому за его отступленіе отъ православной вѣры.

²⁴⁾ Очень любопытныя замѣчанія объ архіепископѣ Даниилѣ и другихъ авторахъ разсматриваемаго здѣсь сборника сообщены г. Ягичемъ въ упомянутой уже въ прим. 15) Исторіи сербской и хорватской письменности I. 182—188 и въ *Geschichte der südslav. Literatur* III. Шафарика 240 и слѣд.

²⁵⁾ Кромѣ недоступныхъ для меня изслѣдованій Кубарева, напечатанныхъ имъ въ Журналѣ мин. нар. просв. за 1838 г. и въ Чтеніяхъ общества ист. и древ. рос. за 1847 годъ, весьма важны и занимательны прежде всего свѣдѣнія, приведенныя преосв. Макаріемъ въ его Обзорѣ редакцій Кіево-печерскаго патерика [въ Извѣстіяхъ имп. академіи наукъ т. V] и въ его Исторіи русской церкви т. III, а кромѣ того, въ выше указанномъ Обзорѣ рус. дух. литерат. преосв. Филарета подъ числомъ 18, 44, 45, 74, 105, 171, 172, 180.

²⁶⁾ Нѣкоторые, немаловажные памятники этого разряда находятся также и въ другихъ указанныхъ въ примѣчаніи 1) библиотекахъ.

²⁷⁾ Извѣстные мнѣ списки рукописныхъ торжественниковъ и прологовъ обнаруживаютъ иногда большое различіе въ составѣ и выборѣ своего содержанія.

²⁸⁾ Самыми ревностными авторами и списывателями этихъ священныхъ образцовъ благочестивой жизни и примѣровъ высшей христіанской добродѣтели, достойныхъ неограниченнаго почтенія и подражанія, были большею частію люди иноческаго званія. Такъ называемые *патерики* имѣли свое основаніе въ томъ же благочестивомъ настроеніи духа и должны были вмѣстѣ съ тѣмъ, похваляя жизнь и брѣголюбивыя дѣла однихъ только мѣстныхъ угодниковъ, заслужившихъ себѣ большое уваженіе у современниковъ, прославлять и увеличивать также и значеніе той или другой обители, той или другой церкви.

srbski netrebaju dohoditi u Carigrad radi posvećenja, već da novo izabrani arhiepiskop skupi oko sebe zbor svojih episkopa i da ga ovi između sebe posvete.

³⁴⁾ Какъ житіе Ольги, такъ и житіе Владиміра, составляютъ ничто иное, какъ компіляціи извѣстій Нестора.

³⁵⁾ Приведенныя подъ чч. 13 и 14 статьи о Борисѣ и Глѣбѣ могутъ быть извлеченія изъ жизнеописанія этихъ святыхъ, составленнаго современникомъ св. Θεодосія, преподобнымъ Іаковомъ черноризцемъ и отлично изданнаго нашимъ почтеннымъ сочленомъ Срезневскимъ.

³⁶⁾ Онъ скончался, какъ извѣстно, въ кіево-печерской обители, гдѣ послѣднія лѣта своей жизни проводилъ въ благочестіи и смиреніи, описанномъ въ Симоновой чисти Патрика печерскаго.

³⁷⁾ Похвальное слово о мученической кончинѣ князя Михаила и его боярина Θεодора составлено отцемъ Андреемъ, о которомъ нѣкоторыя свѣдѣнія сообщены въ Обзорѣ рус. дух. лит. подъ ч. 56, а дальнѣйшія подробности прибавлены очень плодотворнымъ авторомъ жизнеописаній и похвальныхъ каноновъ, извѣстнымъ въ литературѣ русской Логоветомъ сербскимъ Пахоміемъ [около 1458—1471].

³⁸⁾ По мнѣнію преосвященнаго Филарета, [въ Обзорѣ дух. лит. 133 R.] позволительно думать, что авторомъ этого житія былъ сотрудникъ Макарія Михайла, инокъ рождественскаго монастыря во Владимірѣ.

О литературномъ значеніи устраненныхъ инокомъ Михайломъ легендарныхъ частей преданія о Петрѣ и Февроніи см. въ Исторіи рус. словесности Галахова § 100.

³⁹⁾ Если разсматриваемое здѣсь житіе современно обрѣтенію мощей св. Леонтія, то описаніе его чудесъ, находящееся въ нѣкоторыхъ сборникахъ и минеяхъ, составлено не раньше времени архіепископа ростовскаго Трифона [1462—1467].

⁴⁰⁾ Авторомъ жизни Петра по редакціи, скопированной въ Торжественникѣ свято-онуфриевскаго монастыря во Львовѣ подъ № XVII л. 873 и слѣд., былъ митрополитъ русскій Кипріанъ [1376—1406]; въ другихъ же Прологахъ, Минеяхъ и Трефологіонахъ сообщенъ самый лишь скелетъ этого сочиненія. Похвальный канонъ митрополиту Петру составленъ епископомъ ростовскимъ Прохоромъ, усопшимъ въ 1327 году, а послѣ и вышеупомянутымъ Логоветомъ Пахоміемъ.

⁴¹⁾ Краткое житіе св. Алексѣя и канонъ на обрѣтеніе мощей его сочинены епископомъ пермскимъ Питиримомъ, усопшимъ въ 1445 году, а вслѣдъ затѣмъ и Логоветомъ Пахоміемъ, въ 1460 году.

⁴²⁾ Кромѣ того, составлено было тѣмъ же Логоветомъ Пахоміемъ еще и житіе митрополита Іоны и архіепископа Евѣмрія II новгородскаго.

⁴³⁾ Преп. Арсеній тверскій прославленъ былъ извѣстнымъ въ литературѣ русской плагиаторомъ Θεодосіемъ, іеромонахомъ Николаевскаго монастыря, около 1483 года.

44) Всѣ упоминаемыя здѣсь житія кіевскихъ угодниковъ заимствованы или изъ лѣтописи Нестора [какъ, напримѣръ, житіе преподобныхъ отцевъ Ереміи, Матвѣя и Даміана пресвитера подъ ч. 39], или скопированы дословно изъ кіево-печерскаго патерика, но безъ этихъ важныхъ для литературы, вступлений и замѣчаній, съ которыми сочинители кіево-печерскихъ повѣстей, въ ихъ числѣ и преподобный Симонъ [† 1226] и Поликарпъ [писавшій около 1230 года], отзывались о современныхъ имъ лицахъ и современныхъ событіяхъ. Жизнеописанія иныхъ не кіевскихъ угодниковъ, или сочинены извѣстнымъ намъ уже Логоѣтомъ Пахоміемъ [какъ, напримѣръ, житіе Кирилла бѣлозерскаго и Сергія радонежскаго], или сотрудниками митрополита Макарія, который оказывалъ большое покровительство авторамъ біографическихъ произведеній, къ числу которыхъ должно отнести, между прочимъ, и статьи, отмѣченныя цифрами 46], 50], 53], 54], 55], и т. д. Сотрудники Макарія поименованы и опредѣлены по достоинству въ Обзорѣ рус. дух. лит. подъ ч. 133 а—R]. Въ Исторіи русской церкви преосв. Макарія и въ другихъ такого же рода сочиненіяхъ находятся также не безполезныя о томъ же предметѣ свѣдѣнія.

45) Мы встрѣтили въ числѣ статей этого отдѣла также еще и рассказъ о перенесеніи мощей св. Θεодосія, упоминаемомъ въ Прологѣ XIV 853—855 подъ 14 ч. Августа.

46) Статья объ Авраамѣ смоленс. писана вскорѣ послѣ его кончины ученикомъ его, инокомъ Ефремомъ.

47) Статья эта, находящаяся въ Прологѣ спасскомъ, писанномъ въ 1518 году, заимствована, конечно, изъ какого-нибудь древнѣйшаго сочиненія о Варлаамѣ хутынскомъ, а не изъ составленнаго Софроніемъ Лихудомъ [1685—1730 года], повѣйшаго жизнеописанія.

48) Первоначальный, древнѣйшій текстъ этого жизнеописанія принадлежитъ Епифанію премудрому, который составилъ его въ 1418 году.

49) Оно составлено ученикомъ Пафнутія Вассіаномъ, игуменомъ троїцкаго монастыря.

50) И сказанія о важнѣйшихъ церковныхъ событіяхъ заимствованы тоже или изъ лѣтописи Нестора, или изъ кіево-печерскаго патерика.

51) Повѣсть эта составлена неизвѣстнымъ авторомъ, но, во всякомъ случаѣ, скоро послѣ описываемаго здѣсь событія.

52) Повѣсть о чирской иконѣ [въ области псковской] составлена какимъ-то Филоѣемъ, старцемъ псковскаго Елеазарова монастыря, около 1520 года.

53) Мы нашли статью эту, начинающуюся словами: Сии бѣша отъ страны литовскыя, Огнєвы и ти слоужаще по дѣнѣ инымъ единоязычнымъ ихъ—въ моей собственной Мнѣѣ за мѣсяць Декабрь, л. 124 а—127 а, и въ Прологѣ библ. имени Оссола подъ № 38, л. 180 b. —182 b.; въ сей послѣдней подъ слѣдующимъ заглавіемъ: Сѣхъ[и] нововѣренныхъ мнѣхъ

родомъ Литвы: Іоанна, Антоніа, Еустафіа литовска, также имена им[з]: Крѣглицъ, Кѣмецъ, Нежило.

⁵⁴⁾ Принесены же вышѣ, читаемъ въ концѣ этой статьи, части нѣкихъ стѣхъ моше[и] ихъ въ стѣишѣа и великаѣ црѣвь въ шесто-тысящное и осмосѣтное и осмьдесѣт и второе лѣто отъ созданія мироу, патріаршествоуѣиѣ стѣишомоу нашомоу влѣцѣ, вселенскому патріархѣ Флѣвѣсѣ, въ славу всѣхъ црю и боу ншѣмѣ.

⁵⁵⁾ Сохраненіе памяти славянскихъ святыхъ въ русскихъ Прологахъ и, наоборотъ, русскихъ святыхъ—въ болгарскихъ и сербскихъ Синаксаріяхъ свидѣтельствуетъ всего лучше о постоянномъ соблюденіи народно-церковныхъ связей, соединяющихъ насъ издревле съ нашими славянскими соплеменниками православнаго вѣроисповѣданія.

Изъ русскихъ жизнеописаній вошли въ составъ болгарскихъ и сербскихъ Синаксаріевъ [какъ это показано Востоковымъ въ описанныхъ имъ сербскихъ рукописяхъ Румянцевскаго Музея и Норовс. библіотеки, а В. Ламанскимъ въ его сочиненіи: О нѣкоторыхъ славянс. рукописяхъ въ Бѣлградѣ, Загребѣ и Вѣнѣ, С.-Петербур. 1864, стран. 113—122] всего лишь слѣдующія статьи: прежде всего житіе блаж. княгини Ольги, „прѣматере всѣхъ князь роушскихъхъ“; далѣе—повѣсть о мученической смерти князей Бориса и Глѣба; такая же повѣсть о преставленіи князя Мстислава, нареченнаго въ крещеніи именемъ Θεодора и, наконецъ, вторая часть преданія о св. апостолѣ Андреѣ, содержащая сказаніе о мученической смерти его мнимыхъ учениковъ, какого-то Клена, Ирина и Пина.

⁵⁶⁾ И кіево-печерскіе Патерики, расходившіеся въ многочисленныхъ спискахъ и печатныхъ изданіяхъ, содѣйствовали распространенію свѣдѣній о св. угодникахъ и сподвижникахъ Θεодосіева монастыря. Извѣстія о сѣверно-русскихъ святыхъ попадались намъ всего чаще въ Прологѣ свято-онуфріевского монастыря подъ № III; но мы должны замѣтить, что списокъ, судя по языку и нѣкоторымъ палеографическимъ признакамъ, занесенъ къ намъ, безъ сомнѣнія, изъ русскаго сѣверо-востока.

Сказанія о важнѣйшихъ празднествахъ и событіяхъ, относящихся къ исторіи русской церкви, встрѣчаются также не во всѣхъ, но въ нѣкоторыхъ только Прологахъ разсматриваемой здѣсь фамиліи, и преимущественно въ Прологѣ свято-онуфріевской библіотеки подъ № XV, составленномъ въ Спасѣ [въ Старосамборскомъ околѣ] 1518 года.

Предсказаніе о крещеніи русской земли апостоломъ Андреемъ заимствовано изъ Несторовой лѣтописи и помѣщено съ немногими варіантами почти во всѣхъ Прологахъ, Сборникахъ и другихъ книгахъ этого разряда.

⁵⁷⁾ Подобно всѣмъ другимъ видамъ церковной литературы, произошли также и произведенія панегирическаго рода изъ источниковъ византійскихъ.

⁵⁸⁾ Но отсюда не слѣдуетъ, что жизнеописанія святыхъ слагались прежде, нежели прилож.

похвальныя слова, или похвальныя пѣсни; и если мы говоримъ здѣсь объ элементахъ біограф. разсказа, какъ основаніи похвальныхъ рѣчей и духовныхъ панегириковъ, то мы понимаемъ слово это въ самомъ широкомъ его смыслѣ, именно—въ значеніи извѣстнаго о томъ или другомъ угодникѣ преданія, и письменнаго, и изустнаго.

58) Но нигдѣ не имѣли ничтожныя лоскуты ново-или псевдо-классической учености такого обширнаго примѣненія, какъ въ произведеніяхъ тогдашняго свѣтскаго панегирика, въ которыхъ должны были прославляться только свѣтскія добродѣтели людей заслуженныхъ и умныхъ,—побѣды знаменитыхъ русскихъ и польскихъ полководцевъ,—заслуги знаменитыхъ государственныхъ мужей и другихъ, болѣе замѣчательныхъ по чину современниковъ духовнаго и свѣтскаго званія, наконецъ, хотя и не столь блестящія, то все-таки въ высшей степени полезныя труды людей ученыхъ и поэтовъ, а нерѣдко также и тихія, семейныя добродѣтели знаменитыхъ женъ и благородныхъ дѣвицъ и пр.

60) И здѣсь принимаемъ выраженіе „элементы біографическаго повѣствованія“ въ значеніи, опредѣленномъ въ примѣчаніи 58).

61) Мы хотимъ выразить этимъ, что въ славяно-русскіе переводы Миней, Трефологіоновъ и пр. входили только тѣ статьи похвальныхъ каноновъ, которыя установлены были издревле первенствующею греческою церковью, и которыя вслѣдствіе того должны были предпочитаться славянскимъ и русскимъ канонамъ, какъ произведеніямъ новѣйшаго и, такъ сказать, областного происхожденія.

62) Похвальная служба вел. князю Владиміру составлена извѣстнымъ творцемъ каноновъ, кіево-печерскимъ инокомъ Григоріемъ, усопшимъ около 1120 года.

63) По списку Праздничной Миней, находящемуся въ моей собственной коллекціи, помѣщена служба князьямъ Борису и Глѣбу [вмѣстѣ съ пространнымъ сказаніемъ объ ихъ жизни] на стран. 419—440 и начинается слѣдующимъ образомъ: Кимы похвалны вѣнцы вѣнчаемо пѣваема, раздѣляема телесима и совокуплена дѣєю, вѣрнымъ людямъ теплаа заступника,—земля рускыа оудобреніе и восеса [вм. всеса] всесейнымъ наслажденіе,—мѣжеоумнымъ сомысломъ вѣсовскю державу раздрѣишаа,—Хрѣстовымъ посовіемъ подаюца[а] мирови всаю милость.

64) Въ Трефологіонѣ бібліотеки университетской во Львовѣ 1. F. 12, на стран. 591—609.

65) Въ томъ же Трефологіонѣ университетской бібліотеки во Львовѣ на стран. 184—212.

66) При посѣщеніи кіевскихъ пещеръ нельзя не замѣтить и теперь этого же особеннаго свойства въ обращеніи русскихъ людей съ похороненными въ пещерахъ этихъ святыми, которые и теперь считаются какъ бы хорошими знакомыми, друзьями и защитниками православнаго народа, тогда какъ католическіе святые окружены какою-то

грозою величія: къ нимъ позволяютъ приближаться не часто и не безъ особеннаго трепета и страха.

67) И теперь еще руководятся простые люди въ своихъ сношеніяхъ со святыми тѣми же мотивами оригинальнаго самолюбія и довѣрія, въ чемъ мы имѣли случай убѣдиться при посѣщеніи кіево-печерской Лавры.

68) Вставка эта перенесена изъ предыдущаго, пропущеннаго здѣсь введенія о великомъ количествѣ чудесъ, которыя совершаются постоянно св. архіереемъ Христовымъ Николаемъ.

69) Слова, части словъ и отдѣльныя буквы, поставленныя между скобками, не находятся въ подлинномъ текстѣ разсматриваемаго здѣсь повѣствованія, и внесены мною самимъ собственно для того, чтобы въ нѣкоторыхъ случаяхъ опредѣлить мысль автора точнѣе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и устранить трудныя къ напечатанію сокращенія.

70) А. Афанасьевъ, Поэтическія воззрѣнія Славянъ на природу, Москва, 1865—1869, т. I. 50—52.

71) То же самое подтверждаетъ преосвященный Макарій въ предисловіи къ своей Исторіи рус. церкви [I, XVI], и въ особенности А. Галаховъ въ своей Исторіи русской словесности [I, 100—101], гдѣ, какъ примѣръ устныхъ преданій, вошедшихъ въ духовныя повѣствованія, приводится муромское сказаніе о князѣ Петрѣ и супругѣ его Февроніи. Но въ изустныхъ преданіяхъ, вошедшихъ въ духовныя легенды, надобно различать разныя эпохи, и мы думаемъ съ г. Галаховымъ, что одни задолго предшествовали существованію самаго предмета сказанія и составляютъ миѳическій элементъ его, въ которомъ доисторическій эпосъ прилагается къ извѣстной исторической личности; другія могли явиться гораздо позже рассказываемыхъ событій; третьи возникали одновременно съ эпохою лицъ и событій, о которыхъ повѣствуется. Такимъ образомъ, относительно состава, духовныя народныя повѣствованія, или легенды, повторяютъ то же самое явленіе, какое видимъ въ народныхъ пѣсняхъ: тѣ и другія заключаютъ въ себѣ разновременные слои преданій“.

72) Къ сожалѣнію, намъ остались и теперь еще недоступны очень важныя для нашихъ цѣлей пособія, на примѣръ: Лѣтописи русской литературы и древностей, изданныя г. Тихонравовымъ, и столь же любопытные памятники старинной русской литературы, изданные граф. Кушелевымъ Безбородкомъ, подъ редакціею Н. Костомарова.

73) Разсматриваемая здѣсь статья приписывается патріарху Геннадію.

74) Эти Вопросы и Отвѣты извѣстны также подъ именемъ Родословія Богородицы и приписываются св. Евсеію іерусалимскому.

75) Мы предлагаемъ обѣ послѣднія статьи съ предостереженіемъ, что мы намѣрены подвергнуть ихъ новой, предварительной оцѣнкѣ, и готовы затѣмъ исправить наше настоящее о нихъ мнѣніе, еслибы мнѣніе это оказалось нетвердымъ.

76) Вопросы и Отвѣты святыхъ отцевъ находятся въ учительномъ евангеліи соборной перемышльской бібліотеки подъ знакомъ L. D. 4.

77) Къ перечню ложныхъ книгъ, лучше сказать, статей, находящихся въ Сборникѣ свято-онуфріевского монастыря изъ 1563 года и заимствованныхъ, какъ полагаемъ, изъ того же источника, что и Кипріановъ списокъ, прибавлены тѣмъ же митрополитомъ Кипріаномъ [1376—1406 г.] еще и такія новозавѣтныя произведенія апокрифической литературы, какъ: Имена ангеламъ, Дѣянія Павла, Мартологъ, Острономія, Землемѣріе, Чаровникъ, Громникъ, Молніяникъ, Коledникъ [своего рода календарь], Сносудецъ [толкованіе сновъ, или сонникъ], Волховникъ [наставленіе къ волхвованію], Путникъ [значеніе различныхъ встрѣчъ], Звѣздочетецъ и пр. и пр.

78) Статьи отъ „Адама“ до „Ездры откровеніе“ причисляются къ ложнымъ книгамъ ветхаго, а статьи отъ „Яковлевой повѣсти“ до конца—къ ложнымъ книгамъ новаго завѣта.

79) Между ложными книгами ветхаго завѣта показанъ также какой-то неизвѣстный намъ Сидоръ, а пропущена Синоова молитва.

80) Въ подлинникѣ написано такъ: „паралипамена что орла лнхъ іерсмін вавилон“.

81) Въ подлинникѣ сказано: „и словеса наѣшна на сзблзнь навѣжам—сѣт же и нама-каноници лживымъ оу поповъ“ и пр.

82) Это посланіе царя Константина начинается отъ слѣдующихъ словъ: „Послѣхайте и вырозумѣйте вишци, которымъ есть дана моць над[ъ] людьми вожими, абысте их[ъ] судили на земли и пр.“

83) Притча отъ болгарскихъ книгъ о немилостивыхъ, а богатыхъ людяхъ—есть ничто иное, какъ повѣсть о звѣрѣ Инорогѣ, переписанная съ вариантами изъ исторіи царевича Іоасафа Варлаама.

84) Пекельная вѣчность состоитъ изъ 126 листовъ, писанныхъ въ четвертку меншаго формата.

85) Заглавіе этой легенды гласитъ такъ: Сказаніе Анфілога царя о святѣй лтоуѣгн.

86) Къ тому самому Николаю Шомбергу, съ которымъ и Максиму Греку приходилось имѣть непріятныя сдѣлки.

87) Мы хотимъ сказать этимъ, что изъ Анфилоговой легенды заимствована въ Васиановомъ посланіи самая лишь мысль о таинственномъ соучастіи ангеловъ въ православной литургіи, и ничего болѣе.

88) Мы передаемъ лишь тѣ мѣста, которыя нужны для подтвержденія высказаннаго здѣсь мнѣнія.

89) И здѣсь имѣютъ слова, части словъ и отдѣльныя буквы, находящіяся между скобками, значеніе моихъ собственныхъ, оправданныхъ въ примѣчаніи 69) прибавленій.

90) Мы полагаемъ, что замѣтная въ статьѣ этой большая непослѣдовательность пра-

вописанія происходитъ отъ постоянного смѣшенія такъ называемыхъ псевдоболгаризмовъ съ элементами малорусскаго произношенія.

⁹¹⁾ То же и въ другихъ доступныхъ мнѣ библиотекахъ Галиціи.

⁹²⁾ Къ числу главнѣйшихъ видовъ каноническаго права принадлежитъ также и Номоканонъ Іоанна Схоластика; но въ библиотекахъ галицкихъ намъ не попадался до сихъ поръ ни Схоластиковъ Номоканонъ, ни древнѣйшій текстъ Номоканона въ XIV титулахъ, въ которомъ не было бы еще извѣстныхъ прибавленій патріарха Фотія и новѣйшихъ Аристиновыхъ толкованій.

⁹³⁾ О значеніи народно-правныхъ обычаевъ русскаго и вообще всего славянскаго племени распространяются въ особенности: Неволинъ въ своихъ Изслѣдованіяхъ объ исторіи рус. права, С.-Петербург. 1851; Мацѣевскій, въ своей Исторіи „prawodawstw słowiańskich, 6 томовъ, Варшава 1856—65; Богишичъ въ своихъ знаменитыхъ „Prawni običaji u Slovena, Загребъ, 1867, а отчасти также и Шафарикъ, въ различныхъ мѣстахъ, Лелевель, Палацкій, Соловьевъ, Макушевъ, [Аксаковъ], Кавелинъ, Никольскій, Иречекъ и др.

⁹⁴⁾ Преобладаніе христіано-византійскихъ основаній права на Руси опредѣлено прежде всего Неволинымъ въ его церковномъ судѣ въ Россіи, также въ его Исторіи рус. права и въ другихъ разсужденіяхъ, помѣщенныхъ въ полномъ изданіи его сочиненій, 6 томовъ, С.-Петербург. 1857—1860; опредѣлено дальше и Калачовымъ въ его статьѣ о значеніи Кормчей книги въ системѣ древняго рус. права и въ его Изслѣдованіяхъ о Рус. Правдѣ, Москва, 1846. 139—158; Мысовскимъ въ его Древне-русскомъ церковномъ правѣ [въ Православ. Собесѣдникѣ казанской духов. Академіи; 1862. III, VI, VII, IX, X и 1863. V, IX, XI, XII]; преосв. Макаріемъ въ его Исторіи рус. церкви; Соловьевымъ въ его Исторіи Россіи и др.

⁹⁵⁾ Мы хотимъ сказать этимъ, что, въ силу предписаній византійскаго законодательства, стали рѣшаться со временемъ нерѣдко также и такіе случаи спора, которые предвидѣны были уже и въ постановленіяхъ Русской Правды, и которые въ томъ смыслѣ должны были затѣмъ считаться неприкосновенною принадлежностью русскаго народнаго права.

⁹⁶⁾ Какъ одинъ изъ самыхъ важныхъ памятниковъ народнаго законодательства, Русская Правда была уже издавна предметомъ нѣсколькихъ печатныхъ изданій, между которыми самую большую обстоятельностью отличается текстъ Рус. Правды, составленный [по четыремъ наилучшимъ спискамъ] Калачевымъ, Москва, 1847.

⁹⁷⁾ Къ числу лучшихъ разсужденій о томъ же памятникѣ рус. народнаго законодательства относятся, впрочемъ, еще: изслѣдованія Шлецера въ его Рус. Правдѣ С.-Петербург. 1767; также юридическія статьи, помѣщенные въ Рус. Достопамятностяхъ, Москва, I, 1815, II, 1843; Калачова вышеупомянутыя Изслѣдованія о Рус. Правдѣ, Москва, 1846;

изслѣдованія Эверса, Тобиена, Неволіна, Чебышева-Дмитріева, Леонтовича и др. ученыхъ.

⁹⁸⁾ Онъ сдѣлалъ это въ своемъ Первоначальномъ славяно-русскомъ Номоканонѣ, Казань, 1869, [а отчасти также и въ своемъ Номоканонѣ при Большомъ Требникѣ, Одесса, 1872].

⁹⁹⁾ Мы извѣстны въ библіотекахъ львовскихъ всего лишь четыре экземпляра Кормчей: одинъ въ библи. университетской подъ цифрою 1. С. 2; другіе два въ библи. свято-онуфріевской подъ №№ V и VI; а четвертый въ библи. свято-георгіевской, или митрополитской, безъ сигнатуры.

¹⁰⁰⁾ Положительныя историческія доказательства объ этомъ приведены у Павлова въ его Первонач. слав. рус. Номоканонѣ, стран. 17—22.

¹⁰¹⁾ Къ числу лучшихъ экземпляровъ этого разряда принадлежатъ въ особенности рукописи москов. синодальной библіотеки подъ № 227, списанная, по мнѣнію Ундольскаго, въ XII вѣкѣ—изъ перевода, составленнаго, быть можетъ, еще въ эпоху обращенія Болгаръ къ христіанству.

¹⁰²⁾ Они писаны въ продолженіе XVI вѣка, въ листъ средняго формата.

¹⁰³⁾ Попадаются нерѣдко также и Зонаровы толкованія [около 1120 года].

¹⁰⁴⁾ Подробное описаніе сербскаго перевода Кормчей представлено недавно г. И. И. Срезневскимъ въ III книгѣ издаваемыхъ въ Загребѣ Древностей [Starine, na swiet izdao jugoslav. akademija znan. i umjetn.] стран. 189—203.

¹⁰⁵⁾ Одинъ изъ древнѣйшихъ списковъ этого перевода находится въ настоящее время въ имп. придворной библіотекѣ въ Вѣнѣ и означенъ 1262 годомъ.

¹⁰⁶⁾ Этотъ важный историко-литературный фактъ означенъ въ правилахъ митрополита Кирилла слѣдующими заимствованными изъ Саввинскаго перевода словами [по свято-онуфріевскому списку подъ № V глава LXXXV 742]: Помрачены во вѣхъ прежде сего облакомъ[ъ] мудрости еллинскаго языка [правила церковныя]; нынѣ же облисташа, рече—иставкованы быша [и] благодатию божією ясно сѣмѣт[ь], невидѣна тѣмъ отгонѣице и все просвѣщающе свѣтомъ[ъ] разумнымъ[ъ] и отъ[ъ] грѣхъ[ъ] избавляюще.

¹⁰⁷⁾ Исторія этого вопроса, а вмѣстѣ съ тѣмъ и опроверженіе спорныхъ мнѣній, высказанныхъ по тому же поводу Розенкампомъ [въ его Обозрѣніи Кормчей книги], Неволінымъ [въ Полн. изданіи сочиненій VI. 415—416] и Макаріемъ [въ его Исторіи рус. церкви V. 1—10], представлены всего лучше у Павлова въ его Первонач. слав. рус. Номоканонѣ, стран. 1—33 и 62—70.

¹⁰⁸⁾ Онъ писанъ Петромъ Станиславовичемъ въ Константиновѣ въ 1599 г. и вполне согласенъ съ экземпляромъ Румянцевскаго Музея подъ № ССXXXII.

¹⁰⁹⁾ Но въ списокѣ этомъ попадаются нерѣдко также и полные тексты правилъ.

¹¹⁰⁾ Онѣ скопированы въ Галиціи и сходны совершенно съ экземпляромъ Румянцевскаго Музея, описаннымъ у Востокова подъ № ССХХХІІІ.

¹¹¹⁾ Это подтверждается въ особенности правилами карѳагенскаго собора.

¹¹²⁾ Напечатаны погречески у Цахаріи въ его *Jus graecorum*, часть ІІІ, и въ Синтагмѣ τῶν δεινῶν κανόνων, изд. Ралли и Потли, т. V.

¹¹³⁾ Эти извлеченія напечатаны погречески у Геймбаха въ его *’Ανέκδοτα iuris graecorum*. II. 202—237.

¹¹⁴⁾ См. у Цахаріи въ его *Collectio librorum iuris graec. ineditorum*, Lipsiae, 1852.

¹¹⁵⁾ Эти записки скопированы здѣсь чуть ли не съ тѣми самыми ошибками, что и въ другихъ спискахъ того же разряда.

¹¹⁶⁾ О годѣ написанія этой Кормчей есть два различныя мнѣнія, и если одни идутъ за Розенкампомъ и относятъ ее къ 1270 году, то другіе слѣдуютъ опять Востокову, который въ своемъ Описаніи рукоп. Румян. Музея [стран. 291], относитъ ее къ 1262 г. и такимъ образомъ высказываетъ мнѣніе, которое вполне согласно съ новѣйшими и весьма удовлетворительными выводами Срезневскаго въ X томѣ Извѣстій имп. акад. наукъ въ Петерб., стран. 204.

¹¹⁷⁾ Одинъ изъ нихъ находится въ перемышльской соборной библіотекѣ подъ цифрою LXI. A. 1, а другой въ старосамборской приходской библ., безъ сигнатуры.

¹¹⁸⁾ Онѣ попадаются иногда также и въ спискахъ того же рода, что оба свято-онуфріевскіе во Львовѣ, но, разумѣется, въ такихъ только, въ которыхъ правила карѳагенскаго собора заимствованы случайно изъ *Саввинскаго* перевода—обстоятельство, давшее Розенкампу поводъ сказать не мало вздору о происхожденіи Кормчихъ *софійской фамилии*.

¹¹⁹⁾ Составныя части первоначальнаго славяно-русскаго Номоканона показаны у Павлова въ вышеупомянутомъ сочиненіи, стран. 33—61.

¹²⁰⁾ Отличительная черта Кормчихъ софійской фамилии есть еще и то обстоятельство, что большая часть полныхъ правилъ [заимствованныхъ изъ первонач. слав. рус. Номоканона] не дописана до конца—обстоятельство, объясняющееся тѣмъ, „что переписчики [говоритъ Павловъ на стран. 76] видѣли окончанія правилъ въ самыхъ толкованіяхъ, которыя по Аристину почти всѣ состоятъ лишь въ простомъ перифразѣ буквальнаго смысла канонѣвъ“.

¹²¹⁾ Названіе *софійскихъ* получили Кормчія этого состава отъ своего древнѣйшаго прототипа изъ 1282 года, находившагося прежде того въ софійской церкви въ Новгородѣ, а теперь въ синодальной московской библіотекѣ подъ № 132, какъ свидѣтельствуется объ этомъ Ундольскій въ своемъ Описаніи слав. рукописей москов. патріар. библ. [въ Читаніяхъ общества ист. и древн. рос., кн. 2], Москва, 1867.

¹²²⁾ Такъ названныхъ по древнѣйшему ихъ экземпляру, найденному въ Рязани и скопированному въ 1284 году.

¹²³⁾ Но, не смотря на большое распространіе списковъ софійскаго разряда, наша печатная Кормчая относится все-таки къ рязанскому, точнѣе—къ сербскому отдѣлу Кормчихъ, потому что переводъ патріарха Саввы имѣлъ за собою преимущество большей стилистической ясности и отличался, кромѣ того, большею сжатостью объема.

¹²⁴⁾ Ср. *Συνόδικον, sive Pandectae canonum etc., una cum scholiis antiquorum, singulis eorum annexis, et scriptis aliis huc spectantibus, Oxonii, 1677, I. Can. apost. 42.*

¹²⁵⁾ Ср. *ergo Juris eccl. Graecorum historia et monumenta, Romae, 1864. I, Can. apost. 43.*

¹²⁶⁾ Тамъ же I, стран. 23.

¹²⁷⁾ *Συνόδικον I, Can. niceon. 9.*

¹²⁸⁾ Это мѣсто читается у Ралли и Потли слѣдующимъ образомъ: *Εγχώριος, καὶ ἀγροικὴ παροικία, εἰ τριακονταετία ἐσχέθησαν, κατεχέσθωσαν εἰ δὲ ταύτης ἐντός, εἰς ἐπίδικοι. Εἰ δὲ κακάνοται ἐκ βασιλικῆς κελεύσεως πόλις, τοῖς πολιτικοῖς καὶ δημοσίοις τυποῖς ἀκολουθεῖτω καὶ ἡ τῶν ἐκκλησιαστικῶν τάξις. [Σύνταγμα τῶν θεῶν καὶ ἱερῶν κανόνων, II. Can. chaled. 17].*

¹²⁹⁾ Такъ называемыя русскія статьи напечатаны въ упомянутыхъ уже Рус. Достопамятностяхъ, а частію въ Памятникахъ русской литературы XII вѣка.

¹³⁰⁾ Это мѣсто читается въ Кормчей свято-онуфріевского монастыря такъ: „Иже не причащѣтсѧ на крайцѣхъ[х] въ роуцѣхъ земан, ꙗкоже еси рекъ, и въ великое говѣніе мѧсо ѧдаѣтъ[ь] и скверное, подобаетъ всякимъ образомъ[ь] направлѣти и възвратѣти тоу злобоу на казаніемъ[ь] и оученіемъ[ь]“.

¹³¹⁾ „Тоже сѣтворити, читаемъ дословно въ Кормчей свято-онуфріевского монастыря, „[и сѧ тѣми] иже безъ[х] стѣда и безъ срама двѣ женѣ имѣють кромѣ нашеѧ вѣры и греческое благовѣрство“.

¹³²⁾ Хотя полигамія была когда-то общимъ у всѣхъ славянскихъ народовъ обычаемъ, но на основаніи объяснительныхъ словъ, присоединенныхъ къ правилу предъидущему [срав. прим. 130], а черезъ слова: „тоже сѣтворити“ [см. прим. 131] относящихся отчасти также и къ правилу о двоеженствѣ, можно бы думать даже, что случаи эти [а кстати также и случаи сквернодѣніѧ и пр.] встрѣчаемы были въ то время, быть можетъ, у самыхъ только неславянскихъ подданныхъ русскаго государства.

¹³³⁾ Подлинный греческій текстъ Пандектовъ Никона не изданъ, хотя нѣкоторые древнѣйшіе ихъ апографы сдѣланы уже извѣстны издавна чрезъ посредство Котелера, Монфокона и другихъ ученыхъ [срав. Котелера, *Monum. ecclesiae graecae* т. III. стран. 428 и слѣд., 459 и пр.; срав. тоже Монфокона *Biblioth. Coisliniana*, стран. 189, 197, 295 и пр. а отчасти также и Розенкампфа *Обозрѣніе Кормж. книги* [изд. 1 стр. 187—189].

¹³⁴⁾ Онъ называется у Фабриція [въ его *Biblioth. graeca*] *Nicon iunior, monachus Raithensis Palertinus* [по славянс. переводу, монахъ обители пресв. Богородицы, именуемая Рондіевою, или Рондіевою въ Сиріи, близъ Антиохіи], *qui sub Constantino Duca, circa a. 1060 collegit* Πανδέκτην τῶν ἐρμηνειῶν τῶν θεῶν ἐντολῶν τοῦ κυρίου, *Pandectum de interpretatione mandatorum divinatorum, duobus distinctum libris et λόγοις sive capitibus LXIII.*

Ближайшія и болѣе подробныя свѣдѣнія о Никонѣ и его сочиненіяхъ собраны Невоструевымъ и Горскимъ въ составленномъ ими Описаніи слав. рукописей московской синодальной бібліотеки [Москва 1855—1862], отдѣлъ II, часть 3, стран. 21 и 37—44.

¹³⁵⁾ Сюда относятся въ особенности свѣдѣнія, сообщенныя Никономъ въ Словѣ XIX, XXII, XXVII и XL, но прежде всего свѣдѣнія, сообщенныя имъ въ словѣ XXXVI и XXXIX Тактикаона.

¹³⁶⁾ Извѣстіе это почерпнуто изъ предисловія, присовокупленнаго позднѣйшимъ греческимъ издателемъ къ Пандектамъ Никона, и находитъ свое полное подтвержденіе въ слѣдующихъ, заимствованныхъ изъ письма къ Герасиму, словахъ Черногорца: Π σίη οὐκο ὁ σιχ[з] нажданых[з] написахωм[з] тебѣ [читаемъ въ XXXVI словѣ Тактикаона, по львовскому списку на стр. 471] кз вѣдѣнію твоємѣ мало, так[о] да не так[ε] ὁ πѣрѣ испытѣши, нѣ едино тачиѣ, так[ε] ὁ дѣланих[з], и множае ничто; так[о] да не възѣе въ словопрѣніа себе възлагѣши и матежа книгѣ, таже знаєши, тѣкованіа заповѣдем[з] г[оспод]ним[з], аже написах[з] посипѣнієм[ъ] в[о]жієм[ъ] въ юности моеѣ [а затѣмъ, во всякомъ случаѣ, не позже 1060—1070 года], и аже ес[ть] здѣ въ с[вѣд]ѣніи Сімеонѣ.

¹³⁷⁾ При разсмотрѣніи славянскихъ списковъ Пандектовъ Никона мы пользовались прежде всего данными, сообщенными намъ [ср. примѣч. 134] въ вышеупомянутомъ Описаніи славянс. рукописей моск. синодальной бібліотеки, отдѣлъ II, часть 3, стран. 1—28 и 37—44, а кромѣ того, еще и двумя статьями проф. Срезневскаго, распространяющимися тоже о Пандектахъ Никона и помѣщенными въ Ученыхъ Запискахъ Имп. Ак. наукъ т. XX, 149—156 и XXI, 194—198.

¹³⁸⁾ Но если примемъ въ вниманіе, что древнѣйшій славяно-русскій списокъ книги этой [срав. примѣч. 139] былъ анографомъ другой, гораздо древнѣйшей [хотя и неизвѣстной нынѣ] славяно-русской копіи, и если дальше сообразимъ, что и эта древнѣйшая славяно-русская копія Пандектовъ Никона произошла въ свою очередь изъ еще древнѣйшей славяно-богарской [т. е. изъ занесенной къ намъ изъ Болгаріи] рукописи, то начало первоначальнаго славянскаго ихъ прототипа отодвигается, конечно, къ концу XI или къ первой половинѣ XII столѣтія.

¹³⁹⁾ Какъ, напримѣръ, въ списокѣ Пандектовъ Никона изъ 1294 года, находящемся въ моск. синодальной бібліотекѣ подъ № 217, или въ такомъ же списокѣ Панд. Никона изъ XIV вѣка, находящемся въ бібліотекѣ Чудова монастыря подъ № 157.

прилож.

46

¹⁴⁰⁾ По мнѣнію гг. составителей Описанія рукоп. моск. синод. библ., произошли пропуски эти и сокращенія [онѣ показаны тамъ же на стран. 21—22] оттого, что, въ слѣдствіе большого объема Пандектовъ Никона Черногорца, именно, въ слѣдствіе огромности работы, въ первоначальномъ слав. переводѣ многое было опускаемо, или изложено сокращеннѣе.

Но, не могли ли, спросимъ мы отъ себя, пропуски эти находиться уже и въ *греческомъ подлинникѣ*, изъ котораго сдѣланъ былъ этотъ первоначальный славяно-болгарскій переводъ текста?

¹⁴¹⁾ Какъ, напримѣръ, въ спискѣ москов. синод. библиотеки подъ № 218 изъ 1381 года.

¹⁴²⁾ Нѣкоторыя изъ этихъ своеобразностей, свойственныхъ новѣйшему славяно-болгарскому переводу, отмѣчены въ Описаніи рукоп. москов. синод. библиотеки на стран. 23—26.

¹⁴³⁾ Какъ, напримѣръ, въ спискахъ, находящихся въ той же моск. синод. библ. подъ № 219, 220, 221, 222, 223, 224 и 225.

¹⁴⁴⁾ Мы хотимъ сказать этимъ, что въ новѣйшее время предпринята была, безъ сомнѣнія, ревизія греческаго текста Пандектовъ Никона, виѣшнимъ знаменемъ которой были тоже указанная здѣсь, въ статьѣ этой, прибавленія.

¹⁴⁵⁾ Между иными также и списки Пандектовъ Никона, находящіеся, на сколько судить можемъ по сличеніи съ описаніемъ, въ библиотекѣ Царскаго подъ № 169—172 и въ другихъ библиотекахъ.

¹⁴⁶⁾ И быть можетъ, вслѣдствіе его личныхъ вліяній на дѣло.

¹⁴⁷⁾ Къ тому же славяно-серб. разряду принадлежитъ, между прочимъ, и тотъ экземпляръ, по которому предпринято было вышеупомянутое почтаевское изданіе Пандектовъ Никона 1795 года, и о которомъ въ послѣсловіи издателей сообщаются вполне удовлетворительныя данныя.

¹⁴⁸⁾ Въ Опытѣ библиографіи Сопикова подъ № 594, а въ Хронолог. росписи слав. старопеч. книгъ И. Каратаева [С.-Петербург. 1861] подъ № 452 упомянуты, между прочимъ, также и такіе [неполные] экземпляры Пандектовъ Никона, которые произошли изъ древняго острожскаго изданія [предпринятаго въ 1640 [?] году], но о которыхъ, по немнѣнію соответственныхъ данныхъ, мы не осмѣливаемся сказать что нибудь положительное.

¹⁴⁹⁾ Изъ записи, помѣщенной въ концѣ книги, естественно заключать, что настоящій экземпляръ Никоновыхъ Пандектовъ сдѣланъ въ 1601 году. „Дописана сѣа книга року в[о]жиа ѿѿѿ [=1601]“ замѣчено дословно на оборотѣ 499 листа [т. е. на стран. 996], какимъ-то не назвавшимъ себя по имени авторомъ. Но изъ нѣсколькихъ новѣй-

шихъ строкъ іеромонаха Теофила Городельскаго-Недобыльскаго [разсѣянныхъ по нижнимъ полямъ страницъ 21—39] выходить, что авторомъ находящихся теперь въ Львовѣ Пандектовъ Никона Черногорца былъ не кто иной, какъ архидіаконъ и уставникъ уневскаго монастыря [въ Уневѣ, въ Галиціи], называвшій себя Вассіаномъ и упокоившійся тамъ же въ 1639 году, сентября 7 дня. „Сию книгу, говорится дословно въ этой довольно замѣчательной по языку и другимъ даннымъ запискѣ Теофила Городельскаго, „сию душе-спасительную книгу Никона азы іеромонах[ъ] Теофил[ъ] Городельскій, постриженец[ъ] монастыря Уневскаго, даю и вѣчными часы дарую на общую ползѣ и для чтенія о Христѣ братіям[ъ] до монастыря Унева, до церкви Успенія пресвятой влад[ы]чицы нашеѣ в[огороди]ци и приснодѣвы Маріѣ, и за отпущеніе грѣхов[ъ] своихъ[ъ] и родителей[ъ] и сродников[ъ] моихъ[ъ], также и за грѣхов[ъ] отпущеніе рок[у] ѿѿѿѿ [=1639] мѣс[я]ца сентеврѣа дня ѿ [=7] преставлшася честнаго архидіакона Вассіана, Уставника Уневскаго, егоже въ прѣвѣ сѣа книга, юже он[ъ] сам[ъ] рѣкою своею написал[ъ]. И молю каждого, сию книгу чтущаго, да своѣми свѣтлыми молитвами и при литургіѣ святой молитвует[ъ] господа бога о мнѣ грѣшном[ъ], такожде и о родителяхъ[ъ] и сродникахъ[ъ] моихъ[ъ] и о зашлом[ъ] господиѣ отцѣ Вассіанѣ. Хоцѣуже, дабы сѣа спасительная книга в[ъ] святой свѣтели Уневской была и от[ъ] неѣ нѣхѣа жадним[ъ] способом[ъ] отдалена не была. А ежели бы ю любо старшій тоѣ свѣтели святоѣ, любо иный такий душегубный человек[ъ] для своего проклятого привытку, лакомством[ъ] Уведены будучи, смѣл[ъ] дерзнути таимъкодеком[ъ] способомъ от[ъ] тоѣ святоѣ свѣтели отдалити, албо на свѣѣ пожиток[ъ] обернути [дословно съ польскаго: albo na swój pożytek obrócić], таковой и в[ъ] будущий вѣчною, а нѣхѣа [=польск. nigdy] нештпущіною клятвою нехѣа будет[ъ] проклятъ, Ананиевою и Самфиріною, [и] для лакомства, так[ъ] свѣтокрадца [=польск. świętokradca] внезапу страшною смертію да умрѣти, и здѣ и въ он[ъ] вѣв[ъ] нехѣа будет[ъ] отлучен[ъ] от[ъ] святоѣ тройци, и от[ъ] царства небеснаго на страшном[ъ] сѣдѣ Христовом[ъ] нехѣа будет[ъ] отдален[ъ], а во Пюдино мѣсто и ко дѣаволом[ъ], до пекла, на вѣчныѣ муки нехѣа будет[ъ] одослан[ъ] амин[ъ]. Отдана же бысть сѣа душегубительная книга до церкви монастыря Унева рок[у] ѿѿѿѿй [=1648] мѣс[я]ца декеврѣа, дня ѿй [=28]. Ермонахъ Теофил[ъ] Городельскій-Недобылскій, закон[никъ] Уневскій руко [=польск. ręka] власною“.

¹⁵⁰⁾ Подлинный греческій текстъ этого предисловія съ латинскимъ переводомъ напечатанъ въ Монфоконовой Bibliotheca Coisliniana, стран. 189.

¹⁵¹⁾ Касательно древнѣйшаго славянскаго списка Пандектовъ Антиоха, находящагося въ библиотекѣ воскресенскаго Ново-Іерусалимскаго монастыря, и относимаго къ концу XI вѣка, сообщены были первыя свѣдѣнія К. Калайдовичемъ въ Іоаннѣ, Экзархѣ болг., стран. 95, прим. 31; но честь болѣе подробнаго ознакомленія ученыхъ съ памятникомъ этимъ принадлежитъ архимандр. Амфилохію и проф. Срезневскому, которые доставили болѣе

подробные о немъ данныя въ Извѣстіяхъ имп. Ак. наукъ т. V, 41—47, VII, 46—47, въ Матеріалахъ для словаря V, 161—190, VII, I—IV, и въ Древнихъ Памятникахъ рус. письма и языка 21—22, 173—175 и пр.

¹⁵²⁾ Какъ, напримѣръ, свѣдѣнія о времени ихъ написанія при императорѣ Константинѣ Дукѣ, о большой душевной ихъ пользѣ и о другихъ подобныхъ свойствахъ.

¹⁵³⁾ Въ рукописи московск. синодальн. библіотеки подъ № 219 и, вообще, во всѣхъ другихъ спискахъ, заимствованныхъ изъ того же славяно-сербскаго источника, названы выписки тѣ „Изложеніе[мъ] От[ъ] посланіа, еже къ игумену цр[ъ]кви с[вѣ]таг[о] Сумешна чудотворца, куръ Петрѣ; но по сличеніи съ посланіемъ тѣмъ [въ извѣстномъ намъ львовскомъ спискѣ Тактика на стран. 502—506], мы должны были убѣдиться, что изъ него взяты всего лишь мѣста отъ словъ: Прости ма, От[ъ]че мой, до словъ: и бл[а]г[о]датію в[о]ж[и]ю без[ъ] трѣда обрѣтае[тъ] каждо потребное въ кождо словѣ; взяты дальше еще и мѣста отъ словъ: И не мое се ес[ть], От[ъ]че мой, дѣло и пр. до словъ: Сего ради не чловѣческою силою съставиша, но в[о]ж[и]ствиною бл[а]г[о]датію; тогда какъ мѣста отъ словъ: Бгда по съзвѣщаних[ъ] великую книгѣ и пр. до словъ: И тако прѣписана высть и по нѣх[ъ] мѣстах[ъ] къ бездрожительнѣмъ вѣсѣх[ъ] пользы и пр. заимствованы, очевидно, изъ втораго письма къ отцу Іоанну, находящагося въ университетск. спискѣ Тактика на стран. 340. [Срав. впрочемъ еще и прим. 157].

¹⁵⁴⁾ Но мы должны замѣтить, что, кромѣ двухъ первыхъ страницъ, недостающихъ въ началѣ книги, уцѣлѣли всѣ прочіе листы въ состояніи вполне удовлетворительномъ, и помѣчены кирилловскими числами, идущими врьдъ отъ ѿ—ѿѿѿ [=2—499].

¹⁵⁵⁾ Но соображаясь, съ другой стороны, съ желаніемъ читателей, хотящихъ познакомиться съ полнымъ текстомъ соотвѣствующихъ писемъ Черногорца [срав. прим. 153], мы позволяемъ себѣ выписать ихъ здѣсь вполне [срав. прим. 156 и 157] и передать съ тѣми особенностями перевода и языка, съ какими онѣ сохранились въ извѣстномъ намъ львовскомъ спискѣ Тактика [см. статью VI с], находящемся въ университ. библіотекѣ подъ цифрою I A. 1. Мы начинаемъ, конечно, отъ передачи письма, въ которомъ [по львовскому списку Тактика стран. 502—506] знаменитый въ свое время сочинитель Пандектовъ обращается къ своему другу и отцу духовному Петру съ слѣдующимъ многознаменательнымъ отзывомъ: „Духовный мой От[ъ]че! Понез[е] бл[а]годатіа в[о]ж[и]а в[ъ] От[ъ]ца д[у]ховнаго мнѣ о помыслах[ъ] моих[ъ] оучиненъ вые[тъ], такоже[е] и прѣжде бл[а]же[н]ный бл[а]д[ы]ка мой кур[ъ] Лѣка, выный митрополит[ъ] анаварскый, и такоже[е] ономѣ, тако От[ъ] рожденіа моего и воспитаніа, исповѣдах[ъ] и на вѣмена пакы сказовах[ъ] и вѣданіе вѣсѣ моа, сицеже и тебѣ, такоже н[ы]нѣ, по кончинѣ оинг[о].. Тѣмъ се едино не рѣх[ъ] тебѣ,

іако хотѣх[ъ] стрѣнѣсѣ и оставити сіе [разумѣется, сіе учительства моего званіе и все неотлучныя отъ учительства этого должности писателя и сочинителя]. Пынѣ оубо, понеж[е] не выс[ъ] іакож[е] глаголах[ъ] и іакож[е] неписевах[ъ], нѣ пач[е] и ѹтвердѣсѣ, не хотѣх[ъ] скрывати се, іакож[е] и чинѣ и послѣдованіе законноположеніа хр[и]стіанскаг[о] и мат[ѣ], пач[е] же тебе прѣвѣ дѹховнаг[о] моего Ѡ[т]ца. Прости мѣ, Ѡ[т]че мой, оучителское слово недостойнѹ ми сѣшу и недовѣряи на се немощи моеи. [Это значитъ другими словами: „Прости мя, отче мой, во-первыхъ, за то, что я утайхъ отъ тебя мое намѣреніе отказаться отъ врученнаго мнѣ учительства и отъ всѣхъ другихъ учительскихъ должностей, а во вторыхъ, и за то, что я не остался при намѣреніи этомъ, но взялъ на себя трудъ, который былъ выше моего достоинства и выше моихъ умственныхъ силъ и знаній]. Но, всещедрый чол[овѣ]комовець в[ог]ъ не взят[ъ] на се, нѣ своим[ъ] обычнѣ чол[овѣ]комовіем[ъ] оусмотрѣвъ и мнѣ сѣдбами, сам[ъ] вѣс[ъ], и по скончани вл[а]женаго вл[а]д[ы]кѣ моего и Ѡ[т]ца, чол[овѣ]комовець Г[оспод]ь дарова и взычѣ ми слово, ради пр[е]ч[и]стым[ъ] м[а]т[ѣ]ре его в[огороди]цѣ, не іако достойнѹ, нѣ іакоже прѣдрекохъ, и мнѣ сѣдбами, вѣс[ъ] того обычное чол[овѣ]комовіе. Потом[ъ] же пакы, при дѣлѣх[ъ] вл[а]женаг[о] патріарха квр[ъ] Феодосіа, ѹтвердѣсѣ [привзаніе то], и взычѣ мнѣ Г[оспод]ь в[ог]ъ сворноѹ церковнаѹ [разумѣется, право быть учителемъ божественныхъ истинъ и толкователемъ завѣщаннаго намъ св. апостолами и отцами закона]. И азъ оубо, аще и чрѣзь достоинства взычѣнъ вых[ъ] и прѣх[ъ] се, нѣ, елико по силѣ моеи, в[ог]ъ сзпоспѣшествовахъ ми, не свѣдѣхъ, нѣ призвое оубо, еже в[ог]ъ дас[ъ], сзписах[ъ] житіа и дѣла іеродимых[ъ] мѣжѣ, ниже вѣ сѣ вѣмъ павашинхъ, и нѣкых[ъ] оубо добродѣтели свѣршѣны, дрѣгных[ъ] же добродѣтели и паденія смѣшѣна, раздѣм[ъ] и мѣ вѣ н[ы]нѣшнем[ъ] родѣ, да сѣви оубо, взымающе добродѣтелем[ъ] же и даровом[ъ] в[ог]жѣим[ъ], не ослабѣетѣ кѣ трѣдѣм[ъ], ни прѣстѣт[ъ] Ѡ[т]цѣ дѹховнаг[о] теченія, друзѣи же пакы да не надѣатѣ на подвигы тѣх[ъ] и в[ог]жѣа дарованія и разслабѣтѣ вѣ сѣтѣ помыслѣм[ъ]. И іако свѣршихъ до конца [разумѣется, книга сѣя], искѣсѣхъ ю, и не выс[ъ] на оустѣх[ъ] [вмѣсто успѣхъ], нѣ пачѣ на вѣд[ъ] подѣаема вѣ, [и] сзжегохъ сѣа вѣсѣ. И не пощѣдѣх[ъ] трѣда своего, нѣ сѣдих[ъ] дрѣвних[ъ] старецѣ свѣдѣтельствовавшихся[ъ] и явленныхъ житіа же и сзписанія да трудолюбствѣ и послѣжѣ искрѣним[ъ] и сѣвѣ. И на се чол[овѣ]комовець Богъ ѹтврѣзе дверь недостойномѹ, ради молитвѣ в[огороди]цѣ, Ѡ ней же и даръ дарова. И призвое оубо сзписах[ъ] великѣа книгѣ, прѣимѣщѣа тѣкованія заповѣдем[ъ] г[оспод]ним[ъ], по послѣдованію же дѣлаа оучительства, сзравѣщаа кѣ ним[ъ] и дѣла в[ог]жѣствѣных[ъ] Ѡ[т]цѣ и с[вѣ]тыхъ сворѣ, и сѣеж[е] и градскѣа законы. Потом[ъ] же пакы даж[е] до н[ы]нѣ, елико по силѣ моеи, еже дарѣт[ъ] в[ог]ъ, другѣа книги и различнаа сзписанія на полѣа искрѣним и мнѣ самомѹ елико противѣ силѣ моеи [пропущено написать] не свѣдѣх[ъ] сѣ. И[н]ѣ же, Ѡ[т]че мой, вѣсхотѣх[ъ] стрѣнѣсѣ [sic!] сего, и свѣрѣх[ъ]

церкви прѣдначальствующи не простиша мѡ, нѡ, егда бѣше ту вл[а]д[ы]ка мой Сакелій и прочіи, позва[ша] мѡ и бесѣдоваша ми, и азъ тѣм[ъ], пач[ѣ] же митрополитѣ аданскому, іако единомѣ от[ъ] сиух[ъ] възсѣх[ъ], и не сзѡтведохсѡ, въз іаже ми рекоша. Егда же ми рекоша: въз сзборнѣа церковь сзгласишасѡ, и написаша ми писаніе, повелѣвающее ми въз Ѹчительство же и въз иныѣ вещи, и послаша ми то съ митрополитом[ъ] аданском[ъ], и прочьтох[ъ] то, и іави ми сѡ тѣжко, еже сѡбходити горѣ и долу и не сзсоставишасѡ, іакож[ѣ] прѣжде, кѡ Ѹчителем[ъ], и, прости мѡ, не пріѡх[ъ] сїе, нѡ възвратих[ъ] є, іако хотѣшу ми въз безмѡвїи, без[ъ] мѡтежи, прѣбывати отсели. И пакы ни въз сѣм[ъ] простиша мѡ, нѡ сѡблѣгчиша є, іакож[ѣ] бѣ лѣпо и іако мога въз вѣдѣти, и послаша мене и пач[ѣ] тако писаша ми тамо: „іако понѣди тѡ сзборнаа церковь въз таковое служеніе“. И прѣвѣ пакы различна писанїа ми писаша, глаголюще: „іако мы вѣждо от[ъ] церковник[ъ], ниж[ѣ] своа можем[ъ] оуправити въз вѣмена сїа, понѣ ты не отрицайсѡ, нѡ, еже аще сѡврѣиши въз в[о]ж[ъ]ствєных[ъ] писаних[ъ], не сѡблѣнїйсѡ сзписавати“. И ина многа ми писаша, прѣжде даже послати ми сїе повелительное писаніе. И сїа оубо възсѣхъ сзвѣды азъ, от[ъ]че мой, от[ъ] начала дѡх[ъ] до послѣжде, и оубоавсѡ вѡжїа сѡда, и паче іако безвѣдно бѣ, и прѣвое и из[ъ] начала мое сзсмотреніе не прѣкрацающе, аще и недостонн[ъ], нѡ, сѡбаче, пріѡх[ъ] повелительное благословеніе и благодать, іак[о] от[ъ] рѡкы г[оспод]а в[ог]а и сп[ас]а нашег[о] и пр[е]ч[ъ]стѡг[о] м[ат]р[е] и вл[а]д[ы]ч[ъ]цѡ нашѡ и вѣрховнаго ап[ос]т[ол]ом[ъ] Петра, егѡже престолѣ [sic!] апостолским[ъ] антїохїйскы град[ъ] почьтен[ъ] выс[ъ] патріарх[ъ] быти възсему възстонѣ. И пакы книги, аже написашасѡ, сзбраны быша въз єдино от различныих[ъ] книг[ъ], [и] благодатїѡ Х[ристов]ѡ възсѣхъ трѣда сѡврѣиет[ъ] вѣждо потрѣбное въз коєждо словѣ. И не мое єст[ъ], от[ъ]че мой, дѣло, зане, іакоже възси видѣт[ъ], невѣжда єсмь и поселѣннѣ, и [не] прилич[на] сїа по єст[ъ]ствѣ таковых[ъ] сѡт[ъ], аще не дѣйствѣет[ъ], еже паче єст[ъ]ства. И сего ради, іакож[ѣ] мѡ, не от[ъ] чол[овѣ]чьскыѣ силы сзсоставлены быша, нѡ от[ъ] в[о]ж[ъ]ствєнныѡ вл[а]г[о]дати, іакож[ѣ] и прѣдрекѡх[ъ], сказѡ вещь іак[о] д[ъ]ховному моемѣ от[ъ]цу. О сиух[ъ] оубо възсѣх[ъ], с[вѣ]т[ъ] мой от[ъ]че, аще наставляет[ъ] тѡ в[ог]а, да молишасѡ о мѣ, іако да дас[ъ] ми в[ог]а вѣрност[ъ] и силѡ и разум[ъ], да безвѣдѣт[ъ] послужѣ слѣжителство мое, іако да сѡврѣишѡ милость от[ъ] в[ог]а, от[ъ]дающего комуждо по своемѣ дѣлѣ. Прости мѡ, с[вѣ]т[ъ] мой от[ъ]че!“

156) Тѣ же факты, но въ словахъ болѣе сжатыхъ и вразумительныхъ, разсказываются и въ письмѣ къ Герасиму [т. е. въ XXXVI словѣ Тактикѡна, стран. 467—468] и гласятъ такъ: „Еже же вѣждѣ, д[оу]ховное мое чѡдо, зане, іакож[ѣ] и прѣжде, при д[ѣ]нѣх[ъ] вл[а]женаг[о] патріарха кѡр[ъ] Ѳеод[ос]їа, вѣрѣчено ми выс[ъ] и повелѣно Ѹчительство, недостѡйнѣ сѡиѣ ми, [и] нынѣ же пакы не простиша ми сѡставити прѣдначальствующи и архіе-

рее съборнымъ и ап[осто]лскимъ цр[к]кви, нѣ пач[е] потврдишѣ и написашѣ съ оутврждѣнемъ[ь] повелителное, и послашѣ ми то съ квр[з] Самѣиломъ[ь] митрополитомъ[ь] аданскимъ[ь]. Да так[о] съмотрихѣ таготно ми быти и пач[е] мѣры моеѣ, не прѣх[з] то, нѣ възбранихѣ[ь] сѣ, м[о]-лѣсѣ, заеж[е] любити ми безмзвѣе и странничество. И[ь]нѣ Ѹво паки овлекшишѣ то, також[е] лѣпо вѣшѣ [и] безвѣдѣ, и послаше ми е съ д[оу]ховнымъ[ь] братомъ[ь] квр[з] Козмѣ, квр[з] Романовѣмъ[ь], тоу сѣцаг[о] затворника. И оубоу хсѣ сѣда в[о]жѣа паки второе возвратити то, тако не имат[ь] нѣкое недѣвство, неже пач[е] мѣры моеѣ, ниж[е] забавѣши мѣ, въ иже имѣх[з] прѣжде разѣм[з]. Пач[е]же и писашѣ ми: „тако принѣждает[ь] тѣ съборнаа цр[к]кви на се“. И сего ради прѣх[з] то вл[а]гословиѣ, аще и недостойнѣ сѣцу ми, сѣт[з] съборнымъ и ап[осто]лскимъ цр[к]кви, так[о] сѣт[з] рѣкы г[оспо]да и в[ог]а и сп[а]са нашег[о] и преч[ис]-тѣмъ м[а]т[е]ре ег[о] в[огороди]цѣ и вл[а]д[ы]кы нашег[о] Петра, врѣховнаг[о] ап[осто]ломъ, о немъ[ь]же и патріаршескимъ[ь] пр[е]ст[о]ломъ въсего възтока андіохійскый град[з] почтен[з] выс[ть]“ и пр.

157) Что положенія эти [срав. прим. 153] отъ словъ: „Гда бо съвзвѣних[з] великую книгу“ и пр. до словъ: „И тако прѣписана выс[ть] и по ниѣх[ь] мѣстох[з] и пр. заимствованы въ самомъ дѣлѣ изъ письма къ отцу Іоанну, показываетъ простое ихъ сличеніе съ соотвѣтствующимъ мѣстомъ, которое въ словѣ XXII Тактикона [по львов. списку на стран. 340—341] записано слѣдующимъ образомъ: „И се вѣды аз[ь] оумиленый, овач[е] же не сѣт[з] себе, нѣ испрѣва оумолен[з] быв[з] сѣт[з] нѣкых[з] вратей и сѣт[е]цѣ, съчетах[з] овач[е] великѣмъ книгѣ, и не просто и також[е] прилѣчисѣ сѣмъ въ явленіе принесох[з] испрѣва, нѣ въ съборнѣй цр[к]кви, рѣкше патріархѣи, истазана выс[ть] и показана, и сѣт[з] самого сакелѣа патріархова, иже и митрополит[з] выс[ть] Междорѣчю, сгоже и ты вѣси, и прѣписана выс[ть]. И овач[е] не о нѣкых[з] догматох[з] имѣше видѣніе, нѣ възсѣ дѣла вѣше, и съкрзвеннымъ[ь] сѣт[з] вож[ь]ствных[з] писаній и заповѣдемъ г[оспо]д[ь]нымъ[ь] имѣше тѣзкованіа. Извѣщеніа же рад[и] моег[о] недос[то]инства же и невѣждства, не тѣмъ въ съборнѣй цр[к]кви, нѣ сѣт[з] многих[з] страны сѣмъ разѣмѣишних[з], испытана выс[ть] и истазана, и не оврѣтесѣ ничьсѣж[е] сѣт[з] съпротивных[з], вл[а]г[о]датѣмъ в[о]жѣсѣ. И тако прѣписана выс[ть] и въ дрѣгыхъ страны, къ възсѣх[з] овдрзжителѣ полси.

158) Слова эти: „Вице оглашена бывши“ и пр. прибавлены, по всей вѣроятности, самимъ составителемъ предисловія, ибо не находятся ни въ письмѣ къ игумену Петру, ни въ письмѣ къ отцу Іоанну, ни гдѣ нибудь на иномъ мѣстѣ Тактикона.

159) Это весьма любопытное „Исповѣданіе вѣры“ передано въ свято-онуфріевскомъ спискѣ Пандектовъ Никона [варіанты, означенные скобками, заимствованы по извѣстному намъ львовскому экземпляру Тактикона] слѣдующимъ образомъ: „Азь же, аще и недостойнъ ни единого слова есмь [ни единомъ словеси], но оваче, такоже мнѣ, мних[з] есмь и,

благодатию в[о]жїею, приближаася всею д[оу]шею моею [и] оубо инокъ сый и, іакже инокомъ[з] подобаща, іакже испрѣдъ, опасно свѣды и та хранити иставѣмъ[з], сиухъ оуставомъ[з] послѣдѣ ѿ г[оспод]и сжединенѣ, [и] ради Х[ристо]вы вл[а]г[о]дати, присвоася всесѣ моеѣ д[оу]шеѣ и дыханіемъ[ь] и привѣгаа въ свѣриѣи и ап[осто]лѣстѣи цр[ь]кви и, елико [елика] с[вѣ]щеннаа писаніа пріать [прѣ]дла ес[ть] ѿ[з] с[вѣ]тл[у]хъ[з] ап[осто]лѣ и с[вѣ]тл[у]хъ[з] ѿ[т]ѣць честныхъ[з] свѣорз, любезнѣ, ѿ[з] глубины сердца и многю вѣрою пріемла, и всѣ свѣт[ите]лѣ с[вѣ]щенники и весь причетъ[з] прѣдпочитаю, и недостойный рабъ ихъ[з] быти исповѣдоу, и съ ними хоцоу быти не ѿтлѣченъ[з] [и] съ ними ѹдо быти ми свѣорныхъ и ап[осто]лѣскихъ цр[ь]кве; раздраніа же и снѣмница [раздоры же и снѣмницѣ] бывающаа въ цркви, и паче же ереси [и паче іакъ[є] ѿ[з] произволеніа, сице], тако вѣгаа, іакже кто вѣжитъ ѿ[з] змѣа. Да аще и сзпротивно зло кое пріемѣ ѿ с[вѣ]тл[у]хъ цр[ь]кви и ѿ законѣ же и оученію [и аще сзпротивно что постраждѣ ѿ с[вѣ]тл[у]хъ цр[ь]кви и законохъ[з] же и догматъхъ[з], іакже исприва пріать [ихъ[з] же изъ[з] начала пріемла ес[ть] цр[ь]кви ѿ[з] с[вѣ]тл[у]хъ[з] и вл[а]женныхъ[з] ѿ[т]ѣць, сіе плодъ[з] вѣнѣю и врачевство увосѣ ми [сіа плодъ[з] вѣнѣа... и врачеваніа ѹмиленѣи ми] доуши, възмогающоу ми [ма] г[оспо]доу Иису[су] Х[рист]оу. П прѣвое убо Несторіа, тысящами [тысящю] проклѣтаго, тьмами проклінаю, іакъ на пр[ε]ч[и]стую ми [моѣ] в[огороди]цу хлѣвивша, и, іакъ пса вѣсна, с[ъ] нимъ[ь] [же и] Арїа, іакъ на с[ы]на еѣ и вожіа [іакъ на еѣ и с[ъ]на в[о]жіа] хлѣдоу рекше, проклінаю такожде. Вѣрѣю же [и] исповѣдоу ѿ[т]ца и с[ы]на и с[вѣ]таго д[оу]ха, троїцоу єдиносущноюу и нераздѣлмоуу и несзлитѣю, просто [просто] оубо тако вѣрѣю всею д[оу]шею моею [и] исповѣдаѣ, еже ѿ вѣрѣ, ученіе [и елики вселейскихъ и помѣстныхъ свѣтл[у]хъ свѣоры пріать свѣорнѣа [sic!] цр[ь]кви ѿ[з] в[о]гносныхъ ѿ[т]ѣцъ, и сиухъ вѣистинѣ свѣтл[у]хъ и наставники чл[овѣ]кѣхъ[з] быти слава; азжеименитыхъ же тоуждѣихъ[з] оучителѣ и свѣорныхъ[з], такожде и всѣ тѣхъ[з] мѣдрованіе проклінаѣ”.

¹⁶⁰⁾ Мы приводимъ нарочно заглавія эти въ полномъ текстѣ, чтобы тѣмъ, кто захотѣлъ бы заняться ихъ сличеніемъ, доставить пособіе.

¹⁶¹⁾ Срав. кромѣ того еще Котелера, *Monum. ecclesiae graecae* III. 428 слѣд. 459 и 644; Розенкампа, *Обозрѣніе Кормчей книги* прибавл. VI стр. 190—195; Строева, *Рукописи славянс. и россійскія, принадлежащія И. И. Царскому*, Москва, 1848, № 169—172 и пр.

¹⁶²⁾ Источники, изъ которыхъ почерпнуты свидѣтельства Никона, собраны были въ первый разъ Фабриціемъ и, съ дополненіями рус. библіофила Лаптева, напечатаны еще разъ у Розенкампа въ *Обозрѣніи Кормчей книги*, прибавл. VI. стр. 196—200.

Мы замѣтимъ съ нашей стороны всего лишь то, что выписки изъ Лавсанческаго Патерика приводятся не только въ XLIII и LVII, но ксати также и въ XLIII словѣ.

¹⁶³⁾ Съ какимъ уваженіемъ принята была книга сія современниками, показываетъ всего лучше патріархъ антiохійскій Іоаннъ IV, который въ письмѣ своемъ къ Никону [въ львов. списокъ Пандектовъ на лицевой сторонѣ 499 листа] отзывается о ней слѣдующимъ образомъ: „Пріяхъ чѣстное твое посланіе, в[о]любезнѣйшій о[т]че, и съ ним[ъ] обдѣржительною а[о]ушнелозныхъ[ъ] в[о]ображеній и оученій книгѣ, юже изложи сватини твоѣ, събравші, таже в[ъ] ней, о[т] вѣшнихъ[ъ] же и вѣтрзнихъ[ъ] писаній и сложивши поспѣшеніем[ъ] сѣцаа [=сѣцаа] в[ъ] тебѣ в[о]ж[ъ]ственнѣхъ вл[а]г[о]дати, в[ъ] общію христомени-тыхъ[ъ] людій ползю, такоже нѣкаа пчела вл[а]горазумнѣ мед[ъ] сложивъ. П по твоему повеленію и [твоей] заповѣди прочтохъ[ъ] тоу [разумѣется, книгу] и, оужасенъ о[т] вѣшнихъ[ъ] сѣцаа в[ъ] ней вл[а]г[о]дати выв[ъ], мнѣхъ[ъ] съ о[т] радости, тако играти и скакати. П руцѣ, такоже нѣціи крилѣ простеръ, мнѣхъ[ъ] тако птенецъ лѣтати, и лѣтаніе, такоже къ Тебѣ, сътворити. Обаче же пакы, къ еже на се ес[ъ]твоу немоціюмъ обративъ помысли, инѣю свѣрѣтхъ[ъ] къ радованію кознь; съзавъ во всѣ, иже о словесехъ[ъ] и в[о]ж[ъ]ствныхъ[ъ] оученій многотчаніе имѣцаа, и тако многотчанію трапезѣ тѣм[ъ] сію предложихъ[ъ] книгоу. П вси при-снотекѣщаго о[т] немъ в[о]ж[ъ]ствнаго причастишася медуу. Всѣ во твоѣ опасна и без[ъ] порока съть, и тако о[т] в[о]ж[ъ]ствна источника истѣкающа“.

¹⁶⁴⁾ Нѣкоторыя извлеченія изъ Пандектовъ Никона разбросаны были, впрочемъ, и по частнымъ [большую частію затерянныхъ уже] запискамъ людей ученыхъ XVI—XVIII вѣка, какъ убѣдиться можемъ въ этомъ изъ упомянутыхъ на другомъ мѣстѣ [срав. статью III настоящаго реферата] записокъ Кирилла Транкв. Ставровецкаго, въ которыхъ, въ числѣ другихъ статей, попадалось намъ также предисловіе новѣйшаго писателя, начинающееся отъ словъ: „Антіохъ ѿбо онъ, иже всѣмъски всего мира ствѣрѣгъсѣ“ и пр. А такъ какъ Кирилл Т. Ставровецкій былъ довольно частымъ гостемъ уневскаго монастыря, того самаго, гдѣ Вассіанъ былъ архидіакономъ и уставникомъ, то легко быть можетъ, что предисловіе это заимствовано дословно изъ вышеописаннаго Вассіанова, или свято-онуфріевскаго списка. По крайней мѣрѣ, нѣтъ другихъ болѣе положительныхъ поводовъ, которые заставляли бы сомнѣваться въ высказанномъ здѣсь предположеніи.

¹⁶⁵⁾ Срав. главу XX и LXX печатнаго изданія Бормчей.

¹⁶⁶⁾ Выраженіе: „Недостижѣши до єдиног[о] златника“, кажется, ошибка, ибо въ Словѣ XXVII [оно приводится сей часъ же послѣ] сказано положительно, что малая книга Пандектовъ Никона стоила одинъ златникъ съ половиной.

¹⁶⁷⁾ Срав. Ангела Мая, *Auctorum veterum collectio nova* IV, 158, а кстати также и Описаніе слав. рукоп. москов. синод. библиот. т. II, 3, 43.

¹⁶⁸⁾ Описаніе слав. рукоп. синод. библиот., тамъ же.

¹⁶⁹⁾ Онъ находится въ библиотекѣ университетской во Львовѣ подъ цифрою I—A—1. прилож.

170) Монастырь Драгомирна находится тоже въ теперешней Буковинѣ и славится, какъ мѣсто, въ которомъ еще и теперь можно найти нѣсколько замѣчательныхъ славянскихъ и румынскихъ рукописей.

171) Срав. сказанное нами въ статьѣ о памятникахъ апокрифической литературы въ Галиціи.

172) Въ одномъ изъ сочиненій Петра Могилы [мы не помнимъ уже, въ которомъ именно] названы, напримѣръ, иноки бывшаго манявскаго скита въ Галиціи „ангелами изъ человѣческой плоти“, около 200 вмѣстѣ.

173) „Потребно же есть свѣдѣти, свидѣтельствуеть самъ Никонъ Черногорецъ въ концѣ своего предисловія къ книгѣ Тактиконъ [по львов. списку на стр. 21—22], „іако различни тѣпикы, стѣдїйскыя же и іер[оу]с[а]л[и]мскыя, прочытохъ и свѣрахъ, и не съглашашася одинъ [въ текстѣ поставлено по ошибкѣ: иди] къ дрѣгомѣ, ниже стѣдитскыи съ дрѣзѣмъ стѣдитскыи, ни іер[оу]с[а]л[и]мстїи съ друузѣми іер[оу]с[а]л[и]мскыи. Въ снх[ъ] оубо недѣлѣвъ, испытахъ [ъ] въ разѣмныхъ [ъ] и дрѣвнихъ [ъ] и вѣдѣніе таковымъ [ъ] имѣиныхъ [ъ], іако множайше съ [ъ] еже искѣстишмъ [ъ] быти имъ [ъ] въ обитѣли прѣп[о]д[о]бнаго [о] съ [ъ]ца нашего Савы въ іер[оу]с[а]л[и]мшхъ [ъ], въ цр[ъ]квоначалнїи же и стронелнїи слѣжбѣ, и даже до самого игѣменскаго прѣстола дошедшихъ [ъ]. Имѣа оубо снхъ [ъ] разѣмъ же и свѣтъ, попекохсѣ съ дрѣвнемъ іер[оу]с[а]л[и]мстѣмъ, и ѡбо о еже о чинѣ цр[ъ]ковномъ [ъ] и пѣніи, и о инѣхъ [ъ] нѣкыхъ [ъ] нѣждныхъ, не имѣиныхъ [ъ] вѣды съ [ъ] в[о]ж[ь]ствнаго [о] писанїа, нѣ оубо и съ дѣлнмихъ [ъ] нѣкыхъ [ъ] винахъ [ъ], ради належѣщаго вѣда, и іако ни съ [ъ] в[о]ж[ь]ствныхъ [ъ] писанїи имѣхъ [ъ] свѣдѣтельства прѣдѣвлєніи тѣпїи, нѣ просто тѣчїа гл[а]голѣще сїце: „іако се да творимъ [ъ] и се“. Азъ [ъ] же, аще и недостойнъ [ъ] нѣ, іакоже мнѣ, свѣтаа же писанїа и с[вѣ]тымъ съ [ъ]ца паче мѣры люблѣ, не трѣпѣ чл[овѣ]ч[ь]скаа прѣданїа прїемати, ниже свой разѣмъ, или своѣ волю, нѣ, еже по силѣ мое[й], трѣдолюбствовавъ поспѣшествѣмъ в[о]жїемъ, и оубо іаже вѣдѣ творѣща дѣйствномѣ житїю сътворѣ, избрахъ іаже ѡспѣшнаа съ [ъ] в[о]ж[ь]ствныхъ [ъ] писанїи, и съ [ъ] тѣхъ же самѣхъ тѣпикъ потрѣбнаа [и съединихъ, разумѣется, въ одно цѣлое]. [И] бысть Х[ри]стовѣмъ благодѣтїа свѣдѣтельствовань [надо прибавить: тѣпикъ съ] съ [ъ] в[о]ж[ь]ствныхъ [ъ] писанїи, а не съ [ъ] мене недостойнаго Нїкїи; занеже вѣсе еже безъ [ъ] свѣдѣтельства, своеволю же и волю имѣа и въ зазорѣ ес[ть].

174) Но мы должны замѣтить, что предполагаемый здѣсь древнѣйшїй переводъ На-ставленїи неизвѣстенъ пока еще ни въ одномъ экземплярѣ.

175) Изъ сохранившихся понынѣ славяно-русскихъ списковъ Тактикона всего древнѣе этотъ списокъ, принадлежавшїй прежде монастырю на Лисичьей горѣ въ Новгородѣ [а теперь принадлежитъ публичной С.-петербургской библиотекѣ], списокъ, который, судя по примѣчанію писцевъ, Якова да Пимена, скопированъ былъ въ 1397 году изъ какого-то,

во всякомъ случаѣ, древнѣйшаго слав. апографа, принесеннаго сюда изъ Афонской горы игуменомъ Лисичей горы Иларіономъ [Срав. Срезневскаго, Древніе памятники рус. письма и языка стр. 129—130].

¹⁷⁶⁾ А всего болѣе съ рукописями, находящимися въ настоящее время въ москов. синодальной библиотекѣ [Срав. Описаніе Невоструева и Горскаго № 226—229 включительно].

¹⁷⁷⁾ Въ Описаніи Невоструева и Горскаго [И. ч. 3. стр. 28] говорится лишь о предисловіи вообще, какъ бы о статьѣ одного и того же автора. Но мы должны замѣтить, что предисловіе это состоитъ изъ двухъ различныхъ по происхожденію частей: 1) изъ статьи [по львов. списку Наставленій на стр. 1—6], начинающейся отъ словъ: „Сѣ троудомѣе сѣа книги сѣтворено быс[тъ] къ ползи хотѣщимъ[з]“ и принадлежащей другому новѣйшему писателю, кажется, тому самому, которымъ составлено было также и предисловіе къ Пандектамъ Никона, и 2) изъ статьи, начинающейся отъ словъ: „Сѣ нынѣ изложено бысть нами бл[а]годатію в[о]ж[ь]стивъ[з]“ и принадлежащей [срав. выписки, сообщенныя въ прим. 159 и 173] самому автору Тактикона. А что мы не ошибаемся, высказывая здѣсь мнѣніе, не выраженное пока еще никѣмъ, доказываетъ всего болѣе то обстоятельство, что въ приписываемой нами новѣйшему издателю статьѣ говорится о сочиненіяхъ Черногорца не въ первомъ [какъ то дѣлается Никономъ постоянно], но въ третьемъ лицѣ, и что книга Пандектовъ названа здѣсь великою и „всєкрасною“ книгою, т. е. снабжена эпитетомъ, который въ устахъ Никона не только что былъ бы неумѣстнымъ, но противорѣчилъ бы рѣшительно свойственной ему скромности. „Понеже бо, гласить мѣсто то дословно, „Отъ[з] прѣдваршихъ[з] мѣт[з] в[о]ж[ь]стивныхъ[з] писмѣй глаголи [т. е. словеса], сѣи оубо отъ[з] нѣкихъ[з] инако сказаны быша, сѣи же и отъ[з] невѣдѣніа—а сѣе зѣйшее възсѣхъ[з] и отъ[з] прѣшвыданіа и прѣзорства дрѣвнѣи.. и [такъ] въ различны ереси, такожде и прѣлести распротрѣсѣа лютей сѣи недѣль, [то] въ врачеваніе же сѣихъ възсѣхъ отъ[з] в[о]ж[ь]стивнаго промысла, такоже и выше [разумѣется, въ предисловіи къ Пандектамъ того же автора] рѣхшмъ[з], сѣтворена бысть прѣвѣе оубо възскраснаа и великаа книга. И въ ней сѣчѣтана быша къ заповѣдемъ[з] г[о]спод[н]имъ[з] и сѣихъ[з] истиннаа сказаніа, такоже отъ[з] а[оу]ха с[вѣ]т[а]го с[вѣ]тлыми о[т]ци истлѣковани быша, такоже и в[о]ж[ь]стивнаа правила с[вѣ]тлыхъ[з] о[т]цѣи и отъ[з] тѣхъ[з] самѣхъ[з] градскихъ[з] закнѣи [они взяты Никономъ почти все изъ Кеімева Фотіева Номоканона] тако да кждо отъ[з] хотѣщихъ[з] потребеое възключимѣмъ[з] чинѣи и свосмъ[з] врѣмени приплодитъ[з] ползѣа. Въ послѣднѣа же пакы отъ[з] сѣихъ възсѣхъ[з] по послѣдствѣіи притчи и истлѣзанію, нѣкихъ[з] възысканій, или възпрошеній ради, въз посланихъ[з] къ възрѣшѣмъ разѣмѣнію и спасѣнію въз сѣи книзѣ [т. е. въ книгѣ Тактиконъ, или въ книгѣ Наставленій для монаховъ] извѣстѣи и потыкѣи положена быша отъ[з] в[о]ж[ь]стивныхъ[з] и правед-

ных[з] писаній паки, а не от[з] иного разѹма [Никонъ здѣсь непременно сказалъ бы: отъ моего разума], или от[з] несправедна писанія. Отнаѹ же, и аще что инако нѣ- како, кромѣ сих[з] всѣх[з], мѡдрствѣет[ь] кто, или г[лаго]лаѡ, или тѣкѡ, или паче истин- нѣе рещи развращаѡ по прѣлѣсти своего оума, тако васнѣ сѣмотрителнѣ творѡ, не малѡ вѣдѡ ради сих[з] всѣх[з] на сѣ [вмѣсто на сѡ] привлѣчет[ь], такоже въ прѣднѣих[з] прѣдложивъ покажет[ь] слово. Ибо не от[з] нѣкых[з], пѣтское имѡщих[з] мѡдрованіе, сіа положена бы- шѡ, такоже прѣдваривше рѣхѡм[з], нѡ тако от[з] в[о]ж[ь]ствнаго д[оу]ха г[лаго]ленаѡ, с[вѣ]- тыми же ап[о]с[то]лы и в[о]ж[ь]ствными сѣвори и всѣми с[вѣ]тыми от[т]цы“ и пр. и пр. Но мы идемъ еще дальше, и на основаніи заключительныхъ словъ, присоединенныхъ къ разсматриваемой здѣсь статьѣ, и гласящихъ такъ: „Нѡ сіа оубо всѣ от[з] начала даже до здѣ произыде слово отъ притчи сѣѡ книгы; начинѡ же оубо и оуказа сѡ, ѡрѡждѣна имѡщѡ [этотъ оборотъ заимствованъ, очевидно, изъ собственныхъ словъ Никона, именно же изъ слова XXVII стр. 391] посланія и притчѡ единого коегождо посланія къ вѣдѣнію ѹченномѡв- ных[з], или пач[е] рещи в[о]гѡлюбных[з] и произвольных[з] на ползѡ; приложити же слово потом[з] и сѣворное“ мы не можемъ не выразить убѣжденія, что тѣмъ же новѣйшимъ писателемъ присовокуплено было тоже и не находящееся въ первоначальномъ изданіи, но весьма удобное для читателей подробное оглавленіе книги, или точнѣе собраніе тѣхъ заглавій, которыя самымъ авторомъ Тактикона предпосланы были каждой статьѣ отдѣльно. А если такъ, то легко быть можетъ, что тому же новѣйшему издателю сочиненій Ни- конѡ мы обязаны также и присовокупленіемъ той статьи, которая подъ именемъ Синак- сарія, или такъ называемой „третьей части“ стала являться съ тѣхъ поръ постоянно во всѣхъ новѣйшихъ греческихъ и славянскихъ спискахъ Пандектовъ Никонѡ.

178) Мы сожалѣемъ лишь о томъ, что не всѣ адресаты Никонѡ названы имъ по имени.

179) Срав. слово I, II, [III], V, [VIII], XII, XV, XVI, XVII, XVIII, XIX, XXVII и пр.

180) Срав. Слово IV, преднаписанное такъ: Къ мнихѡ Кврѡ Лѡцѣ, отъ вѣдѣніи празд- ник[з] и вл[а]д[ь]чых[з] пост[з] и иных[з] винах[з] нѡждных[з], и о пос[т]ни[ко]вѣ, г[лаго]- лѣмѣм[ь], номѡканѡнѣ.

181) Срав. Слово [IV], VI, VII, X и XIV.

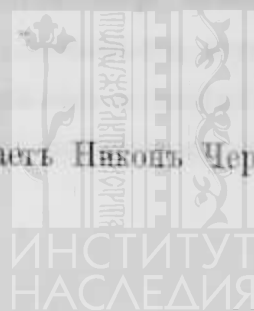
182) Въ Слово XI.

183) Въ Слово XXI.

184) Срав. Слово XIII и XXXVIII.

185) Въ Слово XXIX.

186) О своей учительской и литературной дѣятельности намекаетъ Никонъ Черно-

горецъ едвали не въ каждомъ Словѣ, но всего обширѣе въ Словѣ XIX, XXII, XXVII, XXXVI, XXXIX и XL.

187) Сюда относятся въ особенности извѣстія, сообщенныя имъ по какой-то повѣстной книгѣ въ Словѣ XXI и XXXI.

188) О завоеваніи Турками Палестины и Сиріи [а кстати также и о сарацинахъ] содержатся болѣе или менѣе подробныя намеки тоже едвали не въ каждомъ Словѣ, но всего чаще въ Словѣ IV, XII, XIX, XXI, XXII, XXXI, XXXVI и пр.

189) Прежде всего въ Словѣ XXII, XXXII, XL, а нерѣдко также и на другихъ мѣстахъ.

190) Иверамъ, или Грузинамъ посвящено цѣлое XXXVI слово [Срав. Описаніе Невоструева и Горскаго II, ч. 3, 49—50].

191) Такъ называемымъ Цатамъ т. е. отшельникамъ армянскаго происхожденія посвящены два посланія Никона, т. е. Слова XXXV и XXXVI. [Срав. тоже Описаніе Невостр. и Горс. тамъ же, стр. 48—49].

192) Письма эти помѣщены въ Словѣ XXIII, XXIV и XXV.

193) Но мы не можемъ не высказать здѣсь желанія, чтобы свѣдѣнія эти собраны были скорѣе и приведены въ общую извѣстность.

194) Въ львовскомъ спискѣ сообщены слова эти съ ошибками и гласятъ такъ: „Оних[ъ] же ст[ъ] сего дрозновенія вземше“ и пр.

195) Слова: „и послѣдѣ преданъ бысть всмѣчески въ совершенное вселеніе“ внесены другою новѣйшею рукою, тою самою, которою добавлены тоже два недостававшіе въ разсматриваемой рукописи листа [т. е. стран. 11—12 и 529—530], и которою слегка правленъ текстъ цѣлой рукописи, кажется, по печатному почтаевскому изданію изъ 1795 года.

196) Это письмо Петра антиохійскаго попадаетъ также и въ Кормчей книгѣ, но, лишь въ спискахъ софійскаго или русскаго разряда, въ главѣ LV.

197) Преп. Никонъ Черногорецъ ссылается въ статьѣ этой, кромѣ того, и на другія, не названныя по имени, посланія того же Петра антиохійскаго, а кстати также и на письма св. Максима [котораго?], и на изустныя рассказы своего игумена куръ Луки.

198) Мнѣ кажется, что выписки эти основаны на тѣхъ же полемическихъ статьяхъ противъ латинянъ, которыя въ извѣстныхъ намъ сербскихъ спискахъ Кормчей приводятся въ главѣ IV и XII, а въ Кормчихъ русскаго разряда, въ главѣ LVIII, LIX, LX и LXI.

199) Да и самъ Котелеръ долженъ былъ въ послѣдствіи убѣдиться, что слово это заимствовано изъ книги Наставленій Никона, и докладываетъ объ этомъ тамъ же, стр. 650.

200) О постѣ къ пресв. Богородицѣ, именно о постѣ предъ ея успеніемъ, говоритъ Никонъ, кромѣ того, еще въ Словѣ I и XIX.

²⁰¹⁾ Она озаглавлена въ извѣстномъ намъ свято-онуфріевскомъ спискѣ на лицевой стр. 1 л. слѣдующимъ образомъ: Сзчиненіе по сзставѣх[ъ] Обзѣтїи[хъ] вѣсѣх[ъ] вни[с] с[вѣ]-ценных[ъ] и в[о]з[в]ѣстных[ъ] правилъ, потроужденно же вѣкоупѣ и сложено иже вѣ с[вѣ]-ценноиницких[ъ] послѣднимъ Матѣіемъ [Σύνταγμα κατὰ στοιχείων τῶν ἐμπεριελημμένων ἀπὸ-σων ὑποδείξεων τοῖς ἱεροῖς καὶ δειοῖς κάνοσι и пр.].

²⁰²⁾ Время написанія Властаріевой Синтагмы означено имъ самимъ прежде всего въ статьѣ объ отысканіи луннаго круга [на стр. 450] словами: „Нѣ и вѣнегда луунный круг[ъ] обрѣсти хощеши, прѣсты рѣчными настоящее лѣто поемли, да лежит[ъ] же еже на шестотысящю осмосхтно чѣтыредесѣте третїе“, а также и въ статьѣ объ отысканіи солнечнаго круга [на стр. 452] словами: Такожѣ и о сл[ъ]ници обрѣтается: оудржи рѣкама текащее и[ъ]иѣ шестотысящное и осмосхтное и чѣтыредесѣте и третїе лѣто [κράτησον ταῖς χερσὶ τὸ τρίχον ἄρτίως ἕως ἐτος] и пр.

²⁰³⁾ Ср. извѣстія, сообщенныя Шафарикомъ въ Wiener Jahrbücher LIII. Anz. VI. 34—38 и въ другихъ мѣстахъ.

²⁰⁴⁾ Къ разряду списковъ, происшедшихъ изъ славяно-сербскаго перевода, принадлежитъ, между прочимъ, Списокъ Румянц. Музея подъ № ССXXXVIII, также списокъ москов. синод. библіотеки подъ № 93 [по прежней нумераціи] и пр.

²⁰⁵⁾ Къ тому же разряду относится также и переводъ, авторомъ котораго былъ Епифаній.

²⁰⁶⁾ Онъ состоитъ изъ 800 страницъ и удержанъ всецѣло, кромѣ 16 листовъ, находившихся между 708 и 709 страницами и содержавшихъ статьи Ц. состава, отъ 1—6 включительно.

²⁰⁷⁾ Но мы должны замѣтить, что это новое распредѣленіе книги осуществлено было безъ нарушенія цѣлости каждой отдѣльной статьи, и что затѣмъ въ славянскомъ переводѣ есть столько же отдѣльныхъ статей, сколько и въ греческомъ подлинникѣ.

А если въ славянскомъ текстѣ все таки меньше заглавій, нежели въ греческомъ, то это произошло оттого, что заглавія такія, въ которыхъ содержались только ссылки на другія, полныя статьи, большею частію пропускались.

²⁰⁸⁾ Первая записъ составлена самимъ авторомъ списка и гласитъ такъ: „Иже оубо тѣским[ъ] и нелюбопытным[ъ] д[о]у[х]ом[ъ] и не оуставным[ъ] и парѣним[ъ] оумом[ъ] прох[о]-дѣти мнѣ сѣ, иже вѣ в[о]годѣх[ъ]ишвенных[ъ] лежаща писанїи[хъ], и оумъ сїх[ъ] любоврѣса приати, вѣсѣгда обыче таковый плоды неразоумїа обврати, и хѣ трѣпкость д[о]у[х]и озраченїе приивается и в[о]жїе послѣднее негодованїе наводити. А иже сїм[ъ] несыгнѣ и люботроуднѣ и внимателнѣ прилежѣним[ъ], скоро сїх[ъ] опернатѣтъ[ъ] вѣ дѣани и горѣ, вѣ разоум[ъ] вїдѣнїа, сѣвѣсхуиращѣ. Ебоже ради, мнѣ, оустѣвївше сѣе нѣцїи и, такоже сїх[ъ] сѣна протрѣгше-

сѣ, царю ѿ сем[ь] воспоминавшѣ. И царь оубо Іѡ[аннѣ] Александръ, г[осподи]нь всѣй земли молдавской, сѣ бл[а]гости твоѣ, г[осподи], велемъдринѣ и сѣмыслинѣ, вѣскорѣ тако приѣм[ъ], а вѣ призвана сѣтвори мене, смѣреннаго и послѣднѣго въ епископѣх[ъ] Макарія романскаго, изволеніем[ъ] иже въ нас[ъ] лоучишнествоущаго митрополита кѣрь Григорія, да, также приснопамятным[ъ] до[сто]бл[а]женным[ъ], г[лаго]лѣ, с[вѣ]щенным[ъ] Матѣіѡм[ъ] сѣчинена и сѣложена правила по грѣчских[ъ] сѣставѣх[ъ], и сѣкрывшесѣ и заградившесѣ, въ ѡзынь впад[ъ] вѣзгарскій и сѣмоу сѣрвднѣмъ, под[о]бнѣ и мы, нарѣчно, по нашей силѣ, сѣтворити и подобным[ъ] подобнаа присѣвѣкоуплѣти, но иже въ нас[ъ] воуквѣх[ъ], сирѣч[ъ], сѣставѣх[ъ] бл[а]гополоучнѣ такожде сѣставляѣти, ѡбещнѣ сѣднѣше. И нам[ъ] таготѣ сѣ възложити сѣмотришѣ, тако да ѡтсѣдоу прочее възрок[ъ] лѣности прочитати прѣдлагащим[ъ] ѡтати, и нектому нещевати вины прѣсѣщенію многословіа [что въ собственномъ предисловіи Матѣея Властарія читается почти дословно такъ: τὴν πρόφασιν ἐντεῦθεν περιαιρῶν, τῶν ἐντυγχάνειν αὐτοῖς ἀποκινούντων, τὸ προσκореῖς τῆς τοῦτων πολυεπειᾶς προβαλλομένων τὴν αὐτῶν διάνοιαν καταβαπτιζούσης]. И вѣди оубо [вѣдомо], тако.. въ тысячѣи лѣт[ъ] сѣдмо соугоубнѣи и шесть пакы десѣторо соугоубнѣи и четворо ношеній прохѡждаашѣ миръ [т. е. что прошло лѣтъ отъ сотворенія міра 7064, а отъ рождества Хр. лѣтъ 1556], сѣда сѣ сѣмотрисѣ“.

209) Другая записъ присовокуплена по порученію самаго воеводы Александра и состоитъ изъ слѣдующихъ словъ: „Іѡ[аннѣ] Александръ, воевода бл[о]жїею м[и]л[о]стію г[о]сп[о]д[а]рѣ всѣй Молдовлахїйской земли. Оже бл[а]гопроизволих[ъ] г[оспо]д[с]т[во]ми нашим[ъ] бл[а]г[и]м[ъ] произволеніем[ъ], ч[и]стим[ъ] и свѣтлим[ъ] сѣр[ъ]дцем[ъ], и послахом[ъ] сѣпа книгѣ, рекомаа правила великаа с[вѣ]дѣх[ъ] ѡ[те]цѣ вселенских[ъ] православному кнѣзѣ и великому ц[арю] всѣмъ великѣмъ Рѣсѣмъ Ивану Василїевичѣ в[ъ] лѣто 7330, сѣнѣвріа мѣс[ѣ]ца, ѣи.

210) Есть, правда, глухое извѣстіе, что Синтагму Властарія переводилъ также и знаменитый Максимъ Грекъ. Но, если Іоаннъ Грозный считалъ все таки нужнымъ за славянскимъ спискомъ той же Синтагмы обратиться къ молдаволахїйскому воеводѣ Александру, то надобно допустить, что извѣстіе о переводѣ Максима Грека или невѣрно, или переводъ Максима Грека былъ тоже ничто иное, какъ такое же не годящееся ни къ чему дословное заимствование греческаго подлинника. Мнѣ кажется, однако, первое предположеніе вѣроятнѣе.

211) Быть можетъ, что церковныя распри 1551—1580 г., въ которыхъ царь Іоаннъ Грозный принималъ живое участіе, принудили его подумать о пособіи, въ которомъ бы онъ могъ безъ труда [это свидѣтельствуеъ о его ясномъ и практическомъ умѣ] найти себѣ поученіе о какомъ либо каноническомъ вопросѣ.

212) Ближайшія и болѣе подробныя свѣдѣнія мы сообщимъ о спискѣ этомъ при другомъ случаѣ.

²¹³⁾ Срав. примѣчаніе 209.

²¹⁴⁾ Мѣсто это переведено Беверегіемъ [ср. прим. 124] слѣдующимъ образомъ: „Quapropter ego cum ad salutaris sententiae confirmationem et utilem omnium [ut dictum est] hominum instructionem divinos omnes collegissem canones, ipsorumque pariter ac eorum, qui ipsos animo religioso interpretati sunt, mentem quoad fieri potuit periphraseos ad instar in compendium redigissem, nihil eorum intelligentiae, quantum in me fuit, deesse arbitratus: quinetiam quaecumque ab eorum interpretibus alicubi praetermissa sunt, nobis autem in mentem venire contigit, necessaria nimirum piisque nimis summa contentione expetita, postulantibus non invidentes promptum pro viribus nostris syntagma perfecimus. Omnium autem collectorum canonum potentiam cum in 24 titulos juxta literarum nostrarum numerum distribuerim et cuilibet eorum materiam subiectam, juxta primam propriae sententiae literam ei congruam, recte accomodaverim, et titulorum etiam capita per arithmetica ostenderim elementa, facilem, ni fallor, et compendiosam ad ipsorum cognitionem ducentem viam secui: praetextum exinde eorum praescindens, quos operam iis assequendis navare piget, fastidiosum eorum multiloquium mentem ipsorum obruens objicientes et praeterea cujusque materiae canones eodem in loco non collocari. Ad haec brevia et concisa legis etiam civilis capita sacris canonibus commilitantia et consona et ex abundantia iis attestantia congruis canonum capitibus appendere pretium duxi“.

²¹⁵⁾ Срав. примѣчанія 95—97, а кстати также и относящіеся сюда статьи въ Описаніи рукописей Румянц. Музея Востокова, а именно описаніе Кормчихъ подъ № ССXXXIII и подъ № ССXXXIV.

²¹⁶⁾ Мы встрѣтили, напр., въ библіотекѣ имени Оссолинскихъ одинъ русскій экземпляръ литовс. Статута [срав. прим. 220], одинъ [неполный] латинскій подъ заглавіемъ: *Statuta Magni Ducatus Lituaniae Bielscensibus promulgata, in Vilnensibus a[nno] s[alutis] hum. MDLXXVI approbata comitiis, e rutheno sermone in latinum converta*“, и два польскіе, изъ которыхъ одинъ [безъ заглавія] присовокупленъ къ предъидущему латинскому и вмѣстѣ съ нимъ помѣщенъ въ рукописи подъ № 370, а другой присовокупленъ къ рукописи подъ № 360, а оглавленъ такъ „*Statut wielkiego Xie. Litewskiego, wydany na seymie Wielkim Walnym Wilenskim, Anno Domini MDLX*“.

²¹⁷⁾ Въ земляхъ западно-русскихъ, а именно въ областяхъ, подвластныхъ коронѣ, обязательно было, кромѣ того, право польское, а по городамъ, какъ вообще извѣстно, право магдебургское.

²¹⁸⁾ Нѣкоторыя весьма интересныя свѣдѣнія о литовскихъ статутахъ сообщены прежде всего Даниловичемъ и Мацѣевскимъ, а въ отношеніи библіографическомъ кромѣ того еще и Востоковымъ въ Описаніи соотвѣтствующаго Румянцевскаго экземпляра.

²¹⁹⁾ Изъ всѣхъ приведенныхъ въ примѣчаніи 216 экземпляровъ литовс. Статута всего любопытнѣе тотъ, который присовокупленъ къ латинскому переводу, и въ кото

ромъ, кромѣ обыкновенныхъ принадлежностей этого рода списковъ, находятся еще слѣдующія прибавленія: 1) Konstytucya sejmu lubelskiego 1569 roku; 2) Poprawa statutu litewskiego na sejmie warszawskim 1578 r.; 3) Konstytucye Wołyńskie z sejmu Koronacyjnego 1576 r.; 4) Konstytucya Henryka przy koronacyi; 5) Przywileje Wielkiego Xięcia lit. około „uniey“; 6) Potwierdzenie unii z roku 1569; 7) Przywilėj przywrócenia ziemi Wołyńskiej do Korony.

²²⁰⁾ Онъ писанъ въ другой половинѣ XVII вѣка и озаглавленъ такъ: Статѹтъ коронный [sic!] великого князтва литовского писанъ 8 Краковѣ, мѣта в[о]ж[о]го нароженія христіи, мѣсца генвара, ѣи день. Сигисмундъскъ рексъ, Левъ Сапѣга, подканцлеръ вел. княз. лит.—Кабриель Война, писаръ“ и пр.

²²¹⁾ Онъ, кажется, немножко древнѣе предыдущаго, но писанъ все таки не ранѣе начала XVII вѣка.

²²²⁾ Сравни примѣчаніе 220.

²²³⁾ О томъ свидѣлствуетъ также и замѣчаемое въ статутахъ этихъ распределение статей, изъ которыхъ для списковъ третьяго періода можно бы составить [числа римскія означаютъ порядокъ „роздѣловъ“, а числа арабскія количество „артикуловъ“ въ каждой статьѣ отдѣльно] слѣдующій библиографическій ключъ: I, 35; II, 27; III, 51; IV, 105; V, 22; VI, 15; VII, 31; VIII, 9; IX, 32; X, 18; XI, 68; XII, 24; XIII, 14; XIV, 37.

На томъ же основаніи можно бы также и для статUTOвъ втораго періода изъ 1529 года составить такой же библиографическій ключъ: I, 30; II, 29; III, 41; IV, 70; V, 18; VI, 13; VII, 26 [24]; VIII, 8; IX, 22; X, 17; XI, 35; XII, 14; XIII, 14; XIV, 37.

²²⁴⁾ Это значить, что извѣстныя на Руси полемическія сочиненія составляютъ одно изъ самыхъ обширныхъ и самыхъ разнородныхъ по содержанію отдѣленій литературы, и что трудно было бы указать на какое либо важнѣйшее отступленіе отъ основоположеній православной вѣры, о которомъ бы сейчасъ же не упомянула и полемическая литература.

²²⁵⁾ Болѣе подробныя данныя сообщены въ любой исторіи словесности; но мы пользовались прежде всего данными, сообщенными въ Обзорѣ рус. дух. литературы Филарета, тоже данными, сообщенными въ Исторіи русской словесности Галахова и въ сочиненіи Аскоченскаго о писателяхъ, происшедшихъ изъ Кіевской Академіи [Кіевъ съ древнѣйшимъ его училищемъ Академіею, 2 тома, 1856] и пр.

²²⁶⁾ Въ Кормчей книгѣ и въ другихъ рукописныхъ и печатныхъ изданіяхъ мы встрѣчали изрѣдка также и другія полемическія статьи и сочиненія; но это были все таки предметы, занимавшіе только немногихъ.

ПРИЛОЖ.

²²⁷⁾ Мы позволимъ себѣ указать всего лишь на такія имена, какъ Стефанъ Зизаній, Іовъ Борецкій, Геденъ Балабанъ и др.

²²⁸⁾ Возьмемъ, напримѣръ, дѣятельность одного Ставропигійскаго братства во Львовѣ.

²²⁹⁾ Эти послѣднія дѣлятся опять: 1) на сочиненія, составленныя древнѣйшими русскими писателями, въ духѣ тѣхъ же византійскихъ образцовъ, и 2) на сочиненія, составленныя въ новѣйшую эпоху, съ цѣлью противодѣйствовать тому опасному для православія и для народности русской стремленію, которое подъ именемъ „уніи“ съ римскимъ престоломъ росло и усиливалось ежегодно.....

²³⁰⁾ Въ нѣкоторыхъ Кормчихъ сербс. разряда [напр., въ списокѣ унив. бібліотеки] онѣ приписываются ошибочно Петру антиохійскому, который писалъ тоже объ опрѣсновахъ тому же архіепископу венетійскому, но писалъ совсѣмъ иначе, какъ убѣдиться можно изъ списковъ рус. разряда, въ которыхъ она составляетъ главу LV и начинается отъ словъ: „Написа ми се сватыни твоѣ, іако с[ва]тый бл[а]ж[е]нный патріарх[ъ] Константина града Мѣхал[ъ], оплаток[ъ] ради, сварит[ь] и проклинает[ь] цр[к]ковь сватыни твоѣ, іако вы оплаты комкаете іако тѣло Христово и мнитесь, іако свѣтитесь ст[ъ] того“ и пр.

²³¹⁾ Оно начинается отъ словъ: „К[ъ] вам[ъ] слово, съ хытрія Римляне, ваше разгласіе“ и пр.

²³²⁾ Начинается отъ словъ: „Не веѣма ѿбо рекѣ, хрыстіане вас[ъ] божію благодатию из[ъ] начала знаєм[ъ]“ и пр.

²³³⁾ Въ спискахъ русскаго разряда адресуется посланіе это къ архіепископу римскому; но мы позволили себѣ заглавіе это исправить и вмѣсто словъ: „къ архіепископу римскому“ поставить слова: „къ архіепископу венетійскому“, ибо посланіе Петра объ опрѣсновахъ [срав. прим. 196 и 230] писано, по выразительному свидѣтельству Никона Черногорца, въ XL словѣ Тактикона [по львов. списку на стр. 518] не къ архіепископу римскому, но къ венетійскому; съ другой стороны, показаніе это подтверждается также и списывателемъ синодальнаго москов. Сборника подъ № 269 [срав. Описаніе Горскаго и Невостр. II, ч. 3, стр. 308], въ которомъ письмо патріарха Петра, начинающееся отъ словъ: „Написа ми се сватыни твоѣ“ и пр. адресовано тоже къ архіепископу венетійскому.

²³⁴⁾ Начало статьи: „Аще ес[ть] въ тобѣ разум[ъ] и прѣмудрост[ь], стѣвѣрай ближнему“ и пр.

²³⁵⁾ Эта вторая часть Никитиной статьи въ спискахъ сербскаго разряда гораздо полнѣе, нежели въ Кормчихъ рус. разряда.

²³⁶⁾ Начало статьи: „Папа римскый, еликоже западныхъ страны хрыстіаны и пр.

²³⁷⁾ Извлеченіе это гласитъ дословно такъ: „Иже съботы съ опрѣсновы храниаши, глаголюще хрыстіане быти, ни жидове, ни хрыстіане чисти ст[ъ], но половина суть кожи сѣрый, іакоже Великій Василій глаголетъ, іаже шерсть ни черна ест[ь], ни онѣла[ъ] блѣда“.

²³⁸⁾ Оно начинается отъ словъ: „Сказа намъ презвитер[ъ] именемъ Петра, пришедъ от[ъ] Рима, о Григоріи бесѣдовницѣ“ и пр.

²³⁹⁾ Сборникъ этотъ писанъ въ другой половинѣ XVI вѣка.

²⁴⁰⁾ Мы должны замѣтить, однако, что между статьею этою и указанною подъ ч. 4 и находящеюся въ томъ же свято-онуфріевскомъ сборникѣ статьею Анастасія и Кирилла есть большое сходство въ содержаніи и формѣ, заставляющее думать, что это одно и то же произведеніе, сообщенное лишь подъ двумя различными заглавіями.

²⁴¹⁾ Это тѣ же свидѣтельства и выписки, которыя повторяются еще разъ въ Сборникѣ XVII стр. 896—908, но съ большими вариантами.

²⁴²⁾ Онъ обращается здѣсь уже прямо противъ Латинянъ и противъ ученія ихъ о происхожденіи Духа отъ Отца и Сына вмѣстѣ.

²⁴³⁾ Срав. примѣчаніе 240.

²⁴⁴⁾ Начало статьи: „Въ лѣто $\chi\sigma\sigma\iota\varsigma$. с, баше же на седмѣмъ свѣрѣ Андріанъ, папа римскій“ и пр.

²⁴⁵⁾ Срав. ту же статью въ синод. московскомъ сборникѣ подъ № 269, листъ 26 об.

²⁴⁶⁾ Ср. примѣч. 234.

²⁴⁷⁾ Это кажется статья довольно рѣдкая; по крайней мѣрѣ, я до сихъ поръ не встрѣчался съ нею нигдѣ болѣе.

²⁴⁸⁾ Тоже статья довольно рѣдкая.

²⁴⁹⁾ Онъ писанъ въ половинѣ XV вѣка, а присовокупленные къ нему полемическія статьи прибавлены другою новѣйшею рукою, но все таки еще въ концѣ XV—XVI вѣка.

²⁵⁰⁾ Въ списокѣ сказано, что статья эта предложена была патріарху Герману „черезъ отвѣтниковъ“ папы Григорія.

²⁵¹⁾ Срав. примѣчаніе 241 и 242.

²⁵²⁾ Писанъ гдѣ нибудь въ перемышльской области 1563 года.

²⁵³⁾ Подобно статьѣ „на безбожныхъ латиняны“ въ Сборникѣ подъ № IV [на стр. 184], начинается также и разсматриваемая статья отъ словъ: „Латина моват[ъ] блудяще: Рим[ъ] ест[ъ] свѣрнаѧ цр[ъ]ков[ъ], и сплаток[ъ] нарѣцают[ъ] тѣло Христова“. Но это очевидное сходство вступительныхъ словъ не доказываетъ здѣсь ничего, ибо изъ простаго сличенія самихъ же текстовъ естественно заключать, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ статьями, произшедшими изъ двухъ различныхъ источниковъ, сокращеннаго и полнаго. Въ списокѣ подъ № XVIII содержится именно полный текстъ слова.

²⁵⁴⁾ Въ томъ можно убѣдиться, сравнивая текстъ нашихъ древне-русскихъ статей съ соотвѣствующими греческими источниками, напечатанными отчасти у Котелера, Monumenta ecclesiae graec. III, 495—509. [Впрочемъ, и сочиненія русскихъ митрополитовъ писаны были первоначально большею частію погречески].

²⁵⁵) Мы увѣрены, однако, что у насъ извѣстны были и всѣ другіе этого рода памятники, въ особенности: 1) Посланіе митрополита Льва [† 1007], напечатанное въ Временникѣ общ. ист. 1842 г.; 2) Исповѣданіе каѳол. апостольской вѣры митрополита Иларіона, составленное имъ на славяно-русскомъ языкѣ въ 1051 году и напечатанное въ Прибавленіяхъ къ твореніямъ св. отецъ 1844 и въ Чтен. Общ. Ист. и древностей рос. 1848; 3) Стязаніе съ латиною митроп. Георгія [современника Θεодосіева † 1074], открытое преосв. Макаріемъ и напечатанное въ его Исторіи рус. церкви II прим. 273; 4) Посланіе митрополита Никифора [1104—1170] къ князю Владиміру Мономаху о причинахъ отверженія латинянъ отъ православной церкви, напечатанное въ Памятникахъ рос. словесности XII в., изданныхъ Калайдовичемъ, Москва, 1825 г., и другія, указанные въ Обзорѣ преосв. Филарета произведенія полемической литературы, древней и новѣйшей, а именно произведенія, указанные имъ въ статьяхъ: 9, 15, 16, 26, 89, 108, 125, 130, 141, 142, 154, 156, 162, 163, 165, 169, 170, 176, 180, 181, 182, 184, 189, 227, 234, 238, 246, 249, 251, 259, 260 и др.

²⁵⁶) Это поученіе св. Θεодосія являлось уже нѣсколько разъ въ печатномъ видѣ; но мы считаемъ все таки не излишнимъ представить изъ него еще разъ всѣ болѣе существенныя мѣста въ томъ видѣ, въ какомъ оно находится въ львов. спискѣ Кіевопечерскаго Патерика. Оно записано здѣсь слѣдующимъ образомъ: „Прійде нѣкогда бл[а]говѣрный великій князь Изяславъ, сынъ Ярославъ, вилкъ Володимеронъ къ с[в]ѣтлому ѿ[т]цу нашему Θεодосію, игумену печерскому, и рече ему: Исповѣдай ми, ѿ[т]че, вѣрѣ варяжскую, какова есть! Преподобный же ѿ[т]ецъ нашъ Θεодосіе рече: Послушай, бл[а]гоч[е]стивый княже,.. вѣра ихъ зла и законъ ихъ нечистъ есть, въ Савеліевѣ [бо] вѣрѣ и въ иныхъ многи възстѣпили сѣть ереси и всю землю осквернили. Ты же, бл[а]говѣрный самодержче [sic!], блюди себе ѿ[т]ъ нихъ, ереси бо ихъ[ъ] сѣтъ силъ: ѿ, иконъ не цѣлуютъ и ѿ, моцій с[в]ѣтлыхъ не цѣлуютъ[ъ]; ѿ, кр[ъ]стѣ, на землі написавши, цѣлуютъ и, воставше, попираютъ[ъ] ногами; ѿ, в[ъ] постѣ мясо ѿдають; ѿ, ѿпрѣсноки сѣжаты; ѿ, попове ихъ кр[ъ]щають въ едино погрѣженіе, а мы въ три; мы же мажемъ[ъ] мироми кр[ъ]щающагося и масломъ, а они кр[ъ]щающагося сыплютъ соль въ уста; ѿ, въ имаже свѣтыхъ не нарицають, но, како въззовѣтъ родители ихъ, в[ъ] то има и кр[ъ]щають [—Сего ради вѣры латыньское вѣдати лѣпо есть, ни обычаѣ ихъ[ъ] дрѣжати, и колѣнѣ ихъ[ъ] не пріймати, и не послушати речейное ими, зане неправо вѣрѣютъ[ъ], и [неправо] глаголютъ, и нечисто живѣтъ, ѿдають бо съ ѿсы и кѣшкѣми]; ѿ, пѣютъ же свой сець, таже зло есть и проклято сие; ѿ, ѿдають желвы и дикіа кони и ѿслы и оудавленниѣ и медведиѣ и бовршвинѣ; ѿ, первыѣ же недели великаго поста въ іѿѿѿникѣ кѣшають мясо; ѿ, и мнихи ихъ ѿдають лшѣ; ѿ, в[ъ] сѣботѣ же постѣтся [—Христіаномъ[ъ] же [разумѣется, православнымъ] своихъ дѣщерей не достѣнтъ[ъ] за нихъ давати, ни помати

оу нихъ за себе, ни врататисѧ с ними, ни кѣмтитисѧ, ни цѣлованіа с[ъ] ними имѣти, и не
 пасті с[ъ] ними, ни пити изъ єдинаго сѣсѣда: тѣм[ъ] же, просѣцимъ оу васъ, давайте имъ бога
 ради пасті, но въ нихъ сѣсѣдѣхъ: аще ли не бѣдетъ в[ъ] нихъ сѣсѣда, во своемъ дати и по-
 томъ, измывъше сѣсѣда, молитвословати]; ꙗко, а о сѣгрѣшеніихъ своихъ не от[ъ] бога просѣт[ъ]
 прощеніа, но прощѧют[ъ] ихъ попове по дарѣ их[ъ]; ꙗко, попове же ихъ не женѧтъсѧ [сѧ] за-
 койною женою, но сѧ равными блѣудѧ творѧтъ[ъ] и сѧжѣѧ дѣютъ, а грѣха совѣ в[ъ] том[ъ]
 не творѧтъ; ꙗко, вискѣпы же ихъ дрѣжат[ъ] наложици, и на войнѣ ходѧтъ, и прѣстѣнь на рѣцѣ
 носѧтъ; ꙗко, мѣртеци кладѣтъ на западѣ ногами, а главою на вѣстѣкѣ и рѣцѣ по длинѣ пола-
 гаютъ, очі же и оуши и нѣсѣ воском[ъ] залѣпляютъ; ꙗко, и женѣицѣ понмаютъ сестреници;
 ꙗко, и мѣртыми тѣломъ сѧжѧтъ, ꙗко мѣртва, господа мнѧше; мы же сѧжѣѧ творимъ живыми
 тѣломъ и самого господа видѧще о деснѣю сѣдѧща отца, и пакы сѣдѧти прійдетъ живыми
 и мѣр[ъ]твыми. Они бо латина мѣртваѧ иже мѣртыѧ сѧжѣѧ сѧдѣваютъ; мы же живѧ в[ъ] о[б]гоу
 жрѣтѣ чистѣ и непорочнѣ приносѧще, и живѣтъ вѣчный о брѣсти и мамы, тако бо писано
 єсть и пр. Ты же, чадо, таковыхъ дѣланій блѣди себе и не присвойсѧ тѣмъ, но вѣгай ихъ.
 Своєю вѣрѣ непрестанно хвали и, ꙗкоже можеші, подвижайсѧ в[ъ] ней добрыми дѣлы. Шило-
 стѣиже блѣди, христіюбче, не тоѣмо до своихъ домочадецъ, но и до чѣждихъ, и аще видиши
 нага, одежи и, или гладна или вѣдою содрѣжима помнѧй. И аще ти бѣдетъ отъ которыхъ
 вѣрѣ еретикѣ или латынникѣ, всѧкого помнѧй и отъ вѣдѣ избави, и мѣды отъ бога не по-
 грѣшити и пр.

257) Напеч. въ Памятникахъ рос. словес. XII вѣка стр. 205—218, и въ Ученыхъ
 Запискахъ II отд. Акад. Н. 1854.

258) Важнѣйшія сочиненія противъ уніи разсмотрѣны въ Исторіи рус. словесности
 Галахова I, 180 слѣд. и въ Обзорѣ рус. дух. литературы въ статьяхъ: 152, 155, 157,
 158, 159, 160, 162, 164, 167, 169, 170, 171, 172, 173, 176, 177, 178 и др. [срав.
 также и примѣч. 255].

259) Но мы должны замѣтить, что ея нѣтъ въ настоящее время въ архивѣ томъ, и
 если не отыщется у кого нибудь изъ нашихъ библиомановъ, то должна считаться про-
 павшею. Къ счастью, при посредствѣ почтенной памяти Дениса Зубрицкаго она удостои-
 лась [въ Актахъ къ исторіи Западной Россіи, IV, № 149 стр. 203—236] напечатанія.
 [Срав. Обзоръ рус. дух. литерат. статью 159].

260) Это „Описаніе“ состоитъ изъ небольшой книжицы, написанной въ четвертую
 долю листа [страницъ записанныхъ 193, безъ заглавія], и кажется, что оно єсть авто-
 графъ сочинителя. Оно писано было имъ въ старости, какъ заключать можно изъ словъ,
 сказанныхъ имъ самимъ въ главѣ пятой: „А склоняючисѧ къ концѣ, прошѣ всѣхъ[ъ] право-
 славныхъ[ъ] и напоминаю, абы апостолскѣю погрозѣ всегда в[ъ] памяти мѣли, писаниѣю: „Аще

ми [мы], или ангелъ с[ъ] несесе благовѣстит[ь] вам[ъ] паче, еже прїѣсте, а на ома да вѣдѣтъ“. Эти немногія указанія на собственное лицо автора представляютъ, однако, такую неопредѣленную точку опоры, что мы не можемъ выводить изъ нея пока еще ничего положительнаго въ этомъ вопросѣ. Мы должны, напротивъ, изъ сообщенныхъ имъ историческихъ фактовъ, а именно изъ того обстоятельства, что о вступленіи Іова Борецкаго на митрополитскій Кіевскій престолъ совершенное хранится молчаніе, догадываться, что книга писана не позже 1620 года. А на основаніи тѣхъ же историческихъ и топографическихъ данныхъ мы въ правѣ догадываться также и о томъ, что писатель былъ уроженцемъ бѣлорусскимъ, или точнѣе—уроженцемъ „повѣту луцкаго“.

261) Въ разсматриваемомъ здѣсь львовскомъ спискѣ Палинодіи нѣтъ собственно ни заглавія, ни обычнаго ей предисловія, ни другихъ прямыхъ указаній на ея автора и ея происхожденіе. Но изъ содержанія книги, а также изъ оглавленія и распредѣленія статей мы не могли не догадаться, что въ спискѣ этомъ содержится ничто иное, какъ такъ называемая Палинодія Захарія Копыстенскаго. Все различіе львовскаго списка Палинодіи отъ другихъ того рода экземпляровъ состоитъ только въ томъ, что онъ не дописанъ до конца. Онъ доведенъ всего лишь до части второй, раздѣла 12, артикула 7, и содержать изъ этого послѣдняго только первыя шесть строкъ.

262) Палинодія Копыстенскаго имѣетъ въ описанномъ у Невоструева и Горскаго синодальномъ экземплярѣ [срав. описаніе рукоп. синод. библ. II, ч. 3, 329] слѣдующее заглавіе: „Палинодіа, или книга ѿборны каѳолической с[вѣ]той апостолской восточной церкви и с[вѣ]тыхъ патріарховъ, и ѿ Грекаѹ, и ѿ Россоѹ Хр[и]стіанскъ, в[ъ] ласце в[о]жой, за вл[аго]с[ло]веніемъ старшихъ[ъ], през[ъ] архимандрита Захарію Копыстенскаго написана и з[ъ] ревизією ѿчителей видана, а под[ъ] розсѣдокъ подана с[вѣ]тыхъ восточныхъ патріарховъ, рожд[ъ] ст[ъ] рождества в[о]гласлова Іс[уса] Хр[и]ста х[и]тка го, мѣс[ѣ]ца носмврѣа ѿ“.

263) Книга Товіа Петрашка писана тоже въ 4 долю листа [всѣхъ страницъ 384] и озаглавлена на стр. 1 такъ: „Истинна вѣра стараѹ церкви святой восточной православно-католической, против[ъ] мнимой старой вѣры западной, на оутрызающаѹ писаніѹ етередозовъ, или схисматиковъ противославныхъ: Петра Скарги, Павла Бойма, Цѣховскаго, трибналисты, и вѣлшы.. а ко ѿтверженію сыновъ церкви с[вѣ]той восточной, [слова тѣ находятся уже на 2 страницѣ, или въ такъ называемомъ второмъ титулѣ] во вѣрѣ истинной православно-католической до днесъ цѣле и непорочно пребывающихъ[ъ], чрезъ нѣкого ревнителя благочестія с[вѣ]таго ревнителемъ въ даръ любезно приносится. Въ мѣто х[и]тѣ септемврѣа панѹ Корысѹ Петровичѹ Шереметѹ в[ъ] Кіевѣ ѿдах[ъ] іеромонахъ Товіа Петрашко К. и ѿ ѿдѣ Кон. Іоан. Йоши: Гвр. [sic!] [или, Георг?].

264) Онъ былъ, по всей вѣроятности, лице духовное.

²⁶⁵⁾ Мы предоставляемъ себѣ право историческую часть этого сочиненія издать вполнѣ.

²⁶⁶⁾ Въ синод. списокѣ Палинодіи [ср. Описаніе Невостр. и Горск. II, ч. 3, 331] упомянуты, кромѣ многочисленныхъ писателей, греческихъ и латинскихъ, слѣдующіе русскіе и польскіе авторы и книги: Андрей Мачѣвскій, Антиграфъ [назв. книги] виленскій, Александръ Гвагѣвизъ, Кройникъ, Аѳонской горы соборникъ, Апокрисисъ Христофора Филалета [т. е. Христофора Бронскаго], Берестейского соборъ дѣи з[и] части [ex parte] православныхъ[и], Вѣскъ, езѣита, Длѣгошъ Кройникъ[и], Діалогъ [явившійся] въ Виленѣ у Мамонича, Дрѣкаръ[?], Ектезисъ, Исторій словенскій, или чешскій, Історія Бѣлскаго, Кромѣръ Мартин[и], Книжка острожского дрѣвѣ, Кройника словенскаго з[и] греческого прѣкладъ, Кіевски[и] Споминникъ, Кройника сръбскаго, Конституціи ст[и] ѡѣѣѣ, од[и] ѡѣ [и] од[и] ѡѣ, Конфідирація полскаго и рѣскаго народовъ[и] [и] ста ѡѣѣ, Ламента орѣологовъ, Мартин[и] Блажовскій, Орѣховскій, Переводникъ книжки костелова краковскихъ[и], Патерникъ печерскій, Скарга, Соколовскій, Синазаръ[и] славенскій, Соборникъ празничный, Соборникъ славенскій, Соборникъ с[вѣ]т[аго] Сергіа, Савелникъ Клондѣс[и].

²⁶⁷⁾ Къ этой русской вставкѣ прибавлено еще слѣдующее извѣстіе объ униатѣ Краеукомѣ: „Его вѣдность ѡдавили Шведы, во повѣсивші, билі за гроши и вымучилі ѣ червонныхъ[и], з[и] чого ѡмеръ в[и] лѣто ѡѣѣѣ, когда Львовъ здобѣли и кровопролитіе сотворилі Шведы“.

²⁶⁸⁾ О себѣ самомъ упоминаетъ авторъ подъ 1621 и 1630 годами, но въ такихъ неопредѣленныхъ словахъ, что трудно сказать положительно, былъ ли онъ лице духовное, или свѣтское. Изъ всѣхъ сообщенныхъ имъ данныхъ выходитъ лишь то, что онъ родился въ окрестности Межибожа [въ Подоліи], и что былъ во всякомъ случаѣ человѣкомъ, видѣвшимъ многое и умѣвшимъ высказать то, что слышалъ и видѣлъ.

²⁶⁹⁾ Это краковское изданіе лѣтописи совершено латинскими буквами, подъ заглавіемъ: „Kronika ruska“.

²⁷⁰⁾ По списку, сообщенному ему Д. Зубрицкимъ.

²⁷¹⁾ Последняя часть львовской лѣтописи сообщена была въ сокращенномъ польскомъ переводѣ еще разъ въ „Ułamkach historycznych“ Мацѣевского и напечатана въ томъ же Квартальникѣ науковомъ, стр. 288—320.

²⁷²⁾ А если это могло случиться теперь, въ новѣйшія времена, то тѣмъ болѣе могли этого рода памятники гибнуть во времена минувшія, когда набѣги турецкіе смѣнялись шведскими, а набѣги шведскіе внутренними безпокойствами.

²⁷³⁾ Но мы не могли пользоваться ими, такъ какъ этого рода архивы остаются для людей не польскаго происхожденія большею частью вполнѣ недоступными.

²⁷⁴⁾ Такъ называемыя приходскія метрики, т. е. списки рожденныхъ, вѣнчанныхъ

Изъ помянниковъ приходскихъ, встрѣчаемыхъ по церквамъ сельскимъ, намъ извѣстенъ пока только одинъ экземпляръ, находящійся въ селѣ Коровникахъ, подъ Перемышлемъ. Но мы не сомнѣваемся, что они находятся также и въ другихъ приближенныхъ къ городамъ селамъ; лишь надобно искать ихъ.

²⁸⁹⁾ Изъ такъ называемыхъ цеховыхъ помянниковъ намъ извѣстенъ понынѣ тоже всего лишь одинъ экземпляръ, находящійся въ той же старосамборской церкви подъ № 26 и озаглавленный вотъ какъ: „Сіе поминаніе родителей и сродниковъ славетныхъ пановъ мѣщанъ братіевъ[ъ] ремесла кѹшнѣрського, цеху старосамборскаго, писан[о] въ[ъ] въ[о]госпасаемомъ градѣ Старомъ Сатворѣ, въ[ъ] лѣто ст[а]т[и] созданія мира 5551, а ст[а]т[и] воплощенія г[оспод]а въ[о]га и сп[ас]а н[а]шего І[с]оу[са] Хр[и]ста 1551, мѣс[я]ца іануаріа, дня 11.

²⁹¹⁾ Напримѣръ, списки учениковъ, чиновниковъ, должниковъ и пр.

²⁹²⁾ Между записями этими преобладають прежде всего извѣстія метеорологическія; но вмѣстѣ съ ними попадаются весьма нерѣдко извѣстія о походахъ татарскихъ [точнѣе—турецкихъ] и шведскихъ; извѣстія о походахъ козацкихъ и о внутреннихъ междоусобицахъ въ Польшѣ; извѣстія о смерти болѣе или менѣе заслуженныхъ лицъ—часто съ опредѣленіемъ дня и часа; извѣстія о событіяхъ, случившихся въ той или другой священной семействѣ; извѣстія о цѣнахъ на различные съѣстные припасы—на крупы, муку, пшеницу, гречку, просо и пр.

²⁹³⁾ Онѣ будутъ собраны и войдутъ въ задуманную А. Петрушевичемъ сводную Галицко-русскую лѣтопись, какъ сообщено имъ самимъ въ концѣ предисловія къ львовской лѣтописи.

²⁹⁴⁾ Въ рукописяхъ этихъ содержится составленное въ 1627 году обстоятельное описаніе грамотъ, привилей и конфирмацій князей Острожскихъ, а отчасти также и другихъ дѣлъ съ приложеніемъ [въ II томѣ] различныхъ рукописныхъ и печатныхъ [изъ 1618—1761 годовъ] реестровъ, счетовъ, описаній „фаерверковъ“ и пр.

²⁹⁵⁾ Онѣ хранятся преимущественно въ архивѣ львовской финансовой прокураторіи.

²⁹⁶⁾ А именно въ рукописяхъ, означенныхъ цифрами: 1 В. 7; 1 F. 17; 1 К. 6; 1 К. 11; 2 В. 33; 2 С. 10; 2 С. 11; 2 D. 27; 2 D. 39.

²⁹⁷⁾ Срав. его статьи, явившіяся въ послѣднихъ выпускахъ Ставропигійскаго Временника.

²⁹⁸⁾ Напримѣръ, ихъ старанія о братской церкви, братскихъ зданіяхъ и заведеніяхъ и пр.

²⁹⁹⁾ Между этого рода „альбумами“ занимаетъ первое мѣсто книга, означенная числомъ 581.

²⁹⁰⁾ Но мы должны замѣтить, что редакція актовъ, явившихся въ Сборникѣ и въ Временникѣ, не всегда согласна съ требованіями палеографіи.

прилож.

²⁹¹⁾ А преимущественно въ Актахъ, относящихся къ исторіи Западной Россіи.

²⁹²⁾ Онѣ находятся тоже прежде всего въ архивѣ львовской финансовой прокураторіи.

²⁹³⁾ Онѣ идутъ отъ XIV до конца XVIII вѣка; всѣхъ русскихъ грамотъ вмѣстѣ сорокъ семь.

²⁹⁴⁾ Онѣ описаны довольно обстоятельно въ вышеозначенномъ сочиненіи Б. Дудика [Срав. примѣч. 3].

²⁹⁵⁾ Онѣ принадлежатъ XVI и XVII столѣтію; всѣхъ разомъ девятнадцать и три отрывка.

²⁹⁶⁾ Онѣ описаны тоже отчасти уже г. Б. Дудикомъ, но только нѣкоторыя, и то большею частію не удовлетворительно.

²⁹⁷⁾ Напримѣръ, архивы Дзедушицкихъ, Любомирскихъ, Чаргорыскихъ, Потоцкихъ и др.

²⁹⁸⁾ Мы ставимъ ихъ между скобками, такъ какъ грамоты этого разряда попадаются лишь изрѣдка, и тѣ немногія большею частію подложны.

²⁹⁹⁾ Онѣ писаны вообще погречески; но находится также одна, писанная поарабски, и одна писана пославянски съ греческою подписью.

³⁰⁰⁾ Онѣ идутъ съ половины XVI вѣка до временъ новѣйшихъ.

³⁰¹⁾ Напримѣръ, къ добромилскому монастырю, какъ заключать можно изъ вышеупомянутаго помянника [Срав. примѣч. 277].

³⁰²⁾ Онѣ свидѣтельствуютъ вмѣстѣ съ тѣмъ и о томъ живомъ участіи, съ какимъ тогдашнее молдаво-влахійское общество относилось къ церковнымъ дѣламъ западной Руси, а въ особенности, къ интересамъ преслѣдуемаго здѣсь православія.

³⁰³⁾ Всѣхъ этого рода писемъ одиннадцать.

³⁰⁴⁾ Какъ доказываютъ грамоты, находящіяся въ архивѣ городскомъ во Львовѣ [Срав. примѣч. 294].

³⁰⁵⁾ Въ пользу хранящихся въ архивѣ ставроп. актовъ говорить, впрочемъ, и то обстоятельство, что онѣ писаны большею частію порусски.

³⁰⁶⁾ Точнѣе, копія грамоты князя Льва, о которой надобно замѣтить то же, что сказано было уже и о другихъ княжескихъ грамотахъ въ примѣчаніи 298.

³⁰⁷⁾ Въ нихъ нерѣдко находится по двѣ, по три, иногда и больше грамотъ.

³⁰⁸⁾ Числа, поставленныя въ скобкахъ, означаютъ день, мѣсяцъ и годъ грамоты.

³⁰⁹⁾ По всей вѣроятности, копія подложна.

³¹⁰⁾ Всѣхъ писемъ этой группы [вмѣстѣ съ письмами господарынь молдавскихъ] есть шестьдесятъ два.

³¹¹⁾ Елисаветы, Маргариты и Анны съ Могилы Потоцкой.

³¹²⁾ Мы позволяемъ себѣ разъ навсегда замѣтить, что почти всѣ номера, при которыхъ не отмѣченъ отдѣльно день и мѣсяцъ грамоты, состоятъ большею частію изъ свитковъ, содержащихъ въ себѣ по двѣ, по шесть, по одиннадцать, а иногда даже и больше документовъ.

³¹³⁾ Записанная подъ номеромъ этимъ грамота Господаря Симеона Могилы не находится въ настоящее время въ архивѣ.

³¹⁴⁾ Въ свиткѣ этомъ находятся двѣ грамоты: одна, изъ 1671 года, принадлежитъ господарю Михаилу Дукѣ [владѣвшему въ первый разъ отъ Января 1666 до Іюля того же года, второй разъ отъ 1668—1672 и въ третій разъ отъ 1678—1683], а другая, изъ 1694 года, господарю Константину Дукѣ, владѣвшему въ первый разъ отъ Іюня 1693 до Декабря 1695, а во второй разъ отъ Сентября 1700 до Іюня 1703 года.

³¹⁵⁾ Церковно-судныя грамоты русскихъ іерарховъ находятся въ грамотахъ и свиткахъ грамотъ подъ №№ 392, 394, 395, 396, 397, 399, 412, 413, 414, 415, 416, 417, 418, 419, 420, 421, 422, 423, 424, 425, 426, 427, 428, 429, 430, 431, 432, 433.

³¹⁶⁾ Между иными также и экскоммуника на львовскаго типографа Слезку.

³¹⁷⁾ Акты, означенные № 202, есть въ печати.

О ЗОЛОТЫХЪ ВОРОТАХЪ ВЪ КІЕВѢ.

Сообщено В. А. Толстымъ ¹⁾.

Желая обратить вниманіе на Золотыя Ворота, эту почтенную русскую развалину, я считалъ-бы необходимымъ составить планъ, по которому бы иногородный археологъ могъ заняться изслѣдованіемъ этой развалины. Прилагаю при семъ составленный мною по глазомѣру опытъ такого плана, для того, чтобы дать понятіе, какого рода желательно было бы имѣть съемку Золотыхъ Воротъ.

По моему бѣглому обзору, эти ворота должны были быть въ глубину до 11 сажень и состояли первоначально изъ 2-хъ стѣнъ, въ 1 аршинъ шириною, усиленныхъ со внутренней стороны пилястрами, выступавшими на 10 вершковъ. Высота пилястръ кажется была въ 8 аршинъ; а между противоположными пилястрами былъ пролетъ для ѣзды въ 9½ аршинъ или въ 9 аршинъ и 7 вершковъ. Всѣхъ пилястръ съ каждой стороны вѣроятно было 8; изъ нихъ, съ городской стороны, теперь видны, на лѣво: 2, 3, 4, 5, 6 и 7 на право: 2, 3 и 4. На 6 пилястрѣ виденъ остатокъ арки, радіусъ которой долженъ былъ быть 4¾ аршина. Надобно предполагать, что всѣ пары пилястръ соединены были арками, и на аркахъ этихъ покоился сводъ воротъ, соединяющій стѣны, радіусъ котораго вѣроятно былъ до 5¼ аршинъ. По слѣдамъ, оставшимся съ наружной стороны стѣнъ, видно: что въ разстояніи отъ нихъ на 1 аршинъ 6 вершковъ, съ обѣихъ сторонъ воротъ, были деревянные тарасы, т. е. клѣтчатые срубы, наполненные камнемъ и землею, которые и образовали крѣпостную стѣну. Разстояніе между срубами и воротами было разбучено камнемъ и кирпичемъ на известкѣ. Кладка древнихъ стѣнъ была произведена изъ большихъ камней (между которыми есть лабрадоръ), въ перемежку съ тонкимъ кир-

¹⁾ См. въ атласѣ таблица I.

ничемъ и бутомъ, слѣдующимъ образомъ: цокуль изъ аршинныхъ камней, на нихъ бутъ изъ мелкаго щебня съ известкой, потомъ рядъ кирпичей въ $\frac{3}{4}$ вершка толщиною, потомъ слой известковаго бута въ $2\frac{1}{2}$ вершка, опять рядъ кирпича и бутъ; потомъ рядъ большихъ камней, на нихъ 3 ряда кирпича въ перемежку съ бутомъ, потомъ рядъ большихъ камней, на нихъ 4 ряда кирпича въ перемежку съ бутомъ и опять рядъ большихъ камней, на послѣднихъ 2 ряда кирпичей съ бутомъ и рядъ большихъ камней; на нихъ 6 рядовъ кирпича съ бутомъ и рядъ камней, потомъ 2 ряда кирпича и рядъ камней, потомъ 6 рядовъ кирпича и рядъ камней и наконецъ послѣдніе 2 ряда кирпича съ бутомъ; 6 рядовъ кирпича въ перемежку съ бутомъ кажется имѣють въ высоту 1 арш. 5 вер. Ряды кирпичей выступаютъ изъ за бута на палецъ, для того, чтобы поддерживать штукатурку, которою покрытъ бутовой слой и мѣстами ряды большихъ камней. Штукатурка эта очень замѣчательна по своей прочности, она желтоватаго цвѣта и похожа на портоладнскій цементъ. Не мѣшало бы сдѣлать геологическій анализъ этой штукатурки. Тарасы состояли изъ 6 вершковыхъ бревенъ, рубленныхъ въ уголь, клѣтками. Всѣхъ клѣтокъ по длинѣ воротъ вѣроятно было 7 и стѣнки этихъ клѣтокъ отстояли другъ отъ друга на 4 аршина. Нельзя догадаться когда и для чего замазаны и задѣланы слѣды этихъ стѣнокъ, впрочемъ и теперь весьма замѣтные. На лѣвой стѣнѣ ихъ 7; а на правой 4, когда арки и сводъ испортились, или когда надъ воротами построены были шатеръ для церкви, то нашли нужнымъ изнутри укрѣпить ворота новыми арками, а можетъ быть и новымъ сводомъ, чѣмъ значительно уменьшилась высота воротъ; эта внутренняя новѣйшая кладка гораздо хуже древней, но видно стараніе подражать древней кладкѣ, штукатурки на новой кладкѣ уже нѣтъ и кирпичъ худшаго качества. Между пилястрами, на высотѣ $1\frac{1}{2}$ арш. отъ земли, были полукруглые окна, ихъ теперь видно 6 на лѣвой стѣнѣ. Вѣроятно назначеніе ихъ было упрочить устойчивость стѣнъ. Круглое окно, изображенное у Закревскаго, есть ничто иное, какъ обвалившееся полукруглое. Въ старой стройкѣ эти окна имѣють въ радіусѣ 1 арш., а въ новой постройкѣ только 12 вершковъ.

Свои заключенія я не выдаю за окончательныя, я не могъ осмотрѣть развалины съ верху, хотя желательно-бы было такимъ образомъ изслѣдовать Золотыя Ворота и получить ихъ размѣры, посредствомъ точнаго измѣренія и самаго подробнаго обзора.

Середину воротъ полагаю противъ того мѣста, гдѣ начинается оставшаяся правая стѣна. Часть правой стѣны такъ уничтожена, что говорятъ не осталось даже и фундамента. Замѣчательно еще, что валъ состоялъ изъ *тарасъ*, а не *юродней*, употреблявшихся въ древности; слѣдовательно устройство тарасъ не одновременно съ постройкой воротъ и разбутка разновременна съ древнѣйшей постройкой—*юроднями* назывался рядъ отдѣльныхъ, другъ подлѣ друга поставленныхъ, срубовъ (Ипат. лѣт. подъ 1188 годомъ) а *тарасами*

непрерывный двойной или тройной рядъ вѣнчатыхъ стѣлъ, расположенныхъ параллельно направленію ограды и соединенныхъ подъ прямымъ угломъ другими поперечными стѣнками. Длина тарасъ была отъ 3 до 4 саж.; тарасы въ $1\frac{1}{2}$ сажени назывались *полутарасами*.

1.

Указатель личных именъ.

- Абдуль-Касимъ-Ибнъ-Хаукаль, I, 350.
 Абдуль-Меджидъ, I, 97.
 Абихъ, академикъ, II, 3, 5, 7, 8, 14, 18.
 Абу-Абдаллахъ (или Абуль-Касимъ) Мухаммедъ Ибнъ-Ахмедъ Аль Джайгани, саманидскій визирь, I, 346.
 Абу-Абдуллахъ Мухамедъ Ибнъ Мухамедъ Ибнъ Абдуллахъ Аль-Идриси, арабскій географъ, I, 349.
 Абу-Бекръ Ахмедъ Ибнъ Мухаммедъ Гамадани (или Ибнъ Факихъ), I, 346.
 Абу-Долефъ, II, 90.
 Абу-Исхакъ-Ибрагимъ Ибнъ Мухаммедъ-Аль-Фареси (Али-Истахри), арабскій географъ, I, 350.
 Абульфедъ, I, 329.
 Августъ, Прилож., 145.
 Агапитъ св., Пр., 222.
 Агафія, княгиня, II, 206.
 Агнонъ, I, 126.
 Адамнанъ, I, 105.
 Адамъ Бременскій, I, 292.
 Азарьинъ Симонъ, II, 139, 144, 146.
 Aitwaras, II, 178.
 Акелевичъ, II, 179.
 Александра, княгиня, II, 208.
 Александръ Белзскій, II, 82.
 Александръ Владиміровичъ, Кіевскій князь, I, 61.
 Alexander (Витовдъ), II, 155.
 Александръ, князь Молдавовахійскій, Пр., 259, 276.
 Александръ Корьатовичъ, II, 110.
 Александръ Ѳеодоровичъ Буремскій, князь, II, 208.
 Алексѣй Аристинъ, Прилож., 241.
 Алексѣй Комнинъ, I, 84; Прилож., 145.
 Алексѣй Михайловичъ, I, 72, 89.
 Алексѣй, митроп. Кіевскій, I, 78.
 Алексѣй Поповичъ Пирятинскій, II, 291.
 Алипій, монахъ, I, 84.
 Альфонсъ V, Португальскій король, II, 127.
 Амартоль, I, 112.
 Амвросій, архимандр. а потомъ епископъ, Прилож., 33.
 Амміанъ Марцелинъ, II, 6.
 Амфилохій, архимандр., II, 137, 138, 139.
 Анастасій Синаитскій, Прилож., 257.
 Анастасій Кримковичъ, митрополитъ Молдавскій, Прилож., 216.
 Анастасія Ивановна, кн. Слуцкая, II, 208.
 Анастасія Семеновна, княгиня Несвицкая, II, 208.
 Андрей Боголюбскій, I, 59, 82; II, 135.
 Андрей Васильевичъ, князь, II, 138.
 Андрей Вишоватый, II, 311.
 Андрей Волосатый (Усатый), II, 282.
 Андрей Колодынскій, діаконъ, II, 312.
 Андрей Мачувскій, Прилож., 317.
 Андрей, Тверской еписк., Прилож., 32.
 Андрей Юрьевичъ, князь Ростовскій, Прил., 221.
 Андрушко Ѳеодоровичъ, князь, II, 206.
 Анна, супруга вел. кн. Ярослава Владиміровича, I, 92.

- Анонимовъ, П, 118, 119.
 Антоний, арх., П, 108, 269.
 Антоній, патр. Константинопольскій, I, 60.
 Антоній, архієписк. Новгородскій, I, 69, 80, 81.
 Антоній, еписк. Переславскій, Прилож., 36.
 Антоній преподобный, I, 57; II, 135.
 Antonius—божество, покровитель neroгатаго скота, II, 182.
 Антоновичъ В. Б., II, 88, 105, 117, 151.
 Антоновичъ В. В., II, 289.
 Анѳиса, монахиня, Прилож., 7.
 Apollodorus, I, 127.
 Аполлонъ, II, 142.
 Анпіанъ, Прилож., 121.
 Апулей, Прилож., 121.
 Арабшахъ, I, 334.
 Аристотель, I, 134, 136.
 Аристофанъ, I, 124.
 Аркадій, императоръ, II, 134.
 Арманъ, Прилож., 210.
 Арнульфъ, еп., I, 105.
 Арсеній Могилянскій, митрополитъ Киевскій, II, 257; Прилож., 12, 35.
 Арсеній преп., епископъ Тверской, Прил., 222.
 Арсеній, пѣснописецъ, II, 235.
 Археанаксъ, I, 127, 128.
 Архикохъ, I, 137.
 Арцыбашевъ, II, 85, 92, 96, 98, 108, 126.
 Асафъ, архієпископъ, II, 138.
 Аскоченскій, Прилож., 311.
 Ассеманій, Прилож., 252.
 Атиметъ, Прилож., 127.
 Aukstejas Visagalis, эпитетъ самаго высшего бога, II, 178.
 Auszra, богиня, II, 178.
 Афродита, II, 32.
 Ахиллесъ, II, 23.
 Ахматъ, ханъ, I, 334.
 Ахмедъ, саманидскій владѣтель, I, 346.
 Azraelis, божество, II, 178.
 Аѳанасій Калнофойскій, II, 207.
 Аѳанасьевъ, I, 318.
 Аѳеней, I, 133.
 Баварскій землеписецъ, I, 232.
 Байда, II, 290, 291.
 Бальдучи Пеголотти, I, 332.
 Бандке, II, 153.
 Барбаро, I, 333.
 Бароній, II, 266.
 Барскій Василій, паломникъ, I, 82.
 Барсовъ, II, 55, 69, 71, 73, 78, 82, 84, 89, 92.
 Бартошевичъ, II, 152.
 Батый, I, 75.
 Беверегій, Прилож., 244.
 Беда Дудикъ, Прилож., 214.
 Беда, II, 175.
 Безеризъ, I, 294.
 Beulé, I, 125.
 Бейеръ Карлъ, II, 152.
 Бекетовъ П. П., I, 28.
 Бекъ, I, 128.
 Белларминъ, II, 266.
 Бемби, кардиналъ, II, 174.
 Березинъ, I, 333.
 Берендтъ, I, 305.
 Берке, ханъ, I, 329.
 Бернардъ Мудрый, I, 105.
 Берында, II, 228.
 Бестужевъ-Рюминъ, II, 59, 69, 132.
 Бибарсъ, египетскій султанъ, I, 329.
 Блау, II, 251.
 Бобровскій, II, 148, 149, 150.
 Богданъ Гостскій, панъ, II, 208.
 Богданъ Ивановичъ Шавула, Прилож., 5.
 Богданъ Хмѣльницкій, I, 64, 73, 311.
 Богишичъ, Прилож., 291.
 Богословскій, I, 227.
 Богушъ Гулькевичъ, панъ, I, 66.
 Бодиско Е. К., II, 66, 67.
 Болеславъ Мазовецкій, II, 70, 91, 99.
 Болеславъ, князь Чешскій, II, 170.
 Болеславъ I, король Польскій, I, 54, 55; Прил., 222.
 Болтинъ, II, 118; Прилож., 146.
 Болхъ, князь, II, 92.
 Бона, королева, II, 309.
 Бонякъ, ханъ Половецкій, I, 162.
 Боцланъ, II, 90.
 Борисъ, Болгарскій царь, Прилож., 150.
 Борисъ Вячеславичъ, II, 57.
 Борисъ Межибожскій, бояринъ Галицкій, II, 79.
 Ботеръ, II, 266.
 Браницкій В. В., графъ, Прилож., 28, 203.
 Братъ, I, 257.

- Бреткіусъ, П, 196.
 Бривземніаксъ, П, 193.
 Броневскій, П, 90, 104, 128.
 Брукшъ, I, 31.
 Бруннъ Ф. К., П, 152.
 Брунъ, П, 15, 110, 115, 118.
 Брюховецкій Ив. Мар., I, 310.
 Брячиславъ, князь, I, 55.
 Бубастида, богиня, Прилож., 122.
 Бугинскій, П, 326.
 Булгаковъ М., П, 259.
 Бурмейстеръ, П, 14.
 Буслаевъ, П, 143.
 Бутковъ, П, 55, 57.
 Бычковъ, I, 227.
 Бѣлбогъ, П, 167.
 Бѣлѣвскій, П, 70.
 Бѣльскій Март., П, 44.
 Бѣляевъ И. Д., I, 218; П, 59, 80, 82.
 Бѣсъ, богъ, П, 167.
 Бѣкъ, I, 46.
 Бѣръ, академикъ, I, 5.
 Вадингъ, I, 295.
 Vaisgamtas или Vaisgamts, божество пло-
 довъ, П, 178.
 Валентинъ Росцишевскій, Прилож., 13.
 Валерій Д., Прилож., 132.
 Валерій Зотикъ, Прилож., 115.
 Valerius Maximus, П, 266.
 Вальдемаръ I Великій, Датскій король, I,
 292.
 Вальдемаръ II, Датскій король, I, 292.
 Варлаамъ Хутынскій, П, 235.
 Варлаамъ Ясинскій, митрополитъ, I, 73,
 76, 90.
 Варлаамъ, іеродіаконъ, Прилож., 7.
 Варлаамъ, Прилож., 237.
 Василий Васильевичъ, Великій князь, I, 61.
 Василий I Македонянинъ, императоръ Ви-
 зантійскій, I, 81, 209.
 Василий II, Императоръ Византійскій, I,
 92, 209.
 Василий Кесарійскій, I, 79; П, 144.
 Василий Красовскій, игуменъ, Прилож., 6.
 Василий Ивановичъ Шуйскій, Прилож.,
 158.
 Василий Мстиславичъ, Новгородскій князь,
 I, 92.
 Василий Тупикъ, П, 282.
 Василь Ѳедоровичъ, князь, П, 206.
 Вассіанъ II, арх., Прилож., 237.
 Васюкъ Никифоровъ, П, 212.
 Велесъ, П, 167.
 Великданъ, I, 310.
 Велонисъ, божество, П, 200.
 Велькеръ, I, 46.
 Вельтманъ, Прилож., 153, 154, 155, 156,
 157, 158.
 Венгерскій, П, 308.
 Vendelinus, божество, П, 182.
 Венедиктъ Вишоватый, П, 316.
 Вермильоли, I, 20.
 Веселовскій К., I, 166; П, 11.
 Vetustis, божество, П, 203.
 Вилльгардуэнъ, I, 106.
 Винкельманъ, I, 39, 46.
 Витовъ, I, 65; П, 106, 117, 126, 153,
 154, 155, 156, 157.
 Витольдъ Кейстутовичъ, П, 206.
 Витрувій, Прилож., 128.
 Владимірко, П, 75, 76.
 Владиміръ Васильковичъ, I, 83; П, 107.
 Владиміръ Игоревичъ, П, 97.
 Владиміръ Мономахъ, I, 63, 90.
 Владиміръ Ольгердовичъ, П, 106, 117.
 Владиміръ св., I, 210; П, 162.
 Владиміръ Рюриковичъ, П, 77, 97.
 Владиславъ, П, 41, 81, 82.
 Воинъ, П, 168.
 Войшелкъ, П, 124.
 Волкова Х. И., П, 326.
 Володаръ Глѣбовичъ, Минскій князь, I,
 292.
 Волошинскій, арх., I, 164, 214; П, 152;
 Прилож., 28.
 Волошиновъ, Прилож., 206.
 Волянъ Андрей, П, 175.
 Ворсаъ, I, 46.
 Ворсо, I, 149; Прилож., 17.
 Востоковъ, П, 149, 225.
 Воцель, I, 304.
 Всеволодъ, князь, I, 57.
 Всеволодъ II Ольговичъ, Прилож., 4.
 Всеволодъ Чермный, князь, П, 97.
 Вѣра, мученица, I, 286.
 Вячеславъ Владиміровичъ, князь, I, 63.
 Gabie—божество огня, П, 178.
 Гавріиль Кременецкій, митрополитъ Кіев-
 скій, I, 63; П, 257.
 Гайатъ-Эдинъ, ханъ, П, 151.

- Галаховъ, Прилож., 285.
 Галль М., II, 266.
 Ганна, княгиня, II, 208, 209.
 Гансъ Массенгеймъ, II, 212.
 Гаральдъ Гилле, Норвежскій король, I, 291.
 Гаркави А. Я., I, 77; II, 90, 100.
 Гарностай, воевода польскій, I, 183.
 Гантольдъ Мартынъ, II, 156.
 Гвагнинъ, II, 174.
 Гваньини, II, 78, 104, 110, 118.
 Гваренга, I, 309.
 Гебгарди, I, 224.
 Гедеоновъ, I, 290.
 Гедеоу Балабанъ, Прилож., 312.
 Гедеоу, митрополитъ, I, 63, 73.
 Гедиминъ, II, 106, 153, 154, 157.
 Гезюдъ, I, 135, 136.
 Heinrich Otte, I, 20.
 Гейденштейнъ, I, 66, 69.
 Геймбахъ, Прилож., 293.
 Гейдъ, I, 327.
 Гекатей, царь, I, 124.
 Гельмерсенъ, II, 11.
 Гельмольдъ, I, 292; II, 266.
 Гениадій, епископъ Переславскій, Прилож., 34.
 Генценъ, Прилож., 114, 120.
 Георгій, митрополитъ, Прилож., 314.
 Георгій Кедринъ, II, 131.
 Георгій св., I, 285, 286, 287.
 Георгій (Ярославъ I), I, 285.
 Георгій князь Слуцкій, II, 262.
 Георгій Посадникъ, II, 108.
 Georgius de Navama, или Georgius de Rayn, или Georgius de Raviho, II, 253.
 Гераклидъ, I, 137.
 Герберштейнъ, II, 118.
 Германнъ Гриммъ, I, 46.
 Германъ, Константинопольскій патріархъ, I, 80; Прилож., 264, 313.
 Геродотъ, II, 18, 19, 21, 31, 63, 123, 127.
 Герцъ, II, 1, 3, 5, 7, 9, 10, 11, 13, 14, 30, 32; I, 125.
 Гёттлингъ, I, 42.
 Гизель, I, 92.
 Гилльберъ де-Ланнуа, II, 80, 116.
 Гиппiасъ, I, 127.
 Геронимъ, II, 174.
 Гieroфантъ, I, 127.
 Глебицкій, II, 148.
 Глѣбъ Зеремеевичъ, II, 100.
 Годуновъ Димитрій Ивановичъ, II, 138, 143, 144, 146.
 Гойеръ, I, 247.
 Головацкій, Прилож., 43.
 Голота, II, 292.
 Голубъ, Прилож., 209.
 Горацій, II, 266.
 Горскій, II, 214; Прилож., 250.
 Голятовскій, II, 132.
 Гомеръ, I, 131—137; II, 19.
 Гоноръ К., I, 106.
 Горгинъ, царь, I, 124.
 Гостивитъ, вождь, II, 168.
 Грановскій, II, 67.
 Грассеръ, II, 173.
 Гревинкъ, I, 41.
 Григорій, архимандритъ Пересопницкій, II, 221.
 Григорій Богословъ, I, 79.
 Григорій Нисскій, I, 79.
 Григорій, инокъ Кіево-печерской обители, Прилож., 288.
 Григорій, папа Римскій, Прилож., 264.
 Григорій Здозумъ, козакъ, I, 309.
 Григорій Цамблакъ, II, 232.
 Григорій Чудотворецъ, I, 79.
 Григоровичъ, II, 105, 324.
 Григорьевъ, I, 327, 328.
 Грондзскій, II, 129.
 Гротъ Я., II, 58.
 Грутеръ, Прилож., 125.
 Гудимъ-Левковичъ, Прилож., 14.
 Гуттенъ-Чапскій Э., графъ, II, 151.
 Гюбнеръ, Прилож., 119, 131.
 Давидъ Игоревичъ, II, 95.
 Даль, II, 91, 114.
 Дальманъ, I, 29, 292.
 Дамасъ, папа, Прилож., 264.
 Даміанъ, пресвитеръ, Прилож., 223.
 Данилевскій, II, 2, 14.
 Даничичъ, Прилож., 220.
 Даниль Изеня, воевода, II, 208.
 Даниль Васильевичъ, князь, II, 205.
 Даниль Галицкій, II, 73, 99.
 Даниль Романовичъ, I, 83; II, 154.
 Даниль игуменъ, паломникъ XII в., I, 80.
 Дардель, II, 134.

- Дарій, Персидскій царь, Прилож., 200.
 De-Boze (Де-Бозъ), I, 127.
 Дебрюксъ, Прилож., 165.
 Деляновъ, II, 150.
 Демодокъ, I, 131, 133.
 Демосеенъ, I, 123, 124, 129.
 Де-Ріанъ, графъ, I, 106.
 Джанибекъ I, ханъ, I, 327.
 Джемальадинъ Мухаммедъ Ибнъ-Ибра-
 гимъ-Ибнъ-Яля Аль Варра Аль Кутби,
 I, 351.
 Димитра, богиня, I, 127.
 Димитрій Александровичъ, великій князь,
 Прилож., 32.
 Димитрій Вишневецкій, князь, II, 290.
 Димитрій Донской, II, 277, 278.
 Димитрій, митрополитъ Ростовскій, Прил., 6.
 Динлицъ, II, 263.
 Диръ, I, 211.
 Дитмаръ, I, 54, 215.
 Діана, II, 142.
 Діодоръ Сицилійскій, I, 121, 123, 124,
 128, 129.
 Діонисій Александрійскій, I, 121.
 Діонисій Ареопagitъ, II, 246.
 Діонисій Болабанъ, митрополитъ, I, 72, 73.
 Діонисій Галикарнассскій, II, 266.
 Діонисій Періегитъ, I, 122.
 Діонисій, митрополитъ, II, 155.
 Діонисъ, богъ, I, 127.
 Длугошъ, II, 111, 116, 118, 119, 126.
 Дмитрей, ханъ, II, 104.
 Дмитриуковъ, I, 186, 198, 201.
 Доббертъ, I, 44.
 Добровскій, I, 289.
 Добрыня Андрейковичъ, I, 95, 100, 101,
 112.
 Добрыня, II, 296.
 Довгалька, I, 314, 316.
 Довмонтъ, князь, I, 111.
 Долгорукій, князь, I, 77.
 Долгоруковъ, II, 94, 126.
 Долженко, II, 326.
 Домонтовичъ, I, 311.
 Дорнъ, академикъ, I, 346.
 Доссонъ, I, 348.
 Драгомановъ, II, 105, 289.
 Древинскій Л., II, 261.
 Дренеръ, I, 9.
 Думитрашко, II, 221.
 Дульская, княгиня, I, 310.
 Дюбуа, II, 1, 6, 7, 9, 13, 14, 19,
 28, 30.
 Дюкъ Степановичъ, II, 293.
 Дюпонъ, I, 257.
 Евгений, митр. Кіевскій, I, 53, 55, 58,
 63, 71, 91; II, 131, 149.
 Евдокія, Прилож., 152.
 Eulogius, божество, II, 182.
 Евмолпъ, I, 127, 128.
 Евсевій Памфилъ, еписк. Кессарійскій, II,
 266.
 Евсевій, историкъ, I, 80; II, 45.
 Евстацій, архієпископъ Антиохійскій, II,
 266.
 Евстратъ, Прилож., 222.
 Евѣимій Новгородскій, II, 234.
 Евѣимій II, архієпископъ Новгородскій,
 Прилож., 285.
 Едигей, I, 66.
 Екатерина, княжна, II, 206.
 Елизавета Петровна, Императрица, Прил.,
 12.
 Епифаній Кипрскій, I, 79.
 Еразмъ, инокъ, Прилож., 223.
 Egaithinnis, божество, II, 182.
 Етебичъ, II, 56.
 Ефименко П., I, 313.
 Ефремъ, митрополитъ Кіевскій, 57.
 Ефремъ Сиринъ, Прилож., 216.
 Жабоклицкій, Прилож., 203.
 Жиль, II, 13, 15.
 Жикгимонтъ Казиміровичъ, II, 148.
 Жолкъвскій, гетманъ, I, 310.
 Забѣлинъ, I, 167; II, 1, 63, 96, 126.
 Завойко А. Ѳ., II, 326.
 Закревскій, I, 77, 91, 92, 266, 268, 274;
 II, 59, 60.
 Замоискій, II, 260.
 Замысловскій, II, 60.
 Заупе, Прилож., 137.
 Захарія Копыстенскій, I, 57, 92; Прилож.,
 266.
 Зацукъ А., II, 80.
 Зиморовичъ, II, 117, 119.
 Знаменскій, I, 57.
 Золотницкій Н., II, 37, 40.
 Зосима, игуменъ, Прилож., 223.
 Зотикъ, живописецъ, I, 104.
 Зубрицкій, II, 69, 71, 81, 82, 89, 96, 126.

- Ибнъ-Батута, I, 327, 331.
 Ибнъ-Дастъ, I, 207, 250, 252; II, 90.
 Ибнъ-Фоцланъ, I, 218, 220, 221, 222, 223.
 Ибнъ-Хаукаль, I, 293, 347.
 Иванишевъ, I, 214; II, 116, 117; Прилож., 14.
 Ивановскій, I, 212.
 Иванъ Васильевичъ, великій князь, II, 138.
 Иванъ Владиміровичъ Путивльскій, II, 105.
 Иванъ Григоровичъ, Прилож., 12.
 Иванъ Калита, II, 106.
 Иванъ Климовъ, I, 338.
 Иванъ Коновченко, II, 295.
 Иванъ Коротополий, II, 107.
 Иванъ Мазепа, гетманъ, I, 71, 72, 242.
 Иванъ Ольгимунтовичъ, II, 106.
 Иванъ Пацъ, II, 206.
 Иванъ, Рязанскій князь, II, 106.
 Иванъ Смера, II, 307.
 Иванъ Субота, II, 115.
 Иванъ, сынъ князя Василя, II, 206.
 Иванъ Тарновскій, Сандомирскій воевода, II, 205.
 Иванъ Ѳедоровъ, II, 211.
 Иверсенъ Ю. Б., II, 152, 153.
 Игнатій, діаконъ, I, 227, 228.
 Игорь Рюриковичъ, Вел. князь, 215.
 Игорь Святославичъ, II, 51, 162.
 Изидъ, Прилож., 119.
 Измаиль, Саманидскій владѣтель, I, 346.
 Изяславъ Владиміровичъ, II, 97.
 Изяславъ Мстиславичъ, I, 63, 182, 214.
 Изяславъ Ярославичъ, I, 58; II, 87.
 Иларій, инокъ, II, 233.
 Иларіонъ, митрополитъ, I, 56; Прилож., 314.
 Иларіонъ, игумень, Прилож., 305.
 Иларіонъ Добродѣяшенко, старецъ Кіево-печерскаго монастыря, I, 72.
 Иларіонъ, епископъ Круницькій, II, 257.
 Ілія Куча, митрополитъ, I, 66.
 Ілія Моровлянинъ, богатырь, I, 93.
 Іловайскій, II, 132.
 Ілья Муромецъ, II, 287, 289.
 Иннокентій, настоятель Кирилловскаго монастыря, Прилож., 6.
 Иннокентій Гизель, II, 260.
 Ипатій Поцѣй, Прилож., 266.
 Ишпократь, Прилож., 120.
 Ираклій, I, 290; Прилож., 152.
 Иракль, I, 127, 128.
 Ирина, супруга Императора Алексѣя Комнина, I, 84.
 Иринъ, Прилож., 287.
 Исаакъ Балина, Прилож., 276.
 Исаія, Аѳонскій монахъ, II, 247.
 Исакій Горопчанинъ, Прилож., 222.
 Исидоръ, патр. Константинопольскій, II, 232, 247.
 Исидоръ, митроп. Кіевскій, I, 61.
 Истахри, I, 347, 348.
 Іаковъ апостоль, I, 80.
 Іаковъ Ослябятинъ, II, 281.
 Іейтелесъ, профессоръ, I, 303, 304.
 Іеремія, болгарскій пошъ, Прилож., 236.
 Іерофей Малицкій, митрополитъ Кіевскій, I, 63.
 Іоакимъ, Московскій патр., I, 63.
 Іоакимъ Евтихіевъ, I, 89.
 Іоакимъ Струковъ, еписк. Переяславскій, Прилож., 46.
 Іоанникій Сенитовичъ, Кіево-печерскій архимандритъ, II, 258.
 Іоаннъ, архим., II, 135.
 Іоаннъ, бояринъ, I, 272.
 Іоаннъ Веккъ, II, 46.
 Іоаннъ Вишенскій, Прилож., 227.
 Іоаннъ, экзархъ Болгарскій, Прилож., 282.
 Іоаннъ, игумень Синайскій, Прилож., 217.
 Іоаннъ Комнинъ, Прилож., 146.
 Іоаннъ Грозный, I, 338; Прилож., 260, 309.
 Іоаннъ Златоустъ, I, 79.
 Іоаннъ Зонара, II, 266.
 Іоаннъ III, II, 115.
 Іоаннъ Каматиръ, I, 102.
 Іоаннъ II, митрополитъ Кіевскій, I, 58; Прилож., 265.
 Іоаннъ III, митрополитъ Кіевскій, I, 57.
 Johannes Calephus, II, 175.
 Іоаннъ I Цимисхій, II, 135.
 Іоасафъ царевичъ, II, 143; Прилож., 237, 290.
 Іоасафъ Краковскій, митрополитъ, I, 76.
 Іоасафъ, патріархъ, II, 138.
 Іовъ Борецкій, Прилож., 312.

Ювъ, монахъ, Прилож., 219.
 Юна, митрополитъ Кіевскій, I, 61.
 Ювъ, монахъ, I, 291.
 Юрданъ, проф., I, 46.
 Юрнандъ, историкъ, I, 120, 183, 184.
 Юсифъ Тризна, преемникъ П. Могилы по управленію Печерскою обителью, II, 260.
 Юсифъ Тукальскій, I, 73.
 Юсифъ Шумлянскій, епископъ Львовскій, Прилож., 318.
 Юстиніанъ Ринотмитъ, Прилож., 149.
 Кавертевъ Н. А., Прилож., 16.
 Кадіанъ Чапличъ, II, 309.
 Казелій, I, 116.
 Казиміръ Скиргайло, II, 153.
 Казиміръ Ягайловичъ, II, 153, 156.
 Казиміръ III, I, 245.
 Казиміръ IV, I, 61.
 Казобонъ, Прилож., 125.
 Казя, II, 168.
 Калайдовичъ, I, 226; II, 271; Прилож., 297.
 Калачовъ, I, 227; Прилож., 241, 291.
 Калевъ, великанъ, I, 292.
 Калигула, Прилож., 130.
 Кальвинъ, II, 175.
 Кальнофойскій, I, 70, 274.
 Каменевъ, I, 144, 145.
 Каменскій, Прилож., 210.
 Каминскій, арх., I, 156, 157.
 Кангиссеръ, I, 19.
 Кантакузинъ, II, 235.
 Карамзинъ, I, 215, 216, 224, 328; II, 70, 71, 92, 96, 117, 126, 132.
 Каратаевъ, Прилож., 296.
 Karwaitinnis, литовское божество, II, 182.
 Каринъ, II, 140.
 Карлъ Вейгольдъ, I, 304.
 Кассіанъ Саковичъ, II, 311.
 Катаржина, II, 185.
 Каукаі, II, 178.
 Саumon, I, 20.
 Квашнинъ-Самаринъ, II, 73, 96, 97, 105, 106.
 Квинтъ Валерій Юліанъ, Прилож., 126.
 Кейстутъ, князь, II, 153, 157.
 Келеръ, II, 15.
 Кене, II, 153, 155.
 Кешпенъ, I, 226; II, 15, 149.

Кивела, Прилож., 121, 122.
 Киппертъ, II, 41.
 Кипріанъ, митрополитъ, II, 231 и дал.
 Кириллъ, архимандритъ, Прилож., 7.
 Кириллъ, епископъ Сѣвскій, II, 257.
 Кириллъ Любатовскій, игуменъ, Прилож., 219.
 Кириллъ Транкв. Ставровецкій, Прилож., 219, 283, 303.
 Кирьяковъ, арх., I, 147, 152, 153, 156.
 Kierpiczus, божество мха, II, 178.
 Kiesgailo, князь, II, 181.
 Kirais, божество, II, 201.
 Kiskases, или Kotchkazkaz, армянскій князь, I, 290.
 Кириллъ, митрополитъ, I, 329.
 Кириллъ Іерусалимскій, I, 80.
 Кириллъ Григорьевичъ Разумовскій, I, 309.
 Кириллъ, печатникъ, II, 87.
 Кирило, герой, Прилож., 5.
 Киркоръ, II, 152, 153, 155.
 Кишка, сенаторъ, II, 174.
 Кій, князь, I, 227.
 Kistut, II, 155.
 Клавдій Готскій, Прилож., 130.
 Клапротъ, II, 12.
 Климентъ св., папа Римскій, I, 79.
 Климентъ III, папа, Прилож., 265.
 Клопфлейшъ, I, 46.
 Клоцъ, II, 271.
 Кленъ, Прилож., 287.
 Князевъ А. Сер., Прилож., 142.
 Коваленко, Прилож., 202.
 Козьма Ивановичъ Жеславскій, Прилож., 44.
 Колобичъ, II, 56.
 Коммосарія, царица, I, 124.
 Константиновичъ, I, 214.
 Константинъ Багрянородный, I, 81, 208, 214.
 Константинъ Дука, императоръ, Прилож., 247.
 Константинъ Великій, I, 81.
 Константинъ Владиславовичъ Браницкій, графъ, Прилож., 23.
 Константинъ IX, импер. Визан., I, 209.
 Константинъ X, импер. Визан., I, 210.
 Константинъ XI, импер. Визан., I, 209.

- Константинъ - Коридайло Ольгердовичъ,
 Прилож., 43.
 Константинъ Ивановичъ, князь Острожскій,
 II, 205.
 Константинъ XII, Мономахъ, II, 134.
 Константинъ Палеологъ, императоръ, I, 61.
 Константинъ Погонатъ, II, 41.
 Контарини, Венеціанецъ, I, 333.
 Кончакъ, II, 56.
 Копитаръ, II, 271, 329.
 Корсакъ Р., Уніатскій митрополитъ, II,
 261.
 Костомаровъ, I, 233; II, 59, 69, 71, 98,
 101, 110, 114, 119.
 Коссовъ С., II, 266.
 Котелеръ, Прилож., 256, 257.
 Котлубай, ханъ, II, 104.
 Котлубегъ, II, 104.
 Котляревскій, I, 207.
 Коховскій, II, 119.
 Кочубей, князь, I, 122.
 Краусъ, I, 40.
 Краусъ Кс., I, 43.
 Крашевскій Іосифъ Игнатій, II, 147.
 Кракъ, II, 168.
 Кромеръ, II, 44, 266.
 Круглецъ, Прилож., 287.
 Крузій, II, 266.
 Krukis, божество, II, 182.
 Крыстынь, II, 205.
 Крыштофъ Косинскій, II, 114.
 Ктезифонтъ, I, 127.
 Кубаревъ, Прилож., 283.
 Куглеръ, I, 43.
 Куклярскій, II, 326.
 Кулишъ, II, 110, 111, 121.
 Кумець, Прилож., 287.
 Куникъ А., I, 290; II, 11.
 Кунстманъ, I, 295.
 Куракинъ, князь, I, 190.
 Курціусъ, I, 45.
 Куцинскій, I, 213.
 Къзакъ, II, 56.
 L'abbé Bourassé, I, 20.
 L'abbé Godard, I, 20.
 L'abbé Pierret, I, 20.
 Лаврентій Зизаній, игуменъ, Прилож., 220.
 Лавровскій, II, 61.
 Лазаревскій, II, 24.
 Лазарь Барановичъ, I, 73.
 Лазарь, иконописецъ, I, 104.
 Лазарь, настоятель Кирилловскаго мона-
 стыря, Прилож., 6.
 Лакіеръ, Прилож., 146.
 Ламанскій, I, 331; Прилож., 287.
 Ламбинъ, I, 290; Прилож., 166.
 Ларте, I, 257.
 Laukorats, божество, II, 178.
 Левкопъ, I, 124.
 Левченко М. М., I, 309; II, 318.
 Левъ Армянинъ, I, 290.
 Левъ Кревза, Прилож., 268.
 Левъ Мудрый, I, 113; II, 124.
 Левъ VI, I, 297.
 Левъ, митрополитъ, Прилож., 314.
 Левъ Сап'га, гетманъ, II, 262.
 Левъ Хазаръ, императ., I, 112.
 Леклеркъ, Прилож., 146.
 Лелевель, II, 90.
 Лелій Социнъ, II, 309.
 Лель, божество, II, 167.
 Ленць Э., II, 11.
 Леонтовичъ, Прилож., 292.
 Леонтій, митрополитъ Кіев., I, 210.
 Лепсіусъ, I, 31, 40.
 Лерхъ П. И., I, 32; Прилож., 17.
 Ливія Халкедоника, Прилож., 121.
 Лингвенъ Ольгердовичъ, II, 209.
 Линдфорсъ М. О., II, 326.
 Линпоманъ, Прилож., 15.
 Лисицына Е. А., II, 326.
 Лисманини, II, 309.
 Лицеопъ, II, 140.
 Ліутпрандъ, епископъ, I, 105.
 Лобковъ, II, 138.
 Лобойко И. Н., II, 149.
 Логгинъ Сотникъ, II, 139.
 Лоравжъ, II, 283.
 Лука Жидята, еписк. Новгородскій, I, 87.
 Лука Стрончъ, Прилож., 276.
 Лукашевичъ, I, 325; II, 175.
 Лукуллъ, I, 125.
 Лукьяновъ, священникъ, I, 76.
 Луцій Марцій Сатурнинъ, Прилож., 130.
 Любартъ, князь, I, 162; II, 125.
 Любгардъ Гедыминовичъ, Бѣлзскій князь,
 I, 205.
 Любе, I, 43.
 Любовь, мучен., I, 286.
 Любомирскій, князь, I, 162.

Любуша, II, 168.
 Людмила, княгиня, Прилож., 221.
 Людовикъ Вевгерскій, II, 104.
 Люценко Д. Е. Прилож., 14, 15.
 Ляссота Эрихъ, I, 69, 93, 277, 286; II, 83, 127.
 Маврикій, императоръ, I, 112, 183, 184; II, 90.
 Магогъ, I, 293.
 Магометъ, II, 11, 134.
 Майербергъ, II, 107.
 Майковъ, II, 292.
 Макарий Египетскій, Прилож., 217.
 Макарий, епископъ Романскій, Прилож., 259.
 Макарий, митрополитъ, I, 85; II, 217.
 Макарий, Антиохійскій патріархъ, I, 77; II, 128.
 Максимовичъ М. А., I, 54.
 Максимъ, митрополитъ, II, 117.
 Максимъ Грекъ, II, 231.
 Макъ Кургенъ, I, 257.
 Малала, I, 112.
 Малечкинъ, посолъ, II, 115.
 Малиновскій, II, 108, 116.
 Мамай, I, 342.
 Мангардъ, II, 174, 182, 183.
 Марапа, князь, Прилож., 254.
 Маргитъ, I, 137.
 Марини, Прилож., 117.
 Маріамъ, II, 138, 139.
 Марія Всеволодовна, княгиня, Прилож., 2, 3.
 Марія Деспотовна, Прилож., 44.
 Марія Мстиславна, княгиня, Прилож., 4.
 Марія Николаевна, великая княгиня, II, 324.
 Маркевичъ, I, 311.
 Марко-Поло, I, 327.
 Маркъ Бебій Светрій Марцеллъ, Прилож., 130.
 Мартинъ Бялобржевскій, еп., II, 83.
 Мартыновъ, II, 253.
 Марціалъ, Прилож., 136.
 Марьяна, I, 314, 315, 316.
 Масуди, I, 351; II, 100.
 Matergabie, божество, II, 178.
 Матѳей Властарь, Прилож., 258.
 Мацѳевскій, Прилож., 291.
 Medziojma, богиня, II, 178.

Меланхтонъ, II, 266.
 Мелетій, настоятель Кирилловскаго монастыря, Прилож., 6.
 Менгли-Гирей, ханъ, I, 66, 228; II, 115, 131.
 Менгутемиръ, II, 47.
 Меркульева Е. П., I, 314.
 Мецилія Бальбилла, жрица, Прилож., 115.
 Меѳодій, епископъ Мстиславскій, I, 73.
 Миклошичъ, II, 328.
 Миколай Хлѣбовичъ, II, 175.
 Микуцкій, II, 61.
 Милорадовичъ, II, 105.
 Милѣй, баскакъ, II, 125, 126.
 Мимнермъ, I, 137.
 Мирославъ, воевода, II, 77.
 Митрофанъ, епископъ, Прилож., 32.
 Митрофанъ, Сарайскій епископъ, I, 329.
 Михаилъ Андреевичъ Верейскій, князь, Прилож., 157.
 Михаилъ Васильевичъ, протопопъ Саноцкій, II, 221.
 Михаилъ, инокъ, Прилож., 285.
 Михаилъ, Конст. патр., Прилож., 256.
 Михаилъ Литвинъ, I, 290.
 Михаилъ Рогоза, Прилож., 276.
 Михаилъ Тучковъ, Прилож., 230.
 Михаилъ Ѳеодоровичъ, царь, I, 89, 111.
 Михаилъ, митрополитъ Кіевскій, I, 63.
 Михаилъ Гречинъ, II, 147, 149.
 Михаилъ II, императоръ, II, 132.
 Михаилъ Палеологъ, II, 46, 47.
 Михаилъ Черниговскій, II, 70, 82, 98.
 Михайлонъ, II, 174.
 Михалонъ Литвинъ, II, 117.
 Мпѳра, богиня, Прилож., 122.
 Mionnet, I, 125.
 Міонно, I, 127.
 Мната, вождь, II, 168.
 Моисей Угринъ, Прилож., 222.
 Моммсенъ, Прилож., 120.
 Монке, I, 294.
 Монтень, I, 31.
 Монфоконъ, Прилож., 294.
 Морена, II, 167.
 Мстиславскій, II, 101.
 Мстиславъ Владиміровичъ, князь, I, 55, 210; II, 96.
 Мстиславъ Даниловичъ, II, 107.
 Мстиславъ, сынъ Мономаха, Прилож., 3.

*

- Мстиславъ Пересопницкій, II, 77.
 Мстиславъ Романовичъ, II, 97.
 Мстиславъ Ростиславичъ, Новгородскій князь, I, 92.
 Мстиславъ Удалой, II, 103.
 Мужилловскій, II, 262.
 Муравьевъ А., I, 69.
 Муратори, Прилож., 130.
 Мурзакевичъ Д. Н., II, 133.
 Мурзакевичъ Н. Н., II, 131, 152.
 Мухамедъ, ханъ, II, 251.
 Мысовскій, Прилож., 291.
 Мѣховитъ Матвѣй, II, 266.
 Мюллеръ Максъ, I, 9, 333.
 Мюллеръ Отфридъ, I, 19.
 Мюридъ, ханъ, II, 151.
 Надежда, мучен., I, 286.
 Назаръ, знахаръ, I, 314, 316.
 Наполеонъ I, I, 40.
 Нарбуттъ, II, 109, 153.
 Нарушевичъ, II, 94.
 Насръ, Саманидскій владѣтель, I, 346.
 Настасья Юрьевна Гольшанская, Прилож., 44.
 Неволинъ, Прилож., 291.
 Невоструевъ, I, 144.
 Невѣжа Тимофѣевъ, II, 219.
 Нежило, Прилож., 287.
 Незамысль, II, 168.
 Неманя Симеонъ, Сербскій князь, Прилож., 221.
 Неофитъ, еписк. Черниговскій, I, 210.
 Неофитъ, митропол. Ефесскій, Прилож., 146.
 Нештунъ, II, 142.
 Несселманъ, II, 180.
 Несторъ, лѣтописецъ, I, 55, 215, 216, 217.
 Нетонъ (Марсъ), Прилож., 118.
 Нефедьевъ, II, 212.
 Нечай, богатырь, II, 296.
 Нечай, козакъ, II, 108.
 Никита Вареникъ, атаманъ, II, 114.
 Никита Ивановъ Павловецъ, крестьянинъ Нижегородской губер., I, 26.
 Никита, митрополитъ Ираклійскій, Прилож., 259.
 Никита Хонскій, I, 102.
 Никитинъ А., I, 333.
 Никифоръ Вотаниатъ, Прилож., 155.
 Никифоръ II, митрополитъ Кіевскій, I, 103; Прилож., 314.
 Никифоръ Каллистъ, II, 266.
 Никифоръ Тарасіевъ, II, 219.
 Никифоръ Фока, Прилож., 152.
 Никодимъ, монахъ, Прилож., 223.
 Николай, Исландскій аббатъ, I, 106, 293.
 Николай, Мирликійскій чудотворецъ, I, 79.
 Николай, патріархъ, Прилож., 152.
 Николай Селарій, II, 266.
 Николай Трипольскій, Прилож., 110.
 Николай Троицкій, священникъ, Прилож., 140.
 Николай Циховій, іезуитъ, II, 267.
 Николай Черторыйскій, Прилож., 45.
 Неколай Шомбергъ, Прил., 237.
 Никонъ, игуменъ, Прилож., 223.
 Никонъ Сухой, монахъ, Прилож., 222.
 Никонъ Черногорецъ, Прилож., 240.
 Нилъ Доксопатрій, I, 294.
 Нилъ Курлятевъ, инокъ, II, 231.
 Нильсонъ, I, 46.
 Новостроевъ, Прилож., 250.
 Numadievass (Numdievas), домашній богъ, II, 178.
 Оболенскій, князь, Прилож., 146.
 Овербеккъ, I, 43.
 Овидій, II, 147.
 Олегъ, князь, I, 212, 216; II, 96, 132, 134, 162.
 Омельковичъ Михаилъ, князь, II, 156.
 Омельковичъ Симеонъ, князь, II, 156.
 Оленинъ А. Н., I, 29.
 Олимпій, монахъ, Прилож., 223.
 Ольга св., I, 53, 54, 100, 101, 166, 167, 168, 211.
 Ольгердъ, II, 104, 154, 155.
 Ольгимунтъ Гольменскій, II, 106.
 Онисифоръ-Дѣвочка, митрополитъ, I, 66.
 Опашнянъ Игнатъ Павловъ, II, 11.
 Орелли, Прилож., 124.
 Орловскій, Прилож., 10.
 Оскаръ Фрасъ, I, 256.
 Оскаръ Шустеръ, I, 301.
 Осяба, инокъ, II, 281.
 Оссовскій, I, 163; II, 82.
 Островскій, священн., I, 164.
 Отвиновскій, II, 88, 127.
 Оттонъ Янъ, I, 42, 46.
 Оуэнъ Джемсъ, I, 43.

Павелъ, архидіаконъ, I, 66, 68, 77, 78, 90; II, 128.
 Павелъ, Дьякъ, II, 254.
 Павелъ, посадникъ Новгородскій, I, 232, 233.
 Павелъ Силенціарій, I, 81, 97, 105.
 Павинскій, I, 220; Прилож., 209.
 Павлинъ, епископъ Селунскій, Прил., 264.
 Павловскій, I, 178; II, 12; Прилож., 18.
 Павловъ, Прилож., 241.
 Пацлонскій Ив., II, 148.
 Парисъ, I, 115.
 Parizot, I, 289.
 Парѳеній, II, 23.
 Пассекъ, I, 226.
 Пасхалисъ, I, 332.
 Пахимеръ, II, 45, 105.
 Пахомій, логоветъ сербскій, Прилож., 285.
 П. Марій Фаретра, жрецъ, Прилож., 116.
 Pelagius, божество, II, 182.
 Pelengabie, литовское божество, II, 178.
 Пересвѣтъ, инокъ, II, 281.
 Перикль, I, 123, 125, 126, 127, 128.
 Перисадъ I, царь, I, 124, 129.
 Perkunas, литовское божество, II, 178.
 Perkuna teta (Percunatele), литовское божество, II, 178.
 Перовскій, гр., Прилож., 13.
 Петакиа, раввинъ, Прилож., 167.
 Петерсень, I, 45.
 Петрушевичъ, II, 71, 75, 88, 126.
 Петръ Аркудій, II, 266.
 Петръ, Антиохійскій патр., Прилож., 256.
 Петръ, архієпис. Александрійскій, Прилож., 263.
 Петръ Кмита, Люблинскій каштелянъ, II, 205.
 Петръ Михайловичъ, князь, II, 208.
 Петръ, Молдавскій господарь, Прил., 218.
 Петръ Великій, Прилож., 12.
 Петръ III, I, 342.
 Петръ Могила, митрополитъ Кіевскій, I, 62, 66, 74, 78, 264, 271; II, 234, 257 и дал.
 Петръ Мстиславецъ, II, 211.
 Петръ, еп. Переяславскій, I, 57.
 Петръ Савинъ, I, 26.
 Петръ Ѳеодоровичъ, великій князь, Прилож., 12.
 Печеринъ В. С., I, 20.

Пизистратъ, I, 127.
 Пимень, митрополитъ, I, 228.
 Пимень, писецъ, Прилож., 304.
 Пинъ, Прилож., 287.
 Пиперь, I, 43.
 Питиримъ, епископъ Пермскій, Прил., 285.
 Питра, Прилож., 244.
 Платано-Карпини, II, 106, 121.
 Платонъ, I, 134, 136.
 Плиній, II, 266.
 Плиній Старшій, I, 120; II, 6.
 Плишкинъ, Прилож., 32.
 Плутархъ, I, 125, 133, 136.
 Плюшаръ, I, 20; Прилож., 146.
 Погодинъ М. П., I, 217, 218, 226, 227; II, 59, 74, 82, 92, 98, 117, 132, 135, 328.
 Подгетинскій, I, 220.
 Поликарпъ, инокъ Печерскій, I, 57.
 Поліевекъ, патріархъ, Прилож., 152.
 Полунинъ Ѳед., II, 56.
 Поль, Прилож., 208.
 Поповъ А., II, 41.
 Поросскій, князь, II, 107.
 Порфирій Успенскій, епископъ, II, 132, 273.
 Посейдонъ, I, 127, 128.
 Потаповъ, I, 162.
 Потли, Прилож., 294.
 Потуловъ Н. М., Прилож., 161, 162.
 Похилевичъ, II, 84, 127.
 Предиславъ Ляндкоронскій, II, 119.
 Премыслъ, II, 168.
 Прокопій, ист., I, 120, 183.
 Пронскій, князь, I, 310.
 Прохоръ, монахъ, Прилож., 222.
 Прушинскій, Прилож., 17.
 Прѣкеръ, II, 181.
 Прѣториусъ, II, 180.
 Птоломей, географъ, I, 145.
 Птоломей Филадельфъ, I, 124.
 Публий Рутилій Сиктрофъ, Прилож., 116.
 Пунъ, геологъ, II, 160.
 Пясецкій, II, 119.
 Ragana, волшебница, II, 178.
 Радзивиллъ, князь, I, 72.
 Радзивиллъ, гетманъ польскій, I, 183.
 Ралли, Прилож., 294.
 Расинъ, I, 43.
 Растворовскій, графъ, I, 162.
 Ratajnieze, литовское божество, II, 182.
 Ратиборъ, II, 91; Прилож., 167.

- Рауль Рошетъ, I, 19.
 Рафаиль Забаровскій, митроп. Кіевскій, I, 63, 90; II, 257.
 Rafu, I, 291.
 Рашидъ-Эдинъ, I, 294.
 Рейхель, II, 155.
 Рекутисъ, II, 198.
 Rekiściowna, II, 181.
 Рено, I, 348.
 Reussen E., I, 20.
 Ригельманъ, I, 186, 189, 190.
 Рикъ, Прилож., 208.
 Риновіцкій-Трембецкій, II, 310.
 Рискунорисъ, царь, I, 126, 127, 128.
 Риттеръ, II, 2, 15.
 Ричардъ Рольтъ, I, 257.
 Риччи Занони, географъ, I, 311.
 Робертъ Кларійскій, I, 106, 107, 108, 109.
 Ровинскій Д. А., I, 26.
 Роговичъ, I, 214, 225.
 Рогоза, митрополитъ, Прилож., 276.
 Родіонъ Ржевскій, II, 282.
 Рожеръ, Сицилійскій король, I, 349.
 Розенбергъ, II, 169.
 Розенкамфъ, Прилож., 292.
 Романъ II, императоръ Визан., I, 210.
 Романъ Брянскій, II, 106.
 Романъ Даниловичъ, I, 83.
 Романъ Мстиславичъ, II, 95.
 Ростиславъ Берладникъ, II, 79.
 Ростиславъ Юрьевичъ, II, 75.
 Рубриквисъ, I, 328; II, 103, 121.
 Ruggiu Zemerats, божество или демонъ ржи, II, 178.
 Рудавскій, II, 119.
 Рудченко А. Я., I, 314.
 Руже, I, 31.
 Ружмонть, I, 257.
 Руисброкъ, I, 328.
 Руликовскій, II, 120; Прилож., 13.
 Румянцевъ, гр., II, 149.
 Рюрикъ, I, 212, 215, 216, 217, 218, 225.
 Рюрикъ Ростиславичъ, князь, I, 63.
 Русова С. О., II, 326.
 Рустикъ, Прилож., 131.
 Руфъ, Прилож., 117.
 Сабатіе, I, 209, 210.
 Сабинусъ, II, 174.
 Сабинъ, II, 174.
 Саблуковъ, I, 328.
 Савваитовъ П. И., I, 81, 93, 101, 227.
 Савва Григорьевичъ, Прилож., 8.
 Савва, патр. Сербскій, Прилож., 221.
 Савватій, игуменъ Соловецкаго монастыря, Прилож., 223.
 Савва Туптало, Прилож., 8.
 Савва Чалый, богатырь, II, 296.
 Савеліевъ, Прилож., 29.
 Савельевъ П. С., I, 143, 348.
 Садка Молчановъ, писецъ, II, 233.
 Садко, купецъ, II, 287.
 Саковичъ, II, 266.
 Самватесъ или Симбатесъ, I, 290.
 Самойловичъ, гетманъ, I, 73.
 Самоквасовъ Д. Я., I, 182, 214, 237, 241; II, 92.
 Самуиль, еписк. Крутицкій, II, 257.
 Самуиль Красускій, іеромонахъ, Прилож., 270.
 Самуиль Миславскій, митроп. Кіевскій, I, 63.
 Сарницкій, II, 104, 110, 120, 129.
 Сахаровъ И. П., I, 29; II, 132.
 Сверриръ, король, I, 291.
 Светоній, Прилож., 130.
 Светлій Церть, I, 115.
 Свидзинскій, гр., I, 311; II, 152, 153; Прилож., 13.
 Свидригайло, II, 125, 126.
 Святоплукъ, Моравскій князь, I, 297.
 Святополкъ-Михаиль, князь, I, 57.
 Святополкъ II Изяславичъ, I, 284.
 Святославъ I Игоревичъ, II, 132, 135.
 Святославъ Ярославичъ Черниговскій, I, 284, 286.
 Святославъ Всеволодовичъ, II, 53.
 Севастьянъ, старецъ, II, 217.
 Селиванъ, монахъ, Прилож., 216.
 Селимъ I, султанъ, Прилож., 221.
 Семеновъ, географъ, I, 234; II, 84.
 Семень Михайловичъ, князь Слуцкій, II, 208.
 Семень Юрьевичъ Гольшанскій, князь, II, 208.
 Сенека, II, 266.
 Серапіонъ Александровичъ, митроп. Кіевскій, I, 63.
 Серапіонъ, II, 41.
 Сергій, патріархъ, Прилож., 152.
 Сергій, I, 272.
 Сердобинъ, баронъ, I, 190.

- Сибирскій А. А., I, 121.
 Сигизмундъ-Августъ, II, 118.
 Сигизмундъ II Августъ, король Польскій, Прилож., 5.
 Сигизмундъ III, Прилож., 6.
 Сидоній Аполлинарисъ, Прилож., 127.
 Сильвестръ Коссовъ, митрополитъ, I, 57, 58, 90.
 Сильвестръ, еписк. Переславскій, Прил., 36.
 Симандръ, I, 121, 122, 128.
 Симеонъ Александровичъ, князь, II, 135.
 Симеонъ Солунскій, I, 80, 81.
 Симеонъ, вел. князь, II, 124.
 Симонъ Будный, II, 309.
 Симонъ, еп. Суздальскій, I, 57.
 Синицкій, I, 314; II, 108.
 Скворцевъ, протоіерей, I, 53, 55, 58, 76.
 Скиргайло, II, 106.
 Скорина, II, 222.
 Снегиревъ, II, 132, 279.
 Собегердъ, II, 166.
 Собѣсскій, I, 311.
 Сократъ, II, 266.
 Солнцева О. Г., I, 29.
 Соловьевъ, II, 78, 83, 96, 101, 117, 132.
 Соломонъ, II, 139, 140.
 Сомезъ, Прилож., 125.
 Соммерсбергъ, II, 70.
 Сопиковъ, Прилож., 296.
 Софія Палеологъ, Прилож., 146.
 Софія Чарторыйская, княгиня, Прилож., 220.
 Софонія, іерей, II, 277.
 Софроній, Іерусалимскій патр., I, 80; II, 266.
 Софроній Лихудъ, Прилож., 286.
 Спартокъ I, I, 129.
 Спартокъ II, I, 124.
 Спиридонъ, протоіакоу, II, 147.
 Спиридоній, II, 149.
 Спиридонъ, монахъ, Прилож., 223.
 Спытко Мельштынскій, II, 205.
 Срезневскій, I, 23, 226, 227; II, 149.
 Ставецкій, панъ, I, 62.
 Ставровскій, I, 213.
 Стадницкій, II, 106, 109.
 Станиславъ-Августъ, король, Прилож., 276.
 Станиславъ Будзинскій, II, 309.
 Станиславъ Кесгайло-Рекуть, Жмудскій староста, II, 181.
 Станиславъ, князь, II, 106.
 Станиславъ Любенецкій, II, 312.
 Старовольскій, II, 119.
 Стасовъ, II, 286, 322, 323, 324, 325.
 Стезандръ, I, 133, 134.
 Стенька Разинъ, II, 287.
 Стефани Л., I, 127, 128; II, 11; Прил., 134.
 Стефанъ Баторій, II, 176.
 Стефанъ Византійскій, II, 6.
 Стефанъ Зизаній, Прилож., 312.
 Стефанъ, Молдавскій господарь, Прил., 218.
 Стефанъ Новгородецъ, русскій паломникъ XII в., I, 80.
 Стефанъ Сильный, Сербскій князь, I, 112.
 Стефанъ, Сучавскій живописецъ, Прил., 216.
 Стецкій, II, 83.
 Стояновъ, II, 36.
 Страбонъ, I, 121, 124, 127, 145; II, 1, 12, 13, 16, 18, 19, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 32, 33.
 Стратоклеевъ, I, 123.
 Стратокль, I, 123, 124.
 Стриттеръ, ист., I, 217.
 Строгановъ С. Г., графъ, I, 26.
 Строевъ, II, 98.
 Стрыйковскій, I, 92; II, 104, 109, 115, 120, 154.
 Судровскій Станиславъ, II, 175.
 Сулейманъ, халифъ, I, 220.
 Сумароковъ Пав., II, 30; Прилож., 165.
 Szilinczus, божество лѣса, II, 178.
 Тамерланъ, I, 330.
 Татищевъ, II, 132; Прилож., 145, 146.
 Татьяна, II, 207.
 Тацитъ, I, 120, 128.
 Телябуга, II, 281.
 Темезилеонъ, I, 125.
 Темиръ Аксакъ, Прилож., 224.
 Темиръ Кутлукъ, II, 154.
 Терлецкій, Прилож., 266.
 Терпандръ, I, 133, 134, 135.
 Терътробицъ, II, 56.
 Тетя, II, 168.
 Тиберій Клавдій Феликсъ, Прилож., 127.
 Тизенгаузенъ, I, 210; II, 14.
 Тимомахъ, I, 133, 135.
 Тимошей Щербацкій, II, 257.
 Тимуръ, I, 334.
 Тинибекъ, сынъ хана Узбека, I, 335.
 Титмаръ, II, 266.
 Тихонравовъ, II, 57.

- Тобієнь, Прилож., 292.
 Товія Петранко, ієромонахъ, Прилож., 266.
 Токсобиць, II, 56.
 Толстой М. В., графъ, I, 228; II, 137, 147.
 Томилинь, I, 212.
 Торникій, полководець X в., I, 112.
 Тохтагъ, ханъ, I, 335, 336.
 Тохтамышъ, II, 278.
 Tratitojas Kibirksztu, божество, II, 178.
 Требелій Полліонъ, Прилож., 130.
 Трембицкій Владиславъ, II, 149.
 Трифонъ, архієписк. Ростовскій, Прилож., 285.
 де-Туріусъ, I, 250.
 Турновскій Теофилъ, II, 175.
 Туръ, II, 167.
 Тышкевичъ Е., графъ, II, 152, 153.
 Уваровъ А. С., графъ, I, 205, 212, 226, 227.
 Уденъ (Ulden), Прилож., 127.
 Узбекъ, II, 104.
 Ulricus, II, 254.
 Ундольскій В. М., II, 313.
 Успенскій, I, 28.
 Устряловъ, II, 59.
 Фабрицій, Прилож., 250.
 Phavorinus, II, 266.
 Фавръ, I, 257.
 Фавстъ Социнъ, II, 309.
 Фанъ-деръ-Флитъ, II, 119.
 Фарнакъ, царь Веспорскій, II, 20.
 Февронія, Прилож., 222.
 Федько Даниловичъ, князь, II, 205.
 Фелицитата, II, 275.
 Фемій, I, 131, 133.
 Филаретъ, митрополитъ Московскій, II, 235.
 Филаретъ, архієп. Черниговскій, I, 57, 311.
 Филаретъ, ієродіаконъ, Прилож., 7.
 Филимоновъ, I, 33, 82, 86.
 Филиповскій, панъ, II, 309.
 Филиппъ II, царь Македонскій, I, 305.
 Филиппъ, иннокъ, Прилож., 282.
 Филоксенъ, Прилож., 137.
 Филозей, патр. Константинопольскій, II, 232, 247.
 Фирковичъ, I, 143.
 Фокимедъ, I, 137.
 Фондуклей, I, 213.
 Фонъ-деръ-Лауницъ Э., I, 44.
 Фонъ-Пенкеръ, I, 301.
 Фоссати, I, 97.
 Фотій, патріархъ, II, 132.
 Фотій, митропол. Кіевскій, I, 60, 66.
 Фра-Мауро, II, 127.
 Franciscus Cotterus, II, 266.
 Франць-Антонъ фонъ-Роталь, графъ, I, 300.
 Френъ, I, 213, 345.
 Фундуклей, II, 132; Прилож., 199.
 Фурланетто, Прилож., 125.
 Хамелеонъ, I, 137.
 Ханьковъ, I, 143.
 Хвольсонъ, I, 329, 348.
 Хіона, I, 127.
 Хлудовъ А. П., II, 137, 138, 139.
 Хмѣлевскій, Прилож., 28.
 Ходаковскій, II, 71, 80.
 Ходота, князь, II, 95.
 Хоросанъ, Саманидскій владѣтель, I, 346.
 Хржонетовскій, II, 175.
 Христофоръ Бронскій, Прилож., 317.
 Христофоръ Сандъ, II, 308.
 Христофоръ Филалетъ, II, 262.
 Царскій П. П., Прилож., 302.
 Цахарія, Прилож., 293.
 Целларій, II, 75, 119.
 Цельсъ, II, 266.
 Zemienik, божество, II, 203.
 Zemina (Zeminele) Zemienikas, божество, II, 178.
 Церриній Ватія, I, 116.
 Чампини, Прилож., 133.
 Чарноцкій, I, 225, 226.
 Чарторыйскіе, князья, I, 165.
 Чебышевъ-Дмитріевъ, Прилож., 292.
 Черна, княжна, I, 187.
 Черный, князь, I, 187.
 Чертковъ, II, 132.
 Четвертинскій, князь, I, 63, 73.
 Чоботко, богатырь, II, 289.
 Чубинскій, I, 313.
 Чужбинскій, I, 310.
 Чурило Пленковичъ, богатырь, II, 293.
 Шараневичъ, II, 71, 89, 96, 106, 122.
 Шараповъ Θεодоръ Климентіевъ, II, 138.
 Шафарикъ, I, 217, 218, 226; II, 61, 165, 170, 329.
 Шафнагель, Прилож., 203.
 Швабе, I, 45.
 Шевыревъ, II, 44, 45.
 Шейноха, II, 111.

- Шембера, I, 305.
 Шигабъ-Адъ-Динъ-Абу-Абдаллахъ-Якутъ,
 I, 350.
 Ширвидъ, II, 198.
 Ширяевъ, II, 212, 213.
 Шифнеръ, академикъ, I, 33.
 Шлецеръ, I, 27, 215, 218, 224, 225; II,
 132; Прилож., 291.
 Шмидтъ А. С., I, 311.
 Шнаазе, I, 41.
 Шнейдеръ, II, 73.
 Шодуаровъ, Прилож., 156.
 Шпрингеръ, I, 40, 43, 44.
 Штаде, Прилож., 209.
 Штейнгауеръ, I, 257.
 Шубертъ, II, 16, 18, 27, 31.
 Щаповъ П. В., II, 217.
 Щекатовъ, I, 225.
 Щербатовъ, князь, II, 132.
 Эберсъ, I, 40.
 Эверсъ, I, 217, 218; Прилож., 292.
 Эдигей, II, 154.
 Эдризи, II, 80, 93.
 Эдуардъ Дудикъ, I, 299.
 Эмилия, Прилож., 131.
 Энгель, II, 119.
 Эратосвенъ, I, 124.
 Эрихъ, I, 291.
 Эрихъ Ляссота, см. Ляссота Эрихъ.
 Эскуланъ, Прилож., 119.
 Юзефовичъ М. В., Прилож., 14.
 Юльца, княгиня, I, 93.
 Юль, I, 327.
 Юргевичъ, I, 289.
 Юрій Владиміровичъ, Суздальскій князь,
 Прилож., 31.
 Юрій, князь Заславскій, II, 206.
 Юрій Немиричъ, II, 311.
 Юрій Хмѣльницкій, I, 73.
 Юскевичъ-Красковская Е. П., II, 326.
 Юстиніанъ, императоръ, I, 97.
 Явнута Гедиминовичъ, вел. князь, II, 206.
 Языковъ, II, 132.
 Яковъ Куденетовичъ Черкасскій, князь,
 I, 26.
 Яковъ Ласковскій, II, 174, 176.
 Яковъ Михайловичъ Монтовтовичъ, панъ,
 II, 208.
 Яковъ, писецъ, Прилож., 304.
 Янка, I, 58.
 Яновскій В. П., священникъ, I, 317.
 Янъ Кишка, II, 309.
 Янъ Кротовскій, II, 176.
 Янъ Ласицкій, II, 173 и дал.
 Янъ Малецкій, II, 174.
 Янъ Хлѣбовичъ, II, 176.
 Яринъ, I, 115, 116, 117, 118, 119.
 Ярославъ Владиміровичъ, вел. князь, I, 54,
 55, 58, 74, 90, 91, 210, 211.
 Θεογνοῦς, еписк. Сарскій, I, 329; II, 47.
 Θεογνοῦς, митрополитъ, II, 154.
 Θεοδωρα, императр., I, 286.
 Θεοδωρ, бояринъ, Прилож., 145.
 Θεοδωρ Даниловичъ Острожскій, II, 125.
 Θεοδωρ, кн., II, 154, 155.
 Θεοδωρ Коръатовичъ, II, 109.
 Θεοδωρ Михайловичъ Черторыйскій, князь,
 Прилож., 43.
 Θεοδωρ Тышкевичъ, Прилож., 277.
 Θεοδοσίη, антиохійскій патр., Прилож.,
 247.
 Θεοδοσίη, игумень, Прилож., 220.
 Θεοδοσίη Косой, II, 309.
 Θεοδοσίη преподобный, I, 57; II, 135.
 Θεοπνεῦς, митрополитъ Кіев., I, 57.
 Θεοφάνη, Прилож., 152.
 Θεοφάνη Жолтовскій, игумень Кіево-кирил-
 ловскаго монастыря, Прилож., 12.
 Θεοφάνη Прокоповичъ, I, 64.
 Θεοφάνη, патр. іерусалимскій, I, 62.
 Θεοφιλάκης Болгарскій, Прилож., 47.
 Θεοφιλάκης, еписк. Переславскій, Прилож.,
 36.
 Θεοφίλ, императоръ, I, 290.
 Θεοφίλ Городелскій-Недобѣльскій, іеро-
 монахъ, Прилож., 297.
 Θομα Аквинатъ, II, 259.
 Θομα Замойскій, Прилож., 219.
 Θομα Штурмъ, I, 300.
 Θουκιδίδης, I, 121, 122, 123, 128.

2.

Указатель географических названий.

- Абадъ-Зехи, племя, II, 33.
 Абадзехтская станица, Куб. обл., I, 144.
 Абакумова пустошь, Прилож., 40.
 Абрамка, пустошь, Прилож., 40.
 Абрау, гора и рѣка, II, 31, 33.
 Абунисъ, древнй городъ Кавказа, I, 145.
 Авдейцева, пустошь, Прилож., 40.
 Аворака, др. городъ Там. полуострова, II, 33.
 Агіанось, мѣстн., Прилож., 165.
 Адамовъ, м., I, 255.
 Адамсталь, долина, I, 255, 298.
 Адассъ, крѣпость, II, 7.
 Айсгребъ, I, 298.
 Азія, I, 124, 127.
 Азовское море, II, 10, 11, 18, 19, 20, 25, 31.
 Акатова, пустошь, Прилож., 40.
 Акишева, пуст., Прилож., 40.
 Аколова, пуст., Прилож., 40.
 Аккерманъ, II, 49.
 Акра, мысъ, II, 26.
 Акулово, деревня Пересл. у. Влад. губ., Прилож., 40.
 Алазоны, народъ, II, 64.
 Аланы, I, 146.
 Алатырская рукопись, II, 85.
 Албанія, древн. область на Кавказѣ, нынѣ Чечня, I, 145.
 Александрія, II, 307.
 Александрія, м. Вол. губ., I, 165.
 Александрова гора, пустошь, Прилож., 41.
 Александрова слобода, городъ, Прилож., 32.
 Александровка, дер. Курск. губ., I, 186, 199, 200.
 Александропольскій курганъ, I, 146.
 Алексино, село Пересл. у. Влад. губ., Прилож., 39.
 Алексѣева, пуст., Прилож., 41.
 Аленкино, дер., Прилож., 40.
 Алешкина, пуст., Прилож., 41.
 Алехина, пуст., Прилож., 41.
 Альбано, Прилож., 113.
 Альмія, древн. городъ Кавказа, I, 145.
 Альпы, II, 164.
 Алѣерево, с., Прилож., 39.
 Алѣерова, пуст., Прилож., 41.
 Амалыкова, пуст., Прилож., 41.
 Амизось, гор., I, 125, 126.
 Амстердамъ, II, 308.
 Амфиполисъ, гор., I, 126.
 Анапа, кр., II, 16, 27, 31, 33.
 Андреевское, сельцо, Прилож., 40.
 Андрейцева, пуст., Прилож., 41.
 Андреяново, с., Прилож., 39.
 Андриюшина, пуст., Прилож., 41.
 Аникина, пуст., Прилож., 41.
 Аникѣва, пуст., Прилож., 41.
 Анисимово, сельцо, Прилож., 40.
 Антикитесь или Антикитъ, рѣка или рукавъ Кубани, I, 121, 123, 124, 126; II, 13, 14, 15.
 Антиохіане, I, 112.
 Антоніева пещера у Чернигова, I, 215.
 Антоніевъ Новгородскій монастырь, I, 67.
 Антоновка, с., Прилож., 28.
 Антоново, сельцо, Прилож., 40.
 Антонцева, пустошь, Прилож., 41.
 Лорсы, древн. народъ въ Скиѣи, I, 145.
 Апатурось или Апатуръ, городъ, I, 121; II, 1, 13, 28, 30, 32, 33.
 Апраксинъ городокъ, дерев. С.-петерб. губ., I, 228.
 Араповичи, с. Черн. губ., I, 219.
 Аргунское ущелье Терской обл., I, 142, 145.
 Аргунъ, р. Терской обл., I, 143, 144.
 Армаза, гора, I, 82.
 Арское поле, II, 36.
 Арта, городъ, I, 348.
 Артанія, Славянское племя, I, 351.
 Артсанъ, городъ, I, 350.
 Архангельская, пуст., Прилож., 41.
 Архангельское, с., Прилож., 40.

- Архангельское, сельцо, Прилож., 40.
 Асейка, пуст., Прилож., 41.
 Аситина, пуст., Прилож., 41.
 Аскольдова могила, I, 154.
 Аспрокастръ, гор., II, 49.
 Аспурги, племя, II, 33.
 Ассора, гор., I, 329.
 Астрага, пуст., Прилож., 41.
 Астрахань, I, 327.
 Астѣва, пуст., Прилож., 41.
 Атакумъ, р., II, 33.
 Атенская, долина, I, 82.
 Атика, I, 127.
 Афицъ, р., Куб. обл., I, 145.
 Аханка, пуст., Прилож., 41.
 Ахев, древн. народъ Кавказа, I, 145; II, 33.
 Ахиллесова, деревня, II, 23, 26.
 Ахиллесово, святилище, II, 23.
 Ахомова, пуст., Прилож., 41.
 Ахтанизовка, сел., II, 9.
 Ахтанизовскій лиманъ, II, 13, 16, 17, 18, 19, 31.
 Ахторскій лиманъ, II, 22.
 Ахтуба, р., I, 327, 328.
 Ахтубинская долина, I, 328.
 Ачуевъ, сел., II, 20.
 Аѳанасово, дер., Прилож., 40.
 Аѳонъ, I, 82.
 Аѳины, I, 122, 123, 124, 125, 126, 127, 128, 129.
 Аѳиняне, I, 122, 123, 124, 125, 126, 127, 128.
 Бабаева, дер., Прилож., 143.
 Бабинигъ, р., I, 195, 229.
 Багримово, с., Прилож., 40.
 Багримово, сельцо, Прилож., 40.
 Баклагова, пуст., Прилож., 41.
 Бакланова, пуст., Прилож., 41.
 Баково, гор., II, 170.
 Бакота, II, 71, 80, 104, 125.
 Бакшево, сельцо, Прилож., 40.
 Балохы, с. Луцкаго у. Вол. г., II, 92.
 Балтійское море, II, 163.
 Балтскій уѣздъ, I, 311.
 Бальджаманъ или Бельджаманъ, городъ, I, 330.
 Барановка, м. Вол. губ., I, 167.
 Барцинъ, дер., II, 175.
 Баръ, замокъ, II, 129.
 Басовка, Прилож., 209.
 Басовъ-Кутъ, с., I, 166.
 Баталпашинскій уѣздъ, Куб. обл., I, 144.
 Батурина, пуст., Прилож., 41.
 Батуринъ, г., I, 309, 310.
 Батыга, пуст., Прилож., 41.
 Баты, гор., II, 16, 27.
 Батькова, пуст., Прилож., 41.
 Бахматка, пуст., Прилож., 41.
 Бахмачъ, м., I, 310.
 Бахмурово, дер., Прилож., 40.
 Бахмутъ, г., Прилож., 209.
 Бахтышево, с., Прилож., 39.
 Бачева, пуст., Прилож., 41.
 Бачмановка, II, 88.
 Банка, м., II, 328.
 Беево, с., II, 66.
 Безъимянный курганъ, I, 192.
 Бейсугскій, лим., II, 22.
 Беклеша, дер., Прилож., 142.
 Белехово поле, II, 92.
 Бельтъ, проливъ, I, 218.
 Belcimen, гор., I, 330.
 Берасія, славянское племя, I, 351.
 Берегели, сел., II, 82.
 Берегелинцы, сел., II, 82.
 Березна, м., I, 193.
 Бердина, пуст., Прилож., 41.
 Бердиха, пуст., Прилож., 41.
 Бердичевскій у., Кіев. губ., Прилож., 19.
 Бережанка, сел., II, 82.
 Бережестъ, II, 82.
 Бережинцы, II, 82.
 Берездячи, м., II, 83.
 Берездовъ, II, 83.
 Березина, II, 83.
 Березники, м., II, 83.
 Березникова, пуст., Прилож., 41.
 Березно, II, 81, 83.
 Березовецъ, пуст., Прилож., 41.
 Берестовка, с., II, 67.
 Берестово, с., I, 56.
 Берестечко, м., I, 166, 311.
 Беркишева, пуст., Прилож., 41.
 Берладники, племя, II, 120.
 Берлинъ, I, 40.
 Берникова, пуст., Прилож., 41.
 Бернъ (Брюнъ), гор., I, 255.
 Берунъ, городъ, II, 166.
 Berchimán или Bergiman, гор., I, 330.

- Бесленѣва, стан. Куб. обл., I, 144.
Бесно, II, 167.
Беспремь, гор., II, 166.
Бечвары, мѣстность въ Чехіи, I, 307; II, 167.
Бжезина, тожѣ, II, 167.
Бзырина, пуст., Прилож., 41.
Бибермево, с., Прилож., 39.
Биланы, мѣстность въ Моравіи, I, 307.
Бирюкова, пуст., Прилож., 41.
Біармія, I, 348.
Благовѣщенскій погостъ, Прилож., 39.
Благовѣщенскій полуостровъ, II, 27.
Благовѣщенскій степокъ, ставица, II, 32.
Благовѣщенское, с., Прилож., 39.
Бланскъ, мѣстность въ Моравіи, I, 255.
Блата, мѣстность въ Чехіи, II, 167.
Близнецы, курганъ, II, 25.
Блудова, пуст., Прилож., 41.
Блинскъ, I, 298.
Бобенцева, пуст., Прилож., 41.
Боблово, дер., Прилож., 40.
Бобровица, м. Черн. губ., I, 239 242.
Боброка, II, 80.
Богатырева, пуст., Прилож., 41.
Богданецъ, II, 169.
Богодаровка, I, 310.
Богодаровка, хут., I, 151.
Боголюбовъ, городъ, I, 82.
Богополь, II, 84.
Богословлева, пуст., Прилож., 41.
Богудзянка, II, 86.
Богъ, рѣка, II, 71, 76, 79, 84.
Божанка, сел. въ Влад. у. Вол. г., II, 88.
Божевъ, сел. въ Влад. у. Вол. г., II, 88.
Божиловцы, сел. Летич. у., II, 85.
Божкевичи, сел. въ Дуб. у. Вол. г., II, 88.
Божскій, городъ. (ин. Божескъ, Бужескъ, Бузско, Бузко), II, 75, 87, 93, 94, 126.
Божтѣшичи, сел. въ Чехіи, II, 169.
Бозулинцы, сел., II, 86.
Бои, народъ, I, 260.
Болгары, II, 135.
Болгары Камскіе, I, 220.
Болдины горы въ Черниговѣ, I, 190, 315.
Болеславице, мѣстность въ Чехіи, II, 175.
Болеховъ, мѣстн. въ Галиціи, II, 88.
Болоховъ, шоссе, II, 88.
Болотьхова, сел., II, 92.
Болоховичи, сел. въ Луцкомъ у., II, 72, 75, 88.
Болоховская земля или Болохово, II, 69 и далѣе.
Болоховцы, II, 73, 75.
Болоховъ, сел. въ Галиціи, II, 88.
Большая-Мощаница, село, Прилож., 17.
Большово, сельцо Переслав. у. Влад. губ., Прилож., 40.
Боржовичи, селеніе въ Чехіи, II, 169.
Борзенскій уѣз. Черниг. губ., I, 183, 205.
Борисово, дер., Прилож., 40.
Борисоглѣбская дер. Переславск. у. Влад. губ., Прилож., 40.
Борисѣениты, нар., II, 63.
Борки, село, II, 66.
Борки, пуст., Прилож., 41.
Борова, пуст., Прилож., 41.
Боровно, с. Вол. губ., I, 164.
Борониha, пуст., Прилож., 41.
Боротинскій, ручей, II, 166.
Бороховъ (Боруховъ), сел. въ Вол. губ., II, 74.
Борушковицы, село, II, 86.
Борщовка, село Дубенскаго уѣзда Волын. губ., Прилож., 18, 21.
Боръ, пуст., Прилож., 41.
Борынъ, II, 107.
Босфоръ Киммерійскій, II, 8, 15.
Босфорскій проливъ, II, 10.
Босъ, рѣка, II, 85.
Ботина, пуст., Прилож., 41.
Брандонъ, мѣстн. въ Моравіи, I, 256.
Брановицъ, мѣстн. въ Моравіи, I, 298.
Братовщина, сельцо Пересл. у. Влад. губ., Прилож., 40.
Братунова, пуст., Прилож., 41.
Брацлавщина, II, 116.
Брацлавъ, II, 128.
Брембола или Брендола, село Переславск. у. Влад. губ., Прилож., 39.
Бреславль, гор. Силезіи, I, 251.
Брестъ, II, 124.
Бржезна, II, 83.
Бровары, м., II, 164.
Бродники, племя, II, 120.
Бродникова, пуст., Прилож., 41.
Броды, г., II, 27.
Броники, село Ровенскаго у. Волын. губ., I, 164; Прилож., 16.

- Броница, гор. Литовскій, II, 127.
 Бронницы, г. Новг. губ., I, 229, 230.
 Брунева, пуст., Прилож., 41.
 Брусиловъ, с. Черниг. губ., I, 229.
 Брыкина, пуст., Прилож., 41.
 Брюинъ, г., I, 298.
 Брюшкова, пуст., Прилож., 41.
 Брянскъ, г., II, 106.
 Бува Полевая, мѣстн. въ Каз. губ., II, 38.
 Бугозь, II, 11, 13, 18, 26, 29, 125.
 Бугриновка, с. Черн. губ., I, 186, 197, 229, 234.
 Бугское, сел. въ Херс. губ., II, 84.
 Бугъ, II, 71, 84, 129.
 Буда-Губича, мѣстн. Проскур. у., II, 84.
 Будеевичи, мѣстн. въ Чехіи, II, 169.
 Буденикъ, мѣстн. въ Псков. г., Прил., 142.
 Будерожъ, село Дубенск. у. Вол. г., Прил., 17.
 Будовское, село Пересл. уѣз. Влад. губ., Прилож., 39.
 Буерова, могила, II, 25.
 Бужанка, село въ Вол. г., II, 86, 89.
 Бужковичи, сел. въ Влад. у. Вол. г., II, 77.
 Бужьискъ, Бужескъ, (въ XII в. Бузь и Бускъ), др. городъ въ Болоховской землѣ, II, 76.
 Бужья или Божья гора, II, 76.
 Бузовка, с. въ Тар. у. Кіев. губ., II, 72, 86.
 Буинска, мѣстн. въ Каз. губ., II, 38.
 Буинскъ, г., II, 39.
 Букова, пуст., Прилож., 41.
 Буковецъ, сел. въ Чехіи, II, 169.
 Буковина, II, 323; Прилож., 304.
 Булатникова, пуст., Прилож., 41.
 Булгаръ, др. городъ, I, 220, 223, 329.
 Булохово, II, 92.
 Буняково, с. Курск. губ., I, 186, 229.
 Бурнашево, II, 38.
 Буровско, II, 169.
 Бурцева, пуст., Прилож., 41.
 Бутаково, сельцо Переславск. у. Влад. губ. Прилож., 40.
 Бутаково, дер. Переславск. у. Влад. губ., Прилож., 40.
 Бутовы, сел. Новградвол. у. Вол. губ., II, 84.
 Бутримо, сельцо Переславск. у. Влад. г., Прилож., 40.
 Бухара, I, 329.
 Бухлянь, мѣстн. въ Моравіи, I, 298.
 Бучакъ, сел., Прилож., 201.
 Бучилова, пуст., Прилож., 41.
 Бучъ, р., II, 85.
 Бушовицъ, мѣстн. въ Моравіи, I, 298.
 Быкова, пуст., Прилож., 41.
 Былицина, пуст., Прилож., 41.
 Быльцина, пуст., Прилож., 41.
 Быстрица, мѣстечко въ Моравіи, I, 299.
 Быстрикъ, р., II, 20.
 Бычачья скала, пещера, I, 255 и дал.
 Бѣлая церковь, г., II, 128.
 Бѣлая, г., II, 127.
 Бѣлая, р. Куб. обл., I, 146.
 Бѣлбожице, мѣстн. въ Чехіи, II, 167.
 Бѣлгородскіе Татары, II, 119.
 Бѣлгородъ, II, 82.
 Бѣлевъ, с. Вол. губ., I, 163.
 Бѣлкина, пуст., Прилож., 41.
 Бѣлобережцы, племя, II, 80.
 Бѣлобережье, мѣстность или округъ др. Болоховской земли, II, 71, 80, 81, 82, 126.
 Бѣлозерова, пуст., Прилож., 41.
 Бѣлосарайская коса, II, 21.
 Бѣлоусъ, р. Черниг. губ., I, 181, 184.
 Бѣлые Берега, дер., II, 83.
 Бѣлые Угры, народъ, I, 293.
 Бѣлый Дворъ, пуст., Прилож., 41.
 Бѣшенская, пуст., Прилож., 41.
 Бялобжегъ, мѣстн. въ Радомской губ., II, 83.
 Vclavice (Vladislavice), мѣстн. въ Чехіи, II, 166.
 Валахія, II, 115.
 Волоколамскъ, г., Прилож., 32.
 Варданъ, р., I, 145.
 Варта, р., I, 250, 251.
 Варшава, I, 219, 311; II, 147, 149, 152.
 Варъ, р. Черн. губ., I, 229.
 Варяги, I, 213, 214, 218.
 Варяско, дер. Новгор. губ., I, 229.
 Васильевская церковь, I, 266, 267, 276, 278, 279.
 Васильки, I, 213.
 Васьковичи, с. Вол. губ., I, 178.
 Васильковский уѣздъ Кіев. г., Прилож., 19.
 Васильковъ, II, 72, 85.
 Васюринская гора, II, 17, 25.

- Ватопедскій монастырь, I, 82.
 Ведриша, рѣка, II, 208.
 Везувій, II, 8.
 Велесовъ, мѣстн. въ Чехіи, II, 167.
 Великая Березна, мѣстн. въ Вол. г., II, 83.
 Великая Польша, II, 175.
 Великая, рѣка, Прилож., 139.
 Велихово, озеро, II, 92.
 Велиховъ, мѣстн. въ Луцкомъ у., II, 92.
 Вельское, городище Псков. губ., I, 233.
 Венгры, II, 77, 82.
 Велья (Veglia), островъ, II, 327.
 Вендолы (Удолы), мѣстн. въ Чехіи, II, 166.
 Венета, село, II, 36.
 Венеціане, II, 233.
 Венеція, II, 133.
 Venta, рѣка, II, 181.
 Верей, городъ, Прилож., 32.
 Верхній Темрюцкій лиманъ, II, 19, 22.
 Ves Pravavice (Bespravavice или Bespre-
 novice), селеніе въ Чехіи, II, 166.
 Вель, село, I, 213.
 Vetuze, мѣст., II, 203.
 Вздѣтовъ, II, 169.
 Визенбергъ, мѣст., I, 298.
 Вильно, I, 66, 75; II, 148, 149.
 Винари, мѣстн. въ Чехіи, II, 167.
 Вирни, городокъ, II, 78.
 Висла, р., I, 251; II, 170.
 Витебскъ, г., II, 309.
 Витичевъ, с. Кіев. губ., I, 229.
 Витково, мѣст. въ Сербіи и Польшѣ, II, 170.
 Витязева, станица, II, 27, 32, 33.
 Вицомержицъ, I, 298.
 Вишнева, мѣстн. въ Чехіи, II, 167.
 Владиміръ-Волинскій, г., I, 168.
 Властиборъ, мѣстн. въ Чехіи, II, 169.
 Влахерна, II, 133.
 Влахи, I, 102.
 Водяны, мѣстн. въ Чехіи, II, 167.
 Возвягль, II, 81, 105.
 Возвягляне, племя, II, 103, 105.
 Вознесенское, с. С.-Петербур. губ., I, 228.
 Вознесенскъ, II, 84.
 Вознесенскій, монастырь Ярослав. г., I, 87.
 Воиничи, мѣстн. въ Чехіи, II, 168.
 Волари, мѣстн. тамъ же, II, 167.
 Волга, р., I, 228, 339.
 Володарево (Володарка), II, 75, 89.
 Волокитинъ, с. Черн. губ., I, 186, 197, 231.
 Волховъ, р., I, 228, 229, 230.
 Волчищецъ, с. Бердичевск. у. Кіевск. губ., I, 88.
 Волинская губер., I, 159, 161—169, 171.
 Волинь, I, 79, 88; II, 154.
 Волиняне, II, 170.
 Вольфрамицъ, м., I, 298.
 Ворзна, р. Черн. губ., I, 184.
 Ворожба, с. Харьков. губ., I, 229.
 Воронежъ, II, 149.
 Воронечское, городище Псков. губ., I, 233.
 Воронцовъ, заводъ, II, 37.
 Ворончино, село Владимір. у. Вол. губ., Прилож., 16.
 Ворытнеськи, др. городъ Лит., II, 127.
 Ворскла, II, 56, 120, 154.
 Восято, г., II, 127.
 Воспорскіе города, II, 23.
 Воспорскій проливъ, II, 16, 23.
 Воспоръ, I, 123, 126, 128; II, 24.
 Восьтиобачеръ, др. г. Литов., II, 127.
 Вревское, городище Псков. губ., I, 233.
 Вручевъ, г., см. Овручъ.
 Всегороды, мѣстн. въ Чехіи, II, 167.
 Всестары, тоже, II, 167.
 Всетати, тоже, II, 167.
 Всехлапы, тоже, II, 167.
 Всехромы, тоже, II, 167.
 Вчельницы, тоже, II, 167.
 Выбуты (Лыбуты), село Псков. г., Прилож., 139.
 Выдера или Выдра, деревня, Прилож., 140.
 Выдра-Волжино-Ольжино, деревня, Прил., 139.
 Выдубицко-Михайловская церковь, I, 270, 271, 272, 276, 280.
 Выгошевъ, гор., II, 76.
 Вырь, р. Харьков. губ., I, 229.
 Высокая Гора, село, II, 35.
 Вышіе Нагоряны, село, Прилож., 18.
 Вышгородъ, г., I, 213, 229; II, 70, 125.
 Вязовскъ, с. Полт. губ., I, 150, 152, 157.
 Вятчи, I, 211, 216, 217, 218, 232; II, 95.
 Вятская губ., II, 36.
 Вятка, II, 124.
 Гаджитерханъ, I, 331.

- Gadi, гор., I, 293.
 Гадячъ, г., I, 310; II, 67; Прилож., 173.
 Галиція, I, 88; II, 73, 154, 160.
 Галичане, II, 77.
 Галичина, II, 79, 88, 97, 117.
 Галичъ, г., II, 73, 74, 77, 80, 97, 123.
 Гана, р. въ Моравіи, I, 298.
 Ганзейцы, II, 60.
 Гардарики, г., I, 293.
 Гастиборичи, селеніе въ Чехіи, II, 169.
 Гастагаевская, станица, II, 31.
 Гатнос, село Кіев. губ., II, 318; Прил., 14.
 Гвоздилова, дер. Курск. губ., I, 229.
 Гвоздово, с., II, 151.
 Гдечъ, крѣпость, II, 170.
 Гедчаны, мѣстн. въ Чехіи, II, 170.
 Гелы, древ. народъ Кавказа, I, 145.
 Геніохи, древ. народъ Кавказа, I, 145; II, 33.
 Генуэзцы, II, 112.
 Георгіевскій у. Куб. обл., I, 144, 145.
 Георгіо-Аѳинская, станица Куб. обл., I, 145.
 Гераклея, др. гор., II, 23.
 Германія, II, 164.
 Германцы, I, 215.
 Гермонасса, древ. городъ Там. полуострова, I, 121, 122, 123, 128, 129, 145.
 Геттингенъ, I, 40.
 Гжатскъ, городъ, Прилож., 33.
 Гипанисъ, II, 63.
 Histonium, городъ, Прилож., 130.
 Глинскъ, с. Вол. губ., I, 166.
 Глупоглавы, селеніе въ Чехіи, II, 167.
 Глуховскій, у. Черн. губ., I, 186, 197, 198, 203, 231.
 Гвилице, урочище Новоградъ-Волынскаго у. Вол. губ., Прилож., 16.
 Гнилой Тикичъ, р., II, 92.
 Гнилометъ, р., II, 78, 87.
 Гнильда, с., Прилож., 15.
 Гнойница, гор., II, 76, 89.
 Говшинское, село Ярослав. губ., I, 87.
 Годзовичи, сел. въ Чехіи, II, 169.
 Годоничи, тоже, II, 169.
 Голешанъ, мѣстн. въ Моравіи, I, 305.
 Holmgardus, городъ, I, 293.
 Гологлавы, сел. въ Чехіи, II, 167.
 Голодаевка, с. земли войск. Донск. Миусск. окр., I, 141.
 Голуба, село Луцкаго у. Вол. г., Прил., 16.
 Голубино, с. Вол. губ., I, 164.
 Голубовка, Прилож., 210.
 Гонцы, с. Полт. губ., I, 147—150, 152, 153—159.
 Гончары, с. Курск. губ., I, 229.
 Гонельское, озеро, II, 170.
 Гонло, озеро, I, 250.
 Гончица, р., II, 78.
 Гора, курганъ Вол. губ., I, 167.
 Гора или Горка, дер., Прилож., 139.
 Гораздовичи, сел. въ Чехіи, II, 168.
 Горбовъ, с. Черн. губ., I, 229.
 Горвинія, др. городъ, I, 124; II, 33.
 Гореславль, (название Переясловля), II, 58.
 Горишковка, село, I, 314; Прилож., 178.
 Горки, с. Харьков. губ., I, 229; II, 38.
 Горналь, с. Курск. губ., I, 201—204.
 Горностайполь, мѣст. Радомысльскаго у. Кіев. губ., Прилож., 15.
 Городецкое, сел. Уманскаго у. Кіев. губ., II, 89.
 Городець, дер. Вол. губ., I, 167; II, 71, 88, 89.
 Городище, дерев. С.-петерб. губ., I, 228; II, 78, 88.
 Городище, сел. Курск. г., I, 199, 200, 213.
 Городище, с. Черн. губ., I, 197, 229.
 Городница, с. Вол. губ., Прилож., 16.
 Городницкій у. Черн. губ., I, 183, 184.
 Городно, г., II, 127.
 Городня, г. Черн. губ., I, 193.
 Городокъ, II, 78, 88, 103.
 Городскъ, с. Радомысл. у. Кіев. г., II, 85.
 Горынь, р., I, 166, 171; II, 76; 82, 89, 107.
 Горѣлая, гора, II, 12, 24, 25.
 Гостивичи, мѣстн. въ Чехіи, II, 168.
 Готія, II, 132.
 Готландія, I, 291.
 Готы, II, 105.
 Гошауге, гора, II, 31.
 Гоштейнъ, въ древн. Гостынъ, гора, I, 299.
 Граконикъ, сел. въ Чехіи, II, 166.
 Грахолуски, сел. въ Чехіи, II, 167.
 Граць, I, 306.
 Греки, I, 263, 264; II, 10, 12, 23, 27, 28, 30, 132, 134, 135, 139.
 Греція, II, 135.
 Григорьевское, укрѣпленіе Куб. обл., I, 144.

- Григоровъ, лѣсъ, II, 67.
 Гростейницъ, м., I, 298, 301.
 Гроховичи, мѣст. въ Чехіи, II, 169.
 Грузія, I, 88.
 Грушвица, с. Вол. губ., I, 163.
 Грушованы, мѣст. въ Чехіи, II, 167.
 Губоръ, мѣстн. въ Ушицкомъ у. Под. г., II, 89.
 Губельцы, мѣстн. въ Заславскомъ у., II, 88.
 Губинъ, др. гор. и мѣстн. въ Влад. у. Вол. г., II, 71, 84, 87, 88, 89.
 Губковъ, м., II, 88.
 Губча, II, 84.
 Гузна, II, 169.
 Гулейнъ, м., I, 298.
 Гульбище, курганъ, I, 190—192, 205, 209—211, 214, 215.
 Гуньга, с. Овручскаго у. Вол. губ., Прил., 16.
 Гулистанъ, II, 151.
 Дагестанъ, обл. Кавказа, I, 145.
 Дандаріи, др. племя, II, 20.
 Даниловка, м., II, 80.
 Даниловъ, г., II, 125.
 Danpstadir, I, 291.
 Данцигъ, I, 306.
 Дегаи, мѣстн. въ Чехіи, II, 167.
 Денежный, островъ, I, 328.
 Дербентъ, I, 328.
 Деревено, с., II, 81.
 Деревичка, р., II, 81.
 Деревная, р., II, 81.
 Деревичъ, II, 87.
 Деревичи, II, 72, 84.
 Деревягорескъ, II, 127.
 Деревянное, м., II, 88.
 Деревяны, II, 89.
 Десна, р., I, 181, 182, 184, 197, 208, 214, 229, 230, 232, 234.
 Десятинная церковь, I, 277.
 Дехтяревка, с. Черн. губ., I, 229.
 Джеметей, гора, II, 32.
 Джеметейское укрѣпленіе, II, 27.
 Джеметейскій полуостровъ, II, 27.
 Джигитъ, урочище, I, 328.
 Дигитли, дер. Каз. губ., II, 37.
 Диррахій, гор., II, 42, 45, 46, 47.
 Дмитріевскій соборъ во Влад., I, 282, 283.
 Дмитровъ, городъ, Прилож., 32.
 Днѣпръ, р., I, 158, 205, 228, 229, 270, 276; II, 23, 162, 164.
 Днѣстръ, р., I, 311.
 Добраниль, мѣстн. въ Галиціи, Прилож., 279.
 Добришице, с., I, 245, 253.
 Долгая, коса, II, 21, 22.
 Долоплясь, м., I, 298.
 Домажилицы, м. въ Чехіи, II, 167.
 Донецкое, городище, Прилож., 209.
 Донецъ, р., I, 228, 229; II, 52.
 Донской заливъ, II, 21.
 Донъ, р., II, 21, 27.
 Дорогино, с. Овручскаго у. Вол. г., Прил., 16.
 Дорошевское кладбище, хут. Черн. губ., I, 197.
 Дрогобичъ, Прилож., 279.
 Дорогобужъ, II, 76, 82.
 Драчь-Градъ, II, 41.
 Древяне, нар., I, 216, 217, 218, 224; II, 102, 114.
 Дреговичи, нар., I, 224; II, 95.
 Drhovel, м. въ Чехіи, II, 166.
 Дубенскій у. Вол. губ., I, 163, 166, 178—180; Прилож., 19.
 Дубица, с. Вол. губ., I, 164, 165.
 Дубно, г., I, 311; II, 86, 107.
 Дубовики, дер. С.-петерб. губ., I, 228.
 Дубоссары, г., II, 50.
 Дубрава, м., въ Чехіи, II, 167.
 Дудари, с. Кіев. губ., Прилож., 14.
 Дудлебы, племя, II, 170.
 Дунай, р., I, 232.
 Дураццо, г., II, 42.
 Дурни, дерев. Черн. губ., I, 231.
 Дьяковцы, II, 84.
 Дьяконовъ, с. и городище Москов. губ., I, 229, 230, 231.
 Дядьковъ, гор., II, 71, 84, 87.
 Евмолнды, I, 127, 128, 129.
 Европейская Турція, II, 169.
 Египетъ, I, 125.
 Екатеринодарскій у. Куб. обл., I, 144.
 Екатеринополь, II, 92.
 Екатеринославъ, г., II, 166.
 Елабуга, г., II, 37.
 Елевзисъ, гор., I, 127.
 Еленовка, с. Кіев. губ., Прилож., 14.

- Елецкій монастырь въ Черниговѣ, I, 187.
 Елецъ, I, 330.
 Елисаветградъ, г., I, 311.
 Еникале, г., Прилож., 165.
 Ениколь, II, 23.
 Жабкина Лука, уроч. Черн. г., I, 199.
 Жабчицъ, I, 298.
 Ждаръ, мѣстн. въ Чехіи, II, 167.
 Жедечевъ, др. городъ Болох. земли, II, 78.
 Желеницы, мѣстн. въ Чехіи, II, 167.
 Желѣзное, с., Прилож., 210.
 Женева, I, 257.
 Жерденовка, с. Полт. губ., I, 314; Прилож., 173.
 Жеревъ, р., II, 163.
 Жерносѣки, мѣстн. въ Чехіи, II, 167.
 Жидовцы-Булаи, сел. Бердич. у. Кіев. г., II, 78.
 Жидовцы, дер. Ум. у. Кіев. г., II, 78.
 Жидовчикъ, дер. Таращ. у. Кіев. г., II, 78.
 Жидовская гребля, дер. тамъ-же, II, 78.
 Жиженъ, г., II, 127.
 Житне, мѣстн. въ Чехіи, II, 167.
 Житомирскій у. Волын. губ., II, 164; Прил., 19.
 Житомиръ, г., II, 125.
 Жовнинъ, с. Полт. губ., I, 152.
 Журжинцы, с. Кіев. губ., Прилож., 14.
 Заброды, мѣстн. въ Житом. у., II, 85.
 Забужина, р., II, 85.
 Забужье, мѣстн. въ Ров. и Засл. у. Вол. г., II, 84.
 Забуча, мѣстн. Кіев. г., II, 85.
 Загорцы, II, 85.
 Загробела, мѣстн. въ Галиціи, II, 85.
 Загруновка, мѣстн. въ Полт. губ., II, 85.
 Закамень, др. городъ, II, 125.
 Закузьминское, II, 85.
 Залисцы, II, 85.
 Залужье, с. Вол. губ., I, 163, 171—177; II, 85.
 Залѣшаны, II, 85.
 Замглай, болото Черн. губ., I, 184.
 Замчисько, урочище, Прилож., 26.
 Запорожцы, II, 21, 30, 113.
 Запселье, село, II, 85.
 Зарудье, II, 85.
 Зарѣчье, урочище Черн. губ., I, 195.
 Зарѣчскъ, теперь Зарѣцкъ, с. Ров. у. Вол. г., II, 85.
 Заславъ, II, 125.
 Заславскій уѣздъ Вол. губ., I, 177; Прилож., 20.
 Заславъ, II, 206.
 Заслуцкое, II, 85.
 Застугна, с. Кіев. г., II, 85.
 Заставье, II, 85.
 Засулье, с., II, 85.
 Zbešice (Kdesice), сел. въ Чехіи, II, 166.
 Збуже, сел. въ Ров. у. Вол. губ., II, 85, 88.
 Збужокъ, ручей, II, 85.
 Звенигородка, II, 75.
 Звенигородскій у. Кіев. губ., Прилож., 19.
 Звиговъ, сел. въ Чехіи, II, 169.
 Звиничевъ, с. Черн. губ., I, 184.
 Звиретичи, сел. въ Чехіи, II, 170.
 Звѣгинцева, дер. Курск. губ., I, 199.
 Звѣнигородъ, II, 72, 117, 125.
 Збранекъ, с. Вол. г., II, 161, 162.
 Зеленчукъ, р. Куб. обл., I, 145.
 Зимное, м. Вол. губ., I, 168.
 Зихи, др. народъ, II, 33.
 Златая Липа, р., II, 160.
 Zlucina (Kdycina), сел. въ Чехіи, II, 166.
 Зміевъ валъ, II, 92.
 Золотой Рогъ, заливъ, I, 101.
 Золотоношскій у. Полт. губ., I, 208.
 Золотыя ворота, въ Кіевѣ, Прилож., 323—325.
 Зѣньковъ, г., I, 310; II, 67; Прилож., 173.
 Иберія, древ. область Кавказа, I, 145.
 Ивановка или Шестаковка, станція, Прил., 208.
 Ивановское, с. С.-петерб. губ., I, 228.
 Иванъ-городъ, II, 92.
 Изборское, городище Новг. губ., I, 233.
 Иловой Ключъ, сопка, II, 9.
 Ирша, р., II, 81.
 Исландія, I, 213.
 Истрія, Прилож., 203.
 Истожекъ, г., II, 79.
 Италия, I, 126; II, 133.
 Итиль, I, 328.
 Іена, г., I, 46.
 Іерусалимъ, II, 127.
 Іорданъ, р., II, 141, 142.
 Іорданъ, оз. въ Чехіи, II, 166.
 Іудей, II, 142, 145.
 Кабатня, с. Липов. у. Кіев. г., II, 91.
 Кавказъ, I, 139—146; II, 20.

- Кагальникъ, р., II, 55.
 Каглиеницъ, м., I, 298.
 Казанская губ., II, 35.
 Казань, II, 36.
 Казбекъ, I, 82, 86.
 Казенный Торецъ, р., II, 56.
 Казинъ, мѣстн. въ Чехіи, II, 168.
 Кайдакъ, Прилож., 167.
 Баймары, дер. Каз. губ., II, 36.
 Каливоды, мѣстн. въ Чехіи, II, 167.
 Калитва, Прилож., 209.
 Каллипиды, нар., II, 64.
 Калка, р., I, 232; II, 105.
 Кальмиустъ, р., II, 55, 105.
 Камевецъ, г., II, 76, 78, 167.
 Каменка, р., II, 78.
 Каменка, деревня, II, 78.
 Каменка, с., II, 162.
 Каменное, село, II, 66.
 Каменщина, сел. Вол. губ., I, 177—179.
 Каменный мысъ, II, 23.
 Каменный Тикъ, уроч. Вол. губ., I, 167.
 Каневскій у. Кіевск. губ., Прилож., 19.
 Каневъ, II, 106, 125.
 Каперитумъ, др. гор., I, 260.
 Каппадокія, I, 291.
 Карабетова гора, II, 17, 25.
 Каракалпаки, I, 294.
 Карпадія, слав. племя, I, 351.
 Карманъ-касы, мѣстн. Каз. губ., II, 37.
 Карманъ-неръ, мѣстн. Каз. губ., II, 37.
 Кармановъ Починокъ, мѣстн. Каз. г., II, 37.
 Кафа Генуэзская, II, 153.
 Каховка, Прилож., 209.
 Каяла, р., II, 51, 52, 55.
 Каяслеби, озеро, II, 56.
 Квитава, р., I, 298.
 Кдичина, сел. въ Чехіи, II, 170.
 Кебъ, р., Прилож., 142.
 Келибы (арабское племя), I, 291.
 Кенигсбергъ, г. I, 306.
 Кенугардас, гор., I, 293.
 Кени, городъ, I, 121.
 Керверіонъ, городъ, I, 121.
 Керкеты, древн. народъ Кавказа, I, 145.
 Керченскій проливъ, II, 16.
 Керчь, II, 23.
 Кизица, сел. въ Чехіи, II, 169.
 Кизилташскій лиманъ, II, 33.
 Куіе, мѣст., I, 289.
 Кужовісе, мѣст., I, 289.
 Килійское, устье Дуная, II, 83.
 Киммерійскій Валъ, II, 18.
 Киммерійскій Воспоръ, II, 23, 26, 28.
 Киммерійскій островъ, II, 7, 14.
 Киммерійское, сел., II, 22.
 Киммерійское, мѣстечко, II, 23.
 Киммерійскъ, г., II, 23.
 Киммеріане, племя, II, 18.
 Киммерійцы, II, 23.
 Киммеріумъ, городъ, I, 121.
 Кинбурская коса, II, 23.
 Кины, др. г., II, 13, 28, 29, 30.
 Киржачъ, г., Прилож., 33.
 Кирилловская церковь въ Кіевѣ, Прилож., 1, 2, 3 и далѣе.
 Кирилловъ Бѣлозерскій монастырь, II, 138, 143.
 Кирилловъ Новозерскій монастырь, II, 138, 145.
 Кириловское, II, 36.
 Кирменбанъ, сел. Каз. губ., II, 37.
 Кирмени, сел. Каз. губ., II, 37.
 Кисселинъ, мѣст. Вол. губ., II, 310.
 Китаевская пустынь, I, 229.
 Кичказъ, р., I, 290.
 Кишла, мысъ, II, 11.
 Кіевецъ, городище, I, 227.
 Кіевляне, II, 164.
 Кіевская губ., I, 158, 159, 213, 228.
 Кіевъ, I, 154, 158, 167, 210, 263, 264, 272, 273, 274, 277, 283, 286, 312, 345; II, 131, 132, 135, 147, 148, 149, 151, 154, 155, 156, 159, 160—164.
 Кіуабъ, г., I, 347.
 Клагенфуртъ, I, 306.
 Клезанъ, II, 85.
 Клевень, р. Черн. губ., I, 197, 198, 231.
 Клентницъ, м., I, 298.
 Клещи Малые, с. Вол. губ., I, 166.
 Клиновая, дерев. Курск. губ., I, 186, 200.
 Клинь, г., Прилож., 33.
 Клюква, с. Курск. губ., I, 186, 199, 200.
 Ключищи, дер. II, 37.
 Клязьма, II, 92.
 Клятовъ, г., II, 166.
 Кнаймъ, м., I, 298.
 Коба, урочище, Прилож., 167.
 Коблинъ, сел. въ Дуб. у. Вол. г., II, 88, 91.

- Кобудъ, др. г. Болох. земли, II, 84, 91, 92.
 Кобче, мѣстн. Луцкаго у. Вол. г., II, 91.
 Кобъ, урочище, II, 91.
 Кобызче, мѣстн. Черн. губ., II, 92.
 Кобыльники, мѣстн. въ Чехіи, II, 167.
 Ковари, мѣстн. тамъ же, II, 167.
 Ковельскій у. Вол. губ., I, 164; Прилож., 20.
 Кодицы, сел. Хорольскаго у., II, 91.
 Кодня, II, 84.
 Кодыма, р., II, 92.
 Козелецкій у. Черн. губ., I, 183, 237—243, 309.
 Козинъ, м. Вол. губ., I, 163.
 Кокошко, мѣст. въ Чехіи, II, 167.
 Кокуй, улица въ Казани, II, 37.
 Колбѣги, племя, I, 291.
 Колодежнъ, II, 78.
 Коложское городище Псков. губ., I, 233.
 Коломыя, II, 129.
 Коломыйцы, II, 129.
 Команы, I, 102.
 Команъ, с. Черн. губ., I, 229.
 Конепасы, сел. въ Чехіи, II, 167.
 Конотопскій у. Черн. губ., I, 183, 203, 208.
 Конотопъ, г. Черн. губ., I, 198.
 Константинополь, II, 131, 132, 133, 134, 155.
 Конъ, дер., II, 38.
 Коняшкинъ, дер., II, 38.
 Конела, др. гор. Болох. земли, II, 79.
 Конертусевъ, др. гор. Литовскій, II, 127.
 Конылъ, г., II, 20, 155.
 Корецъ, др. гор., II, 125.
 Кориневъ, II, 42.
 Коркиряне, I, 126.
 Короглоды, сел. въ Чехіи, II, 167.
 Корокондама, др. гор. Там. полуостр., II, 12, 13, 15, 16, 26, 27, 28, 29.
 Корокондамскій заливъ, II, 2, 13, 15, 28, 30.
 Корокондамское озеро, II, 26, 29, 31.
 Короповскій ручей, С.-Петерб. губ., I, 228.
 Короповское городище, I, 230.
 Корсунская земля, II, 105.
 Корсунъ, гор., I, 72.
 Корюзія, древ. городъ Кавказа, I, 145.
 Корческъ, II, 82.
 Корчикъ, II, 83.
 Корчминъ, с. С.-Петерб. губ., I, 228.
 Космоносы, сел. въ Чехіи, II, 167.
 Костелецъ, г., II, 169.
 Котельница, г., II, 75, 76, 78, 95.
 Котельничье городище, Псков. г., I, 233.
 Котовцева, с. Курск. губ., I, 199, 200.
 Котопеки, сел. въ Чехіи, II, 167.
 Кочказъ, крѣпость, I, 290.
 Коцаково, с. Каз. губ., II, 35, 36.
 Кравари, сел. въ Чехіи, II, 167.
 Крайна, I, 305.
 Краковъ, II, 175.
 Кравель-Градецъ, II, 166.
 Красная гора, II, 206.
 Красная площадь, въ Черниговѣ, I, 189.
 Красное, городище Псков. губ., I, 233.
 Красное, с. Курск. губ., I, 229.
 Красногорка, II, 38; Прилож., 210.
 Крбава, городокъ въ Далмаціи, II, 255.
 Крека Ушава, мѣст. въ Чехіи, II, 166.
 Кременецкій у. Вол. губ., I, 163; Прилож., 19.
 Кременецъ, г. Вол. губ., II, 80, 104; Прил., 16.
 Кременчугскій у. Полт. губ., I, 208.
 Кременчугъ, г., Прилож., 208.
 Кресляны, с. Полт. губ., I, 152.
 Крестине, курганъ Курск. губ., I, 201.
 Креховъ, Прилож., 278.
 Крещатая могила, I, 213, 214.
 Кривичи, слав. племя, I, 217, 218, 224, 232.
 Кривой Торецъ, р., II, 56.
 Кроковъ или Краковъ, II, 168.
 Кролевецкій у. Черн. губ., I, 186, 198, 208.
 Кролевецъ, гор. Черн. губ., I, 198; II, 322.
 Кротошинъ, г., II, 185.
 Круглая гора, II, 17, 25.
 Крушвица, др. городъ въ Польшѣ, II, 170.
 Крушевацъ (Крушевицы), м. въ Сербіи, II, 170.
 Ксенофъ, монастырь, I, 82.
 Кубанская область, I, 139—142, 144, 145.
 Кубанскій лиманъ, II, 17, 26, 27, 29.
 Кубанъ, р., I, 144, 145; II, 2, 13, 14, 15, 16—22, 27—29, 31, 32, 63.
 Кудаша, р., II, 91.
 Кудашево, с. Каз. губ., II, 38.
 Кудинка, II, 84.
 Кудиновичи, сел. въ Вол. г., II, 88.
 Кудинча, озеро, II, 91.
 Кудинъ, II, 71, 87, 91.
 Кудійовцы, сел. въ Под. губ., II, 89.

- Кудлаевка, дерев. Черн. губ., I, 229, 230.
 Кудьново, с. II, 91.
 Кукунда, древн. гор. Кавказа, I, 145.
 Куку-Обо, грязный вулканъ, II, 24.
 Кульпинги, I, 291.
 Кунинскія горы, Вол. губ., I, 164.
 Кура, р. Курск. губ., I, 229.
 Курганье, уроч. Черн. губ., I, 197, 235.
 Куреневка, предмѣстье гор. Кіева, Прил., 2.
 Куримъ, мѣст. въ Чехіи, II, 168.
 Курно, с. Вол. губ., I, 167.
 Курская губ., I, 186, 205, 208, 220, 228.
 Курскъ, г., I, 199, 229.
 Курчанскій заливъ, II, 22.
 Кустера, I, 213.
 Кутныя горы, II, 169.
 Куфлунги, I, 291.
 Кучемлинъ, II, 80.
 Кучкозовъ, мѣст., I, 290.
 Лаба, р., I, 145; II, 166.
 Лава, р. С.-петерб. губ., I, 228, 230.
 Ладога Старая, г. С.-петерб. губ., I, 212, 228, 230, 232, 233.
 Лазурцы, сел., Прилож., 202.
 Ланшевскій у., II, 36.
 Лайбахъ, г., I, 306.
 Ламбезисъ, Прилож., 128.
 Ланувіумъ, Прилож., 115.
 Лахерны, II, 132.
 Ла-Шесъ, пещера, I, 257.
 Левинки, с. Черн. губ., I, 186, 195.
 Леги, древ. нар. Кавказа, I, 146.
 Лезбійцы, I, 122.
 Лезбосъ, островъ, I, 122—124.
 Лейпцигъ, I, 40.
 Лелево, сел. въ Чехіи, II, 167.
 Лемени, с., I, 309.
 Лестковичи, сел. въ Чехіи, II, 169.
 Лестковъ, с. въ Чехіи, II, 169.
 Леговицъ, мѣст. въ Моравіи, I, 298.
 Лехъ, мѣст. въ Моравіи, I, 298.
 Лешъ, мѣст. въ Моравіи, I, 298.
 Линданиса или „Грудь Линды“, крѣпость, I, 292.
 Липово, с. Курск. губ., I, 229.
 Липовая Долина, с., II, 67.
 Липовецкій у. Кіев. губ., Прилож., 20.
 Липовка, с., Прилож., 13.
 Лисичья горка, Прилож., 304.
 Листвино, с. Вол. губ., Прилож., 18, 21.
 Литва, II, 131, 152, 156.
 Litovel, сел. въ Чехіи, II, 166.
 Литовцы, II, 154.
 Литомеричи, сел. въ Чехіи, II, 168.
 Лоара, р., II, 253.
 Ловать, р., I, 229.
 Лодомирія, II, 154.
 Лосятино, с., Прилож., 28.
 Лохвицкій у. Полт. губ., I, 151, 208.
 Лоховичи, мѣст. II, 170.
 Лошицъ, мѣст., I, 298.
 Лубенскій у. Полт. губ., I, 147—152, 208.
 Лубны, гор. Полт. губ., I, 150—152, 157.
 Лужница, р., II, 166.
 Луцкій у. Вол. губ., Прилож., 19.
 Луцкое полѣсье, Вол. губ., Прилож., 16.
 Луцкъ, гор., I, 162; II, 90, 107.
 Луческъ, др. гор., II, 79.
 Лучки, урочище, Прилож., 23.
 Лучки, с., I, 316.
 Лучна, р., II, 166.
 Лыбедь, р., I, 214.
 Лысая гора, II, 25.
 Лысянка, II, 72, 127, 128.
 Львовъ, гор., I, 88.
 Львовая Слободка, дерев. Полт. губ., I, 151.
 Льсокъ, городъ, II, 169.
 Любаръ, м., II, 125.
 Любечъ, г. Черн. губ., I, 182, 208.
 Любитовъ, с. Черн. губ., I, 186, 198.
 Любичица, станція, Прилож., 208.
 Любомль, I, 83.
 Любосвары, сел. въ Чехіи, II, 167.
 Любушинъ, сел. въ Чехіи, II, 168.
 Лютомышль, г., II, 166.
 Ляндшица, дерев., I, 298.
 Лянчицъ, I, 298.
 Ляховцы, м., II, 82.
 Мавровлахія, II, 49.
 Mager, г., I, 295, 296.
 Маджаръ, г., I, 295.
 Мазепинское городище Черн. г., I, 239, 241, 242.
 Мазовія, II, 70, 90.
 Majeria, г., I, 295, 296.
 Майетейнъ, м., I, 298.
 Майконскій у. Куб. обл., I, 144.
 Макарово, м. Кіев. губ., Прилож., 13.
 Макотрусы, сел. въ Чехіи, II, 167.

- Малая Азія, II, 169.
 Малая-Быстрая, р., Прилож., 211.
 Малая-Мощаница, с., Прилож., 18.
 Малеванная корчма, I, 311.
 Малинъ, м., I, 311.
 Малка, р., I, 143, 144.
 Малороссія, I, 153, 154, 158, 159.
 Малотечна, р. Черн. губ., I, 229, 230.
 Малый Комбитесь, р., II, 14.
 Мамадышскій у., II, 37.
 Манкоръ, городище, I, 228.
 Мариуполь, I, 331.
 Марково, с. въ Галиціи, Прилож., 219.
 Маркоманы, народъ, I, 260.
 Мартиничи, сел. въ Чехіи, II, 168.
 Марха, р. въ Моравіи, I, 298.
 Марьяновка, с. Курск. губ., I, 186, 199.
 Матерха, др. г., II, 16.
 Матрига, др. г., II, 16.
 Махмутабадъ, г., I, 295.
 Машинъ, г., II, 127.
 Маякъ, II, 23.
 Медачино, с. Ярослав. губ., I, 87.
 Межибожцы, II, 103.
 Межибожье, г., II, 75, 79, 80, 84, 94, 101.
 Мезень, с. Черн. губ., I, 229.
 Мекленбургъ, I, 250.
 Мениць, I, 298.
 Меотида, I, 145; II, 13, 23, 29.
 Меотійское озеро, I, 121.
 Меоты, II, 21.
 Мериновка, с. Черн. губ., I, 186, 195, 229.
 Меря, народъ, I, 212, 213.
 Мечирже, м. въ Моравіи, I, 307.
 Меша, р., II, 37.
 Мещескъ, г., II, 127.
 Мешимны, г., I, 122.
 Мжа, р., II, 169.
 Мизочъ, с. Вол. губ., Прилож., 18, 21.
 Микалея, I, 128.
 Микулинцы, м., II, 78.
 Микуличы, с., II, 78.
 Микулинъ, г., II, 77.
 Милезійцы, I, 121.
 Милеть, I, 128.
 Минская губ., I, 178.
 Миньковецъ, II, 88.
 Минъбекъ, с., Прилож., 15.
 Миргородъ, г. Полт. губ., Прилож., 180.
 Мирополь, м., II, 78.
 Мирополье, г. Курск. губ., I, 186, 200, 201, 204.
 Мирополье, м. Вол. губ., I, 162.
 Мискогель, гора, I, 299.
 Мисія, II, 41.
 Митилена, г., I, 122, 123, 129.
 Михайловка, Прилож., 210.
 Мичьскъ, II, 82.
 Миусъ, р., Прилож., 166.
 Mlade Vozice, г., II, 169.
 Мнетичи, II, 168.
 Могильницы, II, 167.
 Можайскъ, г., Прилож., 32.
 Мозырь, г., II, 162.
 Мокрый Чулекъ, долина, Прилож., 207.
 Молдавія, II, 104.
 Морава, р., I, 260.
 Моравія, II, 166.
 Моравскъ, м., I, 182.
 Морева, г., II, 127.
 Мосальскъ, г., II, 127.
 Москва, г., I, 282, 289, 230; II, 156.
 Москва, р., I, 229.
 Мотыжинъ, II, 125.
 Мошуровъ, II, 75.
 Мощеница Большая и Малая, сс. Вол. г., I, 178.
 Мойнное, озеро, II, 56.
 Мунаревъ, др. г., II, 72, 75, 89.
 Муранъ, м., II, 167.
 Муромъ, г., I, 293.
 Мутижиръ, г., II, 125.
 Мцхетскій женскій монастырь, I, 82.
 Мыка, р., Прилож., 15.
 Мыты, сел. въ Чехіи, II, 167.
 Мъзескъ, г., II, 127.
 Мюнхенъ, г., I, 45.
 Нагоряны, с. Вол. губ., I, 177—179; Прил., 17.
 Назунія, древ. гор. Кавказа, I, 145.
 Назья, р. С.-Петербур. губ., I, 228.
 Найгеровиць, м., I, 298.
 Напсухо, р., II, 33.
 Натхо-Куаджъ, область, II, 33.
 Нахичеванъ, г., Прилож., 165.
 Начна, древ. гор. Кавказа, I, 145.
 Нева, р., I, 228.
 Незамысличи, сел. въ Чехіи, II, 168.
 Нейдекъ, I, 298.

- Немнѣ, р., II, 197.
 Немѣ, городокъ, Прилож., 113.
 Ненаконицѣ, м., I, 298.
 Нерубайка, сел. Уманскаго у. Кіев. губ., II, 92.
 Нетолочи, г., II, 170.
 Нижний Новгородъ, II, 39.
 Нижний Темрюкскій заливъ, II, 19, 22.
 Низъ, (Низовская земля), II, 80.
 Николаевская Бѣлгорская пустынь, Курск. губ., I, 186, 198, 200—202, 203, 229.
 Никольское, с. Яросл. губ., I, 87.
 Нимфеонъ. Нимфея, г., I, 123, 124, 126—129.
 Новгородокъ, г., I, 75.
 Новгородская губ., I, 212, 228.
 Новгородцы, I, 215, 224.
 Новгородъ, г., I, 212, 217, 229, 230.
 Новгородъ-Сѣверскій, г. Черн. г., I, 229, 233, 234; II, 51.
 Новоалександровская станица, Куб. обл., I, 144.
 Новоградволынскій уѣздъ Вол. губ., I, 162, 167; Прилож., 19.
 Новое, дерев. С.-Петербур. губ., I, 228.
 Новороссійскъ, г., II, 16, 27.
 Новый Быковъ, м. Черн. губ., I, 238—242.
 Новый Сарай, г., I, 295.
 Норинскъ, с. Вол. губ., I, 167.
 Норманны, народъ, I, 216, 218, 220.
 Нѣжинскій у. Черн. губ., I, 183.
 Оберъ-Личъ, м., I, 298.
 Обнора, р. Яросл. губ., I, 87.
 Овручане, II, 164.
 Овручскій у. Вол. губ., I, 165, 166, 177—180; Прилож., 19.
 Овручъ, г. Вол. губ., I, 168, 179, 212; II, 125, 161—166.
 Овчари, сел. въ Чехіи, II, 167.
 Одеръ, р., I, 251.
 Одесса, г., II, 251.
 Окнинъ, с. Вол. губ., I, 164.
 Олевскъ, м. Вол. губ., I, 179; Прилож., 16.
 Олонецкая губ., II, 161.
 Ольвіополь, II, 84.
 Ольвія, др. г., II, 63; Прилож., 203.
 Ольгово поле, уроч. Черн. губ., I, 214, 215.
 Ольмюцъ, г., I, 298.
 Ольшанка, м., Прилож., 202.
 Ольшаница, II, 72.
 Онежское озеро, II, 160.
 Онуге, г., II, 127.
 Онугъ, ручей, II, 80.
 Онугъ, сел., II, 80.
 Оплоты, сел. въ Чехіи, II, 169.
 Опочское городище, Псков. губ., I, 233.
 Оржица, р. Полт. губ., I, 151, 152.
 Ориняки, I, 257.
 Орлицы, сел. въ Чехіи, II, 169.
 Орлова Могила, курганъ, II, 17.
 Осколь, р., II, 52, 54.
 Осовино, сел., Прилож., 167.
 Остерскій у. Черн. губ., I, 182, 183, 205.
 Остеръ, р. Черн. г., I, 232.
 Остія, Прилож., 122.
 Остра, р., II, 92.
 Остроградъ, I, 292.
 Острогъ, г. II, 125, 205.
 Острожскій у. Вол. губ., I, 163, 164, 171, 177; Прилож., 19.
 Острополь, м., II, 82.
 Охрида, г., II, 41.
 Очаковъ, II, 115.
 Павловичи, сел. въ Чехіи, II, 168.
 Падаровичи, сел. въ Чехіи, II, 169.
 Палермо, г., II, 325.
 Palteskja, г., I, 293.
 Пальчики, с., I, 310.
 Панагія, мысъ, II, 11, 26.
 Пантиканей или Пантикапея, г., I, 123; II, 23.
 Парасичка, м., I, 310.
 Парасювка, м., I, 310.
 Парижане, II, 161.
 Парижъ, I, 19; II, 131, 134, 153.
 Парѣніонъ, г., Прилож., 165.
 Патрозвъ, дер., II, 24, 26.
 Пергія, I, 88.
 Переволока, II, 3, 31.
 Перекопъ, II, 104.
 Перемиль, др. гор., II, 79, 107.
 Перемышль, г., II, 43, 77.
 Перепетовка, курганъ Кіев. губ., Прил., 14.
 Перепетово поле, I, 343.
 Переправная, стан. Куб. обл., I, 144.
 Перепятыха, курганъ, Прилож., 24.
 Пересопница, дерев. Вол. губ., II, 82, 90; Прилож., 43.
 Пересопница, с. Вол. губ., I, 163.
 Пересыпная, станція, II, 17, 18.

- Пересыпь, II, 20, 22, 27, 31.
 Переяславскій у. Полт. губ., I, 208.
 Переяславль, II, 166.
 Переяславль-Залѣскій, Прилож., 31.
 Переяславцы, II, 100.
 Петоново, дерев., Прилож., 144.
 Петриковка, дер., Прилож., 200.
 Петрикъ, сел., Прилож., 202.
 Петровичи, сел. въ Чехіи, II, 168.
 Петровка, с. Черн. губ., I, 239.
 Петровцы, село, II, 114.
 Петручикино, с. С.-Петербур. губ., I, 228.
 Печенѣги, нар., II, 90.
 Пилиновичи Корецкіе, с. Вол. губ., I, 167.
 Пирей, г., I, 125.
 Пирогово, с. Кіевск. губ., I, 229.
 Пискъ, г., II, 170.
 Піотрковская губ., I, 245.
 Плотельская земля, II, 201.
 Пляневка, р. Вол. губ., I, 163.
 Побожье, II, 79, 90, 102, 103.
 Погрлицъ, с., I, 299.
 Подаровъ, с., II, 169.
 Подвысокій, II, 92.
 Podewusy (Podensy), с. въ Чехіи, II, 166.
 Подмонастырская слобода, Курск. губ., I, 186, 198.
 Подолія, II, 73, 109, 110, 111, 112 и дал.
 Подольская губ., I, 159, 311.
 Подставки, с., II, 66.
 Покачевъ, с., Прилож., 17.
 Покровское, с., Прилож., 143.
 Покровъ, г., Прилож., 33.
 Полевое, с. Курск. губ., I, 229.
 Полерады, с. въ Чехіи, II, 167.
 Полква, р., II, 82.
 Половецкое, с. Вол. губ., Прилож., 16.
 Половцы, I, 182; II, 89, 90.
 Полонное, г., II, 78, 125.
 Полоцкъ, II, 100.
 Полочане, нар., I, 224.
 Полтава, I, 310; Прилож., 179.
 Полтавская губ., I, 147—152, 158, 159, 185, 208.
 Полтево, с. Яросл. губ., I, 87.
 Польша, I, 220, 311; II, 156.
 Полѣсье, II, 323.
 Поляки, I, 250.
 Поляна, I, 298.
 Поляне, нар., I, 217, 224.
 Полянки, с. Каз. губ., II, 38.
 Померанія, I, 305, 307.
 Помпей, г., I, 119, 120.
 Понизье, II, 79, 80.
 Понтъ, I, 121, 125; II, 15.
 Понтъ-а-Лесъ, I, 257.
 Понтъ Евксинскій, I, 122, 123, 126, 128.
 Попелюхи, с., I, 311.
 Поповка, с. Харьков. губ., I, 229.
 Поповцы, с. Кіев. губ., Прилож., 14.
 Порубы, с. въ Чехіи, II, 167.
 Посемье, II, 53.
 Потетеревье, г., II, 78, 103.
 Почаевская лавра, I, 168.
 Прага, I, 304; II, 166.
 Премысляне, II, 168.
 Прибытки, с. Вол. губ., Прилож., 16.
 Приднѣпровье, II, 117.
 Прилукскій у. Полт. губ., I, 152.
 Прилуцкъ, II, 79, 127.
 Припеть, р., II, 162, 164.
 Присѣдичи, с., II, 170.
 Проскурово, II, 84.
 Просѣчь, II, 167.
 Протока, II, 14, 20.
 Прутъ, II, 50, 80, 88.
 Псакубъ, р., II, 33.
 Псатисъ, р., II, 33.
 Псебай, стан. Куб. обл., I, 144.
 Псекунъ, р. Куб. обл., I, 140, 145.
 Псель, р., I, 200, 229, 231.
 Псесси или Псиссы, древ. нар. Кавказа, I, 145.
 Псковская земля, I, 233.
 Псковъ, I, 111; II, 124.
 Псыфль, р., II, 33.
 Птинъ, I, 298.
 Пусто-Иванье, с. Вол. губ., I, 163.
 Путивльскій у. Кур. губ., I, 186, 199, 203, 208.
 Путивль, г. Курск. губ., I, 229, 233; II, 52, 53, 97, 125.
 Пчашъ, р., II, 33.
 Пшебшъ, р., II, 33.
 Пшеничники, с. Кіев. губ., Прилож., 14.
 Пшизь, р., II, 33.
 Пшинь, р. Куб. обл., I, 145; II, 33.
 Рава, Прилож., 278.
 Равенна, II, 325.
 Радбуза, р., II, 169.

- Радзановичи, П, 169.
 Радзивилловъ, м. Вол. губ., I, 163.
 Радимичи, нар., I, 216, 217, 218.
 Радомскъ, м. Пиотрков. губ., I, 245.
 Радомысль, с., II, 170.
 Радомысльскій у. Кіев. губ., I, 178; Прил., 19.
 Radhostovice, с., II, 169.
 Раевская станица, II, 31.
 Разбишевка, с., II, 67.
 Разкопанница, городище Черн. губ., I, 239—242.
 Разноколь, оз., II, 31, 33.
 Rasavice, сел., II, 169.
 Рай-городокъ, II, 78.
 Раковъ, II, 310.
 Рамбузы, сел., II, 166.
 Рассава, м., Прилож., 23.
 Ратаи, сел. въ Чехіи, II, 167.
 Ратское городище Черн. губ., I, 231.
 Ревель (Колывань), гор., I, 292.
 Ревельскій замокъ, I, 292.
 Редьковка, с. Черн. губ., I, 184.
 Рейгеръ, I, 298.
 Рейдготы (Грутунги), I, 291.
 Рейнъ, р., I, 44.
 Рены, с. въ Чехіи, II, 167.
 Ржищевъ, II, 127.
 Римъ, II, 325.
 Робузы, сел. въ Чехіи, II, 166.
 Ровенскій у. Вол. губ., I, 163—166; Прил., 19.
 Ровно, гор. Вол. губ., I, 164, 166; II, 81.
 Рогатыно, Прилож., 276.
 Рогово, м. въ Польшѣ, II, 170.
 Роговчица, с. въ Сербіи, II, 170.
 Рождественское, село, I, 201—204; II, 35.
 Романовка, с. Кіев. губ., Прилож., 15.
 Ромбитъ Большой, II, 21, 22.
 Ромбитъ Малый, II, 21, 22.
 Ромейковка, деревня, Прилож., 200.
 Роменскій у. Полт. губ., I, 208.
 Ромно, Прилож., 209.
 Ромны, г., II, 67.
 Россовлахія, II, 49, 50.
 Ростовское озеро, I, 212.
 Ростовцы, II, 100.
 Ростовъ, г., I, 212.
 Rostofa, г., I, 293.
 Роталовицъ, I, 301.
 Ротовка, с. Черн. губ., I, 186, 198.
 Рудка, с. Полт. губ., I, 151.
 Рудольфсталь, I, 301.
 Руза, г., Прилож., 32.
 Румынія, II, 112.
 Русановка, с., I, 317; II, 65, 66.
 Русъ, II, 132, 137.
 Русскіе Азилен, дер., II, 37.
 Русскіе Кирби, дер., II, 37.
 Русскіе Сарали, дер., II, 37.
 Русский Агайбашъ, дер., II, 37.
 Руссы, I, 215, 220, 223.
 Рутокъ, ручей Полт. губ., I, 151.
 Руція, I, 292.
 Ручки, с., II, 66.
 Рушковка, с., Прилож., 200.
 Рушувъ, г., II, 49.
 Рыбешовицъ, I, 298.
 Рыбица, с. Харьков. губ., I, 229.
 Рыкани Малыя, с. Вол. губ., I, 162.
 Рыковъ, с. Черн. губ., I, 197, 234.
 Рыльскій у. Курск. губ., I, 186, 198, 208.
 Рыльскъ, г., II, 52, 53.
 Рязанская губ., I, 226.
 Савки, с., I, 310.
 Савріана, древ. гор. Кавказа, I, 145.
 Саклабъ, Сакалиба, Саклабія, названіе Славянъ, I, 348.
 Саксинъ, г., I, 328.
 Салевъ, гора, I, 257.
 Сальница (Сухой Торець), р., II, 52, 54, 55, 58.
 Самара, г., II, 127.
 Самара, р., Прилож., 167.
 Самборъ, II, 312.
 Самботъ, I, 289.
 Самватасъ, I, 289.
 Самецъ, р., II, 78.
 Самось островъ, I, 126.
 Самъ-городокъ, II, 78, 81.
 Сана, р., II, 170.
 Сандомірская область, II, 309, 310.
 Сандоміръ, г., II, 170.
 С.-Петербургская губ., I, 212, 228.
 Сара, р., I, 213.
 Сарай, Сарай Старый, Сарай Новый, I, 327, 328.
 Сарайчикъ, I, 327.
 Саркель, крѣпость на Дону, I, 290.
 Сатировъ, мысъ, II, 27.

- Сатировъ памятникъ или курганъ, II, 23, 24, 25, 26.
 Саха, дерев. Вол. губ., I, 164.
 Свачои, с., II, 67.
 Свердликово, сел. Уманск. у. Киев. г., II, 92.
 Свиначи, сел. въ Чехіи, II, 167.
 Свинна, сел. въ Чехіи, II, 169.
 Свитава, II, 166.
 Свишня, р. Черн. губ., I, 184.
 Свѣте, с., Прилож., 18.
 Святоборъ, с. въ Чехіи, II, 167.
 Святой Крестъ, с., II, 169.
 Сеймъ, р., I, 199, 205, 229; II, 54.
 Селитренный городокъ, I, 327.
 Селовиць, I, 298.
 Семаки, с. Засл. у., II, 78.
 Семидубы, с. Вол. губ., I, 178.
 Семилы, с. въ Чехіи, II, 167.
 Семисола, сел. въ Каз. губ., II, 38.
 Семятбанъ, дер., II, 38.
 Семки, сел. Литин. у., II, 78.
 Семь Братовъ, курганъ, II, 31, 33.
 Семяки, сел. Винниц. у. Под. губ., II, 78.
 Сендражичи, с. въ Чехіи, II, 166.
 Сенехтъ, гор. хребетъ, II, 31, 33.
 Серака, древ. гор. Кавказа, I, 145.
 Сергіево, дер., I, 229.
 Сергіевскій городокъ, Новгород. г., I, 230.
 Серклія, др. г., I, 228.
 Сибарисъ, г., I, 126.
 Сибирскій камень, гора, I, 228.
 Сивоглавы, с. въ Чехіи, II, 167.
 Сигей, г., I, 127.
 Сигнаевка, с. Киев. губ., I, 88.
 Симаки, сел. Хмѣльниц. у. II, 78.
 Симаковцы, сел. въ Галиціи, II, 78.
 Симбирская губ., II, 39.
 Симоново, I, 283.
 Синдика, I, 121, 122, 123, 124; II, 6, 13, 30, 31.
 Синдская гавань, II, 16, 26, 33.
 Синдскій островъ, II, 7.
 Синды, др. нар. Кавказа, I, 121, 124, 125, 126, 145; II, 31, 33.
 Синопа, г., I, 125.
 Синопъ, г., II, 27.
 Сираки, др. нар. Кавказа, I, 145.
 Сирмія, I, 226.
 Суглес, г., I, 293.
 Сицилія, II, 133.
 Сиомаки, сел. Летич. у., II, 78.
 Сквирскій у. Киев. губ., Прилож., 19.
 Скиѳи, II, 63, 64.
 Скиѳы, I, 145; II, 23, 31.
 Скопелосъ, др. гор. Кавказа, I, 145.
 Скрынино, с., I, 337.
 Скутари, II, 41.
 Слава, гор., I, 350.
 Славія, племя, I, 349, 350.
 Славки, предмѣстье Новгорода, I, 229.
 Славонія, обл., I, 226.
 Славянскъ, II, 56.
 Слатина, сел. въ Чехіи, II, 167.
 Слеповродъ, др. г., II, 125.
 Словене, нар., I, 232.
 Словица, сел., II, 169.
 Случь, р., II, 77, 78, 81, 83, 125.
 Смоленская губ., I, 213.
 Смоленскъ (Измилинскъ или Азмилинскъ), I, 349; II, 133.
 Смотрицкій доминиканскій монастырь, II, 110.
 Смутна, р., II, 167.
 Сновь, р., I, 181, 193, 199, 229.
 Собакино, II, 35.
 Собеславичи, с. въ Чехіи, II, 169.
 Собеславъ, с. въ Чехіи, II, 169.
 Сobotка, г., II, 170.
 Сожъ, II, 57.
 Солоникъ, ручей С.-Петербур. губ., I, 228.
 Сомбатъ, г., I, 290.
 Сонгеба, р., I, 87.
 Сосницкій у. Черн. губ., I, 182, 183.
 Софроніевскій монастырь Харьков. губ., I, 186, 199, 229, 231.
 Сочава, II, 50.
 Спарта, I, 122.
 Спартокиды, I, 129.
 Спасскій соборъ въ Черниговѣ, I, 185.
 Спасское, с. Черн. губ., I, 186, 198.
 Ставица (Ковбыжъ), II, 92.
 Стайки, с. Киев. губ., I, 229.
 Станиславъ, г., II, 63.
 Старая Каша, уроч., II, 38.
 Старая Руса, г., I, 229.
 Старая Шуамта, I, 82, 86.
 Старобѣльскъ, Прилож., 211.
 Стародубъ, г., I, 195, 223, 229.
 Старокопстантиновскій у. Вол. губ., I, 164; Прилож., 20.

- Староконстантиновъ, II, 85.
 Старооскольскій у. Курск. губ., I, 208.
 Старорусскій у. Новгород. губ., I, 229.
 Старый Самборъ, Прилож., 279.
 Стахорицина, с., Черн. губ., I, 229.
 Стеблеевская станица, I, 125; II, 7.
 Стеблеевка, II, 18.
 Стеблеевскій островъ, II, 7.
 Стеньшино, с. Тамбов. губ., I, 338.
 Стискалы, с. въ Чехии, II, 167.
 Стожекъ, II, 80, 125.
 Стоны, хут. Харьков. губ., I, 229.
 Сторожевая станица Куб. обл., I, 145.
 Сторчова могила, курганъ Полт. губ., I, 151.
 Страдали, с. въ Чехии, II, 167.
 Стражище, II, 168.
 Стражна Копя, м., II, 168.
 Стражницы, II, 168.
 Стражовицы, II, 168.
 Стражовъ, м., II, 168.
 Страсбургъ, I, 43.
 Стрежовъ, с., II, 169.
 Стражъ, м., II, 168.
 Страконичи, м., II, 168.
 Стратоклея, г., I, 121, 123, 124, 127—129.
 Стрыжень, р. Черн. губ., I, 181.
 Стрѣе, г., II, 127.
 Стубла, р., Прилож., 43.
 Стугна, р., I, 63, 232; II, 72.
 Ступное, с. Вол. губ., Прилож., 17.
 Стѣна, с., II, 108.
 Суворовская стан., II, 33.
 Сугдея, г., II, 108.
 Судахъ, г., I, 331.
 Суджа, г. Курск. губ., I, 201, 204.
 Суджанскій у. Курск. губ., I, 186, 198, 200—204, 208, 231.
 Судилковъ, м. Вол. губ., I, 176.
 Судомиръ, с., II, 170.
 Судость, р. Черн. губ., I, 229.
 Suzdali, г., I, 293.
 Суздальцы, II, 100.
 Суймы, с. Вол. губ., Прилож., 17.
 Сула, р., I, 150—152, 155, 156, 205, 232; II, 56.
 Сулинъ, II, 49.
 Султанскій (курганъ), II, 27.
 Сумеркентъ, г., I, 328.
 Супой, р., I, 238, 239.
 Суражъ, с. Вол. губ., I, 163.
 Сурмичи, уроч. Вол. губ., I, 164.
 Суруба, древ. гор. Кавказа, I, 145.
 Сусловка, дерев. Черн. губ., I, 184.
 Сутѣскъ, г., II, 127.
 Сухое, озеро, II, 56.
 Сушаны, с. въ Чехии, II, 167.
 Сущанка, с. Киев. губ., Прилож., 15.
 Сушаны, м. Вол. губ., I, 179.
 Сфактерія, островъ, I, 124.
 Сѣверная коса, II, 10, 23, 25, 30.
 Сѣверяне, I, 205, 224.
 Сѣверянская земля, I, 185—224, 235.
 Сѣдлишовцы, Прилож., 26.
 Сѣднень, с. Черн. губ., I, 183, 184, 186, 193—195, 214, 223, 229.
 Сѣмецъ, II, 78, 103.
 Сѣнная балка, II, 16, 17, 18.
 Сѣнная (станція), II, 7, 28, 30.
 Сѣтное, хут. Харьков. губ., I, 186, 199.
 Сѣчь, II, 167.
 Сюмаловка, II, 78.
 Сюрбіяль, II, 38.
 Сюурлій-Торъ, р., II, 57, 58.
 Табаевка, с. Черн. губ., I, 181, 183, 184.
 Таборъ, г., II, 166.
 Таганрогъ, Прилож., 207.
 Тайкино, городище Черн. губ., I, 230.
 Тайя, р. въ Моравии, I, 298.
 Тыклись, озеро, II, 203.
 Таклы, мысъ, II, 26.
 Тальное, м. Киев. губ., Прилож., 15.
 Таманская бухта, II, 19.
 Таманскій заливъ, II, 12, 14, 16, 18, 19, 27, 28, 30.
 Таманскій полуостровъ, II, 1 и слѣд.
 Таманъ, островъ, II, 19.
 Таманъ, II, 10, 11, 12, 16, 28, 30.
 Тана, г., I, 333.
 Танаисъ, II, 21, 22.
 Таращанскій у. Киев. губ., I, 213; Прил., 20.
 Тарсъ, г., Прилож., 255.
 Татары, II, 10, 36, 152.
 Тачавода, р., Прилож., 167.
 Ташевка, с., II, 37.
 Ташкермень, с. въ Каз. г., II, 37.
 Ташкичу, с., II, 37.
 Ташлыкъ, с., II, 37.

- Ташовникъ, с., II, 37.
 Телешевка, с. Кіев. губ., Прилож., 14.
 Темрюкскій протокъ, II, 20.
 Темрюкъ, II, 7, 20, 31, 32.
 Темрюцкій островъ, II, 7.
 Теофиполь, м., II, 80.
 Тервинги, I, 291.
 Терновъ, г., II, 232; Прилож., 221.
 Терская область, I, 142, 143, 145.
 Тетеревъ, II, 78, 81, 103.
 Тетинъ, II, 168.
 Теткино, с. Харьков. губ., I, 229.
 Тиверцы, I, 216, II, 93, 94.
 Тивровъ, II, 94.
 Тигръ, р., I, 329; Прилож., 235.
 Тикичъ-Горный, II, 86.
 Тирамбъ, II, 7, 22.
 Тирасъ, Прилож., 203.
 Тироль, II, 328.
 Тиръ, I, 80.
 Тистебница, г., II, 166.
 Титаревка, II, 18, 32.
 Титаревская (станица), II, 7.
 Тихомль, г., II, 76, 82, 89.
 Тля, р. Вол. губ., I, 167.
 Тмutorаканъ, Прилож., 167.
 Токпердинъ, II, 38.
 Токпердъ, II, 160.
 Толгскій монастырь, I, 87.
 Толковины, II, 49.
 Толмачево, дер. Кур. губ., I, 199—229.
 Толномасъ, II, 37.
 Торское, озеро, II, 56.
 Трахтемировъ, м., II, 164.
 Траяновъ боръ, лѣсъ въ Черн. губ., I, 184.
 Трилѣсы, с., Прилож., 28.
 Триполье, г. Кіев. губ., I, 63, 229.
 Триполь, с., Прилож., 202.
 Троада, I, 127, 128.
 Троицкая Сергіева лавра, II, 138, 143, 144, 146.
 Троицкій монастырь въ Черниговѣ, I, 186, 187, 190, 192.
 Троицкое, с., II, 35, 36.
 Тронъ-Магритъ, пещера, I, 257.
 Троя, I, 127.
 Трубежъ, р. Полт. губ., I, 232.
 Трубчевскъ, г., II, 52.
 Трюбанъ, м., I, 298.
 Тузла, мысъ, II, 11.
 Тумаць, II, 72.
 Турки, II, 10, 30.
 Турна, II, 169.
 Турново, II, 169.
 Туровець, II, 167.
 Турція, I, 311; II, 152.
 Туръ, г., II, 253.
 Тюбингенъ, г., I, 45.
 Тюрнавъ, м., I, 298.
 Убортъ, р., II, 163.
 Увекъ, с., I, 329.
 Увѣтоха, II, 78.
 Угличи, нар., I, 216.
 Угличъ, г., II, 138, 141, 142, 143.
 Уголь, р., II, 85.
 Удай, р. Полт. губ., I, 147, 149, 155, 158, 159.
 Ужъ, р., II, 163.
 Уздыхальница (Кисилевка), гора, Прил., 6.
 Укака, г., I, 329.
 Увекъ, с., I, 330, 331.
 Улучи, II, 94.
 Уманскій у. Кіев. губ., Прилож., 19.
 Ураль, I, 327.
 Ургендзъ, г., I, 295.
 Успенская стан. Куб. обл., I, 145.
 Устье, р. Вол. губ., I, 123, 164.
 Усть-Ижора, с. С.-Петербур. губ., I, 228.
 Uholice (Hoholice), II, 166.
 Уцкая, дерев. Курск. губ., I, 229.
 Уша, р., II, 81.
 Ушескъ, II, 82.
 Ушица, р., II, 80.
 Ушкуйники, II, 120.
 Ушъскъ (Ушично или Ушомиръ), II, 81.
 Фанагорійское городище, II, 12.
 Фанагорія, г., I, 121; II, 5, 7, 9, 10, 13, 14, 28, 30, 31, 33.
 Фанаръ, II, 132.
 Хазары, II, 10.
 Халаимъ-городокъ, II, 78.
 Халепье, с. Кіев. губ., I, 229.
 Харьковская губ., I, 186, 205, 220, 226, 228.
 Хвалонъ, II, 198.
 Хвойно, II, 167.
 Хворостовичи, с. Черн. губ., I, 186, 197.
 Херсонесъ Таврическій, Прилож., 203.

*

- Херсонисъ Оракійскій, I, 125, 126.
 Херсонская губ., I, 159.
 Хиландарь, I, 112.
 Хиосъ, островъ, I, 122, 124.
 Хлапотинъ, II, 125.
 Хлумъ, II, 167.
 Хмѣльна, II, 167.
 Ходыжинская (станица) Куб. обл., I, 140, 144, 145.
 Холодевковъ, хуторъ Черн. губ., I, 198.
 Холодній городокъ, городище Нов. г., I, 229.
 Хоморъ, р., II, 76, 77, 83.
 Хоросанъ, I, 348.
 Хорватія, II, 330.
 Хорватцы, II, 170.
 Хорваты, II, 329—330.
 Хорольскій у. Полт. губ., I, 208.
 Хорошевъ, городище, Прилож., 209.
 Хортица, остр., I, 291.
 Хотинскій у. I, 310.
 Хотинъ, II, 50, 88.
 Хоцинъ, с. Вол. губ., I, 165, 166.
 Хрудимка (Каменица), р., II, 166.
 Хрудимъ, м., II, 168.
 Царская могила, I, 213, 214.
 Царевъ, г., I, 327.
 Царицынъ, I, 328.
 Царьградъ, I, 228; II, 155.
 Цаты, Прилож., 307.
 Цивильскъ, II, 39.
 Cimiце, II, 166.
 Цирта, Прилож., 114.
 Цяхи, II, 105.
 Чажуиды, гора, II, 32.
 Чамлыбская стан. Куб. обл., I, 144.
 Чартомлыцкій курганъ, I, 143, 146.
 Чеберяки, хут. Полт. губ., I, 151.
 Чебоксары, II, 39.
 Ченстохово, Прилож., 8.
 Червнъ, II, 77.
 Червоноруссы, II, 88.
 Черемисы, II, 36, 39.
 Черемшанъ, р., I, 334.
 Череха, р., Прилож., 142.
 Черкасскій у. Кіев. губ., Прилож., 20.
 Черкасы, г., II, 117, 125.
 Черкесы, II, 33.
 Черная могила, I, 183, 187—189, 190, 205, 208—211, 214, 215.
 Черная Протока, II, 20.
 Чернелевка, II, 83.
 Чернелевская (слобода), II, 83.
 Черниговская губ., I, 181—184, 185—215, 220, 228, 237—243, 309, 311.
 Черниговскій у., I, 181—184, 186, 203, 231.
 Черниговъ, г., I, 182—184, 186—193, 208, 211—215, 223, 284; II, 97, 132.
 Чернобыль, II, 89.
 Черное море, I, 145, 218; II, 10, 16, 20, 27, 30, 31, 138, 163.
 Черные Клобуки, II, 79, 90, 93, 117.
 Черный Яръ, г. Астрах. губ., I, 228.
 Черны Княжны, курганъ, I, 187, 189, 190, 215.
 Чернявка, с. Кіев. губ., Прилож., 15.
 Чернятинцы, II, 80.
 Чернятинокъ, II, 83.
 Чернятинская слобода, II, 81.
 Чернятинъ, II, 71, 80, 83.
 Чертовы гребли, II, 81.
 Чертовъ лѣсъ, II, 81.
 Черторыйскъ, г., II, 86; Прилож., 43.
 Черты, урочище, II, 81.
 Черча, гора въ Вол. губ., Прилож., 16.
 Чехи, II, 166.
 Чеховичи, с., II, 170.
 Чечня, обл. Кавказа, I, 145.
 Чешская земля, II, 168.
 Чешскій Дубъ, г., II, 169.
 Чигиринскій у. Кіев. губ., Прилож., 19.
 Чигиринъ, II, 83.
 Чистопольскій у., II, 37.
 Чита, дер., II, 36.
 Читинскіе Татары, II, 36.
 Читовъ, дер., II, 36.
 Чторыйе, м., I, 307.
 Чубарова, дер. Черн. губ., I, 229.
 Чугуевъ, гор., Прилож., 211.
 Чудиновка, дер., II, 38.
 Чудовка, дер., II, 38.
 Чудь, нар., I, 215, 232.
 Чукубъ, р., II, 31.
 Чурило, с., II, 37.
 Шабиницъ, с., I, 299.
 Шапсуги, нар. Кавказа, I, 145; II, 33.
 Шацкій островокъ, Прилож., 143.
 Шварцава, р. въ Моравіи, I, 298.
 Швеція, I, 213, 291.
 Шемарданская бухта, II, 13, 14, 17, 27.

- Шереметьево поле, уроч. С.-Петербур. г., I, 228.
 Шернескъ, г., II, 127.
 Шестень, р. Вол. губ., I, 178.
 Шестовица, с. Черн. г., I, 184.
 Ширяева, дерев. Курск. г., I, 229.
 Шобалезъ, гора, II, 31.
 Шоконъ, р., II, 31, 32.
 Шокша, р., II, 160.
 Штирія, I, 305.
 Штиттары или Щитары, м. въ Моравіи, I, 307; II, 167.
 Шумскъ, г., II, 76, 82, 125.
 Шумукай, сопка, II, 7, 8, 9, 18.
 Шусенрида, I, 256.
 Щекавица, гора въ Кіевѣ, I, 214.
 Эвбея, островъ, I, 126.
 Эйонъ, полуостровъ, I, 121.
 Элькъ (Лыкъ), г. въ Пруссіи, II, 183.
 Эллины, II, 23.
 Эльба, р., I, 251.
 Эолійцы, I, 122.
 Эрмитажъ, II, 13.
 Эрмонасса, II, 6, 13, 28, 30, 32, 33.
 Эрса (Эрза), мордовское племя, I, 348.
 Эски-Юртъ, с., I, 330.
 Эстляндія, I, 291.
 Эсты, I, 292.
 Эсхи-Крымъ, I, 329.
 Южная коса, II, 10, 16, 25.
 Юрво, станція, Прилож., 210.
 Юровская волость Вол. губ., I, 165.
 Юхнова, дер. Черн. губ., I, 229, 230, 231.
 Яблонецъ, II, 167.
 Яблоневъ, м. Полт. губ., I, 152.
 Ягодная слобода, II, 37.
 Ягорлыкъ, р., I, 311.
 Янасолы, II, 36.
 Янковичъ, с. Кіев. губ., Прилож., 13.
 Янмурзина, дер., II, 39.
 Янмурзъ, II, 170.
 Яновичи, II, 168.
 Янчурино, с., II, 35.
 Яроповичи, II, 75.
 Яроповцы, II, 75.
 Ярославка, с. Черн. губ., I, 238, 239, 242.
 Ясенецъ, г., II, 127.
 Ясенскій мысъ, II, 22.
 Яссы, г., II, 49.
 Оракійскій Воспоръ, II, 27.
 Оракія, I, 126; II, 169.
 Оурионъ, г., I, 126.

БИБЛИОТЕКА
 ИИ И. та Кримеанской
 и Музейной работы